

Свт. Димитрий Ростовский

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

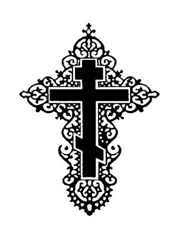
V

ЯНВАРЬ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ПЯТАЯ

ЯНВАРЬ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга пятая. Январь. — М.: «Ковчег», 2010. — 848 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-154-2

Подписано в печать 09.03.10. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 53 п. л. Усл. печ. л. 68,37.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз. Заказ № 1264.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

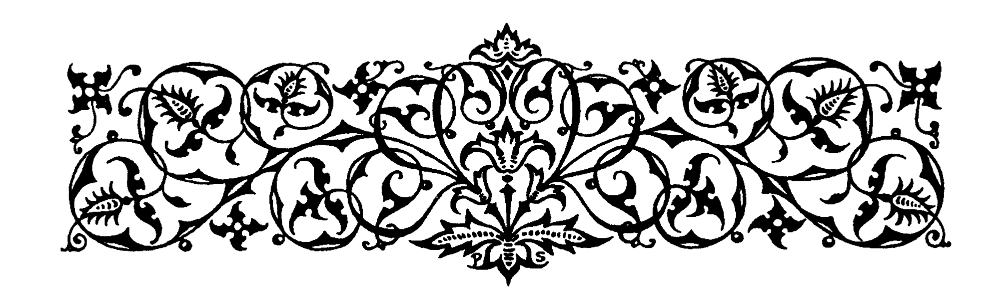
НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ПЯТАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо чести́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.

День первый

СЛОВО
на
ОБРЕЗАНИЕ ХРИСТОВО

Господь наш Иисус Христос, по истечении восьми дней от рождения, соизволил принять обрезание. С одной стороны, Он принял его для того, чтобы исполнить закон: *не нарушить закон пришел Я*, — сказал Он, — *но исполнить* (Мф. 5, 17); ибо Он повиновался закону, дабы освободить от него тех, кто пребывал в рабском подчинении ему, как говорит апостол: *Бог послал Сына Своего, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных* (Гал. 4, 4–5)[1]. С другой стороны, Он воспринял обрезание для того, чтобы показать, что Он принял действительно плоть человеческую, и чтобы заградились еретические уста, говорящие, что Христос не принял на Себя истинной плоти человеческой, но родился только призрачно[2]. Итак, Он был обрезан, чтобы явно было Его человечество. Ибо если бы Он не облекся в нашу плоть, то как мог быть обрезан призрак, а не плоть? Святой Ефрем Сирин говорит: «Если Христос не был плотью, то кого обрезал Иосиф? Но как Он был воистину плотью, то и обрезан был как человек, и младенец обагрялся действительно Своею кровью, как сын человеческий; Он

---

[1] То есть Сын Божий подчинился Сам требованиям Закона Моисеева, чтобы избавить от тяжелого ига Закона тех, которые по самому рождению своему были обязаны исполнять его, но не имели сил для этого.

[2] Еретики, называвшиеся докетами, учили, что Бог не мог воспринять на Себя немощной плоти человеческой, и что людям только казалось, будто Христос страдал и умер.

болел и плакал от боли, как подобает имеющему человеческую природу». Но, кроме того, Он принял плотское обрезание и для того, чтобы установить для нас духовное обрезание[1]; ибо, закончив ветхий, касавшийся плоти[2], закон, Он положил начало новому, духовному. И как ветхозаветный плотской человек обрезывал чувственную свою плоть, так новый духовный человек должен обрезывать душевные страсти: ярость, гнев, зависть, гордость, нечистые желания и другие грехи и греховные вожделения. Обрезан же был Он на восьмой день потому, что предызображал нам кровью Своею грядущую жизнь, которая обыкновенно учителями Церкви называется восьмым днем или веком. Так писатель канона на обрезание Господне святой Стефан говорит: «будущаго непрестанною осмаго века жизнь изображает, в нюже Владыка обрезася плотию»[3]. И святой Григорий Нисский так говорит: «Обрезание по закону должно было совершаться в восьмой день, причем восьмое число предуказывало на восьмой будущий век»[4].

Подобает также знать, что обрезание в Ветхом Завете было установлено во образ крещения и очищения прародительского греха, хотя тот грех и не очищался совершенно обрезанием, чего и не могло быть до тех пор, пока Христос добровольно не пролил за нас в страданиях Своей пречистой крови. Обрезание было только прообразом истинного очищения, а не самым истинным очищением, которое совершил Господь наш, взяв грех от среды и пригвоздив его на кресте[5], а вместо ветхозаветного обрезания установив новое благодатное крещение водою и Духом. Обрезание было в те времена как бы казнью за прародительский грех и знаком того, что обрезываемый младенец зачат был *в беззаконии*, как говорит Давид, и *в грехе родила* его *мать* его (Пс. 50, 7),

---

[1] То есть *крещение*, которое, как ниже сказано, удаляет из человека греховные страсти.

[2] Ветхий Завет по преимуществу содержал в себе постановления, касавшиеся внешнего благоповедения человека.

[3] Служба Обрезанию Господню, канон, на 4-й песни. — Святой Стефан Савваит — песнописец VIII века. Память его — 28 октября.

[4] Число *семь* в Священном Писании означает полноту. Поэтому, чтобы обозначить всю долговременность жизни этого мира, святые отцы употребляли выражение *семь веков*, или *дней*, а *восьмой век*, или *день*, естественно, уже должен был обозначать жизнь *будущую*.

[5] Кол. 2, 14. Грех *от среды*, то есть грех стоял как препятствие, перегородка, отгораживая человека от Бога. Но потом грех был *пригвожден ко кресту*, то есть лишился всякой силы и не мог уже препятствовать человеку войти в общение с Богом.

отчего и язва оставалась на отроческом теле. Господь же наш был безгрешен; ибо хотя Он и по всему уподобился нам, но не имел на Себе греха. Подобно тому, как медный змий, сооруженный в пустыне Моисеем, был по виду подобен змию, но не имел в себе змеиного яда (Числ. 21, 9), так и Христос был истинный человек, но непричастный человеческому греху, и родился, сверхъестественным образом, от чистой и безмужней Матери. Ему, как безгрешному и Самому бывшему Законодателем, не нужно бы и претерпевать того болезненного законного обрезания; но так как Он пришел взять на Себя грехи всего, мира и Бог, как говорит апостол, *не знавшего греха сделал для нас жертвою за грех* (2 Кор. 5, 21)[1], то Он, будучи без греха, претерпевает обрезание, как бы грешник. И в обрезании Владыка нам явил большее смирение, нежели в рождении Своем. Ибо в рождении Он принял на Себя образ человека, по слову апостола: *сделавшись подобным человекам и по виду став как человек* (Флп. 2, 7); в обрезании же Он принял на Себя образ

[1] Христос, будучи Сам безгрешен, принял на Себя наши грехи и ответственность за них.

грешника, как грешник претерпевая боль, положенную за грех. И в чем не был виновен, за то Он страдал как невинный, как бы повторяя с Давидом: *чего я не отнимал, то должен отдать* (Пс. 68, 5), то есть за тот грех, коему я непричастен, принимаю болезнь обрезания. Обрезанием, им принятым, Он предначал Свои страдания за нас и вкушение той чаши, которую Он имел испить до конца, когда, вися на кресте, произнес: *Совершилось!* (Ин. 19, 30). Он изливает теперь капли крови от крайней плоти, а затем она потоками будет истекать впоследствии из всего Его тела. Он начинает терпеть в младенчестве и приучается к страданию, чтобы, став мужем совершенным, быть в состоянии вынести более лютые страдания, ибо к подвигам мужества следует приучаться с юности. Жизнь человеческая, полная трудов, подобна дню, для которого утро составляет рождение, а вечер кончину. Итак, с утра, из пелен, Христос, обóженный человек, выходит *на дело свое,* на труды — Он в трудах с самой юности Своей — *и на работу свою до вечера* (Пс. 103, 23), того вечера, когда солнце померкнет и по всей земле будет тьма, *до часа девятого.* И возглаголет Он иудеям: *Отец Мой доныне делает, и Я делаю* (Ин. 5, 17). Что же соделывает нам Господь? — Наше спасение: *устрояющий спасение посреди земли* (Пс. 73, 12). А чтобы сделать это дело вполне совершенно, Он принимается за него с утра, от юности, начиная претерпевать телесную болезнь, а вместе и сердечно болезнуя о нас, как о Своих чадах, *доколе не изобразится* в нас Сам Он — Христос[1]. С утра Он начинает сеять Своею кровью, чтобы к вечеру собрать прекрасный плод нашего искупления.

Обóженному Младенцу было наречено при обрезании имя Иисус, которое было принесено с неба Архангелом Гавриилом в то время, когда он благовестил о зачатии Его Пречистой Деве Марии, прежде чем Он зачат был во чреве, то есть прежде чем Пресвятая Дева приняла слова благовестника, прежде чем сказала: *се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему!* (Лк. 1, 38). Ибо, при этих словах Ее, Слово Божие тотчас стало плотью, вселившись в пречистую и пресвятейшую Ее утробу. Итак, пресвятейшее имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия, дано было при обрезании Христу Господу, что и служило извещением о нашем спасении; ибо имя Иисус значит — спасение, как объяснил тот же Ангел, явившись во сне Иосифу и говоря: *наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их* (Мф. 1, 21).

[1] Гал. 4, 19. *Изобразится* — в нас ясно отпечатлеется образ Христа, так что мы вполне будем достойны названия *христиан.*

И святой апостол Петр свидетельствует об имени Иисусовом такими словами: *нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян. 4, 12). Сие спасительное имя Иисус прежде всех веков, в Тройческом Совете, было предуготовлено, написано и до этого времени было хранимо для нашего избавления, теперь же, как бесценный жемчуг, принесено было из небесной сокровищницы для искупления человеческого рода и открыто всем Иосифом. В этом имени открыты *истина и мудрость* Божия (Пс. 50, 8). Это имя, как солнце, озаряло своим сиянием мир, по слову пророка: *А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды* (Мал. 4, 2). Как благовонное миро, оно напоило своим ароматом вселенную: *разлитое миро* — сказано в Писании — *от благовония мастей твоих* (Песн. 1, 2), не в сосуде оставшееся миро — имя Его, но вылитое. Ибо, пока миро хранится в сосуде, до тех пор и благовоние его удерживается внутри; когда же оно прольется, то тотчас наполняет воздух благоуханием. Неизвестна была сила имени Иисусова, пока скрывалась в Предвечном Совете, как бы в сосуде. Но как скоро то имя излилось с небес на землю, то тотчас же, как ароматное миро, при излиянии во время обрезания младенческой крови, наполнило вселенную благоуханием благодати, и все народы ныне исповедуют, *что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца*[1]. Сила имени Иисусова теперь открылась, ибо то дивное имя Иисус привело в удивление Ангелов, обрадовало людей, устрашило бесов, ибо и *бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2, 10); от того самого имени сотрясается ад, колеблется преисподняя, исчезает князь тьмы, падают истуканы, разгоняется мрак идолопоклонства и, вместо него, воссиявает свет благочестия и *просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ин. 1, 9). *О сем имени выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2, 10). Это имя Иисусово есть сильное оружие против врагов, как говорит святой Иоанн Лествичник: «именем Иисуса всегда поражай ратников, ибо крепче этого оружия ты не найдешь ни на небе, ни на земле. Как сладко сердцу, любящему Христа Иисуса, это драгоценнейшее имя Иисус! Как приятно оно тому, кто имеет его! Ибо Иисус — весь любовь, весь сладость. Как любезно это пресвятое имя Иисус рабу и узнику Иисусову, взятому в плен Его любовью! Иисус — в уме, Иисус — на устах, Иисус — *где сердцем веруют к праведности,*

---

[1] Флп. 2, 11. То есть Господь Иисус прославил Своим, принятым Им на Себя подвигом Бога Отца.

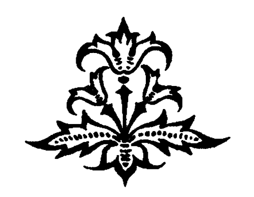
Иисус — *где устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10). Ходишь ли ты, сидишь ли на месте, или что работаешь — Иисус всегда находится пред очами. *Ибо я рассудил,* — сказал апостол, — *быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса* (1 Кор. 2, 2). Ибо Иисус для того, кто прилепляется к Нему, есть просвещение ума, красота душевная, здравие для тела, веселье сердцу, помощник в скорбях, радость в печалях, врачевство в болезни, отрада во всех бедах и надежда на спасение, и для того, кто Его любит, Сам есть награда и воздаяние».

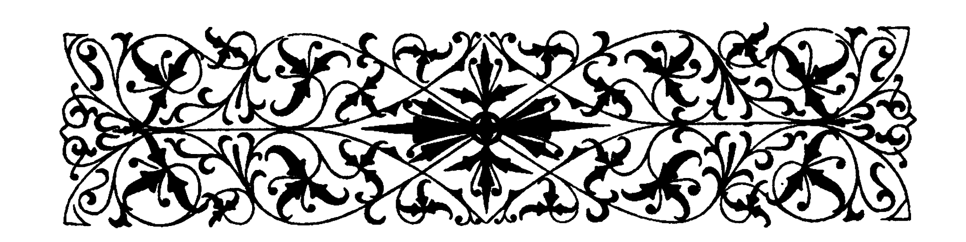
Некогда, по сказанию Иеронима, неисповедимое имя Божие начертывалось на золотой дощечке, которую носил на челе своем великий первосвященник[1]; ныне же Божественное имя Иисус начертывается истинною Его кровью, излиянною при Его обрезании. Начертывается же оно уже не на золоте вещественном, а на духовном, то есть на сердце и на устах рабов Иисусовых, как оно начертано было в том, о котором Христос сказал: *ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое* (Деян. 9, 15). Сладчайший Иисус хочет, чтобы имя Его как самое сладкое питие было носимо в сосуде, ибо Он воистину сладок всем, вкушающим Его с любовью, к которым и обращается псалмопевец с такими словами: *Вкусите, и увидите, как благ Господь!* (Пс. 33, 9). Вкусив Его, пророк вопиет: *Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя!* (Пс. 17, 2). Вкусив Его и святой апостол Петр говорит: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Мф. 19, 27; Ин. 6, 68). Сею сладостью для святых страдальцев настолько были услаждены их тяжкие мучения, что они не боялись даже и самой ужасной смерти. *Кто нас,* — вопияли они, — *отлучит от любви Божией: скорбь, или опасность, или меч, ни смерть, ни жизнь, ибо крепка, как смерть, любовь* (Рим. 8, 35, 38; Песн. 8, 6). В каком же сосуде неизреченная сладость — имя Иисусово — любит быть носимой? Конечно, в золотом, который испытан в горниле бед и несчастий, который украшен, как бы драгоценными камнями, ранами, принятыми за Иисуса и говорит: *Ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем* (Гал. 6, 17). Такого сосуда требует та сладость, в таком имя Иисусово желает быть носимым. Не напрасно Иисус, принимая имя во время обрезания, проливает кровь; этим Он как бы говорит, что сосуд, имеющий носить в себе Его имя, должен обагриться кровью. Ибо когда Господь взял Себе избранный сосуд для прославления Своего

[1] Дощечка золотая, прикрепленная к главной повязке первосвященника, имела на себе начертание имени Божия (Иегова).

имени — апостола Павла, то тотчас же прибавил: *И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое* (Деян. 9, 16). «Смотри на Мой сосуд окровавленный, изъязвленный» — так начертывается имя Иисусово краснотою крови, болезнями, страданиями тех, кто стоит до крови, подвизаясь *против греха* (Евр. 12, 4).

Итак, облобызаем тебя с любовью, о сладчайшее Иисусово имя! Мы поклоняемся с усердием пресвятому Твоему имени, о преcладкий и всещедрый Иисусе! Мы хвалим Твое высочайшее имя, Иисусе Спасе, припадаем к пролитой при обрезании крови Твоей, незлобивый Младенец и совершенный Господь! Мы умоляем при сем Твою преизобильную благость, ради того Твоего пресвятого имени и ради Твоей драгоценнейшей изливаемой за нас крови, и еще ради Пренепорочной Твоей Матери, нетленно Тебя родившей, — излей на нас богатую Твою милость! Услади, Иисусе, сердце наше Самим Тобою! Защити и огради нас, Иисусе, всюду Твоим именем! Означай и запечатлевай нас, рабов Твоих, Иисусе, тем именем, дабы мы могли быть приняты в Твое будущее Царствие, и там вместе с Ангелами славить и воспевать, Иисусе, пречестное и великолепное имя Твое вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО,
архиепископа Кесарийского

Великий угодник Божий и Богомудрый учитель Церкви Василий родился от благородных и благочестивых родителей в Каппадокийском городе Кесарии[1], около 330 года, в царствование императора Константина Великого[2]. Отца его звали также Василием[3], а мать — Еммелией. Первые семена благочестия были посеяны в его душе благочестивой его бабкой, Макриною, которая в юности своей удостоилась слышать наставления из уст святого Григория Чудотворца[4] —

---

[1] *Каппадокия* — провинция Римской империи, находилась на востоке Малой Азии и известна была во времена Василия Великого образованностью своих жителей. В конце XI века Каппадокия подпала под власть турок и доселе принадлежит им. *Кесария* — главный город Каппадокии; церковь Кесарийская издавна славилась образованностью своих архипастырей. Святой Григорий Богослов, здесь положивший начало своему образованию, называет Кесарию столицей просвещения.

[2] Император *Константин Великий* царствовал с 324 по 337 год.

[3] Отец Василия, по имени также *Василий*, известный своей благотворительностью, был женат на знатной и богатой девушке *Еммелии*. От этого брака родились пять дочерей и пять сыновей. Старшая дочь — *Макрина*, после безвременной смерти своего жениха, осталась верною этому благополагавшемуся союзу, посвятив себя целомудрию (память ее 19 июля); другие сестры Василия вышли замуж. Из пяти братьев один умер в раннем детстве; три были епископами и причислены к лику святых; пятый погиб на охоте. Из оставшихся в живых старшим сыном был *Василий*, за ним следовал *Григорий*, впоследствии епископ Нисский (память его 10 января), и *Петр*, сначала простой подвижник, потом епископ Севастийский (память его 9 января). Отец Василия, вероятно, незадолго перед кончиной принял сан священника, как об этом можно заключать из того, что Григорий Богослов называет мать Василия Великого супругой иерея.

[4] *Григорий Чудотворец*, епископ Неокесарии (к северу от Кесарии Каппадокийской), составил Символ веры и каноническое послание, а кроме того, написал еще несколько сочинений. Умер в 270 г., память его 17 ноября.

и матерью, благочестивой Еммелией. Отец же Василия наставлял его не только в христианской вере, но учил и светским наукам, которые ему были хорошо известны, так как он сам преподавал риторику, то есть ораторское искусство, и философию. Когда Василию было около четырнадцати лет, отец его скончался, и осиротевший Василий два или три года провел со своею бабкою Макриною, невдалеке от Неокесарии, близ реки Ириса[1], в загородном доме, которым владела его бабка и который впоследствии был обращен в монастырь. Отсюда Василий часто ходил и в Кесарию, чтобы навещать свою мать, которая с прочими своими детьми жила в этом городе, откуда она была родом.

По смерти Макрины, Василий на семнадцатом году жизни снова поселился в Кесарии, чтобы заниматься в тамошних школах разными науками. Благодаря особой остроте ума, Василий скоро сравнялся в познаниях со своими учителями и, ища новых знаний, отправился в Константинополь, где в то время славился своим красноречием молодой софист Ливаний[2]. Но и здесь Василий пробыл недолго и ушел в Афины — город, бывший матерью всей эллинской премудрости[3]. В Афинах он стал слушать уроки одного славного языческого учителя, по имени Еввула, посещая вместе с тем школы двоих других славных афинских учителей, Имерия и Проэресия[4]. Василию в это время пошел уже двадцать шестой год, и он обнаруживал чрезвычайное усердие в занятиях науками, но в то же время заслуживал и всеобщее одобрение чистотою своей жизни. Ему известны были только две дороги в Афинах — одна, ведшая в церковь, а другая — в школу. В Афинах Василий подружился с другим славным святителем — Гри-

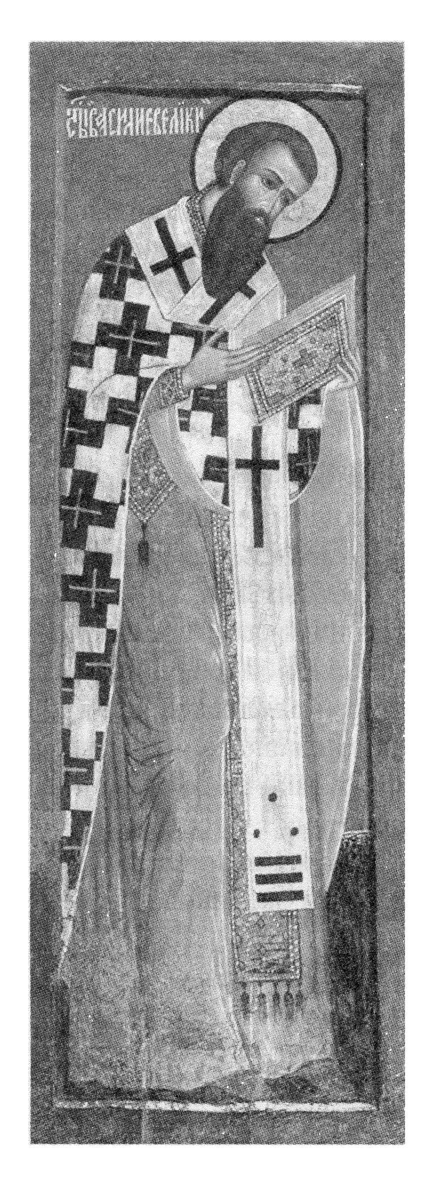
---

[1] *Неокесария* — нынешний Никсар — знаменитая по своей красоте столица Понта Полемониака, на севере Малой Азии; особенно известна по происходившему там (в 315 г.) церковному собору. *Ирис* — река в Понте, берет начало на Антитавре.

[2] *Софисты* — ученые, посвятившие себя преимущественно изучению и преподаванию красноречия. — Ливаний и впоследствии, когда уже Василий был епископом, поддерживал с ним письменные сношения.

[3] *Афины* — главный город Греции, издавна привлекавший к себе цвет греческого ума и таланта. Здесь некогда жили известные философы — Сократ и Платон, а также поэты: Эсхил, Софокл, Эврипид и др. — Под Эллинскою премудростью разумеется языческая ученость, языческое образование.

[4] *Проэресий*, знаменитейший в то время учитель философии, был христианин, как это видно из того, что он закрыл свою школу, когда император Юлиан запретил христианам заниматься преподаванием философии. О том, какой религии держался Имерий, ничего не известно.

горием Богословом, также обучавшимся в то время в афинских школах[1]. Василий и Григорий, будучи похожи друг на друга по своему благонравию, кротости и целомудрию, так любили друг друга, как будто у них была одна душа, — и эту взаимную любовь они сохранили впоследствии навсегда. Василий настолько увлечен был науками, что часто даже забывал, сидя за книгами, о необходимости принимать пищу. Он изучил грамматику, риторику, астрономию, философию, физику, медицину и естественные науки. Но все эти светские, земные науки не могли насытить его ум, искавший высшего, небесного озарения, и, пробыв в Афинах около пяти лет, Василий почувствовал, что мирская наука не может дать ему твердой опоры в деле христианского усовершенствования. Поэтому он решился отправиться в те страны, где жили христианские подвижники, и где бы он мог вполне ознакомиться с истинно христианскою наукою.

Итак, в то время как Григорий Богослов оставался в Афинах, уже сам сделавшись учителем риторики, Василий пошел в Египет, где процветала иноческая жизнь[2]. Здесь у некоего архимандрита Порфирия он нашел большое собрание богословских творений, в изучении которых провел целый год,

---

[1] *Григорий* (Назианзин) был впоследствии некоторое время патриархом Константинопольским и известен своими высокими творениями, за которые получил прозвание Богослова. Он был знаком с Василием еще в Кесарии, но близко подружился с ним только в Афинах. Память его 25 января.

[2] Египет давно уже служил местом, где особенно развита была христианская подвижническая жизнь. Точно так же там было великое множество христианских ученых, из которых самыми знаменитыми были Ориген и Климент Александрийский.

упражняясь в то же время в постнических подвигах. В Египте Василий наблюдал за жизнью знаменитых современных ему подвижников — Пахомия, жившего в Фиваиде, Макария старшего и Макария Александрийского, Пафнутия, Павла и других. Из Египта Василий отправился в Палестину, Сирию и Месопотамию, чтобы обозреть святые места и ознакомиться с жизнью тамошних подвижников. Но на пути в Палестину он заходил в Афины и здесь имел собеседование со своим прежним наставником Еввулом, а также препирался об истинной вере с другими греческими философами.

Желая обратить своего учителя в истинную веру и этим заплатить ему за то добро, которое он сам получил от него, Василий стал искать его по всему городу. Долго он не находил его, но наконец за городскими стенами встретился с ним в то время, как Еввул беседовал с другими философами о каком-то важном предмете. Прислушавшись к спору и не открывая еще своего имени, Василий вступил в разговор, тотчас же разрешив затруднительный вопрос, и потом со своей стороны задал новый вопрос своему учителю. Когда слушатели недоумевали, кто бы это мог так отвечать и возражать знаменитому Еввулу, последний сказал:

— Это — или какой-либо бог, или же Василий[1].

Узнав Василия, Еввул отпустил своих друзей и учеников, а сам привел Василия к себе, и они целых три дня провели в беседе, почти не вкушая пищи. Между прочим Еввул спросил Василия о том, в чем, по его мнению, состоит существенное достоинство философии.

— Сущность философии, — отвечал Василий, — заключается в том, что она дает человеку памятование о смерти[2].

При этом он указывал Еввулу на непрочность мира и всех утех его, которые сначала кажутся действительно сладкими, но зато потом становятся крайне горькими для того, кто слишком сильно успел к ним привязаться.

— Есть наряду с этими утехами, — говорил Василий, — утешения другого рода, небесного происхождения. Нельзя в одно и то же время пользоваться теми и другими — *никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24), — но мы все-таки, насколько возможно людям, привя-

---

[1] То есть, по мнению Еввула, Василий имел разум, превосходивший обычную для человека меру ума, и в этом отношении приближался к богам.

[2] То есть тот только заслуживает почетного имени «философ», кто смотрит на смерть как на переход в новую жизнь и потому без страха покидает этот мир.

занным к житейскому, раздробляем хлеб истинного познания и того, кто, даже по собственной вине, лишился одеяния добродетели, вводим под кров добрых дел, жалея его, как жалеем на улице человека нагого.

Вслед за этим Василий стал говорить Еввулу о силе покаяния, описывая однажды виденные им изображения добродетели и порока, которые поочередно привлекают к себе человека, и изображение покаяния, около которого, как его дочери, стоят различные добродетели[1].

— Но нам нечего, Еввул, — прибавил Василий, — прибегать к таким искусственным средствам убеждения. Мы владеем самою истиною, которую может постичь всякий, искренно к ней стремящийся. Именно, мы веруем, что все некогда воскреснем: одни — в жизнь вечную, а другие — для вечного мучения и посрамления. Нам ясно об этом говорят пророки: Исаия, Иеремия, Даниил и Давид и Божественный апостол Павел, а также Сам призывающий нас к покаянию Господь, Который отыскал погибшее овча, и Который возвращающегося с раскаянием блудного сына, обняв с любовью, лобызает, украшает его светлою одеждою и перстнем и делает для него пир (Лк., гл. 15). Он дает равное воздаяние пришедшим в одиннадцатый час, равно как и тем, которые терпели *тягость дня и зной* (Мф. 20, 12) [2]. Он подает нам кающимся и родящимся водою и Духом то, как написано: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его*[3].

Когда Василий передал Еввулу вкратце историю домостроительства нашего спасения, начав с грехопадения Адамова и закончив учением о Христе-Искупителе, Еввул воскликнул:

— О, явленный небом Василий! чрез тебя я верую в Единого Бога Отца Вседержителя, Творца всяческих, и чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, аминь. А вот тебе и доказательство моей веры в Бога: остальное время моей жизни я проведу с тобою, а теперь желаю рождения от воды и Духа.

Тогда Василий сказал:

— Благословен Бог наш отныне и до века, Который озарил светом истины ум твой, Еввул, и привел тебя из крайнего заблуждения в по-

---

[1] Такие картины в древности нередко употреблялись нравоучителями для того, чтобы произвести большее впечатление на слушателей.

[2] Зной особенно тяжел на Востоке.

[3] То есть чего мы теперь никакими средствами и представить себе не можем (1 Кор. 2, 9).

знание Своей любви. Если же ты хочешь, — как ты сказал, — жить со мною, то я объясню тебе, каким образом нам заботиться о нашем спасении, избавляясь от сетей здешней жизни. Продадим все наше имение и раздадим деньги нищим, а сами пойдем в святой град видеть тамошние чудеса[1]; там мы еще более укрепимся в вере.

Раздав, таким образом, нуждающимся все имение свое и купив себе белые одежды, какие требовалось иметь принимающим крещение[2], они пошли в Иерусалим и по дороге обращали многих к истинной вере.

Придя в Антиохию[3], они взошли в одну гостиницу. Сын содержателя гостиницы Филоксен в это время сидел у дверей в большом огорчении. Будучи учеником софиста Ливания, он взял у него некоторые стихотворения Гомера[4], чтобы переложить их на ораторскую речь, но не мог этого сделать и, находясь в таком затруднении, весьма скорбел. Василий, увидев его грустным, спросил:

— О чем ты грустишь, юноша?

Филоксен же сказал:

— Если я и скажу тебе о причине моей скорби, какая мне будет от тебя польза?

Когда же Василий настаивал на своем и обещал, что не напрасно юноша скажет ему о причине своей скорби, то отрок сказал ему и о софисте и о стихах, прибавив, что причина скорби его та, что он не умеет ясно передать смысл тех стихов. Василий, взяв стихи, начал толковать их, перелагая их на речь простую; отрок же, удивляясь и радуясь, просил его написать ему тот перевод. Тогда Василий написал перевод тех Гомеровых стихов тремя разными способами, и отрок, взяв перевод с радостью, пошел с ними утром к учителю своему, Ливанию. Ливаний, прочитав, удивился и сказал:

— Клянусь Божественным промыслом, что нет среди нынешних философов никого, кто мог бы дать такое толкование! Кто же написал это тебе, Филоксен?

---

[1] То есть различные достопримечательности, как, например, гроб Христов, Голгофа и так далее.

[2] Как ныне, так и в древности, новокрещеные, в знак полученного ими очищения от грехов, облекались в белые одежды.

[3] Здесь разумеется Антиохия Сирийская, при реке Оронте, называвшаяся Великой.

[4] *Гомер* — величайший греческий поэт, живший в IX веке до Р. Х.; написал знаменитые поэмы: «Илиада» и «Одиссея».

Отрок сказал:

— В моем доме находится один странник, который написал это толкование очень скоро и без всякого затруднения.

Ливаний тотчас поспешил в гостиницу, чтобы увидеть этого странника; увидев здесь Василия и Еввула, он удивился их неожиданному прибытию и обрадовался им. Он просил их остановиться в его доме и, когда они пришли к нему, предложил им роскошную трапезу. Но Василий и Еввул, по обычаю своему, вкусив хлеба и воды, вознесли благодарение подателю всяких благ — Богу. После этого Ливаний начал задавать им разные софистические вопросы, а они предложили ему слово о вере христианской. Ливаний, внимательно выслушав их, сказал, что еще не пришло время для принятия этого слова, но что, если такова будет воля Божественного промысла, никто не сможет сопротивляться учению христианства[1].

— Много ты одолжил бы меня, Василий, — заключил он, — если бы не отказался изложить свое учение на пользу ученикам, у меня находящимся.

Вскоре собрались ученики Ливания, и Василий начал учить их, чтобы они стяжали душевную чистоту, телесное бесстрастие, скромную поступь, тихую речь, скромное слово, умеренность в пище и питии, молчание при старейших, внимательность к словам мудрых, повиновение начальникам, нелицемерную любовь к равным себе и к низшим, чтобы они отдалялись от злых, страстных и привязанных к плотским удовольствиям, чтобы меньше говорили и более слушали и вникали, не были безрассудными в слове, не были многоглаголивы, не смеялись бы дерзко над другими, украшались стыдливостью, не вступали в беседу с безнравственными женщинами, опускали очи долу, а душу обращали бы горé, избегали споров, не искали бы учительского сана, и почести этого мира вменяли бы ни во что. Если же кто сделает что-либо на пользу ближним, то пусть ожидает награды от Бога и вечного воздаяния от Иисуса Христа, Господа нашего. Так говорил Василий ученикам Ливания, и те с великим удивлением слушали его, а после этого он вместе с Еввулом снова отправился в дорогу.

Когда они пришли в Иерусалим и обошли с верою и любовью все святые места, помолившись там Единому Создателю всего Богу, они

[1] То есть не пришло еще время заменить философию и языческую религию верою христианской. Ливаний так и умер язычником (около 391 года, в Антиохии).

явились к епископу того города, Максиму[1], и просили его окрестить их в Иордане[2]. Епископ, видя их великую веру, исполнил их просьбу: взяв клириков своих, он отправился с Василием и Еввулом к Иордану. Когда они остановились на берегу, Василий пал на землю и со слезами молил Бога, чтобы Он явил ему какое-либо знамение для укрепления его веры. Потом, с трепетом встав, он снял с себя свои одежды, а вместе с ними *отложил прежний образ жизни ветхого человека*[3] и, войдя в воду, молился. Когда святитель подошел, чтобы окрестить его, внезапно спала на них огненная молния, и вышедший из той молнии голубь погрузился в Иордан и, всколыхнув воду, улетел на небо[4]. Стоявшие же на берегу, увидев это, вострепетали и прославили Бога. Приняв крещение, Василий вышел из воды, и епископ, дивясь любви его к Богу, облек его в одежду Христова воскресения[5], совершая при сем молитву. Крестил он и Еввула и потом помазал обоих миром и причастил Божественных Даров.

Возвратившись в святой град, Василий и Еввул пробыли там один год. Потом они отправились в Антиохию, где Василий был поставлен архиепископом Мелетием в диакона, потом занимался изъяснением Писания[6]. Немного времени спустя он ушел с Еввулом в свое

---

[1] *Максим III* — патриарх Иерусалимский с 333 по 350 год.

[2] Древние христиане очень поздно принимали святое крещение — отчасти по смирению, отчасти в том соображении, что, окрестившись незадолго перед кончиною, получат в крещении прощение всех грехов своих.

[3] То есть освободился от наследственного прародительского греха (Еф. 4, 22).

[4] Это чудо напоминало собою сошествие Святого Духа в виде голубя на крестившегося в Иордане Христа Спасителя.

[5] Господь Иисус Христос, находясь во гробе, был обернут в белые пелены.

[6] Василию Великому принадлежит много сочинений. Как все действия святого Василия отличались необыкновенным величием и важностью, так и все сочинения его запечатлены тем же характером высоты и величия христианского. В своих творениях он является и проповедником, и догматистом-полемиком, и толкователем Священного Писания, и учителем нравственности и благочестия, и, наконец, устроителем церковного богослужения. Из бесед его, по силе и одушевлению, считаются лучшими: против ростовщиков, против пьянства и роскоши, о славе, о голоде. В своих письмах святой Василий живо изображает события своего времени; многие из писем содержат превосходные наставления о любви, кротости, прощении обид, о воспитании детей, против скупости и гордости богатых, против напрасной клятвы или же с духовными советами для иноков. Как догматист и полемик, он является пред нами в своих трех книгах, написанных против арианского лжеучителя Евномия, в сочинении против Савеллия и Аномеев о божестве Святого Духа. Сверх того, Василий Великий писал особую книгу о Святом Духе против Аэтия, поборником которого был и Евномий. К догматическим сочинениям относятся

отечество, Каппадокию. Когда они приближались к городу Кесарии, архиепископу Кесарии, Леонтию, было возвещено в сновидении об их прибытии и сказано, что Василий со временем будет архиепископом этого города. Поэтому архиепископ, призвав своего

также некоторые беседы и письма святого Василия. Как толкователь Священного Писания, особую известность стяжал себе святой Василий девятью беседами на «Шестоднев», где он показал себя знатоком не только Слова Божиего, но и философии и естествознания. Известны также его беседы на псалмы и на 16 глав книги пророка Исаии. Беседы, как на Шестоднев, так и на псалмы, говорены были в храме и потому наряду с изъяснением заключают в себе увещания, утешения и поучения. Учения благочестия касался он в своем знаменитом «наставлении юношам, как пользоваться языческими писателями», и в двух книгах о подвижничестве. К каноническим сочинениям относятся послания Василия Великого к некоторым епископам. — Григорий Богослов так отзывается о достоинстве творений Василия Великого: «Везде одно и величайшее услаждение — это писания и творения Васильевы. После него не нужно писателям иного богатства, кроме его писаний. Вместо всех — один он стал достаточен учащимся для образования». «Кто хочет быть отличным гражданским оратором, — говорит ученый патриарх Фотий, — тому не нужен ни Демосфен, ни Платон, если только он принял себе за образец и изучает слова Василия. Во всех словах своих святой Василий превосходен. Он особенно владеет языком чистым, изящным, величественным; в порядке мыслей за ним первое место. Убедительность соединяет он с приятностью и ясностью». Святой Григорий Богослов так говорит о познаниях и писаниях святого Василия: «Кто больше Василия просветился светом ведения, прозрел в глубины Духа, и с Богом исследовал все, что ведомо о Боге? В Василии красотою была добродетель, величием — Богословие, шествием — непрестанное стремление и восхождение к Богу, силою — сеяние и раздаяние слова. И потому мне, не коснея, можно сказать: *по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их, и в концы вселенным глаголы его,* что святой Павел сказал об апостолах (Рим. 10, 18)... — Когда имею в руках его *Шестоднев* и произношу устно: тогда беседую с Творцом, постигаю законы творения и дивлюсь Творцу более, нежели прежде — имев своим наставником одно зрение. Когда имею пред собою его *обличительные слова* на лжеучителей, тогда вижу содомский огнь, которым испепеляются лукавые и беззаконные языки. Когда читаю *слова о Духе*, тогда Бога, Которого имею, обретаю вновь и чувствую в себе дерзновение вещать истину, восходя по степеням его Богословия и созерцания. Когда читаю прочие его *толкования*, которые он уясняет и для людей малозрящих, тогда убеждаюсь не останавливаться на одной букве, и смотреть не на поверхность только, но простираться далее, из одной глубины поступать в новую, призывая бездною бездну и приобретая светом свет, пока не достигну высшего смысла. Когда займусь его *похвалами подвижникам*, тогда забываю тело, беседую с похваляемыми, возбуждаюсь к подвигу. Когда читаю *нравственные* и *деятельные* его *слова*, тогда очищаюсь в душе и теле, делаюсь благоугодным для Бога храмом, органом, в который ударяет Дух, песнословцем Божией славы и Божиего могущества, и чрез то преобразуюсь, прихожу в благоустройство, из одного человека делаюсь другим, изменяюсь Божественным изменением». (Надгробное слово Григория Богослова святому Василию.)

архидиакона[1] и нескольких почетных клириков, послал их к восточным воротам города, повелев им привести к нему с почетом двоих странников, которых они там встретят. Они пошли и, встретив Василия с Еввулом, когда те входили в город, отвели их к архиепископу; тот, увидев их, удивился, ибо именно их он видел в сновидении, — и прославил Бога. Спросив их о том, откуда они идут и как называются, и узнав имена их, он повелел отвести их в трапезу и угостить, сам же, созвав клир свой и почетных горожан, рассказал им все, что поведано ему было в видении от Бога о Василии. Тогда клир единогласно сказал:

— Так как за добродетельную жизнь твою Бог указал тебе наследника твоего престола, то поступи с ним, как тебе угодно; ибо поистине достоин всякого уважения тот человек, которого прямо указывает воля Божия.

Архиепископ призвал после этого к себе Василия и Еввула и начал рассуждать с ними о Писании, желая узнать, насколько они понимают его. Слыша их речи, он дивился глубине их премудрости и, оставив их у себя, относился к ним с особым почтением. Василий же, пребывая в Кесарии, вел такую же жизнь, какой он научился у многих подвижников, когда путешествовал по Египту, Палестине, Сирии и Месопотамии и присматривался к жившим в тех странах отцам-подвижникам. Так, подражая их жизни, он был добрым иноком, и архиепископ Кесарии, Евсевий[2], поставил его пресвитером и руководителем иноков в Кесарии. Приняв сан пресвитера, святой Василий все время свое посвящал трудам этого служения, так что отказывался даже от переписки со своими прежними друзьями[3]. Попечение об иноках, им со-

---

[1] *Архидиаконы* имели в древней церкви большое значение, как ближайшие помощники епископов.

[2] *Евсевий* был взят на кафедру епископа по требованию народа прямо с гражданской службы и потому не мог иметь особого авторитета как богослов и учитель веры.

[3] Одним из важнейших его занятий в это время было проповедание слова Божиего. Часто он проповедовал не только каждодневно, но и по два раза в день, утром и вечером. Иногда после проповеди в одной церкви, он приходил проповедовать в другую. В своих поучениях Василий живо и убедительно для ума и сердца раскрывал красоту добродетелей христианских и обличал гнусность пороков; предлагал побуждения стремиться к первым, удаляться последних и всем указывал пути к достижению совершенства, так как сам был опытный подвижник. Самые толкования его направлены прежде всего к духовному назиданию его слушателей. Объясняет ли он историю миротворения, — он поставляет себе целью, во-первых, показать, что «мир

бранных, проповедание слова Божиего, и другие пастырские заботы не позволяли ему отвлекаться к посторонним занятиям. При этом на новом поприще он скоро приобрел себе такое уважение, каким не пользовался и сам архиепископ, еще не довольно опытный в делах церковных, так как он избран был на престол Кесарийский из оглашенных. Но едва прошел год его пресвитерства, как епископ Евсевий начал, по немощи человеческой, завидовать и недоброжелательствовать Василию. Святой Василий узнал об этом и, не желая быть предметом зависти, ушел в Понтийскую пустыню[1]. В Понтийской пустыне Василий удалился к реке Ирису, — в местность, в которой прежде его уединились его мать Еммелия и сестра его Макрина и которая им и принадлежала. Макрина устроила тут монастырь. Вблизи его, при подошве высокой горы, покрытой частым лесом и орошаемой холодными и прозрачными водами, поселился Василий. Пустыня так была приятна Василию своим невозмутимым безмолвием, что он предполагал окончить здесь дни свои. Здесь он подражал подвигам тех великих мужей, которых видел в Сирии и Египте. Он подвизался в крайнем лишении, имея для покрытия себя одну одежду — срачицу и мантию; носил и власяницу, но только ночью, чтобы ее было не видно; питался хлебом и водою, приправляя эту скудную пищу солью и кореньями. От строгого воздержания он сделался весьма бледен и тощ и

есть училище Боговедения» (беседа 1-я на Шестоднев), и чрез то возбудить в своих слушателях благоговение к премудрости и благости Творца, раскрывающимся в Его творениях, малых и великих, прекрасных, разнообразных, бесчисленных. Во-вторых, он хочет показать, как природа всегда учит человека доброму нравственному житию. Образ жизни, свойства, привычки четвероногих животных, птиц, рыб, пресмыкающихся, все, — даже былое однодневное, — подает ему случай к извлечению назидательных уроков для господина земли — человека. Объясняет ли он книгу Псалмов, которая, по его выражению, совмещает в себе все, что есть полезного в других: и пророчества, и историю, и назидание, — он преимущественно прилагает изречения псалмопевца к жизни, к деятельности христианина.

[1] *Понт* — область в Малой Азии, по южному берегу Черного моря, невдалеке от Неокесарии. Пустыня Понтийская была бесплодна, и климат ее был далеко не благоприятен для здоровья. Хижина, в которой здесь жил Василий, не имела ни крепких дверей, ни настоящего очага, ни кровли. За трапезой подавалось, правда, какое-то горячее кушанье, но, по словам Григория Богослова, с таким хлебом, по кускам которого, от крайней его черствости, зубы сначала скользили, а потом вязли в них. Кроме общих молитв, чтения Священного Писания, ученых трудов, Василий Великий и Григорий Богослов и другие тамошние иноки занимались здесь сами носкою дров, тесаниям камней, уходом за огородными овощами, и сами на себе возили огромную телегу с навозом.

пришел в крайнее изнеможение. Никогда не ходил он в баню и не зажигал огня. Но Василий жил не для одного себя: он собрал в общежитие иноков; своими письмами привлек к себе в пустыню и друга своего Григория.

В своем уединении Василий и Григорий все делали вместе; вместе молились; оба оставили чтение мирских книг, за которыми прежде много тратили времени, и стали единственно заниматься Священным Писанием. Желая лучше изучить его, они читали сочинения предшествовавших им по времени отцов и писателей церковных, особенно Оригена. Здесь же Василий и Григорий, руководимые Святым Духом, написали уставы иноческого общежития, которыми иноки Восточной Церкви большею частью руководствуются и ныне[1].

В отношении к жизни телесной Василий и Григорий находили удовольствие в терпении; работали своими руками, нося дрова, обтесывая камни, сажая и поливая деревья, таская навоз, возя тяжести, так что мозоли на руках их долго оставались. Жилище их не имело ни кровли, ни ворот; никогда не было там ни огня, ни дыма. Хлеб, который они ели, был так сух и худо пропечен, что его едва можно было жевать зубами.

Наступило, однако, время, когда оба, Василий и Григорий, должны были покинуть пустыню, так как их услуги были потребны для Церкви, которая в то время была возмущаема еретиками. Григория на помощь православным взял к себе в Назианз отец его, Григорий, человек уже старый и потому не имевший силы с твердостью бороться с еретиками; Василия же уговорил возвратиться к себе Евсевий, архиепископ Кесарийский, примирившийся с ним в письме и просивший его помочь Церкви, на которую ополчились ариане[2]. Блаженный Василий,

[1] Правила эти служили и служат руководством для жизни иноков всего Востока и, в частности, для наших русских иноков. В своих правилах Василий отдает преимущество общежительной жизни пред отшельнической и уединенной, так как, живя вместе с другими, инок имеет более возможности служить делу христианской любви. Василий устанавливает для иноков обязанность беспрекословного послушания настоятелю, предписывает быть гостеприимными по отношению к странникам, хотя запрещает подавать им особые кушанья. Пост, молитва и постоянный труд — вот чем должны заниматься иноки, по правилам Василия, причем, однако, они не должны забывать и о нуждах окружающих их несчастных и больных, нуждающихся в уходе.

[2] Еретики — *ариане* учили, что Христос был существо сотворенное, не вечно сущее и не одной и той же природы с Богом Отцом. Имя свое эта ересь получила от пресвитера Александрийской церкви Ария, который начал проповедовать эти мысли в 319 году.

видя такую нужду Церкви и предпочитая ее пользе пустыннического жития, оставил уединение и пришел в Кесарию, где много потрудился, словами и сочинениями ограждая православную веру от ереси. Когда же преставился архиепископ Евсевий, на руках Василия предав дух свой Богу, то на престол архиепископский был возведен и посвящен собором епископов Василий. Среди тех епископов был и престарелый Григорий, отец Григория Назианзина. Будучи слаб и утружден старостью, он повелел препроводить его в Кесарию, чтобы убедить Василия принять архиепископство и воспрепятствовать возведению на престол кого-либо из ариан.

Василий успешно правил Церковью Христовой, брата же своего, Петра, он посвятил в пресвитера, чтобы он помогал ему в трудах по делам Церкви, а впоследствии поставил его епископом города Севастии[1]. В это время матерь их, блаженная Еммелия, отошла ко Господу, прожив более девяноста лет.

Спустя некоторое время блаженный Василий просил у Бога просветить его разум, для того чтобы он мог совершать приношение бескровной жертвы Богу собственными своими словами, и чтобы ему для этого была ниспослана благодать Святого Духа[2]. Через шесть дней в седьмой, когда Василий, стоя пред престолом в храме, начал совершать предложение хлеба и чаши, ему в видении явился Сам Господь с апостолами и сказал:

— По просьбе твоей, уста твои пусть наполнятся хвалою, чтобы ты мог совершать бескровное служение, произнося свои молитвословия.

После этого Василий начал говорить и записывать такие слова: «Да исполнятся уста мои хвалением, да воспою славу твою», «Господи Боже наш, создавай нас и введи в жизнь сию» и другие молитвы святой литургии. По окончании молитвы он воздвиг хлеб, усердно молясь такими словами: «Услышь, Господи Иисусе Христе Боже наш, в небесах жилища Твоего и у престола Царствия Твоего, и приди освя-

---

[1] *Севастия* — город в Каппадокии.

[2] Прокл, архиепископ Константинопольский (в половине V века) говорит, что святой Василий составил литургию более краткую ввиду того, что многие христиане его времени стали выражать недовольство свое долготою службы церковной. Для этого он сократил обычные общественные молитвы, расширив в то же время молитвы священнослужителей. — Кроме литургии, Василий Великий составил: а) молитву пред приобщением: внемли, Господи, так недостойно причащающимся; б) молитвы в навечерие Пятидесятницы и в) молитву и заклинание над бесноватым.

тить нас, и на горé этой восседай и здесь с нами невидимым пребывай, и сподоби рукою своей преподать нам пречистое Тело Твое и Кровь всем нам людям»[1]. Когда святитель совершал это, Еввул с высшими клириками увидели свет небесный, озарявший алтарь и святителя и неких светлых мужей в белых ризах, которые окружали святого Василия. Увидев это, они пришли в большой ужас и пали ниц, проливая слезы и прославляя Бога.

В то время Василий, призвав золотых дел мастера, приказал ему изготовить из чистого золота голубя — во образ того голубя, который явился над Иорданом, — и поместил его над святым престолом, дабы он как бы охранял Божественные Тайны.

Господь Бог некоторыми чудесными знамениями засвидетельствовал еще при жизни Василия об его святости. Однажды, когда он совершал Божественную службу, некий еврей, желая узнать, в чем состоят святые Тайны, присоединился к прочим верующим, как бы христианин, и, войдя в церковь, увидел, что святой Василий держит в своих руках младенца и раздробляет его на части. Когда верующие стали причащаться из рук святого, подошел и еврей, и святитель подал ему, как и прочим христианам, часть святых Даров. Приняв их в руки, еврей увидел, что это была действительно плоть, а когда приступил к чаше, то увидел, что в ней была действительно кровь. Он спрятал остаток от святого причащения и, придя домой, показал его жене своей и рассказал ей обо всем, что видел своими глазами. Уверовав, что христианское таинство есть действительно страшное и славное, он пошел на утро к блаженному Василию и умолял удостоить его святого крещения. Василий же, воздав благодарение Богу, немедленно окрестил еврея со всем его семейством.

Когда святой однажды шел по дороге, некая бедная женщина, обиженная одним начальником, припала к ногам Василия, умоляя его о том, чтобы он написал о ней начальнику как человек, которого тот весьма уважал. Святой, взяв хартию[2], написал к начальнику следующее: «сия убогая женщина явилась ко мне, говоря, что письмо мое имеет для тебя большое значение. Если это так, то докажи мне то на деле и окажи милость этой женщине». Написав сии слова, святой отдал хартию той бедной женщине, и она, взяв, снесла ее начальнику.

---

[1] Молитва на литургии святого Василия Великого.

[2] *Хартия* — папирусная бумага или пергамент, на котором писали в древности; рукопись, свиток (3 Мак. 4, 15; 2 Ин. 1, 12).

Прочитав письмо, тот написал в ответ святому так: «согласно письму твоему, святой отче, я хотел бы оказать милость той женщине, но не могу этого сделать, потому что она подлежит общенародной подати». Святой снова написал ему следующее: «хорошо, если ты хотел, но не мог сделать; а если ты и мог, но не захотел, то Бог поставит тебя самого в число нуждающихся, так что ты не сможешь сделать того, что захочешь». Эти слова святителя вскоре исполнились: немного времени спустя после сего царь разгневался на того начальника, ибо узнал, что он учиняет большие притеснения народу, и заключил его в узы, дабы он заплатил всем, кого обидел. Начальник же из заключения послал к святому Василию прошение, чтобы он сжалился над ним и своим ходатайством умилостивил царя. Василий поспешил попросить за него царя. и через шесть дней пришел указ, освобождавший начальника от осуждения. Начальник, увидев, как милостив к нему святой, поспешил к нему, чтобы принести ему благодарность, а вышеупомянутой бедной женщине отдал из своего имения вдвое против того, что взял с нее.

В то время, как этот угодник Божий, великий Василий, мужественно боролся в Кесарии Каппадокийской за святую веру Христову[1], царь Юлиан Отступник, богохульник и великий гонитель христиан[2], похвалявшийся тем, что он погубит христиан, шел войною на персов. Святой Василий тогда молился в церкви пред иконою Пресвятой Богородицы, у ног Которой было изображение и святого великомученика Меркурия в виде воина с копьем[3]. Молился же он о том, чтобы Бог не попустил гонителю и губителю христиан Юлиану возвратиться живым с Персидской войны. И вот он увидел, что образ святого Меркурия, стоявшего близ Пресвятой Богородицы, изменился, и изображение мученика на некоторое время стало невидимо. Спустя немного времени мученик снова показался, но с окровавленным копьем. В это самое время Юлиан был пронзен на Персидской войне святым мучеником Меркурием, посланным Пречистою Девою Богородицей погубить врага Божиего.

---

[1] «Если бы не Василий, — говорит церковный историк Созомен, — то ересь Евномия распространилась бы до Тавра, и ересь Аполлинария — от Тавра до Египта».

[2] Юлиан Отступник царствовал с 361 по 363 год. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачей своей жизни восстановление язычества; поэтому он и называется «Отступником».

[3] *Святой Меркурий* воин пострадал мученической смертью в Кесарии Каппадокийской. Память его 24 ноября.

Имел святой Василий Великий и такой благодатный дар. Когда он во время литургии возносил святые Дары, то золотой голубь с Божественными Дарами, висевший над святым престолом, движимый силою Божиею, сотрясался три раза. Однажды, когда Василий служил и возносил святые Дары, обычного знамения с голубем, который своим сотрясением указывал сошествие Святого Духа, не было. Когда Василий размышлял о причине сего, то увидел, что один из диаконов, державших рипиды[1], смотрел на одну женщину, стоявшую в церкви. Василий повелел тому диакону отступить от святого жертвенника и назначил ему епитимию — семь дней поститься и молиться, проводить целые ночи без сна в молитве и из имения своего раздавать милостыню нищим. С того времени святой Василий повелел устроить в церкви пред алтарем завесу и перегородку, для того чтобы ни одна женщина не могла смотреть в алтарь во время совершения Божественной службы; непослушных же повелел выводить из церкви и отлучать от святого причащения[2].

В то время, как святой Василий был епископом, Церковь Христову смущал царь Валент[3], ослепленный арианской ересью. Он, свергнув много православных епископов с их престолов, возвел на их места ариан, а иных, малодушных и боязливых, заставил присоединиться к его ереси. Он гневался и мучился внутренне, видя, что Василий безбоязненно пребывает на своем престоле, как непоколебимый столп своей веры, и подкрепляет и увещевает других гнушаться арианством как ненавистным для Бога лжеучением. Обходя свои владения и чрезвычайно притесняя повсюду православных, царь, по дороге в Антиохию, прибыл в Кесарию Каппадокийскую и здесь стал употреблять все меры к тому, чтобы склонить Василия на сторону арианства. Он внушил своим во-

---

[1] *Рипида* (греч. — ῥιπίς, ῥιπίδιον) — опахало, орудие для отгнания мух). Это — металлические на довольно длинных рукоятках круги с изображением на них жестокрылых Серафимов. Ими диаконы при архиерейском служении веют, колеблют над святыми Дарами, чтобы в них не упало какое-либо насекомое; вместе с тем рипиды напоминают нам, что при священнодействии литургии присутствуют и сослужат нам святые Ангелы, изображения которых имеются на рипидах. Рипиды употребляются при архиерейском служении; при служении священника их заменяет покровец.

[2] Завесы были, собственно, устроены пред тем отделением храма, где стояли женщины; эти завесы опускались во время совершения таинства Евхаристии, и женщинам, под угрозою удаления из храма запрещено было в это время приподымать их. Алтарь же от остального пространства церкви отделяла сквозная решетка, которая и превратилась впоследствии в нынешний иконостас.

[3] Император Валент царствовал с 364 по 378 год.

еводам, вельможам и советникам, чтобы они то моленьями и обещаниями, то угрозами побудили Василия исполнить желание царя. И царские единомышленники настойчиво убеждали святого к этому; кроме того, некоторые благородные женщины, пользовавшиеся расположением царя, стали посылать своих евнухов к святому, настойчиво советуя ему, чтобы он мыслил заодно с царем. Но никто не мог заставить этого непоколебимого в своей вере иерарха отпасть от Православия. Наконец, епарх Модест[1] призвал Василия к себе и, после того, как оказался не в состоянии склонить его льстивыми обещаниями к отпадению от Православия, начал с яростью грозить ему отнятием имущества, изгнанием и смертью. Святой же на угрозы его дерзновенно отвечал:

— Если ты отнимешь у меня имение, то и себя этим не обогатишь, и меня не сделаешь нищим. Полагаю, что тебе не нужны эти ветхие мои одежды и несколько книг, в которых заключается все мое богатство. Ссылки нет для меня, потому что я не связан местом, и то место, на котором живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни сошлют, будет мое. Лучше же сказать: везде место Божие, где ни буду *странником и пришельцем* (Пс. 38, 13). А мучения что могут сделать мне? — я так слаб, что разве только первый удар будет для меня чувствителен. Смерть же для меня — благодеяние: она скорее приведет меня к Богу, для Которого живу и тружусь и к Которому давно я стремлюсь.

Изумленный этими словами, правитель сказал Василию:

— Никто так дерзновенно не говорил со мною до этих пор!

— Да, — отвечал святитель, — потому что тебе не случалось ранее говорить с епископом. Во всем ином мы показываем кротость и смирение, но когда речь идет о Боге, и против Него дерзают восставать, — тогда мы, все прочее вменяя ни за что, взираем только на Него Единого; тогда огонь, меч, звери и железо, терзающие тело, скорее, будут радовать нас, нежели устрашать.

Донося Валенту о непреклонности и неустрашимости святого Василия, Модест сказал:

— Побеждены мы, царь, настоятелем Церкви. Этот муж выше угроз, тверже доводов, сильнее убеждений.

После этого царь запретил тревожить Василия, и хотя не принял общения с ним, стыдясь показать себя переменившимся, но стал искать оправдания более благоприличного.

---

[1] Епарх этот был правителем всего Востока и в то же время начальником преторианцев или царской гвардии.

Наступил праздник Богоявления Господня. Царь со свитой своей вошел в церковь, где служил Василий, и, вступив в среду народа, сим самым хотел показать вид единения с Церковью. Взирая на благолепие и порядок церковный и внимая пению и молитвам верных, царь дивился, говоря, что в своих арианских церквах он никогда не видал такого порядка и благолепия. Святой Василий, подойдя к царю, начал беседовать с ним, поучая его от Священного Писания; слушателем этой беседы был и Григорий Назианзин, случайно бывший там в то время, который и написал об этом. С того времени царь стал лучше относиться к Василию. Но, удалившись в Антиохию, он снова раздражился против Василия, будучи возбужден к этому злыми людьми, поверив доносам которых он и осудил Василия на изгнание. Но когда царь хотел подписать этот приговор, престол, на котором он сидел, закачался и сломалась трость[1], которой он должен был сделать подпись. Взял царь другую трость, но и с той было то же; то же случилось и с третьей. Потом у него задрожала рука, и страх напал на него; увидев в этом силу Божию, царь разорвал хартию. Но враги Православия опять стали настойчиво докучать царю относительно Василия, чтобы он не оставлял его в покое, и от царя был послан один сановник, по имени Анастасий, чтобы привести Василия в Антиохию. Когда этот сановник пришел в Кесарию и возвестил Василию о повелении царя, святой отвечал:

— Я, сын мой, несколько времени назад узнал, что царь, послушавшись совета неразумных людей, сломал три трости, желая подписать указ о моем заточении и помрачить чрез это истину. Бесчувственные трости удержали его неудержимую стремительность, согласившись лучше переломиться, чем послужить оружием для его неправедного приговора.

Будучи приведен в Антиохию, Василий предстал на суд епарха, и на вопрос: «почему он не держится той веры, какую исповедует царь?» — отвечал:

— Никогда не будет того, чтобы я, уклонившись от истинной христианской веры, стал последователем нечестивого арианского учения; ибо я от отцов наследовал веру в единосущие[2], которую исповедую и прославляю.

---

[1] Орудие, коим древние писали, — нечто вроде пера, карандаша или грифеля (см.: Пс. 44, 1–3).

[2] То есть, что Сын Божий единосущен Богу Отцу и равен Ему.

Судья грозил ему смертью, но Василий отвечал:

— Что же? Пусть я пострадаю за истину и освобожусь от телесных уз; я давно желаю этого, — только вы не измените своему обещанию.

Епарх донес царю, что Василий не боится угроз, что убеждения его нельзя изменить, что сердце его непреклонно и твердо. Царь, воспылав гневом, стал думать о том, как бы погубить Василия. Но в это самое время сын царя, Галат, внезапно заболел, и врачи уже обрекли его на смерть. Его мать, придя к царю, с раздражением говорила ему:

— Так как ты неправильно веруешь и гонишь архиерея Божиего, то за это отрок и умирает.

Услышав это, Валент призвал Василия и сказал ему:

— Если Богу угодно учение твоей веры, то исцели своими молитвами сына моего!

Святой отвечал:

— О царь! Если ты обратишься в православную веру и даруешь покой церквам, то сын твой останется жив.

Когда царь обещался это исполнить, святой Василий тотчас же обратился к Богу с молитвою, и Господь послал царскому сыну облегчение в болезни. После этого Василий отпущен был с почестями на свой престол. Ариане, слыша и видя это, воспламенились завистью и злобою и говорили царю:

— И мы могли бы это сделать!

Они снова прельстили царя, так что он не воспрепятствовал им совершить крещение над своим сыном. Но когда ариане взяли царского сына, чтобы окрестить его, он тотчас же умер на руках у них. Это видел своими очами вышеупомянутый Анастасий и рассказал об этом царю Валентиниану[1], царствовавшему на западе, брату восточного царя, Валента. Валентиниан же, удивившись такому чуду, прославил Бога, а святому Василию, через Анастасия, послал большие дары, приняв которые Василий в городах своей епархии устроил больницы и дал там приют многим немощным и убогим.

Блаженный Григорий Назианзин сообщает еще, что святой Василий и того епарха Модеста, который был так суров к святому, исцелил молитвою от тяжкой болезни, когда тот в болезни своей со смирением искал помощи от его святых молитв.

По прошествии некоторого времени, на место Модеста был поставлен епархом родственник царя, по имени Евсевий. В Кесарии в

---

[1] Валентиниан царствовал с 364 по 376 год.

его время жила одна вдова, — юная, богатая и очень красивая, по имени Вестиана, дочь Аракса, который был членом сената. Эту вдову епарх Евсевий хотел силой выдать замуж за одного сановника, она же, будучи целомудренна и желая сохранить чистоту вдовства своего незапятнанною, во славу Божию, не хотела выходить замуж. Когда она узнала, что ее хотят похитить силой и принудить к вступлению в брак, то убежала в церковь и припала к стопам архиерея Божиего, святого Василия[1]. Он же, приняв ее под свою защиту, не хотел выдать ее из церкви пришедшим за нею людям, а потом тайно отослал ее в девичий монастырь, к сестре своей, преподобной Макрине. Разгневавшись на блаженного Василия, епарх послал воинов взять ту вдову из церкви силой, а когда там она не была найдена, повелел искать ее в опочивальне святого. Епарх, как человек безнравственный, думал, что Василий с греховным намерением удержал ее у себя и скрыл в своей опочивальне. Не найдя, однако, ее нигде, он призвал Василия к себе и с великой яростью бранил его, угрожал отдать его на мучение, если тот не выдаст ему вдову. Но святой Василий показал себя готовым на муки.

— Если ты повелишь строгать железом мое тело, — сказал он, — то этим уврачуешь мою печень, которая, как видишь, сильно беспокоит меня[2].

В это время граждане, узнав о происшествии, устремились все — не только мужчины, но и женщины — ко дворцу епарха с оружием и дрекольем, намереваясь умертвить его за святого отца и пастыря своего. И если бы святой Василий не успокоил народ, то епарх был бы убит. Последний же, увидев такое возмущение народное, весьма испугался и отпустил святого невредимым и свободным.

Елладий, очевидец чудес Василия и преемник его на епископском престоле, муж добродетельный и святой, рассказывал следующее. Один православный сенатор, по имени Протерий, посещая святые места, вознамерился отдать дочь свою на служение Богу в один из мо-

---

[1] Церквам в древности, со времени Константина Великого, было предоставлено так называемое право убежища: невинно преследуемые скрывались в них, и начальство имело, таким образом, время убедиться в их невинности.

[2] Василий Великий был человек крайне болезненный и часто совсем лишался телесных сил. «Непрерывные и сильные лихорадки, — писал он сам, — так изнурили мое тело, что я не отличаюсь от паутины. Всякий путь для меня непроходим, всякое дуновение ветра опаснее, чем треволнение для пловцов... У меня болезнь следует за болезнью».

настырей; диавол же, исконный ненавистник добра, возбудил в одном рабе Протерия страсть к дочери господина своего. Видя несбыточность своего желания и не смея ничего сказать о своей страсти девице, раб пошел к одному волшебнику, жившему в том городе, и рассказал ему о своем затруднении. Он обещал волшебнику много золота, если тот своим волшебством поможет ему жениться на дочери господина своего. Волшебник сначала отказывался, но, наконец, сказал:

— Если хочешь, то я пошлю тебя к господину моему, диаволу; он тебе в этом поможет, если только и ты исполнишь его волю.

Несчастный же раб тот сказал:

— Все, что он ни повелит мне, обещаюсь исполнить.

Волшебник сказал тогда:

— Отречешься ли ты от Христа своего и дашь ли в том расписку?

Раб же сказал:

— Готовь и на это, лишь бы только получить желаемое.

— Если ты даешь такое обещание, — сказал волшебник, — то и я буду тебе помощником.

Потом, взяв хартию, он написал диаволу следующее:

— Так как я должен, владыка мой, стараться о том, чтобы отторгать людей от христианской веры и приводить их под твою власть для умножения твоих подданных, то я посылаю тебе ныне подателя этого письма, юношу, разожженного страстью к девице, и прошу за него, чтобы ты оказал ему помощь в исполнении его желании. Через это и я прославлюсь, и к тебе привлеку больше почитателей.

Написав такое послание к диаволу, волшебник отдал его тому юноше и послал его с такими словами:

— Иди в этот ночной час и стань на эллинском кладбище[1], подняв к кверху хартию; тогда сейчас же тебе явятся те, кои проведут тебя к диаволу.

Несчастный раб быстро пошел и, остановившись на кладбище, начал призывать бесов. И тотчас предстали пред ним лукавые духи и с радостью повели обольщенного к своему князю. Увидев его, сидевшего на высоком престоле, и тьмы окружавших его злых духов, раб отдал ему письмо от волшебника. Диавол, взяв письмо, сказал рабу:

— Веруешь ли в меня?

Тот же ответил:

---

[1] Могилы язычников как нечистые считались у древних христиан любимым местопребыванием демонов.

— Верую.

Диавол снова спросил:

— Отрекаешься ли от Христа своего?

— Отрекаюсь, — ответил раб.

Тогда сатана сказал ему:

— Часто вы обманываете меня, христиане: когда просите у меня помощи, то приходите ко мне, а когда достигнете своего, то опять отрекаетесь от меня и обращаетесь к вашему Христу, Который, как добрый и человеколюбивый, принимает вас. Дай же мне расписку в том, что ты добровольно отрекаешься от Христа и крещения и обещаешь быть моим навеки и со дня судного будешь терпеть со мною вечную муку: в таком случае я исполню твое желание.

Раб, взяв хартию, написал то, чего хотел от него диавол. Тогда погубитель душ, змей древний (то есть диавол), послал бесов прелюбодеяния, и они возбудили в девице такую сильную любовь к отроку, что она, от плотской страсти, упала на землю и стала кричать отцу своему:

— Пожалей меня, пожалей дочь твою и выдай меня замуж за нашего раба, которого я со всею силою полюбила. Если же ты этого для меня, единственной твоей дочери, не сделаешь, то увидишь меня скоро умершею от тяжких мучений и отдашь за меня ответ в день судный.

Услышав это, отец пришел в ужас и с плачем говорил:

— Горе мне, грешному! Что такое случилось с моей дочерью? Кто украл у меня мое сокровище? Кто прельстил мое дитя? Кто помрачил свет очей моих? Я хотел, дочь моя, обручить тебя небесному Жениху, чтобы ты была подобна Ангелам и в псалмах и песнопениях духовных (Еф. 5, 19) прославляла Бога, и сам я ради тебя надеялся получать спасение, а ты бесстыдно твердишь о замужестве! Не своди меня с печалью в преисподнюю, чадо мое, не срами своего благородного звания, выходя за раба.

Она же, не обращая внимания на слова родителя, говорила одно:

— Если не сделаешь по моему желанию, то я убью себя.

Отец, не зная, что делать, по совету своих родственников и друзей, согласился лучше исполнить ее волю, чем видеть ее умирающей лютой смертью. Призвав раба своего, он отдал ему в жены дочь свою и большое имение и сказал дочери:

— Иди же, несчастная, замуж! Но я думаю, что ты станешь после сильно раскаиваться в своем поступке, и что тебе не будет от этого пользы.

Спустя некоторое время после того, как этот брак совершился и диавольское дело исполнилось, было замечено, что новобрачный не ходит в церковь и не причащается святых Тайн. Об этом было заявлено и несчастной жене его.

— Разве ты не знаешь, — сказали ей, — что муж твой, которого ты выбрала, не христианин, но чужд вере Христовой?

Она же, услышав это, чрезвычайно опечалилась и, упав на землю, начала терзать ногтями лицо свое, без устали бить себя руками в грудь и вопила так:

— Никто, ослушавшийся своих родителей, не мог когда-либо спастись! Кто расскажет о позоре моем отцу моему? Горе мне, несчастной! В какую погибель я попала! Зачем я родилась и для чего не погибла по рождении?

Когда она так рыдала, ее услышал муж ее и поспешил к ней спросить о причине ее рыданий. Узнав, в чем дело, он стал утешать ее, говоря, что ей сказали о нем неправду, и убеждал ее, что он — христианин. Она же, немного успокоившись от речей его, сказала ему:

— Если ты хочешь уверить меня вполне и снять печаль с несчастной души моей, то утром иди со мной в церковь и причастись предо мною Пречистых Тайн: тогда я поверю тебе.

Несчастный муж ее, видя, что ему нельзя сокрыть правду, должен был, против желания своего, рассказать ей о себе все, — как он предал себя диаволу. Она же, забыв женскую немощь, поспешно отправилась к святому Василию и возопила к нему:

— Сжалься надо мною, ученик Христов, сжалься над ослушницей воли отца своего, поддавшейся бесовскому обольщению! — и рассказала ему все в подробности о своем муже.

Святой, призвав мужа ее, спросил его, правда ли то, что о нем говорит его жена. Он со слезами ответил:

— Да, святитель Божий, все это правда! и если я стану молчать, то будут вопить об этом дела мои, — и рассказал все по порядку, как он предался бесам.

Святой же сказал:

— Хочешь ли снова обратиться к Господу нашему, Иисусу Христу?

— Да, хочу, но не могу, — ответил тот.

— Отчего же? — спросил Василий.

— Оттого, — отвечал муж, — что я дал расписку в том, что отрекаюсь от Христа и предаю себя диаволу.

Но Василий сказал:

— Не скорби об этом, ибо Бог — человеколюбив и принимает кающихся.

Жена же, повергшись к ногам святого, умоляла его, говоря:

— Ученик Христов! Помоги нам, в чем можешь.

Тогда святой сказал рабу:

— Веришь ли в то, что ты можешь еще спастись?

Он же сказал в ответ:

— Верую, господин, помоги моему неверию.

Святой после этого, взяв его за руку, осенил крестным знамением и запер его в комнате, находившейся внутри церковной ограды, заповедав ему непрестанно молиться Богу. Пробыл он и сам три дня в молитве, а потом посетил кающегося и спросил его:

— Как ты чувствуешь себя, чадо?

— Я нахожусь в крайне бедственном состоянии, владыка, — отвечал юноша, — не могу я выносить криков бесовских, и страхов, и стреляния, и ударов кольями. Ибо демоны, держа в руках мою расписку, поносят меня, говоря: «Ты пришел к нам, а не мы к тебе!»

Святой же сказал:

— Не бойся, чадо, а только веруй.

И, давши ему немного пищи, осенил его крестным знамением и опять запер его. Через несколько дней он снова посетил его и сказал:

— Как живешь ты, чадо?

Тот ответил:

— Издали я слышу еще угрозы и крик их, но самих не вижу.

Василий, дав ему немного пищи и помолившись за него, опять запер его и ушел. Потом он пришел к нему на сороковой день и спросил его:

— Как живешь ты, чадо?

Он же сказал:

— Хорошо, отец святой, ибо я видел тебя во сне, как ты боролся за меня и одолел диавола.

Сотворив молитву, святой вывел его из затвора и привел в келью. Наутро он созвал весь причт церковный, иноков и всех людей христолюбивых и сказал:

— Прославим, братия, человеколюбца Бога, ибо вот теперь Добрый Пастырь хочет принять на рамо погибшее овча[1] и принести его в церковь: в эту ночь мы должны умолять Его благость, чтобы Он победил и посрамил врага душ наших.

Верующие собрались в церковь и молились всю ночь о кающемся, взывая: «Господи помилуй».

Когда наступило утро, Василий, взяв кающегося за руку, повел его со всем народом в церковь, воспевая псалмы и песнопения. И вот диавол бесстыдно пришел туда невидимо со всею своею пагубною силою, желая вырвать юношу из рук святого. Юноша же начал вопить:

— Святитель Божий, помоги мне!

Но диавол с такою дерзостью и бесстыдством вооружился против юноши, что причинял боль и святому Василию, увлекая с собою юношу. Тогда блаженный обратился к диаволу с такими словами:

— Бесстыднейший душегубец, князь тьмы и погибели! Разве не довольно для тебя твоей погибели, какую ты причинил себе и находящимся с тобою? Ужели ты не перестанешь преследовать создания Бога моего?

Диавол же возопил к нему:

— Обижаешь ты меня, Василий! — и этот голос диавольский слышали многие.

Тогда святитель сказал:

— Да запретит тебе Господь, о диавол!

Диавол же опять сказал ему:

— Василий, ты обижаешь меня! Ведь не я пришел к нему, а он ко мне: он отрекся от Христа своего, дав мне расписку, которую я имею в руке своей и которую я в день судный покажу всеобщему Судье.

Василий же сказал:

— Благословен Господь Бог мой! Эти люди до тех пор не опустят поднятых к небу рук своих[2], пока ты не отдашь ту расписку.

Затем, обратившись к народу, святой сказал:

— Поднимите руки ваши горé и взывайте: «Господи помилуй!»

И вот после того, как народ, поднявши руки к небу, долгое время вопил со слезами: «Господи помилуй!» — расписка того юноши на

[1] Взять на плечи, как пастух восточный берет на плечи к себе уставшую овечку.

[2] Древние христиане имели обычай — во время молитвы воздевать руки свои к небу. Оттуда в нашей Церковной песни говорится: *воздеяние рук моих — как жертва вечерняя* (Стихи на вечерне, Пс. 140, 2).

глазах у всех принеслась по воздуху прямо в руки святителю Василию. Взяв эту расписку, святой возрадовался и воздавал благодарение Богу, а потом вслух сказал юноше:

— Знаешь ли, брат, эту расписку?

Юноша отвечал:

— Да, святитель Божий, это моя расписка; я написал ее своею собственною рукою.

Василий же Великий тотчас разорвал ее пред всеми на части и, введя юношу в церковь, причастил его Божественных Тайн и предложил обильную трапезу всем присутствовавшим. После того, дав поучение юноше и указав подобающие правила жизни, возвратил жене его, а тот, не умолкая, славословил и благодарил Бога.

Тот же Елладий рассказывал о святом Василии еще следующее. Однажды великий отец наш Василий, будучи озарен Божественною благодатью, сказал своему клиру:

— Идите, чада, за мной, и мы увидим славу Божию, а вместе и прославим Владыку нашего.

С этими словами он вышел из города, но никто не знал, куда он хотел идти. В то время в одном селении жил пресвитер Анастасий с женою Феогнией. Сорок лет они прожили друг с другом в девстве, и многие думали, что Феогния — бесплодная, ибо никто не знал хранимого ими в тайне, чистого девства. Анастасий же за свою святую жизнь удостоился получить благодать Духа Божиего, и был прозорливцем. Провидя духом, что Василий хочет посетить его, он сказал Феогнии:

— Я иду возделывать поле, а ты, сестра моя, убери дом и в девятом часу дня, зажегши свечи, выйди навстречу святому архиепископу Василию, ибо он идет посетить нас, грешных.

Она удивилась словам господина своего, но исполнила его приказание. Когда святой Василий был невдалеке от дома Анастасия, Феогния вышла к нему навстречу и поклонилась ему.

— Здорова ли ты, госпожа Феогния? — спросил Василий.

Она же, услышав, что он называет ее по имени, пришла в ужас и сказала:

— Я здорова, владыка святой!

Святитель же сказал:

— Где господин Анастасий, брат твой?

Она отвечала:

— Это не брат, а муж мой; он ушел в поле.

Василий же сказал:

— Он дома — не беспокойся!

Услышав это, она еще больше испугалась, ибо поняла, что святой проник в их тайну, и с трепетом припала к ногам святого и сказала:

— Моли за меня, грешную, святитель Божий, ибо я вижу, что ты можешь творить великое и дивное.

Святитель же помолился за нее и пошел дальше. Когда он входил в дом пресвитера, встретил его и сам Анастасий и, поцеловав ноги святого, сказал:

— Откуда мне это, что ко мне пришел святитель Господа моего.

Святитель же, дав ему лобзание о Господе, сказал:

— Хорошо, что я нашел тебя, ученик Христов; пойдем в церковь и совершим службу Божию.

Пресвитер же тот имел обычай поститься все дни недели, кроме субботы и воскресенья, и не вкушал ничего, кроме хлеба и воды. Когда они пришли в церковь, святой Василий повелел Анастасию служить литургию, а тот отказывался, говоря:

— Ты знаешь, владыка, что сказано в Писании: *меньший благословляется большим* (Евр. 7, 7).

Василий же сказал ему:

— При всех других добрых делах своих имей также и послушание.

Когда Анастасий совершал литургию, то во время возношения святых Тайн святой Василий и прочие, кто был достоин, увидели Пресвятого Духа, сошедшего в виде огня и окружившего Анастасия и святой жертвенник. По окончании Божественной службы все вошли в дом Анастасия, и он предложил трапезу святому Василию и клиру его.

Во время трапезы святой спросил пресвитера:

— Откуда ты имеешь сокровище и каково житие твое? Расскажи мне.

Пресвитер отвечал:

— Святитель Божий! Я человек грешный и подлежу общенародным податям; у меня есть две пары волов, из которых с одной я работаю сам, а с другой — мой наемник; то, что́ получаю при помощи одной пары волов, истрачиваю на успокоение странников, а получаемое при помощи другой пары идет на уплату подати: жена моя также трудится со мною, услуживая странникам и мне.

Василий же сказал ему:

— Зови ее сестрою своею, как это и есть на самом деле, и скажи мне о добродетелях твоих.

Анастасий отвечал:

— Я ничего доброго не сделал на земле.

Тогда Василий сказал:

— Встанем и пойдем вместе, — и, восстав, они пришли к одной из комнат его дома.

— Открой мне двери эти, — сказал Василий.

— Нет, святитель Божий, — сказал Анастасий, — не входи туда, потому что там нет ничего, кроме хозяйственных вещей.

Василий же сказал:

— Но я и пришел ради этих вещей.

Так как пресвитер все-таки не хотел открыть дверей, то святой открыл их своим словом и, войдя, нашел там одного человека, пораженного сильнейшею проказою[1], у которого уже отпали, изгнив, многие части тела. О нем не знал никто, кроме самого пресвитера и жены его.

Василий сказал пресвитеру:

— Зачем ты хотел утаить от меня это твое сокровище?

— Это человек сердитый и бранчливый, — отвечал пресвитер, — и потому я боялся показать его, чтобы он не оскорбил каким-либо словом твою святость.

Тогда Василий сказал:

— Добрый подвиг совершаешь ты, но дай и мне в эту ночь послужить ему, дабы и мне быть соучастником в той награде, какую ты получишь.

И так святой Василий остался с прокаженным наедине и, запершись, всю ночь провел в молитве, а наутро вывел его совершенно невредимым и здоровым. Пресвитер же с женою своею и все, бывшие там, увидев такое чудо, прославляли Бога, а святой Василий после дружеской беседы с пресвитером и поучения, данного им присутствовавшим, возвратился в дом свой.

Когда о святом Василии услышал преподобный Ефрем Сирин[2], живший в пустыне, то стал молить Бога о том, чтобы Он показал ему,

---

[1] *Проказа* — болезнь, разрушающая все тело человека, и притом заразная.

[2] *Святой Ефрем Сирин* — знаменитый христианский подвижник и писатель. Память его 28 января. Назван он Сирином, то есть сирийцем, потому, что Месопотамия, в которой он родился, в древности причислялась к Сирии.

каков есть Василий. И вот однажды, находясь в состоянии духовного восторга, он увидел огненный столп, которого глава доходила до неба, и услышал голос, говоривший:

— Ефрем, Ефрем! Каким ты видишь этот огненный столп, таков и есть Василий.

Преподобный Ефрем тотчас же, взяв с собою переводчика, — ибо не умел говорить по-гречески, — пошел в Кесарию и прибыл туда в праздник Богоявления Господня. Став вдали и незамеченный никем, он увидел святого Василия, шедшего в церковь с великою торжественностью, одетого в светлую одежду, и клир его, также облаченный в светлые одежды. Обратившись к сопровождавшему его переводчику, Ефрем сказал:

— Кажется, брат, мы напрасно трудились, ибо это человек столь высокого чина, что я не видел такого.

Войдя в церковь, Ефрем стал в углу, невидимый никем, и говорил сам с собою так:

— Мы, *перенесшие тягость дня и зной* (Мф. 20, 12), ничего не добились, а сей, пользующийся такою славою и честью у людей, есть в то же время столп огненный. Это меня удивляет.

Когда святой Ефрем так рассуждал о нем, от Духа Святого узнал Василий Великий и послал к нему своего архидиакона, сказав:

— Иди к западным вратам церковным; там найдешь ты в углу церкви инока, стоящего с другим человеком, почти безбородого и малого роста. Скажи ему: пойди и взойди в алтарь, ибо тебя зовет архиепископ.

Архидиакон же, с большим трудом протиснувшись чрез толпу, подошел к тому месту, где стоял преподобный Ефрем, и сказал:

— Отче! Пойди, — прошу тебя — и взойди в алтарь: тебя зовет архиепископ.

Ефрем же, через переводчика узнав то, что сказал архидиакон, отвечал сему последнему:

— Ты ошибся, брат! Мы — люди пришлые и незнакомы архиепископу.

Архидиакон пошел сказать об этом Василию, который в то время изъяснял народу Священное Писание. И вот преподобный Ефрем увидел, что из уст говорившего Василия исходит огонь.

Потом Василий опять сказал архидиакону:

— Иди и скажи пришлому монаху тому: господин Ефрем! прошу тебя — взойди во святой алтарь: тебя зовет архиепископ.

Архидиакон пошел и сказал, как ему было приказано. Ефрем же удивился этому и прославил Бога. Сотворив затем земной поклон, он сказал:

— Воистину велик Василий, воистину он есть столп огненный, воистину Дух Святой говорит его устами!

Потом упросил архидиакона, чтобы тот сообщил архиепископу, что по окончании святой службы он хочет в уединенном месте поклониться ему и приветствовать его.

Когда Божественная служба окончилась, святой Василий взошел в сосудохранительницу и, призвав преподобного Ефрема, дал ему целование о Господе и сказал:

— Приветствую тебя, отче, умножившего учеников Христовых в пустыне и силою Христовою изгнавшего из нее бесов! Для чего, отче, ты принял на себя такой труд, явившись увидеть грешного человека? Да воздаст тебе Господь за труд твой!

Ефрем же, отвечая Василию через переводчика, сказал ему все, что было у него на сердце, и причастился со своим спутником Пречистых Тайн из святых рук Василия. Когда они после в доме Василия сели за трапезу, преподобный Ефрем сказал святому Василию:

— Отче святейший! Одной милости прошу я у тебя — соблаговоли мне дать ее.

Василий Великий сказал ему:

— Скажи, что тебе нужно: я в большом долгу у тебя за труд твой, ибо ты для меня предпринял столь далекое путешествие.

— Я знаю, отче, — сказал достопочтенный Ефрем, — что Бог дает тебе все, что ты просишь у него; а я хочу, чтобы ты умолил Его благость о том, чтобы Он подал мне способность говорить по-гречески.

Василий отвечал:

— Прошение твое выше сил моих, но так как ты просишь с твердою надеждою, то пойдем, достопочтенный отец и пустынный наставник, в храм Господень и помолимся ко Господу, Который может исполнить твою молитву, ибо сказано: *Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их* (Пс. 144, 19).

Избрав удобное время, они начали молиться в церкви и молились долго. Потом Василий Великий сказал:

— Почему, честный отче, ты не принимаешь посвящения в сан пресвитера, будучи достоин его?

— Потому что я грешен, владыка! — отвечал ему Ефрем через переводчика.

— О, если бы и я имел грехи твои! — сказал Василий и прибавил: — Сотворим земной поклон.

Когда же они повергли на землю, святой Василий возложил руку свою на главу преподобного Ефрема и произнес молитву, положенную при посвящении во диакона. Потом он сказал преподобному:

— Повели теперь подняться нам с земли.

Для Ефрема же внезапно стала ясна греческая речь, и он сказал сам по-гречески: «Заступи, спаси, помилуй, сохрани нас, Боже, Своей благодатью»[1].

Все прославили Бога, давшего Ефрему способность понимать и говорить по-гречески. Преподобный же Ефрем пробыл со святым Василием три дня, в духовной радости. Василий поставил его во диакона, а переводчика его — в пресвитера и потом с миром отпустил их.

В городе Никее[2] однажды остановился нечестивый царь, и представители арианской ереси обратились к нему с просьбой о том, чтобы он изгнал из соборной церкви того города православных, а церковь отдал их арианскому сборищу. Царь, сам будучи еретиком, так и сделал: силою отнял церковь у православных и отдал ее арианам, а сам отправился в Царьград. Когда все многочисленное общество православных было погружено в великую печаль, в Никею пришел общий предстатель и заступник всех церквей, святой Василий Великий; тогда вся православная паства пришла к нему с воплями и рыданиями, и поведала ему о причиненной им от царя обиде. Святой же, утешив их своими словами, тотчас пошел к царю в Константинополь и, представ пред ним, сказал:

— *И могущество царя любит суд* (Пс. 98, 4). Зачем же ты, царь, произнес несправедливый приговор, изгнав православных из святой церкви и отдав управление ею неправомыслящим?

---

[1] Возглас из малой ектеньи, произносимой диаконом на вечерне в день Пятидесятницы.

[2] *Никея* — город в малоазийской провинции Вифинии. Здесь был I Вселенский собор в 325 году.

Царь же сказал ему:

— Ты снова стал оскорблять меня, Василий! Не подобает тебе так поступать.

Василий ответил:

— За правду мне и умереть хорошо.

Когда они состязались и препирались друг с другом, их слушал находившийся там главный царский повар, по имени Демосфен. Он, желая помочь арианам, сказал нечто грубое в укор святому.

Святой же сказал:

— Вот мы видим пред собою и неученого Демосфена[1].

Пристыженный повар снова проговорил что-то в ответ, но святой сказал:

— Твое дело размышлять о кушаньях, а не заниматься варкою догматов церковных.

И Демосфен, будучи посрамлен, замолчал. Царь, то возбуждаясь гневом, то чувствуя стыд, сказал Василию:

— Поди и разбери дело их; впрочем, суди так, чтобы не оказаться помощником своих единоверцев.

— Если я рассужу несправедливо, — отвечал святой, — то пошли и меня в заточение, единоверцев же моих изгони, а церковь отдай арианам.

Взяв царский указ, святой возвратился в Никею и, призвав ариан, сказал им:

— Вот царь дал мне власть учинить суд между вами и православными относительно церкви, которую вы захватили силой.

Они же отвечали ему:

— Суди, но по суду царскому[2].

Святой сказал тогда:

— Ступайте и вы, ариане, и вы, православные, и затворите церковь; заперев ее, запечатайте печатями: вы — своими, а вы — своими, и поставьте с той и другой стороны надежную стражу. Потом сначала вы, ариане, помолитесь в течение трех дней и трех ночей, а потом подойдите к церкви. И если, по молитве вашей, двери церковные откроются сами собою, то пусть церковь будет навеки вашею: если же этого

---

[1] *Демосфен* был знаменитейший оратор Древней Греции; жил в 384–322 годах до Рождества Христова.

[2] То есть так, как судил бы сам царь.

не случится, то мы тогда помолимся одну ночь и пойдем с литией[1], при пении священных песнопений, к церкви; если она откроется для нас, то мы будем владеть ею навеки; если же и нам не откроется, то церковь будет опять ваша.

Это предложение арианам понравилось, православные же огорчались на святого, говоря, что он судил не по правде, а по страху пред царем. Затем, когда обе стороны крепко-накрепко заперли святую церковь, к ней, по запечатывании ее, была поставлена бдительная стража. Когда ариане, помолившись три дня и три ночи, пришли к церкви, ничего чудесного не случилось: они молились и здесь с утра до шестого часа, стоя и взывая: «Господи помилуй». Но двери церковные пред ними не открылись, и они ушли со стыдом. Тогда Василий Великий, собрав всех православных с женами и детьми, вышел из города в церковь святого мученика Диомида[2] и, там совершив всенощное бдение, утром пошел со всеми к запечатанной соборной церкви, воспевая:

— Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас!

Остановившись перед дверями церковными, он сказал народу:

— Поднимите руки свои к небесам и с усердием взывайте: «Господи помилуй!»

Потом святой повелел всем умолкнуть и, подойдя к дверям, осенил их трижды крестным знамением и сказал:

— Благословен Бог христианский всегда, ныне и присно и во веки веков.

Когда народ воскликнул: «Аминь», тотчас сотряслась земля, и начали сокрушаться запоры, выпали затворы, расселись печати, и врата открылись, как бы от сильного ветра и бури, так что двери ударились о стены. Святой же Василий начал воспевать:

— *Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!* (Пс. 23, 7).

Затем он вошел в церковь с множеством православных и, совершив Божественную службу, отпустил народ с радостью. Бесчисленное же множество ариан, увидев то чудо, отстали от своего заблуждения и

---

[1] *Лития*, с греч. значит — усердное моление. Она совершалась обычно вне храма, а теперь совершается в притворе.

[2] Память Диомида, врача бессребреника и мученика, празднуется 16 августа.

присоединились к православным. Когда о таком правосудном решении Василия и о том славном чуде узнал царь, то чрезвычайно удивился и стал хулить арианство; однако, будучи ослеплен нечестием, он не обратился в Православие и впоследствии погиб жалким образом. Именно, когда он был поражен и получил рану на войне в стране Фракийской, то убежал и скрылся в сарай, где лежала солома. Преследователи же его окружили сарай и подожгли его, и царь, сгорев там, пошел в огонь неугасимый[1]. Смерть царя последовала уже по преставлении святого отца нашего Василия, но в тот же год, в который преставился и святой.

Однажды перед святым Василием оклеветан был брат его, епископ Севастийский Петр. Про него сказали, что он будто бы продолжает сожительство с женою своею, которую оставил перед посвящением в епископы — епископу же не подобает быть женатым. Услышав об этом, Василий сказал:

— Хорошо, что вы мне об этом сказали; я пойду с вами вместе и обличу его.

Когда же святой подходил к городу Севастии, Петр духом узнал о пришествии брата, ибо и Петр был исполнен Духа Божиего и жил с мнимою женою своею не как с женою, а как с сестрою, целомудренно. Итак, он вышел из города навстречу святому Василию на восемь поприщ[2] и, увидев брата с большим числом спутников, улыбнулся и сказал:

— Брат, как бы на разбойника ты выступил против меня?

Дав друг другу целование о Господе, они вошли в город и, помолившись в церкви святых сорока мучеников, пришли в епископский дом. Василий, увидев невестку свою, сказал:

— Здравствуй, сестра моя, лучше же сказать — невеста Господня; я пришел сюда ради тебя.

Она отвечала:

— Здравствуй и ты, пречестнейший отче; и я давно уже желала облобызать твои честные ноги.

И сказал Василий Петру:

— Прошу тебя, брат, ночуй в эту ночь с женой твоей в церкви.

— Я сделаю все, что ты мне повелишь, — отвечал Петр.

---

[1] Это происходило в городе Адрианополе, в нынешней Болгарии.

[2] *Поприще* — мера расстояний; оно равнялось нашим 690 саженям.

Когда наступила ночь и Петр почивал в церкви с женой своей, там находился и святой Василий с пятью добродетельными мужами. Около полуночи он разбудил этих мужей и сказал им:

— Что вы видите над братом моим и над невесткою моею?

Они же сказали:

— Видим Ангелов Божиих, обвевающих их и намащающих ароматами их непорочное ложе.

Василий сказал тогда им:

— Молчите же и никому не рассказывайте того, что видели.

Наутро Василий повелел народу собраться в церковь и принести сюда жаровню с горящими угольями. После этого он сказал:

— Простри, честная невестка моя, свою одежду.

И когда она сделала это, святой сказал держащим жаровню.

— Положите ей в одежду горящих углей.

Они исполнили это повеление. Тогда святой сказал ей:

— Держи эти уголья в своей одежде до тех пор, пока я тебе скажу.

Потом он снова повелел принести новых горящих углей и сказал брату своему:

— Простри, брат, фелонь твою[1].

Когда тот исполнил это повеление, Василий сказал слугам:

— Высыпьте уголья из жаровни в фелонь, — и те высыпали.

Когда Петр и жена его долгое время держали горящие уголья в одеждах своих и не терпели от этого никакого вреда, народ, видевший это, дивился и говорил:

— Господь хранит преподобных Своих и дарует им блага еще на земле.

Когда же Петр с женою своею бросили уголья на землю, от них не чувствовалось никакого дымного запаха и одежды их остались необожженными. Затем Василий повелел вышеупомянутым пяти добродетельным мужам, чтобы они всем рассказали о том, что видели, и те поведали народу, как они видели в церкви Ангелов Божиих, витавших над одром блаженного Петра и супруги его, и намащавших ароматами

[1] *Фелонь* — так называлась в древности вообще верхняя, длинная и широкая одежда, без рукавов, обнимавшая со всех сторон тело. Христианская древность, из благоговения к Спасителю и Его апостолам, употреблявшим если не такую, то подобную верхнюю одежду, приняла фелонь в число священных облачений и с древнейших времен усвоила ее как епископам, так и священникам.

непорочное их ложе. После этого все прославили Бога, очищающего угодников Своих от лживой клеветы человеческой.

В дни преподобного отца нашего Василия в Кесарии была одна вдова знатного происхождения, чрезвычайно богатая; живя сластолюбиво, угождая плоти своей, она совершенно поработила себя греху и много лет пребывала в блудной нечистоте. Бог же, Который хочет, чтобы все покаялись (2 Пет. 3, 8), коснулся Своею благодатью и ее сердца, и женщина стала раскаиваться в своей греховной жизни. Оставшись однажды наедине сама с собою, она размышляла о безмерном множестве своих грехов и стала так оплакивать свое положение:

— Горе мне, грешной и блудной! Как стану я отвечать праведному Судье за сделанные мною грехи? Я растлила храм тела моего, осквернила свою душу. Горе мне, самой тягчайшей из грешниц! С кем я могу сравнить себя по своим грехам? С блудницей ли, или с мытарем? Но никто не согрешил так, как я. И — что особенно страшно — я совершила столько зла уже по принятии крещения. И кто возвестит мне, примет ли Бог мое покаяние?

Так рыдая, она припомнила все, что сделала с юности до старости, и, сев, написала это на хартии. После же всего записала один грех самый тяжкий и запечатала эту хартию свинцовою печатью. Затем, выбрав время, когда святой Василий пошел в церковь, она устремилась к нему и, бросившись к его ногам с хартией, восклицала:

— Помилуй меня, святитель Божий, — я согрешила больше всех!

Святой, остановившись, спросил ее, чего она от него хочет; она же, подавая ему в руки запечатанную хартию, сказала:

— Вот, владыка, все грехи и беззакония мои я написала на этой хартии и запечатала ее; ты же, угодник Божий, не читай ее и не снимай печати, но только очисти их своею молитвою, ибо я верю, что Тот, Кто подал мне эту мысль, услышит тебя, когда ты будешь молиться обо мне.

Василий же, взяв хартию, поднял очи на небо и сказал:

— Господи! Тебе Единому возможно сие. Ибо если Ты взял на Себя грехи всего мира, то тем более Ты можешь очистить прегрешения этой единой души, так как все грехи наши, хотя сосчитаны у Тебя, но милосердие Твое безмерно и неисследимо!

Сказав это, святой Василий вошел в церковь, держа в руках хартию, и, повергшись пред жертвенником, всю ночь провел в молитве о той женщине.

Наутро, совершив Божественную службу, святитель призвал женщину и отдал ей запечатанную хартию в том виде, в каком получил ее, и при этом сказал ей:

— Ты слышала, женщина, что *никто не может прощать грехи, кроме одного Бога* (Мк. 2, 7)?

Она же сказала:

— Слышала, честный отче, и поэтому-то я обеспокоила тебя просьбою умолить Его благость.

Сказав это, женщина развязала хартию свою и увидела, что грехи ее были здесь изглажены; не изглажен был только тот тяжкий грех, который был записан ею после. При виде этого женщина ужаснулась и, ударяя себя в грудь, упала к ногам святого, взывая:

— Помилуй меня, раб Бога Вышнего, и как ты смилостивился над всеми беззакониями моими и умолил за них Бога, так умоли и об этом, чтобы оно было вполне очищено.

Архиепископ же, прослезившись от жалости к ней, сказал:

— Встань, женщина: я и сам человек грешный, и нуждаюсь в помиловании и прощении; Тот же, Кто очистил прочие твои грехи, может очистить и еще не изглаженный твой грех; если же ты на будущее время будешь беречь себя от греха и начнешь ходить путем Господним, то будешь не только прощена, но и сподобишься небесного прославления. Вот что я тебе советую: ступай в пустыню — там найдешь ты мужа святого, по имени Ефрем; отдай ему эту хартию и проси его, чтобы он испросил тебе помилование у Человеколюбца Бога.

Женщина, по слову святого, пошла в пустыню и, пройдя большое расстояние, нашла келью блаженного Ефрема. Постучавшись в дверь, она сказала:

— Помилуй меня, грешную, преподобный отче!

Святой Ефрем, узнав духом своим о цели, с какою она пришла к нему, отвечал ей:

— Отойди от меня, женщина, ибо я — человек грешный и сам нуждаюсь в помощи других людей.

Она бросила тогда пред ним хартию и сказала:

— Меня послал к тебе архиепископ Василий, чтобы ты, помолившись Богу, очистил грех мой, который написан в этой хартии; остальные грехи очистил он, а ты об одном грехе не откажи помолиться, ибо я к тебе послана.

Преподобный же Ефрем сказал:

— Нет, чадо, тот, кто мог умолить Бога о многих твоих грехах, тем более может умолить об одном. Итак, ступай, ступай немедля, чтобы застать его в живых, прежде чем он отойдет ко Господу.

Тогда женщина, поклонившись преподобному, возвратилась в Кесарию.

Но пришла она сюда как раз к погребению святого Василия, ибо он уже преставился, и святое тело его несли к месту погребения. Встретив погребальное шествие, женщина громко зарыдала, бросилась на землю и говорила святому, как бы живому:

— Горе мне, святитель Божий! Горе мне, несчастной! Для того ли ты отослал меня в пустыню, чтобы, не тревожимый мною, ты мог выйти из тела? И вот я воротилась с пустыми руками, напрасно совершив трудное путешествие в пустыню. Пусть увидит это Бог и пусть рассудит Он между мной и тобой в том, что ты, имея возможность сам подать мне помощь, отослал меня к другому.

Так вопия, она бросила хартию поверх одра святого, рассказывая всем людям о своем горе. Один же из клириков, желая посмотреть, что было написано в хартии, взял ее и, развязав, не нашел на ней никаких слов: вся хартия стала чиста.

— Здесь ничего не написано, — сказал он женщине, — и напрасно ты печалишься, не зная проявившегося на тебе неизреченного человеколюбия Божиего.

Весь же народ, увидев это чудо, прославил Бога, давшего такую власть рабам Своим и по их преставлении.

В Кесарии жил один еврей, по имени Иосиф. Он был так искусен в науке врачевания, что определял по наблюдению над движением крови в жилах день наступления смерти больного за три или за пять дней, и указывал даже на самый час кончины. Богоносный же отец наш Василий, предвидя будущее его обращение к Христу, очень любил его и, часто приглашая его к беседе с собой, уговаривал его оставить еврейскую веру и принять святое крещение. Но Иосиф отказывался, говоря:

— В какой вере родился я, в той хочу и умереть.

Святой же сказал ему:

— Поверь мне, что ни я, ни ты не умрем, пока ты *не родишься от воды и духа* (Ин. 3, 5): ибо без такой благодати нельзя войти в Царство Божие. Разве отцы твои не крестились *в облаках и в море*? (1 Кор. 10, 1). Разве не пили они из камня, который был прообразом духовного камня — Христа, родившегося от Девы ради нашего спасения. Сего Христа твои отцы распяли, но Он, будучи погребен, на третий день воскрес и, взойдя на небеса, сел одесную Отца и оттуда придет судить живых и мертвых.

Много и другого, полезного для души, говорил ему святой, но еврей все пребывал в своем неверии. Когда же наступило время преставления святого, он заболел и призвал к себе еврея, как бы нуждаясь в его врачебной помощи, и спросил его:

— Что скажешь ты обо мне, Иосиф?

Тот же, осмотрев святого, сказал домашним его:

— Приготовьте все к погребению, ибо с минуты на минуту нужно ожидать его смерти.

Но Василий сказал:

— Ты не знаешь, чтó говоришь!

Еврей отвечал:

— Поверь мне, владыка, что смерть твоя наступит еще до захода солнца.

Тогда Василий сказал ему:

— А если я останусь жив до утра, до шестого часа, что ты тогда сделаешь?

Иосиф ответил:

— Пусть я умру тогда!

— Да, — сказал на это святой, — умри, но умри греху, чтобы жить для Бога!

— Знаю, о чем ты говоришь, владыка! — отвечал еврей. — И вот я клянусь тебе, что если ты проживешь до утра, я исполню твое желание!

Тогда святой Василий стал молиться Богу о том, чтобы Он продолжил жизнь его до утра для спасения души еврея, — и получил просимое. Наутро он послал за ним; но тот не поверил слуге, сказавшему ему, что Василий жив; однако пошел, чтобы увидеть его, как он ду-

мал, уже умершим. Когда же он увидел его действительно живым, то пришел как бы в исступление, а потом, упав в ноги святому, сказал в порыве сердечном:

— Велик Бог христианский, и нет другого Бога, кроме Него! Я отрекаюсь от богопротивного жидовства и обращаюсь в истинную, христианскую веру. Повели же, святой отец, немедленно преподать мне святое крещение, а также и всему дому моему.

Святой Василий сказал ему:

— Я крещу тебя сам своими руками!

Еврей, подойдя к нему, дотронулся до правой руки святого и сказал:

— Силы твои, владыка, ослабели, и все естество твое вконец изнемогло; ты не сможешь окрестить меня сам.

— Мы имеем Создателя, укрепляющего нас, — отвечал Василий.

И, восстав, вошел в церковь и пред лицом всего народа окрестил еврея и всю семью его; он нарек ему имя Иоанн и причастил его Божественных Тайн, сам совершив в тот день литургию. Преподав наставление новокрещеному о вечной жизни и обратившись со словом назидания ко всем своим словесным овцам, святитель оставался в церкви до девятого часа. Потом, дав всем последнее целование и прощение, он стал благодарить Бога за все Его неизреченные благодеяния и, когда еще слово благодарения было на устах его, предал душу свою в руки Божии и как архиерей присоединился к почившим архиереям, а как великий словесный гром[1] — к проповедникам в первый день января 379 года, в правление Грациана[2], воцарившегося после отца своего, Валентиниана.

Святой Василий Великий пас Церковь Божию восемь лет шесть месяцев и шестнадцать дней, а всех лет жития его было сорок девять.

Новокрещеный же еврей, увидев святого умершим, пал на лицо его и со слезами сказал:

— Воистину, раб Божий Василий, ты и теперь не умер бы, если бы не захотел сам.

Погребенье святого Василия представляло знаменательное событие и показывало, каким высоким уважением пользовался он. Не только христиане, но и иудеи, и язычники толпами стремились на

---

[1] То есть имевший особенный дар красноречия, убедительности и силы речи.

[2] *Грациан* правил империей (сначала вместе с отцом своим Валентинианом I) с 375 по 383 год.

улицу в великом множестве и настойчиво теснились ко гробу почившего святителя. На погребение Василия прибыл и святой Григорий Назианзин и плакал много по святому. Собравшиеся сюда архиереи воспели надгробные песнопения и погребли честные мощи великого угодника Божия Василия в церкви святого мученика Евпсихия[1], восхваляя Бога, Единого в Троице, ему же слава вовеки. Аминь[2].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ВАСИЛИЯ АНКИРСКОГО

Святой мученик Василий принадлежал к знатным гражданам Анкиры[3]. В царствование императора Юлиана Отступника[4] за исповедание и проповедь христианской веры он был схвачен и приведен к игемону Сатурнину. На вопрос игемона, верует ли он во Христа, Василий громким голосом воскликнул:

— Нет иного Бога, кроме Него.

Так святой без малейшего страха засвидетельствовал о своей вере во Христа, за что и был подвергнут жестокой пытке: он был повешен на дереве, и тело его немилосердно строгали железными орудиями.

[1] Где находятся в настоящее время мощи святого Василия — неизвестно: на Афоне (в лавре святого Афанасия) показывают только главу его; тело же его святое, по сказаниям западных писателей, во время крестовых походов было взято из Кесарии и перенесено крестоносцами на Запад — во Фландрию. — За свои заслуги Церкви и необыкновенную высоконравственную и подвижническую жизнь святой Василий назван Великим и прославляется, как «слава и красота Церкви», «светило и око вселенной», «учитель догматов», «палата учености», «вождь жизни».

[2] На всенощном бдении на память святого Василия Великого, Церковь произносит в честь Обрезания Господня две паремии, и одну в честь вселенского учителя и святителя Василия — о высоком совершенстве праведных и благе от них для ближних (см.: Притч. 10, 31–32; 11, 1–12). *Евангелие* утреннее в честь святителя (см.: Ин. 10, 1–9) благовествует о достоинстве истинного пастыря, полагающего душу свою за̀ овцы. На литургии, которая в 1-й день января бывает святого Василия Великого, чтением *Апостола* в честь его Церковь возвещает о совершеннейшем архиерее — Сыне Божием, Которому святой Василий Великий подражал в своей жизни (см.: Евр. 7, 26–8, 2). *Евангелие на литургии* (одно — Обрезанию, другое — святому Василию) в честь святителя благовествует учение Иисуса Христа о блаженстве нищих духом, алчущих и жаждущих правды и гонимых за веру Христову (см.: Лк. 6, 17–23), каким был и святой Василий Великий.

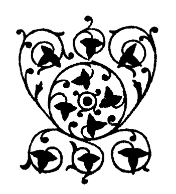
[3] *Анкира*, главный город малоазийской провинции — Галатии (ныне *Ангора*).

[4] *Юлиан* царствовал с 361 по 363 год.

Затем дерзновенный исповедник Христов отослан был в Константинополь и там снова подвергся тому же тяжкому испытанию. После того мучители стали вытягивать тело страстотерпца с такой силой, что его кости вышли из своих суставов; при этом с воина Христова срезали кожу в виде ремней и кололи тело его раскаленными железными спицами.

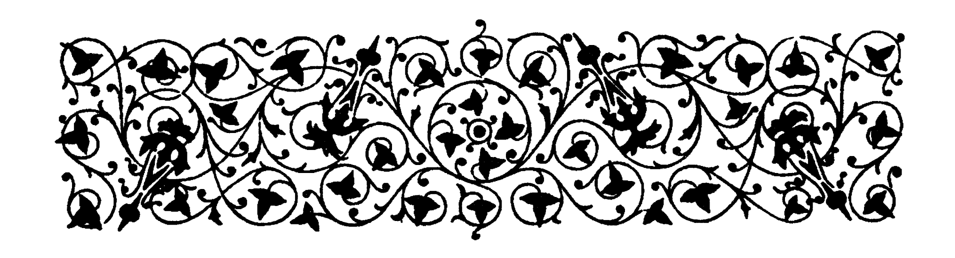
Святой Василий мужественно претерпел все эти мучения, будучи подкрепляем Божественною силой. Наконец, мучители ввергли его в раскаленную печь. Сохраненный силою Божией невредимым от огня, Василий в узах отведен был из Константинополя в Кесарию[1] и здесь осужден на растерзание зверям. С горячей молитвой ожидал святой Василий мученического венца и стяжал его, после того как был растерзан львицей[2].

Некоторые из сродников и друзей святого страстотерпца тщательно собрали священные его останки, умастили их благовониями и, обвив пеленами, предали честному погребению. Впоследствии при гробнице святого мученика Василия сооружен был храм.

[1] Здесь разумеется *Кесария Каппадокийская*.

[2] Святой мученик Василий скончался около 362 года.

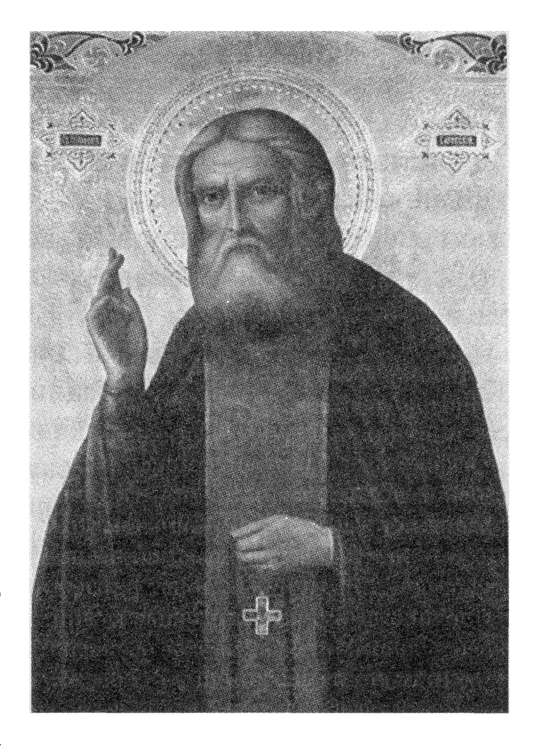

День второй

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Преподобный Серафим, старец Саровский, родом был из Курска и происходил от благочестивых и состоятельных родителей, по фамилии Мошниных, принадлежавших к именитому купеческому сословию города; он родился 19 июля 1759 года и в святом крещении наречен был Прохором. Отец его, Исидор, имел великое усердие к храмам Божиим, а мать его, Агафья, еще более мужа своего, почитаема была за свое благочестие и благотворительность. На третьем году от рождения Прохор лишился своего отца, и единственной воспитательницей его осталась благочестивая мать его Агафья, под руководством которой он возрос в благочестии христианском и в любви к молитве и храму Божию. С раннего детства над блаженным проявлялся дивный покров Божий, явно предсказывая в нем благодатного избранника Божиего. Однажды мать его, осматривая постройку церкви, начатую еще ее мужем, взяла семилетнего Прохора вместе с собой на самый верх строившейся колокольни. По неосторожности отрок упал с колокольни на землю. Агафья в ужасе сбежала с колокольни, думая, что сын ее разбился до смерти, но с удивлением и радостью увидела его стоящим на ногах целым и невредимым. Так над благодатным отроком исполнились слова Писания: *не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею* (Пс. 90, 10–12).

На десятом году Прохора начали обучать грамоте, и отрок быстро стал постигать церковную грамоту, обнаруживая светлый ум и память

и в то же время украшая себя кротостью и смирением. Но вдруг он впал в тяжкий недуг, так что домашние не надеялись на его выздоровление. В это тяжелое для него время Прохор видит в сонном видении Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. В скором же времени слова Богоматери сбылись. В это время случился в Курске крестный ход во главе с чудотворной иконой Знамения Пресвятой Богородицы[1]. По причине дождя и грязи крестный ход для сокращения пути направился через двор Мошниной. Благочестивая Агафья поспешила вынести больного сына, приложила его к чудотворной иконе Богоматери, после чего отрок совершенно выздоровел.

С любовью прилежал благочестивый отрок к книжному учению, изучая Священное Писание и другие божественные и душеполезные книги, весь ум свой вперив к Богу, любовью к Которому пламенела его чистая душа. Между тем старший его брат, занимавшийся торговлей, понемногу стал приучать к ней Прохора, но сердце отрока не лежало к этому делу: душа его стремилась стяжать себе духовное сокровище, нетленное и неоскудеваемое. Не имея возможности посещать в будничные дни Божественную литургию, Прохор, несмотря на то, не пропускал почти ни одного дня без посещения храма Божиего и с рассвета поднимался, чтобы прослушать утреню; в воскресные же и праздничные дни он особенно любил заниматься на

---

[1] Знаменская икона Богоматери находится в Курском Знаменском монастыре; иначе называется «Коренною», потому что была чудесно обретена при корне дерева, где после была основана, в 1597 г., Рождество-Богородицкая (ныне общежительная) пустынь, в 27 верстах от Курска. Торжественные празднества в честь чудотворной Коренной иконы Знамения Божией Матери совершаются 27 ноября и 13 сентября, в день возвращения в Знаменский монастырь из Коренной пустыни, куда она ежегодно препровождается к 9-й пятнице по Пасхе, оставаясь там до 12 сентября.

свободе чтением духовно-назидательных книг, причем иногда читал вслух и своим сверстникам, но более предпочитал уединение и безмолвие. От матери Прохора не утаилось направление ее сына, но она не противоречила его желанию. И вот, когда благочестивому юноше исполнилось семнадцать лет, он твердо решил оставить мир и с благословения матери, напутствовавшей его медным крестом, с которым с тех пор никогда не расставался, посвятил себя иноческой жизни.

Оставив мир, блаженный отправился сначала на богомолье в Киево-Печерскую лавру, где один прозорливый затворник, по имени Досифей, провидя в юноше доброго подвижника Христова, благословил его идти спасаться в Саровскую пустынь[1].

— Гряди, чадо Божие, — говорил прозорливый старец юному подвижнику, — и пребудь в Саровской обители; место это будет тебе во спасение; с помощью Божией, там окончишь ты и свое земное странствование. Святой Дух, Сокровище благих, управит жизнь твою в святыне.

Повинуясь завету прозорливого старца, Прохор пришел в Саровскую пустынь, где с любовью был принят настоятелем пустыни, старцем Пахомием, иноком кротким и смиренномудрым, много подвизавшимся в посте и молитве и бывшим — образцом иноков. Провидя благое произволение Прохора, Пахомий определил его в число по-

---

[1] Саровская мужская пустынь, Тамбовской губ., Темниковского уезда, находится в 37 верстах от г. Темникова; основана в 1770 году иеросхимонахом Иоанном при впадении р. Саровки в р. Сатис, на месте татарского города Сараклыч. Место это было освящено еще ранее подвигами добродетельных подвижников: первоначально инока Феодосия и потом Герасима, которые оба были свидетелями разных благодатных знамений, явно предсказывавших будущее значение этой местности (например, в виде исходящего свыше огненного луча, громкого благовеста многих колоколов и т. д.). Спустя шесть лет по основании обители, под день, назначенный для воздвижения креста на главе первого воздвигавшегося в Сарове храма, на горе, где расположена обитель, раздался ночью громкий колокольный звон, между тем как ни одного колокола не было; то же повторилось перед полуднем, причем работавших осветил необыкновенный свет. Из преемников иеросхимонаха Иоанна особенно замечателен своею подвижническою жизнью и благоустройством монастыря строитель Ефрем. Саровская пустынь издавна славилась строгим соблюдением иноческих уставов и подвижническою жизнью своих пустынников. В настоящее время Саровская пустынь принадлежит к числу благоустроеннейших и обеспеченнейших русских обителей. В ней находится до 7 храмов; ризница ее замечательна по выдающейся ценности, красоте и изяществу хранимых в ней богослужебных принадлежностей. Обитель обладает большими угодьями.

слушников и отдал в научение старцу, иеромонаху Иосифу, бывшему казначеем обители. Находясь в келейном послушании у старца, Прохор с ревностью исполнял все монастырские правила и уставы и различные братские послушания: в хлебне, в просфорне, в столярне; кроме того, он исполнял в храме обязанности пономаря. Никогда не бывал он праздным, но постоянной работой старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений.

— Болезнь эта врачуется, — говорил он впоследствии по собственному опыту, — молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божиего и терпением, потому что и рождается она от малодушия, беспечности и празднословия.

На церковные службы Прохор являлся прежде всех, выстаивая неподвижно все богослужение, как бы оно ни было продолжительно. Вне церкви любил он уединяться в своей келье. Занимаясь рукоделием или каким-либо иным послушанием, он беспрестанно имел в памяти и сердце молитву Иисусову, силою ее препобеждая различные вражеские искушения. Не довольствуясь тишиною и безмолвием Саровской обители, юный подвижник, соревнуя некоторым старцам, которые с благословения настоятеля удалились на полное уединение из монастырской ограды в глубь монастырского леса[1], — по благословению своего старца Иосифа также удалялся в свободные часы в лесную чащу для молитвенного безмолвия. С молитвою он соединял воздержание и пост, в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни принимал ее только один раз. Все питали уважение и любовь к необыкновенному подвижнику, постоянные и разительные подвиги которого трудно было укрыть, несмотря на глубокое его смирение. Особенно любовь и доверие являли к нему, как бы к своему родному чаду, старцы Пахомий и Иосиф. Эта любовь и всеобщее уважение Саровских иноков к юному подвижнику Христову особенно ясно выразились по следующему случаю.

В 1780 году Прохор тяжко заболел. Все тело его распухло, и он, претерпевая жестокие страдания, неподвижно лежал на своем жестком ложе. Врача не было, и болезнь не поддавалась никаким сред-

---

[1] Таковы, например, были знаменитый игумен и возобновитель Валаамского монастыря Назарий, начавший свое иноческое житие в Сарове и проведший там же последние годы своей жизни, иеромонах Досифей и, особенно, прославившийся своими подвигами схимонах Марк, долгое время бывший молчальником.

ствам; по-видимому, это была водянка. Недуг длился в течение трех лет, половину коих страдалец провел в постели. Но слово ропота никогда не сходило с уст Прохора; всего себя, и тело и душу, он предал Господу и непрестанно молился, слезами своими омывая ложе свое[1]. Духовный отец и наставник Прохора, старец Иосиф, служил ему во время болезни, как простой послушник; настоятель обители, старец Пахомий, неотлучно находился при нем; старец Исаия и другие старцы и братия также много пеклись о нем. Наконец, опасаясь за самую жизнь страдальца, Пахомий с решительностью предлагал ему позвать врача. Но блаженный с еще большей решительностью отказался от врачебной помощи.

— Я предал себя, отче святой, — сказал он старцу, — истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством (то есть причастием святых Тайн).

Тогда старец Иосиф по просьбе больного и по своему собственному усердию отслужил о здравии Прохора всенощное бдение и литургию; на богослужение собрались братия из усердия помолиться о страждущем. После литургии Прохор был исповедан и причастился на болезненном одре своем святых Христовых Тайн.

И вот по причащении ему явилась в несказанном свете Пресвятая Дева Мария, сопровождаемая апостолами Иоанном Богословом и Петром. Обратившись Божественным ликом Своим к Богослову, Она сказала, указывая перстом на Прохора:

— Сей — нашего рода![2]

Потом Она возложила правую руку на его голову, — и тотчас же материя, наполнявшая тело больного, начала вытекать чрез образовавшееся в правом боку отверстие. В скором времени Прохор совсем исцелел и лишь признаки раны, бывшей истоком болезни, всегда оставались на его теле, как бы в свидетельство его дивного исцеления. На месте явления Богоматери вскоре затем, особым промышлением Божиим, была сооружена двухэтажная церковь с двумя престолами и при ней больница, на месте сломанной кельи Прохора. Последний,

[1] По примеру святого псалмопевца, который, среди скорбей и болезней, взывал: *слезами моими омочаю постель мою* (Пс. 6, 7).

[2] Выражение *нашего рода*, очевидно, указывает на то, что преподобный Серафим был особенно усердным молитвенником пред Божией Матерью и потому сам находился под особенным Ее покровом и заступлением, что ясно и подтверждается многочисленными примерами из самого жития преподобного.

по поручению настоятеля, собирал пожертвования на это построение и собственными руками соорудил в нижней больничной церкви престол из кипарисового дерева. Когда престол этот был освящен, преподобный Серафим до конца своей жизни причащался святых Тайн преимущественно в этом храме — для непрестанного памятования о явленном ему на сем месте великом благодеянии Божием[1].

Пробыв в Саровской пустыни восемь лет в звании послушника, Прохор 18 августа 1786 года, двадцати семи лет от роду, удостоился пострижения в иноческий образ, причем ему дано было новое имя — Серафим. С принятием иноческого сана самое значение нового имени[2], напоминая Серафиму о чистоте и пламенном служении Богу Ангелов, возвышало в нем еще сильнейшее желание и святую ревность служить Господу. Серафим усугубил свои труды и подвиги и стал держать себя еще уединеннее, погружаясь во внутреннее Богомысленное созерцание. С небольшим через год после того преподобный был посвящен в сан иеродиакона[3]. С того времени он около шести лет почти беспрерывно служил в этом сане и к трудам прилагал труды, к подвигам еще новые, горя духом и пламенея Божественной любовью. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил он в бодрствовании и усердной молитве, без отдыха, стоя на молитвенном правиле до самой литургии; по окончании же Божественной службы, оставался еще долгое время в храме, приводя в порядок священную утварь и заботясь о чистоте алтаря Господня. И при всем том блаженный Серафим

---

[1] О сем впоследствии старец весьма часто и весьма многим сам говаривал. Престол, сооруженный преподобным Серафимом, был освящен 17 августа 1786 года в честь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и доныне стоит на своем месте. Верхний престол был посвящен во имя Преображения Господня. — Во время трудного подвига сборщика на это построение Серафим был и на своей родине в Курске, но уже не застал благочестивую мать свою в живых; брат его, оставшийся после матери полным хозяином родительского достояния, оказал Прохору, со своей стороны, щедрое пособие для строения монастырской церкви.

[2] Еврейское слово «Серафим» значит: пламень, горение; дальнейшее значение, по некоторым толкованиям, — возвышенный, благородный. Это собственно ангельское имя, коим именовались и именуются светлые духи, принадлежащие к одному из ближайших Богу чинов небесной иерархии, занимающие пред престолом Всевышнего первое место в первом лике. — Имя это было дано Прохору при пострижении его в иноческий образ без его ведома и изволения, и на это можно смотреть, как на выражение понятий о нем монастырского начальства, видевшего ревность Прохора к богоугодной жизни и прозорливо предусматривавшего в нем еще больший пламень по Боге.

[3] Это было в декабре 1787 года.

почти не чувствовал трудов, не утомлялся, не нуждался после них в продолжительном отдыхе, часто совсем забывая о пище и питье, и, отходя для отдыха, жалел, зачем человек не может подобно Ангелам беспрерывно служить Богу.

Все выше и выше восходила душа Серафима по лестнице добродетелей и Богомысленных созерцаний, — и, как бы в ответ на его пламенную святую ревность, Господь утешал и укреплял его в подвигах благодатными небесными видениями, созерцать кои он сделался способным вследствие чистоты сердца, непрестанного воздержания и постоянного возвышения души к Богу. Так, иногда при церковных служениях он созерцал святых Ангелов, сослужащих и воспевающих с братией, в образе молниеносных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; пения их нельзя было ни выразить словом, ни уподобить никакой земной мелодии. *Сердце мое сделалось, как воск, растаяло* (Пс. 21, 15), — говорил он впоследствии словами псалмопевца, вспоминая ту неизреченную радость, которую испытывал при этих небесных явлениях. И не помнил он тогда от той радости ничего; помнил только, как входил в церковь, да выходил из нее.

Но особенно благодатного, знаменательного видения сподобился преподобный однажды во время Божественной литургии на страстной седмице. Это было в великий четверг. Литургию совершали благоговейные старцы Пахомий и Иосиф вместе с блаженным Серафимом, — ибо Пахомий глубоко привязался к юному, но благоискусному иноку и Божественную службу почти всегда совершал с ним. Когда Серафим после малого входа и паремий возгласил: «Господи, еси благочестивым» и, выйдя в царские врата со словами «и во веки веков», навел на предстоящих орарем, его внезапно озарил сверху необыкновенный свет, как бы от лучей солнечных. Подняв взоры на сияние, блаженный Серафим узрел Господа нашего Иисуса Христа в образе Сына человеческого во славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, небесными силами; Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами. От западных церковных врат шел Он по воздуху, остановился против амвона и, воздвигнув руки Свои, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в местный образ близ царских врат[1]. Сердце блаженного

---

[1] Примечательно при сем то обстоятельство, что благодатное видение преподобного Серафима последовало в такое время литургии, когда вход священнослужителей в алтарь изображает шествие их как бы в самое небо, и священник в тайной

преисполнилось неизреченною радостью в сладости пламенной любви к Господу и озарилось Божественным светом небесной благодати. И сам он от этого таинственного видения мгновенно изменился видом, — и не мог ни сойти с места, не проговорить ни слова. Многие заметили это, но никто не понимал настоящей причины происходящего. Тотчас же два иеродиакона подошли к Серафиму и ввели его в алтарь; но и после того он около двух часов стоял неподвижно на одном месте, — только лицо его поминутно менялось: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался в нем живой румянец. Служившим литургию старцам Пахомию и Иосифу казалось, не почувствовал ли Серафим неожиданную слабость сил, которая столь естественно могла случиться с ним в великий четверг после продолжительного поста, особенно при том уважении, какое питал к нему издавна блаженный Серафим; но потом поняли, что ему было видение. Когда Серафим пришел в себя, старцы спросили его, что такое случилось с ним. Серафим кротко, с детской доверчивостью поведал им о своем видении. Опытные в духовной жизни старцы сложили в сердце рассказ его; блаженному же Серафиму внушили, чтобы он не возгордился и не дал бы в душе места пагубной мысли о каком-либо своем достоинстве пред Богом. Но никто, кроме упомянутых старцев, не узнал тогда, какого дивного посещения Божиего сподобился блаженный Серафим.

И святой, после этого благодатного небесного видения, не возмечтал о себе и о своих духовных дарованиях, но еще более утвердился в смиренномудрии. Ограждаемый глубоким смирением, он восходил от силы в силу и, непрестанно подвизаясь в духовном самоуничижении, верно и неуклонно шел царским путем Креста Господнего. С этого времени Серафим стал еще более искать безмолвия и чаще прежнего удалялся для молитвы в Саровский лес, где для него была устроена пустынная келья. Проводя дни с утра до вечера в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, вечером он удалялся в пустынную келью для ночной мо-

---

молитве просит Господа: «Владыко, Господи Боже наш, уста́вивый на небесе́х чи́ны и во́инства Ангел и Архангел, в служение Твоея́ славы, сотвори со входом нашим входу святых Ангелов быти, сослужа́щих нам и славосло́вящих Твою благость», когда поется и Ангельская Трисвятая песнь: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый безсмертный, помилуй нас». Таким образом видение это воочию показало, что не всуе мы веруем, что во время Божественной литургии силы небесные с нами невидимо служат и что с нами в это время соприсутствует Сам Царь Славы — Христос.

литвы, а рано утром опять возвращался в монастырь для исполнения своих обязанностей.

В 1793 году Серафим на тридцать пятом году от рождения был рукоположен в сан иеромонаха[1]. И в этом сане, он, как и прежде, но с еще большею любовью продолжал в течение долгого времени непрерывное священнослужение, причащаясь ежедневно с верою и благоговением святых Христовых Тайн.

Вскоре после этого преподобный Серафим принял на себя еще высший подвиг и добровольно удалился в пустыню. Это было по кончине любимого начальника и наставника его, блаженного старца Пахомия, который и благословил его пред своею кончиною на этот подвиг. С горьким плачем проводив тело своего наставника в землю, Серафим, приняв на то благословение нового настоятеля, старца Исаии, своего отца духовного, оставил обитель для безмолвных подвигов в пустыне[2].

Келья преподобного Серафима находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на высоком холме, верст за 5–6 от монастыря, и состояла из одной деревянной комнатки с печкой. Подле кельи преподобный устроил небольшой огород, а потом и пчельник, которые обнес забором. Невдалеке от Серафима жили в уединении дру-

[1] Тамбовским епископом Феофилом 2 сентября 1793 года по представлению монастырского начальства, ясно видевшего, что отец Серафим по своим подвигам неизмеримо выше других братий и потому заслуживает преимущества перед ними при возведении в высшие степени церковного служения.

[2] Это было 20 ноября (день прихода преподобного в Саровскую пустынь) 1794 года. Доселе хранится в Саровской обители один экземпляр билета, выданного преподобному Серафиму для беспрепятственного проживания в пустынной кельи, за подписью строителя, старца Исаии. Вот текст этого билета: «Объявитель сего, Саровский пустыни иеромонах Серафим, уволен для пребывания в пустыне, в своей (то есть монастырской) даче, по неспособности его в обществе, за болезнью (от непрестанного келейного бдения, постоянного пребывания на служениях в церкви и стояния в течение многих лет на ногах с небольшим лишь отдыхом во время ночи, Серафим пред своим отшествием в пустынножительство впал в недуг; ноги его опухли, и на них открылись язвы, так что он лишился на некоторое время способности священнодействовать. Болезнь эта была немалым побуждением к избранию им себе пустыннической жизни) и по усердию (разумеются его особливые, исключительные иноческие подвиги, требовавшие безмолвия и уединения), и после многолетнего искушения (искуса, иноческого испытания) в той обители и в пустыне, уволен, единственно для спокойствия духа Бога ради, и с данным ему правилом согласно святых отец положениям и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в одном месте и оное утверждаю — строитель иеромонах Исаия, 1797, ноября 20 дня. Для верности печать прилагаю при сем».

гие отшельники Саровские, и вся окрестная местность, состоявшая из разных возвышенностей, усеянная лесом, кустарником и кельями пустынножителей, как бы напоминала собою святую гору Афонскую. Поэтому преподобный наименовал пустынный холм свой горою Афонскою, дав и другим самым уединенным местам в лесу имена разных святых мест: Иерусалима, Вифлеема, Иордана, потока Кедрского, Голгофы, горы Елеонской, Фавора, — как бы для живейшего представления священных событий земной жизни Спасителя, Которому он окончательно предал свою волю и всю жизнь. Непрестанно упражняясь в чтении святого Евангелия, он особенно любил читать в этих местах о соответствующих их именам евангельских событиях. В Вифлеемском своем вертограде воспевал он евангельское славословие: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!*[1] На берегу Саровки, как бы на берегах Иордана, вспоминал он о проповеди святого Иоанна Крестителя и крещении Спасителя. Нагорную беседу Господа о девяти заповедях блаженства он слушал на одной горе́, лежавшей у Саровки, а на другой возвышенности, названной горою Преображения, созерцал в мысленном соприсутствии с апостолами славу Преобразившегося Господа. Забравшись в густоту дремучего леса, он вспоминал по Евангелию моление Господа о чаше[2] и, тронутый до глубины души внутренними Его страданиями, проливал слезные молитвы о своем спасении. На так названной им горе Елеонской он созерцал славу Вознесения Христа на небо и Его сидение одесную Бога.

Одежду преподобный Серафим носил всегда одну и ту же, простую, даже убогую: на голове поношенную камилавку, на плечах полукафтанье как бы в виде балахона из белого полотна, на руках кожаные рукавицы, на ногах кожаные чулки и лапти; на балахоне его висел неизменно тот самый крест, которым благословила его некогда мать, отпуская из дома в святую обитель, а за плечами лежала сумка, в которой подвижник неразлучно носил при себе святое Евангелие, которое всегда напоминало ему о спасительном ношении благого ига и легкого бремени Христова. Все время проходило для ревностного подвижника Христова в непрестанных молитвах и псалмопениях, чтении священных книг и телесных трудах.

В холодную пору преподобный собирал сучья и хворост и рубил своим топориком дрова для отопления своей убогой кельи. Летом он

[1] Рождественское славословие Ангелов пастырям Вифлеемским (Лк. 2, 14).
[2] В саду Гефсиманском пред крестными страданиями.

работал на своем маленьком огороде, который он сам возделывал и удобрял и овощами которого он преимущественно питался. Для удобрения земли он ходил в жаркие летние дни на болотистые места за мохом, — и так как он входил туда, обнажившись и лишь препоясав чресла свои, то комары и другие насекомые, кишевшие над болотом, жестоко уязвляли тело его, так что оно часто не только опухало, но даже синело и запекалось кровью. Но подвижник Божий добровольно терпел эти мучительные язвы, Господа ради, и даже радовался им, потому что, как говорил он, впоследствии, «страсти истребляются страданием и скорбью — или произвольною, или посылаемою промыслом», и потому для совершеннейшего и надежнейшего очищения души принимал на себя произвольные страдания. Собрав таким образом мох, угодник Божий удобрял гряды, сажал семена, поливал их, полол и собирал овощи, непрестанно славословя Бога и изливая тихую, святую радость свою в пении священных песнопений, которыми освежал и назидал дух свой среди однообразия телесных занятий. Обладая светлою памятью, с детства благоговейно внимательный к церковным службам, Серафим знал наизусть множество церковных песнопений, кои и любил воспевать среди трудов в своей безмолвной, уединенной пустыни, причем некоторые, наиболее близкие к преподобному, люди замечали, что многие из этих песнопений имели наибольшее приложение к местности и к его уединенному иноческому доброделанию. Так, святой Серафим особенно любил часто воспевать: *Всемирную славу*[1] — в честь Богородицы, Которую считал покровительницей своей пустыни, — *пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетного кромé*[2] — антифон, изображающий пустынную жизнь и воскрыляющий душу пустынника к предметам Божественным, а также песнопения, возносящие душу человека к великому делу любви Божией, к творению мира и человека, как то: *Иже от не сущих вся приведы́й, словом созидаемая, совершаемая духом*[3]; *Водрузи́вый на ничесо́мже землю повелением Твоим*[4] и т. д.

И вот среди этой трудовой молитвы, занимаясь где-либо работой в огороде, на пасеке или в лесу, преподобный погружался в столь глубокое созерцание духовных тайн, что незаметно для себя прерывал ра-

[1] Богородичен воскресный на вечерне (Догматик) — 1-го гласа.
[2] Воскресный антифон 2-й, 1-го гласа, на утрене.
[3] Ирмос 3-й песни канона воскресного, 3-го гласа.
[4] Ирмос 3-й песни канона воскресного, 5-го гласа.

боту, орудия падали из рук его, руки опускались, глаза придавали лицу особенный, благодатный характер самоуглубления. Старец всею душою погружался в самого себя, умом восходил на небо и витал в Богосозерцании. И если кому-нибудь в такие минуты случалось быть подле или проходить мимо, то никто не смел нарушить благодатной тишины и покоя преподобного, и каждый тихо скрывался от него. В каждом предмете, в каждом делании Серафим видел сокровенное отношение их к духовной жизни и отсюда поучался и возводил умные очи свои горé. Так, при рубке дров, сделав один или три обрубка, он углублялся в созерцание великого таинства Единого Бога, в Троице славимого.

Сверх телесных трудов преподобный Серафим, дабы простираться все выше и выше в духовном совершенствовании, предавался возвышеннейшим занятиям ума и сердца и читал много книг, особенно — Священного Писания, а также святоотеческих[1] и богослужебных. Самой первой книгой для него было святое Евангелие, с которым он никогда не расставался, нося его с собою. Подвижническая жизнь, чистота сердца, молитвенные собеседования с Богом, духовная самоуглубленность и огромная начитанность в Священном Писании и душеполезных книгах — озарили ум его таким светом, что он ясно понимал и всею душою проникал смысл слова Божиего. Он поставил себе в пустыне постоянным правилом ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по нескольку зачал из Евангелия и Апостола. «Душу снабдевать, — говорил он впоследствии, — надобно словом Божиим: ибо слово Божие есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири. От чтения Священного Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устроять и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтением слова Божиего в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит дара разумения». И святой старец от непрестанных упражнений в чте-

---

[1] Таковыми были в особенности аскетические святоотеческие творения, как то: преподобных Иоанна Лествичника и аввы Варсонофия, Ефрема и Исаака Сириных, Маргарит (составленный главным образом из творений святого Иоанна Златоуста) и другие.

нии слова Божиего стяжал себе этот благодатный дар разумения, а вместе с тем — мир душевный и высший дар сердечного умиления. В Священном Писании он искал уже не одной истины, но и теплоты духа, и нередко, за священным чтением из его глаз текли слезы умиления, от которых человек, по собственному признанию старца, согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Ежедневно преподобный совершал по Следованной Псалтири иноческое молитвенное правило, по чину древнейших христианских пустынножителей; в свое время пел и читал 1, 3, 6 и 9-й часы, вечерню, малое повечерие, молитвы на сон грядущим, причем часто также вместо вечернего правила полагал по тысяче поклонов за один раз, полунощницу и другие службы церковные. Изведав все образы и степени молитвы, он восходил не только до подвига так называемой умной молитвы, но и до самой высокой на земле высоты молитвенного созерцания, когда ум и сердце бывают соединены в молитве, помыслы не рассеяны и сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

Так спасаясь в пустыне в течение недели, святой Серафим накануне воскресных и праздничных дней приходил в Саровскую обитель, слушал вечерню, всенощное бдение или утреню и за ранней литургией причащался святых Тайн, после чего до вечерни принимал приходивших к нему по своим нуждам братий, и потом, взяв с собою хлеба на неделю, возвращался в свою пустынную келью. Всю первую неделю Великого поста он проводил в монастыре и в эти дни говел, исповедовался и причащался святых Тайн.

С молитвенными подвигами блаженный старец соединял подвиги великого воздержания и поста. В начале своей пустынной, отшельнической жизни он питался черствым и сухим хлебом, который брал с собою из обители по воскресеньям, на целую неделю, но и из этого количества хлеба он уделял добрую долю пустынным животным и птицам, которые очень любили его и часто посещали место его молитвенных подвигов. Даже диким зверям старец внушал благоговение. Так, к нему часто приходил громадный медведь, которого он кормил; по его слову, медведь уходил в лес и потом приходил снова, и старец кормил его и давал иногда кормить его своим посетителям. Впоследствии, преподобный Серафим еще более усугубил свой пост, отказав-

шись даже от хлеба, и приучил тело к такому воздержанию, что питался, по слову апостола, *работая своими руками* (1 Кор. 4, 12), — одними овощами своего огорода. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения святых Тайн в субботу. Совсем перестав брать хлеб из обители, он в течение более двух с половиной лет жил без всякого содержания от нее, и братия недоумевала, чем мог питаться старец все это время, не только летом, но и зимою; только незадолго до смерти старец поведал некоторым близким ему лицам, что он около трех лет питался лишь отваром из травы сниты[1], которую летом собирал и сушил на зиму.

Между тем многие стали нарушать безмолвие блаженного пустынника, часто посещая его ради духовного наставления и утешения. Многие из Саровской братии приходили к нему за советами и наставлениями или для того, чтобы только повидать его. Умея узнавать и различать людей, старец от некоторых уклонялся, сохраняя молчание. Но тех, кто имел до него действительную духовную нужду, он охотно принимал и с любовью руководил их своими советами, наставлениями и духовными беседами. Таковыми были, например, его постоянные посетители схимонах Марк и иеродиакон Александр[2]; но и они, находя иногда старца совершенно погруженным в Богомыслие, не осмеливаясь нарушить его покой, или дожидались конца его молитвенных подвигов, или, прождав некоторое время, тихо удалялись от старца. Бывали у преподобного и посторонние посетители. Если же вне своей пустынной кельи старец неожиданно встречал кого-либо в лесу, то обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и уходил прочь, ибо от молчания, как говорил он впоследствии в своих наставлениях, никто никогда не раскаивался. Но вообще Серафим тяготился посетителями, нарушавшими его безмолвие. Особенно было для него тяжело, когда приходили к нему женщины; но уклоняться от наставлений им он не мог, считая это делом, неугодным Богу. Тогда святой старец на том случайном основании, что женскому полу возбранен вход на святую гору Афонскую, решился распространить это

[1] Распространенное в России травянистое растение, обильно размножающееся подземными корнями, большей частью — сорное и плохопитательное, но употребляется в народной медицине от некоторых болезней, а молодые листья иногда употребляются в качестве овощей в щах.

[2] Первый из них бывал у него раза два в месяц, а последний — однажды. Преподобный Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах.

запрещение и на свой холм, названный им тем же именем. Придя однажды в монастырь во время совершения Божественной литургии, Серафим просил на то благословения у строителя Саровского, старца Исаии, который, после некоторого недоумения[1], благословил его на то иконой Богоматери, именуемой «Блаженное Чрево»[2]. Вместе с тем старец Серафим обратился с горячею мольбою к Богу и Пресвятой Богородице, дабы желание его исполнилось, и женщинам был бы возбранен вход на его пустынный холм, так чтобы это не было камнем преткновения и соблазна, как некоторым из братий, так еще более и мирянам; в удостоверение изволения Божия на это прошение он просил знамения в виде преклонения ветвей дерева, мимо которого он проходил, возвращаясь с праздника Рождества Христова из Сарова в свою пустынную келью. И вот, когда он на 26 декабря ночью пошел в Саров к Божественной литургии, то, дойдя до места, где грунт земли круто спускается вниз, увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья с вековых сосновых деревьев завалили дорожку и преградили проход к его келье, тогда как с вечера ничего подобного не было. Тогда святой старец в чувстве живейшей благодарности Богу пал на колени, уразумев из происшедшего, что желание его угодно Господу. И сам он поспешил завалить колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще посторонним лицам с этих пор вход к нему был совершенно закрыт.

При виде таких подвигов великого старца исконный враг рода человеческого вооружился против него всевозможными искушениями и кознями. Так, он наводил на подвижника различные страхования, то испуская за дверями как будто вой дикого зверя, то представляя, что как будто скопище народа ломит дверь его кельи, выбивает косяки, бросает в старца обрубок дерева и т. п.; по временам и днем, но особенно ночью, во время молитвенного предстояния преподобного старца Серафима, ему видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается и со всех сторон врываются с яростным ревом страш-

[1] Благословляя преподобного Серафима, Исаия заметил с недоумением: «Да как же я могу за пять верст смотреть, чтоб женам не было входа?» Но Серафим на это с верою и убеждением заметил: «Вы только благословите, и уже никто из них не взойдет на мою гору».

[2] Празднуется этой иконе, наименованной согласно евангельскому выражению (Лк. 11, 27): «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие», в неделю всех святых и 26 декабря, когда именно старец Серафим испрашивал у строителя обители Исаии благословения, чтобы женщинам не было входу на его пустынную гору.

ные звери; иногда вдруг пред ним появлялись отверстые гробы с восстающими из них мертвецами. И когда впоследствии один мирянин, в простоте сердца своего, спросил его: «Батюшка, видали ли вы злых духов?» — он отвечал с улыбкою: «Они гнусны, — как на свет Ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они — гнусны». Но все эти страшные видения, ужасы и искушения, сопровождаемые иногда и телесными страданиями, благодатный старец превозмогал теплою молитвою и препобеждал силою честного и животворящего Креста Господня.

Неоднократно старец Серафим был искушаем духом честолюбия, избираемый в игумены и архимандриты разных монастырей[1]; но он всегда в таких случаях с непоколебимою твердостью, растворенною глубоким смирением, отклонял от себя эти назначения, стремясь к истинному подвижничеству и в иноческом житии ища лишь спасения души своей и ближних.

Видя смиренномудрие святого старца, диавол воздвиг на него сильную мысленную брань[2], поддерживая ее с такою силою, от которой падали некоторые и из великих подвижников. Тогда старец Серафим, в тяжком душевном обстоянии, обратился с сердечной молитвой к Подвигоположнику нашего спасения Господу Иисусу Христу и его Пречистой Деве Матери, и в то же время для устранения и истребления диавольских козней решился принять на себя новый высший молитвенный подвиг по примеру древних христианских столпников. В глубине дремучего леса, в ночное время, никем не видимый, всходил он на высокий гранитный камень, для усиления своего молитвенного подвига, и долговременно молился на нем, стоя на ногах или коленопреклоненный, взывая от глубины души мытареву молитву:

---

[1] Так, преподобного Серафима предназначили было настоятелем в городе Алатырь (уездный город Симбирской губернии), с возведением в сан архимандрита; ибо, с одной стороны, Саровская пустынь неоднократно давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители, с другой — духовное начальство знало старца Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввой — настоятелем какой-либо обители. В другой раз Серафима предназначали строителем в Краснослободский Спасский монастырь. Но в обоих случаях, по усердной просьбе старца и по взаимной любви и согласию братии, его заменили другими иноками Саровскими.

[2] *Брань* — монашеское аскетическое выражение, означающее упорное и продолжительное искушение, которому диавол подвергает сопротивляющихся ему иноков. По причине этой борьбы с диаволом иноки на языке аскетов часто зовутся духовными воинами.

— *Боже, милостив будь мне грешному!*

В келье своей этот новый столпник поставил также небольшой камень, на котором молился с утра до вечера, оставляя тот камень лишь для отдохновения от крайнего изнурения сил или для небольшого укрепления себя скудной пищей. В этом великом подвиге преподобный Серафим провел тысячу дней и тысячу ночей. Враг окончательно был побежден, и мысленная брань прекратилась. Но от такого необычайного молитвенного подвига и почти трехлетнего стояния на ногах старец пришел в крайнее телесное изнурение и получил тяжкие, болезненные язвы на ногах, кои не оставляли его до самой смерти. И только тогда, наконец, прекратил он свой невыносимо тяжкий подвиг столпничества, на который и в древности решались лишь весьма немногие подвижники. Но при жизни старца никто не знал об этом необычайном молитвенном его подвиге, который он сумел скрыть от любопытствующего взора человеческого. К бывшему после старца Исаии игумену Нифонту был о Серафиме от Преосвященного епископа Тамбовского тайный запрос, на который настоятель Саровский отвечал: «О подвигах и жизни отца Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии тысячи дней и ночей на камне, никому не было известно»[1]. И лишь незадолго до блаженной кончины своей преподобный Серафим, по примеру многих других подвижников, в числе других обстоятельств своей жизни поведал некоторым из Саровской братии и об этом своем дивном подвиге. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих. На это святой старец заметил со смирением веры:

— Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе: а мои труды похожи ли на его подвиг?

Когда же собеседник заметил, что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати укрепляющей, преподобный отвечал:

— Да, иначе сил человеческих не хватило бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, свыше нисходящим от Отца светов.

Потом, немного помолчав, прибавил:

— Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами[2].

---

[1] В бумагах обители сохранился этот отзыв игумена Нифонта в черновике.

[2] Камни, на которых подвизался преподобный Серафим, доселе сохраняются и некоторое время после кончины его оставались на своих местах, где лежали. Братия обители и богомольцы ходили смотреть на них, так что в пустынь Серафимову вме-

Посрамленный диавол начал строить новые козни святому старцу для удаления его из пустыни. Он послал на него злых людей, которые, встретив преподобного в лесу, стали требовать от него денег, будто бы получаемых им от приходящих к нему мирян. Старец отвечал, что он ни от кого не получает денег. Но они не поверили, и один из злодеев бросился на него, но сам упал. Серафим обладал телесной силой и, с топором в руках, мог бы защищаться против трех разбойников. Но он вспомнил слова Спасителя: *все, взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26, 52) и, опустив топор, сложил крестообразно на груди руки и кротко сказал:

— Делайте, что вам надобно.

Один злодей, подняв топор, так сильно ударил старца обухом топора по голове, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Преподобный Серафим в беспамятстве упал. Злодеи продолжали яростно бить его обухом топора, поленьями, руками и ногами. Наконец, заметив, что он не дышит и считая его мертвым, они связали ему веревками руки и ноги, намереваясь бросить тело его, для сокрытия своего преступления, в реку; сами же бросились в келью старца за предполагаемой добычей, но, тщательно пересмотрев, перебрав и переломав все в келье, ничего не нашли, кроме святой иконы и нескольких картофелин. Тогда они пришли в страх и раскаяние, что убили, без всякой пользы для себя, святого, нестяжательного человека Божиего, и бросились бежать. Между тем Серафим, очнувшись и кое-как развязав себе руки, вознес к Богу молитву о прощении своих убийц и с трудом дополз до своей кельи, где провел всю ночь в жестоких страданиях. На другой день с величайшим трудом добрел он в обитель во время литургии. Вид его был ужасен: волосы были смочены кровью, спутаны и покрыты пылью и сором, лицо и руки избиты, уши и уста запеклись кровью, несколько зубов было вышиблено. На вопросы ужаснувшейся при сем зрелище братии старец молчал, но, попросив к себе настоятеля, старца Исаию, и монастырского духовника, поведал им о случившемся. И вот, к злорадству диавола, Серафим принужден был остаться в монастыре. Нестерпимо страдал он и лежал еле живой, не

сто прежней тропинки впоследствии открылась просторная дорога, по которой ездили экипажи. Многие отбивали и брали себе частицы камня с изображением на них старца Серафима, стоящего на камнях в молитвенном положении, так что от того большого камня, на котором преподобный молился в глубине леса, остался один обломок, сохраняющийся в Дивеевской обители; там же хранится и тот камень, на котором старец молился в своей келье.

принимая никакой пищи. Так прошло восемь суток. Тогда, отчаявшись за его жизнь, послали за врачами, которые, освидетельствовав Серафима, нашли, что голова у него проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами, и удивлялись, как старец мог остаться в живых после таких побоев. Для совещания о том, что лучше предпринять к облегчению старца, братия собрались в его келье. В то же время послали за настоятелем. И вот, — в ту минуту, когда оповестили, что настоятель идет, преподобный Серафим забылся и уснул тонким, легким, спокойным сном. Во сне увидел он дивное видение, подобное тому, какое видел некогда ранее, когда, еще в бытность свою послушником, лежал в смертельной болезни. К нему подошла Пресвятая Богородица, в царской порфире, окруженная небесною славою; за Ней шли апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым Ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла:

— Что вы трудитесь?

Потом, обратясь опять лицом к старцу Серафиму, произнесла:

— Сей — от рода Моего!

После этого видение, которого присутствовавшие и не подозревали, кончилось, — а когда настоятель вошел в келью, больной снова пришел уже в себя. Отец Исаия стал настоятельно и с любовью уговаривать его воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, несмотря на отчаянное свое положение, после стольких забот о нем, к удивленью всех, твердо отвечал, что теперь он не желает никакого пособия от людей, умоляя настоятеля позволить ему предоставить свою жизнь Богу и Пресвятой Богородице. Настоятель принужден был исполнить желание старца, который от дивного Божественного посещения в продолжение нескольких часов находился в несказанной, неземной радости. Потом старец успокоился и почувствовал облегчение от болезни и постепенное возвращение сил. Немного времени спустя он уже встал с постели, начал немного ходить по келье и вечером подкрепился пищей. С того же самого дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Со дня болезни старец пробыл в монастыре около пяти месяцев. Болезнь сделала его согбенным, что еще и ранее замечалось в нем, после того как однажды при рубке он был придавлен деревом. Но, почувствовав в себе опять силы к провождению пустынной жизни,

Серафим обратился к настоятелю с просьбой отпустить его в пустыню. Старец Исаия и братия упрашивали его остаться навсегда в монастыре. Но преподобный твердо отвечал, что ни во что вменяет подобные нападения, как случившееся с ним, и готов перенести до смерти все оскорбления, какие бы ни случились. Тогда отец Исаия благословил то желание, и Серафим возвратился в свою пустынную келью.

Вскоре после этого разбойники, избившие старца, были найдены; то были крепостные люди некоего местного помещика Татищева. Тогда преподобный Серафим, с любовью простив их, просил настоятеля и помещика не наказывать их, объявляя, что в противном случае он оставит Саровскую обитель и тайно удалится в другие отдаленные святые места. По мольбе старца злодеев простили, но Бог покарал их за Своего угодника: вскоре сильный пожар совершенно истребил их жилища. Тогда разбойники пришли в раскаяние и со слезами просили у преподобного Серафима прощения и святых молитв, возвратившись его благословением на путь добродетельной жизни.

За свои высокие подвиги и богоугодную жизнь святой старец сподобился от Бога благодатного дара прозорливости. Но тем более он избегал славы человеческой и стремился к безмолвию.

В 1806 году настоятель Саровской обители, старец Исаия, по своему болезненному положению и преклонности лет, удалился от дел, и братия единодушно избрала на его место преподобного Серафима. Но Серафим уклонился от этого, как по своему глубокому смирению, так и по крайней любви к пустыне и безмолвию. Тогда настоятелем был избран отец Нифонт, с детства известный Серафиму. Между тем старец Исаия, вследствие недугов своих и слабости сил не имея возможности ходить за шесть верст в пустынь к преподобному Серафиму и вместе с тем не желая лишиться утешения беседовать с ним, сильно скорбел о том. Тогда братия, по усердию, стали возить престарелого Исаию в пустынь к преподобному Серафиму, за телесною немощью обоих. Но вскоре и этот последний из самых дорогих друзей преподобного Серафима по жизни духовной отошел ко Господу. Эта потеря поразила Серафима глубокой скорбью, и с того времени он еще более и чаще стал размышлять о тленности привременной этой жизни, о жизни будущей и страшном суде Христовом. Вместе с тем он с особенным усердием стал молиться об упокоении душ дорогих сердцу его блаженного Пахомия, Иосифа и Исаии и,

проходя мимо монастырского кладбища, всегда на их могилках возносил пламенные моления ко Всевышнему о них и о других Саровских старцах и подвижниках, называя их, по пламенности и высоте молитв, «огненными от земли до небес». И другим старец завещевал чаще поминать их в молитвах. Так, одной знакомой инокине, нередко бывавшей в Сарове и посещавшей Серафима, последний дал такую заповедь:

— Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка и прочих, и потом говори про себя: простите, отцы святые, и помолитесь обо мне.

По смерти старца Исаии преподобный Серафим не изменил своего образа пустыннической жизни, но придал новый характер своему подвижничеству, возложив на себя тяжкий подвиг молчальничества. Приходили ли к нему в пустыню посетители, — он не выходил к ним. Случалось ли ему самому встретить кого в лесу, — он падал ниц на землю и до тех пор не поднимал очей, пока встретившийся не проходил мимо. В таком безмолвии прожил он около трех лет. Незадолго до этого срока, он перестал посещать даже Саровскую обитель по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему и пищу в пустынную его келью, особенно зимою, когда у старца не было своих овощей. Пища приносилась раз в неделю, в воскресный день. Когда брат входил в сени, старец, сказав про себя: «Аминь», отворял двери, потупив лицо в землю, и лишь когда брат уходил, старец клал на лоток, лежавший на столе, небольшую частицу хлеба или немного капусты, в знак того, что́ принести ему в следующее воскресенье.

Но это все были только наружные знаки молчальничества. Сущность же многотрудного подвига старца заключалась собственно не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего, совершеннейшего посвящения себя Богу.

Многие из братии весьма сожалели о таком удалении благодатного старца от общения с ними и о подъятом им на себя подвиге молчальничества, а некоторые даже как бы укоряли его за то, что он уединяется, тогда как, пребывая в близком общении с братией, он мог бы назидать их и словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении своей души. Но на все сии упреки старец отвечал словами преподобного Исаака Сирина: «Возлюби праздность безмолвия предпо-

чтительно насыщению алчущих в мире» и святого Григория Богослова: «Прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

И подъятый преподобным Серафимом на себя многотрудный подвиг молчальничества совершеннейшим образом очищал и просвещал праведную душу его и еще более и выше возводил в тайны Богосозерцания, совершенно обезоруживая диавола для борьбы с пустынножителем. Какие плоды духа приносил для Серафима этот подвиг, — об этом ясно можно судить по наставлениям святого старца касательно безмолвия, несомненно основанным и на собственном опыте. «Когда мы в молчании пребываем, — говорил впоследствии преподобный Серафим, — тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: это же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания рождаются умиление и кротость. В соединении с другими занятиями духа молчальничество возводит человека к благочестию. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным Ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: *А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66, 2). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл неразвлекаемым. Наконец, приобревшего это ожидает мирное состояние». Так проходил преподобный Серафим подвиг молчальничества и, достигая высших дарований духовных, получал и новые благодатные утешения, ощущая в сердце неизреченную *радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17).

Переходя далее по лестнице добродетелей и иноческого подвижничества, преподобный Серафим возложил на себя еще высший подвиг затворничества. Это произошло следующим образом. В это время после Исаии настоятелем Саровским был отец Нифонт, муж богобоязненный и добродетельный, и в то же время великий ревнитель устава и порядков церковных. Между тем Серафим со времени смерти Исаии, положив на себя обет молчания, жил в пустыне своей безысходно, как в затворе. Прежде он хаживал по воскресным дням в Саровскую обитель для причащения святых Тайн. Но теперь он от болезни ног, развившейся от долговременного стояния на камнях, и хо-

дить не мог. Многие из иноков соблазнялись этим обстоятельством, недоумевая, кто же причащает его святых Тайн, и потому строитель созвал, наконец, монастырский собор из старших иеромонахов, представив им на разрешение вопрос относительно причащения старца Серафима. После совещания старцы решили предложить Серафиму, чтобы он или ходил, если здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель в воскресные и праздничные дни для причащения святых Тайн; если же ноги не служат ему, то навсегда бы перешел на жительство в монастырскую келью. Общим советом было положено спросить через брата, носившего по воскресеньям пищу старцу Серафиму, что он изберет. Брат так и сделал, но на первый раз старец не отвечал ему ни слова. Брату поручили вторично передать Серафиму в следующий воскресный день предложение монастырского собора. Тогда старец Серафим, благословив брата, отправился вместе с ним пешком в обитель, знаком дав при этом понять, что он не в силах был, по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было 8 мая 1810 года, когда преподобному Серафиму было пятьдесят лет от роду. Возвратившись в обитель после пятнадцатилетнего пребывания в пустыне, Серафим, не заходя в свою келью, отправился в больничный корпус. Это было днем пред наступлением всенощного бдения. По удару в колокол старец явился на всенощное бдение в Успенский храм. Все братия пришли в сильное удивление, когда между ними мгновенно разнесся слух, что старец Серафим решился поселиться в обители. На другое же утро, 9 мая, в день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая, Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился святых Христовых Тайн. Из храма он направился в келью строителя Нифонта и, приняв от него благословение, поселился в прежней своей монастырской келье. Но при этом старец никого, однако, не принимал к себе, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, подъяв на себя, таким образом, новый, труднейший подвиг затворничества.

О подвигах преподобного Серафима в затворе известно лишь очень немного, ибо он никого к себе не допускал и ни с кем не промолвил ни слова. В келье своей он не имел ничего, даже самых необходимых вещей: икона Богоматери, пред которой всегда горела лампада, и обрубок пня, заменявший стул, составляли все. Для себя самого он не употреблял даже огня. На плечах своих под рубашкой он носил на веревках большой пятивершковый железный крест для умерщвления

плоти, *чтобы дух был спасен* (1 Кор. 5, 5). Но вериг и власяницы он не носил никогда. «Кто нас оскорбит словом или делом, — говорил он, — и если мы переносим обиды по-евангельски, — вот вериги нам, вот и власяница. Эти духовные вериги и власяницы выше железных». Одежду преподобный Серафим продолжал носить ту же, что и в пустыне. Пил он одну только воду, в пищу же употреблял лишь толокно, да белую квашеную капусту. Воду и пищу приносил ему живший с ним по соседству инок по имени Павел. Сотворив молитву у кельи старца, брат ставил пищу у дверей. А затворник, чтобы никто его не видал, накрывал себя большим полотнищем и, приняв блюдо, стоя на коленях, уносил его в свою келью, как бы принимая его из рук Божиих. Затем, подкрепившись, ставил посуду на прежнее место, скрывая опять лицо свое полотном, по примеру пустынножителей, которые под кукулем[1] скрывали лицо свое.

Молитвенные подвиги старца в затворе были никому недоведомы; известно лишь, что они были весьма тяжелы, велики и многообразны. И здесь он по-прежнему совершал свое пустынное правило и все ежедневные службы, кроме Божественной литургии. Кроме того, он часто совершал «умную» молитву[2] Иисусову или Богородичную. На молитве святой старец погружался иногда в глубокое созерцательное, молитвенное настроение, стоя пред иконой, но, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом созерцая в сердце Господа. В течение недели он прочитывал по порядку весь Новый Завет: с понедельника по четверг четыре Евангелия — по одному каждодневно и в остальные дни недели книгу Деяний апостольских и Послания. В сенях сквозь дверь, иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя новозаветные священные книги, и многие приходили и слушали слово его в свое наслаждение, утешение и назидание. В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался святых Тайн Христовых. Чтобы никогда не забывать о часе смертном, яснее представлять и ближе видеть его перед собою, святой Серафим попросил сделать для него гроб и поставить его в сенях затворнической его кельи. Желание святого старца было исполнено: ему выдолбили из цельного дуба гроб с крышкой, и он, некрашеный, всегда

---

[1] *Кукуль* — монашеский головной убор в виде клобука со спускающимся на плечи крепом; в древней Церкви обычная принадлежность монашеского облачения.

[2] «Умной» молитвой на языке аскетов называется созерцательная богомысленная молитва, когда подвижник всей душою погружается в нее в безмолвии.

стоял в сенях. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. В беседах с Саровскими братиями блаженный Серафим часто говорил относительно этого гроба:

— Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе.

Вместе с духовными подвигами старец-подвижник стал соединять и телесный труд, освежая иногда усталую старческую грудь свежим воздухом. По предрассветным утрам, когда все еще спало, святой старец часто, читая молитву Иисусову, быстро двигался по кладбищу, среди могильных памятников или еще где-либо, взад и вперед, перенося тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое, ближайшее к келье, место. Когда однажды послушник — будильщик, обрадованный таким видением, бросился к старцу, целуя его ноги и прося у него благословения, — Серафим, благословив его, сказал:

— Оградись молчанием и внимай себе.

Пробыв в затворе пять лет, святой старец потом несколько ослабил его, сначала более лишь внешним образом: и келейная дверь у него была открыта, и всякий мог приходить к нему, но на вопросы имевших нужду в его наставлениях он, приняв на себя обет молчания пред Богом, не отвечал, безмолвно продолжая свое духовное делание. Бывший тогда Тамбовский епископ Иона, часто посещавший Саровскую обитель, однажды пожелал видеть лично отца Серафима и с этой целью подошел было к его келье; но преподобный, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодия, и на этот раз не нарушил своего молчания и затвора[1]. Видно, преподобному Серафиму не наступило еще тогда время оставить затвор. Так понял это и преосвященный, который на предложение игумена Нифонта снять двери кельи старца с крючков отвечал отказом, говоря: «Как бы не погрешить нам». И оставил старца в покое.

Но вскоре после этого для преподобного Серафима действительно приспел час — совершенно оставить подвиг своего затворничества и молчальничества. С полным самоотречением, терпением, смирением и непостыдною верою пройдя путь общежительного инока, пустынника, столпника, молчальника и затворника, он стяжал себе ве-

---

[1] Преподобный Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться примером преподобного Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания. Архиепископ Александрийский, Феофил, желая прийти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери. Арсений отвечал: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю». Тогда Феофил сказал: «Лучше мне не ходить к нему».

ликую чистоту душевную и сподобился от Бога высших благодатных дарований духовных. И тогда, по Вышней воле, ему надлежало оставить безмолвие и, продолжая жизнь всю в Боге и для Бога, исполненную высшего отречения от мира, выступить на служение тому же миру — своею любовью, ниспосланными от Бога благодатными дарованиями учительства, прозорливства, чудес и исцелений, своим духовным руководством, молитвою, утешением и советами. Таким образом, преподобный Серафим подъял на себя высочайший подвиг так называемого старчества[1], в котором и окончил свое многотрудное и праведное житие.

Сей подвиг великого старца начался с того, что он еще через пять лет уже начал вступать в беседы с приходившими к нему посетителями и, прежде всего, иноками. В своих беседах с ними преподобный Серафим главным образом направлял их к утверждению в соблюдении всех иноческих правил, внушая неопустительно совершать и слушать церковное богослужение по церковному уставу, непрестанно заниматься «умною» молитвою, неукоснительно и усердно проходить со смирением свое послушание, за трапезою сидеть со страхом Божиим, без уважительной причины не выходить за монастырь, удерживаться от своеволия и самочинения, хранить взаимный мир и т. д. После этого святого старца стали навещать и посторонние, мирские посетители. Двери его кельи стали открыты для всех — от ранней литургии до восьми часов вечера. И старец всех принимал, преподавая каждому благословение и соответствующие краткие наставления. Посетителей благодатный старец принимал одетый, обыкновенно, в длинную белую одежду в виде балахона и в полумантию, с епитрахилью и в поручах; впрочем, последние он носил лишь в воскресные и праздничные дни, когда причащался святых Христовых Тайн.

С особенной любовью святой старец принимал к себе искренно и смиренно кающихся и тех, кто проявлял в себе горячее усердие к духовной жизни христианской. После беседы с ними преподобный Серафим имел обыкновение возлагать на их преклоненные головы ко-

[1] Старчество представляет собою один из самых высших подвигов иночества, на который способны только немногие избранные люди. Это — духовное руководительство и врачевание «старцами» иноков и всех приходящих, имеющих нужду в духовном утешении и совете. Добровольные ученики, приходя к старцу, раскрывают пред ним всю свою душу и отдаются в полное его послушание, а старец берет на себя труднейший подвиг любви христианской и великую ответственность пред Богом за их души.

нец епитрахили и правую свою руку. При сем он предлагал им произносить за собою краткую покаянную молитву, после чего сам произносил разрешительную молитву[1], отчего приходившие получали облегчение совести и какое-то особое духовное наслаждение; затем старец крестообразно помазывал чело посетителя елеем из лампады, горевшей пред находившимся в его келье образом Божией Матери Умиления, которую он называл иконою Божией Матери — *Радости всех радостей*, а в том случае, когда это было до полудня (то есть до надлежащего времени вкушения пищи), давал вкушать *великой агиасмы* (Богоявленской воды) и благословлял частицею антидора или освященного на всенощном бдении благословенного хлеба; потом — с каждым христосовался, в какое бы время то ни случилось, напоминая тем о спасительной силе воскресения Христова, и давал прикладываться к образу Божией Матери или к висевшему на груди его кресту. Одних, открывавших ему какие-либо особые свои недуги и скорби сердечные, он утешал и облегчал особыми, соответственными, добрыми отеческими советами и врачеваниями духовными; в других случаях — старец предлагал общехристианское назидание, особенно о непрестанной памяти о Боге, молитве и целомудрии. Во всех таких случаях он особенно завещевал всегда хранить на устах и в сердце молитву Господню — «Отче наш», Архангельскую молитву — «Богородице Дево, радуйся», Символ веры и молитву Иисусову — «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», которые он считал особенно действенными и спасительными. Среди других посетителей, иногда являлись к святому Серафиму и знатные лица, и государственные деятели, коим он делал соответствующие наставления, относясь к ним с должной честью и христианской любовью, обращая внимание на важность их сана и отсюда поучая их верности святой Православной Церкви и отечеству. Посещали старца и лица царской фамилии; так в 1825 году у него принял благословение великий князь Михаил Павлович. Но особенно много являлось к святому старцу простолюдинов, требовавших от него не только наставлений, но иногда и житейской помощи, с верою на его святость и прозорливость, — и он не только утешал таковых нравственно, но и помогал им в их горе и нуждах силою своей прозорливости, с которой он указывал, например, бедным крестьянам, где найти потерянное или

[1] Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между «освященными», то есть имеющими степень священства, аввами.

украденное у них добро, заповедуя им только при этом ограждаться молчанием. Нередко он также исцелял недужных, помазуя их в таких случаях елеем из лампады, висевшей пред упомянутым келейным его образом Божией Матери Умиления. Но при всем том преподобный Серафим вполне не оставлял еще своего затвора; сняв с уст печать молчания и принимая посетителей, он сам никуда, однако же, не выходил из своей кельи.

Вскоре наступило для преподобного Серафима время совсем оставить свой затвор. Но прежде чем решиться на это, он обратился к Богу с молитвою о высшем изволении на открытое окончание затвора. И вот в ночь на 25 ноября 1825 года старцу явилась в сонном видении Божия Матерь, вместе с празднуемыми в этот день святителями Климентом Римским и Петром Александрийским, и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь. На другой день, востав от сна и сотворив свое обычное молитвенное правило, он сообщил о своем желании игумену Нифонту, от которого и получил на то благословение. С этого времени преподобный Серафим стал посещать свою пустынную келью и молиться в ней.

Особенно часто старец ходил на так называемый «Богословский» родник. Этот родник находился верстах в двух от монастыря и существовал с давних пор, еще до поступления Серафима в Саров; но он находился в запустении: бассейн был покрыт накатом из бревен и засыпан землею; вода утекала из него только одной трубой. Вблизи родника, на столбике, стояла икона святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, отчего родник и получил свое наименование. Место это очень полюбилось преподобному Серафиму. Согласно его желанию, родник был расчищен и возобновлен; накат, закрывавший бассейн, снят и вместо того сделан новый сруб с трубою. Здесь старец и стал проводить подолгу время, занимаясь Богомыслием и телесными трудами; ибо в прежнюю келью, по болезни, он ходить уже не мог. Старец собирал в реке Саровке камешки и унизывал ими бассейн родника; устроил подле для себя гряды, сажал овощи. На горке, около родника, для старца был устроен маленький сруб без окон и даже без дверей, с земляным входом со стороны под стенкой. Подлезши под стенку, преподобный Серафим отдыхал в этом убогом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя; впоследствии была поставлена ему новая келья с дверями и печью, но без окон. Здесь, в своей пустыни, он проводил все будничные дни, к вечеру

возвращаясь в монастырь. Место это стали называть нижней пустынькой отца Серафима, а родник — колодцем отца Серафима.

Умилительно было видеть этого смиренного, согбенного старца, подпиравшегося мотыгой[1] или топором, в пустыне за рубкою дров или за возделыванием гряд в убогой камилавке без крепа, в холщовом белом балахоне с сумою на плечах, где лежало Евангелие и груз из камней и песка для умерщвления своей плоти. На вопросы некоторых, для чего он это делает, — старец отвечал:

— Я томлю томящего меня.

Число посетителей благодатного старца значительно увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, другие посещали его в пустыне, жаждая увидеть его и принять от него благословение и наставление. Умилительно было видеть, когда преподобный Серафим возвращался в свою пустыньку после принятия святых Тайн — в мантии, епитрахили и поручах. Шествие его замедлялось от множества толпившегося около него народа. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы никого не видал, погруженный весь в размышления о благодатной силе святого таинства. Глубоко уважавший и любивший благодатного старца игумен Нифонт по поводу множества посетителей святого Серафима говаривал:

— Когда отец Серафим жил в пустыне (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских.

С этих пор в преподобном Серафиме Бог открыл верующим по истине великое и драгоценное сокровище. Особенно усладительна была душеполезная беседа благодатного старца, проникнутая какою-то особенной любовью и в то же время дышащая тихою, живительною властью. И все обхождение его с посетителями отличалось прежде всего глубоким смирением и всепрощающей, действенной любовью христианской. Речи его согревали сердца, даже черствые и холодные, озаряли души духовным разумением, растворяли их к слезному и сокрушенному покаянию, возбуждали отрадную надежду на возможность исправления и спасения даже в закоренелых и отчаявшихся грешниках, наполняли душу благодатным миром. Никого не поражал угодник Божий жестокими укоризнами или строгими выговорами, ни на кого не возлагал тяжкого бремени. Высказывал он нередко и обличе-

[1] *Мотыга* — кирка, заступ, железная лопатка.

ния, но кротко растворяя слово свое смирением и любовью. Стараясь возбудить голос совести советами, он указывал пути спасения, и часто так, что слушатель на первый раз и не понимал, что речь идет о его душе; но потом сила слова, осоленного благодатью, непременно производила свое действие. Слово свое, как и всю свою жизнь, и все свои действия, преподобный Серафим всегда основывал на слове Божием, на святоотеческих творениях и на поучительных примерах из жизни святых, благоугодивших Богу. При этом старец особенно чтил тех святых, которые явились наиболее доблестными ревнителями и поборниками православной веры, как то: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, Климента, папу Римского, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Амвросия Медиоланского и так далее, и при этом постоянно убеждал стоять за непоколебимость веры и любил объяснять, в чем состоит чистота Православия. Любил он также говорить об угодниках отечественной Церкви, например о святителях Московских Петре, Алексии, Ионе и Филиппе, о Димитрии Ростовском, преподобном Сергии, Стефане Пермском и так далее, поставляя жизнь их правилом на пути к спасению. Все эти речи благодатного старца, помимо вышеуказанных их свойств, имели особенную силу еще и потому, что прямо прилагались к потребностям слушателей и имели ближайшее отношение к их жизни и тем частным нуждам и случаям, ради коих они приходили в Саров к преподобному Серафиму.

Особенно соблюдал и охранял святой Серафим чистоту Православия. Так, на вопрос одного раскольника, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая, старец с властью заметил:

— Оставь свои бредни. Жизнь наша есть море, святая Православная Церковь наша — корабль, а кормчий — Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское, и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду — спастись без кормчего?

В другой раз в Саровскую обитель привезли больную женщину, скорченную до такой степени, что колени ее сведены были к груди. Когда ее внесли в келью преподобного Серафима, он стал расспрашивать ее, откуда она и отчего приключилась с ней такая болезнь. Больная чистосердечно, ничего не утаивая, раскрыла пред старцем как на духу свою душу, что она родилась в Православной Церкви, но замуж

вышла за раскольника, весьма закоснелого в своем лжеучении; вследствие долговременного влияния мужа и его семьи, она оттолкнулась от Православия, и за то Бог внезапно покарал ее: ее как бы опалило, после чего начались сильные корчи. Страшная ломота терзала несчастную женщину четыре года, в продолжение коих она не могла двинуть ни ногой, ни рукой. Благодатный старец спросил больную, верует ли она ныне в матерь нашу святую Православную Церковь, и, на утвердительный ответ, приказал больной перекреститься троеперстным сложением. Та отозвалась немощью, по которой не может даже руки поднять. Когда же преподобный с молитвою помазал ей елеем из висевшей у него лампады грудь и руки, недуг мгновенно оставил ее, и она возблагодарила старца, даровавшего ей исцеление. Народ дивился при виде этого чуда, весть о коем быстро распространилась по монастырю и его окрестностям.

По чистоте своего духа стяжав дар прозорливости, преподобный Серафим нередко давал иным наставления, относившиеся прямо к их внутренним чувствам и мыслям сердечным, прежде чем они раскрывали пред ним те обстоятельства, ради которых они обращались к нему, — и тем неотразимее в таких случаях действовало слово его. Вот особенно поразительный пример сего.

Однажды приехал в Саров из-за любопытства заслуженный генерал-лейтенант Л. Осмотрев монастырские здания и ничего не получив для души своей, он хотел уже уезжать; но его остановил один помещик, по фамилии Прокудин, убеждая генерала зайти к затворнику — старцу Серафиму. Надменный собой, генерал сначала отказывался, но потом, уступая усиленным убеждениям Прокудина, согласился видеть старца. Как только вошли они в келью, преподобный, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордого генерала. Прокудин же, заметив, что ему не следует оставаться с ними в келье, вышел в сени, и украшенный орденами генерал около получаса беседовал со старцем. Через несколько минут послышался из кельи Серафима плач: то плакал, как малое дитя, генерал. Через полчаса дверь отворилась, и святой Серафим вывел генерала под руки; тот продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им в келье старца. Преподобный вынес их и надел ордена на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саров-

ский затворник, и еще никогда не знал о возможности такой прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до самых тайных подробностей. Между прочим, ордена генерала во время беседы его с Серафимом свалились, причем старец заметил:

— Это потому, что ты получил их незаслуженно.

Любовь благодатного старца была, казалось, всеобъемлюща и безгранична; казалось, что он любил всех и каждого больше, чем мать любит единственного сына своего возлюбленного. Не было такого страдания, такой скорби у ближнего, которых бы он не разделил, не принял бы в душу свою и для врачевания которых не нашел бы соответствующих цельбоносных средств. И вот он стал в глазах православного русского народа прибежищем, духовной опорой и утешением всех страждущих и обремененных, скорбящих и озлобленных, милости Божией и благодатной помощи требующих. Лица всех возрастов, званий и состояний и обоих полов с полною, как бы детскою доверчивостью, искренно и чистосердечно раскрывали пред ним свой ум и сердце, свои сомнения и недоумения, свои духовные нужды и печали, свои прегрешения и греховные помыслы, для смиренного исповедания коих, без всякого ложного стыда и утайки, нередко на помощь приходил сам облагодатствованный старец, прозорливо читая в душе посетителя и вслух пред ним раскрывая его грехи и помыслы. И любвеобильный святой старец всех удовлетворял и успокаивал, никто не уходил от него без облегчения и душевного умиротворения, без действительного наставления и благодатного утешения, — ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни униженные, ни знатные. Народа, особенно за последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно до тысячи человек, а иногда до двух и более. Но святой старец не тяготился этим и со всяким находил время побеседовать на пользу души, в кратких словах объясняя каждому то, что ему именно было благопотребно. И все ощущали его великую любовь и ее благодатную силу, и потоки слез нередко вырывались и у таких людей, кои имели твердые и окаменелые сердца.

Нередко преподобный Серафим возбуждал во многих зависть, нарекания или же недоумения, что он всех принимал к себе без разбора, всем одинаково делал добро, всех равно выслушивал, утешал и наставлял, не различая ни пола, ни звания, ни состояния и нравственных достоинств приходивших к нему посетителей. По поводу этого преподобный Серафим говорил не раз:

— Положим, что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание я могу принести Богу на страшном суде Его?

В другой раз, когда один инок спросил старца: «Что ты всех учишь?» — тот отвечал:

— Я следую учению Церкви, которая поет: *не скрывай слов Божиих, но возвещай о чудесах Его*[1].

Таким образом, святой старец прием к себе всех приходящих считал делом совести, обязательством своей жизни, в котором Бог потребует от него отчета на страшном суде. Но при всем этом, когда старец видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям и с пути греха и погибели становились на путь добродетели и спасения, то не восхищался этим как плодом своего дела, ничего не относя к себе, но за все благословляя Благодателя — Бога, говоря в таких случаях:

— *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей* (Пс. 113, 9).

И еще говорил он о том же:

— Мы должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: *тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20).

Однажды к преподобному Серафиму пришли одновременно в келью один купец Владимирской губернии и строитель Высокогорской пустыни отец Антоний[2]. Преподобный с любовью стал кротко и ласково обличать купца в его пороках и предлагать ему соответствующее наставление. Речь благодатного старца была настолько растворена теплотою сердца, что и купец, к которому она относилась, и случайно присутствовавший при сем отец Антоний были тронуты до слез. Последний, когда купец вышел из кельи, обратился к святому старцу с такими словами:

— Батюшка! Душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале: еще совсем не выслушав этого богомольца, вы сами ему все уже высказали. Вижу я теперь, что ум ваш так чист, что от него ничто не скрыто в сердце ближнего.

---

[1] На вечерне вторника страстной седмицы, из стихиры на «Господи воззвах». 4-го гласа.

[2] Впоследствии известный наместник Троице-Сергиевой лавры.

Но преподобный Серафим, как бы заграждая уста своего собеседника, возложил на них свою руку и промолвил:

— Не так ты говоришь, радость моя: сердце человеческое открыто Единому Господу и один лишь Бог — сердцеведец, а *приступит человек, и сердце глубоко* (слав. Пс. 63, 7).

— Да как же вы, батюшка, — снова вопросил отец Антоний, — не спросили ни одного слова от купца и все сказали, что ему потребно?

Тогда преподобный Серафим со смирением ответил:

— Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел яко к рабу Божию: я, грешный Серафим, так и думаю, что я — грешный раб Божий, что мне повелевает Господь как рабу Своему, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что́ у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия для его пользы. Как железо — ковачу, так я передаю себя и свою волю Господу Богу: как ему угодно, так и действую; своей воли не имею; а что Богу угодно, то и передаю.

Между тем эта благодатная прозорливость преподобного Серафима была поистине необычайна. Получая письма, он часто, не распечатывая их, знал их содержание и давал ответы: «вот что скажи от убогого Серафима» и так далее. После блаженной кончины его, нашли много таких нераспечатанных писем, на которых в свое время даны были ответы. Духом святой старец был в единении со многими подвижниками, которых никогда не видел и которые жили от него за тысячи верст. Когда в затворнике Задонского Богородицкого монастыря Георгии возник помысл, — не переменить ли ему своего места на более уединенное, и никто, кроме него самого, не знал об этом его тайном смущении, вдруг приходит к нему какой-то странник из Саровской пустыни от отца Серафима и говорит ему:

— Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидев в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться.

С этими словами странник поклонился и ушел. Когда же его стали искать, то не могли уже найти его ни в монастыре, ни за монастырем.

Еще ничего не было слышно об угоднике Божием Митрофане,

первом епископе Воронежском, и о предстоящем его прославлении: не было еще никаких ни откровений, ни явлений, а между тем преподобный Серафим в нескольких словах, собственноручно написанных, поздравлял преосвященного архиепископа Воронежского Антония с открытием святых мощей угодника Божия Митрофана.

Одному мирянину, некоему А. Г. Воротилову, старец не раз говорил, что на Россию восстанут три державы и много изнурят ее; но за Православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда речь эта была непонятна, но впоследствии события объяснили, что старец говорил это о Крымской кампании.

С 1831 года Серафим многим предвозвещал о предстоящем голоде, и по его совету в Саровской обители сделали запас хлеба на шесть годовых потреб, и, вследствие этого, в обители не было голода. Когда явилась первая холера в России, преподобный открыто предвозвещал, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве, — и предсказания эти исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Сарове, ни в Дивееве не умерло ни одного человека.

Старец равно видел прошедшее и будущее, в нескольких словах очерчивал предстоящую жизнь человека и говорил речь и давал советы, казавшиеся странными, но впоследствии обстоятельства оправдывали их и они оказывались полными духа прозрения.

Кроме дара прозорливости, Господь продолжал являть в преподобном Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Еще ранее, в 1823 году, до окончательного оставления старцем своего затвора, одним из первых и разительнейших явлений этой Богодарованной ему чудодейственной благодати было исцеление им от неподдававшейся никакому лечению болезни одного соседнего помещика Ардатовского уезда М. В. Мантурова. Когда недуг принял угрожающие размеры, так что у болящего выпадали даже кусочки кости из ног и всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, Мантуров, по совету своих ближних и знакомых, решился ехать в Саров, за сорок верст от своего имения Нуч, к отцу Серафиму, молва о святой жизни которого в то время распространилась уже по всей России. С большим трудом Мантуров внесен был в сени кельи благодатного затворника, которого слезно стал просить об исцелении его от ужасного недуга. Тогда старец с сердечным участием и отеческою любовью спросил его, верует ли он в Бога. Получив от болящего троекратное твердое и искреннее уверение в безусловной вере в Бога, преподобный ласково сказал ему:

— Радость моя! Если ты так веруешь, то верь и в то, что верующему все возможно от Бога, а поэтому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь.

После того он удалился в свою келью и, немного времени спустя, вышел оттуда со святым елеем из лампады, висевшей пред образом Божией Матери Умиления, велел Манторову обнажить ноги и помазал больные места. И тотчас же струпья, покрывавшие тело, мгновенно отпали, и Манторов получил исцеление и без посторонней помощи вышел из кельи Саровского чудотворца. Когда же Манторов, почувствовав исцеление, в радости бросился в ноги преподобному, лобызая их и благодаря за исцеление, старец, приподняв его, строго сказал:

— Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить, — что ты, батюшка? Это — дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает. Господу Всемогущему, да Пречистой его Матери дай благодарение.

С этими словами смиренномудрый угодник Божий отпустил Манторова.

Не менее поразительно было совершенное святым старцем в 1827 году исцеление некоей женщины Александры, жены дворового человека Лебедева. Она более года страдала, по-видимому, беспричинно овладевшими ею страшными припадками, сопровождавшимися рвотой, скрежетом зубов, судорогами всего тела, после чего болящая впадала в полное беспамятство; такие припадки повторялись с ней ежедневно. Принимаемые лекарями к прекращению недуга страдалицы средства не имели никакого успеха, а один опытный, верующий и честный врач, принявший в больной особенно сердечное участие и истощивший над ней все свое внимание, познания и искусство, наконец дал ей совет положиться на волю Всевышнего и просить у Него помощи и защиты, ибо из людей никто ее вылечить не может. Это привело в глубокую скорбь всех присных больной и повергло ее в отчаяние. И вот в одну ночь явилась к ней незнакомая, весьма старая женщина и, когда болящая в испуге стала читать молитву святому кресту, сказала ей:

— Не бойся меня: я — такой же человек, только теперь не этого света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к отцу Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя.

Больная осмелилась спросить ее:

— Кто ты такая и откуда?

Явившаяся отвечала:

— Я из Дивеевской общины, первая настоятельница — Агафья.

На другой день родные повезли больную в Саров, причем по дороге с ней делались страшные обмороки и судороги. Сарова больная достигла после поздней литургии во время трапезы братии, когда преподобный затворился и никого не принимал. Но не успела еще больная, приблизившись к его келье, сотворить обычной молитвы, как старец вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келью. Здесь он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице, потом напоил больную Богоявленскою водой, дал ей частицу антидора и три сухарика и сказал:

— Каждые сутки принимай по сухарю со святой водой, да сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафьи, возьми себе земли и сотвори, сколько можешь, поклонов: она (Агафья) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления.

Преподав еще несколько кратких наставлений о молитве, преподобный с миром отпустил больную, причем недуг тогда же отошел от нее весьма ощутительно и как бы с неким шумом. Впоследствии болезнь к ней не возвращалась, и она имела многих сыновей и дочерей.

Много различных исцелений совершил над тяжко болящими преподобный Серафим, многие из них записаны, другие остались записанными лишь на скрижалях сердец облагодетельствованных им; в кратком сказании о жизни угодника Божиего недостало бы им места. Во всех этих случаях старец, как мы о том упоминали, имел обычай мазать больных маслом из лампады, горевшей пред его келейной иконой Богоматери — *Умиления,* и когда его вопрошали, почему он это делает, отвечал:

— Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от этого исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?

И помазанные преподобным больные получали исцеления.

В келье у Серафима горело много лампад и теплилось множество восковых свечей, больших и малых, на разных круглых подносах. И на тайный помысл одного из посетителей, к чему это, прозорливый старец отвечал:

— Как вам известно, у меня много особ, усердствующих ко мне и благотворящих «мельничным сиротам» моим (сестрам Серафимо-

Дивеевского монастыря). Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться о них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала однажды. А как я не смогу повторять их на каждом месте правила, то и ставлю эти свечи за них в жертву Богу — за каждого по свече; за иных — за несколько человек одну большую — и, где следует, не называя имен, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила. А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем Божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: *Вне завесы ковчега откровения в скинии собрания Аарон [и сыны его] должны ставить оный* (светильник) *пред Господом от вечера до утра всегда: это вечное постановление в роды ваши* (ср.: Лев. 24, 3). Вот почему святая Церковь Божия приняла в обычай возжигать в святых храмах и в домах верных христиан кандилы или лампады пред святыми иконами Господа, Божией Матери, святых Ангелов и святых человеков, Богу благоугодивших.

А о Богословском роднике, получившем наименование колодца «Серафимова», старец впоследствии поведал:

— Я молился, чтобы вода эта в колодце была целительною от болезней.

И тогда вода этого родника получила особые, необыкновенные и целебные свойства, сохраняющиеся доселе. Вода эта не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Ею во всякое время года обливаются и омываются больные и здоровые, даже в сильные холода, и получают пользу. Многим, тяжко страдавшим от болезненных язв, преподобный Серафим приказывал омыться водою из его источника, — и все получали от этого исцеление. Некоторые от омытия сею водою получали прозрение; другие, вкушая ее, получали скорое исцеление от внутренних недугов и с одра тяжкой болезни восставали здоровыми и бодрыми. Некая женщина, М. В. Сипягина, была тяжко больна, чувствовала ужасную тоску от болезни, несмотря на свое усердие, не могла в постные дни есть пищи, положенной уставом. Преподобный Серафим приказал ей напиться воды из его источника. После этого у нее без всякого принуждения вышло горлом много желчи, и она исцелела. Во время холеры в 30-х годах прошлого столетия немало верующих стекалось на колодец «Серафимов» из отдаленных даже стран и, по вере своей, получали от его целебных вод

облегчение и исцеление. Так, ротмистр Теплов, у которого было имение в Екатеринославской губернии, где холера начала производить большую смертность, при виде повальных заболеваний своих людей вспомнил, что преподобный Серафим ранее, как бы невзначай, говаривал ему:

— Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келью: он о тебе помолится.

Воспоминание это побудило его с женою обратиться заочно к старцу Серафиму, чтобы он избавил их от пагубной болезни. И вот в ту же ночь, в сонном видении, старец является жене Теплова и приказывает ей отправиться на Богословский родник, взять оттуда воды, напиться и омыться ею, как им Тепловым, так и их людям. С полною верою в силу ходатайства угодника Божия Серафима, Тепловы отправились на родник, напились и умылись из него и наполнили водою из него целую бочку, которую отвезли в свое именье. И действительно, больные люди Теплова, из коих многие были уже при смерти, получали дивное исцеление, пользуясь исключительно присланною им водою, и никто с тех пор не умирал от холеры в имении Теплова.

Но преподобный Серафим видел не только земное: неоднократно открывались ему и небесные тайны. Однажды после продолжительной беседы с иноком Иоанном, с младенческою доверчивостью относившимся к святому старцу, о житии святых Божиих, их дарованиях и небесных обетованиях последний несколько раз повторил ему:

— Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасется около тебя.

Потом преподобный поведал и о себе:

— Усладился я словом Господа моего Иисуса Христа: *В доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14, 2). И остановился я, убогий, на этих словах, и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтобы Он показал мне их, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Вот я и был восхищен в эти небесные обители, — только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, — сказать тебе невозможно.

С этими словами преподобный замолчал, склонился несколько вперед, голова его поникла, глаза закрылись, и старец протянутою кистью правой руки мирно и тихо водил против сердца. Лицо его дивным образом изменилось и издавало такой необычайный свет, что не-

возможно было даже смотреть на него; на устах же и во всем выражении его просветленного лица сияла такая духовная радость, что он казался как бы земным Ангелом, как будто что-то умиленно созерцая и слушая.

Так прошло с полчаса, после чего преподобный заговорил:

— Ах, если бы ты знал, возлюбленный, какая радость, какая сладость ожидает праведного на небе, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби с благодарением. Если бы самая эта келья была полна червей, и они бы всю жизнь нашу ели нашу плоть, то и тогда надо бы на это со всяким желанием согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости.

Влияние благодатного старца не ограничивалось лишь Саровской пустынью. Исключительное значение он имел для развития местного женского иночества. Особенно трогательны были отношения преподобного Серафима к Дивеевской общине, основанной около 1780 года помещицей Владимирской губернии, вдовой полковника Агафьей Семеновной Мельгуновой. В молодых летах лишившись мужа, она возымела намерение посвятить жизнь свою Богу и с этою целью обошла многие святые места. И вот, отдыхая верстах в двенадцати от Саровской обители, в селе Дивееве, она в полусне увидала Божию Матерь, поручавшую ей остаться на сем месте и воздвигнуть храм в честь Казанской чудотворной иконы Ее. Впоследствии к Мельгуновой, принявшей монашество с именем Александры, присоединились еще и другие подвижницы, и таким образом было положено начало Дивеевской обители, с которою неразрывно связано имя преподобного Серафима Саровского. Еще сама первоначальница Дивеевской обители, умирая, поручила будущую участь сестер преподобному Серафиму, бывшему в то время иеродиаконом, и блаженный старец Пахомий, игумен Саровский, оставляя мир сей, на него же возлагал попечение о Дивеевской общине. Преподобный Серафим заботился о ней с истинно отеческой любовью и попечительностью. Дивеевские сестры ходили к нему за благословением и разрешением различных недоумений, передавали о своих нуждах. Старец же попечительно преподавал им добрые и душеполезные советы, с всей заботливостью вникая в жизнь и порядки общины.

По молитвам преподобного, на средства благотворителей, питавших особенную веру к нему и получивших по его молитвам исцеления, Дивеевская община значительно расширилась, чего требовала и самая населенность ее. Вместе с тем святой Серафим разделил оби-

тель под общим начальством и руководством на две половины, так что в некотором расстоянии за особой оградой воздвиглись новые кельи с отдельным храмом, и явился как бы новый монастырек. «На это, — говорил он, — есть изволение Господа и Божией Матери». Так сделал угодник Божий потому, что считал неудобным и неполезным, чтобы чистые девы жили вместе со вдовами, проведшими некоторое время в брачной жизни. По указанию Пресвятой Богородицы, старец выбрал для этого место саженях в ста от Казанской Дивеевской церкви на пожертвованном для этого участке, причем на вновь приобретенной земле устроил для Дивеевских сестер собственную мельницу.

Заботясь о сестрах Дивеевских, в особенности о «своих мельничных сиротах», как обыкновенно называл преподобный Серафим сестер вновь отделенной общины, он неустанно утешал их в скорбях их многотрудной, исполненной тяжких лишений, иноческой жизни, удерживал малодушных, из коих некоторые хотели возвратиться даже к мирской жизни, ибо многие стеснялись крайними лишениями, так как обитель тогда ничем не была обеспечена. Но благодаря благодатному влиянию преподобного Серафима, Дивеевская обитель стала привлекать к себе более и более сестер, искавших под отеческим руководством святого старца богоугодной иноческой жизни. Некоторые посвящали жизнь свою Богу в Дивеевской обители из благодарности за исцеления, полученные по молитвам святого старца. Иных он, по своей прозорливости, с малолетства как бы предназначал к сему, и заранее, в духе этого предназначения, руководствовал к поступлению в обитель. А когда сестры общины, боясь за ее будущность ввиду ее материальной необеспеченности и неопределенности положения, скорбели о том, старец, утешая их, говорил, что это место избрала для них Сама Царица небесная, Которая во всем им поможет, так что у них и хлеба́ свои будут, и церкви, и устав церковный будет, как в Сарове, и что он, «убогий Серафим», всегда за них колени преклоняет. Сестры Дивеевской обители находились в полном послушании преподобного Серафима. Без благословения старца ничего не начинали. Когда какая-либо сестра хотела на время отлучиться из обители, то, как пред выходом, так и по возвращении в обитель, являлась к преподобному на благословение.

Для сестер Дивеевской обители Серафим оставил особое молитвенное правило, равно как преподал им наставления относительно

хранения ризницы и церковного имущества и так далее. Сначала сестры «мельничной общины» не имели отдельного, особого храма, что представляло для них довольно значительные неудобства. Но после того как угодник Божий дивным образом исцелил вышеупомянутого Мантopoвa, тот из благодарности к старцу, согласно его убеждениям, продал свое имение и отдал все свое достояние на построение большого каменного храма для «мельничных» сестер. Храм был воздвигнут двухпрестольный — во имя Рождества Христова и Рождества Богородицы — и освящен в 1829 году.

Что касается до трудов и подвигов рукоделия, то преподобный Серафим постановил для Дивеевских сестер заниматься исключительно трудом, свойственным простому классу людей. Но рисования, шитья шелками и золотом и других подобных работ, требующих некоторого углубления ума и более относящихся к искусству и предметам роскоши, старец не хотел допускать.

Все эти завещания старца строго исполнялись в Дивеевской общине. Уклонения же от них влекли обычно за собою неприятные для обители последствия; но Серафим своими молитвами охранял ее от нужды и бедствий. Так, преподобный завещал, чтобы в созданном им Христорождественском храме, где всегда должна быть читаема Псалтирь, горели пред иконой Спасителя неугасимая свеча и пред иконой Божией Матери — неугасимая лампада, и присовокупил, что, если это завещание его будет в точности исполняться, Дивеевская община не будет терпеть нужды и бедствий, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. Но однажды церковница, когда все вышли из храма, увидела, что масло все выгорело, и лампада потухла, а между тем это было последнее масло. Тогда, вспомнив о завещании старца Серафима, она подумала, что вот слова его не исполнились, и что, следовательно, и другим предсказаниям его доверять нельзя. Вера в прозорливость благодатного старца начала оставлять ее. Но вдруг она услыхала треск и, склонив голову, увидела, что лампада зажглась и полна масла, и в ней плавают две мелких ассигнации. В смятении духа поспешила она к старице Елене Васильевне Мантopoвой, у которой была в послушании, поведать о дивном видении. На пути ее встретил крестьянин, вручивший ей для передачи триста рублей ассигнациями на масло для неугасимой лампады за упокой его родителей.

Не ограничиваясь данными Дивеевским инокиням завещаниями и простирая виды гораздо далее, преподобный Серафим еще при жизни своей приготовил место для построения собора, тогда как ранее сестры пользовались для молитвы приходским храмом.

— У нас, матушка, — говорил он одной Дивеевской старице, утешая ее, — и свой собор будет. На нашей земле и свои стада будут, и овечки, и волы. Что нам, матушка, унывать? Все у нас будет свое. Сестры будут и пахать, и хлеб сеять.

Помышляя о построении собора, преподобный выбрал и место для него недалеко от Казанской церкви, на половине расстояния между старой и новой обителью, и приобрел денег на покупку земли; но, по обстоятельствам, постройка храма была остановлена на неопределенное время.

Таким образом Серафим образовал особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутой Агафьей Семеновной Мельгуновой[1]. Но по духу он не отделял мельничной общины от Дивеевской и первоначальницей обеих считал инокиню Александру (Мельгунову), память которой глубоко чтил. Покровительницей же новоустроенной общины старец признавал Божию Матерь.

— Вот, матушка, знайте, — говорил он одной старице, — что место это Сама Царица небесная избрала для прославления Своего имени: Она вам будет стена и защита.

С такой же попечительностью и любовью преподобный Серафим заботился также еще об Ардатовской обители[2] и Зеленогорской женской общине[3], во исполнение благодатного завета Богоматери, поручившей ему в дивном видении для руководства и устроения эти три женские обители.

К концу своей жизни преподобный сподобился от Бога необыкновенно дивных даров благодати. Дверей своей кельи он более уже

[1] 27 июля 1842 года был получен указ Святейшего Синода об утверждении общежительной Дивеевской обители в составе обоих отделений. В 1861 году Дивеевская община возведена в третьеклассный женский монастырь, и в настоящее время представляет собой одну из самых многолюднейших и благоустроеннейших женских обителей на Руси, вмещающую в себе до тысячи и даже свыше сестер

[2] В 1861 году Покровская Ардатовская община, основанная около 1800 года мещанкой Василиссой Дмитриевной Пахомовой, возведена на степень третьеклассного монастыря.

[3] Ныне Спасо-Зеленогорский третьеклассный общежительный женский монастырь.

никогда не запирал. В обхождении с ближними в нем всегда явно проявлялся дух христианской кротости и смиренномудрия. Беседы его, как с монашествующими, так и с мирянами, поражая своей дивной простотой, производили глубочайшее, неотразимое впечатление даже на неверующих и маловерных, обращая их на путь спасительного покаяния. И простецы, и ученые, и раскольники — получали от бесед с ним великое духовное назидание и утешение. Дар прозорливости и чудотворений возрастал в благодатном старце все более и более. По свидетельству многих генералов, офицеров и солдат, участвовавших в Севастопольской кампании, получившие от преподобного в напутствие благословение и освященной воды и с верою повторявшие на поле битвы: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима!» — оставались целы и невредимы даже ввиду крайней опасности и неизбежной смерти. Весьма часто преподобный Серафим давал душеполезные наставления для будущего, которого обыкновенному смертному никак не предусмотреть, и прозорливо читал в душе вопросы ищущих наставления, прежде чем их успевали высказать. Однажды к нему пришли две девицы: одна — уже пожилая, от юности пламеневшая любовью к Богу и желавшая иночества, другая — молодая, о монашестве совсем и не думавшая. Но святой старец первой из них сказал, что к монашеству ей дороги нет, а в браке она будет счастлива, а второй сказал, что она будет инокинею, назвав даже монастырь, в котором она будет подвизаться. Обе девицы вышли от старца с недоумением и неудовольствием, но последствия оправдали его, и предсказания святого старца сбылись в точности. Душа человеческая была открыта пред преподобным, как бы лицо в зеркале. Некоторых, из ложного стыда боявшихся обличения старца он исповедовал, сам сказывая их грехи, как будто они при нем были совершены. Часто угодник Божий одним своим видом и простым словом приводил грешников к сознанию, и они решались исправиться от своих пороков. Так, однажды к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как бы кем-то был отталкиваем. Наконец сам старец обратился к нему и строго спросил: «А ты куда лезешь?» Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувством глубочайшего смирения, в присутствии всех бывших, начал вслух раскаиваться в своих пороках и особенно в совершенной им перед тем краже, сознаваясь, что он недостоин явиться пред лицо такого светильника.

Неоскудные исцеления истекали от святого подвижника, но он, когда то замечали, со смирением возражал, что это творится не им «убогим», а молитвенным предстательством Богоматери и апостолов Христовых. Все пившие и умывавшиеся из источника Серафимова, по его благословению, получали дивные исцеления от своих недугов; такую целебную силу вода эта получила по молитве преподобного Серафима. Одному иноку, страдавшему полным расслаблением рук, старец, взяв сосуд со святой водой, сказал: «Бери и пей», и тот выпил воды и исцелел.

Других исцелял он елеем из лампады, горевшей всегда у него в келье пред иконой Божией Матери. Одного крестьянина, умиравшего от холеры, угодник Божий исцелил, приложив к иконе Богоматери, напоив его святой водой и велев обойти кругом обители и, зайдя в собор, помолиться в нем, где, согласно предсказанию старца, «милосердие Божие» исцелило умиравшего. Многим преподобный Серафим являлся еще при жизни своей в сонных видениях и исцелял от пагубных болезней, особенно в холерное время, когда от освященной из Серафимова источника воды исцелялись, по милости Божией, не только отдельные личности, но и жители целых селений. Бесноватых угодник Божий исцелял иногда одним своим присутствием, крестом и молитвою. Молитвы Серафима были так сильны пред Богом, что бывали примеры восстановления болящих от смертного одра. Так, жена некоего Воротилова была при смерти; муж ее, питая большую веру к преподобному, обратился к нему со слезной просьбой помочь болящей жене его; но старец объявил, что жена его должна умереть. Тогда Воротилов, обливаясь слезами, припал к ногам его, умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Преподобный погрузился минут на десять в «умную» молитву, потом раскрыл глаза, поднял Воротилова на ноги и радостно сказал ему: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей жизнь. Гряди с миром в дом свой». Воротилов с радостью поспешил домой, где узнал, что жена его почувствовала облегчение, и именно в ту минуту, когда преподобный Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

Иным старец предсказывал близкую смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского погребения; другим предсказывал для исправления о наказании Божием, имеющем постигнуть их в случае нераскаянности. В Бозе почившему наместнику Троице-

Сергиевой лавры, архимандриту Антонию[1], бывшему в то время строителем Высокогорской обители, он предсказал скорое и неожиданное перемещение в «великую лавру, которую вверяет ему промысл Божий».

Приближаясь к концу своего многотрудного жития, преподобный не только не смягчал скорбей его, но к прежним подвигам присоединял новые труды и подвиги. Спал старец в последние годы своей жизни, сидя на полу, спиной прислонившись к стене и протянув ноги; иногда же преклонял голову на камень или на деревянный обрубок или ложился на мешках, кирпичах и поленьях, находившихся в его келье; приближаясь же к минуте своего отшествия из этого мира, становился на колени и спал лицом к полу на локтях, поддерживая руками голову. Пищу он вкушал однажды в день, вечером; одежду носил убогую и бедную. А на вопрос одного богатого человека, зачем он носит такое рубище, старец отвечал:

— Иоасаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы[2].

Преподобный Серафим совсем уже умер для мира, не переставая в то же время с беспредельной любовью молитвенно предстательствовать пред Богом за живущих в нем. Небо стало для него совсем родным. Когда курские посетители спрашивали Серафима, не имеет ли он передать чего своим родственникам, он, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкой промолвил:

— Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец.

Вся Россия в это время знала и чтила преподобного Серафима как великого подвижника и чудотворца[3]. Однажды замечено было, что во

---

[1] Антоний, в миру А. Г. Медведев, известный сотрудник и сподвижник Филарета, митрополита Московского, наместник Троице-Сергиевой лавры с 1831-го по 1877 год, был избран на этот пост по личному желанию святителя и за продолжительное время своего наместничества привел лавру в цветущее во всех отношениях состояние.

[2] См. Четьи-Минеи 19 ноября.

[3] Благоговейные иереи и архиереи Православной Церкви, отличавшиеся подвигами и духовной жизнью, питали к преподобному Серафиму глубокое уважение и веру, писали к нему письма, спрашивая его советов. Особенно уважение питал к нему Антоний, архиепископ Воронежский, известный своей святой жизнью к иноческими подвигами. Вскоре после блаженной кончины угодника Божия он говорил про него: «Мы — как копеечные свечи, а он — как пудовая свеча, всегда горит пред Господом, как прошедшей своею жизнью, так и настоящим дерзновением пред Пресвятою Троицею».

время молитвы старец стоял на воздухе, и когда видевший это в ужасе вскрикнул, старец строго запретил ему рассказывать о том до его кончины, под угрозою возвращения болезни, от которой исцелил его[1].

За год и десять месяцев до своей кончины преподобный Серафим сподобился благодатного посещения Богоматери. Это было в праздник Благовещения, 25 марта. За два дня он известил о том одну благочестивую Дивеевскую старицу, которая сподобилась этого дивного видения, ради утешения ее и других Дивеевских сестер в их многоскорбном иноческом житии. Угодник Божий предупредил старицу, чтобы она ничего не боялась, а сам стал на колени, воздев руки к небу. Послышался шум, как бы от большого ветра, потом раздалось церковное пение.

— Вот Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядет к нам! — произнес преподобный.

Келью озарил яркий свет, распространилось дивное благоухание.

Впереди шли два Ангела, держа ветви с только что распустившимися цветами. За ними шли в белых блестящих одеждах святой Иоанн Предтеча и евангелист Иоанн Богослов, далее Богоматерь, сопровождаемая двенадцатью святыми девами — мученицами и преподобными. Царица небесная была облечена в мантию, какая пишется на образе Скорбящей Божией Матери, и сияла необыкновенным светом и несказанной красотой; сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи; на голове была возвышенная прекрасная корона, разнообразно украшенная крестами и сиявшая таким светом, что невозможно было смотреть на нее, равно как и на Божественный лик Самой Богоматери. Девы шли за Богоматерью попарно, в венцах, в несказанной небесной славе и красоте. Келья вдруг сделалась просторной и вся наполнилась огнями особенного света, светлее и белее солнечного. Пресвятая Дева милостиво беседовала с преподобным старцем, как бы с родным человеком. Старица же в страхе пала ниц; но Богоматерь успокоила ее и велела встать. А святые девы, утешая старицу в многоскорбной жизни, поведали ей, указывая на свои светлые венцы, что они получили их за земные страдания и поношения. Пресвятая Богородица много беседовала с преподобным Серафимом, но старица

---

[1] Случай этот был засвидетельствован княгинею Е. С. Ш. со слов исцеленного преподобным ее расслабленного сына. При этом старец, заметив, что болящий видел это, строго повелел ему «оградиться молчанием» и не говорить о том до его смерти, что тот и исполнил.

не расслышала их беседы; слышала она только, что Пречистая просила его не оставлять Ее дев Дивеевских, обещая ему Свою помощь и заступление. Видение кончились тем, что, указывая на венцы святых дев, Богоматерь обещала таковые же и другим девам и подвижницам. Затем, обращаясь к святому старцу, прибавила:

— Скоро, любимиче мой, будешь с нами.

Потом благословила его, после чего простились с ним и все бывшие здесь святые.

Восходя все выше и выше по лестнице добродетелей и подвигов иноческих, преподобный Серафим приблизился, наконец, к отшествию своему из этого мира. Еще за год до смерти он почувствовал крайнее изнеможение. В это время он достиг семидесяти двух лет. В пустыньку свою он стал ходить уже не часто, тяготился даже в Сарове принимать многочисленных посетителей. Тяжкие страдания ног, которые мучительно болели от непрестанных бдений, от раннейшего молитвенного стояния на камне в продолжение тысячи дней и ночей и от жестоких истязаний разбойников, не давали ему покоя до конца его жизни, и из язв на ногах непрестанно истекала материя, но видом преподобный оставался светлым и радостным, духом чувствуя ту небесную радость и славу, которую уготовал Бог любящим Его.

По-прежнему подавая многим верующим благодатные исцеления и содействуя благоустройству и спасению многих чудным даром своей прозорливости, преподобный Серафим начал теперь предрекать и о своей близкой кончине. Преподавая иным последние наставления, он упорно твердил: «Мы с тобою более не увидимся»; иным монашествующим лицам, а также мирянам рекомендовал впредь входить во все распоряжения и заботы о своем спасении самим, замечая, что они никогда более не увидятся и прощаются навсегда, и прося их молитв о себе. Часто видали святого старца за это время в сенцах около кельи на приготовленном для него по его просьбе гробе, где он предавался размышлениям о загробной жизни, нередко сопровождавшимся горьким плачем. О том же он полунамеками, а иногда и прямо говорил некоторым из Дивеевских сестер, повторяя:

— Ослабеваю я силами, живите теперь одни, оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери.

Некоторые просили у угодника Божиего благословения навестить его еще предстоящим Великим постом в Сарове, но он отвечал:

— Тогда двери мои затворятся, вы меня не увидите.

И по телесному виду стало очень заметно, что жизнь преподобного Серафима быстро угасает, но духом он еще более прежнего бодрствовал. Намекал он о своей близкой кончине и ближайшим друзьям и сподвижникам своим, например блаженному иеромонаху Тимону, верному ученику своему, подвизавшемуся в Надеевской пустыне, причем преподал ему последние душеполезные наставления.

— Сей, — повторял он ему, — сей, отец Тимон, данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей и на камене, сей при пути, сей и в тернии, все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будешь от Господина своего: но отдавай его торжникам, — пусть куплю дают.

За четыре месяца до блаженного преставления преподобного Серафима, в августе 1832 года, его навестил в его пустыни преосвященный Арсений, епископ Тамбовский (впоследствии митрополит Киевский). Осмотрев Саров, владыка подробно осмотрел и пустыню Серафимову, его убогую келью, причем побывал и в том небольшом, между стеной кельи и печкой, помещении, где угодник Божий часто подвизался в молитвенных трудах и куда едва мог войти один человек, оставаясь там в стоячем или коленопреклоненном положении, ибо присесть или облокотиться нельзя было там никак. При этом святой старец поднес преосвященному в подарок «от убогого, грешного Серафима» четки, пук восковых свечей, обернутых холстиной, сосуд с красным вином и бутылку с деревянным маслом. Преосвященный, радушно приняв приношение, не понял его значения; но последствия показали ему, что подвижник Божий прикосновенно предвозвещал ему о своей близкой кончине и предназначал вино, масло и свечи для своего поминовения, о каковом он просил преосвященного и словесно. Впоследствии преосвященный Арсений в точности исполнил желание святого старца, холстину и четки оставив у себя, а прочее употребив на поминовение на заупокойной литургии о преподобном Серафиме.

Своему келейнику преподобный неоднократно говорил, намекая на свою близкую кончину:

— Скоро будет кончина!

Одному из Саровских старцев, преподав наставления, он приказал дунуть на свечку и, когда та погасла, сказал:

— Вот так и я погасну.

Незадолго до кончины преподобный поручил послать некоторым близким ему лицам письма, призывая их к себе в обитель, а другим, кои не могли поспеть к нему, просил после смерти своей передать от него душеполезные советы, прибавляя в объяснение этого поручения:

— Сами-то они меня не увидят!

Перед наступлением 1833 года преподобный отмерил себе могилу сбоку алтаря Успенского собора. За неделю до своего преставления, в праздник Рождества Христова, он был на Божественной литургии, причащался святых Христовых Тайн и после литургии беседовал со строителем обители, игуменом Нифонтом, причем просил его заботиться о братьях, особенно из младших, и завещал похоронить его по смерти в приготовленном им для себя гробе. В воскресенье 1 января 1833 года святой старец в последний раз пришел в больничную Зосимо-Савватиевскую церковь, приложился ко всем иконам, сам поставил свечи, и потом причастился по обычаю святых Христовых Тайн. По окончании литургии он простился со всеми молившимися братиями, всех благословил, целовал и, утешая, говорил:

— Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь вам венцы готовятся.

Потом святой старец приложился ко святому кресту и иконе Божией Матери и затем, обойдя кругом престола и сделав ему обычное поклонение, вышел из алтаря северными дверями, как бы знаменуя этим, что одними вратами — путем рождения — человек входит в жизнь, а другими — вратами смерти — исходит из нее.

В тот же день соседний со старцем по келье брат Павел, часто исполнявший обязанности его келейника и приносивший к нему пищу, заметил, что преподобный раза три выходил на приготовленное им для себя место погребения, где довольно долго оставался и смотрел на землю. Вечером тот же инок слышал, как старец пел в своей келье пасхальные песни, прославляя воскресение Христово.

На другой день, 2 января, отец Павел в шестом часу утра вышел из своей кельи к ранней обедне и почувствовал в сенях запах дыма и гари. В келье Серафима всегда горели не гасимые никогда старцем свечи, который на все предостережения относительно этого обыкновенно отвечал:

— Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром.

Так и было.

Сотворив обычную молитву, инок Павел постучался в двери старца, но они оказались запертыми. Тогда он сообщил об этом другим, предполагая, что старец ушел в свою пустынь и в келье горит.

Когда дверь была сорвана с внутреннего крючка, то увидали, что огня нет, но в беспорядке лежавшие книги, а также различные холщовые вещи, которые многие, по усердию, приносили преподобному, тлели, самого же старца не было ни слышно, ни видно. Тлевшие вещи погасили, а обо всем происшедшем сообщили и другим инокам, присутствовавшим за ранней литургией. Многие из братии поспешили к келье старца. Зажегши свечу, они увидели Серафима в обычном его белом балахончике на всегдашнем месте его молитвенных подвигов на коленях пред малым аналоем с медным распятием на шее. Руки его, крестообразно сложенные на груди, лежали на аналое на книге, по которой он совершал свое молитвенное правило пред иконой Богоматери. Думая, что старец уснул, иноки стали будить его; но душа его уже оставила земную свою храмину и возвратилась к Создателю своему. Глаза Серафима были закрыты, но лицо оживлено и одушевлено богомыслием и молитвою; тело же его было еще тепло.

С благословения настоятеля, игумена Нифонта, братия омыли почившему подвижнику тело, одели его по иноческому чину, положили в приуготовленный им при жизни дубовый гроб, согласно завещанию его, с финифтяным изображением преподобного Сергия, присланным ему его возлюбленным учеником, наместником Троице-Сергиевой лавры архимандритом Антонием.

Весть о кончине святого старца быстро распространилась повсюду, и вся окрестность Саровская быстро стеклась в обитель. Особенно тяжка была скорбь Дивеевских сестер, потерявших в нем своего любимого духовного отца и попечителя, и скорбь их была тем безутешнее, что не было человека, который бы в состоянии был заменить его в качестве духовного руководителя.

В ночь блаженной кончины преподобного Серафима подвизавшийся в Глинской пустыни Курской губернии иеромонах Филарет, выходя из храма от утрени, указал братии на необыкновенный свет на небе и произнес:

— Вот так-то души праведных отходят на небо! Ныне душа отца Серафима возносится на небо.

В продолжение восьми дней тело преподобного Серафима стояло открытым в Успенском соборе. Могилу блаженному старцу пригото-

вили на том самом месте, которое давно было намечено им самим. Саровская обитель еще до дня погребения была наполнена тысячами людей, собравшегося из окрестных стран и губерний. Все единодушно оплакивали кончину благодатного старца. В день погребения его за литургией было так много народа, что местные свечи около гроба от духоты гасли. Погребение тела преподобного Серафима было совершено игуменом Саровским Нифонтом с многочисленной братьей; тело было предано земле по правую сторону соборного алтаря. Над могилою воздвигнут был впоследствии чугунный памятник в виде гробницы, с надписью: «Жил во славу Божию семьдесят два года, шесть месяцев и двенадцать дней».

И по блаженном преставлении своем преподобный Серафим всем обращающимся с верою к нему подавал различные исцеления и чудотворения. И тогда, когда кончилось для него земное странствование, он продолжал являть людям ту же любовь и помощь, вкладывая во все отношения к ним неизъяснимые сокровища сочувствия, именуя их с неизъяснимой добротой: «радость моя», как звал всех при жизни. Особенно часто являлся он Саровским инокам и Дивеевским сестрам для их исцеления и утешения.

Так, спустя не более полгода после блаженной жизни старца Серафима одна сестра Дивеевской обители подверглась припадкам беснования. Но вот в одну ночь она видит, будто находится в Дивеевской церкви, где был и преподобный Серафим. Старец, взяв больную еще с другой находившейся здесь сестрой за руки, как будто бы ввел больную в алтарь, обошел с нею кругом престола, и она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение и вполне пришла в себя; проснулась она совершенно здоровою, и с тех пор не подвергалась прежним припадкам и пользовалась полным здоровьем.

Другая сестра Дивеевской обители сильно заболела глазами. Накануне нового 1835 года видит она сон, что находится в церкви Тихвинской Божией Матери и что из царских врат выходит в белой ризе преподобный Серафим, подает возду́х и велит отереть им глаза.

Она спросила его:

— Ты ли это, батюшка?

Серафим отвечал:

— Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю.

После этого старец сделался невидим. С того времени болезнь глаз прошла у инокини.

Известный и всеми уважаемый под именем «Святогорца» русский подвижник Афонской горы, иеромонах Серафим, в схиме Сергий, в своих келейных записках передает следующее:

«В 1849 году я заболел. Болезнь моя была убийственная, я не думал, что останусь живым. Никакие средства не могли восставить меня. Я отчаялся. Только в поздний вечер 1850 года вдруг кто-то тихо говорит мне: „Завтра день кончины отца Серафима, Саровского старца; отслужи по нем заупокойную литургию и панихиду, и он тебя исцелит“. Это меня сильно утешило. Я хотя лично не знал отца Серафима, но в 1838 году, будучи в Сарове, возымел к нему веру и любовь. Эти чувства еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что служу молебен отцу Серафиму от всей души и громко воспеваю: „Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас!“ Только, когда нужно было читать Евангелие, я не знал, какое читать, преподобного или другое. Вдруг кто-то говорит мне: читай от Матфея 36-е зачало. При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренне верю, что отец Серафим — великий угодник Божий. Но обращусь к начатому (то есть к рассказу о своей болезни в 1849 году). По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению отца Серафима, я попросил, сам будучи не в силах, отслужить по нем литургию и панихиду, и лишь только это сделал — болезнь моя миновалась: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприязненного. И с той поры поныне благодатью Божией здоров».

В 1858 году Дивеевская инокиня Евдокия, в среду на пятой неделе Великого поста, вместе с другими сестрами, набивала льдом огромный общий ледник и, нечаянно поскользнувшись, упала на дно с высоты трех сажен. Ее подняли замертво, причем она жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, и малейшее прикосновение повергало ее в продолжительный обморок. Приехавший лекарь нашел положение ее очень опасным. Спустя две недели, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на великий четверг забылась она тонким сном, в котором увидала, что преподобный Серафим вошел к ней в келью и сказал: «Я пришел навестить своих нищих (так и при жизни называл он вверенных его попечению Дивеевских сестер); давно здесь не был». Больная с горькими слезами воскликнула: «Ба-

тюшка, как у меня бок-то болит!» Старец же, сложив три перста правой руки, три раза перекрестил расшибленное место, говоря: «Прикладываю тебе пластырь и обвязания», — после чего стал невидим. Евдокия проснулась, но в келье было совершенно пусто и тихо, и она снова заснула. В пять часов утра она проснулась лежащею на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней старца Серафима, она говорила, что «долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте». В тот же день она одна без всякой помощи встала с кровати и поведала всем о чудесном своем исцелении.

Многим преподобный подавал исцеления, советуя пить воду из своего источника и омываться ею. Так, два года спустя после кончины старца одна сестра Дивеевской обители была больна горячкой и находилась при смерти, причем совершенно потеряла способность владеть рукою. И вот видит она во сне преподобного, который спрашивал, почему она не придет к нему на источник, и, взяв за больную руку, поднял, приказывая непременно исполнить это. Проснувшись, инокиня почувствовала, что рука ее исцелена; когда же сестры отвезли ее в Саров на источник Серафимов и облили водою из него, то она получила полное выздоровление.

Ротмистр Теплов, питавший особое уважение к преподобному Серафиму, в 1834 году приехал в Саров с трехлетней дочерью, болевшей ногами. Отслужив панихиду на могиле старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помилует больную. Напоив ребенка водою из этого источника и омыв ему ноги, взяли воды в монастырь, с намерением отслужить над нею молебен с водоосвящением. Но при входе в монастырь девочка вырвалась из рук няньки и побежала вперед, как здоровая, и получила совершенное исцеление.

В 1856 году единственный сын вице-губернатора Костромской губернии А. А. Борзко, восьми лет, начал страдать спазмами в желудке, превратившимися в сильную болезнь со страшными, изнурительными припадками, так что родители стали отчаиваться за его жизнь. В это время рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С. Д. Давыдова подарила матери больного ребенка описание жизни и подвигов Серафима Саровского, которое и стали читать оба родителя ребенка, дивясь действиями благодати Божией, явившимся в преподобном. В одну ночь ребенок увидел во сне Спасителя, окруженного Ангелами, Который обещал больному выздоровление, если он испол-

нит то, что прикажет ему старец, который придет к нему. Потом явился ему старец и, называя себя Серафимом, сказал:

— Если хочешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым, и три дня утром и вечером омывай голову, грудь, руки и ноги, и пей.

Утром ребенок рассказал свой сон родителям, которые недоумевали, как достать воды, и скорбели о том. На другое утро ребенок рассказал другой сон: к нему являлась окруженная Ангелами Божия Матерь и с любовью приказывала исполнить слова старца. В этот самый день вернулась путешествовавшая в Саров госпожа Давыдова, и родители просили помочь им достать воды из источника Серафимова. Та тотчас же прислала им бутылку этой воды. И когда поступили по наставлению старца, дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело.

Иных преподобный Серафим спасал от разбойников и воров, чудесно являясь им с угрозами. Так, однажды Муромскими лесами шла богомолка. Услыхав в глухом месте страшные крики и стоны, она вынула находившееся при ней изображение Серафима и перекрестила им себя и то место, откуда раздавались крики. Вскоре неподалеку были найдены два изувеченных человека, которые рассказали, что разбойники хотели их убить, но вдруг разбежались. Пойманные впоследствии разбойники, каясь о разбое в Муромском лесу, рассказали, что когда они готовились нанести своим жертвам последний удар, вдруг из лесу выбежал седой, согбенный, в измятой камилавке монах, с грозящим пальцем, в белом балахоне, с криком: «Вот я вас!» А за ним бежала с кольями толпа народа. Им показали изображение Серафима, отобранное от странницы, и они признали его.

Шацкой купчихе Петаковской, знавшей старца при жизни и глубоко чтившей его, однажды явился во сне преподобный Серафим и сказал:

— В ночь воры взломали лавку твоего сына, но я взял метелку, и стал мести около лавки, и они ушли.

Действительно, поутру все запоры были найдены вырванными, но лавка — целой и нетронутой.

В 1865 году, в доме некоей госпожи Бар., перед Рождеством, когда там раздавали, по обычаю, пособия нуждающимся, преподобный явился в виде согбенного, седого старца. Раздатчице подаяний он объяснил, что пришел не за подаянием, а ему нужно самому видеть хо-

зяйку. Когда одна прислуга шепнула другой, что это, вероятно, бродяга, старец, обещая вскоре зайти, когда будет хозяйка, ушел. На раздатчицу напало раскаянье, и она бросилась за ним на крыльцо. Но он исчез, а от хозяйки все скрыли.

Подозрительной же слуге кто-то сказал во сне:

— Ты напрасно говорила: у вас был не бродяга, а великий старец Божий.

На следующее же утро госпоже Бар. была прислана по почте посылка с изображением преподобного Серафима кормящим медведя, в каковом изображении беседовавшие накануне со святым старцем узнали его.

Много и иных чудесных знамений и исцелений являл преподобный Серафим по блаженном своем преставлении. В продолжение семидесяти лет со дня кончины преподобного Серафима совершались непрерывно исцеления по вере прибегающих к нему с молитвою и с верою в предстательство его пред Господом. В 1891 году над гробницей преподобного Серафима выстроена была часовня. Память о высоком подвижническом житии святого старца и вера в силу его молитвенного предстательства с течением времени не только не ослабевала, но все более и более возрастала и утверждалась среди православного народа во всех его сословиях. Вполне разделяя народную веру в святость старца Серафима, Святейший Синод неоднократно признавал необходимым приступить к надлежащим распоряжениям о прославлении угодника Божия. В 1895 году преосвященным Тамбовским было представлено в Святейший Синод произведенное особой комиссией расследование о чудесных знамениях и исцелениях, явленных по молитвам старца Серафима, коих обследовано было более девяноста четырех случаев. После того преосвященным Тамбовским дважды, в начале и в конце 1897 года, представлялись в Святейший Синод собрания копий письменных заявлений разных лиц о чудесных знамениях и исцелениях, совершавшихся по молитвам святого Серафима. Наконец, в 1902 году, 19 июля, в день рождения старца Серафима, Его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Александровичу благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца. В начале следующего 1903 года Святейший Синод в полном убеждении в истинности

и достоверности чудес, совершающихся по молитвам старца Серафима, определил признать его в лике святых, благодатью Божией прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами. Иждивением Их Императорских Величеств для них была изготовлена богатая сребропозлащенная рака. Торжественное прославление новоявленного угодника Божиего было совершено в присутствии Их Императорских Величеств Государя Императора и Государынь Императриц и других членов Августейшей фамилии и многотысячных масс народа 19 июля 1903 года и сопровождалось многочисленными исцелениями, истекавшими по молитвенному предстательству преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Молитвами его да сохранит Господь Бог и нас всех от всякой скорби и болезни! Богу же, дивному во святых Своих, да будет всякая честь, слава и поклонение — всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
СИЛЬВЕСТРА,
папы Римского

Святой Сильвестр родился в Риме. Он был воспитан в святой вере и учился у пресвитера Квирина, как наукам, так и доброй нравственности. Достигнув совершеннолетия, он стал великим страннолюбцем и из любви к Богу и ближним вводил в свой дом странников и, омыв им ноги, угощал их, доставляя им полное успокоение. Когда из Антиохии пришел в Рим святой муж и исповедник Христов[1] епископ Тимофей, чтобы проповедать здесь Евангелие Царствия Христова, то Сильвестр принял его в свой дом и, видя его святое житие и слушая его учение, еще более преуспел в добродетелях и вере. Пробыв в доме Сильвестра год и несколько месяцев, Тимофей обратил из идолопоклонства к истинному Богу многих римлян, за что и взят был городским префектом[2] Тарквинием в темницу. После долговременного пребывания в узах и темнице, он был подвергнут биению, но и после того отказался принести жертву идолам, за что был усечен мечом и принял мученическую кончину. Блаженный Сильвестр, взяв ночью его святые мощи, похоронил их с подобающими погребальными песнопениями в своем доме. Впоследствии одна благочестивая женщина, по имени Феонисия, на свои средства построила храм в честь святого Тимофея, с благословения римского епископа Мелхиада[3], который и

---

[1] *Исповедниками* назывались в древней Церкви те христиане, которые во время гонений открыто объявляли себя христианами и претерпевали мучения, но оставались в живых. Такие лица пользовались особенным уважением в христианском обществе, так им было представлено право воссоединения с Церковью падших.

[2] *Префект* — градоначальник.

[3] *Святой Мелхиад* — папа Римский с 311 по 314 год.

перенес в этот храм мощи святого мученика. Городской же префект Тарквиний, призвав Сильвестра, требовал у него имущества, оставшегося после Тимофея, и принуждал его принести жертву идолам, угрожая за неповиновение страшными муками. Сильвестр же, предвидя неожиданно скорую смерть префекта, сказал ему евангельскими словами:

— *В сию ночь душу твою возьмут у тебя* (Лк. 12, 20), а то, что ты угрожаешь сделать со мною, то не сбудется.

Разгневавшись на эти слова, префект повелел заключить святого в железные оковы и бросить в темницу; сам же сел обедать. Во время обеда в горле у него остановилась рыбья кость, которую не могли извлечь никакими средствами, даже при помощи врачей; промучившись с обеда до полночи, Тарквиний умер, согласно предсказанию святого, и наутро родные отнесли тело его с плачем на место погребения. Сильвестра же верующие с радостью вывели из темницы, и он стал почитаем с этого времени не только верующими, но и неверующими, ибо многие из служителей со двора префекта, видя, как исполнилось предсказание Сильвестра, убоялись и припадали к ногам его, опасаясь, чтобы и с ними не случилось какого-либо несчастья, как с их господином; другие же, будучи убеждены тем чудом, прямо обратились к Христу. Вскоре после того святой Сильвестр был принят в клир Римской Церкви и принял сан пресвитера от папы Марцеллина[1]. После кончины папы Римского Мелхиада он был избран единодушно всеми папой[2] и взошел на епископский престол. Он поставлен был на вид всех, как ярко горящая свеча на свечнике, и пас стадо Христово, как новый апостол, словами и делами своими направляя его на спасительную пажить.

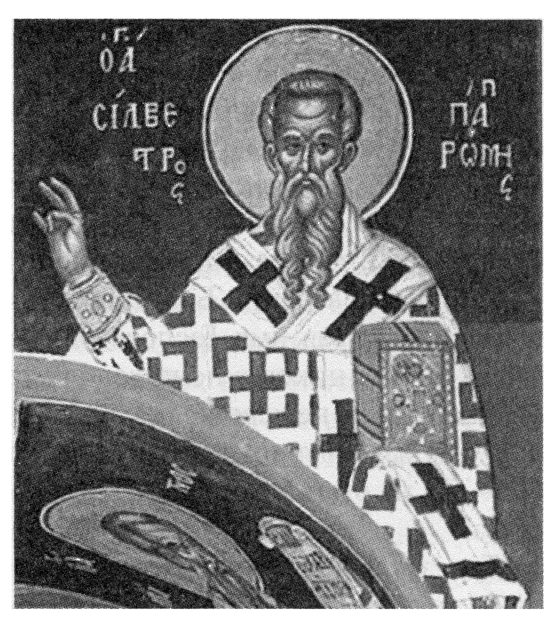
Заметив, что некоторые члены клира забыли об обязанностях своего служения и занялись светскими житейскими делами, он снова заставил их возвратиться на служение Церкви и при этом издал постановление, чтобы никто из посвященных не занимался торговыми делами. Он же установил для римских христиан новые названия дней седмицы. Римляне в то время первый день, который мы называем неделей, называли днем Солнца, а остальные дни именовались у них днями Луны, Марса, Меркурия, Зевса, Венеры, Сатурна[3]. Гнушаясь

---

[1] *Святой Марцеллин* — папа Римский с 296 по 304 год.

[2] В древности в избрании епископа участвовал народ.

[3] Все это были боги, которых чтили римляне и которые считались покровителями того или другого дня.

нечестивыми именами языческих богов, Сильвестр повелел называть первый день днем Господним[1], потому что в этот день совершилось преславное Воскресение Господа нашего из мертвых, прочие же дни так, как и ныне именуют их римские христиане[2]. Сделал также он постановление о том, чтобы христиане держали пост только в одну субботу, в которую Христос умер и сошел в ад, чтобы разорить его и извести оттуда прародителя нашего Адама вместе с другими праотцами; в прочие же субботы поститься запретил[3].

В то время в Риме, в глубокой пещере, под Тарпейской скалой[4], гнездился огромный змей, которому язычники всякий месяц приносили жертвы, как богу; когда же этот змей выходил из пещеры, он отравлял своим ядовитым дыханием воздух, и многие из живых вблизи

---

[1] Так называется воскресный день уже в Апокалипсисе Иоанна Богослова (Откр. 1, 10).

[2] В Римской Церкви с давнего времени дни недели называются *фериями*, то есть богослужебными днями, что, по словопроизводству с латинского, указывает на обязанность христианина ежедневно совершать служение Богу. Понедельник — ферия первая, вторник — ферия вторая и т. д. Суббота удержала у римских христиан свое еврейское название, а воскресенье называется древним именем — *день Господень* (Доминика).

[3] То же самое о субботе сказано еще в правилах святых апостолов (64-е правило). Вальсамон в толковании на это правило замечает, что в субботу мы не постимся, чтобы не показаться иудействующими, но если пост запрещается в субботу, то это значит только, что в субботу не следует хранить полное воздержание от пищи до вечера, как полагается в Великую Субботу, но не указывает на то, что во все субботы, кроме Великой, нужно есть скоромную пищу. По церковному уставу, в субботу, прямо после литургии, можно вкушать вино, елей и ту пищу, которая полагается по церковным правилам, то есть в мясоеде — скоромную, в посты — постную.

[4] *Тарпейская скала* — южная крутая скала Капитолийского холма. Тарпейской она названа потому, что с нею сабиняне сбросили Тарпею, дочь коменданта Капитолия, когда ими была взята эта крепость. Высота ее — 150 футов над уровнем моря.

того места умирали, чаще всего дети. Святой Сильвестр, желая избавить людей от пагубного змея и обратить их от безбожия[1] к истинному Богу, созвал живших в городе христиан и заповедал им три дня поститься и молиться, причем сам постился и молился больше всех. В одну ночь явился ему в видении святой апостол Петр и повелел, чтобы он взял с собою несколько священников и диаконов и пошел без страха к пещере, где жил змей. При входе в пещеру Сильвестр должен был совершить Божественную службу, потом войти внутрь пещеры и, призвав имя Господа Иисуса Христа, заключить там змея, чтобы он уже никогда не выходил оттуда. Святой по повелению апостола пошел к пещере и, по совершении Божественной службы, вошел туда и, найдя в ней какие-то двери, затворил их, говоря:

— Да не открываются сии двери до дня второго пришествия Христова!

Так, заключив в пещере змея, он лишил его выхода навеки. Язычники же думали, что Сильвестр со своим клиром будет пожран змеем. Но когда они увидели его вышедшим без всякого вреда для него, то удивились; видя, что змей уже больше не выходит с тех пор, многие познали силу истинного Бога и присоединились к верующим.

В то время царством Римским правил Константин Великий, который еще не принял святого крещения, хотя и уверовал всем сердцем во Христа. Он издал указ о том, чтобы никто не дерзал хулить Христа и преследовать христиан, приказал запереть идольские храмы и прекратить языческие жертвоприношения, а христиан, находящихся в изгнании, выпустил на свободу и освободил заключенных в темнице. Вместе с тем царь был внимателен к просителям и исполнял всякую справедливую просьбу; из имения своего он раздавал щедрую милостыню нищим. В Риме и за пределами его, по империи, Константин велел воздвигать христианские храмы. Церковь Христова день ото дня возрастала и умножалась в числе своих чад, а идолопоклонство умалялось. Это привело в радость верующих, которых в Риме было уже так много, что они хотели изгнать из города всех не желавших стать христианами. Царь, однако, запретил это народу, сказав:

— Бог наш не хочет, чтобы кто-нибудь обращался к Нему, будучи принужден к этому; а кто по своему расположению и с добрым намерением приступает к Нему, к тому Он благоволит и милостиво его

---

[1] У язычников было много божеств, но истинного Бога они не ведали, почему святой апостол Павел называет их *безбожными* (Еф. 2, 12).

принимает. Итак, кто как хочет, так пусть и верует с полною свободою, и пусть один не преследует другого.

От этого царского слова народ еще больше возрадовался, видя, что царь представляет каждому жить по своей вере, как кому желательно.

Радовались верующие не только в Риме, но и по всей империи, ибо повсюду верные, мучимые за Христа, были выпускаемы из уз и темниц, возвращались из заточения исповедники Христовы, безбоязненно возвратились домой христиане, скрывавшиеся в пустынях из страха пред мучителями, и гонение повсюду прекратилось.

Но исконный враг христианства — диавол, не вынося такого зрелища церковного мира и распространяющегося света благочестия, внушил евреям мысль обратиться к достохвальной Елене, матери царя, жившей тогда в своем отечестве, Вифинии[1].

— Хорошо поступил царь, сын твой, — сказали они Елене, — что оставил нечестие и ниспроверг идольские храмы; но нехорошо, что он уверовал в Иисуса и чтит его, как Сына Божия и истинного Бога, тогда как Он был еврей и волшебник, прельщавший людей разными привидениями, которые Он вызывал Своей волшебной силой; Его, как преступника, Пилат после мучений повесил на кресте. Итак, ты, царица, должна вывести царя из такого заблуждения, чтобы Бог не прогневался на него и чтобы с ним не приключилось какого-нибудь несчастья.

Выслушав это, Елена уведомила о том письменно сына своего, Константина. Прочитав письмо, он ответил своей матери также чрез письмо, чтобы иудеи, сообщившие ей это, явились с нею в Рим и чтобы здесь вступили в состязание о вере с христианскими епископами; какая сторона одолеет, той, значит, и вера правильнее. Когда царица объявила об этом повелении царя иудеям, тотчас собралось множество ученых евреев, изучивших свой закон, знавших и учение пророков, и греческую философию и готовых к состязанию, и все они с царицей Еленой отправились в Рим. Между ними был один мудрейший раввин[2], по имени Замврий, который не только изучил в совершенстве эллинскую философию и еврейские книги, но в то же время был и великим волшебником. На него-то евреи возлагали всю свою надежду, думая, что если он не одолеет христиан в словесном споре, то поразит их своими волшебными знамениями.

---

[1] Северо-западная провинция Малой Азии.

[2] *Раввин* — почетный титул в Палестине, даваемый выдающимся учителям и толкователям закона ветхозаветного.

Когда настал день препирательства евреев с христианами, царь сел на престоле, окруженный всем своим синклитом[1], и пред ним предстал святой Сильвестр с небольшою дружиною сопровождавших его, в числе которых было и несколько приехавших в то время в Рим епископов. Вошли затем и евреи, в количестве ста двадцати человек, и тотчас началась беседа, которую царица Елена слушала, сидя за занавесом, а царь с синклитом обсуждал то, что говорилось с той и другой стороны. Сначала евреи потребовали, чтобы со стороны христиан на прение с ними выступили двенадцать мудрейших христиан, но святой Сильвестр воспротивился им, говоря:

— Мы полагаем надежду не на множество людей, но на Бога, всех укрепляющего, призывая Которого на помощь говорим: *пробудись, Боже, рассуди дело твое!*[2]

— Это — слова из нашего писания, — возразили иудеи, — ибо наш пророк написал их; тебе следует говорить словами своих книг, а не наших!

Сильвестр отвечал на это:

— Правда, сначала вам сообщено было писание Ветхого Завета и проповеди пророков, но они в то же время и наши, потому что в них говорится много о Христе, Господе нашем. Итак, наш спор должен основываться на ваших книгах, ибо, тогда как ваши книги стали и нашими, наши вам чужды и вы скорее поверите книгам своим, чем нашим. Поэтому мы на основании ваших книг покажем вам истину, коей вы противитесь; такая победа будет славнее и очевиднее, когда мы, взяв оружие из рук врага, этим оружием и победим его!

— Сии слова епископа, — заметил царь, — справедливы, и в этом ему нельзя прекословить; ибо если из ваших книг, иудеи, христиане приведут вам свидетельство о своем Христе Боге, то, конечно, за ними останется верх, и вы будете поражены своими же собственными книгами.

Весь синклит выразил похвалу этому царскому решению. Тогда евреи начали говорить христианам следующее:

— Вседержитель наш Бог в книге Второзакония говорит: *Видите ныне, видите, что это Я, Я — и нет Бога, кроме Меня* (Втор. 32, 39). Как же вы называете Богом Иисуса, Который был простым человеком

---

[1] *Синклит* — правительство воинское и гражданское из самых важных царских советников и сановников.

[2] Несколько измененное выражение (Пс. 34, 23).

и Которого отцы наши распяли? Как вы вводите трех богов: Отца, в Которого и мы веруем, и Иисуса, называя его Сыном Божиим, а третьего Бога называете Духом? Веруя так, разве вы не идете против Создателя всего, Бога, учащего, что других богов, кроме Него, нет?

На это богодухновенный Сильвестр отвечал:

— Если вы без всякого предубеждения и раздражения вникнете умом своим в Писания, то убедитесь, что мы не вводим ничего нового, когда исповедуем Сына Божия и Святого Духа, ибо это — не наши слова, но откровение Божие, содержащееся в книгах пророков Божиих. Прежде всего, пророк и царь Давид, предвозвещая восстание отцов ваших на нашего Спасителя, сказал: *Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Совещаются вместе против Господа и против Христа (Помазанника) Его?* (Пс. 2, 1–2). Итак, здесь, называя его Христом и Господом, он указывает не одно лицо, а два. А что Христос есть Сын Божий, об этом возвещает тот же пророк такими словами: *Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне (днесь) родил Тебя* (Пс. 2, 7). Иной — родивший и иной — рожденный!

На это иудеи сказали:

— Говоря, что Бог родил, ты бесстрастного делаешь страстным. Каким образом и Сын, рожденный в известное время и имевший временное бытие, может быть Богом? Ибо слово *днесь* указывает на известное время и не позволяет признавать Сына вечным Богом.

Сильвестр отвечал:

— Мы не говорим, что в отношении к Богу имело место рождение страстное; мы исповедуем, что Божество — бесстрастно и что рождение Сына было таким, каково бывает рождение слова из мысли. Мы не вводим учения о временном рождении Сына от Отца, но веруем в вечное рождение его, не подлежащее условию времени, ибо знаем, что Творец времени есть Сын вместе с Отцом и Духом, а Творец времени Сам не находится под временем. Выражение же *Я ныне родил тебя* обозначает не горнее и предвечное Божественное рождение, но дольнее, которое имело место в известное время и совершилось во плоти, принятой ради нашего спасения[1]. Пророк знал, что Христос — Бог предвечный, почему и говорит: *Престол Твой, Боже, вовек* (Пс. 44, 7). Предвозвещая же имевшее совершиться в последующее время воплощение, он сказал: *Ты — Сын мой! Я ныне родил Тебя.* Итак, этими сло-

[1] Почти все святые отцы относят это выражение к временному рождению Сына Божия во плоти человеческой.

вами *Ты — Сын мой* он указывает не на временное, но на предвечное Его рождение; а словами *Я ныне родил Тебя* обозначает Его рождение, совершившееся в известное время. Сказав: *Я ныне родил Тебя*, пророк показал, что и то рождение Сына, которое должно было совершиться в известное определенное время, Отец приписывает Себе Самому, потому что оно должно быть по Его воле. Но уже и то даже выражение: *Я ныне родил Тебя* указывает на вечность рождения Божия, в которой нет действия прошедшего и будущего, а всегда только одно настоящее. О Духе же Святом тот же Давид свидетельствует такими словами: *Словом Господа сотворены небеса, и Духом уст Его — все воинство их* (Пс. 32, 6). Итак, здесь упоминает он о Трех лицах: Боге — Отце и Сыне, Которого называет Словом ради его вышнего и бесстрастного рождения, и о Святом Духе. И в другом месте он говорит: *Духа Твоего Святого не отними от меня* (Пс. 50, 13). И опять: *Куда пойду от Духа Твоего?* (Пс. 138, 7). Сими словами пророк ясно показывает, что существует Дух Святой, Который наполняет Собою все. И еще говорит: *пошлешь дух Твой — созидаются* (Пс. 103, 30). Не Давидом ли все это сказано? Но и Боговидец Моисей в книге Бытия приводит такие слова Божии: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему* (Быт. 1, 26). С кем же тогда говорил Бог, если с Ним не было какого-то другого Лица? Никто не скажет, чтобы это сказал Бог небесным силам, ибо те самые слова *по образу Нашему* не дают никакой возможности так думать; не один и тот же образ и подобие у Бога и Ангелов, как не одинаково существо и сила их с Богом, но иное — существо Божие и иное — ангельское. Итак, нужно предположить, что был Кто-то Иной в беседе, с Кем Бог сказал те слова: *по образу Нашему*. Этот Иной должен был быть таким, Который бы имел одинаковое существо с говорящим Богом, совершенно тождественный с Богом по образу и подобию. Кто же это мог быть, как не Сын, Который единосущен Отцу, равен с Ним по славе и власти, будучи неизменным образом Божиим? Что же мы вводим нового, когда веруем и утверждаем, что существуют Отец и Сын и Святой Дух? И если язычникам это представляется невероятным и неосновательным, то это неудивительно, ибо они не знают Священного Писания. Но почему не веруете этому вы, которые изучаете слова святых пророков, из коих ни одного, который бы не пророчествовал о Спасителе нашем?

После того святой Сильвестр хотел подробнее говорить о Пресвятой Троице, но царь, прервав его речь, сказал иудеям:

— Те слова, которые предложил нам из Писания епископ, так ли читаются, иудеи, и в ваших книгах?

Они отвечали:

— Так.

Тогда царь сказал:

— Итак, в том споре о Пресвятой Троице, мне кажется, вы побеждены.

— Нет, добрый царь, — возразили иудеи, — Сильвестр ни за что не победит нас, если и мы выскажем против него, что имеем; а мы могли бы сказать многое, но видим, что напрасно нам препираться с таким усердием о Троице. Не о том мы пришли говорить, один ли Бог или три, а о том, что Назарянин — не Бог. Ибо, если и согласиться с тем, что существуют три Бога, все-таки из этого еще не следует, что нужно веровать в то, что Иисус есть Бог. Он был не Бог, а человек, рожденный от людей и живший с грешными людьми, евший и пивший с мытарями, и, как пишется о нем в Евангелии, он был искушаем от диавола, потом предан учеником, взят, осмеян, избит, напоен желчью и оцтом, лишен одежд, разделенных между воинами по жребию, пригвожден ко кресту, умер и погребен. Как такой может назваться Богом? Об этом-то, царь, говорим мы теперь против христиан, что они вводят этого нового Бога. Итак, если они могут что сказать о Нем и если у них есть какие-либо свидетельства, то пусть скажут нам!

После этого начал говорить святой Сильвестр:

— Не трех Богов мы признаем, иудеи, как вам кажется, но исповедуем Единого Бога, Которого почитаем и Которому покланяемся, как Сущему в трех Лицах, или Ипостасях. Вам бы следовало рассудить о справедливости тех слов, какие я привел из ваших же книг в ответ на первый предложенный вами вопрос, и по поводу их вступить в прение, но так как вы отказываетесь теперь говорить об этом, то побеседуем о Господе нашем Иисусе Христе, чего вы и сами хотите. Начнем со следующего. Бог, приведший все в бытие, когда создал человека и увидел его склонившимся ко всякому злу, не презрел погибающего дела рук Своих, но соблаговолил, чтобы Сын Его, пребывая нераздельно с Ним (ибо Бог находится везде), сошел к нам на землю. Итак, Он сошел и, родившись от Девы, стал под законом, *чтобы искупить подзаконных* (Гал. 4, 4–5). А о том, что Он имел родиться от Девы, предсказал божественный пророк Исаия в таких словах: *се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил* (Ис. 7, 14). Имя

же это, как и вы знаете, указывает на пришествие Божие к людям и в переводе на греческий язык значит: с нами Бог. Итак, пророк задолго предсказал, что Бог родится от Девы.

Иудеи возразили:

— В нашем еврейском тексте книга пророка Исаии не имеет в себе выражения *дева*, но упоминает об *отроковице* — молодой женщине; вы исказили Писание, написав в своих книгах вместо *отроковица* слово — *дева*.

Святой епископ Сильвестр отвечал:

— Если в ваших книгах написано не *девица*, а *отроковица*, то не все ли одно и то же, что *отроковица*, что *девица*? Когда пророк Исаия от лица Божия сказал Ахазу: «проси себе знамения у Господа Бога твоего в глубину или в высоту[1]», то Ахаз сказал: «не буду просить и не стану искушать Господа[2]». Тогда пророк сказал: *сего ради даст Господь Сам вам знамение*. Какое же? *Се дева во чреве зачнет*. Если же вы говорите, что пророк говорил не о деве, а об отроковице и что отроковица — не дева[3], то и обещанное пророком знамение не может называться знамением, ибо если отроковица, вышедшая замуж, родит, то тут нет никакого чуда, но дело обычное. Родить же, не входя в общение с мужем, есть действительно чудо; это дело необыкновенное, превышающее *естества уставов*. Итак, Та Отроковица, о Которой у вас написано, была Девою, потому что Господь обещал через Нее дать знамение, и именно такое знамение, что Она, не познав мужа, родит сверхъестественно Сына. И мы не исказили Писания, написав вместо отроковицы Деву, но, скорее, точно выразили его мысль, чтобы яснее можно было увидеть в сем оное пречудное Божественное знамение, превосходящее «естества уставы». Кто же из людей родился без семени мужского, кроме Адама, созданного из земли, и Евы, сотворенной из ребра его? И где женщина родила, не входя в общение с мужем? Итак, не было бы никакого знамения, которое обещал дать Бог, — именно:

---

[1] *В глубину*, то есть на земле или из-под земли; *в высоту*, то есть с неба.

[2] Ахаз не верил пророку, но прямо сказать об этом ему не решался и потому лицемерно привел в свое оправдание слова Закона Моисеева, запрещавшего евреям искушать Господа требованием чудес (Исх. 17).

[3] *Отроковица*, то есть молодая женщина вообще — может быть замужняя, может быть еще девица, толковали иудеи. Это толкование неправильно. Слово, употребленное здесь, в еврейской Библии (алма), может означать, по словопроизводству, только девицу очень молодую, еще подрастающую. Притом во всем Ветхом Завете это слово никогда не употребляется в приложении к замужней женщине.

если бы та отроковица зачала во чреве не сверх естества, а по естеству соединившись с мужем, — но было бы обычное для природы человеческой дело. А так как Дева чистая зачала без мужа от Святого Духа, то это и должно считаться Божиим новым и преславным знамением, и с нами теперь Бог, согласно обещанию, сверх естества рожденный от чистой Девы.

— Но так как рожденный от Марии назван не Эммануилом, а Иисусом, — возразили иудеи, — то, значит, он не тот, которого обещал Бог чрез пророка, а другой?

Святой Сильвестр отвечал:

— В Священном Писании иногда вместо имени указывается на деятельность того или другого лица, как например: *Нарцы́ имя ему: скоро плени, нагло расхити* (слав. Ис. 8, 3). Если в самом деле никогда не было того, кто назывался бы таким именем, то все-таки, так как Христос должен был победить врагов и взять у них добычу, вместо имени Его пророком указаны те дела Его, которые Он должен был совершить. В каком смысле тот же пророк говорит и об Иерусалиме: *тогда будут говорить о тебе: город правды* (Ис. 1, 26). Хотя никто никогда не звал тот город городом правды, а все зовут его обычным ему именем — Иерусалим, но так как в то время Иерусалим исправился пред Богом, то поэтому от события, в нем совершавшегося, ему дано в пророчестве имя — город правды[1]. И еще в Писании могут встретиться места, где указывается вместо имени на какое-либо событие. А что Бог имел пребывать с людьми, послушай о том пророчествующего Варуха: *Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми*[2]. И о том, что Он должен был быть искушаем диаволом, предсказал Захария: *И показал он мне Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему. И сказал Господь сатане: Господь да запретит тебе, сатана, да запретит тебе Господь, диавол*[3]. О взятии же его предсказано

[1] То есть потому, что там родился Спаситель мира, Которого святой апостол Павел именует Царем правды (Евр. 7, 2).

[2] (Вар. 3, 36–38). *Нашел все пути премудрости*, то есть действует всегда с высшей мудростью и знает лучшие пути, ведущие к цели.

[3] (Зах. 3, 1–2). Первосвященник иудейский Иисус, на которого клеветал пред Господом диавол, признается у многих отцов Церкви прообразом Иисуса Христа, Который также терпел разные нападения от диавола и слуг его.

в книге Соломоновой: *Неправо умствующие говорили сами в себе: Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим* (Прем. 2, 1, 12). А то, что Он имел быть предан Своим учеником, предсказал псалмопевец: *человек, ...который ел хлеб мой, поднял на меня пяту* (Пс. 40, 10). И о лжесвидетелях сказал: *ибо восстали на меня свидетели лживые* (Пс. 26, 12). О распятии же его сказал: *пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои*[1]. Тот же пророк предсказал и о разделении риз Христовых: *делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий* (Пс. 21, 19). И о напоении оцтом с желчью он же сказал: *И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом*[2]. И далее о погребении Его он предвозвестил: *Ты положил меня в ров преисподний* (Пс. 87, 7). И Иаков, ваш праотец, провидя это духом, сказал: *Преклонился он, лег, как лев и как львица*[3].

Приводя эти и многие другие свидетельства святых пророков о Христе Господе, святой Сильвестр победил евреев, ибо, так как Сам Дух Святой говорил его устами, он ясно доказал, что Христос есть истинный Бог, рожденный от Девы.

Тогда евреи сказали:

— Какая нужда была Богу родиться во плоти человеческой? Разве Он не мог иначе спасти человеческий род?

Святой отвечал:

— Для Бога нет ничего невозможного, но диавола должен был победить тот, кто был им прежде побежден. Им побежден был человек, — человек, рожденный не обычным порядком естества, не от семени мужеского, но созданный из земли и притом из земли чистой и непорочной, как дева, — ибо она еще не была тогда проклята Богом и ее еще не осквернила ни кровь убитого брата, ни умерщвление животных, так что она еще не заражена была тлеющими телами, не осквернена какими-либо нечистыми и непотребными делами. Из такой земли была создана для нашего прародителя плоть, которую оживотворило божественное дуновение. Но если всезлобный диавол

---

[1] (Пс. 21, 17–18), то есть в теле Христовом, когда оно висело на Кресте, кости так выдались, что их можно было пересчитать.

[2] (Пс. 68, 22). *Желчь* — горечь; *оцет* — уксус. Эти вещества, по толкованию блаженного Феодорита, были прибавлены к питью, чтобы сделать его горьким и неприятным.

[3] (Быт. 49, 9). Иаков здесь собственно говорил о сыне своем Иуде, но все сказанное об Иуде, по изъяснению отцов Церкви, должно относить в лучшем смысле и к Господу Иисусу Христу, Которого Иуда был прообразом.

победил такого человека, то нужно было, чтобы и сам он был побежден таким же человеком. А таков и есть Господь наш Иисус Христос, рожденный не по обычаю и закону естества, но из чистой и святой девической утробы, подобно тому как Адам произошел из незараженной грехом земли. И как Адам был оживлен дуновением божественным, так и Сей воплотился под действием Духа Святого, сошедшего на Пресвятую Деву, и стал совершенным Богом и совершенным человеком, — во всем, кроме греха, имеющим два естества — Божеское и человеческое, но в одном лице; и поэтому человеческая природа страдала за нас, а Божество оставалось бесстрастным.

При этом святой привел такой пример:

— Когда дерево, озаренное лучами солнца, подсекается топором, то с подсекаемым деревом луч солнечный не подсекается. Так и человечество Христово, соединенное с Божеством, если и претерпело страдания, то эти страдания не коснулись Божества.

Эти доказательства, приведенные святым Сильвестром, царь и весь синклит одобрили и признали его победителем в споре, потому что евреи не могли уже более сказать что-нибудь против Сильвестра. Тогда волхв Замврий сказал царю:

— Хотя Сильвестр и одолевает нас своими словами, будучи многоречив и искусен в беседе, но все-таки мы из-за этого не отступим от нашего отеческого закона и не последуем за человеком, которого наши отцы, по общему соглашению, предали на смерть. А что один только есть тот Бог, Которого мы почитаем, и нет иного, то я готов доказать это не словом, как делает Сильвестр, а самым делом; прикажи лишь, царь, привести сюда большого и свирепого быка, и тотчас же твое державство и все присутствующие убедятся, что нет Бога, кроме Бога нашего.

Один же из присутствовавших сказал:

— Такой бык есть в моем стаде, недалеко от городских ворот. На него никто не может возложить ярма, никто не может даже погладить его рукой или дотронуться до него.

Царь тотчас же приказал привести того быка. Между тем, продолжая беседу, святой Сильвестр спросил Замврия:

— Зачем тебе бык, и когда его приведут, что ты с ним будешь делать?

Замврий отвечал:

— Хочу доказать силу нашего Бога, ибо если я пошепчу быку на ухо, то он тотчас издохнет. Ибо смертное существо не может стерпеть

имени Божиего и не может остаться в живых тот, кто услышит это имя. И наши отцы, когда быки были приводимы для жертвоприношения, говорили то имя в уши быков, и те тотчас же падали с громким ревом и издыхали, будучи, таким образом, готовыми для жертвоприношения[1].

Сильвестр возразил:

— Но если это имя, по твоим словам, убивает всякого, кто его слышит, как же ты узнал его?

Замврий отвечал:

— Тебе нельзя знать эту тайну, потому что ты — враг нам.

Когда Замврий дал такой ответ, царь сказал ему:

— Если ты не хочешь открыть этой тайны епископу, то открой ее нам, ибо поистине это дело сомнительное, если только не предположить, что то имя можно узнать, прочитав, как оно написано где-нибудь.

Замврий отвечал:

— Ни кожа, ни хартия, ни дерево, ни камень и ничто иное не может содержать в себе начертания оного имени, ибо тотчас же и сам пишущий и то, на чем пишется, погибают.

— Скажи же, — заметил царь, — как сам ты узнал его? Ибо нельзя узнать его, если оно не передается в словах, не начертывается в письмене?

— Я, царь, — отвечал Замврий, — семь дней постился, потом в новую серебряную умывальницу налил чистой проточной воды и стал молиться; тогда невидимым перстом на воде написаны были слова, которые и сделали мне известным имя Божие.

Премудрый же Сильвестр сказал:

— Если ты действительно узнал то имя таким способом, как ты говоришь, то все-таки, когда ты говоришь его кому-нибудь на ухо, разве ты не слышишь сам того имени так же, как слышит его тот, кому ты его говоришь? Как и сам ты, слыша его, не умираешь?

Волхв отвечал:

— Я уже сказал, что тебе не следует знать этой тайны, так как ты нам враг. Да и какая нужда в словах, когда лучше всего на деле доказать то, что говоришь? Выбери одно из двух: или ты, призвав имя своего Назарянина, умертви быка, чтобы и мы могли уверовать в того

[1] Это было ложной выдумкой Замврия. Быки, как сказано в Законе (Лев. 1 и след.), были закалаемы священниками.

Назарянина, или я скажу на ухо быку имя нашего Бога и умерщвлю быка, так что ты тогда должен будешь уверовать в нашего Бога.

Все присутствовавшие, услышав это, одобрили решение Замврия; христиане же пришли в колебание, хотя святой епископ успокаивал их.

Царь же сказал Замврию:

— Тебе следует сначала исполнить обещание, ибо ты обещал одним словом убить быка.

Волхв отвечал:

— Если ты приказываешь это мне сделать, царь, то смотри на силу моего Бога!

Сказав это, он подошел к быку, которого едва могли вести сильные люди, зацепив крепкие веревки за его рога. Подойдя к быку, Замврий пошептал ему что-то на ухо, и бык тотчас же, испустив сильный рев, затрясся и пал мертвым[1]. Все, видевшие это, весьма изумились, а иудеи возопили громким голосом, хлопая в ладоши:

— Победили мы, победили!

Тогда Сильвестр просил царя приказать, чтобы все замолчали, и когда воцарилось молчание, епископ сказал иудеям:

— Не в ваших ли книгах написано, что сказал всемогущий Бог: *Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю* (Втор. 32, 39)?

Они же отвечали:

— Да, это так написано.

Тогда Сильвестр сказал:

— Если Замврий именем Божиим убил быка, то пусть он и воскресит его тем же именем. Ибо Бог есть Бог, творящий добро, а не зло, и, по существу Его, Ему свойственно делать добро, а творить зло — противно Его существу; воля Его, всегда благая, хочет творить всегда доброе. Случается иногда, что Он каким-либо злом накажет кого-нибудь для пользы других, но это бывает не потому, чтобы Он хотел этого, но потому, что к сему побуждается Он нашими злодеяниями. Итак, если Замврий легко сделал то, к чему Бог не благоволит по самому Существу Своему, то тем легче он может сделать то, что Богу естественно. Пусть он оживит быка тем же Божиим именем, которым умертвил его, и я обращусь в его веру.

---

[1] Святой Сильвестр относит это дело к помощи бесов, которые, по учению древних отцов и учителей Церкви, употребляли в те времена все средства к тому, чтобы полагать препятствия усилению религии христианской.

— Царь! — возразил Замврий. — Сильвестр опять хочет вести словесный спор, но какая надобность в словах, когда совершилось явное дело?

Обращаясь потом к Сильвестру, он продолжал:

— Если и ты, епископ, владеешь какой-нибудь силою, то сотвори и ты чудо именем твоего Иисуса!

— Если хочешь, — отвечал святой Сильвестр, — я покажу тебе силу моего Христа в том, что чрез призывание Его святого имени я воскрешу того быка, которого ты убил.

— Напрасно ты, Сильвестр, хвалишься, — возразил Замврий, — не может того быть, чтобы бык ожил!

Тогда царь сказал Замврию:

— Итак, если то, что, по твоим словам, невозможно, епископ все-таки сделает, уверуешь ли ты в его Бога?

Замврий отвечал:

— Клянусь тебе, царь, что если увижу быка ожившим, то исповедую, что Христос есть Бог, и прииму Сильвестрову веру.

То же сказали и все иудеи. Тогда епископ, преклонив колени, помолился усердно и со слезами Богу, а потом, встав и подняв руки к небу, произнес в слух всех:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий и Боже, Ты, Который можешь умерщвлять и оживлять, поражать и исцелять, благоволи чрез призвание пресвятого и животворящего имени Твоего оживить того быка, которого Замврий умертвил чрез призвание бесов, ибо наступило время совершиться чудесам Твоим для спасения многих; услышь меня, раба Твоего, в этот час, чтобы прославилось пресвятое имя Твое!

После молитвы он подошел к быку и громко произнес:

— Если проповедуемый мною Иисус Христос, рожденный от Девы Марии, есть истинный Бог, то поднимись и стань на ногах своих и, оставив прежнюю свою свирепость, будь кроток!

Лишь только святой произнес это, как бык тотчас ожил, встал и стоял тихо и спокойно. Святой приказал снять веревки с рогов его и сказал:

— Ступай туда, откуда пришел, и никому не причиняй вреда, но будь тих; так повелевает тебе Иисус Христос, Бог наш!

И бык ушел тихо, хотя прежде был крайне свиреп. Увидев это, все воскликнули как бы в один голос:

— Велик Бог, Которого проповедует Сильвестр!

Иудеи же вместе с Замврием, подбежав ко святому и обняв его честные ноги, просили его помолиться за них Богу и принять их в христианскую веру. Также и блаженная Елена, подняв завесу, за которой сидела, слушая прения и взирая на бывшее при этом, вышла оттуда и припала к ногам святого, исповедуя Христа истинным Богом. Все бывшие здесь иудеи во главе с Замврием и бесчисленное множество народа обратились к истинному Богу и присоединились к Христовой Церкви.

После этого торжества святой веры христианской святой Сильвестр провел остаток дней своей жизни в непрестанных трудах и заботах о Церкви Христовой, после чего, добре управив вверенное ему словесное стадо и достигнув глубокой старости[1], отошел ко Господу. На епископском престоле он пробыл двадцать один год и одиннадцать месяцев. Ныне же в бесконечной жизни он вместе с Ангелами прославляет Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, ему же и от нас да будет слава вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ФЕОГЕНА,** епископа Парийского

Святой священномученик Феоген был епископом в городе Парии[2]. Взятый при Ликинии[3] во Фригии[4] воинами, он был принуждаем трибуном[5] Заликинтием к военной службе; но, по причине сопротивления, повешен на четырех столбах и подвергнут жестокому

[1] Святой Сильвестр, папа Римский, скончался в 335 году. Мощи его были погребены на Салорийской дороге, в катакомбах святой Прискиллы, в одной миле от Рима.

[2] *Парий* — город при Геллеспонте (Дарданеллах), в Мизии, северо-западной провинции Малой Азии, между Лампсаком и Кизиком.

[3] *Ликиний* — римский император, соцарствовавший Константину Великому, управлял восточной половиной империи с 304 по 320 год.

[4] *Фригия* — большая область Малой Азии, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того — позднее причислявшийся к Мизии южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Геллеспонта; таким образом г. Парий причислялся в IV веке также к Фригии.

[5] *Трибун* — главнокомандующий войсками провинции.

биению палками. Святой мужественно переносил мучения и при этом предсказал опциону[1] и трибуну сокрушение голеней, а Ликинию — поражение. После того Феогена заключили в темницу, находясь в которой святой отвергал всякую пищу. Когда донесли о нем Ликинию, последний приказал бросить его в море. Тогда святой, испросив у исполнителей казни времени на молитву, стал, обратившись к востоку, и, подняв руки горé, молился в продолжение трех часов. Во время молитвы он был озарен необычайным светом, так что исполнители казни — корабельщики и некоторые воины — обратились к христианской вере. Так священномученик Феоген предал святую душу свою Господу, потопленный в глубине морской[2]. Впоследствии христиане достали тело его из воды и погребли близ городских стен. При мощах святого Феогена совершалось много чудес и истекали исцеления от различных болезней.

В тот же день память преподобного **Сильвестра Печерского**, продолжателя летописи после Нестора (первого русского летописца), жившего в XII веке и почивающего нетленно в ближней Антониевой пещере.

[1] *Опцион* — помощник центуриона; *центурион* — начальник центурии, военного отряда в сто человек.

[2] Святой священномученик Феоген принял мученическую кончину около 320 года.

День третий

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ГОРДИЯ

Мученик Христов Гордий родился в Кесарии Каппадокийской от христианских родителей и был воспитан в православной христианской вере. По достижении возмужалости он взят был в военную службу и поставлен на должность сотника, потому что превосходил многих и крепостью тела, и силою духа.

В то время римский император Ликиний[1] излил на христиан всю свою злобу и воздвиг богоборческую руку свою на Христову Церковь. По всем торговым площадям и по всем наиболее людным местам были разосланы царские повеления и указы о том, чтобы не поклоняться Христу и чтобы всякий нарушитель этого царского запрещения был подвергаем смертной казни. Все были приводимы к каменным и деревянным идольским изображением, чтобы поклоняться делу рук человеческих, а неповиновавшиеся были принуждаемы к сему мучениями. По всему городу началось смятение; имение христиан предавалось разграблению, дома опустошались, люди избивались; благочестивые женщины были влачимы по городу; не было пощады ни юности, ни почтения к старости; те, кто были ни в чем не повинны, страдали, как злодеи; в темницах было тесно; и хорошие и богатые дома лишились своих обитателей; пустыня наполнялась людьми, изгнанными только за то, что они веровали во Христа; отец выдавал на смерть сына своего, сын влек на суд своего отца, брат неистовствовал

---

[1] *Ликиний* — римский император, управлявший восточной половиной империи с 307 по 324 год.

против брата и раб восставал против своего господина; диавол навел на души людей как бы некую ужасную ночь безумия, так что один другого не узнавал, как бы в темноте. Молитвенные дома разорялись руками нечестивых, святые алтари ниспровергались, и не было никакого приношения, ни каждения, ни места, где бы можно было совершить Божественную службу: все было объято унынием, как бы каким-то темным облаком; служители Божии были изгоняемы, всякое благочестивое собрание проходило в ужасе, а демоны ликовали, оскверняя вселенную чадом и кровью жертв.

Видя таковые бедствия, Гордий решился добровольно удалиться из города; свергнув с себя воинское препоясание[1] и оставив богатство, родственников, друзей, рабов и житейские удобства и все, что вожделенно для людей, любящих мир и его наслаждения, он ушел в глубокие и непроходимые для людей пустыни, жизнь со зверями почитая для себя более приятною, нежели общение с идолопоклонниками; он подражал святому пророку Илии, который, увидев служение сидонским кумирам, удалился на гору Хорив, вошел в пещеру, взыскуя Бога, Которого и увидел, поскольку Его могло узреть человеческое око (4 Цар. 19). Таков был и этот Гордий, бежавший от городских волнений, от торжищных кликов, от высокомерия чиновников, от судилищ клеветников, продающих, покупающих, клянущихся, лгущих, сквернословящих, бежавший от игр и глумления и от неприличной веселости городской, так как он имел чистый слух, чистые очи и прежде всего чистое сердце, которое могло зреть Бога. Он сподобился божественных откровений и познал великие тайны *не человеками и не через человека* (Гал. 1, 1), но имея великого Учителя — Духа истины (Ин. 15, 26). Отсюда перейдя к размышлению о жизни, как она бесполезна и коротка, подобно сновидению и тени, он возжелал со всею силою души вечного пребывания на небесах и, как сильный борец, стал готовиться к борьбе постом, бдением, молитвою и поучением в слове Божием. С особенным же нетерпением он ожидал того дня, в который весь город должен был совершать праздник скверного бога Марса или, правильнее, демона, любящего брани[2]. Когда этот день наступил, весь народ пришел в цирк смотреть на конские бега, и все расположились

---

[1] Отличием лиц, занимавших почетные должности в войске, служил особый пояс, на котором вешался меч.

[2] Римский бог войны Марс почитался одним из важнейших божеств римской государственной религии.

на высоких местах. В городе тогда не осталось никого; в числе зрителей, смотревших на быстрый бег коней и на искусство возничих, было и множество христиан, не радевших о своей жизни и не уклонявшихся от праздного сборища. В тот день рабы освобождаемы были от работ и собирались там же, дети из школ спешили сюда, и здесь же присутствовали блудные и бесстыдные женщины. Так цирк наполнился бесчисленным множеством людей, внимательно смотревших на конские бега. Тогда доблестный и великий духом Гордий, сойдя с высокой горы в цирк, не устрашился народа, не стал раздумывать, какому множеству вооруженных рук он предает себя, но с бестрепетным сердцем и бесстрашною душою, протиснувшись сквозь сидевших в цирке людей, стал посредине, подтверждая слово Писания: *праведник смел, как лев* (Притч. 28, 1)[1]. Но мало сего, с таким дерзновением став на открытом месте в цирке, он громогласно, подобно апостолам, провозгласил слова пророка Исаии: *обретóхся не вопрошающим о мне* (слав. Ис. 65, 1), показывая тем ясно, что он не был приведен сюда необходимостью, но добровольно отдает себя на мученический подвиг в подражание Владыке Христу, Который Сам предал Себя в руки искавших Его во тьме ночной иудеев.

Когда присутствовавшие в цирке узнали, кто стоял пред ними, то тотчас поднялся крик: верующие рукоплескали от радости, а неверующие кричали судье, чтобы тот отдал приказ казнить Гордия. Все наполнилось криком и смятением, перестали смотреть на коней, перестали смотреть на возниц; напрасно шум от колесниц наполнял воздух: никто не хотел видеть ничего, кроме Гордия, никто не хотел ничего слышать, как только слова Гордия. Весь цирк наполнился криком, который, разносясь в воздухе подобно ветру, покрывал собою шум от бега коней. Когда же глашатай подал знак к молчанию, — умолкли трубы, утихли свирели, замолчали музыкальные инструменты: все смотрели только на Гордия, все слушали его одного. Сидел там, в цирке, и градоначальник, который наблюдал за порядком на бегах и назначал награды участникам бега. К нему тотчас подвели святого и сему последнему был дан вопрос:

— Кто он и откуда? Из какого он семейства и рода?

Тогда Гордий рассказал о себе все, — какой он имел сан, и почему, оставив службу, удалился в пустыню и зачем вернулся.

---

[1] То есть праведник ничего не боится, как лев.

— Вернулся я, — сказал Гордий, — чтобы самым делом показать, что пренебрегаю твоими повелениями и исповедую Иисуса Христа, мою надежду и защиту. Узнав же, что ты многих превосходишь своею свирепостью, я нарочно выбрал этот день, как удобное время для исполнения моего намерения и обета.

От этих слов гнев градоначальника возгорелся, как огонь, и он обратил всю свою лютость на святого Гордия.

— Позовите ко мне палачей! — воскликнул он. — Где бичи? Где свинцовые шары? Где колеса? Пусть растянут его на колесах и растерзают ему тело[1]; пусть повесят его на дереве, принесут орудии казни; пусть он отдан будет зверям, усечен мечом и брошен в пропасть. Впрочем, всего этого еще мало для этого нечестивого человека, который достоин погибнуть не одной смертью, а многими.

Тогда святой Гордий сказал:

— Поистине, большой вред я причинил бы себе, если бы не захотел умереть за Христа!

Эти слова привели градоначальника в еще большую ярость, усилив его природную лютость. Но чем более делался он жестоким, тем более являлся мужественным в муках святой Гордий. Никакие муки, никакие смертоносные орудия не могли отвратить его от принятого намерения. Возводя очи к небу, он пел стихи из псалма: *Господь за меня — не устрашусь: что сделает мне человек?* (Пс. 117, 6) и еще: *не убоюсь зла, потому что Ты со мной* (Пс. 22, 4); и иные сим подобные изречения, которым он научился из божественных книг, воспевал Гордий, возбуждая себя к мужеству и терпению. Он так далек был от страха, что сам призывал на себя мучения.

— Чего, — говорил он, — вы медлите? Зачем стоите? Строгайте мое тело и раздробляйте его на части, мучьте меня, как вам угодно. Не лишайте меня надежды на получение тех благ, кои мне обещаны: чем более вы усиливаете мои мучения, тем большую награду я получу от Владыки моего. Скорбь этой жизни доставляет вечное веселие, и мы вместо ран, какие вы возлагаете на тело наше, получим в день всеобщего воскресения светлые одежды; за бесчестие — нам будут даны небесные венцы. Вместо осуждения со злодеями, нам будет дано пребывать с Ангелами.

Не имея возможности отвратить святого Гордия от святой веры своею яростью и пытками, лукавый градоначальник начал прельщать

[1] Орудия мучения первых христиан.

его ласками: ибо таковой обычай у диавола — боязливых он устрашает, а твердых умягчает лестью и расслабляет. Итак, мучитель стал предлагать святому различные подарки и еще большие награды обещал от лица царя.

— Царь, — говорил он, — даст тебе высокую должность в войске, большое имение, богатство и славу и все, что ты пожелаешь.

Святой же, услышав его обещания, посмеялся его безумию и сказал:

— Ужели ты можешь дать мне что-нибудь такое, что могло бы быть лучше Царства небесного?

Тогда нечестивый градоначальник, с гневом обнажив меч и повелев позвать палача, осудил святого Гордия на отсечение головы. Пред совершением казни в присутствии множества народа Гордия окружили знавшие его люди, обнимали его и давали ему последнее целование. Со слезами они умоляли его, чтобы он не предавал сам себя на смерть, не губил бы своей жизни во цвете лет и не оставлял бы этого приятного всем солнца. Они советовали ему, чтобы он хотя бы только на словах отрекся от Христа, и говорили:

— Одним словом ты можешь избавить себя от смерти, отрекись от Христа устами; сердцем же веруй в Него, как хочешь, ибо Бог внемлет не языку, но мысли говорящего. Если ты поступишь так, то и гнев судьи смягчишь, и Бога умилостивишь.

Он же, как утес, стоящий посреди моря, который остается несокрушимым, несмотря на то что на него с силою бьют волны морские, оставался непоколебим в своем добром решении. И как дом, стоящий на камне, не разрушается ни от каких сильных ветров, ни от проливных дождей и разливающихся рек, так и крепкий тот муж незыблем был в своей вере.

Увидев же своими духовными очами, что диавол ходит вокруг его знакомых и одного побуждает к слезам, другого же к молениям и недоброму совету, мученик сказал плачущим словами Господа: «*не плачьте обо Мне* (Лк. 23, 28), но плачьте о врагах Божиих, которые преследуют христиан; о тех, говорю, плачьте, которые, готовя для нас огонь, возжигают и для себя геенну и собирают себе *гнев на день гнева* (Рим. 2, 5). Перестаньте сокрушать мое сердце; ибо я не однажды, а много раз готов умереть за имя Господа нашего Иисуса Христа».

Тем, которые советовали Гордию отречься от Христа только на словах, он отвечал так:

— Язык, который дан мне милостью Христа, я не могу заставить отречься от своего Творца: *потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10). Как же отрекусь от Господа, Которому покланяюсь с самого детства? Я воспитан во святой вере. Не ужаснется ли небо, если я отрекусь от Бога? Не скроют ли светила небесные света своего предо мною? Стерпит ли меня земля и не пожрет ли меня живым? *Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7)[1]: и от уст наших Он судит нас и от словес наших оправдывает нас и от словес осуждает (ср.: Лк. 19, 22; Мф. 12, 37). Ужели вы не слышали страшной угрозы Господней: *кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим небесным* (Мф. 10, 33)? Зачем же вы советуете мне устами отречься от Бога моего? Ужели для того, чтобы продлить свою жизнь? Ужели для того, чтобы на время избавиться от смерти и выгадать несколько дней жизни? Но ведь чрез это я лишусь жизни вечной. Ужели для того, чтобы избежать телесных мучений? Но при этом я не увижу благ, уготованных праведным там, где нет болезней. Это будет явным безумием, если я буду покупать себе недолговременной жизнью вечную муку и погибель вместе с душою. Нет, я и вам советую: если вы так худо мыслите, то поучитесь благоразумию и истине и, *отвергнув ложь, говорите истину* (Еф. 4, 25), скажите, что *Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 11), ибо такие слова изречет каждый язык, когда *пред именем Иисуса преклонится всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2, 10).

Сказав это и сотворив на себе крестное знамение, святой Гордий без боязни пошел на казнь, не изменив светлости лица своего, и остановился на месте казни в таком расположении духа, как будто позади его не было палача, и как будто он пред собою видел Ангелов, которым хотел отдать в руки свою душу. Будучи усечен мечом, он стяжал блаженную жизнь: подобно Лазарю, он при радостных кликах был перенесен на место вечного упокоения, где, приемля воздаяние, он вместе с Ангелами вовеки прославляет Подвигоположника — Христа, за Коего пострадал.

---

[1] То есть Бога нельзя обмануть.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
МАЛАХИИ

Святой пророк Малахия происходил из колена Завулонова[1]. Он жил и пророчествовал во времена Неемии[2] по возвращении иудеев из плена Вавилонского[3], когда храм Иерусалимский был снова построен, и в нем совершалось богослужение и приносились священниками жертвы. Благочестивою своею жизнью он приводил в удивление народ, который, видя, что он по чистоте своей жизни подобен Ангелу Божиему, назвал его Малахия, что значит — Ангел Господень. Призванный к пророческому служению, Малахия явился ревностным поборником веры, закона и благочестия. По возвращении иудеев из плена среди них было много неустройств в нравственно-религиозном их состоянии, которые от нерадения и беспечности священников еще более умножались и возрастали, и не могли не возмущать и не огорчать пророка. Он выступил с сильным и грозным обличением народа и священников. Пророк обличал народ и священников за то, что они не имеют должного благоговения к Богу, приносят ему

---

[1] *Завулон* — шестой сын патриарха Иакова от Лии. — Колено его занимало лучшую часть земли на севере Палестины, от Средиземного моря до озера Геннисаретского, граничившую на севере с коленами Асировым и Нефеалимовым и на юге — с Иссахаровым, занимавшим великую равнину Израеельскую.

[2] *Неемия* — еврей, виночерпий персидского царя Артаксеркса Лонгимана; впоследствии он обвел полуразрушенный Иерусалим стенами и устроил вместе с ученым священником Ездрою, приведшим многих иудеев из Вавилона в Иерусалим, церковный и гражданский быт евреев в Иерусалиме после плена. Свои деяния изложил в книге, известной под его именем и вошедшей в состав Библии.

[3] То есть приблизительно за 400 лет до Р. Х.

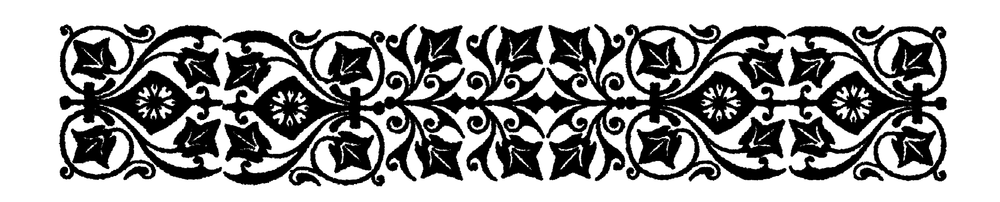
худые жертвы (Мал., гл. 1), обличал священников, что они своими неправдами, уклонением от правого пути, несоблюдением заповедей и лицемерием в делах закона бесславят Бога, производя соблазн в народе (Мал. 2, 1–9). Грозно обличая народ за его вероломство и нарушение завета отцов своих, что беззаконно поступают с женами своими и, несправедливо отвергая законных жен, берут жен иноплеменных (Мал. 2, 10–16), святой пророк Малахия угрожал им судом Божиим и за разные другие их пороки, за их чародейства и прелюбодеяния, за их ложные клятвы, за удерживание платы у наемников, за притеснение вдов и сирот, за отвержение пришельцев и за неисполнение закона, касательно десятин и приношений в храм Божий (Мал. 3, 5–12). Наконец, пророк обличал евреев за их богохульство, за их дерзкие и хульные слова, что напрасно будто бы служить Богу, бесполезно соблюдать Его постановления и ходить пред лицом Его в печальной одежде, что нечестивые и делающие беззакония счастливее живут, лучше устраивают свои дела и остаются целы (Мал. 3, 13–15; 2, 17). Обличая эти пороки, святой пророк Малахия вместе с тем провидел славу второго храма и яснейшим образом предсказал пришествие Мессии, явление Предтечи пред Его пришествием, грядущий суд Божий на нечестивых, прославление праведных и распространение славы Божией пред всеми народами (Мал. 1, 5, 11; 2, 1–5; 3, 16–18; гл. 4).

Святой пророк Малахия скончался в молодых летах и был погребен со своими предками в своем отечественном селении Суфа. Он был последним ветхозаветным пророком, почему у святых отцов он называется печатью пророков[1].

---

[1] С именем пророка Малахии осталась книга, последняя в числе книг «малых» пророков. Она состоит из четырех глав и излагает одну его пророческую речь, по всей вероятности выражающую сущность многих устно произнесенных им речей. Содержанием этой речи служит обличение нравственных недостатков современного пророку еврейского народа, угроза наказанием Божиим и обетование о Спасителе. Книга пророка Малахии изобилует мессианскими пророчествами; в соответствии с мессианским характером содержания книги главы (3, 1–3, 6–7, 12, 17–18; 4, 4–6), где содержатся пророчества о пришествии Предтечи Господня, читаются, как паремия, во все праздники в честь святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

День четвертый

СОБОР СВЯТЫХ СЕМИДЕСЯТИ АПОСТОЛОВ

Кроме двенадцати апостолов, Господь Иисус Христос избрал еще семьдесят других. Святой евангелист Лука об этом говорит так: *После сего избрал Господь и других семьдесят учеников, и послал их по два пред лицом Своим* (Лк. 10, 1). Двенадцать находились при Нем, как свидетели Его жизни, а семьдесят подготовляли людей к принятию Христа Спасителя, проповедуя раньше в тех городах, какие намеревался посетить Христос Господь. Впоследствии многие из учеников Господних и, конечно, в том числе многие из семидесяти отпали от Христа и перестали служить Ему. Святой евангелист Иоанн пишет: *Многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним. Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти?* (Ин. 6, 66–67). Когда же наступили дни страданий Христовых, число учеников Христа умалилось еще более, и едва ли кто из числа семидесяти остался при Нем, когда и один из двенадцати отпал от Него. По воскресении Христовом, лик святых двенадцати апостолов был восполнен Матфием, лик же семидесяти наполнился не сразу, а мало-помалу — из числа тех, кто был обращаем ко Христу двенадцатью апостолами и проповедью святого апостола Павла, свыше призванного в тот же первенствующий лик и ставшего, вместе с Петром, первоверховным в том лике.

На основании Божественного Писания, предания святых отцов, древних историков и достоверных церковных повествователей, можно представить лик святых семидесяти апостолов в следующем виде.

Первым из семидесяти апостолов был святой Иаков, брат Господень, о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Галатам, говоря: *ходил я в Иерусалим видеться с Петром; другого же из апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня* (Гал. 1, 18–19). Он был поставлен первым епископом Иерусалимским, по свидетельству предания, избранный к этому и посвященный Самим Христом во время Его земной жизни. Проповедуя Христа в Иерусалиме, апостол Иаков был сброшен иудеями с крыши храма на землю, потом был побит камнями и скончался от удара палицею по голове[1].

Святой евангелист Марк, написавший святое Евангелие под руководством святого апостола Петра, который упоминает о нем в первом своем соборном послании в таких словах: *Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой* (1 Пет. 5, 13). Тот же святой апостол Петр поставил Марка епископом в город Александрию[2], где за проповедь о Христе идолопоклонники, связав его, влачили по камням и били. В это время ему явился Господь Иисус Христос, призывая его к небесной славе, и апостол предал Ему свой дух[3].Святой евангелист Лука, написавший святое Евангелие под руководством святого апостола Павла, который и упоминает о нем в послании к Колоссянам: *Приветствует вас Лука, врач возлюбленный* (Кол. 4, 14). Он же написал и книгу Деяний апостольских и много проповедовал о Христе[4] преимущественно в Беотии[5]. Скончался мученически в Ахаии[6].

Святой Клеопа, младший брат святого Иосифа Обручника. Он на дороге в Еммаус вместе со святым Лукою видел Господа по воскресении Его и потом узнал воскресшего Христа, когда Он явился собравшимся ученикам в одном доме, где совершил преломление хлеба

---

[1] Память его совершается Церковью 23 октября.

[2] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Македонским в 331 г. до Рождества Христова, на берегу Средиземного моря, в Нижнем (Северном) Египте, при устье Нила. В древности был богатейший торговый и промышленный город. В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением до двухсот тридцати тысяч человек.

[3] Память его совершается 25 апреля, в день его мученической кончины.

[4] Память святого апостола и евангелиста Луки празднуется Православной Церковью 18 октября, а день перенесения святых мощей его 22 апреля.

[5] *Беотия* — область Средней Греции.

[6] Как свидетельствует об этом святой Григорий Богослов в первом слове на императора Юлиана.

Собор святых семидесяти апостолов

(Лк. 24, 13–35). За проповедь о Христе святой Клеопа был умерщвлен иудеями[1].

Святой Симеон, сродник Господень по плоти, был вторым епископом после апостола Иакова в Иерусалиме, где и окончил свою жизнь, будучи распят за распятого Христа[2].

Святой Варнава, названный так апостолами, а прежде называвшийся Иосия (Деян. 4, 36). О нем упоминается в книге Деяний апостольских (Деян. 11, 24) и в послании святого апостола Павла к Галатам: *ходил я,* — говорит апостол Павел, — *в Иерусалим с Варнавою* (Гал. 2, 1). Сей апостол Варнава вместе со святым апостолом Павлом послужил благовестию и сначала проповедовал о Христе в Риме, а потом был поставлен епископом в Медиолане[3]. Скончался он на своей родине, на острове Кипре, где был побит камнями гонителями веры Христовой. Христиане с честью погребли его и положили с ним в гроб, согласно его завещанию, святое Евангелие от Матфея, которое Варнава некогда сам переписал и с которым никогда не разлучался[4].

Святой Иосия, или Иосиф, называвшийся также Варсава и Иуст. О нем упоминается в Деяниях апостольских, где повествуется, что он был вместе с Матфеем избран на место отпавшего апостола Иуды Искариотского (Деян. 1, 23), и в послании святого апостола Павла к Колоссянам, в котором апостол, перечисляя приветствия верных Колосской церкви, говорит: *также Иисус, прозываемый Иустом* (Кол. 4, 11). Учители Церкви говорят, что этот Иосия был сын Иосифа Обручника, как и Иаков, и Симон, и Иуда не Искариот, и занимал епископскую кафедру в Елевферополе[5], где и скончался мученической смертью[6].

Святой Фаддей был сначала учеником святого Иоанна Предтечи, а потом учеником Христовым. Его нужно отличать от святого апостола

[1] По преданию, в том самом доме, в котором он со святым Лукою узнал воскресшего Христа чрез преломление Им хлеба.

[2] Празднование памяти его установлено Церковью 27 апреля и 18 сентября.

[3] *Медиолан* — ныне Милан — значительнейший город Северной Италии, в области Ломбардии; основан в глубочайшей древности и всегда имел большое значение.

[4] Память святого апостола Варнавы празднуется особо 11 июня.

[5] *Елевферополь* — город в Южной Палестине, на дороге между Иерусалимом и Газой. В настоящее время здесь расположено селение, лежащее при выходе из равнины Сефельской в нагорную землю Иудину. Недалеко от него лежат развалины древнего Елевферополя.

[6] Празднование памяти его 30 октября.

Иуды Фаддея, или Левия, одного из двенадцати. Он крестил Едесского князя Авгаря и исцелил его от проказы. После долговременных трудов в деле благовестия о Христе он почил о Господе[1] в финикийском городе Берите[2].

Святой Анания, крестивший апостола Павла (Деян. 9, 10–18), был сначала епископом в городе Дамаске[3]. Окончил же свою жизнь святой Анания в Елевферополе, где был побит камнями по приказанию игемона Лукиана[4].

Святой первомученик Стефан, архидиакон, первый принял мученический венец за Христа, будучи побит камнями, почему и назван «Первомучеником»[5]. Незадолго до смерти он удостоился видеть отверстые небеса и Господа Иисуса, в образе Сына человеческого, стоящего одесную Бога (Деян. 7, 55).

Святой Филипп, один из семи диаконов, крестивший Симона волхва в Самарии[6] и евнуха Кандакии царицы (Деян. 8, 26–39), был епископом в городе Траллии[7] и там, просветив многих Христовой верой, в глубокой старости отошел ко Господу[8].

---

[1] Память святого апостола Фаддея совершается Церковью 21 августа.

[2] *Берит* — нынешний Бейрут — древний город Финикии, на берегу Средиземного моря; в V веке процветал и славился своей высшей школой риторики, поэзии и права; ныне — главный административный город Азиатско-Турецкой Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья, с населением до 180 000 жителей.

[3] *Дамаск* — главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших городов во всем мире; лежит к северо-востоку от Палестины, при реке Бараде, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Анти-Ливана. И в настоящее время г. Дамаск, входящий в состав Турецкой империи, — один из богатейших городов Азии и имеет до 150 тысяч жителей.

[4] Память апостола Анании совершается 1 октября.

[5] Память святого первомученика Стефана совершается Церковью три раза в год: 27 декабря, в день мученической кончины святого, 15 сентября, когда празднуется обретение мощей его, и 2 августа, в день перенесения мощей святого Стефана из Иерусалима в Константинополь.

[6] *Самария*, как страна или область Палестины, занимала середину Палестины, на запад от Иордана. Границы ее к северу — Галилея, к югу — Иудея, к востоку — Иордан, к западу — Средиземное море. Самария, главный город страны Самарийской и некогда столица царства Израильского, находилась на расстоянии почти трех верст на север от Иерусалима. В настоящее время от древнего славного города не осталось камня на камне, — на месте его стоит одна бедная деревенька Сабустье (прежде — город Севастия).

[7] *Траллия* — лидийский город на северо-западе Малой Азии.

[8] Память апостола Филиппа совершается Церковью 11 октября.

Святой Прохор, один из семи диаконов (Деян. 6, 5), спутник святого апостола Иоанна Богослова и участник его трудов. Он был первым епископом в Вифинском городе Никомидии[1], а потом проповедовал о Христе в Антиохии[2], где и скончался мученически.

Святой Никанор, один из семи диаконов, был умерщвлен вместе с двумя тысячами уверовавших во Христа, в тот же день, в который был побит камнями святой Стефан первомученик; случилось это, как написано в книге Деяний апостольских, во время великого гонения, воздвигнутого на церковь Иерусалимскую (Деян. 8, 1).

Святой Тимон, один из семи диаконов, был епископом города Бостры в Аравии[3] и, в то время, как проповедовал имя Христово, много потерпел страданий от евреев и греков. Затем, будучи брошен в разожженную печь, он вышел оттуда невредимым и потом отошел ко Господу.

Святой Пармен, один из семи диаконов, совершая порученное ему апостолами дело благовестия, умер мученически пред очами апостолов[4].

Святой Тимофей, трудившийся в деле благовестия Христова вместе со святым апостолом Павлом, который написал к нему два послания, был епископом в Ефесе[5], где и скончался мученической смертью[6].

Святой Тит также трудился вместе со святым апостолом Павлом в деле благовестия. Святой апостол Павел упоминает о нем в своих посланиях (2 Кор. 2, 12–13; 12, 18; 2 Тим. 4, 10), а также написал и к нему

---

[1] *Никомидия* — богатый и цветущий город в области Вифинии, в северо-западной части Малой Азии. От древней цветущей Никомидии и доселе сохраняется много развалин, свидетельствующих о ее славном прошлом.

[2] *Антиохия* — столица Сирии, древнейший и богатейший город; Антиохия лежит при реке Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра. В настоящее время Антиохия находится под турецким владычеством и представляет собою небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до 10 тысяч жителей.

[3] *Бостра* — город в Аравии. В древности был богатый торговый город. Теперь в развалинах. Сохранившиеся длинные ряды каменных магазинов свидетельствуют о его былом могуществе и богатстве.

[4] Память святых апостолов: Прохора, Никанора, Тимона и Пармена — празднуется всех вместе 28 июля; кроме того, память святого Никанора празднуется 28 декабря и память святого Тимона 30 декабря.

[5] *Ефес* — главный город малоазиатской провинции Асии; расположен на реке Каистре. В настоящее время на месте древнего города Эфеса находится бедная турецкая деревушка, называемая *Айся — Солюк*.

[6] Память святого апостола Тимофея совершается Церковью 22 января.

послание. Святой Тит был епископом Гортины, на острове Крит. Скончался в глубокой старости в мире[1].

Святой Филимон, к которому святой апостол Павел написал особое послание, был епископом в Газе[2]. Скончался мученически в царствование Нерона[3].

Святой Онисим, о котором пишет святой апостол Павел в своем послании к Филимону (Флм. 1, 10–19), проповедовал христианство в Испании, Греции и Малой Азии. Скончался мученически вскоре после кончины святого Игнатия Богоносца, будучи побит камнями в Риме[4].

Святой Епафрас, о котором также святой апостол Павел упоминает в том же послании к Филимону, говоря: *Приветствует тебя Епафрас, узник вместе со мною ради Христа Иисуса* (Флм. 1, 23), был епископом города Колосс и церквей Лаодикии и Иераполя[5]. Вместе со святым апостолом Павлом он содержался в узах в Риме, откуда Павел писал Колоссянам: *Приветствует вас Епафрас ваш, раб Иисуса Христа, всегда подвизающийся за вас в молитвах, чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всем, что угодно Богу. Свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе* (Кол. 4, 12–13).

Святой Архипп, упоминаемый в том же послании к Филимону, был после святого Епафраса (заключенного в узы в Риме), епископом в городе Колоссах[6], о чем святой апостол Павел пишет Колоссянам: *Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе* (Кол. 4, 17). Там святой Архипп и скончался мученической смертью[7].

---

[1] Память святого апостола Тита совершается 25 августа.

[2] *Газа* — один из самых древнейших Филистимских городов, служивший пределом Хананеев на юге Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял все свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал некогда великий город. Недалеко отсюда расположен новый город позднейшего происхождения, того же имени.

[3] Память святого апостола Филимона Православная Церковь празднует 19 февраля и 22 ноября.

[4] В царствование римского императора Траяна около 109 года. Память святого апостола Онисима празднуется 15 февраля.

[5] Города в Малой Азии.

[6] *Колоссы* — город в юго-западной части Фригии, при реке Ликусе, близ Лаодикии и Иераполя. В древности был большой, населенный, богатый город. В настоящее время это небольшая деревенька на одном из скатов горы Хокас, при которой сохранились еще развалины древнего города Колоссы.

[7] Память святого апостола Архиппа совершается 19 февраля и 22 ноября.

Святой Сила был учеником и ближайшим сотрудником святого апостола Павла, вместе с которым проповедовал слово Божие и претерпел многие страдания, раны и тюремное заключение (Деян. 16, 13–24). О нем упоминается в Деяниях апостольских: *Павел, избрав себе Силу, утверждал церкви* (Деян. 15, 40–41). Впоследствии он был епископом в Коринфе[1] и, немало потрудившись в деле проповедования слова Божия и сотворив знамения и чудеса, отошел ко Господу[2].

Святой Силуан проповедовал слово Божие вместе со святыми апостолами Петром и Павлом. О нем упоминает святой апостол Петр в своем соборном послании в таких словах: *Сие кратко написал я вам чрез Силуана, верного, как думаю, вашего брата* (1 Пет. 5, 12). Также и святой апостол Павел во втором послании к Коринфянам: *Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном* (2 Кор. 1, 19). Апостол Силуан был епископом в Солуни[3], где, претерпев немало бедствий во время своих подвигов для утверждения святой веры Христовой, отошел к Подвигоположнику Христу[4] .

Святой Крискент[5], о котором святой апостол Павел упоминает в своем втором послании к Тимофею (2 Тим. 4, 10), был епископом в Галатии[6], а потом проповедовал Христа в Галлии. Там, в городе Вьенне[7], Крискент поставил епископом ученика своего, Захарию, и снова возвратился в Галатию, где и скончался мученически в царствование Траяна[8].

---

[1] *Коринф* — древнейший, знаменитый и богатый торговый город Ахаии; лежал в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном углу Коринфского залива, между Ионическим и Эгейским морями. В настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто, который имеет около пяти тысяч жителей.

[2] Память его празднуется 30 июля.

[3] *Солунь*, или *Фессалоника*, — весьма значительный, древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского, или Фермейского, залива при Эгейском море (Архипелаг). В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый и мануфактурный город в европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[4] Память его совершается 30 июня.

[5] Память святого апостола Крискента совершается 30 июля.

[6] *Галатия* — небольшая гористая, но плодородная провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией. Название получила от Галатов — воинственных племен Галльского или Кельтического происхождения.

[7] *Виенна* — ныне *Виеннь* — древняя римская колония и потом столица различных государств, основанных германскими племенами, расположена на левом берегу реки Роны. В настоящее время город богат остатками римских древностей.

[8] *Траян* — римский император — царствовал с 98 по 117 год.

Святой Крисп, о котором упоминают Деяния апостольские в следующих словах: *Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим* (Деян. 18, 8), и о котором святой апостол Павел в послании к Коринфянам говорит, что он *крестил Криспа* (1 Кор. 1, 19), был епископом на острове Эгин, близ Пелопоннеса[1], между Эгейским и Ионическим морями. Скончался в мире.

Святой Епенет[2], о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам, говоря: *Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахаии для Христа* (Рим. 16, 5), был епископом в Карфагене[3].

Святой Андроник, о котором святой апостол Павел упоминает в том же послании к Римлянам, говоря: *Приветствуйте Андроника*, и называет его своим сродником и сопленником, одним из важнейших апостолов, ранее его уверовавших во Христа (Рим. 16, 7), был епископом в Паннонии[4]. Скончался в мире[5].

Святой Стахий[6], о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании, говоря: *Приветствуйте и Стахия, возлюбленного мне* (Рим. 16, 9), был святым апостолом Андреем Первозванным поставлен первым епископом Византийским. Вместе с ним святой Стахий воздвиг в Аргирополе[7] церковь, куда собиралось много верующих, и он поучал их заповедям Христовым.

Святой Амплий, о котором святой апостол Павел упоминает в том же послании, говоря: *Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе* (Рим. 16, 8), был епископом в городе Диосполе[8], где проповедовал

---

[1] *Пелопоннес* — южная часть Греции.

[2] Память его Церковь празднует 30 июля.

[3] *Карфаген* — древнейшая, знаменитая колония финикиян на севере Африки, достигшая в древней истории высшей степени могущества и разрушенная в 146 году до Р. Х. На развалинах древнего Карфагена при первых Римских императорах возник новый Карфаген, который существовал с большим блеском в продолжение весьма долгого времени.

[4] *Паннония* — одна из значительных придунайских областей Римской империи; ныне Паннония составляет часть Венгрии.

[5] Память святого апостола Андроника святая Церковь празднует три раза в году: 17 мая, 30 июля и 22 февраля.

[6] Память его 31 октября.

[7] *Аргирополь*, ныне *Фундукли*, предместье Константинополя, близ Перы и Галаты.

[8] *Диосполь* находился в Палестине, к северо-западу от Иерусалима.

Христа. Скончался в городе Одиссе[1], будучи умерщвлен эллинами за свою проповедь о Христе[2].

Святой Урбан, о котором святой апостол Павел вспоминает в том же послании, говоря: *Приветствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христе* (Рим. 16, 9), был епископом в Македонии[3] и скончался мученически[4].

Святой Наркисс[5], о котором святой апостол Павел упоминает в том же послании, говоря: *Приветствуйте из домашних Наркисса тех, которые в Господе* (Рим. 16, 11), был епископом в Афинах[6].

Святой Апеллий[7], о котором упоминает в том же послании святой апостол Павел, говоря: *Приветствуйте Апеллеса, испытанного во Христе* (Рим. 16, 10), был епископом города Смирны[8].

Святой Аристовул, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании, говоря: *Приветствуйте верных из дома Аристовулова* (Рим. 16, 10), был епископом в Британии и там после долгих трудов и страданий скончался[9].

Святой Иродион, или Родион, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании, говоря: *Приветствуйте Иродиона,*

---

[1] *Одисса* — город в Мизии, в северо-западной части Малой Азии, ныне Варна — пристань у северо-восточной покатности Балкан, на берегу Черного моря, имеет более двадцати пяти тысяч жителей.

[2] Память его празднуется Церковью 31 октября.

[3] *Македония* находилась к северу от Греции, между Иллирией, Фракией, Эгейским морем и Гетом или Балканом. Некоторое время она составляла независимое государство, которое особенно возвысилось и прославилось при царе Александре Великом. Во времена апостолов Македония входила в состав Римской империи. Теперь она во власти турок.

[4] Память святого апостола Урвана 31 октября.

[5] Память его 31 октября.

[6] *Афины* — столица древнегреческого государства; славилась своими постройками, статуями, развитием торговли и промышленности, и особенно школами. Здесь до позднейших времен (VI века до Р. Х.) находились знаменитые философские училища, в которых получали образование жители древних стран.

[7] Память его 31 октября.

[8] *Смирна* — знаменитый торговый город Ионии, на восточном берегу Эгейского моря (или Архипелага), один из древнейших городов Малой Азии. Христианством была Смирна просвещена святым апостолом Иоанном Богословом. В настоящее время Смирна принадлежит туркам, но и доныне сохраняется там православная вера христианская. Город остается и до этих пор одним из самых цветущих и очень населенных городов Турецкой империи.

[9] Память святого апостола Аристовула празднуется Церковью дважды в году: 16 марта и 31 октября.

сродника моего (Рим. 16, 11), был епископом в Патрах[1]. Скончался мученически в Риме[2].

Святой Агав имел дар пророчества. О нем упоминается в Деяниях апостольских в таких словах: *пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, и взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников* (Деян. 21, 10–11; ср.: 11, 28). Апостол Агав[3] проповедовал во многих странах и многих обратил ко Христу

Святой Руф[4], о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам, говоря: *Приветствуйте Руфа, избранного в Господе* (Рим. 16, 13), был епископом в Фивах, городе Греции[5].

Святой Асинкрит[6], который упоминается в том же послании (Рим. 16, 14), был епископом в Гиркании, малоазийской области, где много пострадал за имя Христово.

Святой Флегонт[7], упоминаемый в том же послании (Рим. 16, 14), был епископом в Марафоне, городе Фракии[8].

Святой Ерм, который упоминается в том же послании (Рим. 16, 14), был епископом в Филиппополе[9], где и скончался мученически[10].

Святой Патров, упоминаемый в том же послании (Рим. 16, 14), был епископом в Неаполе[11] и Путеолах[12], где многих обратил ко Христу[13].

---

[1] *Патры,* или *Патара,* — приморский торговый город в малоазийской провинции Ликии (ныне Анатолия). Основан финикиянами; ныне в развалинах.

[2] Память святого апостола Иродиона совершается Церковью 8 апреля и 10 ноября.

[3] Память его — 8 апреля.

[4] Память его празднуется 8 апреля.

[5] *Фивы* — главный город Беотии, области Греции.

[6] Память его — 8 апреля.

[7] Память его празднуется 8 апреля.

[8] *Марафон* — древний город во Фракии, лежавшей к северо-востоку от Македонии.

[9] *Филиппополь* — древний укрепленный город во Фракии, ныне в Восточной Румелии, на реке Марице; доселе весьма значителен по своей промышленности и численности населения.

[10] Память его совершается Церковью 8 марта и 5 ноября.

[11] *Неаполь* — главный город провинции Итальянского королевства с тем же названием, расположен по северному берегу Неаполитанского залива.

[12] *Путеолы* — приморский город Италии на берегу Тирренского моря, близ Неаполя, в области Кампании.

[13] Память святого апостола Патрова 9 ноября.

Святой Ермий[1], о котором упоминается в том же послании, был епископом в Далмации[2].

О этих пяти апостолах упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам в таких словах: *Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия* (Рим. 16, 14).

Святой Лин, о котором упоминает святой апостол Павел во втором послании к Тимофею (2 Тим. 4, 21), был епископом в Риме, после святого апостола Петра[3].

Святой Гаий[4], о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам, говоря: *Приветствует вас Гаий, страннoприимец мой и всей церкви* (Рим. 16, 23), был епископом в Ефесе, после святого Тимофея.

Святой Филoло́г, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании, говоря: *Приветствуйте Филoло́га* (Рим. 16, 15), святым апостолом Андреем был поставлен в епископа в Синопе[5], где и скончался в мире[6]

Святой Лукий, или Лука[7], о котором святой апостол Павел упоминает в том же послании (Рим. 16, 21), был епископом в Лаодикии Сирской[8].

Святой Иасон[9], который упоминается в том же послании (Рим. 16, 21), был епископом в Тарсе[10], где много пострадал за имя Христово. Скончался в глубокой старости в мире.

---

[1] Память святого апостола Ермия празднуется Православной Церковью дважды в год: 8 апреля и 31 мая.

[2] *Далмация* — южная часть иллирийской провинции, которая граничила на севере с Паннонией, на западе с Италией и Адриатическим морем.

[3] Память его — 5 ноября.

[4] Память его празднуется 5 ноября.

[5] *Синоп* — город на южном берегу Черного моря.

[6] Память его — 5 ноября.

[7] Память его празднуется 10 сентября.

[8] *Лаодикия Сирская* — некогда главный город Фригии, на юго-западе ее, в Малой Азии, при реке Ликус; славился широкой торговлей. В настоящее время только одни развалины на одном невысоком холме, при опустошенном селении Эски-Гассара, служат памятником того древнего города.

[9] Память апостола Иасона празднуется 28 апреля.

[10] *Тарс* — большой и населенный город Киликии (юго-восточная провинция Малой Азии), в южной части ее, в плодоносной равнине, при реке Кидне, недалеко от него впадающей в Средиземное море. И в настоящее время Тарс — еще довольно значительный торговый город.

Святой Сосипатр, также упоминаемый в послании к Римлянам (Рим. 16, 21), был епископом в Иконии[1]. Скончался Сосипатр в мире[2].

О последних трех апостолах святой апостол Павел в послании к Римлянам пишет так: *Приветствуют вас и Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои* (Рим. 16, 21).

Святой Олимпан, или Олимп[3], о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании (Рим. 16, 15), присутствовал при страдальческой кончине святого апостола Петра в Риме, и потом сам вместе со святым апостолом Иродионом был обезглавлен по повелению Нерона, как пишет Метафраст в сказании на день святых апостолов Петра и Павла.

Святой Тертий писал послание святого апостола Павла к Римлянам, о чем он сам говорит в этом послании: *Приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший сие послание* (Рим. 16, 22). Он был вторым епископом в Иконии, после святого Сосипатра, и там стяжал себе мученический венец[4].

Святой Ераст[5], о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании (Рим. 16, 23), был диаконом и казнохранителем иерусалимской церкви, а потом епископом в Панеаде[6].

Святой Куарт, или Кварт[7], о котором упоминается в том же послании, был епископом в Берите.

Об этих двух апостолах святой апостол Павел пишет так: *Приветствует вас Ераст, городской казнохранитель, и брат Кварт* (Рим. 16, 23).

Святой Евод был епископом Антиохийским после святого Петра. О нем упоминает святой Игнатий Богоносец в своем послании к Антиохийцам, говоря: *Поминайте блаженного Евода, отца вашего, он же первый ваш пастырь.* Скончался мученически[8].

---

[1] *Икония* — город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра; был некогда главным городом Ликаонии; ныне Кония, главный город малоазийской турецкой области Карамании.

[2] Память его — 28 апреля.

[3] Память святого апостола Олимпа празднуется 10 ноября.

[4] Память святого апостола Тертия празднуется Церковью 10 октября и 10 ноября.

[5] Память его — 30 ноября.

[6] *Панеада* — город на севере Палестины; иначе называется — Кесария Филиппова.

[7] Память его — 10 ноября.

[8] Кончина святого Евода последовала в 66 году по Рождестве Христовом, в гонение Римского императора Нерона. Память Евода празднуется 7 сентября.

Святой Онисифор, о котором упоминает святой апостол Павел во втором послании к Тимофею, говоря: *Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих* (2 Тим. 1, 16), был епископом в Колофоне[1] и Киринее[2]. Скончался мученически[3].

Святой Климент[4], о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Филиппийцам, говоря: *подвизавшийся вместе со мною и с Климентом* (Флп. 4, 3), был епископом в Сардике[5].

Святой Сосфен, который после святого Криспа был начальником иудейской синагоги в Коринфе, обращен был в христианство святым апостолом Павлом. О нем в Деяниях апостольских говорится: *А все эллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем* (Деян. 18, 17). Его имя упоминает и сам святой апостол Павел наряду со своим в послании к Коринфянам, которое начинается так: *Павел, волею Божиею призванный апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат* (1 Кор. 1, 1). Впоследствии святой апостол Сосфен был епископом в Колофоне[6].

Святой Аполлос упоминается в Деяниях апостольских: *Некто иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес. Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно* (Деян. 18, 24–25). Упоминает о нем и святой апостол Павел в первом послании к Коринфянам, говоря: *Я насадил, Аполлос поливал, но воз-*

---

[1] *Колофон* — древний город Лидии, в северо-западной части Малой Азии. В недавнее время открыты развалины этого города.

[2] *Киринея* — главный город области того же названия — находился в Ливии, на северном берегу Африки, на запад от Египта. Это был великолепнейший и богатейший город в Северной Африке. В настоящее время от него остались одни развалины.

[3] Память святого апостола Онисифора празднуется Церковью дважды: 7 сентября и 8 декабря.

[4] Память его — 10 сентября и 22 апреля.

[5] *Сардика* — древний Сардис, или Сарды, богатый город Лидии, в северо-западной части Малой Азии, бывший некогда столицей и резиденцией известного своим богатством царя Креза. Во времена апостольские был еще значительным городом; рано возникла там и христианская Церковь. В настоящее время здесь лишь ничтожная деревенька, и только развалины свидетельствуют о прошлом величии этого города.

[6] Празднование памяти святого апостола Сосфена совершается Церковью дважды в год: 30 марта и 8 декабря.

растил Бог (1 Кор. 3, 6). Впоследствии Аполлос был в Крите[1] и еще позднее был епископом Кесарии[2].

Святой Тихик упоминается в Деяниях апостольских (1 Кор. 20, 4) и в посланиях святого апостола Павла к Колоссянам (1 Кор. 4, 7) и к Ефесянам, где говорится: *дабы и вы знали о моих делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель, которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши* (Еф. 6, 21–22). И снова, во втором послании к Тимофею, апостол Павел говорит: *Тихика я послал в Ефес* (2 Тим. 4, 12; ср. Тит. 3, 12). Тихик был епископом Колофонским после святого Сосфена[3].

Святой Епафродит[4] упоминается в послании святого апостола Павла к Филиппийцам, где апостол Павел говорит: *Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего, а вашего посланника и служителя в нужде моей* (Флп. 2, 25). Епафродит был епископом в Адриаке[5].

Святой Карп, о котором святой апостол Павел упоминает во втором послании к Тимофею в таких словах: *Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги* (2 Тим. 4, 13), был епископом в Берии Фракийской[6]. Окончил жизнь в мире[7].

Святой Кодрат был епископом в Афинах и Магнезии[8], где, проповедуя слово Господне, принял от руки афинян мученическую кончину[9] при царе Адриане[10].

---

[1] Остров *Крит* (называемый иначе *Кандия* — от главного города того же имени) находится в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицей островов» Средиземного моря. Христианство здесь началось еще во времена апостольские; первые начала его положены были очевидцами события Сошествия Святого Духа на апостолов, ибо при сем были и критяне (Кн. Деяний апостольских, гл. 2, ст. 11). В настоящее время Критом владеют турки.

[2] Память святого апостола Аполлоса празднуется Церковью дважды в год: 30 марта и 8 декабря.

[3] Память его празднуется 8 декабря.

[4] Память его празднуется 30 марта и 8 декабря.

[5] *Адрия*, или *Адриака*, — город во Фракии при Черном море, недалеко от Филипп, города Македонского, лежавшего на границе с Фракией.

[6] *Берия* — город в восточной части Македонии. В нем проповедовал христианство апостол Павел в 40–65 гг. по Р. Х. В настоящее время он называется *Веррия*, или *Кара Веррия* (Черная Верия); в нем около десяти тысяч жителей.

[7] Память апостола Карпа празднуется 26 мая.

[8] *Магнезия* — восточный полуостров и область Фессалии.

[9] Память его 21 сентября.

[10] *Адриан* — римский император — царствовал с 117 по 138 год.

Святой Марк, он же и Иоанн, о котором, как спутнике Павла и Варнавы, много раз упоминают Деяния апостольские, как, например, в следующем месте: *А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взяв с собою и Иоанна, прозванного Марком* (Деян. 12, 25 и др.), был епископом в городе Библосе, в Финикии[1]. Святой Марк творил многие чудеса и имел такую благодатную силу, что от одной его тени исцелялись болящие[2].

Святой Зина, по прозвании Законник, то есть учитель закона Моисеева, о котором святой апостол Павел упоминает в послании к Титу, говоря: *Зину законника позаботься отправить ко мне* (Тит. 3, 13), был епископом в Диосполе.

Святой Аристарх, о котором упоминается в Деяниях апостольских (Тит. 19, 29) и в посланиях святого апостола Павла к Колоссянам (Тит. 4, 10) и к Филимону (Тит. 1, 23), был епископом в городе Апамеи[3].

Святой Пуд, о котором упоминает святой апостол Павел во втором послании к Тимофею, говоря: *Приветствует тебя и Пуд* (2 Тим. 4, 21), был членом римского сената. Он был человек благочестивый, принимал в своем доме святых апостолов Петра и Павла и многих верующих. Впоследствии дом его был обращен в церковь, которая называлась «Пастырскою» и в которой, по предании, священнодействовал святой апостол Петр.

Святой Трофим, о котором дважды упоминают Деяния апостольские (Деян. 20, 4; 21, 29) и святой апостол Павел в том же послании к Тимофею, говоря: *Трофима же я оставил больного в Милите* (2 Тим. 4, 20), вместе с апостолами Пудом и Аристархом сопутствовал во всех гонениях апостолу Павлу и, наконец, когда святой апостол Павел в Риме при Нероне был усечен мечом, вместе со своими двумя сотоварищами также был обезглавлен[4].

---

[1] *Библос* — древний город в Финикии, недалеко от моря, между Триполисом и Беритом, был знаменит как центр культа Адониса, которому здесь был построен великолепный храм. В настоящее время на месте Библоса небольшое местечко, называемое Джебель, в котором всего шестьсот человек жителей. Оно окружено развалинами римских времен и времени крестовых походов, а также обширными кладбищами, в которых находятся египетские и финикийские древности.

[2] Память его Церковь празднует 27 сентября.

[3] *Апамея* — один из городов Сирии.

[4] Память апостолов Аристарха, Пуда и Трофима празднуется святой Церковью 15 апреля.

Святой Марк[1], племянник апостола Варнавы, был епископом в Аполлониаде Вифинской[2]. О нем упоминает святой апостол Павел в послании к Колоссянам вместе с вышеупомянутым апостолом Аристархом: *Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною, и Марк, племянник Варнавы* (Кол. 4, 10).

Святой Артема[3], о котором говорит святой апостол Павел в послании к Титу: *Когда пришлю к тебе Артему* (Тит. 3, 12), был епископом в Листрах[4].

Святой Акила, о котором упоминается в Деяниях апостольских (Деян. 18, 1–3) и в посланиях апостола Павла (Рим. 16, 3–4 и др.), был епископом в Гераклее, слово же Божие проповедовал в Азии и Ахаии и за проповедь свою принял мученический венец[5].

Святой Фортунат, о котором упоминает святой апостол Павел в первом послании к Коринфянам (1 Кор. 16, 17–18), неустанно трудился, проповедуя имя Христово; и после многих трудов воспринял блаженную кончину.

Святой Ахаик, о котором вместе с Фортунатом упоминает в том же послании к Коринфянам святой апостол Павел, говоря: *Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили* (1 Кор. 16, 17–18).

Святой Дионисий Ареопагит, о котором упоминают Деяния апостольские (Деян. 17, 34), сначала был епископом в Афинах, а потом проповедовал Христа в Галлии[6] и здесь был обезглавлен. О том, что и он принадлежал к апостольскому лику, свидетельствует Евсевий[7], епи-

---

[1] Память его совершается 30 октября.

[2] *Аполлониада* — город в Вифинии, северной области Малой Азии, впоследствии причисленной к Лидии.

[3] Память его — 30 октября.

[4] *Листры* — один из городов Ликаонии, серединной области Малой Азии, граничащей с Фригией. Здесь апостол Павел исцелил хромого, и язычники, при виде этого чуда, признали его и Варнаву за богов (Кн. Деяний апостольских, гл. 14, ст. 6–18).

[5] Память его празднуется 14 июля.

[6] *Галлия* — нынешняя Франция.

[7] *Евсевий* — долгое время занимавший епископскую кафедру в Кесарии Палестинской и близко стоявший ко многим великим событиям своего времени, известен как отец церковной истории и вообще богослов, сочинения коего высоко ценились в христианской Церкви; отличался обширной ученостью; жил с 268 по 340 год. Евсевий собрал воедино все записи и повествования о мучениках в сборнике, носящем название: «Собрание древних мученичеств». Сборник этот содержал

скоп Кесарии Палестинской, который, перечисляя 70 апостолов, говорит: «прибавь к ним того Ареопагита, по имени Дионисия, о котором Лука в Деяниях апостольских пишет, что он был обращен к вере проповедью Павла в Афинах».

Святой Симеон, по прозванию Нигер; о нем упоминает в Деяниях святой апостол Лука, говоря: *В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учители: Варнава и Симеон, называемый Нигер* (Деян. 13, 1). О том же, что и он принадлежал к лику апостольскому, свидетельствует святой Епифаний, поставляя его между апостолами, ибо он так перечисляет их имена: «Марка, Луку, Иуста, Варнаву, Апеллия, Руфа, Нигра (то есть Симеона Нигра) и прочих семьдесят два[1]». Таким образом, святой Епифаний удостоверяет нас, что лик этих меньших апостолов состоит из семидесяти двух лиц и что святой Симеон Нигер — был один из этого числа апостолов. Кроме того, святой Иоанн Дамаскин[2], в Октоихе пятого гласа в среду на вечерне, после двенадцати апостолов упоминает и собор семидесяти двух апостолов, говоря: *всехва́льная деся́тица во дво́ицею показа́ся соверше́нне, видя́ща единоревнительный собор, седми́десяти и дву.*

Благодатными молитвами всех этих апостолов да сподобимся и мы быть причастниками небесного блаженства и лицезреть Высшего Апостола и Архиерея исповедания нашего Иисуса Христа, восхваляя его с Богом Отцом и Святым Духом, во веки веков, аминь.

Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, в первой книге своей истории, в двенадцатой главе пишет следующее: «им каждого (из двенадцати) апостола Христова довольно известно всякому из свидетельств евангельских, а перечня семидесяти апостолов, вполне точного, нет нигде. Если же внимательнее всмотреться в дело, то можно найти их более семидесяти, придерживаясь только одного свидетельства святого апостола Павла, который в первом послании к Коринфя-

в себе сказания о мучениках, епископах, исповедниках, святых женах и девах по всем епархиям. Он состоял, по мнению одних, из двадцати, а по свидетельству других — из шестнадцати книг.

[1] *Святой Епифаний* — современник святого Иоанна Златоуста; был епископом на острове Кипре в течение тридцати шести лет. Известный отец Церкви, оставивший после себя много творений, направленных против ересей его времени. Скончался в 403 году. Память его празднуется 12 мая.

[2] *Святой Иоанн Дамаскин* — замечательнейший христианский песнописец и богослов, скончавшийся в 776 году. За его ревностную защиту святых икон против иконоборцев ему была отсечена рука, но, по изволению Божию, вновь приросла к телу. Память его празднуется Церковью 4 декабря.

нам говорит: *Что явился* (Христос по воскресении Своем) *Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили* (1 Кор. 15, 5–6). Из таковых многих, трудившихся в деле благовествования о Христе, в первенствующей Церкви, просветивших верою разные страны подобно святым апостолам и достойных поэтому имени апостольского, о некоторых упомянем здесь особливо.

Святой Лазарь, бывший мертвым в течение четырех дней и воскрешенный Господом. Во время гонения на церковь Иерусалимскую, после убиения святого первомученика Стефана, он был изгнан из пределов Иудеи (см.: Деян. 8, 1) и пущен в море на лодке, без весел, вместе со святым учеником Господним, Максимином, и со святым Келидонием, который родился слепым, но был исцелен Господом. По Божественному произволению лодка приплыла к острову Кипру и святой Лазарь начал проповедовать в городе Кидонии о Христе. Впоследствии он был в этом городе рукоположен апостолом Варнавой в сан епископа, и там же на острове Кипре он почил в мире. Святое тело его спустя много лет было обретено на том острове в мраморном ковчеге, на котором была надпись: «четверодневный Лазарь, друг Христов»[1].

Святой Иосиф, происходивший из Аримафеи[2] и бывший тайным учеником Иисуса Христа, а потом испросивший пречистое Его тело у Пилата (см.: Лк. 23, 50–52; Мф. 27, 57; Мк. 15, 42; Ин. 19, 38), также был изгнан завистливыми иудеями из пределов иудейских и проповедовал Христа в Англии, где и преставился. Жителями Англии он почитается как апостол их страны[3].

Святой Никодим, приходивший к Иисусу ночью послушать Его учения (см.: Ин. 3, 1–2) и давший благой совет иудеям не осуждать Его, прежде чем услышат Его Самого и рассмотрят Его дело (см.: Ин. 7, 50–51), а потом предавший вместе с Иосифом тело Иисусово погребению и намастивший его ароматами (Ин. 19, 39), — также пострадал от

---

[1] Память святого Лазаря четверодневного празднуется Церковью 17 октября, когда воспоминается перенесение мощей его с острова Кипра в Царьград.

[2] По Евсевию и Иерониму, Аримафея то же, что *Рама*, или *Рамафа*, — город на горе Ефремовой, на два часа пути к северу от Иерусалима, недалеко от Лидды; иначе называется *Рамафаим-Цофим*. Он был отечеством Иосифа Аримафейского, одного из учеников Христовых (Ин. 19, 38), члена верховного совета иудейского, который в своем гробе, высеченном в скале, похоронил Иисуса Христа.

[3] Празднества святому Иосифу не положено, но он воспоминается в Неделю жен-мироносиц.

иудеев за веру во Христа и апостольскую проповедь, и был изгнан из Иудеи[1].

Святой Гамалиил был учителем святого апостола Павла. Он подал благоразумный совет синедриону относительно проповеди святых апостолов, сказав: *если это дело от человеков, то оно разрушится; а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками* (Деян. 5, 34–40). После мученической кончины архидиакона Стефана он взял его тело и похоронил у себя в селе, недалеко от Иерусалима. Также он скрывал изгнанного за проповедь Христову святого Никодима, которого и похоронил после кончины его близ гроба святого первомученика Стефана, где потом был погребен и сам[2].

Евнух царицы Эфиопии Кандакии, крещенный святым апостолом Филиппом на дороге (Деян. 8, 26–39) и обративший эту царицу к Христу, был первым проповедником о Христе в Эфиопии[3], где и скончался мученической смертью.

Святой Закхей, который принял с радостью в доме своем Господа и услышал от Него: *ныне пришло спасение дому сему* (Лк. 19, 1–10). По вознесении Господнем Закхей последовал за святым апостолом Петром, им был поставлен епископом Кесарии Палестинской[4], где и проповедовал о Христе[5].

Святой Корнилий сотник, крещенный святым апостолом Петром (Деян., гл. 10), которым был потом поставлен епископом, проповедовал Христа в городе Скепсии[6], где и скончался с миром[7].

---

[1] Память святого Никодима празднуется Церковью 2 августа и в Неделю жен-мироносиц.

[2] Вместе со святым Гамалиилом скончался и благочестивый сын его Авив, который также веровал во Христа; память святых Гамалиила и Авива празднуется Церковью 2 августа, в день перенесения мощей их.

[3] *Эфиопия* — в Африке, соответствует нынешней Абиссинии. Она находилась в верховьях реки Нила и граничила с Фиваидской областью Египта на севере, с Ливией на западе, с Южной Эфиопией на юге и с Аравийским заливом и Черным морем на востоке.

[4] *Кесария Палестинская* — город на восточном берегу Средиземного моря, построенный царем иудейским Иродом на месте древнего города Стратон и названный так в честь кесаря Августа (римского императора Октавия Августа). Город этот подвергался неоднократным разрушениям, и в настоящее время на его месте — только развалины, покрытые дикими растениями.

[5] Воспоминание о святом Закхее Церковь совершает в 32-ю неделю, пред началом постной Триоди.

[6] *Скепсия* — город в западной малоазийской провинции Мизии.

[7] Память святого Корнилия совершается 13 сентября.

Святой Логгин сотник, который стоял на страже при Кресте Господнем и исповедал, что Иисус есть воистину Божий Сын (Мф. 27, 54). После погребения Господа Логгин опять стоял на страже у Гроба Господня и был очевидцем воскресения Христова, о чем и свидетельствовал пред всеми. Впоследствии он проповедовал о Христе в Каппадокии, где и пострадал мученически[1].

Святой Игнатий Богоносец, по преданию, то самое дитя, которое Господь взял на руки к Себе и на которое указал апостолам, сказав: *если не будете, как дети, не войдете в Царство небесное* (Мф. 18, 2–5; Мк. 9, 37). Святым апостолом Петром он был рукоположен в епископа Антиохийского, где проповедовал о Христе. Окончил жизнь мученической смертью в Риме, будучи отдан на растерзание львам[2].

Святой Поликарп был епископом города Смирны[3]. Он, подобно апостолам, неустанно проповедовал слово Божие, писал послания ко вновь обращенным христианам и неусыпно заботился о благе и душевной пользе своей паствы. Блаженный Симеон Метафраст[4] в житии святого Игнатия Богоносца прямо называет Поликарпа божественным апостолом, говоря: «прибыли они в Смирну и там святой Игнатий целовал святого Поликарпа, божественного апостола, своего соученика». Скончался мученической смертью в Риме[5].

---

[1] Память святого Логгина сотника празднуется Церковью 16 октября.

[2] Память святого Игнатия Богоносца празднуется Церковью два раза в год: 29 января, когда воспоминается перенесение мощей его учениками из Рима в Антиохию, и 20 декабря, день кончины святого.

[3] *Смирна* — знаменитый торговый город Ионии, на восточном берегу Эгейского моря (или Архипелага), при устье реки Мелес, один из древнейших городов Малой Азии. Христианская вера была насаждена в Смирне святым апостолом Иоанном Богословом. Смирна в настоящее время принадлежит туркам, но и доселе там сохраняется и процветает православная христианская вера. Город остается и теперь одним из самых цветущих и очень населенных городов империи.

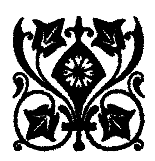
[4] *Симеон Метафраст* — известный церковный писатель X века (940 г.), составитель и собиратель Житий святых, что он делал по поручению константинопольского императора Константина VII (912–954). Движимый великою ревностью к славе святых подвижников, Симеон не только собрал повествования о них, но многие из них переработал, отчасти сократил и, что важнее всего, старинную, тяжелую и во многом неудобопонятную речь заменил современным ему чистым и лучшим слогом. За это Симеон и получил наименование Метафраста, что значит: пересказчик, перелагатель. Его труды в этой области послужили впоследствии главным источником для Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского.

[5] Память святого Поликарпа празднуется 23 февраля.

Святой Иерофей, один из членов Афинского ареопага[1]; святой вере христианской был научен святым апостолом Павлом, которым и был поставлен епископом в Афинах. Вместе с другими святыми апостолами и святой Ерофей был перенесен по воздуху ко гробу Богородицы, по Успении Пречистой Богоматери в Иерусалиме. Скончался мученически[2].

Святой Антипа, епископ Пергамский[3], также пострадал за апостольскую проповедь о Христе[4]. О нем Сам Господь Иисус Христос в Откровении святого Иоанна Богослова сказал так: *Антипа, свидетель мой верный, был убит* (Откр. 2, 13).

Святой Димитрий, о котором упоминает святой апостол Иоанн Богослов в своем третьем послании: «О Дмитрии рассвидетельствовано всеми и самою истиною; свидетельствуем также и мы, и вы знаете, что свидетельство наше истинно». Святой Димитрий был епископом в Асийском городе Филадельфии[5].

---

[1] *Ареопаг* — верховный Афинский государственный совет и судилище.

[2] Память священномученика Иерофея празднуется 4 октября.

[3] *Пергам* — город в великой Мизии (в северо-западной части Малой Азии), был столицею Пергамского царства. В древности он славился богатством, роскошью и обширной библиотекой, также изобретением, или, вернее, усовершенствованием обработки пергамента (что заменяло теперешнюю писчую бумагу). Впоследствии этот город был присоединен к Римской империи. О нем упоминается в Апокалипсисе (гл. 2, ст. 12).

[4] Память его празднуется святой Церковью 11 апреля.

[5] *Филадельфия* — город Лидийский в Малой Азии, недалеко от Сард, при подошве горы Тмолуса. Название получил от своего основателя Аштала II Филадельфа, царя Пергамского. В древности он был богатым, цветущим городом, с большим числом жителей. В настоящее время это небольшой христианский городок под властью турок.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ЕВСТАФИЯ,
архиепископа Сербского[1]

Святой Евстафий жил и подвизался во второй половине тринадцатого столетия, в дни благочестивого сербского короля Стефана Уроша II Милутина, правившего Сербией с 1262 года по 1320-й. Родился он в области Будимльской[2] от благочестивых родителей. Горячо любя своих родителей, он с раннего детства укреплялся в любви к Богу: избегая суетных забав, он старался усваивать добрые нравы, постоянно ходил в церковь и с наслаждением внимал божественному пению и чтению, запоминал слышанное и старался уразуметь смысл оного. Раз он приходит к своим родителям и говорит:

— У меня возгорелось сильное желание учиться, отдайте меня на изучение словес книжных.

Родители, слыша такие слова, возрадовались, возблагодарили Бога, внушившего такое благое желание их детищу, подыскали учителя, отдали ему своего сына на обучение книжной мудрости. Споспешествуемый благодатью Святого Духа, он вскоре выучился так, что, будучи молодым учеником, являлся сведущее многомудрых учителей. Юноша нисколько не думал и не заботился о еде, питье, одежде, мало думал даже о родителях, но, всецело направив ум свой на божественное учение, всю свою сердечную любовь и упование возложил на Господа. Достигнув же большей зрелости и строго размыслив о своем призвании, он решил оставить родительский дом и идти в путь Господень. Он отправился в область Зетскую[3], в монастырь Архангела Михаила,

---

[1] Житие святого Евстафия написано его младшим современником, святым Даниилом II, архиепископом Сербским, и вошло в состав его «Родослова» или «Царостанвика». Лучшее издание в книге: «Жизни короля и архиепископа сербского», изданной в Загребе Даничичем в 1866 году (стр. 292–319). Житие святого Даниила смотрите 20 декабря.

[2] Будимльская область, или «жупа», находилась там, где теперь в Северо-Восточной Черногории живет сербское племя Васоевичи. Ныне существует там село Будимль. В древности Будимльская епархия имела кафедру в монастыре святого Георгия, который и теперь существует в полуразвалинах к северу от городка Гусинье в селе Беране.

[3] Область Зетская, Зета, или в древности Диоклея, ныне Черногория. Монастырь святого Михаила находился на восточном берегу Которского залива, недалеко на юг от города Котора.

где находилась Зетская епископская кафедра. Здесь от епископа Неофита он принял пострижение в иноческий чин и начал жизнь подвижническую, строго выполняя монашеские обеты. Отличаясь воздержанием, чистотою жизни, изнуряя себя постом и бдением, он неукоснительно спешил в церковь на дневные и ночные службы, строго соблюдал келейное молитвенное правило, а в остальное время предавался богомыслию и умной молитве. Не имея никакой собственности, он старался сберегать от урочной своей монастырской доли в пище и одежде для раздачи нищим. Подвизаясь в монастырской тишине с полным смирением, он скоро, однако, сделался известным по всей той стране, как великий подвижник, подражавший древним отцам.

Не довольствуясь иноческим подвижничеством в своем монастыре, Евстафий горел желанием посетить святой град Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Господню и прочим святыням на месте страстей Господних. Не открывая никому своего намерения, он обратился с горячею молитвой к Господу Иисусу Христу, чтобы Он сподобил его благополучно совершить путь во святой град и видеть то место, где Он пролил Свою Кровь за спасение рода человеческого и где сотворил великие чудеса.

Молитва угодника была услышана. Когда он размышлял о том, где бы обрести ему богобоязненных спутников, являются к нему как бы посланные Самим Господом два инока и сообщают в беседе, что они идут в Иерусалим поклониться Гробу Господню и честным страстям Христовым. Возблагодарив Господа Бога и поклонившись пречистому Его образу и образу архистратига Михаила, с радостью и весельем в сердце он пустился в давно желанный путь.

При помощи Божией он легко и благополучно совершил путь и достиг Иерусалима. Здесь он с благоговением поклонился Гробу Господню и всем святыням на месте страстей Господних; не спеша обходил он все святые места и насладился их созерцанием. Посетил он и все окрестности Иерусалима, где жительствовали преподобные и богобоязненные мужи-подвижники, наблюдал и усваивал их правила жизни и подвигов.

Пробыв долгое время в Святой земле, он отправился в обратный путь, но не прямо на родину, а на святую гору Афонскую, желая видеть тамошнюю иноческую жизнь и насладиться душеполезными беседами относительно подвижничества и чистоты душевной и телесной.

Придя на святую гору, преподобный Евстафий поселился в Сербском монастыре Пресвятой Богородицы Хиландарском, построенном святым Симеоном, в мире — великим Сербским жупаном Стефаном Неманей, и сыном его Саввой, первым архиепископом Сербским. Здесь он с великим усердием предался подвигам монашеским, со смирением и покорностью исполняя всякую работу, которая ему назначалась в послушание, неопустительно посещая все церковные службы и предаваясь наедине ночной молитве и богомыслию. Так провел он много лет и сделался известным среди всех афонских подвижников. Многие древние старцы, а не только более молодые иноки, почасту приходили к Евстафию и вели с любовью и духовным утешеньем душеспасительные беседы.

После нескольких лет такой подвижнической жизни, общим советом и убеждением собора всей святой горы Евстафий возведен был в сан игумена Хиландарского монастыря. Став правителем монастыря, Евстафий еще усерднее стал подвизаться, подавал пример во всяком труде и добродетели, уча словом и делом. Заняв такое видное место и ведя добродетельную жизнь, преподобный Евстафий приобрел большую известность и всеобщую любовь не только у афонских подвижников, но и у мирян, не только у простых людей, но и у вельмож и царей. Все спешили оказать Евстафию честь и давали щедрые дары. Но эти дары он не для себя собирал, а щедрою рукою раздавал бедным вдовам, сиротам, неимущим пропитания и крова.

Неудивительно, что при таких достоинствах и добродетелях преподобный Евстафий был избран и рукоположен в епископа Зетской епархии, в которой он принял пострижение.

Став владыкой, опытный в духовной жизни и в делах церковных, Евстафий с великим успехом отправлял свои пастырские обязанности, стал самым выдающимся сербским епископом, и когда скончался сербский архиепископ Иоанникий, благочестивый король сербский Стефан Урош Милутин созвал собор епископов, игуменов и бояр, и этот собор единогласно избрал на сербский архиепископский престол святого Саввы этого благочестивого Зетского епископа Евстафия. Преподобный Евстафий по своему смирению пытался было отказываться от столь высокого сана, соединенного и с великой ответственностью, но его слов не послушали, и он вскоре торжественно при всем соборе возведен был на архиепископский престол. Святой Евстафий покорился промыслу Божию и возблагодарил

Господа Бога в горячей молитве за Его великие милости, которых он считал себя недостойным.

Неослабно трудясь на спасение своей души, святой Евстафий приложил горячие заботы о благе вверенной ему сербской церкви. Архиепископская сербская кафедра тогда уже обладала большими богатствами, и святой Евстафий приложил все старания к тому, чтобы ни одна церковь его области не испытывала недостатка в насущных потребностях, щедро уделяя из сбережений своей кафедры на нужды церквей бедных.

Немного лет правил святой Евстафий сербской церковью: через семь лет после своего вступления на высокую кафедру он впал в болезнь и увидел приближение своей кончины. Находясь в предсмертной болезни, он не роптал, но с радостью ждал исхода из этого земного мира в обители небесные. Находясь тогда в своей архиепископии, в Жиче[1], он усердно готовился и молил Господа о даровании ему мирной кончины. Вокруг постели больного собрался весь церковный Сербский собор: окрестные епископы, игумены монастырей и чернецы, и весь причт церковный; все плакали, видя приближение кончины своего учителя и архипастыря. Но больной, привстав с постели, обратился к плачущим:

— Оставьте таковую жалость, *величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе* (Пс. 33, 4).

Все присутствовавшие от плача обратились к молитве и песнопениям на исход души. Затем святой Евстафий приобщился святых Тайн и после некоторого отдохновения обратился к окружающим:

— Идите, возлюбленные, воздадим взаимно последнее целование, ибо я уже разлучаюсь с вами.

Много рыданий вызвало это прощание у духовных чад святого Евстафия. Наконец, воздев руки к небу, он произнес:

— Ведающий кончину жизни каждого, Боже богов и Господь господей, в руки Твои предаю дух мой!

Так благолепно и славно преставился святой Евстафий, радуясь о Господе.

Собравшиеся при гробе духовные лица, совокупно с мирянами, совершили торжественное погребение в Жиче, в храме Спасителя, по-

---

[1] Монастырь Жича (Житьча, Жидьча), существующий до настоящего времени, находится на правом берегу реки Ибра, недалеко от впадения ее в Сербскую Мораву, в пределах теперешнего Сербского королевства.

ложив тело в мраморной раке, которую ранее приготовил себе сам Евстафий.

Вскоре после погребения внутри помянутого храма Спасителя стали совершаться при раке почившего знамения и чудеса. Иногда видели у раки как будто горящие свечи, иногда ночью ясно слышали у гроба какие-то речи, говор, как будто тут собралось много тысяч людей. Один человек, служивший при храме Спасителя, страдал болезнью носа. Много испробовал он средств и много истратил денег на излечение, но пользы не было. Потеряв надежду на земные средства, больной обратился с горячей молитвой к Господу Богу и Пречистой Его Матери в храме Спаса, стоя неустанно за всяким богослужением у раки преподобного Евстафия. В одну ночь больной видит во сне, что он стоит, как по обычаю и наяву, подле раки Евстафия; к нему является благолепный муж в святительской одежде и спрашивает, в чем он нуждается. Больной рассказал все по порядку. Тогда пришедший муж говорит:

— Меня Господь послал исцелить тебя, только не согрешай более, чтобы не пострадать хуже.

С этими словами он перекрестил больного и коснулся его раны. Больной спросил:

— Кто ты такой, владыка святой?

Пришедший отвечал:

— Я — раб Христов, инок, по имени Евстафий, лежащий в этом месте.

Больной проснулся и ужаснулся; с трепетом он поспешил к тогдашнему архиепископу Иакову и сообщил ему и всему собору об этом чудесном видении. Больной тогда же совершенно исцелился, и все прославили Господа и Его святого Евстафия. Чудеса при гробе Евстафия стали умножаться. Однажды нашли три цветка дивной красоты, выросшие на его мраморной раке, хотя она представляла собой совершенно сухой камень, — ни земли, ни даже никакой влаги не было на ней. Это чудесное знамение навело всех на мысль, что Бог прославляет Своего угодника и обновляет тело его нетлением. Тогда же одному из иноков того монастыря, экклесиарху, в ночном видении является некий страшный юноша с пламенным оружием в руках и с гневом говорит:

— Почему вы нерадите, видя таковые знамения? Или не разумеете, что телу усопшего не предназначено видеть истления, но оно должно быть изъято из земли?

О всех этих чудесах возвещено было благочестивому королю Урошу Милутину, который по совещании с архиепископом повелел торже-

ственно открыть раку, в которой и обретено было тело святителя Евстафия нетленным и положено открыто в новой раке. Спустя некоторое время, ввиду опасности от неприятельских нашествий, мощи святого Евстафия старанием архиепископа Иакова перенесены были из Жичи в Ипек (или Печь)[1] и поставлены в тамошнем архиепископском кафедральном храме святых апостолов Петра и Павла.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА ЗОСИМЫ и МУЧЕНИКА АФАНАСИЯ

Преподобномученик Зосима был родом из Киликии[2] и подвизался в пустыне. По приказанию нечестивого Диоклетиана[3] он был взят и предан мучениям за веру Христову. Раскаленным железом ему сожгли уши, бросили его в котел, наполненный нечистотами, повесили его за ноги вниз головою и предавали различным пыткам. Но чудесным образом святой был избавлен от смерти. Во время мучений его, пришел из пустыни лев и заговорил человеческим голосом. При виде этого чуда всех объял ужас, и Зосима был отпущен. Комментарисий[4] Афанасий, увидев его невредимым после жестоких мучений, уверовал во Христа и крестился. Зосима удалился вместе с Афанасием в пустыню, и там, среди молитвенных подвигов, в расселине одной горы оба они мирно предали души свои Господу.

В тот же день память преподобного Феоктиста, игумена в Кукуме Сикелийском[5].

---

[1] *Ипек, Пешть, Печь* — второе место пребывания Сербских архиепископов; город с монастырем существует и теперь и находится в Старой Сербии (принадлежащей Турции) на речке Быстрице, впадающей в Белый Дрин в его верховьях.

[2] *Киликия* — юго-восточная область Малой Азии при Средиземном море.

[3] *Диоклетиан* — римский император, царствовавший с 284 по 305 год.

[4] *Комментарисий* — смотритель за узниками, ведший им счет.

[5] *Кукум* (древний Финикийский Каккаб) отстоял от Панормы (ныне Палермо), в западной части северного прибрежья острова Сицилии на 24 мили, и стоял при подошве горы; на окраине его был монастырь, основанный преподобным Феоктистом, где жили греческие монахи, бежавшие от иконоборства. Преподобный Феоктист скончался в 800 году.

День пятый

СТРАДАНИЕ
святых мучеников
ФЕОПЕМПТА и ФЕОНЫ

Царь Диоклетиан в первый год воздвигнутого им на христиан гонения однажды во время своего путешествия прибыл в город Никомидию и здесь, поставив множество идольских изображений, поклонялся им.

Через несколько дней в городских окрестностях был захвачен епископ Никомидийский Феопемпт (он первый пострадал в гонении христиан Диоклетианом), который, будучи представлен на суд царю, сказал:

— Эти боги, серебряные и золотые, деревянные и каменные, которым ты поклоняешься, — вовсе не боги, ибо они не могут ни дышать, ни говорить, ни сделать что-либо доброе или злое; Всемогущий же небесный Бог сотворил небо, землю и море и все, что в них находится.

Когда святой говорил это и многое другое о вере христианской, царь в гневе сказал ему:

— Я призвал тебя не для того, чтобы рассуждать, а для того, чтобы ты без разговоров принес жертву богу Аполлону.

Святой Феопемпт отвечал на это такими словами:

— Таким богам я никогда не принесу жертву и никогда не испугаюсь мучений, какие ты можешь мне назначить, ибо написано: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28). А ты, имея власть над моим телом, делай, что тебе угодно!

Тогда царь повелел растопить печь, чтобы потом бросить в нее святого епископа, и воины растопляли печь как можно жарче, с утра до полудня. В это время святой епископ сказал им:

— Подождите немного, и я покажу вам силу Господа Бога моего, за святое имя Которого эта печь растопляется для меня.

Сказав это, святой бросился в разгоравшуюся печь и сел в ней посредине, а воины, полагая, что он тотчас же сгорел, ушли. Но в полночь святой муж, выйдя из печи, вошел в царскую опочивальню, двери коей пред ним отворились сами собою, и, разбудив царя, сказал ему:

— Я — Феопемпт епископ, служитель Иисуса Христа: я не умер, но жив, хотя ты и повелел меня умертвить.

Сказав это, он снова вошел в печь. Царь, увидев святого и услышав его слова, пришел в ужас и как бы онемел от сильного страха. Наутро, призвав своих воинов, он сказал им:

— Бросили ли вы в разожженную печь того христианина, которого я повелел вам бросить?

Воины отвечали:

— Мы сделали, государь, как ты повелел, — бросили его, и он вчера погиб в огне.

Тогда Диоклетиан встал, пошел с воинами к печи и там услышал, как святой епископ посреди разожженной печи пел и славословил Бога. Это привело царя в чрезвычайное удивление, и, когда святой вышел из печи невредимым, царь сказал окружавшим его:

— Смотрите, как сильно волшебство христианское; я слышал, что христиане совершают свои волшебные дела во имя какого-то Иисуса.

После этого царь тотчас повелел взять пса и бросить в печь, чтобы видеть, не останется ли целым пес, как чудесно остался целым епископ; но пес тотчас же сгорел. Увидев это, царь сказал человеку Божиему:

— Я предам тебя жесточайшим мучениям как нечестивца, потому что я убедился, что ты — обольститель и волшебник.

Он повелел заключить его в тесную темницу и не давать ему ни хлеба, ни воды до того дня, в который царь захочет судить его, и человек Божий пробыл в той темнице двадцать два дня без пищи и питья, будучи укрепляем Богом. По окончании этого времени царь сказал своим воинам:

— Пойдем, посмотрим, жив ли тот христианин или уже умер?

Найдя его живым и радостным, как бы после царского обеда, Диоклетиан разгневался и, выведя блаженного епископа из темницы, разодрал на себе одежды, всплеснул руками и сказал:

— Смотрите же, как сильно христианское волшебство!

Но блаженный епископ на это сказал:

— Доколе, несчастный, ты будешь оставаться ослепленным и до каких пор не будешь признавать истинного Бога, в Которого я верую? Ибо Он дал мне силу и крепость, чтобы я победил тебя и чтобы я возвысился над всеми мучениями, какие ты для меня изобретешь, и презрел их.

Царь же при этих словах повелел вырвать у святого правый глаз и положить его в правую руку мученика, а потом отвести его в темницу. Когда святой здесь стал молиться, великий свет воссиял пред ним в темнице, и тотчас же зеница ока его открылась и стала цела и здорова, как и другая. Узнав об этом и увидев святого, царь разгневался еще больше и сказал:

— Клянусь римским Аполлоном[1], что не успокоюсь до тех пор, пока не найду более сильного волшебника, который мог бы разрушить все твои хитрости и волшебные действия!

Сказав это, царь снова повелел увести его в темницу, а сам послал указы по всем странам, ему подвластным, такого содержания:

— Если какой-либо волшебник, — писал царь, — может разрушить христианские волхвования, тот пусть как можно скорее явится; он получит большие подарки и великие почести.

И вот пришел один волшебник, по имени Феона, который, представ пред лицо Диоклетиана, сказал:

— По вашему повелению я пришел, чтобы как можно скорее разрушить христианское волшебство, и я непременно исполню то, что обещаю тебе.

Услышав это, царь обрадовался и сказал:

— Есть у меня в темнице один христианский князь. Когда ты разрушишь его волшебную силу, то получишь от нас великие почести.

Феона на это сказал ему:

— Пусть этот христианин сотворит предо мною какое-нибудь чудо, и я в твоем присутствии разрушу все его дела.

Царь обрадовался этому и сказал Феоне:

— Однако мне хотелось бы сначала видеть какое-либо знамение, совершенное тобою.

Феона испросил тогда привести к нему самого свирепого быка. Когда бык был приведен, Феона пошептал ему в уши какие-то слова,

[1] Греко-римский бог, почитавшийся покровителем умственного просвещения и божеством солнца.

и бык в то же мгновение распался на две части, и каждая часть лежала особо.

Тогда изумленный царь сказал:

— Действительно, ты можешь разрушить христианское волшебство!

— Подожди еще, царь, — отвечал ему Феона, — и ты поймешь все величие происшедшего чуда!

Сказав это, он повелел принести себе весы и положил на них обе части вола, которые оказались обе равными по весу. Немедленно после этого Диоклетиан повелел привести к себе святого епископа Феопемпта и, поставив его против волхва, сказал ему:

— Знаю, что ты — обманщик и волшебник! Вот этот волхв пришел из Египта, и я теперь хочу узнать, кто из вас обоих сильнее в волшебстве.

Тогда Феона сказал епископу:

— Я покажу над тобою два действия моей волшебной силы, и если они не повредят тебе, то и я уверую в твоего Бога.

Приготовив из муки две круглые лепешки, он предложил епископу съесть их. Епископ взял и съел их, и они показались ему на вкус сладкими как мед и не причинили ему никакого вреда.

Увидев это, Феона удивился и сказал:

— Я испытаю на тебе еще одно чудесное действие моего искусства, и если оно тебе не повредит, то уверую в твоего Бога.

Взяв чашу с водой, он положил в нее одну ядовитую траву и призвал на помощь себе могущественнейших бесов, чтобы яд подействовал сильнее, а потом дал выпить воду святому.

Когда святой выпил ее без всякого вреда для себя, Феона тотчас же упал к ногам святого епископа и сказал:

— Нет другого Бога, на Которого можно было бы уповать, кроме единого Иисуса!

А потом сказал царю:

— Я — христианин и поклоняюсь Распятому!

Услышав это, царь пришел в большое смущение и воскликнул:

— Велики чудеса христианских волшебников!

И повелел обоих отвести в темницу. Там святой епископ, научив Феону вере, переименовал его в Си́незия (что значит: исполненный разума, так как он чистым сердцем уразумел и познал Христа Бога и Господа) и окрестил его.

Наутро царь повелел привести к себе святого епископа и, преклонив пред ним голову, сказал ему:

— Здравствуй, учитель волшебников.

И потом стал убеждать его обратиться к нечестивой эллинской вере. Когда же святой отказался принести жертву богам, царь повелел растянуть его на земле, лицом кверху, и привязать к четырем деревьям за руки и за ноги, а потом принести довольно большой обломок каменного столба, который восемь человек едва могли снести, и положить его на чрево святого. Но святой епископ обратился с молитвою к Богу — и тотчас же тот камень, который был положен ему на чрево, поднялся сам собою и был отброшен от него далеко, почти на пятнадцать локтей расстояния. Тогда Диоклетиан повелел повесить святого за ноги, вниз головою, а к шее привязать тяжелый камень и оставил его висящим в таком положении с утра до третьего часа дня. Потом он приказал обрезать внезапно веревку, на которой святой был повешен за ноги; он думал, что при падении он будет раздавлен тяжелым камнем, расшибется и таким образом позорно погибнет. Но когда это было сделано, святой епископ, силою Божией, стал прямо на ноги свои. После этого мучитель произнес над ним смертный приговор.

Святой, с радостью услышав его, громко воскликнул:

— Благословен Бог, Отец Господа моего Иисуса Христа, что Он сподобил меня достигнуть того дня, наступления которого я всегда желал. Итак, молю Тебя, Господи, поминай меня вовеки и в настоящий час!

Сказав это, он преклонил колена и, подвергшись усечению главы, преставился в мире, исповедуя Пресвятую Троицу.

Потом царь повелел привести к себе волхва Феону, уверовавшего во Христа, и когда ни ласкательством, ни угрозами не смог склонить его к идольскому жертвоприношению, то повелел бросить его в глубокий ров и засыпать землей. Приведены были и свирепые кони, которые топтали ногами землю, насыпанную на святого, брошенного в ров. Так святой Феона, посыпаемый землею и долгое время попираемый конскими ногами, отошел ко Господу[1].

Свой страдальческий подвиг святые мученики, епископ Феопемпт и Феона, он же и Синезий, совершили в Никомидии, при царе Диоклетиане, пребывая под властью верховного Царя, Господа нашего Иисуса Христа, ему же с Отцом и Сыном и Святым Духом слава вовеки, аминь.

---

[1] Кончина его последовала в 303 году.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ
СИНКЛИТИКИИ

Преподобная Синклитикия родилась в Египте в городе Александрии, куда из Македонии[1] переселились ее родители — люди знатного рода, известные своим благочестием и очень богатые. Когда она достигла девического возраста, то многие благородные и богатые юноши, очарованные необычайной красотой ее лица и всеми признанным ее добронравием, искали вступить с нею в брак. Но она не хотела выходить замуж, еще с юности пламенея любовью к небесному Жениху Христу Богу. Вот почему она заботилась не о внешнем украшении себя, а о внутреннем, очищая душу свою постом, целомудрием и чистотою ума, дабы явиться угодною очам Христовым. Устремив к Богу весь свой ум, она одержала победу над невидимым врагом, диаволом, возбуждающим людей к грехам. По смерти своих родителей она раздала все имение свое нищим и убогим, а сама отреклась от мира, дойдя ради Бога до крайнего обнищания, взяла с собою сестру, лишенную зрения, и поселилась в могильном памятнике своего родственника. Иноческий сан она считала столь великим, что не знала, как возблагодарить за него Бога, ущедрившего ее. В первые годы подвижнической жизни она превзошла многих, но скрывала свои подвиги. Она не только вкушала мало хлеба и скудную меру воды, но и хлеб у нее был из отрубей. Пост свой она увеличивала, если воздвигалась против нее брань врага. Слава о ее подвигах привлекла к ней многих жен, которые просили у нее назидания. Долго она одним молчанием отвечала на их просьбы, но неотступные мольбы заставили ее давать наставления уже многим подвижницам, которые собрались вокруг нее и составили общежитие. В конце своей жизни она потерпела от искусителя то же, что потерпел некогда праведный Иов, ибо лютые недуги постигли ее, и все ее тело было покрыто струпьями, истощено и изъедено язвами и червями. Так страдала она три года и шесть месяцев, не дозволяя, чтобы врач оказывал ей помощь и только возлагая на Бога одного свою надежду. Когда же наступило время ее отшествия из этой жизни, она узрела в видении святых Ангелов и лик пресветлых дев, призывавших ее к себе, и уви-

[1] *Македония* — провинция Римской империи на юге Балканского полуострова, на севере от Греции.

дела райские селения. После этого видения, обратившись со словом к девицам-инокиням, она предсказала день и час своего разлучения с телом. Оно должно было совершиться через три дня после сего. Как сказала она, так и было: ибо спустя три дня, в назначенный ею час, она разлучилась со своим многоболезненным телом и лютыми язвами и перешла, как мученица, к Господу в жизнь безболезненную, какою наслаждаются на небесах святые[1]. Она прожила на земле около восьмидесяти лет во многих трудах и подвигах; ныне же пребывает в вечных небесных обителях.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ АПОЛЛИНАРИИ

По смерти греческого царя Аркадия[2] сын его Феодосий[3] остался малым, восьмилетним отроком и не мог управлять царством; поэтому брат Аркадия, римский император Гонорий[4], вручил попечительство над юным царем и управление всем греческим царством одному из важнейших сановников, анфипату[5] по имени Анфемию[6], мужу мудрому и весьма благочестивому. Этот анфипат до тех пор, пока Феодосий вырос, всеми в то время почитался как царь, почему и святой Симеон Метафраст, начиная писать это житие, говорит: «в царствование благочестивого царя Анфемия», — и во всей этой

---

[1] Преподобная Синклитикия скончалась около 350 года.

[2] Аркадий, по разделе Римской империи отцом его Феодосием I Великим, царствовал в Восточной Римской империи, или в Византии, с 395 по 408 год.

[3] *Феодосий II* — сын Аркадия, названный Младшим, в отличие от деда своего Феодосия I Великого; царствовал в Византии с 408 по 450 год.

[4] *Гонорий* — другой сын Феодосия Великого — получил при разделе империи Запад и царствовал с 395 по 423 год.

[5] *Анфипат* (греч. Ἀνθύπατος), или *проконсул,* — сановник в Византийской империи, занимавший государственную должность правителя отдельной, области, или провинции.

[6] *Анфемий* — отец Аполлинарии — был проконсулом, или анфипатом, с 405 года и пользовался влиянием при дворе, так что по смерти императора Аркадия в 408 году брат его Гонорий, император Западной империи, назначил этого Анфемия опекуном к восьмилетнему сыну Аркадия Феодосию и доверил ему временное правление всей Восточной империей. Поэтому Анфемий в житии называется царем. О нем упоминает блаженный Феодорит, и сохранилось письмо к нему святого Иоанна Златоуста.

истории называет его царем. У этого Анфемия было две дочери, из коих одна, младшая, с самых детских лет имела в себе нечистого духа, а старшая от юности проводила время в святых церквах и молитвах. Имя этой последней было Аполлинария. Когда она достигла совершеннолетия, родители ее стали помышлять о том, как бы выдать ее замуж, но она отказывалась от этого и говорила им:

— Я хочу уйти в монастырь, слушать там Божественное Писание и видеть чин монастырской жизни.

Родители говорили ей:

— Мы хотим выдать тебя замуж.

Она же отвечала им:

— Не хочу идти замуж, но надеюсь, что Бог и меня сохранит в страхе пред Ним чистою, как Он соблюдает в непорочности Своих святых дев!

Родителям ее казалось весьма удивительным, что она говорила так, будучи еще столь юною, и что до такой степени она была объята любовью к Божественному. Но Аполлинария снова стала умолять своих родителей, чтобы они привели к ней какую-нибудь инокиню, которая бы научила ее Псалтири и чтению святых писаний. Анфемий же немало скорбел о ее намерении, потому что ему хотелось выдать ее замуж. Когда же девица не изменила своего желания и отказалась от всяких подарков, которые предлагались ей искавшими ее руки знатными юношами, родители сказали ей:

— Чего же ты хочешь, дочь?

Она отвечала им:

— Прошу вас, отдайте меня Богу — и вы получите награду за мое девство!

Видя, что намерение ее непоколебимо, крепко и благочестиво, они сказали:

— Да будет воля Господня!

И привели к ней опытную инокиню, которая научила ее читать божественные книги. После этого она сказала родителям:

— Прошу вас, отпустите меня в путешествие, чтобы я могла увидеть святые места в Иерусалиме. Там я помолюсь и поклонюсь честному Кресту и святому воскресению Христову!

Они не хотели отпустить ее, потому что она была для них в доме единственной утехою, и они сильно любили ее, так как другая ее сестра была одержима бесом. Аполлинария же в течение долгого вре-

мени умоляла родителей своими просьбами, и вот они, против желания своего, согласились наконец отпустить ее. Они дали ей многих рабов и рабынь, немало золота и серебра и сказали:

— Возьми это, дочь, и ступай, исполни обет свой, ибо Бог хочет, чтобы ты была Его рабою!

Посадив ее на корабль, они простились с нею и сказали:

— Помяни и нас, дочь, в молитвах на святых местах!

Она же сказала им:

— Как вы исполняете желание моего сердца, так пусть и Бог исполнит ваши прошения и избавит вас в день скорби!

Итак, разлучившись с родителями, она отправилась в плавание. Достигнув Аскалона[1], она пробыла тут несколько дней из-за волнения морского и обошла там все церкви и монастыри, молясь и подавая милостыню нуждающимся. Здесь же нашла она себе спутников для путешествия в Иерусалим и, придя во святой город, поклонилась воскресению Господнему и честному Кресту, совершая усердную молитву за родителей своих. В эти дни своего богомолья Аполлинария посещала и женские монастыри, жертвуя большие суммы на нужды их. В то же время она стала отпускать на свободу излишних рабов и рабынь, причем давала им щедрою рукою награду за их службу и поручала себя их молитвам. Через несколько дней, по окончании своих молитв на святых местах, Аполлинария, посетив Иордан, сказала оставшимся с нею:

— Братия мои, я хочу освободить и вас, но сначала отправимся в Александрию и поклонимся святому Мине[2].

Они же сказали:

— Пусть будет так, как ты, госпожа, повелеваешь!

Когда они приближались к Александрии, о ее прибытии узнал проконсул[3] и послал почетных людей встретить ее и приветствовать ее, как дочь царскую. Она же, не желая приготовленных ей почестей,

---

[1] *Аскалон* — один из пяти главных филистимских городов в Палестине на берегу Средиземного моря, между Газою и Азотом. Назначенный в удел колену Иудину и завоеванный им, он, однако, после был независим и подобно другим филистимским городам был во вражде с Израилем.

[2] Здесь разумеется святой великомученик Мина, память коего празднуется 11 ноября. Мученическая кончина святого Мины последовала в 304 году, и останки его верующими были перенесены в Александрию, где на месте погребения их был воздвигнут храм; сюда-то и стекались многочисленные поклонники, так как по молитвам святого совершалось здесь множество чудес.

[3] *Проконсул* — правитель области.

ночью вошла в город и, сама явившись в дом проконсула, приветствовала его и его супругу. Проконсул же с супругой упали ей в ноги, говоря:

— Зачем ты так поступила, госпожа? Мы послали приветствовать тебя, а ты, наша госпожа, пришла к нам сама с поклоном.

Блаженная Аполлинария сказала им:

— Хотите ли вы сделать мне приятное?

Они же отвечали:

— Конечно, госпожа!

Тогда святая сказала им:

— Отпустите же меня немедленно, не докучайте мне почестями, ибо я хочу идти и помолиться святому мученику Мине.

И они, почтив ее драгоценными дарами, отпустили. Блаженная же раздала те дары нищим. После того она в течение нескольких дней оставалась в Александрии, обходя церкви и монастыри. При этом она нашла в том доме, где имела пребывание, одну старицу, которой Аполлинария подала щедрую милостыню и упросила тайно купить ей мантию, параманд[1], клобук и кожаный пояс, и все мужские одежды иноческого чина. Старица же, согласившись, купила все это и, принеся к блаженной, сказала:

— Да поможет тебе Бог, мать моя!

Получив монашеские одежды, Аполлинария сокрыла их у себя, чтобы про то не узнали ее спутники. Потом она отпустила оставшихся при ней рабов и рабынь, кроме двоих — одного старого раба и другого евнуха, и, сев, на корабль, отплыла в Лимн. Оттуда наняла она четырех животных и отправилась к гробу святого мученика Мины. Поклонившись мощам святого и совершив свои молитвы, Аполлинария в закрытой колеснице поехала в скит поклониться жившим там святым

---

[1] *Параманд*, иначе называемый *аналав*, — это принадлежность монашеского одеяния. В древности параманд состоял из двух ремней, надеваемых поверх хитона или рубахи крестообразно на плечи, в знамение поднятия на рамена крестного ига Христова. Иначе параманд устраивался из двойных шерстяных перевязей, спускавшихся с шеи и обнимавших крестообразно плечи под мышками и затем препоясывавших нижнюю одежду. Впоследствии к этим ремням и перевязям стали прикреплять небольшой льняной плат на груди с изображением страданий Христовых, опоясываясь концами ремней или перевязей его крестообразно, наподобие диаконского ораря. Некоторые из иноков надевали параманд поверх одежды монашеской, иные только сверх хитона или рубахи, как носят и теперь. В настоящее время поверх одежды носят удлиненный параманд, или аналав, только схимники.

отцам. Был вечер, когда она отправилась в путь, и она велела евнуху находиться позади колесницы, а раб, находившийся впереди, правил животными. Блаженная же, сидя в закрытой колеснице и имея с собою иноческие одежды, совершала тайную молитву, испрашивая у Господа помощи в предпринятом ею деле. Наступила темнота и приближалась полночь; приблизилась и колесница к одному болоту, находившемуся при источнике, который после стал называться источником Аполлинарии. Откинув покрывало колесницы, блаженная Аполлинария увидала, что оба ее служителя, евнух и возница, задремали. Тогда она сняла с себя мирские одежды и облеклась в иноческое мужское одеяние, обращаясь при сем к Богу с такими словами:

— Ты, Господи, дал мне начаток этого образа, сподоби же меня до конца понести его, по Твоей святой воли!

Потом, осенив себя крестным знамением, она тихо сошла с колесницы, между тем как слуги ее спали, и, войдя в болото, скрывалась здесь до тех пор, пока колесница не уехала дальше. Святая поселилась в той пустыне при болоте и жила одна пред лицом Единого Бога, Которого она возлюбила. Бог же, видя ее сердечное к Нему влечение, покрывал ее Своею десницею, помогая ей в борьбе с невидимыми врагами и подавая ей телесное пропитание в виде плодов с финикового дерева.

Когда же колесница, с коей тайно сошла святая, двинулась дальше, слуги, евнух и старец, проснулись при свете наступавшего дня, заметив, что колесница пуста, очень испугались; они видели только одежды своей госпожи, а ее самой не находили. Они удивлялись, не зная, когда сошла она, куда отправилась и с какой целью, сняв притом с себя все одежды. Долго они искали ее, звали ее громким голосом, но, не найдя, решили возвратиться назад, не зная, что другое им сделать. Итак, вернувшись в Александрию, они объявили обо всем проконсулу Александрийскому, а тот, чрезвычайно удивленный сделанным ему донесением, тотчас обо всем с подробностями написал анфипату Анфемию, отцу Аполлинарии, и отослал ему с евнухом и старцем оставшиеся в колеснице ее одежды. Анфемий, прочитав письмо проконсула, вместе с супругою своею, матерью Аполлинарии, долго и неутешно рыдали вместе, рассматривая одежды любимой своей дочери, а с ними плакали и все вельможи. Потом Анфемий молитвенно воскликнул:

— Боже! Ты избрал ее, Ты и утверди ее в страхе Твоем!

Когда вслед за этим все снова зарыдали, то некоторые из вельмож стали утешать царя такими словами:

— Вот истинная дочь добродетельного отца, вот истинная отрасль благочестивого царя! В этом, государь, получила свидетельство пред всеми твоя добродетель, за которую Бог благословил тебя такой дочерью!

Говоря это и многое другое, они несколько успокаивали горькую скорбь царя. И все молились Богу за Аполлинарию, чтобы Он укрепил ее в таком житии, ибо поняли, что она ушла на трудное пустынническое житие, как это и случилось на самом деле.

Святая же дева несколько лет прожила на том месте, где она сошла с колесницы, пребывая в пустыне около болота, из которого поднимались целые облака язвительных комаров. Там вела она борьбу с диаволом и с телом своим, которое было прежде нежно, как тело девицы, выросшей в царской роскоши, а потом стало похожим как бы на броню черепахи, ибо она иссушала его трудами, постом и бдением и отдавала на съедение комарам, а кроме того, ее опалял и зной солнца. Когда же Господь восхотел, чтобы она нашла себе приют среди святых отцов пустынников и чтобы о ней уведали люди для своей пользы, то вывел ее из того болота. Ей явился во сне Ангел и повелел идти в скит и именоваться Дорофеем. И она вышла из своего местопребывания, имея такую наружность, что никто не мог бы сказать наверное, мужчина ли пред ним или женщина. Когда она однажды рано утром шла по пустыне, ее встретил святой пустынник Макарий и сказал ей:

— Благослови, отче!

Она же испрашивала у него благословения, и потом, благословив друг друга, они пошли вместе к скиту. На вопрос святой:

— Кто ты, отче?

Он отвечал:

— Я — Макарий.

Тогда она сказала ему:

— Будь добр, отче, позволь мне остаться с братией твоею!

Старец, приведя ее в скит, отвел ей келью, не зная о том, что она женщина, и считая ее скопцом. Бог не открыл ему этой тайны, для того чтобы впоследствии все получили от того большую пользу и для славы Своего святого имени. На вопрос же Макария, как ее зовут, она отвечала:

— Имя мое — Дорофей. Слыша о пребывающих здесь святых отцах, я пришел сюда пожить с ними, если только окажусь этого достойным.

Старец спросил ее тогда:

— Что ты можешь делать, брат?

И Дорофей отвечал, что он согласен делать то, что ему будет повелено. Тогда старец указал ей делать циновки из тростника. И святая дева стала жить, как муж, в особой келье, посреди мужей, как живут пустынные отцы: Бог не давал никому проникнуть в тайну ее. Дни и ночи проводила она в непрестанной молитве и занятии рукоделием. С течением времени она стала выделяться среди отцов строгостью своей жизни; сверх того ей дана была от Бога благодать исцеления недугов, и имя Дорофея было у всех на устах, ибо все любили этого мнимого Дорофея и почитали его великим отцом.

Прошло довольно времени, и злой дух, которым была одержима младшая дочь царя Анфемия, сестра Аполлинарии, стал сильнее мучить ее и кричал:

— Если вы не отведете меня в пустыню, то я не оставлю ее.

К этой хитрости диавол прибег, для того чтобы обнаружилось, что Аполлинария живет среди мужчин и чтобы изгнать ее из скита. А так как Бог не допускал диаволу говорить что-нибудь об Аполлинарии, то он мучил ее сестру, чтобы ее отправили в пустыню. Вельможи советовали царю послать ее к святым отцам в скит, чтобы те помолились о ней. Царь так и сделал, послав к пустынным отцам свою бесноватую с множеством слуг.

Когда все прибыли в скит, навстречу им вышел святой Макарий и спросил их:

— Зачем, чада, вы пришли сюда?

Они же сказали:

— Благочестивый государь наш Анфемий прислал свою дочь, чтобы вы, помолившись Богу, исцелили ее от болезни.

Старец, приняв ее из рук царского сановника, отвел ее к авве Дорофею, или иначе к Аполлинарии, и сказал:

— Вот это царская дочь, которая нуждается в молитвах здесь живущих отцов и в твоей молитве. Помолись о ней и исцели ее, так как тебе от Господа дарована эта способность исцеления.

Аполлинария же, услышав это, стала плакать и говорила:

— Кто такой я, грешный, что вы приписываете мне власть изгонять бесов?

И, склонившись на колена, умоляла старца такими словами:

— Оставь меня, отец, плакать о многочисленных грехах моих; я немощен и не в силах сделать что-либо в таком деле.

Но Макарий сказал ей:

— Разве другие отцы не творят знамений силою Божией? И тебе также предоставлено это дело.

Тогда Аполлинария сказала:

— Да будет воля Господня!

И, умилосердившись над бесноватой, взяла ее в свою келью. Узнав в ней свою сестру, преподобная со слезами радости обняла ее и сказала:

— Хорошо, что ты пришла сюда, сестра!

Бог же запретил бесу объявлять об Аполлинарии, которая продолжала скрывать свой пол под видом и именем мужчины, и святая боролась с диаволом молитвою. Однажды, когда диавол стал особенно сильно мучить девицу, блаженная Аполлинария, воздев руки к Богу, со слезами молилась о сестре своей. Тогда диавол, не будучи в состоянии противиться силе молитвы, громко закричал:

— Беда мне! Меня гонят отсюда, и я удаляюсь!

И, повергнув девицу на землю, вышел из нее. Святая же Аполлинария, взяв с собою выздоровевшую сестру свою, привела ее в церковь и, припадая к ногам святых отцов, говорила:

— Простите мне, грешному! Я много грешу, живя посреди вас.

Они же, призвав посланных от царя, отдали им исцеленную царскую дочь и отпустили ее с молитвами и благословением к царю. Родители весьма обрадовались, когда увидели свою дочь здоровою, и все вельможи обрадовались счастью царя своего и прославляли Бога за столь великую Его милость, ибо видели, что девица стала здорова, прекрасна лицом и тиха. Святая же Аполлинария еще более смиряла себя среди отцов, принимая на себя все новые и новые подвиги.

Потом диавол снова прибег к хитрости, чтобы огорчить царя и обесчестить его дом, а также обесславить и причинить зло мнимому Дорофею. Он снова вошел в царскую дочь, но не мучил ее, как прежде, а дал ей вид зачавшей женщины. Увидев ее в таком положении, родители ее чрезвычайно смутились и стали допрашивать ее, с кем она согрешила. Девица же, будучи чиста телом и душою, отвечала, что она сама не знает, как это с нею случилось. Когда родители побоями стали принуждать ее к тому, чтобы она сказала, с кем пала, диавол сказал ее устами:

— Тот черноризец в келье, у которого я жила в скиту, виновен в моем падении.

Царь пришел в сильное раздражение и повелел разрушить тот скит. Царские воеводы пришли с воинами в скит и с гневом требовали выдать им черноризца, оскорбившего так жестоко царскую дочь, а в случае противления угрожали истребить всех скитников. Услышав это, все отцы пришли в чрезвычайное смятение, но блаженный Дорофей, выйдя к слугам царским, сказал:

— Я тот, кого вы ищете; возьмите меня одного как виновного, а прочих отцов как невинных оставьте в покое.

Отцы, услышав это, огорчились и говорили Дорофею: «И мы пойдем с тобою!» — потому что они не считали его виновным в том грехе. Но блаженный Дорофей говорил им:

— Господа мои! Вы только молитесь обо мне, я же надеюсь на Бога и на ваши молитвы и думаю, что скоро благополучно вернусь к вам.

Тогда они повели его всем собором в церковь и, сотворив о нем молитву и поручив его Богу, отдали его посланным от Анфемия; авва Макарий и другие отцы были, однако же, уверены в том, что Дорофей ни в чем не повинен. Когда Дорофея привели к Анфемию, он упал к его ногам и сказал:

— Умоляю тебя, благочестивый государь, терпеливо и в молчании выслушать то, что я скажу о твоей дочери; но я скажу вам все только наедине. Девица же чиста и не потерпела никакого насилия.

Царь с царицею остались тогда с Дорофеем одни, и он сказал им:

— Умоляю вас именем Божиим, обещайте мне, что вы, узнав истину, отпустите меня на мое место жительства.

Когда они дали ему в этом свое царское обещание, то блаженная Аполлинария сказала им:

— Это я, смиренный, исцелил вашу дочь, с помощью Божией и по молитвам святых отцов.

Царь и царица как бы онемели от удивления и со вниманием слушали блаженную.

— Я открою вам, — продолжала та, — великую тайну, доселе тщательно сохранявшуюся мною, для того чтобы посрамить диавола, клевещущего на невинных.

Сказав это, она сняла покров с груди своей и царь с царицею увидели, что пред ними — не мужчина, а женщина.

— Отец, — сказала тогда блаженная, — я дочь твоя — Аполлинария!

Услышав это, родители сначала как бы омертвели от ужаса и удивления, но потом, узнав в ней свою дочь, чрезвычайно обрадовались и пролили в тот день немало радостных слез. Затем они привели к блаженной Аполлинарии и сестру ее, которую считали беременной, и сказали ей:

— Знаешь ли ты этого черноризца?

Она отвечала:

— Да, это действительно тот самый человек, который исцелил меня силою Божиею.

И, упав святой в ноги, девица умоляла ее, чтобы она исцелила ее чрево. Аполлинария же, подняв с земли сестру свою, положила ей на чрево руку свою, и бес тотчас же бежал, а девица стала здорова, как прежде. Увидев это, родители прославляли Бога и говорили:

— Действительно, это наша дочь, Аполлинария!

И поднялся в царском дому радостный плач и о том, что нашлась неожиданно старшая дочь, Аполлинария, о коей дотоле не было вести, и о том, что другая дочь освободилась от незаслуженного позора. Святая же Аполлинария пробыла у родителей своих несколько дней и подробно рассказала им все о себе, а слушавшие ее родители прославляли Бога за Его чудесное промышление.

Когда же святая вознамерилась уйти в свое местопребывание, родители стали молить ее о том, чтобы она осталась у них. Но они не могли упросить ее, а притом и не хотели нарушить царское свое слово, данное ей, что отпустят ее на место ее жительства ранее открытия тайны ее. Итак, они, против собственного желания, отпускали свою любимую дочь, плача и рыдая, но в то же время радуясь в душе такой добродетельной дочери, которая предала себя на служение Богу. Блаженная же Аполлинария просила своих родителей молиться о ней, и они сказали ей:

— Бог, Которому ты уневестила себя, да усовершит тебя в страхе и любви к Нему и да покроет тебя Своей милостью; а ты, возлюбленная дочь, поминай нас в своих святых молитвах.

Ей хотели дать много золота, чтобы она отнесла его в скит на нужды святых отцов, но она не захотела взять его.

— Отцы мои, — говорила она, — не имеют нужды в богатствах этого мира; мы заботимся только о том, чтобы не лишиться благ небесных.

Итак, сотворив молитву и долго проплакав, обнимая и лобзая свою любимую дочь, царь и царица отпустили ее на место ее жительства. Блаженная же радовалась и веселилась о Господе.

Когда же она пришла в скит, отцы и братия возрадовались тому, что брат их Дорофей вернулся к ним невредим и здрав, и устроили в тот день празднество в благодарение Господу. Никто так и не узнал, что приключилось с нею у царя, а равно осталось в безвестности и то, что Дорофей женщина. И жила святая Аполлинария, этот мнимый Дорофей, среди братии, как и прежде, пребывая в своей келье. Через некоторое время, провидя свое отшествие к Богу, она сказала авве Макарию:

— Сделай мне милость, отче: когда мне наступит время отойти в иную жизнь, то пусть братия не омывают и не опрястывают моего тела.

Старец же сказал:

— Как же это возможно?

Когда она преставилась ко Господу[1], братия пришли омыть ее и, увидев, что пред ними женщина, громогласно восклицали:

— Слава Тебе, Христе Боже, имеющий много сокровенных святых у Себя!

Святой же Макарий удивлялся тому, что ему не была открыта эта тайна. Но в сонном видении он увидел одного человека, который говорил ему:

— Не скорби о том, что от тебя была сокрыта эта тайна; и тебе подобает быть увенчанным со святыми отцами, жившими в древние времена.

Явившийся сказал при сем о происхождении и жизни блаженной Аполлинарии и назвал ее имя. Воспрянув от сна, старец созвал братию и рассказал им о том, что видел, и все дивились и славили Бога, дивного во святых Своих. Украсив тело святой, братия с почетом погребли его на восточной стороне храма, в гробнице святого Макария. От святых мощей этих совершались многие исцеления, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава вовеки, аминь.

---

[1] Около 470 года.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
МИХЕЯ

Святой пророк Михей, сын Иемвлая[1], был современником пророка Божия Илии и жил во времена Ахава, царя Израильского[2], и Иосафата, царя Иудейского[3]. Михей пророчествовал изустно и предвозвестил несчастный конец войны Ахава против Сирии. Однажды Иосафат прибыл в Самарию[4], чтобы посетить Ахава. Вспомнив, что Рамоф, город Галаадский[5], которым владели сирийцы, прежде принадлежал царству Израильскому, Ахав просил Иосафата идти общими силами войною против Сирии[6]. Благочестивый царь иудейский соглашался на это, но прежде выступления в поход хотел узнать волю Божию из уст пророков. Тогда Ахав призвал к себе пророков Ваала[7]. Сии ложные пророки, представ пред обоими царями, сидевшими

---

[1] Этот пророк Михей не принадлежал к числу двенадцати так называемых «меньших пророков» и жил в IX веке. Святой же пророк Михей из числа «меньших пророков» жил и пророчествовал лет на сто тридцать позже.

[2] *Ахав*, сын Амврия, — царь Израильский; он сочетался браком с нечестивою Иезавелью, дочерью царя Сидонского, и вместе с нею ввел новое идолослужение в царстве Израильском — служение Ваалу и Астарте — божествам Сидонским. При нем жил и грозно обличал его нечестие пророк Божий Илия Фесвитянин.

[3] *Иосафат*, сын Асы, благочестивый царь иудейский, царствовал с 914 по 889 год до Рождества Христова.

[4] *Самария* — главный город царства Израильского. Город этот построен Амврием царем Израильским, отцом Ахава, за 925 лет до Р. Х. и до самого разрушения царства Салманассаром, царем Ассирийским оставался главным городом и резиденцией царей Израильских.

[5] *Рамоф* — город Галаадский, ныне — Сальт, лежащий при подошве горы Галаадской. — Галаад — страна Заиорданская.

[6] *Сирия* — в обширном смысле означает обширную землю между Средиземным морем и Евфратом. Во время своей самостоятельности она разделялась на многие царства, из которых самым могущественным было царство Дамасское, которое в настоящем случае здесь и разумеется. В царствование Ваассы и Амврия, царей Израильских, Венадад, царь Сирийский, овладел несколькими городами Израильскими. При сыне Амврия, Ахаве, Венадад 2-й, сын предыдущего, осадил саму Самарию, но попал в плен и принужден был заключить мир, возвратив Ахаву завоеванные отцом его города; однако Рамоф Галаадский остался в руках сирийцев.

[7] *Ваал* — главное божество финикиян, под именем которого они обоготворяли главным образом солнце. Введя с Иезавелью в царстве Израильском служение Ваалу и Астарте, Ахав особенно покровительствовал ложным пророкам Вааловым, содержал их в числе около тысячи человек на своем царском иждивении.

на великолепных престолах во вратах Самарийских, предвозвещали Ахаву победу над сирийцами. Но Иосафат спросил, нет ли здесь еще пророка Господня, чтобы чрез него вопросить Господа.

— Есть еще один человек, чрез которого можно вопросить Господа, — отвечал Ахава, — но я не люблю его, потому что он не пророчествует обо мне доброго, а постоянно пророчествует худое; это — Михей, сын Иемвлая.

— Не говори так, царь, — возразил Иосафат.

Тотчас же Ахав велел позвать Михея.

Царь спросил его:

— Михей, идти ли нам на Рамоф Галаадский или удержаться?

Михей отвечал:

— Я видел всех сынов Израиля, рассеянных по горам, как овец, у которых нет пастыря, и сказал Господь: нет у них начальника, пусть возвратятся каждый в дом свой с миром.

Тогда Ахав дал приказание отвести пророка Михея в темницу и давать ему там лишь понемногу хлеба и воды, доколе он (Ахав) не возвратится с миром.

На это Михей заметил:

— Если возвратишься в мире, то не Господь говорил чрез меня.

Ахав не послушался пророческих слов святого Михея[1] и открыл войну с сирийцами, но в первом же сражении получил смертельную рану[2], а Иосафат со своим войском возвратился в Иудею.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ГРИГОРИЯ КРИТСКОГО

Преподобный отец наш Григорий родился в 760 году на острове Крите[3] от благочестивых супругов Феофана и Иулиании. При

[1] Существует два святых пророка с именем Михей — память более древнего из них совершается в этот день, более позднего, книга которого входит в Библию, — 14 августа. Этих святых часто смешивают, поэтому святитель Димитрий Ростовский под 14 августа поместил жития обоих этих святых рядом, чтобы было видно их различие. — *Ред.*

[2] Это было около 878 года до Р. Х.

[3] *Остров Крит*, называемый иначе *Кандия*, — от главного города того же имени, находился в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря. По сво-

добром домашнем воспитании он получил и книжное образование. В то время исповедники православной веры терпели великие притеснения от еретиков-иконоборцев. С детства преданный православию и горячо желая соблюсти правую веру во всей ее чистоте, юноша однажды взял из дома запас пищи и удалился в Селевкию[1]. Немалое время прожил он здесь, питаясь хлебом и водою и проводя в подвигах благочестия богоугодную жизнь.

По смерти императора Льва IV иконоборца[2] преподобный Григорий на двадцатом году своей жизни отправился в святой град Иерусалим поклониться его святыням. Здесь он пробыл двенадцать лет, с терпением и радостью перенося жестокие притеснения от арабов[3] и евреев. Оттуда святой Григорий переселился в Рим, где принял пострижение в ангельский образ, в коем и подвизался, умерщвляя свою плоть воздержанием.

В 811 году святой Никифор, патриарх Константинопольский[4], отправил к Римскому папе святому Льву III[5] святого Михаила исповедника, епископа Синадского[6], с соборною грамотой о венчании на царство императора Михаила Куропалата[7]. В Риме святой Михаил духовно сблизился с преподобным Григорием и, возвращаясь в Константинополь, взял его с собою, а потом поместил в обители на мысе Акрите[8]. Здесь преподобный ради Христа подвергал себя великим лишениям: ходил босой, имел только одну одежду, пищу, состоявшую из небольшого количества хлеба и воды, вкушал только по одному разу через два или три дня; спал на рогоже, жилищем избрал себе глубокую яму и здесь горько оплакивал смуты, которые волновали тогда христианские церкви[9]. Впоследствии святой подвижник затворился в тесной

ей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря.

[1] В древности известно несколько городов с именем *Селевкии*: и в Малой Азии, и в Месопотамии, и в Сирии, и Палестине. По близости расположения от острова Крита здесь следует разуметь малоазийский приморский город в Киликии, в юго-восточной части Малой Азии.

[2] *Лев* — император Византийский, царствовал с 775 по 780 год.

[3] Арабы взяли Иерусалим в 636 году при халифе Омаре.

[4] С 806 по 816 год, память его — 13 марта и 2 июня.

[5] С 795 по 816 год.

[6] Память его — 23 мая.

[7] *Михаил Куропалат*, иначе называемый Рангав, царствовал с 811 по 813 год.

[8] На малоазиатском берегу Мраморного моря.

[9] Разумеются волнения, вызывавшиеся иконоборцами на Востоке и новым учением об исхождении Святого Духа от Отца и Сына — на Западе.

келье; отсюда выходил он одетый в одну только кожаную одежду, чтобы наносить воды в чан, стоявший у монастырской ограды. Исполнив эту тяжелую работу, преподобный уединялся в своей келье и здесь совершал келейное правило. Так, подвизаясь добрым подвигом, он предал в руки Божии святую душу свою[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **ФОСТИРИЯ**

Преподобный Фостирий, подобно солнцу воссияв на востоке, просветил пребывающих во тьме. Уединившись на высокой пустынной горе, он пребывал в непрестанной молитве к Богу, умерщвляя свою плоть постом, ночными бдениями, суровой, полной лишений жизнью. Великим подвижничеством сиял он, как светило во вселенной, оправдывая тем имя, которое носил[2]. Очистив свое тело и освятив свою душу через исполнение заповеди Господней: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16, 24), преподобный сделался обиталищем Святого Духа. По дарованной от Бога благодати он исцелял недуги и всевозможные раны у притекавших к нему с верою.

Подобно славному пророку Илии преподо́бный отец наш Фостирий получал пищу с небес. Но не во́роны носили ему пищу, как повествует Писание о пророке (3 Цар. 17, 6), а Ангел Господень. Сей небесный посланник ежедневно полагал хлеб для преподобного на известном месте; когда же к святому мужу приходили посетители, то на том месте преподобный находил хлебы и на их долю. Сие преславное чудо благоволения Божиего совершалось не в течение немногих дней, как во времена святого пророка Илии на горе Кармиле, а во все те многие годы, когда преподобный Фостирий пребывал в уединении и безмолвии.

Когда впоследствии, с Божией помощью, преподобный Фостирий основал монастырь, в котором собралась многочисленная братия, то он не получал уже с неба хлебов, как прежде, но подавал им пищу от трудов рук своих. Это произошло не потому, чтобы Бог изнемог во

---

[1] Святой Григорий скончался около 820 года.

[2] *Фостирий* — имя греческое (от греческого светило), значит: *осветитель*.

Своей благодатной помощи, и не потому, чтобы он отвращался от молитвы святого, тем более что и сам святой отец никогда не молился о пище, памятуя заповедь Христову: *Ищите... прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Но так восхотел Господь подавать им пищу за труды и поэтому повелел угоднику Своему Фостирию ничего не принимать ни от кого, а все потребное получать от трудов рук своих. Не принимая сам никаких приношений, преподобный и братию свою поучал прилежно упражняться в молитве, душеполезном чтении и в рукоделиях, и сам служил для них в сем постоянным примером.

При жизни святого Фостирия в Церкви возникли некоторые ереси; для прекращения этого соблазна составился собор из многих отцов, на который был приглашен и преподобный Фостирий. Не уклонился блаженный от этого нового подвига и, прибыв на собор, мужественно и убедительно исповедал правую веру, так что многие из еретиков возвратились в общение церковное. Другие же поступали в иноки, движимые к тому святою жизнью великого подвижника, по молитвам которого совершались многие чудотворения и во время земного его жития, и по блаженном его к Богу преставлении, последовавшем вечером накануне праздника Богоявления Господня.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
МИНЫ

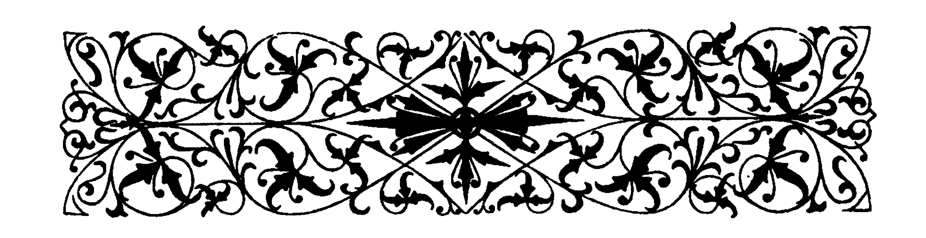
Преподобный отец наш Мина подвизался в одной из общежительных обителей Синайской горы[1] в шестом веке по Рождестве Христовом. Пятьдесят лет исполнял он здесь различные иноческие послушания. В третий день после блаженной кончины этого подвиж-

[1] *Синай* — гора, с которой Господь дал закон народу еврейскому чрез Моисея. Она представляет собой одну из вершин горной цепи Хорив на полуострове Красного (Чермного) моря. Эта горная цепь, прорезанная узкими скалистыми ущельями и имеющая много пещер с первых времен христианства, стала излюбленным местом подвижников, которые образовали там несколько скитов и монастырей. Из подвижников синайских особенно известны: святой Иоанн Постник, впоследствии патриарх Константинопольский, преподобный Иоанн Лествичник (списатель «Лествицы»), бывший в конце жизни игуменом Синайской горы, то есть находящихся там обителей, и многие другие.

ника вся братия собралась в храм, чтобы, по уставу церковному, совершить отпевание усопшего. Во время этого богослужения храм внезапно исполнился благовония, исходившего от того места, где лежал усопший. Когда по приказанию настоятеля гроб с останками почившего преподобного Мины был открыт, все присутствовавшие увидели, что по обеим его ногам двумя ручьями протекало благовонное миро. Тогда настоятель сказал братии:

— Смотрите, это выступил как бы пот от трудов, подъятых ногами почившего при жизни; он исполнен благоухания в свидетельство того, что труды эти приняты Богом. Несите же и вы по чистой совести и с полным прилежанием возлагаемые на вас послушания, чтобы получить воздаяние за труды от Господа Бога и Спаса нашего.

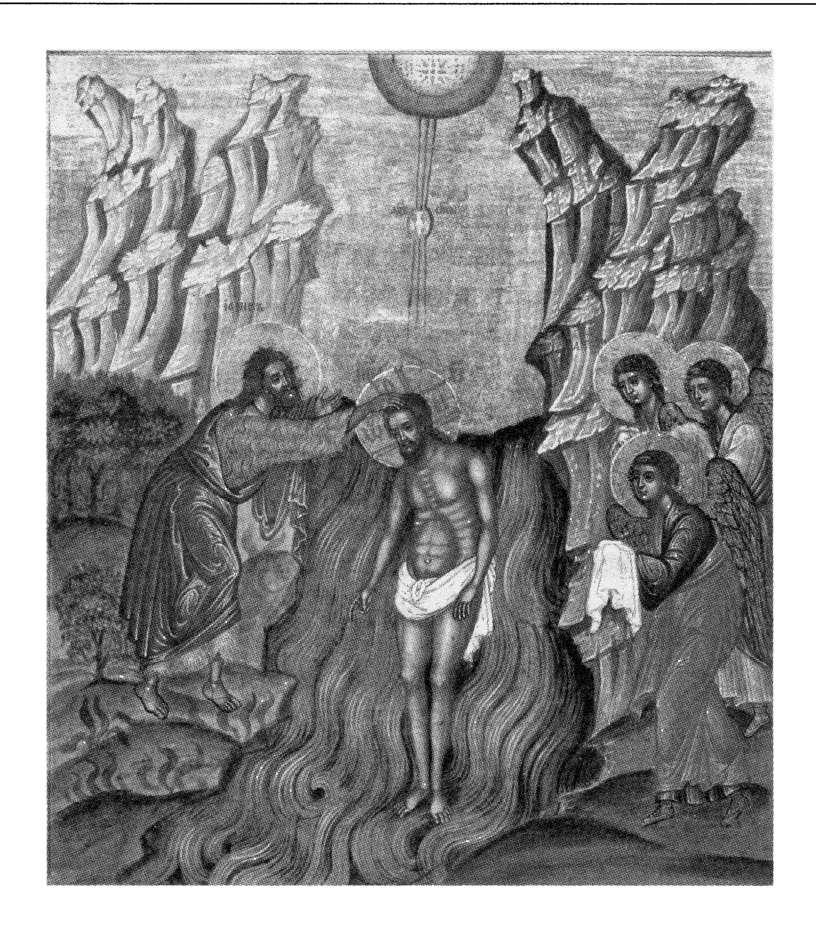

День шестой

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Господь наш Иисус Христос, по возвращении Своем из Египта, пребывал в Галилее, в городе Своем Назарете, где был воспитан, сокрывая от людей силу Своего Божества и премудрость до тридцатилетнего возраста, ибо невозможно было у иудеев никому ранее тридцатилетнего возраста принять сан учителя или священника. Поэтому и Христос не начинал Своей проповеди и не являл Себя Сыном Божиим и *первосвященником великим, прошедшим небеса* (Евр. 4, 14), до тех пор, пока не достиг означенного возраста. В Назарете Он пребывал с Пречистою Своею Матерью, сначала при мнимом отце Своем, Иосифе древоделе, пока тот был жив, и занимался вместе с ним плотнической работою; а потом, когда Иосиф умер, Сам продолжал то же дело, добывая трудами рук Своих пропитание для Себя и для Пречистой Богоматери, дабы и нас научить трудолюбию (Лк. 3, 23). Когда же исполнялся тридцатый год Его земной жизни и наступало время Его Божественного явления народу Израильскому, то, как говорит Евангелие, *был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне* (Лк. 3, 2), — глагол, посылавший его крестить водою и возвестивший ему знамение, по коему Иоанн должен был узнать пришедшего в мир Мессию. Об этом говорит в своей проповеди сам Креститель такими словами: *Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым* (Ин. 1, 33).

И так Иоанн, внимая глаголу Божиему, ходил по всей стране иорданской, проповедуя *крещение покаяния для прощения грехов* (Лк. 3, 3), ибо Он был Тот, о Котором предрек Исаия: *Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу на-*

шему (Ис. 40, 3; ср.: Лк. 3, 4). И выходила к нему вся иудейская страна и иерусалимляне, и крестились все у него в реке Иордане, исповедуя свои грехи (Мк. 1, 5). Тогда пришел и Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну, чтобы креститься от него (Мф. 3, 13). Он пришел в то время, когда Иоанн возвестил о Нем народу, говоря: *идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его; я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым* (Мк. 1, 7–8). После этого возвещения пришел Иисус креститься. Хотя Он и не имел нужды в этом, как безгрешный и непорочный, рожденный от Пречистой и Пресвятой Девы Марии и Сам бывший источником всякой чистоты и святыни, но, так как Он взял на Себя грехи всего мира, то и пришел к реке, чтобы очистить их посредством крещения. Пришел Он креститься и для того, дабы освятить естество воды, пришел креститься, чтобы и для нас устроить купель святого

крещения. Он пришел к Иоанну еще для того, дабы тот, узрев сходившего на крещаемого Святого Духа и услышав свыше глас Бога Отца, был неложным свидетелем о Христе.

Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? (Мф. 3, 14). Он духом узнал Того, о Ком за тридцать лет *взыграл радостно* во чреве матери своей (Лк. 1, 44), потому и сам требовал от Него крещения, как находящийся под грехом ослушания, перешедшим с Адама на весь род человеческий. Но Господь сказал Иоанну: *оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. 3, 15).

Под правдою святой Златоуст разумеет здесь заповеди Божии, как будто бы Иисус говорил так: «Поелику Я совершил все заповеди, какие даны в законе, и осталась только одна — относительно крещения, то Мне подобает исполнить и эту». Крещение же Иоанново также было Божественною заповедью, как это видно из слов Иоанна: *Пославший меня крестить в воде сказал мне* (Ин. 1, 33). Кто же посылал? Очевидно, Сам Бог: *был,* — сказано в Евангелии, — *глагол Божий к Иоанну* (Лк. 3, 2). И еще потому крестился Иисус, будучи тридцати лет от роду, что возраст тридцатилетнего, по словам Златоуста и Феофилакта, удобопреклонен ко всякому греху. Ибо возраст юношеский подвержен огню плотских страстей, при тридцатилетнем же возрасте — времени полного раскрытия сил мужских — человек подчиняется златолюбию, тщеславию, ярости, гневу и всяким грехам. Поэтому-то Христос Господь медлил с принятием крещения до этого возраста, дабы во всех возрастах человеческой жизни исполнить закон и освятить все естество наше и подать нам силу побеждать страсти и остерегаться смертных грехов.

После принятия крещения Господь тотчас же, без всякого замедления, вышел из воды. Есть сказание, что святой Иоанн Креститель каждого крестившегося у него человека погружал до шеи и так держал его, доколе тот не исповедовал все грехи свои; после этого крещаемому дозволялось выйти из воды. Христос же, не имевший грехов, не был задержан в воде, и потому Евангелие прибавило, что Он вышел из воды *тотчас* (Мф. 3, 16).

Когда же Господь выходил из воды, над Ним отверзлись небеса, блеснул свыше свет в виде молнии и Дух Божий в виде голубя сошел на крестившегося Господа. Подобно тому как в дни Ноя голубица возвестила об умалении воды потопа, так и здесь подобие голубя преду-

казало на окончание потопа греховного. А в виде голубя Святой Дух явился потому, что эта птица чиста, любит людей, кротка, незлобива и не терпит ничего смрадного: так и Святой Дух есть источник чистоты, пучина человеколюбия, учитель кротости и устроитель мира: притом же Он всегда удаляется от человека, пресмыкающегося в смрадной тине грехов. Когда же Дух Святой сходил, как голубь, на Христа Иисуса с неба, то слышался глас, говоривший: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение* (Мф. 3, 17). И ему подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО
СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА
НА **БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ**

Хочу, возлюбленные, праздновать и торжествовать, ибо святой день просвещения есть печать праздника и день торжества. Он запечатлевает Вифлеемский вертеп, где Ветхий деньми, как младенец у груди матери, лежал в яслях; он же отверзает иорданские источники, где Тот же Ветхий деньми крещается ныне с грешниками, даруя миру Своим пречистым телом оставление грехов. В первом случае происшедший из утробы Пречистой Девы явился для младенцев как младенец, для матери — сыном, волхвам — как царь, пастырям — как добрый пастырь, полагающий, по слову Божественного Писания, душу Свою за овец (Ин. 10, 11). Во втором случае именно при крещении Своем Он приходит на иорданские воды, с тем чтобы омыть грехи мытарей и грешников. Говоря о необычайной чудесности такого события, премудрый Павел восклицает: *явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков* (Тит. 2, 11). Ибо ныне мир просветляется во всех частях своих: радуется прежде всего небо, передавая людям сходящий с небесных высот глас Божий, освящается полетом Духа Святого воздух, освящается естество воды, как бы приучаясь омывать вместе с телами и души, и вся тварь земная ликует. Один только диавол плачет, видя святую купель, приготовленную для потопления его могущества.

Что же еще сообщает Евангелие? *Приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и го-*

ворил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? (Мф. 3, 13, 14). Кто видел Владыку, стоящего пред рабом? Кто видел царя, преклонившего голову перед своим воином? Кто видел пастыря, которому бы овца указывала путь? Кто видел начальника ристаний[1], который бы получал награду от упражняющегося в бегах? *Мне надобно креститься от Тебя,* — то есть преподай, Владыка, Ты Сам мне то крещение, какое Ты хочешь преподать миру. Я нуждаюсь в том, чтобы Ты окрестил меня, так как я нахожусь под бременем прародительского греха и ношу в себе змеиный яд. Я нуждаюсь в омытии скверны древнего преступления, а Ты ради каких грехов пришел креститься? О Тебе и пророк свидетельствовал, говоря: *не сделал греха, и не было лжи в устах Его* (Ис. 53, 9). Как же, Сам подавая избавление, Ты ищешь очищения? Крещаемые, по обычаю, исповедуют грехи свои; Ты же что имеешь исповедать, когда Ты вовсе безгрешен? Зачем Ты требуешь от меня того, чему я не научен? Не отваживаюсь сделать то, что превышает мои силы; не знаю я, как омывать свет, не умею осветить солнце правды. Ночь не освещает дня, золото не может быть чище олова, глина не может исправить горшечника, море не заимствует струи у источника, река не нуждается в капле воды, чистота не освящается скверною, и осужденный не отпускает на свободу судью. *Мне надобно креститься от Тебя.* Мертвец не может поднять живого, больной не исцеляет врача, и я знаю немощь моего естества! *Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего* (Мф. 10, 24). Ко мне не приступают Херувимы со страхом, мне Серафимы не поклоняются и не возглашают трисвятое[2]. Я не имею престолом небо, меня не предуказывала волхвам звезда, Моисей, угодник Твой, едва сподобился видеть Тебя *сзади* (Исх. 33, 23), как же я дерзну прикоснуться ко пресвятой главе Твоей? Зачем повелеваешь Ты мне совершать то, что превосходит мои силы? Не имею я длани, которою бы мог окрестить Бога: *мне надобно креститься от Тебя.* Я родился от престарелой, ибо Твоему повелению не могла противоречить природа. Находясь в утробе моей матери и не имея возмож-

---

[1] *Ристания* — это состязания в бегах, которые публично совершались в Греции на каких-либо празднествах во время общественных игр. Победившему в этом состязании давалась награда от особых старшин, которые присуждали награды.

[2] Указание на видение пророка Исаии, который удостоился лицезреть Бога, сидящего на престоле, причем окружающие престол Херувимы и Серафимы воспевали: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! (Ис. 6, 3).

ности говорить сам, я воспользовался тогда ее устами, а теперь сам своими устами, прославлю Тебя Невместимого, Которого вместил девический ковчег[1]. Я не слеп, как иудеи, ибо знаю, что Ты — Владыка, Который только на время принял вид раба, чтобы уврачевать человека; знаю, что Ты явился для того, чтобы спасти нас; знаю, что Ты — камень, отсеченный от горы без посредства рук, — камень, верующий в который не будет обманут. Меня не приведут в заблуждение видимые знаки Твоего смирения, и я духом уразумеваю величие Твоего Божества. Я — смертен, ты же — бессмертен; я — от бесплодной, а Ты — от Девы. Я родился раньше Тебя, но не выше Тебя. Я мог только раньше Тебя выступить на проповедь, но не смею крестить Тебя: я знаю, что Ты — секира, лежащая у дерева (Мф. 3, 10), та секира, которая подсекает бесплодные деревья иудейского сада. Я видел серп, готовый отсекать страсти, и возвещал, что скоро повсюду откроются источники исцелений, ибо какое место останется недоступным для Твоих иудеев? Ты будешь очищать одним словом прокаженных, течение крови прекратится чрез одно прикосновение к краю риз Твоих, от одного Твоего повеления расслабленный снова укрепится силами. Ты напитываешь дочь хананеянки крупинками Твоих чудес, брением отверзаешь очи слепому. Как же Ты просишь, чтобы я возложил на Тебя руки? *Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне, призирающий на землю, и она трясется* (Мф. 3, 14; Пс. 103, 32), по водам как по земле ходящий, — Ты, о Ком я много раз восклицал во время проповеди: *идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его* (Мк. 1, 7)! Только на Твою неизреченную благость полагаюсь и надеюсь на Твое безмерное человеколюбие, по которому Ты и блудницу допускаешь отереть пречистые Твои ноги и прикоснуться к Твоей пресвятой главе.

Что же говорит ему Господь? *Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. 3, 15). Послужи Слову, как глас человеческий, поработай, как раб — Владыке, как воин — царю, как глина — горшечнику. Не бойся, но смело крести Меня, потому что Я спасу мир; Я отдаю Себя на смерть, дабы оживить умерщвленное естество человеческое. Ты, несмотря на Мое повеление, все-таки медлишь простереть руку свою, иудеи же скоро не постыдятся простереть на

[1] Разумеется девическая утроба Пречистой Богоматери.

Меня свои нечистые руки для того, чтобы предать Меня на смерть. Оставь теперь, ибо так надлежит. По Своему человеколюбию Я прежде всех веков решил спасти род человеческий. Ради людей Я стал человеком. Что может быть удивительнее того, что Я как простой человек прихожу креститься? Это делаю Я потому, что не презираю создание моих рук, не стыжусь земного естества. Я остался таким же, каким был от века, и принял новое естество, причем, однако, Мое существо осталось неизменным: «оставлю вас теперь». Ибо враг человеческого рода, будучи свержен с неба и изгнан с земли, гнездится в естестве водном, а Я и оттуда пришел изгнать его, как возвещал о Мне пророк: *Ты сокрушил головы змиев в воде* (Пс. 73, 13). *Оставь теперь.* Ибо этот враг хочет искусить Меня как человека, и Я претерпеваю это для того, чтобы доказать его бессилие, ибо скажу ему: *не искушай Господа Бога твоего!* (Мф. 4, 7; Втор. 6, 16).

О новое чудо! О неизреченная благодать! Христос совершает подвиг, а я получаю почесть; Он воюет с диаволом, а я оказываюсь победителем; Он змеиную голову сокрушает в воде, а я как бы настоящий борец увенчиваюсь[1]; Он крестится, а с меня снимается скверна; на Него сходит Святой Дух, а мне подается оставление грехов; о Нем Отец свидетельствует как о Своем возлюбленном Сыне, а я становлюсь сыном Божиим ради Него; ему отверзлись небеса, а я вхожу в них; пред Ним, крещаемым, является горнее царство, а я его получаю в наследственное владение к Нему обращается голос Отца, и вместе с Ним я призываюсь; Отец благоволит к Нему, и меня также не отвергает. Со своей же стороны я прославляю Отца, с небес давшего глас Свой, Сына, крещающегося на земле, и Духа сошедшего как голубя, Бога Единого в Троице, Которому я и буду всегда поклоняться. Аминь.

СЛОВО НА БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Празднуя Богоявление Господне на водах Иорданских, припомним, что Господь Бог наш и прежде являлся над водами для того, чтобы сделать различные дивные дела. Так, когда Он явился над водами Чер-

[1] Выражение взято от древнего обычая — на общественных состязаниях борцов увенчивать победителей лавровыми венками.

ного моря, то *глубины открыл есть дно*[1] и провел Своих людей посуху; когда в ковчеге переходил через Иордан, то возвратил вспять воды этой реки: *Иордан*, — сказано, — *обратился назад* (Пс. 113, 3). Наконец, вначале, когда Дух Божий носился *над водою* (Быт. 1, 1), Бог создал небо, землю, птиц, зверей, человека и вообще весь видимый мир.

И ныне над водами Иорданскими является Бог, Единый в Троице: Отец — во гласе, Сын — во плоти, Дух Святой — в виде голубя. Что же Он производит в этом Своем явлении? Он созидает новый мир, и все обновляет, как и в предпраздничном тропаре сделать новый мир, отличный от первого. *Древнее прошло*, — говорит Писание, — *теперь все новое* (2 Кор. 5, 17). Мир первый по природе своей был тяжел, не мог вознестись к небу и нуждался в суше, на коей мог бы стоять, как бы водруженный. А мир новый, изведенный из вод Иорданских, так легок, что не нуждается в суше, не созидается на земле, не имеет «преград, но ищет вышину», устремляется быстро из воды к отверстым над Иорданом небесным дверям: *Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса* (Мф. 3, 16). Для мира первого, обремененного житейскими тяготами, в том случае, когда бы он возжелал достигнуть неба, потребна была бы лестница, утвержденная на земле, вершина которой доходила бы до неба, — но и та была Иаковом только созерцаема, сам же он не восходил по ней, — для мира же нового возможен восход на небо и без лестницы. Каким же образом? Се, вместо лестницы, Дух Божий, в виде голубя, летает над водами. И это означает следующее. Человеческий род уже не как пресмыкающийся по земле гад или ползающее животное, но как птица пернатая выходит из воды крещения; поэтому и Дух Святой явился над водами крещения как птица, дабы возвести без лестницы на небо Своих птенцов, коих породил Он банею крещения. И исполняются здесь слова песни Моисеевой: *носится над птенцами своими* (Втор. 32, 11), или, как читается в переводе Иеронима, вызывает птенцов своих летать. Такой именно новый мир созидает Бог Своим явлением на водах Иорданских, который не прилепляется к земле, но как птица пернатая стремится на крыльях к отверстому небу.

Припомним здесь выражение Писание: *и сказал Бог: да произведет вода, птицы да полетят по тверди небесной* (Быт. 1, 20), и посмотрим, как одно из лиц Святой Троицы, явившееся ныне над водами

---

[1] 1-й ирмос на Крещение Господне.

Иорданскими при обновлении мира, выводит из воды крещения своих духовных птенцов и призывает их летать, дабы они на своих крыльях добродетели вознеслись к открывшимся над Иорданом небесам. Но прежде чем рассматривать это, убедимся, на основании учителей Церкви, что всякий человек, родящийся от воды и духа, бывает небесным птенцом. Святой Иоанн Златоуст говорит: «раньше было сказано: да *произведет вода пресмыкающихся, душу живую*, а с тех пор, как вошел в иорданские струи Христос, вода производит уже не *пресмыкающихся, душу живую*, но разумные и духовные существа — души, которые не ползают по земле, но как птицы парят к небу. Поэтому и Давид сказал: *душа наша как птица* (Пс. 123, 7). Эта птица не земная, а небесная, ибо жительство наше, которое нам уготовляется начиная с крещения, находится, по слову Писания, на небесах». Святой же Григорий Нисский, укоряя тех, которые после принятия крещения обращаются к прежним злым делам, говорит: «люди бесстыдные, принявшие крещение, приведенные, неизвестно чем, как бы в неистовство, теряют спасение, полученное водами крещения, хотя, будучи спогребены Христову Телу, они облеклись крыльями орла и чрез это имеют возможность взлетать к тем небесным птицам, каковыми являются бесстрашные духи». Обратим внимание на эти слова: «будучи спогребены Христову Телу (через крещение), они облеклись крыльями орла, так что могут взлетать». Этим этот святой учитель убедительно доказывает, что люди, выходящие из вод крещения, бывают птицами, парящими к небу. Но это мы увидим также из истории.

Преподобный Нонн, епископ Илиопольский, когда должен был в Антиохии обратить к Богу явную грешницу Пелагию, увидел ночью во сне такое видение[1]: ему представилось, что он стоит в церкви за литургией, — и вот около него стала летать какая-то черная голубица, запачканная грязью; он взял ее, омыл в купели, и голубица после того тотчас же стала чиста, как снег, и красива, и прямо отсюда полетела к небу. Это видение указывало на то, что этот блаженный отец обратит ко Господу грешницу и просветит ее святым крещением. Итак, воды святого крещения столь могущественны, что могут человека сделать небесною птицею. Сие совершают и Иорданские воды, придавая человеку крылья, на коих он мог бы лететь в «раскрывающиеся пред ним небеса».

---

[1] Ср. житие святой Пелагии 8 октября.

Но не только обновление человеческой природы в водах Иорданских изображается в явлении, но и явившиеся три достопоклоняемые Лица Божества принимают на себя подобия различных птиц. Так мы знаем, что Священное Писание уподобляет Бога Отца орлу: *как орел вызывает гнездо свое* (Втор. 32, 11). Читаем также, что и Богу Сын подобен ко́кошу (наседке): *Иерусалим, Иерусалим*, — говорит Он, — *сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица* (слав.: ко́кош) *собирает птенцов своих под крылья* (Мф. 23, 37). Знаем, наконец, что и Бог Дух Святой явился над Иорданом в «подобии голубя». Итак, почему Лица Пресвятой Троицы уподобляются означенным трем породам птиц? Воистину потому, что Они стаи таких же птенцов духовно изводят из воды крещения, то есть делают людей духовными птенцами, кого наподобие орла, кого наподобие кокоша и кого как бы голубем.

Церковь, торжествующая на небе, разделяет верных служителей Божиих, происходящих из Церкви воинствующей, в небесном селении на три особых лика: на лик учителей, на лик мучеников и на лик девственников. Мы не ошибемся, если скажем, что это три лика суть три стаи птенцов, рожденных и изведенных из воды крещения. Лик учителей — это стая орлов, которые парят в небе и, не смежая очей своих, смотрят на солнечное сияние; ибо святые учители, подразумевая Бога, взлетают высоко, как бы имеющие крылья, а светлым умом, как бы оком, созерцая свет Трисиятельного Божества, просвещают себя и других премудростью. Лик мучеников есть стая многочадных кокошей, ибо они через пролитие за Христа своей крови породили много других чад Христу: кровь мучеников, действительно, породила многих чад для первенствующей Церкви, которых стало более, чем звезд на небе и песка, находящегося на берегу моря. Лик девственников — это стая чистых голубей, ибо они всецело приносят себя в живую жертву Богу и заботятся о том, чтобы угождать не плоти, а Единому Господу. Сии три стаи духовных птиц, говорили мы, родились в воде крещения. Рассмотрим, каким образом это происходит.

В книге Песнь песней говорится: *отврати́ очи твои от мене, яко тии воскрили́ша мя* (слав. Песн. 6, 4). Это значит: призри на меня, Господи, милостивыми очами твоими и не отвращай их от меня, ибо, по Твоей милости, я делаюсь птицей, возлетающей к небесам. И в явлении Своем на Иордан Бог призрел на природу человеческую: призрел Бог Отец, отверзши над Сыном небеса; призрел Бог Сын, придя из Назарета Галилейского креститься у Иоанна на Иордане, — призрел,

говорю, ибо всю грязь греха Адамова, все немощи нашего естества Он собрал и принес сюда для того, чтобы омыть их и очистить нас от грехов наших, — призрел и Бог Дух, сходя на божественного человека, принимавшего крещение. Призрев на нас, Единый в Троице Бог ужели не воскрылил естества человеческого? Воистину воскрылил, ибо чрез это божественное призрение тотчас появились стаи орлов, кокошей и голубей, то есть лики учителей, мучеников и девственников. Разъясним это на основании Священного Писания.

Богослов видел в откровении, ему бывшем, пред престолом Божиим стеклянное море, как бы из хрусталя (Откр. 4, 6); это море обозначало собою тайну святого крещения, ибо между Божиим престолом и человеком, намеревающимся приблизиться к престолу Божиему, находится вода крещения, и не иначе кто-нибудь может приблизиться к седящему на небесном престоле Богу, как перейдя сначала море крещения, по словам Писания: *если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3, 5). Но почему это море, означающее собою тайну крещения, стеклянное и хрустальное? Знаем, что толкователи Божественного Писания скажут, что оно — стеклянное потому, что имеет в себе чистоту, очищающую душу человека, принимающего крещение, а хрустальное потому, что дает твердость сердцу человека. Еще и потому оно является стеклянным и хрустальным, что, подобно тому как сквозь стекло и хрусталь проходит солнечный луч, так и благодать Божия проникает чрез тайну крещения, и ею приходит к человеку и просвещает храм души его. Наконец, и для того море, находящееся пред престолом Божиим и означающее тайну крещения, — стеклянное и хрустальное, чтобы восседающая на престоле Пресвятая Троица отразилась и была видима в нем, как в стеклянном и хрустальном зеркале, ибо во святом крещении явился образ Троицы. *Итак идите*, — сказал Иисус Христос, — *научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мф. 28, 19). По-человечески рассуждая, если Бог Отец воссел на престоле Своем как орел, то в море, находящемся престолом, как бы в стеклянном и хрустальном зеркале, должен был отразиться образ орла. Если Бог Сын воссел на престоле как кокош — ибо Он так называет Себя в Евангелии, — то в том находившемся пред престолом море должен был, как бы в зеркале, явиться образ кокоша. Если Дух Святой воссел на том престоле как голубь, то и в том море должен был показаться образ голубя. Но разъясним духовный смысл этих образов.

Мы сказали, что море, виденное пред престолом Божиим, означает собою тайну святого крещения, в котором наше естество крещающееся очищается, как стекло, *от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1), душа же наша укрепляется и просветляется, как бы хрусталь. И когда Бог в Троице взирает во время крещения нашего на это таинственное стекло и хрусталь, тогда воистину в нем является образ Троицы. Взирает ли Бог Отец, как духовный орел, или Бог Сын, как духовная кокош, или Бог Дух Святой, как духовный голубь, всегда таинственное стекло и хрусталь, то есть наше крещающееся естество, являет в Себе отображение оных духовных птиц и становится птенцом орла, или кокоша, или голубя, то есть чадом Бога, Единого в Троице — Отца и Сына и Святого Духа, как сказано: *верующим нам во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12). Пресвятая Троица воззрела на человеческое естество, принимавшее крещение в водах Иорданских, и отобразилась в нем, снабдив его, как птенца, духовными крыльями орла, кокоша и голубя, то есть умножила в церкви воинствующей учителей, мучеников, девственников. Итак, ясно, что каждое лицо Пресвятой Троицы извело из вод Иорданских своих особых духовных птенцов. Бог Отец, как орел, извел из Иордана орлов духовных, то есть учителей церковных. Святой Кирилл Иерусалимский говорит: «начало мира — вода, начало Евангелия — Иордан. От воды воссиял свет дневной, ибо Дух Божий, носившийся сперва *над водой*, повелел из тьмы воссиять свету. От Иордана воссиял свет святого Евангелия. Первый Учитель всего мира Христос — Божия сила и Божия Премудрость — откуда начал Свое учение? Не от вод ли Иорданских? *С того времени*, — сказано в Евангелии, — *Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь* (Мф. 4, 17). И тотчас за Ним явилось много учителей — это святые апостолы, коих Он посылал на проповедь. Таким образом, воды дали жизнь и птицам естественным (Быт. 1, 21), и птицам духовным. Ибо откуда были призваны к апостольскому и учительскому служению Петр и Андрей, Иаков и Иоанн (Мф. 4, 18, 21)? Разве не от воды? Из рыбарей Господь избрал Себе апостолов. Откуда жена самарянка явилась как проповедница об истинном Мессии в своем городе? Не от воды ли источника Иаковлева (Ин. 4, 6–7). Откуда и прозревший слепец выступил как свидетель чудесной силы Христовой? Не от воды ли Силоамской купели (Ин. 9, 7)? Все это было предуказанием на святое крещение, в котором и исцеляется слепота душевная, и омываются греховные скверны, и церковные учители по-

лучают божественную премудрость. Ибо крещением подается человеку та благодать, при помощи коей он может приобрести великое разумение, оттуда же у наставников веры вырастают духовные крылья, по слову Писания: *поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут* (Ис. 40, 31).

Бог Сын, как кокош, собирающий под Свои крылья расточенных чад, изводит из воды крещения Своих птенцов — святых мучеников, Сам первее всех отдавая на раны Свою плоть, крещенную в воде, Сам прежде всего полагая за нас на кресте Свою жизнь, дабы и мы были готовы умереть за Него. Припомним здесь слова апостола: *мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились* (Рим. 6, 3). Это значит почти то же, как если бы апостол сказал: всякий, крестившийся во Христа, должен за Него умереть, должен *быть соединен с Ним подобием смерти Его* (Рим. 6, 5). А кто так крестился в смерть Его, как не святые мученики, говорящие: *за Тебя умерщвляют нас всякий день* (Пс. 43, 23)? Кто другой был так *соединен с Ним подобием смерти Его* (Рим. 6, 5), на которую Он *как овца, веден был Он на заклание* (Ис. 53, 7), как не святые мученики, говорящие: *считают нас за овец, обреченных на заклание* (Пс. 43, 23). Оттого-то им поется: *Агнца Божия пропове́давше и закла́ни бывше, я́коже а́гнцы*[1]. В смерть его крестились святые сорок девять мучеников, которые будучи ввержены со святым Каллистратом в озеро, *были соединены с Ним подобием смерти Его*[2], а также десять тысяч мучеников, которые со святым Ромилом в один день были распяты в Армянской пустыне[3]. Да и все святые страстотерпцы, пролившие за Христа кровь свою, приближались *к подобию смерти Его*, как крестившиеся в смерть Его. Еще в воде крещения своего они были уже предопределены к венцу мученическому. Обыкновенный кокош имеет обычай выбирать в пищу лучшие зерна и, находя таковые, созывает к себе своих птенцов. Приняв за верное, что все добродетели суть пища духовная, всякий должен сознаться, что нет лучшего зерна, или нет высшей добродетели, чем любовь: *но любовь больше всех* (1 Кор. 13, 13), — и именно такая любовь, которая полагает за любимого душу свою: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Это зерно любви нашел и указал птенцам Своим духовная кокош — Христос Господь, поло-

[1] Из службы заупокойной.
[2] Память их — 27 сентября.
[3] Память их — 6 сентября.

жив душу Свою за друзей: *вы*, — сказал Он апостолам, — *друзья Мои* (Ин. 15, 14). К этому зерну стекались призванные птенцы — святые мученики и начали, побуждаемые любовью, полагать души свои за Господа, как вещает к Господу мученица: «Тебе, Женишé мой, люблю и, Тебе и́щущи, страда́льчествую»[1]. Откуда же были призваны эти духовные птенцы к зерну любви? Не от воды ли крещения, в которой они в смерть Его крестились? Послушаем святого Анастасия Синаита[2], который о благоразумном разбойнике, для коего вода, истекшая из ребер Христовых, стала водою крещения, говорит: «К этим птицам (то есть к небесным духам) отлетел из животворной воды, истекшей от ребер Господних, первейшая всех птиц, святой разбойник, с Царем птиц Христом воспаряя по воздуху в рай».

Бог Дух Святой, как голубь, изводит из воды крещения своих птенцов — чистых телом и душою голубей, то есть девственников. Ибо, до тех пор, пока естество человеческое в лице Господа Иисуса Христа чрез снисхождение и действие Святого Духа не было соединено с Божеством и омыто Иорданскими водами, до тех пор супружество было выше девства, до тех пор о девственной чистоте, соблюдаемой во славу Божию, мало где было известно. *Рожденное от плоти есть плоть* (Ин. 3, 6). Тогда плоть одна рождала, дух же оставался бесплодным, почему Бог некогда говорил: *не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть* (Быт. 6, 3). Когда же человеческое естество сошло на Иордан, и на него сошел Дух Святой, тогда внезапно от Духа родилось в жизнь высшее супружества девство, стремящееся не к плотскому, а к духовному, по словам Иоанна Богослова: *рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3, 6). А так как дух имеет честь большую, чем плоть, то и девство, соединяющееся в один дух с Господом, стало почетнее, чем плотской супружеский союз. Наше естество, восшедшее в духовный супружеский союз с Христом во Иордане, стало плодоносным и произвело из себя целые девственные лики. И такое духовное супружество не может производить что-либо иное, кроме девства, на что указал еще пророк Захария, сказав: *вино благоуханно девам* (слав. Зах. 9, 17). Под девами пророк разумеет девственные лики. Дух Святой, по слову пророка, как вино изливается и производит дев, ибо, где Дух Святой изливает Свою благодать, там не может не ро-

---

[1] Из тропаря мученицам.

[2] *Святой Анастасий Синаит* — один из выдающихся богословов Греко-восточной Церкви VII столетия. Память его — 23 апреля.

диться девство. Блаженный Иероним, в своем переводе Священного Писания, удачно передает смысл означенного места словами: «вино, производящее дев». В самом деле, то вино благодати Святого Духа излилось некогда на апостолов и упоило их так, что некоторым они представлялись опьяненными вином, и сделало их такими девами, что в них не оставалось никакого порока и они стали чисты и целы как голуби. В праздник Сошествия Духа Святого и Церковь поет: «Дух спасения созидает чистые апостольские сердца»[1]. Итак, ныне изливается оное вино на воды Иордана, и кто сомневается в том, что воды крещения, смешанные с вином Духа Святого, производят девство, согласно со словами пророчества: «вино, родящее дев», — и при том таких дев, к которым апостол говорит: *я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2)? От духовного супружества естества нашего с Богом рождается от Духа девство, которое Дух Святой, изведя из воды крещения, вводит в небесные обители.

Так каждое Лицо Пресвятой Троицы, явившееся на Иордане, вывело из вод крещения своих особенных духовных птенцов и, выведя их, призывает лететь на данных им крыльях добродетелей в отверстые небеса.

Во-первых, Бог Отец, как духовный орел, призывает к полету птенцов Своих — духовных орлов, то есть учителей, как имеющих особенные крылья, о которых Церковь поет: *Богоразу́мия криле́, прелете́вшия концы и к небеси́ вознесшиися*[2]. Какие же крылья у тех птенцов? Несомненно, что их, кроме других общих всем добродетелей, — два: дело и слово. Тот есть учитель церковный, тот — высокопарящий орел, кто и сам на деле исполняет то, чему учит других на словах. А что крылья духовных орлов действительно есть слово и дело, это ясно показано в книге Иезекииля пророка, который однажды видел четырех животных с четырьмя крыльями каждое, везущих колесницу Божию. Те животные издавали шум своими крыльями: *И когда они шли, я слышал*, — говорит пророк, — *шум крыльев их, как бы шум многих вод, как бы глас Всемогущего* (или, по переводу Симмаха, как гром могущественного Бога), *сильный шум, как бы шум в воинском стане* (Иез. 1, 24). Поистине великий то был голос, необычайная песнь! Впрочем, удивителен не столько самый голос, сколько то, откуда исходил этот го-

[1] Из канона на Пятидесятницу, песнь 5.

[2] Стихира на «Господи, воззвах» из службы свв. апостолам Петру и Павлу.

лос. Голос этот исходил не из гортани, слово выходило не с языка, песнь не из уст, а из крыльев оных животных. Пророк говорит: «я слышал шум крыльев их». Пели они, но не гортанью, славословили Бога, — но не красноречивыми и многоречивыми устами и языком, а теми же крыльями, на которых летали: «я слышал шум крыльев их».

Какая же здесь скрывается тайна? Эта тайна такая: животные, везущие Божию колесницу, означали собою учителей церковных, которые представляют собою сосуды, избранные для того, чтобы распространить имя Божие по всей вселенной, и своим учением увлекают на прямую дорогу, ведущую к небу Церковь Христову, как бы Божию колесницу, в которой находятся многие десятки тысяч верующих душ. Крылья же оных животных, издающие голос и поющие, означают собою дело и слово учителя. Крылья, которые дают возможность летать, указывают на то, что учитель церковный сам прежде должен явить собою образец добродетели, сам прежде должен пред лицом всех своею богоугодною жизнью, как бы пернатый, возноситься к небу. Голос же, выходивший из крыльев оных животных, означает собою учительное слово; учитель должен издавать такой голос, который был бы сообразен с силою его полета, то есть должен учить стадо и в то же время сам обязан жить так, как учит. Ибо такой пользы не приносит голос учителя, когда у него не видно крыльев богоугодной жизни. Только тот учитель возносится прямо к отверстому над Иорданом небу, который летает не на одном крыле слова, но и на другом крыле — добродетельной жизни, который в одно и то же время учит словом и делом. Не так легко возносят к небу и учителя и ученика замысловато составленное слово, или сладкогласные уста, или громкая гортань, как крылья добрых дел.

Бог Сын, как духовная кокош, призывает летать Своих птенцов — святых мучеников. А крылья добродетели, принадлежащие им одним, кроме других общих добродетелей, суть следующие два: вера и исповедание. Об этих мученических крыльях апостол говорит: *потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10). Непоколебимая вера в сердце — одно крыло; дерзновенное исповедание устами имени Христова пред царями и мучителями — крыло другое. Первая духовная птица, влетевшая в рай, благоразумный разбойник, пострадавший с Христом на кресте, взлетел именно на таковых крыльях веры и исповедания. Ибо, в то время когда Господь наш, добровольно за нас пострадавший, был всеми по-

кинут и когда от Него отрекся даже Петр, обещавший умереть с Ним, один разбойник уверовал в Него сердцем и исповедал устами, назвав его царем и Господом: *помяни меня, Господи*, — сказал он, — *когда придешь в Царствие Свое*. Как велика был эта вера разбойника, когда во всех учениках Христовых оскудела! (Мф. 26, 56). Когда все веровавшие соблазнились о Христе, он один не соблазнился, но помолился ему с верою, почему и услышал от Него такие слова: *истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 42–48). Святой Амвросий так говорит об этом: «в тот час, когда рай принял Христа, он принял и разбойника, но эту славу разбойнику даровала одна вера». Итак, ясно, что эта птица, то есть распятый с Христом на кресте мученик, взлетела в рай не на каких-либо иных крыльях, как только верою, исповеданною устами. «Эту славу, — говорит святой Амвросий, — даровала разбойнику одна вера».

Наконец, Бог Дух Святой, явившийся в виде голубя, призывает летать и Своих птенцов — девственников, ибо ему свойственно делать человека крылатой птицей, которая бы могла проникать в самые высокие области. Святой Дамаскин поет: *Святому Духу, всякая всеспасительная вина, аще коему Сей по достоянию дхнет, скоро вземлет от земных, восперяет, возращает, устрояет горе́*[1]. Он и духовных голубей, святых девственников, *горе́ устроя́ет*, призывая их летать. Особые же крылья добродетелей у тех голубей суть: умерщвление плоти и духа. А что умерщвление плоти есть одно из крыл, возносящее человека к небу, об этом святой Амвросий Медиоланский, толкуя слова Евангелия: *вы лучше многих птиц* (Мф. 10, 31), говорит так: «плоть, расположенная к исполнению Закона Божиего и совлекшаяся греха, по чистоте чувств уподобляется естеству души и возносится к небу на духовных крыльях». Здесь святой учитель Церкви говорит об уподоблении естеству души, имея в виду умерщвление, которых действительное естество плоти как бы переходит в естество души, когда худшее подчиняется лучшему и плоть порабощается духу, когда человек освобождается от греха и очищает свои чувства, что невозможно без умерщвления. Умертвив же свою плоть, человек становится легким и пернатым, как птица, и возносится к небу на духовных крыльях. Итак, умерщвление тела для девства, воспаряющего к небу, есть первое крыло, ибо желающему соблюдать чистоту прежде всего подобает

[1] Воскресный антифон 6-го гласа.

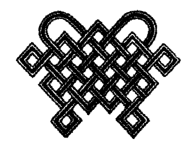
умертвить свою плоть, на что указывает словами пророка Давида Святой Дух, когда обращается ко Христу с такими словами: *сми́рна и ста́кти и кассі́я от риз Твоих* (слав. Пс. 44, 9). Здесь толкователи Божественного Писания разумеют под смирною — умерщвление страстей, под стактями — смирение, под кассией — веру[1]. Эти благоухания исходят от одежд Христа, то есть от Его святой Церкви, от верующих, в которых Он облекся как в одежду, приняв на Себя плоть и вселяясь в тех, кто живет чисто и свято. Итак, Дух Святой как бы так говорит: умерщвление страстей, смирение и вера, как драгоценные ароматы, благоухают пред Отцом Твоим от Твоей Церкви, от чистых и девственных людей, которые сохраняют указанные добродетели в своих сердцах, как бы в сосудах для сохранения ароматов. Но спросим: для чего Дух Святой, за разные добродетели прославляя Церковь Христову, прежде всего хвалит ее за умерщвление страстей верующих, поставляя именно на первом месте смирну? Поистине для того, чтобы показать, что вслед за подавлением беззаконных вожделений, за прекращением плотского сластолюбия, за умерщвлением тела идут все другие добродетели, как бы за вождем своим. Итак, духовным птенцам Духа Святого, то есть девственникам, желающим иметь гнездом своим небо, прежде всего нужно иметь это крыло, то есть умерщвление плоти.

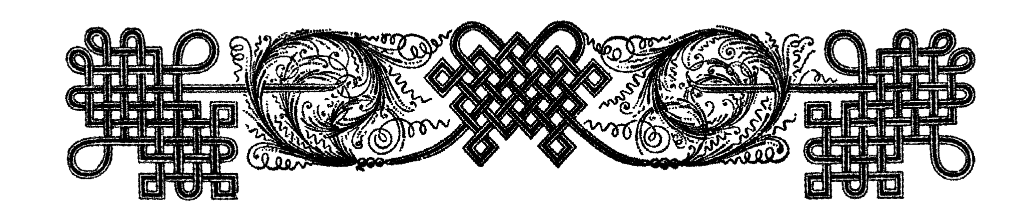
Второе их крыло — умерщвление духа, которое состоит в том, чтобы не только делом не совершать греха, но и не желать его в духе, не помышлять о нем в уме. Можно быть чистым по телу, но в то же время иметь различные неподобные желания, услаждаясь помыслами о нечистом. Не напрасно апостол увещевает: *очистим себя от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). Эти слова ясно свидетельствуют о том, что существует сугубая скверна — нечистота плоти и нечистота духа. Ибо плоть привыкла проявлять себя — в делах, а дух — в помыслах и расположениях сердца. Напрасно хвалится своею чистотою и уповает достигнуть небесного прославления то девство, которое хранит нерастленным только тело, душу же, оскверняющуюся помыслами и хотениями, не старается очистить. Ибо, как птица не может

[1] *Смирна* — благовонная смола бальзамного дерева мирры, растущего в Аравии и Эфиопии. Смола эта употреблялась для священного помазания, для благоухания и окуривания, для натирания и намащения тела, особенно же для бальзамирования и помазания тел умерших. *Стакти* — тоже ароматическая мазь, употребляемая для лечения болезней. *Кассия* — корица, тонкая и благовонная кора, облекающая собою древесные ветви. Она употреблялась для составления благовонных мазей и ароматов, а также для врачевства.

летать на одном крыле, так и девственник с одною чистотою телесной, без чистоты духовной, не войдет в чертог небесный. Тот же, кто бережно хранит ту и другую чистоту, как голубь, полетит вслед Явившегося «в виде голубя».

Итак, мы слышали, что сделал Бог Единый в трех Лицах, явившийся на водах Иорданских при обновлении мира, — как Он извел из вод крещения духовных птенцов церковных — учителей, мучеников, девственников и призвал их в *разверзающиеся небеса* (Мк. 1, 10). Да будет же как от учителей, мучеников и девственников, так и от нас грешных, — Отцу и Сыну и Святому Духу, — явившемуся на Иордане Богу, честь, слава, поклонение и благодарение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

День седьмой

СОБОР СВЯТОГО ИОАННА, Предтечи и Крестителя Господня

На другой день праздника святого Богоявления Церковь с самых первых времен совершает празднование собора честного и славного пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. И вполне прилично было почтить особым празднованием того, кто послужил таинству Божественного крещения, возложив руку свою на главу Владыки. Итак, тотчас после праздника Крещения Господня соборно почитается и прославляется песнопениями Креститель. Само же слово — собор — означает, что народ собирается в церковь для совершения богослужения в честь и похвалу прославляемого ныне великого Предтечи и Крестителя Иоанна. Таковой собор, хотя совершался и совершается во всех храмах вселенной, но с особенною торжественностью совершается в храмах, посвященных имени Крестителя, как это было прежде в храме его при Иордане, где он крестил Христа, и в Севастии[1], где он был погребен по умерщвлении Иродом[2], и в Анти-

---

[1] *Севастия* — главный город Самарии. Такое название этот город получил после того, как был подарен Августом Ироду Великому, который совершенно восстановил его и украсил и, в благодарность Августу, назвал его Севаста, или Севастия, что значит город Августа.

[2] Разумеется *Ирод Антипа*, сын Ирода Великого, правивший Галилеей и Переей с титулом *тетрарха*, то есть четвертовластника, властителя над четвертою частью Палестины. Он имел законную жену, дочь Аравийского царя Арефы, но отверг ее и отнял жену у Филиппа, брата своего, Иродиаду. Святой Предтеча Господень Иоанн обличал Ирода за этот беззаконный брак. За это Ирод заключил его в крепость Махерунт, находившуюся близ Мертвого моря на границе с Аравией. Здесь злобная Иродиада, воспользовавшись удобным случаем, представившимся во время пира,

охии, куда была первоначально принесена правая его рука святым евангелистом Лукой[1], и в Царьграде, куда впоследствии та же святая рука была перенесена из Антиохии, и где в особенности торжественно справляем был собор Крестителя, так как рука его была перенесена в самое навечерие святого Богоявления, когда бывает освящение воды: казалось, что тогда сам Креститель прибыл невидимо на освящение воды, и великая радость была царям и всему народу. Потому-то тогда с великим торжеством совершен был собор Крестителя на другой день Богоявления Господня и продолжал праздноваться также и в последующее время. И мы с радостью духовною совершаем собор этого великого Предтечи и Крестителя Иоанна, моля его о том, чтобы он просил за нас Владыку Христа собрать нас в церкви торжествующих в вечном нерукотворенном храме на небе, и где бы мы могли слышать голос празднующих и совершить празднество в честь вечного явления Бога. Там мы можем насыщаться со Христом видением лица Бога, явственно показывающего Себя святым Своим, и славить со всеми небесными ликами Отца и Сына и Святого Духа вовеки, аминь!

СКАЗАНИЕ
О ДЕСНОЙ РУКЕ СВЯТОГО ИОАННА ПРЕДТЕЧИ, крестившей Господа

После усекновения беззаконным царем Иродом главы святого Иоанна Предтечи, Крестителя Господня, его честное тело погребено было его учениками близ могилы пророка Елиссея в знаменитом самарийском городе Севастии. Когда же святой евангелист Лука, проповедуя Христа и обходя многие страны и города, пришел в Севастию, имея в виду отправиться отсюда в свой отечественный го-

---

испросила у Ирода чрез дочь свою Саломию главу Иоанна Крестителя, и беззаконный царь, посреди пира, повелел отсечь главу Предтечи, что и было исполнено. Эта глава была отнесена Иродиаде, которая в злобной радости исколола Предтечев язык, а тело было выброшено за стены крепости и найдено здесь учениками Крестителя, которые с честью отнесли его в Севастию и здесь похоронили.

[1] *Апостол* и *евангелист Лука* был родом из Антиохии; потому-то он и озаботился перенести честную руку Предтечи в свой родной город. Память святого Луки совершается 18 октября.

род — Антиохию, то сему апостолу пришло на мысль взять с собою и отнести в Антиохию тело святого Предтечи, Иоанна Крестителя. Оно было нетленно и цело, но взять его было нельзя, потому что жители Севастии очень чтили мощи Крестителя и бережно их хранили. Поэтому святой евангелист Лука мог отделить от святого тела Предтечи только правую руку, крестившую Владыку нашего Господа Иисуса Христа; ее-то он и принес с собою в свой город Антиохию, как некое драгоценное сокровище, которым он хотел возблагодарить Антиохию за воспитание свое, полученное им в этом городе. С того времени святая рука Крестителя с великим благоговением была хранима антиохийскими христианами, ибо от нее совершалось немало чудес. По прошествии долгого времени, на царском престоле воссел Юлиан Отступник[1], который явно отрекся от Христа и кланялся идолам. Он стал преследовать Церковь Божию так же, как и языческие императоры, преследовавшие христиан раньше его, и не только гнал и умерщвлял живых христиан, но восстал с яростью и против умерших: останки святых, пострадавших за святую веру, он вынимал из гробов и сжигал, а храмы Божии и всякие святыни обращал в пепел. Однажды он явился и в Антиохию, частью

[1] *Юлиан Отступник* — племянник Константина Великого. При жизни сына последнего, императора Констанция, он был соправителем его, управляя западными провинциями Римской империи. Сделавшись в 361 году императором, он отступил от христианской веры и поставил задачей своей жизни восстановление язычества. Поэтому он и назван Отступником. Царствовал до 363 года, когда погиб в войне с персами.

для того, чтобы принести там гнусные жертвы своему мерзкому богу Аполлону[1], идол которого находился близ города, в местности, именовавшейся Дафне, частью для того, чтобы преследовать христиан и сжечь те святыни их, какие ему удалось бы найти. Христиане антиохийские, услышав о его прибытии, поспешили сокрыть святую руку Крестителя в одной городской башне, называвшейся Гония, чтобы гонитель не причинил ей бесчестия и не сжег бы ее. Юлиан, явившись в Антиохию и причинив здесь много зла христианам, стал отыскивать руку Крестителя, а когда его поиски оказались напрасными, то послал приказ в Палестинский город Севастию о том, чтобы все тело Крестителя, — находившееся там за исключением головы и руки, — а равно и гробница с храмом Крестителя были преданы разрушению и огню, что и было исполнено, как сообщают историки Никифор и Кедрин[2]. Впрочем, блаженный Симеон Метафраст[3] сообщает, что сожжено было не Крестителево тело, а чье-то другое, ибо патриарх Иерусалимский, узнав заблаговременно о приказе Юлиана, тайно взял из гроба мощи Крестителя и послал их на сохранение в Александрию; вместо них же он положил кости одного мертвеца, и эти последние были сожжены, по словам Метафраста, вместо мощей Крестителя, с гробом его и храмом.

Когда беззаконный тот царь погиб и истинная вера снова осияла в мире, то и рука святого Предтечи была вынута из башни, в коей скрыта была, как бы светильник из-под спуда. Снова христиане стали воздавать ей почитание и снова стали совершаться от нее чудеса, как и прежде. Из этих чудес сообщим о следующем.

В пределах Антиохийских гнездился великий и страшный змей, которого язычники обоготворяли и которому как богу ежегодно приносили жертвы. В эту жертву обыкновенно назначаема была особо избиравшаяся непорочная девица, которая и отдавалась на съедение змею, в присутствии всего народа, смотревшего на это зрелище с осо-

---

[1] *Аполлон* — один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца, умственного просвещения, поэзии и музыки, а также общественного благополучия и порядка. Сверх того, он был божеством предсказаний будущего и врачебного искусства.

[2] *Никифор Каллист* — церковный историк, монах Софийского монастыря в Константинополе; скончался около 1350 года. *Кедрин* — тоже известный церковный историк, живший в конце XI или начале XII века.

[3] *Симеон Метафраст* — известный составитель Житий святых, живший в Константинополе в X веке. (Скончался около 940 года.)

бых мест, построенных невдалеке от пещеры, где жил змей. Змей же выползал из пещеры и производил всеобщий ужас своим страшным видом, шипением и широко отверстою пастью, а потом хватал представленную ему жертву и, терзая ее своими зубами, пожирал. Для такой жертвы дочери антиохийских граждан были назначаемы по жребию. В один год жребий этот пал на дочь одного антиохийского христианина. Христианин этот молил со слезами Христа Бога и его святого Крестителя об избавлении его дочери от лютой смерти. Когда наступал уже самый день того гнусного праздника, отец с воплями и рыданиями вопиял к Богу и призывал на помощь святого Иоанна Крестителя. В это время он пришел к храму Иоанна Крестителя, где хранилась рука Крестителя, и усердно просил ключаря, чтобы тот отпер ему храм и пустил его поклониться той честной и святой руке. Сие же делал он с тайною целью, для достижения которой он положил за пазуху несколько золотых монет. Когда он стал совершать поклоны пред ковчегом, в котором была хранима та святая рука, то как бы нечаянно просыпал из-за пазухи золотые монеты. Ключарь, который любил деньги, бросился подбирать монеты, а в это самое время христианин тот, лобызая святую руку Крестителя, тайно откусив зубами один сустав малого перста, спрятал его и, помолившись, вышел, неся с собою сустав пальца. Когда настал тот день, в который девица должна была неповинно подвергнуться смерти, и когда народ собрался к полночному часу на позорище, туда явился и отец, ведя дочь на съедение змею, и в душе вознося к Богу молитвы о спасении. И вот выполз из своей пещеры страшный змей, шипящий, с разинутою пастью, и стал подползать к приготовленной для него жертве — девице, чтобы пожрать ее. Но отец не отступал от дочери, призывая на помощь Всевидящего Спасителя Христа Бога и Его Крестителя. Когда змей подполз совсем близко и еще шире раскрыл свою пасть, отец девицы бросил сустав священного перста Крестителя прямо в середину гортани змея, и змей тотчас же издох. Девица спасена была таким образом от лютой смерти, отец же ее со слезами радости громким голосом воссылал благодарение Спасителю Богу и Его святому Крестителю, разъясняя всему народу, какое великое чудо совершил Господь Бог. Народ, присутствовавший на позорище, видя змея мертвым, а девицу — живою и восхваляющею вместе с отцом Бога, сначала весьма удивился и ужасался при виде столь славного чуда, а потом, обрадовавшись, стал прославлять едиными устами Единого истинного,

Живущего на небе и Призирающего на смиренных Бога. И началось празднование и торжество великое в Антиохии, ибо множество язычников присоединилось к христианам, уверовав во Христа Бога. На том же месте, где совершилось то великое чудо, создана была церковь, великая и прекрасная, во имя святого Иоанна Крестителя. Рассказывают, что в этой церкви в день праздника Воздвижения честного Креста Господня архиерей воздвигал и честную руку Крестителя, причем она иногда держалась прямо, иногда же сгибалась: первое предуказывало на большой урожай хлеба и всяких плодов и овощей, а последнее служило предзнаменованием неурожая и голода.

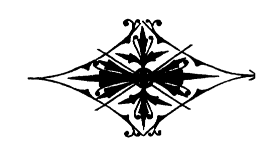
Когда, по Божиему попущению, арабы завладели Антиохией и всеми ее пределами, то и великое сокровище — честнейшая рука святого великого Иоанна Крестителя — оказалась как бы в плену. Благочестивые цари христианские немало стараний приложили к тому, чтобы взять из-под власти арабов пречестную руку Предтечи и иметь ее в своем царствующем городе, но им долго не удавалось достигнуть этой цели, и они не могли ничего сделать ни золотом, ни иными какими-либо способами. Но в правление багрянородных братьев Константина и Романа[1] этот дар, более ценный, чем все сокровища земные, получен был следующим образом.

Одному антиохийскому диакону, по имени Иову, внушено было Самим Богом вынести святую руку Крестителя из-под державы арабской в страну, где сияла благочестная вера Христова. Так как святая рука та лежала в прекраснейшем храме Антиохии, посвященном имени святого апостола Петра, то Иов стал служить при этой церкви и вошел в дружбу с церковным сосудохранителем, чтобы ему было удобнее исполнить то, что он замыслил. Он много раз покушался склонить сосудохранителя на задуманное им дело, но тот никак не хотел согласиться на это. Тогда Иов однажды устроил большой пир, на который позвал сосудохранителя. Он усердно угощал последнего, и когда тот, выпив много вина, тут же заснул, Иов пошел тайно в церковь и, открыв ковчег, взял руку Крестителя и спрятал ее у себя. Сосудохранитель, проснувшись поутру, не заметил пропажи. Между тем Иов, нимало немедля, ушел с честною рукою из Антиохии и поспешил к пределам христианского царства, боясь, как бы антиохийским

[1] Византийский император *Константин VIII Порфирородный* царствовал с 912 по 959 год; брат же его Роман — с 919 по 944 год. Таким образом, с 919 по 944 год братья управляли совместно.

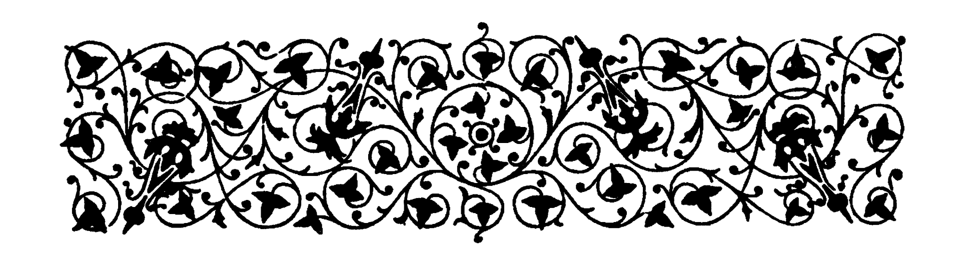
христианам и варварскому правительству не сделалось известным похищение святой руки и как бы за ним не послана была погоня. Однако под охраною Божией, будучи защищен молитвами святого Крестителя, он вскоре достиг до христианских владений. Прибыв в Халкидон[1], он открыл, что́ хранилось у него, и показывал это сокровище, принесенное им из Антиохии, христианам. Тотчас было донесено об этом благочестивым царям и они, услышав таковую весть, превышавшую их надежды, исполнились неизреченной радости и немедленно послали в Халкидон свой царский корабль. На этом корабле находились святейший патриарх и некоторые наиболее почтенные сенаторы, которые должны были встретить принесенную руку Крестителя и с почетом отнести ее в столичный город.

Когда из Халкидона возвращался корабль со святою рукою, которую держал сам патриарх, то цари и весь народ вышли на берег, встречая как бы самого святого Крестителя, невидимо приходившего с неба, и воздавали ему почтение поклонением, псалмами и песнопениями, возжжением свечей и каждением. С благоговением приложившись к честной руке, цари положили ее в своей дворцовой церкви[2]. Это перенесение святой руки Крестителя совершалось в навечерие святого Богоявления, пред освящением воды. И отпразднован был этот праздник, а вслед за ним собор Крестителя с великим весельем в честь высшего между пророками святого Иоанна Крестителя и во славу Самого в Троице Бога, от всех славимого и поклоняемого вовеки. Аминь.

[1] *Халкидон* — город в северо-западной части Вифинии, на берегу Босфора, против Константинополя.

[2] Сию честную руку Предтечи в XIV и в начале XV века видели в Константинополе русские паломники. Здесь она находилась до 1484 года, когда была передана Родосским рыцарям, которые, утвердившись на острове Средиземного моря — Мальте, перенесли туда полученное ими сокровище. В 1799 году эта святыня принесена была мальтийскими рыцарями в Гатчину в дар императору Павлу I, откуда она была перенесена в С.-Петербург в церковь Нерукотворного Образа Спаса в Зимнем дворце. В память этого события установлено празднество — 12 октября.

День восьмой

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ИУЛИАНА и ВАСИЛИССЫ
и других с ними

Святой Иулиан родился в египетском городе Антиное[1], от знатных и богатых родителей. От юности возлюбив чистоту девства, он желал сохранить ее до самого конца своей жизни. Положив сию чистоту в основание всех других добродетелей, он пребывал в страхе Божием, прилежно читая и изучая Божественные книги. Иулиан учился и эллинской мудрости, и христианскому учению, прошел и светскую философию, и в то же время хорошо изучил все Божественное Писание. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, родители стали понуждать его к вступлению в брак, так как он был у них единственный сын, а они хотели, чтобы их род продолжился. Иулиан же всячески отказывался от брака. Когда родители и родственники стали крайне докучать ему своими советами и просьбами, принуждая его к женитьбе, то целомудренный юноша попросил себе на размышление одну неделю. Всю эту неделю он провел в посте, молитве и слезах, днем и ночью умоляя Бога, чтобы Он сохранил в непорочности девство, которое он, Иулиан, Ему обещал. В седьмой день, когда настала ночь, Иулиан, изнемогши телом от поста и молитвы, лег и заснул;

[1] *Антиноя* — довольно значительный город на границах Среднего и Верхнего Египта. В настоящее время от этого города остались одни развалины. Вокруг этих развалин находится множество пещер, высеченных в скалах. В них начертано на многих стенах знамение креста, свидетельствующее о существовании здесь церквей и обителей иноков; подземные галереи, где устроены были кельи, идут на далекое пространство.

и вот во сне ему явился Господь, Который утешал его, ободрял и говорил:

— Не бойся исполнить волю и совет твоих родителей, ибо ты возьмешь себе такую жену, которая не нарушит твоего девства и не отлучит тебя от Меня. Мало того, — ради тебя, она и свое девство сохранит, и после этого и тебя и ее, как девственников, Я приму в Мои небесные обители, ибо, по вашему примеру, немало юношей и девиц сделаются девственниками и наследниками небесного Царства. Я буду с тобою всегда, обитая в тебе и побеждая все телесные вожделения твои и плотскую брань. Девицу же, которая будет сопряжена с тобою браком, Я сделаю такою, какою захочу. Я сделаю то, что и она захочет последовать твоему доброму намерению, и вы оба увидите Меня в уготованном вам чертоге, с ангельскими ликами и бесчисленными девственниками обоего пола, которых природа разделила, а вера в Меня — соединила, и которым ты явишься подражателем.

Сказав это, Господь прикоснулся к Иулиану и произнес:

— Мужайся, и да крепится сердце твое!

Будучи так укреплен и утешен сим божественным видением, благородный юноша воспрянул от сна и сказал:

— Благодарю Тебя, Господи Боже, испытующий наши сердца, за то, что Ты далеко отгоняешь от меня сладости и утешения мира этого и обещаешь быть хранителем моей чистоты и помощником моим. Твердо надеюсь я, что Ты дашь мне, что *не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9), то, что уготовал Ты любящим Тебя. А так как Ты сподобляешь меня идти путем Твоим, то я молю Тебя, чтобы Ты Сам был для меня добрым путем, а также путем для всех любящих чистоту. Ты знаешь, Господи, что с самого дня моего рождения и до этого часа, в который Ты соблаговолил призвать меня, я не любил и не желал ничего иного, кроме одного Тебя. Поэтому утверди обещания, вышедшие из моих уст, и приведи их в осуществление.

Выйдя из спальни своей, юноша заявил родителям, что он согласен исполнить их желание и не отказывается от брака. Они же, исполнившись радости, тотчас стали выбирать девицу, которая бы соответствовала их сыну по знатности происхождения и богатству. Наконец, они нашли таковую в лице Василиссы, которая была единственною дочерью у своих родителей и отличалась красотою и добродетелями. И была повенчана она с Иулианом. Когда после брачного пира же-

ниха с невестою ввели в опочивальню и затворилась за ними дверь, невеста почувствовала необыкновенное благоухание, какое бывает в саду от лилий и роз и других благовонных цветов. С удивлением она сказала жениху:

— Что это значит, господин мой? Теперь — зима, а между тем я обоняю благоухание благовонных цветов, как бы весною, и так наслаждаюсь этим благоуханием, что ни о чем другом не хочу и думать.

Тогда жених ее, блаженный Иулиан, сказал:

— Благоухание, какое ты ощущаешь, — не обыкновенное, а происходит от Христа, Который любит чистоту и дарует жизнь вечную тем, кто сохраняет свое девство непорочным. Итак, если хочешь сохранить со мною заповеди Христовы и угодить Христу, то возлюбим Его всею душою своею и будем соблюдать для Него в непорочности свое девство. Мы сделаемся Его избранными сосудами в настоящем веке, чтобы воцариться с Ним в будущем, и никогда не разлучимся друг с другом.

На эти слова блаженная невеста Василисса отвечала:

— А что другое более нужно, как не спасение, которое, соблюдя девство, мы получим вместе с жизнью вечною? Верю твоим словам и вместе с тобою желаю пребывать в девстве до самой кончины, чтобы получить воздаяние от Христа, моего Господа.

Когда она сказала это, блаженный Иулиан повергся на землю, поклоняясь Богу, и лежал, простершись долу и вопия к Нему:

— Утверди, Господи, то, что Ты начал совершать в нас!

Девица же Василисса, видя своего жениха молящимся, и сама стала молиться. И вот внезапно потряслись основания брачной опочивальни, и в ней воссиял такой необыкновенный свет, что и самые свечи, горевшие в опочивальне, потускнели пред лучами небесными. И явилось великое божественное видение: на одной стороне виден был Царь Славы, Христос, с бесчисленным множеством девственников, а на другой стороне — Пречистая Владычица наша Богородица с ликами дев; и с обеих сторон слышались исполненные неизреченной сладости небесные песнопения, которых еще не слыхало ухо человеческое.

В это время два сияющих мужа в золотых поясах подошли к Иулиану и Василиссе, подняли их и показали им положенную на одр их большую и прекрасную на вид книгу; около же одра стояли четыре почтенных и благообразных старца с золотыми чашами в руках, и из

этих чаш, полных ароматов, исходило чудное благоухание, которое наполняло комнату. И сказал один из старцев:

— Эти чаши изображают ваше совершенство, ибо вы блаженны тем, что, победив временные утехи этой жизни, устремились к жизни вечной, которая не может быть еще постигнута человеческим умом. Прочти же, Иулиан, что написано в этой книге жизни!

Тогда Иулиан посмотрел в книгу и увидал там написанные имена свои и своей супруги. Золотыми буквами там было написано следующее:

— Иулиан, отвергшийся от мира ради любви ко Мне, будет причислен к тем, *кто не осквернил себя с женами* (Откр. 14, 4); Василисса же за свою чистоту и девственность непорочную причтется к лику дев, сопровождающих истинную Деву Марию, Мою Пречистую Матерь!

Когда Иулиан прочел это, книга закрылась и стоявшие по обеим сторонам светозарные мужи и девы единогласно воскликнули:

— Аминь!

Тогда старец опять обратился к Иулиану и Василиссе и сказал:

— В этой книге, которую вы видите, перечислены люди чистые, трезвенные, правдивые в слове, милосердные, смиренные, кроткие, любящие нелицемерно, претерпевшие всевозможные тяжкие испытания, скорби и бедствия, — люди, которые так возлюбили Христа, что ради любви к Нему оставляли и отца, и мать, и жену, и чада, и поместья, и богатство, и, кроме того, не побоялись и самую жизнь свою отдать за Христа; к их лику и вы присоединены теперь.

После этих слов почтенного старца божественное видение прекратилось, и блаженные супруги, исполнившись необыкновенной радости, провели остальное время ночи в псалмопении. Когда наступил день, родители их и родственники, а равно и прочие приглашенные на брак гости все еще пировали, празднуя плотское соединение жениха и невесты, не подозревая о чудном их соединении духовном. И жили таким образом Иулиан и Василисса друг с другом в совершенной чистоте и целомудрии, сохраняя неповрежденный цвет своего непорочного девства. При этом они, однако, скрывали эту тайну от людей, так что о девственной их жизни не знал никто из людей, даже родители и родственники, до тех пор пока Сам Господь не открыл ее на пользу многих.

Спустя немного времени после бракосочетания Иулиана и Василиссы родители их скончались, оставив им богатое наследство; они

же, получив свободу для своей духовной жизни, задумали послужить спасению и других людей, а не только заботиться о своем собственном. Для этого они построили два монастыря — мужской и женский и, разошедшись, постриглись: он — в мужском, а она — в женском монастыре. Собрав там около себя лики иночествующих, они приняли начальство над ними.

В обители святого Иулиана жило до десяти тысяч братий, усердно служивших Богу; ибо Господь дал ему такую благодать, что к нему со всех сторон стекались хотевшие спасти свои души. Оставляя свои дома́, жен, родителей, родственников, имение и все утехи мира, они вручали ему свои души, чтобы он привел их в Царство небесное. Также и святая Василисса собрала в своем монастыре и сделала невестами Христовыми до тысячи чистых дев и, кроме того, множество жен. И в обоих монастырях, как бы в двух садах райских, процветала ангельская чистота и торжествовало девство над сладострастным бесом нечистоты.

Но время уже сказать о кончине святых, о том, как они с чадами своими, собранными о Боге, перешли в небесные обители, взывая ко Христу Богу: «Вот мы и дети, которых дал нам Господь»[1].

В то время царствовали два нечестивых царя — Диоклетиан и Максимилиан[2] и против христиан было воздвигнуто сильное гонение[3], которое, переходя из одной страны в другую и возмущая Церковь Христову, приближалось и к границам той страны, где жили святые Иулиан и Василисса. Многие из верующих впали в смущение и страх, а блаженный Иулиан и Василисса, пребывая в посте и молитвах, со слезами молили Бога, чтобы Он укрепил верующие в Него и собранные ими лики иночествующих и всех до единого сохранил бы от паде-

---

[1] Выражение взято из Ис. 8, 18. Мессия, на которого должны уповать сыны Израильские, по уверению пророка, спасет их от врагов временных и вечных и, приведя к Богу, небесному Владыке их, скажет: «Вот я и дети, которых дал мне Господь».

[2] *Римский император Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год по Р. Х. Под *Максимианом* здесь разумеется зять Диоклетиана — *Максимиан Галерий*, соправитель его на Востоке и после него преемник его (с 306 по 311 год).

[3] Гонение на христиан при Диоклетиане началось в 303 году. Причиной гонения был Максимиан Галерий, убедивший Диоклетиана издать общий закон против христиан. Закон предписывал: христианские храмы разрушать, сжигать книги Священного Писания и лишать христиан всех гражданских прав и должностей. Гонения при Диоклетиане отличались, во-первых, жестокостью мучений, во-вторых, обилием числа мучеников, умерщвляемых зараз, — от 10 до 100 и более в один день.

ния и погибели, дабы все они могли войти в небесное Отечество. Господь услышал эту молитву и в особом видении явился святой Василиссе и сказал, что ей предстоит скоро отойти из этой жизни в вечный покой, но что еще ранее отойдут из этой жизни все бывшие под ее попечением святые девы, чтобы ни одна из этих дев, оставшись после нее, не отпала, из боязни мучения, от веры и не была исключена из святого лика; для этого Василисса проживет на земле еще полгода, пока святые девы, жившие под ее попечением, не перейдут к Богу; после же смерти Василиссы духовный брат ее, Иулиан, со многими братиями совершит подвиг мученичества и, победив своим мужеством врага, отойдет из этой жизни, для того чтобы получить двойной венец девства и мученичества *в радость господина твоего* (Мф. 25, 21). Так и случилось. В течение полугода весь лик дев, собранный святой Василиссой, обычной смертью перешел в небесный чертог своего бессмертного Жениха, и из них осталась в живых одна Василисса. По прошествии непродолжительного времени, все те святые девы явились ей во сне, одетые в царские светлые одежды, и говорили ей:

— Ждем тебя, мать наша, чтобы вместе с тобою поклониться Господу и Царю нашему. Иди же и передай нас Христу, Которого невестами ты нас сделала!

Восстав от сна, преподобная Василисса весьма обрадовалась, частью потому, что весь лик собранных ею дев вошел *в радость господина своего*, частью потому, что ей там, как оказалось, приготовлена была небесная обитель. Она рассказала все это своему духовному брату, святому Иулиану, а потом через несколько дней, во время усердной молитвы, она предала дух свой в руки бессмертного Жениха своего — Бога, и святое тело ее преподобный Иулиан похоронил с подобавшими ему почестями.

Вскоре после этого явился в тех местах правитель Маркиан со своею женою и сыном и стал с яростью преследовать христиан, отдавая их на истязание и смерть. Узнав об Иулиане, что он человек знатного происхождения и верует во Христа, а также услышав о множестве живших с ним и исповедовавших одну с ним веру братиях, он послал к нему видных граждан, чтобы они убедили Иулиана принести жертвы идолам, как того требовал император. В то время в обители преподобного Иулиана из окрестных городов собралось множество священников, диаконов и других клириков, вместе с епископами, и все они, пламенея любовью к Господу своему, готовы были охотно

принять за Него мученическую смерть. Когда явились к ним посланные от правителя, то все собравшиеся отвечали им, что у них один Царь — пребывающий на небе Господь Иисус Христос, и Он повелел им не поклоняться идолам и скрывающимся в них бесам, но поклоняться только Единому истинному Богу; и вот они повинуются Христу и готовы тотчас умереть за Него. Посланные возвратились к правителю и донесли ему о том, что услышали, и правитель, разгневавшись, послал отряд войска взять одного Иулиана, — а монастырь, со всеми находившимися в нем, сжечь. Итак, блаженный Иулиан был взят и, связанный, отведен в темницу, а находившаяся в монастыре братия его, числом до десяти тысяч, вместе с бывшими там епископами и клириками, были сожжены, вместе с монастырем, как благовонная жертва Богу. И долгое время после этого на том месте слышалось сладкогласное пение большого хора поющих, именно в те часы, когда обычно совершаема была Божественная служба, — в первый, третий, шестой и девятый. На том же месте совершалось множество исцелений от разных болезней — над теми именно больными, которые удостаивались услышать упомянутое пение.

Наутро святой Иулиан был представлен на суд правителя. Святого долго то убеждали хитрыми словами и ласками, то устрашали страхом наказания, но он не послушался ни угроз, ни убеждений. Тогда его стали бить без жалости суковатыми палками. Во время этого истязания одна палка, от силы удара, переломилась и кусок ее попал в глаза одного родственника правителя и повредил их, отчего правитель пришел в еще большую ярость. Святой страдалец сказал правителю:

— Послушай, Маркиан! Вели собраться всем своим самым искусным жрецам, и пусть они призовут имена богов и богинь своих, умоляя их подать исцеление твоему родственнику. Если же они не смогут этого сделать, то я, призвав имя Господа моего Иисуса Христа, не только возвращу ему выпавшее око телесное, но и очи ума его сделаю такими, что они увидят истину.

Правитель принял предложение и, собрав всех жрецов, повелел им идти в ближайший идольский храм, принести там жертвы и умолить богов и богинь, чтобы они исцелили око раненого. Жрецы пошли и исполнили то, что им было приказано, но после принесения множества жертв услышали от богов своих такие слова:

— Уходите от нас, ибо мы преданы вечному огню и пребываем во тьме. Как можем мы дать зрение слепому, когда и сами ничего не ви-

дим? А молитва Иулиана к Вышнему Богу настолько сильна, что с того времени, как его стали мучить, наше мучение в геенне стало во сто раз тяжелее.

Когда в храме послышались эти бесовские слова, все идолы, которых там было до пятидесяти, тотчас упали и сокрушились в прах.

Правитель же закричал на святого Иулиана:

— Волшебник! Твои чарования так сильны, что ты сокрушил даже богов наших! Но мы посмотрим, даруешь ли ты ослепленному прежнее зрение, как ты обещал.

И повелел правитель облить нагого мученика нечистотами, чтобы от него отступила, как говорил правитель, его волшебная чудодейственная сила. Но смрад тех нечистот внезапно превратился в удивительное благоухание, которое наполняло весь воздух, так что все были поражены изумлением. Святой же Иулиан, сотворив крестное знамение над оком раненого, призвал имя Господне; и тотчас больной исцелился, и око его стало видеть по-прежнему. Ослепленный злобою правитель приписывал это исцеление волшебству, а не Христовой силе, а исцеленный громко взывал:

— Действительно Иисус Христос есть истинный Бог, и Его одного должно почитать и Ему поклоняться!

Тогда правитель повелел отсечь исцеленному голову, и, таким образом, прозревший телесно и духовно, получив крещение в своей собственной крови, отошел к духовному созерцанию невидимого Бога.

Святого же Иулиана нечестивый Маркиан повелел оковать тяжелыми оковами по рукам и ногам, и в таком виде повелел водить его по городу на всеобщее поругание и во время остановок на улицах мучить его различными пытками. Во время этого истязания и поругания глашатай восклицал:

— Вот чему подвергаются те, кто не кланяется богам и презирает царские повеления!

Когда же пришли мучители вместе со святым к тому дому, где обучался наукам единственный сын правителя, по имени Кельсий, то отрок, который также смотрел на святого, сказал своим товарищам, что он видит нечто удивительное. Те стали спрашивать его, что он видит, и Кельсий сказал:

— Я вижу, что того осужденного христианина, которого водят воины скованным, окружают множество лучезарных юношей, из коих

одни ему оказывают услуги и помощь, а другие возлагают на главу его столь блестящий венец, что сияние его превосходит свет солнечный. Думается мне, что хорошо веровать в такого Бога и служить Ему, Который так охраняет Своих служителей и украшает такою славою; поверьте мне, друзья мои, что я также хочу стать таковым служителем, если Бог этого христианина соблаговолит быть моим Богом!

С этими словами Кельсий бросил книги и красивую одежду, оставляя миру то, что ему принадлежит, и поспешил вслед за святым. Припав к ногам мученика, он воскликнул:

— Тебя хочу иметь вторым отцом своим; от нечестивого родителя своего по плоти, врага праведников и истязателя, я отрекаюсь совершенно. Я присоединяюсь к тебе, я желаю так же, как и ты, страдать за Христа Господа и Спасителя моего, Коего я доселе не знал!

Воины, истязавшие Иулиана, были удивлены, и весь город сбежался на необычное зрелище и дивился, видя, как сын правителя обнимал мученика и лобызал его раны.

И сказал отрок народу:

— Знайте, что я сын правителя; вместе с моим нечестивым отцом я доселе преследовал неповинных святых. Но так поступал я по неведению, ныне же, познав Бога и будучи сам познан Им, отвергаюсь от ложных богов, отрекаюсь от отца и матери и презираю свое богатство; я исповедую Христа и верую в Него и заявляю, что я последователь блаженного Иулиана. Зачем вам медлить, слуги и воины? Идите и объявите моим родителям, что я познал истинного Бога и хочу пребывать вместе с Его верным служителем.

Когда об этом было донесено отцу и матери Кельсия, то они, услышав эту неожиданную весть, были глубоко опечалены и тотчас послали за отроком, чтобы взять его от Иулиана и привести домой. Но Бог, охраняющий младенцев, сделал так, что никто не мог прикоснуться к нему, ибо всякий, кто прикасался к нему, тотчас чувствовал сильную боль в руке и плече; и потому никто не осмеливался взять его и отлучить от мученика. Узнав об этом, правитель велел привести к себе обоих вместе и сказал блаженному Иулиану:

— Ты своею хитростью стараешься отнять от меня всю мою надежду и юное сердце прельщаешь дурными речами, искореняя в нем любовь к родителям!

В то время, когда правитель говорил, прибежала мать Кельсиева с толпою родственников обоего пола. Она рвала на себе волосы, разди-

рала себе на груди одежду, и крики ее так были ужасны, что правитель сам разодрал на себе одежды и сказал мученику:

— Жестокий Иулиан! Посмотри на мучения отца и матери и на рыдания всех родных и освободи невинного отрока от действия твоей волшебной силы! Отдай нам единственного сына и нашему дому вороти наследника и господина. Тогда и я попрошу за тебя царей, чтобы была прощена тебе вина твоя, и ты будешь отпущен на свободу невредимым.

Святой Иулиан на это отвечал:

— Я не нуждаюсь в твоей помощи и не ищу прощения от царей твоих, но о том только умоляю Господа моего Иисуса Христа, чтобы меня вместе с агнцем, который родился из волчьей утробы[1], и со всеми верующими, причел Он к лику сожженных, когда я довершу свой мученический подвиг. Пред тобою же находится тот, кто родился от тебя по плоти, а ныне возродился духом, веруя вместе со мною во Христа. Он сам уже на возрасте, — пусть он сам тебе и отвечает, пусть сам сжалится над материнскими слезами и пожалеет вскормившую его грудь.

На это благородный и благоразумный отрок сказал:

— От терния вырастает шипок, но ни он не утрачивает своего благоухания от того, что произошел от терния, ни терние, производящее шипок, не теряет чрез то своих острых колючек. Итак, родители мои, вы, по своему обычаю, продолжайте, как терния, терзать невинных, а меня оставьте, как шипок, издавать благоухание для верующих; пусть вам повинуются те, кто стоит на пути погибели, а за мною пусть следуют те, кто стремится перейти из царства тьмы в царство света. Ради Господа моего Иисуса Христа я отрекаюсь от вас, родителей, вы же из почтения к богам своим мучьте сына вашего, ибо я чрез смерть временную хочу достигнуть вечной жизни. Не могу быть для вас добрым, а для себя злым, и любовь к вам не поставлю выше радостей вечных. Зачем медлить, отец? Поступи со мною, как поступил со своим сыном Авраам! Возьми меч и принеси меня, сына своего, в жертву Христу. Если тебе мешает это сделать естественная любовь родительская, то отошли меня к самым жестоким мучителям, чтобы я мог пострадать за Господа моего, Иисуса Христа. Напрасны ваши рыдания и слезы, ибо они не могут меня заставить изменить моему исповеданию.

---

[1] Разумеется Кельсий, сын правителя Маркиана, жестокого гонителя христиан.

Услышав это, правитель повелел отвести Иулиана и Кельсия в смрадную и мрачную темницу, но, когда они вошли туда, тьма в темнице превратилась в свет и смрад — в благоухание. Двадцать воинов, бывшие при этом, уверовали во Христа, но так как блаженный Иулиан не был пресвитером и не мог крестить уверовавших, то это повергло его в печаль. Однако Бог, исполняющий желания боящихся Его, послал им пресвитера.

В том городе был один человек, весьма знатного происхождения, которого цари Диоклетиан и Максимиан очень уважали как родственника одного из бывших императоров, Карина[1]. Этот человек со всем своим семейством исповедовал христианскую веру. Он и супруга его скончались в вере и благочестии, оставив после себя семерых сыновей, которые хотя и были юны годами, но зрелы разумом. Из уважения к их родителям цари позволили им исповедовать отцовскую веру и безбоязненно прославлять Христа своего. Поэтому у них был свой пресвитер, по имени Антоний, из рук которого они принимали святые таинства. Им-то Бог в особом откровении и повелел идти вместе со своим пресвитером в темницу и посетить находившихся там Иулиана и Кельсия. Когда они пошли туда ночью, пред ними шел Ангел, при одном прикосновении которого отверзлись темничные двери, и они, войдя в темницу, облобызали святых узников и стали вместе с ними молиться Богу. Пресвитер окрестил блаженного отрока Кельсия, сына правителя, и двадцать воинов, а семеро тех братьев возгорались ревностью к общему с ними страданию за Христа и не хотели уходить из темницы. Узнав об этом, игемон дивился, что те, которым царями было разрешено свободно исповедовать христианскую веру, сами идут в узы и на мучения, и, призвав братьев к себе, он долго увещевал их идти домой и славить своего Христа, как им угодно, раз им дано такое позволение от царей. Но они стремились в узы и темницу и не желали свободы.

— Не годится для царского венца, — говорили они, — то золото, которое не было раньше переплавлено и очищено в горниле. Так и мы не будем достойны нашего Христа, если наша вера в Него не будет ис-

---

[1] *Карин* — сын римского императора Кара. Вместе с братом Нумерианом он при вступлении на престол Кара был провозглашен Цезарем, и во время похода, предпринятого Каром против парфян, управлял западными провинциями на правах императора (283–284 гг.). Когда Кар погиб и воины провозгласили императором Диоклетиана, Карин выступил против него, но был разбит и пал от руки убийц в 285 году.

пытана, как золото. Немного цены в дереве, украшенном только листвою, но не приносящем плодов. Так и мы не будем благоугодны нашему Христу, если не принесем Ему прекрасных плодов нашей веры.

Тогда правитель повелел исполнить их желание, а сам обещал донести о них царю.

Итак, блаженные отроки возвратились от правителя не домой, а в темницу, к святым Иулиану и Кельсию и двадцати воинам, а с ними пошел и пресвитер Антоний. Правитель же послал к царям донесение о Иулиане, о сыне своем Кельсии, о воинах и о тех семи братьях. По прошествии немногого времени пришло от царей повеление сжечь всех, кто окажет непобедимое упорство; если же они, благодаря своим чарам, сохранят себя от действия огня, то правитель сам пусть умертвит их, как найдет удобным. Получив такое повеление от царей, правитель повелел устроить посреди города судилище и, сев пред народом, велел поставить пред собою святого Иулиана со всею его дружиною, с Кельсием, семью братьями, пресвитером Антонием и двадцатью воинами. Он стал увещевать их к поклонению идолам, указывая им на царское повеление, требовавшее их казни, если они не покаются. Но они дерзновенно стояли в правой вере, утверждая, что идолопоклонникам Царь небесный определил вечную погибель, если они не покаются; и так долгое время прошло во взаимных препирательствах.

В это время мимо судилища проносили одного мертвеца на погребение, и правитель, увидев этого мертвеца, повелел принести его к себе и положить пред ним. Народ был в недоумении, не зная, что намерен сделать с тем мертвецом правитель.

И сказал правитель святому Иулиану:

— О вашем учителе, Христе, сказывают, что Он, прежде чем был распят, воскрешал мертвых. Воскресите и вы мертвеца этого, как делал ваш Учитель, и тогда будет ясно, действительно ли Он Бог.

Святой Иулиан произнес в ответ:

— Какая польза слепому, когда ему говорят, что восходит солнце?

— Оставь свои присловья, — сказал правитель, — и если ты и Бог твой имеете силу, то воскреси этого мертвеца, как я сказал тебе.

И сказал святой Иулиан в ответ:

— Хотя ваше неверие и недостойно видеть такое чудо от Господа, однако вы сейчас же увидите его, так как уже настало время для того, чтобы явилась Божественная сила его, и чтобы вы знали, что Бог мо-

жет это сделать. Я надеюсь, что Господь пошлет мне все, чего я с верою буду просить у Него, и не посрамит меня пред вами.

Сказав это, святой Иулиан возвел к небу очи и сердце свое и молился во всеуслышание, между тем как лицо его все сияло светом.

И говорил он такую молитву:

— Господи Иисусе Христе, истинный Сыне Божий, — Ты, Который рожден от Отца прежде век, а по исполнении положенного времени принял человеческую плоть бессеменно, от Пречистой Девы Марии! Призри ныне с небесной высоты, чтобы постыдились враги Твои и укрепились верующие в Тебя! Услышь меня ныне с небесного Твоего престола и воскреси этого мертвеца, дабы живые не умерли духом, а мертвые духом ожили, видя Твое всемогущество.

Так молился он некоторое время, а потом, обратившись к умершему, сказал:

— Тебе говорю, сухая земля, именем Того, Кто воскресил четверодневного Лазаря: воскресни и стань на ноги твои.

Как только святой сказал это, мертвец тотчас же ожил и встал, и весь народ пришел в ужас. Воскресший же громко провозгласил:

— О как всемогущи молитвы раба Божиего и его непорочное девство! Ибо куда несли меня и откуда я возвращен?

Правитель Маркиан со вниманием смотрел на происходившее и удивлялся, но так как его ослеплял бес, то он не видел здесь действия силы Христовой, а приписывал все волшебству. Потом, желая посмеяться над воскресшим, он спросил его:

— Откуда ты вернулся?

Но тот подробно стал отвечать ему такими словами:

— Веден я был неведомыми мне эфиопами исполинского роста, страшными на вид и с огненными очами, с зубами как у льва, с когтями как у орла, от которых, видимо, нельзя было ожидать помилования. Радуясь, они влекли меня в ад, но, когда я очутился уже при самом входе в пропасть, те эфиопы стали ожидать предания земле моего тела, которое было взято от земли. Но вдруг весь ад пришел в смятение и с престола Божия послышался голос:

— Ради возлюбленного Моего Иулиана пусть эта душа возвратится в свое тело!

И тотчас пришли двое в белых ризах и, взявши меня из рук нечистых, возвратили в этот мир, чтобы я мог через того, кто воскресил

меня, познать после смерти истинного Бога, Коего я отрицался при жизни.

Услышав это, правитель смутился и не знал, что ему делать; но потом, опасаясь смятения в толпе народной, он повелел воскресшего вместе со святым Иулианом и прочими святыми отвести в темницу и запечатать двери темницы своим именным перстнем. Там, в темнице, святой Иулиан повелел блаженному Антонию пресвитеру окрестить воскресшего, и в святом крещении этот последний получил имя Анастасий, что значит, в переводе с греческого, — воскресший.

Наутро правитель Маркиан повелел приготовить тридцать одну смоляную бочку, по числу святых мучеников, и до половины наполнить их смолою и серою, приготовив при этом большой запас дров и хвороста для сожжения святых. Когда все было приготовлено, вывели из темницы связанных страстотерпцев Христовых, причем Иулиана с Кельсием связали вместе. Многие из народа не могли удержаться от слез, жалея о том, что столь юные и прекрасные отроки идут на смерть, будучи ни в чем не повинны. Святой же Иулиан говорил им:

— Не мешайте золоту пройти сквозь огонь, для того чтобы оно было еще чище!

Правитель не хотел смотреть на сожжение своего сына, о котором он мучился в сердце своем, и, оставив своего наместника для приведения в исполнение царского приказа, удалился в печали. Тогда каждого святого посадили в приготовленную для него бочку со смолою и потом, обложивши все бочки дровами, сором и хворостом, зажгли их. Пламень от этих бочек поднимался до тридцати локтей в вышину, но святые стояли посреди огня, пели и хвалили Бога. Когда же сгорели бочки и весь костер, то оказалось, что святые остались живы, целы и невредимы, и что лица их сияли радостью. Весь народ, видя это, был поражен удивлением, и когда об этом было донесено правителю, то он поспешил убедиться в том собственными глазами и, убедившись, пришел в совершенное недоумение. Однако он снова повелел отвести святых в темницу, куда поспешила прийти и жена его, мать Кельсия, узнавшая, что сын ее остался жив и невредим. Увидев сына, она уверовала во Христа и окрещена была в темнице пресвитером Антонием. Имя ей было Марионилла. Правитель же, узнав скоро о том, что жена его приняла христианское крещение, заключил в темницу и ее. Потом, сев на судилище, он повелел казнить мечом святых двадцать воинов

и семерых братьев-отроков, Иулиана же с Кельсием, а также пресвитера Антония, Анастасия и жену свою Мариониллу решил снова судить, и потому оставил их в узах.

Когда настал день суда, святые сделали вид, что они как бы повинуются воле царя и совету правителя и хотят поклониться идолам. По этой причине их с радостью повели к идольскому храму, но когда шествие приблизилось к храму, святой Иулиан обратился с молитвою к Богу, — тотчас храм упал и задавил всех бывших в нем жрецов и до тысячи других людей. Самая земля, на которой стоял храм, разошлась, и огонь, выходивший из расселин, пожирал язычников, приближавшихся к ним. После этого святые были снова отведены в темницу, где им во время молитвы явилось в сиянии великое множество прежде них пострадавших мучеников, которые были одеты в белые одежды и пели небесные песнопения. Посреди них было двадцать воинов и семеро братьев, недавно усеченные мечом. Явилась также и святая Василисса со всем своим ликом святых дев и возвестила святому Иулиану, что он скоро со своею дружиною совершит подвиг, окончит жизнь и с торжеством войдет в небесные селения.

— Тебе открыто, — сказала она, — Царство небесное, и Господь наш Иисус Христос возьмет тебя к Себе, а равно и находящихся с тобою; навстречу вам с торжеством выйдут лики патриархов, пророков, апостолов и мучеников, и вы навеки пребудете с ними.

Сказав это, она стала невидима, а с нею удалились и все явившиеся святые, оставив узников в неизреченной радости и веселии душевном.

После этого мучитель снова воссел на судилище и, выведя святых, предал их разным мучениям. Сначала он повелел обвить их пальцы на руках и ногах пряжею, смоченною в масле, и зажечь эту пряжу; но пряжа на руках и ногах святых сгорела, не причинив им никакого вреда. Потом он повелел содрать с головы святого Иулиана и Кельсия кожу, блаженному же пресвитеру Антонию и Анастасию выколоть глаза. Когда же хотели мучить святую Мариониллу, то у палачей омертвели руки, и они ее не коснулись. После этого святые были отданы на съедение зверям, но и от зверей они были сохранены силою Божией, которая заградила уста зверям. Наконец, правитель повелел собрать из всех темниц преступников, осужденных на смерть, чтобы вместе с ними казнить и святых мучеников. И когда это повеление было исполнено, он приказал всех отвести на казнь, а вместе и мучеников, не пощадив при этом своего сына и супруги. Таким образом святые сконча-

лись, будучи усечены мечом вместе с преступниками[1]. Тотчас после казни, совершенной над ними, началось землетрясение, которое разрушило целую треть городских зданий, причем не уцелело ни одно место, где стоял какой-нибудь идол. В то же время блистала молния, гремел гром и шел град, и от грозы погибло немало язычников. Правитель Маркиан сначала едва не умер от страха, а потом вскоре заболел и действительно умер: его заели черви, образовавшееся в его теле.

На следующую ночь после совершения казни над святыми пришли священники с благочестивыми мужами собрать тела мучеников. Но так как эти святые тела находились посреди многих трупов, то они не могли их признать и, преклонив колена, стали молиться. И вот явились им души святых в образе дев, причем каждая душа находилась при своем теле. Узнав чрез это святые тела мучеников, пришедшие собрали их и похоронили в храме, под алтарем. Бог же, Который прославляет святых Своих, повелел источнику живой и целебной воды открыться на том месте, на котором были погребены тела святых мучеников, и всякие болезни исцелялись той водой и молитвами святых, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ГРИГОРИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Как Неокесария гордится святым Григорием Чудотворцем[2], так и святая великая лавра Киево-Печерская величается соименным этому святому преподобным. Когда Бог показал Свое величие во святых Своих, Антонии и Феодосии[3], прославившихся разными чудесами, в то же самое время Он избрал на дело чудотворений и преподобного

---

[1] Это было в 313 году, когда Египтом и Африкой управлял Максимин Дака (311–313 гг.), бывший раньше соправителем Максимиана Галерия (с 305 года). На западе в это время уже царствовал Константин Великий.

[2] *Святой Григорий Чудотворец* был епископом Неокесарии во второй половине IV века. Память его совершается 17 ноября.

[3] *Преподобный Антоний* был основателем Киево-Печерской лавры; *преподобный же Феодосий* — первым игуменом ее, установившим в ней общежительное иноческое житие и обстроившим ее церквами и другими зданиями. Память преподобного Антония — 10 июля, а преподобного Феодосия — 3 мая и 14 августа.

Григория, которого и призвал в Свою святую лавру. Итак, этот блаженный в то время, когда преподобный Антоний проводил уединенную жизнь в пещере, пришел к преподобному Феодосию, заведовавшему монастырем, и, приняв от него иноческий образ, был утвержден в нестяжательности, чистоте, смирении, послушании и прочих добродетелях, преимущественно же упражнялся в молитве. Совершив в недолгое время много подвигов, он сподобился дара чудотворений и прежде всего получил от Бога власть над бесами, которые, еще издали завидя святого, восклицали:

— О Григорий! Ты выгонишь нас своею молитвою.

Григорий же, действительно, имел обычай после всякого богослужения читать заклинательные молитвы. Побежденный враг, будучи отовсюду изгоняем, стал, однако, злоумышлять против святого, желая положить преграду его подвигам в добродетели. Не имея силы сделать этого сам, он допустил злых людей обокрасть святого, который, впрочем, не имел никакого имущества, кроме книг, содержавших в себе молитвы и песнопения. Итак, однажды ночью к келье Григория пришли воры и, спрятавшись, ожидали того времени, когда старец уйдет к утрене в церковь, чтобы взять все его имущество. Блаженный же узнал об их приходе, потому что он целые ночи не спал, молясь посреди кельи Богу. Он стал молиться и за них такими словами:

— Боже! Ниспошли сон рабам Твоим, которые понапрасну истомились, угождая врагу.

Бог услышал молитву старца, и воры проспали пять дней и пять ночей, доколе блаженный, в присутствии многих братий, не разбудил их, обратившись к ним с такими словами:

— До каких пор вы будете сторожить напрасно, желая обокрасть меня? Ступайте скорее по домам!

Они же, проснувшись, не могли двинуться с места, потому что лишились сил, не евши ничего столь продолжительное время. Тогда блаженный предложил им поесть и, покормив, отпустил их. Узнав об этом, правитель города приказал наказать этих людей, но Григорий, опечаленный тем, что из-за него они были отданы на мучение, пошел к правителю, подарил ему несколько своих книг и освободил воров. Другие же книги он продал и полученные деньги роздал убогим, говоря:

— Как бы еще кто-нибудь не подвергся беде, соблазнившись желанием обокрасть меня! Итак, пусть исполнено будет повеление Господа, сказавшего: *Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает* (Лк. 12, 33).

Воры же те, по причине совершившегося над ними чуда, не вернулись на свои прежние дела, но раскаялись и, явившись в тот же Печерский монастырь, стали работать на братию. Но враг не оставил своих злых умыслов. Так как у преподобного Григория был свой небольшой сад, где он сеял овощи и сажал плодовые деревья, то враг однажды подучил других воров влезть в этот сад и набрать в свои мешки овощей. Но когда они взвалили на себя мешки и хотели уйти, то не могли этого сделать и целых два дня и две ночи стояли на одном месте под гнетом тяжести мешков. Тогда они начали вопить:

— Святой отец Григорий! Отпусти нас; мы покаемся во грехе своем и больше не станем этого делать.

Услышав их крики, явились иноки и схватили их, но с того места свести их не могли. Тогда они спросили воров:

— Когда вы пришли сюда?

Воры отвечали:

— Уже два дня и две ночи мы стоим здесь.

Черноризцы сказали им:

— Но мы сколько раз проходили здесь и, однако, не замечали вас.

Воры же в ответ заявили:

— И мы, если бы видели, как вы ходите мимо нас, стали бы со слезами просить у вас ходатайства пред старцем; только уже когда окончательно изнемогли, мы стали кричать. Умолите за нас святого чудотворца, чтобы он отпустил нас.

Григорий пришел в это время и сказал им:

— Так как вы целую жизнь провели в праздности, воруя чужое достояние, а сами не хотели трудиться, то отныне вы будете стоять остальные дни вашей жизни на этом самом месте.

Они же со слезами умоляли старца отпустить их и обещались больше не воровать.

Старец сжалился над ними и сказал:

— Отпущу вас, если вы обещаете трудиться и трудом рук своих питать других.

Когда воры поклялись в том, что не ослушаются его, то Григорий сказал им:

— Благословен Бог, подкрепляющий вас! С этих пор вы будете работать на святую братию и от ваших трудов доставлять им то, в чем они нуждаются.

После этих слов он отпустил их. Воры же, в заглаждение зла, которое они совершили в том небольшом саду, стали усердно работать на огородах Печерского монастыря и скончали за этой работой дни свои.

Хитрый искуситель, однако, в третий раз попытался повредить святому такой хитрой уловкой. Однажды к Григорию явились трое просителей, которые приняли вид нуждающихся в помощи, желая испытать преподобного. Двое из них, указывая на третьего, говорили такую ложь:

— Отче! Этот друг наш осужден на смерть. Мы просим тебя дать ему что-нибудь, для того чтобы он мог внести за себя выкуп и избавиться от смерти.

Блаженный же, провидя, что эта выдумка окажется истиною, от горя прослезился и сказал:

— Горе этому человеку, потому что пришел день его погибели!

Они же сказали:

— Если ты, отче, что-нибудь дашь, то он не умрет.

Это говорили они, желая у него что-нибудь выманить и поделить между собою. Чудотворец же, будучи прозорлив, сказал:

— Если я и дам, то он все равно умрет! Впрочем, скажите мне: какою смертью он должен умереть?

— Его повесят на дереве, — ответили обманщики.

— Правду вы сказали, — заметил на это прозорливец, — завтра это и случится.

С этими словами он сошел в пещеру, куда он скрывался от любопытных взоров и мирской суеты и где он обыкновенно совершал свои молитвы. Вынеся оттуда оставшиеся у него книги, он отдал их пришедшим и сказал:

— Возьмите это, а если вам будет не нужно, воротите мне.

Они же, взяв книги, ушли и стали смеяться, говоря:

— Продадим это и разделим то, что получим.

Увидев плодовые деревья, принадлежавшие святому, они сказали:

— В эту ночь мы еще придем сюда и сорвем эти плоды.

Когда наступила ночь, три вора пришли снова; в это время Григорий молился в своей пещере, и они загородили снаружи дверь в пещеру, где молился старец. Один из них, о котором было сказано, как об осужденном на повешение, влез на дерево и стал рвать яблоки. В это время сук, за который он держался, отломился, и он упал, а сторожившие его двое других воров в страхе убежали. Упавший же повис в это время на другом суку, и притом так, что скоро задохся, так как его некому было освободить.

Григорий, будучи заперт, не мог быть с братией в церкви за утреней; потому братия, выйдя из церкви, пошли посмотреть, почему святой, против своего обыкновения, не пришел к утрене. Тут они увидели висевшего на дереве мертвого человека и пришли в ужас. Тотчас они нашли и Григория, запертого в пещере, который, выйдя из пещеры, повелел снять висевшего. Потом, увидев его соучастников, которые пришли вместе с другими и смотрели на мертвеца, он сказал им:

— Смотрите, как ваша гнусная ложь стала правдой, ибо *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7). Если бы вы меня не заперли, то я пришел бы и помог ему, но так как враг научил вас хранить *суетная и ложная*, то поэтому вы и *милость свою оставили есте*[1].

Дерзкие насмешники, видя, что слова блаженного сбылись, пали к его ногам, умоляя о прощении. Григорий присудил их к работе на Печерский монастырь, чтобы они с этого времени ели хлеб свой, трудясь в поте лица, и имели возможность питать трудами рук своих и других людей. Так они и скончали жизнь свою, работая с детьми своими в Печерском монастыре на рабов Пресвятой Богородицы и учеников преподобных отцов наших Антония и Феодосия.

Но уже время сказать о страдальческой кончине преподобного.

---

[1] Ирмосы на Великую субботу, песнь 6-я, ср.: Иона 2, 9.

Однажды в монастырский сосуд попало нечистое животное, и преподобный для очищения его от осквернения сошел к Днепру почерпнуть воды. В это время туда же приехал князь Ростислав Всеволодович[1], чтобы помолиться в монастыре и принять благословение на брань против половцев[2], куда он отправлялся вместе с братом своим Владимиром Мономахом[3]. Слуги Ростислава, подущаемые древним врагом, стали смеяться над старцем и досаждать ему неприличными речами. Старец же, провидя своим пророческим духом, что им угрожает смерть, сказал:

— О дети! Вам нужно бы с умилением в душе просить у всех молитв о себе, а вы делаете зло, которое противно Богу. Плачьте же о своей погибели и кайтесь в грехах своих, чтобы вам иметь некоторую отраду в страшный день последнего суда. Ибо о вас уже в суде Божием решено, что вы утонете вместе с вашим князем.

Князь же Ростислав, услышав эти слова преподобного, не поверил им и, полагая, что он только грозится, а не пророчествует, с гневом сказал ему:

— Мне ли ты предвещаешь смерть от воды, когда я хорошо умею плавать? Нет, — ты сам умрешь такою смертью!

И тотчас же, забыв страх Божий, он повелел связать старцу руки и ноги, надеть ему на шею камень и бросить в воду.

Так был утоплен святой старец!

Братия два дня искали его, но не могли найти. Когда же потом, на третий день, они пришли в его келью, желая взять кое-какие вещи,

---

[1] *Ростислав Всеволодович*, сын Всеволода Ярославича и внук Ярослава Мудрого, княжил в Переяславе — городе, находившемся на юге от Киева, на реках Альте и Трубеже. В настоящее время Переяслав — уездный город Полтавской губернии.

[2] *Половцы* — кочевой народ монгольского происхождения, обитавший со второй половины IX века в южнорусских степях и до татарского нашествия производивший постоянные опустошительные нападения на Русь. Нападения свои они производили быстро и внезапно. Русские князья для борьбы с половцами устраивали пограничные укрепления и предпринимали походы в глубь половецкой земли. Один из таких походов, о котором здесь упоминается, был предпринят великим князем Киевским Святополком Изяславичем (с 1093-го по 1113 год) в первый год его великого княжения.

[3] *Владимир Мономах* был одним из замечательнейших русских князей в домонгольский период. Когда умер отец его, Всеволод, он, несмотря на любовь к нему киевлян, не занял великокняжеского киевского престола, а призвал двоюродного брата своего Святополка Изяславича, которому и уступил великое княжение, как старшему в роду. В это время он княжил в Чернигове и, сверх того, владел Смоленским княжеством. По смерти Святополка он занял киевский великокняжеский престол, где княжил до своей смерти (1113–1125 гг.).

оставшиеся после святого, то неожиданно нашли его в келье мертвым со связанными руками и ногами и с камнем на шее. Одежды его были еще мокры, лицо — светло, а все тело — как бы живое. Подивились братия, кем и как мог быть принесен сюда старец, потому что келья была заперта, но потом, воздав хвалу Богу, с почестями вынесли те чудотворные мощи святого и положили их в пещере, где они и доселе пребывают нетленными.

Ростислав же, не считая совершенное им грехом, распаленный яростью, не захотел даже войти в монастырь, вопреки своему обещанию, чтобы получить благословение, — и Божие благословение удалилось от него. Только Владимир Мономах побывал в монастыре для испрошения себе молитв и благословения. Когда же русские князья были у Триполя[1] и перешли реку Стугну[2], то направили полки свои на половцев. Полки их не устояли и побежали; бежал и князь Владимир и переправился снова благополучно чрез реку Стугну, по молитвам и благословению Печерских святых, а Ростислав со всем своим войском потонул в реке, и так исполнилось пророчество святого: «какою мерою мерил злой убийца, будут мерить и ему»[3]. Незлобивый же Григорий чудотворец обрел источник жизни и, вкушая из потока вечной сладости при водах, ***которые превыше небес*** (Пс. 148, 4), хвалит имя Господа, Которому подобает слава и честь и присно и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ **ДОМНИКИ**

Святая Домника с четырьмя другими девицами прибыла в Царьград из Карфагена в царствование императора Феодосия Великого, будучи еще язычницей[4]. Она пламенела сильным желанием принять христианство и жить по правилам чистой небесной веры.

---

[1] В настоящее время местечко Киевской губернии.

[2] *Стугна* — правый приток Днепра, протекающий через Васильковский уезд Киевской губернии. В прежнее время приток этот был довольно значительной рекой.

[3] (Мф. 7, 2) — там это место читается так: *ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.*

[4] *Феодосий Великий* — римский император с 379 по 395 год. В его царствование христианская вера была окончательно утверждена в Римской империи.

Архиепископ Царьграда святой Нектарий[1] получил о ней особое откровение. Поэтому, приняв ее, он не только сподобил ее святого крещения, но и поставил в диаконисы[2]. Император Лев подарил ей землю за чертою города. На этой земле святая Домника основала монастырь в честь святого Захарии, собрала вокруг себя девственниц и стала жить с ними, подвизаясь в посте. Она сотворила немало чудес: например, она спасла мореплавателей, погибавших от бури на море, тем, что с благословением пустила в море масло, отчего морское волнение прекратилось. Она имела также дар пророчества, ибо предузнала и предсказала кончину царя. Видела она однажды, как сошел с неба Ангел, святил естество воды, а также получала и другие откровения Божественных тайн. Святая мирно почила в глубокой старости, дожив до царствования Льва и Зенона[3], причем предсказала время своего отшествия ко Господу.

---

[1] Святой патриарх Нектарий управлял Константинопольскою церковью с 381 по 397 год. Память его совершается в субботу сырную.

[2] *Диакониса* — с греческого языка: служительница. Так назывался особый род лиц в Церкви, учреждение которых восходит к временам апостольским (Рим. 16, 1; ср.: 1 Тим. 5, 3–10). На должность диаконис большей частью избирались пожилые (не моложе сорока лет) девственницы или вдовы. Обязанностью их было наставлять обращающихся жен и девиц, как они должны держать себя во время крещения, прислуживать епископу при их крещения и вместо него совершать помазание других частей тела, кроме чела, наблюдать за порядком и благочинием среди женщин во время богослужения, посещать больных и заключенных в темницах, служить исповедникам и мученикам, содержимым под стражей, помогать неимущим и тому подобное. Относительно диаконис есть несколько канонических правил, а именно: IV Вселенского собора правило 15-е, IV — правило 14-е и святого Василия Великого правило 44-е.

[3] Здесь разумеется *император Лев II*, царствовавший меньше одного года (в 474 году); *император Зенон* царствовал с 474 по 491 год. Святая Домника скончалась в первые годы царствования Зенона, около 474 года. Так как в Константинополь она пришла, во всяком случае, раньше 385 года, и так как ей в это время было, несомненно, не меньше двадцати лет (ибо патриарх Нектарий нашел возможным вскоре поставить ее в диаконисы), то святая Домника скончалась, имея более 100 лет от роду.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ГЕОРГИЯ ХОЗЕВИТА

Преподобный Георгий Хозевит[1] родился на острове Кипр[2] в семье, отличавшейся благочестием. Старший брат его, Ираклид, еще при жизни родителей ушел в святой град Иерусалим. Поклонившись здесь местам, освященным стонами и Кровью Господа Иисуса, он удалился затем в Иорданскую долину[3] и поселился в лавре, называемой Коломановой[4], приняв иночество. Святой же Георгий один оставался у родителей, воспитываясь в благочестии и страхе Божием.

Когда умерли родители Георгия, осиротелый отрок со всем имением, оставшимся от родителей его, принят был на попечение одним своим родственником. Последний так полюбил его, что хотел выдать за него замуж свою единородную дочь. Но святой, тяготясь мирскою суетою и не желая сожительства с женою, скрылся у другого родственника своего, который был игуменом монастыря. О местонахождении Георгия стало известно покинутому им родственнику, желавшему иметь кроткого юношу своим духовным сыном; он пришел к игумену, у которого скрывался Георгий, и стал требовать, чтобы тот возвратил ему отрока. Узнав об этом, Георгий тайно покинул тот монастырь и, сев на отплывавший корабль, отправился с Кипра в святой град Иерусалим. Поклонившись святым местам, он спустился в Иорданскую долину и пришел к брату своему в лавру Коломана. Тот же, видя его еще молодым и безбородым, по заповедям святых отцов не захотел держать его в лавре, пока он не обрастет бородою, но привел в обитель Пресвятой Владычицы нашей, называемую Хузива[5], и передал тамошнему игумену. Здесь

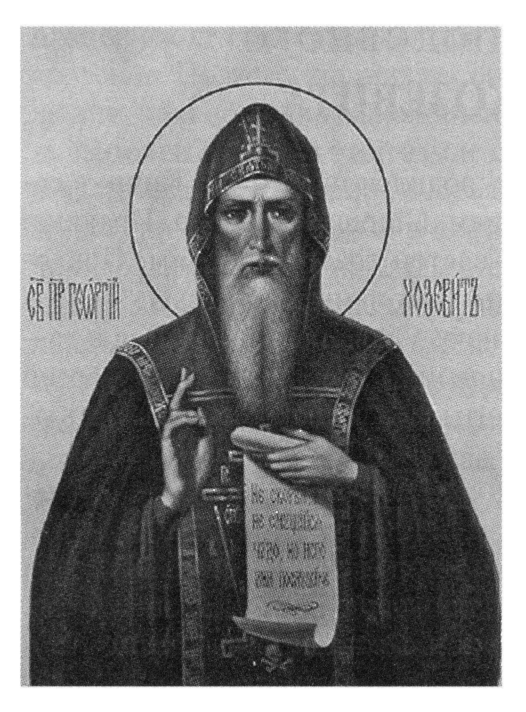
[1] *Хозевитами* назывались иноки Хозевитской, или Хузивской, обители.

[2] *Остров Кипр* находится в северо-восточном углу Средиземного моря, недалеко от Сирийского побережья.

[3] *Иорданская долина* находится по течению реки Иордана; представляя собою места малонаселенные, она с древних времен была излюбленным местом отшельников. Так, сюда удалился святой пророк Иоанн Предтеча и выступил здесь с проповедью о покаянии. Во времена христианские на этой долине находилось немало всевозможных монастырей.

[4] *Лавра Коломанова* находилась близ Мертвого моря и Иордана.

[5] *Хузивский монастырь* находился в пустыне Хузив, или Хозева, между Иерусалимом и Иерихоном, вправо от большой дороги, чрез которую обыкновенно проходят паломники из святого града к Иордану, и недалеко от спуска в низменную

святой Георгий облечен был в иноческий образ и вступил на путь подвижничества. Трудясь во славу Божию и для спасения своей души, он особенно упражнялся в смирении и послушании. Бог прославил Своего угодника и наградил его даром чудотворения. И вся братия немало удивлялась, видя такое совершенство и такое дерзновение к Богу в юном отроке и к тому же новоначальном. Святой же, опасаясь обольщений пустой славы мира сего, тайно вышел из обители и снова прибыл к своему брату в лавру.

Поселившись здесь, он занял вместе с братом так называемую Старую Церковь, и здесь они пребывали в молитве, богомыслии и трудах пустыннических. Братья не приготовляли себе горячей пищи, за исключением тех случаев, когда к ним приходил кто-либо.

Однажды авва Ираклид сказал своему брату:

— Возьми топор, и пойдем рубить дрова!

И когда тот взялся за топор, то старший брат приказал ему срубить бесплодную пальму, которая росла около их кельи. Поклонившись брату, Георгий стал просить:

— Нет, отче, не будем рубить ее, может быть, она даст нам вайи.

Но тот с угрозою сказал:

— Сруби ее; вот уже несколько лет она не приносит плодов, — зачем же она занимает место?

Тогда Георгий, снова со смирением поклонившись, произнес:

— Я ручаюсь, что скоро она принесет плоды.

долину Иорданскую. Монастырь этот был расположен в дикой местности. Церкви и кельи монахов, вися над оврагом на высоте 50 сажен, были как бы прилеплены к каменистым утесам. Монастырь Хузива возник в V веке. Имя первого его основателя неизвестно. Впоследствии монастырь именовался лаврою и в VI, VII и VIII веках, когда он особенно славился строгостью жизни своих подвижников, достиг особенного процветания. В XII веке монастырь этот еще существовал, но о дальнейшей судьбе его ничего не известно. В самое недавнее время эта обитель была возобновлена.

После таких слов Ираклид уступил, и с тех пор пальма стала приносить многочисленные и прекрасные плоды.

В то время в Иерихоне жил один землевладелец, любимый святыми братьями-подвижниками. У него скончался малолетний единородный сын. Положив мертвого в корзинку и прикрыв его начатками своих плодов, отец поспешно принес его в лавру. Войдя в келью к Ираклиду и Георгию, он поставил пред старшим братом корзинку, прося его благословить плоды его земледелия, а сам немедленно вышел. Вынув плоды из корзинки и найдя в ней мертвого младенца, Ираклид сказал меньшому брату:

— Призови этого человека, ибо он хочет искусить нас, грешных.

Но Георгий возразил ему:

— Не печалься и не гневайся, отче, но с верою призовем благоутробного и милостивого Бога, и если Он услышит нас, грешных, и воскресит младенца, то отец возьмет его от нас живым в награду за свою веру; а если Бог не захочет сотворить сего, то скажем отцу, что мы, будучи грешниками, не достигли такого дерзновения к Богу, чтобы помочь его беде.

Старец послушался брата, и оба они стали на молитву со слезами и с сокрушением сердечным. И всемилостивый Господь, творящий волю боящихся Его, услышал их и воскресил младенца. Тогда, призвав его отца, братья отдали ему младенца живым, повелев ему, чтобы он никому не рассказывал об этом чуде.

Так святые Ираклид и Георгий мирно и богоугодно жили вместе, со всяким смирением и скромностью, и никто не слышал спора и разноречия между ними, не видел и тени презрения их друг к другу или к кому-нибудь иному.

По прошествии некоторого времени Ираклид скончался, достигнув семидесятилетнего возраста от рождения. Авва Георгий, оставшись в келье один, рыдал и скорбел о кончине брата своего, в то же время доблестно подражая его жизни и трудам. И кто может поведать об его пустыннических подвигах, неустанной молитве и Богомыслии? Кто может рассказать о его воздержании и посте? За свою подвижническую жизнь старец был удостоен диаконского сана, и по должности диакона часто прислуживал священным отцам за богослужением. Между тем в лавре скончался игумен, и произошло великое разделение и несогласие по поводу избрания нового настоятеля. Тогда святой Георгий, не терпя смуты, со скорбью удалился из Коломана и снова

поселился в Хузевитской обители, в отдельной келье, которую дал ему игумен монастыря.

Подвизаясь на прежнем месте своей отшельнической жизни, преподобный Георгий не приобретал ни вина, ни елея, ни хлеба, ни одежды, но, обходя кучи мусора, собирал тряпки и, сшивая их, делал себе одежду; из этих же тряпок была устроена и постель его. Обитавших в обители иноков он просил сберегать ему за неделю остатки от стола отцов и пришельцев, будут ли то овощи, или плоды, или даже кости. Потом он толок все это в каменной ступе, делал шарики и сушил на солнце; эти шарики он и употреблял в пищу вместе с водою, — через два или три дня. Кроме того, старец просил, чтобы братия не пекли без него хлебов, ибо он веровал, что занимающимся этим делом в тех святых местах будет великая награда на небе, так как в Палестине было в обычае издерживать излишек хлеба на странников, приходивших поклониться тамошним великим святыням. В хлебнице, предпочтительно пред другими работами, преподобный Георгий топил печь. Занятие это особенно тягостно в тех местах в летнее время, когда от сильного зноя тают даже свечи на церковных подсвечниках. Но преподобный Георгий, несмотря ни на какой зной, неустанно работал в хлебнице, по дважды и по трижды в день растопляя печь и приготовляя хлебы. Другие из братий не могли переносить такой работы и постоянно чередовались. Поэтому неустанным трудам Георгия все удивлялись и называли его железным.

Так подвизался этот земной Ангел и небесный человек, назидая своими подвигами и других.

Когда же случилось нашествие персов на Святую землю[1], он на время оставил Хузевитскую лавру и скрылся в Коломане; по миновании же опасности старец снова возвратился в Хузиву. Здесь он снова предался подвижническим трудам и в то же время поучал всех, приходящих послушать его богомудрых речей. Никого он не оставлял без поучительных бесед, но всех наставлял в слове Божием и в благочестии. Благочестиво пожив и угодив Богу, преподобный Георгий был отозвать в небесные обители, достигнув глубокой старости. О блаженной кончине старца ученик его, преподобный Антоний, рассказывает следующее.

---

[1] Нашествие персов было в 614 году, под предводительством Хозроя, царя персидского (царствовал с 580 по 628 год).

«После многих трудов заболел святой отец наш Георгий недугом, от коего и скончался. В вечер же, в который он скончался, по устроению Божию, случилось множество пришельцев, и я был весьма занят послушанием. И некоторые из братии, сидевшие у старца, часто приходили, говоря мне:

— Спрашивает тебя старец, говоря: „Где Антоний? Призовите мне его, ибо я уже умираю“.

Я уже колебался надвое, желая и исполнить послушание, и пойти к старцу. И старец, узнав это духом, объявил мне чрез посланных:

— Не скорби и не смущайся, чадо, но исполни послушание твое, а я подожду до тех пор, пока ты придешь.

И пока пришельцы встали из-за трапезы и пришли другие, время протянулось почти до полуночи, и старец был еще жив. Исполнив свое послушание и отпустив пришельцев, я пришел к нему. Когда он меня увидел, то обнял и облобызал и, благословив, обернулся к востоку и сказал:

— Изыди, душе моя, ныне о Господе, изыди.

И сказав это трижды, он предал дух Господу; так он преставился, мирно и тихо, явно предав дух в руки Божии, как пишется: *души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их* (Прем. 3, 1), и еще: *Дорога в очах Господних смерть святых Его* (Пс. 115, 6). Я же, узнав, что он предал дух Господу, припал к груди его и плакал, и рыдал о лишении преподобного отца. И, опрятав тело его с псалмами и пениями и песнями духовными, мы положили его в гробнице преподобных отцов; и ныне он находится с ликами святых, сомолитствуя за нас и за весь мир». Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КАРТЕРИЯ

Святой Картерий жил в царствование императора Диоклетиана[1] и был священником и учителем Христовой веры в Кесарии Каппадокийской, при прокураторе[2] Урване. Он построил храм Божий,

[1] *Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год.

[2] *Прокуратор* собственно заведовал в провинциях Римской империи судебными процессами. Впоследствии прокураторы посылались в императорские провинции для собирания доходов в казну императора. Незначительные провинции управлялись прокураторами.

собрал около себя многочисленную паству, которую поучал почитать Христа с Отцом и Святым Духом, как Единого истинного Бога. На ревностного служителя Христова поступил навет к прокуратору; тогда блаженный иерей скрылся от преследования. Но ему явился Господь и сказал:

— Иди, Картерий, и предстань пред прокуратором. Я буду с тобою; тебе надлежит много пострадать ради Моего имени, и многие чрез тебя уверуют и спасутся.

Святой, исполнившись великой радости, возблагодарил Господа и известил прокуратора о своем местопребывании, после чего был заключен в темницу. Когда же святой Картерий приведен был к прокуратору, тот приказал ему принести жертву Серапису[1]. По молитве святого истукан этого ложного бога повергся на землю; тогда по повелению прокуратора шестнадцать воинов стали бить палками исповедника Христова, которого четверо слуг распростерли на земле. Потом мучители повесили святого Картерия на дерево, бритвою отрезали у него ногти на руках и ногах и терзали его тело железными крючьями.

Тогда святому страстотерпцу явился Ангел Господень и облегчал его страдания, и воин Христов остался невредимым при столь тяжких истязаниях.

По повелению мучителя его сняли с дерева, прокололи ступни ног железными прутьями, возложили на грудь раскаленный сошник, посадили на раскаленный железный стул и раскаленными железными прутьями тянули его ноги. После того блаженный страдалец снова был ввергнут в темницу.

Вечером Господь наш Иисус Христос явился доблестному Своему страстотерпцу, разрешил его от оков и извел из темницы. Тогда многие, видя святого мученика исцеленным от ран, нанесенных гонителями, стали принимать святое крещение, получая в то же время исцеление от болезней, которыми страдали.

Снова схваченный мучителями, святой Картерий предан был новым истязаниям: к его рукам и ногам подвешены были тяжелые камни, причем палачи били его палками по животу, жгли огнем, поливая серу и смолу на зияющие раны, вливали в уста расплавленное олово, на

[1] *Серапис* — египетское божество, в последние годы язычества почитавшееся и в Римской империи. Почитался богом умерших душ и призывался как спаситель от болезни и смерти.

голову надели до бела раскаленный шлем, наконец, бросили святого страстотерпца в огонь. Воспевая Господу благодарственные песни, святой Картерий вышел из пламени невредимым.

Тогда один еврей, присутствовавший при истязании, придя в ярость, схватил копье и нанес смертельный удар в ребра святого мученика; из раны истекло такое количество воды, что она залила костер; потом потекла кровь, и страстотерпец Христов предал Богу свою святую душу[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ИЛИИ ПУСТЫННИКА

Преподобный Илия вступил с ранней юности в иноческое житие и семьдесят пять лет провел в полном уединении в отдаленной суровой пустыне близ Антиноя Фиваидского[2]. Невозможно передать словом те великие подвиги, которым он предавался на вершине дикой пустынной горы, откуда ни разу не выходил в населенные места, и куда вела к нему проложенная среди острых камней узкая тропинка, на которую едва можно было ступить ногою.

Усердствующие посетители находили старца сидящим под каменным навесом пещеры, темнота которой едва позволяла рассмотреть пустынника; от дряхлости он весь трясся, ибо жития его было более ста десяти лет. Другие отцы пустынники говорили о преподобном Илии, что никто не помнит, когда он поселился на горе.

Под старость он вкушал только по три малых куска хлеба утром и столько же вечером и по три соленых маслины; в юности же он принимал пищу лишь один раз в неделю. Приходивших к нему для назидания он поучал так: «Не предавайте себя во власть сатаны. Есть три проявления диавольской силы, которые вызываются грехопадениями иноков. Первое — забвение, второе — леность, третье — похоть. Когда на инока нападет забвение, рождается леность, а от нее проистекают похоти, а от похоти падает человек. Если же инок внимателен и имеет страх Божий, не бывает у него ни лености, ни дурного пожелания, — потому и бессилен против такого сатана, не си-

[1] В 304 году.

[2] Фиваидская область называлась так от *Фив* — главного города Верхнего Египта. Близ города *Антиноя* находилось немало отшельнических келий и киновий.

лен он ввергнуть такого человека в грех, и спасется такой человек Божией благодатью».

Являя благой пример истинно иноческой жизни, преподобный Илия отошел ко Господу в глубокой старости.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФЕОФИЛА и ЕЛЛАДИЯ

Святые мученики диакон Феофил и Елладий мирянин пострадали в Ливии[1]. Безбоязненно исповедуя Господа нашего Иисуса Христа истинным Богом, они поносили языческих ложных богов и укоряли идолопоклонников, за что и схвачены были прокуратором и преданы мучениям. Святых исповедников Христовых сначала жестоко бичевали, потом строгали им тело острыми черепками; связав им руки и ноги, палачи опаляли чресла их огнем. После каждого такого истязания мучители принуждали страстотерпцев отречься от Христа и принести жертву идолам; но святые Феофил и Елладий остались непоколебимы в любви ко Христу. Как непокорных, мучители с поруганием влачили их по земле и разбивали камнями их кости; после того доблестные мученики приняли венец от Христа, за Которого пострадали[2].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ЕМИЛИАНА ИСПОВЕДНИКА

Емилиан, епископ Кизический[3], пострадал за почитание икон в 815 году, при императоре Льве Армянине[4]. Вторично память его 8 августа.

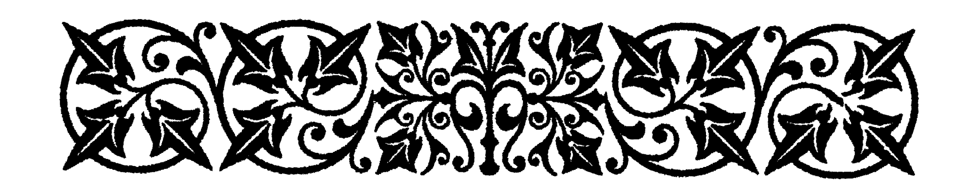
---

[1] *Ливия* — область на севере Африки, к западу от Египта.

[2] Это было в начале IV века.

[3] *Кизик* — город в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[4] *Лев V Армянин* — Византийский император, царствовал с 813 по 820 год.

День девятый
СТРАДАНИЕ СВЯТОГО
МУЧЕНИКА ПОЛИЕВКТА

Во времена Декия и Валериана[1], царей римских, в городе Мелитине, в земле Армянской[2], жили два уважаемых воина, Неарх и Полиевкт, которые питали такую взаимную любовь друг к другу, какая редко бывает даже между единоутробными братьями: каждый из них любил своего друга, как свою жизнь и дыхание. Неарх был христианин, твердый в вере и верный исполнитель закона Господнего, а Полиевкт был язычник, непросвященный еще светом истинной веры. Однако этот последний жил по христианским обычаям и подвизался в разных добродетелях, так что его можно было назвать плодовитой маслиной, и ему недоставало только приобщиться к Церкви Божией. Неарх старался обратить его в христианскую веру, часто читал ему Божественные Писания и говорил о Едином истинном Боге, показывая в то же время суету и мерзость идолопоклонства. Но не наступил еще для Полиевкта час обращения и спасения его, назначенный ему от Бога. В скором времени на базарах и улицах стали читать безбожное повеление нечестивых царей, которое призывало всех к поклонению их мерзким богам и угрожало различными муками и казнями тем, кто оказался бы непослушным этому повелению. Неарх, как верный раб Христов, стал приготовляться к смерти; но в то же время он начал скорбеть о своем друге, Полиевкте, полагая, что тот, которого он рассчитывал видеть христиани-

[1] *Римский император Декий* царствовал с 249 по 251 год; *Валериан* царствовал с 253 по 259 год.

[2] *Город Мелитина* построен римским императором Траяном (98–117). Это — главный город страны того же имени, находившейся в малоазийской области Каппадокии, составлявшей некогда северную часть Малой Армении.

ном из страха пред угрозами царя, останется неверующим и чрез это лишится вечного спасения. Постоянно скорбя об этом и плача о погибели, ожидавшей его друга, Неарх изменился даже в лице и всем видом своим выдавал свое душевное смущение. Полиевкт, видя своего друга столь смущенным, спрашивал его о причине его печали, и так как тот ничего не говорил, то опечалился и Полиевкт, сочувствуя тяжкому горю своего друга. Наконец, Полиевкт стал особенно настоятельно спрашивать Неарха:

— Не оскорбил ли я тебя чем-нибудь? В чем вина моя? Что́ я сделал ужасного, что ты не хочешь простить своему другу?

Тогда Неарх, заплакав и воздохнув из глубины сердца, сказал:

— Когда я, друг, думаю о том, что наша любовь и приязнь должны кончиться, то унываю и скорблю душою.

Услышав это, Полиевкт весьма огорчился и сказал:

— Как это может случиться, друг? Зачем ты говоришь о таких невозможных вещах? Отчего наша любовь должна прекратиться, когда и сама смерть не в силах ее расторгнуть?

— Любезнейший друг, — отвечал Неарх, — то меня так и угнетает до глубины души, что наше разлучение будет хуже, чем естественная смерть.

Полиевкт, не поняв, что говорит Неарх, крепко обнял своего друга и еще настоятельнее стал просить его:

— Скажи, Неарх, и разъясни, в чем будет состоять это разлучение наше? Я не могу более выносить твоего молчания, и если ты будешь продолжать молчать, и ничего не скажешь мне, то тотчас же увидишь меня пред собою мертвым.

Тогда Неарх сказал ему:

— Любезнейший Полиевкт! Нас разлучит с тобою тот царский указ, который читается повсюду; ибо я принадлежу к христианской

вере, а ты к языческой. И вот, когда меня возьмут на смерть, ты откажешься от меня и покинешь меня.

Услышав это, благоразумный Полиевкт тотчас понял, чего хочет Неарх, и, будучи просвещен благодатью Божией, стал помышлять о Божественном. Он припомнил бывшее ему за несколько дней пред сим видение и сказал:

— Не бойся, возлюбленный друг мой Неарх! Мы не расстанемся с тобою, ибо я видел во сне Христа, Которому ты служишь и Который, приблизившись ко мне, снял бывшую на мне одежду и облек меня в другую, новую, прекрасную и драгоценную, с золотыми петлями, и, кроме того, дал мне еще крылатого коня.

Неарх, услышав это, обрадовался и объяснил видение в том смысле, что снятие прежней одежды и облечение в новую указывает на перемену жизни к лучшему.

— Предстоит тебе, — сказал он, — оставить языческое нечестие и облечься во Христа истинною верою; крылатый же конь означает скорый переход к небу.

Затем он промолвил:

— Вот ты уже познал Христа, Бога истинного!

Полиевкт отвечал:

— Когда же я не знал Его? Не горел ли я сердцем, когда ты рассказывал мне о Нем? Не дивился ли я Его словам, когда ты читал мне святое Евангелие? Мне недоставало только христианского имени, а по расположению своему я уже был христианином, ибо я всегда только и думал о том, как бы мне, оставив суетных идолов, стать рабом Христа Господа. Итак, что же медлить, Неарх? Докажем самым делом нашу преданность Христу!

Неарх услаждался его речью и возрадовался; но, боясь того, чтобы друг его не стал жалеть об имуществе своем, о жене и детях, а также о своей жизни, он начал беседовать с ним о суетности этого мира и изображать невидимые блага и славу небесную.

— Для меня, Полиевкт, — говорил он, — ни богатство, ни слава, ни воинская честь, — ничто мирское так не дорого и так не вожделенно, как жизнь во Христе Иисусе: только ее я желаю, а все прочее кажется мне ничтожным.

Полиевкт же, как бы искушая его, сказал:

— А разве ты не дорожишь почестями своего воинского звания?

Неарх ответил:

— Мне кажется, Полиевкт, что ты еще не представляешь себе истинной чести и славы и непрестанного блаженства, которое Господь Христос уготовал рабам Своим.

Полиевкт на это сказал:

— Ты думаешь, что я не имею понятия о славе, чести и блаженстве, которые приготовлены для нас у Христа на небе? А я думаю, что я пошел далее тебя в этом случае, потому что уже получил, как говорил тебе, в видении царскую хламиду. Но вот о чем я спрошу тебя: можно ли, не приняв христианских таинств, приступить ко Христу и быть Его воином?

— Не сомневайся в этом, верный друг, — отвечал Неарх, — *Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму* (Мф. 3, 9), ибо Он не затворяет дверей Своего милосердия ни перед кем, кто обращается к Нему, и приходящим в виноградник Его позже платит то же, что получают и те, кто работал целый день[1]. Так, Он отверз рай разбойнику, распятому на кресте, и за краткое исповедание веры даровал такое возмездие, из-за которого другие положили много труда.

Услышав это, Полиевкт сказал:

— Да будет слава Христу, истинному Богу! С этого часа я оставляю миру всю его суету и исповедую себя рабом Христа, Которому послужу, как Он мне повелит. А теперь пойду и прочитаю царский указ, изданный против христиан и против Господа и Бога моего, Иисуса Христа.

С такими словами Полиевкт пошел на площадь и, прочитав царский указ, плюнул на него и разорвал его на части при народе. После этого, увидев, что в капище несут идолов, пред которыми люди преклонялись, он сначала рассмеялся на это языческое неразумие, а потом, делая вид, что хочет поклониться им, начал хватать этих идолов одного за другим и разбивать их о землю, как глиняные сосуды; всего он сокрушил таким образом двенадцать языческих богов. В это самое время пришел сюда тесть Полиевкта, Феликс, которому было поручено царями преследовать христиан. Увидев произведенное Полиевктом разрушение богов своих, он весьма опечалился и со стоном сказал:

— Горе мне! Ныне я неожиданно лишился чад своих, ибо ни боги, ни люди — не помилуют Полиевкта, который сделал такое дело.

---

[1] Ср. притчу Господню о делателях в винограднике (Мф. 20, 1–16).

Полиевкт же, радуясь разрушению бездушных идолов, сказал своему тестю:

— Что смущаешься, отец? Ныне я ясно показал, как бессильны ваши боги; если у тебя есть еще такие, пусть их принесут сюда, и ты увидишь, как рабы Христовы надругаются над ними.

— Всемогущие цари наши, — отвечал Феликс, — повелели немедленно казнить таких людей, и ты уже близок к смерти, тебе предстоит казнь, — иначе и быть не может, потому что царского повеления отменить нельзя. Но я даю тебе некоторое снисхождение: ты можешь пойти домой и проститься со своей женой и детьми.

— Могу ли я печалиться о жене и детях, — возразил святой, — когда я пренебрег земным и ищу небесного, помышляю о вечности? Если дочь твоя захочет идти за мною, то она будет блаженна; если же — нет, то погибнет с вашими богами.

Услышав это, Феликс стал плакать о своем зяте и говорил ему:

— Горе мне, любезный сын мой Полиевкт! И тебя прельстила волшебная сила Христова.

Святой Полиевкт отвечал на это:

— Не скрываю, что Христос призвал меня к познанию истины. Своей Божественной всесильной десницей Он вывел меня из тени на свет, от смерти в жизнь, направил меня от заблуждения на путь правый и удостоил меня причисления к Своему воинству.

Когда святой сказал это, его схватили мучители и стали бить по устам, но он не обращал на это внимания. Пришла тогда и жена его и стала плакать о нем вместе с отцом своим Феликсом. Святой же так говорил тестю своему:

— О беззаконнейший служитель скверных идолов! Зачем ты своими слезами и слезами дочери своей хочешь прельстить меня к отпадению от веры Христовой? Зачем ты плачешь о Полиевкте, когда тебе следует гораздо более плакать о себе, именно о том, что ты, служа земным царям, обрекаешь себя на огонь вечный?

Жена же святого, которой имя было Павлина, с рыданиями говорила ему:

— Что сделалось с тобою, возлюбленный муж мой Полиевкт? Что соблазнило тебя сокрушить двенадцать богов наших?

Святой же сказал ей с улыбкой:

— Если я один победил и разбил твоих двенадцать богов, то тебе не к кому уже прибегнуть за помощью: у тебя не осталось богов. По-

слушай меня, Павлина, и познай Единого истинного, живущего на небесах Бога; поклонись ему и променяй эту жизнь на вечную.

Слушая эту беседу святого с женой, многие из язычников, стоявшие около них, наслаждались его словами и, познавая истину, умилялись душою и обращались ко Христу. Судьи же городские и все советники, собравшись, потребовали к себе на суд святого Полиевкта и то ласками, то угрозами старались снова обратить его к служению идолам. Когда же их попытки окончились неудачно, они произнесли святому смертный приговор, обрекши его на усечение мечом.

Святой шел на смерть с несказанною радостью и говорил сопровождавшему его народу, что он беседует с одним лучезарным юношей, который его укрепляет и велит забыть все мирское; но юношу того никто, кроме мученика, не видел. Увидев также среди толпы блаженного Неарха, своего друга и отца по вере в истинного Бога, он закричал ему:

— Прощай, возлюбленный друг мой, и помни скрепленный между нами союз любви!

Изрекши эти слова, он преклонил под меч свою святую главу и крестился в своей собственной крови, будучи казнен за Христа Иисуса[1].

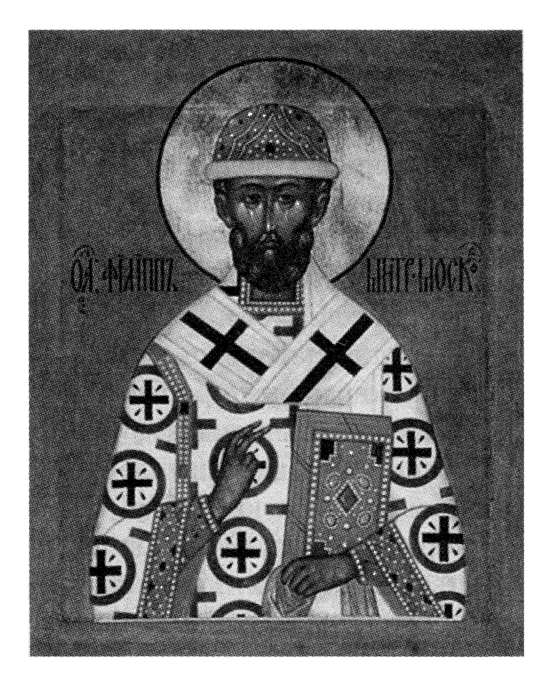
Святой Полиевкт был первым мучеником в армянском городе Мелитине, и его смерть содействовала умножению Церкви воинствующей и пополнению торжествующей, в честь и славу Христа Бога, Который есть Глава той и другой, Коему с Отцом и Святым Духом подобает всякая честь и слава в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ФИЛИППА,
митрополита Московского

Святой митрополит Филипп родился[2] в царствующем городе Москве от благочестивых и благородных родителей, из славного рода бояр Колычевых. Отец его, по имени Стефан, принадлежал к числу ближних бояр великого князя Василия Иоанновича; набожная мать

[1] Это было в 295 году.
[2] 11 февраля 1507 года.

его, по имени Варвара, окончила дни свои инокиней с именем Варсонофии. За благочестивую жизнь их, в свидетельство их добродетелей, Бог благословил их добрым плодом: от них родился блаженный Филипп, который во святом крещении наречен был Феодором. Родители воспитывали его во всяком благочестии. Когда он немного подрос, его отдали в обучение книжное, в котором он преуспевал с особенным усердием, чуждаясь в то же время свойственных детскому возрасту игр и забав. Таким образом, Феодор в скором времени постиг всю

книжную премудрость и навык в душеполезном чтении. Родители, видя такое доброе его поведение, радовались о том. Спустя некоторое время к Феодору приставили «отроков»[1] для обучения его верховой езде; но он нисколько не прилежал тому, предпочитая конской езде чтение книг, в которых он находил жития святых и досточудных мужей и чрез то поучался совершенствоваться в добродетелях. Потом его стали обучать и воинскому искусству; но и это не переменило благочестивого настроения его души; он избегал своих сверстников и их рассеянной жизни, так что многие дивились такому его благочестию.

По смерти великого князя Василия Иоанновича[2] скипетр царства принял сын его великий князь всея России Иоанн Васильевич[3]. В это время Феодор, пришедший уже в совершенный возраст, был взят ко двору на служение царское и успел заслужить любовь и благоволе-

---

[1] *Отроками* назывались в Древней Руси младшие члены княжеской дружины, потом вообще доверенные служители при князе, опытные, большей частью, и в военном искусстве и исполнявшие разные поручения своего господина. Были свои отроки и у бояр.

[2] *Василий IV Иоаннович* — великий князь Московский с 1505-го по 1533 год.

[3] *Иоанн IV Васильевич Грозный* — с 1533 года — великий князь Московский, в 1547 году принял титул царский и царствовал по 1584 год.

ние малолетнего князя Иоанна Васильевича. Но Феодор недолго служил при дворе. Когда он достиг тридцатилетнего возраста, случилось ему, по особому Божиему промышлению, призревшему на него, войти в церковь во время совершения Божественной литургии. Здесь он услышал слова Евангелия: *Никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24). Пораженный этими словами, он размышлял в себе, что эти слова относятся и к нему, и решился оставить мирскую жизнь. Вспомнив о Соловецком монастыре[1], что там добре подвизаются иноки, он вознамерился удалиться туда. Сотворив молитву пред святынями, со слезами припадая к чудотворным ракам святых и приложившись к святым мощам, Феодор пошел с молитвою в путь, тайно ото всех оставив царский двор, отечество и родных, взяв с собою лишь самую необходимую одежду[2]. Сначала он пришел в пределы Великого Новгорода, к озеру Онеге[3], и там поселился в селении Хижах у одного крестьянина. Хозяин, видя его добрый нрав и смирение, поручил ему пасти своих овец: так Бог предназначил о нем, чтобы прежде овец словесных, он добре упас бессловесных. Между тем родители повсюду разыскивали его по городам и, нигде не найдя, много плакали о нем. Благочестивый же юноша, прожив немало дней в вышеупомянутом селении, удалился оттуда на Соловецкий остров и был принят игуменом Соловецкой обители, который повелел ему трудиться на монастырских службах. Он же, оградившись страхом Божиим, с усердием и смирением, в простоте сердца, исполнял все, что ему повелевали делать. Он рубил дрова, копал в огороде землю, переносил камни, иногда на плечах своих выносил помои и исполнял другие, еще более тяжелые работы. Много раз от некоторых из иноков ему приходилось принимать оскорбления и даже побои, но он никогда не гневался и с радостью и смиренномудрием переносил все, и никто не знал, кто он и откуда. Так искусившись в терпении, Феодор просил игумена постричь его в иночество. Он был пострижен в иночество с именем Филиппа. Его отдали в послушание одному опытному иноку, по имени Ион, коим он и был наставлен на всякую добродетель. Потом игумен

[1] *Соловецкий первоклассный ставропигиальный монастырь* находится на Крайнем Севере, на Соловецком острове Белого моря, в 306 верстах от Архангельска; существует с XV века и с самого первого времени своего существования прославился строгой подвижнической жизнью своих иноков.

[2] Это было в половине 1537 года.

[3] Онежское озеро находится на севере России, в Олонецкой губернии; после Ладожского первое по величине озеро в Европе.

послал его на поварню, и там он смиренно работал на братию, разжигая огонь и рубя дрова. Пробыв довольное время в той службе, Филипп перешел оттуда в монастырскую кузницу, где неленостно трудился, нося дрова и воду. И всеми работавшими на кузнице он был похваляем за свои труды. Тогда, избегая славы, он удалился из монастыря в пустыню и там, вперив ум свой к Богу, непрестанно упражнялся в одних только молитвах. Так долго подвизался святой Филипп в пустыне, в лесах Соловецких, и потом снова возвратился в обитель к своим трудам. Игумен Алексий, видя его столь усердствующим в иноческих подвигах и украшенным глубоким смирением, весьма утешался им и держал его при себе своим помощником, поручив ему надзор за начальными послушниками. Филипп все это исполнял с ревностью и в этих трудах провел девять лет, вспомоществуемый молитвами и благословением своего игумена. Потом игумен Алексий, отказавшись по старческой немощи от управления обителью, советом братии поставил святого Филиппа на игуменство[1]. Но хотя святой и принял начальствование, однако нисколько не изменил своего прежнего жития. Напротив, он еще более усилил свои подвиги и предался еще большим трудам телесным, а когда видел себя хвалимым и почитаемым за это, считал то тщетным, ибо от юности был украшен смирением. Поэтому он оставил игуменство и снова удалился в пустыню, приходя в монастырь только для причащения честного Тела и Крови Христа Бога нашего. Управлять монастырем стал прежний игумен Алексий, который через полтора года после того скончался. Тогда по просьбе братии святой Филипп снова принял игуменство. Он предался еще большим подвигам и достиг еще высшего совершенства в добродетелях. Обитель же Соловецкая во время его управления процветала и благоукрашалась[2].

---

[1] Это было в 1548 году.

[2] В продолжение своего восемнадцатилетнего управления Соловецкой обителью святой Филипп совершенно обновил ее; соорудил в ней две каменные церкви — Успения Пресвятой Богородицы и Преображения Господня, завел колокола вместо бил и клепал (металлических досок, употреблявшихся для созывания братии на богослужения), воздвиг для братии двух- и трехэтажные кельи и больницу; умножил и улучшил соляные варницы — главный источник содержания обители, устроил водяные мельницы, завел скотный двор и оленей, соединил озера каналами и осушил болота, сделал просеки в лесах и проложил дороги. В сане игумена Филипп сделался снова известным великому князю Иоанну Васильевичу и заслужил его расположение. Царь пожаловал ему грамоты на разные волости, села и другие владения, подарил ему богатые ризы, шитые жемчугом, и два покрова на раки угодников Соловецких Зоси-

Между тем слава о святом Филиппе дошла до благоверного царя и князя Иоанна Васильевича. В то время митрополит всея России Афанасий оставил престол[1]. Царь пожелал, чтобы на престол Российской митрополии возведен был святой Филипп, — и вот он вызывает святого в Москву для «духовного совета»[2]. Православный народ тогда пребывал сначала в мире и любви; враг же (диавол), видя это и искони ненавидя истину, воздвиг многомятежную бурю, возбудив вместо любви в православных христианах ненависть друг к другу. При дворе среди бояр начались свары, ожесточенная вражда и всякого рода злоумышления друг на друга. Своим коварством и междоусобиями они в самом царе возбудили сильнейший гнев и ярость. От тех злых наветов боярских он начал бояться даже своих верных слуг, ближних родственников и друзей и был в неукротимом гневе на бояр, видя в них своих врагов и крамольников. И вот он разделил государство на две части, устроив себе особых телохранителей, под именем опричников, которые состояли при особе царя и составили особое управление[3]. Опричники злоупотребляли данною им властью, угнетали народ, отнимали имущество, сопровождая свои разбои убийствами и пытками. Царь же верил в их верность и преданность, и потому управы на них нельзя было найти. В это время царь и вызвал из Соловецкой обители Филиппа. С честью приняв его, царь объявил ему о своем желании видеть его на митрополичьем престоле. Филипп, по своему смирению, отказывался от этого высокого сана; но потом должен был уступить непреклонному желанию царя и был возведен на митрополичью кафедру[4]. В первое время все было спокойно; царь

мы и Савватия, а впоследствии прислал тысячу рублей на построение Преображенского храма, два колокола, два золотых креста с драгоценными камнями и жемчугом и новые жалованные грамоты для подтверждения разных льгот обители.

[1] *Афанасий* — митрополит Московский и всея России, занимал митрополичью кафедру с 1564-го по 1566 год.

[2] Это значило, что Филипп будет облечен саном первосвятительским, что таковы желание и воля царя.

[3] *Опричники* были избраны из князей, дворян и детей боярских; они имели свои поместья в отведенных под опричнину особых волостях; на содержание их были назначены даже особые города; опричники имели свои права и преимущества. Другая часть России получила наименование «земщины» и отдана в заведование земских бояр для управления общими делами государства и народа.

[4] Отказываясь принять высокий святительский сан, Филипп говорил: «Не могу принять на себя дело, превышающее силы мои, отпусти меня, Господа ради, зачем малой ладье поручать тяжесть великую?» Когда же царь продолжал настаивать, Филипп объявил, что исполнит волю царя, но с тем, чтобы уничтожена была опрични-

уважал святителя и благоволил к нему. Но потом, когда зверства опричников достигли крайнего предела, то блаженный Филипп стал умолять царя прекратить неистовства опричников и обличать самого царя за его казни. Тогда царь пришел в сильный гнев на святого, угрожал ему муками и ссылкою. Он же, оставаясь непоколебим, как адамант, пренебрегал царскими угрозами и не переставал высказывать истину[1]. К прискорбию, нашлись и между духовными лицами предатели, старавшиеся только об угождении царю. Пимен, архиепископ Новгородский, и некоторые другие с ним[2] вместе с царскими советниками Малютой Скуратовым[3] и Василием Грязным[4] с их единомышленниками, измышляя против святого различные козни, старались низвергнуть его с престола и уговаривали царя своего намерения не оставлять. Царь же не хотел просто низвергнуть Филиппа с митрополичьего престола. В непродолжительном после того времени, по доносу лживых свидетелей, он послал в Соловки Суздальского епископа Пафнутия и князя Василия Темкина расследовать, какова была прежняя жизнь Филиппа. Достигнув Соловецкого монастыря, посланные стали стараться действовать так, чтобы угодить царю. Одних из иноков ласками и мздоимством, других — обещанием высших духовных

на, от которой страдает Русская земля. Иоанн отвечал, что опричнина нужна для царя и царства, так как против него злоумышляют. Святого Филиппа уговорили не вступаться в дела двора и опричнины и не удаляться с митрополии за то, что царь не уничтожил опричнины, но советоваться с царем, как советовались прежние митрополиты. Таким образом, святой Филипп оставил за своею совестью свободу и долг печаловаться за невинно гонимых и говорить о правде евангельской, что издавна было преимуществом русских святителей.

[1] Вражду против святого Филиппа с особенной ревностью возбуждали в царе опричники, клеветавшие на святителя и поддерживавшие царя в уверенности, что митрополит держит сторону ненавистных ему бояр и служит их орудием. Когда же неистовства опричников стали усиливаться и царь нимало не исправлялся и совершал злодейства и жестокие казни, святитель, испытав недостаточность тайных вразумлений царю, выступил с открытыми, всенародными обличениями против него и опричников.

[2] Таковыми были *Пафнутий*, епископ Суздальский, *Филофей*, епископ Рязанский, и особенно протоиерей Благовещенского собора *Евстафий*, царский духовник, которого Филипп подверг запрещению за какие-то проступки и который непрестанно доносил царю, тайно и явно, хульные речи на митрополита.

[3] *Малюта Скуратов-Бельский* — думный дворянин, любимый опричник царя Иоанна IV Грозного, отличавшийся своей жестокостью и участвовавший почти во всех злодеяниях Грозного. Память о Малюте Скуратове и его злодеяниях сохранилась в народных песнях, и даже самое имя его стало нарицательным названием злодея.

[4] *Василий Грязной* — любимый и доверенный опричник царя Иоанна IV Грозного.

почестей, третьих — угрозами убедили они сделать нарекание на святого. Честным же старцам, которые говорили о Филиппе правду, нанесли тяжкие побои, повелевая им говорить о святителе непристойное. Они же, исполненные благочестия, все сии оскорбления принимали с радостью и едиными устами продолжали говорить истину о Филиппе, что житие его в обители было непорочно, по Боге. Но царские посланцы не хотели о том и слушать, но, сделав, что им было нужно, возвратились в Москву. При этом они взяли с собою игумена Соловецкого Паисия, которому обещали епископский сан, и других клеветников, лжесвидетельствовавших на святого Филиппа. Немедленно был созван собор для суда над святителем. Прибывшие из Соловок клеветники представили царю свитки, в которых были написаны их лжесвидетельства. Царь, услышав о письменных свидетельствах против Филиппа, угодных ему, повелел во всеуслышание прочесть их, после чего лжесвидетели начали словесно клеветать на святителя. Святитель не оправдывался и стал снимать все знаки своего сана[1], но царь велел ждать судебного приговора. На другой день, когда святой митрополит Филипп священнодействовал в Успенском соборе[2], царь послал туда боярина своего Алексея Басманова с большим числом опричников. Войдя в собор, Басманов приказал в слух всего народа прочитать судебный приговор о низложении митрополита. Потом опричники бросились на святого, как дикие звери, совлекли с него святительское облачение, одели его в простую, разодранную монашескую одежду, с позором выгнали из церкви и, посадив на дровни, повезли в Богоявленский монастырь, осыпая бранью и побоями[3]. Потом по воле царя Филипп был сослан в Тверской Отрочь

[1] На наглые клеветы Паисия первосвятитель только кротко заметил ему: «Чадо, что сеешь, то и пожнешь». Затем, обратившись к царю и всему собору, он объявил, что вовсе не боится смерти и предпочитает умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония настоящего времени, после чего стал снимать с себя белый клобук и мантию.

[2] Это было 8 ноября 1568 года.

[3] Здесь святой митрополит Филипп целую неделю просидел в смрадной темнице, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодом. Потом он был перевезен в монастырь святого чудотворца Николая, так называемый Старый. Не довольствуясь тем, что терпел святой Филипп, царь подверг пыткам и казням служивших ему детей боярских; из родственников его Колычевых умерщвлены один за другим десять человек. Голову одного из них, Ивана Колычева, особенно любимого святителем, царь прислал последнему в темницу. Святитель поклонился пред нею до земли, благословил ее, с любовью облобызал и отдал принесшему.

монастырь[1], причем святой много зла претерпел от приставников. Прошло около года, как святой находился в заточении, удручаемый от приставников различного рода скорбями. В это время царь, путешествуя в Новгород[2] и приближаясь к Твери, вспомнил о святом Филиппе и послал к нему вышеупомянутого Малюту Скуратова. Последний внезапно вошел в келью святого. Между тем святитель еще за три дня до этого говорил бывшим при нем:

— Вот приблизился конец моего подвига, — и причастился честных и животворящих Тайн Христа Бога нашего. Войдя в келью святого Филиппа, Малюта Скуратов с притворным благоговением припал к ногам святого и сказал:

— Владыка святой, дай благословение царю идти в Великий Новгород.

Но святой отвечал Малюте:

— Делай, что хочешь, но дара Божиего не получают обманом.

Тогда бессердечный злодей задушил праведника подушкою[3]. Между тем врагов святого Филиппа, восставших на него, в скором времени постигло наказание Божие. Царь, сознав свою несправедливость против святого мужа и лукавство его врагов, повелел разослать их в заточение по различным монастырям, а иных предал смерти[4].

---

[1] *Отрочь Успенский второклассный монастырь* находится в Твери, основан до XIII века. Место заключения и мученической кончины святителя представляет собою сырой мрачный подвал, где всегда господствует сырость, мрак и затхлость. Когда в XVII веке хотели устроить в память страстотерпца-святителя престол, то устроили его во втором этаже, и только в 1833–1834 годах нашли возможным устроить и внизу придельный храм во имя святой великомученицы Варвары; алтарь этого придельного храма находится там, где под полом было место заключения святителя. Близ соборного храма в Северо-Западном углу, на месте могилы святого Филиппа, устроена часовня. В соборном храме находится рака святителя Филиппа с изображением его и частицею святых мощей.

[2] Это был, скорее, опустошительный набег Грозного на Новгород, о жителях которого было донесено царю, что они готовы передаться польскому королю. В продолжение шести недель царь совершал в Новгороде страшные казни, от которых погибло несколько тысяч новгородцев и окрестных поселян; ограблены были не только жилища граждан, особенно богатых, но и все монастыри и церкви.

[3] Это было 23 декабря 1569 года.

[4] Архиепископ Новгородский Пимен сведен был с кафедры спустя только две недели после кончины святого Филиппа и подвергся крайнему надруганию, после чего заточен был в Веневский монастырь, где вскоре и скончался. Любимец царский Малюта Скуратов вскоре после своего злодейства был убит при городе Торжке пленными крымцами, причем сам царь едва избежал смерти. Игумен Паисий заточен был на остров Валаамский и там скончался; монах Зосима и еще десять иноков, тоже

По смерти царя Иоанна Васильевича престол русского царства занял сын его, благочестивый царь и великий князь Феодор Иоаннович[1]. В седьмой год его царствования, в 21-м году по преставлении святого Филиппа, игумен Соловецкого монастыря Иаков и братия обратились с молением к благочестивому царю, чтобы он повелел перенести тело святого из Отроча монастыря в Соловецкий. Царь дал им на это разрешение, и они нашли тело святого целым и неповрежденным, так что тление не коснулось даже его одежд, а от мощей святого истекло миро и наполнило воздух благовонием. С честью перенесли иноки тело святого Филиппа в свой монастырь и погребли на том самом месте, которое сам он для этого приготовил[2]. В царствование благочестивейшего царя Алексия Михайловича[3] нетленные мощи святого митрополита Филиппа с честью были перевезены митрополитом Новгородским Никоном[4] из Соловецкого монастыря в первопрестольную Москву и положены в новой раке в Успенском соборе, где и почивают открыто доныне[5].

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ЕВСТРАТИЯ

Преподобный Евстратий родился в Тарсийской области[6] от богатых и благочестивых родителей, Георгия и Мегефы. Будучи вос-

клеветавших на святого Филиппа, были разосланы по разным монастырям. Такая же кара Божия постигла некоторых других врагов святителя.

[1] *Феодор Иоаннович* царствовал с 1584-го по 1598 год.

[2] Это было в 1591 году. Тело святого Филиппа сначала было поставлено под папертью созданного им храма, где, в бытность свою игуменом Соловецким, он сам выкопал себе могилу рядом с могилою наставника своего старца Ионы, а в 1646 году оно было перенесено в самый храм.

[3] *Царь Алексий Михайлович* царствовал с 1645-го по 1676 год.

[4] Впоследствии знаменитый патриарх Всероссийский, исправитель богослужебных книг и обрядов.

[5] Перенесение мощей святого митрополита Филиппа было совершено в 1652 году. Память перенесения установлено праздновать 3 июля. Кроме того, память святого Филиппа празднуется еще 5 октября совместно с памятью святителей Московских: Петра, Алексия и Ионы.

[6] Под *Тарсийской областью* здесь разумеется *Киликия* — юго-восточная провинция Малой Азии. Название Тарсийской дано ей от главного города области —

питан ими в добрых нравах, он по достижению двадцатого года от рождения распалился желанием послужить Богу и, оставив родителей, бежал к горе Олимп[1], в Авгаровскую обитель, где уже прославились своею добродетельною жизнью в иноческом образе два дяди матери его, Григорий и Василий, из которых первый был игуменом той обители. Будучи принят ими и остригши свои волосы, Евстратий стал проходить трудное иноческое житие и был любим всеми за свое смирение и кротость. Он вовсе не заботился о мирском — ничего не имел, кроме одной власяницы и овчины, на которой спал. Он даже не имел своей кельи и особого места, которое бы мог назвать своим, почему обыкновенно спал там, где приходилось, да и то понемногу. Отцы говорили о нем, что во время сна он с самого дня своего пострижения не протягивался во всю длину тела, а также никогда, в течение целых семидесяти пяти лет своей подвижнической жизни, он не ложился на левую сторону тела. Когда он подвизался так в обители, вышеупомянутые преподобные отцы — Григорий и Василий — скончались, и блаженному Евстратию по особым настоятельным просьбам братии пришлось взять на себя управление монастырем. Но вот царским скипетром беззаконно завладел человек, носивший имя зверя, Лев Армянин[2], восставший против царя Михаила и изгнавший его из царства. Так как он старался снова восстановить угасшее было иконоборчество, то все православные оставляли свои дома и обители, скрываясь от преследования царя; по совету преподобного Иоанникия Великого[3], оставил свою обитель и блаженный Евстратий и скитался в горах и пустынях, пока нечестивый царь не был убит. Когда же после его погибели святая Церковь снова украсилась иконами и стала совершать им поклонение, тогда вместе с другими отцами, возвратившимися в свои обители, возвратился в Авгаровский монастырь и блаженный Евстратий, и стал по-прежнему неленостно подвизаться и трудиться в монастырских работах вместе с братией. Молитва не

Тарса, находившегося в южной части ее, в плодоносной равнине, при реке Кидне, недалеко от города впадающей в Средиземное море. Это был большой и населенный торговый город, сохранивший свое торговое значение и до настоящего времени.

[1] *Олимп* находился в Вифинии, северо-западной провинции Малой Азии. На этой горе находилось немало различных обителей.

[2] Византийский император *Лев V Армянин*, иконоборец, царствовал с 813 по 820 год.

[3] *Иоанникий Великий*, знаменитый подвижник Олимпа Вифинского, был учеником преподобного Евстратия. Память его совершается 4 ноября.

сходила с уст его, и даже во время богослужения, находясь в святом алтаре, он непрестанно повторял про себя: «Господи помилуй!»

Совершил он также и много чудес, которые несомненно свидетельствовали о богоугодности его жизни. А когда ему пришло время отойти от этого мира, то он, созвав братию, сказал ей:

— Время моего отшествия наступило; поэтому умоляю вас, чада мои любимые, сохранять те предания, какие вы приняли, зная, что все блага этой жизни скоропреходящие; они — временны, тогда как блага жизни будущей — вечны. Старайтесь и вы войти в число спасающихся.

Сказав это, он помолился и, осенив их крестным знамением и возведя очи к небу, произнес:

— В руки Твои, Господи, предаю дух мой!

С этими словами он почил сном покоя о Господе. Прожив всего девяносто пять лет, он перешел в вечную жизнь и причтен был к лику преподобных.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
САМЕЯ

Святой пророк Божий Самей родился в Силоме[1] в царствование Соломона[2]. При сыне и преемнике последнего, Ровоаме[3], царство Еврейское разделилось, причем колена Иудино и Вениаминово остались верными Ровоаму, а прочие десять колен признали царем Иеровоама, сына Наватова. Тогда Ровоам собрал многочисленное войско, намереваясь силой возвратить под свою власть отторгнутые Иеровоамом колена Израилевы. И было откровение от Господа Самею, человеку Божиему:

— Скажи Ровоаму, сыну Соломонову, царю иудейскому, и всему дому Иудину и Вениаминову и прочему народу. Так говорит Господь: не ходите и не начинайте войны с братьями вашими, сынами Израилевыми; возвратитесь каждый в дом свой, ибо от Меня это было.

---

[1] *Силом* — город в земле колена Ефремова, в Палестине; здесь стояла скиния свидения, устроенная Моисеем.

[2] С 1020-го по 980 год до Р. Х.

[3] С 980-го по 963 год до Р. Х.

Царь и народ повиновались повелению Господню, и братоубийственная война была предотвращена (3 Цар. 12, 21–24; 2 Пар. 11, 1–4).

На пятом году царствования Ровоама за то, что он отступил от Господа, царство иудейское подверглось нашествию Сусакима[1], царя египетского; многочисленное войско фараона взяло все иудейские крепости и подступило к Иерусалиму. Тогда пророк Самей пришел к Ровоаму и князьям Иудеи, спасавшимся от неприятеля в стенах столицы, и объявил им:

— Так говорит Господь: вы оставили Меня, за то и Я оставляю вас в руки Сусакима.

Услышав это, царь и вожди иудейского народа смирились и сказали:

— Праведен Господь!

После того Самею, человеку Божиему, было новое откровение, ибо Господь сказал ему:

— Они смирились; не истреблю их и вскоре дам им избавление, и не прольется гнев Мой на Иерусалим рукою Сусакима; однако же они будут слугами его, чтобы знали, каково служить Мне и служить царствам земным.

Пророческое слово исполнилось. Сусаким разорил Иерусалим и ушел в Египет, а Ровоам царствовал еще двенадцать лет, и отвратился от него гнев Господний (2 Пар. 12). Святым пророком Самеем ведены были и записи о царствовании Ровоама.

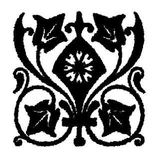
ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ПЕТРА,
епископа Севастийского

Святой Петр был братом Василия Великого, десятым и последним сыном родителей его. В воспитании святого Петра большое участие приняла старшая сестра его, Макрина. Она дала ему самое возвышенное образование, с младенчества упражняя его ум изучением слова Божиего. Благодаря заботам Макрины, юноша достиг такой

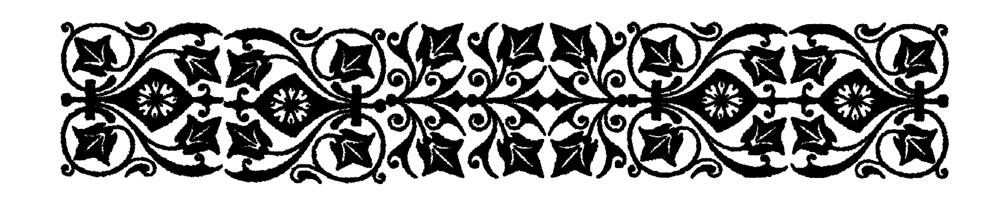
[1] *Сусаким*, по египетским летописям — *Шешонк*, был первым фараоном XXII династии Бубастидов.

высоты добродетели, что, по выражению брата его, Григория Нисского, «в последующей жизни своей был, кажется, не меньше Василия Великого по превосходству добродетелей». Когда Петр пришел в возраст, то Василий, сделавшись епископом Кесарии Каппадокийской, посвятил его в пресвитера. Впоследствии святой Петр был поставлен в епископа Севастии Армянской[1]. В сане епископа он присутствовал на II Вселенском соборе против Македония[2], бывшем в Константинополе в 381 году. Скончался в конце IV века.

[1] *Севастия Армянская* находилась на северо-востоке Малой Азии.

[2] *Македоний* был патриархом Константинопольским с 341 по 360 год с перерывами. Он был основателем ереси, неправильно учившей о Святом Духе. Духа Святого он не признавал Богом, а считал Его тварным существом, не имеющим участия в Божестве и славе Отца и Сына. II Вселенский собор в 381 году осудил эту ересь и утвердил православное учение о Святом Духе как истинном Боге. Сверх того, на этом соборе был пересмотрен Никейский Символ веры. Прибавив к нему 5 новых членов (8–12), где предложено учение о Святом Духе, о Церкви и таинствах, о вере в воскресение мертвых и жизнь будущего века, — собор придал ему тот вид, в каком он сохранился до настоящего времени.

День десятый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРИЯ,
епископа Нисского

Святой Григорий Нисский был братом по плоти святого Василия Великого, которого он был значительно моложе[1]. Детским воспитанием его занималась та же благочестивая бабка его Макрина, которая учила и святого Василия[2], а первоначальные наставления в грамматике и риторике получил он от своего отца. Дальнейшие уроки, с двенадцатого года своей жизни, когда умер отец его, он слушал у кесарийских наставников красноречия. Знания, приобретенные Григорием в языческой школе Кесарии, были потом восполнены самостоятельными научными занятиями и уроками святого Василия Великого, которым Григорий, по его словам, был очень многим обязан. При своих природных дарованиях и прилежании в изучении наук святой Григорий с успехом изучил риторику[3] и философию[4] и готовил себя к званию светского оратора. Но Бог судил иначе, и в самой душе Григория, более склонного в то время к светским занятиям и к

---

[1] Это видно уже из того, что святой Григорий Нисский называет Василия Великого своим учителем и отцом. Что касается года рождения святого Григория, то он неизвестен.

[2] См. об этом, равно как о родителях святого Григория Нисского, в житии святого Василия Великого 1 января.

[3] *Риторика* — наука, содержащая в себе правила красноречия.

[4] *Философия* (в переводе с греч.: любомудрие) — наука мудрости — занимается, на основании изысканий человеческого разума, высшими, отвлеченными вопросами бытия: о сущности бытия, о Боге, о начале и законах мира и человека, о предназначении человека и конечных целях существования мира и т. д.

изучению светских наук, вскоре произошла перемена. Однажды в имении его матери предположено было совершить празднество в честь перенесения мощей сорока мучеников. Позван был на это семейное торжество и Григорий, обучавшийся тогда в Кесарии. Недовольный тем, что он оторван от своих занятий и что празднество не было отложено до другого, более благоприятного времени, Григорий равнодушно, без внимания, слушал песнопения богослужения, происходившего в саду и длившегося всю ночь, и, наконец, удалившись в одну из своих беседок, лег спать. И вот во сне он видит, что хочет войти в сад, но какие-то светоносные воины не пропускают его, и только благодаря заступничеству одного из них ему удается избежать наказания. Это устрашающее сновидение произвело на Григория сильное впечатление, и он, оставив мирские занятия и науки, обратился к чтению священных и душеспасительных книг, а потом вскоре принял на себя обязанности анагноста, состоявшие в чтении Священного Писания на богослужебных собраниях. Однако такая настроенность сначала ненадолго укоренилась в душе Григория. По смерти Юлиана Отступника[1], воспретившего христианам быть наставниками риторики и грамматики, Григорий опять обратился было к любимому занятию, избрав для себя призвание преподавателя риторики, что вызвало недовольство со стороны его друзей и строгие обличения со стороны святого Григория Богослова[2]. Впрочем, Григорий недолго стремился к славе ритора. Вскоре под влиянием членов своей аскетически настроенной семьи и друзей он обратился всей душой к изучению памятников веры, оставил мир и удалился в пустыню, по-

---

[1] *Юлиан Отступник* — римский император, царствовал с 361 по 363 год. Не воздвигая открытого гонения на христиан, он, однако, стремился истребить христианство и восстановить язычество, для чего принимал всяческие меры.

[2] *Святой Григорий Богослов* (Назианзин) — великий вселенский учитель, друг и сподвижник святого Василия Великого. Память его празднуется 25 января.

селившись в монастыре, основанном Василием Великим на берегу реки Ириса. Вскоре после того святой Василий, желая иметь в Григории верного помощника для борьбы с арианскою ересью, поставил его во епископа города Ниссы[1]. Святой Григорий действовал, как истинный пастырь Христов, доблестно управляя Церковью и охраняя ее мир от козней ее врагов. Благочестивая сестра его Феозва была при нем диаконисою и весьма много помогала брату в делах церковных, так что впоследствии смерть ее была для него великой потерей.

В царствование Валента[2] святой Григорий Нисский подвергся несправедливым гонениям со стороны правителей — ариан[3]. Наместник Понта[4] Демосфен составил в Анкире[5] из покорных правительству епископов собор, на котором Григорий был ложно обвинен в неправильном употреблении церковного имущества и лишен кафедры. По приказанию Демосфена святой был схвачен и под стражей отправлен в Анкиру, причем дорогою много пострадал от грубости воинов. Потом он решился бежать и, ускользнув от стражи, скрылся в безопасное место. На следующий год был созван новый собор из епископов Понта и Галатии в самой Ниссе; святой Григорий не явился на суд и снова был заочно низложен. Но, лишившись кафедры, Григорий не оставался в бездействии: он переходил из одного места в другое, чтобы утверждать православие и утешать православных. По смерти Валента святой Григорий был возвращен к своей кафедре и с восторгом встречен своей паствой. Вскоре после того он огорчен был смертью святого Василия Великого[6], которого он глубоко любил и уважал, как своего

---

[1] Это было в начале 372 года. *Нисса* — город в северо-западной части Каппадокии (обширной восточной области Малой Азии).

[2] *Валент* — император восточной половины Римской империи, царствовал с 364 по 378 год.

[3] Арианская ересь получила свое название от Александрийского пресвитера Ария, учившего, что Сын Божий не рождается предвечно от Бога Отца, а сотворен Им из небытия во времени, не единосущен и не равночестен Ему. Эта ересь клонилась к ниспровержению всего христианства.

[4] *Понт* — северо-восточная область Малой Азии, на берегу Черного моря, от которого и получила свое наименование (Понт — в переводе с греч. — означает собственно море, и Чермное море в древности именовалось Понтом Евксинским).

[5] *Анкира* — весьма древний цветущий город Галатии (небольшая провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией, в средней части Малой Азии) — ныне Ангора, до сих пор остается одним из важнейших торговых городов Малой Азии. Собор в Анкире против святого Григория и низложение его последовали в 375 году.

[6] В 379 году.

наставника. В годичную память почтил он его надгробным словом и из благодарного уважения к нему, как к своему наставнику, окончил его описание шести дней творения, где недоставало описания человека и где другие желали видеть решенными еще некоторые недоуменные вопросы. В том же году святой Григорий Нисский принимал участие в Антиохийском соборе[1]. На этом соборе определено было послать опытного в деле веры мужа для обозрения церквей в Аравии и Палестине, где оскорбляли веру ереси антикомариан, не чтивших непорочного девства Богоматери, и коллиридиан, чтивших Богоматерь как божество. Для утверждения мира и веры избран был святой Григорий. Перед отправлением в это путешествие он посетил свою старшую сестру, блаженную Макрину[2]. По погребении ее он с успехом окончил в Аравии данное ему на Антиохийском соборе поручение; но в Иерусалиме, где с благоговейной радостью он посетил священные места, не мог совершить всего того, что было ему поручено, и со скорбью писал, что грехи и заблуждения и там находят крепкую защиту в сердцах людей. Между тем в отсутствие святого Григория в его епархию снова было занесено арианство, которое ему с трудом удалось побороть по возвращении домой. В то же время он принимал участие в избрании епископов для Иворы и Севастии[3] по просьбе жителей, опасавшихся, что преемниками почивших епископов будут еретики. Когда в царствование Феодосия Великого[4] был созван в Константинополе II Вселенский собор против духоборца Македония[5], то и святой Григорий Нисский был там же, вместе с другими святыми отцами, поборником благочестия, возражая и посрамляя противников силою истины на основании Божественного Писания. На этом соборе старанием святого Григория дополнен был никейский Символ веры членом о Святом Духе, причем к символу были присоединены еще девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый члены. Вообще Григорий Нисский был одним из главных деятелей собора.

Вместе с другими епископами он участвовал также в утверждении святого Григория Богослова в знании Константинопольского архипа-

---

[1] Антиохийский собор был в 379 году.

[2] Плодом беседы святого с его умирающей праведной сестрой было впоследствии сочинение Григория «О душе и воскресении».

[3] *Ивора* и *Севастия* — города Каппадокии.

[4] *Феодосий Великий* — римский император, царствовал с 379 по 395 год; был ревностным покровителем христианства и поборником православия против еретиков.

[5] II Вселенский Константинопольский собор был в 381 году.

стыря и читал ему и блаженному Иерониму[1] свое сочинение против Евномия[2]. Когда против святого Григория Богослова возникла ожесточенная борьба со стороны некоторой части духовенства, зараженного еретическими лжеучениями или расположенного к еретикам, вследствие чего он должен был оставить Константинопольскую кафедру, — святой Григорий Нисский, вместе со многими другими, всячески старался разрушить эту вражду, но, не будучи в состоянии сделать это, преподал советы о вере и новом призвании преемнику Григория Богослова Нектарию[3], избранному из оглашенных. Во время пребывания своего в Константинополе святой Григорий Нисский произнес две проповеди: одну — по случаю избрания святого Григория Богослова епископом столицы, другую — надгробную, на погребении Мелетия, патриарха Антиохийского[4].

Вскоре после II Вселенского собора Григорию пришлось переезжать из одной церкви в другую для приведения в порядок церковных нестроений и утверждения православия, так как на II Вселенском соборе он был объявлен в числе трех архипастырей охранителем православия для Понта. В 383 году святой Григорий Нисский был на соборе в Константинополе, где произнес слово о Божестве Сына и Духа Святого. В 386 году он снова был в Константинополе, и здесь ему, как знаменитому оратору, было поручено произнести слово над гробом любимой всеми императрицы Плакиллы[5]. В 394 году он снова присутствовал в Константинополе на соборе, созванном для решения вопросов по церковным делам Аравии[6].

[1] *Блаженный Иероним*, епископ Стридонский, — один из великих учителей Западной церкви (330–419 гг.), оставивший после себя множество выдающихся творений: по истолкованию Священного Писания, догматических, нравоучительных и исторических; важнейшим его трудом был латинский перевод Священного Писания, известный под именем «Вульгаты».

[2] *Евномий* — ересиарх второй половины IV века, крайний представитель арианства.

[3] *Святой Нектарий* управлял Константинопольской патриаршей кафедрой с 428 по 431 год. Память его отмечается в субботу сырную.

[4] *Мелетий, патриарх Антиохийский*, управлял кафедрою с 358 по 381 год. В этом году он присутствовал на II Вселенском Константинопольском соборе и здесь же, в Константинополе, скончался.

[5] *Плакилла* — супруга императора Феодосия Великого, известная как благочестивая христианка, отличавшаяся своей христианской благотворительностью. Память ее в Греческой Церкви празднуется 14 сентября.

[6] Поместный Константинопольский собор 394 года при патриархе Нектарии был созван для решения спора между двумя епископами (Агапием и Багадием), изъявлявшими притязания на одну и ту же кафедру (в Боцре Аравийской).

Паству свою святой Григорий, как пастырь верный и истинный, ревностно утверждал в вере и благочестии; случалось, что по нескольку дней сряду говорил он ей поучения. В то же время он был ходатаем и защитником несчастных пред судьями, отличался сострадательностью к нищим, терпеливостью, миролюбием и прямодушием. Достигнув глубокой старости, святой Григорий почил о Господе[1], оставив после себя много полезных и драгоценных для святой Церкви писаний[2].

---

[1] Святой Григорий Нисский скончался в конце IV века, вскоре после Константинопольского собора 394 года.

[2] Святой Григорий Нисский оставил после себя множество сочинений, в которых он является то как вития духовный, то как догматист-обличитель ересей, то как толкователь Священного Писания, то как учитель нравственности. Ораторский талант его виден в надгробных словах его Мелетию Антиохийскому, Василию Великому, святой Макрине и в похвальных словах Ефрему Сирину, Григорию Чудотворцу, мученику Феодору Тирону, 40 мученикам Севастийским, первомученику Стефану; известны также праздничные слова его на Рождество Христово, на Крещение, на Пасху (5 слов), на Вознесение Христово, на Пятидесятницу, на Сретение Господне. Из догматических сочинений святого Григория самые лучшие: двенадцать слов против Евномия и Катехизис, составляющий наставление в том, как надобно действовать при обращении язычников и иудеев и как — при опровержении еретиков. В сочинении против Евномия, опровергая его учение, Григорий доказывает Божество Сына Божия, а частью объясняет и все христианское учение о Святой Троице. Это учение о Святой Троице и особенно о Божестве Святого Духа святой Григорий защищал от современных ему заблуждений многими другими сочинениями, как то: в слове о Святом Духе против македониан, в слове о Божестве Сына и Духа, к Симпликию о вере, к Авлалию о том, что не три Бога, к эллинам, в слове против Ария и Савеллия. Затем, к числу догматических сочинений святого Григория относится «Шестоднев», где он решает высокие вопросы о мире, оставленные святым Василием Великим в его «Шестодневе» без ответа, «против манихеев», «о сотворении человека», исследование «о детях, умерших некрещеными» и сочинение «о душе и воскресении». В объяснение Священного Писания святой Григорий написал несколько сочинений в виде размышлений: восемь бесед на три главы Екклесиаста, пятнадцать бесед на Песнь песней, два размышления о надписаниях псалмов и беседа о шестом псалме, пять бесед о молитве Господней, восемь бесед о восьми заповедях блаженств. К нравственно-аскетическим сочинениям относятся: три исследования о христианском совершенстве, о цели жизни по Боге, об истинном подвижничестве, о девстве, о любви к бедным и др. Кроме того, от святого Григория осталось до 28 писем.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ДОМЕТИАНА,
епископа Мелитинского

Святой Дометиан родился в царствование Иустина Младшего[1] от благочестивых и богатых родителей, Феодора и Евдокии. Окончив образование, он вступил в брак, но когда в скором времени супруга его преставилась от этой жизни, он тотчас, по склонности к духовному любомудрию, из любви к Богу, оставил мир и проводил свою жизнь в постничестве. Потом, по изволению Божию, на тридцатом году своей жизни, он был поставлен епископом Мелитинской[2] церкви. И он был не только добрым пастырем для своего стада, но светильником и помощником и для других народов, и приносил великую пользу всему Греческому царству, как радетель общего благоденствия. Святой много раз был посылаем царем Маврикием[3] в Персию[4] по делам народного управления, был посредником пред Хозроем, персидским царем, и способствовал заключению мирного договора между греками и персами. Некоторого же князя Варама, восставшего против Хозроя[5] и дерзко покусившегося на царский сан в Персии, он лишил власти, сделав его данником греков. Чрез это Дометиан сделался возлюбленным другом царя Маврикия. Царь одарил его большим количеством золота и имениями, но он роздал все это святым церквам и странноприимным домам для пропитания нищих. По прибытии в царствующий город Константинополь он вскоре с миром отошел к Царю небесному[6]. Честное тело его было с великою честью погребено в присутствии царя с его синклитом и многочисленного собора священнослужителей и

---

[1] *Иустин II*, или *Младший*, — византийский император, царствовал с 565 по 578 год.

[2] *Мелитина*, иначе *Мелитене*, или *Мелита*, — столица Малой Армении.

[3] *Маврикий* — византийский император, царствовал с 582 по 602 год.

[4] Страна эта находится в Азии, близ Персидского залива. Первоначально страна эта находилась в зависимости от разных соседних народов попеременно, но с воцарением династии Сассанидов (с 226 года по Р. Х. и до VII века) персы сделались политически самостоятельным народом и часто вели войны с Греко-римской империей. К этому периоду относится и деятельность святого Дометиана.

[5] Здесь разумеется *Хозрой II*, царь персидский, царствовавший с 590 по 628 год.

[6] Святой Дометиан преставился в 601 году.

перенесено в отечественный город его Мелитину. Святой Дометиан совершил много чудес и при жизни, и по своем преставлении во славу Христа Бога нашего.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
МАРКИАНА

В царствование Маркиана и Пульхерии[1] в Константинополе прославился добродетелями предивный муж, блаженный Маркиан, родом из Древнего Рима[2], у которого были благочестивые, благородные и богатые родители. Когда они переселялись из Древнего Рима в новый, то привели с собой и сына своего Маркиана, с усердием проходившего книжное учение и воспитывавшегося в добрых нравах. Так как он любил *приметáтися в домý Бога*[3] (Пс. 83, 11), неопустительно ходя всегда к церковным службам, то поэтому тогдашний патриарх полюбил его и сделал своим клириком[4]. Немного спустя, видя, что хотя он и молод летами, но стар по разуму и чистоте жизни, ибо *мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь, — возраст старости* (Прем. 4, 9)[5], при-

---

[1] *Маркиан* царствовал с 450 по 457 год. При нем был IV Вселенский собор (в 451 году). Пульхерия была сестра предыдущего императора Феодосия II (с 408 по 450 год) и жена императора Маркиана. Она имела значительное и доброе влияние на дела правления. Пульхерия причислена Церковью к лику святых. Память ее празднуется 10 сентября.

[2] Здесь разумеется столица Греко-римской империи и нынешнего Итальянского королевства. Называется этот Рим «древним» — в отличие от Константинополя, который святой Константин Великий сделал своей столицей, почему впоследствии этот город стали называть «новым» Римом.

[3] То есть любил посещать храм Божий и пребывать в нем.

[4] *Клирик* — от слова «клир», означающего, с греческого: наследие (Божие). Так издревле называлась церковная иерархия вместе с лицами, занимавшими и различные низшие должности при служении в церкви (певцов, чтецов и тому подобное), ибо все это — лица, посвятившие себя на особое и непосредственное служение Богу.

[5] Смысл этого выражения тот, что истинный (духовный) возраст человека определяется не количеством прожитых лет, а достигнутой степенью мудрости и нравственной чистоты жизни. Высокого совершенства в том и другом отношении можно достигнуть и в молодые годы, равно как, наоборот, седины старости могут соединяться в человеке с детским неразумием и крайнею нравственной неразвитостью.

знал его достойным пресвитерского сана, а потом поставил и экономом[1] великой церкви[2]. Когда родители его преставились от этого мира, после них осталось блаженному Маркиану много имений, ибо он был у них один, и потому все богатства родителей достались по наследству в его руки ему одному. Эти богатства он истратил не на житейские нужды, но посвятил все Богу, — благотворя нищим, обновляя ветхие храмы Господни и созидая и украшая новые. Он соорудил с большими издержками новую прекрасную церковь во имя святой мученицы Анастасии[3]. Когда же один из его друзей изъявил удивление такой трате золота на сооружение и украшение этой церкви, святой сказал ему:

— Если бы ты имел дочь и захотел бы обручить ее невестою какому-либо знатнейшему человеку, разве ты не истратил бы множество золота, чтобы украсить ее драгоценными нарядами? Итак, ныне, вознамерившись устроить церковь прекраснейшей невесте Христовой, которая обручилась Тому, Кто *прекраснее сынов человеческих* (Пс. 44, 3)[4], и пролила за Него свою кровь, — буду ли я жалеть своего имущества и не тем более ли позабочусь о таком украшении?

Таким щедрым и доброхотным дателем на благолепие святых храмов был блаженный; для себя же самого он был скуп и немилостив — не только совершенно отвергал украшение одежд и покрывался худым одеянием, но иногда снимал с себя и эту самую худую и необходимую одежду и отдавал ее просящим, как это можно видеть из следующего. Когда церковь святой Анастасии была выстроена и украшена со всяким благолепием, наступило освящение ее в самый день памяти этой мученицы, 22 декабря, в который она некогда страдальчески скончалась за Христа. Святейший патриарх Геннадий[5] со всем клиром и царь со всем синклитом и народом совершали торжественное шествие к этой церкви, перенося мощи святой мученицы

---

[1] Должность *эконома* появилась в Церкви в IV веке с умножением церковного имущества. IV Вселенский собор, в 26-м правиле, говорит о ней как о давно уже существующей. В обязанности иконома входило заведывание церковным имуществом, особенно недвижимым, и церковным хозяйством, под наблюдением епископа. На эту должность избирались и пресвитеры, и диаконы, и даже не имевшие иерархической степени клирики, если они известны были своей честностью и умелостью.

[2] То есть собора святой Софии в Константинополе.

[3] Здесь разумеется святая великомученица *Анастасия Узорешительница*, принявшая мученическую кончину при Диоклетиане около 304 года.

[4] То есть прекраснейшему (более) сынов человеческих, Христу.

[5] *Святой Геннадий* патриаршествовал с 458 по 471 год.

Анастасии из малой ветхой церкви в новую большую, созданную Маркианом. Когда во время этого шествия преподобный Маркиан вместе с прочими пресвитерами шел, одетый в фелонь[1], пред колесницей, на которой были мощи святой, какой-то убогий, подойдя, попросил у него милостыни. Он же, не имея при себе ничего, кроме одной одежды (никогда в течение своей жизни он не приобрел даже двух перемен одежд), и не желая отпустить нищего ни с чем, незаметно отделился от всех и пошел в укромное место; сняв с себя одежду, он отдал ее нищему, и остался одетым по нагому телу в фелонь, совершив дело по слову Господню: *просящему у тебя дай* (Мф. 5, 42). По возвращении в свой ряд он, как и прежде, шел между пресвитерами, между тем как никто не знал о сделанном им. Когда все вошли в церковь, совершили освящение и с честью положили мощи святой мученицы Анастасии, святейший патриарх повелел совершать вместе с ним Божественную литургию и блаженному Маркиану. При наступлении времени умовения рук Маркиан закрывался своею фелонью, озираясь, чтобы не увидал кто, что он наг. Бывшие там пресвитеры и диаконы, посмотрев на него, увидели под фелонью его некоторую дивную одежду, блещущую золотом, подобно царской драгоценной порфире. При этом одни удивлялись, другие негодовали, говоря в себе, что не должно пресвитеру ходить и совершать литургию в такой одежде. Особенно же эту чудесную одежду, которою Бог покрывал наготу Своего раба, все видели тогда, когда он приступил причаститься Пречистых и животворящих таинств. Некоторые из пресвитеров сказали об этом святейшему патриарху Геннадию.

Патриарх сказал:

— И я видел то, что вы говорите.

По окончании службы он призвал преподобного Маркиана в сосудохранилище[2] и начал укорять его, говоря:

---

[1] *Фелонью* называлась в древности верхняя длинная, без рукавов, одежда, покрывавшая тело со всех сторон, подобно той, какую носили Христос и апостолы (2 Тим. 4, 13), почему церковь и приняла ее в число священных облачений. При этом у нас в России для удобства при священнодействиях передняя сторона ее обрезывается, в Греции же она и по это время сохраняет древнюю форму, и святой Маркиан мог таким образом совершенно прикрывать ею наготу тела, пока не пришлось действовать при богослужении руками.

[2] В помещении, где хранились запасные священные сосуды и священные облачения.

— Что ты делаешь, брат, — украшаешься одеждами сверх обычая? Хорошо ли тебе служить литургию в такой одежде, которая более прилична царю, чем пресвитеру?

Преподобный припал со смирением к его ногам, говоря:

— Прости меня, Владыко, — я не делал того, что вы говорите. Я с юности не привык носить красивых и драгоценных одежд, стал ли бы теперь одеваться в них?

— Мы все видели тебя в царской одежде, — зачем ты запираешься? — сказал ему патриарх и повелел поднять его на ноги.

Открыв фелонь, они увидели его нагое тело и удивились. На вопросы патриарха блаженный должен был, против своего желания, откровенно рассказать все, что было: как он отдал нищему, ради Христа, последнюю одежду. Все, слышавшие это и видевшие у него под фелонью царскую одежду, прославили Бога, подающего такую тайную благодать любящим Его. С того времени многим стала известна его, исполненная милосердия, жизнь.

Преподобный до такой степени претерпевал добровольную нищету и пренебрегал имуществом, что однажды, когда, походив где-то под дождем, промочил свою одежду, то, возвратясь в свою комнату и заперев за собою двери, разжег угли и начал сушить эту мокрую одежду, ибо не имел для обычного употребления другой. В это время патриарху случилось потребовать к себе иконома для некоторых дел. Когда посланные пошли звать Маркиана, то нашли комнату его запертою и, стоя снаружи, звали, чтобы он скорее шел к патриарху. Он обещался прийти и не приходил, потому что еще не высохла одежда его. Один из них, посмотрев в скважину, увидел, что он сушит над углями свою одежду, и сказал бывшим с ним. Возвратившись, они сообщили это патриарху.

— Не удивляйтесь этому, — сказал патриарх, — Маркиан с юности научился добровольной нищете и смирению, всецело посвятив себя Единому Богу; он на деле исполняет апостольское слово: имея пищу и одежду, довольствуется сим (см.: 1 Тим. 6, 8).

Слышавшие это восхвалили Бога, у Которого есть таковые служители Его. За такую добродетельную жизнь Бог дал ему дар чудотворений — изгонять бесов и исцелять больных. Однажды, когда совершался праздник в церкви святой Анастасии и собралось множество народа, некоторая женщина, будучи беременна, поднялась, по причине тесноты внутри церкви, на церковную кровлю, но случайно упала оттуда на землю и умерла. Святой Маркиан, будучи не в силах

видеть, что праздник омрачается рыданиями, поднял вверх свои руки и усердно помолился Богу. И женщина эта внезапно ожила и встала на ноги свои здоровою, жив оказался и носимый ею во чреве плод; народ же дивился этому преславному чуду.

Однажды в Константинополе случился великий пожар, и когда огонь уже окружил церковь святой Анастасии, преподобный Маркиан взошел на кровлю храма и, подняв руки к небу, молился. Тотчас огонь обратился назад и удержал свой неукротимый пламень, и молитвами святого, как великими водами, он был совершенно погашен, нисколько не повредив церковного здания.

Преподобный Маркиан создал церковь и другой мученице, святой Ирине[1], на том месте у моря, где был ветхий и уже разрушавшийся храм в честь ее, и обновил другие бывшие там же по близости храмы святого Феодора и святого Исидора, снабдив их всем потребным. Достигнув глубокой старости, перед своей блаженной кончиной, он ходил ночью по улицам — и где находил лежащего мертвым, омывал его и одевал. При этом он говорил мертвецу:

— Встань, брат, поцелуемся!

Мертвец, встав по слову святого, целовал его в уста и снова опочивал. Святой спас много блудниц, то увещаниями, то щедрою помощью склоняя их избрать себе мужа и жить по закону; тех же, которые предавались такому образу жизни под влиянием нищеты, он обращал к целомудренной жизни, тайно наделив и обеспечив их из вышеупомянутых родительских имений. Сего блаженного мужа приобрел Себе Бог, восхвалили Ангелы, почтили святители, благоговели перед ним цари, народы дивились ему и прославляли за него Бога; бесы же боялись его и избегали. Святой Маркиан преставился ранее окончания и освящения церкви в честь святой Ирины. При кончине он говорил:

— Господи! В руце Твои предаю обеих сих: душу, которую Ты Сам создал, и церковь, которую я создал по воле Твоей.

Тело святого Маркиана со славою было погребено в монастыре святого Иоанна Предтечи, который называется еще и Данииловым монастырем, близ церкви святого мученика Мокия. А об окончании сооружения церкви святой Ирины позаботилась по смерти преподобного

---

[1] Здесь разумеется святая великомученица Ирина, пострадавшая в Ефесе в конце I или начале II века, 5 мая. Память ее особенно чтилась в Константинополе, где ей было посвящено несколько великолепных храмов.

благочестивая царица Верина, супруга царя Льва Великого[1], который воцарился после Маркиана и Пульхерии; она окончила ее, украсила крышу золотом и внутри отделала церковь со всевозможным великолепием, в память преподобного Маркиана и в честь Самого Христа Бога, Которому слава со Отцом и Святым Духом вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ПАВЛА КОМЕЛЬСКОГО

Преподобный Павел родился и воспитывался в царствующем славном городе Москве[2]. Родители хотели сочетать его браком, но святой Павел не пожелал этого и, тайно оставив родительский дом, не взяв с собою ничего, ушел в местность, называвшуюся Прилук, находившуюся во владении монастыря Живоначальной Троицы[3], основанную преподобным Сергием, Радонежским чудотворцем. Здесь, в обители в честь Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа[4], блаженный юноша принял иноческое пострижение. Пожив здесь недолго, святой Павел перешел в обитель преподобного Сергия, где и пробыл под духовным руководством великого старца пятнадцать лет, живя в отшельнической келье[5]. После того святой Павел испросил у преподобного Сергия благословение удалиться в пустыню и жить там в полном уединении, переходя с одного места на другое.

Потом блаженный подвижник отправился на Белое озеро к преподобному Кириллу в основанную им обитель Успения Пресвятой Бого-

---

[1] *Лев I Великий* умер в 474 году. Так как, по житию, Верина окончила сооружение церкви при жизни мужа и так как вышеупомянутое прекращение пожара по молитве святого Маркиана относят к 471 году, то смерть святого нужно полагать между 471–474 годами.

[2] Около 1367 года.

[3] Ныне Троице-Сергиева лавра.

[4] Монастырь Рождества Христова, в Угличском уезде, на Прилуке, значился подведомым Свято-Троицкой Сергиевой лавре и в позднейшее время.

[5] Преподобный Павел проходил в Троицкой Сергиевой обители послушания на поварне и в трапезной. Благословляя святого Павла на пустынножительство, преподобный Сергий вручил ему животворящий крест, доселе хранящийся в Обнорской обители святого Павла.

родицы[1]; у преподобного Кирилла святой Павел жил некоторое время в уединенной келье и затем снова удалился в пустыню, на реку Одрол. После недолгого здесь уединения преподобный Павел пришел в Галичскую область в великую пустынь Пресвятой Богородицы[2] и поселился в отшельнической келье, но изгнан был оттуда игуменом пустыни и перешел в Городец, на Волге, где и пребывал в Феодоровском монастыре[3]; затем уединенно предавался иноческим подвигам в разных пустынных местах, пока не пришел в Комельский лес[4].

Здесь на берегу речки Грязовицы преподобный поселился в дупле большого липового дерева; три года прожил святой пустынник в этом дупле, день и ночь проводя в молитве и посте, со слезами работая Богу. Потом святой Павел перешел на то ме-

---

[1] Кириллов Белозерский монастырь, основанный преподобным Кириллом (память его празднуется 9 июня), находится в уездном городе Кириллове, Новгородской губернии, в 602 верстах от Новгорода; во времена святых Кирилла и Павла ближайший город в том крае — Белозерск — был в 37 верстах от монастыря.

[2] Чухломской Авраамиев монастырь (великой пустыни) положения пояса Пресвятой Богородицы, находился в Галичском уезде, Костромской губернии. Он основан преподобным Авраамием Галичским, учеником преподобного Сергия Радонежского; вскоре же по основании преподобный Авраамий покинул этот монастырь и в тринадцати верстах от него учредил Вочскую обитель, где и скончался в 1375 году. Память его празднуется 20 июля.

[3] Ныне заштатный монастырь в Балахнинском уезде, Нижегородской губернии, при селе (прежде городе) Городце, на левом берегу Волги; основан в 1164 году великим князем Георгием Всеволодовичем. В монастыре хранится келья, в которой 4 ноября 1263 года последовала кончина Александра Невского, возвращавшегося из орды.

[4] Комельский лес в Обнорской волости простирался во всю южную полосу Вологодской области, пересекаемый реками Обнорой, Нурмой, Комелой с их многочисленными притоками.

сто, где ныне находится честная его обитель[1]; там остался преподобный до конца своей жизни, пребывая в строгом посте. Пищею служили ему хлеб и вода, притом в самом малом количестве; эту пищу он вкушал в субботу и в воскресенье. В остальные дни святой Павел вовсе не принимал пищи, проводя все время в своей уединенной келье в молитвенном славословии. Великие лишения претерпел блаженный пустынник Христа ради и многие страдания от бесов, и все это он перенес, вспомоществуемый благодатью Божией.

Однажды бесы сделали нашествие на келью преподобного и намеревались ее разрушить, но блаженный Павел не испугался бесовских козней и посрамил диавола силою Креста Христова. В другой раз на святого напали разбойники, нанесли ему жестокие побои и, ограбив келью, оставили пустынника связанным по рукам и ногам. Несколько дней пролежал преподобный в кельи, пока не пришли в пустыню, по внушению Божию, добрые люди и не развязали блаженного старца. Все это безропотно переносил преподобный ради имени Христова. К отшельнической кельи преподобного пустынника во множестве слетались лесные птицы; сюда же приходили и дикие кровожадные звери, которые становились кроткими по молитвам святого и исполняли все, что приказывал им блаженный отец.

Много раз слышал святой Павел церковный звон на том месте, где поселился, и видел свет на одном месте, где впоследствии сооружен был храм во имя Пресвятой Троицы. В сопровождении ученика своего Алексия преподобный отправился в Москву и поведал об этом небесном откровении святому митрополиту Фотию[2]. Святитель благословил преподобного построить храм в его пустыне, поставил Алексия в сан пресвитера и, дав богатую милостыню на сооружение храма, отпустил святого с миром. Возвратившись в Комельскую пустыню, преподобный построил храм во имя Живоначальной Троицы[3], собрал

[1] В пятнадцати верстах от уездного города Грязовца, Вологодской губернии, на берегу реки Нурмы, притока Обноры, которая протекает по Вологодской и Ярославской губернии и впадает в реку Кострому.

[2] *Святой Фотий* был митрополитом всероссийским с 1410-го по 1431 год (рукоположен в 1408 году).

[3] Соорудив храм, преподобный Павел письменно просил у святого митрополита Фотия антиминс на освящение церкви и благословение устроить обитель и собрать братию. Святитель послал ему антиминс при грамоте, в которой благословил учреждение монастыря и преподал наставление преподобному и братии. «Когда ты был у меня, — пишет святитель, — помнишь, сын мой, сам ты много говорил, каким надобно быть духовному настоятелю. Ему должно быть образцом для всех: в день ве-

братию и устроил обитель, настоятелем которой поставил упомянутого выше иеромонаха Алексия. Сам же блаженный отец наш Павел жил по-прежнему в уединенной своей келье, приходил в монастырь только в субботу и в день воскресный и поучал тогда своих учеников; жил по заповедям Господним и по уставам святых отцов[1].

В то время татары напали на город Кострому, сожгли его и опустошили окрестные поселения; множество православных христиан было тогда перебито неверными, а другие захвачены в плен и отведены в рабство вместе с женами и детьми[2]. Вскоре после того преподобный Павел преставился ко Господу от трудов временной этой жизни в вечный неизреченный покой, оставив в своих учениках светлое о себе воспоминание. Скончался преподобный 10 января 1429 года; жития его было 112 лет[3].

ликого суда он будет давать ответ за души, вверенные ему. О том же пишу и я». В наставлениях братии святитель убеждает их твердо и непоколебимо исполнять иноческие обеты.

[1] Преподобный Павел завещал братии сохранять общежительные уставы Пахомия Великого и Феодосия киновиарха, не дозволял, чтобы иноки считали что-либо своим, но все было бы общее; в кельях не должно было быть ничего, кроме иконы и книг, даже кваса; утолять жажду иноки должны были в трапезной; в церкви, в трапезной и на работах преподобный заповедал соблюдать безмолвие, пропитание приобретать трудами рук своих и не забывать нищих.

[2] Татары опустошили Кострому 6 января 1429 года. В этот самый день, когда ученики пришли к преподобному, он вздохнул и прослезился; на вопрос пришедших о причине сего, святой Павел сказал: «В этот день и час нечестивые татары, взяв город Кострому, предали его огню и мечу, многих увели в плен — и все это за наши грехи, за то, что ходим в волях сердец наших».

[3] Преподобный Павел причтен к лику святых на Московском соборе 26 февраля 1547 года; святые мощи его почивают под спудом в соборном храме Обнорской обители.

День одиннадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОСИЯ ВЕЛИКОГО

Преподобный Феодосий родился в селении Могарионском, в Каппадокии[1], от благочестивых родителей — отца Проересия и матери Евлогии — и был воспитан в благонравии и книжном обучении. Когда отрок пришел в совершенный разум и хорошо изучил Божественное Писание, ему приказано было читать в церкви назначенные для чтений места из богослужебных книг, и он был чтецом сладкогласным и искусным, как никто другой. Читая поучительные слова на пользу слушающих, он еще более пользы извлекал из этого сам для себя. Внимая Господу, то повелевающему Аврааму выйти из земли своей и от родства своего (Быт. 12, 1), то убеждающему в Евангелии оставить ради вечной жизни отца, мать и братьев (Мф. 19, 29), он пылал сердцем и горел духом, желая, оставив все, последовать за Христом путем тесным и прискорбным. Помышляя об этом, он молился Богу: *Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей* (Пс. 85, 11).

Потом, возложив упование на Бога, он отправился в Иерусалим. Сие было в царствование Маркиана[2], под конец жизни его, когда в Халкидоне[3] собирался IV Вселенский собор[4] на Диоскора и Евтихия[5].

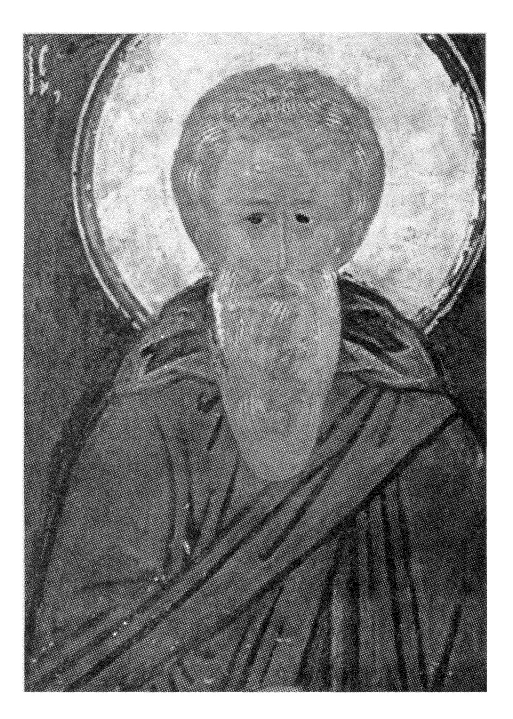
[1] *Каппадокия* — область на востоке Малой Азии. В 11 году по Р. Х. она была обращена в Римскую провинцию при императоре Тиверии.

[2] *Маркиан* — византийский император, царствовал с 450 по 457 год.

[3] Главный город римской провинции Вифинии; находился на азиатском берегу Босфора, напротив Византии.

[4] В 451 году.

[5] *Евтихий*, осужденный IV Вселенским собором, учил, что Иисус Христос имел одно естество — Божеское, тогда как святая Церковь всегда признавала и признает

Проходя через Антиохию[1], блаженный Феодосий пожелал видеть преподобного Симеона, стоящего на столпе[2], и сподобиться от него благословения и молитв. Он пошел к нему, и когда был близ столпа, то услышал голос преподобного:

— Добре пришел ты, человек Божий Феодосий!

Услышав, что его назвал по имени тот, который никогда не видел его и не знал, Феодосий удивился и, упав на колена, поклонился прозорливому отцу. Потом, по приглашению его, он взошел на столп к святому и припал к честным его ногам. Тот же, обняв, поцеловал богодухновенного юношу и предсказал ему, что он будет пастырем словесных овец и спасет многих от мысленного волка[3]; предсказал ему еще многое и, благословив его, отпустил. Феодосий, подкрепленный благословением преподобного и имея его святые молитвы вместо сопутствующего наставника и хранителя, пошел предлежавшим ему путем и достиг Иерусалима; это было в патриаршество Ювеналия[4]. Обойдя там все святые места и помолившись

в Иисусе Христе два естества, неслиянные и нераздельные, — Божеское и человеческое. *Диоскор* — Александрийский (в Египте) патриарх, последователь учения Евтихия, которое он пытался утвердить на соборе 449 года.

[1] Здесь разумеется Антиохия Сирийская, называвшаяся Великою, — город при реке Оронте, основанный Селевком Никатором и названный им по имени отца его Антиоха. В ней постоянно жили цари из рода Селевкидов, а во времена римских императоров она была даже столицей Востока. В Антиохии ученики Иисуса Христа в первый раз стали называться именем христиан.

[2] *Святой Симеон*, память которого празднуется 1 сентября, проводил отшельническую жизнь, исполненную поста и молитвы, на особом столпе. Это был особенно трудный, высший вид христианского подвижничества, начало которому было положено святым Симеоном.

[3] Под «мысленным (то есть духовным, бесплотным) волком» здесь разумеются диавол и каждый из его слуг — сорратителей в зловерие и нечестие. Образ речи во всем этом выражении заимствован из Ин. 10, 12.

[4] *Святой Ювеналий* патриаршествовал в Иерусалиме с 420 по 458 год.

у Гроба Господня в храме Воскресения, он размышлял, какой начать образ жизни: отшельнический или — в общежительстве с другими ищущими спасения? И пришел он к убеждению, что безмолвствовать наедине, совсем еще не научившись, как бороться с лукавыми духами, — небезопасно. «Если из мирских воинов нет никого, кто был бы настолько несмыслен, чтобы в самом начале своего пребывания на военной службе, будучи еще неискусным и необученным ратному делу, тотчас броситься в середину сражающихся, то как я, — говорил себе святой, — не приучив еще своих рук к вооружению и своих перстов к войне и не будучи препоясан силою свыше, дерзну один, в отшельничестве, восстать против начал, властей и миродержателей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6, 12). Мне надлежит прежде присоединиться к святым подвижникам и научиться у опытных отцов, как мне бороться с врагами невидимыми; потом, со временем, будут собраны и плоды, произрастающие из уединения и безмолвия». Так благоразумно рассудив об этом, — ибо в нем, наряду с другими добродетелями, было и совершенное благоразумие, способное обо всем хорошо рассуждать, — он тотчас стал искать себе наставника.

В то время знаменитейшим из всех отцов, живших в Иерусалиме и его окрестностях, был некий старец, по имени Логгин[1], имевший свою келью при столпе, который с древности назывался Давидовым[2]; затворившись там, он со тщанием выделывал сладкий мед добродетели. Придя к нему, блаженный Феодосий принял начало иноческих трудов и, привязавшись к старцу всей душой, учился у него всякой добродетели, ибо тот преподобный был велик словом и житием. По прошествии довольно долгого времени он был переселен старцем, хотя и помимо своего желания, на место, называемое «ветхим седалищем»[3]. Это произошло по следующей причине: некоторая благочестивая женщина, честная вдова и Христова служительница, по имени Гликерия, создала на том месте церковь Пречистой Владычицы нашей Богородицы и докучала преподобному Логгину многими и усердными просьбами, чтобы он отпустил Феодосия жить при новосозданной церкви. Хотя ученик не хотел разлучаться со своим отцом, однако по повеле-

[1] Память преподобного Логгина (в Греческой Церкви) празднуется 17 ноября и в субботу сырную.

[2] Древняя башня в Иерусалимской крепости, у Яффских ворот.

[3] По-гречески: кафисма, или кафисматная церковь; она находилась на полпути между Иерусалимом и Вифлеемом.

нию его переселился туда. Когда он пребывал там, повсюду прошел слух о его добродетели. Добродетель так же делает явным стяжавшего ее, как зажженная свеча обнаруживает носящего ее ночью. И начали к святому приходить ищущие душевной пользы, начали собираться к нему желающие быть подражателями его жизни.

Прожив там некоторое время, блаженный стал тяготиться отсутствием покоя, ибо он не терпел людского почитания и молвы. Он ушел оттуда на гору, где была пещера; в ней, по древнему преданию, отдыхали с дороги и ночевали те три волхва, которые приходили в Вифлеем ко Христу с дарами и возвращались в свою страну иным путем (Мф. 2, 1–12). Преподобный Феодосий переселился в пещеру из «старого седалища». Это переселение его туда было по особому смотрению Божию, — чтобы на том месте была воздвигнута преславная лавра[1] и собрались ко Христу Богу полки духовных воинов.

Изменив свое местопребывание, блаженный изменил вместе с тем и свою жизнь, начав проходить теснейший путь. Желанием его было — исполнять всегда все заповеди Господни; он был настолько объят Божественною любовью, что все свои душевные силы направлял не к чему-либо настоящему, а всецело — к одному только Создателю Богу, чтобы любить Его всею душою, всем сердцем и всем помышлением и чтобы являть эту любовь самым делом в телесных трудах и подвигах, которых нельзя и пересказать подробно. Молитва его была непрестанной, стояние всенощным, слезы всегда исходили из его очей, как потоки из источников. Пост его был безмерен: тридцать лет он совсем не вкушал хлеба, питался только финиками, сочивом[2] или травами и кореньями пустыни, да и этого употреблял так мало, лишь бы только не умереть с голоду. Когда же у него не было и такой пищи по причине скудости пустынной, то он питался косточками фиников, размоченными в воде, душу же он питал непрестанно словом Божиим, насыщая ее внутренним Боговидением. Живя так, он просиял, как светлая звезда, и сделался известным всем жителям Палестины, ибо не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5, 14). Некоторые из любящих добродетель приходили к нему, и

---

[1] *Лавра* (с греч.: часть города, переулок) — ряд келий, расположенных в ограде вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе. С глубокой древности название *лавра* применяется к многолюдным и важным монастырям. Впервые появилось оно в Египте, а затем в Палестине.

[2] Отвар из хлебных зерен или гороха, бобов, овощей.

пустынную жизнь с ним в пещере предпочитали веселой гражданской жизни.

Вначале у преподобного было семь учеников. Зная, что для начинающих жить по-божиему нет ничего полезнее, как памятование о смерти, — что называется и считается истинным любомудрием, — святой повелел ученикам выкопать могилу, чтобы, взирая на нее, они учились помнить о смерти, как бы имея ее пред глазами. Когда могила была готова, преподобный пришел посмотреть ее и, стоя над могилой, сказал ученикам своим, как бы усмехаясь, душевными же очами провидя имеющее быть:

— Вот, чада, могила готова; не найдется ли между вами кого-либо готового к смерти, дабы обновить собою эту могилу?

Когда святой сказал это, один из предстоявших учеников его, по имени Василий, по сану — иерей, тотчас, предупреждая других, пал на колена пред старцем и, распростершись лицом на землю, просил благословения умереть и быть погребенным в той могиле.

— Благослови, отец, — говорил он, — мне обновить могилу, чтобы мне первому из братьев, поучающихся о смерти, быть мертвецом.

Старец соизволил на его просьбу и повелел совершать поминовение по живом Василии как уже по умершем, согласно закону о поминовении усопших, в третий, девятый и сороковой день. Когда окончилось все поминовение, скончался и блаженный Василий, без всякой болезни; как бы уснув сладким сном и почив, он перешел ко Господу. По прошествии сорока дней после погребения его старец увидел Василия, который явился посреди братии во время правила и пел вместе с ними. Он помолился Богу, чтобы и у прочих открылись глаза, чтобы и они увидели явившегося. Увидев его, один из братии, по имени Аетий, от радости устремился обнять его руками, но явившийся тотчас исчез и стал невидим. Удаляясь, он сказал во всеуслышание:

— Спасайтесь, отцы и братии, спасайтесь, а меня больше здесь не увидите!

Это было первым свидетельством добродетели преподобного Феодосия, — что у него был такой ученик, готовый по его наставлению на смерть и оказавшийся после телесной смерти живым душою, по слову Господню в Евангелии: *верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11, 25). Прочие же обнаружения данной старцу от Бога чудесной благодати будут видны из следующего повествования.

Наступал праздник Христова Воскресения. Ученики святого, которых в то время было уже двенадцать, скорбели, что у них ничего не было на праздник поесть — ни хлеба, ни масла, и ничего съестного, а более всего скорбели, что в такой пресветлый праздник не могло быть Божественной литургии, так как не было для службы ни просфоры, ни вина, почему они должны были лишиться и причащения святых Тайн. Тайно они роптали несколько между собою на преподобного. Он же, имея несомненную надежду на Бога, повелел братиям украсить Божественный алтарь и не скорбеть.

— Тот, — сказал он, — Который препитал в древности Израиля в пустыне[1] и после того насытил малыми хлебами многие тысячи людей[2], промыслит и о нас: ибо Он ни силою не сделался слабее, чем был прежде, ни ревность Его в промышлении над миром не сократилась, но Он — Один и Тот же Бог вовеки.

Так, с надеждою, говорил преподобный, — и тотчас сбылись слова его. Как в древности Аврааму предстал в чаще овен, готовый для жертвы (Быт. 22, 13), так и у этого блаженного старца, по Божию промышлению, оказалось все нужное. При заходе солнца пришел к пещере их некоторый боголюбец, везя из своего дома на двух лошаках различную пищу для пустынных постников, кроме того, и просфоры, и вино для совершения Божественных таинств. При виде этого ученики блаженного возрадовались и познали, какой благодати сподобился старец их у Бога. Они в веселии отпраздновали Пасху, а принесенной пищи им достало на всю Пятидесятницу. Потом снова не стало пищи, и снова братия, мучимая голодом, скорбела. В то время один богатый муж творил много милостыни всем палестинским обителям — не подавал помощи только одной Феодосиевой обители, находившейся в пещере, ибо не знал о ней. И докучали братия отцу, чтобы он дал знать этому благодетелю о себе и о них, чтобы, подобно прочим обителям, получить от него милостыню на пропитание. Преподобный Феодосий, отнюдь не желая быть известным кому-либо в мире и надеясь не на людей, а на Бога, открывающего Свою руку и насыщающего все живущее по благоволению (Пс. 144, 16), утешал учеников своих

[1] Здесь разумеется, главным образом, манна, чудесная пища, которою Господь питал еврейский народ во время странствования по пустыне, на пути в Землю обетованную (Исх. 16).

[2] Разумеется чудесное насыщение Иисусом Христом пятью хлебами более пяти тысяч человек (Мф. 14, 15–21) и семью хлебами — более четырех тысяч человек (Мф. 15, 32–38).

и поучал их, чтобы они терпеливо ожидали милости Божией, уповая на Того, Кто насыщает всякую алчущую душу: если Он дает пищу бессловесным скотам и птенцам ворона, взывающим к Нему (Пс. 146, 9), тем более Он не лишит нужной пищи разумную и словесную тварь. Когда святой утешал таким образом малодушествующую братию, пришел к ним некто, ведя лошака, навьюченного большим количеством съестных припасов. Он шел не к Феодосиевой пещере, но переправлял припасы, чтобы отдать их в каком-то другом месте. Когда же он был близ пещеры и хотел миновать ее, лошак остановился и не двигался далее с места; даже и после многих побоев от своего господина оставался на месте неподвижным, подобно камню. Человек этот, уразумев, что лошак его удерживается и остается неподвижным по воле Божией и силою невидимою, ослабил ему поводья и пустил его идти, куда хочет. Лошак, как бы ведомый некоей рукой, пошел прямо к обители преподобного Феодосия, находившейся в пещере, и человек тот, познав благословение Господне и промышление Его о Своих рабах, отдал все припасы преподобному старцу и ученикам его. И с того времени ученики святого перестали малодушествовать и старались быть ревнителями твердой веры и надежды своего преподобного отца на Бога.

Число братий ежедневно увеличивалось, ибо источники благодати, которой был исполнен святой отец, привлекали к себе много душ, любящих добродетель, которых можно было бы назвать разумными ланями, желающими духовных вод (Пс. 41, 2), причем немало приходило сановитых и богатых людей, чтобы жить с преподобным. Пещера сделалась тесною для помещения столь большого количества людей. Приступив к преподобному, братия стала докучать ему просьбами, чтобы он основал возле пещеры монастырь и устроил широкую ограду для словесных овец.

— Не заботься, отче, — говорили они, — о средствах для построения монастыря; только прикажи, — и наших рук будет достаточно для совершения этого дела.

Святой, видя, что его призывают быть пастырем весьма многочисленного стада, и что нарушается его безмолвие, смущался различными помыслами — то не желая оставить безмолвие, как нелицемерную матерь, то попечение о братии считая за дело немаловажное, ибо не для себя одного только человек должен жить, но гораздо более — для ближнего, образом чего был Сам Христос Господь, Который собрал учеников, явился Пастырем словесных овец и положил за них душу

Свою. Размышляя об этом, преподобный Феодосий недоумевал, чего держаться: безмолвия ли или попечения о спасении братии, и склонялся мыслию то к сему, то к другому. Что же делает блаженный? Он возлагает все на Бога, могущего соединить и то и другое для одной пользы, чтобы и плод безмолвия не потерять и не лишиться награды за начальствование над братьями и попечение о них; ибо жизнь инока укрепляется не в уединении тела, но — чрез твердость в добре и мир сердца. Преподобный держал еще в уме и пророчество святого Симеона Столпника, который предсказал ему пасение словесных овец. Впрочем, он поручал дело, принимаемое им, Божию изволению и молился Ему, чтобы Он дал знать, если Ему будет угодно создание монастыря, и указал чудесным знамением место, на котором должно было бы полагать основание обители. Взяв кадило и наполнив его холодным углем, он положил фимиам, без огня, и пошел по пустыне, молясь так:

— Боже, уверивший Израиля многими и великими чудесами и убедивший различными знамениями угодника Своего, Моисея, чтобы он принял бремя начальствование над Твоими людьми, изменивший жезл в змия и здоровую руку в побелевшую от проказы и потом сделавший ее снова здоровой (Исх. 3, 3, 6, 7); обративший воду в кровь и легко обращающий кровь снова в воду (Исх. 7, 20); давший Гедеону на руне знамение победы (Суд. 6, 37–38), Творец всего и Вседержитель; начертавший Езекии продолжение жизни тенью, возвращенною назад по ступеням (4 Цар. 20, 1–11; Ис. 38, 7–8); услышавший молитвы Илии и пославший огонь с неба для обращения нечестивых и попаливший дрова и жертвы, и камни и воду (3 Цар. 18, 38)! Ты и ныне — Тот же Бог, услыши меня, раба Твоего, и покажи место, где будет угодно Тебе, чтобы я воздвиг святой храм Твоей Державе и устроил обитель рабам Твоим, моим ученикам. Укажи всеконечно такое место там, где повелишь сим углям возгореться самим по себе, во славу Твою, для познания и возвещение истины многим.

Говоря в молитве это и подобное сему, он обходил места, которые казались более удобными для построения монастыря. Он прошел далеко по пустыне и с теми же невозгорающимися и холодными углями в кадиле достиг места, называемого Кутилла, и берегов Смоляного озера[1]. И когда увидел, что угли не загораются и его желание не ис-

[1] Так называлась часть пустыни на западном берегу Мертвого моря, которое здесь зовется Смоляным, или Асфальтовым.

полняется, то вознамерился возвратиться в пещеру. Когда он возвращался, и пещера была уже недалеко (о, кто достойно восхвалит Твою, Бессмертный Царь, силу!), из кадильницы внезапно вышел благоухающий дым, ибо угли сильно разгорелись. Святой познал, что это — место, на котором, по благоволению Божию, должна быть создана обитель, чудесно отмеченная не языком, но огнем. Ученики святого тотчас принялись за дела: положив основание, они построили церковь, кельи и ограду и скоро, с помощью Всевышнего, устроили просторную обитель.

Лавра преподобного Феодосия сделалась знаменитою и славною, и в ней было установлено общежитие. Господь даровал этой лавре всякое изобилие, чтобы живущие в ней не только могли обогащаться духовными богатствами добрых дел, но и не были лишены потребного для тела. И находили там успокоение не только иноки, но и миряне, странники и пришельцы, нищие и убогие, больные и немощные. Ибо преподобный Феодосий был милосерд, человеколюбив и милостив, являясь для всех сердобольным отцом, для всех — любезным другом, для всех — усердным рабом и служителем, очищая язвы и струпья больных, омывая кровь, поя их из своих рук и оказывая им всякие услуги. Он обнаруживал великую любовь и к приходящим отовсюду, угощая их, успокаивая и снабжая всем необходимым. Преподобный был общим пристанищем, общей врачебницей, общим домом, общим пиром, общим сокровищем недугующих, алчущих, наготствующих, странствующих; все утешались его любовью, милостью и щедростью, и никого он не презирал. Служащие в обители за трапезой замечали, что иногда случалось в один день подавать до ста обедов для приходящих, странников и нищих: так был человеколюбив и страннолюбив преподобный отец. Бог, Который Сам есть Любовь (1 Ин. 4, 8), видя такую любовь Своего угодника к ближним, благословил монастырь его, так что и малое количество пищи невидимо умножалось в нем и насыщало бесчисленное множество народа.

Однажды в Палестине был голод, и множество нищих и убогих собралось отовсюду у врат монастыря в неделю цветоносную, чтобы получить обычную милостыню. Ученики опечалились, что не имеют столько пищи, чтобы подать столь многочисленным просителям, и сказали об этом блаженному. Он же, с гневом взглянув на них, укорил их за неверие и сказал:

— Скорее отворите ворота, чтобы вошли все!

Нищие и убогие, войдя, сели рядами.

Преподобный приказал ученикам дать им хлеба; ученики пошли к хлебопекарне со скорбью, не надеясь найти ничего, но, открыв пекарню, увидали, что она полна хлебов, ибо рука Промыслителя всех — Бога — наполнила ее, ради веры раба Своего. Братия восхвалила Бога за такое чудо и подивилась великому упованию на Бога своего аввы.

Когда в другой раз, в праздник Успения Пречистой Богородицы, пришло в монастырь много народу, пищи же было мало, чтобы предложить ее столь великому множеству, преподобный Феодосий, воззрев на небо и благословив несколько небольших хлебов, велел предложить их, и народ насытился, так как Бог умножал эти хлебы, как некогда — пять хлебов (Мф. 14, 21; Лк. 9, 14); так что еще и на дорогу каждый взял себе, сколько было нужно. Братия, собрав оставшиеся укрухи, наполнила ими много корзин и, высушив на солнце, питалась в продолжение немалого времени. И много раз в обитель собиралось несметное множество народа, так что, казалось, и колодцев было недостаточно для напоения столь великого количества людей; однако неоскудевающие руки Питателя всех — Бога — вполне всех насыщали.

Преподобный устроил много странноприимных домов и различных больниц: особую — для иноков, особую — для мирян и особую — для начальствующих и состарившихся в трудах. Он посещал, кроме того, и находящихся в горах и пещерах, заботился и болел о них сердцем, как отец о детях. Он доставлял им все потребное и для тела и для души, уча и наставляя их и избавляя многих от сатанинского обольщения.

Так как в обители преподобного братия была не из одного народа и не одного языка, но различных, то поэтому он устроил и другие церкви, в которых каждый народ мог бы на своем языке славить Бога. Так, в великой церкви Пречистой Богородицы — греки[1], в другой — иверийцы[2], в третьей — армяне[3] пели церковное правило на своих

[1] *Греки* — народ, с незапамятных времен занимавший большую часть нынешнего Балканского полуострова и близлежащие острова; в христианские времена они всегда в значительном количестве жили и живут на Святой земле.

[2] *Иверийцы*, то есть родом из Иверии, нынешней Грузии.

[3] *Армяне* жили по соседству со Святой землей. Собственно Армения граничила на севере с Колхидой, Иверией и Албанией, на западе с Малой Азией, на юге с Месопотамией, на юго-востоке и востоке с Мидией и Сирией.

языках, по семь раз в день, согласно уставу Давидову: *Седмикратно*, — сказал он, — *в день прославляю Тебя* (Пс. 118, 164); для больных была особая церковь. Во время же причащения пречистых Тайн вся братия собиралась из всех церквей в одну великую церковь, в которой пели греки, и все причащались вместе. Всех братий, чад преподобного отца, которых он возродил духовно, воспитал в отеческом наставлении и направил к добродетели, было числом шестьсот девяносто три. Многие из них были пастырями в других монастырях, научившись доброму управлению от святого Феодосия, исполненного духовной премудрости и разума; он пас свое стадо, не жезлом наказывая, но воспитывая словом, — словом, растворенным солью[1], трогающим за душу, проникающим до самой глубины внутренних движений; вместе со словом он учил и делом, являя самим собою пример для паствы. Поэтому и тогда, когда кого-либо ласково увещевал, он был, однако, страшен для многих, и когда кого-либо обличал, был любезен и обходителен. Удивительно в нем было то, что, не будучи научен мирскому любомудрию и не будучи сведущ в греческих книгах, он излагал поучения с такой обстоятельностью, что с ним не мог сравниться никто из состарившихся над книгами и в совершенстве изучивших ораторское искусство. Ибо он учил не от человеческой мудрости, но от благодати Духа Божия, тайно вещающего к нему, как к другому Иеремии: *Я вложил слова Мои в уста твои* (Иер. 1, 9). И говорил блаженный еще много душеполезного, иное — от себя, иное — от апостольских изречений, отеческих завещаний и постнических слов Василия Великого, жизни которого он подражал и богомудрые писания которого особенно любил. Из многих больших поучений его хорошо привести на память следующее небольшое:

«Умоляю вас, братия, ради любви Господа нашего Иисуса Христа, предавшего Себя за наши грехи, позаботимся наконец о своих душах, поскорбим о суетности прошлой жизни и поревнуем о будущем, во славу Бога и Сына Его; не будем пребывать в лености и настоящем расслаблении, проводя нынешний день в унынии и отлагая начало добрых дел на завтра, чтобы нам не оказываться пред Судиею наших душ без добрых дел, не быть изгнанными из чертога радости, не плакаться праздно и безнадежно о дурно прожитом времени жизни, рыдая тогда, когда не будет никакой пользы в раскаянии: ныне — время благоприятное, ныне — день спасения. Настоящий век — покаяния,

[1] То есть речью разумною, полною назидания (Кол. 4, 6).

а будущий — воздаяния, этот — делания, а тот — получения награды, этот — терпения, тот — утешения. Ныне Бог — Помощник для обращающихся от злого пути, а тогда Он будет страшным Судией человеческих дел, слов и помышлений, от которого ничто не может укрыться. Ныне мы наслаждаемся Его долготерпением, а тогда познаем Его правосудие, когда воскреснем, одни — в муку вечную, другие — в жизнь вечную, и получим каждый по своим делам. Долго ли нам медлить повиновением Христу, призывающему нас в Свое небесное Царство? Не пора ли нам опамятоваться? Не пора ли обратиться от суетной жизни к евангельскому совершенству? Как мы посмотрим на страшный и ужасный день Господень, когда стоящих одесную[1] Бога и близких к Нему по добрым делам примет Царство небесное, а находящихся ошуюю[2], отверженных за неимение добрых дел, скроют геенна огненная, тьма вечная и скрежет зубовный? Мы поговорим, что желаем Царства небесного, а как его получить, о том не заботимся. Не потрудившись нисколько над исполнением заповеди Господней, мы надеемся, по суетности нашего ума, на честь, равную с теми, которые боролись против греха до смерти».

Поучая так своих учеников, преподобный побуждал их к последней ревности о спасении. Хотя он был во всем кроток нравом, однако там, где совершалось насилие над благочестием, он был подобен палящему огню, или рубящей секире, или неодолимому воинскому оружию.

В то время царствовал Анастасий[3], унаследовавший державу после Льва Великого[4] и Зенона[5]. Вначале его царствование казалось подобным сладостному раю, впоследствии же оказалось как бы полем погибели. Он сделался подобным тем пастырям, которые растеривают и губят свое стадо и поят овец мутною водою; ибо он совратился в ересь Евтихия и безглавного Севера[6] и смущал ею Церковь Божию, отвергая Халкидонский IV Вселенский собор святых отцов, изгоняя православных епископов с престолов их, а еретических поставляя на их места, и

[1] То есть по правую сторону (Мф. 25, 34).

[2] То есть по левую сторону (Мф. 25, 41).

[3] *Анастасий I, Дикор* или *Фракиец*, царствовал с 491 по 518 год.

[4] Царствовал с 457 по 474 год.

[5] Царствовал с 474 по 491 год.

[6] *Безглавные* (по-гречески: акефалы) — еретики VI века, последователи *Севера* Александрийского. Они не допускали ни епископов, ни священников, ни таинств и представляли собою крайнюю партию *монофизитов*.

склоняя к единомыслию с собою многих из православных — одних угрозами, других почестями и дарами. Он дерзнул коснуться своим льстивым коварством и этого непоколебимого в вере столпа, преподобного отца нашего Феодосия. Попытка обольщения заключалась в том, что он прислал преподобному тридцать литр[1] золота — как бы для пропитания и одеяния нищих и на нужды больных, на самом же деле — стараясь снискать расположение к себе преподобного, которого слушала вся Палестина, разуму и совету которого она следовала. Великий отец, понимая лукавство царя, был как бы орел, летающий в облаках, недоступный и недосягаемый, который, скорее, сам мог уловить своего ловца. Он не отказался от присланного золота, чтобы не показаться безрассудно презирающим веру царя и не подать повода к его гневу, чтобы, кроме того, милостыней, совершаемой на это золото, исходатайствовать ему у Бога милость, для наставления его на путь истинный. Но милостыня не имела никакого успеха, потому что золото было прислано не по правде, а с лукавством. Царь получил надежду иметь в лице Феодосия своего единомышленника, так как он принял золото; но напрасна была его надежда.

Наступило время, когда царь стал требовать от преподобного, через своих посланных, исповедания веры, на которое он рассчитывал, именно — согласного с учением Евтихия и Севера. Преподобный, собрав всех пустынников, твердо восстал, как муж сильный и вождь духовного воинства, против еретического зловерия, царю же отвечал следующим посланием:

«Царь! Когда нам предстоит одно из двух: или жить нечестиво, лишившись в следовании за безглавными свободы, или честно умереть, последуя истинным догматам святых отцов, — то знай, что мы предпочитаем смерть, ибо не принимаем новых догматов, но следуем законам ранее живших отцов. А тех, которые утверждают, помимо этого, иное, благочестиво отвергаем и предаем проклятию, и не примем никого, рукополагаемого безглавными, по принуждению. Да не будет с нами сего, Христе-Царю! Если же случится что-либо подобное, то, призвав во свидетельство истины Бога, ныне хулимого ими, будем противиться даже до смерти. Как за отечество, так и за православие с радостью положим наши души — даже в том случае, если увидим эти святые места погибающими в огне. Ибо какая нужда

---

[1] *Литра* — фунт, мера веса, равная семидесяти двум золотникам; в серебре стоила до сорока двух руб., в золоте — до пятисот шести руб.

в одном только наименовании — называться святыми местами, если на самом деле эта святыня терпит ругательство от еретичествующих? Мы никаким образом не решимся не только сказать, но даже помыслить что-либо несогласное со святыми Вселенскими соборами. Первый из них украшается тремястами восемнадцатью отцами, которые собрались на Ария[1] и, предав окаянного анафеме, отсекли от тела Церкви; ибо он отчуждал Сына от существа Отца — по естеству и вводил догматы неправой веры. Второй собор, по внушению Божию, собрался в Царьград на Македония, который хулил Святого Духа. Третий величественно сошелся в Ефесе[2] на скверноязычного и нечестивого Нестория, хулившего воспринятую от Пречистой Девы плоть Христову[3]. После этого был собор шестисот тридцати богоносных отцов в Халкидоне, которые изрекли согласное с первыми соборами и пояснили сказанное ими. Они отсекли от священного тела Церкви окаянного и злочестивого Евтихия, вместе с Диоскором, и утвердили апостольскую веру, всякого же мыслящего противно ей отлучили от Церкви Христовой. За противление сим соборам да возгорится на нас огонь, да будет изощрен против нас меч, да постигнет нас лютейшая смерть, и даже, если возможно, вместо одного раза, смерть пусть постигнет нас бесчисленное множество раз. Мы же ни в каком случае не отступим от истинного благочестия и не обесчестим отвержением то, что доблестно приняли отцы. Свидетелями этого пусть будут их поты и многие подвиги, которые они приняли за веру; но это будет хранимо крепко и неизменно и нами, и теми, которые сочтут за благо последовать Богу и нам. Мир же Божий, превосходящий всякое разумение[4], да будет хранителем и наставником державы твоей».

---

[1] *I (Никейский) Вселенский собор* был в 325 году.

[2] *Ефес* — знаменитый город Лидии (в западной части Малой Азии), считавшийся столичным для всей Малой Азии. В течение долгого времени он был местопребыванием святого апостола Иоанна Богослова. III Вселенский собор был здесь в 431 году.

[3] *Несторий*, бывший архиепископом Константинопольским (с 428 по 431 год), вслед за Диодором, епископом Тарсийским, и Феодором, епископом Мопсуетским, искажал православное учение об образе соединения в Иисусе Христе двух естеств. Он учил, что от Пресвятой Девы Марии родился не Богочеловек, а человек, — родился будто бы естественным образом и притом был не чужд страстей и недостатков. Божество, по этому учению, соединилось с человеком Иисусом будто бы уже потом, когда он окончательно утвердился в добре.

[4] Выражение апостола (Флп. 4, 7).

Этим посланием преподобный ясно показал свою великую ревность по благочестию. Прочитав его, царь устыдился и несколько смирился и на время прекратил внутри своего государства гонения на православных. Он отписал к преподобному со смирением, обвиняя других в церковной смуте.

«Человек Божий, — писал он, — в новшестве этом мы неповинны. Призываем дерзновенно во свидетельство всевидящее око Божие, — от тех происходит эта смута, которым много более других следовало бы в молчании почитать догматы веры и соборы. Они же желают каждый показаться выше других в слове и в достоинстве, нападают друг на друга и нас привлекают к себе. Небезызвестно твоему преподобию, что некоторые из иноков и клириков, считающие себя правомыслящими, вызвали эти соблазны, стараясь, как мы сказали, показать свое превосходство».

Однако царь смирился ненадолго и по прошествии некоторого времени снова восстал против православия. И снова всюду, даже и во святом граде Иерусалиме, были возвещены постановления царя, отвергающие святые соборы, в особенности же Халкидонский. Снова духовный воин, преподобный Феодосий, хотя уже и престарелый летами, обнаружил юношеский подвиг. Когда все молчали из страха и весьма многие изъявляли согласие, преподобный пришел в Иерусалим из своей обители и, став в великой Иерусалимской церкви на возвышении, с которого обыкновенно священники предлагают чтения народу, и сделав рукою знак молчания, громко возгласил:

— Кто не почитает четыре Вселенские собора, как и четыре Евангелия, да будет анафема!

Сказав это, он, как Ангел, поразил народ, и никто из противников не осмелился ничего возразить. Потом, призвав из своих учеников усерднейших к вере, он обходил с ними окрестные города и селения, уничтожая зловерие и утверждая благочестие. Царь, услышав об этом, осудил его на изгнание, — окаянный не знал, что смерть стояла уже у дверей его. Преподобный был сослан в заточение, а царь Анастасий скоро лишился этой временной жизни, после чего исповедник Христов Феодосий вместе с другими, претерпевавшими изгнание за православие, немедленно возвратился в свою обитель. Писал к нему Феликс, епископ Древнего Рима[1], также и Ефрем, епископ Антиохийский[2],

[1] Римский епископ Феликс управлял Римскою Церковью с 526 по 530 год.

[2] Святой Ефрем занимал антиохийскую кафедру с 528 по 545 год.

ублажая блаженного многими похвалами за то, что он обнаружил такую ревность — потерпел за истинную веру изгнание и готов был принять смерть. Но уже время перейти нам к сказанию о чудесах святого.

В то время, когда злочестивое повеление царя Анастасия было возвещаемо во святом городе Иерусалиме, для этого были собраны все отцы из палестинских обителей, и преподобный Феодосий, как мы сказали, пришел туда же со своими учениками. И весь этот собор был на месте, называемом Иерафион[1]. Место же это есть сооруженное Константином Великим седалище, на котором ежегодно бывало воздвижение честного Креста Господня.

В это время одна женщина, имевшая на груди болезнь, которую врачи называют «канкрум»[2], страдая долгое время и не получая от врачей никакого облегчения, пришла туда и стояла в изнеможении, близ лика святых отцов. Подойдя к одному из них (то был преподобный Исидор, бывший впоследствии игуменом Сукийской[3] обители), она сказала ему со слезами о своей болезни и спрашивала: есть ли в том соборе преподобный Феодосий, и каков он видом? Исидор указал ей перстом на святого. Она, подойдя и став сзади, — подобно кровоточивой, коснувшейся края одежды Господней (Мф. 9, 20–22), — тайно прикоснулась к иноческому одеянию, которое было на преподобном, и тотчас получила исцеление. Это не утаилось от преподобного, который, обратившись к женщине, сказал:

— Дерзай, дочь, ибо Владыка мой сказал: *Вера твоя спасла тебя* (Мф. 9, 22).

Блаженный Исидор поспешно подошел к женщине, желая видеть совершившееся чудо, и нашел, что не осталось и знака на том месте, где была неизлечимая язва.

По смерти царя Анастасия и по возвращении из заточения преподобного отца у Феодосия было в обычае ходить в Вифлеем для молитвы. Однажды, желая отдохнуть от труда, он свернул с пути в оби-

---

[1] Этим именем называлась особая часовня в так называемом Мартириуме, выстроенном Константином Великим; животворящий Крест находился там и в конце IV века, и его ежегодно воздвигали, собственно на Страстной неделе, преимущественно в Великую пятницу. Часовня эта запиралась постоянно, и ключ от нее хранился у особого пресвитера, называвшегося ставрофилаксом (крестохранителем).

[2] Здесь, вероятно, нужно разуметь неизлечимую болезнь, называемую теперь *канцер,* то есть *рак.*

[3] Одна из наиболее известных Палестинских лавр, основанная преподобным Харитоном († 340 год, память его отмечается 28 сентября); теперь — могарет Харетун, пещера преподобного Харитона, к югу от Вифлеема.

тель преподобного Маркиана. Тот, с любовью приняв дорогого гостя, не имел чем угостить его, ибо у него не было в то время ни хлеба, ни пшеницы. Когда они довольно долгое время пребыли в духовной беседе друг с другом и настало время трапезы, Маркиан приказал своим ученикам, чтобы они сварили сочиво и подали им. Феодосий же, видя такую бедность его, велел своим ученикам вынуть из мешка и предложить своих хлебов, взятых из дому на дорогу. Когда они ели, преподобный Маркиан сказал преподобному Феодосию:

— Не обессудь, отче, на том, что приготовили скудное угощение, и не укоряй нас, что не предложили хлеба, ибо мы очень обеднели и у нас совсем нет пшеницы.

Когда он сказал это, дивный Феодосий, посмотрев на бороду Маркиана, увидел неизвестно откуда попавшее в нее пшеничное зерно. Осторожно и тихо сняв его правою рукою, он сказал с радостной улыбкой на лице:

— Вот и пшеница, — как же вы говорите, что у вас нет пшеницы?

Блаженный Маркиан, взяв с радостью из Феодосиевых рук вынутое из своей бороды зерно как некоторое плодородное семя, повелел отнести его в житницу, веруя, что, по благословению святого Феодосия, оно без труда принесет плод больший, чем на возделанной ниве, что и случилось. По уходе Феодосия, когда ученики хотели поутру открыть двери житницы, то увидели, что она полна пшеницы, так что даже и двери не открывались. Маркиан послал к преподобному Феодосию с известием о совершившемся чуде и с благодарностью за умножение пшеницы.

Преподобный отвечал:

— Не я, но ты, отче, умножил пшеницу, ибо зерно было взято из твоей бороды.

Одна знаменитая женщина из Александрии[1] пришла в обитель преподобного Феодосия с сыном своим, маленьким отроком, который, увидев издали святого отца и указывая на него пальцем, воскликнул к своей матери:

— Вот кто спас меня от потопления в колодезе, поддержав меня за руку, чтобы я не утонул в воде.

---

[1] Городов с этим именем было известно в древности несколько. Здесь нужно разуметь *Александрию* — столицу Египта, на Средиземном море. Город этот славился своей ученостью и богатством, был основан в 332 году до Рождества Христова Александром Великим.

Мать, упав к ногам преподобного, рассказала следующее.

— Отрок этот, — сказала она, — играя со своими сверстниками, упал по неосторожности в глубочайший колодезь, и мы думали, что он разбился там и утонул. Рыдая о нем как уже об умершем, мы спустили одного человека в колодезь, чтобы вынуть из воды труп отрока, но нашли ребенка живым на поверхности воды. Когда мы изумлялись и спрашивали, каким образом он не утонул в воде, он рассказал нам: «Какой-то престарелый инок, явившись, взял меня за руку и держал на воде». С того времени, взяв отрока, я обхожу города и селения, горы и пустыни, — пока не найду этого отца. И вот я нашла твое преподобие, и тебя узнал ребенок мой, спасенный тобой от потопления.

Другая женщина очень страдала во время рождения детей, она рождала мертвых детей и всякий раз с весьма тяжкими страданиями. Она была и многочадна, и бесчадна: многочадна — потому что рождала часто, бесчадна — потому что дети рождались мертвыми. Со слезами просила она преподобного Феодосия помолиться о ней, чтобы ей не рождать более мертвых детей и чтобы облегчились ее жестокие страдания. Еще просила она и о том, чтобы, когда она родит мальчика, позволил назвать его своим именем — Феодосием.

— Если ты позволишь, — сказала она, — назвать твоим именем имеющего родиться от меня, то надеюсь, что ребенок будет жив.

Преподобный согласился на ее просьбу, усердно помолился о ней Богу, и когда настало время женщине родить, то у нее не было прежних страданий, она родила легче, и ребенок оказался живым, мужского пола, и был назван именем преподобного. Когда окончилось кормление его грудью и он несколько подрос, то его привели в обитель к преподобному отцу и посвятили на иноческое служение Богу. Также и другая женщина из Вифлеема, скорбевшая о своих умиравших детях, когда назвала новорожденного именем преподобного, сохранила чрез то ему жизнь; он вырос здоровым и был мужем искусным, ибо стал превосходным архитектором.

Однажды гусеницы и саранча производили опустошения в Палестине. Преподобный был в то время уже весьма стар и не мог ходить. Однако он приказал ученикам вести себя в поле, где угрожала плодам земным погибель, и там остановил саранчу и гусениц, сказав:

— Общий нам всем Владыка повелевает вам, чтобы вы не погубляли человеческих трудов и не съедали пищу бедных.

И тотчас саранча рассеялась, как облако, и гусеницы погибли.

Однажды братия очень нуждались в одежде и не имели, чем прикрыть наготу. Приходя к преподобному, они докучали ему просьбами. Он же, не имея средств на покупку одежд, мог разве только соболезновать им, однако словами обещания Владыки сказал им:

— *Не заботьтесь о завтрашнем дне: ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения* (Мф. 6, 34, 33, 8).

В то время как святой утешал так братию, пришел один муж, который никому не был известен, и не сказал о себе, кто он и откуда. Он дал преподобному на монастырские нужды сто золотых монет и ушел. Преподобный, воздав благодарение Богу за таковое промышление Его, отдал это золото на одежды для братии, и все были обеспечены ими на долгое время.

Иулиан, пастырь Бострской[1] церкви, который учился в ранней молодости у преподобного чтению книг, сообщил о нем следующее.

— Однажды, — сказал он, — мы пришли с преподобным отцом в Бостру, и вот одна женщина, известная особенной злобою, встретив нас, посмотрела с гневом на преподобного отца и назвала его льстецом и лжецом, и тотчас ее постигло наказание от Бога: она внезапно упала и умерла.

— Случилось нам, — говорит он же, — идти мимо монастыря, в котором были черноризцы, придерживавшиеся ереси Севера. Увидев нас, они начали ударять в церковное било[2] для собрания братии прежде обычного времени пения. Преподобный, уразумев, что они замышляют против нас какие-то козни, воспылал праведным гневом и пророчески сказал слово Владыки:

— *Не останется здесь камня на камне; все будет разрушено* (Мф. 24, 2).

Слова эти не замедлили сбыться: спустя немного времени агаряне[3] напали ночью на тот монастырь; ограбив все, бывшее в нем, и взяв в плен всех иноков, они зажгли монастырь и разорили, согласно предсказанию святого, то место.

---

[1] *Востра*, или *Бостра*, — город на Святой земле, в древности один из левитских городов в полуколене Манассиином, за Иорданом.

[2] *Било*, от слова *бить*, — деревянная или металлическая доска, в которую ударяли для созывания верующих к общественному Богослужению. У нас била заменены колоколами, но в Греции они употребляются и доселе.

[3] То есть *арабы*, происшедшие от Исмаила, сына Авраама и *Агари*.

Начальник греческого войска, называемый восточным комитом, по имени Кирик, смелый в боях, но благоговейный пред Богом, отправляясь в поход против персов[1], сначала пришел в Иерусалим поклониться святым местам и приобрести помощь Божию против врагов. Он пришел и в обитель Феодосия, потому что слава о святости преподобного отца распространилась повсюду, всех привлекала к нему. Беседуя со святым, он получил от него большую пользу: он услышал от него, что нужно полагаться не на лук свой, не на множество войск надеяться, но знать одного Помощника — Бога и уповать на непобедимую силу Его, ибо для Него легко сделать то, что один погонит тысячу, а двое обратят в бегство многие тысячи неприятелей. Чрез такое поучение и беседу этот комит почувствовал великую любовь к святому и выпросил у него власяницу, которую носил святой, чтобы она была ему щитом в битве. Когда греческое войско сошлось с персами и вступило в жестокую битву, комит, одетый во власяницу преподобного Феодосия как в броню, оставался невредимым от стрел, копий и мечей и обнаружил великую храбрость. Возвратившись по окончании войны, он снова пришел к преподобному и заявил:

— Я видел в бою, — сказал он, — тебя самого, отче, помогающим мне и делающим меня страшным для врагов, пока мы не победили персидскую силу.

Преподобный Феодосий Великий явился не только этому комиту, когда он был далеко, но он являлся и многим другим во многих местах, принося скорую помощь: он являлся, избавляя от бед, то погибающим на кораблях среди волнений и бури, то блуждающим в пустыне, то попавшим в пасть диких зверей: иным во сне, другим же наяву.

Он был скорым помощником не только для людей, но и для бессловесных животных. Один странник шел, ведя осла. Встретившийся ему на пути лев, не обращая внимания на человека, бросился на осла, чтобы растерзать и пожрать его. В трепете человек громко призвал имя преподобного, говоря:

— Человек Божий Феодосий, помоги мне!

---

[1] Страна их на западе граничила с Сузианой, на севере — с Мидией и Парфией, на востоке — с Кармелией, на юге примыкала к Персидскому заливу. Ранее персы зависели от мидян, греков, парфян, но с 226 года по Рождестве Христовом сделались самостоятельными и часто вели войны с Римской империей.

И тотчас лев, услышав имя святого, обратился назад и побежал в пустыню.

Вспомним нечто относящееся и к прозорливости преподобного. Однажды, уже незадолго до своей кончины, он повелел ударить в било, чтобы братия собралась. Когда все пришли, он вздохнул, прослезился и сказал:

— Молиться нужно, отцы и братья, молиться нужно, ибо я вижу гнев Божий, который уже надвигается на восточную страну.

После сего, по прошествии шести или семи дней, услышали, что великое землетрясение разрушило Антиохию и — в то самое время, когда преподобный, видя гнев Господень, приказывал молиться братиям.

После этого преподобный отец наш Феодосий, приближаясь к блаженной кончине, лежал на одре болезни в течение целого года. На его устах непрестанно была молитва, так что когда он даже засыпал, уста его двигались и произносили те псалмы и молитвы, к которым привыкли. И когда святой пробуждался, то в устах его был псалом, так что на нем сбывалось изречение Давида: *ночью песнь Ему у меня* (Пс 41, 9). Часто поучал он добродетели и братию. А за три дня до своей кончины он призвал трех любимых им епископов и, известив им о своем отшествии к Богу, дал последнее целование плачущим и рыдающим о разлуке с ним. На третий день после сего, среди молитвы к Богу, он предал Ему дух свой, прожив всего сто пять с лишком лет. Преставление его Бог почтил следующим чудом: один муж, по имени Стефан, родом из Александрии, был одержим в течение долгого времени бесом. По преставлении преподобного он, прикоснувшись к одру его, освободился от своего мучителя и выздоровел. Тотчас повсюду узнали о кончине святого, и из всех городов собралось множество народа и иноков из обителей; пришел и первосвятитель Иерусалимский Петр с епископами, и с честью погребли святое тело отца нашего Феодосия в пещере, в которой он первоначально жил, во славу Господа нашего Иисуса Христа, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ФЕОДОСИЯ АНТИОХИЙСКОГО

Преподобный Феодосий постник происходил из Антиохии[1]; родители его были люди благочестивые, и он от них получил доброе наставление в законе Господнем. Внимая высочайшей заповеди Спасителя нашего (Лк. 14, 26, 27), блаженный Феодосий, оставив родной дом, сродников, богатство и прочие блага житейские, удалился в лесистую местность на берегу моря и здесь построил себе малую келью, в которой и поселился. Здесь преподобный проводил свое высокое иноческое житие, облекшись во власяницу и возложив тяжелые вериги: одни — на шее, другие — на чреслах и третьи — на обеих руках. Все свое время святой Феодосий употреблял на молитву и труды, порабощая тем плотские желания, гордость и прочие человеческие страсти. Волосы на главе его отросли до того, что покрывали ноги. Преподобный трудился то над плетением веревок, то на огороде, сам копал гряды, сеял семена и собирал овощи, которые потом шли на пищу и самому подвижнику, и приходившим к нему посетителям.

Слава о подвигах преподобного Феодосия распространялась все больше и больше, и многие посетители стали выражать желание поселиться около блаженного подвижника, чтобы подражать житию его. Принимая их, святой Феодосий обратил свою пустыню в подобие небесной обители. Однажды на область, где была обитель преподобного, агаряне[2] сделали нашествие; опустошив окрестность, враги причинили вред монастырю, но при этом ощутили пребывание в нем божественной силы и скоро удалились. Вследствие этого нашествия, преподобный оставил пустыню и возвратился на свою родину; здесь он построил небольшую келью и продолжал соделывать свое спасение, окруженный некоторыми из своих учеников. Немного пожив в новом месте своего подвижничества, святой Феодосий с миром почил о Господе[3].

---

[1] Известно несколько городов в Малой Азии и Сирии с этим именем. Здесь разумеется *Антиохия Сирийская*.

[2] То есть *арабы — магометане*.

[3] Преподобный Феодосий Антиохийский скончался около 412 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО МИХАИЛА КЛОПСКОГО

В пятнадцати верстах от Великого Новгорода, на берегу реки Веряжи, находился монастырь, именуемый Клопским, и в нем храм во имя Живоначальной Троицы[1]. В прежние годы монастырь этот мало кому был известен, впоследствии же получил широкую славу, благодаря чудесам святого Михаила. В обители этой игуменом был Феодосий, муж добродетельный; при нем и пришел в Клопский монастырь блаженный Михаил[2].

Осталось доселе неизвестным, откуда пришел в обитель святой Михаил и кто были его родители. Событие это совершилось летом, в то время, когда вся братия была на утрене; на девятой песни канона иеромонах, совершавший божественную службу, окадил храм и пошел покадить в своей келье, которая находилась около храма; найдя келью открытой, между тем как он ее запер, уходя в храм, иеромонах вошел в нее и увидел сидящего человека в иноческой одежде; перед ним горела свеча, и он переписывал книгу Деяний святых апостолов. Возвратившись в храм, иеромонах сказал о виденном игумену и братии. Те по окончании богослужения пошли к келье и нашли ее запертой изнутри. Игумен сотворил молитву, но ответного возгласа из кельи не последовало. Начали стучать в дверь; но она оставалась запертой. Тогда игумен приказал разобрать крышу над сенями; войдя в них, нашли запертой и внутреннюю дверь. Когда по приказанию игумена она была взломана

[1] Время основания этого монастыря точно неизвестно; он находится к югу от Новгорода, в трех верстах от озера Ильменя.

[2] Это было 23 июня 1408 года, при великом князе Василии Димитриевиче (1389–1425 гг.) и святом митрополите Фотии.

и все пошли в келью, то нашли там старца, который сидел и писал. Настоятель спросил его: «Скажи мне, человек ты или дух?» Старец повторил слова игумена. Игумен сотворил молитву, старец произнес те же молитвенные слова, что и игумен. Тогда настоятель стал осенять пришельца крестным знамением и окаждать ладаном; старец же уклонялся от каждения и вел себя, как юродивый.

Вместе с братией святой Михаил вошел в храм к литургии, во время которой пел на клиросе с монастырскими певцами. Игумен поручил ему прочесть Апостол, и все были до глубины души утешены красотою и вдохновенностью его чтения. По выходе из трапезы, на которой святой исполнял положенное чтение, игумен ввел преподобного Михаила в назначенную ему для жительства келью, и с того времени блаженный остался в монастыре Живоначальной Троицы, неся послушание чтеца в храме и на трапезе, и великое сердечное умиление испытывали все слушавшие его чтение.

Ни игумен, ни братия не могли узнать, однако, имени новоприбывшего брата, откуда он пришел и каково его происхождение. Однажды посетил Клопскую обитель князь Константин Димитриевич[1]; услышав во время трапезы чтение святого Михаила, князь подошел к нему близко, узнал его и сказал:

— Это Михаил, сын Максимов.

Преподобный ответствовал на это:

— Один Создавший меня знает, кто я.

Тогда игумен заметил:

— Сын мой, отчего ты не скажешь своего имени?

И святой подтвердил, что имя его — Михаил[2].

Во время жития своего в Клопской обители преподобный Михаил вкушал только хлеб и воду, притом один раз в неделю и в малом количестве. Когда после великих молитвенных подвигов святой испытывал утомление, то отдыхал, лежа прямо на земле; в келье у него не было никакого имущества, ни одежды, кроме той, которая покрывала

---

[1] Младший сын великого князя Димитрия Иоанновича Донского, родился в 1389 году, за четыре дня до кончины отца своего. Брат его, великий князь Василий Димитриевич, дал ему в удел Тошию и Устюжну, но в 1419 году, когда Константин Димитриевич ослушался брата, тот отнял этот удел, и Константин бежал в Новгород, где ранее, в 1408 году, был наместником великого князя. В изгнании он пробыл два года; им построен в Клопском монастыре каменный храм во имя Живоначальной Троицы.

[2] Преподобный Михаил Клопский происходил из боярского рода.

его тело. Нет возможности рассказывать о тех великих трудах, которые подъял преподобный Христа ради; от подвигов и воздержания тело его уподобилось как бы тени.

В то время в Великом Новгороде и его окрестностях была засуха, продолжавшаяся три года: пересохли не только ручьи, но и реки. Тогда, по молитвам преподобного Михаила, близ монастыря произошло сотрясение земли и стал бить обильный водою ключ, который и доселе служит на потребу и братии, и пришлым людям[1]. После засухи настал в той области голод, во время которого толпы бедных стали приходить в обитель за кусками хлеба. Игумен, опасаясь оскудения запасов, не знал, что делать; но преподобный Михаил, указав на то, что Господь напитал семью хлебами четыре тысячи человек, уговорил игумена кормить всех голодных. Когда же братия возроптали на то, преподобный повел их с игуменом в хлебный амбар, и те с изумлением увидели, что запасы хлеба, по молитвам святого, не уменьшались. Много пророчествовал преподобный Михаил о взятии Великого Новгорода[2] и, сотворив во имя Христово многие чудеса, мирно почил о Господе[3]. Честное и многострадальное его тело предано было игуменом с братией погребению в монастыре Живоначальной Троицы[4], где подвизался преподобный Михаил, и положено в правой стороне соборного храма; здесь почивает оно и до наших дней, источая многоразличные исцеления с верою притекающим, во славу Христа Бога нашего.

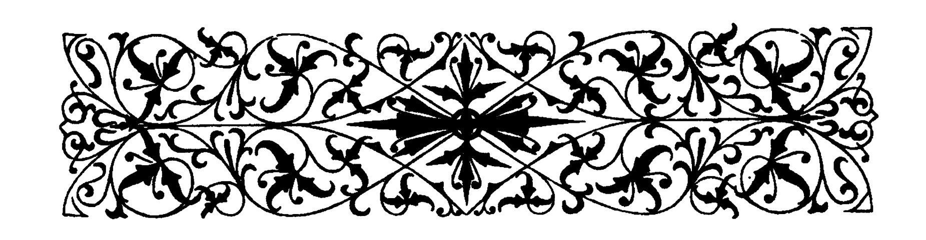
---

[1] Доселе в Клопской обители показывают колодезь, устроенный, по преданию, из того источника, который низведен молитвою блаженного Михаила во время засухи. 23 июня, в день прихода преподобного Михаила в монастырь, сюда бывает крестный ход из окружных сел.

[2] Однажды блаженный Михаил был в Вяжицком монастыре. Вдруг он неожиданно очутился на колокольне и стал звонить во все колокола. На вопросы народа, что это значит, блаженный, юродствуя, отвечал: «Ныне в Москве радость», и прибавил, что у великого князя родился сын Иван, который будет грозою для соседей, завладеет Новгородом, изменит его обычаи, отберет у них золото и совсем покорит своей власти. Действительно, 22 января 1440 года родился князь Иван Васильевич, покоривший Новгород в 1471 году. Новгород был окончательно присоединен к Московскому государству в 1480 году.

[3] В Клопском монастыре преподобный Михаил прожил сорок четыре года и преставился в 1452 году.

[4] Память преподобного Михаила положено праздновать всюду собором 1547 года.

День двенадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ТАТИАНЫ

Святая мученица Татиана родилась в Древнем Риме от знатных родителей. Отец ее, трижды бывший консулом, был тайным христианином и отличался богобоязненностью. Свою дочь, святую Татиану, он воспитал в благочестии и страхе Божием и научил ее Божественному Писанию. Когда святая Татиана достигла совершеннолетнего возраста, она восхотела проводить жизнь свою в девстве и целомудрии; невестой была она Христу; пламенея к Нему любовью, она Ему единому служила день и ночь, молитвою и постом умерщвляя плоть свою и порабощая ее духу. За свою добродетельную жизнь она сподобилась послужить Церкви: она была поставлена диакониссой, и, подобно бестелесным Ангелам, она служила Богу во плоти. И Христос Бог венчал невесту Свою мученическим венцом. Она пострадала следующим образом.

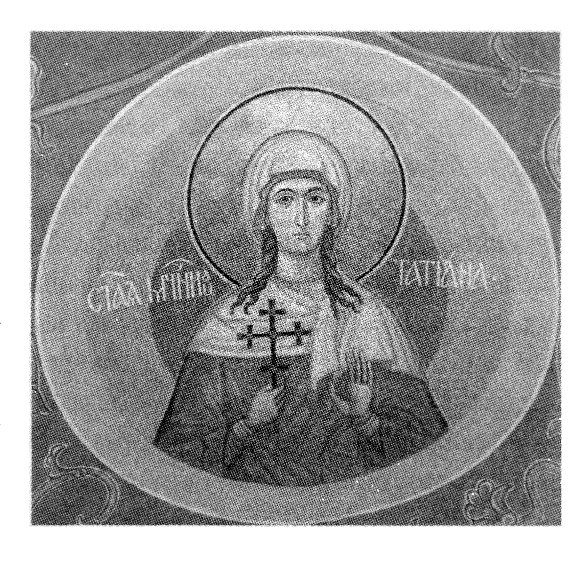
Когда был убит своими же римлянами нечестивый царь Антонин Гелиогабал[1] и тело его, влекомое по граду с поруганием, было брошено в реку Тибр[2], на царский престол был возведен Александр[3], юный шестнадцатилетний отрок. Он имел матерью — христианку,

---

[1] *Антонин Гелиогабал*, римский император, царствовал с 218 по 222 год; был крайне развращенным человеком, почему скоро навлек на себя презрение солдат. Он усыновил своего двоюродного брата, благородного Александра Севера, но когда он в этом раскаялся и стал покушаться на жизнь последнего, был умерщвлен солдатами.

[2] *Тибр* — река, вытекающая из Апеннин, при которой расположен город Рим.

[3] *Александр Север* царствовал с 222-го по 235 год.

именем Маммею; от нее он научился почитать Христа, но несогласно с верою Христовою, ибо в то же время он продолжал служить идолам и поклонялся им как древним богам римским. В его дворце были изображения Христа и почитаемого язычниками Аполлона[1], ветхозаветного Авраама и языческого Орфея[2] и многих других. Сам Александр, как сын христианки, не преследовал христиан, но наместники его, правители областей и консулы, сильно притесняли христиан. Так как сам Александр был слишком молод, то управление государством было поручено некоторым из членов совета; главным среди них был городской епарх[3] Ульпиан, жестокий нравом и великий враг христиан. Эти советники от имени царя управляли всем. Они-то и разослали повсюду повеление, чтобы галилеян (так они называли христиан) всюду принуждать поклоняться римским богам, угрожая им в случае неповиновения лютыми мучениями и даже смертью. Наблюдать же за тем, исполняется ли христианами это повеление, были избраны следующие лютейшие враги христиан и верные слуги диавола: комит[4] Виталий, кувикулярий[5] Васс, доместик[6] Кай. Тогда и в Риме, и во всех областях римского государства полилась

---

[1] *Аполлон* — один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов; почитался богом солнца и умственного просвещения, а также общественного благополучия и порядка, охранителем закона и божеством предсказания будущего.

[2] *Орфей* — певец-герой греческих мифов, сила пения которого, по верованию древних греков, была столь велика, что он приводил в движение деревья и скалы и укрощал диких зверей.

[3] *Епарх* — областной начальник; иногда же под этим именем разумелся начальник крепости, комендант. — Ульпиан был одним из приближеннейших к царю придворных вельмож.

[4] *Комитами* назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту.

[5] *Кувикулярий* — царский постельничий, спальник.

[6] *Доместики* — охранная стража римских императоров.

кровь христиан подобно воде. Их не щадили, но подвергали мучениям и предавали смерти.

В то время и святая дева Татиана была схвачена язычниками и приведена в храм Аполлона. Ее хотели принудить поклониться этому идолу. Она же помолилась истинному Богу, и вдруг произошло землетрясение: идол Аполлона упал и разбился на части, обрушилась также часть храма и придавила многих язычников и жрецов. Диавол, обитавший в идоле, с громким криком и рыданием бежал от того места, причем все слышали вопль его и видели тень, пронесшуюся по воздуху.

Тогда нечестивые повлекли святую деву на суд и мучения. Сначала они стали бить ее по лицу и терзать очи ей железными крючьями. По долгом мучении сами мучители изнемогли, ибо тело Христовой страдалицы для наносивших ей раны было твердо, как бы наковальня, и больше приняли муки сами мучители, чем святая мученица. И Ангелы невидимо стояли около святой и наносили удары тем, кто мучил святую Татиану, так что мучители взывали к беззаконному судье и просили его, чтобы он приказал прекратить мучения; они говорили, что сами они больше страдают, чем эта святая и невинная дева. Татиана же, мужественно претерпевая страдания, молилась за своих мучителей и просила Господа, чтобы Он отверз им свет истины. И молитва ее была услышана. Небесный свет озарил мучителей, и духовные очи их отверзлись. Они увидели четырех Ангелов, окружающих святую, услышали глас с небес, бывший к святой деве, и пали пред нею на землю и стали молить ее:

— Прости нас, служительница истинного Бога, прости, ибо не по нашей воле мы причиняли тебе мучения.

Все они (их было числом восемь человек) уверовали во Христа и восприяли крещение в своей собственной крови, ибо их за исповедание Христа жестоко мучили и, наконец, усекли им главы.

На другой день неправедный судья, воссев на судилище, опять приказал привести на мучение святую Татиану. Она же предстала пред своим мучителем совершенно здравой. Лицо ее было спокойно и радостно. Судья стал убеждать святую деву, чтобы она принесла жертву идолам, но старания его оставались тщетными. Тогда он приказал обнажить святую и бритвами резать ее. Девственное тело ее было бело как снег, и когда стали резать его, то из ран вместо крови истекало молоко, причем распространилось великое благоухание, как бы от сосуда

с ароматами. Святая же, воззрев на небо, молилась среди этих мучений. Затем ее крестообразно распростерли на земле и долгое время били жезлами, так что мучители изнемогали и часто сменялись. Ибо, как и прежде, Ангелы Божии невидимо стояли около святой и наносили раны тем, кто причинял удары святой мученице. Слуги мучителя изнемогали, заявляя, что им кто-то наносит удары железными палками. Наконец, девять из них умерло, пораженные десницею ангельской, а остальные упали на землю еле живыми. Святая же обличала судью и его служителей и говорила, что боги их — бездушные идолы.

Так как уже приближался вечер, то святую ввергли в темницу. Здесь она провела всю ночь, молясь Господу и воспевая Ему хвалы. Небесный свет озарил ее, и Ангелы Божии славословили вместе с нею. Утром ее снова привели на суд. Увидев святую мученицу вполне здоровой, с лицом еще более прекрасным, чем прежде, все были изумлены и удивлены. Сначала стали ласково и льстиво уговаривать, чтобы она принесла жертву великой богине их — Диане[1]. Святая дева показала вид, что согласна последовать их совету. Ее повели в храм Дианы. Бес, обитавший в идоле Дианы, почувствовал приближение святой девы и стал громогласно взывать:

— Горе мне, горе мне! Куда бежать мне от Твоего Духа, Боже небесный, ибо огонь, возгорающийся со всех углов этого храма, гонит меня?

Святая, приблизившись к храму, ознаменовала себя крестным знамением и, возведя свои очи к небу, стала молиться. Вдруг раздался страшный удар грома и заблистала молния: огонь, упавший с неба, попалил храм с идолом жертвы, жрецов; множество из неверующих, опаленные молнией, замертво упали на землю. Тогда повели святую Татиану в претор[2], подвесили ее там и терзали железными крючьями и даже вырвали ей сосцы. После этого святую заключили в темницу, и снова светозарные Ангелы небесные явились к святой страстотерпице, совершенно исцелили ее от ран и восхваляли ее мужественное страдание. Наутро святую Татиану привели в цирк[3] и выпустили на нее

---

[1] *Диана*, иначе *Артемида*, — греческая богиня луны и охоты.

[2] *Претор* — судебное место, где заседал начальник римский, или судья.

[3] *Цирком* называлась площадь, огороженная рядом скамей или стеною. Там происходили состязания бойцов между собою и со зверями. На эту площадь или арену бросали и христиан и потом выпускали хищных зверей, которые содержались при цирке в особых клетках.

страшного льва, чтобы он растерзал святую. Но свирепое животное не коснулось святой. Лев ласкался к ней и покорно лизал ее ноги. Когда же льва хотели было увести обратно из театра в клетку, он внезапно устремился на одного знатного сановника, по имени Евмения, и растерзал его. Святую Татиану снова повесили и снова начали строгать ее тело, но снова Ангелы невидимо наносили удары ее мучителям и те падали мертвыми. Тогда святую ввергли в огонь, но и огонь не вредил ей: сила огненного пламени стихала, как бы почитая рабу Христову. Нечестивцы же все сии дивные знамения приписывали не силе Христовой, а волхвованию; они остригли святой волосы, надеясь, что ее чары будут более недействительны. Они думали, что в волосах своих святая имеет некоторую волшебную силу, так что ничем нельзя повредить ей. Поэтому они остригли ей волосы и заключили ее в храм Зевса[1]. Безбожные думали, что святая никак не может более повредить их божеству, потому что с потерей волос она лишилась и силы волхвования. Два дня провела святая заключенной в том храме. Небесный свет, который всегда ее осиявал, разливался и в храме, и Ангелы ободряли и утешали ее. На третий день пришли жрецы с народом, чтобы принести жертву своему богу Зевсу. Отворив храм, они увидели, что идол их упал и разбился, а святая Татиана пребывала в радости о имени Господа Бога. Тогда ее привели в судилище. Судья, не зная, что еще сделать с ней, изрек ей смертный приговор, и святая Татиана была усечена мечом[2]. Вместе с нею казнили и отца ее, ибо узнали, что и он христианин. Сначала мучители лишили его почетного звания, отняли у него все его имение. Осужденный на смерть, он умер от меча вместе со своею дочерью за имя Христово. Оба они сподобились от Господа получить венцы мученические от Христа Бога, ему же слава вовеки. Аминь.

---

[1] *Зевс*, или *Юпитер*, — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

[2] Святая мученица Татиана пострадала во время гонения, воздвигнутого на христиан в четвертом году царствования Александра Севера, в 226 году.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
САВВЫ,
архиепископа Сербского[1]

Святой Савва был сын знаменитого основателя самостоятельного сербского государства, великого сербского жупана Стефана Немани, в иночестве Симеона, прославляемого Церковью как святого покровителя Сербии. Стефан Неманя жил в двенадцатом столетии. Он объединил большую часть сербских земель и доставил им политическую независимость. Сын его Савва явился создателем независимой сербской церкви.

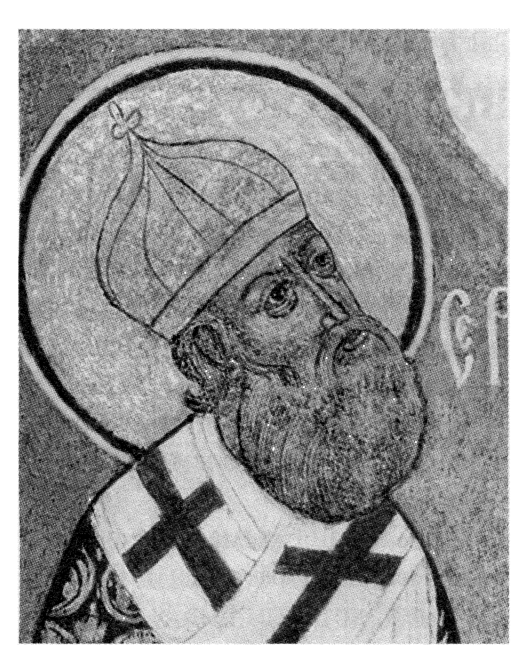
Савва был самым младшим из детей Стефана Немани и супруги его Анны. Родители, имея уже несколько детей, обратились к Господу с молитвой, чтобы Он даровал им еще сына, который был бы насадителем благочестия в их отечестве и прославил его. Они давали обет после того оставаться до смерти в чистоте. Молитва родителей была услышана: у них родился сын, которого в святом крещении они назвали Растько, иначе Ростислав, как бы предвидя возрастание в духовной славе, как их сына, так вместе с ним и их дорогого отечества.

Обрадованные милостью Божией, родители приложили все старания к доброму воспитанию сына. По миновании лет младенчества они поместили его в особых палатах, приставили воспитателей и позаботились о своевременном обучении его грамоте. Благодать Божия не оставляла отрока, дарованного родителям по особой их молитве: он возрастал телом и совершенствовался духовно, несказанно утешая своих родителей, проводя жизнь в благочестии и чистоте.

По окончании воспитания, родители дали ему отдельную область, в которой он мог бы жить самостоятельно вместе со своими слугами и развлекаться охотой и другими забавами, приличными знатным юношам.

---

[1] Житие святого Саввы было написано учеником его, Хиландарским иноком Дометианом. Оно положено в основание настоящего изложения. Издано *Даничичем* в книге «Живот светога Симеуна и светога Саве. У Београду. 1865». Есть другое житие неизвестного автора, написанное, однако, вскоре после Дометианова жития и содержащее некоторые дополнительные сведения. Издано тем же Даничичем в 1860 году. Оно здесь также принято во внимание, равно как и Дометианово житие святого Симеона.

Юноша удалился из дома родительского. Но забавы мирские его не прельщали. Мысль и сердце его были заняты совсем иными предметами. Ему всего чаще вспоминались слова псалма: *Блажен муж, боящийся Господа* — и слова Спасителя: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня* (Пс. 111, 1; Мф. 10, 37–38), его увлекал *путь Господень* — отречение от мира, искание прежде всего Царствия небесного и правды его. Вместо того чтобы предаваться пустым забавам, Растько предавался размышлениям о подвижнической жизни и молился Господу, чтобы Он указал ему надлежащий путь Свой. Растько слыхал о подвижнической жизни на святой горе Афонской и страстно желал встретить человека, который поведал бы ему все, что хотелось ему знать. И вот Бог послал ему одного чернеца, который хорошо знал святую гору. Это был русский инок из русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Он удовлетворил все желания знатного юноши, рассказал обо всех афонских святых обителях и о всех видах подвижничества на святой горе.

Рассказы захожего инока вполне соответствовали намерениям и чаяниям благочестивого юноши: он тогда же бесповоротно решил и дал обет Богу оставить мир и подвизаться на Афоне. Было всего семнадцать лет юноше, когда он решил оставить мирскую жизнь.

Горячо помолившись Господу Богу, он уговорил несколько богобоязненных мужей содействовать ему в исполнении его намерения и быть его спутниками, и немедля отправился в путь, прежде всего — в дом своих родителей. Несказанно обрадовались отец с матерью прибытию своего любезного сына, устроили по этому случаю пиршество и старались всячески оказывать ему свою ласку.

Через несколько дней пребывания в гостях у своих родителей Растько просится у них на охоту в одну неблизкую дикую местность,

богатую всякого рода добычей. Родители охотно дают свое согласие. Получив родительское благословение, Растько в сопровождении своих верных людей отправляется в путь, но не для звериной ловли в пустыню, а на святую Афонскую гору, для подвигов ради душевного спасения.

Достигнув благополучно Афона, Растько поселился в русском Пантелеимоновом монастыре, инок которого подробно повествовал ему ранее о святогорском подвижничестве.

Родители вскоре хватились сына. Догадываясь, что сына их увлек не кто иной, как русский монах, и не в иное место, как на Афон, Стефан Неманя немедленно послал одного из своих старших воевод с великим отрядом. Получив от греческого императора Исаака Ангела[1] строгое предписание к проту (настоятелю) Афонской горы и ко всем святогорцам и военный отряд от Солунского воеводы, уполномоченный Стефана Немани явился на Афон и нашел разыскиваемого знатного беглеца в монастыре святого Пантелеимона. Сильно обрадовался верный слуга Немани, что так скоро нашел, кого искал, и надеялся вскоре возвратить юношу к родителям, так горевавшим о нем, и получить за это достойную награду. Не надеясь, чтобы беглец добровольно и охотно вернулся на родину, оставив свое намерение, посланные не спускали с глаз юношу и стерегли, чтобы он снова не скрылся от них. Но Растько давно уже решился, несмотря ни на какие препятствия, принять иноческое пострижение на Афоне и остаться там. Это намерение было известно игумену Пантелеимонова монастыря, который и решился оказать содействие отважному юноше.

Однажды в субботу Растько распорядился, чтобы устроено было обильное угощение присланным за ним от отца воинам с тамошними обитателями. Когда после пиршества полегли заснуть, по распоряжению игумена ударили в било, призывавшее всех по обычаю на ночное бдение в храм Божий. Не только иноки, но и воины должны были идти в церковь. Отягченные пиршеством и продолжительным бдением стражи во время чтения кафизм заснули на своих местах в своих седалищах. Воспользовавшись сим обстоятельством, Растько приказал одному из своих слуг надеть его одежды и стоять на его месте до конца богослужения, сам же пошел в святой алтарь, произнес там иноческие обеты и, переодетый, вышел неузнанный из храма. Вместе с одним старцем-иноком он взошел в пирг, или башню, и заключился

---

[1] *Исаак Ангел* царствовал с 1185-го по 1195 год.

там. Не теряя времени, он принял там иноческое пострижение с именем Саввы и облекся в иноческие одежды.

Ночное бдение близилось к концу; под утро проснулись стражи и, к ужасу своему, убедились, что разысканный ими юноша опять скрылся. С великим негодованием они приступили к инокам монастыря и, грозя насилиями, требовали выдать им юношу или указать, куда он делся. Слыша сверху башни великое смятение и сожалея об участи иноков, могших много потерпеть из-за него, затворник склонился из окна башни и, показывая свою постриженную главу и монашескую одежду, закричал:

— Я здесь, но уже не Растько, а инок Савва: вот волосы главы моей и мои княжеские одежды; отнесите их родителям моим в доказательство того, что произошло со мною.

Страшное горе поразило старого воеводу и его спутников: все труды их пропали даром; теперь уже невозможно было возвратить юношу к его родителям таким, каким он с ними расстался, да и незачем: он отрекся от мира сего.

С печалью посланные Стефана Немани пошли в обратный путь в свое отечество.

Оставшись в монастыре святого Пантелеимона, новопостриженный инок Савва положил начало своим монашеским подвигам и дал много золота на строение принявшего его русского Пантелеимонова монастыря.

Немного времени спустя подошел праздник Благовещения Пресвятой Богородице, торжественно празднуемый в Ватопедском монастыре на Афоне. К сему празднику приглашались все подвижники Афона. Получил приглашение и царственный инок Савва. С великой радостью и охотой он отправился на славное торжество, на которое собрались все афонские подвижники во главе с протом афонских обитателей. Встреченный вниманием всех афонских властей, Савва получил возможность видеть вполне церковное торжество на Афоне, этом излюбленном Пресвятой Богородицей святом месте. Он так был поражен всем виденным и слышанным, что тотчас же решился остаться в обители Пресвятой Богородицы, и стал усердно просить игумена Ватопедской обители Феостирикта принять его в число братии монастыря. Искренняя просьба Саввы была принята и удовлетворена: он вступил в число рядовой братии и усердно начал выполнять все иноческие обязанности и послушания. При самом своем вступле-

нии в Ватопедский монастырь Савва поспешил сделать богатый вклад в обитель, которая так поразила его и удовлетворила его давние благочестивые желания.

Между тем известие, принесенное в Сербию посланными Стефаном Неманей для розысков его сына, глубоко потрясло не только его родителей, но и всю страну: царственный юноша отказался от родной семьи и всего мирского и стал монахом! На первых порах родители грустили, разлучившись с сыном, но скоро они сознали, что на все есть воля Божия, а будучи благочестивыми христианами, печаль переменили на радость, видя в своем сыне служителя Божиего и ожидая от него блага, как себе самим, так и отечеству.

Собрав свои мысли и чувства, родители отправили Савве слезное послание, в котором, выражая сожаление о разлуке, но вместе с тем воздавая славу Господу Богу, все устроящему Своей премудростью ко благу, убеждают и умоляют сына навестить родителей, приехать в родную Сербию и доставить всем утешение, обещая после свидания беспрепятственно отпустить его обратно на святую гору.

Вместе с посланием родители отправили сыну большую сумму золота, как для его личных потребностей, так и для раздачи афонским церквам и убогим людям.

Святой Савва был утешен сим родительским посланием, но не пожелал отправиться на родину: он горел желанием подвизаться на Афоне, куда так стремился и где благополучно водворился.

Имея пребывание в обители Ватопедской, Савва часто предпринимал путешествия по святой Афонской горе, желая видеть святые обители, помолиться в них видеть великих подвижников, побеседовать с ними и получить духовное назидание. Босыми ногами в простой одежде он ходил по всему Афону, взбирался на самые крутые и высокие скалы, ходил по пропастям и стремнинам, отыскивая уединенных подвижников, ютившихся, подобно птицам, на едва доступных человеку утесах гор. Совершая такие хожденья, Савва имел целью не только удовлетворить свое желание видеть и изучить афонскую подвижническую жизнь: он вместе с тем желал помочь материально тем беднякам, каковыми были обыкновенно одиночные афонские подвижники. На помощь им он не щадил тех средств, какие были у него в изобилии.

При таких странствиях по Афону не раз он подвергался большим опасностям, но Господь помогал ему. В те времена Афонская гора

много страдала от морских разбойников, которые, высаживаясь на берег, грабили там целые обители и подстерегали прохожих и проезжих как на море около берегов, так и на суше. Савва имел обычай по временам заготовлять теплые хлебы и самолично развозить их по пустыням для раздачи одиночным подвижникам, не имевшим никакой теплой и вареной пищи, а питавшимся разной растительностью. Савва любил это делать в святую Четыредесятницу по субботам. В одну из таких суббот, рано утром, навьючив мулов теплыми хлебами, он отправился спешно, идя впереди босой и горя желанием доставить утешение Христовым подвижникам. Дорога шла близ моря, Савва проходил близ места, именовавшегося Милопотам. Здесь напали на него разбойники и схватили как его самого, так и бывших с ним. Савва был очень огорчен тем, что путь его так внезапно замедлился. Из глубины души он обратился с молитвою к Господу Богу о своем избавлении, и Господь спас его. Разбойники приступили к допросу:

— Кто ты и откуда идешь?

Савва отвечал:

— Я — ученик отца Макария; он послал меня вчера в Есфигмен по одному духовному делу, но братия удержала меня до сегодняшнего утра, чтобы послать со мною хлебы на благословение старцам, ибо большие монастыри имеют обычай посылать хлеб на утешение пустынникам, страждущим Христа ради и не имеющим иного утешения, как только милостыню, которую посылает им Господь Бог.

Эта речь святого Саввы смягчила жестокие сердца разбойников, они умилились по вере и отпустили Савву, так что он поспел к старцу вовремя. Только что встали на молитву, как в монастырь явились и разбойники: раскаявшись в своих поступках, они пошли вслед за Саввой и, увидев старца, попросили у него благословения и рассказали все, что случилось с ними в пути. Старец наставил их словами Божиими, и они умилились и доверились старцу. Эти корсары, или морские разбойники, принадлежали к числу известных знатных лиц. Они спросили старца:

— Поведай нам Христа ради, действительно ли этот чернец (то есть Савва) твой ученик? Мы видим на нем некое преславное знамение.

Старец отвечал:

— Христа ради я скажу вам, дети мои: этот чернец — Божий ученик, а нам — один из братий; сын он благоверного царя Сербского; всеблагий Бог послал его нам на посещение Своих рабов: как видите,

он оставил свое царство и обходит пустыню сию, посещая и утешая, питая и одевая страждущих Христа ради в пустынях и горах, в пещерах и пропастях земных, подобно солнцу все осиявая и милуя, чая помилования и утешения в жизни вечной.

Бывшие разбойники, слыша это, пали к ногам Саввы и просили благословения. Получив благословенье как от него, так и от старца, они дали обещание больше не заниматься разбоем и отправились в свои дома.

Другой подобный случай произошел в одно из посещений святым Саввой лавры святого Афанасия Афонского. Савва ехал в лавру на лодке по морю в сопровождении нескольких лиц из братии. Когда они приближались к лавре, напали и захватили их разбойники. Одному из спутников Саввы удалось как-то избежать рук разбойников, и он поспешил в лавру святого Афанасия и сообщил игумену о постигшей их напасти. Игумен и братия, услышав об этом, очень встревожились и поскорее послали одного из своей братии, отличавшегося своим умом. Между тем святой Савва, находясь в руках разбойников, внутреннею молитвою взывал к Господу об избавлении. Вскоре является посланный из лавры брат и приветствует разбойников:

— Со счастливым прибытием! Добро пожаловать в монастырь, там можно отдохнуть и получить все, что необходимо для вас!

Взглянув же на молодого инока Савву, хитроумный чернец как бы с великим гневом сказал ему:

— А ты куда пришел? Не в такое ли-то место послал тебя игумен, а ты чинишь по своей воле?

И хотел как бы ударить Савву. Савва же как бы от страха бросился от него, выскочил из лодки и побежал. Изумленные разбойники пришли как бы в забытье от всего случившегося и ничего не сказали. Только потом в монастыре, куда укрылся Савва, они увидели его, узнали, кто он такой, и очень сожалели между собою о том, какое сокровище выпустили из своих рук.

Пробыв некоторое время в лавре, приняв духовное и телесное утешение вместе с игуменом и братией, святой Савва возвратился благополучно в Ватопедскую обитель.

Пользуясь теми средствами, каковые получены были от благочестивых родителей, святой Савва приступил к построению и украшению храмов в Ватопедской обители. Прежде всего он создал храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, в монастырской крепости, на

восток от великой церкви. Затем там же в крепости, по соседству с упомянутым храмом, он стал воздвигать церковь во имя святого Иоанна Златоуста, имея в сердце своем надежду, что со временем поселится здесь и его стареющий державный родитель Стефан Неманя.

По совершении и украшении этих двух новых церквей Савва не оставил втуне и главного Ватопедского храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы: храм этот был крыт черепицею; находя такую кровлю непрочною, Савва заменил ее оловянною, на что потребовались немалые средства.

Затем Савва построил еще церковь — в монастырской башне, или пирге, во имя Преображения Спасова.

Кроме этих главных построек святой Савва не щадил средств на внутренние украшения и утварь для главного Ватопедского храма Благовещения; все эти драгоценности остались здесь на память потомству о великом благодетеле святой горы, прибывшем из земли Сербской.

Мысль о привлечении на Афон своего благочестивого отца Стефана Неманю не оставляла святого Савву. Он решился, наконец, написать своим родителям красноречивое послание, в котором убеждал отца оставить царство земное и искать пути в Царство небесное, приняв ангельский образ и переселившись к нему на святую гору.

Стефан Неманя давно уже помышлял об этом; давно уже он желал отказаться от мирской власти и всего мирского и принять иночество. Теперь, после красноречивых убеждений сына, он решился осуществить свое намерение. Посоветовавшись с единомышленною с ним супругою благочестивою Анною, Стефан Неманя призвал сына своего Стефана и в присутствии вельмож и властей со всего государства вручил ему власть над Сербией, назначил его великим жупаном, а сам объявил свое намерение отречься от мира. Прощаясь со своими вельможами и слугами, он всех богато наградил и одарил, несвободным дал свободу и обеспечил неимущих. Порвав таким образом все мирские связи, он произнес иноческие обеты и с именем Симеона принял пострижение от руки своего епископа Каллиника в своей задужбине, в построенном им самим монастыре Студеницком.

Супруга его Анна последовала его примеру и также приняла пострижение от того же епископа и поселилась в одном из женских монастырей.

Первое время по своем пострижении новый царственный инок Симеон провел в монастыре Студеницком, навыкая иноческому пра-

вилу и исполняя первые иноческие послушания. Многие из вельмож, соревнуя благочестию своего государя, не захотели оставаться в мире, приняли пострижение и решили сопутствовать на новом пути своему бывшему государю; когда Симеон решил отправиться на Афон, они последовали за ним.

Отправляясь на святую гору, Симеон взял с собою много золота, одежд, коней и всякой сбруи, и других вещей, и когда прибыл в Ватопедский монастырь, то принес все это в дар обители, в которой он должен был поселиться и где ожидал его сын Савва.

Трогательная и чудная была картина встречи двух царственных иноков — молодого еще Саввы и престарелого отца его, теперь носившего имя Симеона. Такое необычайное событие взволновало всю Афонскую гору. Все желали видеть этих чудных иноков, начиная с прота святой горы и кончая самыми простыми подвижниками: в Ватопед устремились даже из самых глухих недоступных стремнин и пещер никогда не выходившие из своих убежищ подвижники и молчальники, желая насладиться чудным и необычайным зрелищем пришествия на их гору подвизаться вместе с ними этих двух царственных иноков.

И не одни Афонские подвижники с изумлением слышали и взирали на таковых слуг Божиих: весть о них дошла, конечно, и до царствующего града, и не только все дивились сему происшествию, но многие из вельмож и знатных людей последовали их примеру.

Новый пришелец на Афон, царственный инок Симеон, сразу мог видеть всех тех подвижников, о которых давно знал. И никого он не оставил без своей милости и благодеяния. Раздав много милостыни бедным, он по всем обителям Афонским разослал свои приношения золотом и церковными вещами на память о себе. Особенно же он одарил принявшую его в число своей братии обитель Ватопедскую, вручив настоятелю большую сумму золота и множество облачений и других церковных вещей для храма, а также коней, лошаков и сбруи для монастырских потреб.

Старец Симеон, ослабленный болезнями, желая, однако, слышать церковную службу, пристроил со стороны алтаря главного храма Благовещения келью с окном в алтарь, и чрез это окно видел и слушал ежедневно церковное богослужение.

Между тем святой Савва, заботясь о своем родителе и не оставляя обычных ежедневных иноческих подвигов, широко развивал свою

благотворительную и строительную деятельность по святой горе́. Обратив внимание на церковь святого Стефана, разрушенную разбойниками и опустевшую, он восстановил ее, снабдил всем необходимым для того, чтобы при ней могли жить иноки, и передал это иноческое прибежище в ведение Ватопедской обители. При обустройке этого монастырька он озаботился о возведении крепости и сторожевой башни (пирга) для защиты от нападений разбойнических.

В Ватопедский монастырь приходило много богомольцев из ближних и дальних стран; много было людей, работавших на монастырь из усердия. Все сии люди часто ничего не имели и могли питаться только монастырской милостыней. Человеколюбивый Савва принял к сердцу нужды этих людей: он сделал крупный взнос в Ватопедскую казну, для того чтобы все сии люди не терпели нужды, всегда имели пищу и питие, не обременяя монастырь.

Много было и таких, которые приходили в монастырь только потому, что слышали о необычных знаменитых подвижниках, желали посмотреть на них. И всех таковых Савва ублаготворял из своих средств; много было просителей, и ни один не оставался без удовлетворения.

Святой Савва создал в Ватопедском монастыре палаты: одну — с именем своего отца Симеона, другую — со своим именем; эти палаты остались навсегда в память их.

Все, что было при монастыре ветхого и заброшенного, он обновил и восстановил.

Святой Савва, обозрев на Афоне и в его пределах многие метохии, то есть монастырские земли, запустевшие и никем не возделываемые, рассудил приобрести их для Ватопедского монастыря: испросив разрешение византийского императора, он обустроил их, населил и укрепил за принявшей его и его родителя обителью.

Между тем старец Симеон, пожив некоторое время в Ватопеде, решил осуществить давнее свое желание — обозреть всю святую гору, поклониться святым церквам, посетить подвижников и побеседовать.

Вместе со святым Саввою они прежде всего отправились в монастырь Карею, где пребывал прот горы Афонской. Получив его благословение и поклонившись святыням, Симеон и Савва богато одарили монастырь и деньгами, и, особенно, драгоценными вещами: сосудами церковными и прочею утварью, облачениями, покровами. За такие жертвы оба записаны были навсегда в синодик как вторые ктиторы

монастыря, ибо первым ктитором был греческий царь Михаил, создавший храм во имя Пресвятой Богородицы в благодарность за исцеление от болезни.

Подобным образом Симеон и Савва посетили лавру Иверской Пресвятой Богородицы, именуемой Портатисса, и великую лавру святого Афанасия Афонского. И сии обители были обогащены их вкладами, и в них оба сербские благотворителя записаны были вторыми ктиторами.

Посещая монастыри и пустыни, делая богатые вклады, Симеон и Савва одаряли везде иноков и щедро раздавали милостыню всем нуждающимся.

Во время этого путешествия сербские иноки присматривали место, где они могли бы устроить свой монастырь. Но для этого нужно было разрешение греческого царя. Случай испросить таковое вскоре представился.

Ватопедскому игумену встретилась неотложная надобность отправиться в Царьград к императору по монастырским делам. На совещании с иноками игумен попросил Савву сходить в Константинополь вместо него. Савва охотно согласился.

В Константинополе он благосклонно был принят царем Алексеем[1], которому Стефан Неманя приходился сватом. Царь, конечно, давно знал о пострижении Немани и о пребывании его на Афоне, а потому подробно расспрашивал об их жизни.

Воздав Савве большую честь, царь послал богатые дары и Симеону.

Царь благосклонно удовлетворил все ходатайства Ватопедского монастыря. При этом случае Савва обратился к царю и с личной просьбой: уступить ему и его отцу на Афоне запустелый небольшой монастырь, по имени Хиландарь. Царь охотно дал им на это согласие, пожаловал монастырь со всеми принадлежавшими ему метохиями и утвердил это грамотою.

Возвратившись на Афон, Савва с радостью рассказал своему родителю о своем успехе. Получив во владение свое Хиландарь, они присоединили его к монастырю Ватопедскому, в котором жили, и приступили к его устроению.

Это приобретение удовлетворяло лично Симеона и Савву, но не удовлетворяло их сербских соотечественников, во множестве притекавших на Афон для поклонения святыне. Один из таких благочести-

[1] *Алексей Ангел* царствовал с 1195-го по 1203 год.

вых поклонников обратился к святому Савве с советом об устроении такого монастыря на Афоне, который был бы постоянным и независимым прибежищем для их отечества и в котором могли бы принимать пострижение и подвизаться желающие из Сербии. Такой совет был по сердцу святому Савве, горячо любившему свое отечество и пекшемуся о его пользах. Он сообщил об этом и родителю своему старцу Симеону, который также одобрил это намерение.

Савва обратился к игумену Ватопедского монастыря об уступке им запустелого местечка для построения келий для сербов и для устройства для них особого монастыря. Но игумен, опасаясь ухода из Ватопеда таких благотворителей, не согласился на сию просьбу. Тогда Савва и Симеон обратились со своей просьбой к проту горы Афонской и общему собору афонских монастырей. Собор во главе с протом охотно согласился удовлетворить просьбу и предложил выбирать любое свободное место для устроения монастыря для сербов.

И вот престарелый Симеон вместе с Саввой снова отправляются путешествовать по Афону. Не имея возможности по старости лет ездить на коне, Симеон путешествовал на носилках, укрепленных между двух коней. Много они видели прекрасных мест, но все-таки не нашли ничего лучше излюбленного ими Хиландаря. Когда они вернулись из путешествия и сообщили свою мысль Ватопедскому игумену, тот теперь согласился, боясь, чтобы не разгневались царственные иноки и не оставили совсем Ватопедского монастыря.

Тогда святой Савва принялся за окончательное устроение монастыря. Прежде всего он возобновил и расширил древний главный храм Хиландарский во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Вокруг монастыря построил крепостную стену с высоким пиргом, или башней. Внутри стен он воздвиг обширные палаты для жительства иноков. Желая расширить владения монастыря, он испросил у прота и всех святогорцев разрешения присоединить к Хиландарю местечко Малею.

Великолепно украсив все здания, святой Савва вместе с отцом своим Симеоном перешел из Ватопеда на постоянное жительство в Хиландарь, и здесь стали оба подвизаться.

Желая более обеспечить за собою и за Сербией воссозданный монастырь, Савва, после совета со своим родителем, снова отправился в Царьград к царю Алексею. Принятый благосклонно царем, он рассказал ему обо всем, что устроено было ими на Афоне, и просил вновь

укрепить за ними и за их отечеством Сербией их создание, а вместе просил от царя и личного его участия в сем предприятии. Царь отнесся сочувственно, утвердил все их приобретения и от себя пожаловал в их владение свой царский монастырь на Афоне, по имени Зиг, и утвердил за ними грамотою. Хиландарь со всеми присоединенными к нему приобретениями и пожалованиями причислен был к монастырям царским ставропигиальным, поставлен был таким образом в особое льготное положение на Афоне.

Велика была радость святого Саввы и его отца, старца Симеона, когда Савва вернулся с таким успехом от царя и вручил грамоты царские проту и собору святогорцев, которые теперь, согласно воле царя, передали монастырь Зиг во владение Хиландаря. Вскоре были сделаны и новые приобретения; куплен был у собора старцев монастырь святых исповедников. В пользу Хиландаря пожаловано было основателями много метохий, или доходных имений, в их отечестве Сербии.

И так под общим именем Хиландаря объединено было до четырнадцати отдельных монастырей и владений на Афоне, что, вместе с денежными вкладами, обеспечило вполне безбедное жительство двумстам инокам из сербского народа. Чтобы обеспечить за Сербией монастырь Хиландарский и на будущее время, он передан был основателями в ведение великого сербского жупана Стефана, старшего сына Симеонова и брата святого Саввы, как наследственное владение сербских государей.

Так благополучно осуществились заветные желания святого Симеона и Саввы относительно создания на Афоне монастыря для сербов. Обеспеченный материально и прославленный подвигами Симеона и Саввы, Хиландарь надолго сделался средоточием просвещения христианского не только для сербов, но и для других православных славян.

Монашескую жизнь в Хиландаре святой Савва устроил по правилам монастырей общежительных и написал свой устав, который оставил в руководство и последующим поколениям подвижников.

На святой горе существовали не только общежительные монастыри, но и другие различные образы подвижничества. Многие иноки избирали для себя подвижничество скитское: собираясь по два и по три, иноки предавались подвигам молчания и богомыслия.

Святой Савва, усердно изучая разные виды иноческого подвижничества и стараясь себя испытать во всех оных, восхотел подвизаться в

ските. Скитническое подвижничество было особенно распространено около монастыря, носившего наименование Карея. Здесь святой Савва купил местечко и устроил в нем сихастарию, или «молчальничество», построил при ней церковь во имя святого Саввы Освященного, иерусалимского, для пребывания при ней двоим или троим подвижникам. В этой сихастарии он и сам пожил некоторое время в подвигах молчания и богомыслия и написал устав для подвижничества здесь; этот устав служил для руководства подвижникам и в последующие времена.

Между тем престарелый отец его Симеон приближался к исходу из этой жизни. Преподобный Савва, постоянно имевший неослабное попечение о своем родителе, не оставлял его перед кончиной. Однажды целую ночь Савва бодрствовал в молитве, предвидя кончину старца. Оставив у ложа отца одного из иноков, сам отправился на утреннее богослужение. Вскоре он был позван к отцу и увидел, что тот готовится к кончине. Савва снял отца с одра и в знак великого смирения положил его на пол на рогожку и на ней перенес в церковную припрату, или паперть. Здесь старец Симеон, пробудившись как бы от сна, стал благословлять своего сына и собравшуюся вокруг его братию Хиландарского монастыря. В это время послышался какой-то шум и старец Симеон стал петь псалом: «всякое дыхание да славит Господа», с начала до конца. Все слышали ангельское пение, а старец пел вместе с Ангелами — и затем испустил дух. Раздались рыдания о кончине присноблаженного брата. Святой Савва проливал слезы и радости и скорби вместе: радости потому, что сподобился видеть блаженную кончину старца, скорби же потому, что лишился своего родителя и сподвижника.

После торжественного отпевания тело усопшего положено было в мраморной раке в церкви Пресвятой Богородицы Хиландарской.

Перед своей кончиной старец завещал сыну своему Савве со временем перенести его останки в отечество Сербию, что потом и было исполнено.

Теперь преподобный Савва остался на Афоне опять один и предавался духовным подвигам, непрестанно воспоминая в молитвах своего покойного родителя. Не раз в ночных видениях усопший являлся Савве, утешал его, открывал о своем пребывании в обителях небесных и предсказывал, что ему, Савве, предстоит устроить дела веры и благочестия в их отечестве.

По-прежнему и еще с большим усердием Савва предавался делам благотворительности. Непрестанно он раздавал милостыню убогим и нищим, помогал бедным, разыскивал нуждающихся подвижников и поддерживал их; он не мог отказать ни в какой просьбе о помощи в деле построения или возобновление и поддержания церквей и монастырей, и не только на Афоне, но и в других, часто отдаленных местах. Иногда оскудевали его обыкновенные средства, которые разнообразно получались им из отечества. Но тогда являлась ему помощь свыше. Вот какое чудо совершилось со святым Саввою предстательством Пресвятой Богородицы.

Не раз святой Савва бывал в Царьграде и по обычаю благотворил монастырям и церквам. Особенно же он питал любовь к храму Пресвятой Богородицы Евергетиссы, или Благодательницы. Еще при жизни своего отца он сделал большой вклад на поминовение их рода; потом он вместе с родителем стал вносить ежегодный оброк в пользу этого храма; наконец, святой Савва на свой счет сделал в монастыре пристройку, чтобы иметь себе местопребывание во время посещений Царьграда. В одно из таких посещений является к нему одна благочестивая и благообразная женщина и говорит, что божественною волею ей повелено открыть Савве, что на святой горе в пределах владений Хиландарского монастыря в двух местах в земле сокрыты сокровища, которыми он может воспользоваться для своих надобностей. Жизнеописатель святого Саввы высказывает мнение, что это откровение получено было Саввою от Самой Пресвятой Богородицы, но, по своему смирению, он не явил этого. По возвращении в святую гору преподобный Савва воспользовался полученным указанием и действительно открыл сокровища в двух местах, но взял их не ради своей корысти, а ради милостыни убогим и нищим и для поддержки святогорских церквей и подвижников.

Афонские монастыри, особенно приморские, часто беспокоили и разоряли морские разбойники, или корсары. Раз они захватили монастырь Каракалл, разграбили сокровища и пленили иноков вместе с игуменом для продажи хотя бы в рабство. Корсары привели пленников к лавре святого Афанасия Афонского, рассчитывая на выкуп. Лавриоты и выкупили их у разбойников, но под условием лишения монастыря Каракалла самостоятельности и подчинения его, как метохии, лавре. После этого выкупленные игумен и братия были немилосердно удалены из Каракалла. Тогда они обратились к неизменному благо-

творителю Савве, который, приняв к сердцу бедствия иноков, снова выкупил у лавры монастырь Каракалл со всеми его правами, возвратил туда изгнанников и, восстановив монастырь после разбойнического разрушения, снабдил его всем необходимым для возобновления богослужения и мирной иноческой жизни.

Подобным образом он восстановил запустевший от разбойнических разорений монастырь святых сорока мучеников, именуемый Ксиропотам, богато украсил его живописью и снабдил всем необходимым. Святой Савва явился таким образом новым ктитором монастыря и установил здесь навсегда поминовение своего державного рода.

Из года в год святой Савва устраивал в Хиландаре торжественное поминовение своего родителя на день его кончины. Тогда собирались по его приглашению иноки ото всех монастырей афонских с протом во главе. По откровению свыше, благочестивый Савва знал, что родитель его за гробом приобщился к лику святых и молил Господа о прославлении его и пред людьми на земле, надеясь и веруя, что благочестивое желание его не останется тщетным.

Накануне одного из годичных поминальных празднеств по старце Симеоне, святой Савва после вечернего богослужения обратился к проту с прошением наутро помолиться Господу при гробе Симеона о его прославлении и вручил ему ключи от церкви, сам же со своими сербскими сподвижниками удалился для утреннего богослужения в другую церковь в пирге, или башне. Во время великого славословия на утрене внезапно распространилось по храму необыкновенное благоухание, приведшее всех бывших в храме в сладостную духовную радость; и усмотрели тогда, что иссохшие кости старца Симеона из мраморного гроба источали благовонное миро. Сообщили об этом служившему утреню проту, который поспешил сообщить об этом святому Савве. С великою радостью Савва поспешил со своими собратьями к гробу старца Симеона и воочию увидел великую милость Божию, непостыдно оправдавшую его горячую веру. Со слезами умиления он облобызал раку, чудесно источившую благодатное миро. Многие больные или одержимые духами нечистыми получили исцеление, помазуясь благовонным миром и прикасаясь к раке мощей. Вследствие этих чудес собор афонских иноков причислил нового чудотворца к лику прежних святых и положил праздновать ему вместе со святым Симеоном Богоприимцем. Святому Савве собор поручил составить стихиры и канон и описать чудотворения, что и было им вскоре исполнено.

Три дня праздновали в Хиландаре по случаю прославления святого Симеона. Святой Савва приготовил обильную трапезу для всех собравшихся на торжество и отпустил, щедро всех одарив.

Святой Савва подвизался уже довольные лета, но все оставался простым иноком. Прот святой горы Дометий, особенно чтивший и любивший Савву, давно убеждал его принять священный сан, но Савва, считая себя недостойным, долго отказывался. Наконец, склоненный доводами Дометия, он решился принять посвящение сначала в диакона, а потом иерея, что и совершено было приглашенным в Хиландарь епископом ближнего города Иериссо Николаем, имевшим право поставлять на священство на Афоне.

Спустя некоторое время святой Савва отправился по делам монастыря в город Солунь, где остановился в монастыре Филокалия, которого он был благотворителем и считался ктитором. Митрополит Солунский Константий, много слышавший о Савве от епископа Иерисского Николая, после неоднократных бесед призвал Савву служить в кафедральном храме вместе с собою и епископами Николаем Иерисским, Михаилом Кассандрским и Димитрием Адрамитским. Сии иерархи соборные благословили его носить набедренник и возвели в сан архимандрита. С этой новой честью возвратился он в Хиландарь.

Обо всем, что совершилось на Афоне, святой подробно сообщал своему державному брату, великому жупану Стефану, в Сербию; послал и миро от гроба новоявленного чудотворца — родителя их — и описание чудес и службу.

С великой радостью принимал сии послания державный Стефан; радовалась с ним вместе и вся Сербия. Стефан горячо желал перенесения мощей Симеона в Сербию согласно и с волей самого святопочившего.

Во время бедствий, вызванных междоусобной войной, поднятой против него братом Волканом, Стефан написал святому Савве обширное послание, горячо убеждая прийти в Сербию и перенести святые мироточивые мощи Симеона, с глубокой верой, что благодатная сила их будет содействовать умиротворению отечества по их молитвам.

Святой Савва не замедлил исполнить просьбу брата и вместе завещание своего отца. Подняв святые мощи, он понес их в Сербию в сопровождении многих афонских подвижников. Не доходя еще до границ Сербии, он предупредил брата о приближении святых мощей. Стефан в сопровождении духовного клира, сановников и народа вы-

шел навстречу. Велика была всеобщая радость при этой встрече, когда видели возвращение в отечество прославленных мощей прежнего великого жупана — отца и цветущего добродетелями сына его, архимандрита Савву. Стефан горячо облобызал мощи и обнялся с братом после столь долгой разлуки.

Святые мощи Симеона поставлены были в построенном им Студеницком монастыре, в котором он принял и пострижение, и обильно источали миро, чудесно исцелявшее недуги и вселявшее духовную радость во всех с верою притекавших.

Святой Савва вместе с сопровождавшими его афонскими иноками водворился также в Студеницком монастыре, к всеобщей радости его соотечественников.

Пребывая здесь, а также обходя обители, грады и веси, Савва постоянно поучал всех вере и благочестию. Все видели с утешением, как водворяется в отечестве мир и тишина, как укрепляется вера и добрые нравы. Вражда между братьями утихла, и Волкан покорился брату.

По обычаю, святой Савва раздавал милостыню, благотворил церквам, возобновлял ветхие и созидал новые, как он делал на Афоне, куда и теперь он горячо желал возвратиться, несмотря на видимое для всех благо, принесенное им в отечество. Он не раз обращался к державному брату Стефану с просьбой об отпуске на святую гору; но Стефан горячо убеждал брата остаться при нем и послужить на пользу церкви и веры. Он предложил святому Савве принять игуменство в Студеницком монастыре, на что тот имел полное право, как уже посвященный в сан архимандрита. После некоторого колебания Савва согласился править дорогим для обоих братьев и всех сербов монастырем, предаваясь неусыпной деятельности по созиданию храмов и насаждению всюду веры и благочестия.

Вместе с братом своим Стефаном святой Савва решил основать новый Спасов монастырь Жичу (во славу Вознесения Господня), который потом сделался кафедральным монастырем сербской архиепископии. Устраивая как сей, так и другие монастыри, святой Савва вводил в них те обычаи подвижничества, какие он видел на Афоне: киновии, лавры, сихистарии. Желая, чтобы всюду в его отечестве славилось имя Божие, святой Савва старался создавать как можно более церквей, а где этого достигнуть не удавалось, там он водружал, по крайней мере, святой крест, взирая на который все помнили бы о Распятом.

Уже при жизни своей святой Савва сподобился дара чудотворений. Так, однажды в Студеницком монастыре он увидел расслабленного, который в беспомощном состоянии просил при дороге милостыни, воспевая псалмы Давидовы. Прослезился Савва о немощи человеческой, перенес расслабленного в храм пред икону Спасову и вознес горячую молитву о болящем, помазал его миром от раки святого Симеона и разрешил от грехов. Расслабленный встал здравым. Весть об этом чудесном исцелении разнеслась всюду, болящие из разных мест спешили в Студеницкую обитель и прибегали к молитвам святого Саввы об исцелении. Савва молился, помазывал больных миром от раки своего родителя, и больные получали исцеление.

Деятельность Саввы и слава о новом мироточивом чудотворце Симеоне привлекали внимание к Сербии и окрестных стран. В тяжелые тогдашние времена многие искали убежища у сербского великого жупана Стефана и находили защиту. Чудотворная молитва святого Саввы касалась и таковых.

К великому жупану сербскому Стефану бежал под защиту болгарский боярин Стрез, родственник царя болгарского Калояна, погибшего при походе на Солунь во время занятия летинянами Царьграда. Новый болгарский царь Борис (или Борил) требовал выдачи Стреза, как родственника прежнего царя. Стефан не только не выдал искавшего защиты беглеца, но оказывал ему всякое покровительство и даже дал во владение город Просек, на реке Вардаре, с областью. Стрез оказался, однако, неблагодарным и жестоким. Он мучил своих подданных и, наконец, поднял восстание против Стефана. Должна была произойти кровавая битва. Святой Савва был глубоко огорчен и употребил свои меры, чтобы предотвратить кровопролитие. Он смело пошел в лагерь Стреза и, что удивительно, был благосклонно принят этим жестоким владетелем, который встречал его и знал при дворе Стефана. Савва всячески убеждал его не проливать напрасной крови, отказаться от своего намерения, вспомнить благодеяния Стефана и заключенный с ним перед святым Евангелием в церкви союз названного братства. Стрез оставался упорным. Тогда Савва сказал, что между ним и Стефаном рассудит Бог, и удалился. Ночью Савва обратился с горячей к Господу молитвой, чтобы Он направил оружие неблагодарного Стреза против него самого. И в ту же ночь к Стрезу является неизвестный грозный юноша, взимает оружие Стреза и, поразив его, исчезает. Стрез издает вопли и умоляет позвать к нему

Савву, считая поразившего его посланцем Саввы. Но Савва удалился из лагеря, и его не нашли. Стрез скончался, а дружина его быстро рассеялась; кровопролитие было устранено.

Много дела полезного и благотворного было святому Савве в его отечестве, которое он горячо любил. Но сильна была его любовь к святой горе, по которой он тосковал и непрестанно стремился туда возвратиться. Много раз заявил он об этом своем желании брату Стефану, который с горестью выслушивал эти заявления и всячески старался удержать Савву при себе. Савва оставался, но потом опять обращался с просьбами об отпуске, наконец решился окончательно. С грустью проводил его до греческих пределов державный Стефан, не теряя, однако, надежды, что это удаление будет опять только временным; сокрушались, провожая Савву, и все его соотечественники.

Как грустны были проводы Саввы из Сербии, так радостна была его встреча на Афоне не только иноками Хиландарского монастыря, но и всеми святогорцами.

С новым усердием Савва опять стал подвизаться на святой горе, предаваясь уединению, молчанию и богомыслию. Но в то же время он продолжал и дела благотворительности, без чего никогда и нигде он не мог жить: снова он призирал убогих, подавал милостыню нищим, благотворил церквам и помогал подвижникам.

Так прошло несколько лет. В Сербии сожалели об удалении Саввы и желали его возвращения. Не раз писал к нему об этом брат Стефан. Савва оставался, однако, непреклонным. Но вот произошло такое событие, которое заставило всех особенно желать возвращения Саввы в отечество: вдруг прекратилось истечение мира от раки святого Симеона. Все увидели в сем гнев Божий и горячо желали молитв Саввы при гробе Симеона. Приведенный в ужас Стефан написал убедительное послание к Савве, умоляя его прибыть в Сербию и вместе с ним и со всем народом помолиться у гроба мироточивого старца Симеона о возвращении благодати мироточения. Святой Савва внял этому молению, но и на этот раз лично сам не отправился в Сербию, а послал некоего инока Илария, вручив ему горячее молитвенное послание к своему свято почившему родителю Симеону, которое должно было быть прочитано у гроба святого в присутствии державного Стефана и народа после богослужения и молебна. В своем послании сын по естеству обращался к Симеону — как отец к духовному сыну, ибо таковым при жизни своей старец Симеон признавал Савву, склонившего его

оставить мир и избрать иноческий путь к спасению. Инок Иларий исполнил все так, как указал Савва. После прочтения послания Саввы при раке Симеона вдруг по храму разнеслось благоухание и снова стало истекать от раки благодатное миро, приносившее тут же целение болящим. Все горячо возблагодарили Господа Бога за великую его милость и дивились духовной мощи подвижника Саввы. Это чудо принесло утешение и ободрение всей Сербии.

В те времена совершились великие события на Православном Востоке, который тяжко пострадал от латинян. Царствующий град Константинополь взят был в 1204 году латинянами. Греческий царь и патриарх должны были искать иного места, для того чтобы стараться о восстановлении разоренного царства и утверждении много пострадавшего Православия. В соседних православных державах Болгарии и Сербии были свои беды и нужды, и государи сербские и болгарские усердно старались отстоять и свою независимость в эти тяжелые времена, и чистое Православие.

Святой Савва лучше, чем кто-либо из его славянских современников, знал положение дел, беды и нужды на православном Востоке. Как в благоприятные дни царства греческого он нередко бывал в Царьграде и имел сношения с царями, так и теперь, во времена бедствий, он не прекратил сношений с греческим царем и патриархом. Царь Феодор Ласкарис и патриарх имели тогда местопребывание в Малой Азии, в городе Никее, прославленном бывшими в нем святыми Вселенскими соборами, I и VII. У святого Саввы немало было надобностей явиться к царю и патриарху как по делам Хиландарского афонского монастыря, так и по нуждам его отечества, Сербии. Он решился отправиться в Никею.

Царь Феодор Ласкарис находился в близких родственных отношениях с сербским великим жупаном: сын Стефана, стало быть, родной племянник святого Саввы, был женат на дочери царя Феодора Ласкариса. Сербский царствующий дом, начиная со Стефана Немани, в это время уже прославленного святого Симеона, и с прежними государями был в родстве и пользовался уважением с их стороны. Теперь же особенно близки стали отношения между сербским и греческим государями и по родственным отношением, и по общим нуждам защиты свободы и православия от латинян. Неудивительно поэтому, что святой Савва принят был в Никее царем и патриархом не только благосклонно, но весьма радушно. Все просьбы Саввы относительно дел Хиландарского монастыря были вполне удовлетворены.

Но мысли и заботы святого Саввы не ограничивались только Хиландарским монастырем: они не менее устремлены были и на нужды и пользы отечества, на его независимость и самостоятельность, государственную и церковную.

Мудрый Савва нашел, что теперь представилось благоприятное время для приобретения для Сербии церковной самостоятельности.

Покончив с делами по Хиландарскому монастырю, святой Савва обратился к царю Феодору с важной просьбой относительно сербской церкви. Он красноречиво и подробно изложил состояние веры в своем отечестве; указал на заботы и успехи в деле сохранения и поддержания чистоты Православия в те трудные времена, когда распространялась на Православном Востоке у южных славян и греков нечестивая богомильская ересь, и когда как на греков, так и на славян православных наступили с Запада латиняне. Но чтобы эти заботы и успехи в деле веры были прочны, необходимо было, как доказывал Савва, иметь Сербии не одного епископа, поставляемого царьградским патриархом, как было доселе, а архиепископа, самостоятельного или автокефального, который сам учреждал бы епархии и поставлял на них епископов вместе с сербским духовным собором. Такая важная просьба привела сначала в смущение царя и патриарха. Но после размышлений и рассуждений и царь, и патриарх признали, что, удовлетворив такую просьбу, они и Сербии принесут и для себя получат великую пользу: Сербия, получив самостоятельного архиепископа и учредив новые епархии, будет легче защищать и утверждать Православие и не поддастся на соблазны латинства, а вместе возвысится среди соседних государств; Греция в благодарность за это благодеяние получит в лице сербского государя друга и союзника в борьбе с врагами империи.

Когда таким образом этот важный вопрос в основе был благоприятно для Сербии решен, святой Савва просил возвести в сан архиепископа Сербского одного из сопутствовавших ему старцев иеромонахов. Но ни царь, ни патриарх не нашли возможным поступить согласно предложению Саввы: они сказали, что никого не желают возводить в этот высокий сан, кроме самого просителя и ходатая. Такой оборот дела был для смиренного Саввы совершенно неожиданным: он и не помышлял об этом. Но воля царя и патриарха была непреклонна. По обычаю помолившись Господу Богу и вняв убеждениям, как царя с патриархом, так и своих спутников, Савва усмотрел в сем волю Божию и согласился. Царь распорядился дать из своей

казны все необходимое для поставления в высокий сан автокефального архиепископа. И вот вселенский патриарх Герман в праздник Успения Пресвятой Богородицы в 1222 году рукоположил Савву в архиепископа Сербского в присутствии царя и вельмож.

Обласканный, почтенный высоким саном и богато одаренный царем и патриархом, Савва пошел в обратный путь. Морем он достиг святой горы Афонской. Весть о возведении Саввы в архиепископа предупредила его возвращение. Все афонские подвижники — от прота до последнего отшельника — старались и спешили получить благословение от новопоставленного и приветствовать его. Особенно велика радость была в монастыре Хиландарском, но вместе и печаль: предстояло, быть может, навсегда расстаться с великим основателем обители и незаменимым руководителем иноков. Дрот и игумены всех важнейших монастырей афонских один за другим просили Савву посетить их обители, совершить архиерейское служение и рукоположить некоторых в сан диакона и иерея. Святой Савва с тщанием исполнял сии прошения: его душе отрадно было вновь посетить обители, которые он так чтил и любил, и помолиться в них.

Наставив в последний раз братию своего Хиландарского монастыря жить по его уставам и заветам, святой Савва отправился в отечество в сопровождении немалого числа иноков, своих учеников и сподвижников, которых он намеревался поставить потом в Сербию на важные духовные должности. Грустил Савва, расставаясь со столь любимой им святой горой, но утешался от сознания высоты того служения, на которое он шел в свое отечество.

Свой путь с Афона Савва держал на знаменитый город Солунь. Здесь он прежде всего поклонился мощам великомученика Димитрия мироточца, а затем отправился к солунскому владыке, митрополиту Константию, с которым издавна находился в любви и тесной дружбе. С сим митрополитом Савва много беседовал о трудных делах церковного управления и искал у него советов и указаний. Святой Савва пробыл в Солуни значительное время, живя в своем монастыре Филокалии, которому теперь он принес новые и богатые дары.

Просвещенный Савва посвятил проведенное здесь время книжному делу: для управления самостоятельною церковью ему нужны были церковные и гражданские законы. Приобретением таковых книг на греческом языке, который Савва знал в совершенстве, и переводом их на славянский язык он и занялся. Плодом трудов его было появле-

ние в свет на славянском языке Кормчей книги, которой потом воспользовались для церковного управления не только сербы, но болгары и русские.

Подготовившись, таким образом, к своему высокому служению, Савва пошел в отечество, послав предварительно своему брату великому жупану сербскому Стефану послание, извещая обо всем происшедшем с ним и о своем возвращении.

Стефан и вся Сербия возрадовались возвращению Саввы в сане архиепископа. Ему устроена была на границе Сербии торжественная встреча, в которой, однако, Стефан лично не мог принять участия, так как был болен и лежал в постели. Встреченный с великой радостью вельможами и народом, Савва прибыл к брату и молитвою своею воздвиг его от одра болезни, благословил и братски облобызал.

Тут же оба брата стали заботиться об устроении церкви. Прежде заложенный монастырь Жичу они порешили скорее окончить и в нем основать архиепископскую кафедру.

Повидавшись с братом и приняв необходимые первоначальные меры относительно церковных дел, святой Савва отправился в Студеницкий монастырь к гробу своего родителя и братии, которой он правил перед своим путешествием на восток как архимандрит.

Облобызав гробницу святого Симеона, обильно источавшую целебное миро, Савва занялся поучением иноков и устроением церковных дел.

Теперь, облеченный архиепископскою властью, он решительнее стал продолжать дело насаждения в Сербии иноческого подвижничества по образцам подвижничества афонского. Он вводил порядок и уставы касательно как общего церковного богослужения, так и келейного правила и всего поведения иноческого.

Уже ранее святым Саввою вместе с братом Стефаном было положено основание новому монастырю в Жиче с великою церковью Вознесения Господня. Здесь решено было утвердить сербскую архиепископскую кафедру. Савва отправился сюда и приступил к быстрому завершению постройки и украшения обители.

Самой первой и главной заботой святого Саввы, ставшего теперь архиепископом, было устроение сербской церкви. Все пространство сербских владений Савва разделил на двенадцать епархий и поставил для них епископов, избрав достойных лиц главным образом из своих учеников и сподвижников. Новопоставленных епископов он научил,

как следует править паствою, и вручил им книги законов для церковного управления.

Спустя некоторое время Савва собрал общий сербский церковный собор из епископов черного и белого духовенства и мирян для укрепления истинной православной веры. Тогда в Сербии было много неустройств в деле веры: существовала и нечестивая ересь богомильская, были и остатки язычества, много было вообще разных нестроений и пороков среди христиан. На соборе святой Савва произнес обширное и красноречивое поучение об утверждении православия. Изложено было вновь православное исповедание веры, обсуждены ереси и приняты меры к искоренению разных суеверий, нестроений и пороков.

Между прочим, выяснилось, что много было живших в брачном сожительстве, но без церковного венчания; многие так жили давно и имели уже детей, даже взрослых. Святой Савва из своих учеников избрал достойных, поставил их протопопами и разослал по стране венчать тех мужей и жен, которые оставались без венчания, причем приказано было вместе с родителями венчать и их взрослых детей. Тем же протопопам поручено было искоренять и другие недостатки в духовной жизни страны.

Сербский государь носил доселе титул великого жупана, между тем соседние государи имели титулы царей или королей. Брат Саввы Стефан, соответственно силе и значению своего государства, желал быть венчанным королевским венцом. Это было теперь вполне возможно, так как Сербия имела самостоятельного иерарха, который мог совершить обряд венчания. Сие и совершил святой Савва в кафедральном храме монастыря Жичи. Так как короли соседних государств получали корону от Римского папы, то ради признания королем и сербского государя со стороны соседей найдено было нужным обратиться к Римскому папе за согласием, которое и последовало и выразилось в присылке короны; но это обстоятельство не повело к подчинению папе и не повредило Православию.

Возвышение Сербии было неприятно для соседнего короля венгерского Владислава, который готов был выступить войною против первовенчанного короля сербского Стефана. Желая избежать кровопролития, Стефан просил брата своего, архиепископа Савву, отправиться к венгерскому королю, для того чтобы дело устроить миром. Савва отправился и принят был благосклонно; но король не хотел делать никаких уступок. Чудодейственная молитва Саввы, однако, со-

действовала благому концу. Совершилось следующее чудо. Переговоры с королем происходили в жаркий день. Истомленный от жары и жажды, Савва попросил подать льду. Но лед оказался растаявшим в погребах. Тогда святой Савва обратился с молитвою к Господу, и вдруг нашла туча, засверкала молния, ударил гром и посыпался обильный град, покрывший землю. Савва повелел набрать граду в сосуд, благословясь, испробовал сам и предложил королю со словами:

— Так как у вас лед истаял, то я с молитвою обратился к Господу Богу, и Он послал нам этот прохлаждающий дар!

Все были удивлены сим чудом и с благоговением стали относиться к святому Савве. Король переменил свои отношения к Сербии; мысль о войне была оставлена. Сверх того, король возымел такое почтение и уважение к Савве, что пожелал исповедать ему свои грехи и получить разрешение от него. Савва тщательно исполнил это и убеждал короля не без успеха отказаться от латинства и возвратиться к Православию.

Вернувшись в Сербию, святой Савва все поведал брату своему, и оба они возблагодарили Бога за сии благодеяния.

Король Стефан Первовенчанный достиг старости и нередко впадал в недуги. Он имел горячее желание принять пред смертью ангельский образ, постричься от своего брата Саввы. Но архиепископ отклонял эту просьбу, говоря, что не настало еще время. Однажды Стефан сильно заболел, а святой Савва находился в дальней отлучке. Тотчас же послали за ним. Савва немедленно поспешил к больному брату; но на дороге встретил его новый посланец, сообщивший, что король скончался уже и незачем очень спешить — в живых его нет. Но святой Савва, напротив, еще более ускорил свой путь, огорчаясь тем, что он не облек вовремя своего брата в ангельский образ, и молясь Господу о сохранении брата в числе живых. И что же? Когда Савва с горячею молитвою приблизился к одру брата, он нашел в нем признаки жизни, и Стефан немедленно очнулся. Возрадовался святой Савва, облек Стефана в великий ангельский образ с именем Симеона и воздал ему предсмертное целование. Король Стефан, в иночестве Симеон, тихо почил на руках своего брата, святого Саввы. Прах его положен был в монастыре Студеницком рядом с ракой его отца, святого Симеона Немани.

Сербский престол занял старший сын Стефана Первовенчанного, Радослав, которого святой Савва торжественно венчал королевским венцом.

Давно святой Савва горел желанием посетить Святую землю, поклониться Гробу Господню и походить по тем местам, которые прославлены жизнью и смертью нашего Спасителя. Он желал также посетить знаменитые палестинские обители и видеть жизнь палестинских подвижников. Теперь свою мысль и решение Савва сообщил своему племяннику, королю Радославу. Тяжело было королю расставаться с дядей, который мог быть его мудрым советником и руководителем, но он не смел отказать ему в просьбе и отпустил, снабдив его на путешествие большой суммой золота.

Святой Савва отправился через принадлежавшее Сербии Адриатическое приморье, сел на собственный корабль и направился к Святой земле. Совершив благополучно плавание, он вскоре достиг святого града Иерусалима, где был с любовью принят Иерусалимским патриархом Афанасием, и приступил к обозрению святынь и поклонению им в Иерусалиме и окрестностях. Вместе с патриархом он служил в великом храме Воскресения, равно как с благословения патриарха и в других знаменитых храмах на Сионе, в Вифлееме, Гефсимании, на Елеоне, в Вифании. Во всех этих храмах, как и других посещенных им святых местах, Савва щедро раздавал милостыню и вносил жертвы на поддержание, устроение и украшение святых храмов.

Святой Савва ходил на Иордан видеть место Богоявления и в пещерную церковь Иоанна Крестителя, а оттуда опять в Иерусалим через обитель святого Герасима. После некоторого отдыха он отправился в знаменитую лавру своего соименника, святого Саввы Освященного, где с почетом был принят братией. Оттуда путешествовал он к Мертвому морю, посещал пещеры молчальников и беседовал с ними. Посетил он также обитель великого Евфимия и Феодосия Киновиарха. Возвратившись в Иерусалим, оттуда он снова путешествовал в разные места: и в Назарет, и на Фавор.

Живя в Иерусалиме, обходя обители и другие замечательные места, святой Савва старался приобрести полезное и для себя, и для своего отечества. Он изучал уставы и правила церковные, приобретал книги, беседовал с просвещенными иерархами и подвижниками о делах церковного управления и душевного спасения. Сверх того, для отечества своего он приобрел много святых мощей и церковной утвари.

Обозрев Святую землю и поклонившись святыням, Савва направился к греческому царю Иоанну Ватаце, имевшему местопребывание еще в Никее, где Савва ранее посетил прежнего царя Феодора Ласка-

риса, тестя Ватацы. Святой Савва был радушно принят царем, особенно же царицей, которая и ранее при своем родителе видела святого Савву и питала к нему великую любовь и почтение. Царь и царица щедро одарили Сербского архиепископа казной и дорогой утварью для святых церквей. С честью был отпущен Савва на царском корабле с военной охраной. Он отправился на святую Афонскую гору, где посетил Ватопед, в котором принял пострижение, Ивер и другие монастыри, главным же образом пребывал в своем сербском Хиландарском монастыре. Рады были на Афоне видеть своего прежнего сподвижника и собрата все святогорцы. По обычаю, святой Савва благотворил щедро церквам, инокам и нищим, как из своих средств, так и из пожалованных греческим царем и царицей.

Со святой Афонской горы Савва направился в город Солунь, где независимо от Никейского царя, держал власть также именовавший себя царем Феодор из фамилии Ангелов. И для этого властителя, и для Сербии было важно соблюдать мир в смутные времена, и потому святой Савва был радушно принят Феодором и это посещение Саввой Солуня принесло немалую пользу Сербии.

Оттуда Савва отправился в свое отечество. Весть об этом побудила сербского короля Радослава выйти навстречу Савве в сопровождении духовенства, вельмож и народа. Радостна была эта встреча и для святого Саввы, и для сербского народа, во главе с государем.

Отдохнув от долгого странствования в Студеницком монастыре при гробе своего родителя, святого Симеона Мироточца, архиепископ Савва усердно принялся за дела веры и церкви.

Прежде всего он созвал духовный собор в Студеницкой лавре на память кончины своего брата, Стефана Первовенчанного, в иночестве Симеона. После богослужения и особенного молебствия святой Савва приказал открыть раку усопшего, в которой и были обретены нетленные мощи, наполнившие храм благоуханием. Велика была всеобщая радость о этой новой милости Божией. Тогда же решили торжественно перенести святые мощи в общую задушбину Стефана Первовенчанного и святого Саввы в новосозданный ими кафедральный монастырь Жичу.

После этого святой Савва отправился обозревать епархии всей своей архиепископии сербской, творя владычный суд, исправляя недостатки, поучая вере и благочестию и щедро раздавая милостыню неимущим и убогим, и благотворя церквам и монастырям. Никто не

оставлен был Саввою в сем странствии без поучения и наставления: и вельможи, и воины, и простые люди слышали от него мудрые уроки христианской жизни.

Но святому Савве пришлось испытать и тяжелые огорчения. Произошла междоусобная распря между королем Радославом и его младшим братом Владиславом, который беззаконно восстал на старшего брата. Король Радослав сначала пользовался любовью народа, но потом некоторыми недобрыми поступками, особенно в своей семейной жизни, он вызвал к себе нерасположение: многие вельможи отложились от него и приняли сторону возмутившегося младшего брата. Радослав был свергнут с престола, изгнан и бежал в Драч на Адриатическое море, где, испытав насилие от одного франкского латинского властителя, должен был бежать. Прибежище и защиту он нашел у своего дяди, архиепископа Саввы, который убедил его после бурной мирской жизни искать успокоение в жизни иноческой: Радослав пострижен был Саввою в иночество под именем Иоанна и, подвизавшись недолгое время, скончался.

После смерти Радослава святой Савва венчал королевским сербским венцом младшего племянника Владислава, признанного теперь всеми сербами. Владислав благоговейно относился к своему дяде, слушался его наставления и тщился в делах благочестия подражать отцу своему и деду. С благословения святого Саввы он выстроил себе задушбину, величественный храм Вознесения Господня в Милешеве.

Много и с любовью трудился святой Савва для блага сербской церкви, много он сделал добра и принес пользы как владыка — архиепископ; но душа его все-таки стремилась к святым дальним местам и подвигам в отшельническом уединении. И вот, отдаваясь своему внутреннему влечению, он решает сложить с себя бремя архиепископства и снова пуститься в странствие на восток. Мысль свою он сообщает прямо Владиславу, епископам и вельможам. Все горячо упрашивают его не покидать своей паствы, но святой Савва остается непреклонным, он говорит, что должен посетить такие святые места, в которых еще не был, а затем, возвратившись, он будет до конца дней пребывать с ними в безмолвном подвижничестве.

Собрав церковный собор, он выбрал достойнейшего из своих учеников иеромонаха Арсения, и рукоположил его в Сербские архиепископы на свое место, а сам, наставив паству, снова пустился в дальнее странствование.

И на этот раз он держал свой путь морем из Далмации. На морях тогда везде было много морских разбойников. Распространился слух, что Савва везет с собою великие богатства. Разбойники подстерегали корабль Саввы и готовы были напасть, но, по горячей молитве Саввы, корабельщики его удачно избежали подстерегавших разбойников и приплыли в безопасную пристань Бриндизи в Италии. Разбойники раскаялись и, прибыв в ту же пристань, просили прощения у святого Саввы. Отправившись в дальнейшее путешествие, святой странник подвергся новой опасности. Поднялась страшная буря. Корабельщики отказались управлять кораблем и ждали только помощи свыше. Все единодушно они обратились к Савве, прося его молитв и заступничества. Савва горячо помолился Господу Богу, воздевая руки к небу против ветра, поддерживаемый корабельщиками. И Господь услышал его молитву: внезапно буря стала утихать, и все воздали благодарение Господу Богу и святому Савве. Когда прибыли в приморский город Палестины Акру, святой Савва остановился здесь на подворье лавры Саввы Освященного, которое ранее он выкупил у франков. Слава о чуде укрощения молитвою Саввы бури на море от корабельщиков распространилась в народе, и многие стремились видеть чудного старца и получить от него благословение.

Из Акры святой Савва направился в Иерусалим морским же путем на другом корабле через Великую Кесарию и Иоппию, или Яффу.

В Иерусалиме он остановился в монастыре святого Иоанна Богослова, который он ранее еще выкупил и передал для заведования инокам лавры святого Саввы Освященного. С иноками этой лавры, радостно встретившими его, он отправился в храм Воскресения Христова для поклонения святыне. Там он увидался с Иерусалимским патриархом Афанасием, который подробно расспрашивал его о путешествии, о родине святого Саввы, о войне и мире в пройденных им странах. Святой Савва участвовал в богослужении вместе с патриархом, который при сем случае пророчественно говорил присутствующим о заслугах, благодеяниях и чудотворениях Саввы.

В Иерусалиме Савва был уже известен, и новое появление его здесь привлекало к нему много народа, искавшего его молитвы и благодеяния.

Утвердив свое местопребывание в монастыре святого Иоанна Богослова, святой Савва посещал святые места, беседовал с подвижниками, из коих многие издавна были ему знакомы, особенно в лавре святого Саввы.

Но поклонением Иерусалимским святыням Савва не ограничился. Из Иерусалима он предпринял несколько дальних путешествий. Так он пожелал посетить египетскую Александрию. Здесь он благосклонно и с честью был принят Александрийским патриархом, который имел уже некоторые сведения о знаменитом Сербском архиепископе, а теперь при личной встрече подробно расспрашивал об его отечестве. Святой Савва в Александрии посетил святые церкви, поклонился святыням и всюду делал приношения, а в патриаршей кафедральной церкви вписал свой род в церковный синодик, сделав богатый вклад. С патриархом они обменялись богатыми дарами.

Получив от патриарха благонадежных и знающих руководителей из иноков, святой Савва отправился путешествовать по пустыням, прилегающим к Александрии, чтобы видеть пустынническое подвижничество и побеседовать с отшельниками; он побывал в Мареоте и в пустынях Ливийских. С любовью и смирением он искал и принимал поучения от молчальников, подвижничество которых всеми прославлялось как совершеннейший путь к спасению. Оттуда он прошел в Фиваиду и в Черную Гору, славившуюся скитническим подвижничеством, побывал в некоторых местах Сирии и даже Персии и, наконец, возвратился в Иерусалим.

После некоторого отдохновения он отправился в новое путешествие — на Синай. Пройдя долину Иорданскую, он достиг Вавилона, где поклонился гробам трех отроков Анании, Азарии и Мисаила. Местный султан отнесся к нему благосклонно и дал проводников к султану египетскому, который также оказал святому Савве внимание и проводил на гору Синай.

На Синае святой Савва принят был радушно Синайским епископом и поселился при монастыре Пресвятой Богородицы. На Синае святой Савва пробыл в подвигах целую святую Четыредесятницу, поклоняясь святыням и изучая тамошнюю подвижническую жизнь и молясь в сем святом месте о своем отечестве.

С Синая святой Савва снова возвратился в Иерусалим. После некоторого отдохновения он вновь обозрел все святыни и поклонился им, а затем стал готовиться к новому путешествию. Сердечно простившись с Иерусалимским патриархом Афанасием и с игуменом лавры Саввы Освященного Николаем, равно как со всем патриаршим клиром и братиями монастырей, святой Савва направился в город Антиохию, где был радушно принят Антиохийским патриархом. По-

сетив святые церкви в самой Антиохии, святой Савва совершил путешествие для поклонения гробу святого Симеона на Дивной горе.

Из Антиохии Савва направился в Царьград через Армению и Анатолию. Сухопутное путешествие он совершил благополучно, на море же его постигла тяжкая болезнь. Спутники трепетали за его жизнь, уговаривали его принять пищу, ибо несколько дней он ничего не вкушал; но Савва не мог принять никакой пищи, кроме свежего чего-либо. Но берега были далеко, и кормчий корабля грубо отказал в остановке для означенной цели. Спутники Саввы сообщили ему об этом, но он успокоил их, говоря, что на все есть воля Божия, и сетовать не должно. Вдруг в это время волною выкинуло на корабль к тому самому месту, где лежал болящий Савва, большую живую рыбу. Савва, указывая на нее, сказал:

— Вот и послал нам Господь Бог потребное!

Рыба была приготовлена, и все бывшие на корабле ею напитались. Святой Савва, подкрепившись свежей пищей, встал совершенно здоровым, а устыженный происшедшим кормчий просил прощения у владыки.

Прибыв в Царьград святой Савва прежде всего направился в монастырь Пресвятой Богородицы Евергетиссы, где имел свое помещение для пребывания. Затем отсюда он отправился в середину города к храму святого апостола Андрея, где имел переговоры по разным делам с правившими тогда Царьградом латинскими магистрами.

Из Царьграда, обычный путь для святого Саввы лежал, по-видимому, на Святую гору, чтобы оттуда возвратиться в отечество. Но Богу угодно было путь его направить иначе. Святой Савва из Царьграда морем доехал до города Месемврии на Черном море, а оттуда пошел в болгарскую столицу, город Тернов, к своему свату, болгарскому царю Иоанну Асеню, дочь которого была за сербским королем Владиславом, племянником святого Саввы. Болгарский царь устроил торжественную встречу Саввы и с великою честью принял его в столичном городе Тернове, предоставив в его пользование собственные палаты и слуг. Святой Савва накануне праздника Богоявления святил крещенскую воду в кафедральном храме сорока мучеников, а наутро служил вместе с патриархом Болгарским.

Вскоре болгарский царь, приняв благословение святого Саввы, выехал из города ради охоты; между тем святой Савва тяжко заболел и чувствовал приближение кончины.

Он собрал около себя своих учеников и спутников и сделал предсмертные распоряжения. Во время своего путешествия по Востоку он собрал множество святынь и драгоценных вещей для своего отечества: святых мощей, сосудов, книг, риз и иной утвари церковной; многое из этих предметов он получил в дар, многое приобрел покупкою. Все сии сокровища он распределил точно, что куда следует отдать, и послал вперед себя в отечество.

Между тем болезнь усиливалась. В один субботний вечер Савва призвал своих учеников и велел им почить на некоторое время, потому что потом предстоит им бодрствовать более. В полуночи святой Савва исполнился особенной духовной радости и в горячей молитве к Господу ждал своей кончины, которая засим вскоре и последовала в присутствии его учеников.

Благоговейно обрядив тело почившего, ученики стали заботиться о погребении. Немедленно послано было извещение царю болгарскому, который приказал патриарху Болгарскому Иоакиму торжественно похоронить святого Савву в храме сорока мучеников в Тернове, что и было исполнено со славою и честью. Царь приказал по случаю погребения Сербского архиепископа раздать из своей казны большую сумму золота нищим и убогим. Сам святой Савва пред смертью своею завещал так же вклады и вещами и казною на свое погребение и поминовение в храм сорока мучеников.

Спустя немного лет по преставлении святого Саввы преемник его, архиепископ Сербский Арсений, и сербский король Владислав решили перенести прах покойного первого Сербского архиепископа из Тернова в отечество. Король отправил посольство к тестю с просьбой о разрешении перенести останки почившего пастыря. Но болгарский царь Иоанн, патриарх и народ никак не хотели отпустить и для них драгоценный гроб. Они отвечали, что если бы гроб оставался в небрежении, то сербы могли бы требовать перенесения праха, между тем гробница находится в главном храме, богато украшена и окружена всяческим попечением.

Владислав отправил второе посольство, но и оно не имело успеха. Тогда он решил отправиться к тестю лично, в сопровождении вельмож и епископов. Но и личное прошение Владислава сначала не могло склонить болгарского царя на отпуск тела святого Саввы. Как ни ласково, ни почтительно царь Иоанн принял своего зятя, он все-таки не хотел расстаться с дорогим и для болгар гробом. Только ниспосланное

свыше ночное видение царю Иоанну заставило его не противиться просьбе сербского короля и народа. Царь Иоанн после видения уразумел, что здесь воля Божия, а не человеческая.

Торжественно совершено было перенесение праха святого Саввы. Когда, готовясь к подъему и перенесению, открыли гроб, то обрели тело нетленным. Приспособив все тщательно к далекому путешествию, после молебствия, подняли святые мощи и пустились в путь. Король Владислав дивился, как все скоро и благоприятно устроилось, ибо царь болгарский, поощренный видением, хотя и решился отпустить тело Саввы, но все еще не вполне освободился от своего неудовольствия.

Но вскоре после унесения мощей, один расслабленный чернец, по имени Неофит, прилег на деревянных досках, которые были при гробе святого Саввы; прикосновение к сим древам принесло ему внезапное исцеление. Сие чудо принесло великую радость болгарскому народу: чудотворная сила святого Саввы сохранилась на месте его погребения и по унесении его святых мощей. И после совершалось много чудес на месте, где стоял гроб святого Саввы в храме сорока мучеников.

Когда шествие со святыми мощами приблизилось к пределам Сербии, архиепископ Арсений, с епископами и прочим духовенством, равно как бояре и множество народа, вышли в сретение, воспевая духовные песнопения с духовною радостью и весельем.

С чувством глубокой радости и утешения все лобызали нетленные мощи святого Саввы и торжественно принесли их в монастырь Милешево, только что построенный сербским королем Владиславом как его задушбина. Здесь был уже уготован Владиславом честный гроб для положения мощей святого Саввы, к которым стало стекаться множество народа со всех концов сербской земле.

Немного времени спустя было явление святого Саввы одному из учеников его; святой Савва объявил, что с того времени, как Господь взял его от мира земного, ему не надлежит жить в гробе, а лежать в церкве на видение всем.

Тогда вновь вынули мощи его из земли и положили в деревянном ковчеге и поставили посреди великой церкви.

Святой Савва при своей долгой святой жизни совершил много благих дел и для отдельных людей, и главным образом для своего отечества Сербии, укрепив в нем веру и благочестие, создав церковную

иерархию и правильное церковное управление, дав пример и образец подвижничества. Все свои заветы он предал в своих немалочисленных письменных трудах.

И люди, жившие с ним в одно время и во все последующие времена, не только одни сербы, но и все православные, чтили и чтят этого святого, великого благодетеля и покровителя земле сербской и всего Православия.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПЕТРА АВЕСАЛАМИТА

Петр, называемый Авесаламитом, уроженец Елевферопольской[1] страны, был схвачен при наступлении гонения на христиан[2] в городе Авлоне[3]. Когда его привели на допрос к правителю Северу, тот спросил:

— Как тебя зовут?

Петр отвечал:

— По отцу меня зовут Авесаламит, духовное же имя, полученное мною при крещении, — Петр.

— Какого ты рода? — спросил правитель.

Петр отвечал:

— Я христианин.

— Какого ты звания? — спросил правитель.

— Высшего и лучшего звания, чем звание христианина, я не могу иметь, — отвечал Петр.

— Есть ли у тебя родители? — спросил правитель.

— Нет, — отвечал Петр.

— Ты лжешь, — сказал правитель, — ибо я слышал, что у тебя есть родители.

---

[1] *Елевферополь* — палестинский город, находившийся между Средиземным морем и Мертвым на восток от Аскалона. В IV веке был значительным городом, ныне от него не осталось и следов.

[2] Разумеется гонение, начавшееся около 303 года, под конец царствования на Востоке Диоклетиана, на Западе — Максимиана (284–305 гг.).

[3] Город в Македонии с многолюдным портом при заливе с тем же именем.

— В Евангелии мне дано повеление, — отвечал Петр, — отрекаться от всего, когда я иду на исповедание имени Господня (Лк. 14, 26; Мф. 10, 37; 19, 29; Мк. 10, 29–30; Лк. 18, 29–30).

— Известно ли тебе царское повеление? — спросил правитель.

— Я знаю, — отвечал Петр, — то, что повелел мой Бог, истинный и вечный Царь.

Правитель сказал:

— Всемилостивые цари[1] повелели, чтобы все христиане или принесли жертвы богам, или были погублены посредством разных казней.

Петр отвечал:

— А истинный вечный Царь заповедал, что, если кто принесет жертву идолам, а не живому Богу, тот погибнет навеки. Рассуди по справедливости: можно ли нарушить эту заповедь небесного Царя?

— Послушай меня, — сказал правитель, — принеси жертву богам и исполни приказание наших царей.

Петр отвечал:

— Я не принесу жертвы изделию человеческих рук — богам деревянным и каменным, которым вы подобны.

— Ты оскорбляешь нас, — возразил правитель. — Разве ты не знаешь, что я могу предать тебя смерти?

— Я не оскорбляю тебя, — отвечал Петр, — но говорю то, что написано в законе Господнем: *их идолы — серебро и золото, дело рук человеческих: у них есть уста, глаза, ноздри, уши, руки и ноги, но не говорят, не видят, не обоняют, не слышат, не осязают, не ходят.* Господь говорит в Писании: *Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них* (Пс. 113, 12–16)[2]. Если же Дух Святой от Господа сказал это чрез уста пророков, то как же ты говоришь, будто бы я оскорбил тебя, назвав подобным глухим и немым каменным и деревянным идолам, — и даже еще и мне советуешь, чтобы я сделался подобным тебе.

Правитель сказал:

— Послушайся меня, пожалей сам себя и принеси жертву богам.

Петр отвечал:

---

[1] Вскоре по вступлении на престол Диоклетиан избрал себе в соправители *Максимиана Геркула*, которого поставил над западной половиной империи, оставив себе восточную. В 292 году он избрал еще двух помощников для управления империей, с титулом кесарей, *Констанция Хлора* и *Галерия*.

[2] Означенное место приводится с опущением и изменением некоторых слов.

— Именно тогда я и пожалею себя, если не принесу жертвы вашим богам и не отступлю от истины. Но так как ты — неверный, то поэтому и не веришь ни мне, ни закону Божиему, — что если кто принесет жертву богам, то погибнет. Но что же ты медлишь? — делай, что тебе приказано.

— Я еще жду, — отвечал правитель, — пока ты раздумаешь, принесешь жертву богам и тем избавишься от мучений.

— Напрасно ждешь, — отвечал Петр, — делай, что замыслил делать, исполняй волю отца своего — диавола, ибо я не исполню вашей воли, и не допустит меня сделать это Господь мой Иисус Христос, Которому я усердно служу.

Правитель приказал повесить его и потом сказал ему:

— Что скажешь, Петр? Принесешь или нет жертву богам?

— Дай железные когти, — отвечал святой, — строгай меня, ибо я не один раз говорил тебе, что не принесу жертвы никому, кроме Единого Бога моего, за имя Которого я страдаю.

Правитель Север приказал жестоко мучить его. Доблестный мученик Божий не издал при этом ни одного стона, но только воспевал:

— *Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей* (Пс. 26, 4)[1].

И еще воспевал:

— *Чашу спасения приму и имя Господне призову* (Пс. 115, 4)[2].

Когда он говорил так, правитель пришел в еще большее раздражение и призвал других палачей. Стоявший вокруг народ, видя текущую по земле в большом количестве кровь, соболезнуя о святом, говорил:

— Пожалей себя и принеси жертву богам, чтобы избавиться от этих лютых мучений.

— Эти муки, — отвечал святой Петр, — ничто и не причиняют мне никакой боли. Если же я отрекусь от моего Бога, то тогда я действительно впаду в тягчайшие и бесконечные мучения.

Правитель сказал:

— Что это говоришь ты, Петр? Принеси жертву богам, чтобы не раскаяться после, когда уже будет поздно.

---

[1] То есть святой мученик особенно усердно всегда молил Господа, чтобы Он не попустил ему отпасть от святой Церкви.

[2] Слова псалма святой мученик применяет к себе в том смысле, что он принимает страдания, видя в них средство к своему спасению и воздавая за то славословие Богу.

— Не раскаюсь и не принесу жертвы, — отвечал Петр.

— Я предам тебя смерти, — сказал правитель.

— Этого именно я и желаю, — чтобы умереть за Бога моего, — отвечал Петр.

Тогда правитель произнес над ним следующий смертный приговор:

— Петра, пренебрегшего ради закона Бога своего повелением непобедимых царей, приказываю распять на кресте.

Так доблестный воин Христов, оканчивая свой подвиг, удостоился сделаться, чрез распятие на кресте, причастником страданий Владыки[1]. Мученик Христов Петр Авесаламит пострадал в городе Авлоне, когда в Риме царствовал Максимиан, над всеми же — Господь наш Иисус Христос, Которому слава вовеки, аминь.

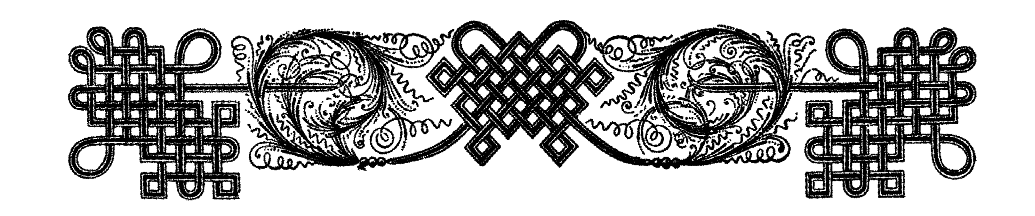
ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **МЕРТИЯ**

Святой мученик Мертий был воином при Диоклетиане. Во время похода против мавров[2] начальник стал принуждать его принести жертву идолам. Святой Мертий отказался повиноваться, за что и предан был жесточайшим истязаниям, которые претерпевал столь мужественно, что мучитель, пораженный ужасом и удивлением, впал в исступление: мучения продолжались до тех пор, пока на теле святого не осталось целого места; все оно покрыто было рубцами от ударов и ранами. Брошенный затем в темницу, мученик Христов восемь дней томился здесь от голода и жестокости тюремщиков. После того, помолившись Господу, святой страдалец воскликнул: «В руки Твои, Сыне Божий, предаю дух мой» — и отошел ко Христу, ради Которого доблестно пострадал.

---

[1] То есть удостоился претерпеть ту же самую казнь (распятие на кресте), которой был предан Иисус Христос.

[2] *Мавры* — народ в Африке, принадлежавший к негритянскому племени.

День тринадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЕРМИЛА и СТРАТОНИКА

В царствование Ликиния[1], нечестивого и весьма ревностного идолопоклонника, всем христианам угрожала мучительная смерть. Их разыскивали по всем странам, городам и селениям. И всякий, кто, найдя христианина, доносил о нем царю, входил чрез то в милость к нему и удостаивался великих почестей. Поэтому все, из угождения царю, начали разыскивать и преследовать христиан.

Однажды, когда Ликиний сидел на троне и производил суд, один воин подошел к нему и сказал:

— Есть здесь христианин, по имени Ермил, имеющий среди христиан сан диакона; давно уже служа Христу, он смеется над нашими богами и над тобою, царь, и не хочет знать тебя.

Услышав это, царь повелел отыскать и схватить Ермила. Святой молился, воздавая руки к Господу Богу своему, когда пришли к нему посланные от царя. Узнав, что его берут на суд и мучение за Христа, он возрадовался и возвеселился, и последовал за воинами не как насильственно ведомый, но — с бодрою поспешностью, как будто бы шел для получения почестей. Полный благородного мужества, предстал он пред царем. Увидев его, Ликиний спросил:

---

[1] Ликиний был сначала соправителем восточного императора Максимиана Галерия с титулом *Августа.* По смерти Галерия, устранив своих соперников, он в 312 году сделался императором Востока, в то время как Константин Великий стал императором Запада. Тогда как Константин Великий покровительствовал христианам, Ликиний угнетал своих христианских подданных, быть может, подозревая их в сочувствии Константину. Впоследствии между Ликинием и Константином возгорелась война; Ликиний был разбит, лишен власти и, наконец, казнен в 324 году.

— Скажи нам, точно ли ты христианин, как мы слышали о тебе?

— Я, — отвечал Ермил, — не только свободно признаю себя христианином, но заявляю, что я посвящен пред невидимым Богом и предстою пред Ним в сане диакона.

— Будь же диаконом, то есть служителем[1], и наших богов, — сказал царь.

На это предложение царя мученик с презрением ответил:

— Мне думается, царь, — ты или глух, или безумен. Я сказал тебе, что служу невидимому Богу, а не тем вашим идолам, которые, будучи видимы, сами ничего не видят и не понимают, что значит быть диаконом. В обольщении ты почитаешь их за богов, между тем как они суть бездушные и глухие камни и деревья, изделия рук человеческих, которые больше заслуживают того, чтобы над ними смеялись, чем — чтобы поклонялись им.

Царь не мог более слышать свободных речей мученика и тотчас приказал бить его по ланитам особенными медными орудиями, заранее приготовленными для мучения, и при этом — приговаривать:

— Не будь, Ермил, дерзок языком, почитай царя, принеси жертву богам и избавь себя от мучения.

Святой же, казалось, не только не чувствовал никакой боли во время сильнейших побоев, но еще смеялся над бессилием мучителя. Потом, возвысив голос, он громко сказал царю:

— Множество ран примешь ты сам и страшную руку Божию познаешь на себе за то, что, оставив своего Создателя, обращаешься к глухим и немым богам, в особенности же — за то, что и других, как бы

[1] *Диакон* — в переводе с греческого значит собственно: служитель, в смысле низшего священнослужителя.

завидуя их спасению, хочешь насильственно привести к такой же погибели.

После этого царь повелел отвести святого Ермила на три дня в темницу, рассчитывая, что он одумается и раскается в своей смелости. Мученик же по дороге воспевал:

— *Господь за меня — не устрашусь: что сделает мне человек* (Пс. 117, 6). *На Бога уповаю, не боюсь; что сделает мне плоть* (Пс. 55, 5).

При входе же в темницу он воспел:

— *Пастырь Израиля, внемли; водящий, как овец, Иосифа, восседающий на Херувимах, яви Себя, и приди спасти нас* (Пс. 79, 2, 3).

И Господь не забыл раба Своего, но послал для утешения и укрепления его Ангела, который, явившись, сказал ему:

— Ермил! Будь мужествен, говори, не умолкай и не бойся, ибо скоро ты одержишь победу над замыслами мучителя и получишь за страдание пресвятый венец свыше.

Так Бог, вооружив Своего воина на подвиг, опоясал его силою, укрепил руки его на борьбу и дал мышцам его как бы медный лук и щит спасения.

По прошествии трех дней царь снова потребовал Ермила на суд и сказал ему:

— Раскаялся ли ты и согласен ли принести жертвы богам, чтобы освободиться от предстоящих тебе мук? Или ты все еще одержим безумием и сам готовишь себе погибель?

Воин Христов, во славу укрепившего его Господа, мужественно отвечал на это:

— Царь! Я уже сказал тебе раз, и тебе следовало бы удовольствоваться моими первыми словами и более не спрашивать меня. У меня есть Бог небесный; Им Одним я живу, Ему готов принести себя самого в жертву, и от Него ожидаю получить великую помощь себе.

— Посмотрю я, поможет ли тебе Живущий на небе, — сказал царь, и тотчас приказал шести сильным и жестоким воинам растянуть его на земле и нещадно бить.

Святой терпеливо переносил мучение, — как будто бы били не его, — и так молился Богу:

— Господи Боже мой! Ради меня Ты претерпел раны и побои при Понтийском Пилате[1]; укрепи же меня Сам в моих страданиях за Тебя,

---

[1] *Понтийский Пилат* был римским правителем Иудеи, при котором пострадал и предан был на смерть Господь наш Иисус Христос.

пошли мне силу перенести эти муки, чтобы чрез участие в страданиях Твоих сделаться мне достойным быть участником и вечной славы Твоей.

Когда святой молился так, вдруг внезапно послышался голос с неба, который говорил:

— Аминь, аминь, Ермил! Через три дня ты избавишься от этих мучений и получишь великую награду за свои страдания.

Этот голос придал мученику великое мужество и силу, на мучителей же навел великий страх и трепет; они пали на землю и не могли ничего делать. Пришел в трепет и царь, однако не хотел признать силы Божией. По его приказанию святой мученик снова был отведен в темницу.

Сторожем темничным, которому было поручено стеречь мученика, был Стратоник. Он был тайным христианином и другом святого Ермила. Сердце его сокрушалось при виде страданий мученика, но в то же время он радовался в душе его мужеству и твердости, лишь не решался сам пойти на такие страдания.

Входя в темницу, святой Ермил пел:

— *Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?* (Пс. 26, 1).

Небесный свет свыше озарил его, и опять послышался голос, который призывал мужественно переносить страдания и обещал конец их по прошествии трех дней.

Поутру на другой день царь снова призвал святого на судилище. Он предстал пред ним со светлым лицом, веселым взором и с радостью в сердце. Мучитель, качая головой и смеясь над мучеником, сказал:

— Отвечай нам, — какую пользу принесла тебе мрачная темница? Убедили ли тебя перенесенные страдания подчиниться царскому закону и воздать богам приличествующую им честь? Или нужно будет придумывать еще мучения против упорства твоего сердца?

— Мрачная темница, — отвечал мученик, — просветила меня; на душе у меня покойно, радостно и светло, что подает мне добрую надежду на получение будущей награды; и я весьма удивляюсь, почему нисколько не рассеивается тьма, в которую ты погружен и которая скрывает истину от твоих душевных очей.

Когда святой обличал таким образом заблуждение царя, Ликиний воскликнул:

— Ты, как видно, ни к чему другому не способен, как только к тому, чтобы, по невоздержности своего языка, по дерзости и безумию,

открыто глумиться надо мною. Отвечай же и говори прямо, принесешь ли жертву богам и подчинишься ли нашему приказанию, или же подвергнешь себя заслуживаемым тобой мучениям?

— Ты уже слышал, царь, что я отвечал, — сказал мученик Христов Ермил, — и ничего не услышишь от меня более; делай — что хочешь, исполняй — что задумал.

Разгневанный Ликиний приказал растянуть святого нагим на земле и бить палками по животу. Святой среди истязания имел одну радость — во Христе и молился, возводя к Нему душевные очи:

— *Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне* (Пс. 69, 2).

Терпение святого привело мучителя в еще большую ярость, и он приказал терзать живот его орлиными когтями.

— Пусть видит, — сказал он, — своими глазами внутренности свои.

Мученик же говорил:

— *Сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому* (Пс. 83, 3). *Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои* (Пс. 62, 6).

Стратоник, смотря на такие нечеловеческие мучения святого Ермила, своего друга, и на растерзание утробы его, начал плакать.

Увидев это, некоторые из окружающих тотчас донесли царю:

— Темничный сторож Стратоник не скрывает своего участия в христианском заблуждении и своей дружбы с Ермилом, потому что жалеет и плачет о нем.

Царь, призвав Стратоника, спросил: «Друг ли ты Ермилу?»

Стратоник, не желая, как ученик истины, говорить неправды, и видя, что настало для него время совершить подвиг, назвал себя другом Ермила и христианином, обличил бездушие идолов и безумие поклоняющихся им и прославил Единого Бога, Творца неба и земли. Разгневанный царь приказал обнажить Стратоника и бить его палками по всему телу. Среди мучений страдалец возводил очи к своему другу, святому Ермилу, и говорил:

— Молись обо мне Христу, Ермил, чтобы Он помог мне твердо и непоколебимо соблюсти веру и возвыситься над своими мучителями.

При этом он убеждал Ликиния перестать поклоняться слепым и бездушным идолам и бояться наказания от истинного Бога, в руки Которого впасть страшно (Евр. 10, 31).

Святого били до тех пор, пока он не замолчал в изнеможении от ран. После этого царь приказал обоих — и Стратоника и Ермила — заключить в темницу. Святой Стратоник молился и говорил:

— *Господи, не помяни беззаконий моих первых* (слав. Пс. 78, 8).

И оба взывали к Богу:

— *Помоги нам, Боже, Спаситель наш, ради славы имени Твоего* (Пс. 78, 9).

В ответ на это послышался Божественный голос, который говорил:

— Вы совершили течение, сохранили веру, и вам уготован венец правды (ср.: 2 Тим. 4, 7–8), который получите поутру.

С наступлением утра Ермил был снова приведен на судилище, и Ликиний спросил его:

— Принесешь ли жертву богам?

— Что прежде говорил тебе, — отвечал святой, — то повторю и теперь. Жги, секи, и — как хочешь — мучь меня, ибо я привык не бояться убивающих тело, души же не могущих убить (ср. Мф. 10, 28).

Мучитель приказал повесить святого на дереве и резать ножами тело его. Среди жестоких мучений святой непрерывно молился и говорил:

— Будь мне Помощником, Господи, Спаситель мой!

— Не бойся: с тобою Я, Бог твой! — услышал он голос свыше.

После этого царь осудил святого Ермила на потопление в реке Истре[1]. Он увещевал потом и святого Стратоника принести жертву богам.

— Иначе и ты, окаянный, — говорил он, — пострадаешь подобно своему другу.

Блаженный Стратоник отвечал:

— Действительно, я был бы окаянным, если бы послушался твоего безумного приказания. Как же я могу желать жизни, когда мой друг умрет за Христа?

— Что же? Разве ты хочешь умереть с Ермилом? — спросил Ликиний.

Святой Стратоник отвечал:

— Весьма хочу! Истинным друзьям надобно вместе и бедствия переносить, и благами наслаждаться. Что же для нас приятнее страданий и смерти за Христа?

---

[1] Так называлась река Дунай.

Потеряв всякую надежду на успех, Ликиний осудил и святого Стратоника на такую же смерть, — чтобы его утопили в воде вместе со святым Ермилом.

Обоих святых мучеников повели к реке. По дороге они радостно пели:

— *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!*[1]

Когда воины привели их к реке Истре, то положили их в сети и бросили в глубокое место; и, таким образом, река приняла тела святых мучеников, небо же вселило в свои обители души их[2]. На третий день верующие нашли на берегу их святые тела и с честью похоронили их на расстоянии восемнадцати стадий от города Сингидона[3]. При этом их положили в одном гробе, чтобы у них все было: общее исповедание Христа, общая темница, общие мучения, общее потопление, общее погребение тел их, общая и слава на небе благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом подобает всякая слава̀, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков, аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ИАКОВА,
епископа Низибийского

Святой Иаков родился в городе Низибии[4], находившемся в пределах области, переходившей то в руки римлян, то — персов, а во время рождения этого святого мужа принадлежавшей римлянам. Придя в возраст, святой Иаков удалился в пустыню и жил на высоких горах. Весну, лето и осень он проводил в лесах под открытым небом, на зиму же поселялся в одной пещере, в которой и укрывался от мороза. Пищей ему служило то, что земля рождала сама по себе, без какой-либо обработки ее: он собирал плоды с лесных деревьев и съе-

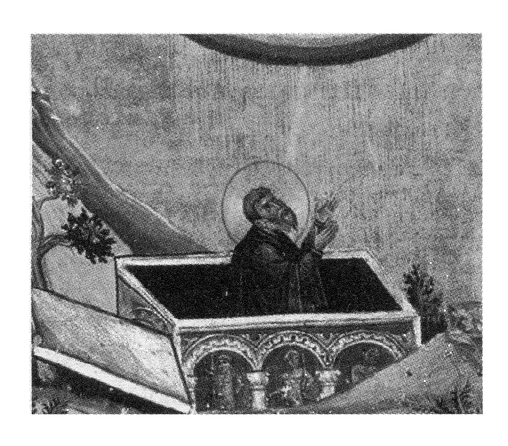
---

[1] Слова ангельского благовестия при Рождестве Христовом (Лк. 2, 14).

[2] Кончина святых мучеников Ермила и Стратоника последовала около 315 года.

[3] *Сингидон* — ныне *Белград*, город на правом берегу Дуная, в нижнем течении его — столица Сербии.

[4] *Низибия*, или *Низибида*, — большой и многолюдный город в провинции Мигдонии, в Месопотамии.

добные коренья, подобные огородным, и подкреплял ими свою слабую плоть лишь настолько, чтобы только быть живу. Умерщвляя таким образом тело, угодник Божий непрестанно насыщал в то же время свою душу пищей духовною; он приуготовлял чрез очищение свой ум к боговидению, делая его зеркалом Святого Духа, и, как говорит святой апостол, открытым лицом взирая на славу Господню, преобразовался *в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа* (2 Кор. 3, 18). Чрез это у него постоянно увеличивалось молитвенное дерзновение к Богу, — и когда он просил у Бога чего-либо, тотчас получал: он провидел пророчески будущее, и ему была дана от Святого Духа благодать чудотворений. Из этих его чудес расскажем о некоторых немногих и откроем неведущим о сиявшей в нем божественной благодати.

В то время неразумные люди поклонялись идолам и воздавали божественную честь бездушным камням. Многие не только пренебрегали истинным богопочтением, но даже ненавидели тех, которые, будучи совершенными в добродетели, познали истину и, уклоняясь от идолослужения, смеялись над ничтожеством идолов и поклонялись Творцу всего. Тогда святой Иаков, оставив пустыню, отправился в Персию[1], чтобы посмотреть на новонасажденный сад святой веры и самому, насколько возможно, потрудиться над распространением истинной веры.

Однажды, когда он переходил через встретившийся по пути поток, несколько девиц, мывших одежды, с высоко обнаженными ногами, смотрели на одетого в необычные одежды пустынника бесстыдным взором, не стыдясь ни его почтенного вида, ни своей наготы, и стояли пред ним с наглостью, не покрыв своих голов. При виде такого бесстыдства, святой разгневался, желая проявить чрез наказание их силу Божию, а также — посрамить идолопоклонство нечестивцев чрез совершение чуда, он проклял источник, из которого выходил поток; источник и поток тотчас же высохли, так что в них не осталось ни капли

[1] Низибия находилась недалеко от персидской границы, почему путешествие в Персию не представляло больших затруднений.

воды. Проклял он также этих девиц и наказал их бесстыдную юность внезапной старостью. По чудодейственному слову святого черные волосы на их головах тотчас поседели и они сами вдруг состарились, изменившись подобно листьям на молодых деревьях, когда вдруг поразит их мороз. При виде внезапного исчезновения воды и появления на каждой седины девицы пришли в ужас и, придя в город, рассказали всем об этом.

Увидев чудо, граждане пошли к великому чудотворцу, святому Иакову, и стали усиленно просить его сжалиться над ними и возвратить им воду. Просьбы их тронули святого, он помолился Богу, и источник снова наполнился водой, и по-прежнему стал течь поток. Народ просил святого, чтобы он помиловал также девиц и вместо преждевременной старости снова возвратил им молодость. Святой готов был и это сделать; но когда спросил, где девицы, то их не оказалось, ибо они не пришли к святому с раскаянием. За такую нераскаянность он так и оставил их в наказании, чтобы они помнили о чудесной силе Божией, и для того, чтобы и другие поучались из этого целомудрию и благопристойности.

Таково было чудо этого нового Моисея, которое он совершил не ударом жезла, но знамением святого креста. И более, чем чуду, следует удивляться его кротости, именно — тому, что он не послал, подобно великому пророку Елисею (4 Цар. 2, 24), медведиц для растерзания бесстыдных девиц, но, уча их благонравию и богобоязненности, ограничился только незначительным наказанием — уменьшением красоты их наружности. Говорим это отнюдь не в поношение гневу пророка, а лишь — чтобы показать, что святой Иаков имел ту же чудотворную силу, как и пророк, но обнаруживал он ее в духе благости Христовой и соответственно Новому Завету.

Однажды святой Иаков увидел, что персидский судья неправедно осудил невинного человека. Он опечалился и, обличая беззаконие судьи, повелел разбиться и рассыпаться в прах одному большому камню, находившемуся поблизости. Все, видевшие это, ужаснулись. Пришел в страх и сам неправедный судья; он раскаялся в своем грехе и переменил свое решение на другое — справедливое. И здесь чудотворец поступил так из подражания своему Господу. Христос, желая показать, что Он добровольно идет на страдания, и что, если бы захотел, Он легко мог бы погубить Своих убийц, однако не погубил их,

но обнаружил Свою силу тем, что по одному его слову засохла смоковница (Мф. 21, 19). И святой Иаков, подражая милосердию Господа, не судью неправедного предал казни, но сокрушил камень и чрез то научил судью правосудию. Такие чудесные дела святого снискали ему славу и общее почтение, и он, против своего желания, был избран в епископа жителями его родного города Низибии; сам он не искал такого высокого сана, даже уклонялся от него, уступив лишь усиленным просьбам верующих.

Оставив свое уединенное, пустынное житие и поселившись с соотечественниками, святой Иаков не переменил своей пищи и одежды; на новом месте он проводил прежний образ жизни и трудился даже больше прежнего. К посту, земным поклонам и ношению рубища прибавились теперь заботы о людях, — чтобы питать вдов и сирот, защищать притесняемых, всем помогать и всех учить добродетели. Но зачем подробно исчислять свойственные такому сану труды и заботы о людях? Об этом знают те, кто принимает на себя это иго, особенно же любящие и боящиеся небесного Владыки, Который вручает им питание словесного стада. Чем больше трудился святой Иаков в епископском сане, чем более совершал он добрых дел, тем более он собирал себе даров Святого Духа.

Однажды, когда святой шел в некоторое селение, по дороге к нему подошли нищие и стали просить милостыни на погребение умершего. При этом они показывали на лежащего при дороге мертвеца, который на самом деле был жив и лишь притворялся мертвым. Эти нищие, издали увидев идущего епископа, велели одному из них притвориться мертвым, чтобы с помощью такого обмана выпросить у епископа больше милостыни. Святитель подал им просимую милостыню и помолился об умершем, чтобы Бог простил ему грехи и упокоил душу его с праведными, и пошел своей дорогой. По уходе святого друзья мнимого мертвеца стали говорить ему, чтобы он встал; но тот лежал недвижимым, ибо и на самом деле был мертв и бездыханен. Нищие, увидев, что их ложь обратилась в правду, побежали за святым и, припав к ногам его, каялись в своем грехе. Ссылаясь в свое оправдание на бедность, они умоляли простить их и воскресить умершего. Чудотворец, следуя примеру милосердного Господа, простил их и, по его молитве, умерший ожил. Это, как мы видим, подобно чуду апостола Петра, который поразил внезапной смертью Ананию и Сапфиру, со-

гласившихся солгать Святому Духу и утаивших из цены проданного имущества (Деян. 5, 1). И святой Иаков отнял жизнь у человека, утаившего дух свой и ложно притворившегося мертвым. Но святой Петр предал смертной казни утаивших деньги, просвещаемый Духом Святым и зная о краже; Иаков же отнял жизнь у этого нищего своею молитвою, не зная о хитрости, ибо он ложно притворился мертвым. Петр не воскресил из мертвых скончавшихся по его слову Ананию и Сапфиру, ибо начало спасительной проповеди требовало устрашения нечестивцев, — чтобы и прочие имели страх; Иаков же, имея апостольскую благодать, наказал смертью только временно и потом утешил возвращением жизни.

Вскоре после того Арий, этот древнейший хулитель единосущия с Отцом Сына Божиего и Святого Духа, изощрил свой язык против Творца и смутил весь Египет. Тогда величайший из христианских государей Константин, освободивший, как бы второй Зоровавель[1], вселенную от языческого плена, воссоздавший ниспровергнутые на землю храмы Божии и возвысивший их, созвал I Вселенский собор святых отцов в Никее[2]. Среди святых отцов собора был и святитель Божий Иаков, епископ Низибийский, который участвовал в защите Православия и в отлучении Ария от Церкви.

Низибия, как мы сказали, была в то время под властью римских царей. По смерти же Константина Великого[3] персидский царь Сапор[4] пришел со всем своим войском и, осадив город Низибию, теснил его в течение долгого времени. Но, по молитвам святого епископа Иакова, усилия его оставались напрасными, и он не мог взять города. Тогда Сапор запрудил выше города камнями и землею реку, которая протекала через город, и остановил таким образом ее течение. Когда же воды набралось много, он всю ее сразу вдруг пустил на город. От

---

[1] *Зоровавель*, потомок Давида, был вождем еврейского народа; под его предводительством евреи вышли из плена вавилонского в свою родную страну.

[2] *Никея* — город в Вифинии, северо-западной провинции Малой Азии. Созванный императором Константином I Вселенский собор состоялся в 325 году и ввел в церковное употребление Символ веры, впоследствии дополненный и законченный на II Вселенском соборе, бывшем в Константинополе в 381 году.

[3] Равноапостольный царь Константин Великий скончался в 337 году.

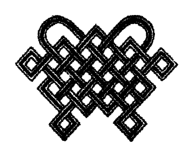
[4] *Сапор II*, известный под именем Великого, Персидский царь; царствовал с 310 по 381 год по Р. Х.; известен счастливыми войнами с римлянами, был жестоким гонителем христианства.

сильного напора воды стены города пали, часть города оказалась затопленною. Граждане города пришли в страх; персы же обрадовались, думая, что теперь город уже в их руках. Однако они не нападали в тот день на город, потому что препятствовало наводнение, и порешили на другой день утром сделать общий приступ. С наступлением же ночи все население города, возбуждаемое и одушевляемое своим епископом, принялось за исправление городских стен, и, с помощью его молитв, стены были возобновлены настолько, что в город нельзя стало проникнуть ни конному, ни пешему без лестницы. Тем не менее город легко мог быть взятым, если бы жители его не стали искать помощи свыше. Все стали умолять святого епископа Иакова, чтобы он взошел на городские стены и проклял вражеское войско. Святой Иаков взошел и, увидав бесчисленное множество персидских полков, стал молить Бога — послать на них комаров и песьих мух[1], дабы они познали силу Божию и сняли с города осаду. Бог услышал молитву раба Своего и тотчас навел на персидский стан целую тучу комаров и мух. Укусы их были настолько жестоки, что кони и слоны, будучи не в силах терпеть их, порвали поводья и узды и с неудержимой силой носились туда и сюда. Эти комары и мухи были нестерпимы не только для животных, но и для самих персов, — хуже, чем тьмы вооруженных воинов. Сам нечестивый царь, видя, что труды его оказались напрасными и что войско его терпит поражение от комаров и мух, пришел в недоумение и великое смущение. Кроме того, он увидал на городских стенах этого божественного мужа, епископа Иакова, и принял его за царя, ибо ему казалось, что он одет в царскую порфиру и что на голове у него сияет ослепительным блеском царский венец. Он разгневался на своих лазутчиков, донесших ему, что в городе нет царя, и предал их смертной казни. Сняв осаду с города, он побежал в свою землю, гонимый мухами и комарами. Такое чудо сотворил Господь по молитвам Своего угодника, который просил не о том, чтобы упал с неба огонь на врагов и попалил их, как некогда просил такого огня на пятидесятников пророк Илия (4 Цар. 1, 10–12), и не о том, чтобы земля, разверзши свои уста, поглотила их (Числ. 16, 31–33), но — только о том, чтобы посланы были на них комары и мухи и чтобы они познали Бо-

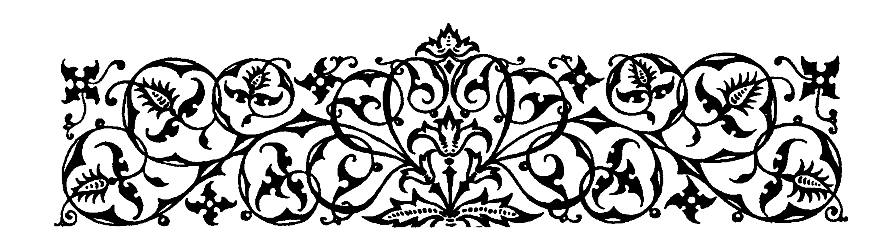
[1] Под «песьими» мухами разумеется род язвительных мух или насекомых, будто бы особенно вредных для собак, или вообще — особенно вредные насекомые. Песьи мухи были при Моисее четвертою казнью египтян.

жию силу. И действительно, было явлено тогда великое чудо, ибо огромное персидское войско не могло устоять против ничтожных насекомых и, побежденное ими, бежало со стыдом. Так велика была благодать, какую имел от Бога святой Иаков, и так велико было дерзновение веры!

Достйгнув глубокой старости, святой угодник почил о Господе[1]. Спустя несколько времени после его смерти город Низибия отошел под власть персов. Верующие, когда выходили из него, взяли с собой мощи своего заступника и вождя, святого Иакова, при жизни которого город никогда не подпал бы под власть варваров, ибо его защищал от них великий угодник Божий непобедимою силою Христа Бога нашего, Которому с Отцом и Святым Духом слава вовеки, аминь.

[1] Это было около 350 года, 11 июля. Святой Иаков Низибийский по множеству совершенных им чудес называется чудотворцем, а по высоте духовной мудрости назывался мудрым. Ныне известны 18 слов святого Иакова на армянском языке, писанные им по просьбе святого Григория, просветителя Армении. Кроме догматической и нравственной важности своей, наставления святого Иакова важны как образец верного толкования Священного Писания; естественно, без всякого искусства и усилия, древний учитель извлекает из Священного Писания и высокие догматы, и назидание.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИРИНАРХА,
затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что на Устье[1]

Преподобный Иринарх родился в Ростовской области, в селе Кондакове[2]. Родители его были крестьяне: отец по имени Акиндин, мать по имени Ирина. В святом крещении младенцу дано было имя Илия. Радовались родители, видя, как быстро растет ребенок: двадцати недель он уже встал на ноги и начал ходить. Родители воспитывали сына в благочестии и чистоте христианской веры. Ребенок не занимался играми, но возлюбил смирение и кротость, был тих и ко всем относился ласково.

Будучи еще только шести лет, он однажды сказал своей матери:

— Как вырасту, так постригусь и стану монахом; буду носить на себе железа и трудиться ради Бога, и буду учителем всем людям.

Удивилась мать таким речам своего малолетнего сына, но вместе и радовалась. Эти пророчественные слова шестилетнего ребенка впоследствии сбылись в точности.

---

[1] Здесь разумеется Борисоглебский монастырь Ярославской епархии, Ростовского уезда, находящийся на реке Устье в 18 верстах от Ростова по дороге в город Углич. — Житие Иринарха написано было учеником его Александром, прожившим вместе с ним тридцать лет. Подлинное житие известно только по рукописям, но не издано. Преосвященный Амфилохий, бывший архимандритом Борисоглебского монастыря, в 1863 году в Москве издал изложение жития, близкое к рукописным текстам с приложением рисунков. В 1872 году в Яросл. епарх. Вед. было напечатано житие Иринарха (Н. Корсунским), составленное также по рукописям, издано и отдельно в Ярославле в 1873 году. В основу изложения положено здесь подлинное житие, известное нам по нескольким рукописям.

[2] Село Кондаково находится теперь в Угличском уезде, на реке Устье выше Борисоглебского монастыря, в 43 верстах от Углича и стольких же от Ростова.

Около того же времени случилось, что отец Ильи Акиндин позвал к себе на обед своего сельского священника, именем Василия. За обедом священник рассказывал житие преподобного Макария, Калязинского чудотворца[1]. Прислушиваясь к речам священника, Илья вдруг сказал:

— И я буду таким же монахом.

Священник Василий удивился, видя ребенка, говорящего речи, приличные взрослому, и строго сказал:

— Как ты, чадо, осмелился сказать такое слово?

Илья отвечал:

— Кто тебя не боится, тот это и говорит.

Илья рос при своих родителях. Но вот во всей той округе случился голод. Илья, будучи уже восемнадцати лет, расстался с отцом и матерью и отправился на заработки к Нижнему Новгороду.

Два года сын не возвращался домой и не давал о себе вести. Родители решили отыскать его и послали своих двух старших сыновей — Андрея и Давида. Братья нашли Илью близ Нижнего в одном селении у крестьянина, у которого он работал; обрадовавшись встрече с братом, они пробыли с ним у того же крестьянина еще целый год.

Во время своего пребывания у крестьянина Илья однажды, сидя вместе с другими в комнате, стал неутешно плакать. Все, видевшие его, изумились и, не могши утешить, с горестью спрашивали, отчего он так плачет и рыдает. Он отвечал им:

— Вижу преставление своего отца; несут родителя моего светлые юноши на погребение.

Все, окружавшие его, дивились, как он мог видеть преставление отца за триста верст. Когда в том же году он возвратился домой и спро-

[1] Калязинский монастырь отстоит от Кондакова верст на сорок. Память Макария Калязинского празднуется 17 марта и 26 мая.

сил мать об отце, то услышал, что отец его преставился в Успенский пост того же года. Тогда он припомнил видение и сказал матери:

— В то время я видел родителя моего: несли его светлые юноши на погребение.

И мать утешилась, видя сына своего и слыша его необычные речи.

Теперь, после смерти своего отца, Илья с матерью и старшим братом Андреем переселились в город Ростов, купили дом и завели торговлю, чем вскоре увеличили свое благосостояние.

Илья, всегда имевший страх Божий в своем сердце, особенно стал прилежать к церкви и творить милостыню нищим. Строго соблюдая девственную чистоту, он желал совершенно оставить мирскую жизнь, и принять ангельский образ, неуклонно посещая церковь Божию.

Он познакомился с одним человеком, купеческого звания, по имени Агафоник, любившим читать книги, подружился с ним и стал постоянно беседовать о Божественном Писании, ища душевного спасения.

Подготовившись таким образом, Илья взял святой крест, благословился им и собрался в путь. На вопрос своей матери, что он предпринимает и куда собрался, Илья ответил:

— Иду в монастырь к святым страстотерпцам Борису и Глебу на Устье помолиться.

Мать стала плакать, но вспомнила, как ее сын, будучи еще только шести лет, уже говорил, что он будет монахом. Сын поклонился матери, облобызал ее и отправился в путь.

Приблизившись к монастырю Бориса и Глеба и увидев его, Илья возрадовался от всего сердца и направился к игумену, поклонился и попросил благословения. Игумен благословил и спросил:

— Зачем, чадо, ты пришел сюда?

Илья отвечал:

— Желаю, отче, ангельского образа, постриги меня Бога ради, невежду и селянина, и причти к избранному Христову стаду и к святой дружине твоей!

Игумен сердечными очами узрел, что юноша пришел от Бога, и принял его с радостью, постриг в ангельский образ и нарек ему в иночестве имя — Иринарх.

Игумен, по монастырскому обычаю, отдал Иринарха под начало старцу, у которого молодой инок и стал пребывать в послушании и покорении, в посте и молитве.

После того, как Иринарх с успехом прошел первое послушание, игумен для испытания и смирения послал Иринарха в пекарню, где он и трудился на братию день и ночь в послушании и смирении, нисколько не заботясь ни о чем телесном и никогда не уклоняясь от посещения церкви Божией, куда приходил прежде всех братьев; стоя в церкви, он ни с кем не разговаривал; во время чтений не садился, а всегда выстаивал на ногах, как твердый камень, и никогда не выходил из церкви до отпуста.

Узнав о пострижении Илии, друг его Агафоник пришел в монастырь посетить Иринарха и пробыл у него в монастыре немало дней. Иринарх проводил друга за монастырь версты за две и, облобызав его, стал возвращаться обратно. На пути он размышлял в своем сердце о том, как бы ему спастись, и давал обещание идти в Кириллов Белозерский монастырь или в Соловецкий. И вот послышался ему голос свыше:

— Не ходи ни в Кириллов, ни на Соловки, здесь спасешься!

Он усомнился относительно этого голоса, но услышал вторично тот же голос:

— Здесь спасешься!

Иринарх убоялся, стал плакать и помышлять, что это означает. И в третий раз он услышал тот же голос:

— Здесь спасешься!

Осмотревшись кругом, Иринарх никого не увидел и укрепился в той мысли, что голос этот был ему откровением свыше.

Возвратившись в монастырь, он снова стал трудиться в прежнем послушании, предаваясь по ночам молитве и бдению и ложась спать лишь ненадолго, и то не на постели, а прямо на земле.

После этого послушания игумен назначил Иринарха в пономарскую службу, которую он стал отправлять с радостью.

Раз Иринарх увидел одного странника, который был бос, и, сжалившись над ним, обратился к Господу с такою молитвою:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, сотворивший небо и землю и первого человека, прародителя нашего Адама, по образу Своему, и почтивший его теплотою в святом рае, да будет воля Твоя свя-

тая со мною, рабом Твоим: дай, Господи, теплоту ногам моим, чтобы я мог помиловать этого странника и дать с себя сапоги на ноги его!

И, сняв с себя сапоги, Иринарх отдал их нищему. И с того часа Бог дал ему терпение и теплоту: он стал босой ходить по морозу, как в теплой келье. С того же времени он стал и одежды носить всегда ветхие.

Такое поведение Иринарха, по внушению диавольскому, неугодно было игумену, который начал смирять подвижника различными способами. Так он часа на два на морозе ставил его на молитву против оконца своей кельи и потом заставлял подолгу благовестить на колокольне. Иринарх все это терпел и переносил с кротостью, поминая слово Господне, *что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). После этого игумен посадил Иринарха на три дня в заключение и не давал ни есть, ни пить, — все для того, чтобы заставить его носить новую одежду и ходить в обуви. Но и это не помогло. Тогда игумен послал его снова на прежнюю службу. Иринарх продолжал ходить босой по морозу, подражая терпению Исаака Сирина, у которого ноги примерзали к камню, между тем как он не чувствовал холода.

Услышал Иринарх, что в Ростове стоит на правеже от заимодавцев один христолюбивый человек, и захотел выкупить этого человека с правежа. С этою целью он босой пошел в Ростов, а в то время был лютый мороз. Отойдя от монастыря верст семь, Иринарх отморозил у ног пальцы и от стужи вернулся в монастырь. Три года он проболел ногами, на которых образовались раны и текла кровь, но и в болезни он не оставлял своего правила и по-прежнему трудился для Бога. Когда Господь исцелил Иринарха от болезни, он по-прежнему и зимой и летом ходил без обуви, и по-прежнему игумен за это смирял его. Он решил теперь послать Иринарха на работы вне монастыря. Это отлучение или отогнание от храма Божиего сильно огорчило подвижника: он не стерпел такого гонения и решился уйти из Борисоглебского монастыря. Проходя окружавшие в те времена монастырь леса, он подвергался нападению хищных зверей, волков и медведей, но, ограждая себя крестным знамением и творя про себя молитву, прогонял их от себя.

Иринарх ушел в Ростов и направился в Аврамиев Богоявленский монастырь. Принятый с радостью архимандритом монастыря, он остался здесь в числе братии и вскоре был назначен келарем монастыря. С радостью Иринарх стал трудиться для братии, не оставляя

при этом никакой церковной службы. Состоя келарем, он видел, как братия монастырская и прочие монастырские служители брали без меры и без воздержания всякие монастырские потребы и истощали монастырское достояние. Видя все это, он внутренне воздыхал и молился:

— Преподобный Авраамий, не я — твоему монастырю разоритель!

Раз во сне Иринарх видит: в келью его входит преподобный Авраамий и говорит:

— Что скорбишь, избранное и праведное семя и житель святого рая, — что скорбишь о монастырских выдачах? Давай им безвозбранно, ибо они захотели здесь жить пространно, а ты алчешь и наготуешь; и ты в вышнем царствии поживешь пространно и насладишься пищи небесной, а они взалчут вовеки. Что же касается здешнего места, то я умолил и упросил Всевышнего Творца, чтобы дом мой был неоскуден монастырскими потребами алчущим и здесь живущим.

Пробудившись от сна, Иринарх никого не видал уже. С того времени он утешился и выдавал без всякого сомнения.

Однажды, стоя в церкви на литургии, во время Херувимской песни, Иринарх заплакал и зарыдал на всю церковь. Изумленный архимандрит подошел к нему и сказал:

— Что ты, честный старец, так плачешь и рыдаешь?

— Мать моя преставилась! — отвечал Иринарх.

Архимандрит удивился его словам и сам прослезился. Еще не окончилась литургия, как пришел к нему брат его Андрей и сообщил, что мать их Ирина преставилась. Взяв благословение у архимандрита, старец с братом своим Андреем отправился в дом родительницы и совершил честное погребение.

Вернувшись после погребения матери в Аврамиев монастырь, Иринарх стал размышлять об ином пути спасения: келарское служение ему казалось высоким и почетным, ему же хотелось подвизаться в уничижении и смирении.

Оставив Аврамиев Богоявленский монастырь, Иринарх перешел в ростовский же монастырь святого Лазаря[1] и здесь вселился в уединенную келью и прожил в ней три года и шесть месяцев, пребывая в слезах и молитвах, скорби и тесноте, терпя голод, ничего не вкушая под-

---

[1] В настоящее время монастыря уже давно нет, а существует на его месте приходская церковь святого Лазаря.

ряд по несколько дней. Здесь часто навещал его преподобный Иоанн юродивый, и оба подвижника находили себе утешение в духовной беседе.

Старец Иринарх неопустительно посещал церковь Божию и часто ходил в соборную церковь Пресвятой Богородицы и молился со слезами.

Раз, возвратившись с церковной службы, он сидел в своей келье и молился со слезами и воздыханием страстотерпцам Христовым Борису и Глебу и взывал:

— Святые страстотерпцы Борис и Глеб и вся монастырская братия! Есть у вас в монастыре много места, а мне грешному места нет.

Сидя, он задремал и в тонком сне видит: идут к монастырю Лазареву святые страстотерпцы; он вопрошает их:

— Далеко ли идете, святые страстотерпцы Борис и Глеб?

— Идем, старец, за тобой, — отвечают они, — поди в наш монастырь!

Он пробудился от сна и слышит, что у окна кто-то творит молитву. Отворив свое оконце, он увидел старца Борисоглебского монастыря, по имени Ефрем, который сказал:

— Отче, прислал меня к тебе строитель Варлаам: поди к нам в монастырь на свое обещание; строитель спрашивает: подвода ли тебе нужна, или сам придешь в монастырь?

Старец Иринарх отвечал ему:

— Господину строителю Варлааму мир и благословение, а я со временем сам приду в монастырь.

А в это время он носил уже на себе железа тяжелые и на ногах путы.

Вскоре он собрался и с великою радостью пошел на свое обещание в Борисоглебский монастырь. На пути, утомившись от великой тяжести своих вериг, он присел отдохнуть и слегка заснул. Во сне он видит: подползла к нему змея и хотела ужалить, он же ударил ее своим посохом в гортань, и змея уползла. Старец пробудился от сна, встал, перекрестился и пошел далее без всякого вреда.

Завидев монастырь, он возрадовался от всего сердца, подошел к воротам и горячо помолился. Войдя в монастырь, где шла тогда литургия, он вошел в церковь, встал на место, помолился и поклонился строителю. Строитель Варлаам был весьма рад прибытию Иринарха, с любовью облобызал его и поставил рядом с собою.

По зависти диавольской, один из старцев, по имени Никифор, подошел и сказал строителю:

— Зачем ты принял старца: ведь он игумена не слушает, в ветхих и худых ризах и бос ходит, и железа на себе многие носит.

Но строитель Варлаам своим посохом отстранил этого старца, действовавшего по навету диавола, и принял вновь Иринарха в монастырь с радостью и дал ему отдельную келью.

Преподобный Иринарх неопустительно ходил в церковь и, стоя со страхом и трепетом, усердно молился пред святыми иконами. Особенно часто взирал он на изображение распятия Господа нашего Иисуса Христа и Его страданий. Однажды, стоя пред сею иконою, он в слезах обратился с такою молитвою:

— Праведное солнце, свет наш пресветлый, Владыка Человеколюбче, Иисусе Христе! Ты, Господи, претерпел такое великое страдание: и распятие, и поругание, и оплевание, и по ланите ударение, и оцта и желчи напоение, и для нашего спасения все претерпел это от Своего же создания, от неразумного и беззаконного сборища иудейского и от зависти людей сих! Ныне, Господи, открой, как мне грешному и неразумному поселянину спастись и Тебе Единому Иисусу Христу, Сыну Божиему, распятому и нераздельно со Отцом и Святым Духом в Троице славимому, угодить! Да будет воля Твоя, Владыка, надо мною!

И в тот же час от Владычного образа было Иринарху извещение:

— Иди в келью свою, будь затворником и не исходи: так и спасешься!

Иринарх отправился к строителю Варлааму и просил у него благословения на затвор, то есть неисходно молиться в келье, по евангельскому слову Господню: *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). *Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8, 35). *Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь* (Лк. 6, 21). Строитель Варлаам благословил его на затвор, молиться неисходно из кельи.

— И прославил Бог российскую землю и дом великих страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба и преподобных отцов наших Феодора и Павла в нынешнее время! — восклицает составитель жития, ученик Иринархов инок Александр, — прославил досточудными мужами, и страдальцами, и учителями, и наставниками!

С тех пор Иринарх с дерзновением принялся за новый подвиг: стал молиться в келье неисходно, поминая иноков древних и первых времен, как они по дебрям, по островам и в вертепах жили, не любили тленного мира и не хотели и смотреть на суету его.

Начав свой подвиг, Иринарх сковал себе железную цепь в три сажени длины и приковал ею себя к стулу деревянному. Все движение его ограничивалось только размерами этой цепи. Кроме этой цепи, он наложил на себя и другие железные тяжести и трудился в них в поте лица. Много претерпел он поругания и посмеяния от братии, но переносил это с кротостью и молился за них Богу:

— Господи Иисусе Христе! Не поставь им в грех это, не видят, что творят рабы Твои, Владыка!

В это время пришел к Иринарху некто, именем Алексей, и поревновал житию его — многим страданиям, посту и молитве, крепости и смирению, и тяжким веригам, которые он непрестанно носил на своем теле. Он стал умолять Иринарха, чтобы тот принял его к себе и научил заповедям Господним. Старец, видя, что желание его исходит от чистого сердца, принял пришлеца с радостью и любовью и, призвав священника и диакона, велел постричь его и нарек ему имя — Александр. Этот Александр стал первым учеником Иринарха и прожил все время с ним в келье под его началом с послушанием великим и радением, в посте и молитве день и ночь.

Пришел навестить Иринарха в затворе давний друг его, блаженный Иоанн, ростовский и московский юродивый, по прозванию Большой Колпак. В беседе с подвижником Иоанн говорит:

— Старец Иринарх, сделай себе сто крестов медных по полугривенке весом (то есть по четверти фунта).

— Невозможно мне, бедному, сделать столько, — отвечал Иринарх, — в нищете нахожусь.

Иоанн возразил:

— Это не мои слова, а от Господа Бога: *небо и земля прейдут, но слова Господни не прейдут* (Мф. 24, 35), все сказанное сбудется, Бог тебе поможет.

И многое иное Иоанн говорил старцу.

— Не дивись тому, что так будет с тобою; устами человеческими невозможно выразить или исписать всего. Бог даст тебе коня, и на том от Бога данном коне никто, кроме тебя, не сможет ездить и сесть на твоем месте после тебя.

Эти иносказательные пророчественные слова Иоанна о великих и тяжких подвигах Иринарха сбылись.

Прощаясь с Иринархом, Иоанн пророчески поведал еще следующее:

— Господь Бог заповедал верным ученикам Своим от востока и до запада наставлять и научать людей, отводить мир от беззаконного пьянства. За это пьянство Господь наведет на нашу землю иноплеменных. И эти иноплеменники подивятся твоему многому страданию; меч их не повредит тебе, и они прославят тебя более верных. А я иду в Москву к царю просить себе земли: там у меня на Москве столько будет видимых и невидимых бесов, что едва можно будет поставить хмелевые тычки. Но всех их изгонит Своею силою Святая Троица.

Так говорил блаженный Иоанн о предстоявшей кончине своей и о нашествии на Москву литвы.

После этого старец Иринарх, согласно с речами блаженного Иоанна, стал еще усерднее трудиться и молиться и все думал о медных крестах. Однажды ему снилось, что приходит к нему друг и дает медный крест, а в другой раз снится, что иной друг дает ему палицу железную. И что же? Спустя несколько дней, действительно, приходит к нему друг, посадский человек Иван, и приносит, по пророчеству блаженного Иоанна, честный крест, из которого Иринарх слил сто крестов, возблагодарив Бога и блаженного Иоанна. Другой же друг, по имени Василий, пришел и дал ему палицу железную, которую Иринарх взял и присоединил к прочим своим «трудам», или тяжестям, которые носил.

В Борисоглебском монастыре был старец Леонтий, он поревновал добродетели и трудам старца Иринарха; подобно ему, он сковал себя железами и носил на себе тридцать три медных креста. Кресты эти он передал ученику Иринарха Александру, а сам отправился к старцу просить благословения идти в пустыню. Старец Иринарх уговаривал его в пустыню не уходить, чтобы не быть убитым разбойниками. Но Леонтий не отставал просить благословения.

Не будучи в силах убедить его, Иринарх благословил, но, прощаясь, сказал ему со слезами:

— Дорогое чадо, Леонтий! Ты уже не возвратишься сюда за честными крестами.

— Если так, — отвечал Леонтий, — то пусть кресты мои останутся тебе!

Простившись с Иринархом, Леонтий отправился в переяславский уезд в монастырь Пресвятой Богородицы, на Курбуй, и там был убит разбойниками.

Кресты Леонтия Иринарх присоединил к крестам своих «трудов», и всех крестов составилось у него сто сорок два.

Трудился старец на цепи в три сажени шесть лет; один христолюбец из города Углича прислал старцу цепь также трех саженей, и в этих двух цепях Иринарх трудился двенадцать лет. Один старец Борисоглебского монастыря, по имени Феодорит, сделал себе железную цепь трех саженей и трудился в ней двадцать лет и пять недель, но игумен Гермоген приказал ему ходить на монастырские службы, трудиться на братию. Феодорит отдал свою цепь Иринарху, у которого, таким образом, цепь стала в девять сажень, и в такой цепи он продолжал трудиться. Всего в цепях он провел двадцать пять лет.

Суровая жизнь Иринарха и строгое учительное слово его служили обличением для тех иноков, которые не старались соблюдать иноческие обеты, а во многом нарушали их. Такие иноки из Борисоглебской братии, подстрекаемые внушением вражеским, приступили к игумену Гермогену, осуждая образ жизни Иринарха и жалуясь на него.

— Старец Иринарх, — говорили они, — сидит в затворе и постится, носит на себе многие и тяжелые железа, не пьет хмельного и мало ест, да и братию учит делать то же: пребывать «в трудах» и поститься, хмельного и в уста не брать, говоря, что это есть самое большое зло; следует, говорит, монахам быть, как Ангелам, ни о чем не скорбеть и плоти своей не щадить: *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22); не велит братии ходить в службы, то есть работы монастырские, а полагает на них «труды» великие.

По внушению вражьему и по своему немилосердию, игумен Гермоген внял сим наветам и сослал старца Иринарха из монастыря, не убоявшись Бога и не уважив подвигов и трудов старца. Старец Иринарх смиренно покорился, поминая слово Господне: «если вас изгонят из дома, идите в другой, а Я с вами до скончания века» (Мф. 10, 23; 28, 20).

Изгнанный из Борисоглебского монастыря, Иринарх опять направился в Ростов и снова поселился в монастыре святого Лазаря, где и провел год и две недели, пребывая непрестанно в посте и молитве и помышляя о смертном часе.

Между тем игумен Гермоген сознал свой несправедливый поступок с Иринархом, покаялся перед братией и послал одного из иноков звать Иринарха обратно. Посланный сказал:

— Отче, не помяни нашей вины пред тобой, пойди на свое обещание, в наш монастырь, ко святым страстотерпцам Борису и Глебу.

Старец Иринарх возвратился в монастырь, молясь:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, не лиши меня вечных Твоих благ, дай мне, грешному старцу, дотерпеть свое обещание.

Возлагая всю вину удаления из монастыря на самого себя, он говорил:

— Господи, я живу в темнице этой вопреки братии; они праведны и праведные труды тебе приносят, я же, смрадный, лишен добродетели.

Вошел он опять в свою келью, вновь возложил на себя свои железные «труды» и стал подвизаться, молясь за царя и за всех православных христиан и любя ненавидящих его, как свою душу.

Господь даровал Иринарху прозорливость, постижение тайн души человеческой. Из многих городов приходили к нему люди и просили и получали от него благословение. Многие боголюбивые люди приносили ему милостыню; он принимал и с радостью раздавал нищим и странникам, снабжая их пищей и одеянием.

Всех приходящих он учил заповедям, отводя их от грехов и обличая тайные согрешения; получая его благословение, они обращались на путь заповедей Господних.

В монастыре Борисоглебском был некто старец, по имени Тихон. Помыслив о том, как ему угодить Богу, он сделал себе «труды», сковал железную цепь и в этих «трудах» сидел семь лет. В это время на Руси уже производили свои опустошения и разорения польские и литовские паны, нашествие которых было предсказано Иринарху блаженным юродивым Иоанном. Старец Тихон убоялся нападения от панов и удалился из монастыря, а свою железную цепь отдал Иринарху, у него цепь стала уже в двадцать сажень. В этой длинной цепи Иринарх продолжал трудиться по-прежнему, не давая рукам своим покоя: то он вязал волосяные свитки, то клобуки, то приготовлял на нищих одеяние. Он постоянно подавал нищим, помогал нуждающимся, защищал слабых от притеснения сильных и молился за всех Богу. Подолгу он иногда совсем не видел людей и от тяжелых подвигов иногда впадал в болезнь, которой всегда радовался и благодарил Бога. Спал он только

ночью и то лишь час, два или три, а тело свое бил своей железной палицей, творя молитву.

Еще до нашествия литвы во время тонкого сна Иринарху было видение: город Москва разорена литвой, все Российское царство пленено и пожжено по местам. Проснувшись, он стал неутешно плакать о предстоящем пленении и разорении святых Божиих церквей. Когда он несколько утешился от плача, вдруг облистал его сверху свет, и из этого света послышался голос:

— Поди к Москве и поведай, что все так будет.

Он осенил себя крестным знамением и сотворил молитву. Послышался вторично тот же голос:

— Так будет!

Старец вторично перекрестился и стал молиться:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй меня грешного от искушения: я — раб Отца и Сына и Святого Духа и не желаю ничего на свете сем видеть.

Но тот же голос в третий раз послышался:

— Не ослушайся и делай по сему гласу: все будет так роду сему непокоривому.

Убоялся старец видения и глагола свыше, призвал игумена и поведал ему все. Игумен велел ему ехать к Москве и возвестить царю Василию Иоанновичу[1], что царству московскому и всей русской земле предстоит пленение от литвы.

Старец Иринарх отправился в Москву. По дороге в Переяславле он остановился на перепутье на конюшенном дворе у Никитского монастыря и послал за другом своим Никитским диаконом Онуфрием, а сам пошел помолиться святому Никите, переяславскому чудотворцу, и приложиться к его мощам. Диакон Онуфрий был в то время сильно болен лихорадкой, так что, мучимый ознобом, влезал в печь, чтобы согреться. Было мнение, что болезнь эта произошла от козней диавола. Диакон Онуфрий, по благословению старца Иринарха, уничтожил в Переяславле суеверное почитание большого камня, находившегося за Борисоглебским Переяславским монастырем. К этому камню ежегодно в праздник апостолов Петра и Павла собиралось множество народа, мужей, жен и детей, и камню воздавалась честь. Диакон приказал повергнуть камень в яму, чтобы впредь народ не собирался около

[1] Разумеется здесь царь Василий Иоаннович Шуйский, царствовавший с 1606-го по 1610 год.

него. Этот подвиг Онуфрия многим не был угоден; благочестивый диакон от многих, даже родных и из духовного чина, терпел порицания, брань и насмешки, — даже клевету и убытки при судебных преследованиях; сверх того, постигла его и болезнь, — но все это диакон Онуфрий переносил и терпел с твердостью, не роптал, уповая на милость Божию и помня час смертный, и не обращался за исцелением к врагам Божиим, разным знахарям. Едва Онуфрий вошел к Иринарху, как старец заметил его тяжкую болезнь и, облобызав его, дал ему четверть хлеба, благословил его и сказал:

— От этого яства будь здоров!

И диакон сейчас же почувствовал облегчение и стал здоров.

В Москву приехал Иринарх вместе с учеником своим, старцем Александром. Приехали они ночью, за час до рассвета. Утром отправились в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы и помолились Владычице и чудотворцам Петру митрополиту и Ионе. Один сын боярский, именем Симеон, пошел к царю и известил о приходе старца. Царь обрадовался и приказал, чтобы Иринарх пришел в Благовещенский собор. Старец пришел в церковь, помолился Пресвятой Богородице, благословил царя честным крестом и целовал его. Царь также целовал старца любезно и подивился великим «трудам», которые он носил на себе. Старец сказал царю Василию Иоанновичу:

— Господь Бог открыл мне, грешному старцу: я видел город Москву, плененную ляхами, и все Российское государство. И вот, оставя многолетнее сидение в темнице, я сам пришел к тебе возвестить сие. И ты стой за веру Христову мужеством и храбростью.

Сказав это, Иринарх направился вон из церкви. Царь Василий Иоаннович взял старца под руку, а ученик его Александр под другую.

Царь сказал старцу, чтобы он благословил и царицу. Старец не ослушался, пошел в палату к царице вместе с царем, благословил царицу Марию Петровну и вышел из палаты. Царица вслед послала старцу два полотенца, но он не хотел взять. Царь Василий уговаривал его:

— Возьми Бога ради!

Но Иринарх сказал царю:

— Я приехал не ради даров; я приехал возвестить тебе правду!

Царь проводил Иринарха из палаты царицыной и приказал во дворце боярину потчевать старца. Затем царь приказал дать старцу свой возок и конюха и проводить его до Борисоглебского монастыря.

Вкусив хлеба у боярина, Иринарх пустился в обратный путь, пробыв в Москве всего двенадцать часов.

Вернувшись в Борисоглебский монастырь, Иринарх вошел в свою келью и вновь предался своим трудам и подвигам в посте и молитве, а конюха государева и возок отпустил к Москве, помолившись, чтобы Господь утолил Свой гнев и смиловался над Москвой, как древле над Ниневией.

Спустя немного времени после путешествия преподобного Иринарха в Москву и предсказания бедствий явилась в русскую землю литва, злые и свирепые люди и немилостивые ругатели. Литвою звали тогда у нас всех подданных польско-литовского королевства: поляков, или ляхов, собственно литовцев и русских из Белой и Малой Руси; в числе этих малоруссов было много казаков. По вере почти все враги наши были католики или униаты, не щадившие православных храмов и прочих святынь. Они стали пленить русскую землю и избивать жителей, завоевали много городов, например, выжгли город Дмитров, оскверняли церкви Божии, ниспровергали престолы святые, снимали с них одежды, обдирали с икон оклады, а самые иконы бросали, грабили книги, часто самые церкви сжигали. Многие из русских, боясь посечения, признавали их власть, давали дань и кормы. Им покорилось много городов. В 1609 году был взят город Ростов Великий и выжжен; соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы осквернена, раки великих чудотворцев Леонтия и Исаии и вся церковная утварь и казна были пограблены. Множество людей обоих полов и всяких возрастов было посечено. Много терпели тогда от тяжести налогов православные, и, не предвидя облегчения, многие города стали от врагов запираться. Это было время, когда при царе Василии Иоанновиче Шуйском враги наши выставили второго Лжедмитрия и требовали покорности ему или его покровителю, польскому королю.

Имея целью овладеть Москвой и царским престолом, враги собрались около Москвы и оттуда производили набеги и опустошения в разные стороны. Второй самозванец устроил лагерь при деревне Тушине.

Не оставили враги в покое и Борисоглебского монастыря, где подвизался Иринарх. Некто, неприятельский воевода Микулинский, завоевав город Ростов, пожегши посады под Ярославлем, разорив город Углич, пришел на Устье в монастырь к Борису и Глебу. Здесь он, со многими панами, вошел в келью старца и стал испытывать его веру:

— В кого ты веруешь?

— Я верую в Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, — отвечал старец.

— А земного царя кого имеешь?

И старец громогласно произнес:

— Я имею Российского царя Василия Иоанновича: живу в России, Российского царя и имею, а иного никого и нигде не имею.

Один из панов сказал старцу:

— Ты, старец, изменник: ни в нашего короля, ни в Димитрия не веруешь.

Старец отвечал:

— Вашего меча тленного я нисколько не боюсь, и вере своей и Российскому царю не изменю; если за это ты меня посечешь, то я претерплю это с радостью: немного во мне крови для вас, а у моего живого Бога есть такой меч, который посечет вас невидимо, без мяса и без крови, а души ваши пошлет в вечную муку.

Пан Микулинский подивился: так велика была вера в старце.

Спустя некоторое время стали собираться русские силы против врагов. Князь Михаил Скопин-Шуйский пришел из Новгорода с русскими и шведскими войсками и стал в Калязине, против литвы. Изпод Троице-Сергиева монастыря пришел против него с войском пан Сапега. Но Божией помощью, заступлением великих чудотворцев и по слову старцеву, Московская сила побила литву, и пан Сапега со своим войском отступил и остановился за два ночлега от Борисоглебского монастыря на Устье, намереваясь выжечь монастырь и побить братию. В монастыре поднялась кручина великая и печаль, братия начали прощаться друг с другом. Старец же Иринарх стал утешать своих учеников Александра и Корнилия:

— Не убоимся сожжения и посечения от иноверных: если нас пожгут или посекут, то мы явимся новыми мучениками и получим венцы на небе от Христа, Бога нашего.

Затем Иринарх обратился с горячей молитвой к Господу Богу об избавлении от угрожавшего бедствия и о вселении в сердца врагов милости и жалости к святой обители. В то время пришел в монастырь пан ротмистр Кирбитский и вошел в келью старца: он благословился у него и подивился старцевым трудам. Вернувшись к Сапеге, он сказал:

— В монастыре у Бориса и Глеба я нашел трех старцев скованных.

Сапега сам пожелал видеть старца и вперед послал одного пана известить о своем приходе. Старец посланному сказал:

— Если пан захочет посетить, то по своей воле приедет к нам.

Услышав такой ответ, Сапега приехал в монастырь, вошел в келью старца и сказал ему:

— Благослови, отче! Как ты терпишь такую великую муку?

Старец отвечал ему:

— Бога ради сию темницу и муку терплю в келье сей.

Многие из панов стали говорить Сапеге:

— Сей старец за нашего короля и за Димитрия Бога не молит, а молит Бога за Шуйского царя.

Старец возразил:

— Я в России рожден и крещен, за русского царя и Бога молю.

Сапега сказал:

— Правда в батьке велика: в которой земле жить, тому царю и служить.

— Ограбили тебя, старец? — спросили паны.

Старец отвечал:

— Приехал лютый пан Сушинский и пограбил весь монастырь, не только меня, старца грешного.

Сапега сказал:

— За то пан Сушинский повешен.

После этого старец дал такой совет пану Сапеге:

— Возвратись, господин, в свою землю: полно тебе в России воевать! Если же не уйдешь из России или опять придешь в Россию и не послушаешь Божии слова, то будешь убит в России.

Пан Сапега умилился душою вследствие этих слов и сказал:

— Чем мне тебя одарить? Я ни здесь, ни в иных землях монаха такого крепкого и безбоязненного не видывал.

Старец сказал:

— Я Святому Духу не противник, от Святого Духа и питаюсь. И как Святой Дух тебе внушит, так ты и сделаешь.

Сапега сказал:

— Прости, отче! — и, поклонившись, вышел с миром.

Сапега прислал затем старцу на милостыню пять рублей денег и воспретил своему войску чем-либо вредить монастырю. Вскоре Сапега с ратью направился к Переяславлю, а в монастыре была великая радость, что Бог избавил от разорения; старец же непрестанно

со слезами молил Бога об избавлении всей русской земле от пленения.

После победы под Калязином князь Михаил Шуйский начал преследовать литву и из Переяславля послал к старцу Иринарху за благословением. Иринарх послал ему благословение, просфору и крест и наказал сказать:

— Дерзай, и Бог поможет тебе!

Князь послал отряд в Александровскую слободу, и, с Божией помощью, русские воины побили литву. Вскоре пошел туда и сам князь и остановился в слободе. Неприятели стали собираться против него из-под осажденного Троицкого монастыря и из-под Москвы. Князь узнал об этом и был очень озабочен. Он снова отправил гонца к преподобному Иринарху. Старец вновь послал ему благословение и просфору и велел сказать:

— Дерзай, князь Михаил, и не бойся: Бог тебе поможет.

И князь побил литву. Потом князь послал одного из воевод к Троице с войском, и воевода благополучно прошел в монастырь. Князь опять послал гонца к Иринарху с дарами, и старец, посылая благословение и просфору, велел ему идти под Троицу, что князь и сделал. Услышав об этом, Сапега направился к Дмитрову. Князь пришел благополучно к Троице, вошел в монастырь и помолился Пресвятой Троице и преподобному Сергию, воздавая славу Богу, Пресвятой Богородице и российским чудотворцам. Посланное против Сапеги войско разбило его под Дмитровом, Сапега бежал к Иосифову Волоколамскому монастырю. В то же время из Тушина бежал второй самозванец в Калугу, где впоследствии и был убит. После этих успехов князь Михаил от Троицы пришел в Москву, помолился в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, приложился к образу Пресвятой Богородицы Владимирской и ракам чудотворцев и с радостью вернулся в свой дом.

Старец Иринарх, знавший о всех этих событиях, послал ученика своего Александра к князю Михаилу в Москву за честным крестом, который был дан ему на помощь и прогнание супостата. Князь отдал крест и послал старцу благодарственное послание и дары. Александр все это доставил своему учителю.

Приняв с радостью святой крест, преподобный Иринарх произнес такую молитву:

— Слава Тебе, Владыка Человеколюбче, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, претерпевшему на сем честном и животворящем Кресте

распятие и смерть ради нашего спасения и показавшему сему нашему роду милость и чудеса от этого честного Креста, помощь князю Михаилу на литву, на побеждение и прогнание, как древле при царе Константине на супостатов.

Вскоре после отсылки креста князь Михаил отошел ко Господу. Враг же рода человеческого, посрамленный от старца Иринарха, замыслил против него новые козни.

В Борисоглебский монастырь от патриарха Гермогена был прислан новый игумен по имени Симеон, который оказался лютым, немилостивым невоздержным и предававшимся пьянству. Он приказал старцу Иринарху ходить в церковь молиться, старец же, нося на себе тяжкие железные «труды», не мог свободно пройти и по келье, иссушая плоть свою день и ночь в посте и молитве. Жестокосердый игумен Симеон, превосходя лютостью неверующих, пришел к старцу в келью с братией и без милости отнял все, что у старца было запасено. Остались только неотобранными четыре пуда меду, о чем и сказал старцу ученик Александр. Старец по этому случаю вспомнил об некоем отце затворнике, которого ограбили разбойники, оставив одну какую-то вещь; затворник догнал разбойников и сказал, что они не все забрали; разбойники умилились и все возвратили затворнику. Теперь же, когда по приказанию Иринарха ученик его Александр сообщил игумену, что не все забрано, то игумен оказался не милостивее древних разбойников и забрал оставшееся.

В тот же вечер старец Иринарх видел юношу в белых ризах, который стоял близ него и, смотря на него, говорил о немилостивом поступке игумена, а потом вдруг исчез. Старец всю ночь пребыл в молитве. Наутро снова пришел игумен к старцу в келью и приказал вывести старца из кельи: четыре человека взяли его под руки и поволокли, а игумен с пятью другими людьми понес железную цепь его. Когда волокли старца, то выломили ему левую руку и бросили его в трех саженях от церкви. Старец пробыл в таком положении девять часов, молясь Господу Богу, чтобы Он не поставил этого гонителям его в грех, ибо всуе мятутся, не ведая, что творят.

Учеников старца, Александра и Корнилия, удалили от Иринарха и разослали по другим кельям.

Когда Иринарх лежал один, всеми покинутый, явился ему юноша в светлых ризах и сказал:

— Услышал Бог молитву твою и терпение твое: если испросишь чего, будет дано тебе.

После этих слов юноша стал невидим.

Между тем ученик Иринархов Александр ночью пришел в прежнюю келью и обратился с молитвой:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Долго ли нам, Господи, в скорби этой быть с учителем своим и терпеть от этих зверообразных людей и пьяниц? Но да будет воля Твоя святая!

И от крестов честных был ему глас:

— Иди к игумену и скажи ему: зачем противишься судьбам Божиим?

Старец Александр пришел в церковь к игумену и стал ему говорить:

— Отпусти старца Иринарха в его келью, на обещание, вместе с его учениками, чтобы тебе не погубить свою душу, борясь против судеб Божиих.

Игумен благословил старца и обоих учеников его. Старец пришел в свою келью, благодарил Бога за избавление от гонения и молился о даровании ему терпения. И свыше был ему голос:

— Дерзай, страдалец мой, Я с тобою всегда: Я ждал твоего подвига и терпению твоему дивились Ангелы. Теперь уже больше не будет на тебя гонений, но ждет тебя уготованное тебе место в Царстве небесном.

Старец Иринарх слышал голос, но никого не видел, и в трепете только творил молитву со слезами:

— Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй меня грешного и избавь от искушения, — и ограждал себя крестным знамением.

После того вскоре игумен Симеон удален был из монастыря.

Между тем, по преставлении князя Михаила Скопина-Шуйского, литва снова ободрилась, враги собрались снова под Москву. Сами москвичи, под влиянием лести врагов, свели с престола царя Василия и пустили в город Москву ляхов, которые отправили бывшего царя Василия Шуйского в ссылку в Польшу. Москва подверглась пленению и разорению.

Литва снова стала разорять области вокруг Москвы на далекое пространство. В 1612 году литва пришла в Ростов. От страха перед нею игумен Борисоглебского монастыря бежал со всею братией на Белое озеро, а старец Иринарх с учениками своими остался в келье своей, молясь беспрестанно Богу. Литва заняла монастырь и пробыла в нем десять недель. Один пан пришел раз в келью Иринарха и сказал:

— Благослови, батько! А Сапега убит под Москвою, по твоему слову!

Старец отвечал:

— Подите и вы в свою землю — и будете живы; если же не уйдете из нашей земле, и вам быть убитыми!

Пан ушел и поведал слова Иринарха прочим всем панам. И стали паны приходить к старцу, и старец говорил им:

— Подите в свою землю; если не пойдете, то будете убиты.

Пришел к старцу сын воеводы, по имени Воин, и благословился у старца идти в свою землю. Старец благословил; воеводин сын поклонился до земли, пошел к своему отцу и рассказал о благословении. Тогда и сам воевода Иоанн Каменский пришел к старцу в келью, поклонился старцу до земли и сказал:

— Благослови, батько, и меня идти в свою землю, как благословил сына моего.

И старец благословил его и сказал:

— Только не трогай монастыря и братии и города Ростова.

И пан Каменский ушел в свою землю, не тронув ни монастыря, ни города Ростова. В монастыре снова была радость по случаю избавления от опасности.

Между тем как в самой Москве, так и во всей земле было великое смятение и печаль, что в Москве засела литва. Везде, а особенно в Нижнем Новгороде, молились о том, чтобы Господь Бог явил милость Свою и очистил город Москву от врагов, и избавил землю от великой скорби.

Нижегородцам был известен князь Димитрий Михайлович Пожарский, проживавший близ Нижнего. Нижегородцы начали просить его, чтобы он шел к Москве и очистил ее от врагов. Они стали собирать и давать ему людей, деньги и запасы на войну. В помощь и содействие ему выбрали нижегородского посадского человека Косму Минина. И военный предводитель, и земский выборный были единодушны в своих мыслях и все делали с общего совета и согласия. И Бог подал им Свою помощь.

Двинулись они со всею собранною силою к городу Ярославлю и остановились в нем. Изо всех городов стали собираться к ним русские люди, желавшие стать за веру и отечество и умереть за святые Божии церкви.

Услышав о прибытии в Ярославль князя Димитрия Михайловича Пожарского с войском, один из предводителей стоявшего под Москвой русского ополчения, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, прислал гонца, чтобы скорее шли под Москву. Но князь Пожарский и Косма Минин боялись идти под Москву: там среди русского ополчения не было единодушия, и один из предводителей русского войска, Иван Заруцкий, убил под Москвою другого воеводу, Прокофия Петровича Ляпунова.

Старец Иринарх, за всем следивший и все понимавший, послал князю Димитрию Михайловичу Пожарскому свое благословение и просфору и велел идти под Москву со всем войском, не боясь Ивана Заруцкого.

— Увидите славу Божию, — наказывал старец сказать князю.

Князь был рад словам старца, без страха пошел со всей ратью к Москве и остановку сделал в Ростове. Отсюда князь Пожарский и Косма Минин нарочно отправились в Борисоглебский монастырь, чтобы лично получить благословение от старца Иринарха.

Старец благословил их в поход под Москву и дал им крест свой на помощь. Приняв благословение и крест у старца, князь с радостью пошел с войском от Ростова к Переяславлю, а от Переяславля к Троице, где остановился и поклонился Пресвятой Троице и преподобному Сергию.

От Троицы Пожарский послал воеводу князя Дмитрия Лопатина под Москву к князю Трубецкому. Трубецкой был рад, а Заруцкий из-под Москвы бежал.

Между тем к засевшей в Москве литве подошли новые люди с запасами. Услышав об этом, князь Трубецкой послал гонца к князю Пожарскому, чтобы он шел скорее на помощь под Москву со всею ратью. Нижегородский воевода немедленно двинулся от Троицы к Москве. И помощью Божией и заступничеством московских чудотворцев русским удалось одолеть литву. После этого князь Пожарский овладел Китай-городом, так что литва засела только в Московском Кремле. Немного времени спустя сдался и кремль, и князь Димитрий Михайлович Пожарский вступил в кремль, помолился Пресвятой Богородице и московским чудотворцам.

И была в Москве радость великая, что Господь очистил Москву от литовских людей.

В монастыре же Борисоглебском на Устье-реке была тогда большая печаль: монастырь был несколько раз разорен и опустошен литовскими людьми, в монастыре ничего не было, а между тем с него требовали больших даней на прокормление ратных людей. Игумен с братией и с монастырскими крестьянами пришли к старцу Иринарху, чтобы он благословил ученика своего Александра отправить в Москву. Старец внял их просьбе, предоставил все на их волю и отпустил ученика своего в Москву с челобитьем. Он повелел ему взять у князя Пожарского честный крест, данный на помощь против супостатов.

Когда Александр прибыл в Москву, там была великая радость по случаю того, что король Польский из города Вязьмы ушел в свою землю.

Старец Александр пришел к князю Димитрию Михайловичу Пожарскому и передал ему от старца Иринарха благословение и просфору. Князь был рад прибытию посланца от Иринарха, дал ему грамоту, чтобы не давать Борисоглебскому монастырю на ратных людей никаких запасов по причине литовского разорения. Александр взял у князя грамоту и честный крест и возвратился в монастырь.

Рад был игумен, получив для монастыря льготу, рад был и преподобный Иринарх, когда Александр пришел в его келью, возвратил честный крест и справил поклон от князя.

По устроению Божиему и по приговору всей земли князей, бояр, воевод, преосвященных митрополитов, архимандритов и игуменов и прочих людей, в 1613 году на царский престол был избран юный князь Михаил Феодорович Романов и поставлен в цари на Москве обладателем над всеми принадлежавшими России землями и венчан был царским венцом. Вся русская земля радовалась о новом желанном царе.

Но еще во многих местах и городах, в Угличе, Вологде и в других окрестных, была великая печаль от продолжавшихся разорений: главным образом отряды казаков проливали много христианской крови и опустошали города и села. Для очищения земли от этих грабителей и губителей царь Михаил Феодорович послал боярина своего и воеводу, князя Бориса Михайловича Лыкова, со значительным войском. Князь Лыков направился в Ярославль.

В это время литва и казаки пришли в село Даниловское (теперь — город Данилов Ярославской губернии). Князь Лыков прислал старца Иоакима к старцу Иринарху за благословением, как делали и прежние русские полководцы. Старец послал князю фосфору и благословение

и велел идти за литвою. Князь рад был благословению старца и двинулся в поход. Две недели он гнался за врагами, настиг их за Костромою, не доходя Нижнего, и, с помощью Божией, побил, многих взял в плен и отправил в Москву к царю. Отсюда Лыков возвратился к Вологде против казаков, которые грабили Вологодский и Белозерский уезды. Князь послал погоню за казаками, которые от Белозерска направились в Углич, где стояли две недели. Лыков послал туда свои полки, которые и прогнали казаков к Москве. Сам князь, направляясь к Москве вслед за врагами, зашел в Борисоглебский монастырь, помолился страстотерпцам Борису и Глебу и лично принял от старца Иринарха благословение. Двинувшись дальше к Москве, князь Лыков догнал казаков, забрал в плен и привел к царю.

Велика была радость по случаю уничтожения казацкой грабительской шайки милостью Божией и заступлением Пресвятой Богородицы и московских чудотворцев и молитвами и слезами затворника Иринарха.

С того времени настала на Руси тишина. Старец же Иринарх попрежнему непрестанно молился и проливал слезы, постился, принимал странных и защищал обидимых от притеснения сильных.

Еще при жизни Бог прославил Своего угодника Иринарха чудесами: его молитвами Бог исцелял больных и бесноватых, чудесную силу имело его благословение для приходивших к нему с верою. Составитель жития Иринарха, ученик его Александр, записал девять чудес Божиих, совершенных молитвами борисоглебского затворника и страдальца при его жизни.

К преподобному Иринарху приходили или были приводимы больные разными болезнями, особенно же одержимые духом нечистым. Старец молился, заставляя и больных молиться и поститься, возлагал на них свой честный крест, нередко налагал на больных часть своей цепи или приказывал лежать на этих цепях. Иногда издалека от больных посылали к Иринарху за благословением, которое он давал и вместе посылал просфору или крест, которым святили воду и давали ее больным пить. Так преподобный исцелил бесноватого из села Давыдова[1] возложением на него своего креста; другой бесноватый из Вощадиникова[2] был исцелен, когда на буйного ученик Александр возло-

[1] Село Давыдово находится в 20 верстах от Борисоглебского монастыря по дороге к Угличу.

[2] Село Вощадиниково в 10 верстах от Борисоглебского монастыря, вправо от Угличской дороги.

жил старцеву цепь и привел больного к старцу и к образу Пресвятой Богородицы. На заболевшего исступлением ума в Борисоглебском монастыре воеводу, сына боярского Матфея Тихменева, преподобный Иринарх возложил свой крест и привязал к своей цепи, приставив для охраны двух воинов; так больной провел целую ночь, а утром старец послал воеводу в церковь молиться; от литургии больной пришел здоровым, но преподобный заповедал ему всю неделю поститься, ни мяса не есть, ни вина, ни пива не пить. Подобным же образом получил исцеление в монастыре душевнобольной крестьянин Никифор: старец повелел возложить на него свой крест и привязать цепью к грядке; через час старец велел снять крест и цепь и приказал больному лечь на свои цепи, где он и спал целую ночь, — встал же совершенно здоровым.

От питья или окропления водою, освященною посланным Иринархом крестом, получили исцеление один боярский сын, по имени Роман, от головной боли, одна крестьянская жена от болезни глаз, одна бесноватая женщина в Угличе, жена одного подьячего в Москве, от какой-то тяжкой болезни.

Настало время кончины преподобного Иринарха. Праведный и многострадальный муж призвал учеников своих и сказал им:

— Братья мои и спостники! Молю вас: вот ныне я отхожу от жизни этой к Господу Богу моему Иисусу Христу: помолитесь за меня Богу и Пречистой Богородице, дабы по преставлении моем душу мою взяли милостивые Ангелы и дабы я избежал сетей вражьих и воздушных мытарств, вашими святыми молитвами, ибо я грешен. Вы же, господа мои, после моей смерти пребудьте в посте и молитве, в трудах, в бдении и слезах, а также в любви между собою без ропота, в послушании и повиновении, ибо вы знаете Христову заповедь о блаженствах.

Преподобный проговорил все сии заповеди и дал много других наставлений своим ученикам.

Видя своего учителя при последнем издыхании, ученики его, Александр и Корнилий, пришли в великое умиление и в горьких слезах взывали:

— О добрый наш пастырь и учитель! Вот уже ныне видим тебя при последнем издыхании: к кому же прибегнем, от кого насладимся учением, кто попечется о наших грешных душах? Но молим тебя, если обретешь благодать перед Богом, по отшествии своем от жизни сей,

моли о нас неослабно Бога и Пречистую Богородицу, как угодно будет твоей святыне, ибо тебе известны все наши тайные страдания.

Старец Иринарх сказал ученикам своим:

— Я отхожу от вас телом, а духом с вами буду неразлучно.

И к этому еще прибавил:

— Если кто начнет притеснять сию обитель мою, свыше данную от Бога и искупленную и выпрошенную у игумена и братии, то пусть им судит Бог и Матерь Божия.

Около отходящего находилась и братия монастырская. Дав прощение братии и ученикам о Христе и последнее целование, преподобный стал на молитву, долго молился и тихо отошел ко Господу в вечный покой.

Кончина преподобного Иринарха последовала в 1616 году, 13 января, на память святых мучеников Ермила и Стратоника с пятницы на субботу в девятом часу ночи. По благословению и повелению Преосвященного митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла[1] погребение схимонаха Иринарха совершал Борисоглебский игумен Петр и отец его духовный иеромонах Тихон, диакон Тит и ученики его — старцы Александр и Корнилий. По завещанию преподобного Иринарха, гроб его положен в уготованной им самим пещере.

После старца Иринарха осталось праведных «трудов» его: сто сорок два креста медных, семь трудов плечных, железная цепь в двадцать сажен, которую он надевал на шею, железные пута ножные, восемнадцать медных и железных оковцев, которые он носил на руках и на груди, связни, которые носил на поясе, весом в один пуд, палка железная, которою он смирял свое тело и прогонял невидимых бесов[2]. В этих «трудах» праведных своих старец Иринарх прожил тридцать

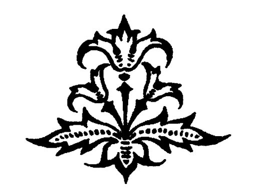
[1] *Кирилл IV* упоминается, как митрополит Ростовский, при кончине царя Бориса Годунова; был лишен кафедры Лжедмитрием; когда преемник его Филарет, впоследствии патриарх, изведен был в плен, ростовцы вновь призвали Кирилла, который и святительствовал до своей кончины в 1616 году.

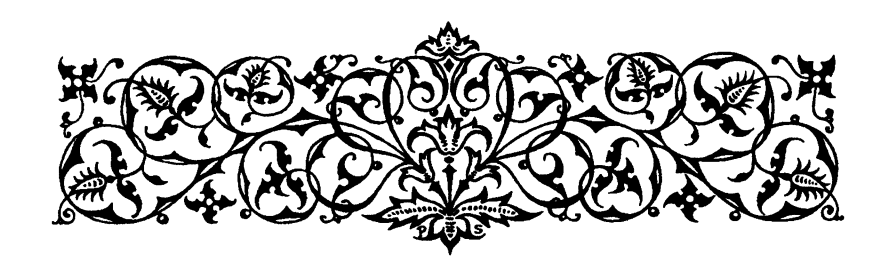
[2] Большая часть железных цепей и других тяжестей, которые носил на себе подвижник Иринарх, и до этого времени хранится в Борисоглебском монастыре — отчасти в церковном приделе, где находится рака преподобного, отчасти в особой деревянной постройке на месте прежней кельи преподобного. Подробное описание и изображение этих предметов можно видеть в упомянутом выше издании Преосвященного Амфилохия. В 1878 году по благословению Ярославского и Ростовского Преосвященного архиепископа Нила часть вериг и других предметов из «трудов» Иринарха перенесена была в церковь родного села Иринарха Кондакова по просьбе сельчан. См. об этом в упомянутой выше книжке Н. Н. Корсунского.

восемь лет и четыре месяца, а в мире жил тридцать лет, всего же он прожил шестьдесят восемь лет и четыре месяца.

По преставлении преподобного Иринарха совершалась много чудес при его гробе. Составитель жития, ученик его Александр, записал тринадцать чудесных исцелений от разных недугов, особенно же от беснования. На больных обыкновенно возлагали животворящий крест трудов Иринарха, иногда цепь его или другие, носившиеся им тяжести. Брали также землю от его гробницы и пили с нее воду. Совершалось немало чудес и впоследствии.

И в настоящее время нередко многие страждущие, во время молебна преподобному Иринарху, надевают на себя те или другие из оставшихся после него тяжестей, веруя в целебную их силу.

День четырнадцатый

ПЕРВОЕ ИЗБИЕНИЕ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ в Синае и Раифе

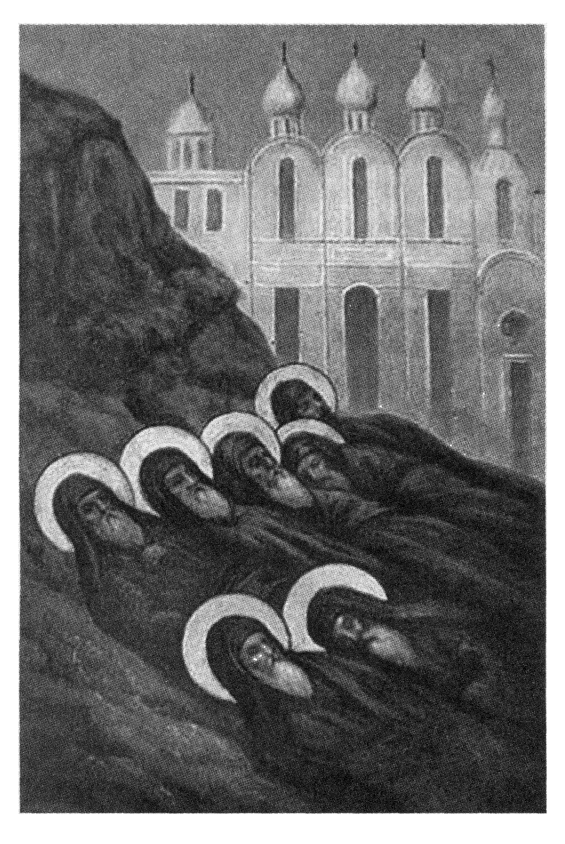
В 14-й день января воспоминается двукратное избиение иноков, подвизавшихся в обителях и пещерах горы Синайской[1] и в сопредельной с Синаем прибрежной пустыне Раифе. Первое избиение совершено было в IV веке. Оно описано Аммонием, египетским иноком, очевидцем этого события. Аммоний повествует об этом так:

«Однажды, когда я сидел в своей скромной келье, в стране Александрийской, в месте, называвшемся Каново, у меня явилась мысль пойти в Палестину. Я не мог спокойно смотреть, как христиане терпят нескончаемые страдания от нечестивых мучителей, и святой отец наш, патриарх Петр[2], вынужден переходить с места на место и скрываться, лишенный возможности твердо управлять своим словесным стадом. Вместе с тем я желал поклониться святым местам в Иерусалиме, по которым ходил Господь наш Иисус Христос, совершая тайну Своего промышления о нас. Придя туда, я глубоко радовался о всех чудных делах Божиих и горячо благодарил милосердного Господа, что Он удостоил меня поклониться святым местам. Потом я отправился с

---

[1] Гора *Синай* находится в середине Синайского полуострова; она представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезана и окружена крутыми и шероховатыми долинами; у арабов ныне называется горой «Тур» или «Дже-бель-Тур-Сина». В Ветхом Завете при горе Синае израильтяне вступили в завет с Богом и получили от Него заповеди закона (Исх. 20). В IV и V веках по Рождестве Христовом гора Синай славилась обилием христианских пустынножителей, живших в ущельях и пещерах ее.

[2] *Святой Петр*, патриарх Александрийский, правил Церковью с 300 по 311 год; память его празднуется 25 ноября.

некоторыми иноками в пустыню и, с помощью Божией, достиг через восемнадцать дней Синайской горы и поклонился там святым местам. Оставаясь там, я наслаждался общением и беседами с ангелоподобными синайскими отцами и ежедневно, для своей душевной пользы, приходил в кельи каждого из них. У них был такой устав: безмолвными сидели они все дни в своих кельях; вечером же в субботу, при наступлении воскресного дня, все собирались в церковь и вместе совершали всенощное бдение; причастившись поутру за святой литургией святых бессмертных Христовых Тайн, каждый из них снова уходил в свою келью. Вид их был подобен ангельскому: от сильного воздержания и непрестанного бодрствования тела их были изнурены и они жили подобно бесплотным, — не употребляя в пищу ничего такого, что может возбуждать и питать страсти. Они совсем не вкушали ни вина, ни масла, ни хлеба, но довольствовались лишь небольшим количеством фиников или желудей и только этим поддерживали свою жизнь. Однако для странников имелся иногда у настоятеля и хлеб.

Спустя несколько дней после того на эту страну внезапно напало множество варваров, называвшихся Влеммианами[1]. Они нещадно избили всех отцов, которых нашли в окрестностях. Мы, жившие близ пирга[2], смутились и встревожились; поспешно собрались мы в укреп-

[1] *Влеммиане* — теперешние бедуины, ливийский разбойничий народ, живший на юг и на запад от Египта; этих варваров опасались даже римские императоры, так что Диоклетиан старался обеспечить себя от них деньгами и уступкой земель.

[2] *Пирг* — от греч.: крепость, башня; так назывались укрепленные сторожевые места в монастырях.

ленное место, вместе со своим святым отцом настоятелем, по имени Дулой, — ибо он поистине был рабом Христовым, отличавшимся между всеми особенным терпением и кротостью, почему некоторые называли его и Моисеем. Упомянутые варвары избили всех отцов, живших в Хориве[1], в Тефровиле, много святых погубили они в Кидаре, опустошили и прочие окрестности Синайской горы. Подошли они и к нам и, не встречая ниоткуда сопротивления, едва было не погубили нас. Но милосердный Бог, являющий Свою помощь тем, которые призывают Его всем сердцем, ниспослал на вершину горы великий пламень, и мы видели, что вся гора была покрыта дымом, и из нее выходил огонь, поднимавшийся до неба. При виде этого, мы пришли в трепет и едва не умерли от страха. Упав ниц на землю, мы молились Господу, чтобы миновало нас угрожающее нам бедствие. Ужас напал на варваров, когда они увидели огонь, и они тотчас же обратились в бегство, причем некоторые побросали даже свое оружие и оставили верблюдов, ибо вид этого ужасного огня был для них совершенно невыносим. Мы же благодарили и прославляли Бога, Который не оставляет до конца обращающихся к Нему. После того мы сошли с пирга и нашли в различных местах убитых мечом тридцать восемь отцов, из которых каждый был убит там, где был захвачен. На телах их было множество разнообразных ран, — и кто мог бы описать образ их мученической смерти? Двое же из них, Исаия и Савва, оставались еще живы, но были весьма изранены и еле дышали. Мы тотчас же с великими слезами похоронили убитых отцов и позаботились о живых. Да и кто бы мог быть настолько жестоким и немилосердным, чтобы не оплакивать горько столь многих и таковых отцов, — мужей праведных и святых, жалостным образом распростертых на земле? У одного голова была отрублена совсем, у другого держалась только на коже с одной стороны; один был перерублен пополам, у другого отсечены руки и ноги, у одного выколоты глаза, другой с головы до ног рассечен надвое. Да и кто мог бы описать подробно все, что мы видели, убирая и погребая тела святых? Двое еще живых братьев лежали, тяжко страдая. Один из них, по имени Исаия, умер во втором часу

---

[1] *Хорив* — гора в пустыне Аравийской, западная возвышенность того же горного хребта, восточную часть которой составляет Синай. Здесь было явление Бога Моисею в купине, которая горела и не сгорала (Исх. 3). Близ этой горы находились и упоминаемые здесь Кидар и Тефровил.

ночи, другой же — Савва — оставался жив, и была надежда на его выздоровление, ибо раны его были не особенно тяжелыми. Он благодарил Бога за свои страдания, но скорбел, что не удостоился умереть вместе со святыми отцами и с плачем говорил:

— Горе мне грешному! Горе мне, не вошедшему в число святых отцов, пострадавших и умерших за Христа! Горе мне, непотребному рабу, отвергнутому в одиннадцатый час (ср.: Мф. 20, 6), стоявшему уже на пороге спасительного Царства Христова, но не вошедшему в него!

Со слезами молился он Богу и говорил:

— Боже Вседержитель, ниспославший для спасения рода человеческого Своего единородного Сына, единый и благой Человеколюбец, не разлучай меня с умершими прежде святыми отцами, но да восполнится чрез меня четыредесятное число их! Соблаговоли на это, Господи Иисусе Христе, ибо я с самого рождения был Твоим последователем и Тебя Единого возлюбил!

Среди такой молитвы на четвертый день по избиении святых отцов, он и предал свой дух в руки Господни.

Когда мы еще скорбели и плакали, пришел к нам один измаильтянин[1] и сообщил, что варварами перебиты все подвижники, жившие во внутренней пустыне, называемой Раифой[2]. Эта пустыня, находившаяся от нас на расстоянии более двух дней пути, лежала в приморских местах, по берегу Черного моря. Там было двенадцать источников воды и, как говорится в книге Чисел (Числ. 33, 9), семьдесят финиковых пальм, число которых потом весьма увеличилось. Мы спрашивали этого человека, при каких обстоятельствах и сколько было избито отцов, но он ничего не мог рассказать нам об этом, ибо и сам он слышал от других только то, что жившие в Раифе отцы избиты были все без исключения — от старшего до младшего. Спустя несколько часов это известие подтвердил нам и другой. А через несколько дней пришел, чтобы поселиться на Синайской горе, один из тамошних иноков. Узнав о нем, игумен Синайской горы, отец Дула, начал тщательно расспрашивать его, желая в подробности узнать о всем постигшем святых отцов, также и о том, каким образом ему самому удалось спастись бегством. Тогда инок рассказал следующее:

---

[1] *Измаильтяне* — потомки Измаила, сына патриарха Авраама от Агари (Быт. 25, 12 и след.).

[2] *Раифа* — место близ Фарана на восточном берегу Красного моря, на расстоянии двух дней пути от Синая.

— Я, отцы, немного жил с ними, — только около двадцати лет, — но были там и такие, которые жили подолгу: одни по сорок лет, другие по шестьдесят, а некоторые и по семьдесят. Местность эта весьма ровная и очень широкая; в длину она простирается на семьдесят поприщ, с востока ограничена горою, — как бы какою-либо стеною, — до самого Чермного моря[1]. Там обитало много отшельников, которые, согласно апостольскому слову (Евр. 11, 38), скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. У подошвы горы стояла церковь, в которую еженедельно собирались эти поистине небесные мужи. Живя на земле, они были похожи по душе и образу жизни на Ангелов. Тела свои они так изнуряли, — как будто то были не их тела, а чужие; души же они украшали не одною какою-либо добродетелью, но весьма многими. Желая изобразить их страдания и смерть, вообще — все причиненное им бесами искушение, не могу, возлюбленные, рассказать по порядку о всех их добродетелях. Но я передам вам об одном или о двух отцах, и этого будет довольно для вас, чтобы иметь понятие о жизни и всех прочих.

Был между ними один старец, по имени Моисей. Происходя по рождению из соседней страны Фаранской[2], он с юности возлюбил иноческую жизнь. Он был настоятелем у живших там прежде отцов, пробыв в иночестве семьдесят три года. Живя в одной пещере, по близости от монастыря, он поистине был вторым Илией Фесвитянином[3], ибо Господь подавал ему все, чего бы он ни просил у Него. Чудесными знамениями и исцелением всяких болезней он обратил в христианство всех жителей, находившихся в пределах фаранских, равно как и измаильтян, живших в этой стране. Видя чудеса и совер-

---

[1] *Чермное,* или так называемое *Красное*, море представляет собою длинный узкий пролив Индийского моря, отделяющий Аравийский полуостров от Египта и Азию от Африки.

[2] *Фаран* — пустыня и гористая страна между Палестиной, Египтом, Идумеей и Синайским полуостровом. У горы Фарана явился Бог в Духе Святом, сошедшем на 70 старейшин Израилевых (Числ. 9, 10–30); здесь же скрывался Давид от преследований Саула.

[3] *Илия Фесвитянин* — славнейший из пророков ветхозаветных, родом из Галилейского города *Фисви* — в колене Неффалимовом, ревностнейший чтитель Бога истинного и грозный обличитель нечестия и идолопоклонства во времена Ахава и Иезавели, прославившийся многими чудесами. Он удостоился беседовать с Богом на горе Хориве (3 Цар. 19); по чудесном переходе через Иордан, на огненной колеснице взят живой на небо, передав со своею милостью дар чудотворения преемнику своему Елисею. Память святого пророка Илии — 20 июля.

шаемые Моисеем исцеления, все преисполнялись верой во Христа и, принимая крещение, вступали в святую Церковь Христову. Много святой отец исцелял и бесноватых, ибо, по благодати Христовой, имел власть и над бесами. С самого начала своей подвижнической жизни он ни разу не вкусил хлеба, хотя и имел его в небольшом количестве для странников; этот хлеб давали ему навещавшие его египтяне. Сам же он довольствовался несколькими финиками и простой водой; из той же финиковой пальмы он приготовлял и одежду себе; время проводил в строгом молчании — как никто другой, — нарушая его лишь ради приходивших к нему для исповедания своих помыслов; таких он принимал со вниманием и кротостью. Спал он очень немного, да и то уже после утренней службы, ночь же всю проводил без сна. В продолжение всего Великого поста, до самого Великого четверга, он не говорил ни с кем. Во все это время пища его состояла приблизительно из двадцати фиников, питье — из одной кружки воды, и этого, по свидетельству его ученика, часто доставало ему до самых страстей Христовых[1]. Однажды Великим постом к нему привели для исцеления Ведиана, начальника одного эфиопского племени, который был одержим нечистым духом. Когда подошли к келье старца на расстояние одного поприща, нечистый дух поверг Ведиана на землю и начал восклицать:

— Горе мне! К кому ведут меня! Ни на минуту не мог я соблазнить и искусить этого человека!

После таких слов он вышел из Ведиана и тот тотчас выздоровел, уверовав во Христа вместе со многими другими, и потом удостоился святого крещения. Следовало бы рассказать вам и многое другое об этом праведнике, но по недостатку времени приходится умолчать. Он умер от руки напавших на нас варваров.

У этого дивного и блаженного отца был одноименный ему ученик, называвшийся тоже Моисеем. Будучи родом из Фиваидской страны[2], он прожил при нем в безмолвии сорок шесть лет, ни в чем не отступая от правил своего отца, и был примером для прочих молодых иноков. Вместе с ним первоначально жил и я, но потом, по причине крайнего

---

[1] То есть до утрени Великой пятницы, когда воспоминаются *страсти*, то есть страдания Христовы.

[2] *Фиваида* — область знаменитого в древности египетского города Фивы; этим же именем назывался, по главному городу, и вообще весь Верхний (Южный) Египет.

воздержания его, отделился от него. Вместе со святыми отцами и он был также убит. Весьма полезно было бы вспомнить и рассказать о жизни и добродетелях каждого из этих отцов. Но за недостатком времени, умолчав о прочих, я скажу лишь об одном еще праведнике.

Был между ними один отец, по имени Иосиф, родом Аналитин. Живя от моря на расстоянии двух поприщ, он построил себе своими руками жилище; он был человек святой жизни и поистине муж мудрый и добродетельный. Он пробыл на том месте около тридцати лет; ученик его жил не вместе с ним, но недалеко от него в другой келье. К сему преподобному Иосифу пришел однажды за наставлением один из братий. Он постучал в дверь, но, не слыша ответа, заглянул в оконце и увидел старца стоящим посреди кельи как бы в пламени с головы до ног. Он упал от страха и лежал в оцепенении, как мертвый, до двух часов. Придя в себя, он сел у дверей кельи. Погруженный в богомыслие, старец не знал о случившемся. В пять часов брат этот снова постучал. Старец впустил его и спросил:

— Когда ты, сын мой, пришел?

— Часа четыре или больше, — отвечал он, — прошло с тех пор, как я пришел, но не стучал до этих пор, чтобы тебе, отче, не помешать.

Святой старец догадался, что брат знает о бывшем с ним; ничего он не сказал ему об этом и, дав ему душеполезное наставление, с миром отпустил его. Но, по уходе этого брата, дивный старец, боясь человеческой славы, оставил свою келью и скрылся. Спустя несколько дней ученик его Геласий, придя в келью старца, уже не нашел его. Сколько потом он ни искал его в той пустыне, все поиски его оставались тщетными. С горькими слезами возвратился он в келью старца и поселился в ней, чтобы хотя в этом найти утешение для своей души.

Прошло шесть лет, и вот однажды, в девятом часу дня, кто-то постучался в двери кельи. Выйдя, Геласий вдруг увидал своего авву, стоящим около кельи. Изумленный неожиданному появлению его, он подумал, не дух ли это, но все же радостно сказал ему:

— Сотвори, отец мой, молитву.

Старец сотворил молитву, поцеловался с учеником и потом сказал ему:

— Хорошо ты сделал, сын мой, что сначала попросил о молитве, ибо многоразличны бывают козни диавола.

Брат сказал ему:

— Почему захотел ты уйти от отцов и оставить меня, своего сына, — и вот я до этих пор был в горе и слезах?

— Сын мой! — отвечал старец. — Почему я уходил, это ведает один Бог. Однако знай, что на самом деле до этого самого времени я не покидал ни этого места, ни тебя, и не было ни одной недели, в которую я не причащался бы в церкви, вместе с отцами, святых бессмертных Тайн Христа Бога нашего.

Брат очень удивился, что старец жил среди них и никто не видел его.

— Зачем же ты, отец мой, теперь пришел ко мне, сыну твоему? — спросил он.

Старец отвечал:

— Уже настало, сын мой, время моей смерти, и я пришел, чтобы ты похоронил меня.

Преподав брату много душеполезных наставлений и утвердив его в благочестии, старец поднял к небу свои руки, помолился о нем и потом с миром почил о Господе. Тотчас же, после того как брат рассказал нам об этом, мы собрались с пальмовыми ветвями в руках, и с песнопениями перенесли его в церковь, причем лицо почившего сияло, как в древности — у пророка Моисея (Исх. 34, 29–30, 35). Мы похоронили его вместе с почившими раньше святыми и божественными отцами. Много и другого я мог бы еще рассказать вам, но не буду, ибо уже пора приступить к рассказу о варварах: я вижу, что вы хотите знать, как они перебили святых отцов.

Так добродетельны были эти блаженные отцы, которые, живя в полной нищете, твердо претерпевали ради Господа всякие скорби и непрестанно пребывали в молитве и богомыслии. Всех нас жило там сорок три человека. И вот однажды пришли к нам двое каких-то людей и сообщили, что из Эфиопской страны приплыло через море на корабле множество варваров.

— Они схватили нас, когда мы плыли на лодке, — говорили пришельцы, — взяли в плен и стали говорить: покажите нам дорогу к городу, и мы пощадим за это вашу жизнь. Мы, против своей воли, должны были дать обещание, но сами стали выжидать, не подует ли южный ветер, чтобы нам уплыть от них. С Божией помощью, нам удалось ночью спастись на лодке из их рук. И вот мы предупреждаем вас, чтобы вы побереглись на некоторое время, — как бы эти варвары не открыли вашего убежища и не перебили вас; их триста человек.

Узнав об этом, мы поставили при море сторожей, чтобы те известили нас, когда увидят корабль. Сами же мы собрались на всенощную службу и молились, чтобы Господь послал нам то, что служит на пользу душам нашим.

В первом часу ночи показался корабль с поднятыми парусами, который направлялся к нам. Жившие в Фаране миряне приготовились к битве, чтобы защищать своих жен и детей. Их было двести человек, не считая женщин и детей. Мы же собрались в свою, обнесенную оградою, церковь. Корабль с варварами, достигнув под управлением кормчих пристани, оставался в продолжение ночи у западного берега, под прикрытием горы, близ источников. При наступлении утра варвары, связав кормчих, удалили их, оставив на корабле только одного, а чтобы он не уплыл с кораблем, они оставили для надзора за ним своего товарища. Высадившись у источников, они вступили в бой с местными жителями, и с обеих сторон было пущено очень много стрел. Варвары, будучи более опытными в стрельбе, победили и обратили жителей в бегство, перебив из них сто сорок семь человек; остальные же убежали — кто куда мог, причем жен и детей их нечестивые варвары захватили себе. После этого они бросились, как дикие звери, на нашу упомянутую выше ограду, рассчитывая найти у нас много золота. Окружив стены ограды, они начали громко поносить нас, намереваясь устрашить своими свирепыми криками. Среди такого бедствия и горя мы не знали, что делать, — только плакали и взывали к Богу. Одни из нас переносили эту скорбь мужественно, другие плакали, иные же молились и благодарили Бога; все же вместе, утешая друг друга, восклицали:

— Господи, помилуй!

Настоятель наш, святой Павел, стал среди церкви и сказал нам:

— Отцы и братия! Послушайте меня, грешного и недостойнейшего из всех. Всем вам хорошо известно, что мы по любви к Господу нашему Иисусу Христу удалились из суетного мира и, пребывая в этой суровой пустыне, удостоились понести Его благое иго в голоде, жажде и крайней нищете. Всяческую земную суету презрели мы, чтобы удостоиться участия в небесном Царстве Его, и ничего другого мы не желаем, как чтобы постигла нас сейчас смерть. Зачем же нам предаваться печали и скорбеть, если наш Владыка хочет скорее освободить нас от этой суетной жизни и взять к Себе? Не радоваться ли нам должно, напротив? Радоваться и благодарить Господа должны

мы, но отнюдь не унывать! Что может быть для нас более любезного и сладостного, как созерцать славу Господню и видеть Его святой Божественный Лик? Отцы и братия! Вспомните, как мы всегда величали и прославляли святых мучеников, живших прежде нас, как, рассказывая друг другу о страданиях их за имя Христово, пылали желанием последовать им. Вот, наконец, время настало, и наше желание — пребывать вместе с ними в будущей жизни — исполняется. Поэтому не унывайте, не скорбите и не бойтесь, но соберите все свои силы и ободритесь, с твердостью примите смерть, и Бог с любовью примет вас в Свое Царство.

Иноки единогласно отвечали:

— Как ты сказал, честный отец, так мы и поступим, ибо что *воздадим Господу за все благодеяния Его к нам? Чашу спасения примем и имя Господне призовем* (ср.: Пс. 115, 3–4).

Став лицом к востоку и подняв руки к небу, святой отец наш возгласил:

— Господи Иисусе Христе, Боже Вседержитель, упование и помощь наша! Не забудь нас, Своих недостойных рабов, но вспомни о нашем бедствии и нашей скорби, ибо весьма прискорбна душа наша. Укрепи нас в этот час бедствия нашего, прими с благоволением, как приятную жертву, наши души, ибо Тебе подобает слава и честь, ныне и всегда и во веки веков.

И лишь только успели все сказать: «Аминь», тотчас же из святого алтаря во всеуслышанье раздался голос:

— *Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28).

Страх и ужас напали на нас от этого голоса, у всех ослабели колена и сердца, ибо хотя дух и бодр, как сказал Господь (Мф. 26, 41), плоть же немощна; так что мы уже отчаялись в своей жизни и только обращали лица наши к небу. Между тем варвары, не встречая никакого сопротивления, перелезли с помощью длинных бревен через стены нашей ограды. Открыв двери, они ворвались внутрь с обнаженными мечами в руках, подобно диким волкам и хищным зверям. В дверях церкви сидел один святой, почтенного вида старец, по имени Иеремия. Схватив его, они стали требовать:

— Укажи нам вашего начальника!

Старец, нисколько не смутившись при виде их свирепых лиц и обнаженных мечей в руках, посмотрел на них и сказал:

— Что вы устрашаете меня, враги Христовы? Ничего не скажу я вам о том, о чем вы меня спрашиваете.

Стоял там по близости и настоятель. Варвары удивились смелости этого мужа, — что он не только не боится их, но еще более раздражает. Удивление их перешло потом в ярость. Они связали ему руки и ноги, поставили его посреди себя обнаженным и стали пускать в него стрелы. Все тело праведника было изранено стрелами. Восстав, таким образом, мужественно на диавола и сокрушив главу змея, он прежде всех сподобился ученического венца и показал пример страдания старым и молодым.

Вслед за этим вышел к варварам и святой отец наш Павел и, указывая на себя перстом, воскликнул:

— Вот я, кого вы ищете!

И мужественный раб Христов безбоязненно предал себя врагам. Он не хотел и думать о тех ранах и муках, которые причинят ему нечестивцы, прежде чем умертвят его.

— Скажи нам, — где у тебя спрятано золото? — спросили они.

Он отвечал им тихо и кротко, как всегда привык говорить:

— Поверьте мне, что ничего земного я не приобрел во всю свою жизнь, кроме этих ветхих одежд, которые вы видите на моем теле.

При этом, взяв в руку одежды, он показывал их.

Тогда варвары изранили стрелами все тело его и пробили голову камнем, приговаривая: «Отдай свое богатство». Не достигнув ничего, после долгих истязаний они разрубили ему голову надвое, так что половины головы повисли на плечах: одна — в одну сторону, другая — в другую. Получив множество и других ран, он лежал мертвым у ног убитого ранее отца — второй после него победитель диавола. Я же, недостойный, при виде мучительной смерти святых, их крови и распростертых на земле тел, испугался и стал искать места, чтобы скрыться и потом спастись бегством. Заметив, что по левую сторону от церкви лежат сучья финиковой пальмы, я побежал туда и, пока варвары были заняты истязанием святого отца нашего Павла, успел спрятаться под ней. При этом я думал, что со мной непременно будет одно из двух: или я скроюсь здесь и избавлюсь от смерти, или меня найдут здесь и убьют вместе с отцами. Нечестивые варвары, оставив двух упомянутых отцов, когда те умерли, ворвались в церковь; неистово крича и размахивая мечами, они бросились на отцов и беспощадно перебили всех без исключения, от старого до малого.

Рассказывая нам об этом, инок горько плакал и рыдал; его рассказ, — передает Аммоний, — вызвал и с нашей стороны громкий плач и рыдание. Плакали все много. Слезы, подобно ручьям, струились из наших очей и омочали наши одежды.

— О братия, — продолжал со слезами этот инок свой рассказ, — как мне изобразить или как описать все горестное, что видели глаза мои! Был там один великий отец, по имени Адам. У него был молодой ученик Сергий, лет пятнадцати. С младенческого возраста он воспитывал его, поучая иноческой жизни и борьбе с бесами. Варвары сжалились над красотой и молодостью Сергия и не умертвили его. Они вывели его за руку вон и хотели взять с собою. Юноша, видя, что его не хотят убивать вместе с отцами и братьями, но что он должен сопутствовать нечестивым варварам, горько плакал и рыдал. Потом, воспылав духом и отбросив всякий страх, он смело подбежал к варвару и, выхватив у него меч, ударил им в плечо одного варвара; он хотел возбудить этим против себя злобу варваров, чтобы они убили его. Желание его исполнилось. Обезумев от злобы, варвары изрубили его в куски. Под ударами мечей он улыбался и говорил:

— Благословен Господь, Который не предал нас живыми в руки грешников, — и потом почил о Господе.

Я видел все это и молил всемилостивого и человеколюбивого Бога, чтобы нечестивые варвары не заметили меня, и чтобы, таким образом, было кому похоронить тела святых.

Тела убитых святых отцов наполняли кровью всю святую церковь. Они приняли смерть без страха и скорби, радуясь и благодаря Бога за свою участь. Мысли их были обращены к своему Владыке. Чрез праведную жизнь они сделали себя храмами для Святого Духа. Презрев прелесть и суету мирскую, они последовали одному Богу и, наконец, умерли за имя Его среди разного рода мучений.

Между тем варвары, перебив отцов, стали обыскивать весь монастырь, рассчитывая найти в нем много всяких богатств. Нечестивцы не знали, что святые отцы не заботились о приобретении ничего земного, но, живя во плоти, были подобны Ангелам.

Пока все это происходило, я, хотя не имел на себе ни одной капли крови, лежал, однако, как мертвый. Я боялся, что варвары, ища сокровищ, могут приподнять сучья. Часто я высматривал из-под них и ждал, когда наконец придут ко мне и, найдя, убьют меня, как прочих. Смерть стояла пред глазами моими, и я молил Бога спасти меня, если

это угодно Ему. Действительно, варвары подошли к сучьям, но Бог ослепил их сердца и глаза: вещь эта показалась им не стоящей внимания, и они ушли. Затем, оставив мертвых святых отцов и не найдя никакой добычи, они снова возвратились к пристани, чтобы отправиться морем в свой путь. Но когда они пришли на место, то нашли свой корабль разбитым, ибо оставленный для охраны корабля кормчий перерезал, тайно от бывшего с ним варвара, веревку корабля. Ветер прибил корабль к берегу, и он разбился об него, кормчий же, убив варвара, убежал и скрылся в горах. Потеряв корабль, варвары не знали, что им делать и как возвратиться в свою землю. В отчаянии и свирепой злобе, они бросились с мечами на своих пленников и перебили их всех, не исключая женщин и детей, потом развели огонь и пожгли все финиковые деревья.

Между тем из города Фарана пришло множество отборных воинов, числом до шестисот, ибо до них уже дошел слух об избиении святых отцов в Раифе. Узнав об этом, варвары приготовились к битве и с восходом солнца вступили на берегу моря в бой с пришедшими. С обеих сторон было пущено множество стрел, причем фаранские жители, как более многочисленные, стали одерживать верх и перебили уже много варваров. Так как для последних не было надежды на спасение, то они защищались и держались до девятого часа. Ими было убито восемьдесят четыре фаранских жителя, не считая многих раненых. Варвары же пали все поголовно, отнюдь не сдаваясь врагам и не сходя со своего места. Пока это происходило, я, собравшись понемногу с духом, выполз из места, в котором скрывался. Когда я ощупал тела убитых святых, то оказалось, что умерли уже все, кроме лишь троих: Домна, Андрея и Ориона. Из них Домн мучился жестоко от тяжкой раны в боку. Андрей, хотя имел и много ран, но не очень тяжелых, почему и остался жив. Орион же совсем не был ранен. Варвар ударил его мечом в правый бок, и меч, совсем не коснувшись его тела, вышел чрез одежду с левой стороны. Варвар, думая, что Орион убит, оставил его и обратился к другим; Орион же лег между убитыми и лежал как мертвый. Встав теперь, он обходил вместе со мною тела святых, плача и рыдая о постигшем их бедствии.

После этого фаранские жители, оставив тела варваров у морского берега на растерзание зверям и хищным птицам, собрали тела своих друзей и с плачем похоронили их под навесом горы, где были источники. Потом они возвратились к нам; пришел с ними и князь их Ведиан, которого, как раньше было сказано, преподобный Моисей ис-

целил от беснования. Войдя вместе с ним в церковь, мы рыдали, били себя в грудь и горько плакали, видя стадо Христово поверженным на землю, — подобно овцам, растерзанным зверями. Почтенные старцы, украшенные честными сединами, казались юными, подобно Ангелам, ибо добродетельность их жизни сияла на их лицах, как свет утренней зари. Рабы и мученики Христовы лежали, покрытые страшными и тяжкими ранами: один имел рану от плеча до живота, другой лежал перерубленный пополам; у одного была отсечена голова, у другого выколоты глаза, третьему отрубили руки и ноги, четвертому в сердце вонзилось копье. Так скончались они все с различными ранами на своих телах. При жизни они всегда носили в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле их (2 Кор. 4, 10). После богоугодно проведенной жизни они просветились при кончине своею кровью и причислились чрез то к сонму святых.

Мы собрали тела святых в одно место. Благочестивый князь Ведиан принес, вместе с другими, из Фарана светлые одежды, и мы похоронили тридцать девять святых отцов. Все, кто оказался там в то время, взяли вербы и финиковые ветви и понесли честные мощи святых с пением псалмов, вместе — и с горькими слезами. Их похоронили всех вместе, кроме лишь Домна. Вышеупомянутый же Домн, по происхождению римлянин, был еще жив; к вечеру же и он почил о Господе. Его похоронили рядом со святыми отцами. Святые мученики Христовы скончались четырнадцатого числа месяца января, в девятом часу дня. Отец Андрей и отец Орион колебались, не зная, на что решиться — оставаться ли там или уходить. Я же не мог вынести печали и запустелого вида этого места, не мог осилить слез об убитых отцах, и вот пришел к вам, хотя благочестивый Ведиан и уговаривал меня остаться там, обещая часто посещать меня и приносить нам все нужное. Прошу вас, отцы, в свою очередь, рассказать мне о всем случившемся здесь, подобно тому как сами подробно узнали от меня обо всем.

— Мы, — говорит Аммоний, — рассказали ему обо всем, что произошло здесь, и дивились чудным судьбам Божиим, — как в один день и в одно число и там и здесь были убиты святые отцы, — и снова все вместе стали плакать и рыдать. Преподобный отец наш Дула встал и сказал:

— Возлюбленные мои! Святые мученики, как избранные рабы Христовы, поистине удостоились теперь, когда запечатлели свои подвиги мученическим венцом, блаженства в Царстве небесном, великой

славы и чести. Мы же, уцелевшие от недавнего бедствия, позаботимся о себе и будем просить их молитв за нас ко Господу, чтобы и нам унаследовать вместе с ними Царство небесное; теперь же вознесем благодарственное пение Богу, спасшему нас от руки варваров.

Такими словами он ободрил всех нас, обратил в радость печаль наших сердец и утешил наши души.

Я, грешный Аммоний, с помощью Божией возвратился в Египет и написал рассказ обо всем этом. Я не пошел уже снова на прежнее место, называемое Каново, но поселился в небольшой келье, близ Мемфия[1]. Живя в ней, часто с благоговением я вспоминаю о мучениях и подвигах преподобных мучеников Христовых. Вместе с ними, да подаст Господь и нам удостоиться участия в Его небесном Царстве и насладиться неизреченными и нетленными благами со всеми любящими Его, ибо Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, с безначальным Его Отцом и Всесвятым и Благим и животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

ВТОРОЕ ИЗБИЕНИЕ **ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ** в Синае и Раифе

Прошло много лет после первого избиения преподобных отцов Синайских, и снова, в дни преподобного Нила Постника[2], варвары напали на Синайскую гору. Они кочевали в пустыне, простиравшейся от Чермного моря, между Аравией и Египтом, до Иордана, и проживали не в городах и домах, но в шатрах. Переходя с места на место, они останавливались станом на более продолжительное время там, где находили хорошую воду и пастбище для своего скота. Средства к жизни они добывали не каким-либо ремеслом, или торговлей, или земледелием, но — охотой на зверей, главным же образом — разбоем. Вооруженные мечами, луками и копьями, они только тем и за-

[1] *Мемфий*, или *Мемфис*, — древняя могущественная столица Египта; находился в Среднем Египте у Нила, между главной рекой и ее притоком, омывавшим западную сторону города.

[2] Память преподобного Нила Постника — 12 ноября.

нимались, что нападали на чужие селения и производили разбой по дорогам.

Преподобные отцы, избравшие себе, для Бога, уединенную жизнь в Синайской пустыне, жили — одни в пещерах и каменных ущельях, другие — в небольших кельях, выстроенных вблизи водных источников, иные же — при церкви. Питались они сырыми кореньями и финиками, равно как и овощами, встречавшимися в той местности. Редко кто из них вкушал хлеба, ибо они проводили жизнь в великом воздержании и строгом посте: один из них вкушал пищу через день, два, или три дня, а были и такие, которые подкрепляли пищей свою немощную плоть только один раз в неделю. Жизнь всех их была подобна ангельской. Как бы забывая о своем теле, они заботились о душе своей и думали только о том, чтобы угодить Господу. Они служили Ему усердно и пламенно, славословя Его день и ночь. Непрерывно молясь и воспевая псалмы, они все в воскресный день собирались в церковь и, проведя всю ночь в молитве, причащались поутру Божественных Тайн и потом, снова разойдя по своим кельям, пребывали в безмолвии.

Был между ними и преподобный Нил Постник. Ранее он занимал место епарха[1] в Царьграде и, живя в честном супружестве, имел двоих детей. Потом, по согласию со своей женой, он оставил мир: супруга Нила с дочерью удалилась в Египет и там, в одном из женских монастырей, восприяла иноческий образ. А блаженный Нил с сыном своим Феодулом удалился на Синайскую гору; здесь он был очевидцем причиненного варварами бедствия и впоследствии описал это избиение святых отцов. Живя на горе, преподобный Нил имел обыкновение посещать отцов, проживавших в окрестностях. Однажды он спустился вместе с сыном с горы и пришел к отцам, которых застал за общей трапезой. Пресвитер тамошний, блаженный Феодул, сказал, между прочим, во время трапезы:

— Кто знает, придется ли нам еще раз до смерти собраться всем вместе за этой трапезой?

Так сказал он, провидя духом близкое бедствие. На другой день, после утрени, варвары неожиданно напали на святое место. Подобно неистовым псам, они окружили обитель и, потрясая воздух дикими криками, старались привести в страх находившихся в ней. Потом они

---

[1] *Епарх* — начальник города или области.

бросились к кладовым, где было собрано для постников немного пищи и хранились на зимнее время сушеные овощи для подкрепления иноков среди великих их трудов. Прежде всего варвары разграбили эту пищу, потом устремились к церкви, в которой собрались отцы, вывели из нее всех вон, сорвали с них ветхие одежды и преклонных летами старцев поставили нагими в ряд, чтобы удобнее было убивать их. Блаженному Феодулу, пресвитеру святого места, который накануне сделал предсказание о смерти, они приказали первому наклонить голову под меч; два свирепого вида варвара стали с обнаженными мечами по сторонам его. Наклонившись под мечом, он не обнаруживал никакого страха, лишь тихо сказал:

— Благословен Господь!

Оба варвара, один за другим, ударили его; одна рана была от хребта и до челюсти, другая — от плеча до груди; праведник упал на землю. После этого взяли и умертвили и другого старца, который жил вместе с пресвитером. У тамошнего пресвитера был в услужении один отрок; ему варвары приказали подбирать рассыпанные плоды, причем они показывали вид, — будто бы хотят пощадить его, как пригодного для услужения. Когда же он нагнулся и стал подбирать плоды, один из стоявших позади варваров, извлекши незаметно меч, нанес отроку жестокий удар и умертвил его.

Когда происходило избиение и других отцов, некоторые из варваров, очевидно — по особому воздействию на них Божиему, дали рукою знак прочим инокам, чтобы они бежали. Те, которые были покрепче телесными силами и могли бежать, действительно побежали, направляясь через долину к малодоступной для варваров горе. Собрав свои силы, побежал с ними и блаженный Нил и таким образом избавился от смерти. Сын же его Феодул остался в руках варваров. Так как он был весьма красив лицом, то они не убили его, а, связав, взяли с собою, с тем чтобы принести его в жертву утренней заре, которую почитали вместо Бога. Не зная истинного Бога, они не поклонялись и идолам, не почитали никого из языческих богов; они служили лишь утренней заре; и всегда отдавали ей в жертву лучшую добычу, чаще же всего закалали в честь ее наиболее красивых из пленных юношей, для каковой цели они пощадили и сына преподобного Нила.

Разграбив и другие, находившиеся по соседству, иноческие обители и перебив в разных местах много святых отцов, варвары ушли.

Нил Постник, взирая с вершины горы на отведение в плен сына и на жестокую смерть преподобных отцов, безутешно рыдал и с плачем говорил:

— О блаженные, трижды блаженные отцы! Где теперь труды вашего воздержания? Где непрерывное перенесение скорбей? Получили ли вы венец за многие подвиги ваши? Это ли награда за долговременное иночество? Неужели вы тщетно проходили предлежавший вам путь? Справедливо ли терпеть за добродетель бедствие? Ибо промысл Божий оставил вас без помощи, когда убивали вас, правда не защитила вашей невинности против убийц, но нечистая рука возмогла вооружиться на святые тела, и нечестие может хвалиться, что оно победило. Как не возожгла купина своего древнего пламени и не попалила беззаконников? (Исх. 3, 2). Как земля не раскрыла своих уст и не поглотила их, как некогда — Корея со всеми его единомышленниками? (Числ. 16, 32). Как не возгремели раздававшиеся некогда с Синая страшные трубные звуки, молнии и громы (Исх. 19, 16), которые устрашили бы нечестивых? Но замедлило возмездие Всемогущего: ни убийц не поразил Он свыше, ни убиваемых не избавил всесильною рукою, — чтобы варвары познали, при виде чудес, непобедимую силу Божию. Так беспомощно, подобно бессловесным жертвам, пали святые отцы среди купины[1], на той самой горе, с которой был дан закон. Где была тогда та сила, которая потопила в море египтян и приготовила им гроб на дне моря (Исх. 14, 28) — та сила, что побила каменным градом врагов израильтян и дала победу своему народу без крови и труда (Нав. 10, 11)? Где скрыл Свою помощь Всевышний, заградивший пасти львов, чтобы они не причинили вреда Даниилу (Дан. 6, 16), и угасивший, для вавилонских отроков, силу огня, чтобы сделать чрез то явным благочестие их (Дан. 3, 24)? Как же Он мог скрыть добродетель этих рабов Своих, оставив их беззащитными, как будто бы они вовсе не заслуживали Его помощи?

Блаженный говорил так по причине сердечной боли и великой скорби. Душа, пораженная тяжкими страданиями, склонна бывает иногда говорить многое без размышления; ибо помощь Божия нередко оставляет праведников, отдавая их под власть мучителей на разного рода мучения и неповинную смерть, и это с тою целью, — чтобы добродетель их явилась очищенною подобно золоту, вера их воссияла

[1] *Купина* — терновый кустарник, от которого получила название и покрытая им гора *Синай*.

подобно светильнику, и чтобы они сподобились тем большей награды на небесах. Несомненно, и сии преподобные, вместе с избранными ранее отцами, причислены к лику святых мучеников и ныне прославляются в Царствии Христовом.

При наступлении вечера преподобный Нил и другие спасшиеся вместе с ним осмелились сойти с горы, чтобы предать погребению тела перебитых святых. Преподобного Феодула пресвитера они нашли еще дышащим и едва могущим говорить. Они сидели возле него в течение всей ночи и плакали. Старец же говорил им:

— Не смущайтесь при виде постигшего нас бедствия, ибо сатана имеет обыкновение просить у Бога, чтобы Он попустил искусить тех, которые стараются угодить Ему; подобным образом он просил позволения поразить бедствиями Иова, у которого погубил и детей. Но Господь-Подвигоположник знает, для чего предает во власть врага Своих подвижников: это Он делает для того, чтобы дать терпеливым страдальцам величайшую награду. Если Иову Господь воздал вдвое против того, что он потерял (Иов. 42, 10), то любящих Его и ради Него страдающих ожидает несравненно большее — *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9).

Говоря так и простившись с окружающими, старец скончался и был погребен, вместе с прочими убитыми отцами, еще до восхода солнца. Тем временем явился в обитель один юноша, убежавший от варваров. То был раб боярина Магедона, которому случилось быть тогда в этих местах по делам народного правления. Этого боярина варвары схватили где-то на дороге, вместе с сыном его. Ограбив их, они убили сначала сына на глазах у отца, а потом умертвили и его самого. Юноша же, находившийся в числе рабов его, спасся бегством и явился в разгромленную обитель, трепеща от страха, как будто бы за ним гнались и настигали его. Святой Нил стал расспрашивать этого юношу, как ему удалось бежать. Тот рассказал:

— Я был связан вместе с твоим сыном; вчера варвары начали говорить между собой и совещаться — как мне тайно рассказал один из пленников, знающий их язык, — чтобы при наступлении утра принести в жертву утренней заре нас обоих — меня и твоего сына, для чего они уже соорудили и жертвенник из камней и возложили на него дрова. Я сообщил об этом твоему сыну и говорил ему, что если мы не спасемся бегством, то нам уже не видеть более восхода солнца. Он же, из боязни быть пойманным, остался, говоря:

— Если так угодно Богу, то невозможно избежать смерти и укрыться, — даже если бы кто скрылся в самых неприступных и тайных местах.

Я же глубокою ночью, пользуясь тем, что варвары, сильно упившись с вечера, крепко спали, освободился от связывавших меня веревок и выбрался ползком, подобно змее, далеко за пределы их стана, а потом, встав на ноги, стремительно побежал и, подгоняемый страхом, несся, как на крыльях. Я боялся, как бы они, заметив мой побег, не погнались и не настигли меня; даже и сейчас еще я не могу освободиться от страха и трепета: жестокие мучения, которым подвергали варвары в моем присутствии других, живо стоят в уме моем, и я как бы сейчас вижу их своими глазами.

И рассказал юноша тот об убиении многих святых отцов.

— На одном привольном месте, — говорил он, — где была вода, варвары остановились на отдых. И вот они увидали в горе небольшую пещеру. Бросившись к ней, они вывели оттуда старца почтенного вида, которого потащили с горы и побили камнями. Потом, пройдя немного еще, схватили и побили камнями одного молодого инока — худощавого и с бледным лицом. После этого им встретилось густо заросшее лесом место с небольшой пещерой, в которой спасался один пустынник; он был молод годами, но стар по великим качествам своей души. Когда варвары потребовали, чтобы он вышел вон и отдал им свою одежду, пустынник отвечал:

— Жилище мое, в котором я проводил свою жизнь, пусть будет и гробом моим; здесь меня убейте. Одежды же своей я не сниму, чтобы не видеть своей наготы, на которую я не смотрел до этих пор. Сами снимите ее, когда убьете меня, — тогда я буду мертв и ничего не буду знать о себе.

Варвары снова обратились к нему и потребовали, чтобы он указал тайные монастыри в той пустыне, обещая пощадить ему за это жизнь. Но он отвечал:

— Хотя я и знаю места, где живут святые мужи, однако не скажу вам, ибо не хочу быть предателем рабов Божиих.

Мужество и смелость пустынника привело в ярость нечестивцев, и они, проникнув в пещеру, изрубили его мечами в куски. Пройдя еще далее пустынею, они встретили троих отцов и, бросившись на них, убили их мечами. Потом они увидели издалека два монастыря, находившиеся на небольшом расстоянии один от другого. Разделившись

на два отряда, они направились к ним, но что они сделали там, как и кого из отцов убили, этого я не знаю (так говорил тот юноша, спасшийся бегством); видел я только издали, как один инок бежал, а варвары, преследуя, поражали его стрелами; потом, когда он упал обессиленным, умертвили его мечами и копьями. В следующую затем ночь я убежал, как о том сказал вам ранее. Что стало с твоим сыном, — Бог знает. Я оставил его живым, но без надежды на жизнь, ибо с появлением утренней зари он непременно должен был умереть, будучи принесен ей в жертву.

Услышав это, преподобный Нил неутешно плакал и рыдал о смерти своего сына. Больше всего удручало его то, что сын его должен быть заклан нечестивцами в жертву. Он взывал к Богу такими словами:

— Господи мой, Господи Боже отцов! Ради родившей Тебя Пречистой Богоматери, ради Твоей благости, — не попусти сыну моему погибнуть от руки варваров!

И Бог, Своим особым промышлением, сохранил отрока Феодула невредимым. Варвары крепко проспали до самого восхода солнца. Проснувшись и видя, что утренняя звезда уже скрылась и что один из оставленных для жертвы отроков убежал, они не стали совершать обычного жертвоприношения, но повели оставшегося отрока в свою сторону. Между тем жители Фарана послали своих вестников к агарянскому князю Аману с жалобой на его разбойников, — что они, в нарушение мирного договора, напали на иноков и причинили им такое зло. В то время блаженный Нил пошел с оставшимися в живых отцами в пустыню, чтобы, отыскав тела убитых святых, предать их погребению. И оказалось, что в Вефрамве убит Прокл, в Гефе — Ипатий, Исаак был убит в монастыре, по имени Салаил, Макарий и Марк были убиты в соседней пустыне, Вениамин — за Елимом, Евсевий в Фоле, Илья в Азе[1]; последнего они нашли еще дышащим, — и принесли и положили его в келью, а сами возвратились для погребения других. Когда же возвратились, то нашли и его умершим возле сосуда с водою: мучимый жаждою по причине многих ран, он — лишь только вкусил воды, — тотчас упал и умер. Предав погребению всех, кого могли найти, они отправились в Фаран, чтобы узнать, какие известия принесут посланные от агарянского князя. Когда они входили в город, то одновременно возвратились и скороходы с мирным от

[1] Здесь разумеются местности близ пустыни Фарана и Синайского полуострова, на восточном берегу Красного моря.

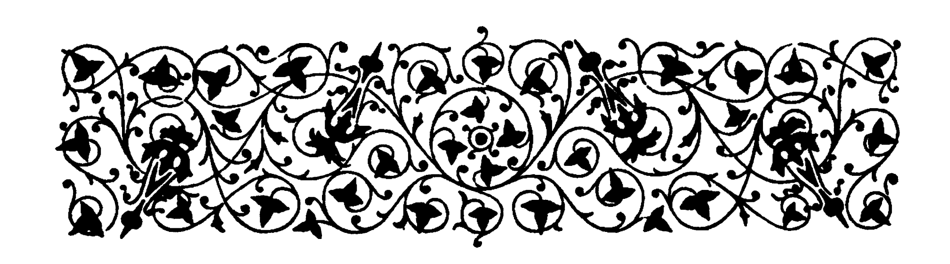
князя посланием. В нем он давал обещание немедленно наказать и предать смерти разбойников, которые осмелились на такие злодеяния; фаранским же жителям приказывал идти к нему безбоязненно и брать без выкупа пленников своих, кого застанут в живых. Жители Фарана собрались и отправились к агарянскому князю; пошел вместе с ними и блаженный Нил, чтобы узнать о своем сыне — жив ли он в плену или уже умер от руки варваров. И узнал он, что сын его жив. Он был продан в город Емесу[1], епископ же этого города выкупил его и сделал своим клириком. О всем этом сам преподобный Нил Постник подробно говорит в своем слове. Придя туда, преподобный нашел своего сына невредимым и здоровым. Весьма утешенный этим, он благодарил Бога. Епископ принял его с любовью, убедил его принять пресвитерский сан и потом обоих их — преподобного Нила и его сына Феодула — с честью отпустил к себе домой. Они пошли на Синайскую гору, к своему прежнему местопребыванию, и прожили там немало лет[2], усердно служа своему Владыке, Господу нашему Иисусу Христу, пред Которым сподобились потом, вместе с ликами преподобных отцов, предстать на небесах, славя Бога вовеки, аминь.

---

[1] *Емеса* — город в Сирии, на восток от реки Оронта, впадающей в Средиземное море.

[2] Преподобные Нил и Феодул скончались в V веке. Тела их императором Иустином Младшим перенесены в Царьград и положены в церкви святых апостолов в Орфанотрофии (странноприимный дом).

ЖИТИЕ
СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ
НИНЫ,
просветительницы Иверии

По благочестивому преданию, доселе хранимому в Иверийской, равно как и всей Восточной Православной церкви, Иверия, которая называется также Грузией[1], есть удел Пренепорочной Божией Матери: по особой воле Божией, Ей выпал жребий благовествовать там для спасения людей Евангелие Своего Сына и Господа Иисуса Христа.

Святой Стефан Святогорец рассказывает, что, по вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небо, ученики Его, вместе с Матерью Иисуса Марией, пребывали в Сионской горнице и ожидали Утешителя, согласно с повелением Христа — не отлучаться из Иерусалима, но ждать обетования от Господа (Лк. 24, 49; Деян. 1, 4). Апостолы стали бросать жребий, чтобы узнать, кому из них в какой стране назначается Богом проповедовать Евангелие. Пречистая сказала:

— Хочу и Я бросить, вместе с вами, Свой жребий, чтобы и Мне не остаться без удела, но чтобы иметь страну, которую Богу будет угодно указать Мне.

По слову Божией Матери, они бросили жребий с благоговением и страхом, и по этому жребию Ей досталась Иверийская земля.

Получив с радостью этот жребий, Пречистая Богородица хотела тотчас же, по сошествии Святого Духа в виде огненных языков, отправиться в Иверийскую страну. Но Ангел Божий сказал Ей:

---

[1] *Иверия*, или *Грузия*, — страна в Закавказье, бывшая до присоединения ее к России (18 января 1801 года) самостоятельным царством и имевшая в разное время различные границы. В тесном смысле название Грузия в настоящее время чаще всего прилагается к Тифлисской губернии, в которой грузины составляют преобладающую часть народонаселения.

— Не отлучайся теперь из Иерусалима, но оставайся до времени здесь; доставшийся же Тебе по жребию удел просветится светом Христовым впоследствии, и владычество Твое будет пребывать там.

Так рассказывает Стефан Святогорец. Это предопределение Божие о просвещении Иверии исполнилось спустя три столетия по вознесении Христовом, и исполнительницей его с ясностью и несомненностью явилась Преблагословенная Богоматерь Дева. По прошествии указанного времени Она послала, со Своим благословением и Своею помощью, на проповедь в Иверию святую деву Нину.

Святая Нина родилась в Каппадокии и была единственною дочерью знатных и благочестивых родителей: римского воеводы Завулона, родственника святого великомученика Георгия[1], и Сусанны, сестры Иерусалимского патриарха. В двенадцатилетнем возрасте святая Нина пришла со своими родителями в святой город Иерусалим. Здесь отец ее Завулон, пылая любовью к Богу и желая послужить Ему иноческими подвигами, принял, по соглашению со своей супругой, благословение от блаженного патриарха Иерусалимского; затем простившись со слезами со своей юной дочерью Ниной и поручив ее Богу, Отцу сирот и Защитнику вдов, он ушел и скрылся в Иорданской пустыне. И для всех осталось неизвестным место подвигов этого угодника Божиего, равно как и место смерти его. Мать святой Нины, Сусанна, была поставлена при святом храме братом ее — патриархом в диаконисы, чтобы служить нищим и больным женщинам; Нина же была отдана на воспитание к одной благочестивой старице Нианфоре. Святая отроковица имела такие выдающиеся способности, что по прошествии всего двух лет, при содействии благодати Божией, уразумела и твердо усвоила пра-

[1] Память святого великомученика Георгия — 23 апреля.

вила веры и благочестия. Ежедневно с усердием и молитвой читала она Божественные Писания, и сердце ее пылало любовью к Христу, Сыну Божиему, претерпевшему для спасения людей крестные страдания и смерть. Когда она читала со слезами евангельские повествования о распятии Христа Спасителя и о всем происходившем при Кресте Его, мысль ее остановилась на судьбе хитона Господнего.

— Где же теперь находится эта земная порфира Сына Божиего? — спрашивала она свою наставницу. — Не может быть, чтобы погибла на земле столь великая святыня.

Тогда Нианфора сообщила святой Нине — что́ ей самой было известно из предания, именно: что к северо-востоку от Иерусалима есть страна Иверийская и в ней — город Мцхет[1], и что именно туда хитон Христов был отнесен воином, которому он достался по жребию при распятии Христовом (Ин. 19, 24). Нианфора прибавила, что жители этой страны, по названию картвелы[2], также соседние с ними армяне и многие горные племена до этих пор остаются погруженными во тьму языческого заблуждения и нечестия.

Глубоко запали в сердце святой Нины сии сказания старицы. Дни и ночи проводила она в пламенной молитве к Пресвятой Богородице Деве, чтобы Она удостоила ее увидеть Иверийскую страну, найти и облобызать хитон возлюбленного Сына Ее Господа Иисуса Христа, сотканный перстами Ее, Богоматери, и проповедать святое имя Христа незнающим Его тамошним народам. И Преблагословенная Богородица Дева услышала молитву Своей рабы. Она явилась ей в сонном видении и сказала:

— Иди в страну Иверийскую, благовествуй там Евангелие Господа Иисуса Христа, и обрящешь благоволение пред Лицом Его; Я же буду твоей Покровительницей.

---

[1] *Мцхет* — древняя столица Грузии, ныне небольшое селение Душетского уезда, Тифлисской губернии, при впадении реки Арагвы в реку Куру, в двадцати верстах к северо-западу от Тифлиса, — станция Закавказской железной дороги и Военно-Грузинской дороги. Мцхет существовал уже в начале IV века и оставался резиденцией правителей Грузии до конца V века, когда царь Вахтанг Гург-Аслан перенес столицу в Тифлис. В том же веке Мцхет сделался резиденцией патриарха, носившего титул мцхетского католикоса. Много раз Мцхет подвергался нашествиям неприятелей, разрушавших его до основания, и вследствие этого пришел в совершенное запустение. Памятниками прежнего величия Мцхета являются древний собор во имя 12 апостолов и Самтаврский храм.

[2] *Картвелы* — собственно грузины и родственные им народы кавказского племени.

— Но как, — спросила смиренная отроковица, — я, слабая женщина, буду в состоянии совершить столь великое служение?

В ответ на это Пресвятая Дева, вручая Нине крест, сплетенный из виноградных лоз, сказала:

— Возьми этот крест. Он будет для тебя щитом и оградой против всех видимых и невидимых врагов. Силою этого креста ты водрузишь в той стране спасительное знамя веры в возлюбленного Сына Моего и Господа, *Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4).

Пробудившись и увидев в руках у себя чудный крест, святая Нина стала целовать его со слезами радости и восторга; потом она связала его своими волосами и пошла к дяде своему, патриарху. Когда блаженный патриарх услышал от нее о явлении ей Богоматери и о повелении идти в Иверийскую страну для евангельского благовествования там о вечном спасении, то, увидев в этом явное выражение воли Божией, он не усомнился дать юной деве благословение идти на подвиг благовестия. И когда настало время, удобное для отправления в дальний путь, патриарх привел Нину в храм Господень, к святому алтарю и, возложив на голову ее свою святительскую руку, молился такими словами:

— Господи Боже, Спаситель наш! Отпуская сию сироту — отроковицу на проповедь Твоего Божества, предаю ее в Твои руки. Благоволи, Христе Боже, быть ей спутником и наставником всюду, где будет она благовествовать о Тебе, и даруй словам ее такие силу и премудрость, которым никто не в состоянии противиться или возражать. Ты же, Пресвятая Богородице Дева, Помощница и Заступница всех христиан, облеки свыше Своею силою, против врагов видимых и невидимых, сию отроковицу, которую Ты Сама избрала для благовествования Евангелия Сына Твоего, Христа Бога нашего, среди народов языческих. Будь всегда для нее покровом и неодолимой защитой и не оставь ее Своею милостью, пока не исполнит она Твоей святой воли!

В то время из святого града отправлялись в Армению пятьдесят три девы — подруги, вместе с одною царевной, Рипсимией, и наставницей их Гаианией. Они бежали из Древнего Рима от гонения нечестивого царя Диоклетиана, который хотел жениться на царевне Рипсимии, несмотря на то что она дала обет девства и уневестилась небесному Жениху — Христу. Святая Нина, вместе с этими святыми девами, достигла пределов Армении и столичного города Вагарша-

пата[1]. Святые девы поселились за городом, под навесом, устроенным над виноградным точилом, и добывали себе пропитание трудами рук своих.

Вскоре жестокий Диоклетиан узнал, что Рипсимия скрывается в Армении. Он послал письмо к армянскому царю Тиридату — в то время еще язычнику[2], — чтобы тот отыскал Рипсимию и прислал ее в Рим или же, если хочет, взял бы ее себе в жены, ибо она, — писал он, — весьма красива. Слуги Тиридата скоро нашли Рипсимию, и когда царь увидел ее, то объявил ей, что желает иметь ее своею женою. Святая же с дерзновением сказала ему:

— Я обручена небесному Жениху — Христу; как же ты, нечестивый, посмеешь прикоснуться к Христовой невесте?

Нечестивый Тиридат, возбужденный скотскою страстью, гневом и стыдом, отдал приказание подвергнуть святую мучениям. После многих и жестоких мучений Рипсимии вырезали язык, выкололи глаза и разрубили все тело ее на части. Точно такая же участь постигла и всех святых подруг святой Рипсимию и наставницу их Гаианию[3].

Лишь одна святая Нина спаслась чудесным образом от смерти: направляемая невидимой рукою, она скрылась в кустах дикой, еще не распустившейся розы. Потрясенная страхом при виде участи своих подруг, святая подняла очи свои к небу с молитвою о них и увидела вверху светоносного Ангела, опоясанного светлым орарем. С благовонным кадилом в руках, сопровождаемый множеством небожителей, он сходил с небесных высот; от земли же — как бы навстречу ему — восходили души святых мучениц, которые примкнули к сонму светлых небожителей и вместе с ними вознеслись в небесные высоты.

Увидав это, святая Нина с рыданиями восклицала:

---

[1] *Армения* — горная страна между рекой Курой и верховьями рек Тигра и Евфрата; была населена армянами, названными так по царю Араму; в настоящее время Армения разделена между Россией, Персией и Турцией. *Вагаршапат* — некогда столица армянского царства (основ. царем Вагаршаком), ныне — селение Эриванской губернии, Эчмиадзинского уезда, в восемнадцати верстах от города Эривани.

[2] *Тиридат* вступил на престол в 286 году и в начале был жестоким гонителем христиан, затем был обращен в христианство святым священномучеником Григорием, первым епископом армянским (память его 30 сентября) и с того времени стал ревностным христианином. В 302 году при нем была обращена в христианство и вся Армения.

[3] Память этих святых мучениц, смерть которых послужила поводом обращения ко Христу царя Тиридата и всей Армении, Православная Церковь празднует в 30-й день сентября.

— Господи, Господи! Зачем же Ты оставляешь меня одну среди этих ехидн и аспидов?

В ответ на это Ангел сказал ей:

— Не печалься, но подожди немного, ибо и ты будешь взята в Царство Господа славы; это будет тогда, когда окружающая тебя колючая и дикая роза покроется душистыми цветами, подобно розе, посаженной и возделанной в саду. Теперь же встань и иди к северу, где зреет жатва великая, но где жнецов нет (Лк. 10, 2).

Согласно этому повелению, святая Нина отправилась одна в дальнейший путь и, после долгого путешествия, пришла к берегу неизвестной ей реки, близ селения Хертвиси. Река же эта была Кура[1], которая, направляясь с запада к юго-востоку до Каспийского моря, орошает всю Среднюю Иверию. На берегу реки ей встретились пастухи овец, которые дали немного пищи утомленной дальностью дороги путешественнице. Люди эти говорили на армянском наречии; Нина понимала армянский язык: с ним ознакомила ее старица Нианфора. Она спросила одного из пастухов:

— Где находится и далеко ли отсюда город Мцхет?

Тот отвечал:

— Видишь ли эту реку? — по берегам ее, далеко вниз по течению, стоит великий город Мцхет, в котором господствуют наши боги и царствуют наши цари.

Продолжая отсюда путь далее, святая странница присела однажды, утомившись, на камне и стала раздумывать: куда ведет ее Господь? каковы будут плоды трудов ее? и не напрасным ли будет столь далекое и столь нелегкое странствование ее? Среди таких размышлений она заснула на том месте и видела сон: ей явился муж величественного вида; волосы его ниспадали на плечи, и в руках у него был книжный свиток, писанный по-гречески. Развернув свиток, он подал его Нине и повелел читать, сам же вдруг стал невидим. Пробудившись от сна и увидев в руке своей чудесный свиток, святая Нина прочитала в нем следующие евангельские изречения: *Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала* (жена) (Мф. 26, 13). *Нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 28). *Говорит им Иисус* (женам): *не бойтесь, пойдите, возвестите братьям Моим* (Мф. 28, 10). *Кто*

[1] *Кура* — величайшая река Кавказского края; от своих истоков до впадения вместе с рекою Араксом в Каспийское море имеет длины — 1244 версты.

принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня (Мф. 10, 40). *Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам* (Лк. 21, 15). *Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить* (Лк. 12, 11–12). *И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28). *Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 19–20).

Подкрепленная сим Божественным видением и утешением, святая Нина с воодушевлением и новой ревностью продолжала свой путь. Преодолев по дороге тяжелые труды, голод, жажду и страх пред зверями, она достигла древнего Карталинского города Урбнисе[1], в котором оставалась около месяца, проживая в еврейских домах и изучая нравы, обычаи и язык нового для нее народа.

Узнав однажды, что все мужчины этого города, равно как и прибывшие из окрестностей, собираются идти в столичный город Мцхет для поклонения своим ложным богам, отправилась туда с ними и святая Нина. Когда они подходили к городу, то встретили близ Помпеева моста поезд царя Мириана и царицы Наны; сопровождаемые многочисленной толпой народа, они направлялись к находившейся против города горной вершине, чтобы совершить там поклонение бездушному идолу, называвшемуся Армазом.

До полудня погода стояла ясная. Но день этот, бывший первым днем прибытия святой Нины к цели своего спасительного для Иверийской страны посланничества, был последним днем господства там упомянутого языческого идола. Увлекаемая толпой народа, святая Нина направилась к горе, к месту, где находился идольский жертвенник. Найдя для себя удобное место, она увидала с него главного идола Армаза. Он был похож по виду на человека необыкновенно большого роста; выкованный из позолоченной меди, он был одет в золотой панцирь, с золотым же шлемом на голове; один глаз его был яхонтовый, другой же был сделан из изумруда, оба необыкновенной величины и блеска. Справа от Армаза стоял другой небольшой золотой идол, по имени Каци, слева же — серебряный идол, по имени Гаим.

---

[1] По преданию, город *Урбниси* был построен Уплосом, сыном Мухетоса, праправнука Иафета, за 2340 лет до Р. Х.

Вся народная толпа, вместе со своим царем, стояла в безумном благоговении и трепете пред своими богами, между тем как жрецы делали приготовления к принесению кровавых жертв[1]. И когда, по окончаний их, воскурился фимиам, потекла жертвенная кровь, загремели трубы и тимпаны, царь и народ пали лицом на землю пред бездушными истуканами. Воспылало тогда ревностью пророка Илии сердце святой девы. Воздохнув из глубины души и подняв со слезами глаза свои к небу, она стала молиться такими словами:

— Всесильный Боже! Приведи народ этот, по множеству милости Твоей, в познание Тебя, Единого истинного Бога. Рассей эти истуканы, — подобно тому, как ветер развевает с лица земли пыль и пепел. Воззри с милостью на этот народ, который Ты создал Своей всемогущей десницей и почтил Своим Божественным Образом! Ты, Господи и Владыка, — так возлюбил Свое создание, что даже Сына Своего единородного предал за спасение падшего человечества, — избавь души и этих людей Твоих от всепогибельной власти князя тьмы, который ослепил их разумные очи, так что они не видят истинного пути ко спасению. Благоволи, Господи, дать очам моим увидеть окончательное разрушение гордо стоящих здесь идолов. Сотвори так, чтобы и этот народ и все концы земли уразумели даруемое Тобою спасение, чтобы и север и юг возрадовались вместе о Тебе, и чтобы все народы стали поклоняться Тебе, Единому Предвечному Богу, во единородном Твоем Сыне, Господе нашем Иисусе Христе, Которому принадлежит слава вовеки.

Еще не окончила святая этой молитвы, как вдруг грозовые тучи поднялись с запада и быстро понеслись по течению реки Куры. Заметив опасность, царь и народ обратились в бегство; Нина же укрылась в ущелье скалы. Туча с громом и молниями разразилась над тем местом, где стоял идольский жертвенник. Гордо возвышавшиеся ранее идолы были разбиты в прах, стены капища были разрушены в прах, причем дождевые потоки низвергли их в пропасть, а воды реки унесли их вниз по течению; от идолов и от посвященного им капища не осталось, таким образом, и следа. Святая же Нина, хранимая Богом, невредимо стояла в ущелье скалы и спокойно смотрела, как внезапно вдруг разбушевались вокруг нее стихии, и потом снова воссияло с неба светозарное солнце. А все это было в день преславного Преоб-

[1] Есть предание, что в жертву идолам приносились и младенцы, и юноши.

ражения Господня, — когда воссиявший на Фаворе истинный свет впервые преобразил на горах Иверии тьму язычества в свет Христов.

Напрасно на другой день царь и народ искали своих богов. Не найдя их, они пришли в ужас и говорили:

— Велик бог Армаз; однако есть какой-то другой Бог, больший его, Который и победил его. Уж не христианский ли это Бог, Который посрамил древних армянских богов и сделал царя Тиридата христианином? Однако в Иверии никто не слыхал ничего о Христе, и никто не проповедовал, что Он — Бог над всеми богами. Что же такое совершилось, и что будет потом?

Спустя много времени после того святая Нина вошла, под видом странницы, в город Мцхет, причем называла себя пленницей. Когда она направлялась к царскому саду, то жена садовника, Анастасия, быстро вышла навстречу ей, как бы к знакомой и давно уже ожидаемой. Поклонившись святой, она привела ее в свой дом и потом, омыв ее ноги и помазав голову ее маслом, предложила ей хлеба и вина. Анастасия и муж ее упросили Нину остаться жить у них в доме, как сестру, ибо они были бездетны и скорбели о своем одиночестве. Впоследствии по желанию святой Нины муж Анастасии устроил для нее небольшую палатку в углу сада, на месте которой и до этих пор стоит небольшая церковь в честь святой Нины, в ограде Самтаврского женского монастыря[1]. Святая Нина, поставив в этой палатке врученный ей Богоматерью крест, проводила там дни и ночи в молитвах и пении псалмов.

Из этой палатки открылся светлый ряд подвигов святой Нины и чудес, совершенных ею во славу Христова Имени. Первым в Иверии приобретением Христовой Церкви была честная супружеская чета, приютившая у себя рабу Христову. По молитве святой Нины, Анастасия разрешилась от своего бесчадия и сделалась впоследствии матерью многочисленного и счастливого семейства, равно как — и первой женщиной, которая уверовала в Иверии во Христа раньше мужчин.

Одна женщина с громким плачем носила по улицам города своего умирающего ребенка, взывая ко всем о помощи. Взяв больное дитя, святая Нина положила его на свое устроенное из листьев ложе; помо-

---

[1] *Самтаврский* женский общежительный монастырь, Тифлисской губернии, в тридцати одной версте от города Душета, при впадении реки Арагвы в Куру.

лившись, она возложила на малютку свой крест из виноградных лоз и потом возвратила его плакавшей матери живым и здоровым.

С этого времени святая Нина начала открыто и всенародно проповедовать Евангелие и призывать иверийских язычников и иудеев к покаянию и вере во Христа. Ее благочестивая, праведная и целомудренная жизнь была известна всем и привлекала к святой взоры, слух и сердце народа. Многие — и особенно жены еврейские — стали часто приходить к Нине, чтобы послушать из ее медоточивых уст новое учение о Царствии Божием и вечном спасении, и начинали тайно принимать веру во Христа. Таковы были: Сидония, дочь первосвященника карталинских евреев Авиафара, и шесть других женщин — евреек. Вскоре уверовал во Христа и сам Авиафар, — после того как услышал толкования святой Нины на древние пророчества об Иисусе Христе и как они исполнились на Нем, как Мессии. Впоследствии сам Авиафар так рассказывал об этом:

— Закон Моисеев и пророки вели к Христу, Которого я проповедую, — говорила мне святая Нина. — Он есть конец и завершение Закона. Начав с сотворения мира, как об этом говорится и в наших книгах, эта дивная жена рассказала мне о всем, что Бог устроил для спасения людей чрез обетованного Мессию. Иисус поистине есть Мессия, сын Девы, по пророческому предсказанию. Отцы наши, движимые завистью, пригвоздили Его к кресту и умертвили, но Он воскрес, вознесся на небо и снова придет со славою на землю. Он — Тот, Кого ожидают народы и Кто составляет славу Израиля. Именем Его святая Нина на моих глазах совершала много знамений и чудес, которые может совершить только одна сила Божия.

Часто беседуя с этим Авиафаром, святая Нина услыхала от него следующий рассказ о хитоне Господнем:

— Я слышал от своих родителей, а те слыхали от своих отцов и дедов, что, когда в Иерусалиме царствовал Ирод, евреями, жившими в Мцхете и во всей Карталинской стране[1], было получено известие, что в Иерусалим приходили персидские цари, что они искали новорожденного Младенца мужского пола, из потомства Давидова, рожденного

---

[1] *Карталиния* — так называется страна по долине реки Куры. Карталиния входила некогда вместе с Кахетией в состав Иверийского царства. — Иудеи проживали в Иверии с давнего времени, рассеявшись там после пленения Вавилонского; верные своим обычаям, они посещали Иерусалим во время празднования Пасхи. Там они и слышали рассказы о жизни Христа, Его учении и чудесах.

матерью, без отца, и называли Его иудейским царем. Они нашли его в городе Давидовом Вифлееме, в убогом вертепе, и принесли ему в дар царское золото, целебную смирну и благовонный ладан; поклонившись ему, они возвратились в свою страну (Мф. 2, 11–12).

Прошло после этого тридцать лет, — и вот прадед мой Елиоз получил из Иерусалима от первосвященника Анны письмо такого содержания:

«Тот, к Кому приходили на поклонение персидские цари со своими дарами, достиг совершенного возраста и стал проповедовать, что Он — Христос, Мессия и Сын Божий. Приходите в Иерусалим, чтобы видеть смерть Его, которой Он будет предан по закону Моисееву».

Когда Елиоз собрался вместе со многими другими идти в Иерусалим, мать его, благочестивая старица из рода первосвященника Илии, сказала ему:

— Ступай, сын мой, по царскому зову; но умоляю тебя, — не будь заодно с нечестивыми против Того, Кого они вознамерились умертвить; Он — Тот, Кого предвозвестили пророки, Кто представляет Собою загадку для мудрецов, тайну, сокрытую от начала веков, свет для народов и вечную жизнь.

Елиоз вместе с Каренийским Лонгином пришел в Иерусалим и присутствовал при распятии Христа. Мать же его оставалась в Мцхете. Накануне Пасхи она внезапно почувствовала вдруг в своем сердце как бы удары молотка, вбивающего гвозди, и громко воскликнула:

— Погибло ныне царство Израиля, потому что предали смерти Спасителя и Избавителя его; народ этот отныне будет повинен в крови своего Создателя и Господа. Горе мне, что я не умерла ранее сего: не слыхала бы я этих страшных ударов! Не увидеть уже мне более на земле Славы Израиля!

Сказав это, она умерла. Елиоз же, присутствовавший при распятии Христа, приобрел хитон Его от римского воина[1], которому тот достался по жребию, и принес его в Мцхет. Сестра Елиоза Сидония, приветствуя брата с благополучным возвращением, рассказала ему о чудной и внезапной смерти матери и предсмертных словах ее. Когда же Елиоз, подтвердив предчувствие матери относительно распятия Христова, показал сестре хитон Господень, Сидония, взяв его, стала целовать со слезами, прижала потом его к груди своей и тотчас пала

[1] Служба на положение ризы Господней, то есть хитона, на грузинском языке.

мертвой. И никакая сила человеческая не могла исторгнуть из рук умершей эту священную одежду, — даже сам царь Адеркий, пришедший со своими вельможами видеть необычайную смерть девицы и желавший также вынуть из рук ее одежду Христову. Спустя некоторое время Елиоз предал земле тело своей сестры, вместе же с нею схоронил и хитон Христов и сделал это столь тайно, что даже и до этого времени никто не знает места погребения Сидонии. Некоторые предполагали только, что это место находится посредине царского сада, где с того времени сам собою вырос стоящий там и теперь, тенистый кедр; к нему стекаются со всех сторон верующие, почитая его как некоторую великую силу; там, под корнями кедра, по преданию, и находится гроб Сидонии.

Услышав об этом предании, святая Нина стала приходить по ночам молиться под этот дуб; однако она сомневалась, действительно ли под корнями его скрыт хитон Господень. Но таинственные видения, бывшие ей на этом месте, уверили ее, что место это свято и в будущем прославится. Так, однажды, по совершении полуночных молитв, святая Нина видела: вот из всех окрестных стран слетались к царскому саду стаи черных птиц, отсюда же они полетели к реке Арагве[1] и омывались в водах ее. Спустя немного они поднялись вверх, но — уже белыми как снег, и потом, опустившись на ветви кедра, они огласили сад райскими песнями. Это было ясным знамением, что окрестные народы просветятся водами святого крещения, а на месте кедра будет храм в честь истинного Бога, и в сем храме Имя Господне будет славимо вовеки. Еще видела святая Нина, что будто горы, стоявшие одна против другой, Армаза и Задена, потряслись и пали. Слышала она также звуки битвы и вопли бесовских полчищ, как будто бы вторгшихся, в образе персидских воинов, в столичный город, и страшный голос, подобный голосу царя Хозроя, повелевающий предать все уничтожению. Но все это страшное видение исчезло, лишь только святая Нина, подняв крест, начертала им в воздухе знамение креста и сказала:

— Умолкните, бесы! Настал конец вашей власти: ибо вот Победитель!

Будучи уверяема этими знамениями, что близко Царство Божие и спасение иверийского народа, святая Нина непрестанно проповедо-

[1] *Арагва* — левый приток Куры, впадает в нее у Мцхета; длина ее 100 верст.

вала народу слово Божие. Вместе с нею трудились в благовестии Христовом и ученики ее — особенно же Сидония и отец ее Авиафар. Последний настолько ревностно и настойчиво спорил с прежними своими единоверцами-иудеями об Иисусе Христе, что потерпел от них даже гонение и был осужден на побиение камнями; только царь Мириан спас его от смерти. И сам царь начал размышлять в своем сердце о Христовой вере, ибо он знал, что эта вера не только распространилась в соседнем Армянском царстве, но что и в Римской империи царь Константин, победив именем Христа и силою креста Его всех своих врагов, сделался христианином и покровителем христиан[1]. Иверия находилась тогда под властью римлян, и сын Мириана, Бакар, был в то время заложником в Риме; поэтому Мириан не препятствовал святой Нине проповедовать Христа и в своем городе. Питала злобу против христиан лишь супруга Мириана, царица Нана, женщина жестокая и усердная почитательница бездушных идолов, которая поставила в Иверии статую богини Венеры[2]. Однако благодать Божия, «немощных исцеляющая и оскудевающим восполняющая»[3], скоро исцелила и эту болящую духом женщину. Царица расхворалась; и чем более усилий употребляли врачи, тем сильнее делалась болезнь; царица была при смерти. Тогда приближенные к ней женщины, видя великую опасность, стали упрашивать ее, чтобы она позвала странницу Нину, которая одною только молитвою к проповедуемому ею Богу исцеляет всякие недуги и болезни. Царица приказала привести к ней эту странницу. Святая Нина, испытывая веру и смирение царицы, сказала посланным:

— Если царица хочет быть здоровой, пусть придет ко мне сюда в эту палатку, и я верую, что она получит здесь исцеление силою Христа, Бога моего.

Царица повиновалась и приказала нести себя на носилках в палатку святой; следом за ней шли сын ее Рев и множество народа. Святая Нина, распорядившись, чтобы больную царицу положили на ее лиственное ложе, преклонила колена и усердно помолилась Господу, Врачу душ и тел. Потом, взяв свой крест, она положила его на голову больной, на ноги ее и на оба плеча и сделала, таким образом, на ней

---

[1] Император *Константин Великий* царствовал с 306 по 337 год.

[2] *Венера* — греко-римская богиня красоты и любви. Празднества в честь ее сопровождались проявлениями крайней разнузданности и разврата.

[3] Из совершительной молитвы таинства священства.

крестное знамение. Лишь только она совершила это, царица тотчас встала с одра болезни здоровой. Возблагодарив Господа Иисуса Христа, царица там же пред святой Ниной и народом, а после и дома — пред супругом своим царем Мирианом — громко исповедала, что Христос есть истинный Бог. Она сделала святую Нину своей приближенной подругой и постоянной собеседницей, питая свою душу ее святыми поучениями. Потом царица приблизила к себе мудрого старца Авиафара и его дочь Сидонию, причем научилась от них многому в вере и благочестии. Сам царь Мириан (сын персидского царя Хозроя и родоначальник в Грузии династии Сассанидов) еще медлил открыто исповедать Христа Богом, а старался, напротив, быть ревностным идолопоклонником. Однажды он вознамерился даже истребить исповедников Христовых и вместе с ними святую Нину, и это — по следующему случаю. Близкий родственник персидского царя, человек ученый и ревностный последователь Зороастрова учения, пришел в гости к Мириану и, спустя несколько времени, впал в тяжелый недуг беснования. Боясь гнева персидского царя, Мириан умолял чрез послов святую Нину, чтобы она пришла и исцелила царевича. Она приказала привести больного к кедру, который был посредине царского сада, поставила его лицом к востоку с поднятыми вверх руками и велела ему три раза повторить:

— Отрекаюсь от тебя, сатана, и предаю себя Христу, Сыну Божиему!

Когда бесноватый сказал это, тотчас дух, потрясши, повалил его на землю как мертвого, однако, не будучи в силах противостоять молитвам святой девы, вышел из больного. Царевич же, по выздоровлении, уверовал во Христа и возвратился в свою страну христианином. Последнего Мириан испугался более, чем если бы этот царевич умер, ибо он боялся гнева персидского царя, который был огнепоклонником, за обращение ко Христу его родственника в доме Мириана. Он стал грозить предать за это смерти святую Нину и истребить всех находившихся в городе христиан.

Обуреваемый такими враждебными помыслами против христиан, царь Мириан отправился в Мухранские[1] леса, чтобы развлечься охотой. Беседуя там со своими спутниками, он говорил:

— Мы навлекли на себя страшный гнев своих богов за то, что дозволили чародеям-христианам проповедовать веру их в нашей земле.

[1] В двадцати верстах к северо-западу от города Мцхета.

Впрочем, скоро я истреблю мечом всех, кто поклоняется Кресту и Распятому на нем. Прикажу отречься от Христа и царице; если же она не послушает, погублю и ее вместе с прочими христианами.

С такими словами царь поднялся на вершину обрывистой горы Тхоти. И вдруг внезапно светлый день обратился в непроглядную тьму, и поднялась буря, подобная той, которая ниспровергла кумир Армаза; блеск молнии ослепил глаза царя, гром рассеял всех спутников его. В отчаянии царь стал взывать о помощи к богам своим, но они не подавали голоса и не слышали. Почувствовав над собою карающую руку Бога Живого, царь воззвал:

— Боже Нины! Рассей мрак пред очами моими, и я исповедую и прославлю имя Твое!

И тотчас стало светло вокруг, и буря утихла. Изумляясь такой силе одного лишь Имени Христова, царь обратился лицом к востоку, поднял руки свои к небу и со слезами взывал:

— Боже, Которого проповедует раба Твоя Нина! Ты один поистине Бог над всеми богами. И вот ныне я вижу великую Твою благость ко мне, и мое сердце чувствует отраду, утешение и близость Твою ко мне. Боже благословенный! На сем месте я воздвигну древо креста[1], чтобы на вечное время было памятно явленное Тобою мне ныне знамение!

Когда царь возвращался в столицу и шел по улицам города, он громко восклицал:

— Прославьте все люди Бога Нины, Христа, ибо Он — Бог вечный, и Ему Единому подобает всякая слава вовеки!

Царь искал святую Нину и спрашивал:

— Где та странница, Бог которой — мой Избавитель?

Святая совершала в это время вечерние молитвы в своей палатке. Царь и вышедшая навстречу ему царица, сопровождаемые множеством народа, пришли к этой палатке и, увидев святую, припали к ногам ее, причем царь восклицал:

— О мать моя! Научи и сделай меня достойным призывать имя Великого Бога твоего, моего Спасителя!

В ответ ему из очей святой Нины потекли неудержимые слезы радости. При виде ее слез заплакали царь и царица, а вслед за ними громко зарыдал и весь собравшийся там народ. Свидетельница, а впоследствии и описательница этого события, Сидония говорит:

---

[1] На вершине горы Тхоти до этого времени стоит церковь, устроенная Мирианом.

— Каждый раз, когда я вспоминаю об этих священных минутах, слезы духовной радости невольно льются из моих очей.

Обращение ко Христу царя Мириана[1] было решительным и непоколебимым; Мириан был для Грузии тем, чем император Константин Великий был в то время для Греции и Рима. Господь избрал Мириана руководителем спасения всех Иверийских народов. Немедленно Мириан отправил послов в Грецию к царю Константину с просьбою прислать к нему епископа и священников, чтобы крестить народ, научить его вере Христовой, насадить и утвердить в Иверии святую Церковь Божию. Пока же не возвратились послы со священниками, святая Нина непрерывно учила народ Христову Евангелию, указывая чрез это истинный путь к спасению душ и наследованию небесного Царства; учила она их и молитвам Христу Богу, подготовляя таким образом к святому крещению.

Царь пожелал еще до прихода священников построить храм Божий и выбрал для этого место по указанию святой Нины, в своем саду, именно — там, где стоял упомянутый великий кедр, говоря:

— Пусть этот тленный и скоропреходящий сад обратится в нетленный и духовный сад, произращающий плоды в жизнь вечную!

Кедр был срублен, и из шести сучьев его вытесали шесть столбов, которые и утвердили, без всякого труда, на предназначенных им в здании местах. Когда же плотники хотели поднять седьмой столб, вытесанный из самого ствола кедра, чтобы поставить его в основание храма, то все были изумлены, так как никакой силой невозможно было сдвинуть его с места. При наступлении вечера опечаленный царь пошел к себе домой, размышляя, что бы это означало? Разошелся и народ. Только одна святая Нина осталась на всю ночь на месте постройки, со своими ученицами, молясь и обливая слезами пень срубленного дерева. Рано поутру явился святой Нине дивный юноша, опоясанный огненным поясом, и сказал ей на ухо три каких-то таинственных слова, услышав которые она упала на землю и поклонилась ему. Потом этот юноша подошел к столбу и, обняв его, поднял с собой высоко на воздух. Столб блестел подобно молнии, так что осве-

[1] Оно было не ранее 323 года по Р. Х. Во многих летописях указываются разные годы, от 276 до 338 года. Мириан царствовал с 263 по 342 год. Император Константин Великий, к которому Мириан отправлял посольство касательно епископа, сделался единодержавным государем и западной и восточной половины Римской империи в 323 году, по низложении Ликиния, правителя восточных областей и гонителя христиан.

щал весь город. Царь и народ собрались к этому месту; со страхом и радостью смотря на чудное видение, все удивлялись, каким образом этот тяжелый столб, никем не поддерживаемый, то поднимался вверх локтей[1] на двадцать от земли, то опускался вниз и касался пня, на котором рос; наконец он остановился и стал неподвижно на своем месте. Из-под основания столба начало истекать благовонное и целебное миро, и все страдавшие различными болезнями и ранами, с верой мазавшиеся этим миром, получали исцеление. Так, один еврей, слепой от рождения, лишь только прикоснулся к этому светоносному столбу, тотчас прозрел и, уверовав в Христа, прославил Бога. Мать одного мальчика, семь лет лежавшего в тяжкой болезни, принесла его к живоносному столбу и умоляла святую Нину исцелить его, исповедуя, что проповедуемый ею Христос Иисус воистину Сын Божий. Лишь только святая Нина, коснувшись столба своею рукою, положила ее потом на больного, мальчик тотчас же выздоровел. Чрезвычайное стечение к живоносному столбу народа побудило царя отдать распоряжение строителям, чтобы они поставили вокруг него ограду. Место это с того времени стали чтить не только христиане, но и язычники. Вскоре было закончено и сооружение первого в Иверийской стране деревянного храма.

Посланные Мирианом к царю Константину были приняты им с великою честью и радостью и возвратились в Иверию со многими дарами от него. Вместе с ними пришел, посланный царем, Антиохийский архиепископ Евстафий с двумя священниками, тремя диаконами и со всем необходимым для богослужения. Тогда царь Мириан отдал приказание всем правителям областей, воеводам и придворным, чтобы все непременно явились к нему в столичный город. И когда они собрались, царь Мириан[2], царица и все дети их тотчас же в присутствии всех приняли святое крещение. Крещальня была устроена близ моста на реке Куре, где ранее стоял дом еврея Елиоза, а потом было капище языческих жрецов; там епископ и крестил военачальников и царских вельмож, почему это место было названо «Мтаварта санатлави», то есть «купель вельмож». Несколько ниже этого места два священника крестили народ. С великим усердием и радостью шел он креститься; помня слова святой Нины, что, если кто не получит возрождения от

---

[1] *Локоть*, или *лакоть*, — мера длины, равная десяти с половиной вершкам.

[2] Из истории Грузии видно, что грузины, особенно высших сословий, не переменяли своих народных имен и в христианстве.

воды и Духа Святого, тот не увидит жизни и света вечного, но душа его погибнет во мраке ада. Священники ходили по всем окрестным городам и селениям и крестили народ. Таким образом, вскоре мирно была крещена вся Карталинская страна, кроме лишь кавказских горцев, еще надолго оставшихся во тьме язычества. Не приняли крещения и Мцхетские евреи, кроме лишь первосвященника их Авиафара, крестившегося со всем своим домом; с ним же крестились пятьдесят еврейских семейств, бывших, как рассказывают, потомками разбойника Вараввы (Мф. 27, 17). Царь Мириан, в знак своего благоволения за принятие святого крещения, подарил им местечко повыше Мцхета, называемое «Цихе-диди».

Так, при помощи Божией и утверждении Господом слова евангельского благовестия, архиепископ Евстафий[1], вместе со святой Ниной, в несколько лет просветили Иверийскую страну. Учредив на греческом языке чин богослужения, освятив первый в Мцхете храм во имя двенадцати апостолов, устроенный но образцу Цареградского, и заповедав юной церкви Христовой мир, архиепископ Евстафий возвратился в Антиохию[2]; епископом Иверии он поставил пресвитера Иоанна, который находился в зависимости от Антиохийского престола.

По прошествии нескольких лет благочестивый царь Мириан отправил к царю Константину новое посольство, умоляя его прислать в Иверию как можно больше священников, чтобы никто в его царстве не был лишен возможности слышать слово спасения и чтобы вход в благодатное и вечное Царство Христово был открыт для всех[3]. Просил он также прислать в Грузию искусных зодчих для сооружения каменных церквей. Константин Великий со святой любовью и радостью исполнил просьбу Мириана. Он вручил послам Мириана, кроме большого количества золота и серебра, еще часть (подножие) животворящего древа Креста Господня, который в это время уже был обретен (в 326 году по Р. Х.) святой Еленой, матерью Константина Великого; вручил им также он и один из гвоздей, которыми были пригвождены

---

[1] Здесь разумеется *святой Евстафий,* архиепископ Антиохийский, скончавшийся в 387 году; память его 21 февраля.

[2] Здесь разумеется *Антиохия Сирийская* — один из древнейших и богатейших городов Сирии, столичный ее город. В настоящее время Антиохия — небольшой турецкий городок.

[3] Другие же утверждают, что Мириан имел личное свидание с Константином Великим, что он сам путешествовал в Иерусалим и выпросил там для построения монастыря в честь Креста Господня место, где было знамение Лоту.

к кресту пречистые руки Господни. Им были даны еще кресты[1], иконы Христа Спасителя и Пресвятой Девы Богородицы, равно как — в основание церквей — и мощи святых мучеников. В то же время сын Мириана и наследник его Бакурий, проживавший в Риме заложником, был отпущен к своему отцу.

Послы Мириана, возвращаясь в Иверию со многими священниками и зодчими, заложили основание первого храма в селе Ерушети, на границе Карталинской земли[2], и оставили для этого храма[3] гвоздь от Креста Господнего[4]. Второй храм они основали в селе Манглисе, в сорока верстах к югу от Тифлиса, и здесь оставили вышеупомянутую часть животворящего древа[5]. В Мцхете же ими был основан каменный храм во имя Преображения Господня; по желанию царя и указанию святой Нины он был заложен в саду царском, близ палатки святой Нины. Она не видала окончания сооружения этого величественного храма. Избегая славы и почестей, которые воздавали ей и царь и народ, пламенея желанием послужить к еще большему прославлению Имени Христова, она ушла из многолюдного города в горы, на безводные высоты Арагвы и стала там молитвою и постом приготовляться к новым благовестническим трудам в соседних с Карталией областях. Найдя небольшую пещеру, скрытую за ветвями деревьев, она стала жить в ней. Здесь она источила себе слезной молитвой воду из камня. Из источника этого и до этих пор капают капли воды, как слезы, почему он называется в народе «слезным»; называют его также и «млечным» источником, ибо он подает молоко иссохшим грудям матерей.

В то время жители Мцхета созерцали чудное видение: в продолжение нескольких ночей новосозданный храм украшал сиявший над ним

---

[1] Получение этих бесценных даров указывает на время, не означенное в грузинских летописях, — что послы Мириана были в Царьграде между 326 и 330 годами, из которых в первый был найден Крест Господень, а в последний было совершено освящение Царьграда и перенесение сюда столицы из Древнего Рима.

[2] Теперь — в Ахалцыхском уезде.

[3] Он уже давно лежит в развалинах.

[4] В половине XIII века гвоздь этот был вделан царем Давидом IX, сыном Русудани, в венец епископской митры. Впоследствии в 1681 году митра эта была перенесена царем Арчилом в Москву, где она и до этого времени хранится в Успенском соборе.

[5] Святыня эта считается потерянною; вероятнее думать, что в смутные времена Грузии дерево это было разделено на много частей и в таком виде проникло в дома частных лиц. И теперь значительные части животворящего древа можно видеть в фамильных иконах грузинских князей.

на небе светлый крест с венцом из звезд. При наступлении же утренней зари от этого креста отделялись четыре самых светлых звезды и направлялись: одна — к востоку, другая — к западу, третья освещала церковь, дом епископа и весь город, четвертая, осветив убежище святой Нины, поднималась к вершине утеса, на котором росло одно величественное дерево. Ни епископ Иоанн, ни царь не могли понять, что означает это видение. Но святая Нина приказала срубить это дерево, сделать из него четыре креста и поставить один на упомянутом утесе[1], другой — к западу от Мцхета, на горе Тхоти — месте, где царь Мириан сначала ослеп, а потом прозрел и обратился к истинному Богу; третий крест она велела отдать царской невестке, жене Рева, Саломии, чтобы та водрузила его в своем городе Уджарме; четвертый же — она предназначила для селения Бодби (Буди) — владения Кахетинской царицы Соджи (Софии), к которой вскоре и сама отправилась для обращения ее к христианской вере.

Взяв с собою пресвитера Иакова и одного диакона, святая Нина пошла в горные страны, на север от Мцхета, к верховьям рек Арагвы и Иоры[2] и огласила евангельскою проповедью горные селения Кавказа. Дикие горцы, обитавшие в Чалети, Ерцо, Тионети, и многие другие, под действием Божественной силы евангельского слова и под влиянием чудесных знамений, совершавшихся по молитве святой проповедницы Христовой, приняли Евангелие Царствия Христова, уничтожили своих идолов и приняли крещение от пресвитера Иакова. Пройдя потом Кокабети и обратив всех жителей в христианскую веру, святая проповедница направилась к югу Кахетии и, достигнув селения Бодби (Буди), границы ее святых подвигов и земного странствования, поселилась там. Устроив себе на склоне горы палатку и проводя дни и ночи в молитве пред святым крестом, святая Нина скоро привлекла к себе внимание окрестных жителей. Они стали постоянно собираться к ней, чтобы послушать ее трогательных поучений о Христовой вере и о пути к вечной жизни. В Бодби в это время жила царица Кахетии Соджа (София); пришла и она, вместе с другими, по-

[1] Впоследствии на этом месте были сооружены храм в честь святого креста и монастырь. Храм существует до этих пор; монастырь разрушен в XIV веке Тамерланом. Крест был перенесен в Мцхетский собор; в 1725 году он был оправлен царем Теймуразом II в серебро и до этих пор стоит за престолом.

[2] *Иора* — правый приток реки Алазани (левый приток реки Куры). Большая часть реки Иоры находится в Тифлисской губернии; на реке Иоре стоит уездный город *Тионети*, упоминаемый в житии святой Нины.

слушать дивную проповедницу. Придя однажды и с наслаждением послушав ее, она уже не хотела потом оставить ее: она преисполнилась искренней верой в спасительную проповедь святой Нины. В скором времени София, вместе со своими царедворцами и множеством народа, приняла от пресвитера Иакова святое крещение.

Совершив, таким образом, в Кахетии последнее дело своего апостольского служения в Иверийской стране, святая Нина получила от Бога откровение о приближении своей кончины. Сообщая об этом в письме к царю Мириану, святая призывала на него и на царство его вечное благословение Божие и Пречистой Девы Богоматери и ограждение неодолимою силою Креста Господня, и далее писала:

— Я же, как странница и пришелица, ухожу теперь из этого мира и пойду путем своих отцов. Прошу тебя, царь, пришли ко мне епископа Иоанна, чтобы приготовить меня в вечный путь, ибо близок уже день моей смерти.

Письмо было отправлено с самой царицей Софией. По прочтении его царь Мириан, все придворные его и весь освященный клир во главе с епископом поспешно отправились к умирающей и застали ее еще в живых. Многочисленная толпа народа, окружая смертное ложе святой, орошала его слезами; многие из больных получали чрез прикосновение к нему исцеление. Под конец своей жизни святая Нина по неотступной просьбе плакавших у ее ложа учениц рассказала им о своем происхождении и своей жизни. Саломия же Уджармская записывала рассказываемое ею, что кратко изложено и здесь (на основании записей Саломии составлялись и все последующие сказания о святой Нине). Святая Нина говорила:

— Пусть будет описана моя бедная и ленивая жизнь, чтобы она была известной и детям вашим, равно как — и вера ваша и любовь, которой вы возлюбили меня. Пусть даже отдаленные потомки ваши знают о тех знамениях Божиих, которые вы удостоились видеть своими глазами и которых вы — свидетели.

Затем она преподала несколько наставлений о вечной жизни, благоговейно причастилась из рук епископа спасительных Тайн Тела и Крови Христовых, завещала предать погребению тело ее в той же убогой палатке, где она теперь, чтобы новооснованная Кахетинская Церковь не осталась сиротствующею, и с миром предала дух свой в руки Господни[1].

[1] Святая Нина скончалась в 335 году по Р. Х.

Царь и епископ, а с ними и весь народ, были глубоко опечалены смертью великой подвижницы веры и благочестия; они вознамерились перенести драгоценные останки святой в Мцхетскую соборную церковь и предать их погребению у живоносного столба, но, несмотря ни на какие усилия, не могли сдвинуть гроб святой Нины с выбранного ею самой места упокоения. Тело Христовой благовестницы похоронили на месте ее убогой палатки в селении Буди (Бодби). На могиле ее в скором времени царь Мириан заложил, а сын его, царь Бакур, достроил[1] и освятил храм во имя родственника святой Нины, святого великомученика Георгия. Храм этот обновляли много раз, но он никогда не подвергался разрушению; он уцелел и до этих пор. При этом храме была учреждена Бодбийская митрополия, старшая во всей Кахетии, из которой евангельская проповедь стала распространяться до глубины гор Восточного Кавказа.

Всеблагой Бог прославил нетлением тело святой Нины, скрытое по ее повелению под спудом (и после нее в Грузии не было в обычае открывать мощи святых). У гроба ее происходили многочисленные и непрерывные знамения и чудеса. Эти благодатные знамения, святая и ангелоподобная жизнь и апостольские труды святой Нины, которые она предприняла и со славою докончила, побудили юную Церковь Иверийскую признать святую Нину, с благословения Церкви Антиохийской, равноапостольной просветительницей Иверии, присоединить ее к лику святых и установить в честь ее ежегодный праздник 14 января, в день ее блаженной кончины. И хотя год установления этого праздника неизвестен с точностью, однако, очевидно, он был установлен в скором времени по смерти святой Нины, потому что спустя немного после этого в Иверии начали уже сооружать церкви во имя святой равноапостольной Нины. До этих пор цела еще небольшая каменная церковь против Мцхета в честь святой Нины, построенная царем Вахтангом Гург-Асланом[2] на той горе, на которой святая Нина в первый раз уничтожила своей молитвой идола Армаза.

И Православная Российская Церковь, которая приняла к себе, как в спасительный ковчег, Иверийскую Церковь, возмущаемую многочисленными нападениями со стороны иноверных соседей ее, никогда не сомневалась почитать святую Нину равноапостольной. Поэтому и иерархи ее, поставляемые во главу управления Иверийской Церкви, с

[1] В 342 году по Рождестве Христовом.

[2] Он царствовал в Грузии с 446 по 459 год по Рождестве Христовом.

титулом экзархов Грузии[1], освятили во имя равноапостольной Нины уже множество церквей, особенно — в зданиях женских училищ. Один же из бывших экзархов Грузии, впоследствии предстоятель Всероссийской церкви, митрополит Исидор, перевел с грузинского языка на славянский даже и службу святой равноапостольной Нине и издал ее в 1860 году, с благословения Святейшего Синода, для церковного употребления.

Справедливо Православная Иверийская Церковь, старшая сестра Российской Церкви, прославляет свою основательницу, святую Нину, как равноапостольную, просветившую святым крещением всю Иверийскую страну и обратившую ко Христу многие тысячи душ. Ибо если будет как уста Божии тот, кто одного грешника обратит от ложного пути его (Иак. 5, 20) и извлечет драгоценное из ничтожного (Иер. 15, 19), то — насколько же больше оказалась поистине устами Божиими та, которая обратила к Богу от гибельного языческого обольщения столько народов, не ведавших прежде истинного Бога! Она присоединилась к сонму святых в Царствии Христа Бога нашего, Которому, с Отцом и Святым Духом подобает честь, слава, благодарение и поклонение ныне и присно и во веки веков, аминь.

Не лишним будет сказать здесь еще и о следующем. В пределах нынешней Грузии (в которую входят: Кахетия, Карталиния, Имеретия, Гурия, Мингрелия, Аджария, Сванетия), а также в Осетии, Абхазии и Дагестане, в особенности по западному берегу Каспийского моря, были, хотя и в небольшом количестве, христиане и ранее святой Нины, и впервые благовествовал о Христе Спасителе в горах Кавказа тот же первозванный апостол Андрей, благовестническим словом которого были оглашены, по преданию, и Киевские горы. Древнее предание, записанное в грузинских летописях, согласное и со сказанием Четьих-Миней (30 ноября[2]), говорит, что апостол Андрей проповедовал о Христе в следующих местах: в Кларжете, который находится невдалеке от Ахалцыха, на юго-западе[3]; в Адхвере, ныне — село Ацхуры, близ входа в Боржомское ущелье; в Цхуме, что ныне — город Сухум-

[1] *Экзарх* — архиепископ, управляющий церквами какой-либо отдельной области. Ныне в России титул экзарха носит архиепископ Грузии.

[2] Память святого апостола Андрея Первозванного празднуется 30 ноября.

[3] *Ахалцых* — уездный город Тифлисской губернии, Ахалцыхского уезда.

Кале, в Абхазии, в Мингрелии и в Северной Осетии. В Ацхуре апостол основал церковь и оставил там чудотворный образ Божией Матери, который во все последующее время пользовался великим почитанием не только среди христиан, но и со стороны неверующих горцев; он существует и до этого времени в монастыре Гаенатском[1], который находится невдалеке от города Кутаиса и называется Ацхурским. Спутник апостола Андрея, Симон Кананит[2], проповедовал святое Евангелие диким суанам (сванетам[3]), которые и побили его камнями. По местному преданию, могила его находится в древнем городе Никопсии или Анакопии.

О святом кресте из виноградных лоз, который Матерь Божия вручила святой Нине, известно следующее: до 458 года по Рождестве Христовом крест Нины сохранялся в Мцхетском соборном храме; впоследствии же, когда огнепоклонники воздвигли гонение на христиан, святой крест был взят из Мцхета одним иноком, Андреем, перенесен им в область Тарон, в Армении, тогда еще единоверной с Грузией, и первоначально хранился в церкви святых апостолов, называвшейся у армян Газар-Ванк (собор Лазаря). Когда и здесь открылись гонения со стороны персидских магов, повсюду предавших истреблению все, почитаемое у христиан, святой крест Нины был переносим и скрываем в армянских крепостях Капофти, Ванаке, Карсе и в городе Ани; так продолжалось до 1239 года по Рождестве Христовом. В это время грузинская царица Русудань, вместе со своими епископами, выпросила у монголь-

---

[1] *Гаенатский* — Рождество-Богородицкий мужской монастырь, Имеретинской епархии, в восьми верстах от Кутаиса; основан в начале XII века. Известен также под местным названием *Гелати*, или *Гелатского*.

[2] Святой апостол *Симон* назван *Кананитом* от города Каны, из которой происходил; он же называется и *Зилотом*, то есть ревнителем, — по переводу того же слова на греческий язык — Кана с еврейского значит: *ревность*. Память святого апостола Симона Кананита — 10 мая. В Кутаисской губернии в память святого апостола Симона основан в 1875 году (русским Пантелеимоновым монастырем на Афоне) *Новоафонский Симоно-Кананитский общежительный монастырь*, — в двадцати верстах севернее Сухума.

[3] *Сванеты* — небольшое кавказское горное племя, известное с очень давних времен под именем *сванов*, или *суанов*, и занимающее верхнее течение реки Ингура, у южного подножия горы Эльбруса и по правому притоку реки Риона Цхенис-Цкали. В древности сванеты занимались больше всего грабежом и не подчинялись никому из соседних властителей Мингрелии, Имеретии и Грузии. Только в конце XV века грузинским князьям удалось утвердить свою власть в Нижней Сванетии, вплоть до освобождения крестьян в Закавказье. Вольные сванеты впервые подчинились русским только в 1853 году.

ского воеводы Чармагана, завладевшего тогда городом Ани, чтобы святой крест Нины был возвращен в Грузию, которой он принадлежал изначала. И этот святой крест был снова поставлен в Мцхетском соборном храме. Но и здесь он не надолго нашел себе покой: много раз крест Нины, во избежание поруганий со стороны врагов, был укрываем в горах: то в храме Святой Троицы, который и до этих пор стоит на малой горе Казбек, то в крепости Анануре, в древнем храме Божией Матери. Митрополит грузинский Роман, отправляясь из Грузии в Россию в 1749 году, тайно взял с собою крест Нины и вручил его проживавшему тогда в Москве царевичу Бакару Вахтанговичу. После того, в продолжение лет около пятидесяти, крест этот оставался в селе Лыскове, Нижегородской губернии, в имении грузинских князей, потомков переселившегося в Россию в 1724 году царя Вахтанга. Внук вышеупомянутого Бакара, князь Георгий Александрович, поднес в 1801 году крест Нины императору Александру Павловичу, которому благоугодно было снова возвратить Грузии принадлежащую ей эту великую святыню. С того времени и до этих пор этот символ апостольских трудов святой Нины сохраняется в Тифлисском Сионском кафедральном соборе, близ северных врат алтаря в киоте, окованном серебром. На верхней доске этого киота — чеканное изображение святой Нины и чудес, совершенных чрез нее силою честного и животворящего Креста.

Что касается Господня хитона, искать который святая Нина приходила из города Иерусалима в Иверию, то грузинские летописи говорят о нем кратко. Из их свидетельств видно, что Нина с несомненностью нашла только место, где был скрыт хитон Господень, то есть могилу, в которой вместе с умершей девицей Сидонией был зарыт и честный хитон Господень. Хотя кедр, выросший на этой могиле, и был срублен по повелению святой Нины, однако пень его, под которым был скрыт гроб Сидонии и в нем — риза Господня, оставлен был в целости, как думают, — по приказанию светоносного мужа, явившегося Нине и сказавшего ей на ухо три таинственных слова, когда она ночью слезно молилась возле этого корня. Так думают потому, что с этого времени Нина никогда уже не помышляла удалить корень кедра и отрыть гроб Сидонии, равно как не искала и в другом каком-либо месте столь дорогого для нее хитона Господня.

Однажды она утешала царя Мириана, когда тот печалился о том, что послы его, получив от царя Константина часть животворящего древа Креста Господня и гвоздь, не принесли их в Мцхет, но оставили первую в Маиглисе, а второй в Ерушети. Святая говорила ему:

— Не печалься, царь! Так нужно было, — чтобы и границы твоего царства находились под защитою Божественной силы Христова Креста, и вера Христова распространилась. Для тебя же и для твоего столичного города достаточно той благодати, что здесь пребывает пречестный хитон Господень.

Присутствие хитона Господня под корнем кедра, как при жизни святой Нины, так и после, проявлялось истечением от столпа и его корня целительного и благовонного мира; это миро перестало течь лишь в XIII веке, когда хитон был вырыт из земли; обнаруживалось присутствие святого хитона и чрез наказание тех неверующих, которые из любопытства осмеливались прикасаться к этому месту. Католикос[1] Николай I, который управлял Грузинской Церковью в половине XII века (в 1150–1160 годах), известный святостью жизни и мудростью, замечая, что многие в его время сомневались, действительно ли находится под живоносным столбом хитон Господень, говорит, что хотя сомнение таких людей и естественно, ибо хитон Господень никогда не был открыт, и никто никогда не видал его, но те знамения и чудеса — и прежние, и те, которые пред глазами у всех ныне совершаются, — происходят от хитона Господня, лишь при посредстве мироточивого столба. При перечислении бывших от хитона Господня чудес, Католикос Николай вспоминает, как была попалена вышедшим из земли огнем жена одного турецкого султана, которая из любопытства захотела открыть гроб Сидонии и посмотреть на хитон Господень; посланные же ею гробокопатели-татары были поражены невидимою силою.

— Это чудо, — говорит он, — многие видели, и оно известно каждому.

Лет за сорок до смерти Католикоса Николая Тифлис и Мцхет были, действительно, заняты сельджукскими турками, которые были потом изгнаны из Грузии царем Давидом Возобновителем, царствовавшим с 1089-го по 1125 год. Католикос Николай указывал на истекавшее миро как на постоянное чудо, всегда и всеми видимое.

---

[1] *Католикос* (греч. —καθολικός — вселенский) — титул верховных иерархов автокефальной Церкви Грузинской, который был им усвоен вслед за приобретением этой церковью независимости от патриархата Антиохийского, при царе Вахтанге Гург-Аслане (446–459 гг.). Когда Грузинская Церковь вошла в состав Церкви Русской, высший иерарх ее с 1811 года стал называться *экзархом.* С половины VI века титул Католикоса усвояется также верховному иерарху Церкви Армянской.

— Все видят, — говорит он, — влагу на восточной стороне столба; по невежеству некоторые пытались замазать это место известью, но оказались не в силах остановить истечение мира. А сколько от него было исцелений, — мы все тому свидетели.

Сей католикос Николай составил службу в честь обретения под живоносным столбом хитона Господня (впоследствии эта служба была исправлена и дополнена католикосами Виссарионом и Антонием), причем он говорил:

— Нужно украсить блистательным празднеством поставленный Самим Богом столб и находящийся под ним хитон Спасителя нашего Иисуса Христа.

(Этим и оканчиваются сведения, заимствованные у католикоса Николая.)

Истечение мира из упомянутого живоносного столба прекратилось, когда, по воле Божией, хитон Господень был вынут из земли.

«Это было, — говорит неизвестный по имени грузинский писатель, — в тяжкие для всей Грузии годы нашествия варварских полчищ Тамерлана, вернее же — Чингисхана[1], когда они овладели Тифлисом, перебили жителей его в числе около ста тысяч человек, разрушили все тифлисские храмы и храм Сионский, предали поруганию все христианские святыни, равно как и Сионскую чудотворную икону Божией Матери, топтать которую ногами они заставляли самих христиан. После этого они бросились на город Мцхет, жители которого бежали, вместе с своими архиереями, в леса и в недоступные ущелья гор. Тогда один благочестивый человек, предвидя погибель Мцхета и не желая оставить на поругание варварам святыню храма его, открыл, после предварительной молитвы к Богу, гроб Сидонии, вынул из него пречестный хитон Господень и потом передал его главному архипастырю. Храм же Мцхетский, величественное сооружение царя Вахтанга Гург-Аслана, был тогда разрушен до основания. С этих пор хитон Господень был сохраняем в ризнице католикосов, вплоть до восстановления Мцхетского храма, в прежнем величии (в котором он пребывает и до этого времени) царем Александром I, царствовавшим в Грузии с 1414-го по 1442 год. Хитон Господень внесли тогда в этот

[1] Около 1228 года, когда был разрушен и Мцхетский храм. Тамерлан же вторгся в Грузию в 1387 году, когда Мцхетского храма уже не существовало. Храм этот был снова восстановлен царем Александром I в XV веке.

соборный храм и для большей сохранности скрыли его в церковном кресте, и он оставался там до XVII века. В 1625 году шах персидский Аббас, завоевав Иверийскую страну и овладев ею, чтобы заручиться расположением Российского царского двора, уже покровительствовавшего тогда Грузии, взял из Мцхетского храма хитон Господень, положил его в золотой ковчег, украшенный драгоценными камнями, и, при особом письме, послал его, как бесценный дар, Всероссийскому святейшему патриарху Филарету, отцу царствовавшего тогда государя Михаила Феодоровича. Благочестивый царь Михаил и святейший патриарх Филарет, приняв с радостью этот великий дар, бесконечно превышающий все самые драгоценные земные дары, собрали от оказавшихся тогда в Москве греческих архиереев и мудрых старцев известные им предания об одежде Господней — хитоне Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа (Ин. 19, 23–24); предания эти согласны с тем, что изложено и здесь. Сподобившись, после молитвы и поста, удостоверения, — чрез множество чудесных исцелений, полученных после возложения этой одежды на больных, — что она действительно — одежда Христова, царь и патриарх приказали устроить особое, с драгоценными украшениями, помещение в правом углу западной стороны Московского Успенского собора и положили там одежду Христову. Здесь она находится и по это время; все созерцают ее и почитают с должным благоговением; от нее и поныне подаются исцеления больным и помощь всем, приходящим с верою. В Российской Церкви со времен святейшего патриарха Филарета был установлен 10-го числа месяца июля[1] *праздник положения ризы, то есть хитона Господня*. Хотя в Иверийской церкви праздник хитону Господню 1-го числа октября был установлен только уже в XII веке, однако можно думать, что в Иверии, особенно в Мцхете, день этот светло праздновался, — как и теперь празднуется, — если не со времени первого христианского царя Мириана, то, по крайней мере, с V века, то есть со времени славного царствования Вахтанга Гург-Аслана; праздновался он, как знаменательный день освящения сооруженного им, на месте древнего Мирианова храма, нового великолепного Мцхетского храма.

---

[1] Так как риза Господня принесена в Россию Великим постом, то празднование ей перенесено на 10 июля (накануне дня коронования царя Михаила Феодоровича).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
СТЕФАНА

Преподобный Стефан Хинолаккский просиял святым житием своим в Палестине. От юности стремясь к житию подвижническому, он часто посещал обители благочестивых мужей, расположенные по Иордану, а также находившиеся в пустыне, недалеко от Иерусалима, монастыри святых: Евфимия Великого, Саввы Освященного и Феодосия Великого[1]; в каждой обители святой подвизался, собственным опытом ознакомляясь с ее уставом. После того преподобный пришел в Константинополь, при императоре Льве Исавре, и принят был святым патриархом Германом[2]; у него он и жил некоторое время, поучаясь в духовной жизни и со своей стороны являясь благополезным советником святителю. Потом преподобный Стефан основал Хинолаккову обитель[3], в которой собралось множество иноков, которых святой воспитал в учении Господнем и добрых наставлениях и возвел в меру возраста исполнения Христова. Добродетельно пожив на земле и в непрестанной молитве приблизившись к небожителям, преподобный Стефан получил откровение, что час его отшествия в небесные обители близок. По отрешении от тела святую душу его приял Господь чрез Ангелов со славою, так как она была исполнена чистоты; некоторые из братии удостоились видеть это славное отшествие преподобного в горные селения и поведали об этом многим.

---

[1] Память преподобного Евфимия († 473 г.) — 20 января, преподобного Саввы Освященного († 532 г.) — 5 декабря и преподобного Феодосия († 529) — 11 января.

[2] Занимала патриарший престол с 715 по 722 год.

[3] То есть при гусином пруде. От греческих слов: χήν — гусь и λάκκος — пруд. Эта обитель находится в малоазийской провинции Вифинии (северо-западной области Малой Азии), недалеко от Халкидона, против Константинополя.

День пятнадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПАВЛА ФИВЕЙСКОГО

Когда преподобный Антоний жил со своими учениками в Египетской пустыне[1], ему пришло однажды на мысль, что нет еще другого инока, который бы был так совершен, как он, нет никого, кто поселился бы раньше его в пустыне и избрал столь уединенную жизнь. Он сам рассказывал впоследствии, что когда подумал так, то услышал в видении голос, который говорил:

— Антоний! Есть один раб Божий, который пришел сюда прежде тебя и который совершеннее, чем ты. Если хочешь, можешь найти его в отдаленной пустыне; только ступай к нему скорее, пока он не отошел ко Господу.

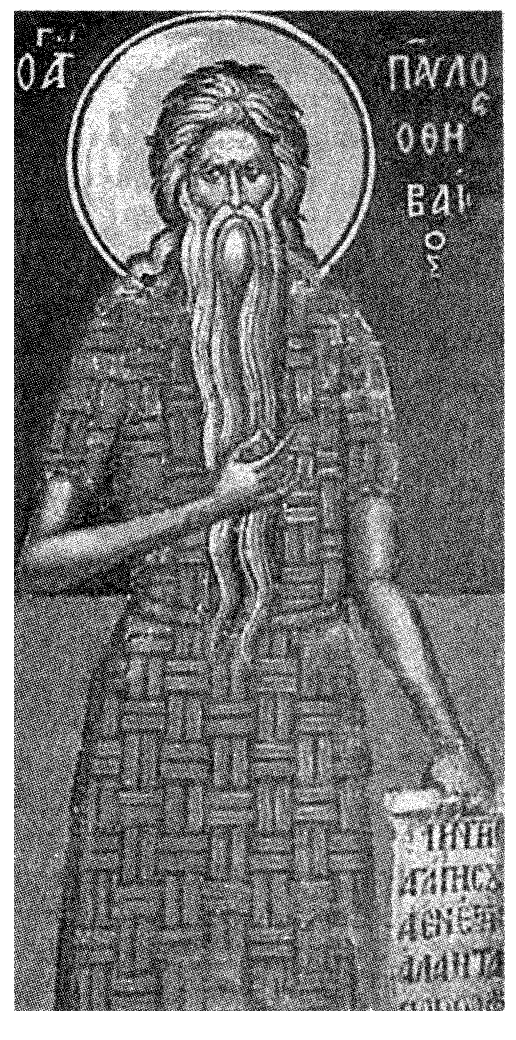
Услышав это и придя в себя, старец тотчас взял свой посох и поспешил в пустыню, пламенно желая поскорее найти того, о ком ему было открыто. Был полдень, и стало так жарко, что от солнечного зноя раскалились даже камни; старец изнемогал телом, но дух его был бодр, и он не думал возвращаться назад с предпринятого пути. Хотя он и не знал, куда далее идти, но сохранял твердость и говорил:

— Я верю, что Бог покажет мне, как обещал, Своего раба.

Проходя по этой суровой и недоступной пустыне, старец не видел ничего, кроме следов зверей; пробыв в пути уже второй день и про-

---

[1] *Преподобный Антоний Великий* — первый учредитель монашеского жития. Память его совершается 17 января. Пещера, в которой он подвизался, находилась в Южном Египте, в диком и необитаемом месте Фиваиды, на восточном берегу реки Нила.

ведя вторую ночь в молитве, он не знал, куда направиться далее. На рассвете третьего дня он увидел вдруг волчицу, которая шла по краю горы и выла. Следуя за ней издалека, он подошел к пещере, в которой жил святой угодник Божий Павел[1]. Старец пришел в радость при виде пещеры; но обитатель ее, заметив приближение Антония, запер дверь. Подойдя, старец постучал, но ответа не было, и он продолжал стоять снаружи и безуспешно стучать. Видя, что ему не отворяют двери, он упал на землю пред входом в пещеру и молился до самого шестого часа, чтобы сподобиться ему войти внутрь и увидеть того, кого он отыскал с таким трудом.

Святой говорил:

— Отопри мне, раб Христов, отопри! Ведь ты знаешь, кто я, откуда и зачем пришел, ибо тебе открыл то Бог. Знаю я и сам, что недостоин видеть твое святое лицо, тем не менее не уйду отсюда, пока не увижу тебя. Не скрывай же себя, если тебя открыл мне Бог: ты принимаешь зверей, — зачем же отвергаешь человека? Я нашел тебя после долгих поисков, и вот стучу, чтобы ты отпер мне. Если же ты не отопрешь, то я умру на твоем пороге, и ты похоронишь здесь труп мой.

Многое и другое говорил он ему со слезами и укорял его за суровость. Тогда угодник Божий отвечал ему изнутри пещеры и сказал:

---

[1] Пещера преподобного Павла, на горе Холзим, в прямую линию от горы Антония отстоит не более как на четыре версты, но она отделена столь высокою и крутою стеною, что обход вокруг нее очень продолжителен, почему преподобному Антонию и пришлось употребить на весь путь около двух дней.

— Можно ли просить с угрозами или укорять со слезами? Ты удивляешься, что я не отпираю тебе; это — потому, что ты хвалишься, что пришел умирать здесь.

С такими словами святой отпер дверь, и они обняли друг друга и облобызались, называя один другого по имени, потому что каждому из них Бог открыл имя другого. Когда они сели, преподобный Антоний сказал:

— Радуйся, Павел, избранный сосуд и огненный столп, житель этой пустыни!

Святой Павел отвечал:

— Хорошо, что ты пришел, солнце, просвещающее всю вселенную, наставник спасаемых, уста Божии, населивший пустыню и прогнавший из нее диавола! Но зачем ты предпринял такой великий труд, идя ко мне, грешному и ничтожному человеку? Вот ты видишь пред собою дряхлого старца, беспорядочно покрытого сединами, видишь человека, готового обратиться в прах и тление. Но любовь не знает препятствий, — и ты пришел; скажи же мне, прошу тебя, — как живут теперь люди, в каком положении находится мир? Есть ли все еще идолопоклонники, и вместе с тем, не продолжаются ли гонения на верующих?

— Твоими молитвами, — отвечал Антоний, — мир находится в благополучии, гонения прекратились, и Церковь прославляет истинного Бога; но так как ты упомянул о гонениях, то прошу тебя, — расскажи мне, ради Бога, о себе и открой, по какой причине ты ушел из мира в эту далекую пустыню?

— Я родился[1] в Фиваиде[2], — начал свой рассказ святой Павел, — и у меня была сестра, которую родители еще при жизни своей выдали замуж. Будучи сами православными, они, дав мне светское образование, наставили меня и в истинах православной веры. Умирая, они разделили между нами свое богатое имение. По смерти их, муж моей сестры, из лихоимства, задумал присвоить себе следующую мне часть имущества и вознамерился предать меня, как христианина, на муче-

---

[1] Год рождения Павла Фивейского по житии его определяется так. Когда Антоний пришел к Павлу, он уже девяносто один год был в пустыне, в которую удалился двадцати двух лет. Следовательно, ему было сто тринадцать лет. Антоний, родившийся в 251 году, пришел к нему девяноста лет от роду; следовательно, преподобный Павел родился около 228 года.

[2] *Фиваида* — область знаменитого в древности египетского города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь Верхний (Южный) Египет.

ние нечестивому князю, чтобы, погубив меня таким образом, завладеть моим наследством. Царем был тогда Декий[1]. Он преследовал всех христиан, и от страха пред измышляемыми им жестокими мучениями трепетала вся Фиваида. В то время был взят нечестивыми гонителями один христианский юноша. Его долго мучили, чтобы склонить к отречению от веры Христовой, но — напрасно. Наконец, его привели в цветущий и душистый сад и, положив навзничь на роскошную постель, привязали к ней мягкими веревками его руки и ноги. Когда все ушли из сада, то пустили туда к юноше одну молодую девушку, чтобы она соблазнила его на грех. Бесстыдная девица обнимала и целовала юношу, всячески стараясь обольстить его. Что же сделал доблестный страдалец, после того как уже претерпел столько мучений? Видя себя в опасности плотского прельщения, он откусил зубами язык и выплюнул его в лицо блудницы; страшною болью он поборол в себе страсть, оплевал кровью лицо и одежды развратницы, сам же, с помощью благодати Христовой, устоял в чистоте. Другого юношу, оставшегося твердым в христианской вере, после многих мучений обнажили и, вымазав все тело медом, поставили его со связанными в плечах руками на солнечный зной; думали, что, жалимый пчелами, осами и шершнями, он не стерпит и согласится на принесение идольской жертвы. Но мужественный страдалец, хотя все тело его было искусано и покрыто кровью до такой степени, что он утратил даже образ человеческий, не отрекся, однако, от Христа. Видя все это, а также — и все более возрастающую злобу мужа моей сестры, которой не могли укротить ни слезы сестры, ни родство, я оставил ему все и убежал в эту пустыню. С помощью Божией, я постепенно дошел до этого места. Найдя эту пещеру с источником воды внутри ее, я понял, что Сам Господь назначил мне здесь место обитания. Я поселился здесь и живу, питаясь финиками и изготовляя себе одежду из листьев.

Когда святой рассказывал это, вдруг прилетел ворон, держа в клюве хлеб; тихо положив пред ними хлеб, он улетел и скрылся в воздухе. Видя изумление блаженного Антония, святой Павел сказал:

— Это Господь многомилостивый и человеколюбивый послал обед нам, Своим рабам. Вот уже шестьдесят лет я получаю полхлеба. Но по случаю твоего прихода Христос Господь удвоил дар и послал Своим воинам целый хлеб.

---

[1] *Декий* — римский император, жестокий гонитель христианства, царствовал с 249 по 251 год.

Взяв этот хлеб, великие угодники Божии стали просить друг друга благословить и преломить его, каждый поставляя другого выше себя по чести. Святой Павел хотел почтить преподобного Антония, как гостя, преподобный же Антоний — святого Павла, как хозяина дома и старшего по возрасту; и долго они с любовью спорили между собой. Наконец, блаженный Павел взял хлеб с одного края, а другой вложил в руки преподобному Антонию: хлеб тотчас сам переломился посредине, и каждый получил свою половину.

Сев у источника, рабы Христовы ели и насытились; потом они напились из этого источника, имевшего чистую и весьма приятную воду. По совершении благодарственной молитвы они снова сели и пробеседовали всю ночь до утра. С наступлением дня святой Павел сказал авве Антонию:

— Я давно, брат мой, знал, что ты обитаешь в этой пустыне, и хотел бы, живя с тобою, вместе служить нашему Владыке. Но так как пришло время моей кончины, которой я всегда ждал с радостью, желая *разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 23), то Господь и послал тебя ко мне, чтобы ты схоронил мое смиренное тело и предал землю земле.

Услышав это, Антоний воскликнул со слезами:

— Не оставляй меня, отец мой, одного, но возьми меня с собою!

— Тебе нужно не о себе заботиться, — отвечал святой Павел, — но о благе ближнего. Если для тебя благо было бы в том, чтобы, освободившись от тягости плоти, последовать за Агнцем на небеса, то польза прочей братии требует, чтобы ты пока еще наставлял и укреплял их. Прошу тебя, сходи поскорее в свой монастырь и принеси подаренную тебе епископом Афанасием мантию[1], чтобы покрыть ею мое тело.

Святой Павел просил об этом не потому, что нуждался в мантии. Он не заботился о том, нагим или покрытым будет схоронено в земле его тленное тело, которое он одевал столько времени финиковыми листьями; он хотел лишь того, чтобы его душа разлучилась с телом в безмолвии уединения, поэтому он и отсылал от себя преподобного Антония в монастырь.

Антоний был очень удивлен тем, что услышал об Афанасии и о мантии. Видя в Павле как бы Самого Христа и почитая пребываю-

---

[1] Здесь разумеется святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, искренно почитавший и любивший египетских подвижников, сам подвижник, глубоко уважавший преподобного Антония Великого.

щего в нем Бога, он не осмелился более возражать ему; долго молча и со слезами он целовал его очи, и руки и потом поспешил исполнить приказание: против своего желания отправился в монастырь, изнемогая телом, но духом побеждая немощи своей старости. Когда он подходил к своей келье, два ученика встретили его и спросили:

— Где ты пробыл столько времени, отец наш?

— Горе мне, дети мои, — отвечал Антоний, — горе мне, грешному, мнимому иноку. Сам я только называюсь иноком, но видел того, кто поистине есть Илия, Иоанн в пустыне; я поистине видел Павла в раю.

Ученики хотели услышать об этом подробнее и стали просить его, чтобы он рассказал. Антоний же, закрывая уста рукою, сказал:

— Для всякой вещи есть время: время говорить, и время молчать (Еккл. 3, 1–7).

И захватив с собою мантию, нисколько не отдохнув, не взяв с собою даже пищи на дорогу, он вышел и снова поспешно отправился в пустыню, чтобы застать еще в живых святого Павла, ибо боялся, как бы, в случае замедления, тот не умер без него.

На другой день часу в третьем, находясь в пути, авва Антоний увидел в воздухе чины Ангелов и соборы пророков и апостолов, а посреди их — душу святого Павла, которая, блистая более чем солнце, восходила на небо. Святой Антоний, упав на землю, посыпал свою голову песком и с рыданиями восклицал:

— Зачем ты, Павел, оставил меня? Зачем уходишь без последнего целования? Так долго я не знал тебя, и так скоро, когда узнал, ты оставляешь меня!

Впоследствии блаженный Антоний рассказывал, что прошел потом остальную часть пути с такою скоростью, как будто бы летал на крыльях по воздуху, так что от быстрой ходьбы даже не чувствовал земли под своими ногами. Скоро он достиг пещеры и, войдя в нее, увидел святого стоящим на коленах с простертыми вверх руками и вверх же обращенным лицом. Думая, что он жив и молится, стал вместе с ним на молитву и Антоний. Прошел час, и, так как от святого Павла не было слышно ни слов, ни вздохов молитвенных, блаженный Антоний подошел к нему ближе и, увидев, что он уже мертв, понял, что тело святого мужа и по смерти воздает поклонение Богу, пред Лицом Которого все живо. Долго он плакал и рыдал, целуя святое тело преподобного; потом обвил его принесенною с собою мантией и по христианскому обычаю начал петь употребляемые при погребении

псалмы. Но он не мог придумать, как ему совершить погребение святого, так как не принес с собою заступа, чтобы вырыть могилу.

— Возвращаться ли в монастырь за орудием? — размышлял он. — Но туда три дня пути. Здесь ли оставаться? Но без заступа я не могу сделать ничего. Останусь я лучше здесь и умру, как должно, испустив последнее дыхание близ Твоего, Христе, воина!

Когда он думал об этом, вдруг из глубины пустыни приходят два льва, рыкая и как бы плача о потере святого. Антоний сначала несколько испугался, но потом, когда увидел, что кроткие, подобно агнцам, звери лежат у тела святого и жалостно рыкают, точно плачут, дивился кротости этих зверей. Они же начали когтями своими рыть землю и, выкопав яму значительный глубины, снова припали к телу святого с сильным рыканьем, как бы прощаясь с ним; потом, подойдя к преподобному Антонию, стали лизать руки и ноги его, как бы прося благословения и молитвы. Преподобный, видя, что и звери преклоняются пред Богом, славил Христа и говорил:

— Господи, — без Твоей воли не падают на землю ни лист с дерева и ни одна птица, — дай, как Ты знаешь, благословение Свое этим зверям.

Потом, указывая рукою на пустыню, он велел зверям уйти туда. Когда они скрылись, авва Антоний похоронил честное тело святого и преподобного отца Павла, первого пустынножителя, скончавшегося 113 лет от роду[1]. Всю следующую за погребением ночь преподобный Антоний провел над могилою святого в слезах и молитве; с наступлением же утра отправился обратно в свой монастырь, захватив с собою сплетенную из финиковых листьев одежду святого. Придя в свою обитель, он подробно рассказал обо всем своим ученикам, в назидание их; одежду же святого Павла он берег и чтил настолько, что надевал ее только два раза в год: в праздник святой Пасхи и в Пятидесятницу.

Святыми молитвами преподобных отцов Павла и Антония, да сподобит нас жребия Своих угодников Христос Господь наш, Которому с Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки, аминь.

---

[1] Преподобный Павел Фивейский скончался в 341 году. Тело его по воле византийского императора Мануила Комнена (1146–1180 гг.) перенесено было в Константинополь и положено в монастыре Богородицы Перивлепты; затем в 1240 году перенесено было в Венецию и, наконец, в Венгрию в Офен; часть главы его — в Риме.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ИОАННА КУЩНИКА[1]

В Царьграде, в царствование Льва Великого[2], жил один богатый и именитый военный сановник, по имени Евтропий, с женой Феодорой. У него было три сына, из которых двое были отданы на царскую службу и уже достигли на ней значительных чинов, третьего же, младшего, по имени Иоанн, он отдал на обучение разного рода наукам. Будучи еще двенадцатилетним мальчиком, Иоанн весьма заметно выделялся из среды своих сверстников, так что даже сами учителя удивлялись его способностям и выдающемуся для юного возраста развитию. Но он преуспевал не только в мирском, но и в духовном любомудрии. Под благодатным действием на него Святого Духа, он рос кротким, незлобивым и скромным мальчиком и по окончании уроков проводил время не в играх, свойственных детскому возрасту, но в чтении святых боговдохновенных книг и в усердном посещении церковных богослужений. Его сердце было согрето любовью к Богу, и в его душе сильным пламенем начал разгораться огонь этой любви.

В то время как Иоанн столь преуспевал в благочестии, случилось однажды одному иноку войти в дом, в котором учился блаженный. Увидев его, отрок спросил:

— Откуда ты, отче, и куда идешь?

— Я — из обители «неусыпающих»[3], — отвечал инок, — и иду в Иерусалим поклониться святым местам.

---

[1] *Кущником* преподобный Иоанн назван потому, что конец своей подвижнической жизни он жил в «куще», то есть палатке, в крайнем убожестве и нищете, около дома своих богатых и знатных родителей, не узнанный ими, — и в этой же палатке был похоронен, причем родители его на месте «кущи» создали впоследствии храм во имя его.

[2] *Лев I Великий* — византийский император, царствовал с 457 по 476 год.

[3] *Монастырь «неусыпающих»*, о котором здесь говорится, находился в Вифинии (северо-западная область Малой Азии) и был устроен по образцу существовавшего в Константинополе такого же монастыря, перенесенного туда из Месопотамии и основанного преподобным Александром в конце IV века. Чиноположения и иноческое житие насельников этого монастыря отличались особою строгостью. Свое наименование монастырь получил оттого, что братия его, разделяясь на двадцать четыре чреды по числу двадцати четырех часов дня и ночи, непрерывно на два лика славословили Господа, воспевая протяжно псалмы Давидовы, так что богослужение в этом монастыре совершалось непрерывно и никогда не прекращалось. Такой же монастырь был основан и в Вифинии, близ города Сосфениула, учениками преподобного Александра, Иоанном и Маркеллом.

С разгоревшимся сердцем Иоанн начал спрашивать его об иноческой жизни, о молитве и посте, о неумолкаемом пении и о других подвигах и трудах иноков. Инок, видя благочестие и рассудительность мальчика, подробно рассказал ему о всех обычаях и уставах своего монастыря.

Иоанн, выслушав внимательно, что говорил инок, сказал ему:

— Возвратишься ли ты, отче, снова в свой монастырь, или останешься в Иерусалиме?

— Я имею, — отвечал инок, — приказание от своего игумена возвратиться и, поклонившись, если будет угодно Богу, святым местам, немедленно приду назад.

Тогда Иоанн, взяв инока за правую руку, сказал:

— У меня есть к тебе, отче, тайное слово.

Затем отвел его в сторону и стал говорить:

— Послушай меня, отец мой, — прошу тебя, — и окажи мне милость. У меня есть сильное желание оставить суетный мир и служить Христу. Но родители думают обо мне совсем иное. Любя меня больше старших братьев, они хотят доставить мне какую-либо высокую должность и женить меня. Я же, часто слушая в святой церкви слово Божие и сам читая святые книги, понял, что все мирское — суетно, и что полезно только одно — отрекшись от мира, служить Христу в вашем иноческом образе. Заклинаю тебя Богом, Который хочет нашего спасения, чтобы ты взял меня при возвращении в свой монастырь.

В этих словах инок почувствовал, что отрока призывает к Себе Сам Бог. Он клятвенно обещался взять его с собою при возвращении назад, и таким образом расстались.

По отбытии инока в Иерусалим блаженный Иоанн, желая жить по Евангелию, стал просить своих родителей приобрести для него Евангелие, чтобы, учась в нем словам Христовым, научиться совершать и дела, угодные Христу. Родители весьма порадовались при виде такого усердия сына к Божественному Писанию. Они тотчас наняли искусного писца, чтобы тот изготовил красивый список Евангелия; потом они обложили его золотом и украсили драгоценными камнями, чтобы сына их привлекали к усердному чтению книги не только сладость написанных внутри ее слов Христа, но и внешняя красота книги. Изготовив такое Евангелие, они подарили его сыну. С радостью приняв святую книгу, Иоанн стал усердно читать ее; сердце его услаждалось словами Христовыми, и он, возгораясь со дня на день все большею

любовью к Богу, с нетерпением ждал возвращения из Иерусалима инока, которому открыл тайну своего сердца.

По прошествии долгого времени инок тот возвратился и был встречен Иоанном с великой радостью.

— Вот, сын мой, я возвратился, как обещал, — сказал инок, — и если хочешь, возьму тебя с собою в монастырь.

Блаженный Иоанн отвечал:

— Благодарю Бога, возвратившего тебя в добром здоровье и удостоившего меня вновь увидеть тебя. Я готов в путь. Но что нам делать, если родители не захотят отпустить меня? Мать моя очень чувствительна сердцем, и когда она узнает, что я хочу оставить их, то будет обливать землю слезами и удержит меня, воспрепятствовав, таким образом, моему желанию. Умоляю тебя, отец мой, уйдем отсюда тайно, чтобы никто из моих родных и знакомых не знал ни о моем отбытии, ни о дороге, какой я ушел.

— Сделаем, сын мой, так, как ты хочешь, — сказал инок, — и пусть Бог исполнит желание сердца твоего.

Так они пришли на берег моря к пристани корабельной и, найдя корабль, стали просить владельца его, чтобы он отвез их в обитель неусыпающих. Но тот потребовал с них в уплату за провоз много золота, ибо говорил, что ожидает для корабля большого груза, равно как и для найма его для обратного пути.

Иоанн спросил его:

— А сколько стоит доставка на твоем корабле полного груза?

— Сто златниц, — отвечал корабельщик.

— Подожди, брат мой, до трех дней, — сказал Иоанн, — и я найму твой корабль.

Поговорив с ним, Иоанн и инок ушли. Наедине Иоанн сказал иноку:

— Корабельщик просит за провоз дорого; но еще дороже для меня тайно уйти от родителей; пойду поэтому к родителям своим и попрошу их дать мне на некоторые нужды золота.

— Иди, сын мой, — отвечал инок, — и Господь да исполнит твое намерение, как угодно Его воле.

Придя в свой дом, Иоанн сказал матери:

— Хочу просить у вас, матушка, одной милости, да не смею.

— Проси, чего хочешь, сын мой, — отвечала мать.

— Все товарищи мои по учению, — сказал Иоанн, — не один раз и не два, но многократно звали меня к себе в гости, я же ни разу не позвал их к себе и не отплатил им за гостеприимство; мне стыдно пред ними, и я уже не могу ходить от стыда в училище. Прошу вас, дайте мне столько денег, сколько нужно было бы для угощения моих товарищей.

— Подожди до утра, — отвечала мать, — я скажу твоему отцу, и он даст, что тебе нужно.

Когда она передала о просьбе Иоанна своему мужу, тот из любви к сыну дал ему сто златниц, и это произошло по особому Божиему промышлению, чтобы исполнилось доброе намерение отрока.

Дав сыну золота, отец поручил его надзору верного слуги, с приказанием смотреть, чтобы мальчик не тратил денег без нужды. Иоанн с радостью пошел с ним на морской берег, говоря:

— Поищем и купим хорошей рыбы.

Когда они подошли к кораблю, он послал слугу в училище со словами:

— Пойди посмотри, собираются ли товарищи, и потом снова возвратись ко мне.

По уходе слуги Иоанн поднялся с иноком на корабль; вручив корабельщику плату, они отплыли от берега и пустились в путь. Иоанн взял с собою и Евангелие, подаренное ему родителями, и утешался в дороге чтением его.

Слуга, возвратившись из училища, долго искал Иоанна на берегу, но, не находя, подумал, что отрок отправился домой; тогда он пришел к своим господам и спросил об Иоанне. Тотчас стали поспешно всюду искать его. Но долгие поиски и в Царьграде, и в окрестностях его не привели ни к чему, и в доме Евтропия горько плакали и рыдали о возлюбленном сыне Иоанне. Между тем, когда Иоанн находился в пути, Бог явно помогал ему: он послал кораблю попутный ветер, и путеше-

ственники в непродолжительном времени приплыли к обители неусыпающих. Здесь инок рассказал игумену Маркеллу[1] и братиям все, что знал об отроке Иоанне, также — и то, с какою верою и ревностным усердием он стремится к принятию иноческого образа и служению Господу.

Видя крайнюю молодость отрока, игумен сказал ему:

— Сын мой! Не под силу будет тебе нести иноческие подвиги и соблюдать строгие посты, так как ты еще очень молод. Кроме того, у нас есть обычай — не тотчас же постригать каждого ищущего иноческого звания, но лишь — по долгом испытании искренности его намерений и усердия в подвигах благочестия. Поэтому, если хочешь проходить иноческое служение совместно с нами, то должен сначала пожить у нас так, без иноческого пострига, присмотреться к нашей жизни и испытать себя, под силу ли будут тебе такие труды.

Тогда блаженный Иоанн упал к ногам игумена и, горько плача, стал просить:

— Умоляю тебя, отец мой, постриги меня теперь же. Смотри не на молодость мою, но на усердие мое, ибо я всем своим сердцем стремлюсь к тому, чтобы удостоиться принятия вашего ангельского образа. Не отвергай моей мольбы, но ради Пресвятой, единосущной и животворящей Троицы прими меня иноком в свою обитель.

Игумен, тронутый усердием и слезами отрока, живо ощущая благодать обитающего в нем Духа Святого, тотчас согласился принять и постричь его и потом приказал ему неуклонно проходить все степени монастырского послушания и учиться у опытных старцев.

Иоанн, когда желание его наконец исполнилось, с ревностью и смирением исполнял все, что ему приказывали, и, преуспевая постепенно в иноческих подвигах, в скором времени достиг такого совершенства в добродетели, что превзошел принявших иночество ранее него и для всех сделался примером непрестанной молитвы, кроткого послушания и терпеливого перенесения самого строгого поста. Часто он в течение многих дней ничего не вкушал — кроме лишь причащения пречистых и животворящих Христовых Тайн, — и только этим поддерживал себя. Удивлялся Иоанну даже сам игумен и говорил ему:

— Сын мой! Зачем при своей молодости ты предпринимаешь такие подвиги? Смотри, как бы тебе не ослабеть от неумеренного поста

[1] Здесь разумеется преподобный Маркелл, основатель Вифинской обители «неусыпающих». Память его совершается 29 декабря.

телесными силами и, расстроив свое здоровье, не оказаться неспособным на последующие подвиги и на служение во славу Христа.

Иоанн, смиренно по обычаю кланяясь игумену, отвечал:

— Прости, святой отец, меня, негодного раба, и помолись за меня, ленивого и малодушного, чтобы Господь сподобил меня на подвиги и помог моей слабости.

Среди таких подвигов блаженный Иоанн прожил в обители шесть лет. И вот восстал на него враг и ненавистник всякого добра — диавол. Чтобы ослабить в Иоанне силу на дальнейшие подвиги, затруднить и воспрепятствовать столь доблестное преуспеяние в исполнении Господних заповедей, он пробудил в нем мысль о родителях и заставил сердце его мучиться жалостью к ним при воспоминании о великой любви к нему отца и матери. Он стал внушать Иоанну такие мысли: «Что-то теперь делают без тебя твои родители? Как они скорбят, печалятся и плачут о тебе, так как ты ушел из дому без ведома их! Плачет отец, рыдает мать, скорбят братья, жалеют о тебе родные и знакомые, в горе из-за тебя весь дом отца твоего». Еще лукавый приводил ему на память богатство и славу родителей, почести, которые имеют братья его, и разные другие суетные блага земные. Он смущал его такими помыслами непрерывно, и днем и ночью, так что Иоанн, наконец, крайне ослабел телесными силами и был едва жив: от великого воздержания и иноческих подвигов и от внутреннего мучения помыслами — иссохла, как глиняный сосуд, сила его[1], и плоть его сделалась подобной тростнику, колеблющемуся от ветра[2].

Игумен, видя, как Иоанн с каждым днем слабеет, сказал ему:

— Не говорил ли я тебе, сын мой, что Бог не требует от рабов Своих неумеренного труда, но хочет, чтобы каждый служил ему, во славу Его святого имени, по своим силам. Ты, сын мой, не послушал меня в свое время, и вот теперь уже изнемог от неумеренного поста и непосильных трудов.

— Не пост иссушил меня, отец мой, — отвечал Иоанн, — и не труды изнурили меня, но помыслы, внушаемые лукавым, мучают меня и днем и ночью в течение уже долгого времени.

При этом Иоанн признался игумену в своих помыслах о родителях и о доме. Игумен сказал ему:

---

[1] Выражение заимствовано из Пс. 21, 16.

[2] Выражение заимствовано из Мф. 11, 7.

— Не говорил ли я тебе и раньше, сын мой, что тяжелы иноческие подвиги, что иноки много несут с собой и трудов, и вражеских нападений, и невыразимых искушений.

При этих словах игумен прослезился и долго плакал об Иоанне. Бог же, Который все обращает на пользу, особым тайным воздействием на сердце игумена внушил ему, чтобы он не препятствовал Иоанну пойти к своим родителям: Господь хотел сделать в нем впоследствии дивными Свои желания[1]. Игумен благословил Иоанна идти, куда он хочет, лишь увещевал его тщательно беречься от сетей врага и сохранить в пути непорочность.

— Хотя я и пойду к родителям, — отвечал Иоанн, — однако и там, с помощью Божией и ваших молитв, сокрушу главу моего врага и покажу его бессилие.

Затем Иоанн пошел в свою келью, чтобы приготовиться в путь. Приготовление же это состояло не в чем-либо другом, а только в молитвах, слезах, воздыханиях сердца, соединенных с коленопреклонениями, — чтобы Господь не дал восторжествовать врагу, но Сам, как знает и хочет, направил его путь по Своей благой и все совершенной воле. Придя на другой день поутру к игумену, Иоанн пал к его ногам и начал умолять его не гневаться за уход его из монастыря, но напутствовать его своим отеческим благословением и святыми молитвами.

Тогда игумен созвал к себе всех братьев и, объявив, что Иоанн хочет уйти от них, приказал молиться за него. Сам же Иоанн, прощаясь, говорил братиям:

— Знаю я, что диавол хочет совсем удалить меня из этого святого места под предлогом свидания с моими родителями. Но я надеюсь на Бога и на ваши святые молитвы, что я и с родителями увижусь, и диавола поборю, победив его обольщение.

После этого все пошли в церковь и там со слезами помолились об Иоанне. Игумен же, благословляя его в путь, сказал:

— Иди, сын мой, во имя Отца и Сына и Святого Духа, и Господь наш Иисус Христос да сопутствует тебе и да управит путь твой по Своей воле.

Также благословили его, поднимая руки, и все прочие отцы. Иоанн целовал их всех и говорил:

— Да спасет вас Господь, отцы и братия, да спасет Он вас, — благословенную Им дружину, добрых подвижников, с любовью принияв-

---

[1] Выражение заимствовано из Пс. 15, 3 (в славянском переводе).

ших меня в свое сообщество, которого теперь я лишаюсь, по своему недостоинству жить вместе с такими угодными Богу людьми.

С этими словами он вышел из монастыря и отправился в свой путь.

Отойдя от монастыря на расстояние стадии[1], он оглянулся назад и, увидев монастырь, горько заплакал. Он пал на колена и, рыдая и орошая землю слезами, стал молиться Богу. Потом он встал и снова отправился в путь, поручая себя Богу и возлагая свои надежды на Его промышление и покровительство. По дороге ему встретился один нищий, одетый в лохмотья. Иоанн обратился к нему и сказал:

— Вижу, что у тебя, брат мой, одежда очень ветха и вся изорвана; прошу тебя, дай ее мне, сам же возьми мою лучшую.

Нищий очень обрадовался и тотчас же, сняв свое рубище, подал его Иоанну, а тот отдал ему взамен свою лучшую одежду.

Когда Иоанн подошел к Царьграду, то, увидев издали дом своих родителей, упал лицом на землю и стал молиться такими словами:

— Господи Иисусе Христе, не оставь меня!

Был вечер, и блаженный Иоанн остался здесь ждать наступления ночи. В полночь же, подойдя к дверям родительского дома, он снова упал на землю и молился:

— Господи Иисусе Христе! Вот дом отца моего, видеть который я так желал. Но не попусти мне лишиться из-за него Твоей благодати. Молю Тебя, Владыка, даруй мне свыше помощь и силу победить диавольское искушение, не попусти его торжества надо мной и моего падения, но дай мне доблестно окончить на этом месте жизнь свою.

Так он молился до рассвета утра. С наступлением дня, когда открылись двери и вышел управитель дома, начальствовавший над прочими рабами, то он, увидев одетого в лохмотья нищего, спросил у него:

— Кто ты, откуда и зачем осмелился прийти сюда? Ступай скорее прочь отсюда, так как сейчас выйдут мои господа.

— Как видишь, — кротко отвечал ему Иоанн, — я — нищий, не имею где приклонить голову, прошу тебя, господин мой, сжалься надо мной, не гони меня отсюда, но позволь остаться в этом углу. Я никому не сделаю зла, сам же ты получишь милость от Бога, если пожалеешь меня и позволишь мне остаться здесь.

---

[1] Стадия равняется восьмидесяти семи с половиной саженям.

Сжалившись над нищим, управитель дома оставил его. Спустя немного времени вышли из дому родители Иоанна, направляясь в царский дворец. При виде их, блаженный заплакал и стал говорить в своем уме:

— Желание мое наконец исполнилось, — я вижу своих родителей. Но не порадуешься, диавол, потому что, по благодати моего Господа, я считаю за ничто твои, обращенные против меня, палящие стрелы.

И снова от всей души воззвал он к Богу:

— Господи Иисусе Христе, не оставь меня до конца!

Блаженный Иоанн оставался неподвижным в углу у ворот и лежал там, как Лазарь (Лк. 16, 20), или как Иов на *гнóище* (слав. Иов. 2, 8). Отец его, видя лежащего у ворот бедного нищего, начал посылать ему кушанья со своего стола, говоря:

— Велико терпение у этого нищего, — оставаясь без крова, он переносит и зиму и зной, и мороз и дождь; поистине таковые именно наследуют Царство небесное. Ради него Бог, может быть, и нас спасет, почему и направил его к нам, — чтобы, оказывая милость ему, мы чрез это и сами удостоились потом быть помилованными Им. Кто знает, — быть может, такую же нищету переносит сейчас и наш возлюбленный сын Иоанн, о котором мы даже не знаем, где он; мы делаем этому нищему то самое, чего желали бы в таком случае нашему сыну от других.

Однажды мать Иоанна, выйдя из дому, увидела этого нищего лежащим на куче навоза в своих лохмотьях. Это показалось ей настолько отвратительным, что она сказала слугам:

— Оттащите прочь отсюда этого противного человека, так как я не могу ходить сюда, пока вижу, что он здесь лежит.

Слуги тотчас оттащили его в другое место. Блаженный мог теперь только издали смотреть на ворота дома своего отца. Однажды, увидев вышедшего из ворот управителя дома, он подозвал его к себе и сказал:

— Умоляю тебя, господин мой, — как с самого начала ты был милостив ко мне, так и теперь пожалей меня и сделай мне небольшую палатку, чтобы госпожа ваша не видала меня и чтобы у меня было хотя какое-нибудь прикрытие от холода.

Управитель исполнил просьбу Иоанна и вскоре построил небольшую кущу (шалаш, палатку), в которой святой и оставался, проводя все время в молитве к Богу. Каждый день отец посылал ему со своего

стола пищу; Иоанн с благодарностью принимал ее, но раздавал посещавшим его другим нищим, сам же всегда терпел голод и жажду и от такого чрезвычайного воздержания и поста настолько исхудал, что можно было пересчитать все суставы его костей.

В течение целых трех лет Иоанн терпеливо переносил такую жизнь, скрывая от своих родителей, что он сын их. По прошествии же трех лет, преблагой и человеколюбивый Господь наш Иисус Христос, видя терпение и смирение Своего раба, определил положить конец его бедствиям и трудам. Он явился ему в видении и сказал:

— Радуйся, Иоанн, уподобившийся возлюбленному ученику Моему Иоанну Девственнику[1], потому что ты, оставив все, последовал за Мной в чистом девстве. Вот уже приближается предел твоей жизни, и наступает конец твоим великим страданиям: через три дня ты придешь ко Мне и наследуешь покой праведных.

Придя в себя после видения, Иоанн начал со слезами молиться Господу и говорил:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты хочешь даровать мне, недостойному, покой праведных. Но умоляю Тебя, Владыка мой, вспомни и о моих родителях, помилуй их по Своей великой милости и очисти их грехи, потому что Ты один благ и многомилостив.

После такой молитвы, он позвал к себе вышеупомянутого слугу своих родителей, управителя дома, и сказал ему:

— С самого начала и до этих пор ты был милостив ко мне. Умоляю тебя, господин мой, будь милостив до конца. Об одном прошу тебя, — поди и скажи своей госпоже следующее: тот нищий, которого ты приказала прогнать от ворот, умоляет тебя чрез меня такими словами: ради Владыки Христа, не погнушайся мною, убогим, но благоволи прийти ко мне, ибо мне нужно поговорить с тобой.

Слуга передал своей госпоже слова нищего. Та же сказала:

— О чем еще нищему говорить со мною? Я и смотреть-то на него не могу, а он еще беседовать хочет со мной.

Об этом она рассказала мужу, но тот стал уговаривать ее:

— Иди, жена моя, не гнушайся нищим, ибо Сам Бог избрал нищих.

Тем не менее она не послушала мужа и не пожелала идти. Преподобный Иоанн снова послал к ней с такими словами:

— Через три дня я умру, ты же, если не захочешь видеться и говорить со мною, очень потом будешь сожалеть.

---

[1] То есть святому Иоанну Богослову.

Она стала колебаться в раздумье, — идти ей или нет, — не столь желая послушать нищего, сколько любопытствуя, что́ именно он хочет сказать ей; едва победила она свою нерешительность и вознамерилась пойти, только услышав о приближении его смерти и рассчитывая узнать от него что-нибудь новое. Она вышла из дому и приказала своим рабам принести и положить пред ней нищего, так как преподобный Иоанн, по причине тяжкой болезни, сам не мог уже подойти. Чтобы не быть узнанным, он закрыл свое лицо и начал так говорить ей:

— Скоро уже, госпожа, я перестану нуждаться в оказываемых мне приюте и помощи, и уже уготована вам награда за милостыню, по слову Господнему в Евангелии: *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40). Я же, не обладая по своему убожеству никаким имуществом, хочу оставить тебе некоторое благословение, но прежде умоляю тебя: поклянись мне исполнить то, что я скажу тебе, — и тогда ты получишь благословение.

Она поклялась исполнить, что он скажет. Тогда преподобный Иоанн стал просить:

— Умоляю тебя, госпожа, чтобы ты распорядилась, по смерти моей, похоронить меня на том месте, где стоит моя палатка. Не позволяй покрывать меня никакими другими одеждами, кроме этих лохмотьев, которые сейчас на мне, так как я не стою более почетного места и лучшей одежды.

После этого он вынул из-за пазухи Евангелие и, подавая ей, сказал:

— Пусть это будет тебе утешением в настоящей жизни и добрым путем в вечность тебе и твоему мужу, моему господину.

Взяв Евангелие, она стала рассматривать его, обращая к себе то той, то другой стороной и думая про себя:

— Как это Евангелие похоже на то, которое господин мой переплел для нашего сына!

И потом пошла и показала его своему мужу. Тот признал его и сказал:

— Это, действительно, то самое Евангелие, которое мы подарили нашему возлюбленному сыну, а не другое, пойдем и спросим: откуда оно у него, и не знает ли он чего-либо о нашем сыне Иоанне.

Родители пришли к нему вдвоем и стали ему говорить:

— Заклинаем тебя Святой и Живоначальной Троицей, — скажи нам, откуда ты взял это Евангелие и где наш сын Иоанн?

Будучи не в силах скрывать более муку своего сердца и удерживаться от слез, он отвечал:

— Я — ваш сын Иоанн, и это — то самое Евангелие, которое вы мне подарили; правда, я виноват в причиненной вам скорби, но подаренное мне вами Евангелие научило меня любить Христа и терпеливо нести Его благое иго.

Услышав это, они припали к его изголовью, обнимали его и в течение долгого времени орошали его обильными слезами. Одновременно их сердце было переполнено и радостью и скорбью: радовались они тому, что нашелся наконец их любимый сын, сокрушались же сердцем оттого, что нашли его в такой нищете и убожестве и что не узнали его, когда он лежал у ворот. Все соседи, друзья и знакомые собрались к ним; слух о возвращении Иоанна прошел по всему городу, и все, прославляя Бога, дивились сему. Между тем преподобный Иоанн предал душу свою в руки Божии[1]. Богу было угодно, чтобы жизнь Иоанна, и при самой его кончине, осталась неоскверненной мирскими почестями и отрешившейся от любви родительской; Господь потому и поспешил взять его к Себе, чтобы он вошел в небесное жилище чуждым мира и мирской дружбы.

Забыв клятву, мать сняла с него ветхое рубище и одела его в драгоценные, золототканые одежды; но неожиданно тотчас же впала в расслабление и опасно занемогла. Евтропий же, отец Иоанна, сказал:

— Мы должны исполнить волю своего сына, так как он не хочет, чтобы его хоронили в таких дорогих одеждах.

С тела преподобного сняли мирские одежды, вновь одели в нищенские лохмотья, и Феодора, мать Иоанна, тотчас же исцелела и стала по-прежнему здоровой. Честные и святые мощи преподобного Иоанна родители его похоронили в той же палатке, в которой он жил. Над гробом его они выстроили потом церковь и большой странноприимный дом, все же свое имущество пожертвовали на содержание странников и пропитание нищих. Вскоре после того они и сами мирно скончались и были погребены в той же церкви, которую устроили над гробом своего сына.

---

[1] Преподобный Иоанн Кущник скончался в начале второй половины V века. При папе Формозе († в 896 году) в Риме построена была в честь преподобного церковь, где находилась часть мощей его. Паломник Антоний в 1200 году видел мощи его у врат двора его в Константинополе. Крестоносцами (1204–1261 гг.) глава его из Константинополя перенесена в Безансон, а мощи его находятся в Риме в церкви его имени, но когда они перенесены сюда из Константинополя — неизвестно.

Такова жизнь святого и преподобного Иоанна Кущника, таковы подвиги и труды, которые он претерпел ради Христа, такова его борьба с диаволом, победив которого он увенчан теперь пречестным небесным венцом в Церкви торжествующих, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПАНСОФИЯ

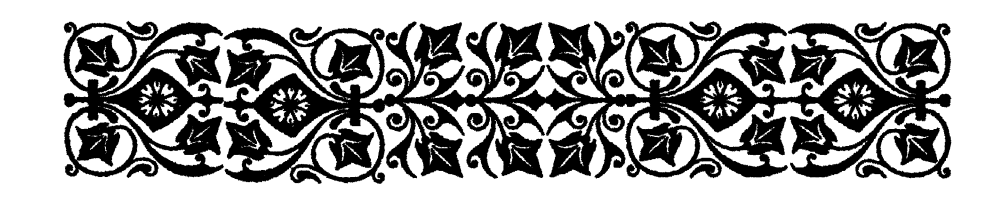
Святой Пансофий был сыном александрийского проконсула[1] Нила. Обладая большим богатством, Нил не жалел средств на воспитание своего сына, и святой Пансофий, при своих прекрасных способностях, получил основательные познания в христианских истинах наряду с широким светским образованием. По смерти отца святой употребил свое богатство на вспомоществование нуждающимся, после чего удалился в пустыню, отвергнув житейские помыслы, чтобы взыскать Господа. Двадцать семь лет прожил он в уединении, возводя ум свой от земных вещей к созерцанию небесного Царствия и пребывая в непрестанной молитве к Богу. Слава о добродетельном житии святого отшельника дошла до александрийского префекта[2], бывшего при императоре Декии — гонителе христиан. Представ на суд префекта, святой Пансофий изобличил лживость языческих учений сказаниями самих же язычников об их богах, с доказательствами, исполненными истинности, проповедал, что Христос есть Бог, и тем посрамил высокомерие мучителя. За это исповедник Христов подвергнут был жестокому бичеванию и, таким образом, воспринял мученический венец[3].

[1] *Проконсулами* назывались лица, управлявшие провинциями Римского государства.

[2] *Префект* — градоначальник.

[3] В III половине века.

День шестнадцатый

ПОКЛОНЕНИЕ ЧЕСТНЫМ ВЕРИГАМ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПЕТРА

Святой апостол Петр по приказанию царя Ирода[1] был ввергнут в темницу и скован двумя железными цепями. Но ночью, когда он спал среди двух воинов, Ангел Господень разбудил его, толкнув в бок, и вывел из темницы, причем железные вериги упали с рук апостола, как повествуется об этом в книге Деяний апостольских (Деян. 12, 1). Весть о чудесном избавлении Петра от оков и темницы разошлась по всему Иерусалиму, — и некоторые из верующих, взяв тайно эти вериги, стали хранить их у себя, чтобы, смотря на них, иметь пред глазами как бы самого первоверховного апостола Петра, который немедленно по выходе из темницы отправился для проповедания слова Божиего в другие страны и не возвращался в Иерусалим. Эти вериги получили от тела апостола, который был крепко ими связан, целебную силу. Известно, что головные повязки и платки святого апостола Павла исцеляли болезни и изгоняли нечистых духов, потому что были пропитаны потом его (Деян. 19, 15); такое же действие оказывали вериги святого Петра, потому что некогда плотно охватывали тело апостола. Верующие с глубоким благоговением чтили эти честные вериги, воздавали им поклонение и тщательно хранили их, как дорогое наследство, из рода в род, причем каждый раз родители — детям, а те — своим наследникам объясняли, какого великого узника касались эти вериги и чьим телом он освящены. Так перешли они по наследству в руки святейшего Иерусалимского патриарха Ювеналия[2]. И когда благоче-

---

[1] Здесь разумеется *Ирод Агриппа I*, внук Ирода Великого, царь иудейский, убивший мечом святого апостола Иакова Зеведеева и хотевший погубить также и апостола Петра; управлял Иудеей в царствование римских императоров Калигулы (37–41 гг.) и Клавдия (41–54 гг.); умер, пораженный Ангелом, от тяжкой болезни вскоре после чудесного освобождения апостола Петра из темницы.

[2] *Святой Ювеналий* — патриарх Иерусалимский с 420 по 450 год.

стивая царица Евдокия, супруга царя Феодосия Младшего[1], возвращалась в Царьград из Иерусалима, — где за время своего пребывания построила много церквей и украсила из своих царских средств святые места, — то патриарх Ювеналий подарил ей за ее благочестие и любовь к святыне немало разных духовных сокровищ. В числе их он подарил ей и эти честные и чудотворные вериги святого апостола Петра[2]. По возвращении в Царьград Евдокия одну веригу принесла в дар храму святого апостола Петра, находившемуся внутри Великого Софийского собора[3], а другую послала в Рим своей дочери Евдокии, которая была замужем за римским царем Валентинианом III[4]. Благочестивая, подобно матери, Евдокия с любовью приняла этот драгоценный дар и, построив на Эксквилийской горе́ храм во имя святого апостола Петра, положила там эту веригу вместе с найденной в Риме другой веригой святого апостола Петра, которой связал его во время мучений Нерон[5]. После того было установлено совершать 16 января праздник поклонения этим честным веригам[6], в память и честь святого апостола Петра и во славу Христа Бога нашего.

---

[1] *Феодосий II Младший* — византийский император, царствовал с 408 по 450 год.

[2] Честные вериги святого апостола Петра хранились в Иерусалиме до 439 года, в котором и получила их от патриарха Ювеналия императрица Евдокия.

[3] Здесь разумеется главный собор в Константинополе во имя Софии — Премудрости Божией, созданный Константином Великим. Впоследствии этот собор был великолепно возобновлен и расширен императором Юстинианом Великим в 537 году; в 1453 году, по взятии Константинополя турками, обращен в мечеть. Юстиниановский храм Святой Софии представляет и поныне замечательнейший, величественнейший памятник христианской архитектуры византийского стиля самой цветущей эпохи его развития.

[4] *Валентиниан III* — римский император; царствовал с 423 по 455 год.

[5] *Нерон* — римский император; царствовал с 54 по 68 год; по его повелению апостол Петр предан был мученической смерти (около 67 года). Вериги, которыми апостол Петр был окован по повелению Нерона, были обретены в Риме во II веке.

[6] Римский праздник вериг существовал в начале II века, при папе Александре (109–119 гг.), в память вериги апостола Петра в римской темнице, которую чтили и лобызали, а после праздник этот обновлен присланною веригою из Иерусалима. Праздник этот совершается в Римской Церкви 1 августа.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
СПЕВСИППА, ЕЛЕВСИППА И МЕЛЕВСИППА,
бабки их ЛЕОНИЛЛЫ
и других с ними

Святой Поликарп, епископ Смирнский[1], ученик святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, желая, по действию Духа Святого, умножить словесное стадо верующих во Христа, послал в различные страны своих учеников, с тем чтобы они безбоязненно проповедовали всюду слово Божие. Узнав, что в Галлии[2] повсеместно происходит гонение на христиан по царскому указу, которым все они приговорены к смерти, святой Поликарп послал туда двух священников Божиих — Андохия и Венигна и третьего — диакона Фирса. Это были истинно добродетельные люди, преданные Богу, усердные в подвигах, с любовью готовые всегда отправиться на благовестнический труд, сушею ли, морем ли, больше жаждавшие, чем боявшиеся мучений и смерти за Христа. Получив приказание от своего епископа, они тотчас же взошли на корабль. Отпуская их, святой епископ Поликарп напутствовал их такими словами:

— Идите, доблестные мужи, и, с благодатной помощью Христа, крепко стойте за Него. Чрез святое исповедание пресвятого имени Христова вы приобретете себе многих сподвижников и, радуясь вместе с ними победе, достигнете славы и вечных почестей. Да умножатся обильные плоды ваших трудов и да возвеличится радость в райских жилищах праведников при виде ваших святых приобретений!

Напутствованные этими и многими другими благословениями святого Поликарпа, они взошли на корабль и скоро, по особому указанию Божиему, прибыли к Массилийским берегам[3]; сойдя на землю,

---

[1] Память святого священномученика Поликарпа, епископа Смирнского, совершается Церковью 23 февраля; скончался мученически в 167 году.

[2] *Галлия* — нынешняя Франция.

[3] *Массилия* — приморский город Южной Галлии с превосходной укрепленной гаванью, один из важнейших центров римской образованности в Южной Галлии; ныне — Марсель, главный город французского департамента «Устьев Роны», первый морской торговый город Франции с числом жителей более трехсот тысяч; лежит между устьем Роны и Тулоном, при восточной бухте Лионского залива, у подножия скалистых отрогов провансальских Альп. Отсюда в древности христианство распространилось по всей Южной Галлии.

они тотчас отправились в путь, и Ангел Божий шел впереди их. Прибыв в город, называвшийся Эдуя[1], они встретили, по Божиему о них промышлению, сенатора Фавста, человека благороднейшего, который с честью и любовью оказал им гостеприимство. Когда он узнал, что гости — пресвитеры, то стал усердно просить их, чтобы они привели ко Христу чрез святое крещение его семейство, родных и знакомых; сам он уже был христианином, только — тайным, по причине гонения на христианство. Он привел к ним и своего сына юношу Симфориана; впоследствии этот юноша, по научению святых, главным же образом — по Божиему предопределению, пострадал за Христа, когда потребовали того обстоятельства. Представив юношу священникам, Фавст умолял святого Венигна крестить его, а святого Андохия — быть ему восприемником, и служители Божии исполнили благочестивое желание отца.

Потом, вспомнив о своей сестре и ее внуках, Фавст сказал:

— У меня есть родная сестра, по имени Леонилла, которая проживает в одном из лингонийских[2] городов. У нее есть три внука — дети ее сына, близнецы по рождению. Они хотя и получили прекрасное образование, но, следуя примеру отцов, остаются в язычестве, поклоняясь идолам. Бабка же их, а моя сестра, желала бы сделать внуков воинами Христовыми и посвятить на служение Ему. Умоляю вас, священники Божии, помогите ей и доведите до конца начатое дело: просветите весь благородный дом.

Услышав это, святые решили разделиться для проповеди: Андохий отправился вместе с Фирсом в Августодонийское селение[3], где после обращения многих в христианскую веру скончался потом мученической смертью. Святого же Венигна Фавст отправил в лингонийский город к своей сестре.

Леонилла, сестра Фавста, встретила святого Венигна, как бы упавшую с неба манну, с великою радостью. Внуки ее в этот день были в селении, называвшемся Пасмасия, для принесения нечистых

---

[1] *Эдуя* — древний город Галлии, на юго-востоке от Парижа, между реками Луарой и Соной.

[2] *Лингоны* — древний кельтический народ, в стране бельгов между Верхней Соной и областью истоков Марны и Сены; столицей их был город Андематун, который здесь и разумеется, ныне — Лангр — город и первоклассная крепость во французском департаменте Верхней Марны.

[3] *Августодон* — главный город эдуев (кельтского народа Галлии): ныне — Отюн в департаменте Луары и Соны.

жертв идолу богини Немезиды[1], причем, возвращаясь домой, они принесли своей бабке остатки жертвенного мяса. Но она, гнушаясь скверными языческими жертвами, выбросила это мясо на съедение собакам, к внукам же обратилась при святом пресвитере Венигне с такими словами:

— Любезные мои внуки! Познайте Господа нашего Иисуса Христа, истинного и живого Бога, Которому воздают должное поклонение Ангелы и все твари, Который Своим словом сотворил весь мир, простер Своим повелением высоту небесную, распространил широту земли, собрал морские бездны и оградил их песком, украсил небо звездами, утвердил на нем два великих светила, чтобы они освещали своими лучами все созданное Им, населил воды рыбами, одел землю деревьями и травою и создал на ней, по Своей воле, всяких животных. Потом Он благоволил создать по образу Своему и подобию человека и украсил его особым даром премудрости, ведения и разума, чтобы он усердно искал Господа — Владыку всех тварей и не обнаруживал непочтения к Нему чрез пренебрежение познанием Его, чтобы познавал добро и научался различать его от зла, чтобы не только не воздавал какого-либо почтения бесчувственным идолам, измышленным диаволом для обольщения людей, но отвергал их, как нечистых, и избегал всякого общения с ними, так как эти идолы появились в мире по коварству диавола, еще в раю прельстившего первого человека. Любезнейшие внуки! Оставьте всех нечистых идолов и твердо уверуйте в Творца всего — Господа нашего Иисуса Христа. Вот, по благодати Божией, к вам прислан из далекой страны этот святой муж, которого вы видите пред собой. Послушайте его, потому что устами его Сам Бог возвещает вам Свои заповеди, и учитесь от него тому, что может содействовать вашему спасению.

Когда блаженная Леонилла, вместе со святым Венигном, увещевала так своих внуков, благодать Божия проникла незримо в их сердца. С удивлением слушали юноши слова своей бабки, смотря друг на друга и размышляя, и потом все в один голос отвечали ей:

---

[1] По верованиям древних греков, Немезида была богиней, которая раздает людям по их заслугам долю, счастье и несчастье, назначает награду или наказание по нравственному суду за совершенные деяния, в особенности же мстит и наказывает зазнающихся людей, смиряет их гордость, назначает тому, кому судьба дала слишком много счастья, потери и несчастье, дабы справедливая мера была снова восстановлена и человек не забывал о своем человеческом жребии.

— Зачем же ты молчала до этих пор пред нами о деле такой большой важности? Зачем в течение столь долгого времени скрывала от нас путь истины и лучезарный свет?

Подняв свой взор и благоговейно воздев руки к небу, Леонилла возблагодарила Бога за то, что внуки ее начинают познавать истину, и с любовью сказала им:

— Сын мой, а вам — отец, который теперь сошел в преисподнюю, не отличаясь ни умом, ни мудростью, настолько был ожесточен сердцем и погружен в мрак нечестия, что не хотел не только веровать во Христа Бога, но даже — произнести Его святого имени. Какую же пользу могло принести слово Божие тому, сердце которого всецело было одержимо злобой неверия, так что, ослепленный идолопоклонством, он и не мог видеть света правды? Только ради него я молчала и не говорила вам о том, что служит к вашей пользе: я боялась, что он своим пагубным влиянием навсегда отклонит вас от правого пути. Но так как теперь, по воле Божией, его уже нет на свете, то исчезли для вас все препятствия. Время настало благоприятное, — откройте и обратите к небу свои телесные очи и сердечные и, с помощью благодати Господа нашего Иисуса Христа, искорените из своих душ всякую склонность к идолопоклонству, чтобы исполниться чрез то непрестанной радости.

Многое и другое говорила юношам блаженная Леонилла вместе со святым пресвитером, и под влиянием их речей юноши вспомнили виденные ими в предыдущую ночь сны, которыми предуказывалось их обращение в Христову веру, и стали рассказывать друг другу.

— Я видел, — сказал старший, Спевсипп, — будто бы припал к груди нашей бабки и сосал переполненные молоком сосцы, она же ласково говорила мне: пей, Спевсипп, спасительное молоко, чтобы, подкрепившись им, ты мог устоять против врагов и получить славную победу.

— А я видел, — сказал Елевсипп, — какого-то мужа, сидящего на небесном престоле и сияющего невыразимою славою, от блеска которой у меня потемнело в глазах, и всего меня охватили ужас и страх. Он же, обратив ко мне свое лучезарное лицо, сказал: не бойся, потому что ты удостоишься получить венец победы!

Третий брат Мелевсипп так стал рассказывать о бывшем ему сновидении:

— Я видел — и сам не знаю, какого — великого Царя, в руках которого был скипетр. Всех нас троих вместе Он принял в Свое войско,

возложив на нас воинские пояса и выкупив нас за дорогую цену из оков плена, предписал нам золотыми словами вечную свободу, причем сказал мне: «Мелевсипп! Я назначил вас, трех братьев, быть Моими приближенными и увенчать вас вечными наградами, потому что ваша бабка непрерывно — и днем и ночью — молится Мне о вашем спасении, чтобы вы были направлены по истинному пути жизни и, избавившись от обольщений злого духа, сподобились увидеть свет истины и вместо смерти наследовать жизнь».

Дивны были эти видения трех братьев, одинаково означавшие их обращение к Богу! Под впечатлением этих видений и под влиянием увещаний Леониллы и пресвитера братья обратились, наконец, к своей блаженной бабке с такими словами:

— Скажи, что нам делать, чтобы ваша проповедь могла привести нас к спасению, освободив от прежних заблуждений?

Святая Леонилла и пресвитер Божий обрадовались и, с благодарностью Господу в душах своих, отвечали:

— Соблюдайте все заповеди Божии, твердо́ веруйте в Царя царей — Христа Бога и, отвергнув нечистых идолов, всецело посвятите себя на служение Создателю своему — Богу.

После этого святой пресвитер Венигн, тщательно научив юношей истинам христианской веры, крестил их и окончательно утвердил в исповедании Христовом, сам же удалился в один из ливионийских[1] городов, где, обратив в короткое время многих ко Христу, скончался мученически.

Трое святых братьев-близнецов немедленно, по своем утверждении в христианской вере, послали своих слуг с приказанием разбить вышеупомянутого идола богини Немезиды, причем и сами уничтожили двенадцать находившихся в их доме истуканов. Тотчас же по всей Лингонийский стране прошла молва о том, что внуки Леониллы, столь знатные по происхождению юноши, уверовали во Христа и уничтожили идолов. Озлобился против них народ, восстали власти, судьи и языческие жрецы воспылали гневом. Собравшиеся со всех сторон начальники начали допрашивать святых юношей:

— Откуда так неожиданно напало на вас безумие? Кто внушил вам отвергнуть почитание богов, которым с давних времен служили ваши

[1] Дивионийская страна находилась на востоке Галлии.

предки? Неужели вы так легко готовы отвергать повеление царя и считать Богом распятого иудеями Христа?

Исполнившись Духа Святого, юноши отвечали:

— О слепые сердцем, объятые вечным мраком, закоснелые в грехах и обреченные на вечные мучения и смерть! Зачем сами, обольщаемые диаволом, склоняете и нас поклоняться камню или какому-либо другому предмету, которому придано подобие человека? Ведь это — изделия человеческих рук: они бездушны, бесчувственны и ничтожны, — и однако же вы почитаете их, по своему безумию, за богов. Наш же Господь Иисус Христос есть Бог живой, равносущный, по учению нашей веры, другим Лицам Пресвятой Троицы — Отцу и Святому Духу, Бог от Бога, Свет от Света, Сияние от Сияния, Который всегда был, есть и будет, Творец всего, что в мире.

Такие слова святых братьев привели язычников в большую ярость, особенно — их жрецов и начальников. Один из них, по имени Квадрат, не стерпел и ударил по щекам Спевсиппа и Елевсиппа, потому что только эти двое юношей говорили против язычников. Мелевсипп же, видя причиняемые братьям побои, воскликнул:

— Зачем и меня не бьешь, как братьев? Зачем лишаешь меня такого благодеяния? Вот они уже начали переносить страдания, которых мы все так желаем, мне же не даешь потерпеть святого страдания, как будто бы считаешь меня неверующим во Христа и своим единомышленником. Мы все одинаково твердо веруем в Христа, одинаково презираем ваше языческое нечестие и надеемся получить от Христа одинаковую награду.

— За бесчестье нашим богам, — сказал Квадрат, — мы подвергнем теперь вас различным мучениям.

Елевсипп отвечал:

— Чем больше приготовите нам мучений, тем больше укрепите нас в благодати Божией.

— Если не вырежете им языков с корнем, — сказал другой нечестивый начальник Палмат, — они не перестанут бесчестить нас и наших богов.

Спевсипп отвечал:

— Если вы отрежете нам по своей жестокости телесные языки, то мы внутренними языками своих душ будем прославлять величие Божие, и ваша злоба никогда не заставит нас отречься от святой веры во Христа.

— Окаянные! — воскликнули Палмат и третий начальник Гермоген. — Вы все вместе готовите себя к смертной казни.

— Умирать за Христа, — отвечал Спевсипп, — мы считаем за счастье для себя, потому что таким образом мы скорее перейдем в вечную жизнь, где нет никакой скорби, но одна лишь непрестанная радость.

Тогда лингонийские судьи, Палмат, Квадрат и Гермоген, видя непоколебимую твердость святых юношей в христианской вере, стали совещаться между собой, каким бы самым жестоким мучениям, на страх прочим, предать их и какою бы наиболее лютою казнью умертвить их. Первоначально они решили, впрочем, позвать к себе всеми уважаемую Леониллу, чтобы попытаться чрез ее посредство отклонить юношей от христианской веры и снова обратить их в язычество.

Они сказали ей:

— Если хочешь избавить своих внуков от мучений и спасти от смерти, то ступай и убеди их снова соорудить разбитых ими богов, поклониться и принести им приличные жертвы.

На эти и другие подобные увещания судей Леонилла отвечала:

— Пойду и постараюсь убедить их позаботиться о своем спасении.

Когда она пришла к своим святым внукам и узнала об их твердости в святой вере, то очень обрадовалась. Она с любовью целовала каждого из них, плача от радости и благодаря Христа Бога, и после долгой молитвы Ему сказала внукам:

— Не было в вашем роду ни одного человека благороднее, богаче, лучше, угоднее Богу, — чем вы; исповеданием веры Христовой вы просвещаете весь свой род, и хотя вы молоды, однако же превзошли мудростью всех старших из своего рода. Сделавшись воинами Христовыми, вы приобрели себе огромное и бесценное сокровище. Будьте же непреклонны и тверды в святом Христовом законе и, вооружившись верою во Христа, не бойтесь угроз и мучений. Видимые царства этого мира, вместе со всей настоящей жизнью, ничтожны, и их ожидает скорый конец. Невидимое же Царство Божие вечно, и его желать, к нему стремиться — свойственно истинной мудрости; за кратковременные подвиги вы можете получить его и чрез скоропреходящие страдания можете войти в обладание вечными радостями.

Видя юношей исполненными благодати Божией и твердыми в вере, она с этими словами поручила их Христу и, успокоенная, ушла.

Вскоре затем судьи позвали святых и спросили, — согласны ли они поклониться богам и громко заявить о том пред всем собравшимся народом. Но юноши открыто пред всеми исповедали свою веру в Единого истинного Бога и свою полную готовность пойти из любви к Нему на всякие истязания и смерть, и вместе с тем отреклись от ложных и ничтожных языческих богов. Тогда святых братьев связали по рукам и ногам, повесили на одном дереве и растянули, подобно струнам на гуслях, так крепко, что кости в их телах стали выходить из суставов. Но, подкрепляемые благодатной силой Христовой, они терпеливо сносили ужасные страдания и смеялись над своими мучителями — судьями.

Святой Мелевсипп говорил им:

— Господь и Спаситель наш Иисус Христос был пригвожден для искупления наших грехов к кресту, от какового святого дерева мы получили в помощь и защиту себе крестное знамение. Мы же, три раба Его, вися на одном этом дереве, делаемся мучениками за имя Его. Счастлив плод того дерева, которое держит трех мучеников, принесенных в жертву Пресвятой Троице.

Судьи, видя, что святые юноши не только не ослабевают духом среди мучений, но как бы еще более укрепляются, сказали им:

— Вы умрете не на этом дереве, как вам хочется, но погибнете в огне.

— Еще больше будет наше блаженство, — отвечал снова Мелевсипп, — если мы предстанем Богу после того, как очистимся огнем и чрез пламень огня перейдем из тьмы к вечному свету.

Тогда судьи приказали набрать дров, хворосту и других легко воспламеняемых предметов и разожгли огромный костер, в который и бросили связанными трех святых братьев. Но святые, с помощью Спасителя своего — Христа, оставались среди огня невредимыми; веревки, которыми они были связаны, перегорели и распались, и они, подобно трем древним Вавилонским отрокам, ходили среди пламени и славословили Бога. Нечестивцы стали сильнее разжигать огонь, желая сжечь Христовых рабов; но чем более усиливался огонь, тем очевиднее становилась слава святых, и когда, наконец, спустя долгое время, огонь погас, то оказалось, что святые живы, невредимы и даже

нисколько не опалены. Они лишь смеялись над мучителями и говорили:

— Нам дана власть перейти ко Христу Богу нашему только тогда, когда захотим мы сами; но мы решили еще посмеяться в этой жизни над вашим безумием, хотя все-таки и не замедлим явиться на небесный пир.

Наконец трое святых братьев-близнецов, видя пред собою сонмы святых Ангелов, готовых сопровождать души их в Царство небесное, склонили на землю свои колена и, помолившись все вместе, предали Богу свои святые души. Честные тела их были погребены на расстоянии двух поприщ[1] от города, в селении, по имени Урват, где впоследствии был выстроен в честь их храм, причем там совершались чудеса и больные получали исцеления.

По смерти святых мучеников одна женщина, по имени Иовилла, воспламенившись Божественною ревностью и пренебрегая мужем и своим единственным малолетним сыном, воскликнула среди неверующих язычников:

— И я — раба Христова, и я непоколебимо исповедую Христа, Бога живого и истинного, нечистых же и ничтожных идолов ваших отвергаю.

Ее тотчас же схватили, повесили за волосы и стали предавать всевозможным мучениям. Когда она, несмотря на то, не захотела отречься от Христа, ее привели вместе со святой Леониллой, бабкой святых юношей, в вышеупомянутое селение Урват и там усекли их обеих мечом. Некто Неон, бывший свидетелем подвигов святых и описавший их страдания, вручил свою рукопись Турвону, а сам открыто исповедал веру в Христа и был бит до тех пор, пока не скончался мученически, предав Господу свою душу. И сам Турвон, подражая примеру святых страдальцев, перешел чрез мученическую смерть в вечную жизнь.

Все это происходило в шестнадцатый день месяца января в царствование Аврелия Вера, иначе — Антонина[2], точнее же — когда царствовал над миром Господь наш Иисус Христос, Которому с Отцом и Святым Духом честь и слава и ныне и всегда и во веки веков, аминь.

---

[1] *Поприще* — мера расстояний: оно равнялось нашим 690 саженям. Два поприща, таким образом, составляли 1380 саженей (немного более 2,5 верст).

[2] *Марк Аврелий* (иначе — *Антонин*) — римский император, царствовал с 161 по 180 год.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ДАНАКТА ЧТЕЦА

Святой мученик Данакт был родом из Иллирии, из города Авлона[1], и состоял чтецом церковным. Во время нашествия язычников он взял церковные сосуды, чтобы спрятать их от неверных, но в одном месте был захвачен ими. Язычники понуждали его принести жертву их богу Дионису[2]. Но святой Данакт не повиновался им и претерпел мученическую кончину[3], пронзенный мечом.

---

[1] *Иллирия* — область Римской империи, занимавшая собою все восточное побережье Адриатического моря с лежащими за ним местностями (нынешняя Далмация, Босния и Албания). — *Авлон* — город в Иллирии, при Адриатическом море.

[2] *Дионис*, иначе *Вакх*, — греко-римский бог винограда и виноделия, даром вина радующий сердца людей и разгоняющий печаль и заботы. Вначале скромные торжества в честь его приняли впоследствии необузданный характер и сопровождались дикими оргиями, буйным пьянством и развратом, и сам Дионисий, или Вакх, стал олицетворять собою божество пьянства.

[3] Мученическая кончина святого Данакта последовала во II веке.

День семнадцатый

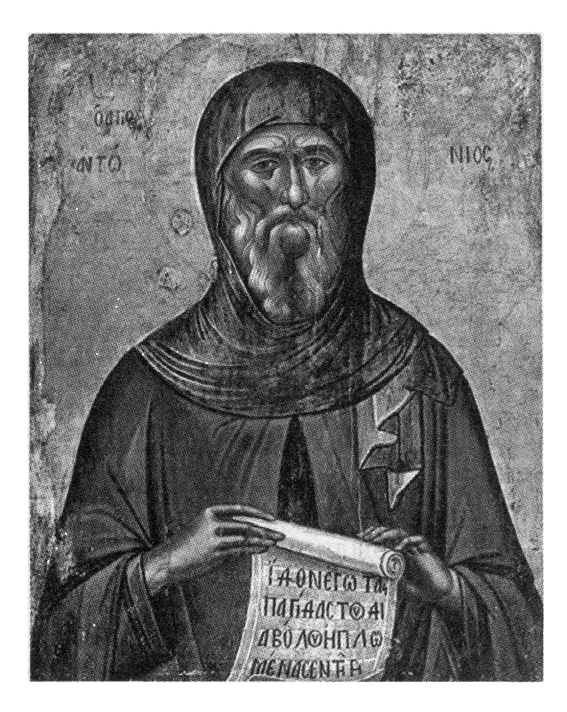
ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО

Преподобный Антоний был родом из Египта[1]. Родители его были люди благородные и известные своим христианским благочестием; своего сына они воспитали так, чтобы он не знал никого другого, кроме них и своего дома. Придя в отроческий возраст, он не спешил ни приниматься за науки, ни сближаться с другими отроками, но, оставаясь в своем доме, хранил чистоту сердца и стремился к преуспеянию в благочестии. Не предаваясь забавам отроческого возраста, Антоний любил ходить вместе с родителями в храм Божий и, слушая там чтения из божественных книг, старался извлекать отсюда всю возможную для себя пользу и жить именно так, как они учили. Он не просил у старших сладкой пищи, как это свойственно детям, и вообще не обращал на пищу много внимания, довольствуясь всегда тем, что ему давали.

Родители преподобного Антония умерли, когда ему было около двадцати лет. Оставшись после них с малолетнею сестрою, он первоначально заботился о доме и о должном воспитании сестры. Часто, по своему обыкновению, посещая храм, он слышал из читаемых там божественных книг, как апостолы, оставив все, последовали за Спасителем, и как, по свидетельству книги Деяний апостольских, многие из христиан продавали свое имущество и полагали цену проданного к

---

[1] Родным селением преподобного Антония была деревня Кома, находившаяся на северной границе Фиваиды (южной области Египта), в Гераклеопольской области. — Антоний родился в 251 году. Родители его были коптские христиане.

ногам апостолов для раздачи нуждающимся (Деян. 4, 44). Антоний размышлял о том, как тверда была вера этих людей и какая великая награда уготована им на небесах. С такими мыслями он приходит однажды в храм и здесь вдруг снова слышит слова Христа, сказанные к богатому юноше: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Антоний принял это за напоминание свыше, — как бы Христос сказал эти слова лично ему самому, — и тотчас по выходе из храма продал свое имущество, а вырученные чрез продажу большие деньги роздал нищим, оставив лишь незначительную часть их для своей слабой и малолетней сестры. У него было триста очень хороших и обильных плодами финиковых пальм, и он подарил их соседям, чтобы освободить и себя и сестру от всяких забот о них.

Когда вскоре после этого он вновь пришел в храм и услышал слова Господа в Евангелии: *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34), то тотчас же вышел вон и роздал нуждающимся и остальную часть имущества. Не желая более проживать в своем дому, он поручил сестру верным и известным ему девственницам[1], посвятившим себя на служение Жениху — Христу, чтобы она воспитывалась среди них примером их жизни, сам же начал вести суровую и строгую подвижническую жизнь.

---

[1] В древней Церкви, до появления женских иноческих обителей и в первое время по их появлении, существовал особый класс дев, посвящавших себя всецело служению Богу и дававших обет девства. Такие лица назывались девственницами, и они пользовались в Церкви большим уважением и считались ее украшением. Они собирались для подвигов безмолвия, Богомыслия и молитвы в частных домах под руководством опытных в духовной жизни стариц-наставниц. Весьма часто Церковь поручала их руководству и надзору наиболее уважаемых из диаконис.

В то время в Египте было еще мало монастырей и пустынножительство было еще не распространено; но всякий, кто желал служить Христу и спасаться, упражнялся в добродетели, уединившись где-либо вблизи своего селения. В то время в недальнем расстоянии от селения Антония проживал один старец, который с молодых лет предавался в уединении иноческим подвигам. Повидавшись с ним и получив для души пользу от этого, Антоний начал подражать ему и также искать уединения в различных местах поблизости от своего селения. Если и после этого ему доводилось слышать о каком-либо отшельнике, он, подобно благоразумной пчеле, отправлялся искать его и не возвращался назад, пока не находил отыскиваемого и чрез свидание и беседу с ним не извлекал, подобно тому как пчела извлекает мед, — некоторой пользы для себя.

Таковы были первые подвиги блаженного, преуспевая в которых он все более и более укреплял свои помыслы в добром направлении. Вместе с этим он снискивал себе пропитание трудом своих рук, помня слова Писания: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3, 10). На вырученные от продажи своих изделий деньги он покупал хлеб и питал голодных; его душа была в постоянном молитвенном общении с Богом, так как он знал из Писания, что молиться нужно непрестанно (1 Фес. 5, 17). Чтение Священного Писания он выслушивал с таким глубоким вниманием, что не забывал из читаемого решительно ничего, и, при строгом соблюдении всех заповедей Господних, память стала заменять ему сами священные книги. Так жил Антоний, и его любили все братия, к которым он приходил, чтобы получить от них душевную пользу и, пребывая в подчинении у них, поучиться от них добродетели, — какою кто преимущественно отличался: одному он старался подражать в воздержании, другому — в бодрости, тому — в кротости, другому — в неусыпности, иному — во внимательности к читаемому; у одного он учился подвигам поста, у другого дивился лежанию на голой земле, прославлял смирение одного, терпение другого. Приобретя общую всех их любовь и от всех получив для себя пользу, он возвращался к себе в келью и там, размышляя о всем виденном, старался усвоить и совместить в себе добродетели всех, направляя свои усилия к тому, чтобы ни в одной из упомянутых добродетелей не оказаться самым последним. Поступая так, он, хотя и начал всех превосходить славою, однако же продолжал пользоваться общей любовью: соседи и иноки, которых он часто на-

вещал, видя такую жизнь Антония, называли его боголюбивым и любили одни — как сына, другие — как брата.

Когда Антоний так преуспевал и укреплялся в добре, враг христианского имени — диавол, будучи не в силах видеть такие добродетели в юноше, восстал против него со своим древним коварством и начал пытаться отклонить его чрез обольщение от добрых намерений и совратить с правого пути. Он приводил ему на память мысль о проданном и розданном имуществе, о необеспеченности сестры, о величии рода, о суетной мирской славе, об удовольствии, какое можно получить от различной пищи и прочих прелестях мирской жизни. Одновременно он представлял Антонию мысленно трудный путь и тяжелый конец добродетели, и немощь тела и продолжительность времени подвига; этими и многими другими помыслами искуситель старался омрачить его ум и развратить сердце. Когда же диавол увидел себя побежденным Антонием чрез молитвы его к Богу, терпение и веру, то обратился к обычным в юношеском возрасте искушениям: начал смущать его ночными мечтаниями, страхом и привидениями, шумом, голосами и воплями среди ночи, днем же — и открытыми нападениями. Антоний твердо противился диаволу: тот влагал ему нечистые помыслы, Антоний же прогонял их непрерывною молитвою; тот стремился привести его чувства в услаждение естественным раздражением и волнением похоти, а этот ограждал свое тело верою, бодрствованием и постом; диавол принимал ночью образ прекрасной женщины и всячески пытался возбудить в Антонии страсть, но тот погашал ее мыслью о гееннском неугасающем огне и неумирающем черве; диавол склонял юного Антония ступить на путь скользкий и близкий к падению, а он, приводя себе на мысль вечные мучения после страшного суда, нерушимо соблюдал среди искушений чистоту души. Все это послужило лишь к посрамлению диавола: окаянный, возмечтавший быть подобным Богу, был теперь пристыжен юношей; восстающий против плоти и крови был побеждаем человеком, имеющим плоть, потому что Своему рабу содействовал Господь, принявшим ради нас плоть и даровавший чрез то плоти силу побеждать врага, чтобы все, искушаемые, таким образом, один за другим, могли — каждый повторять слова апостола: *не я, а благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10).

Злобный змей убедился, наконец, что он не в силах победить Антония такими своими коварными искушениями, и, видя себя всегда

только прогоняемым, бессильно скрежетал зубами. Потом он явился ему видимо — в образе черного и страшного отрока, который с плачем так говорил человеческим голосом:

— Многих я ввел в искушение, многих обольстил, но теперь как другими святыми, так и тобой чрез твои подвиги побежден.

В самом деле коварный искуситель говорил это, рассчитывая привести смиренного юношу к высокому мнению о себе.

— Кто ты, что так говоришь о себе? — спросил его блаженный Антоний.

— Я соблазнитель на блуд, — отвечал диавол, — многоразличными хитростями я стараюсь склонить на этот грех всех юношей, почему и называюсь духом блуда. Скольких уже людей, давших обет целомудрия, я склонил к такому греху! Скольких, уже начавших жить воздержно, мне удалось возвратить к прежней нечистой жизни! Я — тот, за кого и пророк Осия укоряет падших, говоря: *дух блуда ввел их в заблуждение* (Ос. 4, 12), и действительно, они были обольщены мною; я же часто искушал и тебя самого, но всякий раз был прогоняем тобою.

Антоний, когда услышал это, то возблагодарил Господа и с еще большею, чем прежде, безбоязненностью сказал врагу:

— Во многом ты посрамлен, во многом пристыжен, почему и чернота твоя и принятый тобою образ отрока суть не иное что, как лишь знаки твоего бессилия. Теперь я уже и не опасаюсь более тебя: *Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих* (Пс. 117, 7).

От этих слов Антония привидение тотчас бесследно исчезло. Такова была первая победа Антония над диаволом, одержанная с помощью благодатной силы Христовой. Однако же ни Антоний не пришел в нерадение о себе после этой одной победы, ни у диавола после одного поражения не ослабели еще силы, потому что он *ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8). Антоний, помня из Писания, что много бывает козней диавольских, неослабно упражнялся в тяжелых подвигах, рассуждая, что если сатана и был побежден, когда искушал плотскою похотью, то он может подвергнуть каким-либо еще более тяжелым и опасным искушениям. Поэтому Антоний все более и более изнурял и порабощал себе свое тело, чтобы, победив в одном, не дать над собою победы в другом. Приучая себя постепенно к еще более суровой жизни, многие чрезвычайные подвиги служения Богу он сделал привычными для себя, привычки же обратил как бы в природу: каждый день он постился до захода солнца и все ночи проводил

в молитве; иногда он вкушал пищу только через два дня и лишь на четвертую ночь несколько забывался сном. Пищу его составляли хлеб и соль при небольшом количестве воды, постелью служила рогожа или власяница, а иногда — и голая земля. Масла он вовсе не употреблял в пищу, о мясе же и вине не нужно и говорить, так как их не употребляют и менее усердные монахи. Блаженный говорил, что юношескому телу и невозможно победить врага, если оно будет размягчаемо сладостью масла, и что нужно налагать на тело возможно более тяжелые подвиги, чтобы с ослаблением его делался сильнее дух, по слову апостола: *когда я немощен, тогда силен* (2 Кор. 12, 10). Принимая на себя каждый день все новые и новые подвиги, он вспоминал пророка Илию, который говорил: *жив Господь (днесь), пред Которым я стою* (3 Цар. 18, 15)[1]. И он так рассуждал сам с собою:

— Не напрасно прибавлено здесь в Писании это слово *днесь,* ибо Илия не считал подвигов минувшего времени, но как бы каждый день вновь принимался за подвиги, всеми силами стараясь предстать пред очами Божиими таким, каковым, по его мнению, должен быть человек, достойный лицезрения Божия, то есть — чистым сердцем и готовым исполнять волю Божию.

Он думал и о том еще, что каждый подвижник должен подражать великому Илии и, имея пред собой его образ, изучать по нему, — как пред зеркалом, — свою жизнь. Поэтому он отправился к находившимся недалеко от селения гробницам, упросив прежде одного из знакомых, чтобы он приносил ему в известные дни пищу. Тот запер его в одной из таких гробниц и там, в уединении, блаженный предавался безмолвию. При виде этого диавол стал опасаться, что Антоний со временем вооружится против него пустынническим подвижничеством: собрав демонов, он, по попущению Божиему, подверг его таким ужасным побоям, что блаженный лежал после недвижимым и безгласным, о чем впоследствии он сам много раз рассказывал; причиненные ему мучения превосходили всякие человеческие страдания. Но, по милосердию Господа Бога, никогда не оставляющего надеющихся на Него, Антоний не умер. Спустя несколько дней к Антонию пришел упомянутый ранее знакомый его, неся обычную пищу. Открыв двери и увидя его замертво лежащим на земле, он поднял его и принес в свое селение.

[1] Вышеприведенные слова Писания принадлежат святому пророку Божиему Илии Фесвитянину.

Когда разнесся слух об этом, к Антонию собрались соседи и сродники и с великою скорбью стали совершать над ним, как над умершим уже, заупокойную службу. Но в полночь, когда все крепко заснули от утомления, Антоний стал приходить понемногу в себя; вздохнув и приподняв голову, он заметил, что не спит лишь тот, кто принес его сюда. Подозвав его к себе, он стал просить его, чтобы тот, не будя никого, отнес его на прежнее место, что и было исполнено, и Антоний снова стал жить в уединении. Не имея сил, по причине ран, стоять на ногах, он молился, лежа ниц, и после молитвы громко воскликнул:

— Бесы! Вот я, Антоний, здесь. Не избегаю я борьбы с вами; знайте, что если сделаете что-либо и большее прежнего, ничто не может отлучить меня от любви ко Христу.

Блаженный пел при этом:

— *Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3).

Тогда ненавистник добра — диавол, удивляясь, что Антоний осмелился возвратиться сюда после таких побоев, сзывает своих бесов и с яростью говорит им:

— Видите, — нам не удалось победить его ни духом блудодеяния, ни телесными ранами, — после того и другого он лишь с еще большей смелостью глумится над нами; вооружитесь же каждый на еще более сильную и упорную борьбу с ним, чтобы он почувствовал, кому сделал вызов.

И тотчас после этого все множество бесов пришло в неистовое движение, потому что у диавола есть много способов борьбы с людьми. Вдруг раздался такой гром, что место это поколебалось в самом основании, и стены распались; и тотчас сюда ворвалось и заполнило жилище Антония множество демонов, явившихся в виде призраков львов, волков, аспидов[1], змей, скорпионов[2], рысей и медведей, и каждый из этих призраков обнаруживал свою ярость соответственным его виду способом: лев рыкал, готовясь поглотить Антония, буйвол устрашал своим ревом и рогами, с шипением извивалась змея, стремительно бросались волки, рысь по своему изловчалась к нападению; все эти призраки были крайне страшны по своему внешнему виду, а производимый их ревом шум был прямо ужасен. Антоний, поража-

---

[1] *Аспид* — род ядовитой змеи.

[2] Ядовитое животное из семейства рако-паукообразных с жалом на конце хвоста; водится в жарких странах и живет в сырых местах, между камнями в трещинах стен, в подвалах и т. п.

емый и терзаемый ими, переносил мучительнейшие страдания, но не впал в страх и сохранил бодрость и ясность ума. Хотя телесные раны и причиняли ему боль, но, оставаясь непоколебимым в душе, он как бы глумился над врагами и говорил:

— Если бы у вас было сколько-нибудь силы, то для борьбы со мной достаточно было бы и одного из вас, — но так как Господь отнял у вас силу, то вы и пытаетесь устрашить своею многочисленностью; уже одно то служит очевидным знаком вашей слабости, что вы приняли на себя образы неразумных животных.

И снова он мужественно продолжал говорить им:

— Если, по попущению Божиему, вы имеете силу напасть и поглотить меня, то вот я, — чего медлите? А если вам не дано такой силы надо мной, — то зачем понапрасну и трудиться? Знамение креста и вера в Бога служат для нас неодолимой стеной отражения.

Так демоны после многих покушений и напрасных стараний устрашить блаженного Антония лишь скрежетали своими зубами, потому что не только ни один из них не имел никакого успеха, но, напротив, сами были побеждаемы и посрамляемы им.

Милосердый Господь Иисус, покровительствуя Своему рабу, не оставил его во время такой тяжкой борьбы с демонами. Подняв кверху свой взор, Антоний увидел, что свод гробницы раскрылся над ним и к нему нисходит, рассеивая тьму, светлый луч. С появлением света, демонов не осталось ни одного, телесная боль мгновенно утихла, гробница же, которая распалась при появлении демонов, снова оказалась невредимою. Уразумев в этом посещение Господне и глубоко, от сердца, вздохнув, блаженный воскликнул с лицом, обращенным к озарявшему его свету:

— Где был Ты, милосердый Иисусе? Где был Ты и почему с самого начала не явился исцелить мои раны?

И был к нему голос:

— Антоний! Я был здесь, но ждал, желая видеть твое мужество; теперь же, после того как ты твердо выдержал борьбу, Я буду всегда помогать тебе и прославлю тебя во всем мире.

Услышав это, Антоний встал и почувствовал себя настолько крепким, что, как казалось ему, он получил вновь силы много больше, чем сколько потратил в борьбе. Блаженному Антонию было тогда тридцать пять лет.

После этого Антоний пошел к вышеупомянутому старцу, у которого он искал руководства в самом начале, и стал упрашивать его

пойти и поселиться вместе с ним в пустыне в каком-либо малодоступном месте. Когда старец отказался — и по причине старости, и по причине новизны такого образа подвижничества[1], — Антоний бесстрашно отправился один в далекий путь к неизвестной среди монахов горе в пустыне. Но враг, не прекращая искушать его и желая воспрепятствовать исполнению его намерения, бросил на пути его серебряное блюдо, — чтобы искусить его сребролюбием. Увидев блюдо, Антоний понял коварство врага и приостановился несколько в размышлении. Смотря в сторону — на блюдо, он стал обличать скрывающегося в призраке серебра обольстителя и так говорить в себе:

— Откуда быть этому блюду в пустыне? Это лишь путь для зверей и птиц, здесь нет даже ни одного человеческого следа; к тому же, если бы оно упало из мешка, то, по причине его больших размеров, это не могло бы остаться незамеченным для обронившего, и он, во всяком случае, возвратился бы и, поискав на пройденном пути, нашел бы утерянную вещь, так как место здесь пустынное. Это твоя, диавол, хитрость, но не воспрепятствуешь этим моему намерению: *серебро твое да будет в погибель с тобою* (Деян. 8, 20).

И лишь только он проговорил это, блюдо мгновенно исчезло, как рассеивается дым от огня.

В другой раз после этого он увидел золото, в большом количестве лежавшее на его дороге. Он быстро перепрыгнул через него, как через какой-нибудь огонь, и поспешил в пустыню. Перейдя там реку, он нашел в горе какое-то пустое огороженное место, которое, по причине давнего запустения, было полно разного рода ядовитых гадов и змей. Антоний поселился здесь[2], и все множество скорпионов, как бы гонимое кем, тотчас же разбежалось. Он заложил камнями вход; принеся с собою хлеба на шесть месяцев, — поскольку запасать его было в обычае у фивян, у которых он нередко не портился в течение целого года, — и имея внутри ограды немного воды, он стал там жить в полном уединении, отшельником, никогда сам не выходя вон и к себе никого не принимая. Лишь два раза в год он принимал через кровлю хлеб, приносимый ему другом, которого он ранее просил об этом; но с приносившим он не говорил ни слова.

---

[1] До преподобного Антония Великого и его современника, преподобного Павла Фивейского, среди христиан совсем был неизвестен такой вид подвижничества — отшельничество.

[2] Это было в 285 году.

Когда многие, желая видеть Антония, чтобы получить от него душевную пользу, приходили к дверям его жилища, то слышали различные обращенные против Антония голоса нечистых духов, которые кричали:

— Зачем ты пришел в наши владения? Какое тебе дело до этой пустыни? Ступай прочь из чужих пределов, тебе не под силу жить здесь и переносить наши нападения!

В такой непрерывной борьбе с бесами и в таком уединении вдали от людей преподобный Антоний прожил целых двадцать лет.

Когда же наступило время потрудиться не для своего только спасения, но и на пользу другим, к жилищу Антония собралось много лиц, желавших подражать его подвижнической жизни, и они насильно разломали вход в его жилище. Увидев, что лицо у него светло и телом он здоров, они удивлялись, как после таких постов и подвигов и после такой борьбы с бесами он не изменился ни лицом, ни телом. С этого времени преподобный сделался и для других наставником, пастырем, учителем подвижнической жизни и вождем на пути к небу. Бог до такой степени помогал ему, что впоследствии у него явилось бесчисленное множество учеников, которых он склонил к отречению от мира и от самих себя. В течение непродолжительного времени образовалось множество монастырей, в которых он с любовью руководил в подвижнической жизни иноков новых и старых — и по возрасту, и по времени такой жизни. Однажды братия, собравшись, стали просить его, чтобы он дал им устав иноческой жизни. Возвысив голос, он отвечал:

— Для научения исполнению заповедей Божиих совершенно достаточно и Божественных Писаний; однако нельзя не считать делом весьма добрым и хорошим, если братия взаимно утешают друг друга словами. Поэтому открывайте мне, как дети отцу, то, что знаете, я же, как детям, буду сообщать вам то, что узнал из продолжительного опыта. Прежде всего пусть у всех вас будет общим правилом, — чтобы никто не ослабевал в подвиге, который он предпринял на себя, но каждый пусть всегда стремится, как лишь начинающий, умножать и увеличивать начатое.

Продолжая свою речь, Антоний сообщил им много полезных наставлений, как это видно из беседы его, подробно излагаемой в составленном Афанасием Великим житии Антония. Из этой беседы здесь будет приведено лишь важнейшее. О жизни вечной святой Антоний так говорил:

— В этой настоящей жизни цена покупаемой вещи бывает равна тому, чего она стоит, и не более того получает продавец. Но обетование вечной жизни приобретается за слишком малую цену: оно подается нам за жизнь кратковременную, о которой написано: *Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь* (Пс. 89, 10). Если бы мы даже прожили, трудясь на служении Богу, восемьдесят или сто лет, все же в будущей жизни нам предстоит царствовать не какое-либо ограниченное время, но за вышеупомянутое количество лет воцаримся на веки веков, притом — не землю получим в обладание, но небо, сложив с себя тленную плоть, получим ее же вновь в нетлении. Итак, дети мои, не предавайтесь скорби, потому что *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

Об оставляющих мир и склонных преувеличивать значение своего подвига он говорил:

— Пусть никто из отрекшихся от мира не думает о себе, что он оставил нечто великое, потому что, по сравнению с небесными благами, вся земля ничтожна и мала. Если же весь мир в совокупности не стоит небесных обителей, то пусть каждый подумает и поймет, что, отрекшись от нескольких виноградников, или нив и домов, или от ничтожного количества золота, он не может — ни говорить, что оставил великое, ни скорбеть, что награду получит незначительную. Подобно тому, кто отказывается от малой медной монеты для приобретения ста золотых монет, — отрекающийся от всего мира, если бы он весь был в его власти, все же в небесном Царстве, получил бы во сто крат большую награду.

О призрачности земных благ и великой пользе добродетелей преподобный сказал следующее:

— Особенно твердо мы должны помнить то, что если бы кто и не захотел расставаться с своими богатствами, все же смерть насильно разлучит его с ними. Если так, то почему же нам самим не сделать того же для добродетели? Почему ради небесного Царства не отказаться добровольно от своего имущества, которое все равно потеряем в конце этой жизни? Пусть же христиане не заботятся о том, чего, умирая, не могут взять с собой. Будем, лучше, всеми силами души стремиться к приобретению того, что возводить нас, по смерти, на небо, как то: премудрости, целомудрия, справедливости, добродетель-

ной жизни, рассудительности, нищелюбия, твердой веры в Христа, негневливости, страннолриимства. Стремясь к этому, мы и на земле будем проводить жизнь беспечальную[1].

О ревностном и непрестанном служении Христу Богу святой Антоний говорил так:

— Не следует нам забывать, что мы — рабы Христа и должны служить Ему, своему Творцу. Раб не может отказываться от исполнения приказаний, относящихся к настоящему или будущему времени, под тем предлогом, что он работал уже в прежнее время, и не посмеет сказать, что, утомившись на прежней работе, теперь должен быть свободен, — напротив, каждый день с одинаковым усердием исполняет все то же дело, чтобы и господину своему угодить, и самому не подвергнуться за леность побоям и наказанию. Подобным образом и мы должны всегда ревностно исполнять заповеди Божии, твердо помня, что Господь — праведный мздовоздаятель и что в каком грехе смерть застигнет человека, за тот он и будет осужден. Об этом Он с ясностью свидетельствует и чрез слова пророка Иезекииля: *он умрет от неправды своей, какую сделал* (Иез. 33, 13). Вот почему и окаянный Иуда в одну ночь за совершенное им злодеяние потерял плоды своих трудов в течение всего прежнего времени. Поэтому мы должны всегда с одинаковым усердием стараться исполнять заповеди Господни, и Сам Бог будет при этом помогать нам, как написано: *любящим Бога все содействует ко благу* (Рим. 8, 28).

А чтобы не предаваться лености, Антоний убеждал помнить всегда о смерти и приводил слова апостола, который так говорил о том, что он ежедневно умирает: *мы ежечасно подвергаемся бедствиям. Я каждый день умираю* (1 Кор. 15, 30).

— Поэтому, — продолжал Антоний, — и мы, люди, будем стараться жить праведно и, размышляя о смертном часе, не грешить. Вставая от сна, не будем надеяться дожить до вечера, и, отходя ко сну, будем помнить, что, быть может, не доживем до утра; не будем забывать, что мера нашей жизни нам неизвестна, и что мы всецело во власти Божией. А проводя так каждый день, мы не будем ни грешить, ни обольщаться какими-либо пагубными пожеланиями, ни гневаться

---

[1] В полном жизнеописании Антония Великого, составленном святым Афанасием Александрийским, это последнее выражение передается согласнее с общим ходом мыслей, именно так: «Эти приобретения уготовят нам пристанище на земле *кротких* (то есть на небе) прежде, нежели придем туда».

друг на друга, ни собирать себе земных богатств, но, как ежеминутно ожидающие смерти, пренебрежем всем тленным: потеряет для нас всякое значение женская любовь, погаснет огонь похотливости, будем мы тогда прощать друг другу грехи, держа всегда пред своими мысленными очами день страшного суда; страх пред этим судом и трепет при мысли о вечных адских мучениях заранее будут устранять приятность телесного удовольствия и удерживать душу от впадения в греховную пропасть.

О Царствии Божием Антоний говорил еще:

— Эллины, ища мудрости, едут за море и о пустых учениях расспрашивают чужеземных учителей; нам же вовсе не нужно переходить из одной чужой страны в другую или переплывать, ища Царства небесного, море, так как Самим Господом нашим Иисусом Христом сказано в Евангелии: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), и для достижения его нужна лишь одна наша добрая воля.

Относительно борьбы с демонами Антоний дал следующие наставления:

— Самим Богом указано нам с неослабным вниманием следить всегда за тем, что происходит у нас в душе, потому что у нас есть очень хитрые в борьбе враги, — разумею демонов, — и нам, по словам апостола (Еф. 6, 11–12), предстоит непрестанная борьба с ними. Бесчисленное множество их носится в воздухе, целые полчища врагов окружают нас со всех сторон. Я не мог бы разъяснить вам все различия между ними; скажу лишь кратко о тех известных мне способах, какими они пытаются обольщать нас. Прежде всего мы должны твердо помнить то, что Бог не виновник зла, и что демоны сделались злыми не по его воле: такая перемена в них произошла не по природе, а зависела от их собственной воли. Как созданные благим Богом, они первоначально были добрыми духами, но за самопревозношение были низринуты с неба на землю, где, коснея во зле, обольстили народы ложными мечтами и научили их идолопоклонству; нам же, христианам, они безмерно завидуют и непрестанно поднимают против нас всякое зло, опасаясь, что мы наследуем их прежнюю славу на небесах. Различны и разнообразны степени погружения их в зло: одни из них достигли крайнего ниспадения в бездну нечестия, другие кажутся менее злобными, но все они, по мере своих сил, борются разными способами против всякой добродетели. Поэтому нам нужны усиленные

молитвы и подвиги воздержания для получения от Бога дара рассуждения, — чтобы постигать различия между злыми духами, чтобы узнавать в каждом отдельном случае их разного рода хитрости и обольщения и все отражать одним и тем же христианским знамением — Крестом Господним. Получив этот дар, святой апостол Павел внушал: *чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы* (2 Кор. 2, 11). Нужно, чтобы и мы подражали апостолу и предупреждали других о том, что потерпели сами, и вообще — наставляли взаимно друг друга. Со своей стороны я видел от демонов много коварных обольщений и говорю вам об этом, как детям, чтобы, имея предупреждение, вы могли сохранить себя среди таких же искушений. Велика злоба бесов против всех христиан, в особенности же — против иноков и девственниц Христовых: они всюду расставляют им в жизни соблазны, силятся развратить их сердца богопротивными и нечистыми помыслами. Но никто из вас пусть не приходит от этого в страх, так как горячими молитвами к Богу и постом бесы немедленно прогоняются. Впрочем, если они прекратят на некоторое время нападения, не думайте, что вы уже совершенно победили, ибо после поражения бесы обыкновенно нападают потом с еще большею силою. Хитро изменяя способы борьбы, они если не могут прельстить человека помыслами, то пытаются обольстить или запугать его призраками, принимая образ то женщины, то скорпиона, то превращаясь в какого-нибудь великана, высотою с храм, в целые полки воинов или в какие-либо другие призраки, которые все исчезают по первом же совершении крестного знамения. Если в этом узнают их обольщение, то они являются прорицателями и силятся, подобно пророкам, предсказывать о будущих событиях. Если и в этом случае они потерпят посрамление, то на помощь себе в борьбе призывают уже самого своего князя, корень и средоточие всяческого зла.

Много раз преподобный отец наш Антоний Великий рассказывал и о являвшемся ему точно таком же диавольском образе, который предносился просвещенному Богом взору Иова: *глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя* (Иов. 41, 9–10). В таком страшном виде являлся князь бесовский. Он хотел бы мгновенно погубить весь мир, но в действительности не имеет никакой силы: все-

могущество Божие укрощает его, подобно тому как животное управляет уздой, или как свободу пленника уничтожают оковы его. Он боится и крестного знамения и добродетельной жизни праведников, и святой Антоний так говорит об этом:

— Великую силу, возлюбленные братья, имеют против диавола чистая жизнь и непорочная вера в Бога. Поверьте моему опыту, — для сатаны страшны бодрствование живущих по воле Божией людей, их молитвы и посты, кротость, добровольная нищета, скромность, смирение, любовь, сдержанность, больше же всего — их чистосердечная любовь ко Христу. Высоко превозносящийся змей сам хорошо знает, что он осужден на попирание его ногами праведников, по слову Божиему: *се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10, 19).

Преподобный Антоний рассказал для душевной пользы слушателей и вот что еще:

— Сколько раз бесы нападали на меня под видом вооруженных воинов и, принимая образы скорпионов, коней, зверей и различных змей, окружали меня и наполняли собой помещение, в котором я был. Когда же я начинал петь против них: *сии на колесницах, сии на ко́нех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем* (слав. Пс. 19, 8), то, прогоняемые благодатною помощью Божией, они убегали. Однажды они явились даже в весьма светлом виде и стали говорить: «Мы пришли, Антоний, чтобы дать тебе свет». Но я зажмурил свои глаза, чтобы не видеть диавольского света, начал молиться в душе Богу, — и богопротивный свет их погас. Спустя же немного времени они снова явились и стали предо мною петь и спорить друг с другом от Писания, — но я был как глухой и не слушал их. Случалось, что они колебали самый монастырь мой, но я с бестрепетным сердцем молился Господу. Часто вокруг меня слышались крики, пляски и звон; но когда я начинал петь, крики их обращались в плачевные вопли, и я прославлял Господа, уничтожившего их силу и положившего конец их неистовству.

— Поверьте, дети мои, тому, — продолжал Антоний, — что я расскажу вам: однажды я видел диавола в образе необычайного великана, который осмелился сказать о себе:

— Я — Божия сила и премудрость, — и обратился ко мне с такими словами:

— Проси у меня, Антоний, чего хочешь, и я дам тебе.

Я же в ответ плюнул ему в уста и, вооружившись Христовым именем, всецело устремился на него, и этот великан на вид тотчас растаял и исчез у меня в руках. Когда я постился, он снова явился мне под видом чернеца, который принес хлебов и уговаривал меня поесть.

— Ты, — говорил он, — человек и не свободен от человеческой слабости, сделай же некоторое послабление своему телу, иначе можешь заболеть.

Но я понял, что это — коварное обольщение лукавого змея, и, когда обратился к своему обыкновенному оружию — знамению Креста Христова, — он тотчас превратился в струю дыма, которая, потянувшись к окну, исчезла чрез него. Бесы часто пытались прельстить меня в пустыни являвшимся вдруг призраком золота, рассчитывая соблазнить или видом его или чрез прикосновение к нему. Не скрою и того, что демоны много раз принимались бить меня. Но я терпеливо переносил побои и лишь восклицал:

— Никто не может отлучить меня от любви Христовой!

От этих слов они приходили во взаимную друг против друга ярость и, наконец, были прогоняемы не по-моему, но по Божиему повелению, согласно словам Христа: *Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию* (Лк. 10, 18).

Однажды демон постучался в ворота монастыря. Выйдя вон, я увидел перед собой огромного великана, голова которого, казалось, достигала до небес. Я спросил:

— Кто ты?

Он отвечал:

— Я — сатана.

Я спросил:

— Чего тебе здесь нужно?

— Напрасно, — отвечал он, — меня обвиняют все монахи, — и за что проклинают меня все христиане?

— И справедливо поступают, — сказал я в ответ, — потому что часто бывают обольщаемы тобой.

— Я ничего им не делаю, — отвечал он, — но сами они смущают друг друга. Ведь я проклят и низвергнут, — а не слышал ли ты из Писания, что *у врага совсем не стало оружия, и города Ты разрушил* (Пс. 9, 7). И действительно, вот я уже лишен всякого места в мире, не осталось под моей властью ни одного города, и нет у меня оружия, все народы во всех странах исповедуют имя Христово, пустыни наполнились

монахами. Пусть же сами смотрят за собой, а меня напрасно не проклинают.

Подивившись тогда благодати Божией, я отвечал ему:

— Это столь новое и неслыханное от тебя признание приписываю не твоей правдивости, которой у тебя нет нисколько, но — единственно Божией силе; ты же, будучи отцом лжи, должен был признаться в том, что есть в действительности, и на этот раз против своей воли сказал правду, потому что Христос Своим пришествием окончательно низложил твою силу, и, лишенный ангельской славы, ты влачишь теперь жалкую и позорную жизнь во всяческой нечистоте.

— И лишь только я проговорил это, демон тотчас исчез.

Так преподобный убеждал братию не страшиться силы бесов, укрощенной и низложенной Христом, но мужественно, с Божией помощью, бороться с ними, укрепляя свои сердца верою во Христа. Слушая это, братия радовались и запоминали на пользу себе наставления своего отца. В одних усиливалось стремление к добродетели, в других укреплялась слабая прежде вера, некоторые очищались от ложных обольщений помыслами, сердца других освобождались от действия на них страшных призраков, все же вместе преисполнялись бодрой готовности презирать демонские обольщения и дивились данной Антонию от Бога столь великой благодати разумения и различения духов.

На той горе, где жил преподобный Антоний, возникло множество монастырей, которые, покрывая ее подобно шатрам, были переполнены божественными сонмами псалмопевцев, чтецов Писания, молитвенников, постников, людей, радостно надеющихся на будущие блага и трудящихся лишь для подачи милостыни. Взаимная любовь и согласие господствовали между ними, и жилища их были подобны городу, чуждому волнению мира сего, преисполненному лишь благочестия и праведности. Не было между ними ни какого-либо непотребника, ни ругателя, ни ненавистника, ни клеветника, ни ропщущего; было лишь множество подвижников, единодушно служащих Богу, так что каждый, кому доводилось видеть эти монастыри и такой образ жизни их, не мог, восклицая, не повторить слов Писания: *как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль! как сады при реке, как алойные дерева, насажденные Господом* (Числ. 24, 5–6).

Время шло, и Антоний продолжал все ревностнее и ревностнее трудиться. Между тем возникло жестокое гонение на церковь Хри-

стову со стороны нечестивого царя Максимина[1]. И когда святых мучеников повели в Александрию, то последовал за жертвами Христовыми и преподобный Антоний, оставив для этого свой монастырь.

— Пойдем, — говорил он, — и мы на светлый пир наших братьев, чтобы или и самим удостоиться того же, или видеть других подвизающимися.

По своей любви и доброй воле преподобный поистине был мучеником. Но хотя он и желал пострадать за имя Христово, мученичество, однако, не было ему суждено, так как Господь для пользы Своего стада хранил учителя и наставника Антония. Он открыто обнаруживал свою преданность святым мученикам: соединенный с ними узами неразрывной любви, прислуживал им, когда они были в оковах, сопровождал их на суд, являлся пред лицо мучителей и, не скрывая, что он христианин, прямо как бы домогался, таким образом, пострадать за Христа. Однако никто не осмелился поднять на него руку, потому что так было угодно Богу, хранившему жизнь Антония, которая была полезнее для людей, чем его мученическая смерть. После того как претерпел мученическую кончину святейший Петр, архиепископ Александрийский, и гонение прекратилось, блаженный Антоний возвратился в свой прежний монастырь и, подражая в течение всей последующей жизни святым мученикам в вере и надежде, изнурял свое тело особенно строгими подвигами и постоянным бодрствованием. Нижней одеждой его была власяница, верхней — кожаный плащ. Тела своего он никогда не омывал, кроме разве тех случаев, когда нужно было переходить чрез воду, и до самой смерти его никто никогда не видал наготы его.

Однажды, когда он пребывал в уединении и, затворившись в своей келье, никого не принимал, пришел к нему с бесноватою дочерью военачальник Мартиниан. Он стал стучаться и умолять преподобного выйти вон помолиться и помочь его страждущей дочери. Антоний, не отпирая дверей, выглянул сверху и сказал:

— Зачем ты обращаешься к моей помощи? Я смертен, как и ты, одинаково мы оба немощны по природе. Если веруешь во Христа, которому я служу, то ступай, помолись по своей вере Богу, и дочь твоя выздоровеет.

---

[1] *Максимин Дака* — восточный римский император; он владел Сирией и Египтом, царствовал с 305 по 313 год. Жестокое гонение, воздвигнутое им на христиан, было в 311 году.

Мартиниан уверовал, призвал имя Христово и пошел домой с тотчас же исцелившейся дочерью. Господь совершил много и других чудес чрез раба Своего Антония. В Евангелии Он обещал: *Просите, и дано будет вам* (Мф. 7, 7), и согласно с этим, найдя человека, достойного его благодати, не отказал ему и в чудотворной силе: много бесноватых лежало пред входом в его келью, — так как двери ее были заперты, — и все они получали исцеление по его богоугодным молитвам. Антоний увидел, что большое число посетителей препятствует пребывать в излюбленном им безмолвии; с другой стороны, он опасался, чтобы его собственный ум не начал превозноситься обилием совершаемых чрез него знамений, — и вот он задумал идти в Верхнюю Фиваиду, где он никому не был бы известным. Взяв хлеба, он сел на берегу реки и стал поджидать корабля, чтобы переплыть на другую сторону. Вдруг он услышал голос свыше, который спрашивал:

— Антоний! Куда и зачем ты идешь?

Не смутившись, так как уже не в первый раз слышал такой голос, Антоний бестрепетно отвечал:

— Так как люди не дают мне здесь покоя, то я решил отправиться в Верхнюю Фиваиду, чтобы не побуждали меня делать то, что превышает мои силы, и чтобы не нарушали моего безмолвия.

— Если пойдешь в Фиваиду, — продолжал голос, — то в еще большей степени должен будешь претерпевать те же затруднения. Если же действительно хочешь подвизаться в строгом уединении, то ступай теперь во внутреннюю пустыню.

— Кто же укажет мне дорогу туда, потому что место это незнакомо мне? — спросил Антоний.

В ответ на это голос указал ему на сарацин, которые обыкновенно ходили этой дорогой в Египет для торговли. Теперь они возвращались уже назад, и Антоний, подойдя, стал просить их, чтобы они взяли его с собой и довели до пустыни. Они охотно согласились, видя в Антонии посланного Самим Богом спутника. Проведя три дня и три ночи вместе с сарацинами в пути, блаженный Антоний встретил весьма высокую гору, из-под которой истекал источник хорошей воды; гору окружала небольшая равнина, на которой росли несколько диких финиковых пальм. Антонию понравилось это место, — как будто оно было указано ему Самим Богом, — и Тот, Кто невидимо беседовал с ним на берегу реки, действительно, внушил ему избрать эту гору для своего местопребывания. Взяв от спутников хлебов, стал он жить на

этой горе один, и с ним не жил никто. Сарацины, видя его подвижническую жизнь, стали приносить ему хлебов, иногда же он имел некоторое скудное утешение и в финиках диких пальм. Впоследствии же, когда братия узнали о его местопребывании, то стали с любовью, как дети — отцу, присылать ему пищу. Но Антоний, видя, что доставляет братиям труд, и, желая избавить их от такого труда, упросил одного из пришедших, чтобы он принес ему заступ, мотыгу и небольшое количество семян. Когда тот исполнил это, Антоний обошел гору и выбрал небольшое местечко, пригодное для копания и посева, потому что для орошения его можно было провести сверху воду. Взрыхлив здесь землю, он посеял зерна, и с того времени он уже каждый год имел свой хлеб; работая, он радовался, что, не отягощая никого, кормится в пустыне трудами своих собственных рук. Но так как и там многие начали приходить к нему, то для угощения посетителей он посеял еще несколько овощей: бобов, гороха и прочего. Первоначально сюда стали приходить на водопой звери, которые топтали и пожирали овощи. Однажды, когда они по обыкновению собрались сюда, преподобный взял одного из них и, ударив его слегка прутом, сказал всем им:

— Зачем вы причиняете мне вред, сами не видя от меня никакого притеснения? Именем Господним приказываю вам: ступайте от меня прочь и не подходите сюда.

И с того времени звери, послушные запрещению, уже не приходили больше. Так уединенно жил преподобный, пребывая в молитве и непрестанных подвигах. Впрочем, движимые любовью к старцу, братия приходили к нему и старались чем-нибудь послужить ему. Каждый из них приносил маслин и елея или чечевицы и других овощей, умоляя подкрепить свое одряхлевшее от старости тело. Сколько должен был перенести блаженный, живя там, нападений, как об этом мы знаем от приходивших к нему!

Воистину сбылись на нем слова апостола: *наша брань не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12). Сколько там слышалось ужасных воплей, как бы криков толпы и звуков оружия, — вся гора, казалось, была полна демонов! Но преподобный Антоний был подобен крепости и один всех победил, отражая все полчища демонов коленопреклонною молитвою. И подлинно достойно удивления, как один человек мог жить в необитаемой пустыне, не боясь ни постоянных нападений демонов, ни такого множества четвероногих зверей и ядовитых гадов. Справедливо воспевал

Давид: *Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется: пребывает вовек* (Пс. 124, 1).

В одну ночь, когда Антоний молился и бодрствовал на служении Господу, вдруг он увидел, что вся его обитель и даже окружающая пустыня полны зверей, которые страшно разевали пасти и скрежетали зубами. Но преподобный, тотчас уразумев в этом коварство врага — диавола, сказал:

— Если от Господа дана вам власть надо мною, то я готов быть пожранным вами; если же вы явились по сатанинскому наваждению, то бегите прочь, потому что я — раб Христов.

И, по слову преподобного, все звери обратились в поспешное бегство, гонимые силою Божией.

Спустя несколько дней произошла новая борьба с тем же врагом. Святой имел обыкновение давать на память какой-нибудь подарок каждому, приходившему к нему с приношением, и для этой цели плел корзину. Потянув за полоску, из которой он плел корзину, он вдруг почувствовал, что кто-то держит ее. Преподобный поднялся и увидел зверя, который до пояса имел образ человека, другая же половина его туловища имела вид ослиный. Антоний, перекрестившись, сказал:

— Я — Христов раб; если ты послан на меня, то вот я, — не бегу.

И тотчас призрак, вместе с множеством других бесов, обратился в бегство и исчез.

Спустя несколько времени братия упросили преподобного навестить их. Движимый отеческой к ним любовью, Антоний, положив вместе с ними на верблюда хлеба и воды, — так как предстояло идти по безводной местности, — отправился в путь. По дороге взятая им вода вышла вся, и по причине сильной жары путникам угрожала смерть от жажды. Напрасно они обходили окрестности, ища где-либо в углублениях остатков дождевой воды; от жажды и солнечного зноя издыхал уже и верблюд. В таком бедственном положении старец по обыкновению обратился к помощи молитвы. Отойдя от спутников на небольшое расстояние, он, преклонив колена, поднял к небу руки и начал молиться. И тотчас же на этом месте показался источник воды. Утолив жажду и взяв запас воды с собой, путешественники благополучно прибыли к ожидавшим их братиям. Те, собравшись все вместе, вышли навстречу старцу и, с почтением целуя его, принимали от него благословение, а он, как бы принеся с горы закон или некоторый дорогой для них дар, предлагал им духовную пищу, — одобрял подвиги старших и давал наставления младшим.

Пробыв здесь несколько времени, он вскоре опять ушел на свою гору. Имея власть над нечистыми духами, преподобный исцелил много бесноватых, изгоняя из них бесов. Об этом подробно рассказывает Афанасий Великий в составленном им житии Антония. Преподобный исцелял своей молитвой и разные другие болезни, не лишен он был и пророческого дара, — прозревал будущее и находящееся вдали видел так, как бы оно было пред его глазами. Однажды к преподобному издалека шли два брата; дорогою у них вода вышла вся, и один из них волею Божией уже умер, а другой лежал в изнеможении на земле и ждал смерти. Пребывавший в то время на горе Антоний поспешно призвал к себе двух иноков и приказал им, чтобы они, взяв с собою сосуд воды, шли скорее по дороге, ведущей в Египет, причем сказал:

— Один брат, шедший сюда, уже преставился Господу; умрет и другой, если не поспеете на помощь.

Монахи, поспешно отправившись по его указанию в путь, нашли все так, как сказал старец. Изнемогавшего от жажды они напоили и привели с собою, а умершего похоронили. В другое время случилось, что он сидел на горе и, подняв взор к небу, увидел какую-то душу, восходящую на небо в сопровождении веселящихся о ней Ангелов. Дивясь этому, преподобный помолился, чтобы ему было открыто, что означает это видение. И был к нему голос:

— Это — душа инока Аммония, жившего в Нитрии.

Аммоний был старец, который с ранней юности и до смерти проводил строгую подвижническую жизнь, как это видно из жития его (за четвертое число месяца октября); а расстояние от горы, на которой жил Антоний, до Нитрии было на тринадцать дней пути. Ученики Антония, видя своего старца радующимся и дивящимся, стали просить его, чтобы он объяснил им причину своей радости и удивления.

— Сегодня опочил Аммоний, — отвечал им старец.

Аммоний же был известен им, так как часто приходил сюда. Запомнив этот день, ученики Антония стали расспрашивать пришедших через тридцать дней братьев и узнали от них, что Аммоний действительно скончался в тот самый день и час, в который старец видел вознесение на небо его души[1]. Те и другие много дивились чистоте Антониевой души, по которой он так скоро мог узнать о событии, случившемся очень далеко.

---

[1] *Преподобный Аммоний*, иначе *Аммон*, пустынножительствовал в пустыне Нитрийской в продолжение двадцати двух лет; скончался около 350 года. Память его — 4 октября.

Однажды около девятого часа преподобный, встав помолиться пред вкушением пищи, был восхищен умом и увидел себя несущимся по воздуху. При этом демоны воздушные пытались заградить путь и воспрепятствовать его восхождению. Но Ангелы сопротивлялись им и требовали указания причин задержания. Те стали припоминать грехи Антония с самого его рождения. Но Ангелы остановили их и сказали:

— Что было от рождения, то Господь изгладил; но если что знаете о каких-либо грехах его с того времени, как он сделался иноком и дал обет Богу, то об этом можете говорить.

Тогда демоны, по злобе своей, стали клеветать на Антония, обвиняя его в грехах, каких он не совершал; и когда это ни к чему не привело, для Антония открылся свободный путь. Придя в себя, Антоний увидел, что стоит на прежнем месте. Потрясенный видением, он забыл о пище и всю ночь провел в пламенной молитве, воздыханиях и размышлениях о том, как много у человека врагов и как труден воздушный путь души к небу.

В одну ночь он услышал голос свыше, который сказал ему:

— Встань, Антоний, выйди и посмотри!

Антоний вышел и, подняв кверху свой взор, увидел кого-то страшного и настолько высокого, что голова его касалась облаков; увидел он и какие-то другие существа, как бы окрыленные, которые стремятся подняться к небу, но страшный великан протягивает руки и пытается преградить им путь, причем одних он действительно схватывает и бросает вниз, другие же, минуя его, смело улетают вверх, и о таковых он в бессильной ярости лишь скрежещет зубами. И снова услышал Антоний голос:

— Постарайся понять — что видишь!

Тогда открылся ум его, и начал он понимать, что то — восходили на небо человеческие души, диавол же препятствовал им, причем грешников ему удавалось удерживать и оставлять в своей власти, на святых же его сила не простиралась, и он не мог задержать их. Преподобный рассказывал о таких откровениях братиям не из тщеславия, но для их пользы. К тому же и они сами, видя его удивленным чем-либо, упрашивали рассказать им о бывшем ему видении. Лицо его было всегда озарено какою-то особенною благодатью и сияло, так что, хотя бы кто и не видал его никогда прежде, все же тотчас же узнавал его среди многих других: душевная чистота святого отражалась в веселии его лица, и, озаряемый внутренне боговидением, он

всегда был радостен, как написано: *Веселое сердце делает лице веселым* (Притч. 15, 13).

Насколько он был приветлив по внешности, настолько же чист и дивно непоколебим — в вере, никогда он не становился на сторону вероотступников, видя самовольное искажение ими веры, никогда дружески не беседовал с манихеями[1] и другими еретиками, кроме лишь тех случаев, когда они обнаруживали готовность отказаться от прежнего заблуждения; преподобный прямо говорил, что дружба и беседы с еретиками причиняют вред душе. Больше же всего он избегал ариан, запрещая и всем православным иметь с ними общение. Когда некоторые из ариан пришли к нему и он из беседы с ними увидел их зловерие, то тотчас побежал от них с горы, говоря:

— Слова их ядовитее самих змей.

Когда однажды ариане распустили ложный слух, будто бы Антоний мыслит заодно с ними, преподобный удивился их дерзости и, воспылав справедливым гневом, пришел в Александрию; там, пред архиепископом и всем народом, он проклял ариан, назвав их предтечами антихриста, и исповедал Сына Божиего не тварью, но единосущным Отцу, Творцом мира[2]; и все православные христиане преис-

---

[1] *Манихейство* — ересь, которая образовалась под влиянием попытки объединения христианства с началами персидской религии Зороастра, проповедовавшей дуализм, то есть существование от века двух самостоятельных начал или царств. По учению манихеев, Христос есть лишь светлый эон (дух), происшедший от Отца света чрез истечение. Одна половина Его была будто бы поглощена материей и составила душу видимого мира, т. н. страждущего Иисуса, вторая, с помощью другого эона, животворящего Духа, освободилась от материи и поместилась в солнце; это — так называемый бесстрастный Иисус. Воплощение Христа, по учению манихеев, есть сошествие с солнца бесстрастного Иисуса для освобождения страждущего Иисуса, светлые частицы которого сатана, будто бы собрал и для большего удобства обладания ими заключил в лице человека. По этому учению, воплощение Христа было только призрачным (докетизм). В нравственном отношении манихейство проповедовало борьбу с материей для освобождения от нее чрез постепенное умерщвление в себе плоти. Ересь манихеев была особенно распространена в IV и V веках.

[2] «Сын Божий, — говорил Антоний, — не есть тварь и не из не сущих, но присносущное Слово и Мудрость существа Отчего. Не имейте никакого общения с арианами, ибо *кое общение свету ко тьме?* (2 Кор. 6, 14). Если соблюдаете благочестие, то вы христиане, а те, именующие Сына Божия и Слово сущее от Отца тварью, ничем не различаются от язычников, потому что служат твари, паче создавшего Бога. Поверьте мне, — продолжал Антоний, — самые стихии мира негодуют, и вся тварь воздыхает о безумии арианском, видя сравненным с собою своего Господа, чрез Которого все сотворено». — В это время преподобному Антонию было уже 104 года. Еще ранее этого, когда открылась ересь Ария, Антоний явился защитником истины:

полнились великой радости, что христоборная ересь проклята таким столпом Церкви. Тогда все люди, без различия пола и возраста, не только христиане, но и еретики, даже сами язычники, собирались к преподобному, говоря:

— Желаем видеть человека Божиего.

Так все называли Антония, и имя его пользовалось такой необычайной славой, что стремились прикоснуться хотя бы к краю одежд его, надеясь и чрез это получить великую для себя пользу. Нельзя и пересказать, сколько бесноватых и страдавших различными болезнями получили тогда исцеления, сколько закрылось идольских капищ, сколько присоединилось к стаду Христову язычников — чрез пребывание Антония в городе, его слова и чудеса[1]. Некоторые, думая, что большое стечение народа стесняет святого, стали отгонять от него народ; но он кротко сказал таким:

— Число приходящих ко мне не больше полчищ демонов, с которыми ведем непрестанную борьбу на горе.

Составитель этого жития, святой Афанасий Великий, говорит: «Когда Антоний возвращался к себе, и мы пошли провожать его, то одна женщина кричала сзади:

— Подожди, человек Божий, умоляю тебя, — подожди! Дочь моя жестоко мучится от беса. Умоляю тебя, — подожди, чтобы и мне, бежав за тобой, не потерпеть несчастья!

Тронутый этими словами и нашими просьбами, дивный старец остановился и не пошел дальше. Когда женщина подошла, а дочь ее была брошена нечистым духом на землю, Антоний помолился в душе Господу Иисусу Христу, — и тотчас нечистый дух оставил больную. Мать ее и весь народ возблагодарили Бога; радовался и сам Антоний, что возвращается в свою любимую пустыню.

Было и то еще удивительно в преподобном, что, не учившись грамоте, он был мудр и весьма рассудителен. Однажды два языческих философа, эллины по происхождению, пришли к Антонию, чтобы испытать и, если можно, победить его в мудрости. Он был на вершине

в 335 году он писал обличительные письма арианскому епископу Григорию и гражданскому правителю Александрии — тоже еретику; в то же время он письмом ходатайствовал у императора Константина за Афанасия Александрийского, тогда прогнанного с престола.

[1] По свидетельству святого Афанасия Александрийского, в немногие дни пребывания преподобного в Александрии число обратившихся в христианство язычников превышало количество обращенных в продолжение целого года.

горы и, когда увидал их, то, поняв с первого взгляда, — кто они, сам встретил пришедших и спросил через переводчика:

— Зачем вы, мудрецы, приняли на себя труд идти издалека к неразумному и хотите спорить с неосмысленным?

— Мы считаем тебя не глупым, но, напротив, весьма мудрым, — отвечали они.

— Если вы пришли к неразумному, — снова смело обратился к ним святой, — то труд ваш напрасен. Если же, как говорите, я человек мудрый, то должны следовать тому, кого называете мудрецом, потому что следует подражать мудрым и благочестивым. Если бы я пришел к вам, то мне нужно было бы подражать вам; но так как вы пришли ко мне, как мудрецу, то будьте же, как я, христианами.

И философы ушли, изумляясь и проницательности его разума и изгнанию им бесов, что они видели своими глазами.

Приходили к нему и другие ученые, подобные этим философам, желая посмеяться над ним, как над человеком неученым и неграмотным. Но он пристыдил их и заставил замолчать таким рассуждением:

— Ответьте мне, — сказал он, — что́ появилось раньше, — ум или письмена, и что из этого дало начало другому: письмена ли создали разум или разум произвел письмена?

— Ум изобрел и передал письмена, — отвечали они.

Тогда Антоний сказал:

— Итак, поэтому, в ком здоровый ум, тот может и не нуждаться в письменах.

Также и в третий раз пришли к нему люди, изучившие всякую мирскую мудрость и превосходившие всех современников своею ученостью. Искусными вопросами стали они допытываться у него основания нашей веры во Христа, — с явною целью поглумиться над Крестом Христовым. Помолчав немного и поскорбев об их заблуждении, старец начал так говорить им через переводчика, хорошо знавшего греческий язык:

— Что лучше и приличнее: почитать ли Крест Христов или превозносить прелюбодеяния, детоубийства и кровосмешения ваших богов? Прославлять ли открывшееся в Кресте Христовом презрение к смерти и величайшую добродетель или хвалить непотребства, которым учит ваша порочная вера? Что может быть лучше, как говорить и веровать, что слово Божие приняло на Себя человеческую плоть, чтобы чрез соединение с нашей смертною природою возвести нас на

небо и приобщить к небесному, Божественному? Как же вы осмеливаетесь смеяться над христианской верой, — что Христос Сын Божий, без какого-либо ущерба для Своей природы, начал быть тем, чем не был[1], и пребывает тем, чем был[2], — если вы сами, низводя душу с неба, поселяете ее не только в тела человеческие, но и в змей и животных и перемещаете ее то туда, то сюда и утверждаете, что она переселяется иногда в человека, иногда в животное, иногда в птицу или какое-либо другое живое существо? Христианская вера, исповедуя всемогущество и милосердие Божие, по этому са́мому считает возможным для Бога воплощение, причем, однако, честь не исключает чести[3]. Вы же пустословите, что душа, истекая из чистейшего источника божества, падает потом низко, и осмеливаетесь утверждать, что, умаляясь, она терпит изменения и превращения. Впрочем, нам нужно говорить здесь о Кресте Христа Бога нашего. Не лучше ли претерпеть крест или какую-либо другую смерть, чем, доверяя вашим нелепым выдумкам, воздавать поклонение египетской богине Изиде, оплакивающей Озириса, своего брата и вместе мужа? Постыдитесь, прошу веры в злого Тифона, брата вашего бога Озириса[4]. Да будет вам стыдно за бегства Сатурна[5], за его противоестественное погло-

---

[1] То есть — Человеком, чем Сын Божий не был до воплощения.

[2] То есть — Богом.

[3] То есть — ни Божество этим не ограничивается и не терпит ущерба в своей славе, ни человеческая природа не утрачивает своих существенных свойств, не изменяется в смысле обожествления.

[4] *Озирис*, египетский бог, который наряду с *Изидой* почитался во всей стране, был, по верованиям древних египтян, супругом и вместе братом Изиды. Но его брат Тифон коварно посадил его в ящик, заколотил его, залил свинцом и бросил в Нил; Изида отыскала гроб и скрыла, но ночью Тифон открыл его и растерзал тело на 14 частей, которые развеял на все стороны; Изида же собрала их и погребла, а Тифон после долгой борьбы был совершенно побежден. Между тем как Изида обозначает нильскую землю, Озирис есть оплодотворяющий бог Нила; в более общем смысле под образом Изиды обоготворялась земля, как всерождающая мать, а Озирис, напротив, представлял собою производительную силу солнца, воплотившуюся в земле; он почитался одновременно богом Нила и солнца. Борьба Тифона изображала борьбу против производительной силы солнца, присущей земле. В лице Тифона язычники обоготворяли какое-то страшное чудовище, объясняемое как губительный вихрь и палящий ветер, или как пар, выходящий с разрушительною силою из земли, из огнедышащих гор.

[5] *Сатурн*, или *Кронос*, — греко-римский бог, почитавшийся сыном Урана (неба) и Геи (земли); по низвержении с престола его отца он, по верованию древних язычников, присвоил себе власть над миром; он сочетался браком с сестрой своей Реей, но так как ему было предсказано, что он будет свергнут с престола своими детьми,

щение детей. Устыдитесь кровожадности и развратности Зевса, его похотливости, о чем говорят ваши же древние сказания. Вот во что вы верите, вот каковы ваши боги, каковы украшения ваших храмов! Вы смеетесь над крестом и страданиями Господними. Но почему же умалчиваете о воскресении Его? Почему не обращаете внимания на чудеса Его: возвращение зрения слепым, слуха глухим, исцеление хромых, очищение прокаженных, хождение по морю, изгнание бесов, воскрешение мертвых и многие другие, из которых с ясностью открывались Его Божественные сила и слава? И если бы вы оставили предубеждение, которым преисполнены, то тотчас же убедились бы, что Иисус Христос есть истинный Бог, вочеловечившийся ради нашего спасения».

Этими и многими другими доводами преподобный до такой степени пристыдил совопросников — философов, что они не нашлись сказать ему ни слова в ответ. О всем этом желающий может подробно узнать из жития Антония, составленного Афанасием Великим, у которого эта беседа излагается полностью. Мы же, ввиду обширности повествования, оставив речь преподобного к эллинам, скажем теперь кратко о делах самого преподобного, имевших выдающееся значение в его жизни и для нас наиболее полезных.

В преподобном Антонии было удивительно и то, что, хотя он проживал на самой окраине тогдашнего мира, царь Константин и его сыновья Констанс и Констанций[1] заочно пламенно полюбили его и в письмах своих сыновне просили его прийти повидаться с ними.

— Идти или нет мне к царям? — спросил он у своих учеников.

— Если пойдешь, — отвечали те, — будешь Антонием, если же не пойдешь, будешь аввой Антонием[2].

— Так как, — сказал преподобный, — если я пойду, не буду аввой, то уж лучше мне не ходить, — и не пошел.

Цари после этого стали просить его, чтобы он хотя в письмах своих преподал им благословение и утешение. В ответ преподобный дей-

---

то он проглатывал их тотчас после рождения; впоследствии он низвержен был сыном своим Зевсом.

[1] *Констанций* и *Констанс* — сыновья и преемники Константина Великого. Констанс управлял западной половиной Римской империи с 337 по 350 год; Констанций царствовал на Востоке с 337 по 361 год, а с 353 года и на Западе.

[2] *Авва* — отец, начальник обители, пользующийся сыновним благоговейным почтением братии. Ответ учеников выражает желание, чтобы Антоний не уходил, но оставался по-прежнему их глубоко почитаемым духовным отцом и руководителем.

ствительно послал им письмо, в котором, похвалив их за исповедание веры Христовой, внушал им, чтобы не гордились властью в этой жизни, но чтобы, хотя и сидят на царских престолах, не забывали, однако, что они — люди, больше же всего, чтобы помнили о будущем страшном суде, на котором должны будут дать отчет в том, как они пользовались властью. Преподобный убеждал их быть милостивыми к людям, наблюдать правосудие, быть отцами для нищих и несчастных сирот.

Однажды, сидя среди братии за работой, он был как бы в состоянии восхищения и, внимательно смотря вверх на небо, вздыхал, потом, молитвенно преклоняя колена, горько в течение долгого времени плакал. Присутствующие пришли в страх и начали неотступно упрашивать его рассказать, что он видит.

— Лучше бы было, дети мои, умирать, прежде чем наступит приближающееся бедствие, — с великою скорбью отвечал старец.

Так как они снова стали упрашивать его о том же, преподобный Антоний, заливаясь слезами, сказал:

— Неизъяснимое бедствие надвигается на Церковь Христову, и будет она предана людям, подобным бессловесным скотам. Видел я алтарь храма Господня и в нем множество лошаков, которые, окружив святой престол, яростно ниспровергают все, что стоит на нем и, рассыпав по полу, топчут ногами; и слышал я голос, который говорил: «Осквернен будет жертвенник Мой!» Вот в чем причина моих вздохов и плача.

Это видение преподобного сбылось через два года, когда открылось жестокое арианское гонение: церкви Божии были разграблены, священные сосуды осквернены, и святых Тайн касались нечистые руки язычников. Целые скопища нечестивых устремились тогда против Христа и силой заставляли православных ходить в церкви с ветвями деревьев в руках. Последнее объясняется тем, что у язычников в Александрии был обычай входить в свои капища с пальмовыми ветвями в руках, и ариане, желая привлечь их на помощь себе против православных, из подражания им, также стали ходить с ветвями в свои храмы; согласившись совместно действовать против православной христианской веры, они и стали подражать друг другу в обычаях — ариане язычникам и язычники арианам. К этому нечестивому обычаю принуждали и православных, чтобы они были заодно с арианами. О ужас! О беззаконие! Женщины и девушки были оскверняемы, кровь православных проливалась в храмах и обрызгивала престолы, купели

крещения были осквернены похотливостью язычников. Все увидели тогда в этом исполнение видения Антония, — что лошаки попирают жертвенник Божий. И много тогда слабых людей, из боязни пред арианами, переходили на сторону их ереси.

Говоря о предстоящем бедствии, святой Антоний в то же время утешал братию и говорил:

— Не унывайте, дети: как разгневался Господь, так и умилосердится Он потом, и Церкви опять будет возвращена ее лучезарная красота и сила, и сохранившие непоколебимо среди гонений веру Христову будут сиять светом благодати. Змеи возвратятся тогда в свои норы, и благочестие еще более умножится. Наблюдайте лишь за собой, чтобы не иметь гибельного для себя общения с арианами, потому что учение их — не апостольское, но диавольское и отца их сатаны; по этой именно причине они и были обозначены в видении под образом неразумных животных.

В то время в Египте жил один военачальник, по имени Валакий, который, побуждаемый злобными арианами, нещадно преследовал христиан. Он был настолько жесток, что всенародно на площади обнажал и бил даже девиц и иноков. Преподобный Антоний послал к нему письмо такого содержания:

— Вижу идущий на тебя гнев Божий. Перестань преследовать христиан, и тогда приближающаяся к тебе погибель удалится.

Нечестивец, прочитав письмо, только посмеялся над ним; оплевав письмо, он бросил его на землю, подверг позорному наказанию посланных Антонием и, понося преподобного, произносил против него разные злые угрозы. Но вскоре же над нечестивым, согласно пророчеству преподобного, разразилась следующая казнь Божия. На пятый день после этого отправился он вместе с начальником египетским Несторием в место, по имени Хереум, что в Александрии; поехали они на конях самых смирных и спокойных. Вдруг кони начали играть под ними, стремясь один к другому, и конь, на котором сидел Несторий, неожиданно схватил вдруг зубами Валакия, сбросив его на землю, и начал грызть мягкие части его тела. Замертво принесли его после этого в город, где на третий день он и испустил свою нечестивую душу. И все увидели в этом исполнение предсказания Антония, справедливо постигшее гонителя.

Но пора уже сказать о кончине преподобного. Он имел обыкновение спускаться с вершины горы, где пребывал сам, к жившим при по-

дошве горы братиям и посещать их. В одно из таких обычных посещений он сказал им о приближении своей смерти, что было открыто ему Богом.

— В последний раз пришел я к вам, чада мои, — сказал он, — видеть вас я больше уже не надеюсь в этой жизни, и пора уже мне разрешиться от этой жизни и почить, так как я прожил уже сто пять лет.

При этих словах братия предались глубокой скорби, они плакали и целовали старца, как бы уже уходящего из мира. А он убеждал их трудиться с неослабным усердием, не унывать среди подвигов воздержания, но жить — как бы ежедневно готовясь к смерти, с успехом охранять душу от нечистых помыслов, следовать примерам святых, не сближаться с раскольниками — мелетианами, не входить в общение с нечестивыми арианами; напротив, убеждал их держаться отеческих преданий и хранить во всей чистоте благочестивую веру в Господа нашего Иисуса Христа, какой научились из Писания и из его многократных наставлений.

После этого братия настойчиво стали упрашивать его, чтобы он остался с ними, так как все желали удостоиться чести присутствовать при кончине его. Но он не согласился на это, потому что знал о желании их почтить его тело, по смерти, торжественным погребением. Избегая даже и посмертного воздаяния ему от людей чести и славы, преподобный поспешил уйти от них и скрыться в уединении: простившись с братиями, он отправился на вершину горы в свое излюбленное жилище, место его подвигов. Через несколько месяцев он тяжко захворал. Подозвав тогда к себе двух иноков, подвизавшихся вместе с ним в течение последних пятнадцати лет и прислуживавших преподобному по причине старости его, он сказал им:

— Чада мои! Как написано (3 Цар. 2, 2; ср.: Нав. 23, 14), *я отхожу в путь всей земли*, меня зовет к Себе Господь, и я надеюсь вкусить небесных благ. Но вас, мои милые дети, умоляю, — не потеряйте плодов своего многолетнего воздержания, но ревностно и с успехом продолжайте начатые вами подвиги. Вам известно, сколько различных препятствий ставят нам бесы, но не страшитесь их ничтожной силы. Надейтесь на Иисуса Христа, твердо веруйте в Него всем сердцем своим, и от вас будут бегать все демоны. Помните все, чему я учил вас, старайтесь проводить благочестивую жизнь — и, несомненно, получите награду на небе. Избегайте всякого общения с раскольниками, еретиками и арианами; вам известно, что я ни разу дружески не беседовал

с ними, по причине их дурных замыслов и христоборной ереси. Больше же всего старайтесь исполнять заповеди Господни, чтобы святые приняли вас после вашей смерти в вечные обители, как сродников и друзей. Помните, размышляйте и всегда рассуждайте об этом. И если вы действительно заботитесь о мне, лю́бите меня, как отца, и готовы исполнить мою волю, то не позволяйте никому переносить в Египет моих останков, чтобы там не предавали тела моего пышному погребению, так как по этой причине, главным образом, я и удалился на эту гору. Сами похороните меня, дети мои, в земле и исполните следующую заповедь своего старца: пусть никто, кроме вас, не знает могилы, где будет похоронено мое тело, которое, по вере моей в Господа, восстанет нетленным при общем воскресении мертвых. Разделите мои одежды так: милоть[1] и изветшавшую нижнюю одежду, на которой лежу, отдайте епископу Афанасию[2], другую милоть отдайте епископу Серапиону[3], власяницу же возьмите себе. Прощайте, мои милые дети! Антоний уходит, и его уже не будет более с вами в этой жизни.

Когда после этих слов ученики, прощаясь, поцеловали его, Антоний простер ноги и с тихой радостью на лице, взирая на пришедших за его душой Ангелов, как на друзей своих, умер и приложился к святым отцам[4]. Ученики святого, согласно завещанию его, облачив тело, предали его земле, и, кроме них, никто до этих пор не знает о месте погребения преподобного Антония.

Афанасий, получив от учеников изношенную одежду и милоть святого, принял в этих подарках как бы самого Антония. Как бы осчастливленный богатым наследством, он всегда с благоговейной радостью взирал на эти одежды, приводя себе на память его святой образ.

Таковы жизнь и кончина преподобного Антония, любовь к которому и слава которого распространились по всем странам. И не ис-

---

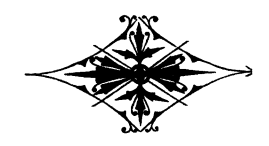
[1] *Милоть* — верхняя одежда, плащ, мантия.

[2] То есть святому Афанасию Великому, патриарху Александрийскому.

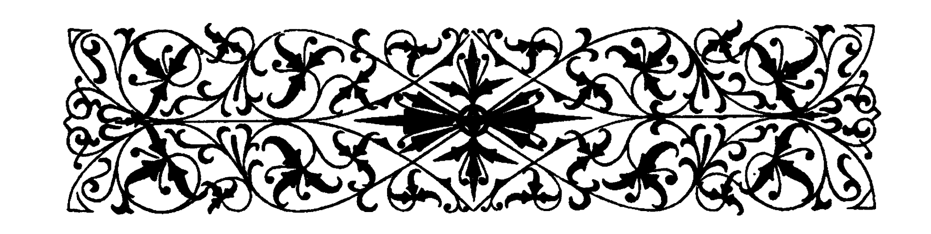
[3] Здесь разумеется святой Серапион, епископ Тмунтский (в Египте). Память его — 24 мая.

[4] Преподобный Антоний Великий скончался 17 января 356 года на сто пятом году жизни. — Мощи преподобного Антония открыты и перенесены в Александрию в 561 году при византийском императоре Юстиниане (527–565 гг.), потом, по взятии Египта сарацинами, в Константинополь около 635 года, оттуда около 980 года в диоцез Вьеннский (в Галлии, нынешней Франции), в 1491 году — в Арль (главный город Прованса, в Юго-Восточной Франции), в церковь святого Иулиана, где почивают и поныне.

кусно составленными сочинениями[1], не мирскою мудростью, не знатностью рода, не огромными богатствами прославился он, но — благочестивою жизнью. И исполнилось на нем слово Спасителя: *Я прославлю прославляющего Меня* (1 Цар. 2, 30). Жил он не в каком-либо знаменитом месте, которое бы все знали; напротив, — удалился почти на самый край света в непроходимую пустыню. Однако же и оттуда он сделался известным и в Испании, и в Африке, и в Италии, и в Иллирии и в самом даже Древнем Риме. Антоний, нарочито скрывавшийся от всех в горе, не хотел и не искал такой славы. Но Господь Сам открыл и показал всем этот светильник веры и благочестия, чтобы, взирая на него, учились добродетели и, удивляясь такой жизни преподобного, прославляли Отца небесного, Которому с единородным Его Сыном и Всесвятым Духом, честь, слава, благодарение и поклонение вовеки, аминь.

[1] Хотя преподобный Антоний Великий и не получил образования, но для него училищем были Священное Писание и природа, а учителем — благодать Христова, более и более озарявшая его по мере самоумерщвления его подвигами. Из творений преподобного Антония до нас дошли: 1) Его речи, числом двадцать; они трактуют о монашеских добродетелях, о вере во Христа, о простоте и невинности, смирении, чистоте, терпении, благочестии, девстве и прочем; все речи кратки, но полны божественного учения. 2) Послания — семь к различным монастырям и предстоятелям их о стремлении к нравственному совершенству и о духовной борьбе написаны уже в очень преклонном возрасте преподобного и дышат апостольской назидательностью; тринадцать других писем с таким же содержанием и характером. 3) Правила жизни и другие увещания и изречения к монахам.

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
АФАНАСИЯ,
архиепископа Александрийского

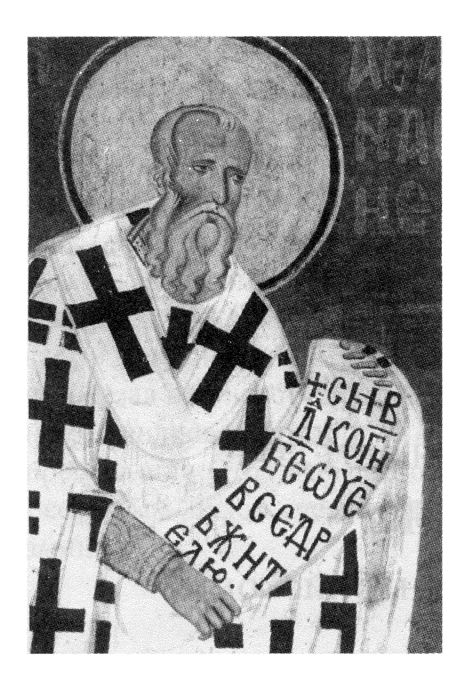
Святой Афанасий Великий, — этот живой и бессмертный образ добродетели и богоугодной жизни, — родился в знаменитой столице Египта Александрии[1]. Родители его были христиане — люди благочестивые и добродетельные. Еще в дни отрочества Афанасия следующий случай предзнаменовал его будущую великую святительскую деятельность.

Однажды Афанасий играл со своими сверстниками на морском берегу. Дети подражали тому, что видели в церкви, изображая своей игрой священнослужителей Божиих и церковные обряды. Афанасия они избрали себе епископом; он же наименовал: одних — пресвитерами, других — диаконами. Эти последние приводили к нему других детей — языческих, которые были еще не крещены. Афанасий же крестил их морскою водою, произнося установленные для таинства святого крещения слова, как то слышал от священника в церкви; к этому он присоединял поучение, сообразно своему детскому возрасту. В то же время патриархом Александрийским был святой Александр[2]. Слу-

---

[1] Святой Афанасий Александрийский родился около 297 года, незадолго до жестокого гонения Диоклетиана на христиан, о котором у него, однако, не осталось личных воспоминаний.

[2] *Святой Александр, епископ Александрийский*, ревностный защитник православия против ариан, управлял Александрийской церковью с 312 по 326 год.

чайно взглянув из окон своего дома, находившегося на возвышенном месте, недалеко от моря, на берег моря и увидев детскую игру, он с изумлением следил за совершаемым Афанасием крещением. Немедленно же он приказал привести всех детей к себе. Подробно расспрашивая детей, патриарх старался разузнать, кого именно они крестили, как вопрошали их перед крещением и что те отвечали, и узнал, что они в своей игре совершали все согласно уставу церковному. После того, посоветовавшись с клиром своим, он признал совершенное Афанасием крещение языческих детей истинным и довершил его миропомазанием, потом позвал родителей детей, действовавших в качестве пресвитеров, и посоветовал им, чтобы они воспитали их для священства. Родителям же Афанасия, призвав их, святой Александр поручил воспитать его в благочестии и книжном научении и потом, когда он придет в возраст, привести к нему и посвятить его Богу и святой Церкви.

Когда Афанасий достаточно изучил науки и получил широкое умственное образование[1], родители привели его к святому патриарху Александру и, подобно тому, как некогда Анна — Самуила (1 Цар. 1), посвятили его в дар Богу. Вскоре после того патриарх поставил его

[1] Александрия, место рождения Афанасия, представляла ему много средств для образования ума, и он приобрел сведения разнообразные: он изучал право, познакомился с произведениями языческих мудрецов и поэтов Греции, словом, по выражению биографа святого Афанасия, изучал «круг наук», то есть в смысле александрийских ученых; но на это употребил он немного времени, как свидетельствует о том святой Григорий Богослов. Главное же внимание было обращено им на изучение Священного Писания под руководством опытных наставников; и святой Афанасий так изучил все книги Ветхого и Нового Завета, как другой не изучил и одной. Как можно полагать по одному из первых сочинений святого Афанасия, то были наставники Огласительного училища в Александрии. Умственное образование Афанасия довершено было в обществе подвижников, которых он любил и с которыми отыскивал случаи знакомиться; многократно он видал преподобного Антония Великого, и самого Афанасия за строгую жизнь считали в числе подвижников.

клириком и рукоположил в диакона Александрийской церкви[1]. Как он в этом звании с юности мужественно боролся с еретиками и что от них претерпел, — всего невозможно и перечислить; но нельзя и умолчать о некоторых его наиболее замечательных подвигах и деяниях.

В то время нечестивый Арий распространял свою безумную ересь и своим зловредным учением колебал всю Церковь. Хотя он был уже проклят на Первом Вселенском соборе святых отцов в Никее[2], отлучен от общения с Церковью Христовой и осужден на заточение, однако, низверженный и еле живой, не прекращал своей борьбы против православия. Он стал действовать через своих учеников и единомышленников, распространяя повсюду яд своей ереси. Имея за себя пред царем многих ходатаев, особенно Евсевия, епископа Никомидийского[3], с другими епископами, державшимися той же ереси, Арий через них испрашивал у Константина Великого себе милости, чтобы его

[1] Известно, что Афанасий, будучи еще немного более чем мальчиком, занял место в качестве любимого члена в доме святого Александра, жил с ним «как сын с отцом» и таким образом провел несколько плодотворных лет в центре церковной деятельности, под кровлей первосвятителя, авторитет которого признавался более чем ста епископами Египта, Ливии и Пентаполя. Афанасий стал как бы помощником и домашним секретарем в письменных сношениях по делам церковным. В сан диакона святой Афанасий был рукоположен в 319 году. Уже в это время Афанасия сделали известным особенно сочинения его: «Против язычников» и «О воплощении Бога Слова»; это были первые сочинения его, написанные рано; но они давали право надеяться от него на многое.

[2] Первый Вселенский собор в Никее (город в Вифинии, северо-западной части Малой Азии) происходил в 325 году. На нем была изобличена и осуждена ересь александрийского пресвитера Ария, который учил, что Сын Божий не рождается предвечно из существа Бога Отца, а сотворен Им из небытия во времени, не единосущен Ему и не равночестен; в этой ереси скрытно заключалось решительное отрицание Божества Иисуса Христа и нашего искупления Им, короче — ниспровержение всего христианства. — Когда открылось нечестие Ария, Афанасий принимал живое участие в борьбе святого Александра, архиепископа Александрийского, с Арием и тем возбудил против себя ариан. Так было еще до Вселенского собора; а на Никейском соборе святой Афанасий, бывший тогда в сане архидиакона Александрийской Церкви и сопровождавший святого Александра на собор, победоносно опровергал Ария, к утешению отцов собора.

[3] *Евсевий*, епископ Никомидийский, был другом и сторонником Ария и покровительствовал ему. На I Вселенском соборе он защищал Ария, и хотя согласился подписать составленный на соборе Символ веры, но не соглашался на отлучение Ария от Церкви, за что, равно как и за сношения с отлученным ересиархом, сам подвергся ссылке. Но благодаря покровительству Констанции, сестры императора, Евсевий был возвращен из ссылки и, заняв снова кафедру, стал действовать против православных.

освободили от заточения и позволили возвратиться в Александрию. Евсевий коварно убеждал царя, что Арий не вносит никакого учения, противного Православию и не проповедует ничего несогласного с учением Церкви, но по зависти терпит от лукавства епископов, и что между ними — спор не о вере, а только из-за пустых, отвлеченных слов[1]. Царь, по своему простосердечию и незлобию, не подозревая еретической хитрости и коварства, поверил ложным уверениям и повелел прекратить спор и не препираться из-за слов, чтобы между церквами не было раздора. Совсем не расследовав дела, он, по своему милосердию, позволил Арию возвратиться в Александрию. И вот этот нечестивый еретик, к общему церковному бедствию, вернулся в Александрию. Это обстоятельство было весьма тяжело и прискорбно для православных, в особенности же для святого Афанасия, как воина Христова и твердого защитника истинных преданий Православия. В то время он был удостоен уже архидиаконского сана. Сей воин Христов преследовал еретика, вторгшегося, подобно волку, в Церковь Христову, изобличая его злоумышления и писаниями своими, и проповедью. В то же время Афанасий побуждал и святейшего архиепископа Александра написать послание к царю, и сам вместе с ним писал, выставляя на вид простодушие, по которому царь, поверив обольщениям и басням еретическим, приемлет ныне Ария, отвергнувшегося Православной Церкви, отверженного Самим Богом и всеми святыми отцами, и попускает ему потрясать отеческие законоположения. Но царь, по внушению Евсевия, отвечал им еще более резким посланием, угрожая им, если они не умолкнут, извержением от сана. Поступил же так благочестивый и добрый царь не для удовлетворения своего гнева и не потому, что был расположен к арианству, но, имея ревность, хотя и не по

---

[1] На I Вселенском соборе поборники неправомыслия, за недостатком правды на их стороне, думали помочь себе лукавством, предлагая прочим членам собора такой Символ веры, в котором неопределенность выражений о Сыне Божием давала место перетолкованиям ариан. Но святые отцы, исповедуя Сына Божиего «из сущности Отца» рожденным и «Отцу единосущным», включили эти выражения в свой символ и тем утвердили древнюю веру «в Бога истинного от Бога истинного». Символ этот подписали все члены собора, даже державшиеся стороны ариевой, но неискренно; при этом они греческий термин, выражающий единосущие Сына Божия «омоусиос», читали как «омиусиос» — подобосущный, или, по крайней мере, понимали в последнем смысле. Евсевий и хотел представить царю дело так, что между православными и арианами происходит только недоразумение и споры из-за различного понимания терминов и выражений Символа, а не из-за сущности веры, и что Арий совершенно согласен с символом Никейского собора.

разуму, о том, чтобы между церквами не было раздора. Кротким сердцем своим любя мир, царь искал мира там, где его совершенно быть не может: ибо как еретичество может жить в мире с православием?

Вскоре после этого святейший Александр преставился; преемником его на Александрийскую кафедру был единогласно избран всеми православными Афанасий, как сосуд, достойный такового мира[1]. Тогда тайные плевелосеятели — ариане на время умолкли, не вступая в открытую борьбу с Афанасием; но потом, по бесовскому подстрекательству, обнаружили свое лукавство и явно открыли яд гнездящейся внутри их злобы, так как святой Афанасий не принимал нечестивого Ария в церковное общение, хотя последний имел у себя царское предписание о том. Повсюду стали ариане возбуждать на неповинного вражду и распространять злую клевету, стараясь, чтобы тот, кто достоин небесных селений, был не только низвержен с земного святительского престола, но и изгнан из города. Но Афанасий остался непоколебим, воспевая с Давидом: *Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3).

Руководителем коварного замысла был Евсевий, который только носил имя благочестия[2], а на самом деле представлял собою сосуд нечестия. Воспользовавшись со своими единомышленниками незлобием царя и предполагая, что теперь наступило удобное для того время, возбуждал всех, дабы низложить с престола Афанасия. Евсевий думал, что если он низложит Афанасия, то потом легко одолеет и прочих православных и утвердит ариево учение. Он стал распространять на праведника несправедливые и ложные наветы, которые еретикам казались достоверными. Для этого он нанял за деньги последователя Мелетия[3] Исиона, изощрившегося в коварстве Евдомона и сильного

---

[1] Кончина святого Александра Александрийского последовала пять месяцев спустя по возвращении его с I Вселенского собора. Афанасия в то время не было в Александрии. Оставляя свою паству, умирающий старец искал вокруг блуждающим взором, кому бы поручить ее. «Афанасий, Афанасий! — взывал Александр. — Ты думаешь убежать. Нет! Не убежишь». Действительно, Афанасий не избежал жребия, предназначенного ему свыше. Предызбранный отшедшим пастырем и желанием паствы, едва он явился в Александрию, как народ неотступно стал требовать от собравшихся епископов, чтобы посвятили ему в епископа Афанасия, и дотоле не успокоился, пока не получил желаемого, хотя и против воли самого Афанасия.

[2] *Евсевий* — с греческого значит: *благочестивый.*

[3] *Мелетий*, епископ Ликопольский (в Фиваиде), восставал против возвращения в Церковь отрекшихся от нее в гонение Диоклетиана. Святой Петр, архиепископ Александрийский, более снисходительный к падшим, как верховный архипастырь

злобою Каллиника. Обвинения против Афанасия заключались в следующем: 1) будто он принуждает египтян платить подати на облачения священнические, льняные одежды, алтарные завесы и ткани и иную церковную утварь; 2) будто он недоброжелательствует царю и презирает царские предписания; 3) будто он любостяжателен и послал к одному из своих друзей на сохранение ящик, полный золота. К этому присоединилось еще обвинение касательно лжесвященника Исхира[1], который был лукав, коварен и хитер в своей злобе; присвоив себе без обычного посвящения имя пресвитера, он совершил столько злых, беззаконных и преступных дел, что заслуживал не только извержения и поношения, но и сурового наказания. Узнав все об Исхире, блаженный Афанасий, всегда тщательный и осторожный в решении таких дел, послал в Мареоты[2] пресвитера Макария, чтобы расследовать все о беззаконных деяниях Исхировых. Исхир же, боясь допроса и изобличения, бежал оттуда и, приведя в Никомидию, стал клеветать на Афанасия пред Евсевием. Евсевий и его сообщники приняли Исхира, этого отступника Божиего и нарушителя священных правил, как истинного священника, и отнеслись к нему с почтением: ибо естественно любить подобного себе в злобе ли или в добродетели. Сами от чрезвычайной ненависти пылая гневом на Афанасия, они с великою радостью встретили Исхира. Они поощряли его дерзость и наглость и обещали почтить его епископским саном, если только он сумеет возвести на праведника какой-либо оговор и клевету. Исхир, будучи хитрым и искусным в таких делах, усиливался взвести на неповинного Афанасия обвинения. Он говорил, что по приказанию Афанасия пре-

---

всего Египта, отлучил его за это от Церкви. Но Мелетий, с единомысленными ему епископами, присвоил себе права главного областного епископа и не признавал власти преемников святого Петра. На I Вселенском соборе раскол Мелетия был осужден, но мелетианские епископы существовали до половины V века. В 326 году Мелетий и его единомышленники препятствовали избранию святого Афанасия на александрийскую кафедру, а когда это избрание состоялось против их желания, то стали распускать клевету, что Афанасий избран незаконно, шестью или семью епископами, тайно от прочих. Мелетиане, таким образом, были противниками Афанасия, наравне с арианами, сторону которых они держали.

[1] Исхир не был священником. Правда, его посвятил в этот сан еще при святом Александре, Коллуф, самовольно восхитивший себе права епископские; но на Александрийском соборе 324 года этот Коллуф был низложен, как самозванец, а все им поставленные не признаны посвященными.

[2] *Марсотийская область* лежала в Северо-Западном Египте, к югу от Александрии, по берегу залива, и в церковном отношении находилась под властью епископа Александрийского.

свитер Макарий, разбойнически вторгнувшись в церковь, с великою яростью оттащил его от престола, опрокинул престол, чашу же с Божественными Тайнами разбил и священные книги сжег. Приняв эту клевету Исхира за истину и присовокупив ее к другим наветам, враги Афанасия приступили к царю Константину, наговаривая на святого Афанасия. В особенности они старались возбудить гнев царя, обвиняя Афанасия в том, что он не обращает внимания на царские письменные предписания и не слушает повеления царского, не принимая Ария в церковное общение. Кроме того, на блаженного возводили также обвинение по поводу какой-то мертвой руки, что Афанасий, будто бы посредством ее, волшебно творил чудеса и чарования (сами будучи воистину окаянными и явными чародеями); рука же эта, будто бы, принадлежала некоему клирику Арсению, и отсечена была по козням Афанасия.

Царь, рассмотрев дело, пришел в недоумение: он хорошо знал и добродетель Афанасия, и в то же время возводимые на него обвинения касались ему более или менее вероятными. Поэтому он избрал средний путь: не осуждая Афанасия, он в то же время не отказал и в расследовании его дела. А так как в то время в Иерусалиме совершался праздник обновления храма Воскресения Христова и сюда со всех стран собирались епископы[1], то царь, воспользовавшись этим случаем, повелел епископам собраться в Тир[2] для тщательного расследования обвинений против Афанасия Великого, а также для рассмотрения дела Ария, действительно ли он, как сам утверждает, учит согласно учению святой веры и держится истинных православных преданий: если он низвержен по зависти, то чтобы снова был принят причтом и собором и присоединен, как один из членов, к телу Церкви; если же он верует противно ее учению и учит нечестиво, то да будет судим по священным законам и примет достойную казнь по делам своим. По делу же Арсения царь повелел произвести прежде расследование, с тем чтобы, если бы Афанасий оказался виновным, подвергнуть его осуждению, согласно с законами. Для достоверного исследования этого дела Константин послал одного из своих домоправите-

---

[1] Епископы собирались в Иерусалиме на праздник освящения императором Константином Великим великолепного храма Воскресения Христова, над местом погребения тела Спасителя и Его воскресения. Храм освящен был 13 сентября 335 года.

[2] Город *Тир* был расположен на восточном берегу Средиземного моря. Это был один из древнейших, укрепленных и красивейших приморских торговых городов Финикии и вместе с тем ее столичный город.

лей, по имени Архелай, вместе с финикийским князем Ноном. Когда эти последние пришли в Тир (Афанасий в то время был здесь, ожидая изобличения взводимой на него клеветы относительно мертвой руки и волхвования), то они отложили расследование, пока не придут из Александрии ожидаемые клеветники, утверждающие, что то беззаконие Афанасия (отсечение руки Арсения и волхвование) видели сами своими глазами. Эта отсрочка расследования произошла по смотрению Божиему, как это ясно показал конец дела. Ибо Бог, свыше на всех призирая и избавляя обидимого от обижающих его, продолжил время, для того чтобы сам Арсений успел прийти в Тир. Арсений был одним из клириков Александрийской Церкви, по должности чтец; совершив одно большое преступление, он должен был подвергнуться суровому суду и жестокому наказанию; убоявшись этого, он бежал и в течение продолжительного времени скрывался — неизвестно где. Коварные же противники Афанасия, изощрившись в кознях и совсем не ожидая, чтобы Арсений когда-либо явился из-за страха и стыда о содеянном им грехе, дерзко писали, что существует мертвая рука Арсения и повсюду распространяли молву, что Афанасий совершил это гнусное преступление. Когда молва о том, что Афанасий за усечение Арсениевой руки подвергается суду, распространилась по всем странам, дошел слух этот и до самого Арсения, скрывавшегося в неизвестных местах. Соболезнуя о своем отце и благодетеле и скорбя сердцем о том, что истина беззаконно побеждается ложью, он тайно пришел в Тир и явился к самому Афанасию, припадая к его честным ногам. Блаженный Афанасий, радуясь прибытию Арсения, повелел ему до суда никому не показываться.

Шел тридцатый год царствования Константина[1], когда из разных городов собрались в Тире епископы[2]. Пресвитер Макарий был приве-

[1] Здесь время царствования Константина Великого считается не от начала его единодержавия, а с самого начала его царствования (с 306 по 324 год он управлял западной половиной империи, а с 324 по 337 год всей империей).

[2] Собор в Тире происходил в 335 году под наблюдением императорского чиновника Дионисия. Всех епископов приехало на собор до шестидесяти человек. Святой Афанасий прибыл с 48 епископами Египта. Здесь присутствовали епископы именитых престолов: Антиохийского — Флакилл, Иерусалимского — Максим, Солунского — Александр. Святой Афанасий, по прибытии, хотел занять место, которое принадлежало ему по достоинству его кафедры, но ему было повелено председателем собора, Евсевием, епископом Кесарийским (известный церковный историк — сторонник ариан), стоять, как лицу обвиняемому. Совещания собора велись пристрастно, в пользу Ария и его единомышленников и во вред святому Афанасию.

ден воинами; среди них был и воевода, хотевший вместе с епископами производить суд, а также и некоторые из других светских властей; явились и клеветники, и суд начался. Потом позван был и Афанасий. Сначала его ложно обвиняли по поводу льняных церковных облачений и завес, а также — в любостяжании; но тотчас же ложь этой клеветы была изобличена, и всем стала ясной злоба клеветников.

Между тем злобная ненависть противников Афанасия не укрощалась; они все еще не насытились ложными клеветами на Афанасия, но прилагали к одной козни — другую, к одной лжи — еще новую. Нечестивые еретики подкупили одну бесстыдную женщину взвести клевету на Афанасия в том, будто он, пребывая у нее, против ее воли совершил с нею беззаконие.

Когда начался суд, судьи сели на своих местах и клеветники предстали, была введена и эта женщина. С плачем жаловалась она на Афанасия, которого никогда не видала и даже не знала, каков он по виду.

— Я ради Бога приняла его в дом свой, — говорила она об Афанасии, — как мужа почтенного и святого, желая себе и дому моему благословения. И вот, напротив, я пострадала от него. С наступлением полночи, когда я спала на постели, он пришел ко мне и насильственно надругался надо мною, так как никто не освободил меня от рук его, ибо все в доме уснули глубоким сном.

В то время как бесстыдная женщина так злословила и со слезами клеветала, друг Афанасия, пресвитер Тимофей, стоя с ним за дверями и слыша упомянутую клевету, возмутился духом и, неожиданно войдя внутрь судилища, с поспешностью стал пред глазами той клеветницы, как будто он был сам Афанасий; он смело обратился к ней со следующими словами:

— Я ли совершил над тобою, женщина, ночью насилие, как ты говоришь? Я ли?

Женщина же та с еще большим бесстыдством возопила к судьям:

— Сей человек — мой растлитель и злоумышленник против моей чистоты; он, а не иной кто, пребывая у меня, за благодеяние мое воздал мне надругательством.

Услышав это, судьи рассмеялись, противники же Афанасия весьма устыдились, ибо явно открылась ложь их. Все удивились такой наглой клевете и признали Афанасия совершенно невинным во взводимом на него грехе. Но противники Афанасия стали обвинять святого мужа в чародействе и убийстве Арсения, внесли пред взоры всех какую-то

страшную на вид мертвую руку и, с бесстыдством махая ею на святого, восклицали:

— Эта рука безмолвно вопиет на тебя, Афанасий, эта рука тебя обличает; она тебя улавливает и крепко удерживает, чтобы ты не избежал осуждения; ее свидетельства ты не будешь в состоянии избежать ни речами, ни хитростью, ни какою-либо кознью. Все знают Арсения, которому несправедливо и без всякого милосердия отсек ты эту руку. Итак, скажи нам, наконец, для чего это тебе потребовалось и с какою целью ты отсек ее?

Афанасий же терпеливо выслушивал их, подражая Христу Господу своему, некогда осужденному иудеями и при этом не пререкавшему, не вопиявшему, но *как овца на заклание веденному* (Ис. 53, 7); он сначала молчал, потом, отвечая на обвинение, с кротостью сказал:

— Есть ли среди вас кто-либо, который бы хорошо знал Арсения? Нет ли кого-либо также, кто бы точно признал, действительно ли это его рука?

Когда многие поднялись со своих седалищ, утверждая, что они хорошо знают самого Арсения и его руку, Афанасий тотчас раскрыл занавес, за которым стоял Арсений, и повелел ему стать посреди собрания. И вот Арсений стал посреди судилища живым и здоровым, имея целыми обе руки. Блаженный же, с гневом взирая на клеветников, сказал:

— Не это ли Арсений? Не это ли тот, у которого, как вы говорите, отсечена рука? Не тот ли это, кого знают все александрийцы?

И, повелев Арсению, чтобы он протянул вверх сначала правую, потом левую руку, громко воскликнул, как бы призывая находящихся далеко от истины:

— Вот, мужи, и Арсений! Вот и руки его, которые совсем не были отсечены! Покажите же и вы своего Арсения, если такого имеете, и поведайте, кому принадлежит отсеченная рука, которая осуждает вас самих, как сделавших это преступление.

Когда суд производился таким образом, от царя пришло на собор послание, сильно обличающее клеветников, Афанасия же повелевающее освободить от несправедливого обвинения и милостиво призывающее его к царю. Это произошло таким образом. Два пресвитера Александрийской Церкви, Апис и Макарий (не тот, который связанным был приведен на суд, но другой того же имени), придя в Никомидию, рассказали царю все об Афанасии, о том, как враги возвели

на святого мужа ложные обвинения и составили несправедливое совещание. Царь же, уразумев истину и клеветы, происшедшие по зависти, написал к епископам на суд в Тире такого рода послание, что, когда оно прочтено было на суде, приверженцев Евсевия охватил страх, и они не знали, что делать; однако побуждаемые великою завистью, не перестали неистовствовать, не ограничились тем, что один раз уже были побеждены и посрамлены и, обратившись к другим лжеобвинениям, клеветали на приведенного на суд Макария. Лжеобвинителем явился Исхир, а лжесвидетелями — приверженцы Евсевия, которых Афанасий прежде отверг как лживых и недостойных веры. Афанасий желал, чтобы было достоверно исследовано об Исхире, действительно ли он истинный священник, и только тогда обещал отвечать по поводу взводимых на него обвинений. Судьи не согласились на это и продолжали производить суд над Макарием. После того как оговорщики истощили все свои клеветы, слушание дела было отложено, потому что требовалось произвести расследование на том самом месте, где будто бы Макарием был низвергнут алтарь, то есть в Мареотах. Видя, что для этого посылаются в Мареоты те самые оговорщики, которые с самого начала были отвергнуты им как лжецы, Афанасий, не вынося совершаемой несправедливости, не умолкая восклицал:

— Угасла правда, попрана истина, погибло правосудие, исчезло у судей законное расследование и осторожное рассмотрение дел! Разве законно, чтобы желающий оправдаться содержался в узах, а суд всего дела был бы поручен клеветникам и врагам, и чтобы сами оговорщики судили того, на кого клевещут?

Так святой Афанасий Великий вслух всех взывал об этом и засвидетельствовал всему собору. Видя же, что он не будет иметь никакого успеха, вследствие возрастающего количества врагов и завистников, тайно отправился к царю. И тотчас собор тот, или, лучше сказать, лукавое сонмище, осудил отсутствовавшего Афанасия. По окончании же в Мареотах несправедливого расследования по вышеупомянутому делу, произведенного согласно воли и желанию врагов святого Афанасия, судьи, сами достойные низвержения, определили, что Афанасий должен быть окончательно низвергнут. Потом отправились в Иерусалим, где приняли в церковное общение богоборного Ария те самые люди, которые только на словах держались благочестия и на бывшем Никейском соборе притворно подписали догмат об единосущии Сына Божиего с Богом Отцом. Но те, которые и сердцем, и устами содержали право-

славную веру, внимательно обдумав слова и речи Ария и осторожно рассмотрев их, распознали обольщение, которое таилось под прикрытием многих слов и речей, и, уловив его как бы лисицу, обличили его как врага истины. В это время пришло от царя другое послание (Афанасий тогда еще не успел дойти к царю), повелевающее Афанасию и всем оговорщикам и судьям его немедленно явиться к нему. Это произвело великий страх среди членов собора, ибо враги Афанасия, произведшие незаконный суд, боялись, как бы не была изобличена их неправда; поэтому многие из них разошлись по своим странам. Евсевий же и Феогний, епископ Никейский[1], и некоторые другие, ухитрившись придумать некоторые правдоподобные предлоги, для того чтобы замедлить в Тире, оставались здесь довольно продолжительное время, а царю отвечали письмами. Между тем Афанасий, явившись к царю в Никомидию, оправдался от взводимого на него обвинения в любостяжании. И в то время, как приверженцы Евсевия медлили и не спешили явиться к царю, последний отправил Афанасия на Александрийскую кафедру со своим посланием, в котором были засвидетельствованы неосновательность и несправедливость всех клевет на святителя.

Когда, таким образом, святой Афанасий управлял своей кафедрой, а Арий находился в Александрии, ариане производили большое смущение и молву в народе. Блаженный Афанасий, будучи не в состоянии видеть, что Арий возмущает и колеблет не только одну Александрию, но и весь Египет, письменно сообщил обо всем этом царю, увещевая его наказать богоборца и возмутителя народного. В ответ на это от царя немедленно пришло в Александрию повеление представить Ария связанным на суд царский. Во время пути к царю из Александрии Арий, достигнув Кесарии, увидался с единомышленниками своими: Евсевием, епископом Никомидийским, Феогнием Никейским и Марием, епископом Халкидонским[2]; посоветовавшись вместе, они составили на Афанасия новые клеветы, ни Бога не боясь, ни щадя не-

---

[1] *Феогний*, епископ Никейский, вместе с Евсевием Никомидийским, — прежде других принял учение Ария, поддерживал его на I Вселенском соборе, после чего, хотя и подписал православный Символ веры, но за сношения с Арием был сослан по возвращении Ария, и Феогний вызван был из ссылки. Явно он отрекся от лжеучения, но тайно покровительствовал арианам.

[2] *Марий*, епископ Халкидонский, подобно Феогнию Никейскому и многим другим, разделял учение Ария, обвинял Афанасия на Тирском соборе и был в числе следователей по Мареотскому делу, вместе с Феогнием и другими единомышленниками Ария.

винного мужа, но имея одно желание — прикрыть истину ложью, как говорит божественный Исаия: *зачинают зло и рождают злодейство* те, которые сказали: *потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя* (Ис. 59, 4; 28, 15)[1]. Такое старание прилагали беззаконные еретики, чтобы низложить блаженного Афанасия с его патриаршего престола и захватить власть над православными. Итак, они пришли к царю — Арий, желая оправдаться, а Евсевий и его сообщники — чтобы способствовать его несправедливому делу и открыто лжесвидетельствовать против истины и Афанасия. Когда они предстали пред царем, то немедленно были допрошены по поводу бывшего в Тире собора, о том, что они там определили и какой суд произнесли над Афанасием. Они же отвечали царю:

— Царь! Мы не особенно скорбим о заблуждениях Афанасия, но мы объяты скорбью и ревностью об алтаре, который он разорил, и о чаше со святыми Тайнами, которую он сокрушил и разбил на части, а также и о том, что он возбранил и запретил посылать обычно посылаемую в Царьград из Александрии пшеницу[2]: это особенно нас опечаливает, это уязвляет нашу душу. Свидетелями таких его злодеяний были епископы: Адамантий, Анувион, Арвестион и Петр[3]; обличенный ими во всем этом Афанасий избежал суда, по справедливости заслуженного им по его делам, однако низвержения не мог избежать, но единодушно всем собором был низвержен за то, что дерзнул на такие беззаконные дела.

---

[1] Пророк рассуждает здесь о тех, грехи которых разъединяют их с Богом. Подобно таким грешникам поступали и обличители Афанасия, покрывавшие истину ложью.

[2] С давних времен Египет, славившийся своим плодородием, посылал в Рим через Александрию флот, нагруженный хлебом, для раздачи нуждающемуся народу. Когда Константин Великий основал в 330 году новую столицу в Византии, названную по его имени Константинополем, а также Царьградом, то, заботясь об усилении ее населения и о средствах к ее содержанию, переменил назначение этого флота: милость раздачи хлеба предоставлена была Константинополю. Всего хлеба раздавалось до восьмидесяти тысяч мер. Враги Афанасия, таким образом, рассчитывали разглашением новой клеветы, возбудив гнев царя, произвести в то же время возмущение народа в столице. Чернь, недовольная Афанасием, могла произвести бунт и во время его, как надеялись враждебные Афанасию епископы, убить святого мужа. «Как могу я это сделать (остановить провоз пшеницы), — возражал Афанасий на новую клевету, — я — человек частный и бедный?» Евсевий Никомидийский отвечал: «Нет, Афанасий — человек сильный, богатый; его на все достанет!»

[3] Все это были арианствующие епископы, сторонники Евсевия Никомидийского.

Слушая эти речи, царь первоначально молчал, смущаясь в душе своей; потом, не имея возможности остановить оговорщиков, распорядился, чтобы праведник на время был отправлен в Галлию[1], — не потому, что бы он верил клевете или был охвачен гневом, но ради умиротворения Церкви (как свидетельствуют люди, достоверно узнавшие царское намерение). Царь видел, сколько епископов восстало на Афанасия, и сколь великое смятение возникло из-за этого в народе александрийском и египетском. И вот, желая утишить такую бурю, прекратить молву и уврачевать болезнования столь многих епископов, он приказал святому мужу на время удалиться из города[2].

После этого сам царь Константин, на 31-м году своего царствования, скончался, будучи шестидесяти пяти лет от роду. Умирая, он оставил наследниками своего царства трех сыновей: Константина, Констанция и Константа, между которыми, по завещанию, и разделил царство, назначив старшему сыну Константину бóльшую часть царства. Но так как при кончине Константина Великого не было ни одного из его сыновей, то он вручил свое завещание одному пресвитеру[3], который был тайным последователем Ария. Тайно скрывая внутри себя ересь, пресвитер этот утаил также и царское завещание; когда многие расспрашивали его, сделал ли царь, умирая, завещание, — ничего не сказал об этом. Тайными же сообщниками в сем деле он имел некоторых из царских евнухов. В то время как старший сын Константин замедлил прийти к умершему отцу, Констанций поспешил поскорее отправиться из Антиохии и пришел прежде всех. Ему вышеупомянутый пресвитер передал тайно завещание его отца, причем, в благодарность, не просил себе никакой награды, кроме того, чтобы он

---

[1] *Галлия* — нынешняя Франция.

[2] Святой Афанасий был отправлен в город Тревы — ныне Трир — многолюдный, цветущий главный город северо-восточной области древней Галлии (так называемой Белгики). Здесь Константин Великий и сам нередко проживал, когда был обладателем только западной половины империи; теперь там имел пребывание Константин, старший сын императора, в 335 году сделавшийся правителем Галлии, Испании и Британии. Трирским епископом в это время был Максимин, защитник Православия. Он с любовью и уважением принял Афанасия, который взаимно сохранял к нему привязанность. И Константин-младший, питая уважение к святителю, старался облегчить скорбь изгнания. В Трире святой Афанасий находился два года и четыре месяца.

[3] Арианскому пресвитеру Евтокию, тому самому, который имел сильное влияние на Констанцию, сестру императора Константина Великого, в деле возвращения Ария и его единомышленников из ссылки.

перешел на сторону ариан и помогал им; он хотел, чтобы Констанций, вместо благодарности бессмертному Царю Христу, за свое земное царство, безумно признавал его не Богом и Владыкой всех и не Творцом, а тварью! Вышеупомянутый Евсевий и все его сообщники содействовали этому, радуясь, что настало вожделенное для них время; они надеялись распространить и укрепить еретическое учение ариево не иначе, как в том лишь случае, если и новый царь утвердит определение о заточении Афанасия, как справедливо и вполне законно состоявшееся. В то время они склонили к своей ереси и единомыслию с собою находившегося в царских палатах препозита[1], а чрез него недуг арианского еретичества проник и в прочих евнухов[2], которые по самой природе своей весьма склонны как к восприятию, так и к распространению среди других всякого зла. Потом и супруга царя, понемногу развратившись богохульными речами, сама заразилась тем же еретическим ядом. Наконец, и сам царь, прельщенный арианским лжемудрованием, восстал на Христа, Господа и Владыку своего, так что на Нем исполнились слова Божественного Иеремии: ***пастыри отпали от Меня*** (Иер. 2, 8)[3]. И повелел Констанций публично, чтобы было утверждено арианское лжеучение, и чтобы все епископы мудрствовали так же, как он, а неповинующихся приказал убеждать угрозами.

Среди этой великой бури и смятения истинными кормчими для церквей были следующие архипастыри: Максим Иерусалимский[4], Алек-

---

[1] *Препозит* — начальник царского двора и евнухов. Доверенностью Констанция особенно пользовался евнух Евсевий, арианин.

[2] *Евнухами* назывались в древности лица, которые служили при царских дворах в качестве стражи при опочивальнях цариц и царевен. По большей части, евнухи были скопцами. При византийском дворе должность евнухов была весьма почетная; они представляли собою вообще царедворцев вельмож и имели большое влияние на государей и управление страною. Константин Великий стал назначать их на низшие должности и тем ограничивал их влияние; но при Констанции — евнухи приобрели сильное значение при дворе.

[3] Подробно стих этот читается так: *Священники не говорили: «где Господь?», и учители закона не знали Меня, и пастыри отпали от Меня, и пророки пророчествовали во имя Ваала и ходили в след тех, которые не помогают.* Здесь от имени Господа пророк Иеремия изобличает священников, правителей и пророков Израиля, позабывших милости Бога и отступивших от Него. Жизнеописатель святого Афанасия Александрийского в переносном смысле относит эти слова к Констанцию и арианствующим епископам, которые отступили от истинной веры во Христа Бога.

[4] *Святой Максим III, патриарх Иерусалимский*, занимал кафедру с 333 по 350 год. Он пострадал за имя Христово и был исповедником. Когда на Тирском соборе ариане требовали от православных епископов, чтобы они подписали беззаконный при-

сандр Константинопольский[1] и Афанасий Александрийский (о коем идет речь), который, хотя и находился в заточении, однако не оставлял кормила Церкви, утверждая Православие словом и посланиями своими. Евсевий же Никомидийский со своими единомышленниками всеми силами распространял свое еретическое лжеучение, воздвигая борьбу против православных и угнетая Церковь Христову. В особенности они вооружились против нее после ужасной кончины Ария. Хитрый и коварный Евсевий с великою честью ввел в Константинополь Ария на большое прельщение и соблазн верующих, ибо тогда не было там никого, кто бы противостал Арию, после того как к нему присоединились многие из властей, так как Афанасий находился в заточении. Но Бог, премудро свыше все устраивающий, разрушил планы их, пресекши злобу и жизнь Ария. И с какою силою язык его при жизни извергал хульные слова на Православие, с такою же и даже большею силою лопнуло чрево его, внутренности его выпали, и, он, окаянный, валялся в своей крови в нечистых местах[2]. Так свершился

говор об Афанасии, то Пафнутий, епископ города Таиса, в Верхней Фиваиде, исповедник, пострадавший в царствование Максимиана II, взял за руку Максима, вывел его из собрания и сказал: «Нам, исповедникам, неприлично принимать участие в таком соборе». — Память святого Максима совершается в Греческой Церкви 17 ноября.

[1] *Святой Александр, патриарх Константинопольский*, управлял кафедрою с 325 по 340 год. Константин Великий, обманутый притворным исповеданием веры Ария, приказал Александру принять ересиарха в церковное общение в храме святой Ирины. Святой Александр, тогда (в 336 году) почти уже столетий старец, не желал этого и в течение нескольких недель молился со своею паствою об отвращении этого угрожающего зла. Накануне принятия Ария, Александр вошел в церковь святой Ирины, пал ниц пред святым престолом и молился о том, чтобы ему не пришлось быть свидетелем такого святотатства, и чтобы лучше он сам или ересиарх был взят из мира сего. Известно, что Арий внезапно умер, когда на другой день торжественно шел в церковь.

[2] Греческие церковные историки V века Сократ и Созомен так описывают смерть Ария. В роковое утро, когда, согласно приказанию императора Константина Великого, Арий должен был быть принят в церковное общение, он, надменный более обыкновенного и делая разные пустые замечания, находился на своем пути в церковь, окруженный единомышленными ему евсевианами и любопытной, возбужденной толпой. Но вдруг он схвачен был внезапным приступом боли в желудке и отправился в отхожее место позади Константиновой площади. Вскоре затем здесь с ним сделался обморок, и вместе с испражнениями вышли его внутренности, с выпадением кишок, печени и селезенки и обильным излиянием крови, так что он почти немедленно умер. Между тем сопровождавшие его лица ждали его довольно продолжительное время. Наконец, отправившись к нему с целью позвать его, они были поражены ужасным зрелищем. У Ария (ему было тогда более 80 лет) лопнуло чрево,

достойный суд над необузданным языком и злым сосудом, напоенным зловонным гноем еретичества, каковым был Арий!

После того как этот ересиарх столь ужасным образом погубил душу и тело, Евсевий и его соумышленники приняли на себя весь труд о защите и распространении ереси и производили повсюду смущение, имея при этом ревностными помощниками евнухов, — как бы свои собственные руки. Они особенно старались, как бы заградить уста Афанасию, находившемуся в изгнании, чтобы он не распространял своих посланий в защиту православия. Но Божий промысл преклонил на милость сердце старшего сына Константина Великого, по имени — также Константина[1], который и годами, и первородством был первым среди братьев. Сей последний освободил святого Афанасия из заточения и послал его со своим посланием в Александрию, на кафедру. В этом послании было написано: «Победитель Константин Александрийской церкви и народу желает радоваться. Думаю, что среди вас нет ни одного, который бы не знал о том, что недавно случилось с великим проповедником Православия и учителем закона Божиего — Афанасием, о том, как против него врагами истины была воздвигнута общая борьба, и о том, что ему повелено было пребывать у меня в Галлии, чтобы иметь возможность уклониться на некоторое время от грозивших ему бедствий; но он не был осужден на постоянное изгнание. Мы относились к нему со всякою предупредительностью, заботясь, чтобы с ним не случилось какой-либо непредвиденной неприятности, хотя он поистине терпелив, как никто другой; воспламеняемый ревностью по Боге, он легко может перенести всякую тяготу. Отец наш Константин желал вскоре возвратить его на патриарший престол, но, скончавшись и не успев привести в исполнение своего намерения о нем, оставил это дело мне, своему наследнику, завещав об этом муже последнюю заповедь. Итак, мы повелеваем вам принять его ныне со всяким почетом и торжественной встречей».

и он лежал, плавая в своей крови и представляя ужасающее зрелище. Эта ужасная смерть Ария невольно вызывала на сравнение ее со смертью Иуды предателя. Она произвела глубокое уныние в рядах его сторонников и, естественно, была принимаема православными как высший приговор над всем его делом. И действительно, если смерть Ария была даже и естественной, во всяком случае она была ужасной внезапной смертью, и в ней нельзя не видеть высшего суда Божиего.

[1] *Константин II* — старший сын Константина Великого; при разделении империи, в качестве императора получил в управление Галлию и западную часть Северной Африки.

С этим царским посланием святой Афанасий достиг Александрии, и все православные радостно приветствовали его[1]. А те, которые держались арианской ереси, стали устраивать между собою злоумышленные сходки и снова воздвигать против святителя гонение и возбуждать смятение в народе; они измышляли различные поводы для оболгания на святого: будто он без соборного суда возвратился на патриарший престол и по своей воле вошел в церковь[2]; обвиняли его также в том, будто он был причиною различных смятений, убийств и ссылок и возводили на него другие, прежние и новые, обвинения. В то же время восстал против святого Афанасия сильно зараженный арианской ересью народ; однажды толпа народа окружила святителя, ругая его оскорбительными словами и поднимая руки, чтобы растерзать и убить его. Афанасию едва удалось спастись и тайными путями выйти из города. Между тем арианские епископы, рассылая всюду послания, объявляли, что Афанасий, законно, соборным определением, низложенный, без соборного определения снова занял престол александрийский; в то же время разглашали о насилиях, которыми будто бы сопровождалось его возвращение в Александрию. Таким образом они закрывали для него доступ во всех странах в города и церкви. Между тем Константина, покровителя Афанасиева, не стало: он был убит в Аквилее воинами[3]. Этим воспользовались враги Афанасия и возбудили в покровительствовавшем им царе Констанции такой гнев против святого, что он обещал имущества и почести тем, кто возвестит, где находится Афанасий, если он жив, или принесет ему главу убиенного архипастыря. Афанасий же довольно продолжительное время скрывался в одном глубоком, безводном и сухом рве запустевшего колодца, и никто о нем не знал, кроме одного боголюбца, который питал его, охраняя его в том месте[4]. Потом, когда

[1] Это было в конце 338 года.

[2] Враги Афанасия ссылались на то, что постановлением Тирского собора он был низложен и теперь занимает кафедру по распоряжению светской власти, вопреки церковным правилам.

[3] *Аквилея* — в древности большой и значительный город в Верхней или Северной Италии, к северу от Адриатического моря. — Здесь в марте 340 года произошло междоусобное сражение между Константином и Константом, в котором первый и был убит, а Констант сделался владетелем всего Запада.

[4] В своем потаенном убежище святой Афанасий написал сильное воззвание к епископам всех церквей, в котором изобразил все ужасы нечестия, совершившиеся пред его глазами, и умолял подать помощь славной Церкви Александрийской, попираемой еретиками. Но благочестивые пастыри могли только плакать

некоторые стали догадываться о присутствии здесь Афанасия, ибо повсюду его тщательно искали и расспрашивали о нем, и уже хотели в одно утро захватить его, он, направляемый Божественным промыслом, вышел ночью изо рва и перешел в другое место; боясь, что и там его найдут и схватят, он удалился из восточных стран в пределы западной империи.

В то время на Западе по смерти Константина II царствовал младший из сыновей Константина Великого, Констант. Достигнув Европы, блаженный Афанасий отправился в Рим и, явившись к папе Юлию[1] и к самому царю Константу, подробно все рассказал им о себе. Между тем в Антиохии тогда происходил собор восточных епископов, сошедшихся для освящения церкви[2], которую начал созидать Константин Великий, а закончил сын его Констанций. Для этого собрались там все восточные епископы, среди которых было немало ариан. Эти последние, пользуясь покровительством царя, собрали беззаконный собор и снова объявили святого Афанасия, находившегося тогда на Западе, низверженным, написав в послании к папе клеветы на Афанасия, побуждая и папу признать его низложенным. В Александрию же на патриарший престол они избрали сначала Евсевия Емесского[3], отличавшегося красноречием, но тот отказался, зная, как глубоко чтут александрийцы своего архипастыря Афанасия. Тогда поставили на александрийский патриарший престол некоего Григория, родом кап-

---

и просить помощи свыше: так сильно было смятение, произведенное в Александрии нахлынувшим полчищем ариан, и помощи искать было не у кого, так как своеволие еретиков пользовалось полным покровительством императора Констанция.

[1] *Святой Юлий* — папа Римский, ревностный защитник православия от ариан, покровитель Афанасия, занимал престол с 337 по 352 год.

[2] Так называемой Золотой церкви, великолепно заложенной Константином Великим и отстроенной Констанцием. Здесь и происходил Антиохийский собор в январе 341 года. На соборе присутствовало до девяноста епископов. Отцы собора отвергли символ собора Вселенского, и в то же время издали, несогласные между собою, один за другим три свои символа (полуарианские), а потом и еще — четвертый, и ни в одном не хотели включить выражение, ясно определившее православие: *единосущный*. Решив по-своему дело веры, они обратились потом к делам Церкви Александрийской.

[3] *Евсевий Емесский* славился своим образованием; он обучался в Александрии, а потом — у Евсевия Кесарийского. Емесским он называется по городу (Емеса — город в Сирии, южнее Антиохии), в котором был епископом. Он был любимцем Констанция, которому сопутствовал в походах.

падокиянина[1]; но тот не успел дойти до Александрии, как туда пришел уже из Рима Афанасий. Это произошло следующим образом.

Папа Юлий, тщательно рассмотрев клеветы, взведенные на Афанасия, признал их ложными, и потому снова отпустил его на Александрийскую кафедру вместе со своим посланием, в котором резко, с угрозами, изобличал дерзнувших низвергнуть его. Святой был принят православными александрийцами с великою радостью. Противники же его, узнав об этом (глава их, Евсевий Никомидийский в это время уже умер[2]), весьма смутились и тотчас внушили царю послать в Александрию вместе с Григорием войско, чтобы возвести его на патриарший престол. И вот царь послал вместе с еретиком Григорием, еретиками же избранным на патриарший престол, воеводу, по имени Сириана, с множеством вооруженных воинов, повелев ему Афанасия умертвить, Григория же возвести на архиепископскую кафедру. Однажды, накануне одного праздника, когда в Александрийской соборной церкви совершалось всенощное бдение и все православные молились в церкви с пастырем своим Афанасием и воспевали церковные песнопения, внезапно ворвался Сириан с вооруженными воинами. Обходя церковь, он искал одного только Афанасия, чтобы убить его. Но святой, покрываемый промышлением Божиим, тайно вышел из церкви, окруженный народом, и, так как в это время наступила ночная тьма, то он прошел незаметно среди всеобщего смятения и множества народа, избежав, таким образом, гибели, как бы рыба из самой середины сети, после чего снова возвратился в Рим. После этого нечестивый Григорий занял, как хищник, престол александрийский. В народе поднялось сильное волнение, так что мятежники подожгли даже один храм, называвшийся Дионисиевым.

Святой Афанасий пребывал в Риме в продолжение трех лет, пользуясь глубоким уважением царя Константа и папы Юлия. Имел он там себе другом святого Павла, архиепископа Цареградского[3], также

---

[1] *Григорий Каппадокиянин* (Каппадокия — восточная область Малой Азии) получил образование в Александрии и некогда пользовался расположением святого Афанасия. Григорий был человек грубого и буйного характера.

[2] Евсевий Никомидийский умер в 342 году.

[3] *Святой Павел, патриарх Константинопольский*, избранный по указанию его предшественника, святого Александра Константинопольского, занимал патриарший престол три раза: первый раз в 340 году, но скоро был изгнан, и на его место императором Констанцием был переведен Евсевий Никомидийский; когда через два года Евсевий умер, православные избрали опять Павла, а ариане Македония. Вторично

изгнанного нечестивыми еретиками со своего престола. Наконец, по общему согласию обоих царей: Констанция и Константа, в Сардике[1] был созван собор восточных и западных епископов по вопросу об исповедании веры, а также по делу Афанасия и Павла[2]. Среди них западных было более трехсот, а восточных немного более семидесяти, в числе которых находился и прежде упомянутый Исхир, в то время уже епископ Мареотский[3]. Сошедшиеся из асийских церквей[4] епископы не хотели даже видеться с западными до тех пор, пока те не удалят с собора Павла и Афанасия. Западные же епископы не хотели даже об этом и слышать. Тогда восточные епископы отправились в обратный путь и, дойдя до фракийского города Филиппополя[5], составили там свой собор, или, лучше сказать, беззаконное собрание, и *единосущие* открыто предали анафеме; это нечестивое свое определение они письменно разослали всем зависимым от них церквам. Узнав об этом, святые отцы, собравшееся в Сардике, прежде всего предали анафеме это богохульное собрание еретическое и нечестивое их исповедание[6];

Павел занимал патриарший престол с 342 по 344 год, но потом был низвергнут Констанцием с престола, а на его место возведен был еретик Македоний. Но и после этого Павел, когда православная партия одерживала верх, призывался в Константинополь и занимал кафедру, — в третий раз с 347 по 350 год — одновременно или попеременно с Несторием. Потом Павел был сослан Констанцием в город Кукуз (в Малой Армении) и в 351 году, томимый голодом, в заточении удушен был собственным омофором арианами. Память его — 6 ноября.

[1] *Сардика* находилась на границе владений обоих братьев: Констанция и Константа, в Иллирии, — теперь София — столица нынешней Болгарии.

[2] Констанций согласился на созвание собора, уступая требованию своего православного брата, которого просили о том восточные епископы, и который, глубоко уважая святого Афанасия, желал его оправдания. Собор происходил в 344 году. Он 1) утвердил Никейский символ, 2) разобрав дело, оправдал Афанасия и 3) предводителей арианства объявил низложенными, воспретил православным иметь с ними общение и подверг осужденных анафеме.

[3] Исхир был поставлен епископом арианами.

[4] Асийских, то есть восточных; из них главными были Феодор ираклийский, Наркисс неронопольский, Менофант ефесский, Стефан антиохийский, Акакий кесарийский и Георгий лаодикийский.

[5] *Филиппополь* — город во Фракии, к юго-востоку от Сардики. — Филиппопольский собор состоялся под председательством Стефана антиохийского. Этот собор снова осудил Афанасия, Павла константинопольского, римского Юлия, сардикийского Протогена и других православных епископов. Констанций поддержал решение Филиппопольского собора, и Афанасий, вместе с другими гонимыми, должен был оставаться в изгнании. — Он удалился в Наисс, в Дакии.

[6] Филиппопольский собор составил новый символ, более арианский, чем символы собора Антиохийского.

потом они извергли клеветников афанасиевых из занимаемых ими иерархических степеней и, утвердив составленное в Никее определение веры, ясно и точно исповедали Бога Сына единосущным с Богом Отцом.

После всего этого западный царь Констант в письме к брату своему Констанцию о Павле и Афанасии умолял его разрешить им возвратиться на свои престолы. Когда же тот все отлагал их возвращение, царь Констант снова написал к нему уже в более резких выражениях. «Если ты, — писал он, — добровольно меня не послушаешь, то и без твоего согласия я посажу каждого из них на престоле его, ибо тогда я с вооруженною силою пойду на тебя». Испугавшись угрозы брата, Констанций принял Павла, пришедшего прежде, и с честью отослал на его престол. Потом он чрез послание, написанное в духе кротости, призвал к себе из Рима святого Афанасия и после беседы с ним увидел, что это муж весьма премудрый и боговдохновенный. Подивившись великой премудрости Афанасия, Констанций оказал ему великий почет и со славою возвратил его на патриарший престол; при этом он написал к народу александрийскому и ко всем находившимся в Египте епископам и князьям, к августалию[1] Несторию и к находившимся в Фиваиде и Ливии[2] правителям, чтобы они приняли Афанасия с великою честью и уважением. Снабженный вышеупомянутым царским посланием, блаженный пошел через Сирию и Палестину и посетил святой град Иерусалим, где с любовью был принят святейшим Максимом исповедником; они рассказали друг другу о своих бедствиях и напастях, которые претерпели за Христа. Созвав восточных епископов, которые прежде, из страха пред арианами, дали свое согласие на низвержение, Афанасий привлек их к единомыслию и общению с ним, — и они воздали ему достойную честь; он же с радостью простил им содеянное против него согрешение их. Это было третье возвращение святого Афанасия на патриарший престол после трех его изгнаний[3]. И вот после бесчисленных трудов, скорбей и болезней он наконец немного отдохнул и думал остальное время провести в облегчении от них и покое. Между тем на него надвигались новые волнения и жестокие бедствия. В это время нечестивый Магненций, на-

[1] *Августалий* — царский наместник в римской провинции.

[2] *Фиваида* — южная область Египта; *Ливия* — на севере Африки, к западу от Египта.

[3] Это было в 348 году.

чальник римских войск, составив со своими единомышленниками заговор, убил Константа, государя своего[1]. Тогда ариане подняли голову и воздвигли жестокую борьбу против Церкви Христовой. Против Афанасия снова начались наветы и гонения, и все прежнее зло возобновилось. Снова появились против Афанасия царские указы и угрозы, снова Афанасию пришлось испытать бегства и страхи, снова его стали разыскивать по всей стране и по всему морю. Царь послал в Александрию для занятия патриаршего престола каппадокийца Георгия[2], который, придя в Александрию, потряс Египет, поколебал Палестину и весь Восток привел в смятение. Снова низвержены были со своих престолов: святой Максим с Иерусалимской кафедры, святой Павел — с Константинопольской. А о том, что происходило в это время в Александрии[3], святой Афанасий сам рассказывает следующее: «Снова некоторые, ища убить нас, — повествует святой Афанасий, — пришли в Александрию, и наступили бедствия, жесточайшие прежних. Воины внезапно окружили церковь, и вместо молитв раздались вопли, восклицания и смятение; все это происходило в святую Четыредесятницу. Завладев патриаршим престолом, Георгий каппадокийский, избранный македонянами и арианами, еще более возрастил зло. После пасхальной седмицы, девицы были заключаемы в узы, епископы связанными уводились воинами, дома сирых и вдовиц расхищались, и в городе происходил совершеннейший разбой. Христиане ночью выходили из города, дома запечатывались; клирики же бедствовали за своих братий; все это воистину было крайне бедственно, но несравненно большее зло последовало вскоре затем. После святой Пятидесятницы народ постился и собрался помолиться при гробнице святого священномученика Петра[4]; ибо все гнушались Георгием и избегали общения с ним. Узнав об этом, коварный Георгий возбудил против них страти-

---

[1] Магненций возмутил против Константа его армию, которая низвергла его с престола; Констант бежал, но по дороге был убит Магненцием. Это было в начале 350 года.

[2] Этот Георгий был человек без образования, грубого характера и сначала был поставщиком мяса для армии. Георгий был лжеепископом около четырех лет (357–361 гг.) и за это время причинил много скорбей и утеснений не только Церкви Александрийской и населению православному, но и языческому.

[3] Это было в отсутствие Афанасия.

[4] Здесь разумеется святой священномученик Петр, архиепископ (патриарх) Александрийский, мученически пострадавший в 311 году. Память его совершается Церковью 25 ноября.

лата[1] Севастиана, державшегося манихейской ереси. Севастиан с множеством воинов, вооруженных обнаженными мечами, луками и стрелами, ворвался в самую церковь и напал на бывший там народ, но нашел мало молящихся, так как большая часть вследствие позднего времени удалилась. Тем же, которые находились в церкви, Севастиан причинил жесточайшую скорбь. Он приказал разжечь огромный костер и, поставив дев близ огня, принуждал их исповедать ариеву ересь. Но когда Севастиан оказался не в силах принудить их к этому, так как увидел, что они совсем не обращают внимания ни на огонь, ни на угрозы, — обнажил их и повелел бить без пощады, лица же их изсек ранами настолько, что, по прошествии продолжительного времени, родные едва могли узнавать их. Мужей же, которых числом было сорок человек, предал новому мучительству: мучители подвергли их ужасному бичеванию жесткими и колючими ветвями только что срубленной финиковой пальмы и содрали им плечи, так что у некоторых пришлось несколько раз вырезать тело, вследствие того, что иглы глубоко вонзились в него; другие же, не вытерпев боли, умерли от язв. Всех же тех дев, которых с особенною жестокостью мучил, послал в заточение в великий Оасим[2], а мертвые тела убиенных ни православным, ни своим не позволил взять, но воины скрыли их в одном месте непогребенными, думая, что таким образом останется никому не известной такая жестокость; так они поступили, будучи безумны и повреждены смыслом. Православные же радовались о мучениках своих за их твердое исповедание православной веры, но в то же время рыдали о телах, что они находятся — неизвестно где. И через это еще более изобличались нечестие и жестокость мучителей. Вслед затем из Египта и Ливии были сосланы на изгнание епископы: Аммоний, Моин, Гаий, Филон, Ермий, Павлин, Псиносир, Линамон, Агафон, Агамфа, Марк, еще другие Аммоний и Марк, Драконтий, Аделфий, Афинодор и пресвитеры Иеракс и Диоскор; мучители так жестоко угнетали их, что некоторые умерли в пути, а другие в местах заточений. На вечное же заточение ариане осудили более тридцати епископов; ибо злоба их, подобно Ахаву[3], была настолько сильна, что если

---

[1] *Стратилат* — военачальник, воевода.

[2] *Оасим*, или *великий ливийский Оазис*, лежит к западу от пустыни Фиваидской, в восточной части нынешней Сахары, — древняя греческая колония, служившая часто местом ссылки.

[3] *Ахав* — восьмой царь израильский, по настоянию своей супруги Иезавели, женщины злой, властолюбивой и развращенной, распространивший среди израильтян идолопоклонство и со злобою преследовавший служителей истинного Бога.

бы было возможно, они готовы были бы изгнать и истребить истину с лица всей земли».

Между тем царь Констанций, по смерти брата своего, царя Константа, победив Магненция, стал обладать востоком и западом[1]. Как на востоке, так и на западе он начал распространять арианскую ересь, склоняя западных епископов всякими способами: и посредством страха, и посредством ласк, подарков и различных соблазнов, — к тому, чтобы они согласились на ариево вероопределение и приняли их ересь. С этою целью он повелел составить собор в итальянском городе Медиолане[2] — для низвержения Афанасия: он думал, что арианство только тогда утвердится, когда Афанасий будет совершенно низвержен и истреблен из числа живых. Много явилось тогда у царя единомышленников, одни принимали арианство из-за страха, другие — привлекаемые царскими почестями; те же, которые тверды были в православии, уклонились от этого беззаконного собора[3]. Таковы были: Евсевий, епископ Верцеллинский, Дионисий Медиоланский, Родан Толосанский, Павлин Тривиринский и Лукифор Калаританский[4]; они не подписали определения о низвержении Афанасия, считая низвержение его отвержением правой веры и истины. Вследствие этого, они были сосланы в изгнание в Аримин[5]; прочие же епископы, собравшиеся в Медиолане, осудили Афанасия на низвержение. Здесь надлежит сказать о том, как Евсевий и Дионисий не подписали определе-

---

[1] Магненций в течение трех с половиною лет после смерти Константа удерживал за собою титул цезаря на западе. Констанций рассеял его приверженцев, причем Магненций окончил жизнь самоубийством. Вся империя после того объединена была под главенством Констанция, до самой смерти его, последовавшей в 361 году.

[2] *Медиолан* — древний город, т. н. Цизальпинской Галлии или нынешней Северной Италии, — центр процветания наук и искусств; ныне — Милан — главный цветущий город итальянской области Ломбардии, с многочисленным населением.

[3] Собор был созван по просьбе Римского папы, святого Ливерия, преемника Юлия, в 355 году. На соборе присутствовало до 300 западных епископов. Ариане требовали на нем осуждения Афанасия, но западные настаивали на первоначальной подписи Никейского символа. Тогда Констанций, слушавший из соседней комнаты все рассуждения отцов собора, вошел в залу совещаний с мечом в руках и сказал, что он сам обвиняет Афанасия. Отказывавшимся подписать осуждение Афанасия угрожала ссылка, поэтому некоторые подписались, а несогласные были сосланы.

[4] *Верцеллы* — город в Северо-Западной Италии; *Толоса* — на реке Гаронне, в Южной Франции; *Трир* (иначе Тревы или Тривириум) — на реке Мозеле, в Восточной Франции; *Калария* — на острове Сардинии (на Средиземном море).

[5] *Аримин*, ныне *Римини*, древнейший цветущий город Умбрии, в северо-восточной части Италии, на берегу Адриатического моря.

ния этого беззаконного собора. Когда арианские епископы собрались в Медиолан и, не ожидая других епископов, православных, составили собор и подписали свои имена под определением о низвержении Афанасия, Дионисий Медиоланский, недавно возведенный в епископский сан и еще молодой годами, был убежден арианскими епископами подписать соборное определение: ибо он устыдился столь многих благообразных и много послуживших епископов и против воли подписал свое имя вместе с ними. После того православный епископ Верцеллинский Евсевий, почтенный годами, пришел в Медиолан (когда тот беззаконный собор уже закончился подписанием имен) и расспрашивал Дионисия о том, что совершалось на соборе. Дионисий же, рассказывая о совершившемся беззаконном суде над святым Афанасием, исповедал со многим сожалением и раскаянием свое согрешение, как он был обольщен и подписал свое согласие на низвержение Афанасия. И укорял его за то блаженный Евсевий, как отец сына: ибо Дионисий имел себе в лице Евсевия как бы отца духовного, частью — ради его преклонной старости, частью — ради того, что он и епископствовал уже много лет; при этом и по своему положению епископ Верцеллинский стоял выше Медиоланского[1]. Видя же сердечное покаяние Дионисия, Евсевий не велел ему скорбеть: «Я знаю, — сказал он, — что мне сделать для того, чтобы имя твое было изглажено от среды их». И произошло следующее.

Епископы арианские, узнав о пришествии Евсевия, призвали его в свое собрание и, показав ему составленное ими осуждение Афанасия на низвержение с подписью их имен, хотели, чтобы и он подписал свое имя под определением. Евсевий же, притворившись, что соглашается с их собором, и, как будто желая подписать, взял хартию и стал читать имена подписавшихся епископов. Дойдя до имени Дионисия, — как бы оскорбленный, воскликнул:

— Где я подпишу имя мое? Под Дионисиевым? Ни в каком случае! Дионисий выше меня да не будет! Вы говорите, что Сын Божий не может быть равен Богу Отцу: почему же вы сына моего предпочли мне?

И отказывался старец подписаться, до тех пор пока имя Дионисия не будет изглажено с высшего места. Епископы же арианские, весьма домогаясь подписи Евсевия и желая его успокоить, повелели, чтобы имя Дионисия было изглажено. Дионисий своею рукою изгладил с

---

[1] То есть епископская кафедра Верцелл в иерархическом отношении считалась выше Медиоланской.

хартии свою подпись, как бы предоставляя высшее место старейшему епископу Евсевию Верцеллинскому, а сам, как будто желая подписаться под ним. Когда имя Дионисия было изглажено, так что не оставалось и следов письмен, блаженный Евсевий перестал притворно соглашаться с собором ариан и явно исповедал истину, насмехаясь над арианами.

— Ни я не осквернюсь вашими беззакониями, — говорил он, — ни сыну моему Дионисию не позволю быть участниками вашего нечестия, ибо незаконно подписывать беззаконное осуждение на низвержение невинного архиерея, — это воспрещают закон Божий и церковные правила. Да будет всем известно, что Евсевий и Дионисий более не подпишут вашего осуждения, исполненного злобы и беззакония. Благодарение Богу, избавившему Дионисия от соучастия с вами и научившему нас, как изгладить из среды имен ваших его имя, которое было беззаконно подписано.

Ариане, увидев себя осмеянными Евсевием и Дионисием, подняли на них руки, для того чтобы причинить им насилие, и, оскорбив их многочисленными ругательствами, сослали обоих в заточение, каждого отдельно, и так сильно угнетали блаженного Евсевия в заточении, что он там страдальчески и умер. Услышав о том и узнав, что воины епарховы по царскому повелению идут, чтобы схватить его, святой Афанасий, вразумленный неким Божественным явлением, в полночь вышел из епископии и скрылся у одной добродетельной девицы, которая была посвящена Богу и жила как истинная раба Христова. Он скрывался у нее до самой кончины царя Констанция, и никто о нем совершенно ничего не знал, кроме Бога и одной только той девицы, которая сама прислуживала ему и приносила ему от других книги, какие он требовал; во время пребывания там, Афанасий написал много сочинений против еретиков[1].

---

[1] Святой Афанасий Великий был одним из знаменитейших писателей древней Церкви. Он отличался глубоким знанием Священного Писания и богословским талантом. Так как он всю жизнь свою провел в борьбе с арианами, то и сочинения его носят отпечаток этой борьбы и направлены, главным образом, против ариан. Важнейшие из сочинений святого Афанасия — следующие: 1) четыре слова против ариан, где Афанасий делает полнейшее опровержение всех их возражений, 2) послание к Епиктету, епископу Коринфскому — о божественной и человеческой природе в Иисусе Христе, 3) четыре письма к святому Серапиону, епископу Тмуитскому, в которых он доказывает Божество Святого Духа и равенство Его с Отцом и Сыном против македониан, учивших, что Святой Дух есть служебная тварь, не имеющая участия в Божестве и славе Отца и Сына, 4) послание об определениях Никейского

Между тем александрийский народ разыскивал пастыря своего, святого Афанасия, обходя с этою целью повсюду; все весьма скорбели о нем и с таким усердием искали его, что каждый готов был с радостью отдать жизнь свою за нахождение его, — и святую Церковь удручала глубокая печаль. Ариева же ересь весьма усилилась не только на Востоке, но и на Западе. По царскому повелению в Италии и по всему Западу те епископы, которые не соглашались подписать «иносущия», еретического учения о том, что Сын Божий — иного существа, чем Отец, были низлагаемы со своих престолов. В то время и святой Ливерий, папа Римский, бывший преемником блаженного Юлия, наследника святого Сильвестра, изгнан был с римского престола за свое православие; на его место избран из еретиков некто, по имени Феликс[1]. После того как отовсюду святая Церковь продолжительное время была утесняема и преследуема, приблизилась кончина царя Констанция. Находясь между Каппадокией и Киликией, на месте, называемом — «Мопсийские источники», — он лишился там и царства, и жизни[2]. Равным образом, поставленного еретиками лжеепископа александрийского постиг суд Божий, «и погибнет нечестивый с шумом», будучи убит эллинским народом, поднявшим мятеж из-за од-

собора в защиту единосущия, 5) книга о Святом Духе. Во многих из своих сочинений святой Афанасий описал волнения и дела ариан, сопровождая описания замечаниями в пользу истины Христовой; такова, например, его история ариан, написанная к монахам. Высокий образец апологии (защиты) пастырской составляет письмо святого Афанасия к императору Констанцию. Кроме того, известны сочинения святого Афанасия, относящиеся к объяснению Священного Писания; из них прежде всего обращает на себя внимание пасхальное письмо святого Афанасия, весьма важное в том отношении, что в нем перечисляются книги Ветхого и Нового Заветов, послание к Марцеллину о псалмах; остались также краткие отрывки толкований его на книги Иова и Песнь песней, на Евангелия от Матфея и Луки. К числу нравоучительных сочинений относятся послание его к Аммуну, против порицающих супружество, и послание к Руфиниану о том, как принимать еретиков в Церковь. Одно из самых назидательных сочинений святого Афанасия есть жизнь Антония Великого; святой Златоуст советует читать жизнь Антония каждому, какого бы кто состояния ни был.

[1] *Святой Сильвестр, папа Римский,* — современник I Вселенского собора, управлял церковью с 314 по 335 год (память его 2 января), его непосредственным преемником был святой Марк (336), а после него святой Юлий (337–362 гг.), защитник Афанасия и строгий ревнитель православия, и, наконец, святой Ливерий (352–366 гг.). Феликс II занимал кафедру после удаления императором Ливерия (355–356 гг.) и одновременно с ним, — почему иначе называется антипапой.

[2] В юго-восточной части Малой Азии. Констанций умер, возвращаясь с Востока, после борьбы с персидским царем Сапором, 3 ноября 361 года.

ного места в Александрии, принадлежавшего ему, которое Георгий хотел отнять[1].

По смерти Констанция на престол царский вступил Юлиан[2], который принялся уничтожать Констанциевы уставы и законы и возвращал всех из изгнания. Узнал об этом и Афанасий, но он опасался, как бы ариане не привлекли к своему нечестию Юлиана (тогда еще не обнаружилось отступничество Юлиана и совершенное отречение его от Христа). Тем не менее святой Афанасий среди глубокой ночи вышел из вышеупомянутого дома девицы, в котором скрывался, и явился посреди церкви Александрийской. Кто в состоянии изобразить радость, охватившую всех православных, — как отовсюду стекались они, чтобы увидеть его, со сколь великим наслаждением клирики и граждане и весь народ смотрели на него и с любовью его обнимали?! Прибытие его возбудило в православных мужество, и они немедленно изгнали ариан из Александрии, город же и себя самих поручили Афанасию, пастырю и учителю своему.

Между тем беззаконный Юлиан, прежде тайный язычник, теперь уже явно показал свое отвержение. Утвердившись на царстве, он пред всеми отрекся от Христа и похулил пресвятое Имя Его, поклонился идолам, соорудил повсюду капища и повелел приносить мерзостные жертвы нечестивым богам: и были повсюду воздвигнуты жертвенники, разносился смрад и дым, совершались заклания животных, и проливалась их кровь. Обличаемый великими столпами и учителями церковными, Юлиан воздвиг на Церковь жестокое гонение, и в самом начале гонения вооружился против святого Афанасия. Когда царь советовался со своими единомышленниками и премудрыми своими волхвами и вопрошал еще и волшебников и чародеев, как истребить с лица вселенной христианство, всем пришло на мысль, что должно истребить с лица земли и погубить Афанасия. Они так рассуждали: «Если низвержено будет основание, то тогда легко будет отдельно разорить и прочие части христианской веры». Снова составился беззаконный суд над Афанасием, снова в Александрию было послано войско, снова пришел город в смятение. Церковь была окружаема и потрясаема руками вооруженных воинов, но разыскивали только одного Афанасия, чтобы убить его. Он же, как и прежде, покрываемый промыслом Бо-

[1] Это было в декабре 361 года.

[2] *Юлиан Отступник*, племянник Константина Великого, царствовал с 361 по 363 год.

жиим, пройдя среди толпы, избег рук ищущих его и ночью достиг реки Нила. Когда святой сел на один корабль с целью отплыть в Фиваиду, догнали его любящие его и со слезами говорили:

— Куда опять уходишь от нас, отче? На кого оставляешь нас, как овец, не имеющих пастыря?

Святой отвечал:

— Не плачьте, чада, ибо этот мятеж, который ныне видим, вскоре прекратится.

Сказав это, он отплыл в путь свой. Между тем за ним поспешно следовал один военачальник, которому мучитель[1] повелел немедленно убить Афанасия, как скоро настигнет его. Когда же один из находившихся с Афанасием издали заметил того военачальника, плывшего вслед за кораблем и уже настигавшего их, и хорошо признал его, то стал увещевать своих гребцов грести поспешнее, чтобы убежать от преследователей. Но святой Афанасий, немного повременив, и прозревая имеющее с ним быть, повелел гребцам направить корабль снова к Александрии. Когда те сомневались по поводу этого и боялись исполнить повеление Афанасия, он велел им мужаться. Тогда, обратив корабль направо, они поплыли в Александрию прямо навстречу гонителям; когда они приблизились к ним, то взоры варваров были омрачены как бы мглою, так что видя — не видели, — и поплыли мимо. Афанасий же спросил их:

— Кого вы ищете?

Они отвечали:

— Ищем Афанасия: не видали ли вы его где?

— Он плывет, — отвечал Афанасий, — немного впереди вас, как будто бежит от каких-то преследователей: поторопитесь, и тогда вы скоро догоните его.

Так святой спасся от рук убийц. Достигнув Александрии, он вошел в город, и все верующие радовались его возвращению; однако он скрывался до смерти Юлиана[2]. Когда вскоре после того нечестивый царь погиб, на престол царский вступил Иовиниан, бывший благочестивым христианином. И снова Афанасий безбоязненно воссел на престол свой, благопопечительно управляя церковью. Но и Иовиниан царствовал недолго — всего семь месяцев[3] — и умер в Галатии. На

---

[1] То есть император Юлиан.

[2] Юлиан был убит во время одной битвы с персами 26 июня 363 года.

[3] Иовиниан умер 17 февраля 364 года.

престол вступил Валент[1], зараженный арианской ересью. Снова бедствия постигли Церковь. Нечестивый царь, приняв власть, заботился не об общем мире, не о победах над врагами, но начал снова стараться, как бы распространить и утвердить арианство. Православных архиереев, несоизволяющих на его ересь, он низлагал с их кафедр. Таким образом он изгнал прежде всего святого Мелетия, архиепископа Антиохийского[2]. Когда эта внутренняя борьба, утесняющая повсюду Церковь Христову, достигла до Александрии и по повелению епарха воины должны были взять под стражу святого Афанасия, — блаженный тайно вышел из города и, скрывшись в семейном склепе, пребывал там в продолжение четырех месяцев, — и никто не знал, где он. Тогда вся Александрия, скорбящая и сетующая о святом Афанасии, подняла большой мятеж, тревожимая от царей столь великими и столь многими скорбями. Александрийцы хотели уже отпасть от Валента и приготовили оружие для восстания.

Узнав об этом, царь, боясь их отпадения, и мужества, и междоусобной войны, позволил Афанасию, хотя и вопреки желанию, безбоязненно управлять Александрийской церковью. Таким образом, Афанасий, престарелый воин Христов, после долгих трудов и многих подвигов за Православие, перед самой уже кончиной своей пожив непродолжительно в тишине и мире на своей кафедре, почил о Господе[3] и присоединился к отцам своим, патриархам, пророкам, апостолам, мученикам и исповедникам, подобно которым подвизался на земле. Он епископствовал сорок семь лет[4] и преемником по себе на Александрийской кафедре оставил Петра[5], блаженного друга своего, участника во всех своих бедствиях. Сам же преставился для получения светлых венцов и воздаяния неизреченных благ от Христа Господа своего, ему же со Отцом и Святым Духом, слава и держава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

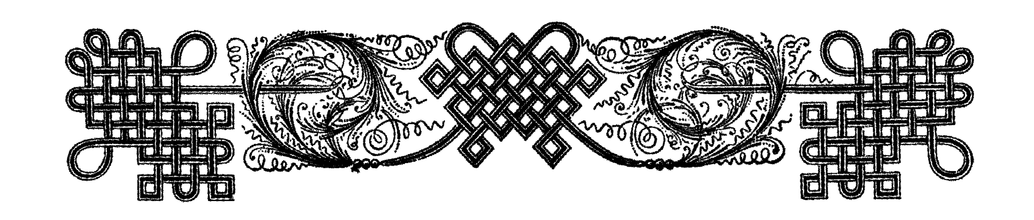
[1] После смерти Иовиниана войско 26 февраля избрало его преемником Валентиниана, который через месяц отдал восточную половину империи своему брату Валенту, ревностному арианину. Валент царствовал с 364 по 378 год.

[2] *Мелетий*, патриарх Антиохийский, занимал кафедру с 358 по 381 год. Был защитником православия, за что по проискам ариан несколько раз подвергался удалению с кафедры.

[3] Святой Афанасий Великий преставился 2 мая 373 года.

[4] Из них более 20 лет провел в изгнании.

[5] *Петр II*, патриарх Александрийский, управлял Церковью с 373 по 380 год.

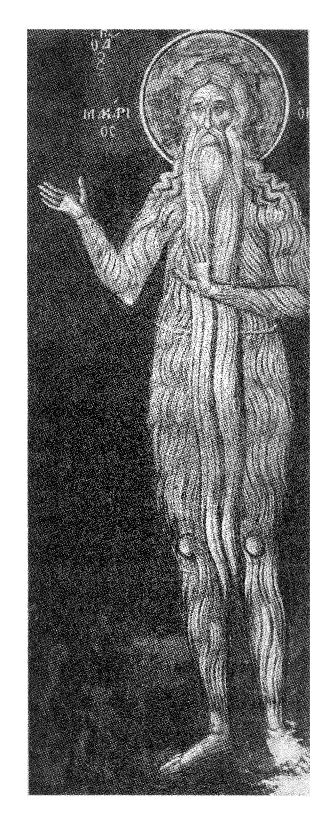
День девятнадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАКАРИЯ ЕГИПЕТСКОГО

Преподобный Макарий Египетский[1] родился в египетской стране, в селении, носившем название Птинапор[2]. Они были соименны древним святым праотцам — Аврааму и Сарре, ибо отец преподобного Макария назывался Авраамом (он был пресвитером), мать же Макария носила имя Сарра. Так как супружество родителей Макария было неплодным, то они решили проводить целомудренную жизнь, впрочем, не разлучаясь друг с другом, а проживая вместе. Итак, в течение многих лет жили родители Макария, соединенные духовным сожитием, а не плотским. Они украшали свою жизнь воздержанием и постом, частыми молитвами, неослабным бдением, щедрой раздачей милостыни, страннолриимством и многими другими добродетелями. В то время, по Божественному произволению, напали на Египет варвары, которые разграбили все имущество жителей Египта. Вместе с другими и родители Макария лишились всего своего имущества, почему хотели даже удалиться из своего отечества в какую-либо иную страну. Но однажды ночью, когда отец Макария — Авраам — спал, явился ему во

[1] Преподобный Макарий называется «Египетским» в отличие от другого, соименного и современного ему подвижника, который родился и большую часть жизни провел в городе Александрии, и поэтому называется «Александрийским», или «городским». За свою же святость и мудрость Макарий Египетский называется «Великим». Родился он около 301 года.

[2] *Птинапор*, или *Пежижвир*, — селение, находившееся на западном берегу Нила, в пределах нынешней египетской провинции Менуф, или Менуфиэ, в южной части Нильской долины, в так называемом Нижнем Египте. В настоящее время от него остались одни развалины.

сне святой патриарх Авраам, в виде почтенного, убеленного сединами старца в блестящей одежде. Явившийся святой патриарх утешал Авраама в его несчастии, повелевая ему уповать на Господа и не отлучаться из пределов египетских, но переселиться в селение Птинапор, находящееся в той же стране. При этом патриарх Авраам предсказал родителю Макария, что Бог скоро благословит его рождением сына, как некогда благословил Он самого патриарха Авраама, когда он был пришельцем в земле Ханаанской, дав ему сына в старости (Быт. 21, 2). Пробудившись от сна, пресвитер Авраам пересказал бывшее ему видение жене своей Сарре, и они оба воздали хвалу Богу. Немедленно после этого Авраам и Сарра переселились в указанное селение Птинапор, которое находилось в недалеком расстоянии от пустыни Нитрийской. Все это произошло по Божественному произволению, дабы имевший родиться от них сын — преподобный Макарий — сильнее возлюбил пустынническое житие, коему он предался, как мы увидим впоследствии, всей душой. Во время жительства родителей Макария в селении Птинапор случилось, что отец Макария — Авраам так сильно заболел, что был близок к смерти. Однажды ночью, когда он лежал на одре болезни, он увидел в сонном видении, будто Ангел Господень вышел из алтаря в храме, где служил Авраам, и, приблизившись к нему, сказал:

— Авраам, Авраам! Встань с одра твоего.

Авраам отвечал Ангелу:

— Я болен, господин, и потому не могу встать.

Тогда Ангел, взяв больного за руку, с кротостью сказал ему:

— Бог помиловал тебя, Авраам: Он исцеляет тебя от болезни твоей и дарует тебе Свое благоволение, ибо жена твоя Сарра родит сына, соименного блаженству. Он будет жилищем Святого Духа, ибо в ангельском образе будет жить на земле и многих приведет к Богу.

Пробудившись после этого видения, Авраам почувствовал себя совершенно здоровым; исполнившись страха и радости, он тотчас рас-

сказал своей жене Сарре все, что он видел в видении и что говорил ему Ангел. Истинность же этого видения удостоверялась внезапным исцелением его от тяжкой болезни. И оба они, Авраам и Сарра, возблагодарили премилосердого Господа Бога. Вскоре после этого Сарра зачала в старости, и по прошествии определенного времени у нее родился ребенок мужского пола, которому нарекли имя Макарий, что значит «блаженный», и просветили его святым крещением.

Когда отрок Макарий достиг совершенного возраста и научился разумению Священного Писания, родители его, как бы забыв предсказанное о нем Ангелом, явившимся в видении Аврааму, пожелали, чтобы Макарий вступил в супружество, хотя сам Макарий не имел к этому никакого желания. Напротив, он всеми силами противился уговору своих родителей, желая обручиться единой нетленной невесте — чистой и непорочной девственной жизни. Однако, подчиняясь воле родителей, Макарий повиновался им, предав всего себя в руки Господа и надеясь, что Он укажет ему дальнейший путь жизни. По совершении брачного пира, когда новобрачные были введены в брачную комнату, Макарий притворился больным и не прикоснулся к своей невесте, от глубины своего сердца молясь Единому истинному Богу и на Него возлагая свое упование, дабы Господь в скором времени даровал ему оставить мирскую жизнь и сделаться иноком. Спустя несколько дней случилось одному из родственников Макария отправиться на Нитрийскую гору[1], чтобы принести оттуда селитры, которая находилась там в громадном количестве, от чего и самая гора носила название «Нитрийская». По желанию своих родителей отправился вместе с ним и Макарий. Придя по дороге туда, к Нитрийскому озеру, Макарий отошел от своих спутников в сторону, желая немного отдохнуть от пути, и заснул. И вот, в сонном видении, пред ним предстал некий дивный муж, блистающий светом, который сказал Макарию:

— Макарий! Взгляни на эти пустынные места и внимательно рассмотри их, ибо тебе предназначено поселиться здесь.

Пробудившись от сна, Макарий стал размышлять о сказанном ему в видении и был в недоумении относительно того, что с ним про-

---

[1] Пустыня Нитрийская, — которую блаженный Иероним называет «градом Божиим», по святости пустынножителей, обитавших в ней, — была обширная пустыня, граничащая с Ливией и Эфиопией. Она получила название от соседней горы, где в озерах находилось множество нитратов, или селитры.

изойдет. В то время еще никто не селился в пустыне, кроме Антония Великого и никому не известного пустынника Павла Фивейского, подвизавшегося где-то во внутренней пустыне и виденного лишь одним Антонием. Когда после трехдневного путешествия к Нитрийской горе Макарий со спутниками возвратился домой, то застал свою супругу страдающей такой сильной горячкой, что она находилась уже при смерти. Вскоре она скончалась на глазах Макария, непорочной девственницей отойдя в вечную жизнь. Макарий возблагодарил Бога, что Он сподобил его видеть кончину жены, и в назидание себе так размышлял и о своей смерти:

— Внимай себе, Макарий, — говорил он, — и имей попечение о своей душе, ибо и тебе вскоре предстоит оставить эту земную жизнь.

И с этого времени Макарий уже не стал заботиться ни о чем земном, непрестанно пребывая в храме Господнем и занимаясь чтением Священного Писания. Родители Макария, видя, какой образ жизни он ведет, не осмеливались уже в присутствии его упоминать даже имени женского, но весьма радовались таковой его целомудренной жизни. Между тем Авраам, отец Макария, вступил уже в преклонные лета и сделался сильно болен, так что от старости и болезни лишился зрения. Блаженный Макарий с любовью и усердием ухаживал за своим престарелым и больным отцом. Вскоре старец отошел ко Господу, а спустя шесть месяцев после его кончины скончалась о Господе и Сарра, мать Макария. Преподобный Макарий похоронил родителей своих обычным христианским погребением и сделался совершенно свободным от уз плоти, раздав после погребения их все свое имущество бедным на помин души почивших. На сердце Макария была великая печаль, что теперь он уже не имеет никого, кому он мог бы открыть свою тайну и получить добрый совет для Богоугодной жизни. Поэтому он усердно стал молиться Богу, чтобы Он послал ему доброго наставника, который руководствовал бы его на пути к спасению.

Спустя некоторое время наступил день празднования памяти одного святого, в честь которого, по обычаю своих родителей, и Макарий пожелал устроить праздник. Ввиду сего, он приготовил обед, предназначая его не столько для своих соседей, сколько для нищих и убогих. Присутствуя в этот день за церковным богослужением, Макарий увидал одного почтенного старца — инока, вошедшего в храм. Инок этот имел длинные седые волосы и бороду, доходившую почти до пояса; лицо его было бледно от продолжительного поста; весь же

вид его был благолепен, ибо и внутренний его душевный образ был украшен красотою добродетелей. Этот старец проживал невдалеке от селения Птинапор в пустынном месте, где он имел отшельническую келью. Он никогда никому не показывался из людей, и лишь в настоящий день, по Божественному устроению, пришел в находящуюся в селении церковь, чтобы причаститься Пречистых Христовых Тайн. По окончании Божественной литургии Макарий упросил этого инока прийти к нему в дом на общую трапезу. После трапезы, когда все приглашенные Макарием разошлись по домам, Макарий задержал инока и, отведя его в уединенное место, припал к ногам старца и сказал ему:

— Отче! Позволь мне завтра утром прийти к тебе, ибо я хочу спросить твоего опытного совета относительно дальнейшей моей жизни!

— Приходи, чадо, — отвечал старец, — когда желаешь, — и с этими словами ушел от Макария.

На другой день рано утром Макарий пришел к старцу и открыл ему тайну своего сердца, что он желает всеми своими силами работать для Господа, и вместе с тем усердно просил старца научить его, что ему делать для спасения души своей. Душеполезными беседами старец в течение целого дня удержал Макария у себя, и когда зашло солнце, они вкусили немного хлеба с солью, и старец повелел Макарию лечь спать. Сам же старец стал на молитву, устремив ум свой горé; при наступлении глубокой ночи он пришел в восторженное состояние и увидел собор иноков, одетых в белые одежды и имеющих крылья. Они обходили вокруг спящего Макария и говорили:

— Встань, Макарий, и начни указанное тебе Богом служение; не откладывай этого на другое время, ибо ленивый поступает неблагоразумно, а неленивый зарабатывает и его плату.

Это свое видение святой старец наутро рассказал Макарию и, отпуская его от себя, сделал ему такое наставление:

— Чадо! Что имеешь намерение сделать, делай скорее, потому что Бог призывает тебя для спасения многих. Поэтому с настоящего времени не будь леностен на дела богоугодные!

Преподав еще Макарию наставления относительно молитвы, бдения и поста, старец отпустил его с миром. Возвратившись от старца домой, блаженный Макарий роздал бедным все свое имущество, не оставив себе ничего даже для насущных потребностей. Освободившись таким образом от всех житейских забот и сделавшись и сам как бы нищим, Макарий снова пришел к старцу для того, чтобы всецело предаться давно желаемому им служению Господу. Старец с любовью

принял смиренного юношу, показал ему начатки безмолвного иноческого жития и обучил его обычному иноческому рукоделию — плетению корзин. При этом старец устроил для Макария отдельную келью в недалеком расстоянии от своей, ибо сам любил в уединении служить Господу. Во вновь устроенную келью он отвел своего нового ученика, вновь преподав ему необходимые наставления о молитве, пище и рукоделии. Так блаженный Макарий, с помощью Божией, начал проходить трудное иноческое служение и день ото дня преуспевал в иноческих подвигах. Спустя несколько времени в селение Птинапор случилось прийти епископу той страны, и он, узнав от жителей селения о подвигах блаженного Макария, призвал его к себе и, против его желания, поставил клириком местной церкви, хотя Макарий был еще молод. Но святой Макарий, тяготясь должностью клирика, которая нарушила его безмолвное житие, спустя несколько дней убежал оттуда и поселился в пустынном месте около другого селения. Сюда к нему пришел один благоговейный человек простого звания, который и стал служить Макарию, продавая его рукоделия и покупая на вырученные деньги ему пищу. Ненавистник всякого добра — диавол, видя, как он побеждается юным иноком, замыслил против него брань и стал усиленно воевать с ним, строя против него многоразличные козни, иногда внушая ему греховные помыслы, иногда же нападая на него в образе разных страшилищ. Когда Макарий бодрствовал ночью, стоя на молитве, диавол до самого основания потрясал его келью, а иногда, превратившись в змея, ползал по земле и с яростью устремлялся на святого. Но блаженный Макарий, ограждая себя молитвою и крестным знамением, ни за что считал козни диавола, восклицая, как некогда Давид:

— Не убоюсь *ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке* (Пс. 90, 5).

Тогда диавол, не имея возможности победить непобедимого, изобрел против него новую хитрость. Один из жителей того селения, близ которого подвизался Макарий, имел дочь — девицу, которую один юноша, также живший в этом селении, просил отдать себе в жены. Но так как юноша был очень беден, и притом простого звания, то родители девицы не соглашались отдать в замужество за него свою дочь, хотя сама девица и любила того юношу. Спустя несколько времени девица оказалась непраздною. Когда она стала спрашивать юношу, какой ей дать ответ своим родителям, то последний, научаемый учителем злобы — диаволом, говорил ей:

— Скажи, что это сделал с тобою живущий около нас отшельник.

Девица послушалась коварного совета и обострила против невинного инока свой язык, как бы змеиный. И вот, когда родители заметили, что девица должна быть матерью, то с побоями стали ее спрашивать, кто виновник ее падения. Девица тогда отвечала:

— В этом виновен отшельник ваш, которого вы считаете святым. Как-то раз, когда я находилась за селением и подошла к тому месту, где он живет, отшельник встретил меня на дороге и сделал надо мною насилие, а я из-за страха и стыда никому не сказала об этом до этого времени.

Уязвленные этими словами девицы как бы стрелами, родители и родственники ее все вместе бросились к жилищу святого с громкими криками и бранными словами. Вытащив Макария из кельи, они долго его били, и потом привели с собою в селение. Здесь, собрав множество разбитых сосудов и черепков и связав их веревкою, повесили святому на шею и в таком виде водили его по всему селению, без милосердия надругаясь над ним, нанося ему побои, толкая его, терзая за волосы и ударяя ногами. При этом они восклицали:

— Этот монах осквернил нашу девицу, бейте его все!

Случилось в это время проходить мимо одному благоразумному человеку. Увидев происходящее, он сказал бьющим святого:

— Долго ли вы будете бить невинного странствующего инока, достоверно не узнав, справедливо ли обвинение против него? Я думаю, что это искушает вас диавол.

Но они, не слушая слов этого мужа, продолжали истязать святого. Между тем тот человек, который ради Бога служил Макарию, продавая его рукоделие, шел в отдалении от святого и горько плакал, не будучи в состоянии воспрепятствовать бить святого и освободить Макария из рук тех, которые *как псы окружили его* (Пс. 21, 17). А бьющие святого, обернувшись, бросались с бранью и угрозами и на этого человека.

— Вот, что сделал, — кричали они, — отшельник, которому ты служишь! — и продолжали бить Макария палками, пока не удовлетворили своей ярости и гнева; и Макарий остался полумертвый на дороге. Родители же девицы не хотели и теперь его оставить, но говорили:

— Не пустим его до тех пор, пока он не представит нам поручителей в том, что он будет кормить нашу дочь, которую он обесчестил.

Еле переводя дух, Макарий просил служившего ему человека:

— Друг! Будь за меня поручителем.

Последний, готовый даже умереть за святого, поручился за него, и, взяв Макария, совершенно обессилевшего от ран, с великим усилием отвел его в келью. Несколько оправившись от ран, Макарий стал усиленнее трудиться над своим рукоделием, говоря сам себе так:

— Ты теперь, Макарий, имеешь жену и детей, и поэтому тебе необходимо работать день и ночь, дабы доставлять им необходимое пропитание.

Делая корзины, он продавал их чрез указанного человека, а вырученные деньги отсылал на прокормление девице. Когда же ей наступило время рождать, то ее постиг праведный суд Божий за то, что она оклеветала невинного святого. Долго она не могла разрешиться от бремени и страдала многие дни и ночи, горько плача от весьма сильной боли. При виде таких ее мучений страдали вместе с нею и родители ее и в недоумении спрашивали ее:

— Что это случилось с тобой?

Тогда девица, хотя и сильно не желала того, принуждена была открыть истину. С громкими воплями она сказала:

— О, горе мне окаянной! Я достойна ужасного наказания за то, что оклеветала праведника, сказав, что он виновник моего падения. Не он виновник сего, но тот юноша, который хотел жениться на мне.

Слыша вопли девицы, родители ее и родственники, находившиеся около нее, были сильно поражены ее словами; и напал на них сильный страх, и они весьма устыдились, что дерзнули так оскорбить невинного инока, служителя Господня. В страхе они взывали: «Горе нам!» Между тем весть о происшедшем разнеслась по всему тому селению, и все жители его, от мала до велика, стеклись к дому, где жила девица. Услышав там вопли девицы, что отшельник невиновен в ее позоре, жители сильно укоряли себя и весьма скорбели, что без милосердия все они били святого. Посоветовавшись с родителями девицы, все они решились пойти к преподобному Макарию и с плачем припасть к его ногам, прося прощения, дабы не постиг их гнев Божий за то, что они оскорбили невинного человека. Узнав такое решение их, прислуживающий Макарию муж, который и поручился за него, быстро побежал к нему и радостно сказал ему:

— Радуйся, отче Макарий! Счастлив и радостен нынешний день для нас, ибо Бог сегодня прежнее твое поношение и бесчестие изменил в прославление. И мне уже не надобно более быть поручителем за

тебя, ибо ты оказался бесстрастным, праведным и преславным невинным страдальцем. Сегодня суд Божий постиг ту, которая несправедливо обвинила тебя и оклеветала тебя невиновного. Она не может разрешиться от бремени и призналась, что не ты виновник ее падения, но один юноша. Теперь все жители селения, от мала до велика, хотят прийти к тебе с покаянием, дабы прославить Бога за твое целомудрие и терпение и испросить у тебя прощения, чтобы не постигло их какое-либо наказание от Господа за то, что они несправедливо тебя оскорбили.

С прискорбием выслушал слова этого человека смиренный Макарий: он не желал почести и славы от людей, ибо ему гораздо приятнее было принимать от людей бесчестие, нежели честь; поэтому с наступлением ночи он встал и удалился из тех мест, пойдя прежде всего на Нитрийскую гору, где он некогда имел во сне видение. Прожив там три года в одной пещере, он пошел к Антонию Великому, постнически подвизавшемуся в пустыне Фаранской[1], ибо Макарий уже давно слышал о нем, еще тогда, когда он жил в миру, и сильно желал его видеть. Принятый с любовью преподобным Антонием, Макарий соделался искреннейшим учеником его и прожил у него в течение долгого времени, получая наставления для совершенной добродетельной жизни и стараясь во всем подражать отцу своему. Потом, по совету преподобного Антония, Макарий удалился для уединенной жизни в скитскую пустыню[2], где он так просиял подвигами и столь преуспел в иноческой жизни, что превосходил многих братий и получил от них название «юноша старец», так как, несмотря на молодость свою, обнаружил вполне старческую жизнь. Здесь Макарию приходилось бороться с бесами и день и ночь. Иногда бесы явно, обратившись в различные страшилища, с яростью устремлялись на преподобного, иногда в виде вооруженных воинов, сидящих на конях и скачущих на сражение; с великим криком, ужасным воплем и шумом устремлялись они на святого, как бы собираясь его умертвить. Иногда же бесы воздвигали против святого невидимую брань, внушая ему различные страстные и нечистые помыслы, разными хитрыми способами стараясь поколебать эту твердую стену, устроенную Христом, и разорить ее.

---

[1] *Фаран* — пустая и гористая страна между Палестиной, Египтом, Идумеей и Синайским полуостровом.

[2] Скитская пустыня находилась в расстоянии дневного пути (25–30 верст) от Нитрийской горы, в северо-западной части Египта. Это была безводная каменистая пустыня, излюбленное место египетских пустынников, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся в ней иноков.

Однако они нисколько не могли преодолеть этого мужественного борца истины, который имел своим помощником Бога и, как Давид, восклицал:

— *Иные колесницами* (с оружием), *иные конями, а я именем Господа Бога нашего хвалюсь; они поколебались и пали, с Богом я окажу силу* (Пс. 19, 8–9; 59, 14) и Он уничтожит всех врагов моих — бесов, столь свирепо нападающих на меня.

Однажды ночью спящего Макария окружило множество бесов, которые будили его и говорили:

— Встань, Макарий, и пой с нами, а не спи.

Преподобный же, уразумев, что это бесовское искушение, не вставал, но, лежа, говорил бесам:

— *Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный* отцу вашему *диаволу* (Мф. 25, 41) и вам.

Но они говорили:

— Зачем ты оскорбляешь нас, Макарий, понося нас такими словами?

— Разве может быть, — возразил преподобный, — чтобы кто-либо из бесов пробуждал кого-нибудь для молитвы и славословия Божиего или наставлял в добродетельной жизни?

Но бесы продолжали призывать его на молитву, и в течение долгого времени не могли этого сделать. Тогда, исполнившись ярости и не вынося пренебрежения от Макария, они во множестве устремились на него и стали наносить ему побои. Святой же возопил ко Господу:

— Помоги мне, Христе Боже мой, и *изба́ви мя от обыше́дших мя* (славянск.)*, ибо псы окружили меня, раскрыли на меня пасть свою* (Пс. 31, 7; 21, 14, 17–18).

И внезапно все множество бесов исчезло с великим шумом.

В другой раз случилось, что Макарий набрал в пустыне много пальмовых ветвей для плетения корзин и нес их в свою келью. На пути его встретил диавол с серпом и хотел ударить святого, но не мог. Тогда он сказал Макарию:

— Макарий! Из-за тебя я терплю великую скорбь, потому что не в состоянии победить тебя. Вот и я, все, что делаешь ты, делаю. Ты постишься, ничего вовсе не ем и я; ты бодрствуешь, и я никогда не сплю. Одно, впрочем, есть, в чем ты превосходишь меня.

— Что это такое? — спросил его преподобный.

— Смирение твое, — отвечал диавол, — вот почему я и не могу бороться с тобою.

Когда преподобному Макарию исполнилось сорок лет, он получил от Бога дар чудотворения, пророчества и власть над нечистыми духами. В то же время он был посвящен в сан священника и сделан настоятелем (аввой) иноков, проживающих в скиту. О его пище и питье, то есть о том, как он постился, не надлежит много и говорить, потому что даже и самые немощные из братий его скита не могли быть укоряемы ни в объедении, ни в употреблении какой-либо изысканной пищи. Хотя это происходило отчасти и по недостатку в тех местах какой-либо изысканной пищи, но главным образом — ради соревнования пребывающих там иноков, которые старались не только подражать в постничестве один другому, но и превзойти друг друга. О других же подвигах Макария, этого небесного человека, среди отцов ходят различные сказания. Рассказывают, что преподобный непрестанно возносился умом в горнее и большую часть своего времени устремлял свой ум к Богу, нежели к предметам мира сего. Часто Макарий посещал и учителя своего Антония Великого и получал от него много наставлений, ведя с ним духовные беседы. Вместе с двумя другими учениками преподобного Антония и Макарий сподобился присутствовать при блаженной кончине его и, как некое богатейшее наследство, получил посох Антония, которым тот поддерживал в дороге свое немощное тело, удрученное старостью и постническими подвигами. Вместе с сим посохом Антония преподобный Макарий принял сугубо и дух Антония Великого, как некогда воспринял таковой пророк Елисей после Илии пророка (4 Цар. 2, 9)[1]. Силою этого духа Макарий сотворил многие дивные чудотворения, к повествованию о которых мы теперь и переходим.

Один нечестивый египтянин распалился нечистою любовью к замужней красивой женщине, но никак не мог склонить ее к измене мужу, ибо она была целомудренна, добродетельна и любила своего мужа. Сильно желая овладеть ею, египтянин этот отправился к одному чародею с просьбою, чтобы он посредством своих волшебных чар устроил так, чтобы женщина эта полюбила его, или же чтобы муж ее возненавидел ее и прогнал от себя. Чародей, получив от того египтянина богатые подарки, употребил свои обычные волшебства, пытаясь силою волшебных чар соблазнить целомудренную женщину на дурной поступок. Не будучи в состоянии склонить непоколебимую душу женщины к греху, чародей очаровал глаза всех, смотревших на женщину, устроив так, что она казалась всем не женщиною, имеющею че-

---

[1] Как это выражено в службе преподобному Макарию (см. Минею месячную — икос по 6-й песни канона).

ловеческий вид, но животным, имевшим вид лошади. Муж той женщины, придя домой, с ужасом увидал вместо своей жены лошадь и сильно удивлялся, что на постели его лежит животное. Он обратился к ней со словами, но не получил никакого ответа, только заметил, что она приходит в ярость. Зная же, что это должна была быть его жена, он понял, что это сделано по чьей-либо злобе; поэтому он весьма огорчился и проливал слезы. Потом он призвал в свой дом пресвитеров и показал им свою жену. Но они не могли понять, что пред ними человек, а не животное, так как и их глаза были очарованы, и они видели животное. Прошло уже три дня с того времени, как женщина эта стала всем казаться лошадью. В течение этого времени она не принимала пищи, потому что не могла есть ни сена, как животное, ни хлеба, как человек. Тогда муж ее вспомнил о преподобном Макарии и решился отвести ее в пустыню к святому. Надев на нее узду, как бы на животное, он пошел к жилищу Макария, ведя за собою жену, имеющую вид лошади. Когда он приближался к келье преподобного, иноки, стоявшие около кельи, негодовали на него, зачем он желает с лошадью войти в монастырь. Но он сказал им:

— Я пришел сюда для того, чтобы животное это, по молитвам святого Макария, получило милость от Господа.

— Что же дурного случилось с нею? — спросили иноки.

— Это животное, которое вы видите, — отвечал им человек, — моя жена. Как же она обратилась в лошадь, я не знаю. Но вот уже три дня прошло с того времени, когда это случилось, и она все это время не вкушает никакой пищи.

Выслушав его рассказ, братия тотчас поспешили к преподобному Макарию, чтобы рассказать ему об этом, но ему уже было откровение от Бога, и он молился за женщину. Когда иноки рассказали святому происшедшее и указывали ему на приведенное животное, то преподобный сказал им:

— Вы сами подобны животным, так как глаза ваши видят скотский образ. Она же, как создана женщиною, так и остается ею, а не изменила своей человеческой природы, но лишь кажется животным вашим глазам, обольщенным волшебными чарами.

Затем преподобный освятил воду и с молитвою вылил ее на приведенную женщину, и тотчас она приняла свой обычный человеческий вид, так что все, смотря на нее, видели женщину, имеющую лицо человека. Повелев дать ей пищи, святой сделал ее совершенно здоровой. Тогда и муж, и жена, и все видевшие это предивное чудо возбла-

годарили Бога. Макарий дал наставление исцеленной женщине, чтобы она как можно чаще ходила в храм Божий и причащалась святых Христовых Тайн.

— Это случилось с тобою, — сказал преподобный, — от того, что прошло уже пять недель, как ты не причащалась Божественных Тайн.

Сделав наставление мужу и жене, святой отпустил их с миром.

Подобным образом исцелил Макарий и одну девицу, которую один волшебник превратил в ослицу и которую в таком виде привели к святому родители ее. Другую же девицу, всю гнившую от ран и струпьев и кишевшую червями, он соделал совершенно здоровою, помазав ее святым елеем.

К преподобному Макарию приходило весьма много разных людей — одни просили его молитв, благословения и отеческого наставления, другие — чтобы исцелиться от своих недугов. По причине такого множества приходившего к нему народа, Макарий имел мало времени, чтобы в уединении предаваться богомыслию. Поэтому преподобный выкопал под своею кельей глубокую пещеру, длиною около полстадии[1], куда и скрывался от постоянно приходящих к нему и нарушающих его богомыслие и молитву.

Преподобный Макарий получил от Бога такую благодатную силу, что мог воскрешать даже мертвых. И вот, один еретик, по имени Иеракит, который учил, что воскресения мертвых не будет, пришел из Египта в пустыню и смущал умы братий, проживавших там. Потом пришел к преподобному Макарию и, в присутствии многочисленных братий, состязался с ним о вере. Будучи сам искусен в слове, он насмехался над простотою речей преподобного. Преподобный Макарий, заметив, что братия начинает колебаться в вере от речей этого еретика, сказал ему:

— Какая польза препираться нам словами, более для колебания слушающих наш спор, чем для утверждения в вере? Пойдем на могилы скончавшихся о Господе братий наших, и кому из нас дарует Господь воскресить мертвого, то тогда все убедятся, что вера того правая и свидетельствуется Самим Богом.

Братия одобрили эти слова преподобного, и все отправились на кладбище. Там преподобный Макарий сказал Иеракиту, чтобы он вызвал из гроба какого-нибудь усопшего из братий. Но Иеракит сказал Макарию:

---

[1] *Стадия* равняется $87^1/_2$ нашим саженям.

— Сначала ты это сделай, потому что ты сам назначил такое испытание.

Тогда преподобный Макарий простерся на молитву ко Господу и после продолжительной молитвы возвел свои глаза горе́ и воззвал к Господу:

— Господи! Ты Сам яви ныне, кто из нас двоих правильнее верует (в Тебя), яви же это, устроив так, чтобы восстал из гроба один из лежащих здесь мертвецов.

Помолившись так, преподобный назвал по имени одного недавно погребенного инока, и мертвый тотчас ответил на его голос из гроба. Тогда иноки поспешно раскопали могилу и нашли в ней своего собрата воскресшим. Развязав бывшие на нем повязки, они вывели его живым из могилы. При виде столь дивного чуда Иеракит пришел в такой ужас, что обратился в бегство. Все иноки гнали его, как прогоняют врагов, и отогнали далеко за пределы той земли.

В другой раз преподобный Макарий также воскресил еще другого умершего, о чем повествует авва Сисой[1].

— Я находился, — рассказывает он, — с преподобным Макарием в скиту. Наступила в это время пора жатвы хлеба. Семеро из братий нанялись для жатвы. Во время ее одна вдова подбирала за нами колосья и при этом все время плакала. Преподобный Макарий, призвав хозяина нивы, спросил его:

— Что это такое произошло с этой женщиной и почему она непрестанно плачет?

Хозяин нивы рассказал преподобному, что муж той женщины, взяв на сохранение у одного человека деньги, внезапно умер, не успев открыть своей жене, куда он положил взятое им. Поэтому и желает заимодавец тот взять эту женщину с ее детьми в рабство. Тогда Макарий сказал ему:

— Скажи женщине, чтобы она пришла к нам на то место, где мы отдыхаем в полдень.

Когда она исполнила слова преподобного и пришла к нему, преподобный Макарий спросил ее:

— Отчего ты постоянно плачешь, женщина?

---

[1] *Преподобный Сисой Великий* — пустынножитель горы святого Антония. Подвизался в конце III и в начале IV века, скончался около 429 года. Память его — 6 июля.

— Оттого, — отвечала вдова, — что мой муж внезапно умер, а незадолго до смерти взял у одного человека на сохранение золото и не сказал мне о том, куда положил взятое золото.

— Покажи нам, где погребен твой муж, — сказал Макарий.

Взяв с собою братию, преподобный пошел на указанное место. Подойдя к могиле мужа той вдовы, преподобный сказал ей:

— Ступай к себе домой, женщина!

Затем, помолившись, Макарий воззвал к мертвецу, спрашивая его, где положил он взятое им золото. Тогда мертвый отвечал из могилы:

— Я спрятал его в своем доме в ногах под моею постелью.

— Почивай опять, — сказал ему авва Макарий, — до дня всеобщего воскресения!

Братия, увидав такое чудо, от сильного страха упали к ногам преподобного. Старец в назидание братии сказал:

— Все это произошло не ради меня, ибо я — ничто, но ради вдовицы этой и детей ее сотворил Бог чудо сие. Знайте же, что Бог соизволяет безгрешной душе, и чего она ни попросил от Него, получает.

Затем преподобный пошел к вдовице и указал ей, где скрыто взятое ее мужем золото. Та взяла спрятанное сокровище и отдала владельцу его и, таким образом, избавила от рабства как себя, так и детей своих. Услыхав о таком дивном чуде, все прославили Бога.

Руфин пресвитер[1] повествует еще и о воскрешении преподобным Макарием третьего мертвеца. Однажды, — рассказывает он, — невинный человек был обвинен в убийстве, случившемся в тех местах, где была келья преподобного. Обвиняемый прибежал к жилищу Макария, куда за ним пришли и те, которые хотели схватить его как убийцу и предать законному суду. Он же божился и клялся, что невиновен в крови убитого, но обвинители старались представить его виновным. Когда и обвинители и обвиняемый в течение продолжительного времени спорили между собою, преподобный Макарий спросил:

— Где погребен убитый?

Узнав место погребения, преподобный встал и отправился туда вместе с пришедшими к нему. Помолившись долгое время над моги-

[1] *Руфин* — пресвитер Аквилейский — родился около 345 года, скончался в 410 году, — церковный писатель. Из сочинении его известны: «История монашества», «История Церкви», «Апологии святого Иеронима» (2 книги).

лой коленопреклоненно, преподобный сказал предстоящим обвинителям:

— Сам Господь ныне явит, действительно ли этот человек, обвиняемый вами в убийстве, виновен в нем.

Воззвав затем громким голосом, Макарий назвал убитого по имени. И тот отвечал из могилы на его зов, и преподобный спросил его:

— Верою Иисуса Христа, Сына Божиего, повелеваю тебе ответить нам, тем ли человеком убит ты, который приведен сюда.

Тотчас мертвец ясным голосом ответил из могилы, что он убит не этим человеком, и его обвиняют в убийстве напрасно. Все пришедшие на могилу, пораженные сим дивным чудом, пали на землю. Припав затем к ногам преподобного, они стали усиленно просить его, чтобы он вторично вопросил мертвеца о том, кем он убит. Но преподобный Макарий ответил им:

— Не буду спрашивать об этом, ибо достаточно для меня того, что я избавил от гибели невинного человека, виновного же предавать суду не буду.

Палладий в Лавсаике[1] повествует еще о преподобном Макарии следующее.

Один раз к преподобному был приведен матерью одержимый бесом юноша. Он был связан, и его держали двое сильных мужей. В него вселился бес обжорства: так он съедал три огромных хлеба и выпивал большой сосуд воды и все это извергал вон, обращая все съеденное и выпитое как бы в какой пар или дым. А пища и питие истреблялись в нем, как бы огнем. Если же мать того юноши не позволяла ему столь много есть и пить, то он употреблял в пищу даже свои испражнения. Она с плачем умоляла преподобного Макария, чтобы он помиловал сына ее и исцелил его от такого ужасного беснования. Преподобный начал усердно молиться за юношу ко Господу, и спустя два дня юноше

---

[1] *Палладий Еленопольский* (368–430 гг.), ученик преподобного Дорофея, уроженец Галлии, в 388 году прибыл в Александрию, откуда потом удалился в близлежащую пустыню, где подвизался и преподобный Дорофей, и потом переселился в Вифлеем. В 399 году избран в епископа Еленопольского, в Вифинии, в Малой Азии. После того император Аркадий сослал его, как сторонника святого Иоанна Златоуста, в Верхний Египет, откуда в 408 году он перемещен в Антиною, а в 412 году возвращен на свою кафедру, в Еленополь. По просьбе Каппадокийского префекта Лавса в 420 году он составил собрание жизнеописаний святых и сказаний о них, которое в честь его назвал «Лавсаиком». Ввиду назидательности и поучительности этого сборника, Церковным уставом полагаются чтения из него на утренях святой Четыредесятницы.

уже сделалось легче, и он меньше стал просить есть и пить. Тогда преподобный спросил мать юноши:

— Сколько ты желаешь, чтобы съедал твой сын?

— Десять литр[1] хлеба, — отвечала женщина.

Но преподобный с укоризною сказал ей:

— Зачем ты желаешь столь много, женщина?

После семидневного поста и усердной молитвы к Богу преподобный изгнал из юноши беса — и, по молитвам преподобного, юноша стал насыщаться в день тремя литрами хлеба. Сделав наставление юноше проводить жизнь свою не в праздности, но жить трудом рук своих, преподобный, по благодати Божией, совершенно исцелив его, передал его матери и отпустил обоих с миром.

В прологе о преподобном Макарии рассказывается еще следующее. Однажды преподобный находился в пути и, когда его застигла ночь, он вошел на языческое кладбище, чтобы там переночевать. Найдя там одну старую кость умершего язычника, преподобный положил ее себе в изголовье. Бесы, видя таковое дерзновение Макария, ополчились на него и, желая его устрашить, стали кричать, называя кость женским именем:

— Ступай мыться в баню.

На этот призыв ответил демон, который находился в мертвой кости, положенной преподобным Макарием под голову.

— Странника я имею над собою, — сказал он, — и потому не могу прийти.

Преподобный не устрашился этих бесовских козней, но с дерзновением стал бить взятую им кость, сказав:

— Встань и иди, если можешь.

Лишь только он произнес эти слова, бесы громкими голосами возопили и закричали ему:

— Во всем ты побеждаешь нас, Макарий, — и отступили от преподобного посрамленные.

В другой раз преподобный Макарий шел по пустыне и нашел высохший человеческий череп, лежавший на земле. Повернув его своим жезлом, преподобный услыхал, как будто он издал какой-то звук. Тогда Макарий спросил череп:

— Кто ты такой?

---

[1] *Литра* — фунт, византийская мера веса, равная семидесяти двум золотникам.

— Я, — отвечал тот, — был начальником языческих жрецов, обитавших на сем месте. Когда ты, авва Макарий, исполненный Духа Божия, умилосердившись над находящимися в муках в аду, молишься за нас, мы тогда получаем некоторое облегчение.

— Какое же облегчение получаете вы, — спросил Макарий, — и каковы ваши мучения, расскажи мне?

— Как далеко отстоит небо от земли, — отвечал со стоном череп, — так велик огонь, среди которого мы находимся, палимые отовсюду с ног до головы. При этом мы не можем видеть лица друг друга. Когда же ты молишься за нас, мы видим немного друг друга, и это служит нам некоторым утешением.

Услыхав такой ответ, преподобный прослезился и сказал:

— Проклят тот день, когда человек преступил Божественные заповеди.

И снова он спросил череп:

— Есть ли какие-либо другие мучения, лютейшие ваших?

— Внизу, намного глубже под нами, находятся многие другие, — отвечал тот.

— Кто же находится среди тех лютейших мучений? — спросил Макарий.

— Мы, не знавшие Бога, — ответил череп, — хотя и немного еще ощущаем милосердие Божие. Те же, которые познали имя Божие, но отверглись его и заповедей его не соблюдали, мучаются внизу нас гораздо более тяжкими и лютейшими мучениями.

После этого преподобный Макарий взял тот череп, закопал его в землю и удалился оттуда.

— Преподобный Макарий, — повествует еще о нем Руфин, — проживал в великой пустыне, имея там келью, а монастырь его находился ниже в другой пустыне; в нем было много братий. Однажды Макарий сидел на дороге, ведущей в монастырь. Вдруг он видит диавола, идущего в человеческом образе, одетого в мохнатую одежду и всего обвешанного тыквами. Макарий спросил его:

— Куда ты идешь, дышащий злобою?

— Иду искушать братию, — отвечал тот.

— Для чего ты несешь эти тыквы, надетые на тебя? — спросил Макарий.

— Я несу, — отвечал диавол, — кушанья братии.

— Во всех ли тыквах находятся кушанья? — спросил преподобный.

— Во всех, — отвечал диавол, — если кому-нибудь не понравится одно, я предложу другое, третье и так далее, чтобы каждый попробовал хотя одного.

Сказав это, диавол удалился.

Преподобный же остался на дороге, желая видеть возвращение диавола. Увидев, что он возвращается, Макарий спросил:

— Хорошо ли сходил в обитель?

— Плохо, — ответил диавол, — да и как я мог достигнуть успеха?

— Почему же? — спросил преподобный.

— Потому, что все иноки ополчились на меня, — отвечал диавол, — и никто меня не принял.

— Неужели ты не имеешь ни одного инока, который бы слушался тебя? — спросил снова Макарий.

— Только одного и имею, — отвечал диавол, — который меня слушается. Когда я прихожу к нему, он вертится около меня как волчок.

— Какое он носит имя? — спросил преподобный.

— Феопемпт! — отвечал диавол и, сказав это, удалился.

Тогда авва Макарий встал и пошел в дальнюю пустыню в названный монастырь. Братия, услышав, что к ним идет преподобный, с пальмовыми ветвями вышли ему навстречу, и каждый из них приготовил свою келью, думая, что у него преподобный захочет остановиться. Но Макарий спросил иноков:

— Кто из вас называется Феопемптом?

Когда ему указали Феопемпта, он вошел к нему в келью. Тот принял преподобного с великою радостью. Оставшись наедине с Феопемптом, преподобный Макарий спросил его:

— Как ты поживаешь, брат?

— Хорошо, — отвечал тот, — по молитвам твоим, отче!

— Не искушают ли тебя, — спросил преподобный, — какие-либо греховные помыслы?

Стыдясь открыть свои греховные помышления, инок ответил:

— Нет! Теперь меня ничто не искушает.

Тогда преподобный Макарий сказал со вздохом:

— Вот уже сколько лет я подвизаюсь в посте и молитве, так что меня все почитают, но все же, несмотря на мои старые годы, меня сильно искушает бес любодейства.

На это Феопемпт сказал:

— Действительно, отче, и я сильно охвачен духом любодейства.

Преподобный таким же образом спрашивал инока и о других грехах, смущающих его душу, пока тот не исповедал ему все свои согрешения. После этого преподобный спросил инока:

— Сколько времени ты постишься?

— До девятого часа, — отвечал тот.

— Постись до вечера, — сказал преподобный — и поучайся из святого Евангелия и из других святых книг, чтобы всегда упражняться в богомыслии. Если же на тебя нападут какие-либо греховные помыслы, борись с ними и никогда не спускайся умом долу, но устремляй свой ум всегда горé, и Господь тебе поможет.

Утвердив таким образом Феопемпта, преподобный возвратился в свою пустыню. Там, сидя при дороге, он снова увидал диавола, идущего в монастырь. Преподобный спросил его:

— Куда ты идешь?

— Иду искушать братию, — отвечал диавол.

И, сказав так, пошел дальше. Когда же возвращался, преподобный спросил его:

— Как ты нашел братию?

— Теперь все ополчились против меня, — отвечал диавол, — даже и тот, который прежде был моим другом и всегда слушался меня, и тот теперь, не понимаю, кем-то развращен и совершенно не слушается меня. Напротив, он теперь ополчается против меня больше, нежели все другие иноки. И я теперь поклялся уже более не приходить в тот монастырь, разве только спустя долгое время.

Сказав так, диавол удалился. А преподобный Макарий возвратился в свою келью.

Однажды к преподобному Макарию пришли в скит два странника — один был с бородой, другой моложе — имел только одни усы. Пришедшие спросили преподобного:

— Где находится келья аввы Макария?

— Чего вы желаете от него? — спросил их преподобный.

Они отвечали:

— Мы много слышали о нем и о его жизни от скитских отцов и пришли, чтобы увидать его.

Тогда преподобный сказал им:

— Это я самый.

Они, поклонившись ему до земли, сказали:

— Мы желали бы поселиться здесь.

Преподобный, видя, что они еще молоды и люди состоятельные, ответил им:

— Вы не сможете прожить здесь.

На это младший возразил ему:

— Если ты не дозволишь нам здесь остаться, мы уйдем в другое место.

Преподобный Макарий тогда подумал: «Зачем я прогоню их, а они соблазнятся? Лучше я приму их, и они сами от великих пустынных трудов убегут отсюда». Обратясь к ним, он сказал:

— Селитесь здесь и, если можете, постройте себе келью.

И он дал им топор, корзину с хлебом и соль и, отведя их в глубь пустыни, указал им одно каменистое место и сказал:

— Постройте здесь себе келью, принеся для этого деревья с луга, и живите здесь.

При этом преподобный подумал, что они не вынесут трудности пустыннической жизни и убегут оттуда. Юноши те спросили Макария:

— Каким рукоделием занимаются иноки?

— Они плетут корзины, — отвечал преподобный.

И, взяв финиковые ветви, начал плести веревку, сказав:

— Из этого плетутся корзины. Так и вы делайте и готовые отдавайте церковным сторожам. Они же за это будут приносить вам хлеб и соль.

И преподобный оставил их одних.

Юноши стали терпеливо исполнять все, что заповедал им преподобный Макарий, и не приходили к нему в течение трех лет. Вспомнив о них, преподобный подумал: «Что делают эти два юноши и почему не приходят ко мне открыть свои помышления? Вот многие приходят издалека, а эти и близко живут, но не приходят ко мне». Это же происходило потому, что юноши те никуда не ходили, только в церковь (где стояли в молчании), чтобы причаститься Пречистых Христовых Тайн. Преподобный в течение целой недели молился Богу, совершенно не вкушая пищи; он просил, чтобы Господь открыл ему подвиги двух братьев. По прошествии недели преподобный Макарий отправился к ним, желая видеть, как они живут. Когда он, придя, постучался в дверь их кельи, они отворили ему и, увидав преподобного, поклонились ему до земли. А преподобный, сотворив молитву, сел. Старший дал знак младшему, и тот вышел из кельи, а сам он сел и стал плести корзину, не произнося ни слова. В девятом часу дня, по-

стучавшись, пришел младший и, приготовив немного вареной пищи, предложил трапезу, положив три ломтя хлеба, а сам стал молча.

— Подойдите, — сказал преподобный, — и вкусим хлеба.

И ели, благодаря Господа. Затем младший принес воды, и они напились. Когда же наступил вечер, иноки спросили преподобного:

— Отче! Уйдешь ли ты отсюда?

Но он сказал им:

— Нет! Я ночую здесь.

Тогда они постелили преподобному в одном углу кельи рогожу, а в другом легли сами также на рогоже. Наступила ночь. Преподобный Макарий встал и стал молиться Богу, чтобы Он открыл ему добродетель юношей. В полночь внезапно раскрылась крыша кельи, и воссиял сильный свет. Но два брата те не видали света; думая, что преподобный спит, старший толкнул младшего, и, встав, оба они препоясались и, воздевая руки к небу, тайно молились. Преподобный увидал множество демонов, которые как мухи, окружили младшего брата, и одни из демонов хотели сесть на устах его, другие на глазах. Но явился Ангел Господень с огненным мечом в руках, которым и защищал его, отгоняя от него демонов. К старшему же брату демоны не осмеливались даже и приблизиться. К утру оба брата снова легли и уснули. Наутро преподобный Макарий сделал вид, будто он только что проснулся. И все они встали. Старший брат спросил преподобного:

— Отче! Желаешь ли, чтобы мы стали читать двенадцать псалмов?

— Желаю, — отвечал преподобный.

Сначала начал петь младший брат, и после каждого стиха из уст его выходила как бы огненная свеча и поднималась на небо. Потом начал петь старший; из его уст выходил огонь как бы какая длинная веревка и достигал до неба. После окончания утреннего правила преподобный пожелал удалиться в свое жилище. Когда он уходил, то сказал братиям:

— Молитесь обо мне, братия.

В ответ на его слова они поклонились ему до земли, молча; и преподобный ушел от них. Так преподобный Макарий узнал, что старший брат уже достиг полного совершенства в добродетелях, а с младшим еще борется враг — диавол. Спустя немного времени после посещения братьев преподобным Макарием преставился ко Господу старший брат, а через три дня после его кончины почил и младший.

Когда впоследствии приходили к преподобному кто-нибудь из честных отцов, он приводил их в келью тех двух братьев и говорил:

— Пойдемте, посмотрим на то место, где подвизались великие рабы Христовы.

Однажды, когда преподобный Макарий молился, к нему был голос, который говорил:

— Макарий! Ты не достиг еще такого совершенства в добродетельной жизни, как две женщины, проживающие вместе в ближайшем городе.

Получив такое откровение, преподобный взял свой посох и пошел в тот город. Найдя там дом, где жили означенные женщины, Макарий постучался в дверь. Тотчас одна из тех женщин вышла на стук и, увидав преподобного, с великою радостью приняла его в свой дом. Призвав к себе обеих женщин, преподобный сказал им:

— Ради вас я принял на себя такой великий подвиг, придя сюда из дальней пустыни, ибо я желаю знать ваши добрые дела, о которых и прошу вас рассказать мне, ничего не скрывая.

— Поверь нам, честный отче, — отвечали женщины, — что мы еще прошлую ночь разделяли ложе свое со своими мужьями: какие же добродетели ты желаешь найти в нас?

Но преподобный настаивал, чтобы они рассказали ему образ своей жизни. Тогда, убежденные им, женщины сказали:

— Мы не были родственницами между собою прежде, но потом мы вышли замуж за двух родных братьев, и вот уже пятнадцать лет мы живем все вместе в одном доме; во все время своей совместной жизни мы не сказали друг другу ни одного злобного или дурного слова и никогда не ссорились между собою. Но до настоящего времени прожили в мире и согласии между собою и недавно единомысленно решили оставить своих плотских супругов и удалиться в сонм святых дев, служащих Богу. Но мы не можем упросить наших мужей, чтобы они отпустили нас, хотя с большою настойчивостью и многими слезами молили их об этом. Не получив желаемого разрешения, мы заключили завет с Богом и между собою — но, произносить ни одного мирского слова до самой смерти нашей.

Выслушав их рассказ, преподобный Макарий сказал:

— Поистине Бог не ищет ни девы, ни замужней, ни инока, ни мирянина, но свободного намерения, принимая его, как самое дело, и добровольному произволению всякого человека подает благодать Свя-

того Духа, действующего в человеке и управляющего жизнью каждого, желающего спастись.

В дни жизни этого преподобного Макария Египетского просиял добродетельной жизнью в тех же пустынных местах, где жил и Макарий Египетский, другой преподобный — Макарий Александрийский. Он был пресвитером в монастыре, носившем наименование Келии[1]. Местность эта находилась в пустыне между Нитрией и скитом. Сей блаженный Макарий Александрийский часто приходил к преподобному Макарию Египетскому и многократно они вместе ходили по пустыне, ибо они питали друг к другу великую любовь. Когда воцарился нечестивый император Валент арианин[2], то воздвиг весьма жестокое гонение на православных. В Александрию, по царскому распоряжению, прибыл Лукий, арианский епископ[3], с многочисленным войском, который сверг с епископской кафедры православного епископа, блаженного Петра, преемника святого Афанасия Великого. Кроме этого, епископ Лукий послал воинов в пустыню, чтобы схватить и отправить в изгнание всех святых отцов-пустынников. В числе первых были схвачены оба преподобных Макария. Воины взяли их ночью и, посадив на корабль, отвезли на один отдаленный остров, жители которого не знали истинного Бога, но поклонялись идолам. У одного из идольских жрецов, бывших на том острове, была дочь, одержимая бесом. Почувствовав пришествие преподобных вместе с другими отцами на остров, девица эта побежала навстречу им, громко взывая:

— Для чего вы пришли сюда? Ведь этот остров наше давнишнее жилище.

Преподобные, сотворив молитву, изгнали беса из девицы, и она стала совершенно здоровою. Увидав это, отец ее, идольский жрец,

---

[1] Здесь разумеется *пустыня Келий*, которая отстояла от горы Нитрийской около семи верст к юго-востоку. Это была обширная пустыня, в которой рассеяны были кельи отшельников, в таком расстоянии, чтобы нельзя было ни видеть, ни слышать друг друга. В пустыню Келий удалялись обыкновенно любители уединения из горы Нитрийской, после того как уже утвердились в жизни иноческой. Здесь они проводили жизнь более безмолвную, и их кельи так удалены были друг от друга, что ни взор, ни слух не развлекал близким сожитием других братий. У иноков было поставлено правилом не ходить одному в келью другого, чтобы не нарушать безмолвия. Только по субботам и воскресеньям они собирались в храм для общего богослужения. Пустыня Келий управлялась пресвитерами, между которыми был особенно известен преподобный Макарий Александрийский.

[2] *Император Валент* царствовал с 364 по 378 год.

[3] *Арианин Лукий*, занявший Александрийскую патриаршую кафедру после святого Афанасия Великого.

тотчас уверовал во Христа и принял святое крещение. Также и все жители того острова обратились ко Христу и обратили свой языческий храм в христианскую церковь. Узнав о случившемся, нечестивый епископ Лукий был сильно пристыжен, что он таковых великих отцов изгнал из их монастырей. Поэтому он тайно послал, чтобы снова возвратили блаженных Макариев и всех бывших с ними святых отцов в места их прежнего обитания. Таким образом преподобный Макарий Египетский снова возвратился в скитскую пустыню, а преподобный Макарий Александрийский в вышеназванное место Келий; также и прочие честные отцы возвратились в свои обители.

Между тем к преподобному Макарию Египетскому отовсюду приходило множество народа: одни — ради душевной пользы, чтобы получить от него наставления, иные — для исцеления от недугов своих, и таковых болящих к нему стекалось великое множество. Поэтому явилась необходимость в построении гостиницы, где бы могли находить приют странники и больные. Это и устроил преподобный Макарий. Каждый день он имел обычай исцелять одного болящего, помазуя его святым елеем и совершенно здоровым отпуская домой. Так поступал преподобный, имея ту мудрую цель, чтобы другие болящие, не сразу им исцеленные, проживали у него некоторое время и тем получали врачевание не только тела, но и души, внимая в это время его богодухновенным поучениям. Для служения при гостинице преподобный поставил одного из иноков. Инок этот, смущаемый бесом, предался страсти любостяжания, для удовлетворения которой стал утаивать понемногу из того, что отпускалось на содержание бедных. Преподобный Макарий узнал об этом и, призвав к себе инока, сделал ему наставление, сказав:

— Брат Иоанн! Послушайся меня и прими мое наставление, которое да послужит тебе на пользу. Вот тебя искушает дух сребролюбия, — ибо это открыто мне, — и я знаю, что если ты примешь мое наставление и перестанешь поступать греховно, то окончишь дни свои в страхе Божием, и в делах благих успеешь, и на месте сем прославишься, *и рана не приближится телеси́ Твоему* (слав. Пс. 90, 10). Если же ты не послушаешь меня и не перестанешь согрешать, то тебя постигнет участь Гиезия, страстью которого ты страдаешь (4 Цар. 5, 15–16, 20–27).

Но Иоанн не послушался преподобного и не переставал совершать свое дурное дело. Спустя пятнадцать или двадцать лет после блаженной кончины преподобного Макария, в течение которых названный

инок продолжал работать на наложившего на него петлю сребролюбия Иудина, присваивая себе часть содержания, назначенного для убогих, внезапно все тело его было поражено проказой, и он умер, не только погубив греховно собранное им имущество, но и душу свою.

Однажды преподобный Макарий пошел из скита к Нитрийской горе с одним из своих учеников. Когда они уже приближались к горе, преподобный сказал своему ученику:

— Пойди немного впереди меня.

Ученик пошел впереди преподобного и встретил языческого жреца, поспешно идущего ему навстречу и несшего большое бревно. Увидав его, инок закричал:

— Слышишь ли, слышищь ли, ты, демон! Куда ты идешь?

Жрец остановился и сильно побил инока, так что он едва остался жив. Схватив затем брошенное было бревно, жрец убежал. Спустя немного ему встретился преподобный Макарий, который сказал ему:

— Спасайся, трудолюбец, спасайся.

Удивленный такими словами преподобного, жрец остановился и спросил его:

— Что хорошего ты усмотрел во мне, что приветствуешь меня такими словами?

— Я вижу, что ты трудишься, — отвечал преподобный.

Тогда жрец сказал:

— Умилился я, отче, от твоих слов, ибо я вижу чрез это, что ты человек Божий. Вот пред тобою встретился со мной другой инок, который бранил меня, и я исколотил его до смерти.

И с этими словами жрец припал к ногам преподобного, обнимая их и говоря:

— Не оставлю я тебя, отче, до тех пор пока ты не обратишь меня в христианство и не сделаешь иноком.

И он пошел вместе со святым Макарием. Пройдя немного, они подошли к тому месту, где лежал избитый жрецом инок и нашли его едва живым. Взяв его, они принесли его в церковь, находящуюся на Нитрийской горе. Проживающие там отцы, увидя вместе с преподобным Макарием языческого жреца, весьма изумились. Потом, окрестив его, они сделали его иноком, и ради него множество язычников обратилось в христианство. Авва же Макарий дал по сему случаю такое наставление:

— Злое слово, — говорил он, — и добрых делает злыми, доброе же слово и злых соделывает добрыми.

Однажды преподобный Макарий пришел в обитель аввы Памвы[1]. Здесь старцы просили преподобного:

— Скажи, отче, слово для назидания братии.

Соглашаясь на их просьбу, Макарий стал так говорить:

— Простите меня, ибо я плохой инок; но я видел иноков. Так однажды я сидел в скиту в своей келье, и мне пришло помышление пойти во внутреннюю пустыню, чтобы посмотреть, что там такое. В течение пяти лет я боролся с этой мыслью, думая, что это меня искушают бесы. Но когда и по истечении пяти лет меня преследовала та же мысль, то я решился отправиться во внутреннюю пустыню. Придя туда, я нашел громадное болото, посредине которого увидал остров. В это время пустынные звери пришли, чтобы напитвся воды. Среди зверей я увидал двух нагих людей, и все тело мое затрепетало, ибо я подумал, что вижу бестелесных духов. Увидав, что я очень испугался, люди эти сказали мне:

— Не бойся, ибо и мы такие же, как и ты, люди.

Тогда я спросил их:

— Откуда вы пришли в эту пустыню?

— Мы из киновии, — ответили они, — посоветовавшись друг с другом, мы решились прийти сюда. И вот уже тридцать лет, как мы ушли из обители. Один из нас египтянин, другой — ливиянин.

Потом и они спросили меня:

— В каком положении находится теперь мир? Наполняются ли еще реки своими ручьями? Изобилует ли земля обычными своими плодами?

Я отвечал им: «Да».

Затем снова спросил их:

— Каким образом могу я сделаться иноком?

Они отвечали мне:

— Если человек не откажется от всего, что находится в мире, он не может быть иноком.

На это я сказал:

— Немощен я, и потому не могу быть таким, как вы.

— Если ты не можешь быть таким, как мы, — сказали они, — тогда сиди в своей келье, и сокрушайся о грехах своих.

---

[1] Память его — 18 июля.

И снова я спросил их:

— Когда наступает зима, не страдаете ли вы от сильной стужи? Равно также, когда наступает весьма жаркое лето, не опаляются ли ваши тела жарою?

Они на это ответили мне:

— Господь Бог даровал нам такие тела, что мы ни зимой не страдаем от мороза, ни летом — от зноя.

— Вот почему я сказал вам, братия, — окончил преподобный Макарий свою речь, — что я еще не сделался иноком, но иноков видел.

Однажды преподобного Макария спросили скитские отцы, каким образом он достиг того, что тело его всегда остается худощавым? Ибо не только тогда, когда он постится, но даже и тогда, когда вкушает пищу, — тело его всегда остается худощавым.

Преподобный Макарий дал такой ответ вопрошавшим его:

— Как кочерга, которой переворачивают горящие дрова и хворост в печи, всегда опаляется огнем, так у человека, который устремляет ум свой всегда ко Господу и всегда содержит в памяти страшные мучения в огне гееннском, — этот страх не только снедает тело, но и иссушает кости.

Затем братия снова спросили преподобного:

— Скажи нам, отче, как надлежит молиться?

Преподобный дал им такое наставление:

— Для молитвы не требуется многоглаголания, но надобно воздевать свои руки горé и говорить: «Господи! Как Ты желаешь и как Ты Сам знаешь, помилуй меня». Если же враг воздвигнет в душе греховную брань, надлежит только произносить: «Господи, помилуй». Господь знает, что для нас полезно и сотворит нам милость.

В другой раз авва Исаия попросил преподобного:

— Скажи мне, отче, какое-нибудь наставление на пользу душевную.

— Бегай от людей, — отвечал ему преподобный Макарий.

— Что значит — бегать от людей? — спросил тогда авва Исаия.

Преподобный отвечал ему:

— Сиди в своей келье и сокрушайся о грехах своих.

Ученику же своему Пафнутию[1] преподобный сказал:

---

[1] Пафнутий пресвитер; он разделял с преподобным Макарием бремя управления скитскими иноками.

— Никого не обижай, не клевещи ни на кого, — поступая так, спасешься.

Кроме того, преподобный дал еще и такое наставление:

— Не ночуй в келье брата, имеющего дурную славу.

Пришел к преподобному и другой инок и спросил его:

— Авва, что мне сделать, чтобы спастись?

— Ступай на кладбище и брани умерших, — отвечал ему преподобный.

Инок пошел на кладбище и, как сказал ему преподобный, бранил там мертвецов, разбивал камнями гробницы их и, возвратившись, рассказал обо всем преподобному. Преподобный спросил его:

— Сказали ли что-либо тебе умершие?

— Нет, ничего не сказали, — отвечал инок.

Тогда преподобный сказал:

— Ступай опять, и теперь хвали их.

Инок пошел и начал ублажать мертвецов разными похвалами:

— Апостолы, святые и праведники, — говорил он.

Затем, снова придя к преподобному, он рассказал ему, что хвалил умерших.

— И теперь мертвые ничего не отвечали тебе? — спросил преподобный.

— Нет, не отвечали, — сказал тот.

Тогда преподобный дал ему такое наставление:

— Видишь, — сказал он, — что ни тогда, когда ты бранил умерших, они ничего тебе не отвечали, и ни тогда, когда ты ублажал их похвалами, они ничего тебе не ответили. Так и ты, если желаешь спастись, будь, как мертвец: не гневайся тогда, когда тебя бесчестят, не превозносись тогда, когда тебя восхваляют. Поступая так, как эти мертвецы, спасешься.

Братия рассказывали еще о преподобном Макарии следующее. Если кто-либо приходил к нему из братий, как к святому и великому человеку, преподобный ничего не говорил с таковым. Если же какой-нибудь инок, нисколько не почитая преподобного, говорил ему:

— Авва! когда ты был погонщиком верблюдов и самовольно брал селитру и продавал ее, не били ли тогда тебя старшие тебя?

И когда кто-либо подобным образом разговаривал с преподобным, он с радостью беседовал с таковым и охотно отвечал на все его вопросы.

Однажды старцы, жившие на Нитрийской горе, прислали в скит к преподобному Макарию такую просьбу:

— Отче! Чтобы не утруждать все множество братий пришествием к тебе, ты сам, прежде нежели отойдешь ко Господу, приди к нам.

Преподобный исполнил их просьбу и пришел на Нитрийскую гору. Узнав о его пришествии, собрались к нему все иноки, живущие там, и старцы усердно просили его, чтобы он сказал что-либо в назидание братии. Преподобный, прослезившись, стал так говорить:

— Братия! Будем плакать и пусть из наших глаз текут слезы, очищающие нас прежде, нежели мы не перейдем туда, где слезы сожгут в муках наши тела.

Внимая наставлению преподобного, все проливали слезы и, упав ниц, просили его:

— Отче! Молись за нас ко Господу.

Однажды преподобный Макарий, в то время, когда он проживал еще в Египте, застал в своей келье вора, похищающего вещи, находившиеся в ней. Снаружи, около кельи, был привязан осел, на которого вор накладывал украденные вещи. Преподобный, увидя это, не дал понять вору, что он домохозяин, но показался как бы чужим. И не только не воспрепятствовал вору, но даже сам стал ему помогать брать вещи и класть их на осла. Потом с миром отпустил его, размышляя в себе:

— Мы ничего с собой не принесли в этот мир, — ясно поэтому, что мы ничего не можем и унести отсюда. Все нам дал Господь, и как Он желает, так все и происходит. Да будет благословен Бог во всем!

О сем же преподобном Макарии отцы рассказывали, что он сделался как бы земным богом, ибо, подобно тому как Бог, хотя и видит весь мир, но не карает грешников, так и преподобный Макарий покрывал немощи человеческие, какие он видел. И был он видящий, как бы не видящие, и слышащий, как бы не слышащий.

Случилось, что один из учеников преподобного Макария отправился в город, чтобы продать рукоделие: корзины и рогожи. В городе с ним встретилась блудница, которая, увидав красивого юношу, соблазнилась и призвала его к себе, как бы желая купить продаваемые им корзины. Инок, не поняв ее лукавого замысла, вошел к ней в дом. Взяв одну из корзин, женщина та стала спрашивать инока: за какую цену он желает продать ее. Но вскоре она стала говорить ему любодейные речи, покушаясь соблазнить его на грех, подобно тому как в

древности египтянка пыталась прельстить целомудренного Иосифа. Инок, увидав себя в большой беде, ибо он уже был близок к греху, устремил свой ум горé и стал молиться:

— Христе Царю! Избавившей пророка Своего из чрева китова, избавь и меня от этого греха и душевной смерти молитвами угодника Своего, отца моего Макария.

Тотчас он был восхищен невидимою рукою, как некогда пророк Аввакум Ангелом, и был поставлен среди своей кельи. Там он увидал преподобного Макария, который прилежно молился о нем Богу, чтобы Он избавил ученика его от нашедшей на него напасти, ибо преподобный узнал, что произошло с иноком. Он мысленными очами видел дальнее так же ясно, как бы близкое. Увидав своего ученика, преподобный сказал:

— Чадо! Воздадим благодарение человеколюбцу Богу за то, что Он избавил тебя от уст змеиных и от врат адовых, восхитив Божественною Своею силою от грехопадения и принеся в твою келью, подобно тому как некогда принес в Азот апостола Своего Филиппа (Деян. 8, 39).

Такую силу имела молитва преподобного Макария у Бога. В другой раз и сам преподобный был восхищен на воздух и чрез огромное расстояние был перенесен туда, куда ему нужно было идти. Он нес корзины из скита и, утомившись от дальнего пути, сел отдохнуть. При этом он помолился Господу:

— Боже! Ты ведаешь, что я изнемог.

Тотчас преподобный оказался около той реки, куда ему было надобно идти.

Благовременно теперь рассказать и о блаженной кончине этого преподобного отца, о чем Серапион, описатель жития его, повествует так.

Наконец, надобно было и преподобному Макарию, как смертному человеку, отдать дань смерти, ибо он уже достиг преклонного возраста, имея девяносто семь лет от роду. Время кончины не осталось неизвестным преподобному. Незадолго до его преставления, явились ему в видении два благолепных мужа и сказали:

— Радуйся, Макарий!

Один из явившихся был преподобный Антоний, наставник и начальник пустынножителей, а другой — преподобный Пахомий[1], пер-

[1] *Преподобный Пахомий Великий* — основатель общежительных монастырей в Египте. Скончался в половине IV века. Память его — 15 мая.

воначальник общего монашеского жития. Затем явившиеся сказали Макарию:

— Нас послал Господь Иисус Христос, чтобы возвестить тебе твою радостную кончину. В девятый день после нынешнего ты отойдешь в вечную жизнь. В тот день и мы снова придем к тебе и с радостью возьмем тебя с собою, чтобы вместе с нами предстать тебе пред Владычным престолом и насладиться бессмертною жизнью.

Сказав затем: «Мир тебе», — преподобные стали невидимы Макарию. Тогда божественный Макарий призвал своих учеников и сказал им:

— Чада! Вот наступило время моего отшествия отсюда, а вас я передаю благости Божией. Итак, сохраняйте отеческие уставы и предания постников.

Кроме сего, некоторым, о которых преподобный знал, что они совершеннее других в добродетельной жизни, он поручил попечение о вновь поступающих в монашество, которые являлись младенцами по своему духовному возрасту. Возложив затем руки на учеников своих, достаточно поучив их и помолившись за них, преподобный начал приготовляться к своей смерти. Когда наступил девятый день со времени явления преподобных Антония и Феодосия, преподобному Макарию явился херувим с множеством Ангелов и сказал ему:

— Восстань, последователь Господень, и перейди вместе с нами в вечную жизнь. Возведи окрест твои очи и посмотри, сколько послано Вседержителем бесплотных ликов святых, чтобы привести тебя к Нему. Взгляни: вот собор апостольский, вот сонм пророков, вот множество мучеников, лик святителей, постников, преподобных и праведных. Предай мне теперь свою душу, которую мне повелено было Богом охранять и во время ее земной жизни; освобожденную же от уз плотских, как бы некое великое сокровище, я с честью приму ее и, пройдя чрез супротивные силы, представлю к Божественному Владычному престолу, чтобы она вечно веселилась со всеми святыми, предстоящими престолу Божиему от начала мира.

После таковых слов херувима блаженный Макарий простился со всеми бывшими при нем и помолился о них Богу; возведя затем свои очи и простерши руки горé, он произнес:

— В руки Твои, Господи, предаю дух мой!

И с этими словами предал свою блаженную душу Господу, оставив учеников своих в глубокой скорби о нем.

Описатель жития преподобного Серапион[1] прибавляет следующее, что он слышал от преподобного Пафнутия, одного из учеников преподобного Макария. Когда святая душа Макария была взята херувимом и возносилась им на небо, некоторые из отцов мысленными очами видели, что воздушные бесы в отдалении стояли и вопили:

— О, какой славы сподобился ты, Макарий!

Святой отвечал бесам:

— Я боюсь, ибо не ведаю ничего доброго, что я бы сделал.

Затем те из бесов, которые находились еще выше по пути следовавшей души Макария, вопили:

— Действительно избежал ты наших рук, Макарий!

Но он сказал:

— Нет, но надобно и еще избежать.

И когда преподобный был уже во вратах рая, бесы с сильным воплем кричали:

— Избежал нас, избежал!

Тогда Макарий громким голосом ответил бесам:

— Да! Ограждаемый силою Христа моего, я избежал ваших козней.

Такова жизнь, кончина и переход в жизнь вечную преподобного отца нашего Макария[2].

Окончив повествование о житии преподобного, прославим Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, во святых Своих прославляемого, вовеки. Аминь.

---

[1] *Серапион* — епископ Тмуитский (в Нижнем Египте), один из замечательных церковных деятелей начала IV века. Он составил «Монашеские правила». Известны также его «Письма к монахам», «Житие преподобного Макария Египетского» (на коптском языке) и некоторые другие. Серапион был ревностным борцом за Православие, вследствие чего подвергся даже ссылке.

[2] Преподобный Макарий скончался около 331 года. Место подвигов преподобного Макария доселе называется пустынею Макария, и в ней есть монастырь его имени. Мощи преподобного находятся в городе Амальфи в Италии. — Драгоценным наследством опытной мудрости преподобного Макария служат пятьдесят слов, семь наставлений и два послания. Предмет бесед и наставлений преподобного Макария — внутренняя духовная жизнь и преимущественно в том ее виде, как она совершается на пути созерцательного уединения. Несмотря на глубокий и малопонятный предмет, беседы и наставления опытного учителя ясны и вразумительны: духовное, столь мало известное для иных из нас, в устах святого Макария близко к сердцу и уму. То, что было бы темно по возвышенности духовной, у преподобного Макария приближается к разумению сравнениями и образами, которые всегда просты и тем более поразительны.

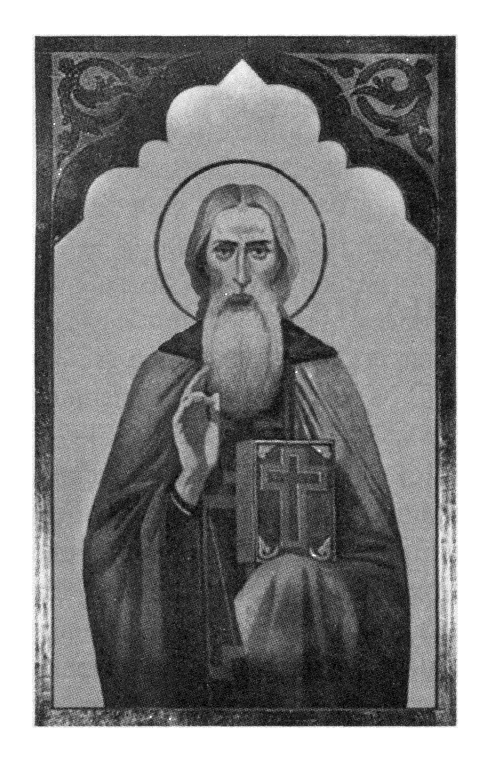

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАКАРИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Преподобный Макарий Александрийский происходил из города Александрии[1]. Первое время своей жизни он был торговцем овощей, и святое крещение принял уже сорока лет от роду. После сего, отрекшись от мира, он сделался иноком и, когда достаточно потрудился в иноческих подвигах и трудах, сподобился принять священный сан, вместе с которым принял начальство над монастырем, называемым Кельи и находившимся в египетской пустыне между Нитрией и скитом. Он был самым искреннейшим другом преподобного Макария Египетского, вместе с которым, — в царствование Валента, — по проискам александрийского лжеепископа, — арианина Лукия, — был изгнан из отечества. Неоднократно с сим преподобным Макарием он и проживал вместе. Оба Макария по своему характеру и образу жизни были весьма похожи друг на друга и имели одного и того же общего учителя и наставника — Антония Великого, от которого они, будучи его учениками, неоднократно получали наставления для усовершенствования в добродетельной жизни. Макарий Египетский был старше и первый отошел ко Господу. Сей же преподобный Макарий Александрийский прожил еще несколько лет по смерти Макария Египетского. Епископ Палладий в Лавсаике пишет о преподобном Макарии Александрийском следующее:

— Я видел того, который был другом и соревнователем в благочестии святому Макарию Египетскому, — носившего и имя то же самое. Я разумею святого Макария Александрийского, который состоял пресвитером в местности, называемой Кельи, где и я пребывал в течение девяти лет. Из них я три года прожил вместе со святым Макарием,

[1] Отчего и называется «Александрийским», или *городским*. Рождение его относится к 295 году.

дела и знамения богоугодной жизни которого одни я сам видел, а относительно других узнал от живших с ним ранее. Увидав однажды у великого отца Антония набранные финиковые прутья, из которых тот вил веревки и плел корзины, святой Макарий попросил у него один пучок тех прутьев. Святой Антоний на это ответил ему:

— Написано: *Не желай вещи ближнего твоего* (Втор. 5, 21).

Но лишь только он произнес эти слова, все прутья внезапно, как бы от действия огня, высохли. Видя это, Антоний сказал Макарию:

— Вот на тебе почил Святой Дух, и ты будешь после меня продолжателем моих дел.

Спустя некоторое время преподобный Макарий находился в пути в пустыне и от продолжительности путешествия весьма сильно изнемог. Внезапно явился ему диавол и сказал:

— Вот ты воспринял благодать Антониеву, почему же ты не пользуешься ею и не просишь у Бога пищи и подкрепления в пути?

Преподобный ответил ему:

— Господь моя сила и слава, ты же не искушай раба Божиего.

Тогда диавол стал искушать святого призраками, — святому представлялся верблюд, навьюченный разнообразными съедобными припасами и блуждавший по пустыне. Когда святой заметил как бы подошедшего к нему верблюда и понял, что это призрак, то он стал на молитву, — и внезапно это привидение было поглощено землею.

Однажды преподобный Макарий Александрийский пришел к Макарию Египетскому, который находился в скиту. И вот, когда они оба отправились в путь и желали переправиться чрез реку Нил, то им нужно было переправляться на большом пароме, на который взошли также два трибуна (тысяченачальника) с большою важностью и наружным блеском, имеющие медную колесницу, коней с вызолоченными уздами и свиту из войска, оруженосцев и дружинников, изукра-

шенных цепями и золотыми поясами. Когда эти трибуны заметили двух преподобных старцев, одетых в ветхие одежды и стоящих в углу, они восхвалили их смиренную и бедную жизнь, и один из тысячников сказал старцам:

— Блаженны вы — пренебрегающие миром.

Макарий Александрийский на это ответил:

— Мы действительно пренебрегаем миром, а над вами смеется мир. Знай же, что произнесенное тобою произнесено не по твоей воле, но пророчески, потому что мы оба называемся Макариями, то есть «блаженными».

Умилившись этими речами Макария Александрийского, трибун по возвращении домой совлек с себя свои одежды и, раздав свое имущество бедным, избрал отшельническую жизнь.

Случилось, что преподобному Макарию Александрийскому прислали очень хороших свежих ягод, и он пожелал их съесть. Но потом, вознамерившись воздержанием победить свое пожелание, он отослал ягоды к одному более слабому брату, желающему такой же пищи. Но и тот, приняв присланное, поступил так же, хотя сам весьма сильно голодал. Когда, таким образом, ягоды эти пересылались от одного к другому и обошли многих братий, они снова попали к преподобному Макарию уже от последнего брата и, как дорогой подарок, были возвращены целыми, потому что никто не пожелал вкусить от них. Когда преподобный Макарий узнал, что те ягоды обошли всю братию, весьма изумился и, возблагодарив Бога за таковую добродетель воздержания всей братии, ничего не отведал от них и сам.

Когда же преподобный узнавал, что кто-нибудь совершает какой-либо подвиг, то он всячески сам старался подражать таковому и тщательно выполнял то же самое. Так, например, узнав об иноках, живших в Тавеннском монастыре[1], что они в течение всей великой Четы-

---

[1] *Тавеннский монастырь* был первым общежительным монастырем, находился в Тавенне, в Верхнем (Южном) Египте, к северу от древней столицы его — Фив, на берегу Нила. Основан около 340 года преподобным Пахомием Великим (память его 15 мая), который первый и составил строгий общежительный монастырский устав, быстро распространившийся в христианском мире. Тавеннский монастырь имел такое громадное значение в истории древнехристианского иночества, и успех устава Пахомия был так велик, что еще до его смерти в Тавенне и ее окрестностях собралось около 7000 иноков. И впоследствии Тавенна, — наименование которой, принадлежавшее сначала одному острову на реке Ниле, после перешло и на береговые окрестные места реки, где поселился Пахомий и его ученики, — славилась своими монастырями.

редесятницы ничего не вкушают из приготовленных на огне кушаний, он положил себе за правило в течение семи лет не вкушать ничего из того, что бывает приготовлено на огне, — ни печеных, ни вареных кушаний. При этом преподобный Макарий увеличил свой подвиг до того, что не ел ни хлеба, ни варева, кроме жесткого проса или каких-нибудь семян, размоченных в воде. В таком воздержании преподобный прожил целых семь лет. Услыхав однажды о каком-то другом иноке, который в течение дня съедал лишь один фунт хлеба, и желая ему подражать, Макарий раздробил хлеб на небольшие части и положил их в сосуд, имеющий весьма узкое отверстие, в которое едва можно было просунуть руку. При этом преподобный Макарий поставил себе за правило столько вкушать в течение дня хлеба, сколько может взять рука, однажды просунутая в тот сосуд.

Это служило для преподобного Макария весьма сильным умерщвлением плоти, как повествует об этом вышеупомянутый Палладий. Ибо преподобный Макарий после рассказывал с улыбкою:

— Я за многие ломти хватался рукою в сосуде, но, вследствие узости горла сосуда, не мог вытащить их. Таким образом, сосуд мой не позволял мне есть столько, сколько бы я пожелал!

Так, голодая, Макарий прожил три года, съедая в день только по небольшому куску хлеба, равно также и воды выпивая такою же мерою. Масла же для пищи он употреблял один секстарий[1] на целый год. Однажды, желая вконец побороть сон, он не входил под кров кельи в течение двадцати дней и ночей, а пребывал около нее днем под палящим зноем, а ночью, дрожа от холода, употребляя при этом все усилия, чтобы не заснуть. И как впоследствии сам он рассказывал для назидания других, от такого подвига высох его головной мозг, и если бы он еще дольше не вошел в келью и не уснул, то сошел бы с ума. Преподобный при сем прибавлял:

— Насколько я имел силы, я одолел сон, но человеческой природы, требующей сна, я не был в силах одолеть, а потому и должен был повиноваться ей.

Однажды преподобного Макария стал весьма сильно искушать бес любодеяния. Для того чтобы преодолеть этого врага, Макарий решил в течение шести месяцев нагим сидеть в скитском болоте, находящемся в далекой пустыне. В нем было множество таких больших ко-

---

[1] *Секстарий* — древняя римская мера жидкости, вместимостью в две с лишком настоящих бутылки.

маров, как осы, которые могли прокусывать даже кожу диких вепрей. Комарами этими преподобный был так сильно искусан, что некоторые думали, не в проказе ли он. Когда же он после шести месяцев вернулся в свою келью, то только едва по голосу узнали ученики, что это их авва Макарий. Но святой Макарий и вторично осудил себя на таковое же истязание от комаров. Случилось это после того, как он однажды убил на своей ноге сильно его беспокоившего комара, из которого вытекло много крови. После этого он раскаялся и стал укорять себя, как убийцу и мстителя, до тех пор пока не отомстил сам себе, отдавшись нагим для уязвления комаров.

В другой раз преподобный пожелал посмотреть сад и гробницу, называемую «Кипотафион», в которой были погребены Ианний и Иамврий, волхвы египетские, жившие во времена фараона (см.: Исх. 7, 11, 22; 8, 7), чтобы там побороться с бесами; ибо про это место говорили, что в нем было множество лютейших бесов, которых собрали туда названные волхвы посредством своего волшебства. Волхвы те между собою были братья и вследствие своей хитрости и большого искусства в волшебстве были у фараона в большом почете и имели весьма большую силу во всем Египте. В отдаленном месте пустыни они устроили из четвероугольных камней сад, а в нем построили с большим искусством себе гробницу, в которую положили множество золота, около нее насадили множество разнообразных деревьев, выкопали большой колодезь, так как место там было низменное и было много влаги. Все это волхвы устроили потому, что твердо надеялись после своей смерти жить там вечно, наслаждаясь, как бы в раю, всеми благами, находящимися в том месте. Так как преподобный Макарий не знал дороги к названному месту, то он шел, соображаясь со звездами, подобно тому как корабельщики переплывают море, и, таким образом, пешком перешел всю пустыню. При этом Макарий взял с собою несколько тычинок и после каждого пройденного поприща[1] втыкал в землю одну тычинку, чтобы возможно было ему по этим заметкам вернуться обратно. Когда же он, пройдя в течение девяти дней через всю пустыню, приблизился к названному вертограду и с наступлением ночи захотел немного отдохнуть от пути и заснул, тогда диавол, — вечный противник Христовых подвижников, — собрав все те тычинки, которыми Макарий замечал свою дорогу, во время сна преподобного положил их около головы святого. Когда Ма-

[1] *Поприще* равнялось нашим 690 саженям.

карий проснулся, он нашел все те тычинки лежащими около него и связанными в пучок. Это произошло по Божественному произволению, чтобы усилить подвиг преподобного, дабы он не на тычинки надеялся, но на помощь Бога, путеводившего некогда огненным столпом Израиля в продолжение сорока лет по этой громадной пустыне (Исх. 14, 19–20). Впоследствии святой Макарий рассказывал про свое путешествие следующее:

— Когда я приближался к вертограду, — говорил он, — к названному кладбищу, навстречу мне выбежало до семидесяти бесов в различных образах; одни из них сильно кричали, другие со страшною злобою скрежетали на меня своими зубами, третьи летали подобно воронам, кидались мне в лицо и вопили:

— Чего ищешь ты здесь, Макарий? Зачем ты пришел к нам? Не соблазнили ли мы когда-нибудь кого-либо из ваших иноков? Владей, на месте твоего жительства, с подобными тебе тем, что принадлежало прежде нам. Ведь ты владеешь пустыней, из которой выгнал подобных нам бесов. У нас же нет ничего общего с тобою. Зачем ты пришел в наши места? Как пустынник довольствуйся пустынею, это же место устроившие его отдали нам. Ты не можешь здесь оставаться. Для чего ты хочешь войти в наше владение, куда не входил еще ни один из живущих людей с того времени, когда мы совершили погребение братьев, устроивших это место?

И когда бесы подняли сильнейший вопль и крик, то святой Макарий сказал им:

— Я только войду, посмотрю и потом уйду отсюда!

Бесы сказали ему:

— Обещай нам это по совести твоей.

Христов раб отвечал:

— Я сделаю так.

И бесы исчезли. Когда Макарий входил в вертоград, его встретил страшного вида диавол с обнаженным мечом и загородил ему дорогу. Святой Макарий сказал диаволу:

— Ты идешь на меня с мечом, я же иду на тебя во имя Господа Саваофа в силе Бога Израилева (1 Цар. 17, 45).

И диавол отбежал от него. Войдя внутрь вертограда, преподобный осмотрел все там находившееся, а именно: колодезь, в котором висела лишь старая медная бадья, прикрепленная к железной цепи, гранатовые яблоки, не имевшие ничего внутри, потому что они высохли от

солнца, красивое здание гробницы, обильно украшенное золотом. Рассмотрев все подробно, святой без препятствий и затруднений вышел оттуда и, по прошествии двадцати дней, отправился обратно в свою келью. Во время обратного пути у него вышли весь хлеб и вода, которые он взял с собою на дорогу. Макарий стал ослабевать от голода и жажды, так что едва не упал. Тогда, — как он впоследствии сам о том рассказывал, — предстал пред ним призрак какой-то девицы, одетой в белые одежды и несущей в далеком от него расстоянии, — как бы с версту, — ведро чистой воды. Часто останавливаясь, девица показывала ему воду и звала его к себе, обещаясь дать ему напиться. Однако святой не был в силах дойти до нее. Впрочем, увлекаемый возможностью утолить жажду, он, употребляя страшные усилия, шел за нею три дня, в течение которых девица появлялась впереди него. Затем показалось стадо буйволиц (в той стороне их очень много), одна из которых, имеющая при себе малого теленка, стала против уставшего и изнемогшего старца; из сосцов же ее вытекало молоко. При этом преподобный услышал голос, говорящий свыше:

— Подойди, Макарий, и пей ее молоко.

Приступив, он долго пил молоко и укрепился телом.

Святой Макарий добавлял при этом следующее: «Господь мой, желая явить на мне еще большую Свою милость и научить мою немощь надеяться лишь на Его благой промысл, явил такое чудо. По Его повелению я приказал той буйволице идти за мною до моей кельи и кормить меня во все время моего пути. Покорная буйволица по повелению Создателя своего действительно последовала за мною и не подпускала теленка к сосцам своим, чтобы питать лишь меня одного».

Некогда этот святой и дивный муж копал колодезь для питья инокам. На том месте, где копал преподобный, находилось много хвороста и терновника, откуда выполз аспид и ужалил святого.

Тогда святой, схватив руками аспида за обе челюсти, растерзал его, сказав:

— Так как Господь мой не послал тебя на меня, то как осмелился ты приблизиться ко мне и укусить меня?

И, о чудо! Ужаление аспида не причинило преподобному никакого вреда.

Услыхав вторично относительно тавеннисиотов, что у них очень строгий устав жизни, преподобный Макарий переменил иноческую одежду на мирскую и отправился к ним. После пятнадцатидневного

пути по пустыне преподобный прибыл в тавеннисиотский монастырь, как бы мирской человек. Здесь он пожелал видеть архимандрита Пахомия[1], мужа опытного и прозорливого, имеющего дар пророчества, но которому тогда еще не было открыто Богом, кто такой Макарий. Войдя к Пахомию, Макарий сказал:

— Отче, умоляю тебя, прими меня в монастырь твой, ибо я желаю быть в нем иноком.

Пахомий отвечал:

— Ты не можешь быть иноком, так как ты стар и не в силах трудиться. Здешние братия с юности привыкли к иноческим трудам, а ты, будучи уже престарелым, не сможешь перенести подвигов и, ослабев, уйдешь отсюда и станешь злословить нас.

И Пахомий не принял его ни в первый, ни во второй день, — и так до седьмого дня. Макарий же все это время провел в строгом посте и на седьмой день сказал архимандриту:

— Авва, прими меня! Если же я не буду поститься и делать то же, что делают прочие братия, то ты тогда повели изгнать меня из монастыря.

Тогда святой Пахомий сказал братии, чтобы они приняли его. Братий же было тысяча четыреста человек, и Макарий был принят ими в монастырь. По прошествии затем некоторого времени наступил пост святой Четыредесятницы, и Макарий видел каждого из братий постящимся по мере сил своих. Один принимал пищу вечером, другой — по прошествии двух дней, иной вкушал по истечении пяти дней, иной стоял всю ночь на молитве, а в течение дня сидел за работой. Подражая им, и сам Макарий, намочив финиковых ветвей, стал в одном углу и в течение всей Четыредесятницы до Пасхи не вкушал ни хлеба, ни воды, за исключением небольшого количества сухих листьев капусты, которые он вкушал в воскресные дни. И это он делал лишь для того, чтобы другие иноки видели, что он ест и чтобы не впасть ему в грех высокомерия. Стоя же в углу, преподобный Макарий непрестанно работал и не отдыхал от трудов, ни разу во все время ни сел, ни лег. Если же по необходимости он уходил со своего места, то, возвратившись, снова стоял, не отверзая своих уст, ни с кем не разговаривая, но в молчании всем сердцем своим вознося молитвы к Богу. Увидав такой подвиг преподобного, подвижники того монастыря разгневались на своего авву и стали говорить ему:

---

[1] То есть преподобного Пахомия Великого.

— Откуда ты привел к нам, к нашему посрамлению, такого бесплотного человека? Или его удали, или мы уйдем из монастыря.

Выслушав это от братии и узнав о строгом посте Макария, преподобный Пахомий стал молиться Богу, чтобы Он открыл ему о пришельце, кто он такой. И было ему открыто, что это — Макарий. Тогда преподобный Пахомий, взяв за руку преподобного Макария, ввел его в церковь и, любезно обнимая его, сказал:

— Добре пришел ты, честный отче! Я знаю, что ты Макарий, но ты не открыл своего имени мне. В течение многих лет я слышал о тебе и очень желал видеть тебя. Благодарю тебя за то, что ты научил смирению моих чад, дабы они не возносились умом, гордясь своими подвигами и постом; ты много принес нам пользы.

Услышали о Макарии и прочие братия и, придя отовсюду во множестве, любезно целовали его и просили, чтобы он молился за них. Преподобный Макарий, преподав всем наставление, возвратился в свое место.

Сей бесстрастный муж, преподобный Макарий, рассказывал о себе еще и следующее:

— Однажды я пожелал так направить свой ум, чтобы, ни о чем земном не помышляя, он пребывал в непрестанном созерцании Единого Бога, ни на мгновение не отлучаясь от Него. Для этого богомыслия я назначил себе пять дней. И вот, затворив келью и двор мой, чтобы никто не входил ко мне и я не мог ни с кем беседовать, я, начиная с понедельника, стал и повелел своему уму, сказав так: «Смот0 ри! Не сходи с неба! Ты имеешь там вместе с собою Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов, все небесные силы и Творца их Бога. Итак, оставайся на небе и не спускайся в поднебесную, чтобы не впасть тебе в земные помышления». Когда таким образом я стоял в течение двух дней и двух ночей, вперив свой ум горé, я так раздражил диавола, что тот, превратившись в пламень, сжег все, что находилось в моей келье, так что даже и рогожа, на которой я стоял, загорелась, и я думал, что и сам сгорю. Устрашившись этого, я на третий день оставил свое намерение; будучи не в силах более удерживать свой ум в помыслах о небесном, я снизошел, по изволению Божиему, до земных помыслов, дабы не впасть в грех высокоумия.

О сем же преподобном Макарии епископ Палладий повествует также следующее.

— Однажды, придя к нему, — рассказывает он, — я застал пред его кельей какого-то сельского пресвитера, голова которого так была изъ-

едена болезнью, называемой гангреной, что со стороны затылка можно было разглядеть уста его. Он пришел к преподобному Макарию, прося исцеления; но святой не допускал его до себя, не желая с ним разговаривать. Тогда и я стал умолять святого, говоря:

— Помилуй этого несчастного и ответь ему.

Но блаженный сказал мне:

— Он недостоин исцеления, так как это наказание ему от Господа. Если же ты желаешь, чтобы он получил исцеление, то посоветуй ему, чтобы он перестал с этого времени священнодействовать.

Я спросил святого:

— Почему?

Он же ответил:

— Он совершал литургию после прелюбодеяния и за то так наказан. Если же он побоится Бога и отстанет от своего порока, который он совершал без страха, то Бог исцелит его.

— Когда я, — продолжал Палладий, — рассказал о том пресвитеру, то он с клятвою обещался более не священнодействовать. После этого преподобный Макарий, взяв того пресвитера, сказал ему:

— Веруешь ли ты, что существует Бог, для Которого нет никакой тайны?

Пресвитер отвечал:

— Да, отче, верую и умоляю тебя, — помолись Ему о мне грешном.

Тогда Макарий спросил:

— Так ты не мог утаиться пред Богом?

— Да, не мог, — ответил тот.

— Если ты исповедуешь свой грех и сознаёшь Божие за него наказание, — продолжал Макарий, — то с этого времени исправься.

И пресвитер исповедал свое грехопадение и обещался более не грешить и не священнодействовать, но жить мирским человеком. После этого святой Макарий возложил на него руки и помолился о нем Богу, и спустя несколько дней пресвитер исцелился от гангрены; у него отросли волосы на голове, и он возвратился в дом свой здоровым, прославляя Бога и воздавая благодарность великому Макарию.

Преподобный Макарий имел несколько келий в различных местах: одну — в ските, находящемся во внутренней пустыне, другую — в Ливии, третью — на месте, называемом Келью, и четвертую — на Нитрийской горе. Ни одна из его келий не имела ни дверей, ни окон. И преподобный Макарий пребывал в этих кельях в темноте во все

дни святой Четыредесятницы. Одна из его келий была тесна настолько, что в ней нельзя было протянуть ног, другая была просторнее, и в ней преподобный беседовал с приходившими к нему; в то же время он исцелил бесчисленное множество людей, страждущих от нечистых духов.

Палладий вспоминает об одной благородной девице, которая в течение многих лет была расслабленною и которую принесли к преподобному Макарию из Фессалоник[1]. Преподобный исцелил ее, помазуя в течение двадцати дней святым елеем и молясь Богу, и совершенно здоровою отпустил девицу в ее отечественный город. После своего исцеления она раздала по монастырям обильные милостыни.

В другой раз к преподобному был приведен одержимый бесом отрок, который был весь опухший от водянки. Возложив на голову его правую руку, а на сердце левую, преподобный стал молиться Богу. Внезапно отрок вскричал громким голосом, и немедленно из тела его вылилось огромное количество воды. После этого тело отрока пришло в естественное состояние, каким оно было раньше. Помазав отрока святым елеем и окропив его святою водою, преподобный передал его отцу. При сем он заповедал отроку, дабы в течение четырнадцати дней он не вкушал мяса и не пил вина. Так преподобный сделал отрока здоровым.

Бес, исконный враг рода человеческого, сильно озлобился на преподобного Макария за его строго подвижнический образ жизни и за многие исцеления приходящих к нему недужных. Тогда он стал искушать его ум тщеславием. У преподобного стали являться мысли, что ему надобно уйти из кельи и отправиться в Рим. При этом ум его представлял все благовидные побуждения к тому, указывая, что преподобный, имеющий обильную благодать и дар изгонять нечистых духов, много пользы может принести страждущим в Риме. Преподобный долгое время боролся с искушавшими его помыслами, хотя они сильно нападали на него. Наконец, упав на пороге своей кельи, он протянул за келью свои ноги и сказал:

— Влеките меня, бесы, если можете, а сам я не пойду!

Так, на пороге, преподобный пролежал до позднего вечера.

Ночью те же помышления снова с великою силою напали на него.

---

[1] *Солунь*, или *Фессалоники*, — весьма значительный, древний город Македонии лежал в глубине большого Солунского, или Фермейского, залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя первый торговый и мануфактурный город в европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

Тогда блаженный, взяв корзину вместимостью в два четверика, наполнил ее песком и, возложив на свои плечи, стал ходить по пустыне. Там с ним встретился инок Феосевий, антиохиец родом, который спросил его:

— Отче! Что ты носишь? Отдай мне свою ношу, а сам не трудись.

— Я томлю томящего меня, — отвечал Макарий, — когда он пребывает в лености и праздности, он зовет меня странствовать.

Таким образом трудясь в течение долгого времени, преподобный возвратился в келью, хотя измученный телом, но одержав победу над лукавыми помышлениями.

Ученик преподобного Макария блаженный Пафнутий повествует о святом следующее.

— Однажды преподобный сидел на дворе; вдруг прибежала гиена и принесла в зубах своего щенка, который был слеп; подбежав к Макарию, гиена бросила щенка к его ногам. Святой, подняв щенка, плюнул ему в глаза, помолился Богу, — и щенок прозрел. Гиена, взяв своего щенка, убежала. Наутро она снова прибежала к преподобному, неся огромную баранью шкуру, увидав которую святой сказал гиене:

— Откуда у тебя эта кожа, разве ты съела чью-нибудь овцу? Если ты добыла ее насилием, я не возьму ее.

Гиена же, наклонив голову к земле и приклонив колена, положила принесенную шкуру к ногам святого. Но преподобный сказал зверю:

— Я сказал, что не возьму до тех пор, пока ты не обещаешься мне, что не станешь более обижать бедных, съедая их овец.

Тогда гиена наклонила свою голову, как бы соглашаясь со словами святого и обещаясь повиноваться ему. После этого преподобный Макарий взял кожу у гиены и отдал ее святой Мелании Римлянине[1], часто посещавшей святых отцов в пустыне. С тех пор кожу эту прозвали «дар гиены». И что удивительно в мужах, отрекшихся от мира, так это то, что даже зверь, получив во славу Божию и в честь святых Его благодеяние, уразумел то и принес дар блаженному. Укротивший львов для пророка Даниила (см.: Дан. 14, 31) дал и гиене разумение полученного благодеяния и научил ее благодарности.

Вышеупомянутый Палладий, придя однажды к сему преподобному, смущаемый помыслами и унынием (как он сам впоследствии о том сообщал), спросил:

— Что мне делать, авва Макарий, ибо меня осаждают помышле-

[1] Кончина ее — 31 декабря.

ния, говорящие: ты ничего здесь не делаешь — уходи отсюда!

Святой отец Макарий отвечал ему:

— Скажи и ты своим помышлениям: я стерегу сии стены ради Христа.

Для назидания Палладия преподобный Макарий рассказал о преподобном Марке[1], как он принимал причащение Божественных Тайн от самих Ангелов. Святой Макарий видел то своими глазами, когда во время служения Божественной литургии он причащал братию.

— Я никогда, — говорил он, — не преподавал Божественных Тайн подвижнику Марку, но ему невидимо преподавал их Ангел из алтаря, а я только видел пальцы рук подающего.

Сей преподобный Марк, когда был юношей, знал наизусть весь Ветхий и Новый Завет; он был также весьма кроток и воздержен.

— В один день, будучи ничем не занят в своей келье, — рассказывал святой Макарий, — я пошел к нему, уже состарившемуся в это время, и сел при дверях его кельи. Я считал его кем-то высшим из людей, каков он и был в действительности, и хотел узнать (я тогда был еще, — замечает Макарий, — бесхитростен и несведущ), что старец делает или о чем беседует. Он же, находясь внутри кельи, боролся с собою и с диаволом, будучи уже ста лет от роду, так что у него даже выпали и зубы. Он говорил сам с собою:

— Чего ты, наконец, хочешь, злой старец? Вот ты уже и вина выпил и елея вкусил. Чего ты еще желаешь, ненасытный раб чрева в старости?

Диаволу же Марк говорил:

— Отойди от меня, диавол! Ты состарился в борьбе со мною. Ты наложил на меня телесную слабость, сделав так, что я стал пить вино и вкушать елей; ты сделал из меня сластолюбца. Ужели я тебе еще должен что-либо? Ты ничего у меня не найдешь такого, чтобы тебе можно было украсть. Враг человеческий! отступи от меня наконец.

О сем святой Макарий рассказал Палладию, который и записал сказанное.

Пресвитер же Руфин к житию преподобного этого Макария Александрийского присоединяет следующее.

В одну из ночей диавол, постучавшись в двери кельи Макария, сказал:

— Встань, авва Макарий, и пойдем в собор на пение.

Он же, будучи исполнен божественной благодати, узнал вражеские

[1] Память его — 5 марта.

козни и отвечал:

— О лжец и ненавистник добра! Какое тебе общение и какая дружба с собранием святых?

— Разве ты не знаешь, Макарий, — сказал на это диавол, — что без нас не совершается ни одно церковное пение и ни одно монашеское собрание? Иди же, и ты увидишь наши дела.

Старец отвечал:

— Да запретит тебе Господь, лукавый бес!

И, обратившись затем с молитвою к Господу, стал просить, дабы Он явил ему — справедливо ли то, о чем, похваляясь, говорил диавол. И вот, когда наступило время полуночного пения, Макарий пошел в собор и снова молился про себя Богу, дабы Он открыл ему — справедливо ли сказанное диаволом. Спустя несколько времени преподобный увидал в церкви, в образе неких малых отроков, черных эфиопов, быстро бегавших туда и сюда, как бы летающих. В монастыре был обычай, чтобы псалмы произносил один инок, между тем как все прочие братия сидели и слушали. И вот малые эфиопы эти подсаживались к каждому брату и смеялись, и если они двумя пальцами касались чьих-либо глаз, тогда тот брат немедленно начинал дремать, а если кому клали палец на уста, тот скоро отрезвлялся. Пред иными же они ходили в виде женщин, а пред другими представлялись, как бы желающими нечто создать или принести или устроить различные дела. И то, что бесы, насмехаясь над кем-либо, представляли, то же самое иноки те помышляли в сердцах своих. От некоторых же иноков, если бесы начинали пред ними делать что-либо подобное выше сказанному, они внезапно были отгоняемы некоей силой, стремглав выталкиваемы, и более не осмеливались ни останавливаться пред таковыми, ни проходить мимо них. Над иными же, слабейшими братиями, нисколько не внимательными к молитве, они надругались, сидя на их шеях и плечах. Видя это, преподобный Макарий, тяжко вздохнул и, заплакав, начал молиться Богу:

— Господи! Взгляни и не умолкни! Воскресни, Боже, и пусть рассеются враги Твои и да бежат от лица Твоего, так как душа наша наполнилась поруганием.

После отпуста, авва Макарий начал подзывать к себе каждого инока поодиночке и испытывать у него, о чем он помышлял во время церковного пения. Каждый исповедовал ему свои помышления, и, таким образом, явно обнаружилось, что помышление каждого было именно о том, о чем, надругаясь, представляли пред ним бесы.

Сей же преподобный Макарий рассказывал еще другое, более див-

ное и ужасное, а именно, что в то время, когда братия приступали к Божественным Тайнам и простирали руки к принятию Тела Христова (в то время причащались еще не лжицею, но принимали Тело Христово в руки, как ныне антидор, а Честную Кровь пили из чаши; так было до самого времени святого Златоуста, о чем есть свидетельство в житии святой Феоктисты[1], тогда преподобный замечал, что некоторым из братий эфиопы влагали в руки горящие угольи, а преподаваемое иерейскою рукою Тело Христово возвращалось обратно в алтарь. От тех же, кто были достойны святого Причащения, бесы отбегали далеко. Между тем около алтаря с иереем стоял Ангел Господень и вместе с иерейскою простирал свою руку для раздаяния Божественных Тайн.

Таким образом, преподобный Макарий, будучи прозорливым, распознавал достойных и недостойных и предугадывал помыслы человеческие, внушаемые бесами.

Много и иного рассказывал преподобный Макарий для пользы и назидания братии; исправлял ленивых и совершал различные чудеса. Пожив такою богоугодною жизнью, преподобный Макарий с миром отошел ко Господу, имея сто лет от рождения[2]. Ныне он вместе с другими преподобными отцами в бесконечной жизни прославляет Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, ему же и от нас грешных да будет слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЕВФРАСИИ

Святая дева Евфрасия происходила из города Никомидии[3] и жила в царствование императора Максимиана[4]. Она была знатного

[1] Память ее — 9 ноября.

[2] Кончина преподобного Макария Александрийского последовала около 395 года. — Подобно преподобному Макарию Египетскому, и преподобный Макарий Александрийский был церковным писателем. С его именем известны доселе: 1) правило монашеское в 30 главах; 2) письмо к инокам; 3) слово об исходе души и о состоянии по смерти.

[3] *Никомидия* — цветущий населенный город в области Вифинии, на берегу Мраморного моря, в северо-западной части Малой Азии.

[4] *Максимиан Галерий*, зять и соправитель императора Диоклетиана (284–305 гг.) и после император восточной половины Римской империи (305–311 гг.).

рода, прекрасна собою, благочестива и служила Христу как верная его раба. Во время гонения на христиан была схвачена идолопоклонниками и святая Евфрасия и была принуждаема принести жертву бесам. Когда она отказалась повиноваться, то ее стали жестоко бить; но она мужественно претерпела побои. После мучений святую Евфрасию отдали для осквернения одному варвару, который, взяв ее, привел в свой дом. Святая непрестанно молилась Пречистому Жениху своему Христу Господу, дабы Он сохранил ее невредимою. И вот, когда нечестивый варвар привел святую в спальную комнату, Евфрасия стала просить его, чтобы он подождал недолгое время, обещая дать ему некоторое чудодейственное растение.

— Если ты всегда будешь носить при себе это растение, — говорила она, — то никакое неприятельское оружие не коснется тебя.

Святая говорила так, представляя себя как бы волшебницей.

Но варвар сказал ей:

— Ты после дашь мне это растение.

Мудрая дева отвечала:

— Растение это не может быть взято руками женщины, но только непричастная браку дева может взять его. Если оно будет взято не девою, то оно не будет иметь никакой силы.

Тогда варвар согласился не трогать Евфрасию, пока она не сорвет ему названного растения. Придя в сад и найдя там какое-то растение, святая набрала его и показала варвару. Последний спросил ее:

— Как я узнаю, правда ли то, что ты говоришь мне?

В ответ на это святая Евфрасия положила сорванное растение на свою шею и сказала ему:

— Возьми острый меч, замахнись обеими руками и ударь меня по шее насколько можешь сильно, и тогда ты увидишь, что твой меч нисколько не повредит мне.

Варвар, поверив словам святой, взял меч и, замахнувшись, весьма сильно ударил и отсек честную главу святой Евфрасии, и она упала мертвой[1]. Увидав, что он осмеян святою, варвар стал скрежетать своими зубами. Мудрая же дева отошла неоскверненною к своему Жениху — Христу, оставив нам образец сохранения целомудрия, ибо она предпочла лучше умереть, чем погубить свое девство.

---

[1] Кончина мученицы Евфрасии последовала в 303 году.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **АРСЕНИЯ**, архиепископа Керкирского

Святой Арсений, архиепископ Керкирский[1], происходил из Палестины от благочестивых родителей. С юности он посвятил себя на служение Богу и принял иноческое пострижение. Ведя строго подвижническую жизнь, святой отличался при этом высоким образованием. Достигнув зрелого возраста, он получил сан священства, а потом, спустя некоторое время, был рукоположен в архиепископа Керкирского. В сане архипастыря он прославился своей мудростью, учительностью[2] и неоднократным заступничеством за невинных пред властями. Так, уже в старости, он отправился в Константинополь ходатайствовать за свою паству, которой угрожал неправедный гнев императора Константина Порфирородного[3]. Возвращаясь из Константинополя, Арсений на пути заболел в Коринфе[4] и с миром предал дух свой Богу[5].

В тот же день **память преподобного Макария, диакона Печерского[6]**.

---

[1] *Остров Керкира* — ныне *Корфу*, на Ионическом море, близ западного берега Северной Греции. — Святой Арсений был первым архиепископом на острове Корфу.

[2] Знаменитый своею ученостью патриарх Константинопольский Фотий, ведший со святым Арсением переписку, в своих письмах к нему выражает глубокое удивление как к мужу высокой духовной жизни, который знаком и с греческой литературой. — Святой Арсений известен и как писатель: им составлены канон на елеосвящение, похвальное слово апостолу Андрею и описание страдальческой кончины великомученицы Варвары.

[3] *Константин Порфирородный*, византийский император, царствовал с 780 по 797 год.

[4] *Коринф* — древнейший, знаменитый и богатый город Ахаии; лежал в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном углу Коринфского залива, между Ионическим и Эгейским морями. В настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто.

[5] Святой Арсений скончался в конце VIII века.

[6] Жил и подвизался в XII веке. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

Д е н ь   д в а д ц а т ы й

ЖИТИЕ

ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО

ЕВФИМИЯ ВЕЛИКОГО

Преподобный Евфимий происходил родом из города Мелитины, в Армении, близ Евфрата[1]. Родители его Павел и Дионисия, оба христиане, происходили из знатного рода и были украшены добродетелями. В течение многих лет они были бесплодны и бездетны, о чем они глубоко скорбели. Посещая находившуюся вблизи от города церковь святого мученика Полиевкта[2], они всегда молились Богу, чтобы разрешилось их бесчадие. И вот, когда они в одну ночь пребывали в усердной молитве, последовало им некое божественное видение, и они услышали:

— Утешьтесь, ибо Бог дарует вам сына, тезоименитого утешению[3], потому что при рождении его Бог подаст утешение церквам Своим.

После этого видения Дионисия зачала сына, которого еще до рождения родители его обещали посвятить Богу. И вот родился у них сын, и они нарекли его Евфимием. В то время на Востоке царствовал Валент, а на Западе — племянник его Грациан[4]. Для церквей Христовых, смущаемых арианами, не было еще мира и тишины. Начиная со вре-

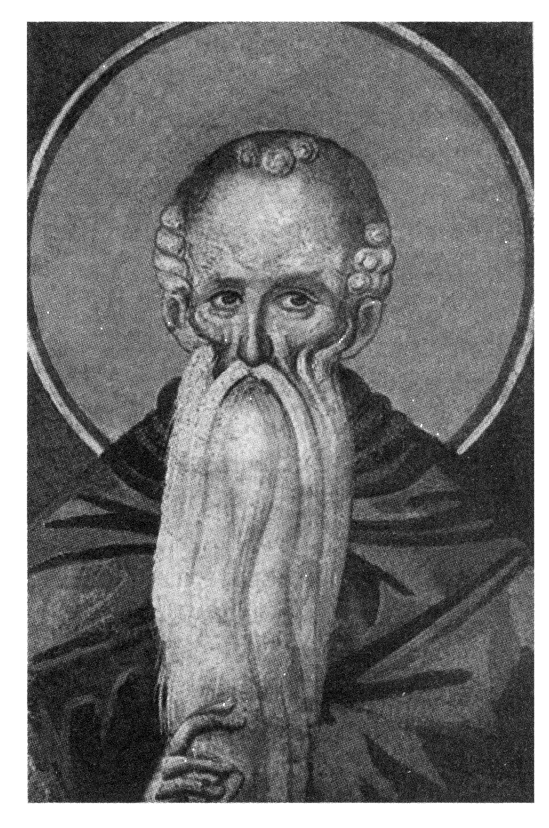
---

[1] *Армения* — горная страна, к югу от Кавказа и к востоку от Малой Азии; она делилась на две части: большую, или восточную, Армению, и малую, или западную. Город *Мелитина*, ныне *Малатия*, находился в южной части Малой Армении, на одном из притоков Евфрата.

[2] Святой Полиевкт был замучен в царствование Валериана в 259 году. Память его совершается 9 января.

[3] *Евфимий* — от греческого глагола: радуюсь, утешаюсь — в переводе значит: *благодушный, веселый*.

[4] *Валент* царствовал с 364 по 378 год, *Грациан* — с 375 по 383 год.

мени царствования Констанция, сына Константинова, до самой смерти Валента, православные в течение почти сорока лет терпели преследования и насилия. Когда же родился святой Евфимий, все скорби святых церквей превратились в утешение и радость: не исполнилось еще пяти месяцев после рождения Евфимия, как нечестивый император Валент был побежден варварами, опустошавшими Фракию, и во время бегства, скрывшись в одном селении, близ Адрианополя[1], в сарае, сгорел. Таким образом этот нечестивец ужасно погиб от огня временного, который был для него как бы преддверием огня вечного. С погибелью этого нечестивого царя погибла и вся сила арианская, и вскоре, со вступлением на царство Феодосия Великого[2], для святых церквей наступили тишина и мир.

По прошествии довольно непродолжительного времени отец Евфимия скончался. Дионисия же, исполняя обет свой, привела отрока Евфимия к брату своему, пресвитеру Евдоксию, который был духовным отцом епископа Мелитинской церкви Отрия[3], посвящая сына своего, как некогда Анна — Самуила, Богу (1 Цар. 1). Евдоксий же привел отрока к епископу и поведал ему все о нем: как после некоего божественного явления и гласа он был дарован неплодным родителям ради усердной их о том молитвы, и что он еще до рождения был обе-

[1] *Фракия* — область Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова. Адрианополь — город на реке Гебре (Марице); ныне значительный и многолюдный, главный город турецкого вилайета (области) того же имени.

[2] *Император Феодосий Великий* царствовал с 379 по 395 год.

[3] *Отрий, епископ Мелитинский*, просиял на II Вселенском Константинопольском соборе 381 года; впоследствии он был причтен к лику святых. Память его совершается на Востоке 17 апреля.

щан на служение Господу. Епископ Отрий, услыхав это и удивившись поведанному, сказал:

— Воистину Дух Божий почивает на сем ребенке.

Приняв отрока к себе вместо сына, Отрий тщательно заботился об его обучении, поручив это дело двум учителям из клириков, Акакию и Синодию[1], мужам благоразумным и добродетельным, из которых каждый впоследствии, в свое время, был епископом той же Мелитинской церкви. Когда блаженный Евфимий хорошо изучил божественные книги, епископ поставил его в чтеца, а мать его, блаженную Дионисию, с непрестанным усердием служившую Богу, посвятил в диаконисы своей церкви. Затем святой Евфимий, с юности известный своею добродетельною жизнью и непорочным девством, прошедший все низшие церковные степени и бывший уже иноком, посвящен был в сан пресвитера. Вместе с тем ему поручено было, хотя он и не хотел начальствования, и попечение о монастырях, находившихся в том городе, так как он с детства весьма возлюбил иночество и безмолвие. Поэтому преподобный Евфимий часто пребывал в монастыре святого мученика Полиевкта, отстоявшем в некотором отдалении от города. В дни же святой Четыредесятницы он удалялся в одну пустынную гору и там предавался безмолвию среди подвигов и трудов, известных Единому Богу. Сознавая же, что настоятельство и управление монастырей препятствуют его безмолвию, вместе с тем избегая славы человеческой, преподобный, на двадцатом году своей жизни, тайно ушел в Иерусалим[2]. Поклонившись честному Кресту и Гробу Христову и прочим святым местам, он посетил святых отцов, живших в окрестной пустыне, и, рассмотрев житие и добродетель каждого, потщился к подражанию им. Потом он пришел в лавру Фаранскую[3], отстоявшую от святого града в расстоянии шести поприщ, и, найдя вне монастыря одну пустую келью в уединенном месте, поселился в ней, не имея совсем ничего; обучившись плетению корзин, он питался от труда рук своих. И так,

---

[1] *Святой Акакий* впоследствии за богоугодную жизнь был избран епископом Мелитинским; он присутствовал на III Вселенском Эфесском соборе 431 года; скончался около 435 года. Память его совершается Церковью 17 апреля. *Синодий* — преемник Акакия по кафедре.

[2] Преподобному Евфимию было тогда около 29 лет. Это было в 406 году.

[3] *Лавра Фаранская*, или *Фаре*, основана преподобным Харитоном (память его — 28 сентября) в 1-й половине IV века, в шести миллиариях (с небольшим 8 верст) от Иерусалима — к востоку, по пути в Иерихон.

освободившись от всякой земной заботы, он имел лишь одно попечение — как угодить Богу.

Был у святого Евфимия сосед и друг, преподобный Феоктист, с которым он соединился такою духовною любовью, что оба имели одну волю, одно стремление к Богу, один общий подвиг. Они передавали друг другу свои мысли, и каждый из них как бы заключен был в душе другого: чего бы один ни пожелал, к тому и другой стремился, как будто в двух телах была одна душа. Ежегодно после восьмого дня святых Богоявлений Евфимий и Феоктист удалялись в пустыню Кутиллийскую[1] и там пребывали до недели Цветоносной[2], тело изнуряя постом и трудами, душу же питая духовною пищею. Потом они возвращались каждый в свою келью с обильным богатством добродетелей, которое они и приносили Воскресшему Христу. Проживая таким образом в Фаранской лавре, преподобный Евфимий однажды вместе с блаженным Феоктистом в обычное время удалился в Кутиллийскую пустыню[3]. Проходя по пустыне, они пришли к одному утесу, около которого был расположен дикий овраг, в глубине которого протекал поток; на север от потока на утесе находилась пещера, в которой жили звери и в которую можно было лишь с трудом пробраться по стене. Обрадовавшись, как будто место это было приуготовано им Самим Богом, они поселились там, питаясь растущими кругом травами, и в лавру уже не возвратились.

По прошествии некоторого времени, когда Бог благоизволил явить преподобных для пользы верующих, то, по Его устроению, некоторые пастухи из Лазарии[4] привели стада свои к этому потоку. И когда они подняли взоры свои вверх на гору к пещере, то заметили неожиданно двух мужей, ходивших по утесу, и, испугавшись, обратились в бегство. Отцы же кротким голосом кричали им вслед:

— Не бойтесь, братия, не бойтесь: ибо и мы — люди, но ради грехов наших живем в этом месте.

Тогда пастухи, ободрившись, пришли к ним и вошли в пещеру; не найдя там ничего потребного для земной жизни, они изумились и по-

---

[1] *Пустыня Кутиллийская* лежала к северо-востоку от Иерусалима, в недалеком расстоянии от Иерихона, ниже лавры святого Саввы Освященного к Мертвому морю, отстоящей к востоку от Иерусалима на 12 верст.

[2] То есть преподобные Евфимий и Феоктист удалялись в пустыню после отдания праздника Богоявления Господня и пребывали там до праздника Входа Господня в Иерусалим, или Вербного воскресенья (недели Цветоносной, иначе — Ваий).

[3] Это было в 411 году.

[4] Ныне — селение ел-Азария, недалеко от пустыни Кутиллийской.

том возвратились домой, рассказав о преподобных своим домашним. После того к преподобным Евфимию и Феоктисту начали приходить жители Лазарии, принося им необходимое для житейских потребностей. Между тем и фаранские отцы, заметив, что преподобные не возвращаются, долгое время искали их по пустыне, пока не узнали, где они находятся, и, после того как нашли их, стали их часто посещать. Потом некоторые пожелали поселиться вместе с ними; первыми, пришедшими к преподобным Евфимию и Феоктисту и не возвратившимися в лавру, были Марин и Лука[1]. Потом стали стекаться и другие, ибо слава о преподобном Евфимии в непродолжительное время распространилась повсюду, и многие стали стремиться узреть его и подвизаться под его руководством. Он же, принимая приходивших, поручал их руководству друга своего, блаженного Феоктиста, ибо сам возлюбил более всего уединение. В скором времени в пустыне была устроена киновия[2], а пещера была обращена в церковь. Преподобный Евфимий был духовным врачом всех: каждый из братий раскрывал пред ним свою совесть, исповедуя свои помышления; он же, обладая большою духовною опытностью, наставлял каждого с пользою, поучая и увещевая, отечески наказывая и утешая. Ко всем же братиям преподобный Евфимий говорил:

— Братия! Для чего вы вышли из мира, над тем и подвизайтесь, и не нерадите о своем спасении, но ежечасно бодрствуйте, по слову Господа: *бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26, 41); прежде всего знайте, что отрекающимся от мира и желающим проводить иноческую жизнь до́лжно не иметь собственной воли, но блюсти всегда послушание и смиренномудрие, а в уме иметь память смертную и час судный, бояться огня вечного и желать славы Царства небесного.

И еще говорил, что инокам должно, при внутреннем богомыслии, трудиться и телесно, особенно юным, для телесного удручения, дабы

---

[1] *Марин* и *Лука* — известные ученики преподобного Евфимия. Получив иноческое воспитание от него, они явили из себя подвижников отшельнической жизни; через несколько лет они просияли в местах близ селения Метопа (ныне Хирбет Джубб ер-Рум, по дороге от Иерусалима в лавру преподобного Саввы Освященного) и создали монастыри; они привели в монашеское совершенство преподобного Феодосия Великого, который был киновиархом этой пустыни и архимандритом киновий.

[2] *Киновия* — общежитие, общежительный монастырь.

плоть повиновалась духу, быть подражателями апостола Павла, который трудился день и ночь, не только избегая праздности, но служа и себе, и другим, как сам он говорит: *нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии* (Деян. 20, 34). Ибо если миряне подъемлют столь многие труды и страдают, непрестанно работая, чтобы прокормить жен своих и детей, и от того же труда приносят жертвы Богу, творят милостыню и платят подати: то не мы ли, тем паче, должны трудиться на необходимую телесную потребу, дабы избежать праздности и не поедать чужих трудов, по заповеди апостола (2 Фес. 3, 10).

Так преподобный отец наш Евфимий, наставляя братию, побуждал их к трудолюбию. Он заповедовал не разговаривать ни в церкви — во время богослужения, ни на трапезе — во время еды братии, но повсюду хранить молчание, внимая слову Божиему. Когда он видел кого-либо из братий, особенно юных, хотевшего поститься более прочей братии, то не одобрял этого и не допускал, чтобы брат следовал своей воле, но требовал, чтобы он соблюдал общее со всеми время воздержания и время трапезования; преподобный наставлял, чтобы брат ел на трапезе с воздержанием, не пресыщая чрева, но вкушая менее, чем оно требует, дабы, таким образом, скрыть свое постничество, не разглашая о нем открыто, а тайно вооружившись против возрастающих страстей. Просвещаемые такими наставлениями и поучениями преподобного Евфимия, братия подвизались и приносили плод, достойный своего звания.

Теперь надлежит нам сказать об Аспевете и Теревоне, начальниках сарацинских, о том, как они были обращены Евфимием к Богу.

Жил в Персии один эллин, по имени Аспевет, имевший юного сына Теревона, который был поражен бесом, вследствие чего вся правая сторона его, от головы до ног, иссохла; и никто не мог его вылечить, хотя к нему приводили многих опытнейших врачей. Потом Аспевет вместе со своим больным сыном переселился в Аравию. Это произошло следующим образом. В начале поднятого тогда в Персии магами[1] гонения на христиан, в конце царствования Издегерда[2], всем воена-

[1] *Маги* в Персии — члены жреческой касты, принадлежавшие к особому поколению мидян. В их руках сосредоточено было все научное образование; они заведовали религиозными обрядами и играли влиятельную роль в жизни государства. Им также приписывают искусство звездочетства (угадывания судьбы человека по течению светил небесных), гадания и чародейства, тем более что языческая религия персов соединялась с различного рода темными суевериями.

[2] *Персидский царь Издегерд I* царствовал с 399 по 420 год. Восстание, поднятое персидскими магами на христиан, было в 419 году.

чальникам, среди которых был и Аспевет, было приказано тщательно стеречь все дороги, так чтобы ни один из христиан не мог убежать из Персии к грекам. Тогда Аспевет, видя столь великую злобу против ни в чем не повинных христиан, сжалился над ними и не только не препятствовал бежать им из земли персидской, но и сам, насколько мог, помогал им, защищая от опасностей и смерти. Вследствие этого он был оклеветан неверными пред царем Издегердом. Боясь мучений, Аспевет, взяв своего сына, имущество и всех домашних, поспешно бежал из Персии в пределы греческого царства. Царь же греческий, приняв его, вручил ему начальство над сарацинами, жившими под властью греков в Аравии. Когда Аспевет поселился там, сын его Теревон увидел в сонном видении преподобного Евфимия, обещавшего ему выздоровление, если обратится ко Христу. Проснувшись, Теревон рассказал отцу о своем сновидении; тот же немедленно взял отрока и в сопровождении множества слуг пришел к монастырю преподобных Евфимия и Феоктиста. Братия, увидев множество сарацин, испугались. Блаженный же Феоктист, выйдя к сарацинам, спросил их:

— Чего вы здесь ищете?

Они отвечали:

— Раба Божиего Евфимия ищем.

Феоктист сказал им:

— Здесь живет тот, кого вы ищете, но до субботы он ни с кем не видится, потому что безмолвствует.

Аспевет же, взяв за руку Феоктиста, показал ему на своего больного сына и приказал ему самому рассказать все о себе. Отрок начал говорить:

— Я год тому назад получил эту язву в Персии и, испытав на себе врачебное искусство врачей и волшебные заклинания магов, не получил никакой пользы, но еще более заболел. Придя же сюда в Аравийскую страну и не чувствуя никакого облегчения, я в одну из ночей, лежа на своем одре, размышлял о том, получу ли я когда-нибудь исцеление, и говорил сам с собою: «О Теревон! Где же врачебное искусство эллинов и персов? Где волхвования и чары? Где сила наших идолов, и какая от них польза? Где выдумки звездочетов и басни нашего учения и бесполезные призывания наших богов? Поистине все это — только мечтания, достойные смеха, ибо совершенно не помогает никому, без соизволения Единого истинного Бога». Рассуждая так, я обратился к молитве и со слезами молился, говоря: «Боже великий и

страшный, сотворивший небо и землю, если помилуешь меня и избавишь от этой лютой болезни, то я буду христианином, оставив все беззакония и заблуждения эллинской веры». Так помолившись, я уснул и увидел во сне некоего инока с проседью и большою бородою; он сказал мне: «Чем ты страдаешь?» Когда я показал ему свою болезнь, он мне сказал: «Исполнишь ли то, что обещал Богу?» Я отвечал: «Исполню, если освобожусь от этой болезни». Тогда старец сказал мне: «Я — Евфимий, живущий в восточной пустыне, в расстоянии десяти поприщ от Иерусалима, недалеко от пути, ведущего в Иерихон. Итак, если хочешь исцелиться, — приди ко мне, и Бог чрез меня исцелит тебя». Обо всем этом, что я видел и слышал во сне, я рассказал своему отцу, — и вот мы пришли сюда по повелению явившегося мне в видении. Молим тебя, покажи нам того врача, Богом явленного.

Блаженный Феоктист пошел и поведал великому Евфимию о всем, что слышал. Тот же, рассудив, что неуместно противиться Божиему повелению, вышел из своего безмолвия и, придя к больному, помолился о нем Богу, ознаменовал его крестным знамением, — и тотчас Теревон выздоровел, как будто никогда и не болел. Варвары, пораженные столь внезапным исцелением Теревона, уверовали во Христа, и все, пав ниц на землю, просили крестить их. Евфимий же чудотворец, видя, что они от всей души уверовали в Бога, совершил над ними оглашение и крестил сначала Аспевета, которого наименовал Петром[1], после него Марина, брата жены Аспевета, потом Теревона, а также всех, с ним пришедших сарацин. Продержав их у себя сорок дней, преподобный просветил их словом Божиим и, утвердив в вере, отпустил в их отечество. Марин же, дядя Теревона, не ушел из монастыря, но принял в нем пострижение и пребывал здесь до самой своей кончины; он много угодил Богу и был игуменом обители той после преподобного Феоктиста, как о том будет видно из дальнейшего. Что же касается значительного имения его, которое он принес в дар монастырю, то оно частью роздано было нищим, частью истрачено на построение и расширение монастыря.

Между тем, после того как молва о чудесном исцелении Теревона повсюду распространилась, к блаженному Евфимию, врачу безмездному, отовсюду стало стекаться множество больных, и все скоро получали исцеление и возвращались здоровыми. Вследствие этого имя

---

[1] Впоследствии Петр, носивший имя Аспевета, был первым епископом сарацинским и участвовал в Эфесском (III Вселенском) соборе 431 года.

святого прославилось не только в Палестине, но и по окрестным областям. Преподобный же, видя, что нарушается его безмолвие, скорбел и тужил о том, что многие приходят и прославляют его, памятуя о прежнем своем безмолвии и помышляя тайно уйти в пустыню, называемую Рува[1]. Блаженный Феоктист, узнав об этом, возвестил братии. И вот все, собравшись, пришли и пали к ногам преподобного Евфимия, умоляя его со слезами не оставлять их сирыми. Он же, желая утешить их, обещался сначала не удаляться оттуда, но по прошествии немногих дней, побуждаемый желанием пребывать в непрестанном безмолвии и будучи не в силах более терпеть мирскую молву, ночью тайно вышел из монастыря, взяв с собою одного ученика Дометиана, добродетельной жизни, происходившего родом, как и преподобный, из Мелитины, и пошел в Руву. Проходя по южной пустыне около Мертвого моря, он взошел на высокую гору, отделенную от других гор, называемую Марда[2], и, найдя на ней колодезь с водою и развалившуюся хижину, перестроил ее и поселился там и прожил несколько времени, питаясь пустынными травами. Потом преподобный ушел в пустыню Зиф, расположенную близ селения Аристовулиады[3], желая увидеть там пещеру, в которой некогда скрывался Давид, убегая от Саула. Увидев то место, преподобный Евфимий устроил там монастырь.

Поводом к построению монастыря послужило следующее. Сын старейшины селения Аристовулиады был одержим нечистым духом и с воплем громко призывал имя Евфимия, ибо так невидимо повелел ему Бог. Отец же юноши и родственники тщательно расспрашивали повсюду о Евфимии, кто он и где находится. Узнав, что он пребывает между Капарварихом[4] и Аристовулиадой в Давидовой пещере, отец больного привел к нему бесноватого сына. Как только последний увидел святого, бес тотчас поверг его на землю и вышел из него. Когда весть о чуде распространилась, то пришли к святому многие из окрестных селений и выстроили ему монастырь. Собрались братия

---

[1] *Рува* — пустыня у северо-западных берегов Мертвого моря, между ним, нынешней иерусалимской дорогой и лаврой преподобного Саввы Освященного.

[2] *Марда* — иначе *Морес* — гора около Мертвого моря.

[3] *Пустыня Зиф* составляет часть пустыни иудейской, к югу от Иерусалима и к юго-востоку от Хеврона. К западу и востоку от нее находятся пещеры, в одной из которых укрывался Давид, спасаясь от преследования Саула (1 Цар. 18 и след.). — *Аристовулиада* — селение близ Хеврона.

[4] *Капарварих* — ныне *Бени-Наим* — монастырь, находившийся к юго-востоку от Хеврона, в пустыне по течению реки Иордан, недалеко от него.

около него, и Бог посылал им пищу. Святой обратил там многих, принадлежавших к манихейской ереси, в православие, убедив их предать проклятию ересеначальника Манеса. Потом, чувствуя беспокойство от множества приходивших посетителей, сказал ученику своему Дометиану:

— Пойдем, чадо, и посетим преподобного Феоктиста и братию.

И они пошли. Приближаясь к киновии, преподобный Евфимий нашел на горе место, которое ему понравилось и на котором впоследствии возникла его лавра: место это было ровное, уединенное, и воздух был здоровый. И остановился он там в попавшейся небольшой пещере, где впоследствии, по преставлении его, было погребено тело его[1]. Блаженный Феоктист, узнав о приходе преподобного Евфимия, поспешно вышел приветствовать его и молил его прийти на жительство в свое место в киновии вместе с братией. Но Евфимий не согласился и лишь обещал по всем воскресеньям приходить на церковное богослужение. Аспевет, он же и Петр, услышав, что преподобный Евфимий возвратился в свое место, возрадовался и пришел к нему с множеством сарацин с женами и детьми и просил его сказать им слово спасения. Старец же, преподав им поучение, обратил ко Христу всех пришедших с Аспеветом; приведя их в нижний монастырь, он просветил их святым крещением и пробыл с ними семь дней, поучая и утверждая их в вере. После этого, стремясь к безмолвию, он возвратился в свою пещеру.

Аспевет Петр, видя, что старец не имеет кельи, но живет в небольшой пещере, призвал каменщиков и соорудил святому три кельи, небольшую церковь и пекарню; потом он сделал двуустый водоем и удовлетворил преподобного всем необходимым, дабы он ни в чем не испытывал лишений. Новокрещеные сарацины не хотели более отлучаться от преподобного, но, желая всегда насыщаться его поучениями, просили святого позволить им жить близ него. Но Евфимий не согласился на это, боясь, что тогда совершенно нарушится его безмолвие, но, приведя их на другое удобное место, велел им построить для себя кельи и церковь и назначил для них пресвитеров и диаконов. С каждым днем собрание их умножалось, ибо приходило много сарацин, которые принимали святое крещение. Преподобный часто посещал их, поучая слову Божиему. Когда селение их стало представлять

[1] Ныне — *дер-Мукелик*. Лавра преподобного Евфимия лежала в три тысячи шагов (около четырех верст к югу от нижнего монастыря, вправо от дороги в Иерихон).

как бы большой город, преподобный обратился к патриарху Иерусалимскому Ювеналию[1] с просьбой посвятить Петра, отца Теревонова, в епископы для новопросвещенных сарацин. И был поставлен Петр в епископы, удовлетворяя духовным нуждам множества сарацин, принявших святую веру.

Преподобный Евфимий не хотел иметь сожителей на том месте, где безмолвствовал, и потому не устраивал ни киновии, ни лавры, но отсылал приходивших к нему для пострижения в нижний монастырь к преподобному Феоктисту; также если кто приносил ему что-либо для телесных потребностей, — все то отсылал в монастырь Феоктистов. Когда же Бог благоизволил заселить то место многими иноками, то повелел великому Евфимию в видении, чтобы не отгонял приходящих к нему ради спасения. Однажды к нему пришли три брата по плоти, родом каппадокийцы, воспитанные в Сирии: Косма, Хрисипп и Гавриил; они горели духом к духовному совершенствованию. Но старец не хотел принять их, частью потому, что любил свое безмолвие, частью потому, что они были молоды, особенно же потому, что младший из братьев, Гавриил, от чрева матери был скопцом и очень юн, а лицом походил на женщину. Тогда ночью последовало преподобному некоторое божественное явление, в котором к нему был голос:

— Прими этих братьев, потому что Бог послал их, и впредь не отклоняй никого, хотящего спастись.

Тогда святой принял их и сказал старейшему из них Косме:

— Вот я принимаю вас, как повелел мне то Бог; сделай же и ты, что я прикажу: не позволяй младшему брату выходить из кельи, чтобы никто из прочих братий его не видал: ибо не подобает жить в лавре женскому лицу, дабы не поднялась против кого-либо вражья брань.

Потом святой предрек ему то, что имеет последовать.

— Как я полагаю, — сказал он, — ты недолго пробудешь здесь: ибо Бог хочет вручить тебе епископство в скифопольской церкви[2].

Предсказание это впоследствии действительно сбылось.

---

[1] *Святой Ювеналий* — патриарх Иерусалимский, ревностный защитник православия против еретиков, занимал кафедру с 420 по 458 год.

[2] *Скифополь* — город к северу от Иерусалима. В то время он был цветущим, многолюдным городом. Теперь это — бедная деревушка (Бесан) среди бесплодной пустыни.

После этого преподобный начал принимать всех приходящих. Так он принял Домнина, родом из Антиохии[1], племянника Иоанна, архиепископа Антиохийского[2]; принял и трех других братьев мелитинцев, племянников того Синодия, который вместе с Акакием был учителем Евфимия, по имени Стефана, Андрея и Гаиана, затем Иоанна, пресвитера Раифского[3], Анатолия и Фалассия, также Кириона из Тивериады[4], пресвитера церкви святого мученика Василия в Скифополе; приняв всех их, он повелел епископу Петру сделать им небольшие кельи и украсить церковь со всевозможным благолепием. Таким образом он устроил лавру по образцу Фаранской. И пришел в лавру патриарх Иерусалимский Ювеналий со святым Пассарионом[5], бывшим тогда хорепископом[6], и Исихием[7], пресвитером и учителем церковным, и освятил лаврскую церковь[8]. Евфимию было в то время пятьдесят два года от рода. Поставил патриарх и двух диаконов для лавры, Дометиана и Домнина; пресвитерами же были Иоанн и Кирион. Радовался духом великий Евфимий об освящении своей лавры, особенно же о том, что увиделся с патриархом, Преосвященным Пассарионом и Исихием богословом, которые оба были преславными светильниками. Но святой Пассарион почил, когда не исполнилось еще семи месяцев после этого, находясь в глубокой старости.

---

[1] *Антиохия* — древняя столица Сирии, лежит на север от Палестины, на берегу реки Оронта, впадающей в Средиземное море.

[2] *Иоанн, архиепископ (патриарх) Антиохийский*, занимал кафедру с 423 по 440 год.

[3] *Раифа* — ныне *ет-Тор* — селение на восточном берегу Синайского полуострова, при Красном море.

[4] *Тивериада* — ныне *Табария* — город на западном берегу Геннисаретского, или Тивериадского, озера (иначе — Галилейского моря), на севере Палестины.

[5] Память преподобного Пассариона совершается в сырную субботу.

[6] В древней Церкви, кроме епископов городов и епархий, были еще епископы сел, которые (от греческого слова: деревня) назывались хорепископами. Они действовали под наблюдением епископа городского, имели в своем заведовании известный округ сельских церквей, избирали для подведомых им церквей низших клириков, приносили Божественные дары и раздавали милостыню из церковного имения, но не имели власти рукополагать пресвитеров и диаконов. В своей деятельности они отдавали отчет главному епископу города и являлись непосредственными его помощниками. Впоследствии они были упразднены.

[7] Исихий впоследствии причтен к лику преподобных. Память его — в сырную субботу.

[8] В 429 году.

В первый год по освящении лавры, когда братия вместе с преподобным Евфимием находились в великом стеснении относительно телесных потреб, на первое время был поставлен экономом Дометиан[1]. Случилось однажды, что толпа армян, шедших из святого града к Иордану, свернула с пути вправо и пришла в лавру, ибо Бог так устроил, дабы добродетель и вера великого отца просияла еще более. Их было не менее четырехсот человек. Увидев их и заметив, что они голодны, преподобный призвал эконома Дометиана и сказал:

— Предложи этим людям поесть.

Дометиан же отвечал:

— Отче! Келарь[2] не имеет чем насытить десять человек: откуда же я возьму хлебов для такого множества народа?

Святой, исполненный пророческой благодати, сказал:

— Ступай и исполни, что я повелеваю тебе, ибо Дух Святой говорит, что люди эти будут есть досыта, и нам останется пища в изобилии.

Дометиан, пойдя в хлебню, где лежало немного хлебов, не мог отворить дверей, потому что Божие благословение наполнило келью до верха. Призвав некоторых из братий, он с помощью их вышиб дверь, и хлебы посыпались из кельи. То же благословение произошло и с вином и елеем, ибо сосуды внезапно все наполнились. И ели все и насытились. В течение целых трех месяцев не могли вставить дверь на свое место по причине преизобилия хлебов: хлебы не умалялись, как некогда не оскудевали у страннолюбивой вдовицы в Сарепте Сидонской водонос муки и чванец елея (3 Цар. 17, 14)[3]. Дометиан, удивившись тому чуду, бросился к ногам учителя, прося прощения. Старец же, вразумив его, преподал поучение о страннолюбии и надежде на Бога.

С того времени лавра стала умножаться, благословляться всяким изобилием и расширяться зданиями келий; и совершалась в церкви каждодневно Божественная служба. Эконом вынужден был для потреб монастырских приобретать скот ради служения братии. В лавре был некий брат, родом из Асии[4], по имени Авксентий, весьма пригод-

---

[1] *Эконом* — лицо, заведующее хозяйством монастыря.

[2] *Келарь* — хранитель и расходчик монастырских припасов.

[3] *Чванец* — небольшой сосуд, кувшинчик.

[4] *Асия* — западная часть Малой Азии; так называлась она после завоевания ее римлянами еще до Р. Х. Затем название Азии перенесено было и на весь материк; в данном случае разумеется западная часть Малой Азии.

ный для этой монастырской службы. Эконом просил его стеречь и пасти лошаков и ослов монастырских, но он не послушался. Тогда эконом обратился к пресвитерам Иоанну и Кириону и вместе с ними упрашивал Авксентия взять на себя эту службу; но тот не послушался и их. По наступлении субботы, когда явилась возможность беседовать с великим Евфимием о монастырских делах, эконом поведал преподобному о непослушании Авксентия. Преподобный, призвав Авксентия, сказал ему:

— Послушай нас, чадо, и прими возлагаемое на тебя послушание.

Тот же отвечал:

— Не могу, честный отче, — мне препятствуют исполнить это три причины: первая — это то, что я — иноплеменник и не могу говорить на местном языке; вторая — страх греховного падения; третья — что, имея попечение о скоте, я уже не буду в состоянии сидеть в келье в богомыслии и безмолвствовать.

Великий Евфимий сказал на это:

— Молим Бога, чтобы ты не получил никакого вреда от всего того, ибо Бог знает, что ради страха пред Ним ты служишь рабам Его. Послушай Господа, глаголющего: *Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить* (Мф. 20, 28) и еще: *не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5, 30).

Но и после таких увещаний преподобного Авксентий ожесточился и не послушался. Тогда преподобный, разгневавшись, сказал:

— Мы, чадо, советуем тебе, что для тебя полезно, а ты не слушаешь; увидишь, какова награда за неповиновение.

И тотчас Авксентий упал на землю в припадке беснования, трепеща и трясясь; присутствовавшие же отцы просили за него святого, и тот, едва умоленный, поднял его и, знаменовав знамением креста, исцелил. Придя в себя, Авксентий, припав к ногам святого, просил прощения. Святой сказал ему:

— Послушание есть великая добродетель, ибо Бог послушания требует паче, нежели жертвы; преслушание же соделывает смерть.

Потом, сотворив об Авксентии молитву, преподобный Евфимий благословил его и сказал:

— *Ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5, 14).

После этого Авксентий принял возложенное на него послушание и с усердием стал исполнять его.

Два брата, Марон и Климатий, обременяясь суровой жизнью в лавре, сговорились ночью бежать, и когда уже приготовились к тому, намерение их стало известным преподобному Евфимию: он узрел в видении диавола, набрасывающего на них узду и влекущего в смертоносные сети. Тотчас же призвав их, преподобный обратился к ним с продолжительной беседой, поучая о терпении, убеждая и наставляя их оставить свое пагубное намерение. Говорил он о том, что должно тщательно блюсти себя: Адам, будучи в раю, преступил заповедь Божию; Иов же соблюл ее, сидя на гноище. К этому увещанию он прибавил и следующее:

— Не должно нам допускать лукавых помыслов, вселяющих в нас печаль или ненависть к месту, в котором живем, или к сожителям; не должно слушать помыслов, советующих перейти на другое место; но нам необходимо ежечасно быть трезвыми и отвращать ум свой от козней бесовских, дабы с переходом нашим не разрушилось наше правило, ибо дерево, часто пересаживаемое, не приносит плода. Если кто захочет сотворить что-либо хорошее на месте, где живет, и не сможет, то пусть не думает, что он в состоянии управить это в другом: ибо доброе дело достигается не местом, а изволением и верою. Выслушайте один рассказ, который я слышал от египетских иноков. Один брат жил в Египте в киновии и часто гневался и волновался, и бранные слова были постоянно на его устах; придя в уныние, он ушел из монастыря и поселился в уединении, полагая, что если ему не с кем будет беседовать, то освободится от своей привычки гневаться. В один день, когда он ради некоей потребы налил сосуд воды, тот опрокинулся; он наполнил его во второй раз, но сосуд опять опрокинулся; то же случилось и в третий раз. Брат, будучи обольщен бесом, разгневался на сосуд и, схватив, разбил его.

Когда святой Евфимий говорил это, Климатий рассмеялся. Старец же, взглянув на него, сказал:

— Не прельщен ли и ты, брат, бесом, что безумно смеешься? Разве ты не слышал, что Господь смеющихся считает отверженными, а плачущих ублажает?

Сказав это, преподобный отворотился от Климатия и пошел в свою внутреннюю келью. Климатий же тотчас пал ниц, объятый трепетом, ибо на него напал какой-то страх и ужас. В то время находился там Дометиан; он собрал некоторых из отцов и, войдя к преподобному, просил простить Климатия.

Вняв им, святой вышел и поднял лежащего и знамением креста уврачевал его, причем сказал:

— Впредь внимай себе и не пренебрегай наставлениями отцов, принимая их как бы Божии слова, и сделайся весь оком, как мы слышали о херувимах. Тщательно соблюдай себя отовсюду, ибо ты ходишь посреди сетей.

Так наказав брата и наставив обоих, сговорившихся бежать, преподобный отпустил их в свои кельи утвержденными.

В те времена был собран в Ефесе на нечестивого Нестория III Вселенский собор[1]. Тогда пришел из Мелитины в Палестину для поклонения вышеупомянутый Синодий, который, вместе с Акакием, во время юности преподобного был его учителем. Имея в лавре Евфимия трех вышеназванных племянников — Стефана, Андрея и Гаиана, — Синодий пришел туда и, облобызав преподобного Евфимия, рассказал ему о нечестивой ереси Нестория, который, по попущению Божию, был некоторое время патриархом Константинопольским и возмутил своими лжеучениями всю вселенную; рассказал ему о ревности в православии блаженного Кирилла, архиепископа Александрийского[2], и Акакия, епископа Мелитинского, бывшего некогда учителем его. И радовался за них преподобный. Петру, некогда именовавшемуся Аспеветом, а в то время бывшему уже епископом сарацинским, который вместе с другими палестинскими епископами отправлялся на собор Ефесский, преподобный повелел держаться учения Кирилла и Акакия и всячески их защищать. По окончании собора и низложении Нестория, Петр, возвратившись, подробно рассказал старцу обо всем, происходившем на соборе; старец радовался об утверждении православия, но скорбел об Иоанне, архиепископе Антиохийском, который, будучи православным, защищал Нестория.

Диакон Домнин, скорбя о дяде своем, просил великого отца отпустить его в Антиохию для исправления своего дяди. Но святой сказал ему:

— Не ходи, чадо: если останешься на том месте, на которое призван, и не послушаешь помысла, хотящего отторгнуть тебя от пустыни, то преуспеешь в добродетели и прославишься о Боге; если же преслушаешь меня и пойдешь, то примешь престол дяди твоего, но не на

---

[1] В 431 году.

[2] Память святого Кирилла Александрийского († в 444 году) совершается Церковью 9 июня и 18 января, вместе с Афанасием Александрийским.

пользу, и недолго будешь почитаться на нем, ибо он вскоре будет отнят у тебя злыми людьми.

Но Домнин, не послушав заповеди отца своего, пошел без его благословения в Антиохию, — и сбылось на нем все, предсказанное святым[1]; впоследствии он возвратился к старцу, плача и каясь, и удивляясь прозорливости святого.

О сем преподобном отце нашем Евфимии преподобный Кириак отшельник[2], ученик его, свидетельствует следующее: «Никогда мы не видали его вкушающим, кроме субботы и воскресенья, ни беседующим с кем-либо, за исключением великой необходимости, ни спящим его на боку, но иногда лишь дремлющим сидя; иногда же он брался обеими руками за веревку, протянутую в углу его кельи, и так, по телесной необходимости, немного спал, следуя изречению великого Арсения[3] о сне: „гряди, злой раб!“ Ибо он подражал в житии своем тому преподобному Арсению и с услаждением слушал о нем от приходивших из Египта братий».

Некий Анастасий, сосудохранитель церкви святого Воскресения[4], желал видеть великого Евфимия и вместе с друзьями своими, клириками иерусалимскими, пошел в его лавру. Преподобный Евфимий, провидя духом их пришествие, призвал лаврского эконома Хрисиппа и сказал ему:

— Приготовься к принятию гостей, ибо вот идет патриарх Иерусалимский.

Когда гости пришли, преподобный принял Анастасия, как патриарха, и беседовал с ним, как с патриархом. Все присутствовавшие удивились; эконом же Хрисипп, подойдя, сказал на ухо старцу:

— Честный отче, здесь нет патриарха; это — Анастасий сосудохранитель.

Святой, удивившись, сказал:

---

[1] *Домнин* занимал патриаршую кафедру в Антиохии с 441 по 448 год.

[2] Память преподобного Кириака, отшельника палестинского, — 29 сентября.

[3] Здесь разумеется преподобный Арсений Великий, Египетский, сорок лет в безмолвии и строгих подвигах подвизавшийся в пустыне Скитской; умер в 449 году; память его — 8 мая.

[4] *Церковь святого Воскресения в Иерусалиме* сооружена была Константином Великим и освящена в 335 году, 13 сентября. Она была построена над пещерой Гроба Господня и отличалась великолепными и многочисленными украшениями. В храме было множество утвари с драгоценными камнями, хранителем которой (по-гречески: скевофилаксом) и был Анастасий.

— Верь мне, чадо, что доселе я видел его облеченным в патриаршие одежды. И воистину я не обманулся: ибо что Бог предопределил, то так и сотворит.

Сие слово преподобного было сказано во всеуслышание и сбылось в свое время, когда Анастасий был поставлен патриархом[1].

Вышеупомянутый Теревон, сын епископа Петра, называемого Аспевет, взяв жену из своего рода и долгое время пожив с ней, не имел детей, так как она была бесплодна. Приведя ее к чудотворцу Евфимию, он молил его, говоря:

— Знаю, отче, что Бог послушает молитвы твоей, ибо Он творит волю боящихся Его. Итак, умоляю твою святыню: помолись за нас человеколюбцу Богу, да дарует нам чадо.

Святой знаменовал его и жену трижды знамением святого креста и сказал им:

— Се Бог дарует вам чадородие, и вы будете иметь трех сыновей.

Был некий брат в лавре, по имени Емилиан, который однажды ночью, на рассвете воскресенья, от бесовского наваждения возгорался плотскою страстью и смущался нечистыми помыслами, чувствуя в сердце вожделение греха. Случайно преподобный Евфимий, идя к утрене в церковь, проходил мимо того места, где стоял брат, смущенный похотением; обоняя смрад блудного беса и уразумев происходящее, святой сказал:

— Да запретит тебе Бог, проклятый нечистый дух!

И тотчас брать упал на землю, изрыгая пену и беснуясь. Собрались братия, принесена была свеча, — и сказал преподобный братии:

— Видите ли брата сего? От юности своей доселе он жил добродетельно, в чистоте телесной; ныне же, когда он ненадолго увлекся плотскою похотью и помышлял с вожделением и услаждался нечистыми теми помыслами, им овладел бес. Получим же и мы наставление из таковой его скорби, и пусть каждый знает, что, если кто, хотя и не прикасается к чужому телу и не творит нечистого греха, но умом любодействует, увлекаясь нечистыми помыслами, удерживая их, соизволяя на них и услаждаясь ими, — тот — блудник, и бес им обладает.

К этому старец присоединил еще следующее повествование:

— Послушайте, братия, — сказал он, — повествование, которое рассказали мне некоторые египетские отцы об одном брате, которого все считали святым, но сердцем прогневлял Бога, увлекаясь нечести-

[1] *Анастасий* занимал патриаршую кафедру в Иерусалиме с 458 по 478 год.

выми помыслами и любодействуя умом. Когда он приблизился к кончине, пришел туда некий прозорливый старец и услышал о нем, что он болен при смерти, и нашел всех жителей плачущими и говорящими: «Если скончается этот святой, то нам уже нет надежды на спасение, потому что все мы спасаемся его молитвами». Услышав это, прозорливый старец с поспешностью пошел к больному, желая получить благословение от этого мнимого святого, и, приблизившись к жилищу его, увидел множество народа со свечами, иереев и диаконов, ожидающих епископа к торжественному погребению того святого. Войдя в горницу, старец застал его еще дышащим и, воззрев душевными очами, увидел беса, держащего трезубец; пронзив им сердце умирающего, бес со многими муками извлекал душу его. При этом святой услышал голос с неба, глаголющий: «Как не упокоила меня душа его ни один день, так и ты непрестанно мучь его и исторгай из него его душу». Итак, тот брат скончался в муках, ибо сверху он казался святым, внутри же сердца прогневлял Бога. Внимая сему, братия, — продолжал преподобный Евфимий, — тщательно оберегайтесь от помыслов, оскверняющих душу: ибо во время разлучения души с телом восприимут одинаковое мучение мечтающие о блуде, как и творящие грех тот. Но помолимся о брате сем Емилиане Богу, наказующему его, но не предающему смерти, да освободит его от беса и плотских страстей.

Когда святой помолился, вышел бес, вопия: «Я — дух любодеяния», и наполнил все место смрадом как бы от сжигаемой серы. С тех пор Емилиан освободился от нечистых похотений и сделался избранным сосудом Божиим.

В то время наступило бездождье, и была великая засуха, и исполнилось слово Писания: *И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобою железом* (Втор. 28, 23). И были все по причине засухи в великой скорби. Братия с преподобным Феоктистом просили преподобного Евфимия помолиться Богу и испросить дождь, ибо они знали, сколь действенна его молитва пред Богом; но он не соглашался. Наступил праздник Богоявления Господня, и приблизился день, в который святой обычно до самой цветной недели уходил в пустыню. В обитель собралось множество народа из святого града и окрестных селений, нося крест и взывая: «Господи помилуй!» И пришли к великому Евфимию, не давая ему уйти в пустыню, пока не умолит Бога, да ниспошлет дождь. Услышав вопли, преподобный вышел к ним и сказал:

— Что ищете у человека — грешника? Я, чада, не имею дерзновения молиться об этом Богу, ибо я грешен и паче иных имею нужду в Его милосердии, особенно в это настоящее время гнева Его. Грехи наши разделяют нас от Него, омрачили мы Его образ, осквернили церковь Его, работая похотям и различным страстям, живем в лихоимстве и зависти и достойны ненависти, так как ненавидим друг друга; этого ради Он навел на нас казнь сию, чтобы, вразумленные ею, мы покаялись; когда же мы исправим себя покаянием, тогда Он услышит нас, ибо писано: *Близок Господь ко всем призывающим Его в истине* (Пс. 144, 18).

Когда святой говорил так к народу, все как бы одними устами взывали:

— Ты сам, отче, помолись за нас; веруем мы, что Бог услышит молитву твою, ибо Он творит волю боящихся Его.

Умоленный этими словами, преподобный, взяв бывших с ним отцов, пошел в церковь, повелев молиться и народу. Повергшись ниц в церкви, он со слезами молил Бога помиловать творение Свое и посетить землю милостью и щедротами и напоить ее дождем. Когда он молился, внезапно подул южный ветер, небо покрылось облаками, загремел гром и пролился большой дождь. Тогда святой, восстав и окончив молитву, вышел и сказал народу:

— Вот Бог услышал молитвы ваши, Он благословит лето это пред прочими годами. Поэтому потщитесь и вы угодить добрыми делами Богу, сотворившему с вами милость.

С этими словами преподобный отпустил народ. И продолжал дождь ливмя лить в продолжение многих дней, так что святой не мог по обычаю своему уйти в великую пустыню. И лето это благословилось изобилием плодов земных пред прочими годами согласно слову святого.

На семьдесят пятом году жизни преподобного Евфимия был IV Вселенский собор в Халкидоне против Диоскора, нечестивого патриарха Александрийского[1]. На соборе присутствовали и некоторые из

[1] IV Вселенский собор в Халкидоне был в 451 году. Архиепископ Александрийский Диоскор занимал кафедру с 441 по 451 год. Вместе с Евтихием, архимандритом одного Константинопольского монастыря, он ложно учил, что в Иисусе Христе одно лишь естество — Божественное (отчего и ересь получила наименование *монофизитства* от греческих слов: «один» и «природа»), поглотившее, по воплощении, человеческое естество. На соборе это лжеучение было осуждено и повелено исповедовать Господа Иисуса Христа «в двух естествах, неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого... не на два лица рассекаемого или разделяемого, но единого и тогожде Сына и единородного Бога Слова».

учеников преподобного, удостоившиеся епископского сана: Стефан, епископ Иамнии[1], и Иоанн, епископ сарацинский, преемник Петра Аспевета; записав определения Халкидонского собора, они сообщили их своему авве, святому Евфимию. Он принял исповедание веры, изложенное на Халкидонском соборе, и признал его православным, — и быстро пронеслась молва по всей пустыне Палестинской и между всеми иноками, из которых многие веровали неправославно, что великий Евфимий последует Халкидонскому собору. В то время пришел в Палестину некий еретик Феодосий, по образу — инок, на самом же деле нечестивец, исполненный лжеучения Евтихия; он произносил хулы на святой Халкидонский собор, утверждал, что будто бы на нем был отвергнут догмат православной веры и восстановлено Несториево лжеучение, и распространял многие другие непристойные и ложные речи. В Палестине находилась тогда царица Евдокия, супруга благочестивого царя Феодосия Младшего[2]; по смерти своего мужа она проживала в святых местах. И вот тот вышеупомянутый еретик Феодосий сначала увлек к отвержению Халкидонского собора царицу Евдокию; потом заразил своей ересью многих пустынных отцов и сделал их своими единомышленниками. Затем он с множеством прельщенных иноков поднял возмущение против патриарха Ювеналия: он настойчиво убеждал его отвергнуть постановления Халкидонского собора; когда же тот отказался, его свергли с патриаршего престола, — и ушел Ювеналий в Константинополь к царю Маркиану[3]. Феодосий же, опираясь на содействие царицы Евдокии и силу ослепленных ересью иноков, ему помогающих, взошел на патриарший престол[4] и много зла причинял православным; епископов и клириков, не хотевших иметь с ним общения, одних низвергал, других мучил и убивал, и уже всех палестинских иноков увлек вслед за собою, кроме тех, которые были в монастырях Евфимия: имея пред глазами пример отца своего — великого Евфимия, они твердо стояли в православии. Лжепатриарх Феодосий употреблял много стараний привести преподобного Евфимия к общению с собой, непрестанно посылая к нему, умоляя и угрожая и всеми способами стараясь уловить его в свою ересь. Но преподобный

---

[1] *Иамния* — город в Палестине, основанный в глубокой древности филистимлянами, недалеко от Яффы (древней Иоппии), лежащей при Средиземном море, в двенадцати часах пути к северо-западу от Иерусалима.

[2] *Феодосий II*, или *Младший*, царствовал с 408 по 450 год.

[3] Маркиан царствовал с 450 по 457 год.

[4] Весной 452 года.

не был уловлен вражьими сетями и не поколебался от его лукавства, как бы крепкий столб и стена неподвижная. Обременяясь каждый день присылаемыми коварными просьбами Феодосия, он созвал братию и, заповедав им тщательно остерегаться ересей и твердо держаться православия, удалился в великую пустыню. Многие из братий поступили так же, избегая притеснений со стороны еретиков, и, подражая отцу своему, ушли в пустыню.

В это время в пустыне Иорданской[1] был некий отшельник, пришедший незадолго пред тем из Ликии[2], по имени Герасим[3]; он прошел все правила иноческого жития и с успехом боролся против нечистых духов. Но, побеждая и прогоняя бесов невидимых, он был уловлен и прельщен видимыми бесами — еретиками, ибо впал в Евтихиеву ересь. Услышав же о преподобном Евфимии, слава о добродетельной жизни которого распространялась повсюду, Герасим пошел к нему в пустыню Рува, где он тогда пребывал. Увидав его, он получил от него большую духовную пользу; пробыв с преподобным Евфимием долгое время, Герасим, насыщаясь полезными беседами от его сладкоречивого языка и наставлениями о православии, отверг лжеучение еретическое и обратился к православной вере и глубоко каялся в своем прежнем заблуждении.

Смятение, произведенное еретиками в Палестине через Феодосия, продолжалось целый год. Потом пришло от благочестивого царя Маркиана повеление схватить лжепатриарха Феодосия, дабы он принял суд и наказание по делам своим; он же, узнав об этом, бежал на гору Синайскую[4] и скрылся — неизвестно куда. Тогда преподобный Евфимий возвратился из пустыни в лавру свою.

Когда преподобный совершал однажды Божественную литургию, Теревон сарацин и евнух Гавриил, брат Хрисиппов, во время Трисвятой песни видели огонь, сошедший с неба и окруживший святого, и

[1] *Пустыня Иорданская* лежала на запад от Иордана, от Иерихона к Иерусалиму, и простиралась далее на юг вдоль западного берега Мертвого моря, — местность дикая, скалистая, сухая и бесплодная.

[2] *Ликия* — южная область в Малой Азии.

[3] Преподобный Герасим скончался в 475 году. Память его совершается Церковью 4 марта.

[4] *Гора Синайская* находится на северо-западе Аравии, к востоку от Чермного, или Красного, моря. Гора эта, представляющая группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезанная и окруженная крутыми и шероховатыми долинами, у арабов называется гора Тур, или Джебель Тур Сина; лежит посредине рукавов Красного моря, образующих собою Синайский полуостров.

стоял преподобный пред Божественной трапезой в столпе огненном до самого окончания службы. И сам преподобный иногда передавал некоторым из братии, что он часто видел Ангела, совершающего с ним литургию. Имел он и тот дар, что по внешнему виду прозревал внутренние движения духа и узнавал помышления человеческие, злые и добрые. Когда братия причащались Божественных Тайн, он видел, кто с какою душою причащается: иных видел он просвящающимися от причащения, кои приступали достойно: других же — помрачившимися, с лицом как бы умерших, так как они дерзали недостойно. Поэтому преподобный непрестанно поучал всех апостольскими словами:

— Внимайте тщательно, братие, как вы приступаете к причащению: *Да испытывает же себя каждый из вас, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе* (1 Кор. 11, 28–29), ибо эта святыня приуготовлена для святых, а не для оскверненных, — и если вы имеете чистую совесть, то *приступи́те к Нему и просвети́теся, и лица ваша не постыдятся* (слав. Пс. 33, 6).

Когда святейший Ювеналий снова занял свой престол и стал исправлять возникшие в церкви беспорядки, царица Евдокия, увлеченная вышеупомянутым Феодосием в Евтихиеву ересь, колебалась в мыслях, не зная, какого держаться исповедания, и послала в Антиохию к преподобному Симеону Столпнику[1], прося у него полезного совета и наставления. Он же написал ей следующее:

— Знай, что диавол, видя богатство твоих добродетелей, просил, *чтобы сеять* тебя *как пшеницу* (Лк. 22, 31), и чрез того губителя Феодосия растлил твою боголюбивую душу; но дерзай: ибо не оскудела вера твоя. Я же весьма удивляюсь тому, что, имея источника вблизи, пренебрегаешь им, и тщилась почерпнуть той же воды издалека: ты имеешь там богоносного Евфимия, следуй его учению, — и спасешься.

Получив от преподобного Симеона такое послание, царица немедленно стала расспрашивать о преподобном Евфимии. Узнав же, что он никогда из пустыни не выходит в город, она задумала выстроить столп в восточной пустыне, на высоком холме, в расстоянии тридцати стадий от лавры Евфимиевой[2], чтобы иметь возможность там часто

---

[1] Память святого Симеона Столпника совершается 1 сентября.

[2] Столп, или точнее, замок был выстроен царицей Евдокией на самой высочайшей горе во всей восточной пустыне, ныне Мунтар. (тридцать стадий равняются пяти с лишком верстам.)

видеть преподобного и услаждаться его поучениями; выстроив столп тот, она поселилась в нем в уединении. Она послала к преподобному Евфимию вышеупомянутого Анастасия, бывшего тогда хорепископом после Пассариона, и Косму крестохранителя, умоляя, чтобы он позволил ей видеться с ним; они же, придя, не нашли его в лавре, ибо он давно уже ушел в Руву. Взяв с собою преподобного Феоктиста, они пошли с ним в ту пустыню и, найдя его, много умоляли идти к царице, спасти ее заблудившуюся душу, — и лишь с трудом убедили старца идти к ней. Увидев великого Евфимия, царица весьма обрадовалась и, припав к его честным ногам, сказала:

— Ныне я узнала, что Бог воззрел на мое недостоинство.

Старец же, достаточно наставив ее касательно православия, завещал держаться святых четырех Вселенских соборов: Никейского, собравшегося против Ария, Константинопольского — против Македония, Ефесского — на Нестория и Халкидонского — на Диоскора и Евтихия, и повелел примириться с патриархом Ювеналием, с которым она прежде боролась; сказав много другого на пользу ее, он благословил ее и, помолившись о ней, ушел. Царица же приняла его слова так, как бы они были произнесены из уст Божиих, и постаралась исполнить их на деле; тотчас пойдя в святой град для примирения со святейшим Ювеналием и явно отвергнув ересь, она вошла в общение с Православною Церковью. Увидев это, весьма многие из мирян и иноков, которые были прельщены Феодосием, по примеру царицы обратились к православию.

На восемьдесят втором году жизни Евфимия[1] пришел в лавру его блаженный Савва, бывший еще юным[2]; старец, приняв его, отослал его в нижний монастырь к преподобному Феоктисту и предсказывал о нем, что в скором времени он просияет в иноческом житии более других, что и сбылось, как это видно из жития преподобного Саввы. Еще пришли тогда к преподобному Евфимию Мартирий, каппадокиец родом, и Илия, родом араб. По убиении царя Маркиана, Тимофей Елур[3] поднял в Египте смятение и мятеж, во время которого был убит и святейший Протерий, патриарх Александрийский[4]; не вынося

[1] В 458 году.

[2] Память *преподобного Саввы Освященного* — 5 декабря.

[3] Тимофей, по прозванию Елур, пресвитер Александрийский, еретик (монофизит), приверженец Диоскора.

[4] *Святой Протерий* был патриархом в Александрии с 451 по 457 год; по смерти Маркиана был убит монофизитами, как защитник Халкидонского собора (память

этого мятежа, Мартирий и Илия ушли из Египта и притекли к великому Евфимию, как к небурному пристанищу. Преподобный оказывал им любовь и почтение: он провидел, что оба в свое время будут занимать престол апостола Иакова, брата Господня, в Иерусалиме[1]. Он брал их с собою и в пустыню Кутиллийскую, и в Рувийскую, вместе со святым Герасимом, и там пребывал с ними, по обычаю своему, до недели ваий; каждый воскресный день преподобный совершал Божественную литургию, и великие те отцы причащались из его рук пречистых Тайн.

Вскоре после того, в царствование христолюбивого Льва[2], вступившего на престол после Маркиана, святейший патриарх Ювеналий умер[3]. По его смерти общим советом всех единодушно избран был Анастасий[4], бывший прежде сосудохранителем и хорепископом. И исполнилось пророчество преподобного Евфимия, которое он изрек, когда посетил его Анастасий, и святой прозорливыми очами увидел его в патриаршей одежде. Вспомнив об этом, Анастасий послал к святому честных клириков со следующими словами: «Вот, отче, ныне исполнилось твое пророчество: умоляю тебя, позволь мне прийти к тебе — приветствовать твою святыню».

Преподобный Евфимий отвечал на это так:

— Я всегда желаю видеть ваше святительство и получать пользу от беседы вашей; но так как первый приход ваш к моей худости был тихий и имел мало спутников, а нынешний ваш сан требует, чтобы с вами шло множество сопровождающих, то поэтому приход вашего блаженства превосходит мои немощные силы. Итак, прошу вашу святыню не трудиться шествовать к моему смирению. Если же изволишь прийти, то я приму с радостью, но тогда я буду должен и других приходящих принимать, и потому мне будет невозможно оставаться на этом месте, вследствие беспокойства от многих приходящих.

Услышав об этом и размыслив в душе, патриарх сказал себе: «Если я пойду, то оскорблю старца. Итак, не пойду». Однако спустя не-

---

его — 28 февраля). После него Тимофей Елур сделан был патриархом и занимал кафедру до 460 года, низлагая епископов и преследуя всех, кто принимал постановления Халкидонского собора.

[1] *Святой Иаков брат Господень*, был первым епископом старейшей Церкви Иерусалимской.

[2] *Святой Лев I* царствовал с 457 по 474 год.

[3] В 458 году.

[4] *Анастасий I* занимал патриаршую кафедру с 458 по 478 год.

сколько времени, вызванный нуждою, он ходил к преподобному и виделся с ним, о чем речь после.

Блаженная же царица Евдокия создала много церквей и такое множество монастырей, богаделен и странноприимниц, что трудно их и перечислить. При созданной ею церкви святого Петра, отстоявшей от лавры Евфимиевой приблизительно в двадцати стадиях, она повелела сделать большой и глубокий водоем для приходящих. В дни Пятидесятницы она сама пришла туда посмотреть на работу и послала к преподобному, прося его прийти к ней, дабы она сподобилась его молитвы и благословения и насладилась его поучением; при этом она еще хотела дать святому пожертвование на общие потребности лавры. Великий же Евфимий отвечал к ней чрез посланных:

— Не ожидай еще увидать меня во плоти. Ты же, чадо, к чему заботишься о многом? Я думаю, что ты до наступления зимы отойдешь к Богу. Поэтому потрудись этим летом приготовиться к исходу, а пока еще ты во плоти, не старайся помнить меня, ни письменно, ни без писания, ни о подаянии нам чего-либо, ни о взимании. Но когда отойдешь к Владыке всех, то там вспомни меня, дабы и меня принял с миром, когда восхощет человеколюбие Его.

Услышав это, блаженная Евдокия весьма восскорбела, в особенности при словах: «не старайся помнить меня ни письменно, ни без писания», ибо она хотела оставить ему по завещанию много дохода. Поспешно придя в Святой град Иерусалим, она передала патриарху Анастасии слова Евфимия. В то время царица сооружала церковь во имя святого первомученика Стефана и, когда храм был еще не окончен, повелела освятить его 15 июля, отделив ему большие доходы. Потом она обошла все церкви, ею созданные, присутствуя при их освящении и отделяя для каждой достаточное количество доходов. По истечении четырех месяцев по освящении церквей благочестивая царица Евдокия предала душу свою в руки Божии[1].

В девятидесятый год жизни великого Евфимия преподобный Феоктист заболел тяжкою болезнью. Преподобный Евфимий пришел посетить болящего Феоктиста и дать ему последнее целование и пробыл в монастыре том несколько дней, ожидая кончины друга и спостника своего, чтобы предать тело его погребению; в той болезни блаженный Феоктист скончался 3 сентября[2]. Патриарх Анастасий, узнав

[1] Царица Евдокия скончалась в 460 году; погребена в церкви святого Стефана.

[2] Преподобный Феоктист скончался в 467 году.

о кончине Феоктиста и о том, что святой Евфимий находится там, поспешно пошел с клиром своим, под тем предлогом, что хочет предать погребению блаженного Феоктиста, но более ради того, чтобы видеть и целовать святого Евфимия. Увидав его, патриарх взял его за руки и облобызал, говоря:

— Давно я хотел облобызать сии святые руки, и вот ныне сподобил меня Бог. И теперь прошу тебя, честный отче, помолись о мне Господу, чтобы исполнившееся на мне твое пророчество сохранилось до конца; ты же часто пиши мне, наставляя меня управлять Христовой Церковью, ибо я вижу в тебе действие даров Божиих и на себе испытал их силу.

Святой же со смирением сказал:

— Прости меня, святой владыка, прошу твое блаженство воспоминать обо мне в молитвах твоих к Богу.

Предав вместе погребению честное тело преподобного Феоктиста и насладившись беседой друг с другом, они разошлись.

Игуменом Феоктистовой киновии был поставлен Марин, дядя Теревонов, муж богоугодный; но спустя два года он скончался, и преподобный Евфимий, придя, похоронил его близ преподобного Феоктиста; на место же Марина поставил игуменом Лонгина, мужа добродетельного. С этим Лонгином однажды, в январе месяце, пришел в лавру к преподобному Евфимию блаженный Савва, чтобы проводить его, уходившего в великую пустыню. Видя готовность Саввы, Евфимий взял его с собою на подвиги пустыннические. Когда они ходили в Руве по местам безводным, Савва сильно возжаждал от труда и не мог идти далее, потому что изнемог от жажды. Тогда преподобный Евфимий, сжалившись над ним, молитвою извел воду из сухой земли, как о том написано в житии преподобного Саввы.

После многих и бесчисленных своих трудов преподобный Евфимий приблизился к блаженной кончине своей, которую провидел по Божественному откровению. В один год, когда наступило время его обычного удаления в пустыню, в восьмой день праздника Богоявления Господня, то есть 14 января, братия, собравшись, пришли к преподобному: одни — желая проводить его, другие — ожидая идти с ним; среди них были Мартирий и Илия, пришедшие из Нитрии. Видя, что преподобный не приготовляется в путь и не делает никаких распоряжений относительно того, кто из братии пойдет с ним и кто останется в лавре, они спросили его:

— Разве ты завтра не уходишь, честный отче, в пустыню?

Святой отвечал:

— Эту неделю я остаюсь с вами в лавре, в субботу же в полночь расстанусь с вами.

Святой сказал это, предсказывая братиям время своего отшествия к Богу, но они его не поняли. На третий день, 17 января, наступила память преподобного отца нашего Антония Великого, и святой Евфимий приказал, чтобы в церкви совершено было всенощное бдение. По совершении бдения, созвав пресвитеров лаврских к алтарю, преподобный сказал им:

— Отныне, братия, я не совершу с вами ни одного бдения, ибо зовет уже меня Бог из временной этой жизни. Поэтому пришлите ко мне Дометиана, а утром пусть соберутся сюда все братия.

Услышав это, пресвитеры зарыдали, и немедленно стало известно братиям сказанное великим Евфимием. Утром все собрались к преподобному, и он начал говорить им так:

— Отцы и братия мои и чада, возлюбленные о Господе, я отправляюсь в путь отцов моих, вы же, если любите меня, блюдите заповеди мои: более всего приобретайте чистую любовь, которая есть союз совершенства. И как невозможно есть хлеб без соли, так невозможно управить добродетель без любви, ибо всякая добродетель оказывается крепкой и постоянной — любовью и смирением: смирение возносит радеющего о нем на высоту добродетелей, а любовь крепко держит и не допускает с высоты той упасть вниз: ибо *любы́ николи́же отпа́дает* (слав. 1 Кор. 13, 8), и что любовь выше смирения, — это ясно из примера Самого Господа нашего, ибо ради Своей любви к нам Он добровольно смирился и стал человеком, как и мы. Поэтому мы должны непрестанно исповедоваться ему и воссылать хвалы, в особенности же мы, отрешившиеся от этого мятежного мира. Каждый из вас да внимает себе, братия, и да соблюдает в чистоте тело и душу. Обычных собраний церковных никогда не оставляйте, все предания и уставы монастырские тщательно сохраняйте, бедствующим в напастях по силе помогайте. Если кто из братий борется с нечистыми помыслами, того непрестанно наставляйте, поучайте, утверждайте, дабы непреткновен был он диаволом и не пал бы. Сию же последнюю присоединяю вам заповедь: ворота монастырские пусть никогда не будут заперты для приходящих, но да будут всегда открыты для странников, и самая кровля да будет у вас общая со странниками, и все, что имеете, пред-

лагайте нуждающимся. И тогда свыше вам от Бога будет подаваться изобильное благословение.

Заповедав все это братиям, преподобный Евфимий спросил их, кого после него желают иметь своим пастырем. Они же единогласно назвали Дометиана. Но святой сказал:

— Это невозможно, ибо Дометиан после меня недолго останется в жизни сей, но в седьмой день пойдет за мною.

Пораженные таковым дерзновенным и ясным пророчеством святого, братия избрали Илию, родом происходившего из Иерихона, эконома нижнего монастыря[1]. Евфимий, обратившись к нему, сказал:

— Вот все отцы выбрали тебя пастырем себе и наставником: поэтому внимай себе и всему стаду твоему.

Преподав ему много наставлений и поучив его относительно руководства братиями, преподобный предрек о некоторых обстоятельствах, имеющих совершиться в его монастырях по его смерти; потом сказал следующее последнее слово:

— Если я обрящу дерзновение пред Богом, прежде всего буду просить у Него благодати, да буду с вами духом всегда с желающими подвизаться здесь после вас до века.

Сказав это, преподобный отпустил всех, кроме Дометиана. Он пробыл внутри алтаря три дня и с миром почил в ночь субботнюю и был причтен к своим отцам, прожив на земле девяносто семь лет. Это было 20 января[2]. Немедленно весть о кончине преподобного Евфимия разнеслась по всей Палестине, и стеклись из всех монастырей и пустынь иноки, среди которых был и великий Герасим, и собралось великое множество народа. Прибыл и святейший патриарх Анастасий со всем клиром своим. По причине множества народа невозможно было предать погребению честного тела преподобного до девятого часа, пока, наконец, воины по повелению патриарха не отогнали народ, — и тело святого было торжественно погребено. Все плакали о разлуке с ним; особенно неутешно плакали о нем пришедшие из Нитрии Мартирий и Илия, которые впоследствии занимали патриарший престол в Иерусалиме, согласно пророчеству святого: ибо после Ана-

---

[1] То есть монастыря преподобного Феоктиста.

[2] Преподобный Евфимий Великий преставился в 473 году. — Во имя преподобного Евфимия в Константинополе при патриархе Мине (536–552 гг.) был монастырь. Мощи Евфимия в его монастыре в Палестине, как бы живого в теле, видел русский игумен Даниил в начале XII века.

стасия вступил на престол Мартирий, после Мартирия был Саллюстий, а после него Илия[1], как о том пишется в житии преподобного Саввы. Блаженный же Дометиан, ученик великого Евфимия, не отходил от гроба аввы своего шесть дней и ночей; при наступлении же седьмого дня явился ему ночью в видении святой Евфимий, радостный, со светлым лицом, и сказал ему:

— Гряди к уготованному тебе покою, ибо умолен Владыка Христос, чтобы ты был со мной.

Исполнившись неизреченной радости, Дометиан возвестил о том братиям и, придя с веселием в церковь, предал дух свой Господу, и погребен был при гробе отца своего. По преставлении преподобного отца нашего Евфимия при гробе его совершалось много чудес и подавались исцеления[2] во славу Бога, во святых Своих прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ВАССА, ЕВСЕВИЯ, ЕВТИХИЯ и ВАСИЛИДА

Святые мученики Васс, Евсевий, Евтихий и Василид пострадали в царствование Диоклетиана. Сначала они служили при царском дворе, были богаты и принадлежали к членам царского синклита[3]. Увидев страдание святого священномученика Феопемпта, епископа Никомидийского[4], они уверовали во Христа и приняли святое крещение. Вследствие этого они были приведены к нечестивому царю для мучений и приняли мученическую смерть с пятью своими рабами. Святой Васс был закопан до половины тела в ров и, изрубленный по всему телу, предал дух свой Богу. Святой Евсевий повешен вниз головою и рассечен на части. Святой Евтихий был связан за руки и ноги

---

[1] *Мартирий* патриаршествовал в Иерусалиме с 478 по 486 год, *Саллюстий* — с 486 по 494 год. Илия II — с 494 по 517 год.

[2] О них подробно пишет описатель жития преподобного Евфимия Кирилл Скифопольский — лаврский монах, современник его и учеников его: святого Саввы Освященного и Иоанна Молчальника.

[3] *Синклит* — правительство воинское и гражданское из самых важных царских советников и сановников.

[4] Память его — 5 января.

и, сильно растянутый между четырьмя столбами, растерзан. Святой Василид был зарезан ножом. И так все они приняли венцы мученические[1].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ИННЫ, ПИННЫ и РИММЫ

Святые мученики Инна, Пинна и Римма[2] были родом из Скифии, из северной страны[3], ученики святого апостола Андрея Первозванного[4]. Они учили о имени Христовом и многих из варваров, обратив к правой вере, крестили. По этой причине они были схвачены князем варваров, но не могли быть доведены до того, чтобы отречься от Христа и принести жертву идолам. Тогда стояла жестокая зима; реки скреплены были морозом так, что по льду ходили не только люди, но и кони и возки. Князь приказал поставить в лед большие бревна, как целые деревья, и привязать к ним святых. Итак, когда вода взволновалась и лед постепенно умножался, так что дошел до шеи святых, они, измученные страшной стужей, предали Господу блаженные свои души[5].

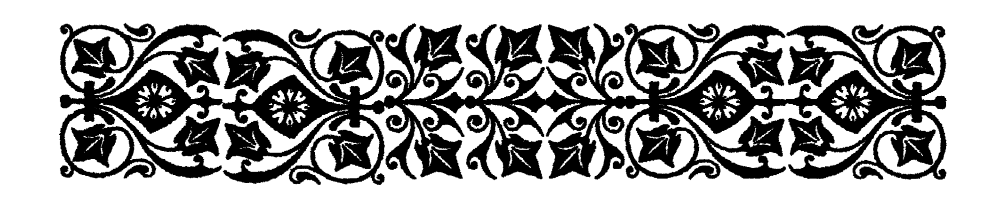
[1] Святые мученики Васс, Евсевий, Евтихий и Василид мученически скончались вместе с пятью рабами в Никомидии в 303 году.

[2] По сербскому прологу XIII века, эти мученики называются: Енен, Пень и Нирен.

[3] Здесь разумеется т. н. Малая Скифия, простиравшаяся от устьев Дуная к Фракии. Святые Инна, Пинна и Римма принадлежали к земледельческому племени южных славян, обитавших на правом берегу Дуная и по западному берегу Черного моря.

[4] Память его празднуется Церковью 30 ноября.

[5] Пострадали во II веке.

День двадцать первый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

Великий не только по имени[1], но и по жизни, преподобный Максим родился в великом царственном городе Константинополе. Происходя от высокопоставленных и благочестивых родителей, он получил серьезное научное образование. Он основательно изучил философию и богословие, достиг высшей славы своею мудростью и был уважаем даже в царских палатах. Царь Ираклий[2], видя его разум и праведную жизнь, почтил его, помимо его воли, званием первого своего секретаря и включил его в число своих советников. Преподобный Максим пользовался любовью и уважением среди придворных и был весьма полезен всему царственному городу.

В это время возникла ересь монофелитов, признававших в Христе Господе нашем только одну волю и одно хотение[3]. Развилась эта ересь из прежде бывшей евтихианской ереси, которая безрассудно признавала во Христе одно только естество, вопреки православному испове-

---

[1] *Максим* — латинское *Maximus* — соответствует греческому μέγιστος — величайший. На соответствие имени святого Максима с его личными качествами и его жизнью указывает его ученик, преподобный Анастасий, в своем письме к Феодору, пресвитеру Гангрскому. — Святой Максим родился около 580 года. При втором допросе в Константинополе, бывшем в 655 году, он сказал, что ему семьдесят пять лет.

[2] *Император Ираклий* вступил на престол в 610 году и царствовал по 641 год.

[3] *Ересь монофелитская* возникла в начале VII века и была продолжением монофизитской ереси. Монофелиты признавали во Христе одну волю и одно действие Божеское и, таким образом, искажали догмат вочеловечения Бога Слова. По учению же православному, воля есть принадлежность естества, а не лица, а потому и Господь Иисус Христос, как естеством Бог и естеством человек, имел и Божескую и человеческую волю. Без этой последней Он не был бы совершенным по естеству человеком.

данию, требующему признавать в Господе нашем, воплотившемся Боге, два естества и две воли, два хотения и действия, особенные для каждого естества, но соединенные в одном Лице Христовом, ибо Христос есть Бог, не на два лица разделяемый, но в двух естествах неслитно познаваемый. Защитниками и распространителями ереси монофелитов были вначале: Кир, патриарх Александрийский, Сергий константинопольский[1] и даже сам царь Ираклий, увлеченный ими в эту ересь. Созвав Поместные соборы, Кир — в Александрии, а Сергий — в Константинополе, они утвердили эту ересь, повсюду разослали свое постановление и совратили весь Восток. Один только святой Софроний, патриарх Иерусалимский[2], противился ереси, не принимая лжеучения. Блаженный Максим, видя, что ересь проникла и в царские палаты и совратила самого царя, стал опасаться, как бы и ему не совратиться в ересь по примеру многих. Поэтому он оставил свое звание и всю славу мирскую и пошел в монастырь, отстоявший далеко от города, по названию Хрисопольский[3], где и стал иноком, предпочитая *приметáтися в домý Божии, неже жи́ти в селениих грéшничих* (слав. Пс. 83, 11)[4]. Там, спустя несколько лет, он за свою добродетельную жизнь был избран настоятелем (аввой).

Между тем патриарх Сергий внушил царю Ираклию написать исповедание их неправой веры. Это последнее, исполненное монофе-

[1] *Кир* занимал патриаршую кафедру в Александрии с 630 по 640 год. Сергий I был патриархом Константинопольским с 610 по 638 год.

[2] *Святой Софроний* — патриарх Иерусалимский с 634 по 644 год.

[3] *Хрисопольский монастырь* лежал на противоположном берегу Константинопольского пролива, ныне Скутари, близ Халкидона. Он славился благочестивою жизнью иноков. Здесь святой Максим принял пострижение, а затем избран аввой.

[4] Псалмопевец предпочитает «лежать у порога» дома Божия, нежели жить роскошно в палатах грешников.

литской ереси, царь назвал «экфесис», то есть изложение[1], и повелел всем так веровать в своем государстве, вследствие чего Церковь Христова была раздираема смутою. Авва Максим, видя, какую смуту переживали церкви в Константинополе и по всему Востоку и как множились и укреплялись еретики, между тем как православие умалялось и было колеблемо бурею гонения, скорбел духом, воздыхал и много плакал. Услышав же, что на Западе эта ересь не нашла последователей и совершенно отвергнута, так как папа Римский Северин[2] не принял царского «изложения», а преемник его на римском престоле, папа Иоанн[3], предал на соборе это «изложение» анафеме, блаженный Максим оставил свой монастырь и пошел в западные страны. Он хотел найти себе приют в старом Риме, так как жить в Иерусалиме не было возможности по случаю нападения на Палестину сарацин[4]. В Рим он пошел, предпочитая жить с православными, твердо хранившими веру. Направляясь туда, он посещал в лежавших ему на пути городах африканских епископов и, беседуя с ними, утверждал их в вере, научал, как избежать коварства противников и как избавиться от их хитросплетенных сетей[5]; к некоторым же, находившимся далеко, он посылал письма, поучая правоверию и убеждая всячески остерегаться ереси.

В это время умер Сергий, патриарх Константинопольский, а место его занял Пирр, приверженец той же ереси[6]; равным образом умер и

---

[1] Этим изложением веры, изданным в форме эдикта, или указа, обязательного для всех, запрещались всякие споры об одной или двух волях во Христе, но в то же время провозглашалось учение об одной воле как учение правильное. Но и после этого споры волновали Восточную Церковь.

[2] *Северин* — папа Римский с 638 по 640 год.

[3] *Папа Иоанн IV* занимал римскую кафедру с 640 по 642 год.

[4] Восточная империя в начале VII века терпела постоянные нападения от аваров и особенно от персов, а равно была постоянно угрожаема от аравитян, или сарацин. В 637–640 годах под власть сарацин подпали Сирия, Палестина и Египет. Этому много содействовали монофизиты, которые по вражде к Православной Церкви всегда готовы были отдаться в руки врагов. Число монофизитов в одном Египте доходило до 6 миллионов, тогда как православных там было около 300 тысяч. Император Ираклий всячески старался примирить монофизитов с Православною Церковью. Ради этого он и издал экфесис.

[5] Святой Максим прибыл в Африку около 640 года. Ранее этого он утверждал православную веру с 633 по 640 год в Александрии, Константинополе, Кипре, Малой Азии и других странах. В Северной Африке он прожил пять лет, с 640 по 645 год.

[6] Пирр наследовал Сергию в 639 году. На созванном им соборе он одобрил «изложение» (экфесис) Сергия и ревностно продолжал дело защиты ереси.

Кир, патриарх Александрийский, а затем скончался и сам царь. Однако ранее своей кончины, видя, что многие великие и святые архиереи и богомудрые отцы не только отвергают его изложение веры, но и предают его анафеме, царь сильно устыдился и повсеместно известил, что это — не его исповедание, а прежде бывшего патриарха Сергия, который сам написал «изложение» и только убедил царя подписать его. Когда умер царь Ираклий, преемником ему был сын его Константин[1], но и тот, процарствовав только четыре месяца, умер, тайно отравленный своей мачехой Мартиной, которая, при содействии и патриарха[2], возвела на престол своего сына Ираклиона. Но спустя шесть месяцев против Ираклиона восстали все сановники; схватив его, они отрезали ему нос, равно как и матери его Мартине, и затем с позором изгнали их в ссылку. На престол же они возвели сына Константина, внука Ираклия, по имени Констанс, от которого впоследствии родился Константин, прозванный Погонатом[3]. По воцарении Констанса тогдашний Константинопольский патриарх Пирр, единомышленник Мартины, по народному мнению вместе с ней отравивший сына Ираклия — Константина, отца новопоставленного царя Констанса, сильно испугался и, самовольно сложив с себя патриарший сан, бежал в ссылку в Африку. После него занял Константинопольский патриарший престол Павел[4], также еретик-монофелит. Тою же ересью увлекся и царь и стал великим ее поборником и распространителем.

Когда преподобный оставался в Африканской стране, прибыл туда Пирр, патриарх Константинопольский, который бежал со своего престола и, обходя города, совращал православных в свою ересь. Много вреда причинил бы он там Христовой Церкви, если бы не имел противника себе в лице преподобного Максима, встречаясь с которым он по целым часам состязался в прениях о вере. Епископы африканские по необходимости должны были собираться в Карфаген, чтобы

---

[1] *Константин III* был византийским императором в 641 году.

[2] Народная молва приписывала патриарху Пирру соучастие с Мартиной, мачехой императора Константина, в отравлении этого последнего. Опасаясь ярости народа, он бежал в 641 году в Северную Африку и оставил патриарший престол. До 650 года он жил сначала в Африке, а затем в Риме.

[3] *Констанс* царствовал с 641 по 668 год, *Константин IV Погонат* — с 668 по 685 год.

[4] *Павел II* занимал патриаршую кафедру в Константинополе с 641 по 654 год.

послушать прения обоих о вере, так как этого желал патриций[1] Григорий, правитель той страны. Когда составился собор и начались прения, богомудрый Максим победил Пирра, опровергнув его доводы на основании божественных книг и догматов святых отцов[2]. Он доказал, что, как во Христе Боге два естества, так должны быть в Нем и две воли, два хотения и действования, — нераздельные, однако, в одном лице. Побежденный в споре Пирр присоединился к православным и был принят Церковью с любовью и почетом, с титулом патриарха. Тогда же он составил и книгу православного исповедания. Затем он пошел в Рим к папе Феодору, который был преемником Иоанна. Папа принял его с почетом, как православного Константинопольского патриарха. Когда в Константинополе распространился слух, что Пирр присоединился к православным, то сонмище еретиков омрачилось завистью. Сочинив ложный рассказ, они распространили в народе слух, будто бы африканские епископы и папа принудили Пирра, помимо его воли, присоединиться к единомыслию с ними. Этот слух дошел до самого царя. Царь тотчас послал в Италию одного своего сановника, еретика, по имени Олимпий, чтобы он снова обратил Пирра к монофелитскому исповеданию. Олимпий, прибыв в Италию, остановился в городе Равенне[3] и, вызвав к себе из Рима Пирра, убедил его вернуться к прежней ереси. Пирр же, уподобившись псу, возвращающемуся на свою блевотину (ср.: 2 Пет. 2, 22), стал достоин анафемы, которой и был впоследствии предан святыми отцами вместе со своими единомышленниками.

В это же время царь Констанс, по внушению Константинопольского патриарха, еретика Павла, написал, подобно деду своему Ираклию, составившему «изложение», — свое исповедание веры, исполненное ереси, и, назвав его типосом (образцом), разослал повсюду,

---

[1] *Патрициями* нередко назывались в Греко-Римской империи правители областей; назывались так же и люди благородного происхождения вообще. Патриций Григорий был правителем Карфагена. Карфаген находился к северо-востоку от Туниса. Основан Дидоной, царицей Тирской, около 860 года до Р. Х. В 148 году до Р. Х. подчинен Римской империи. Завоеванный в 439 году по Р. Х. вандалами, он был возвращен Римской империи в 533 году Велизарием. В 697 году арабы окончательно разрушили его.

[2] Публичное прение святого Максима с Пирром происходило в июле 645 года.

[3] *Равенна* — с пристанью при Адриатическом море, построена фессалийскими греками. Многие римские императоры имели здесь свое главное местопребывание, и поэтому эта провинция называется иногда Романией. Император Август здесь держал флот.

повелевая так веровать[1]. Этот образец веры дошел до Рима, когда папа Феодор был уже на смертном одре. После его кончины преемником ему был блаженный Мартин. Царь желал, чтобы и новопоставленный папа принял написанный им типос веры, но папа отверг его, говоря:

— Если бы и весь мир захотел принять это новое учение, противное православию, я не приму его и не отступлю от евангельского и апостольского учения, а равно и от преданий святых отцов, хотя бы мне пришлось претерпеть смерть.

Святой Максим, авва Хрисопольского монастыря, находясь в это время в Риме[2], советовал блаженному папе Мартину созвать Поместный собор и осудить соборно царское исповедание, названное «типосом», как еретическое и противное учению Христовой Церкви. Так и было сделано[3]. Папа, созвав своих епископов, числом сто пять, в среде коих был и авва Максим, предложил на обсуждение заблуждения Кира, Сергия, Пирра и Павла, а равно и царское еретическое исповедание, — предал лжеучения анафеме и написал повсеместно ко всем верующим, утверждая их в православии, разъясняя еретические заблуждения и предостерегая всячески беречься этих последних. Царь, услышав об этом, исполнился гнева и необычайной ярости и послал в Италию своего наместника Феодора Каллиопу, поручив ему захватить папу Мартина — после возведения на него обвинений: будто он вступил в соглашение с сарацинами, научая их вторгнуться в Греко-

---

[1] Патриарх Павел, заместитель Пирра, по примеру Сергия, убедил Константа издать в 648 году новый догматический эдикт «Образец веры» (типос). Этим эдиктом предписывалось относительно спорных вопросов — о волях, о Христе — хранить совершенное молчание, а довольствоваться тем, что утверждено на первых пяти Вселенских соборах.

[2] В Рим святой Максим прибыл в конце 645 года и прожил здесь десять лет, с 645 по 655 год.

[3] Святой папа Мартин был ранее апокрисиарием (то есть поверенным) предместника своего папы Феодора при Византийском дворе и долго жил в Константинополе. По вступлении его в мае 649 года на папский престол ему был прислан из Константинополя императорский эдикт (типос) с повелением держаться его. Святой Мартин ответил отказом и вместе со святым Максимом начал изыскивать меры к искоренению ереси. В конце 649 года он созвал в Риме так называемый Латеранский собор из 105 епископов, при участии святого Максима. На этом соборе православное учение о двух волях и действиях в Иисусе Христе было утверждено, а поборники ереси — Феодор Фаранский, Сергий Константинопольский, патриархи Пирр и Павел и, наконец, Кир Александрийский, а равно экфесис Ираклия и типос Константа были анафематствованы, а «деяния» собора были посланы императору Константу.

Римское царство и идти войною против царя, — будто веру, преданную святыми отцами, он неправо содержит, а равно и хулит Пречистую Богоматерь. Прибыв в Рим, царский наместник публично возводил на папу эти обвинения. Блаженный Мартин, не будучи виновен ни в одном, возводимом на него преступлении, защищался против злонамеренной клеветы.

— С сарацинами, — говорил он, — я никогда не вступал в какое-либо соглашение, а только посылал милостыню православным братьям, живущим среди сарацин в крайней бедности и убожестве. Если же кто не почитает Пречистую Богоматерь, не исповедует ее и не поклоняется ей, тот да будет проклят в нынешнем веке и в будущем. Веру же святую, преданную святыми апостолами и святыми отцами, не мы, а иначе мудрствующе неправо сохраняют».

Царский наместник, не слушая оправданий папы, признал его виновным во всем, присоединив еще и то, будто он незаконно взошел на престол. После этого он ночью тайком захватил папу, при помощи военной силы, и отправил его к царю. Папа был заточен в Херсонесе, где и скончался[1].

Несколькими днями ранее захвата папы был схвачен в Риме преподобный Максим вместе с учеником своим Анастасием и в оковах был отправлен в Константинополь. Это было сделано по царскому повелению, ибо царь знал, по чьему совету и внушению был созван собор для осуждения монофелитов и его послания. Когда преподобный прибыл водным путем в Византию, к нему явились посланные царем мужи, уже в самом взоре обнаруживавшие сильную неприязнь. Они бесстыдно схватили преподобного, босого и без одежды, скованного узами, и влачили его по улицам, в сопровождении огорченного ученика его. Приведя его в одно темное помещение, они заперли его одного, не дозволив быть с ним его ученику, которого заключили особо в темнице. Спустя несколько дней преподобный был приведен для допроса в царский дворец, в полное собрание сената, однако без царя во главе. Когда он вошел туда, взоры всех, исполненные злобы и неприязни, устремились на него. Снять допрос было поручено одному

---

[1] *Святой папа Мартин* был взят под стражу в 653 году и по повелению императора Константа отправлен в Константинополь. Вместе со святым Максимом он прибыл в Константинополь в сентябре 654 года. Какова была их участь в течение годичного путешествия, неизвестно. Святой Мартин, обвиненный в измене отечеству и в оскорблении царского величества, был сослан в Херсонес, где и скончался 16 сентября 655 года, замученный голодом.

из сановников, казнохранителю[1]. Это был муж способный к обильному словопрению, красноречивый, хорошо умевший излагать ложные обвинения и превращать правду в неправду; в искажении же истины он был сведущ больше всех. Какой только злобы и бесстыдства он не показал, каких упреков и оскорблений он не нанес! Он не постыдился ни почтенной старости святого, который имел тогда более семидесяти лет от рождения, не смутился пред благодатью, сиявшей в его взорах, не пощадил ни кроткого и степенного, открытого и любвеобильного характера, ни звания преподобного. В то время как неправедный обвинитель говорил на неповинного многое, нисколько не соответствовавшее ни истине, ни здравому смыслу, и обнаруживал в своем многословии злонамеренную хитрость, дерзость и лукавство нрава, он проявлял тем самым во всех своих речах величайшее бесстыдство и неразумие. Конечно, он не мог отвечать основательно на убедительные, исполненные кротости и благоразумия возражения преподобного, а только проявлял в своих речах безрассудство и сбивчивость, а потому и был побеждаем. В частности, чтó тогда было сказано и сделано, какие обвинения возлагались на неповинного, как лживые люди старались представить свою неправду под видом истины, — это описал подробно ученик преподобного Максима, другой Анастасий, бывший апокрисиарием[2] Римской Церкви. Мы приведем здесь на память немногое из его обширного повествования.

Как только беззаконный обвинитель, по званию казнохранитель, стал пред лицом святого, он тотчас начал поносить его, незлобивого, бранными словами и стращать угрозами, называя его бессовестным, предателем отечества, врагом царю, и приписывать ему все постыдное и преступное. Когда же святой спросил обвинителя, почему он возводит на него такие обвинения и в каком предательстве упрекает, — сановник возвел на него возмутительную клевету и представил заведомо ложных свидетелей. Он упрекал преподобного, будто он многие великие города предал варварам: так, отторгнув от родных пределов Александрию, весь Египет и Пентаполь[3], он присоединил их к владениям

[1] *Казнохранитель* — по-гречески: газофилакс. Это слово происходит от персидского: *газа* — имение, богатство, — и греческого: *храню. Газофилакия* — общественная сокровищница — царское или церковное казнохранилище (Мк. 14, 40; Ин. 8, 20).

[2] *Апокрисиарий* — слово греческое, означает: *ходатай, адвокат* по церковным делам — при царском дворе.

[3] Поводом к такому обвинению послужило то, что Григорий, префект Африки, одно время расположенный к святому Максиму, отделился от империи около 650 года. — *Пентаполь* — западная часть Ливии, примыкавшей к Египту.

сарацин, к которым был дружески расположен и доброжелателен. Святой разъяснил, что возводимое на него обвинение ложно и достойно смеха.

— Какое мне дело, иноку, — говорил он, — до завоевателей городов, и мог ли я, как христианин, иметь общение с сарацинами? Напротив, я всегда желал только одного полезного для христианских городов.

Но бесстыдный клеветник обратился к иным видам лжи, сплетая их, как какие-либо сновидения, и, возвышая до неприличия голос, кричал, будто блаженный Максим хулил восточного царя, называя более достойными почета царей западных. При этом он ссылался на лжесвидетелей. Преподобный, тяжко вздохнув, сказал на это:

— Благодарю Бога моего за то, что я предан в ваши руки и терплю истязания за несправедливые вины, чтобы очистить ими свои вольные согрешения и пороки моей жизни. Но чтобы ответить кратко на ваши ложные обвинения, спрошу вас прежде всего: от меня ли самого вы слышали ту хулу на царя, о которой говорите, или иной кто-либо сказал вам о ней?

Они ответили:

— Мы слышали от других, слышавших это из уст твоих.

Когда же святой просил призвать их, чтобы они засвидетельствовали лично, обвинители сказали, что их уже нет в живых.

Святой сказал на это:

— Если вы говорите, что те, которые слышали хулу из уст моих, уже умерли, то почему вы не привлекли меня к допросу раньше, когда они еще были живы? Тогда и вы освободились бы от излишнего труда, и я понес бы наказание за явную вину. Но достоверно одно: как ложны ваши клеветы, возводимые на меня, так и те, которые привлекли меня к суду, не имели пред очами своими Бога, испытующего сердца человеческие. Да не буду я достоин видеть пришествие Господне и перестану называться христианином, если когда-либо я даже помыслил то ложное сновидение[1], выдуманное вами, или рассказал его пред кем-либо, или слышал от кого!

Тогда призвали одного лжесвидетеля, по имени Григорий, который утверждал, что слышал в Риме, как ученик Максима Анастасий назы-

---

[1] Об этом сновидении, совпадавшем (будто бы) по времени с возмущением префекта Африки Григория, подробно говорится в житии ниже. При одном из последующих допросов преподобного Максима снова обвиняли в побуждении Григория к восстанию при посредстве приписываемого ему сновидения.

вал царя «попом», а этому научился он у своего учителя Максима. Святой Максим, возражая против Григория, мужественно опроверг его лживую клевету. Он говорил:

— Когда Григорий был в Риме, то вел с нами беседу только о единоволии, предлагая нам принять догматическое сочинение, названное «типосом». Но на это мы ответили отказом, предпочитая полезное душам нашим. Того же, что вы говорите теперь, ни я не знаю, ни ученик мой никогда не говорил, — в этом Бог свидетель! Однако я помню, как я говорил тогда, не ученику своему, а самому Григорию следующее: исследовать и определять догматы веры есть дело священнослужителей, а не императоров, потому что им предоставлено и помазывать царя, и возлагать на него руки, и совершать таинство Евхаристии, и предстоять алтарю, и совершать все прочие Божественные и величайшие таинства. Вот что я говорил тогда и ныне говорю. Припомнить эти мои слова не откажется и сам Григорий, а если бы отказался, то отказался бы от самого себя. За все это пусть всякий или обвинит, или оправдает меня пред судом.

Не зная, что делать, обвинители, надеявшиеся на силу лжесвидетельства, вывели преподобного вон из собрания. Затем был введен ученик его Анастасий. Последнего они старались смутить строгими речами и резкими угрозами, убеждая его, чтобы он подтвердил клевету на учителя своего. Они вынуждали его засвидетельствовать, будто учитель его жестоко обращался в Риме с Пирром, когда состязался с ним о вере. Анастасий мужественно утверждал, что учитель его не только не сделал никакого зла Пирру, но и обращался с ним с особенным почтением. За такое прямодушие они начали бить Анастасия кулаками по шее, по лицу и по голове, желая, таким образом, победить истину насилием, — а затем отправили его в прежнюю темницу. После этого, не довольствуясь прежним ложным обвинением и пристрастным допросом, они снова призвали святого Максима и покушались победить его твердость новой клеветой. Клевета состояла в том, будто бы святой Максим был последователем учения Оригена[1]

[1] *Ориген* — знаменитейший христианский учитель III века. В своих многочисленных сочинениях, к которым даже замечательнейшие из отцов Церкви относились с глубоким уважением, Ориген проводил, однако, некоторые мнения неправославного и еретического характера, за что они и осуждены были как еретические, хотя Ориген и не высказывал своих неправославных мнений как непреложные истины. Таково было его учение о предсуществовании душ, осужденное на V Вселенском соборе в 553 году.

и соглашался с ним во всем. Святой легко и свободно опроверг их ложные обвинения как совершенно бездоказательные. Об Оригене он выразился, как об отлученном от общения со Христом и с христианами, а последователей его учения признал достойными суда Божиего. Тогда они снова стали допрашивать святого Максима о Пирре и о тех причинах, по которым он отделился от Константинопольского патриарха и не желает вступить с ним в общение. Испытывали они святого и другими вопросами, предлагали ему принять царский «типос» и относиться к последнему с особенным почтением, как к совершеннейшему и обязательному догматическому изложению веры. Святой возражал им, а они досаждали ему многими резкими упреками. Однако, видя себя побеждаемыми преподобным Максимом во всех своих спорах и запутывающимися в собственных сетях, они распустили собрание и поспешно отправились к царю, чтобы засвидетельствовать непобедимое мужество Хрисопольского аввы.

— Максим, — говорили они, — непобедим в речах, и никто не может убедить его, чтобы он стал нашим единомышленником, — даже если бы кто-либо стал его мучить!

После этого преподобный опять был посажен в темницу. Спустя немного времени пришли к нему другие собеседники, полагая, что если часто с ним состязаться и устрашать его грозными словами, то гораздо скорее можно будет склонить его к своей вере. Пришедшие заявили, что они посланы патриархом, и затем стали спрашивать святого:

— Какой ты Церкви: Византийской, или Римской, Антиохийской, Александрийской, или Иерусалимской? Ибо все эти церкви с подчиненными им областями находятся в единении. Поэтому, если и ты принадлежишь к кафолической церкви, то немедленно вступи в общение с нами, — если только не желаешь подвергнуться тяжкому изгнанию и испытать то, чего не ожидаешь.

На это праведный муж весьма разумно ответил им:

— Христос Господь назвал Кафолической церковью ту, которая содержит истинное и спасительное исповедание веры. За это исповедание он и Петра назвал блаженным, и на нем обещал основать вселенскую церковь (см.: Мф. 16, 17, 18). Однако я хочу узнать содержание вашего исповедания, на основании которого все церкви, как вы говорите, вступили в общение. Если оно не противно истине, то и я не отступлю от него.

Послы ответили ему:

— Хотя нам и не поручено говорить с тобою об этом, однако — скажем. Мы исповедуем во Христе два действия по причине различия естеств и одно действие вследствие соединения обоих естеств в одном Лице.

Святой сказал на это:

— Если вы говорите о двух действиях, что они сделались единым действием вследствие соединения естеств в одном Лице, то значит, кроме тех двух действий, вы признаете еще новое, третье действие, слиянное, или Богочеловеческое.

— Нет, — ответили послы, — мы признаем два действия, а говорим об одном по причине соединения их.

Святой возразил на это:

— Вы сами создаете себе шаткую веру и исповедуете, что Бог может существовать, не имея бытия. Ибо, если вы сольете два действия в одно, по причине соединения естеств в одном Лице, и затем разделите единое действие на два, по причине различия естеств, тогда не будет ни единства, ни двойства действий, так как двойство единением и единство раздвоением взаимно исключаются; мало того, эти ухищрения делают совершенно недействительным то, в чем пребывают действия (то есть Богочеловечество), — даже вовсе устраняют его как не имеющее свойственного ему по природе такого обнаружения, которое не могло бы быть ни отнятым у естества, ни измененным. В противном случае естество, как не проявляющее себя в сродных ему действиях, по разумению святых отцов, лишилось бы всего бытия[1]. Но этого я признать не могу и не научился от святых отцов так веровать. Вы же, как имеющие власть, делайте со мною, что вам угодно.

Они, не зная, что возразить на это, сказали, что неповинующийся им должен подлежать анафеме и принять положенную ему смерть. Святой кротко и смиренно отвечал:

— Да совершится на мне воля Божия во славу святого имени Его.

Тогда послы отправились к патриарху и передали все, сказанное преподобным. Царь, посоветовавшись с патриархом, как некогда Пи-

---

[1] По разумению святых отцов, ни одно естество не может ни существовать, ни быть познаваемым без проявления себя в сродных ему действиях. Поэтому с признанием одной воли в Господе Иисусе Христе одно из естеств должно было бы лишиться своего бытия, перестало бы существовать. Вместе с тем исчезло бы и Богочеловечество. Таким образом, догмат воплощения подвергся у монофелитов искажению.

лат с иудеями, осудил святого на изгнание в небольшой городок, находившийся во Фракии, по имени Визия[1]. Равным образом и ученика его Анастасия они послали в заточение на далекую окраину греческого царства, в одно весьма суровое место, называемое на варварском языке Перверою[2]. То же было сделано и с другим учеником преподобного, также Анастасием, бывшим некогда в Риме апокрисиарием, который впоследствии написал житие преподобного Максима. Его сослали в Месемврию[3], город во Фракии.

В это же время был привезен в Царьград блаженный Мартин, папа Римский, и после многих страданий сослан в заточение в Херсонес[4]. Еще ранее его ссылки, когда он находился в Константинополе, умер Павел, патриарх Константинопольский. После него был поставлен патриархом упомянутый выше Пирр[5], но и тот спустя четыре месяца скончался. Тогда на патриарший престол вступил Петр[6], упорный последователь той же монофелитской ереси.

Прошло много времени, и снова были посланы от имени царя и патриарха Петра к святому Максиму почтенные мужи: Феодосий, епископ Кесарии Вифинской[7], и два консула — Павел и Феодосий, чтобы обратить его к своему единомыслию. Они употребили к обращению святого много разнообразных способов, то льстя преподобному, то угрожая, то испытуя его в вере, то вопрошая. Когда они явились вместе с визийским епископом и повелели святому сесть, епископ Феодосий обратился к нему со словами:

— Как поживаешь, господине, авва Максим?

Он отвечал:

---

[1] *Фракия* граничила на севере с Карпатскими горами, от Иллирии, на юге границами ее были: Македония, Эгейское море (Архипелаг) и Пропонтида (Мраморное море), а на востоке Черное море. Таким образом, древней Фракии принадлежали: восточная часть Венгрии, Трансильвания, Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия и восточная часть Румелии. *Визия* — городок на востоке Фракии, у Черного моря. Это была столица небольшого округа, называвшегося Астиком. Жители его грабили всех, подвергавшихся кораблекрушению близ их городов.

[2] *Первера* — город в ущельях горы Олимпа, между Македонией и Фессалией.

[3] *Месемврия* — город на востоке Фракии, на берегу Черного моря.

[4] Это было в 655 году. — *Херсонес* — на восточной стороне Таврического полуострова.

[5] Павел скончался в 655 году.

[6] *Петр* управлял Константинопольскою патриархией с 655 по 666 год.

[7] *Вифиния* граничила на севере с Черным морем, на западе — с Мизией, на юге — с Фригией и Галатией, на востоке — с Пафлагонией. Ныне она занимает северную часть Анатолии.

— Так, как Господь от века предузнал и предопределил обстоятельства моей жизни, сохраняемой Его промыслом.

Феодосий возразил на это:

— Как так? Разве Бог от века предузнал и предопределил деяния каждого из нас?

Святой отвечал:

— Бог предузнал наши помышления, слова и деяния, которые зависят от нашей воли; предуставил же и предопределил то, что должно случиться с нами, но что находится уже не в нашей власти, а в Его Божественной воле.

Епископ Феодосий спросил:

— Что же находится в нашей власти и что не в нашей?

Святой Максим ответил:

— Все это ты знаешь, господин мой, и, только испытывая меня, раба своего, вопрошаешь.

Епископ сказал на это:

— Воистину я не знаю этого и хочу уразуметь, какое различие между тем, что состоит в нашей власти и что не состоит и как одно относится к Божественному предведению, а другое к предопределению?

Преподобный Максим ответил:

— Все наши добрые и дурные дела зависят от нашего произволения; не в нашей же власти — наказания и бедствия, случающиеся с нами, а равно и противоположное им. В самом деле, мы не имеем власти над изнуряющею нас болезнью или над здоровьем, но только над теми условиями, которые причиняют болезнь или сохраняют здоровье. При этом, как причиною болезни служит невоздержание, а воздержание служит условием доброго здоровья, — так и соблюдение заповедей Божиих служит условием достижения Царства небесного, а несоблюдение их — причиною ввержения в геенну огненную.

Епископ сказал ему:

— Зачем ты мучаешь себя этим изгнанием, совершая достойное такого бедствия?

— Молю Бога, — ответил святой, — чтобы Он, наказывая меня этим бедствием, простил мне грехи, сделанные преступлением святых Его заповедей.

Епископ возразил на это:

— Не для испытания ли со многими случаются беды?

— Искушаемы бывают святые, — отвечал преподобный, — чтобы обнаружились для всех их тайные добродетели, как это было с Иовом и Иосифом. И подлинно, Иов был искушаем ради обнаружения никому не известного в нем мужества, а Иосиф подвергся напасти, чтобы стали явными его целомудрие и воздержание, соделывающие человека святым. Да и каждый из святых, если недобровольно страдал в этом мире, то страдал для того именно, чтобы попускаемыми ему от Бога бедствиями победить гордого отступника, диавола — змея; самое терпение в каждом святом было следствием искушения.

На это епископ Феодосий сказал:

— Поистине, хорошо и поучительно ты говоришь, и я хотел бы о подобных вещах всегда беседовать с тобою, — но так как я и спутники мои, почтеннейшие патриции, пришли к тебе, несмотря на громадное расстояние, ради другого дела, то просим тебя: прими то, что мы предложим тебе, и доставь радость всей вселенной.

— Что именно, господин мой? — спросил святой. — Да и кто я такой и откуда я, чтобы мое соизволение на ваше предложение могло обрадовать весь мир?

Епископ сказал:

— Как непреложны истины Господа моего Иисуса Христа, так и то, что я буду говорить тебе, а равно и сотрудники мои, уважаемые патриции, — мы слышали непосредственно от нашего патриарха и благочестивого царя.

— Скажите же, господа мои, — ответил святой Максим, — чего вы хотите и что вы слышали?

Тогда Феодосий стал говорить:

— Император и патриарх, прежде всего, желают узнать от тебя: почему ты удаляешься от общения с Константинопольским престолом?

Святой Максим ответил:

— Вы знаете нововведения, принятые шестого индикта истекшего круга[1]. Они начались в Александрии чрез обнародование Киром, бывшим там патриархом, девяти глав, одобренных и утвержденных Кон-

---

[1] *Индикт* — по Римскому календарю — означает промежуток, или круг времени, в 15 лет. Первый год в этом круге назывался первым индиктом, второй год — вторым индиктом и т. д. В греческом и славянском месяцесловах 1 сентября значилось: «начало индикта, сиречь нового лета». В приведенном месте жития святого Максима слова «шестого индикта истекшего круга» нужно понимать так: «девять лет тому назад», то есть в 648 году.

стантинопольским престолом. Были и иные изменения и дополнения (экфесис и типос), искажающие соборные определения. Эти нововведения были сделаны первыми представителями Византийской Церкви — Сергием, Пирром и Павлом — и известны всем церквам. Вот причина, по которой я, раб ваш, не вступаю в общение с Константинопольскою церковью. Пусть будут уничтожены в Церкви эти соблазны, введенные упомянутыми выше мужами, — пусть будут устранены введшие их — и очистится путь спасения от преград, и вы пойдете тогда гладким путем Евангелия, очищенным от всякой ереси! Когда же я увижу Константинопольскую Церковь такою, какою она была прежде, тогда и я обращусь к ней, как был и раньше ее сыном, и вступлю в общение с нею без всякого увещания человеческого. Пока же в ней будут еретические соблазны и еретики архиереи, никакое слово или дело не убедит меня, чтобы я когда-либо вступил в общение с ними.

— Но что же худого, — спросил епископ Феодосий, — в нашем исповедании, что ты не хочешь иметь общения с нами?

Святой Максим ответил:

— Вы исповедуете, что было одно действие у Божества и человечества Спасителя, — между тем, если доверять святым отцам, утверждающим, что у кого есть одно действие, у того и естество одно, то вы исповедуете Святую Троицу не как Троицу, а как четверицу, как будто воплощение было единосущным Слову и отступило от тождества с человеческим естеством, которое есть у нас и было у Пречистой Девы Богородицы; по отступлении же от сродного человеку тождества, как будто образовалась новая сущность, единосущная Слову в той же мере, в какой Слово единосущно Отцу и Духу; таким образом, является уже не Троица, а четверица. Равным образом, когда вы отрицаете действия и утверждаете, что у Божества и человечества Христова была одна воля, вы умаляете свободную самодеятельность Его в делании добра. Ибо если то и другое естество не имеет собственного, присущего ему действия, то если и захочет кому-либо благодетельствовать, не сможет этого, так как у него отнята способность к деланию добра. Ведь без способности действовать и без свойственного естеству действия никакая вещь не может что-либо произвести или сделать. С другой стороны, признавая вочеловечение Христа, вы исповедуете одну волю в двух естествах, но тем самым вы признаете, что и плоть Его, по своей воле, была создательницею всех веков и всей твари, со-

вокупно с Отцом, и Сыном, и Святым Духом; между тем, по естеству, она сама создана. Или лучше сказать: плоть по своей воле безначальная, — ибо воля Божия безначальная, как и Божество не имеет начала, — а по естеству своему плоть создана во времени. Но так исповедовать не только безумно, а и безбожно, ибо вы не просто говорите об одной только воле во Христе, но называете ее Божественною, а у Божественной воли не может предполагаться ни начала, ни конца, как и у Самого Божества. Вы отнимаете также у Христа Господа все обнаружения и свойства, по которым познается Его Божество и человечество, когда экфесисом и типосом требуете не говорить ни об одной, ни о двух волях в Нем, ни о действиях Его. Эта воля не едина, потому что вы разделяете ее на две самым подчинением человеческой воли Божественной; их и не две, потому что вы сливаете их в едину.

Когда святой Максим говорил это и многое другое, о чем подробно сообщает ученик его Анастасий, Феодосий и патриции начали сознавать свое заблуждение. Однако епископ сказал:

— Прими написанный царем типос не как положительный догмат веры, но как способ решения сомнительных вопросов. Он и написал не в смысле законодательства, а в смысле истолкования веры.

Святой·Максим отвечал:

— Если типос не есть положительный закон, утверждающий единство воли и действия Господа нашего, то зачем вы сослали меня в страну варваров и неведущих Бога язычников? За что я осужден оставаться здесь в Визии? За что сотрудники мои изгнаны: один — в Перверу, а другой — в Месемврию?

Когда затем вспомнили о том Поместном соборе, который был созван в Риме блаженным папой Мартином для осуждения монофелитов, епископ Феодосий сказал:

— Не имеет значения этот собор, потому что он был созван не по царскому повелению.

Преподобный ответил:

— Если утверждаются только постановления соборов, созываемых по царскому повелению, то не может быть православной веры. Вспомните о соборах, созываемых по царскому повелению против единосущия, на которых установлено богохульное учение, что Сын Божий не единосущен Богу Отцу. Таковы соборы: первый — в Тире, второй — в Антиохии, третий — в Селевкии, четвертый — в Константинополе при Евдоксии арианине, пятый — в Никее, шестой — в Сирмии, а

спустя много времени — седьмой в Ефесе под председательством Диоскора. Все эти соборы созывались по царским повелениям; однако все они отвергнуты и преданы анафеме, так как на них были составлены вероопределения безбожные и богопротивные. Притом почему вы не отвергаете того собора, который осудил Павла Самосатского и предал его анафеме? Ведь во главе этого собора стояли: Дионисий, папа Римский, Дионисий Александрийский и Григорий Чудотворец, который и председательствовал на этом соборе. Этот собор происходил без царского повеления; однако он тверд и неопровержим. Православная Церковь признает истинными и святыми только те соборы, на которых установлены истинные и непреложные догматы. И подлинно, как знает это и твоя святость, и других поучает тому же, каноны повелевают — в каждой христианской стране созывать Поместные соборы дважды в год — как для защищения спасительной веры нашей, так и для исправления того, что требует исправления; однако церковные правила не говорят о царских повелениях.

После продолжительной беседы и упорного спора с обеих сторон, уста преподобного Максима исполнились божественной мудрости и красноречия, и язык его, движимый Святым Духом, одолел противников. Последние долго сидели молча, склонив головы и опустив глаза. Затем они умилились и начали плакать, после чего встали и поклонились святому, равно как и он им. После совместной молитвы, они с радостью согласились с истинным учением святого Максима и с любовью приняли это учение, причем и сами обещали веровать согласно с ним, и царя надеялись убедить к тому же. Для подтверждения же своего обещания они облобызали Божественное Евангелие, честный крест и святые иконы Спасителя и Пресвятой Богородицы. Затем, побеседовав достаточно о полезных для души вещах, они дали друг другу целование о Господе и, пожелав взаимно мира, возвратились — епископ Феодосий и патриции — в Византию. Когда они изложили царю все сказанное и сделанное, царь сильно разгневался. Тогда Феодосий и оба патриция, убоявшись царского гнева, снова обратились к ереси. Затем опять был послан в Визию патриций Павел с поручением доставить преподобного Максима в Константинополь, однако — с почетом. Когда святой Максим был привезен, ему повелено было жить в монастыре святого Феодора[1].

[1] Это было в 655 году. — Монастырь великомученика Феодора находился в предместье Царьграда.

Наутро были посланы царем к преподобному два патриция — Епифаний и Троил. Они явились в сопровождении многих знатных мужей, с отрядом войска и слугами, с пышностью и суетным величием. Вместе с ними пришел и вышеупомянутый епископ Феодосий. Его ожидал преподобный Максим и надеялся на исполнение его обещания, по которому не только он сам должен был истинно веровать, но и царя, и всех других представителей народа возвратить православию. Но Феодосий солгал, предпочитая угождать царю земному и суетному миру, нежели следовать Царю небесному и Его святой Церкви. Когда все сели и убедили сесть преподобного, начал беседу патриций Троил.

— Царь, владыка вселенной, — начал он, — прислал нас к тебе возвестить то, что угодно его царской власти, утвержденной Богом, но прежде скажи нам: исполнишь ли ты волю государя или нет?

Святой Максим ответил:

— Прежде я выслушаю, господин мой, что повелевает мне государь и сообразно с этим отвечу тебе. Ибо как я могу отвечать на то, чего еще не знаю?

Троил же настаивал, говоря:

— Не скажем тебе, с чем мы явились, пока ты не ответишь нам, окажешь ли повиновение царю.

Преподобный муж, видя, что посланные требуют настойчиво, смотрят злобно и резкими словами допрашивают его, будет ли он повиноваться царской воле, отвечал:

— Так как вы не хотите сказать мне, рабу вашему, что угодно господину нашему, царю, то объявляю вам, пред лицом Самого Бога и Его святых Ангелов, следующее: если царь повелит мне что-либо такое, что имеет временное и преходящее значение, притом непротивное Богу и безвредное для вечного спасения души, то я охотно исполню.

Когда святой сказал это, патриций Троил тотчас встал и хотел уходить, говоря:

— Я ухожу, потому что вижу, что этот муж не исполнит царской воли.

Но тотчас поднялся шум и началось сильное смятение среди пришедшего сюда множества народа. Тогда епископ Феодосий сказал:

— Объявите ему волю государя и выслушайте его ответ, ибо нехорошо уйти, ничего не сказав ему и не выслушав его ответа.

После этого патриций Епифаний начал говорить преподобному:

— Вот что царь приказывает объявить тебе: так как весь Восток и те на Западе, которые увлечены в соблазн, взирая на тебя, производят смуты и волнения, являясь отступниками от веры и строя козни, причем не хотят в деле веры иметь с нами общения, то да смягчить Господь кротостью твое сердце, чтобы ты вступил в общение с нами, приняв изданный нами типос. Мы же, приняв тебя с любовью, с великою честью и славою введем тебя в церковь и поставим рядом с нами, где обычно стоят цари, и приобщимся вместе с тобою пречистых и животворящих Тайн Тела и Крови Христовых. Потом провозгласим тебя нашим отцом, и будет радость не только во всем христолюбивом граде нашем, но и во всем христианском мире. Ибо мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение со святою Константинопольскою Церковью, то присоединятся к нам и все, которые ради тебя и под твоим руководством отпали от общения с нами.

Святой авва Максим, обратившись к епископу Феодосию, со слезами сказал:

— Все мы, владыка, ожидаем великого дня судного. Ты помнишь, что было недавно говорено и обещано пред святым Евангелием, животворящим Крестом и святыми иконами Спасителя нашего Иисуса Христа и Пренепорочной Его Матери, Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии.

Епископ, с потупленным вниз взором, кротко сказал:

— Что же могу я сделать, когда благочестивый царь хочет иного?

Авва Максим отвечал ему:

— Зачем же ты и бывшие с тобою касались святого Евангелия, когда у вас не было твердого намерения исполнить обещанное? Поистине, все силы небесные не убедят меня сделать то, что вы предлагаете. Ибо, какой ответ дам я, не говорю — Богу, но моей совести, если из-за пустой славы и мнения людского, ничего не стоящего, отвергну правую веру, которая спасает любящих ее?

Когда святой сказал это, тотчас все встали, исполненные гнева и бешенства, и, бросившись к нему, начали не только ругать его бранными словами, но и возложили на него руки. Схватив его, они били его руками, терзали, туда и сюда влачили его по полу, толкали и топтали его ногами, и каждый старался достать его, чтобы ударить. Они непременно убили бы святого, если бы епископ Феодосий не укротил их ярости и не успокоил волнения. Когда перестали бить и терзать

святого, то начали плевать на него, и оплевали человека Божиего с головы до ног. Смрад исходил от их гадких плевков, которыми была испачкана вся одежда его.

Тогда епископ сказал им:

— Не следовало бы делать этого; нужно было только выслушать его ответ и донести царю, ибо дела, подлежащие церковным правилам, иначе судятся.

С трудом епископ убедил их прекратить шум и снова сесть. Они, не переставая поносить святого грубыми ругательствами и оскорбительными упреками, уселись.

Патриций Епифаний, дыша яростью, с гневом обратился к святому:

— Скажи нам, злой старик, одержимый бесом! Зачем ты говоришь такие речи? Не считаешь ли ты еретиками всех нас, и город наш, и царя нашего? Знай, что мы более тебя христиане и более тебя православные. Мы признаем в Иисусе Христе, Господе нашем, Божественную и человеческую волю и душу разумную, ибо всякое разумное существо всегда имеет и силу произволения, по самому естеству своему, и способность деятельности. Вообще, живому существу свойственно движение, а уму присуща воля. Мы признаем и Господа имеющим власть хотения не по Божеству только, но и по человечеству, а особенно мы не отрицаем Его двух волей и двояких действий.

Авва Максим отвечал:

— Если вы веруете так, как учит Церковь Божия, и как прилично разумному существу, то зачем принуждаете меня принять «типос», который совершенно отрицает то, что вы говорите теперь?

Епифаний возразил:

— Типос написан ради улаживания не совсем понятных истин, чтобы не впал в заблуждение народ вследствие особенной тонкости их выражения.

На это авва Максим ответил:

— Это противно вере, а между тем всякий человек освящается правильным исповеданием веры.

Тогда патриций Троил возразил:

— Типос не отрицает двух волей во Христе, а только заставляет молчать о них ради мира Церкви.

Авва Максим сказал на это:

— Замалчивать слово значит отрицать его, как об этом говорит Дух Святой чрез пророка: *не суть речи, нижé словеса, ихже не слы-*

шатся гла́си их (слав. Пс. 18, 4). Поэтому, если какое-либо слово не высказывается, то это вовсе не есть слово.

Тогда Троил сказал:

— Имей в сердце своем какую угодно веру; никто тебе но запрещает.

Святой Максим возразил:

— Но полное спасение зависит не от одной сердечной веры, а и от исповедания ее, ибо Господь говорит: *кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим небесным* (Мф. 10, 33). Равно и Божественный апостол учит: *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10). Если же Бог и Божественные пророки и апостолы повелевают исповедовать словом и языком таинство веры, которое приносит всему миру спасение, то нельзя принуждать к молчанию относительно исповедания, чтобы не умалялось спасение людей.

На это Епифаний злобным голосом воскликнул:

— Подписал ли ты постановления собора, бывшего в Риме?

— Подписал, — ответил святой.

Тогда Епифаний продолжал:

— Как ты осмелился подписать и анафематствовать исповедующих веру так, как прилично разумным существам и как учит Кафолическая Церковь? Воистину, собственным судом мы приведем тебя в город и поставим на площадь связанного, соберем всех комедиантов, и блудниц и весь народ, и заставим их бить тебя по щекам и плевать тебе в лицо.

На это святой отвечал:

— Да будет так, как ты сказал. Если же ты утверждаешь, что мы анафематствовали тех, которые признают два естества, соединившиеся в Господе нашем, а равно две воли и два действия, соответствующие каждому естеству во Христе Господе, Который по естеству Божественному есть истинный Бог, а по естеству человеческому — истинный человек, то прочти, господин мой, книгу, заключающую в себе деяния этого собора, и если вы найдете то, что сказали, делайте, что хотите. Ибо я и сотрудники мои, и все, подписавшие деяния собора, анафематствовали тех, которые, подобно Арию и Аполлинарию[1], при-

[1] *Аполлинарий*, епископ Лаодикийский, учил, что Сын Божий, воплотившись, принял неполное человеческое естество, но только душу и тело человеческие, ум же человеческий у Него заменяло Божество. Ересь эта была осуждена II Вселенским собором.

знают в Господе одну волю и одно действие и не исповедуют Господа нашего и Бога имеющим два естества, в которых Он пребывает, а равно имеет силу хотения и действования, коими совершает наше спасение.

Тогда друзья Епифания и патриции, и все, пришедшие с ними, начали говорить между собою:

— Если мы и далее станем слушать его, то нам не придется ни есть, ни пить. Поэтому пойдем и пообедаем и затем возвестим царю и патриарху то, что мы слышали. Вы видите, что этот окаянный предал себя сатане.

Затем, встав, они ушли обедать. Было же в этот день предпразднство Воздвижения честного Креста и уже наступало время всенощного бдения. Отобедав, они отправились в город крайне недовольные.

На другой день (14 сентября), рано утром, явился к преподобному Максиму патриций Феодосий, отнял все книги, какие имел святой, и сказал от имени царя:

— Так как ты не захотел почета, то иди в изгнание, которое ты заслужил.

Святой старец тотчас был взят воинами и отведен сначала в Селемврию, где он оставался два дня. В течение этого времени один воин из Селемврии, отправившись в армию, распустил по лагерю молву, возбуждая против старца народ словами: «Пришел к нам один инок, который хулит Пречистую Богородицу». Начальник армии, призвав важнейших клириков города Селемврии, а равно пресвитеров, диаконов и почетнейших иноков, послал их к блаженному Максиму — узнать: правда ли то, что говорят о нем, будто он хулит Божию Матерь? Когда они пришли, преподобный встал и поклонился до земли, воздавая почет их званию. Они также поклонились святому и затем все сели. Тогда один из пришедших, весьма почтенный старец, очень кротко и почтительно спросил преподобного Максима:

— Отче, так как некоторые соблазнились относительно твоей святости, утверждая, будто бы ты не признаешь Госпожу нашу Пречистую Деву Богородицу Матерью Божией, то заклинаю тебя Пресвятою Единосущною Троицею сказать нам истину и изъять соблазн из сердец наших, чтобы и мы не погрешили, неправильно думая о тебе.

Преподобный Максим преклонился на землю крестообразно, а потом, вставши, воздел руки к небу и торжественно произнес со слезами:

— Кто не исповедует Госпожу нашу, всепетую, Святейшую и пренепорочную Деву, честнейшую всех разумных существ, истинной Матерью Бога, сотворившего небо и землю, море и все, что в них, тот да будет анафема от Отца, и Сына, и Святого Духа, единосущной и преестественной Троицы, и от всех сил небесных, от лика святых апостолов и пророков, и бесконечного множества мучеников, и от всякой праведной души, скончавшейся в вере, ныне, всегда и во веки веков!

Услышав это, все прослезились и высказали ему благопожелания в словах:

— Бог да укрепит тебя, отче, и да сподобит тебя достойно и беспрепятственно совершить свое поприще!

После этого собралось туда множество воинов послушать благочестивые речи отцов, беседующих между собою. Тогда один из приближенных начальника армии, видя большое стечение войска, усердно слушающего слова святого и порицающего правительство за изгнание его, повелел немедленно вывести оттуда святого и вести его далее за два поприща, пока снарядятся те, которые должны вести его в Перверу в заточение. Клирики, подвигнутые Божественною любовью, шли те два поприща пешком, провожая святого. Когда пришли воины, чтобы вести его в изгнание, клирики понесли святого на руках и посадили на коня. Затем они обнимали его со слезами и, простившись с ним, возвратились в свой город. Святого же повели в Перверу и там заключили в темнице.

Прошло много времени[1], и царь снова послал привести в Константинополь из заточения преподобного Максима и обоих его учеников. Когда они пристали к городу на корабле, при захождении солнца, явились два начальника стражи с десятью воинами и, выведя их из корабля полунагих и необутых, разлучили и заключили каждого особо. Спустя несколько дней их повели в царскую палату. Оба ученика были оставлены на дворе под стражей, а старец был введен внутрь, где заседали сановники и многие почетнейшие лица. Святой был поставлен среди восседавших правителей. Тогда царский казнохранитель, с раздражением в голосе, обратился к нему:

— Христианин ли ты?

Старец отвечал:

— По благодати Христа, Бога всяческих, я — христианин.

Казнохранитель исполнился гнева и сказал:

[1] Именно — пять лет.

— Ты говоришь неправду.

Святой отвечал:

— Ты говоришь, что я не христианин, а Бог говорит, что я неизменно пребываю христианином.

— Но если ты христианин, — возразил казнохранитель, — то за что же ты ненавидишь царя?

— Откуда это видно? — спросил святой. — Ведь ненависть есть сокровенное чувство души, точно так же, как и любовь.

— Из дел твоих, — ответил казнохранитель, — всем стало известно, что ты враг царя и его царства. Ибо ты один предал сарацинам Египет, Александрию, Пентаполь, Триполис и Африку.

— Где же достоверные доказательства этого? — спросил святой.

Тогда ввели некоего Иоанна, бывшего когда-то сакелларием[1] Петра — в то время, как Петр был наместником Нумидии Африканской[2]. Этот Иоанн сказал:

— Двадцать два года тому назад дед господина нашего царя повелел блаженному Петру, чтобы он вел войска в Египет против сарацин. Петр, доверяя тебе, как рабу Божию, писал к тебе, прося полезного совета. Но ты отписал ему, что не благоугодно Богу помогать царю Ираклию и наследникам его.

Тогда святой сказал ему:

— Если ты говоришь правду и имеешь письмо Петра ко мне и мое письмо к Петру, то покажи их; пусть их прочтут, и я приму достойную казнь по закону.

Иоанн ответил:

— Я не имею писем ваших и даже не знаю, писали ли вы друг другу, но в лагере тогда все об этом говорили.

Святой возразил:

— Если целое войско об этом говорило, то почему только ты один на меня клевещешь? Видел ли ты даже меня когда-либо или я тебя?

— Нет, — отвечал Иоанн. — Я никогда не видел тебя.

Тогда святой, обратившись к собранию, сказал:

— Судите сами: справедливо ли ставить в свидетели таких людей? Сказано ведь: *каким судом судите, таким будете судимы; и какою ме-*

---

[1] *Сакелларий* — от sacillus — мешок — то же, что казнохранитель. Сакеллариев было два — императорский и патриарший.

[2] *Нумидия* находилась в Северной Африке. Ныне она составляет восточную часть Алжира.

рою мерите, такою и вам будут мерить (Мф. 7, 2) от Бога, праведного Судии всех.

Затем ввели Сергия Магуду. Тот сказал:

— Назад тому девять лет блаженный авва Фома, пришедший из Рима, рассказывал мне следующее: посылал меня, говорил он, папа Феодор к Григорию, префекту Африки, отложившемуся в то время от Греческой империи, сказать ему, чтобы он не боялся греческих войск, ибо раб Божий, авва Максим, видел сон, будто на небесах, на востоке и на западе, стояли лики Ангелов. Из них, бывшие на востоке, восклицали: «Константин Август, ты победишь!» Находившиеся же на западе восклицали: «Григорий Август, ты победишь!» При этом голос западного лика был яснее и громче, чем восточного.

Когда Магуда изложил это, казнохранитель сказал святому:

— Вот тебя привел Бог в этот город на сожжение огнем.

Святой ответил:

— Благодарю Бога, очищающего вольные мои согрешения невольными наказаниями. Но *горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Поистине, не следовало бы говорить этого пред христианами, а тем более оставлять без наказания тех, которые говорят и думают только угодное людям, ныне живущим, а завтра не существующим. Все это нужно было объявлять в то время, когда был еще жив Григорий. Тогда следовало бы призвать сюда патриция Петра, авву Фому и блаженного папу Феодора; я в присутствии всех их сказал бы патрицию Петру: скажи, господин мой, писал ли ты когда-либо ко мне о том, о чем свидетельствует твой сакелларий, или, быть может, я писал к тебе? Равным образом и блаженному папе я сказал бы: скажи, владыка, рассказывал ли я когда-либо тебе сон? Но если бы и папа обличил меня относительно сна, то в этом была бы его вина, а не моя, ибо сонное видение есть вещь непроизвольная, а закон наказывает только те деяния, которые зависят от свободной воли человека.

Возводились при этом на неповинного и святого мужа и другие клеветы и несправедливые обвинения, особенно относительно хулы на царя, — будто он и его ученики порицали в Риме царя. Однако святой, доказывая свою невинность, опровергал все эти клеветы, в кротости своей, смиренными, премудрыми и вдохновенными речами.

Затем введен был отдельно ученик его Анастасий. Его побуждали, чтобы он сказал что-либо дурное о своем учителе, и когда тот не хотел

говорить неправды на праведного мужа, его избили кулаками и затем отвели его и учителя его, каждого порознь, по своим местам в темницы.

На другой день вечером пришли к преподобному в темницу патриции Троил, Сергий Евфратас, начальник царской трапезы. Они сели и, заставив сесть преподобного, спросили:

— Скажи нам, авва, какую беседу вел ты в Африке и в Риме с Пирром и какими доводами убедил ты его отказаться от его собственного догмата и принять твой догмат?

Святой ответил:

— Если бы были со мною мои книги, в которые я записал бывшие у нас там с Пирром беседы и споры, то я все подробно рассказал бы вам; но так как книги у меня отняты, то что могу припомнить, то и скажу.

Затем святой рассказал по порядку все, что мог припомнить, прибавив в заключение следующее:

— Я никакого собственного догмата не имею, а только общий всей Кафолической Церкви; я не внес в свое исповедание ни одного нового слова, по которому оно могло бы называться моим собственным.

Затем посланные спросили его:

— Что же ты не вступишь в общение с Константинопольским престолом?

— Нет, — ответил святой.

— Почему же? — спросили они.

— Потому, — ответил святой, — что предстоятели этой церкви отвергли постановления четырех святых соборов, приняв за правило «девять глав», изданных в Александрии, а затем приняли экфесис, составленный Сергием, Константинопольским патриархом, и, наконец, типос, в недавнее время обнародованный. С другой стороны, все, утвержденное в экфесисе, они отвергли в типосе и много раз са́ми себя отлучили от Церкви и изобличили в неправомыслии. Мало того, сами себя отлучив от Церкви, они низложены и лишены священства на Поместном соборе, бывшем недавно в Риме. Какое же тайнодействие они могут совершать? Или какой Дух снизойдет на тех, которые ими рукополагаются?

— Значит, ты один спасешься, — возразили ему, — а все прочие погибнут?

Святой ответил на это:

— Когда все люди поклонялись в Вавилоне золотому истукану, три святые отрока никого не осуждали на погибель. Они не о том заботились, что делали другие, а только о самих себе, чтобы не отпасть от истинного благочестия (см.: Дан. 3). Точно так же и Даниил, брошенный в ров, не осуждал никого из тех, которые, исполняя закон Дария, не хотели молиться Богу, а имел в виду свой долг и желал лучше умереть, чем согрешить и казниться пред своею совестью за преступление Закона Божиего (см.: Дан. 14, 31). И мне не дай Бог осуждать кого-либо, или говорить, что я один спасусь. Однако же я соглашусь скорее умереть, чем, отступив в чем-либо от правой веры, терпеть муки совести.

— Но что ты будешь делать, — сказали ему посланные, — когда римляне соединятся с византийцами? Вчера ведь пришли из Рима два апокрисиария и завтра, в день воскресный, будут причащаться с патриархом Пречистых Тайн.

Преподобный ответил:

— Если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я не причащусь с ним. Ибо я знаю из писаний святого апостола Павла, что Дух Святой предает анафеме даже Ангелов, если бы они стали благовествовать иначе, внося что-либо новое (см.: Гал. 1, 8).

Тогда посланные спросили:

— Неужели совершенно необходимо исповедовать во Христе две воли и двоякого рода деятельность?

— Совершенно необходимо, — отвечал святой, — если мы хотим благочестиво мыслить, ибо никакое существо не лишено природной деятельности. Святые отцы ясно говорят, что ни одно существо не может ни существовать, ни быть познаваемым без сродного ему действования. Если этого нет и если естество не обнаруживается в действовании, то каким образом можно признавать Христа истинным Богом по естеству и истинным человеком?

На это ему сказали:

— Мы видим, что это — истинная правда, однако — не огорчай царя, который, ради мира Церкви, составил типос не для того, чтобы отрицать что-либо из признаваемых во Христе свойств, но ради спокойствия Церкви, повелевая молчать о тех вещах, которые порождают разногласие.

Тогда человек Божий, простершись на землю, отвечал со слезами:

— Не следовало бы огорчаться доброму и боголюбивому царю по поводу моего недостоинства, ибо я не хочу прогневать Бога,

умалчивая о том, что Он повелел признавать и исповедовать. Ибо если, по слову Божественного апостола, Сам Он *иных поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями* (1 Кор. 12, 28), то ясно, что Сам Он и говорит чрез них. Из всего же Священного Писания, из творений святых учителей и из постановлений соборных мы научаемся, что воплотившийся Иисус Христос, Господь и Бог наш, имеет силу хотеть и действовать по Божеству и по человечеству. Ибо у Него вовсе нет недостатка в тех свойствах, по которым Он познается, как Бог, или как человек, кроме греха. Если же Он совершен по обоим естествам и не лишен ничего, свойственного им, то, поистине, тот совершенно извращает тайну Его вочеловечения, кто не признает в Нем самого существа обоих естеств с соответствующими им свойствами, — естеств, чрез которые и в которых Он пребывает.

Когда святой изложил это и многое другое, пришедшие похвалили его мудрость и не нашли, что возразить ему. Сергий же сказал:

— Один ты огорчаешь всех, — именно тем, что из-за тебя многие не хотят иметь общения со здешней Церковью.

Преподобный Максим возразил:

— Но кто может утверждать, что я кому-нибудь повелевал не иметь общения с Византийской Церковью?

На это Сергий отвечал:

— То самое, что ты не сообщаешься с этою Церковью, сильнее всего отвращает многих от общения с нею.

Человек Божий сказал на это:

— Нет ничего тягостнее и печальнее того состояния, когда совесть в чем-либо обличает нас, и нет ничего дороже спокойствия и одобрения совести.

Затем Троил, обращая внимание на то, что «типос» царя Константа анафематствован по всему Западу, сказал святому:

— Хорошо ли, что толкование благочестивого государя нашего так бесславится?

Святой ответил:

— Да простит Бог тем, которые внушили императору и допустили его издать этот указ!

Троил спросил:

— Кто же внушил и кто допустил?

Святой ответил:

— Предстоятели Церкви научили, а сановники допустили, и, таким образом, позор соблазна падает на неповинного и чуждого всякой ереси царя. Однако посоветуйте государю сделать то же, что сделал некогда блаженной памяти дед его Ираклий. Когда он узнал, что многие отцы на Западе не принимают «изложения» веры, а равно обличают и осуждают заключающуюся там ересь, — очистил себя от упрека в этом, разослав повсюду свои послания и утверждая в них, что «изложение» принадлежит не ему, а бывшему патриарху Сергию. Пусть сделает то же и ныне царствующий государь, и тогда он будет освобожден от всякого упрека.

Они долго молчали, качая головою, а затем сказали:

— Неудобно и даже невозможно сделать все то, что ты советуешь, авва.

Побеседовав еще достаточно о разных предметах, они простились и дружелюбно расстались.

Чрез неделю после этого разговора, в следующую субботу, святого и обоих его учеников опять позвали в царскую палату к допросу. Прежде был введен более ранний ученик его Анастасий, а другой Анастасий, бывший апокрисиарий Римской церкви, был поставлен вне палаты. Когда первый Анастасий был введен в залу, где сидели среди членов Сената два патриарха: Фома, Константинопольский патриарх, и какой-то другой, тотчас вошли и клеветники, возводившие на преподобного Максима ложные обвинения. Присутствующие заставляли Анастасия подтверждать клеветы, возводимые на его учителя. Но он дерзновенно изобличал ложь, мужественно возражая пред патриархами и Сенатом. Когда же его спросили: анафематствовал ли он «типос», он ответил, что не только анафематствовал, но и составил против него книгу. Тогда сановники спросили:

— Что же? Не признаешь ли ты, что ты дурно поступил?

— Да не попустит мне Бог, — ответил Анастасий, — считать дурным то, что я сделал хорошо, согласно церковному правилу.

Когда затем его спрашивали о многих других вещах, он отвечал, как ему помогал Бог. После этого его вывели, а ввели преподобного старца Максима. Патриций Троил обратился к нему со словами:

— Послушай, авва, скажи правду, и Бог помилует тебя. Ибо если мы станем допрашивать тебя законным порядком и окажется истинным хотя бы одно из возводимых на тебя обвинений, то ты будешь казнен по закону.

Старец отвечал:

— Я уже сказал вам и опять скажу: настолько же возможно хотя бы одному обвинению быть справедливым, насколько сатане возможно стать Богом; но так как сатана не есть Бог и стать Им не может, будучи отступником, то и те обвинения не могут стать истинными, которые совершенно ложны. Поэтому, что хотите сделать, то и делайте; я же, благочестно почитая Бога, не боюсь обиды.

На это Троил возразил:

— Но разве ты не анафематствовал типоса?

Старец отвечал:

— Несколько раз уже я говорил, что анафематствовал.

— Но если ты, — сказал Троил, — анафематствовал «типос», то следовательно — и царя?

— Царя я не анафематствовал, — ответил преподобный, — а только хартию, ниспровергающую православную и церковную веру.

— Где же ты анафематствовал? — спросил Троил.

— На поместном соборе в Риме, — отвечал святой Максим, — в церкви Спасителя и Пресвятой Богородицы.

Тогда обратился к нему председатель:

— Вступишь ли ты в общение с нашею церковью или нет?

— Нет, не вступлю, — отвечал святой.

— Почему же? — спросил председатель.

— Потому что она, — отвечал святой, — отвергла постановления православных соборов.

— Но если церковь наша отвергла соборы, — возразил председатель, — то как же они записаны в месяцесловном диптихе[1]?

— Какая польза, — отвечал святой, — от названий и воспоминания их, если догматы тех соборов отвергнуты?

— Можешь ли ты, — спросил председатель, — ясно показать, что нынешняя Церковь отвергла догматы бывших ранее святых соборов?

— Если не будете сердиться и повелите, — ответил старец, — то я легко могу показать.

Когда все умолкли, к нему обратился казнохранитель:

— За что ты так любишь римлян и ненавидишь греков?

Святой ответил:

---

[1] *Диптих* значит: *поминание, синодик*. Это были две таблицы, сложенные как скрижали, на которых писались имена живых и умерших. В месяцесловных диптихах были отмечены и важнейшие события церковной жизни.

— Мы имеем от Бога заповедь — никого не ненавидеть. Я люблю римлян, как единоверных со мною, а греков — как говорящих одним со мною языком.

— А сколько тебе лет? — спросил казнохранитель.

— Семьдесят пять, — отвечал святой.

— А сколько лет, — продолжал казнохранитель, — находится при тебе твой ученик?

— Тридцать семь, — отвечал святой.

В это время один из клириков воскликнул:

— Да воздаст тебе Бог за все, что ты сделал блаженному Пирру.

Святой ничего не ответил этому клирику.

Во время этих, довольно продолжительных, допросов ни один из находившихся там патриархов ничего не сказал. Когда же стали распространяться о соборе, бывшем в Риме, некто Демосфен заявил:

— Не истинен этот собор, потому что созвал его Мартин, отлученный папа.

Преподобный Максим отвечал:

— Не отлучен папа Мартин, а подвергся гонению.

После этого, выслав святого вон, они советовались, что с ним сделать? Бесчеловечные мучители находили, что было бы слишком милостиво оставить его жить по-прежнему, в заточении, и что лучше подвергнуть его мучениям более тяжким, чем смерть. Поэтому предали его в руки градского воеводы. Префект велел отвести святого Максима и учеников его в преторию[1]. Здесь беззаконный мучитель, прежде всего, обнажив святого старца и повергнув его на землю, велел бить его острыми воловьими жилами, не устыдившись ни старости его, ни почтенного вида, — не умиляясь и видом его тела, изможденного постническими подвигами. Святого били так жестоко, что земля обагрилась его кровью, а тело его было настолько иссечено, что не оставалось на нем ни одного неповрежденного места. Затем свирепый зверь с яростью обратился к ученикам преподобного и избил их в такой же степени. Когда их били, глашатай восклицал:

— Неповинующиеся царским повелениям и остающиеся непокорными достойны терпеть такие страдания.

Затем их, еле живых, ввергли в темницу.

---

[1] *Претория* — место, где происходил суд. Пред преторией нередко происходили и бичевания.

Наутро снова привели в судилище из темницы святого и преподобного мужа с первым учеником его Анастасием. Святой был еще жив и весь покрыт ранами, так что нельзя было смотреть без сострадания на почтенного старца, святого постника, богомудрого учителя и исповедника-богослова, всего окровавленного и изъязвленного глубокими ранами, не имеющего с ног до головы неповрежденного места. Однако не сжалились над ним жестокосердные мучители, а пришли в еще большее озлобление. Извлекши его богоглаголивый язык, источавший реки премудрых учений и потоплявший еретические умствования, глубоко, у самой гортани, отрезали без всякого милосердия и, таким образом хотели наложить молчание на богословствующие уста святого. То же сделали и с более ранним учеником его Анастасием, а затем снова заключили их в темницу. Но Господь Бог, сделавший некогда грудных младенцев способными к восхвалению Своего святого имени, а равно давший немому способность речи, и этим Своим истинным и верным рабам, преподобному Максиму исповеднику и мученику, а равно и ученику его преподобному Анастасию, подал возможность и без языка говорить еще лучше и яснее, чем раньше, до усечения языка. О, сколь тогда устыдились окаянные еретики, узнав об этом! Воспылав еще большею злобою, они отрезали его правую руку и бросили на землю. Точно так же они отрезали руку и ученику его, святому Анастасию. Другого же ученика его, также Анастасия, бывшего апокрисиария Римской Церкви, они пощадили, так как он по временам бывал секретарем у государей.

После этого преподобного Максима и ученика его вывели из претории, и влачили их по всему городу с поруганием, — показывали их отрезанные языки и руки всему народу и безобразными голосами производили клик и насмешки. После такого бесчеловечного издевательства и бесчестного поругания сослали всех троих, каждого порознь, в дальнее изгнание, без всякой заботы о них, без пищи и одежды, нагих и босых. Много бедствий и страданий испытали они в пути. Преподобный Максим, вследствие тяжких ран, не мог держаться ни на лошади, ни в повозке. Воины сплели корзину, наподобие постели, и, положив в нее тяжко страдавшего старца, с большим трудом могли нести его к месту заточения. Препроводив его в отдаленную скифскую страну, которая в Европе называется Аланией[1], они заключили его в

[1] *Алания* находилась в Азиатской Серматии, в западной части Кавказских гор, недалеко от Черного моря.

темнице, в городе Шемари. Преподобный же ученик его Анастасий, которому были отрезаны язык и рука, еще на пути почил своим многотрудным и многострадальным телом, а душа его перешла к Богу в жизнь бессмертную.

Преподобный Максим в своем последнем изгнании прожил, среди тяжких страданий, еще три года. Заключенный в темнице, он не пользовался ни от кого ни необходимыми в его старости услугами, ни человеколюбивым попечением. Когда же Господь восхотел положить конец его болезням и скорбям и вывести его из темницы на вечный простор и веселие небесного Царствия, то утешил его прежде одним Божественным явлением на земле, а затем возвестил ему час кончины. Блаженный страдалец исполнился великой радости, и хотя всегда был готов к кончине, однако начал усердно готовиться к ней. Когда же наступил радостный для него час смерти, он с веселием предал душу свою в руки Христа Бога, Которого возлюбил от своей юности и за Которого столько пострадал.

Так исповедник Христов и мученик исполнил свой жизненный путь[1] и вошел в радость Господа своего. Погребен он в том же городе. После погребения святого на могиле его были видны три чудесные лампады, светившие пламенем несказанного сияния и озарявшие то

---

[1] Труды святого Максима не погибли. VI Вселенский собор (680 года) достойно почтил исповедника и предал анафеме еретиков и их учение. — Лучшие из творений преподобного Максима — те, которые изображают жизнь духовную, и особенно следующие: 1) *О любви* к пресвитеру Элпидию 400 глав; 2) *Учение подвижническое*, в вопросах и ответах к тому же Элпидию; 3) *О добродетели и пороке* 500 глав; 4) Послание к епарху Георгию о гордости; 5) К кувикулярию Иоанну — о любви и о печали по Боге. Во всех догматических сочинениях преподобный Максим имеет в виду почти одних монофелитов и монофизитов, с которыми в жизни своей столь ревностно боролся. Против монофелитов написаны им: 1) *Два тома догматов* к Марину в Кипр; 2) *О двух волях во Христе, о действиях и волях во Христе*, к тому же Марину и множество других менее пространных статей. Против монофизитов написано: 1) о правильных догматах веры и против Севера; 2) о двух естествах во Христе. Ему также принадлежит 5 разговоров о Святой Троице и письмо к пресвитеру Марину «о происхождении Святого Духа». Преподобный Максим долго занимался и объяснением Священного Писания. Он оставил несколько опытов толкования Писания: 1) ответы на сомнительные места Писания; 2) краткие ответы о трудных предметах; 3) объяснение 59-го псалма; 4) толкование молитвы «Отче наш»; 5) объяснение книги Песнь песней. Кроме того, от преподобного Максима осталось обрядовое сочинение — изъяснение литургии, или *тайноводство*, и некоторые другие сочинения: о душе, о качестве и т. д. — Сочинения преподобного Максима богаты высокими догматическими и нравственными мыслями.

место. Святой, который при жизни своей был светом миру, и по кончине своей не переставал светить и ныне светит всем людям примером своей добродетельной и многострадальной жизни и великой ревности по Богу. Те три виденные на гробе святого лампады служили ясным знамением того, что святой угодник Божий вселился в светлых обителях Пресвятой Троицы, немерцающих в Царствии Божием, где он сияет с праведными, как солнце, и наслаждается созерцанием Троичного света. После кончины преподобного Максима остался в живых, в отдельном заточении, другой ученик его, апокрисиарий Анастасий, который впоследствии с особенною подробностью описал житие, подвиги и страдания отца и учителя своего. Из этого описания здесь взято в сокращении то, что достаточно для пользы нашей, для прославления Бога, во святых славимого, Отца, и Сына, и Святого Духа, Которому и от нас грешных да будет честь, слава и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА НЕОФИТА

В городе вифинском Никее[1] жил муж, по имени Феодул, имевший супругу Флоренцию. Оба они были богобоязненные христиане и благоговейно соблюдали заповеди Божии. У них родился сын, которого они назвали Неофитом. Просветив его святым крещением, они воспитывали его по-христиански. По мере того как отрок возрастал годами и разумом и, приближаясь к десятилетнему возрасту, начал учиться в школе, в него вселилась благодать Божия, *из уст младенцев хвалу* Христу совершающая (ср.: Пс. 8, 3; Мф. 21, 16), ибо Святой *Дух дышит, где хочет* (Ин. 3, 8): отрок стал чудотворцем. У него был такой обычай: когда дети были отпускаемы из училища по домам своим, блаженный отрок Неофит брал с собою домой беднейших детей, своих сверстников, и разделял между ними ту пищу, которую получал от родителей своих на обед, — а сам оставался голодным. Затем он шел к восточным воротам города, начертывал там своим перстом крест и,

[1] *Вифиния* — северо-западная область Малой Азии. *Никея* — ныне *Исник* — в древности богатый и цветущий город, теперь бедный и малонаселенный. В Никее происходили I и VII Вселенские соборы.

поклоняясь ему, молился Христу Богу, распятому за нас на кресте. Сотоварищи же его, насытившись от обеда его, приходили к нему в то время, как он молился у восточных ворот. Там был в стене камень. Ударяя в этот камень рукою, блаженный Неофит изводил для своих сотоварищей воду, как из источника, — и они пили. Это делал святой отрок во все дни, питая своих сверстников обедом и чудесно напаяя водою, изводимою из камня. При этом он запрещал им говорить кому-либо об этом и они не рассказывали. Таким образом, никто не знал в этом году о чудотворениях его, ни даже родители его, а только те беднейшие отроки.

На следующий год матери Неофита Флоренции, исполненной особенной любви к Богу, было открыто Богом в сонном видении, что сын ее изводит воду из камня, подобно Моисею, и напаяет жаждущих отроков. Она же, восстав от сна, молилась Богу, чтобы Он открыл ей в подробностях все о сыне ее Неофите. И вот прилетел с небесной высоты белый голубь, блистающий несказанным светом. Сев на постели Неофита, голубь обратился к нему с человеческой речью:

— Я послан, — сказал он, — от Спасителя сохранить твой одр непорочным.

Услышав это, мать его пала мертвою от ужаса. Тотчас стало известно по всему городу Никее, что Флоренция, жена Феодора, умерла внезапно. Немедленно собралось в дом умершей множество народа, — мужчины и женщины, соседи и знакомые, и все недоумевали, что случилось с нею, что она умерла неожиданно. Феодор, муж ее, находился в это время на поле. Его тотчас известили о внезапной смерти жены его. Разодрав на себе одежды от скорби, он поспешил домой, рыдая. Неофит, встретив его у ворот, сказал:

— Зачем ты скорбишь, отец? Не умерла мать моя, а крепко уснула.

Затем, войдя с отцом в дом, он взял за руку мать и сказал:

— Встань, мать моя; ты заснула крепко.

Она, встав как бы от сна, обняла своего сына и лобызала его с любовью. Видя это, все собравшиеся в дом прославили Бога. Флоренция же рассказала по порядку своему мужу все, что было с нею в сонном видении и наяву. Тогда же стало известно и то чудо, что Неофит изводил из камня воду. Все немало дивились этому, а многие из язычников, бывших там, слыша обо всем этом и дивясь благодати Божией,

обитавшей в чистом и непорочном отроке Неофите, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа.

Между тем голубь всегда являлся к одру святого и, сидя на одре, говорил человеческим голосом. Однажды он сказал святому:

— Выйди, Неофит, из дома отца твоего и иди вслед за мною.

Святой отрок встал, простился с родителями своими и пошел за голубем. Голубь, доведя его до горы Олимп[1], к одной расселине в камне, влетел в находившуюся там пещеру. Неофит, войдя вслед за ним, нашел там огромного льва и сказал ему:

— Выйди отсюда и поищи себе другую пещеру, потому что жить здесь мне повелел Господь.

Услышав это, лев облизал языком прах от ног его и ушел. Святой остался жить в львиной пещере и был питаем Ангелом. По истечении одного года святой, по повелению Божию, пошел опять в город Никею к родителям своим, близким уже к кончине, и, дав им последнее целование, предпослал их к Богу, а сам, раздав нищим оставшееся после них имущество, снова возвратился на гору Олимп, в свое прежнее местопребывание. Там он оставался все время до исполнения пятнадцатилетнего возраста, подобно Ангелу, прославляя Бога и получая пищу от руки Ангела.

В это время царствовали на Востоке и на Западе мучители Диоклетиан и Максимиан[2], а в области Вифинской был правителем Декий и помощник его Уар. Церковь Христова была гонима по всей вселенной нечестивыми идолопоклонниками. Тогда же пришел Декий в Никею, а глашатай его объявил, чтобы все граждане города и окрестные жители собрались принести жертвы богам. Был назначен и день для этого гнусного празднества. В это же время находились в Вифинской области и цари; они также прибыли в Никею. Когда наступил этот бесовский праздник и всенародно приносились жертвы идолам, тогда Ангелы Божии, взяв святого Неофита с горы Олимп, поставили его среди никейской площади, с просветленным лицом, подобно Моисею. Святой громогласно воскликнул:

— Я открылся не искавшим меня и являюсь не спрашивающим обо мне, чтобы обличить заблуждения и обманы нечестивой веры.

---

[1] *Олимп* — гора в Малой Азии, на границе между Фригией и Вифинией.

[2] *Диоклетиан* — римский император, царствовал в восточной половине империи, Максимиан — в западной половине с 284 по 305 год.

Совершавший празднество народ, а с ним и правитель Декий, увидев внезапно явившегося среди них светлого юношу, громко говорившего, удивились и спрашивали, кто он и откуда. И тотчас же граждане узнали, что это Неофит, сын Феодора и Флоренции. Тогда правитель Декий повелел, чтобы и он принес, вместе с ними, жертву их богам. Святой отверз свои дерзновенные уста и начал говорить:

— Беззаконник и кровопийца, что ты делаешь, приводя к погибели столько человеческих душ? Разве ты не знаешь, что за всех тех, которых ты приводишь к бесовской жертве, ты понесешь страшную ответственность и будешь вечно мучиться в геенне огненной?

Правитель Декий страшно рассердился по поводу этого обличения и повелел обнажить святого юношу и, зацепив за руку, повесить на дереве и бить немилосердно воловьими жилами, а затем положить его в уксус, смешанный с солью. Святой мужественно переносил страдания и взывал громким голосом к стоявшему вокруг народу:

— Мужи, одержимые безбожием и страждущие слепотою, покайтесь и избавьтесь от этой тьмы; придите к истинному свету, Христу Богу, и просветитесь святым крещением, чтобы удостоиться вечной жизни!

Правитель, слыша такие слова святого юноши, исполнился еще большей ярости и повелел снова повесить его на дереве и строгать ножом его ребра. Мучимый так, святой Неофит не говорил ничего иного, кроме слов:

— Сыне Божий, помилуй меня!

Тогда предстал пред ним один из приближенных праведных отцов и сказал:

— Что ты беснуешься, Неофит, противясь царскому повелению? Обещай принести богам жертвы, — и тотчас будешь освобожден от этой жестокой казни.

Святой же ответил ему:

— Я приношу Богу небесному жертву хваления, а бездушным идолам и живущим в них бесам никогда не поклонюсь.

Тогда правитель повелел своим слугам еще более жестоко строгать святого по всему телу попеременно. Слуги, сменяясь, строгали его беспощадно, так что кости его обнажились. Святой же, укрепляемый Богом, во время этих мучений пел: *если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной* (Пс. 22, 4), Господи.

Правитель, видя, что ничего не успевает, повелел перестать мучить святого и снять с дерева, причем, утешая его, говорил:

— Видя твою юность и щадя твое здоровье, я не налагаю на тебя еще больших мучений, но советую тебе поклониться нашим богам. Тогда будут присланы к тебе царями искуснейшие врачи, которые скоро исцелят тебя от этих ран.

Мученик ответил ему:

— Я имею иного Врача, Владыку моего, Господа Иисуса Христа, за Которого страдаю; на Него я и надеюсь.

Тогда правитель повелел заключить его, связанного, в темницу. Наутро пошел правитель в царские палаты и рассказал царям о Неофите.

— Я вчера, — говорил он, — мучил, связав, одного христианского юношу, так как он не хочет поклониться богам. Однако он пренебрегает муками и непрестанно призывает Христа своего.

Цари повелели сжечь живыми как этого юношу, так и всех, исповедующих Христа. Правитель Декий и старейшина Уар вышли из царской палаты и пришли к месту, называемому «школой Геркулеса»[1]. Здесь были поставлены царские изображения, и Декий повелел привести из темницы юношу Неофита. Когда святой был приведен, правитель обратился к нему со следующими словами:

— Неофит, подойди и принеси жертву богу Геркулесу; тогда ты будешь угоден богам, а царям и нам приятен.

Святой ответил ему:

— Я молюсь Богу моему, Иисусу Христу, чтобы оказаться приятным и угодным Ему.

Тогда по повелению мучителя была сильно раскалена печь для сожжения святого Неофита. Он был ввергнут в печь, и отверстие ее было

---

[1] *Геракл*, или *Геркулес*, — герой древнегреческих преданий, обладавший, по верованиям древних греков, сверхъестественною силою, олицетворявший собою физическую силу человека и впоследствии почитаемый ими как один из наиболее излюбленных богов. Как воплощение физической силы, Геркулес почитался главою и покровителем всех *гимназий* (древнегреческие общественные школы, в которых особенное внимание обращалось на гимнастические упражнения) и палестр (школы для физических упражнений, содержавшиеся частными лицами, где мальчики получали физическое развитие). Школы эти обыкновенно посвящались Геркулесу и украшались его статуями. Часто эти упражнения и гимнастические и атлетические состязания производились на открытом воздухе, на особо предназначаемых для этого местах, посвящаемых Геркулесу.

закрыто на три дня и три ночи, чтобы не осталось и костей мученика. Но святой мученик Неофит, посреди огня охлаждаемый Божественною росою, веселился как на месте спокойном, воспевая: *Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях* (Пс. 22, 1–2). Он оставался совершенно невредимым, подобно трем Вавилонским отрокам, ввергнутым в печь (Дан. 3).

По прошествии трех дней пришли слуги мучителя открыть печь и высыпать пепел; они думали, что печь угасла и тело мученика сгорело. Но лишь только они открыли отверстие, тотчас неожиданно из печи изверглось огромное пламя и попалило множество нечестивых, пришедших туда, так что едва ли кто остался невредимым. Святой же громким голосом воскликнул:

— Благословен Ты, Господи Боже мой, сохраняющий меня здравым и невредимым среди мучений, избавляющий меня от лукавства мучителей, претворяющий для меня огонь в росу и попаливший пламенем достойных вечного и неугасающего пламени! Молюсь Тебе, Владыка, не посрами меня, раба Твоего, до конца, пока я совершу свой подвиг при Твоей помощи.

После этого святой вышел из печи здравым, не получив никакого вреда от огня. Нечестивые слуги, оставшиеся от сожжения пламенем, взяли его и повели к правителю. Все язычники удивлялись такому чуду и приписывали его, по нечестию своему, волхвованию, сами будучи исполнены бесовского чародейства: злоба ослепила их, и они не могли уразуметь силы Христовой.

Затем святой был осужден на съедение зверями. Было приготовлено возвышение; обнаженного святого привязали к укрепленному на нем столбу и выпустили на него медведя. Зверь с ревом пошел к святому, но, приблизившись, остановился, посмотрел на него и затем возвратился на свое место. Правитель и все собравшиеся на это зрелище удивлялись этому. Затем выпустили самую свирепую медведицу, которая только дважды в год была выпускаема на ристалище, так как была очень зла и убивала многих. Она, подбежав, поверглась у ног святого, почитая в нем угодника Божиего, а затем отошла на свое место. Когда это происходило, пастухи привели к правителю огромного и весьма свирепого льва, которого, по их словам, они поймали в пустыне пять дней тому назад и вовсе не давали пищи. Обрадованный правитель повелел ввести этого льва внутрь ристалища, где святой мученик ногой был привязан к столбу. Все ужаса-

лись, глядя на этого льва, так как он был очень велик и свиреп. Лев, подойдя к святому, посмотрел на него, остановился и, склонив голову, испускал из очей своих слезы, точно реки из источников, а затем стал лизать ноги святого. Это был тот лев, которого святой Неофит нашел на горе Олимп, в каменной пещере, и отослал в другое место, сам поселившись в его пещере. Узнав его, святой повелел ему возвратиться в первое свое жилище, на горе Олимпе, которое он уступил святому; при этом святой запретил ему когда-либо вредить людям. Лев, поклонившись мученику, пошел от него со страшным ревом, разломал двери ристалища и быстро прошел среди народа. Все бросились бежать, опасаясь свирепости зверя, но он никого не тронул и побежал в пустыню, по повелению святого, на прежнее свое место. Мучитель, исполненный страха и ужаса, и, не зная, что еще делать, повелел убить мученика. Там стоял один звероподобный и свирепого нрава иноплеменник, имевший в руках копье. Он бросился на святого и, ударив его копьем в грудь, проколол насквозь. Так святой мученик Неофит, закланный как агнец, предал свою душу в руки Господа своего 21 января[1], прожив от рождения своего пятнадцать лет и четыре месяца. Ныне же он, наследуя бесконечную жизнь, славит Источника жизни Христа Бога, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
АГНИИ ДЕВЫ

Святая мученица Агния родилась в Древнем Риме и была воспитана родителями в христианской вере. На тринадцатом году жизни она временною смертью избавилась от смерти вечной и обрела нескончаемую жизнь, так как возлюбила единого Подателя жизни и привязалась к Нему от юности. Она была юна годами, но стара совершенным разумом, — юна телом, но сединою души ее была мудрость (Прем. 4, 9), прекрасна лицом, но еще прекраснее глубиною веры. Воспламененная любовью к сладчайшему Иисусу, родившемуся от Пре-

---
[1] Святой Неофит пострадал и мученически скончался в гонение Диоклетиана, бывшее в 303–305 годах.

чистой Девы, она обручилась с Ним своим девством и, кроме Него, никого другого не хотела иметь своим женихом. Благородная по происхождению и прекрасная лицом, она своею красотою настолько привязала к себе очи и сердце одного юноши, сына областеначальника Симфрония, что, когда он увидел ее возвращавшуюся из женской школы, тотчас воспламенился любовью к ней, а затем, расспросив о ней и узнав дом ее родителей, начал посылать к ней обильные дары, обещая еще больше и прося, чтобы она согласилась стать его невестою и сочеталась с ним браком. Святая Агния отвергла все эти дары, как бы сор, нисколько их не ценя; о себе же она говорила, что она обручена лучшему Жениху и имеет от него лучшие и более ценные дары: будучи невестою Его, она не может оставить Его и изменить своей преданности и любви к Нему. Но этот юноша со дня на день воспламенялся все большею любовью к ней и признавал себя почетнейшим и более достойным, сравнительно со всеми другими благородными юношами. Полагая же, что девица желает от него лучших даров, он приготовил в большем количестве и более ценные камни и жемчуг, драгоценные сосуды и одежды, и сам принес их к ней, умоляя то лично, то чрез знакомых, друзей и соседей, чтобы она никого не предпочитала ему. Он указывал на свое знатное происхождение, на богатства, дома, наследственные земли, которыми она убудет владеть, если согласится обручиться с ним. Тогда святая начала говорить более ясно:

— Отойди от меня, разжигатель греховного пламени, страстный любитель скверны, снедь, уготованная вечной смерти! Отступи от меня, так как тебя предупредил уже другой Жених, Который подарил мне гораздо большие украшения и обручил меня перстнем веры Своей. С Ним ты не можешь сравниться ни по происхождению, ни по званию. Он возложил на меня иные отличия духовной красоты. Он об-

ложил мою десницу и шею многоценными камнями, дал в уши мне серьги из бесценных изумрудов, опоясал меня светло-блестящим жемчугом, положил знамение на лице моем, чтобы я не предпочитала Ему никакого другого жениха, одел меня златотканою одеждою и украсил меня бесчисленными ожерельями; кроме того, Он показал мне бесценное сокровище, которое обещал дать мне, если я сохраню веру в Него. Потому-то я не могу ни смотреть на кого-либо другого, чтобы не обесчестить первого Жениха своего, ни оставить Того, с Кем я крепко связана союзом любви. Его знатность — высочайшая, могущество — самое крепкое, красота — великолепнейшая, любовь — сладчайшая, превосходящая всякую благодать; Им уже уготован и чертог для меня. Голос Его приятен мне; уста Его уже источили для меня мед и молоко; Его чистыми объятиями я уже искренно привязалась к Нему; плоть Его уже объединилась с моею плотью и кровь Его украсила мое лицо. Матерь Его — Дева, а Отец Его жены не знал. Ему служат Ангелы; солнце и луна удивляются Его красоте; по Его повелению мертвые воскресают; от прикосновения к Нему больные исцеляются; богатства Его никогда не умаляются и сокровищницы не пустеют. В Него Одного я храню веру и Ему всецело вверяю себя. Имея Его своим мужем, я станусь девою; любя Его, буду непорочна; прикасаясь к Нему, останусь чистою; от этого брака не бывает детей; чадородие в нем безболезненно, а плоды сожития с каждым днем умножаются.

После этих слов безумный юноша еще более воспламенился к ней горячею любовью и, страдая сердцем от любовной раны, впал в тяжкий недуг от скорби и печали. Когда он слег на одре болезни и тяжко вздыхал из глубины сердца, врачам стала ясною сердечная рана его. Отец его, услышав обо всем этом и узнав из расспросов о причине болезни, послал немедленно к девице и к родителям ее, желая обручить ее в невесту своему сыну. Она же, как и в первый раз, отказалась, говоря:

— Я никогда не изменю моему первому Жениху.

Разгневанный начальник области старался обстоятельно расследовать, кто может сравниться с его сыном и унизить знатность его рода? Тогда один из присутствовавших разъяснил, что Агния — с детства христианка и христианским волшебством так обольщена, что считает Христа, Которого христиане признают Богом, своим Женихом. Узнав об этом, начальник области обрадовался, так как он мог, будучи судьей,

признать ее достойной казни за оскорбление богов своих; притом он надеялся собственной властью принудить ее к брачному союзу с сыном. Немедленно он послал своих слуг привести ее, и начал свой нечестивый суд над нею. Сначала он пытался ласками, а затем угрозами отвратить ее от Христа и обещанного Христу девства. Однако дева Христова не прельстилась ласками и не убоялась угроз, но, будучи мужественна духом, одинаково насмехалась и над ласками, и над угрозами. Областеначальник Симфроний, видя такое мужество девицы, обратился к ее родителям и много беседовал с ними об обручении, а так как они были благородного происхождения, то, не смея допустить насилие над ними, советовал лишь всячески убеждать дочь свою к браку. Но они отказывались, говоря:

— Правитель, мы не в состоянии будем убедить ее, ибо насколько мы с детства знаем ее волю, она никогда этого не сделает и никогда не откажется от своего намерения.

Тогда правитель снова повелел представить к нему девицу на суд, наговорив ей много о плотской любви и о супружестве; когда все ласковые и льстивые речи оказались бессильными, он сказал, наконец:

— Выбирай себе одно из двух: или сочетайся браком с моим сыном, или, если желаешь сохранить девство, посвяти себя на всегдашнее служение богине Весте[1], ибо она таких девиц требует.

На эти слова блаженная Агния ответила:

— Если я презрела твоего сына, хотя и развращенного бешеною страстью, однако — живого человека, притом имеющего разум, способного слышать, видеть, ходить и пользоваться благами мира сего, — если я не могу даже смотреть на него, ввиду обета Христу моему, то тем более я не могу почитать истукана глухого и немого, бездушного и неразумного. Чтобы не причинить оскорбления всемогущему Богу, я не преклоню головы своей пред бесчувственным камнем, ибо я несомненно знаю, что нет иного Бога, кроме Того, Который создал небо и землю чрез Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, нас ради воплотившегося, пострадавшего и погребенного, в третий день воскресшего и ныне царствующего на небе бесконечным царством.

---

[1] *Веста* (у греков — *Гестия*) почиталась древними римлянами богиней домашнего очага, домашнего согласия, мира и счастья; сама она, по их верованиям, была девственницей. В честь ее было устроено особое святилище с ее статуей и очагом, в котором поддерживался неугасимо горящий огонь, о котором заботились ее служительницы, так называемые весталки, выбиравшиеся из чистых дев, дававших обет вечного девства, и пользовавшиеся среди римлян большим уважением и почетом.

Ему Единому я поклоняюсь и служу, как истинному и живому Богу, а твою лживую богиню и всех ваших гнусных богов проклинаю.

Выслушав это, правитель Симфроний сказал:

— Щадя твою юность, прощаю тебе хуления, которые ты изрекла на богов наших, ибо вижу, что ты имеешь несовершенный разум; пощади же и ты себя и не прогневляй богов.

Святая Агния ответила:

— Зачем ты мою юность, точно неразумную, презираешь, и почему ты думаешь, что я ищу у тебя какой-либо милости? Знай же, что достоинство веры зависит не от годов жизни и не от телесного возраста, а от разума, и всемогущий Бог превозносит человека более умом, нежели годами, и более благодетельствует чрез разум, чем чрез долголетие. А богов своих, от гнева которых ты меня предостерегаешь, оставь; пусть они сами гневаются на меня, пусть сами говорят, пусть сами повелевают мне почитать их и поклоняться им.

Правитель области сказал на это:

— Одно что-либо выбирай себе: или с другими девицами, для спасения чести дома своего, принеси жертву богине Весте, или, на вечный позор своему роду, ты пойдешь в непотребный дом к бесстыдным женщинам.

Святая Агния мужественно ответила ему:

— Если бы ты знал, Кто Бог мой, ты не говорил бы этого. Я же, зная силу Господа моего Иисуса Христа, не придаю никакого значения твоим угрозам, ибо вполне уверена, что и богам твоим не поклонюсь, и девство мое сохранится чистым и неповрежденным. Я имею хранителя тела моего, Ангела Божиего. Господь же мой, Иисус Христос, единородный Сын Божий, Которого ты не знаешь. Он для меня крепость несокрушимая, страж неутомимый, защитник постоянный, — не так, как ваши боги, которые суть или куски меди, годные для изготовления котлов, полезных в домашнем обиходе, или камни, которыми мостят улицы. Божество же не в камне обитает, а имеет престолом небо, и не в меди обитает или какой-либо более ценной вещи, а в вышнем царствии, будучи прославляемо и почитаемо всяким созданием. Ты же и подобные тебе, если не обратитесь от идолослужения к истинному Богу, то вместе с богами твоими, которые отливаются ваятелями в огне и в огне растаивают, будете мучиться в вечном огне.

Начальник области сильно разгневался, повелел обнажить святую и вести ее нагую в непотребный дом, а глашатай должен был восклицать:

— Агния, нечестивая дева, похулившая богов, ведется в непотребный дом, как блудница.

Но в то время как святая девица была обнажена для поругания, Бог не оставил ее в ее уповании и не допустил посмеяния и посрамления невесты Своей. По Божию изволению, у нее выросли немедленно столь длинные волосы на голове, что покрыли все тело ее, как какая-либо плотная одежда, и никто не мог видеть наготы ее. Когда она вошла в дом блудниц, то увидела Ангела Божиего, готового охранять ее девическую чистоту, который покрыл ее таким несказанным блистающим сиянием, что, по причине сильного блеска, не могли взирать на нее глаза бесстыдных и нечестивых юношей. Вся комната та заблистала светом подобно солнцу, сияющему во всей своей красе, и когда кто-либо пытался посмотреть на нее любопытным оком, тотчас сильно помрачались глаза его от незримой, по причине того света, святой. Когда же девица начала молиться, то увидела пред собою белую одежду, сотканную не человеческими, но ангельскими руками. Одевшись в нее и увидев себя одетою сообразно своему возрасту, святая произнесла:

— Благодарю Тебя, Господи мой, Иисусе Христе, что Ты, включая меня в число рабынь Твоих, даровал мне эту одежду!

Тогда дом греховный стал домом молитвы, место бесовских потех стало селением славы Божией, нечистый дом блудниц стал великолепным чертогом, где невеста Христова с явившимся ей Ангелом прославляла и воспевала Бога. Приходили сюда многие, развращенные умом и воспламененные страстью, но убоявшись славы, окружавшей девицу, и видя Божественную силу, защищавшую ее девство, становились целомудренными и, поклонившись, уходили. Пришел со своими сверстниками и сам тот юноша, виновник зла, исполненный нечистой страсти. Он хотел совершить над святою девицею насилие и, видя других, прежде него входивших и уходивших без всякого успеха, смеялся над ними, называя их ничтожными и слабыми. Вошел он с дерзким намерением в комнату, в которой молилась святая, и, видя небесное сияние, не воздал чести славе Господней и бесстыдно устремился к невесте Христовой. Но прежде чем он коснулся ее рукою, им мгновенно овладел бес, с силою поверг его на землю и, удавив его, сделал бездыханным. Пришедшие с ним юноши, видя, что он долго замедлил в комнате, думали, что он творит греховное дело. Тогда один

из ближайших приятелей его, желая похвалить его и поздравить по поводу исполнения и достижения желания его, вошел в комнату и, найдя его бездыханным, начал громко кричать:

— Мужи римские, помогите! Эта волшебница своим чародейством убила сына правителя.

Тотчас сбежалось множество народа. Видя случившееся, одни называли ее чародейкою, а другие признавали неповинною в смерти юноши. Узнав об этом, отец умершего поспешно явился в толпе и, увидев сына своего лежащего бездыханным, с рыданием обратился к святой:

— О бесчеловечная и жесточайшая из всех женщин! Зачем ты уморила сына моего? Разве ты не могла на ком-либо другом показать силу своего чародейского искусства? Горе мне! Что ты сделала? Расскажи, как ты убила его?

Святая кротко ответила ему:

— Тот, волю которого он хотел исполнить, исконный враг рода человеческого, имеющий власть над блудниками и не боящимися Бога, и особенно над развратителями девства, тот убил его. Ибо все, сколько их ни входило сюда раньше его, остались живыми и здоровыми, так как они воздали честь Богу, пославшему Ангела Своего одеть меня этою одеждою милосердия и сохранить неповрежденным мое девство, от колыбели завещанное Христу. Видя блеск ангельского сияния, они все поклонялись и выходили без вреда, а сын твой, будучи бесстыдным и не боящимся Бога, лишь только вошел, начал свирепствовать и неистовствовать, и когда он бесстыдно простер свою руку, чтобы прикоснуться ко мне, Ангел Божий тотчас предал его сатане на эту горькую и постыдную кончину, которую ты видишь. Таким образом, не моим чародейством, как ты полагаешь, но властью и повелением Ангела Божиего он умерщвлен.

На это правитель сказал:

— Тогда лишь станет ясно, что ты не волшебством сделала это, когда ты умолишь своего Ангела, чтобы он воскресил моего сына.

Святая ответила:

— Хотя вы и недостойны за свое неверие такого чуда, но так как настало время, чтобы обнаружилось и было прославлено могущество Господа моего Иисуса Христа, то выйдите отсюда все, и я сотворю обычные молитвы к Богу моему.

И в то время как она молилась, лежа на земле ниц, явившийся ей Ангел Божий поднял ее плачущую и воскресил умершего юношу. Последний, выйдя из дома, начал восклицать громким голосом:

— Един есть Бог на небе и на земле, и на море, Бог христианский; иные же боги суть ничто, а только обман и заблуждение, приносящие верующим в них вечную гибель!

Видя и слыша это, многие из народа уверовали в тот день, числом сто шестьдесят человек, и крестились. Спустя некоторое время язычники отсекли головы им и воскрешенному юноше.

По поводу такого чуда сильно смутились языческие жрецы и чародеи. Распространив молву о чуде и вызвав сильное волнение в народе, они громко кричали, обращаясь к судье:

— Истреби из нашей среды эту волшебницу, убей чародейку, которая не только убивает тела, но и производит переворот в душах и сердцах!

Симфроний, видя это чудо, пришел в недоумение: он хотел отпустить святую, но, опасаясь возмущения против себя жрецов и даже изгнания из отечества, оставил для усмирения народного волнения своего наместника, по имени Аспазия, а сам ушел, скорбя, что не мог освободить, по воскрешении сына, святую девицу. Аспазий, приняв власть, повелел разжечь среди города костер и бросить в него святую Агнию на сожжение. Когда святая была брошена в огонь, тотчас пламя разделилось на две части и дало ей место посреди себя пространное и прохладное; наоборот, оно устремлялось на стоящих вокруг и опаляло их. Народ же, видя девицу неопаляемою, приписывал это не всемогуществу Божию, а силе чародейства и, рассуждая об этом, волновался и хульными голосами взывал до облаков. Между тем святая мученица, стоя среди огня и воздев руки вверх, молилась:

— Слава Тебе, всемогущий, всеми исповедуемый и прославляемый Отец Господа нашего Иисуса Христа, чрез которого Ты избавил меня от руки нечестивых людей, сохранил от скверны мою душу и тело мое соблюл чистым! Вот и теперь небесною росою от Духа Святого прохлаждается для меня огонь, пламя разделяется, и вся сила огня устремляется на слуг, старающихся сжечь меня. Благодарю Тебя, достойно славимый Боже, за то, что и среди пламени Ты даешь мне безбоязненный путь к Тебе. Я уже вижу исполнившимся то, во что я веровала; на что я надеялась, то имею, и желаемое получила. Исповедую Тебя устами и сердцем; к Тебе я устремилась всеми чувствами, и

вот иду к Тебе, живому и истинному Богу, с Господом нашим Иисусом Христом и Святым Духом, живущему и царствующему во все веки, аминь.

Когда эта молитва была произнесена святою и весь огонь костра угас до конца, Аспазий, опасаясь продолжения народной смуты, повелел воткнуть меч в гортань святой. Таким образом, Христова мученица Агния, обагрившись собственною кровью, пошла на брак Бессмертного Жениха[1]. Родители святой Агнии взяли с радостью честное тело своей дочери и положили на поле своем, недалеко от города, при дороге, называемой Нументана. Здесь многие верные собирались на молитву, особенно ночью, по причине боязни язычников, которые, подстерегая и там и на пути, причиняли верующим много притеснений. Однажды, напав нечаянно, они многих ранили брошенными камнями и всех разогнали; осталась лишь одна девица, сверстница святой Агнии, по имени Эмерентиана. Она, исполнившись дерзновения, поносила разбойников, говоря:

— За что вы, жестокосердые, побиваете камнями неповинных людей? Какую вину вы нашли в тех, которые прославляют Единого Бога и своими молитвами испрашивают для вас многие блага?

Язычники, рассвирепев, побили ее камнями. Таким образом, она, молясь у гроба святой Агнии, предала дух свой Господу. И тотчас начались — сильное землетрясение, молнии и страшные громы; бóльшая часть убийц пали мертвыми, пораженные свыше. С этого времени язычники более не осмеливались притеснять верующих, идущих к гробу Христовой мученицы. Родители же святой Агнии, придя ночью с пресвитерами, омыли окровавленное честное тело святой Эмерентианы и похоронили вблизи святой Агнии, а сами постоянно находились у гроба возлюбленной дочери своей, бодрствуя и плача по ночам. В одну из ночей они увидели лик девиц, идущих мимо них, — украшенных светлыми златоткаными одеждами и сияющих небесною славою, а среди них они увидели и дочь свою, святую Агнию, подобно им сияющую и имеющую по правую сторону себя Агнца — белее снега. Она, обратившись к подругам своим, чтобы они остановились и обождали немного, сказала родителям:

— Не плачьте обо мне, как об умершей, но лучше радуйтесь и торжествуйте вместе со мною, так как я вместе с этими девами вселилась

---

[1] Святая мученица Агния пострадала в 304 году.

в светлые обители и ныне я соединилась на небе с Тем, Кого я всем сердцем возлюбила на земле.

Сказав это, она стала невидима.

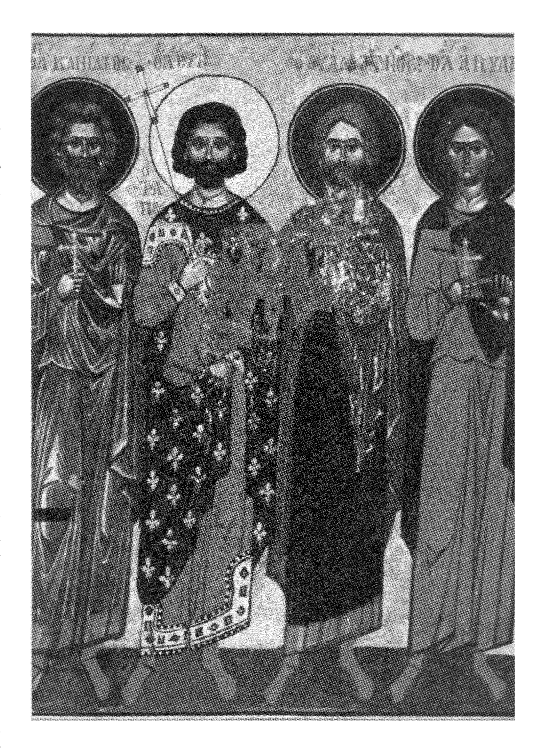
Спустя много лет вступил на царство Константин Великий. Дочь его Констанция тяжко заболела. Все тело ее было обложено гнойными струпьями, и не было здорового места на ее теле с головы до ног. Врачи ничем не могли помочь ей. Последовав доброму совету, она пошла ночью к гробу святой мученицы Агнии и там, помолившись с твердою верою и со слезами, она уснула и увидела в сонном видении святую Агнию, которая сказала ей:

— Дерзай, Констанция, и веруй в Господа Иисуса Христа, Сына Божиего, верою в Которого ты ныне исцеляешься от ран твоих.

Проснувшись, Констанция почувствовала себя настолько здоровою, как будто она никогда не болела. Возвратившись домой, она рассказала отцу своему и братьям, как исцелила ее святая Агния. Великая радость была в царском доме; радовался и весь город, прославляя Бога за это великое чудо. Многие стали приходить к гробу святой мученицы и получали различные исцеления. После этого царевна Констанция упросила отца своего построить церковь во имя святой мученицы Агнии на месте погребения ее. Там устроив себе жилище, она оставалась девою со многими другими благородными и знатными девицами до своей кончины. Так основался девичий монастырь при церкви девицы и невесты Христовой, святой Агнии, в честь и похвалу ее, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ВАЛЕРИАНА, КАНДИДА, ЕВГЕНИЯ и АКИЛЫ

Сии святые прославленные мученики пострадали в царствование Диоклетиана и Максимиана от правителя Лисия. Прежде всего, Валериан, Кандид и Акила были схвачены в горах Трапезунтских, так как с наступлением тяжкого гонения они оставили дома свои, и все имущество, и весь суетный мир и скитались в горах, предпочитая лучше жить со зверями, чем с богопротивными идолопоклонниками.

Схваченных троих мучеников нечестивые, прежде всего, послали в страну Лассийскую, в один городок, по имени Пина, в тяжкое заточение в тамошней темнице, а затем, спустя некоторое время, привели их в Трапезунт[1] и представили правителю Лисию. Когда святые, допрашиваемые о Христовой вере и побуждаемые к принесению идольских жертв, оказали неповиновение, тогда их прежде били нагих жилами, а затем повесили и строгали железными когтями, опаляя при этом горящими свечами. Святых страдальцев укрепляла Божественная сила, невидимо пребывавшая в них среди мучений. Она внезапно так устрашила мучителей, что они пали ниц, как мертвые. Видя это, Лисий ужаснулся и повелел отвести мучеников в темницу. Спустя несколько дней был схвачен и святой Евгений и подвергнут был жестокому биению за исповедание имени Иисуса Христа. Когда затем правитель пошел в идольский храм, то за ним был веден и мученик Евгений. Войдя в храм, святой помолился Богу, и тотчас идолы пали и рассыпались в прах. Тогда по повелению мучителя слуги его оцепили веревками руки и ноги святого и, растянув его на земле, били в продолжение долгого времени толстыми палками. Затем повесили его нагого, строгали тело его железными когтями, опаляли свечами и раны его поливали крепким уксусом, смешанным с солью. После этого всех четырех святых мучеников вместе ввергли в огненную печь, а когда они вышли оттуда без всякого вреда для себя, они были усечены мечом[2]. Таким образом окончились страдания этих святых.

---

[1] *Трапезунт* — город в восточной части Понта, северной области Малой Азии, на морском берегу.

[2] В начале IV века.

День двадцать второй

ЖИТИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ТИМОФЕЯ

Святой апостол Тимофей происходил из Ликаонской области[1], а воспитание и образование получил в знаменитом городе Листры[2], который не столько прославился изобилием плодов земных, сколько этой богонасажденной плодоносной ветвью. Этот молодой побег произрос, однако, от не совсем здравого корня: ибо, как благоухающая роза вырастает из терния, так и святой Тимофей произошел от неверующего эллина, который был известен своим языческим нечестием и настолько погряз в пороках, насколько впоследствии сын его превосходил всех людей добродетелями и высокой нравственностью. Матерь же и бабка святого Тимофея были родом евреянки, обе святые и праведные, украшенные добрыми делами, как об этом свидетельствует святой апостол Павел в словах: *желаю видеть тебя, воспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости, приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе* (2 Тим. 1, 4–5).

Еще будучи отроком, блаженный Тимофей, питаемый своей матерью не столько телесной пищей, сколько словом Господним, всячески уклонялся от языческого и иудейского заблуждения и затем обратился к святому апостолу Павлу, этой богогласной церковной трубе.

---

[1] *Ликаония* — юго-восточная область Малой Азии. Христианство было насаждено здесь святым апостолом Павлом.

[2] *Листры* — город в Ликаонии, на границе ее с Исаврией. Ныне на месте Листр — селение Латик, или Ладик.

Это произошло таким образом. Святой апостол Павел вместе с учеником и апостолом Христовым Варнавой[1] пришел в Листры, как об этом повествует Божественный Лука в Деяниях апостольских: *они удалились, — говорит он, — в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их* (Деян. 14, 6). По прибытии своем туда святой апостол Павел совершил великое чудо: хромого от чрева матери исцелил единым словом. Видя это, жители города сильно удивились, говоря: «Боги в образе человеческом сошли к нам». Когда же они узнали, что это не боги, а люди, и называются апостолами и проповедниками живого Бога, притом суть противники ложных богов, и для того именно и посланы, чтобы обращать людей от бесовского заблуждения к истинному Богу, могущему не только хромых исцелять, но и мертвых воскрешать, тогда многие от заблуждения своего обратились к благочестию (Деян. 14, 8–18). В числе таких была и матерь этого блаженного апостола Тимофея, оставшаяся вдовою по смерти своего мужа. Она с радостью приняла святого апостола Павла в дом свой, заботилась о его содержании и удобствах жизни и, наконец, отдала ему в обучение сына своего, святого Тимофея, как дар за совершенное в их городе чудо и за воспринятый от него свет истинной веры. Святой Тимофей был еще очень молод годами, но весьма способен и подготовлен к восприятию семени слова Божия. Святой Павел, приняв юношу, не только нашел в нем кротость и расположение к добру, но и прозрел в нем благодать Божию, вследствие чего возлюбил его даже более, чем его родители по плоти[2]. Но так как святой Тимофей был еще очень юн и не мог переносить тягостей путешествия, то святой апостол Павел оставил его в доме матери, приставив к нему искусных учителей, которые научили бы его Божественному Писанию, как об этом он сам вспоминает в послании к Тимофею: *ты из детства знаешь Священные Писания* (2 Тим. 3, 15). Сам же апостол Павел, по наущению иудеев побитый народом камнями, был вытащен за город, после чего пошел в другие города.

Спустя несколько лет, когда святой апостол Павел, выйдя из Антиохии, захотел посетить братию во всех городах, в которых раньше про-

---

[1] *Святой апостол Варнава* — из лика семидесяти апостолов, спутник апостола Павла в его апостольских путешествиях. Память его празднуется Церковью 11 июня.

[2] Это видно и из того, что апостол Павел везде называет его своим сыном (1 Кор. 4, 17; 1 Тим. 1, 2, 18; 2 Тим. 1, 2; 2, 1). Из этого также ясно видно, что обращением своим к христианству апостол Тимофей обязан апостолу Павлу.

поведовал слово Божие, то, взяв с собою Силу[1], пришел в Листры[2], где жил святой Тимофей. Видя, что он достиг совершенного возраста и преуспевает во всякой добродетели, притом пользуется высоким уважением у всех тамошних христиан, апостол Павел принял его к себе на апостольское служение и сделал его своим постоянным спутником во всех трудах и сослужителем о Господе. Когда же он хотел выйти из города, то ради некоторых иудеев, во множестве проживавших там и в окрестных местах, обрезал Тимофея по закону Моисееву (Деян. 16, 3), — не потому, чтобы это было необходимо для спасения, ибо новая благодать подается вместо обрезания во святом крещении, но для того, чтобы не соблазнялись о нем иудеи, так как все они знали о его происхождении от язычника. Выйдя из Листр, святой апостол Павел проходил города и селения, уча и благовествуя Царствие Божие и всех просвещая светом благочестия. За ним, как звезда за солнцем, воссиявшим от третьего неба, следовал Божественный Тимофей[3], восприн-

---

[1] *Святой апостол Сила* — из лика семидесяти апостолов, ученик и ближайший сотрудник святого апостола Павла. Память его Церковь празднует 4 января.

[2] Это было во второе апостольское путешествие святого апостола Павла.

[3] От Листр святой Тимофей сопровождал апостола Павла во всех следующих его путешествиях и ревностно исполнял все его поручения. Он сопровождал его во втором его путешествии от Листр до Троады, и отсюда по городам македонским до Греции — Афин и Коринфа. В третьем путешествии апостола Павла Тимофей сопутствовал ему в Ефесе, где апостол пребывал долгое время, и откуда апостол посылал его в Македонию для сбора милостыни и потом в Коринф, где апостол пребывал три года, и он сопутствовал ему и в Македонии и Греции, и сопровождал его и на обратном пути до Троады и Асии. Впоследствии святой апостол Тимофей был с апостолом Павлом в Риме и вместе с ним заключен в узы, но потом был освобожден. После того он снова сопровождал апостола Павла в предпринятом им путешествии для посещения малоазиатских и македонских церквей; в это время он и был

нимая немерцающий свет благочестия — учение благовествования Христова и научаясь высоким подвигам и добродетельной жизни, как об этом и сам святой апостол Павел свидетельствует: *ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, в гонениях, страданиях* (2 Тим. 3, 10, 11).

Так святой Тимофей почерпнул все добродетели от сосуда избранного, апостола Павла, и воспринял от него, ради Христа, апостольскую нищету. Не приобретая себе никаких богатств, ни золота, ни серебра, ни каких-либо других вещественных благ, он переходил с места на место, возвещая Евангелие Царствия Божия. Он усвоил обычай воздавать добром за зло; укоряемый — он благословлял, гонимый — терпел, поносимый — радовался духом, и во всем являл себя Божиим слугою, будучи истинным подражателем своему учителю. Святой апостол Павел, видя ученика своего столь преуспевающим в добродетелях, поставил его сначала диаконом, затем пресвитером и, наконец, — епископом[1], хотя он был и молод годами. Сделавшись чрез возложение рук апостольских служителем Христовых Тайн, святой Тимофей сделался усерднейшим подражателем тягостей и трудов апостольских, не уступая другим апостолам в страданиях и трудах во время благовествования учения Христова. Ни юность, ни слабость тела не могли когда-либо воспрепятствовать ему в исполнении принятого им на себя подвига. Во всей своей деятельности он обнаруживал величие духа, как об этом свидетельствует учитель его, святой апостол Павел, в первом своем Послании к Коринфянам: *если придет к вам Тимофей, смотрите, чтоб он был у вас безопасен, ибо он делает дело Господне, как и я. Посему никто не пренебрегай его* (1 Кор. 16, 10–11). Несколько выше, похваляя его, святой апостол Павел писал: *Я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе* (1 Кор. 4, 17). Подобным образом и в других своих посланиях он называет святого Тимофея своим братом, говоря: *Павел, узник Иисуса Христа, и Тимофей брат* (Флм. 1, 1), *Павел, волею Божиею*

рукоположен во епископа Ефесской церкви, став, таким образом, первым епископом Ефесской церкви. Во время разлуки с апостолом Тимофеем святой апостол Павел написал ему два послания пастырского характера.

[1] Посвящению святого апостола Тимофея в пастырское служение, по словам апостола, предшествовали пророчества о нем (1 Тим. 1, 18), и самое посвящение произведено по предварительном исповедании веры (1 Тим. 6, 12), с возложением рук священства, причем ему сообщен особенный дар благодати Божией для достойного прохождения обязанностей (1 Тим. 4, 12–16), к которым он был призван.

апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат (2 Кор. 1, 1), *Павел, волею Божиею посланник Иисуса Христа, и Тимофей брат* (Кол. 1, 1). И еще он пишет: *Мы послали Тимофея, брата нашего и служителя Божия, и сотрудника нашего в благовествовании Христовом, чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей* (2 Фес. 3, 2). Эти и многие другие свидетельства в похвалу святому Тимофею находятся в посланиях апостола Павла. Однако святой Тимофей не превозносился этим, но, живя в смиренномудрии и строгом соблюдении себя от греха, постоянными трудами и постом так изнурял себя, что и сам учитель его, взирая на его подвиги и посты, сильно жалел его. Он убеждал святого Тимофея — не пить одной воды, но употреблять и немного вина ради его желудка и частых недугов (1 Тим. 5, 22), которыми, хотя и постоянно тело его было обременено, но зато душевная чистота оставалась нетронутой и свободной от всякого повреждения. Святой Тимофей с учителем своим проходил все концы мира: то в Ефесе, то в Коринфе, то в Македонии, то в Италии, то в Испании, они возвещали слово Божие, так что с полным правом можно было сказать о них: *По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их* (Пс. 18, 5). При этом святой Тимофей был проницателен в рассуждениях, быстр в ответах, — в проповеди слова Божия — искусный оратор, в изложении Божественных Писаний — увлекательный истолкователь, в церковном управлении и защите истин веры — достойнейший пастырь. В особенности же достойно внимания то, что он получил изобильную благодать, так как учение свое он почерпнул из двоякого источника: он не только имел своим учителем святого Павла, но поучался и у святого Иоанна, возлюбленного ученика Христова[1]. Когда же святой Иоанн был сослан императором римским Домицианом[2] в изгнание на остров Патмос[3], то Тимофей был вместо него епископом города Ефеса, где спустя немного времени и пострадал за свое свидетельство об Иисусе Христе следующим образом.

---

[1] В 60-х годах по Р. Х. святой апостол Иоанн оставил Иерусалим, где пребывал до успения Божией Матери, и проповедовал слово Божие в Малой Азии и особенно в Ефесе, и, таким образом, мог непосредственно руководить апостолом Тимофеем в его пастырском служении.

[2] Римский император *Домициан*, жестокий гонитель христианства, царствовал с 81 по 96 год.

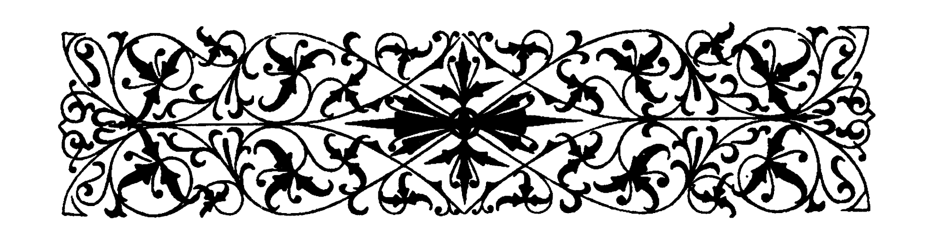
[3] Это было в 96 году. *Патмос* — голый, бесплодный, скалистый остров Эгейского моря (Архипелага), на юго-западе от Ефеса, причисляемый к так называемым Спорадским островам.

Однажды в Ефесе совершался особенно торжественный праздник, называемый «катагогиум», в который идолопоклонники, мужчины и женщины, надев на себя изображения различных странных существ, брали в руки идолов и дреколья и с бесстыдными плясками обходили улицы города. При этом они пели нестройными голосами песни и бросались на встречных, как разбойники, и даже многих убивали. Совершали они и много других скверных беззаконий, которыми думали выразить почитание своих мерзких богов. Видя это, блаженный Тимофей воспламенился огнем Божественной ревности и, явившись на это богопротивное зрелище, открыто и смело проповедовал Единого истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, — ясно показал заблуждения и самообольщения их относительно своих богов и свободно высказал многое, что было полезно для убеждения их. Они же, блуждая во тьме языческих заблуждений, не поняли и не уразумели речей апостола, но, единодушно устремившись против него, жестоко били его имевшимися в руках их дрекольями, немилосердно и бесчеловечно влачили его по земле, попирая ногами, и, наконец, замучили его до смерти[1]. Пришедшие затем христиане нашли его едва дышавшим. Они вынесли его за город, и когда он преставился, погребли его на месте, называемом по-гречески Пион, то есть тучное. Спустя много времени честные мощи святого апостола Тимофея по повелению царя Констанция, сына Константина Великого, были перенесены святым мучеником Артемием[2] из Ефеса в Константинополь и положены в церкви святых апостолов вместе с мощами святого апостола Луки и Андрея Первозванного. Так было благоугодно Богу, ибо в житии их все было общее: характер, учение и проповедь Евангелия. Поэтому и общий гроб приличествовал им по смерти, тем более что и упокоение их на небесах — общее в Царстве Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом царствующего вовеки. Аминь.

[1] Святой апостол Тимофей мученически скончался около 97 года.

[2] Память святого великомученика Артемия празднуется Церковью 20 октября. Перенесение святых мощей апостолов: евангелиста Луки, Андрея Первозванного и Тимофея было совершено 24 июня 356 года.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
АНАСТАСИЯ ПЕРСЯНИНА

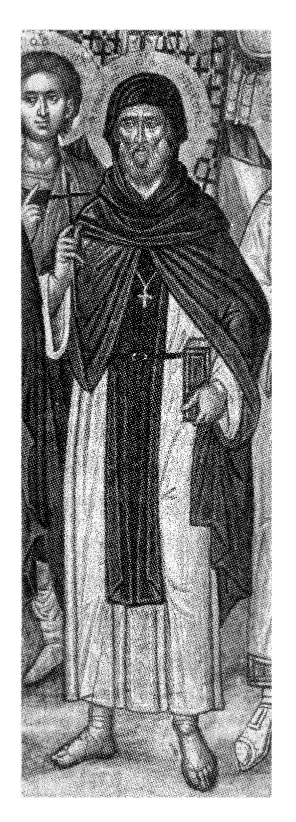
Когда святой город Иерусалим был взят персидским царем Хозроем[1] и святые места пребывания Христа Господа нашего, ознаменованные Его вольными страданиями, распятием, смертью, погребением и воскресением, были завоеваны нечестивыми варварами, — когда и животворящее древо Креста Господня было взято в плен и отнесено вместе с богатой военной добычей[2] в Персию, тогда в этой последней слава имени Христова начала, подобно солнцу, сиять в чудесах, исходивших от животворящего крестного древа. Само будучи в плену, оно пленяло души человеческие Богу, и подобно уде, уловляя людей, влекло их ко Христу, просвещая познанием истины и воспламеняя сердца Божественной любовью. Тогда обратился к познанию Христа и святой мученик Анастасий, о котором нам предстоит повествовать.

Родом он был перс из селения Раснуни, расположенного в области, называемой Разы. Первоначальное его персидское имя в язычестве было Магундат. Он был сыном одного волхва, по имени Вава, весьма знаменитого в своей стране учителя чародейской науки, которой он обучил в совершенстве и сына своего в ранней его юности. Когда Магундат достиг возраста зрелого юноши, он вместе со многими другими юношами поступил в военную службу и оставался в столичном городе, служа царю персидскому Хозрою. Услышав о

---

[1] *Персидский царь Хозрой II* царствовал с 590 по 628 год.

[2] Это было в 614 году. Святыня древа Креста Господня находилась в руках персов четырнадцать лет — до 628 года, когда император византийский Ираклий, после счастливой войны с Персией, возвратил ее в Иерусалим.

славе и могуществе крестного древа, которое приводило в изумление все персидские области и устрашало необычайными чудесами, так что все говорили: «Бог христианский пришел в Персию», Магундат начал усердно расспрашивать об этом. Внезапно душа его воспламенилась тайно тем огнем, который Христос пришел *низвести на землю* (Лк. 12, 49). Без устали этот прекрасный юноша обращался ко многим с расспросами, желая с достоверностью узнать, что это за древо, имеющее столь великую силу чудотворения. Когда верующие разъяснили ему, что это — тот самый Крест, на котором был распят, ради спасения рода человеческого, Христос, Сын Божий, исповедуемый и почитаемый христианами, тогда в нем еще более возгорелось внутреннее желание приобрести совершеннейшее познание о Сыне Божием. Он ставил вопрос за вопросом, а в ответах находил поводы к дальнейшим исследованиям, пламенея усердием узнать, как Бог сошел с неба, как стал человеком, почему и кем осужден на крестную смерть, когда снова вознесся на небо, откуда сошел. Он слушал об излагаемом ему христианами Божественном таинстве воплощения Христа, и уши его с любовью воспринимали семя благочестия, а душа его постепенно возращала зерно веры и возбуждалась к подражанию Христу. Магундат имел родственника по плоти, и оба они находились в полку одного славного воеводы Саина. Когда последний был послан с войском персидским царем на войну в области Греции и достиг славного христианского города Халкидона[1], пришел туда и Магундат, служивший в полку с родственником своим. Против персов ополчился благочестивый греческий царь Ираклий[2]. Тогда персидский воевода Саин поспешно возвратился назад с полком своим. Магундат же, оставив полк и своего родственника, предпочел лучше жить с христианами в бедности и безвестности, нежели в богатстве и почете в отечестве своем среди неведущих Бога. Сна-

---

[1] *Халкидон* — город в Малой Азии, на азиатском берегу Босфорского пролива, против Константинополя. В нем происходил в 451 году IV Вселенский собор.

[2] *Византийский император Ираклий* царствовал с 610 по 641 год.

чала он пришел в Иераполь[1]. Там нашел он одного человека, родом перса, по вере христианина, а по ремеслу золотаря. Поселившись у него, Магундат учился золотарному искусству. Руки его были обращены к делу, а ум его постоянно был устремлен ко Христу Богу, любовью к Которому он горел. Он умолял учителя своего приготовить его к святому крещению; но желание его не могло осуществиться, ибо святое крещение было отлагаемо на неопределенное время из опасения войны со стороны персов. Между тем, часто приходя с учителем своим в церковь на молитву, он видел на церковных стенах картины, изображавшие страдания и чудеса святых мучеников. Он спрашивал своего учителя: чтó это значит? Учитель рассказывал ему о подвигах и жизни святых: как они мужественно приняли смерть за Христа и с ревностью положили за Него свои души, чтó они претерпели от мучителей ради Христа и каких наград они сподобились от Него на небе. Слушая все это со вниманием, Магундат удивлялся и ужасался; сердце его еще более воспламенялось Божественной ревностью. Пробыв в Иераполе некоторое время, он пошел в Иерусалим, чтобы там принять святое крещение.

Прибыв во святой город Иерусалим, Магундат, названный впоследствии Анастасием, остановился у одного христолюбивого мужа, также золотаря по ремеслу. Ему он открыл желание сердца своего — соединиться со Христом чрез святое крещение. Тот повел его к святому Илии, пресвитеру великой церкви Воскресения Христова. Блаженный Илия, приняв его с любовью, известил о нем святейшего патриарха Модеста[2] и, по его благословению, крестил перса Магундата, нарекши его в святом крещении Анастасием, после чего удержал его у себя в течение восьми дней. Святой Илия спрашивал его: какое он хочет избрать себе житие — мирское или иноческое? Блаженный Анастасий не только словами утверждал, но и кротким нравом своим обнаруживал, что он желает иноческого звания и жизни. Спустя восемь дней, когда он снял возложенные на него при крещении белые одежды, пресвитер отправил его в один из иерусалимских монастырей, в десятый год царствования Ираклия. Там он был поручен одному мудрому и добродетельному старцу, который скоро стал настоятелем того мо-

[1] *Иераполь* — богатый город Фригии, западной области Малой Азии.

[2] *Святой Модест*, патриарх Иерусалимский, занимал кафедру сначала как местоблюститель (во время пребывания святого патриарха Захарии в плену у персов) — с 614 по 628 год, а потом — в сане патриарха, с 633 по 634 год.

настыря. У него святой Анастасий научился не только греческому языку, но и пониманию Псалтири и прочих священных книг, а равно получил наставление относительно многих подвигов, приличествующих иноческой жизни. Поэтому-то он был любим всеми, а особенно своим наставником, который, на основании первых опытов его подвижнической жизни, предусматривая дальнейшее прохождение ее, постриг его в иноки и сделал своим духовным сыном.

Блаженный Анастасий был иноком добродетельным, смиренномудрым, кротким и трудолюбивым. Он исполнял охотно всякую монастырскую работу — в поварне, пекарне, огороде, а равно и другие послушания; при этом он никогда не пропускал церковных служб или чтения правил. Руки его всегда были заняты работой, а уста — прославлением Бога. Кроме того, он читал Божественные Писания, жития святых отцов, а особенно страдания святых мучеников. Читая их, он орошал книгу слезами и, пламенея сердцем, обнаруживал свое внутреннее сочувствие их терпению. Он и сам как бы страдал вместе с ними и внутренне являлся подражателем их ревности, ублажал их кончину и удивлялся их мужеству, усердно моля Владыку Христа, чтобы сподобил его претерпеть за Него такие же страдания, так же умереть и присоединиться к лику мучеников. Между тем враг души человеческой, негодуя на то, что он утверждается в добродетели, начал приводить ему на память прежнюю его жизнь в Персии, оставленные им богатства, славу, отцовское чародейское искусство, воинские почести и прочую суету, желая тем смутить его душевный покой и отвратить его от обители и от сожительства со святыми отцами. Но помощью Бога, в Котором святой Анастасий имел крепкое утверждение против врага, а равно молитвами и наставлением своего учителя и духовного отца, которому исповедовал все свои мысли, он остался непобедимым и непоколебимым при всех искушениях врага.

После того как преподобный Анастасий провел в монастыре семь лет и собрал обильное духовное сокровище добродетелей, он был призван Господом к мученическому венцу таким видением. Пред самым наступлением светлого праздника Воскресения Христова, в вечер Великой субботы, он лег отдохнуть немного после дневных трудов и, уснув, увидел себя стоящим на высокой горе. К нему подошел какой-то светоносный муж, державший золотую чашу, украшенную драгоценными камнями и наполненную вином. Передав ему чашу, муж сказал: «Возьми и пей». Он взял и испил. Душа его тотчас исполнилась не-

сказанной радости, и он еще во сне уразумел, что это было для него знамением желаемой им мученической кончины, к которой призывает его Господь[1]. Проснувшись, он, исполненный радости и веселия, поспешил в церковь к началу службы Воскресению Христову. Там, в ризнице, отозвав в сторону своего духовного отца и наставника, бывшего уже настоятелем, он пал к ногам его и, орошая их слезами, умолял помолиться о нем Владыке всех Христу, так как уже близок день отшествия его из этой жизни. Он говорил:

— Я знаю, святой отец, какие труды ты принял ради меня и как часто я злоупотреблял твоей отеческой заботливостью обо мне. Благодаря тебе, очи мои узрели истинный свет и чрез тебя я освободился от тяжкой тьмы; не переставай же молиться обо мне, рабе твоем, преблагому Господу.

Отец духовный сказал ему:

— Что с тобою, дитя мое? Откуда ты узнал, что этими днями ты перейдешь от нас в иную жизнь?

Анастасий рассказал ему про сонное видение с большим умилением и настойчиво утверждал, что в ближайшие дни он непременно должен умереть или общею всем смертью, или какою-либо иною; о своем же желании мученической кончины за Христа он боялся говорить, чтобы старец не запретил ему этого и чтобы, таким образом, не угасло пламя его ревности по Христе, а он не лишился венца страдальца. Духовный отец долго утешал его ласковыми словами. Когда наступил день, преподобный Анастасий во время Божественной литургии приобщился святых Тайн и вкусил с братиями от общей трапезы. На следующую ночь он, немного уснув с вечера, поспешно встал, так как несказанное внутреннее желание мученичества не давало ему спать. Встав тайно от всех, он вышел из монастыря, ничего не взяв с собою, кроме иноческой одежды, в которую был одет.

По выходе из монастыря святой Анастасий пошел сначала в Диосполь палестинский[2], а оттуда на гору, называемую Харизим, чтобы

---

[1] Слово «чаша» на библейском языке и в представлении древних христиан употребляется для наглядного выражения страданий или испытаний, предназначенных кому-либо Богом. Отсюда святой Анастасий увиденную им в сновидении чашу принял как предзнаменование чаши страданий и мучительной смерти, которую ему вскоре предстоит испить (ср.: Мф. 20, 22; 26, 39 и др.).

[2] *Диосполь* — город в Палестине к северо-западу от Иерусалима.

помолиться. Пройдя и многие другие замечательные местности, он пришел в Кесарию палестинскую[1] и пробыл там в церкви Пречистой Богородицы два дня. Затем он пошел поклониться в церковь святой и всехвальной великомученицы Евфимии, находившуюся в той же Кесарии. В это время Палестиной владели персы, и их было здесь много. Случилось блаженному во время прохождения мимо дома одного перса увидеть производимые персами волшебные фокусы. Исполнившись Божественной ревности, он подошел к ним и сказал с гневом:

— Зачем вы и сами заблуждаетесь и, обманывая других, увлекаете их души к тому же заблуждению?

Они удивились его смелости и спросили его:

— Кто ты такой, что так говоришь с нами?

Он ответил им:

— И я некогда держался того же заблуждения, какого держитесь вы. Я был сведущ в этой же нечестивой науке и весьма искусен в обманах.

Говоря это, святой долго обличал их безбожие, причем объяснял, насколько противна Богу и вредна для людей их чародейская хитрость и обольщение. Он изложил им, как он достиг познания истины и обратился к Богу, причем убеждал их, чтобы они, взяв его себе за образец, также познали истину и, отказавшись от волхвования, обратились ко Христу Богу с покаянием. Они же не только не хотели слушать слов святого, но и убеждали его настойчиво, чтобы он не порицал столь славные у персов волшебные знания и не изобличал их пред народом. Тогда святой, оставив их, пошел своим путем, поспешая к святому храму всехвальной мученицы. Лишь только святой отошел от них немного, его увидели персидские воины, сидевшие у ворот здания суда. Когда святой миновал их, они, беседуя между собою на персидском наречии, сказали о нем:

— Это — лазутчик.

Святой, хорошо понимая их слова, так как сам был персом, гневно посмотрел на них и сказал:

---

[1] *Кесария* — город палестинский на восточном берегу Средиземного моря, построенный царем иудейским Иродом на месте древнего города Стратон и названный так в честь кесаря Августа (римского императора Октавия Августа). Город этот подвергался неоднократным разрушениям, и в настоящее время на его месте только развалины, покрытые дикими растениями.

— Что вы говорите? Я не лазутчик, а раб Господа моего Иисуса Христа; я гораздо лучше вас, потому что я сподобился работать Тому, Который изволил сойти с небес ради грешников. Я понимаю вашу речь, потому что и сам некогда был в той же воинской службе, в которой вы ныне состоите.

Тогда воины схватили его и сообщили о нем своему начальнику, находившемуся в здании суда. Тот, допросив его, кто он и откуда, повелел содержать его под строгим присмотром в тюрьме. Будучи заключен, святой три дня не принимал ни пищи, ни пития. Он ничего не хотел принимать из рук нечестивых, но питался только ожиданием давно желаемых страданий за Христа. В это время прибыл в Кесарию палестинскую один персидский князь, по имени Марзаван. Узнав о преподобном узнике, он повелел привести его к себе в преторию связанным на допрос. Когда святой был приведен, Марзаван занимался различными другими делами, а преподобный Анастасий стоял в отдалении связанный. Тут же находился один христианин. Он, узнав святого, так как видел его в церкви Пречистой Девы Богородицы, подошел к нему и тихо спросил, за что он взят, связан и приведен на суд.

Святой сказал ему о желании сердца своего, — именно, что он желает пострадать и умереть за Христа. Услышав об этом, христианин прославлял святого за его доброе намерение и утешал его словами Божественного Писания, убеждая не бояться мук и не страшиться смерти за имя Господа нашего Иисуса Христа, но твердо и смело отвечать Марзавану на вопросы его, памятуя слова, сказанные Господом в Евангелии: *Претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 22). Когда затем преподобный Анастасий был поставлен на суд пред Марзаваном, он не поклонился ему и не воздал подобающей чести. Между тем у персов был обычай преклонять колени пред своими князьями ради их сана. Святой же не сделал этого, внешним непоклонением и безбоязненным взором обнаруживая свое внутреннее мужество и величие духа. Марзаван, посмотрев на него пристально, спросил:

— Кто ты, откуда и как называешься?

Святой ответил смело:

— Я христианин, — а если ты хочешь знать о происхождении моем, то я перс, из области Разы, из селения Раснуни. Я был волхв и воин, но оставил тьму и пришел к истинному свету; имя мое прежде было Магундат, а ныне по-христиански я именуюсь Анастасием.

Марзаван сказал ему:

— Оставь это заблуждение и возвратись к прежней своей вере. Я дам тебе коней и денег и много всякого другого имущества.

Святой, взглянув на него, сказал:

— Да не будет этого со мною, Царю Христе, чтобы я отрекся от Тебя!

Тогда Марзаван спросил:

— Нравится ли тебе эта одежда, которую ты ныне носишь?

Блаженный ответил:

— Это одеяние особенно приятно мне, потому что оно — ангельское; притом оно почетнее для меня, нежели для тебя твой сан.

Марзаван, разгневавшись, сказал:

— В тебе сидит бес, и ты говоришь не иное что, как то, чему тебя научает бес.

Святой ответил:

— Когда я держался персидского заблуждения и нечестия, тогда я имел в себе неистового беса, а ныне обитает во мне Христос Спаситель мой, изгоняющий твоих бесов.

Марзаван на это спросил его:

— Что же? Разве ты не боишься царя, который, когда узнает о тебе, то повелит распять тебя?

— Зачем мне бояться человека, — ответил святой, — такого же тленного, как и ты? Если он и убьет мое тело, зато никакими кознями не сможет уловить мою душу.

Не будучи в состоянии слушать такие речи, Марзаван повелел возложить на святого железные цепи, — одну на шею, а другую на ноги, — отвести его к каменотесам и заставить его вместе с прочими узниками постоянно носить на себе камни. Там блаженный страдалец претерпел бесчисленные и тяжкие невзгоды. Некоторые, находившиеся в Кесарии с его родины, из того же селения Раснуни, персы, некогда знакомые ему, друзья и соседи, видя случившееся с ним, стыдились его и считали его труды бесчестием для себя. Они поносили святого, говоря:

— Что ты сделал? Зачем ты обесчестил прежнее благородство своего происхождения, сделавшись христианином, и на нас навел такое бесславие? Ты закован в цепи и осужден на казнь, как злодей, чего глаза наши не могут видеть. Никогда и никто из страны нашей не был христианином, и вот ты причинил нам такое поругание.

Говоря такие укоризненные слова, нечестивые нередко возлагали на неповинного святого руки, били его немилосердно, терзали за бороду, рвали на нем одежду, и не только причиняли ему такие обиды, но и возлагали на плечи и шею его одного такие тяжелые камни, которые едва могли понести четверо. Так, окованный цепями по шее и ногам и тяжко обремененный камнями, трудился угодник Божий. Всякого рода притеснения испытывал святой от знакомых персов во все время, но он все это переносил с радостью ради имени Иисуса Христа.

Спустя некоторое время князь Марзаван снова повелел привести к себе святого и спросил его:

— Если ты действительно сын волхва и знаешь искусство волхвования, то сообщи нам что-либо из этой области, чтобы и нам узнать о твоих способностях.

Святой ответил:

— Сохрани меня Бог, чтобы из моих уст вышло что-либо подобное! Я не хочу осквернять ни ума своего воспоминанием о волшебных хитростях, ни языка своего речью о них.

Тогда князь сказал ему:

— Зачем ты остаешься христианином? Возвратись к прежней своей вере; иначе — знай, что я сообщу о тебе царю Хозрою.

Святой сказал на это:

— Делай, что хочешь. Я думаю, что ты уже писал к нему и уже получил от него ответ?

Князь отвечал:

— Я еще не писал, но хочу написать ныне, и что повелит он мне о тебе, то я и сделаю.

Святой Анастасий отвечал:

— Пиши все, что хочешь дурное обо мне. Я — христианин, и еще раз говорю, что я — христианин.

Тогда Марзаван велел растянуть святого на земле и бить его до тех пор, пока он не согласится исполнить то, что повелят ему. Но когда слуги хотели связать мученика по рукам и ногам, чтобы бить его, святой сказал им:

— Оставьте меня так: нет нужды вязать и держать меня, ибо я не по неволе хочу страдать за Христа моего, а добровольно. Я настолько же хочу пострадать за Него, насколько иной жаждет студеной воды в знойный день.

Сказав это, он осенил себя крестным знамением и простерся ниц на земле, отдаваясь на раны. Тогда начали жестоко бить его палками; но святой обратился к бьющим со словами:

— Повремените немного и снимите с меня иноческое одеяние; пусть не терпит унижения иноческое звание! Бейте только нагое мое тело, но знайте, что причиняемые вами мне раны я принимаю, как шутку. Ибо, если вы даже раздробите меня на части, я никогда не отвергнусь Господа моего Иисуса Христа.

Но, и будучи биен, обнаженный, святой мужественно переносил мучения, лежа неподвижно и никем не удерживаемый, а только одним добрым своим изволением на муки ради Бога, каковым побеждал и самое свое естество. Князь и все находившиеся там удивлялись такому его терпению, ибо он во время продолжительного и мучительного биėния ни повернулся, ни воскликнул, ни застонал. Ум его был направлен только к Богу, за Которого он страдал. Затем князь повелел перестать бить святого и снова устрашал его именем царя.

— Я напишу, — говорил он, — к царю, и он повелит казнить тебя смертью.

Святой ответил ему:

— Пиши, что хочешь.

Князь возразил ему:

— Разве ты не боишься царя?

Святой ответил:

— Почему я должен бояться царя твоего? Разве он не такой же смертный человек, как и ты? Разве он не увидит тления так же, как и ты? Почему ты внушаешь мне бояться его, подобного тебе праха земного? Не более ли я должен бояться Господа моего Иисуса Христа, сотворившего небо и землю, море и все, что в них, — нетленного вовеки?

Гордый Марзаван, удивляясь ответу мученика, повелел снова отвести его в темницу. Спустя немного времени он опять призвал его к себе и начал говорить с ним кротко, надеясь обольстить его ласковыми словами. Он сказал святому:

— Вспомни свою волшебную науку и принеси жертвы богам, чтобы не умереть в муках и не лишиться этого видимого света.

Преподобный ответил:

— Какому богу я должен принести жертву: солнцу, луне, огню, морю, горам и холмам или всем прочим стихиям? Не дай мне, Боже,

поклониться когда-либо вашим истуканам! Ибо все, перечисленное мною, создал Христос, Сын Божий, на службу и потребу нам людям, тварям разумным. Вы же заблуждаетесь, служа бесам и четвероногим животным, и всякой другой видимой твари, как будто не они созданы ради наших потребностей, а мы созданы ради них. Странно и нелепо называете вы их богами! Вы созданы по образу Божию, — и не знаете Бога, Создателя своего. Если бы вы познали Христа, создавшего вас, то вы обратились бы к истинному свету и избавились бы от власти демонов.

Говоря это и многое другое, святой удивил Марзавана и всех слушателей. Марзаван, видя, что ни ласками, ни угрозами не может победить святого, отослал его снова в темницу, пока от царя придет распоряжение, что с ним делать. Таким образом, ночью мученик был содержим в темнице, а днем был выводим в оковах на работу — носить камни с прочими узниками.

Между тем стало известно о святом Анастасии и в том монастыре, где он постригся. Все отцы и братия, услышав о том, что он тяжко страдает за Христа, исполнились несказанной радости, — особенно настоятель, его духовный отец и учитель, который, представляя себя как бы связанным вместе с возлюбленным учеником своим, думал, что и сам страдает в его теле. Но так как он сам не мог идти к своему ученику, будучи настоятелем монастыря, то послал двух иноков с письмом, исполненным утешений, поручив им, чтобы они, тайно навещая мученика, ободряли его к мужественному перенесению страданий. Сам же с прочими отцами днем и ночью молился о нем Богу, чтобы Бог помог мученику до конца доблестно пострадать за Его имя и быть победителем и венценосцем в лике святых мучеников. В это же время преподобномученик Анастасий, находясь в темнице, не переставал днем и ночью славословить всесильного Бога. Вместе с ним находился и другой узник, один юноша из слуг Марзавана, осужденный за какое-то преступление. Он был скован вместе со святым — одною цепью за шею, а другою за ноги. Святому было слишком тягостно это, так как когда он вставал в полночь на молитву, то вынужден был, вопреки своему желанию, пробуждать и своего сотоварища. Он вменял себе в грех против ближнего то, что беспокоил его, слишком утомленного той же дневной тяготой, ношением камней и затем сладко уснувшего. Поэтому очень часто, желая совершить полунощные молитвы, он не смел вставать на ноги, чтобы не пробудить друга

и не нарушить его покоя. Держа ногу рядом с его ногою и склоняя шею свою к его шее, он совершал свои обычные молитвы к Богу. Были там и другие узники, остававшиеся нескованными. Среди них был один еврей, честного рода и кроткого нрава. Он, видя святого Анастасия, днем трудившегося над ношением камней, а ночь проводившего в славословии Божием, удивлялся, говоря сам себе: «Что это за человек и какова будет его кончина?»

Однажды ночью, когда святой молился, по обычаю своему, Богу, еврей этот, лежа на полу, не спал. Внезапно увидев свет в темнице, он обратил глаза свои к святому и заметил входивших к нему чрез темничные двери мужей, одетых в белые, блистающие одежды и окруживших святого мученика. Исходившее от них великое сияние освещало всю темницу несказанным светом, которого никто из узников не видел, ибо все спали. Только один тот неспавший еврей смотрел на это пристально и говорил себе с большим удивлением: «Боже Святой, это Ангелы!»

Продолжая смотреть внимательнее на тех мужей, он увидел на них омофоры и кресты в руках их. Тогда он подумал: «Это епископы». Затем, смотря на святого мученика, он увидел одного светлого юношу, стоявшего пред Анастасием с золотой кадильницей, наполненной горящими углями. Положив в кадильницу благовония, он кадил вокруг мученика. Наблюдая это, бодрствовавший узник разбудил рукою другого, близ него спавшего узника, христианина, бывшего некогда скифопольским судьею. Он хотел, чтобы и тот увидел столь дивное и очевидное чудо, но не мог разбудить его скоро, так как он уснул глубоким сном. Когда же тот, наконец разбуженный, проснулся и спрашивал, в чем дело и зачем его разбудили, — еврей, указывая ему на происходившее, говорил:

— Посмотри, посмотри!

Но едва только он произнес это слово, как видение исчезло. Тогда еврей рассказал христианину с особенным восторгом и сердечным умилением обо всем, виденном им, и оба вместе прославили Христа Бога.

Скоро после этого князь Марзаван, получив от своего царя Хозроя ответное письмо, послал к преподобному мученику Анастасию в темницу, говоря:

— Тебе повелевает царь, чтобы ты одним словом сказал: я не христианин, — и тотчас ты будешь отпущен, после чего иди, куда хочешь:

или к христианам и инокам, или на родину — снова в военную службу.

Мученик Христов ответил:

— Да не случится со мною того, чтобы я отрекся от Христа моего умом или словом!

Тогда князь снова послал наместника своего ко святому, говоря:

— Я знаю, что ты стыдишься многих, особенно знакомых своих, и потому не хочешь пред ними отречься от Христа твоего; но так как царское повеление необходимо исполнить, ибо никто не может ослушаться его, то, если хочешь, наедине, только предо мною и другими двумя советниками моими, скажи, что отрекаешься от Христа, и я тотчас отпущу тебя. В самом деле, какая тебе потеря будет от того, что ты только устами выскажешь отречение, а сердце твое, не согласуясь с устами, будет верить своему Богу?

Мученик отвечал:

— Да не будет этого со мною! Ни пред тобою, ни пред другими я не отрекусь от Господа моего — ни явно, ни тайно, ни даже во сне, и никто никогда не будет в силах меня чем-либо принудить к этому.

Когда наместник возвратился к князю и возвестил о слышанном от мученика, князь повелел привести его к себе и сказал ему:

— Царь повелел тебя, скованного цепями, послать к нему в Персию.

Святой мученик Анастасий отвечал:

— Если ты соизволишь отпустить меня, то я и сам, без оков, пойду к царю вашему. Какая надобность налагать цепи на меня, страдающего добровольно и желающего претерпеть за любимого моего Христа Владыку?

Князь, видя, что никаким образом: ни ласками, ни угрозами, не может обратить мученика от христианской веры к своему персидскому нечестию, назначил его с двумя другими узниками, также христианами, осужденными по какому-то несправедливому обвинению, через пять дней послать в Персию на суд к царю, после чего святой снова был отведен в темницу. В это время наступал праздник Воздвижения честного и животворящего Креста Господня. В городе же этом жил один уважаемый и знатный человек, христианин по вере и жизни. Он обратился к князю Марзавану с просьбой отпустить из темницы инока Анастасия к нему на праздник, чтобы он мог вместе с христианами совершить это великое празднество. Марзаван, уважая почетного горожанина, пове-

лел исполнить его просьбу, и святой Анастасий на этот день был отпущен к христианам, однако в железных оковах. Приняв его, этот благочестивый муж повел его в церковь, на Божественную литургию. Для всех верующих было великою радостью и двойным празднеством смотреть на мученика, обложенного тяжкими оковами за пострадавшего на кресте Христа Господа. Окружив его, мужчины и женщины проливали от радости горячие слезы и с умилением лобызали его оковы, прославляя его страдания за Христа. По совершении Божественной литургии ходатайствовавший о нем муж повел его в свой дом с теми двумя иноками, которые были присланы из монастыря, чтобы тайно утешать мученика и добывать ему пищу. Радушно угостив их, когда пришло время, он снова отвел святого Анастасия в темницу. Спустя пять дней святой вместе с другими двумя узниками в оковах был отправлен в Персию. Его провожали многие христиане с радостными слезами. Проводили его и те два инока. Один из них возвратился затем в монастырь, а другому повелено было настоятелем идти с блаженным Анастасием, чтобы служить ему, видеть его кончину и по возвращении рассказать о совершенных им подвигах страдания и мученичества.

По прибытии в Персию святой преподобномученик Анастасий посажен был в темницу в городе, называемом Вифсалией[1], вместе со многими другими узниками, среди которых одни были осуждены за какое-либо преступление, а другие были пленники, главным образом христиане. Прибывший с ним инок поместился у некоего Кортакта, сына Эсдина, а Эсдин был главнейший царский домоправитель, тайный христианин. Спустя несколько дней царь Хозрой послал одного из судей вместе с трибуном допросить святого Анастасия. Судья, придя ко святому, спрашивал: кто он, откуда и по какой причине, оставив персидскую веру, стал христианином? Мученик Христов Анастасий отвечал ему через переводчика, так как не хотел более говорить по-персидски, гнушаясь и нечестивой верой персов и самым языком. Святой говорил:

— Вы заблуждаетесь, почитая бесов, вместо Бога. Пребывал и я некогда в этом вашем заблуждении, но ныне я верую и поклоняюсь всемогущему Владыке Иисусу Христу, создавшему небо и землю, море и все, что в них. Я достаточно знаю, что вера ваша есть диавольское обольщение, ведущее вас к погибели.

---

[1] Иначе *Барселое — Сергиополис* в Ассирии, на расстоянии около восьми верст от Дастагера, где находился тогда Хозрой.

Судья сказал ему на это:

— О окаянный! Разве иудеи не распяли Того Христа, Которого вы почитаете? Как же ты впал в заблуждение, оставив свою веру и сделавшись христианином?

Святой ответил:

— Ты верно говоришь, что Иисус мой был распят иудеями, но отчего же ты не говоришь и того, что Он Своей Божественной волей соблаговолил предаться на распятие ради нашего спасения? Он Создатель всего, сошедший с неба на землю и воплотившийся от Пречистой и Преблагословенной Девы Марии действием Духа Святого. Он распялся добровольно, чтобы спасти род человеческий от обольщения диавольского. Вы же почитаете диавола и поклоняетесь солнцу, луне, огню и всякому другому созданию, а не Создателю своему.

Судья сказал ему:

— Зачем ты говоришь так много суетного? Вот царь немедленно предоставит тебе великие почести, даст золотые пояса, хороших коней и много всякого имущества; ты будешь одним из знатных сановников его, только возвратись к прежней своей вере.

Святой Анастасий возразил ему:

— Дары царя вашего, богатства, почести и славу, и все, что вам приятно и желательно, я давно презрел и возненавидел. Все это противно мне, как сор и навоз. Избрав иноческое житие и возлюбив его, я питаюсь надеждою вечных благ, которые, по благодати Христа Бога моего, думаю получить. Сей честный иноческий чин и эта ветхая мантия служат для меня достоверным ручательством в этом. Каким же образом я ныне стану презирать и отрекусь от того, на что я надеюсь и ради чего предпринял весь труд и приложил все усердие? Могу ли я прельститься дарами царя временного и имеющего скоро погибнуть?

Услышав это, судья обо всем сообщил царю. Царь исполнился гнева и повелел наутро мучить святого. Когда наступило утро, пришел от царя тот же судья и, выведя святого из темницы, прежде всего немилосердно бил его палками, а затем, поместив его голени между двумя тяжелыми колодами и повелев сильным мужам вспрыгивать на оба конца верхней колоды, старался сокрушить их. Так промучив святого долгое время и увидев его непреклонность, судья повелел снова ввергнуть его в темницу, а сам пошел к царю возвестить о бывшем.

Трибун же, тюремный начальник, был тайный христианин. Он служил узникам, страждущим за Христа, оказывая им всякое снисхождение. Он и сопутствовавший святому инок, войдя к нему в темницу, утешали и ободряли страдальца. Вместе с ними вошли и другие верующие во Христа, между прочим и сыновья указанного выше Эсдина, царского домоправителя, тайного христианина. Они, припадая к ногам мученика, лобызали его оковы и просили, чтобы он молился о них Господу. Святой же, будучи смиренным, отсылал их от себя, признавая себя грешным и непотребным, нуждающимся в чужих молитвах и помощи. Тогда они брали воск и прикладывали к его веригам, чтобы они отобразились на воске. Это они сохраняли у себя в качестве благословения, для исцеления от различных недугов, а равно пересылали тот воск друг другу, как многоценный дар. Спустя немного времени тот же судья, снова посланный царем, пришел в темницу к мученику Христову и, допросив его, признал непреклонным противником царской воли: тогда он беспощадно избил святого палками. То же произошло и в третий раз спустя несколько дней. Тот же судья, придя в темницу, бил святого, а затем присоединил к этому и новое лютое мучение: зацепив за одну руку и привязав огромный камень к ноге, он повесил святого. Так святой страстотерпец висел два часа. Затем, сняв святого, он ввергнул его в темницу, а сам пошел к царю возвестить о непобедимом мужестве мученика. При этом он советовал царю поскорее казнить святого, чтобы не было бесчестимо более и поносимо великое персидское царство одним христианином. Спустя пятнадцать дней царь осудил мученика Анастасия на смерть вместе со многими другими узниками, бывшими с ним в темнице.

Накануне дня своей кончины святой мученик Анастасий, сидя в темнице и предвидя свой близкий конец, говорил некоторым товарищам своим по заключению:

— Я, братия, наутро со многими здесь находящимися скончаюсь и перейду от жизни этой в вечность. Вы же останетесь в живых и спустя несколько дней будете выпущены на свободу, ибо этот нечестивый царь будет вскоре убит.

Когда наступило утро, пришел судья с воинами и вывел из темницы на смерть вместе со святым Анастасием до семидесяти узников, среди которых были большей частью благоверные христиане. Между ними находились и те два узника, которые вместе со святым Анастасием в оковах были приведены в Персию из Кесарии, также христи-

ане. Некоторые же узники были оставлены в темнице, — между ними и те, которым святой предсказал скорое избавление и кончину царя. Выведенных из темницы на смерть привели за город, на берег реки, и там каждого поодиночке, зацепив веревкой за гортань, мучительно удавляли. По удавлении каждого мучители обращались к святому Анастасию со словами:

— Неужели ты хочешь так же погибнуть сейчас, как и они? Не лучше ли тебе оказать повиновение царской воле и, оставшись в живых, получить от царя дары, почести и славу?

Святой, возведя очи свои к небу, благодарил Бога, а им отвечал:

— Я желал бы быть раздробленным вами на части за Христа моего. Эта смерть для меня ничтожна, и я благодарю Господа моего, что этим малым страданием Он дает мне возможность перейти к великой неизреченной славе святых мучеников.

Так святой преподобномученик Анастасий после всех узников с радостью принял смерть, будучи удавлен в 22-й день января[1]. Для того же, чтобы удостоверить пред царем смерть Анастасия, воины отрезали его святую главу и отнесли к царю, а тело его, вместе с трупами прочих удавленных, было брошено на съедение псам. Но псы, с жадностью пожирая трупы других, не только не коснулись тела святого, но и заметно начали стеречь его, чтобы не коснулся кто-либо другой. Когда же трибун, тюремный страж, хотел взять честное тело святого мученика, то ему не дозволили этого издалека стерегшие воины, так как многие из них были иудеи по вере. Когда настала ночь, приснопамятный инок, посланный из монастыря к святому Анастасию, чтобы видеть кончину его, — взял рабов у сыновей Эсдина, много золота и чистые пелены и пошел к тому месту, где лежало невредимым тело святого между другими трупами, пожираемыми псами. Наполнив руки стражей золотом, он подошел к святому телу Христова мученика, над которым видима была пресветлая звезда, воссиявшая с неба, и, взяв его, отнес в находившийся недалеко оттуда небольшой монастырь святого мученика Сергия. Там он похоронил с почетом многострадальное тело страстотерпца Христова Анастасия, а сам оставался в монастыре том до убиения царя Хозроя. Когда же царь был убит, то были выпущены на свободу и те узники, которым предсказал это святой в темнице перед своей кончиной. Таким образом исполнилось

[1] Святой мученик Анастасий мученически скончался в 528 году.

двоякое пророчество святого: о скором убиении царя Хозроя и об освобождении узников. Когда греческое войско вступило в персидские области, тогда стал свободен путь сопровождавшему святого иноку для возвращения в свой монастырь. Он возвратился и подробно все рассказал о преподобномученике Анастасии настоятелю и всей братии. Все прославили Бога, укрепившего на страдальческий подвиг раба Своего. Настоятель монастыря тотчас послал того же инока и некоторых других с ним, и они принесли оттуда с почетом мощи возлюбленного ученика его, Христова мученика, в тот монастырь[1]. От мощей святого мученика совершались многие чудеса и подавались исцеления недугов — во славу Христа Бога нашего со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

МАНУИЛА, ГЕОРГИЯ, ПЕТРА, ЛЕОНТИЯ, СИОНИЯ, ГАВРИИЛА, ИОАННА, ЛЕОНТА, ПАРОДА

и прочих, числом 377, с ними пострадавших

Сии святые мученики происходили из разных областей Римской империи и жили в Адрианополе[2] при императоре Льве Армянине[3]. В то время болгарский царь Крум опустошил Фракию и Македонию и подошел к самому Константинополю, затем после трехмесячной осады овладел Адрианополем[4] и взял в плен всех его жителей, уцелевших от избиения, до сорока тысяч человек; в числе них был и местный епископ, которого язычник царь приказал стремглав бро-

[1] Впоследствии мощи святого преподобномученика Анастасия Персянина перенесены были в Палестину, отсюда — в Константинополь, а из Константинополя — в Рим, где они и доныне хранятся (одна часть в одном из загородных монастырей, другая — в церкви святого Креста).

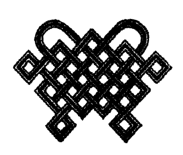
[2] *Адрианополь* — город во Фракии (европейская Турция) при слиянии Тунджи и Марицы.

[3] *Лев Армянин* — византийский император, царствовал с 813 по 820 год.

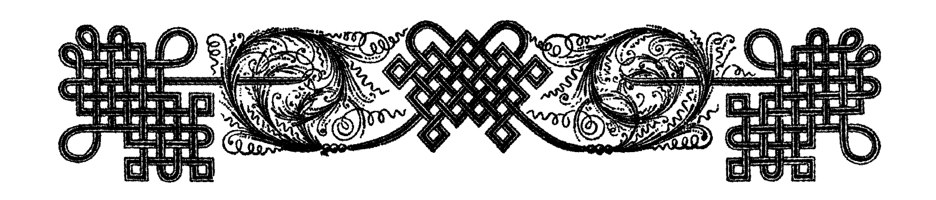
[4] В 814 году.

сить на землю и растоптать. Крум погиб злой смертью; преемник его Дукум умер вскоре после него, и над болгарами воцарился Диценг, властитель грозный и бесчеловечный. Он приказал распилить надвое епископа Адрианопольского Мануила и отрубить до плеч руки святителя, после чего священные его останки брошены были на съедение псам. Гнев Божий поразил изверга слепотой, и вскоре Диценг был убит своими подданными. Ему наследовал Муртагон, который стал жестоко преследовать христиан, не повиновавшихся его повелению — отречься от Христа; верных рабов Христовых он томил в темнице, истязал пытками и предавал смерти в бесчеловечных мучениях. Святых епископов Георгия Девельтского[1] и Петра, утверждавших свою паству в Христовой вере, бесчеловечный мучитель предал жесточайшим палочным ударам и потом отсек мечом честные их главы; той же казни вместе со святителями подверглись семь христиан; усечены мечом и христианские воеводы Иоанн и Леонт; святому Леонтию — скопцу, епископу Никейскому, язычники пронзили чрево мечом; от меча же приняли мученическую кончину Гавриил и Сионий; Парод, благоговейнейший пресвитер, побит камнями. Много и других верных рабов Христовых было избито и заключено в темницы в это время. И не только свирепый Муртагон, но и его преемники на болгарском престоле жестоко преследовали христиан, которые различными истязаниями и мучительной смертью стяжали себе вечное царство.

В тот же день **память святого преподобномученика Анастасия, диакона Печерского,** скончавшегося в конце XII века и почивающего в пещере преподобного Антония.

[1] *Девельт* — ныне *Загара*, на берегу Черного моря.

День двадцать третий

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **КЛИМЕНТА**, епископа Анкирского, и святого мученика **АГАФАНГЕЛА** и прочих с ними

Спустя двести пятьдесят лет по Рождестве Господа нашего Иисуса Христа, в царствование Валериана[1], стольный город Галатии Анкира[2] возрастил от честного рода святого мученика Климента, как сочную молодую ветвь винограда, обильно исполненную гроздий многих духовных дарований. Но родители его не были единоверными: отец был язычник, служивший идольскому нечестию, а мать — христианка, происходившая от родителей — христиан и воспитанная в христианском благочестии и добрых навыках. Имя ей было Евфросиния. Она была отдана замуж по принуждению, и не по своему желанию вступила в союз с неверным мужем, так как родители ее надеялись на исполнение слов святого апостола: *Неверующий муж освещается женою верующею* (1 Кор. 7, 14). Но не случилось так, как они надеялись, ибо муж оставался погруженным в глубины нечестия и объятым тьмою идолослужения. Он не только не хотел обратиться к свету Христову, но и супругу свою Евфросинию всячески пытался увлечь к своему нечестию. Она также старалась наставить его на путь

---

[1] *Валериан* — римский император, царствовал с 253 по 259 г.

[2] *Галатия* — небольшая область в средней части Малой Азии. *Анкира* — ныне Ангора — цветущий, многолюдный город Галатии, доселе сохраняющий важное торговое значение для Малой Азии.

истины, денно и нощно убеждая его и показывая ему своим примером спасительный путь жизни, но ничего не преуспела в этом, так как очерствело сердце его. Она молилась Христу о ниспослании им милости, — о том, чтобы они, соединенные телесным союзом, соединились и духом во святой вере; если же это невозможно, то чтобы они разлучились и телесно, так как нет у них единодушия в вере. Господь наш Иисус Христос, слыша молитвы рабы Своей и милосердуя о ней, вскоре освободил ее от ига неверного мужа: его, как человека непотребного, ожесточенного сердцем, Он совершенно отверг и повелел перейти ему в вечность. Язычник умер, оставив после себя супруге малое первородное дитя, мужеского пола, еще в колыбели. Блаженная мать его Евфросиния питала его более благочестием, нежели молоком, а затем принесла его ко Христу, просветив святым крещением. Она дала ему имя Климент, что в переводе с греческого языка значит «виноградная молодая ветвь»[1]. Весьма удачно она дала ему это имя, подобно пророчице предвидя, что он будет отпрыском истинной лозы, Христа, имеющим принести много зрелых кистей — душ человеческих, обращенных ко Христу. Самым именем она предсказала, что он будет знаменитым исповедником пресвятого имени Иисуса Христа, прольет кровь свою и душу свою за Него положит и станет страдальцем и мучеником за Христа. Она учила сына чтению священных книг и доброму поведению, а равно наставляла его на всякую добродетель. Между тем как отрок возрастал годами и разумом и уже достигал двенадцатилетнего возраста, мать его, святая Евфросиния, приближалась к блаженной кончине своей. Предузнав о последней и уже возлежа на одре болезни, она желала, чтобы сын ее не столько был наследником ее скудного вещественного приобретения, сколько наследником неве-

[1] От греческого слова κλῆμα: отломанная молодая ветвь, молодой побег, ветвь виноградной лозы.

щественного, духовного богатства ее добродетелей. С материнской заботливостью она наставляла его, обнимая и лобызая:

— Дитя мое, дитя возлюбленное, дитя с колыбели осиротевшее и узнавшее о сиротстве своем прежде, чем об отце своем! Ты, однако, не осиротел, сын мой, ибо Отец для тебя есть Христос Бог, обогащающий тебя Своими дарами. Я родила тебя, сын мой, плотью, а Христос Бог возродил тебя духом. Поэтому знай, что Он тебе Отец; признавай себя Его сыном и постарайся, чтобы не напрасным было твое усыновление Богу. Служи Единому Христу Господу и во Христе полагай свои надежды, ибо Он поистине есть спасение наше и источник бессмертия. Он с небес сошел к нам, чтобы возвести нас с Собою на небо; Он сделал нас Своими возлюбленными чадами и установил наше общение с Богом. Служащий сему Владыке освободится от всяких диавольских козней, уничтожит змиев и скорпионов и победит всякую вражескую силу. Он не только посрамит нечестивых царей, князей и мучителей, поклоняющихся идолам и бесам, но и сокрушит главы самих бесов, почитаемых ими.

Проливая обильные слезы во время этой беседы, мать святого исполнилась Божественной благодати и начала пророчески предсказывать имеющее с ним случиться.

— Умоляю тебя, возлюбленный сын, — говорила она, — умоляю, чтобы ты воздал мне единственный дар за все мои болезни и заботы о тебе, ибо наступает время тяжкое. Уже близко гонение, дышащее страшною яростью и угрозами. Поэтому будь готов, как говорит Господь наш, что поведут тебя к правителям и царям за Него (Мф. 10, 18). Сын, окажи мне эту честь: стань за Христа дерзновенно и мужественно и сохрани крепко и непоколебимо исповедание Его имени. Я же уповаю на Христа моего, о дитя мое! Вскоре процветет на тебе венец мученичества в честь меня и для спасения многих душ. Приготовь же сердце свое к подвигу страдания, чтобы не застигло тебя неприготовленным время подвигов. Знай, что полезно быть искушаемым бедствиями, подобно золоту в горниле. Но ты не бойся: страдание будет временным, а воздаяние за него вечным; скоро пройдет скорбь и вечно продлится радость; кратковременно будет бесчестие здесь, но вечная слава ждет тебя у Бога. Козни мучителей и язвы продолжаются один какой-либо день, причем ярость царей земных бывает осмеиваема мучениками, слава их увядает, огонь, уготованный ими на Христовых мучеников, угашается. Меч их поедает ржавчина, сила их погибает.

Поэтому нет ничего такого, что могло бы отлучить тебя от Христа Господа; ты же взирай на небо и оттуда ожидай себе великого, богатого и вечного воздаяния от Бога. Бойся Его величия, ужасайся Его суда, трепещи всевидящего ока Его, ибо отвергшиеся Его унаследуют уготованный им огонь неугасимый и мучения от червя неусыпающего. Тех же, которые, познав славу Божества Его, никогда от Него не отпадают, ожидает неизреченное веселие, радость и утешение со святыми исповедниками. Да будет мне от тебя, возлюбленнейший сын мой, воздаянием за принятые мною, при рождении твоем, болезни и за труды по воспитанию то, что ты, исшедший из утробы моей, станешь исповедником Господним, а я буду называться матерью мученика и прославлюсь чрез сына, пострадавшего за Христа. Поэтому постарайся претерпеть за Пострадавшего за нас, и ты сподобишься многих благ от Него, а я, ради тебя, сподоблюсь общения со святыми. Вот я, сын мой, стою у дверей кончины моей; для меня не воссияет завтра этот видимый свет, — но ты — свет мой о Христе и жизнь моя о Господе! Поэтому умоляю тебя, сын мой, чтобы ты не посрамил меня в надеждах моих, которые я имею, но да спасусь, по слову апостола, *через чадородие* (1 Тим. 2, 15). Я родила тебя, сын мой, чтобы пострадать в тебе, как в своем собственном теле. Кровь, принятую от меня, пролей, не щадя, чтобы и я ради нее получила почести. Отдай тело свое на раны, чтобы и я возвеселилась о них пред Господом нашим, как бы сама пострадавшая за Него. Одна еврейская женщина некогда семь сыновей принесла Богу в качестве мучеников за благочестие, и, страдая единою душою в семи телах своих сыновей, осталась непобедимой[1]. Тебя же одного достаточно мне для славы у Господа моего, если ты будешь ревностно подвизаться за благочестие. Ныне я отхожу от тебя и явлюсь ранее тебя пред Богом. Я отхожу телом, но останусь духом с тобою, чтобы сподобиться вместе с тобою припасть к престолу Христову, похвалиться пред Ним твоими страданиями и увенчаться твоими подвигами, ибо и корень дерева, скрытый под землею, орошается той же росою, которою орошаются ясно видимые на земле ветви.

Так в течение всего дня блаженная мать пред святой своей кончиной наставляла своего возлюбленного сына, обнимая и лобызая его голову, лицо, очи, уста, грудь и руки.

---

[1] Здесь разумеется Соломония, мать святых мучеников Маккавеев: Авима, Антонина, Гурия, Елеазара, Евсевона, Алима и Маркелла. Память их совершается 1 августа.

— О блаженна я ныне, — говорила она, — ибо лобызаю члены тела мученика!

После столь обильных наставлениями речей, она, преклонив голову, предала душу свою в руки Господа своего и почила с миром.

После того как естественная мать Климента умерла блаженною кончиною и была погребена, отрок Климент совершенно осиротел, имея единого Бога своим отцом. Бог, общий промыслитель о всех, пекущийся о сиротах и нищих, дал блаженному Клименту, в то время еще ребенку, другую мать. В том же городе жила одна благородная, честная и богатая женщина, по имени София, подруга матери Климента, блаженной Евфросинии. София жила богоугодно, проводя в молитве день и ночь. Будучи бездетною, она приняла к себе, вместо сына, этого блаженного отрока, святого Климента, и любила его, как свое собственное дитя, всячески заботясь о нем. В это время был великий голод в Галатии. Нечестивые язычники бросали детей своих при дорогах, так как не имели чем питать их, и сами умирали от голода. Тогда святой Климент собирал тех детей в дом Софии, второй своей матери, и питал их от ее достатков, — одевал, учил и приводил их к святому крещению. Таким образом, он сделал дом Софии воспитательным приютом и училищем, а сама она стала матерью по Боге для многих детей, гораздо лучшею, чем их матери по плоти, ибо она рождала их духовно, воспитывая в христианской вере.

Святой Климент, будучи еще очень юным по возрасту, но уже приобретя разум совершенного мужа, начал от юности умерщвлять свою плоть постом и воздержанием, живя подобно иноку. Он воздерживался от мясной пищи, а питался только хлебом и злаками; питьем ему была вода. В этом он уподоблялся трем святым отрокам, тела которых, благодаря посту, оставались неповрежденными двойным огнем, — как внутренним — естественной похоти, так и внешним — горящей печи[1]. Для немногих христиан, живших тогда в этой стране, блаженный Климент был как бы Божественным светилом, просвещавшим всех светом богопознания. Но уже наступало время сему сияющему светильнику быть поставленным на свещнице, — святому Клименту, светящему добродетелями, взойти на ступень освящения, чтобы просвещением наибольшего количества людей наставить их на путь спасения. По Божию промышлению и изволению и по едино-

---

[1] Здесь разумеются три отрока еврейские: Анания, Азария и Мисаил, не сгоревшие в разожженной вавилонской печи. См.: Дан. гл. 1 и 3.

гласному избранию всех находившихся в Галатии христиан, он поставлен был сначала чтецом, а затем диаконом и пресвитером. Спустя же два года он был возведен и в епископский сан, будучи еще молод годами: ему было тогда не более двадцати лет. Он стал вторым Даниилом[1], который, будучи юным, превзошел старцев разумом и добродетелью и показал, что старость определяется не количеством лет, но добродетельною жизнью и премудростью. Приняв епископский сан, святой Климент стал учителем не только детей, собрав которых во множестве учил книгам, но и старцев: приводя язычников к христианской вере и крестя их, он все более увеличивал Христову Церковь.

Затем начало сбываться пророчество блаженной матери его Евфросинии и начал сплетаться для него мученический венец. Гонитель христиан Диоклетиан, вступив на римский престол, в первый год своего царствования разослал свои указы во все области Римской империи, к князьям и начальникам, наместникам своим, к игемонам, воеводам и градоначальникам, повелевая убивать и губить многоразличными видами смерти всех исповедующих имя Христово. При этом в своих посланиях он угрожал казнями всем тем правителям и князьям, которые осмелились бы не вполне ревностно исполнять его указ об истреблении христиан, и назначал таковым подобные же муки и казни, как и христианам; более же ревностным в мучительстве обещал богатства и почести. Тогда по всем областям и городам царские наместники и правители, одни из опасения гнева царя, а другие из желания угодить ему и получить от него почести, начали прилагать всякое старание, чтобы уничтожить в государстве само имя христиан. В это же время прибыл в Галатию царский наместник Домициан и ревностно разыскивал по царскому повелению христиан — с целью истребить их. Святого Климента, епископа Анкирского, язычники оклеветали в том, что он запрещает многим поклоняться великим богам и приводит ко Христу своему. Домициан тотчас повелел схватить его и привести к себе. Сначала он пытался ласковыми и льстивыми речами привлечь святого к своему нечестию. Он говорил:

— Клевету, возведенную на тебя, я вовсе не считаю истиною, ибо твое лицо, правдивый взгляд и кроткий нрав обнаруживают в тебе человека достойного, благородного, мудрого и разумного, а все, сказан-

[1] Святой Климент сравнивается здесь со святым пророком Даниилом.

ное о тебе, изобличает детское безумие клеветников. Скажи же нам сам о себе: от тебя самого мы скорее узнаем истину, если ты хотя немного что-либо скажешь нам от своей мудрости.

Святой епископ ответил ему:

— Наша премудрость и разум есть Христос, Сын Бога Отца, словом Которого все создано. От Него же мы имеем дар речи и разумения.

— Вот ты уже, — прервал его мучитель, — незаметно оскорбил нас, сверх всякой надежды, в самом начале начав пустословить; но я советую тебе: оставь все эти бесполезные разговоры и принеси жертвы богам нашим. Знай, что всякого, унижающего богов, ждут муки, а почитающего их и поклоняющегося им, ожидают почести. Пример этого ты видишь на нас: благодаря почитанию этих богов мы достигли столь высокого сана и благодарим богов за их благодеяния, воздавая почести почитающим их и казня нежелающих поклоняться им.

На эти слова наместника святой рассмеялся и сказал:

— Мы, правитель, думаем совершенно наоборот словам твоим. Ваши дары мы признаем ничтожеством, ваш почет бесчестием и высокий сан — работою пленника. Напротив, бесчестие, угрозы, мучения доставляют нам радость и утешение, и что больше всего соединят нас с Богом. Зная это, ты не надейся отвратить нас от благочестия — ни обещанием почестей и даров, ни угрозами мучений.

Такие слова святого вызвали гнев Домициана. Пристально взглянув на святого, он сказал:

— Как вижу, я возбудил в тебе гордость, кротко беседуя с тобою, и это неудивительно, ибо, как я слышал, ты, постоянно пребывая с детьми, подобно им и разум детский имеешь. Однако знай, что если ты не умилостивишь богов жертвами, то будешь казнен смертью, притом не такою, какою ты надеешься скоро умереть, но прежде примешь многие и различные муки, а затем в страданиях умрешь от самой тяжкой казни. Итак, будучи нечестивым, ты тяжко пострадаешь и послужишь для других примером, чтобы и они вынесли поучение для себя от твоей страшной гибели.

Святой Климент ответил на это:

— Так как ты напомнил мне о детях, то знай, что я прилагал старание научить детей той премудрости, которой не знают у вас старейшие и мудрейшие мужи, ибо истинная Божия премудрость сокрыта от премудрых и разумных мира этого и открыта для младенцев. Я же с

гордостью утверждаю, что приношу Богу моему разумные и словесные жертвы, а не так, как ваши жрецы приносят потоки крови, дым и всякую мерзость, чем вы и ублажаете почитаемых вами богов. Когда же я пролью кровь свою за Бога моего и принесу Ему ее в жертву, то если и не вполне, по крайней мере отчасти воздам Господу моему за пролитие Им крови за меня, ибо Христос, Царь мой, искупил меня Своею честною Кровью.

Когда мученик с большим дерзновением изложил эту речь, наместник оставил свою притворную кротость и ясно обнаружил свои природные — свирепость и безумие. Он повелел повесить святого на дереве нагого, а затем строгать и резать его тело острыми железными орудиями. Исполняя приказанное, слуги кричали мученику, чтобы он не пренебрегал царским повелением. Они взрывали на теле святого глубокие борозды, точно на ниве, так что тело его отваливалось кусками: уже виднелись ясно его внутренности; сами мучители не могли равнодушно смотреть на это. Он же нисколько не поколебался умом, не изменил выражения лица своего, не испустил ни одного звука от нестерпимой боли, не сказал ни одного слова жалобы, даже не застонал при столь тяжких мучениях. Он был крепче и мужественнее, нежели те, которые смотрели на такие его мучения. Казалось, он менее страдал, чем мучители его. Он спокойно благодарил Подвигоположника — Христа Бога, с радостным лицом взирая на небеса и говоря:

— Слава Тебе, Христе, свет мой и жизнь, дыхание мое и радость! Благодарю Тебя, Податель жизни, что удостоил меня такого спасения. Возрадовалась душа моя на пути исполнения заповедей Твоих. Приятно мне всякое страдание за любовь Твою. Слава Тебе, что Ты укрепляешь меня терпением! Ты простер ко мне, грешному, Свою всесильную руку, избавляя меня от ярости правителя и от рук мучителей моих, ибо Ты Сам — прибежище для всех скорбящих.

Когда святой молился так, мучители его ослабели и прекратили мучения. Видя бездействие слуг, наместник сказал мученику:

— Не думаешь ли ты, что я побежден уже твоим терпением, если в один час утомились мои слуги?

Святой отвечал:

— Я не думаю так, но верую и надеюсь на пребывающего во мне Христа, ибо Он победил, побеждает и будет побеждать всякого врага.

Тогда наместник повелел другим слугам приступить ко святому и сильнее первых терзать его тело. Они так же мучили непобедимого страдальца долгое время, пока и сами не изнемогли и не стали, как мертвые. Наместник, смотря на это, и то удивляясь, то стыдясь бессилия слуг своих, повелел снять мученика с дерева. Святой имел такой вид, что смотреть на него было страшно, а руками прикоснуться и невозможно. Он был совершенно обнажен от тела, как от какой-либо одежды; только одни кости его виднелись в крови, и едва можно было признать в нем человека. Наместник, видя, что мучениями ничего не достигнешь, снова начал беседовать с мучеником кроткими словами. Он же, бодро возражая мучителю, как это и приличествовало мужественному воину Христову, снова привел его в ярость. Тогда Домициан громко воскликнул:

— Поистине дерзок этот человек! Бейте его по лицу и по устам, ибо эти части тела его еще целы; потому-то и отвечают они так дерзко. Пусть же будут они подобны и всему телу. Бейте их беспощадно.

Тогда слуги стали сильно бить святого ладонями по лицу и по устам, так что он упал на землю от сильных ударов; но и после того на земле они били немилосердно камнями в уста его и сокрушили ему зубы. Мученик же, радуясь, говорил:

— Ты, правитель, скорее, оказываешь мне почесть, чем мучаешь, ибо и Господь мой Иисус Христос был бит по устам и заушаем по ланитам, и я, недостойный, сподобился ныне того же. Стефан первомученик был побит камнями, и я украсился тем же. Мне приносит облегчение в моих муках то, что я вижу себя подражателем страстей Христа моего. Облегчает мне все страдания и то, что я сподобляюсь одинаково великой чести с бо́льшими и лучшими меня, будучи участником в тех же страданиях.

Мучитель, удивляясь такому величию духа мученика, повелел отвести его в темницу. Полагая же, что он не будет в силах идти сам, так как все тело его представляло сплошную язву, повелел слугам нести его за руки и ноги. Но святой отстранил хотевших взять его, встал и пошел сам, укрепляемый силою Христовою, воспевая слова псалма: *елей же грешнаго да не нама́стит главы́ моея́* (слав. Пс. 140, 5). Видя это, наместник сказал окружающим его:

— О каково терпение и каково мужество этого человека! Таким следовало бы быть царскими воинами, чтобы они были выше всяких бедствий. Не подобает мне судить его снова; отошлю я его к царю

Диоклетиану, ибо разве только сам он будет в силах одолеть его, так как очень искусен в мучительстве. Он всегда изобретает такие мучения и казни, что весь город Рим трепещет его суда.

Спустя несколько дней святой, находясь в темнице, благодатью Христовою исцелился от ран и стал здоровым. Тогда наместник послал его в Рим, к царю Диоклетиану, написав подробно о нем. Когда святой выходил из города, ведомый воинами, он молился Богу так: «О Боже, Царю неба и земли и всей вселенной, Единый, все наполняющий и не оставляющий без промышления ни одного места! В руки Твои я предаю этот город; сохрани его и души всех верующих в Тебя. Сохрани и Церковь Твою невредимою, чтобы псы и волки не разогнали в этом городе малого стада Твоего. Не дай погибнуть или уменьшиться числу словесных овец Твоих, но еще более умножь их ради славы святого имени Твоего. Не удаляй меня совершенно от города сего, не пребывая со мною в пути и во время страданий моих, снова возврати меня сюда, как некогда возвратил Иакова в дом отца его и избавил его от руки Исава, как повелел некогда людям своим изнести из Египта кости Иосифа и положить их в отеческом гробу (Быт. 36; Исх. 13, 19), дабы прославилось имя Твое во веки веков».

После этой молитвы святой был отправлен в путь.

Когда он был приведен в Рим и поставлен пред нечестивым царем, царь сильно удивлялся, видя сияние на лице мученика и его телесную крепость. Он не хотел верить письму Домициана, сообщавшему, какие страдания претерпел этот христианин. Он видел, что святой здоров телом и весел лицом, как будто никогда не переносил никаких бедствий. Он спрашивал:

— Ты ли это славный Климент, претерпевший столь великие муки?

Затем он повелел предложить святому с двух сторон многие и различные вещи, взаимно противоположные: с одной стороны — много золота и серебра, царские указы, дарующие великомученику высокие почести, драгоценные одежды, всякие богатства и отличия, а с другой стороны — орудия мучения: железные клещи и когти, железные одры с гвоздями, острые бритвы, раскаленные угли, накаленные докрасна котлы и шлемы, заостренные колы, колеса, тяжелые цепи и прочие бесчисленные орудия мучения. Когда было предложено это мученику, царь, взглянув на него и указывая рукою на золото и богатые дары, сказал:

— Это дарят тебе боги наши, если ты, обратившись к ним, начнешь почитать их поклонением и жертвами.

Святой отвратил глаза свои от этих даров, как вещей ничтожных, скверных и смрадных, даже недостойных созерцания, и сказал со вздохом:

— Да будут эти дары богов ваших на погибель вам!

Тогда царь, грозно взглянув, указал рукою на орудия мучения и сказал святому:

— Это уготовано для неверующих в наших богов.

На это мужественный Христов мученик ответил ему:

— Если ты думаешь, что изобретенные тобою мучения страшны, то зачем ты пренебрегаешь теми мучениями, которые уготовил Бог для неверующих в Него? Равным образом, если дары ваши представляются заманчивыми, достойными удивления и почетными тем, которые ищут земных благ, то во сколько раз достойнее дары, воздаваемые на небе, которые уготовил Бог любящим Его, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9). Золото и серебро суть бесплодная земля и добываются людьми для внешнего украшения. Их изменяют огонь и железо, поедает ржавчина, уничтожает трение; их отнимают разбойники и крадут воры. Светлые одежды суть дело червя (шелковичного) и пища для моли; они изготовляются из шерсти, по необходимости отнимаемой у бессловесных животных. Тем, которые делают одежды, нужно удивляться более, чем вам, украшающимся ими, ибо они, благодаря некоему искусству, создают вещь, превращая худшее в лучшее; между тем такие художники презираются, как простые и ничтожные люди. Наоборот, те, которые украшают себя их изделиями, гордятся и превозносятся, хотя и заимствуют свою пышность от ничтожных бессловесных животных. Дары же благого Бога нашего не заимствованы ни от кого, но суть Его собственные и неизменные достояния, пребывающие в Нем по Его изволению, а не вследствие человеческого искусства. Они имеют славу безмерную и достоинство вечное; они не боятся какого-либо изменения от продолжительности времени; их не съедает моль и не портит тление, и даже в бесконечные веки они не могут обветшать.

Диоклетиан сказал ему на это:

— Хорошо ты говоришь, но плохо разумеешь. Я потому стараюсь привести тебя к познанию богов и ради того кротко беседую с тобою, убеждая тебя, чтобы ты не надеялся на смертного человека, что Тот,

Которого вы почитаете, как Христа, претерпев от иудеев множество мучений, наконец был убит и умер, а боги наши всегда бессмертны и никогда не страдали.

Святой отвечал:

— Справедливо ты говоришь, царь, что боги ваши бессмертны и бесстрастны, ибо как они могли бы умереть, если они никогда не жили? Как они могли бы пострадать, если они бесчувственны? Разве ты не знаешь, что они после биения и ковки, резания и трения вышли из рук человеческих? В самом деле, каменные боги ваши выбиты топором и скобелем, деревянные вырезаны ножом и пилой, а медные и железные выкованы молотом; немало и других бесчестий, биений и оскорблений они приняли, — однако остались бесчувственными. Подлинно, они бессмертны, потому что никогда не жили, а сокрушаются они так, как будто никогда ранее и не существовали. Господь же мой и Бог, Иисус Христос, по естеству человеческому изволил умереть плотью, чтобы спасти мир и уничтожить самую смерть Своей Божественной силой. Сотворив это, Он воскрес в третий день и даровал нам для вечной жизни Себя Самого.

Диоклетиан, слушая эту свободную и дерзновенную речь святого, сильно разгневался и повелел привязать его к колесу нагого, вращать колесо и бить святого железными палками. При вращении колеса, когда святой был наверху, его били палками, и когда оказывался внизу, где нарочно было устроено слишком узкое пространство, там был сильно терзаем острым колом, так что кости его ломались, а тело его, отросшее после первых мучений, отваливалось. Мучимый в течение многих часов, Христов мученик молился так: «Господи, Иисусе Христе! Помоги мне и облегчи мои муки, устрани лютую боль, ибо, на Тебя надеясь, я отдал себя на раны. Помоги мне, как некогда помог святому апостолу Твоему Павлу, и воззри на плоть мою, сильно изъязвленную! Я же желаю быть невредимым и здравым ко славе и исповеданию святого имени Твоего и для принятия за Тебя бóльших мук — в посрамление и бесславие нечестивых. Укрепи меня ради имени Твоего, ибо я возложил упование на Тебя, Подателя жизни!»

В то время как святой молился таким образом, колесо остановилось неподвижно, а вращавшие его утомились и изнемогли. Святой же, отвязанный невидимою рукою, снова стал невредим всем телом и здрав. Многие, собравшиеся там, видя это, восклицали с изумлением:

— Велик Бог христианский!

А святой Климент, эта истинная лоза Христова винограда, уразумев духом, что от его страдальческих подвигов могут произойти многие гроздья, громогласно воссылал Богу хвалу, восклицая: «Благодарю Тебя, Боже, Отец небесный, за то, что Ты удостоил меня страдать в этом великом городе за единородного Сына Твоего, пострадавшего за нас и пролившего драгоценную кровь Свою для искупления нашего, — Которого здесь святой Петр проповедовал, Павел возвещал, соименный мне Климент прославил, а равно и Онисим исповедал[1]. Они и пострадали за Него, и умерли, а ныне прославляются на небе, почитаются многими на земле, и еще бо́льшим числом людей скоро будут прославляемы превыше царей земных. Сами цари верные будут поклоняться им».

Святой говорил это, возвещая наступающее время, когда поклонение идолам исчезнет, как тьма, а вера Христова воссияет, как солнце, и просветит всю вселенную. Эти слова святого жгли сердце мучителя Диоклетиана, как пламя, и возбуждали в нем еще большую ярость. Не обращая никакого внимания на соделанное Божиею силою чудо и ослепленный злобой, он распалился еще большей лютостью мучительства. Он велел бить по устам святого толстыми железными палками и сокрушить ему зубы. Святой же и во время этого истязания не переставал говорить, раздражая мучителя, хотя ему и запрещали это слуги, повелевая молчать. Но подобно меди, в которую, чем сильнее ударяют, тем более ясный звук она издает, мученик Христов, чем более ему запрещали говорить, сокрушая уста и зубы железом, тем громче взывал, говоря то, что служило к славе Божией и к посрамлению гордого мучителя. Когда наконец сам Диоклетиан утомился и изнемог от ярости, он повелел сковать мученика железными цепями и ввергнуть в народную темницу.

Когда святой сидел в темнице, пришло к нему в вечернее время множество народа, мужи и благоразумные женщины с детьми, бывшие на площади во время казни и видевшие мужество святого. Они единодушно припадали к его святым ногам и просили святого крещения. Святой благодарил Бога за то, что при столь тяжком гонении число исповедников Его умножалось. Он немедленно приступил к на-

---

[1] Здесь разумеются святые апостолы Петр и Павел и из лика семидесяти апостолов: Климент, папа Римский (память празднуется 25 ноября), и Онисим (память отмечается 15 февраля).

учению их святой вере во Христа и крестил всех от мала до велика, ибо в темнице этой было достаточно воды. При этом он воспевал радостно: *Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты* (Пс. 31, 1). Когда наступила полночь, великий свет с неба осветил эту темницу, и все, смотревшие вверх, увидели прекрасного юношу, сияющего молниеносной одеждой и с распростертыми крыльями сходящего к святому мученику. Приблизившись к нему, юноша дал ему в руки чистый хлеб и чашу вина и тотчас стал невидим. Святой Климент, уразумев, что это — Тело и Кровь Христовы, сотворил обычные молитвы и подал всем новокрещеным причастие Божественных Тайн, когда уже стало светать. Приходили к нему верующие и во все последующие дни, приводя с собою многих, жаждавших святого крещения. Так умножалось Христово стадо, а темница стала как бы церковью, в которой воссылались хвалы Богу. Видя это, стражи возвестили о том царю. И вот, когда ночью собралось ко святому множество верующих, пришли, по повелению царя, воины и, захватив всех, вывели их за город, как овец на заклание. Перед усечением головы каждого спрашивали:

— Отрекаешься ли ты от Христа, чтобы остаться в живых?

И не нашлось ни одного, кто устрашился бы смерти; напротив, все предпочитали умереть за Господа своего. Тогда было усечено за Христа многое множество мужей, жен и детей. Один только юноша избежал рук палачей, не из боязни смерти, а вследствие желания претерпеть бóльшие мучения за истинного Бога. Имя этому юноше, о котором речь предстоит ниже, было Агафангел.

После этого Диоклетиан опять призвал святого на суд и подверг его продолжительным и лютым пыткам: сначала, обнажив и протянув на земле, долго и крепко бил воловьими жилами, а затем, повесив, строгал железными когтями, пока не обнажились кости и пока все тело не было острогано. Святой же говорил мучителю:

— Это тело, которое вы строгаете, — не то, что вышло из утробы матери; то уже давно и совершенно снято с костей наместником Домицианом. В это же новое тело облек меня Христос, мой Создатель. А так как вы стараетесь острогать его от костей моих, то я верую Христу моему, что Он снова облечет меня в такую же плоть по Своему всемогуществу: ибо в самом деле, разве не будет недостатка в глине для горшечника? Напротив, не найдется ли для него изобилия в материале?

Затем мучитель повелел опалять свечами бока его, но святой все с радостью терпел за сладчайшего Иисуса. Диоклетиан, удивляясь терпению и мужеству мученика, говорил окружающим:

— Многих окаянных из христиан я замучил и не видел еще ни одного такого непобедимого. Теперь пошлю его в Никомидию к Максимиану, как нечто новое, никогда невиданное и неслыханное. Пусть и он подивится непобедимости в муках этого тела! Я думаю, что и он никогда не встречал такого твердого умом и крепкого телом.

Он повелел связать святого и, посадив на корабль, везти в Никомидию к другому царю Максимиану[1], причем написал к нему обо всем, что святой Климент претерпел от него в Риме, а ранее того от Домициана в Анкире. Когда святой должен был вступить на корабль, упомянутый выше Агафангел, убежавший ночью от рук воинов, убивавших мечами за городом Христово стадо, ранее его незаметно вошел на корабль и ожидал святого Климента. Когда святой был уже введен, он припал к его ногам и, поведав о себе, что он крещен святым, рассказал ему все о гибели верующих и о своем бегстве, разъяснив, что он ради того пришел к святому, чтобы претерпеть с ним за Христа Господа всякие муки и вместе умереть. Святой Климент возрадовался о блаженном Агафангеле, видя его ревность и любовь ко Христу Богу, а самое прибытие его считал как бы пришествием Ангела Божия. Он воздавал благодарение Владыке всех и просил у Него укрепления и помощи, дабы Он подал молодому юноше мужество и силу претерпеть до конца и сподобиться венца мученического.

Во время плавания святые пребывали в молитве день и ночь и вовсе не принимали пищи. Святой Климент совершенно не заботился об этом и говорил:

— Я имею хлеб в сердце моем, Самого Иисуса Христа, а потому не взалкаю; я имею живую воду, благодать Христову, а потому не возжаждаю вовеки.

Воины, видя, что Климент и Агафангел не едят и не пьют в течение многих дней, сжалились над ними и предлагали им хлеб и воду. Они похвалили воинов за это доброе дело, но пищи и питья не приняли от них, сказав, что их питает Промыслитель о всех Бог: Ангел Господень приносил им ночью с неба пищу и укреплял их. После продолжитель-

---

[1] *Максимиан II Галерий*, зять и соправитель императора Диоклетиана до 305 года, самостоятельно царствовавший затем до 311 года.

ного плавания они пристали к острову Родосу[1]. В то время как многие выходили с корабля в город купить пищи, святые умоляли оставшихся воинов — отпустить их в христианскую церковь, чтобы причаститься Божественных Тайн, животворящего Тела и Крови Христовых, ибо день был воскресный. Епископ этого острова, боголюбивый Фотин, услышав о святом Клименте, пришел со своим клиром и с прочими христианами и просил начальника воинов освободить от оков Климента и отпустить его к ним на малое время вместе с учеником его Агафангелом. Он обещал без замедления снова привести их на корабль. Святой Климент был отпущен по просьбе епископа. Святых ввели в небольшую церковь, так как и христиан тогда на острове этом было мало. Когда епископ повелел совершить чтение из Божественного Евангелия, то клирик раскрыл книгу и начал читать следующие открывшиеся слова: *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28). Слыша это, святые возвели очи свои вверх со вздохом, а христиане, стоявшие в церкви, смотря на них, стали плакать, так что вся церковь наполнилась стенаниями и воплями. Тогда епископ стал просить святого Климента совершить Божественную литургию. Когда святой священнодействовал, некоторые из клириков и даже из простых людей, которые были достойны, видели на дискосе большой уголь, сильно раскаленный и горящий. От него исходил несказанный блеск, который освещал святого и предстоящих, а над алтарем были видимы святые Ангелы, парящие по воздуху. Видевшие это чудо пали ниц на землю и не смели взирать на святого. По совершении службы епископ Фотин взял святых и прочих христиан к себе в дом и предложил угощение. Многих больных приводили и приносили к святому Клименту не только из верующих, но и из язычников. Всех их мученик Христов исцелял молитвою и крестным знамением. Поэтому множество язычников начали явно исповедовать, что Христос есть истинный Бог, и просили крещения. Воины, видя, что стекается множество народа к святому Клименту, испугались, чтобы народ не отнял у них узника и не совершил на них нападения. Поэтому, взяв святого, повели его на корабль и снова возложили на него оковы. Верующие провожали его со слезами и рыданиями, не желая расставаться с ним. Наконец, простившись со святым и облобызав узы Климента, они возвратились,

---

[1] *Родос* — большой остров в юго-западной части Эгейского моря (Архипелага), отделяющийся от южного берега малоазийской области Карии только довольно узким проливом.

так как воины побуждали поскорее плыть оттуда. При помощи попутного ветра они переплыли Эгейское море и достигли Никомидии.

Живший в Никомидии нечестивый царь Максимиан, получив письмо Диоклетиана и увидев мученика, удивлялся его великому терпению и непобедимому никакими муками мужеству.

Но сам он боялся истязать его, чтобы не быть посрамленным, а потому передал его для истязания воеводе Агриппину; сам же показал вид, что очень занят другими государственными делами. Агриппин, призвав к себе на суд святых, обратился к Клименту:

— Ты ли Климент?

— Я — раб Христов, — отвечал мученик.

Воевода повелел бить его кулаками по устам, говоря:

— Почему ты не называешь себя рабом царским, а Христовым?

Святой же, подвергаемый побоям, отвечал:

— Следовало бы и вашим царям быть рабами Христовыми; тогда было бы мирно их царствование и все народы покорил бы их власти Христос мой.

Тогда воевода, посмотрев на святого Агафангела, спросил:

— А ты кто такой? О тебе ничего не написано в письме Диоклетиана.

Агафангел, воззрев на небо, сказал:

— Я — христианин, а сподобился я имени христианина чрез этого слугу Божия Климента.

Воевода сказал на это:

— Значит, он виновник твоего заблуждения и ожидающей тебя лютой смерти.

Затем он велел повесить святого Климента нагого и резать бритвами его тело, а святого Агафангела, также нагого, велел сильно бить жилами. Святой Климент во время мучений молился Богу, дабы Он укрепил Агафангела в его страданиях. После этих мучений воевода повелел обоих страдальцев ввергнуть в темницу. В темнице находилось множество других узников, осужденных за различные вины. Они, видя усердные молитвы святых к Богу и созерцая, что Ангелы Божии посещали и утешали рабов Христовых, умилились сердцем и, припадая к ногам их, просили, чтобы они привели их к Богу своему. Случилось, по Божию усмотрению, что там было достаточно воды для крещения. Наставив их в вере христианской, святой Климент крестил всех, затем отверз темницу молитвою и отпустил их, говоря:

— Выйдите, чада, и спаситесь от рук нечестивых. Да сохранит вас Господь Иисус Христос!

Наутро воевода Агриппин, узнав об освобождении узников, сильно разгневался на святого и, устроив высокий помост, отдал их на съедение зверям. Но звери не причинили вреда святым; напротив, они ласкались к ним, как домашние псы к своим господам. Тогда мучитель повелел — раскаленными железными рожнами вращать каждый палец на руках мучеников до самого локтя. Видя это, народ не мог переносить такого мучительства и требовал от воеводы с угрозами, чтобы он отпустил невинных. Но воевода разгневался еще больше и повелел другими остроконечными раскаленными орудиями вращать руки их до плеч. Тогда негодующий народ, схватив каменья, бросал в воеводу и громогласно восклицал:

— Велик Бог христианский!

Воевода, убоявшись волнения и ропота народного, бежал и скрылся в своем доме, а святые мученики совершенно беспрепятственно пошли на гору, называемую Пирамис, на которой язычники обычно приносили жертвы своим богам. Там они, войдя в языческое капище, молитвою сокрушили идолов, изгнали оттуда бесов. Спустя несколько дней воевода узнал о местопребывании святых и пошел туда со жрецами и с войсками своими. Там он крепко избил святых мучеников толстыми палками и, сокрушив их кости, повелел зашить в мешок каждого особо, вместе с положенными туда камнями, и бросить с горы в море. Святые, скатившись в мешках на горной стремнине, упали в море и потонули в глубокой пучине. Все уже считали их погибшими. Некоторые из верующих, узнав о потоплении святых, ходили по берегу в надежде, что море, обычно выбрасывающее мертвецов, выбросит и тела святых мучеников. Скоро они заметили два мешка, плавающие по морю, и, сев в лодки, подплыли к ним. Развязав мешки, они нашли святых нисколько не пострадавшими и прославили Бога. Святые в ту ночь почивали на берегу. Ангелы Божии, посетив их, укрепили их пищею. Когда наступило утро, святые Климент и Агафангел пошли в город и, став среди площади, говорили людям о величии Божием, затем, простерши руки свои к небу, стали молиться: «Благодарим Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты не оставил нас, надеющихся на Тебя, но избавил нас от лютых мук и не обрадовал врагов наших о нас, но прославил в нас Твое святое имя».

Тут находились два слепца; кроме того, один сухорукий и один расслабленный. Святые исцелили их тотчас чрез возложение своих рук.

Видя это, народ начал приводить к ним своих больных и одержимых нечистыми духами. Все они исцелились молитвами и прикосновением рук мучеников. Имя Господа Иисуса Христа велегласно прославлялось народом. Услышав об этом, воевода Агриппин пришел в страх и, будучи в недоумении, отправился возвестить обо всем бывшем царю. Сильно удивился и царь тому, что считавшиеся погибшими в море святые оказались живыми. Узнав же, что святой Климент — родом из Анкиры, он повелел послать его вместе с учеником его в Анкиру, говоря:

— Произведший и воспитавший его город пусть возьмет его себе и казнит, как хочет.

Затем он написал о святом Клименте к анкирскому князю Курикию; воины же обоих святых, связанных, повели в Анкиру.

Святой мученик Климент, входя в родной город, говорил с радостью:

— Слава Тебе, Боже, за то, что услышал смирение мое! Слава Тебе Христе, что сподобил меня увидеть родной город!

Оба святые были представлены князю Курикию. Он же, допросив их, начал мучить. Прежде всего он велел опалить бока святого Климента железными, сильно раскаленными досками, а затем, привязав его к столбу, бил немилосердно, так что тело его отпадало кусками. Святого же Агафангела он велел повесить и строгать железными когтями. При этом он, усмехаясь, спрашивал их:

— Не ощущаете ли вы боли в телах ваших?

Святой Климент ответил апостольскими словами: *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16).

Тогда мучитель повелел разжечь докрасна железный шлем и возложить его на голову святому Клименту. Когда это было сделано, начал исходить густой дым из ноздрей, ушей и рта святого. Он же, претерпевая несказанное мучение, взывал ко Господу своему: «Источник неисчерпаемый, вода живая, дождь спасительный! Исцели меня росою благодати Твоей. Ты извел нас из воды; избавь и от огня рабов Твоих».

В то время как святой так молился, немедленно остыл железный шлем на голове его. Видя это, князь Курикий пришел в ужас и, недоумевая, что еще делать с ними, отправил их в темницу, а к царю Максимиану написал подробно, сообщая о случившемся. В темницу пришла ночью блаженная София, вторая мать Климента. Она лобызала его с великою радостью и слезами, веселясь о своем нареченном сыне, который оказался достойным страдальцем Христовым и славным по-

бедителем над муками. Она лобызала язвы и узы святых; затем она омыла и отерла кровь их и обвязала раны их чистыми платками. При этом она подробно расспрашивала святого Климента: как он пострадал, где и от кого. Она принесла им и пищу и укрепила их. Во все последующие дни она приходила и служила узникам Христовым.

Спустя несколько времени пришло от царя повеление к князю Курикию отослать святых мучеников в другой город, называемый Амисией[1], к другому, более жестокому мучителю, наместнику царскому, по имени Домиций. Блаженная София далеко провожала святых мучеников вместе с теми детьми, которые были собраны святым Климентом во время голода в дом ее и воспитаны ею, после чего стали как бы ее собственными детьми. Некоторые из них не хотели расстаться со святыми страстотерпцами и пошли за ними, привязанные к ним сердечною любовью. На пути они были, по повелению царя, заколоты воинами, о чем немедленно и было сообщено царю. В Амисии святые страстотерпцы были брошены Домицием в кипящую известь в пятницу, во втором часу дня, а в субботу, в третьем часу, оказались живыми и здоровыми. Видя это, два воина уверовали во Христа и публично объявили себя христианами, за что в ту же субботу, в седьмой день сентября, были распяты нечестивыми. Имена их — Фенгон и Евкарпий. А святым Клименту и Агафангелу мучитель повелел содрать кожу с плеч и бить палкою долгое время. Затем он повелел положить их на раскаленных железных одрах и сильно обжигать их, поливая серою и смолою. Святые же, почивая без всякого вреда, как бы на мягкой царской постели, заснули сладким сном и видели в сонном видении Христа Господа со множеством святых Ангелов Его. Господь сошел к ним свыше и сказал:

— Не бойтесь. Я — с вами.

Проснувшись, они с радостью рассказали друг другу об этом видении. Святых мучили на раскаленных железных одрах долгое время. Когда же Домиций увидел, что огонь нисколько не вредит им, то недоумевал, что с ними делать: он велел снять их и отвести в темницу. Долго пробыли святые в этой темнице, а затем были отосланы снова к царю Домициану, проживавшему в то время в Тарсе. Когда они шли туда, то страдали от жажды, а особенно изнемогали ведшие их воины, ибо страна эта была пустынна и безводна. По молитве своей святые извели из сухой земли источник живой воды. Все пили и прохладились; воины же взяли с собою в путь сколько нужно было воды. Во время этого пути святой Климент усердно молился Христу Богу, чтобы Бог

[1] Город в Понте, на севере Малой Азии.

сподобил его во все дни его жизни терпеть мучения за Его святое имя. Тогда он получил откровение от Бога, что с прошедшими уже годами его мучения до полного совершения мученического подвига он должен прожить двадцать восемь лет среди непрерывных страданий. Святой весьма обрадовался этому, ибо он был всецело поглощен несказанною любовью ко Христу Богу своему. Он желал пребывать в лютых мучениях за Христа долгое время и умирать многократно во все дни жизни.

Когда царю Максимиану были представлены святые, он сильно удивился, как они доселе остаются живыми и непобедимыми после стольких мучений. Снова допросив и найдя их непреклонными, он велел разжечь огненную печь, как некогда Навуходоносор в Вавилоне, и ввергнул в нее Христовых воинов. Святые пробыли в этой печи день и ночь и оказались живыми и невредимыми. Видя это чудо, многие из народа уверовали во Христа. Затем святые были ввергнуты в темницу и пробыли в ней четыре года. Нечестивый царь надеялся, что святые, утомившись продолжительным заключением и перенеся в темнице много бедствий, скорее обратятся к языческой вере.

По истечении четырех лет темничного заключения царь, признавая их как бы недостойными своего царского суда, но вместе с тем стыдясь обнаруженного ими самим делом непобедимого величия духа, поручил их одному весьма жестокому правителю, по имени Сакердон, который погубил бесчисленное множество христиан жестокими мучениями и страшной смертью. Он должен был принудить святых узников к поклонению языческим богам. Не успев убедить святых мучеников Климента и Агафангела ни льстивыми словами, ни угрозами, он повелел, привязав их нагих к дереву, бить жестоко и строгать их тело так сильно, что плечи и спины святых были совершенно остроганы до костей. Уже виднелись обнаженные кости и суставы, плоть же вся отпала. Мучитель, полагая, что они тотчас умрут, повелел отвязать их и отнести в темницу. Но, увидев, что святые стоят на своих ногах и чувствуют себя бодро, а в темницу идут сами, он сильно устыдился и от ярости и стыда изнемог телом. Он был едва жив, так что был отнесен на руках слуг своих из судилища домой. У святых, идущих в темницу, плоть отпадала частями вместе с кровью от тел их. Верующие собирали ее на пути вместе с песком и хранили у себя как величайшее и драгоценное сокровище. Когда царь узнал о телесной слабости Сакердона, то рассмеялся и сказал:

— Вот, славный Сакердон, одолевший многих христиан, сам побежден двумя!

В это время стоял пред царем один князь, по имени Максим. Он умолял царя, чтобы он отдал святых мучеников в его руки, похваляясь, что он или принудит их к жертве, или уморит их муками. Когда царь разрешил это, он взял святых к себе и не тотчас начал их мучить, но прежде в продолжение многих дней с ними дружески беседовал, увещевал их поклониться богам, — а затем однажды призвал их к себе и сказал:

— Радуйтесь, мужи, — вас любят бессмертные боги, как подлинных сынов своих, и заботятся о вас. Они много раз говорили мне о вас во сне и ясно сказали мне на мои вопросы, что вы обратитесь к ним. Потому-то они удержали мучителей ваших, чтобы они не погубили вас, ибо боги ждут вашего обращения, которое уже близко. Еще в прошлую ночь великий среди богов Вакх[1], явившись мне, сказал: «Приведи тех двух мужей ко мне». Теперь же, мужи, храм Вакха открыт, алтарь украшен, жертвы приготовлены; придите и принесите ему жертвы.

Святые ответили ему:

— Ты лжешь бесстыдно, судья! Ибо твои боги, как известно, немы; точно также и во сне они ничего не могут говорить. Притом, который Вакх говорил тебе? Ведь два у вас здесь идола Вакха: один каменный, а другой медный. Коли говорил каменный, то мы пророчествуем ему, что скоро придет то время, когда он будет разбит на части или будет положен вместе с другими камнями в стену, создаваемую из камня, или, наконец, будет брошен в огонь и превратится в песок. Если же говорил тебе медный Вакх, то скоро он будет переделан в кувшины и другие ничтожные сосуды.

Не будучи в состоянии слушать эти речи, Максим начал жестоко мучить их. Мучение было таково: он велел вонзить в землю различные острые железные орудия: рожны, ножи, гвозди, трезубцы и другие весьма острые предметы, какие только мог изобрести, — притом острием вверх и на близком расстоянии друг от друга. Высотою эти острия равнялись длине одной стопы ноги. Он велел положить на острия святого Климента нагого спиной, лицом вверх, и бить его толстыми палками, а святому Агафангелу велел лить на голову растопленное олово. В то время как святой Климент был бит палками по груди и по всему телу, от головы до ног, все тело его снизу искололось

---

[1] *Вакх*, или *Бахус* (у греков — *Дионис*), почитался древними греками и римлянами богом винограда и виноделия, даром вина радующим сердце людей и разгоняющим печаль и заботы.

и изрезалось на тех острых орудиях; одни железные острия прошли до сердца, иные до груди, иные до внутренностей желудка, и иные, наконец, прошли насквозь и явственно виднелись наверху. Когда после долгого биения мучитель повелел снять мученика с того места, то едва несколько человек могли с большими усилиями освободить его оттуда. Максим недоумевал и изумлялся столь великому терпению, тем более что никакие муки не могли ни обратить мучеников к богам, ни умертвить их. Сам Всевышний Бог соблюдал в них души их, не разлучившиеся с телом, ради бóльшего прославления Своего святого имени и для постыждения нечестивых. Святые снова были ввергнуты в темницу.

Узнав об этом, царь Максимиан осудил святых на вечное темничное заключение, в котором они должны были умереть естественною смертью. Тогда еще один вельможа, по имени Афродисий, родом перс, искусный изобретатель всяких самых лютых мучений для христиан, просил царя, чтобы он дозволил ему взять этих мучеников, надеясь погубить их. Получив согласие, он повел их в дом свой и, предложив им богатую трапезу, надеялся угостить их. Он убеждал их есть и пить и повеселиться с ним. Но они ответили ему:

— Мы питаемся небесною пищею и питием. Ядущий и пиющий от них, никогда не будет ни алкать, ни жаждать, и вечно пребудет в веселии.

Афродисий, считая отказ их бесчестием для себя, сказал:

— Завтра я устрою вам другую вечерю, которой вы ищете, — самую лютую смерть.

Когда наступило утро, Афродисий повелел принести два жерновых камня и, повесив их на шеи святым, влачить их по всему городу для поругания над ними. Когда святых влачили по городу, многие безумные из народа, взяв камни, побивали влачимых, а другие, удивляясь столь продолжительным и тяжким страданиям их, считали их бессмертными и обращались ко Христу. После этого святые, по царскому определению, были заключены в темнице пожизненно, в том соображении, что они, изнемогши от продолжительного заключения, погибнут. Святые пробыли в темничных узах много лет, пока не приблизился конец двадцативосьмилетнего времени их страдания, о чем святому Клименту еще в Тарсе, когда вели его к царю, было возвещено откровением от Бога. Уже многие из святых исповедников Христовых, начавшие свои страдальческие подвиги, окончили свое поприще,

а эти два страдальца продолжали свое мученическое поприще и совершали свои подвиги.

После царя Максимиана вступил на царство Максимин[1]. В это время много христианской крови пролилось беспощадно. Темничные стражи, соскучившись стеречь Климента и Агафангела, которые слишком долго содержались в темнице, пришли к царю Максимину и сказали:

— Что ты повелишь относительно этих двух узников, которые в течение многих лет были мучимы многими царями и правителями, притом всеми совершеннейшими орудиями самых лютых мук, и все-таки не умерли? Они доселе живы и находятся в узах. Хотя они не пользуются никаким уходом и попечениями, необходимыми для жизни, однако здравы и светлы лицом. Мы думаем, что они бессмертны.

В ответ на это царь Максимин сначала похулил своих богов многими позорными словами за то, что они были не в силах отнять у тех узников временной жизни. Затем расспросил о них: кто они и откуда? Узнав, что они из Галатии, из города Анкиры, повелел немедленно отослать их туда к князю Лукию, в то время начальствовавшему в Анкире. Святые, узнав об этом, сильно обрадовались, ибо святой Климент очень желал окончить поприще своей подвижнической жизни в родном городе. Он молился об этом Владыке Христу и получил просимое. Когда святые были приведены в город Анкиру и представлены для допроса князю Лукию, он не сразу стал допрашивать их, но предварительно посадил их в тяжкое заключение; при этом он велел забить ноги их в колоду, возложить железные оковы на шею, на руки и на все тело, а равно обвешать их тяжелыми камнями, так что им не было возможности ни двинуться телом, ни протянуть ног. На следующий день он велел привести на суд одного святого мученика Агафангела. Вначале он долго обольщал святого ласками, стараясь привлечь к своему зловерию; но, видя непреклонность его убеждений, начал мучить его: он проколол его уши железными кольцами, раскаленными на огне, горящими свечами обжег его ребра и, наконец, усек мечом его святую главу. Честное же тело мученика взяла упомянутая выше блаженная София, названая мать Климента; она обвила его чистыми

[1] *Император Максимин Дака* царствовал в восточной половине Римской империи с 305 по 313 год, сначала одновременно с Максимианом II Галерием, умершим в 311 году.

пеленами, умастив ароматами, и положила его в пещере, в которой была небольшая христианская церковь. По причине тяжкого гонения со стороны нечестивых, верующие не могли иметь лоно своей церкви, но сделали себе небольшую церковь в пещере и там совершали службы Богу. Таким образом, святой мученик Агафангел страдал от различных мучителей: от двух царей, Диоклетиана и Максимиана, и от правителей: Агриппина, Курикия, Домиция, Сакердона, Максима, Афродисия и Лукия. Окончил он подвиг страдания пятого ноября.

Святой Климент, узнав о кончине своего ученика и сострадальца, святого мученика Агафангела, исполнился несказанной радости, так как послал его к Богу ранее себя в качестве предстателя. Лежа ниц на земле и обремененный тяжестью уз, он воздавал глубокое благодарение Богу о святом Агафангеле за то, что Бог сподобил его окончить жизненное поприще, сохранить веру, мужественно претерпеть все мучения и быть причисленным к лику святых мучеников, торжествующих на небесах. Молился он и о себе, чтобы Бог сподобил его претерпеть до конца, стереть многокозненную главу врага и перейти с торжеством в вожделенные небесные обители.

После казни над святым Агафангелом мучитель Лукий повелел ежедневно мучить святого Климента в темнице. Мучение состояло в следующем: жезлами, усеянными острыми сучьями, били мученика по лицу и по голове, нанося ежедневно на теле святого по сто пятьдесят ран. Так мучили святого от пятого ноября до пятого января. Между тем как святой в течение дня был сильно изъязвлен ранами, так что вся темница его обагрялась его кровью, — ночью благодать Божия, ниспосылаемая ему чрез святых Ангелов, исцеляла его язвы. Язычники были в большом недоумении: приходя ежедневно и находя его здоровым, они изумлялись и били его еще более жестоко; голову и лицо его они уязвляли крепкими и глубокими ударами, числом до ста пятидесяти. Когда приближался праздник Богоявления Господня, прибыл от царя в город Анкиру другой воевода, по имени Александр, вместо Лукия, отозванного к царю. С наступлением ночи, когда должно было совершаться всенощное бдение празднику Богоявления, блаженная София собрала к себе христиан, а равно своих слуг и воспитанных ею отроков и отроковиц, и пошла с ними в темницу к святому Клименту. Бог, споспешествующий намерениям верующих в Него, навел на стражей крепкий сон. Один только страж не спал, но он был тайный христианин; он и отверз темницу для пришедших. Верующие, войдя

внутрь с премудрой Софией, освободили святого от оков и повели его в церковь, которая была в пещере. Здесь они с радостью праздновали, благодаря Бога. С наступлением дня святой Климент совершил Божественную литургию, и все приобщились Божественных Тайн из святых рук своего пастыря. Архиерей Божий предложил собравшимся обширное поучение, в котором предсказал о своей кончине. Он предрек, что скоро будет убит, и утешал их словами:

— Не бойтесь, братия, никто из вас не погибнет и не пострадает. Ни одного из вас не похитят волки; только я с двумя клириками положу душу мою за великого архиерея Христа, положившего за нас душу Свою.

Предсказывал он и о том, что скоро прекратится гонение, исчезнет идолопоклонство и процветет святая вера, ибо небесный Царь воздвигнет на земле такого царя, который, сам просветившись святым крещением, просветит и все области римского государства и воздвигнет новый Рим, после чего воссияет повсюду благочестие. Предсказав это своему словесному стаду, священномученик Климент возвеселил души слушателей. Затем он пошел в дом названой матери своей Софии, которая пригласила к себе и всех людей, бывших в церкви, и предложила им обильное пиршество. Святой Климент пробыл в доме ее до двадцать третьего числа января. Во все это время воевода Александр рассматривал различные дела, касавшиеся народа и управления. Наконец ему было донесено, что епископ христианский Климент ушел ночью из темницы. Тогда его стали разыскивать. Когда наступил день воскресный, архиерей Божий, святой Климент, пошел в пещерную церковь совершить Божественную литургию. Нечестивые узнали об этом и известили воеводу. Последний тотчас сам отправился с воинами и, войдя внутрь церкви, нашел святого Климента предстоящим престолу Божию и приносящим бескровную жертву. Воевода повелел одному из воинов извлечь меч и ударить архиерея сзади в шею. Когда воин ударил мечом, голова святого священномученика Климента упала на Божественный престол и на приготовленные Дары[1]. Таким образом кровью его обагрилась бескровная жертва и весь святой алтарь. Все верующие находились в великом страхе и ужасе: они и себе

---

[1] Святой Климент скончался 23 января 312 года. Мощи его долго находились в Константинополе, где во имя его были две церкви. Стефан Новгородец (в 1342 году) и иеродиакон Зосима (в 1420 году) видели мощи его в монастыре Константина в Константинополе.

ожидали смерти; однако, не о себе сожалели, а о своем пастыре, а потому начали громко рыдать. Воевода тотчас вышел вон, не причинив собравшимся никакого вреда, и только два клирика были усечены в алтаре вместе со святым Климентом. Имена их — Христофор и Харитон, оба они были диаконы. Блаженная София со слезами и радостью приготовила к погребению честное тело своего любезного приемного сына, на самом же деле духовного отца и пастыря. Она плакала, что лишилась его на земле, и радовалась тому, что он, ревностно пройдя поприще страданий, отошел ко Христу Господу. Святой был погребен с почетом вместе с обоими диаконами усердием Софии и всего бывшего там христианского населения близ гроба святого мученика Агафангела, в пещерной церкви, двадцать третьего января.

Так святой священномученик Климент окончил продолжительный подвиг своего страдания, терпя бесчисленные и несказанные муки за Христа в течение двадцати восьми лет. Греческий историк Никифор[1] говорит о нем так: «От самого создания мира всех тех, которые какимлибо видом мучений страдали за Бога, а именно: от огня, железа, от каменьев, от повешения на дереве, а равно и тех, которые сражались со зверями в цирках или были замучены продолжительным заключением в оковах, или скончались от различных смертей в воде, в земле и на воздухе, или были погублены сильным морозом, или зноем, или от каких-либо других видов мучений и казней лишились жизни, — всех таких мучеников святой Климент с Агафангелом значительно превзошли своими страданиями. Он пострадал в различных городах от одиннадцати мучителей: в Анкире — от галатийского наместника Домициана, в Риме — от царя Диоклетиана, в Никомидии от воеводы Агриппина, снова в Анкире от князя Курикия; в Амисии от царского наместника Домиция, в Тарсе от царя Максимиана, там же от правителя Сакердона, а затем от князя Максима и вельможи Афродисия, опять в Анкире от князя Лукия и, наконец, от воеводы Александра. Все тогда бывшие мучители посылали его друг к другу, как какое-то чудо, никогда не виданное, ибо в течение столь многих лет и столь многоразличными лютыми муками он не мог быть побежден или поколеблен вместе с учеником своим Агафангелом». Ради славы святого Своего имени его укреплял Бог, Господь наш Иисус Христос, Которому, вместе со Отцом и Святым Духом, от всякой твари приличествует слава, честь и поклонение. Аминь.

---

[1] *Никифор Каллист* — греческий церковный историк XIV века.

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАВЛИНА МИЛОСТИВОГО, епископа Ноланского

Угодник Божий Павлин был родом из Аквитании[1]. Во время мирской жизни он был одним из старших сенаторов при римском императоре. Он был благочестивой жизни и боялся Бога[2]. Супруга его, по имени Тарасия, по вере и добродетелям своим была подобна своему мужу и также была благочестива. Не имея собственных детей, они брали убогих сирот и заботились о них, как о своих детях, питая их и поучая страху Божию. Со дня на день они преуспевали во всякой добродетели и обильно раздавали милостыню нищим. Наконец, они и сами пожелали, ради угождения Богу, стать нищими. Они продали свое большое имение и, раздав все нуждающимся, сами жили в добровольной нищете, подобно людям убогим, и возлагали свое упование на промысл Божий. Раз, когда они уже сильно обнищали, пришел к ним нищий просить милостыни; но у них не было ничего, кроме одного хлеба. Блаженный Павлин посоветовал своей супруге — и этот последний хлеб отдать нищему.

— Нам поможет, — говорил он, — Бог, мы же не пожалеем дать просящему ради Бога.

Тарасия, однако, не дала, но сохранила хлеб ради собственной нужды, так как в тот день не было ничего у них самих на обед. В это время вошел к блаженному Павлину посланный от одного его богатого друга — с извещением, что ему отправлено этим другом морским путем множество пищи, и вот один, последний корабль, именно с пищей, потонул и погиб в морских волнах. Услышав об этом, Павлин сказал своей супруге:

— Видишь ли, если бы ты отдала нищему последний хлеб, то не потонул бы в море последний корабль с пищею. Только по причине скупости многих Бог погубляет их имущество.

После того, оставив вместе с имуществом и славу мирскую, и все интересы мира сего, они вышли из Рима в страну Кампанию[3], так как

[1] *Аквитания* — западная часть древней Галлии (нынешней Франции).

[2] Святое крещение святой Павлин принял на двадцать пятом году, в 389 году.

[3] *Кампания* — древняя область Средней Италии, на юг от Рима, около Тирренского моря.

там было оставлено ими себе на пропитание одно незначительное поместье. Они поселились в городе, называемом Нола[1], вблизи гроба святого мученика Феликса[2], и там работали Господу, скрываясь от мира. Но не могла долго таиться добродетель Павлина. Ради нее он был взят, по принуждению, на престол Ноланской церкви, и против воли принял епископский сан[3]. Он управлял своей паствой свято и неусыпно, как верный и мудрый домоправитель, *которого господин поставил над слугами своими* (Лк. 12, 42)[4]. Он питал своих овец не только пищей духовной, научая и наставляя их, а грешников приводя к покаянию и обращая каждого на путь истины, но заботился и о телесной пище и обо всех нуждах овец своих, — питал и одевал нищих и убогих, сирот и вдовиц, а плененных выкупал на свободу.

В те годы, по Божию попущению, случилось нашествие вандалов[5] на Италию, которые всю ее завоевали. Пришли они и в область Кампанию, в которой находился город Нола. Опустошая многие селения и города, они проникли и в епархию Павлина, где производили то же самое: они взяли в плен множество народа и отвели за море, в свою африканскую страну. Тогда блаженный епископ Павлин все, что имел в епископии, стал отдавать на выкуп пленных и на пропитание обнищавших от нашествия варваров, так что у него совершенно уже ничего не оставалось. Когда же вандальские воины, будучи лютыми и бесчеловечными, мучили христиан, требуя, чтобы они указали сокрытые в земле сокровища, святой Павлин сочувствовал верующим сердцем и взывал к Богу: «Господи, сотвори так, чтобы меня мучили из-за золота и серебра. Ибо Ты знаешь, где я скрыл свое богатство, — именно в руках нищих и убогих рабов Твоих».

Однажды пришла к нему одна бедная вдова, говорившая с плачем:

— Сын мой взят в плен вандалами, и я узнала, что он находится у зятя вандальского царя Риги, в Африке. Умоляю твою святость: дай мне, чем выкупить сына, единственную надежду моего пропитания и опору моей старости.

---

[1] *Нола* — один из древнейших городов Кампании, существует и поныне.

[2] Память его празднуется 25 января.

[3] Это было в 409 году. Ранее он был пресвитером (с 393 года) в Барселоне, в Испании.

[4] Сравнение взято из притчи Спасителя о верном и благоразумном домостроителе, заботящемся о слугах и всегда готовом дать отчет пред господином своим.

[5] *Вандалы* — народ германского племени; обитали сначала в Средней Германии, позднее — в Южной Испании и потом — в Северной Африке, откуда делали опустошительные набеги на соседние прибрежные страны.

Человек Божий, внимательно поискав вокруг себя в надежде, не найдет ли чего-либо дать просящей, и ничего не найдя, кроме самого себя, сказал убогой вдовице:

— Женщина, я решительно ничего не имею, чтобы дать тебе, кроме самого себя. Возьми меня, я отдаюсь в твою власть, как раб. Продай меня и выкупи своего сына, иди же отдай меня в рабство взамен сына.

Женщина, слыша эти слова из уст такого человека, подумала, что это скорее насмешка, чем милость. Но он, будучи красноречивым и премудрым, своими рассуждениями убедил сомневавшуюся женщину, что он не ради насмешки, но совершенно справедливо говорит ей. Он убедил ее, чтобы она поверила его словам и не боялась продать епископа в рабство ради освобождения своего сына. Тогда они пошли оба в Африку и, придя к вандалам, остановились у ворот того князя, зятя царя, у которого жил сын бедной вдовицы. Когда князь вышел куда-то из дому, вдовица упала к ногам его и умоляла его со слезами, чтобы он отпустил ее сына. Но варвар, будучи гордым, не только не хотел отпустить ее сына, но даже и не выслушал ее просьбы. Тогда вдовица, указывая на служителя Божия Павлина, сказала:

— Вот этого человека я отдаю вместо сына; только окажи милость, отпусти мне сына, ибо он у меня — единственный.

Князь, посмотрев внимательно на человека Божия, спросил его:

— Какое ремесло ты знаешь?

Святой Павлин отвечал ему:

— Ремесла никакого я не знаю, а только хорошо умею возделывать сады.

Услышав это, князь обрадовался, ибо он нуждался именно в таком человеке, и отдал сына вдовице. Она с сыном возвратилась домой, а святой Павлин, оставшись работать, принял попечение о садах и стал ревностно трудиться. Господин его начал часто приходить в сад и вести беседы со своим садовником о разных вещах. Заметив же его мудрые и обширные познания, он беседовал с ним обо всем, многократно оставляя своих домашних и друзей, чтобы наслаждаться рассуждениями своего слуги. Блаженный Павлин ежедневно приносил ему на обед различные овощи из огорода и, получая из рук его хлеб, возвращался к своему делу.

Однажды, когда господин его беседовал с ним, святой Павлин сказал ему:

— Смотри, ты собираешься куда-то отлучиться. Между тем тебе предстоит позаботиться о принятии вандальского царства, ибо этот царь, твой тесть, внезапно умрет неожиданною смертью. Если же ты отлучишься, то другой без тебя захватит царскую власть.

Князь, услышав эти слова от своего садовника, не умолчал об этом, но пошел и рассказал царю, ибо был вполне верен ему и за это более всех был любим им. Царь усомнился и сказал:

— Я хочу видеть того мужа, о котором ты говоришь.

Зять царя сказал на это:

— Я ныне же повелю ему, чтобы он принес овощи из огорода на обед тебе, и ты его увидишь.

Когда царь сел обедать, вошел к нему Павлин, принесший по повелению господина своего овощи для царской трапезы. Когда царь увидел его, тотчас затрепетал и, призвав господина его, своего зятя, открыл ему тайну, которую хотел скрыть от него.

— Истинно то, — сказал он, — что ты слышал от этого человека, ибо ночью, в сонном видении, я видел различных князей, севших на престолах и производивших суд надо мною. Сидел и он среди тех судей. Судом их были отняты у меня жезл и власть, которую я некогда получил. Спроси у него, кто он такой. Я не думаю, чтобы этот муж был простым человеком, ибо я видел его в великом сане.

Тогда зять царя отвел блаженного Павлина в сторону и спросил его:

— Кто ты?

Человек Божий ответил ему:

— Я раб твой, которого ты принял вместо сына вдовы.

Князь же настойчиво допрашивал его, требуя разъяснить не то, чем он стал теперь, но чем был в своей стране? Он заклинал святого и клятвенно требовал, чтобы он не скрыл от него своей тайны, но открыл ему всю истину. Человек Божий, смутившись допросом и не будучи в состоянии преступить клятву, сказал, что он епископ. Господин его, услышав это, сильно испугался и со смирением сказал ему:

— Проси у меня, чего хочешь, и затем возвращайся в свою страну с богатыми дарами.

Угодник Божий Павлин сказал ему:

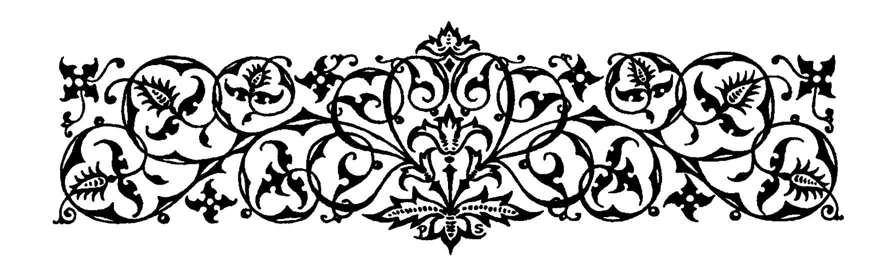
— Единственного благодеяния, которое ты можешь сделать, я попрошу у тебя: всех пленников города и страны моей, приведенных сюда, отпусти на свободу в родную землю.

Тотчас усердием князя этого были разысканы во всей африканской стране христиане, плененные из области Кампании, и приведены к святому Павлину. Святой пастырь был отпущен с почетом со всеми словесными овцами своей паствы, со многими богатыми дарами и съестными припасами в изобилии. Они возвратились в свою землю на кораблях с веселием и радостью. Спустя несколько дней, согласно пророчеству святого, умер Рига, царь вандальский, а вместо него вступил на престол зять его.

Таким образом, святой Павлин, предав себя одного в рабство, многих людей извел из рабства на свободу, последовав Христу Господу, принявшему зрак раба и избавившему человеческий род от рабства диаволу. По выходе из рабства у вандалов святой Павлин прожил много лет, и как пастырь добрый, душу свою за овец полагающий, доблестно управлял врученным ему стадом и, не щадя себя самого, оказывал много благодеяний убогой братии. Затем он перешел к Пастыреначальнику Христу, Господу своему[1], от Которого ныне приемлет мзду сторицею и наследует жизнь вечную, прославляя Его вовеки. Аминь.

[1] Святой Павлин скончался 22 июня 431 года. Мощи его — в церкви апостола Варфоломея в Риме. Он остался известен как писатель и учитель Церкви, преимущественно как христианский поэт. От него осталось тридцать пять гимнов и до пятидесяти писем, особенно важных по их глубокому благочестию. В них живыми чертами изображается высота христианского совершенства и говорится о том, как нужно беречь свое сердце; описываются достоинства смирения евангельского, любви к Богу и ближнему; изложены обязанности супругов и сладостные утешения для несчастных. Три гимна — прекрасные молитвы к Богу, три другие — изложения трех псалмов: 1, 2 и 136. Кроме того, в письмах и гимнах святого Павлина говорится о промысле Божием, о первородном грехе, о святой Евхаристии, о ходатайстве святых за мир, о молитве за умерших и иконопочитании. Святой Павлин остался известен также своею любовью к благоукрашению созданных им храмов святыми иконами; ему же предание приписывает изобретение церковных колоколов, относимое приблизительно к 400 году.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ГЕННАДИЯ КОСТРОМСКОГО[1]

Преподобный Геннадий, названный во святом крещении Григорием, был единственным сыном боярина, по имени Иоанн, и жены его Елены, живших в Литовской земле[2]. Григорий с детства любил посещать церковь Божию и постоянно пребывал среди церковного клира, посещая все службы. Родители были недовольны таким поведением сына и говорили ему:

— Зачем ты так делаешь? Разве ты — сторож церковный? Ты стыдишь нас перед людьми. Довольно с тебя ходить в церковь вместе с нами, а остальное время быть дома и в общении со сверстниками; особенно же не должно лишать себя покоя ночью.

Но Григорий отвечал:

— Любезные родители, не докучайте мне такими речами: я не хочу заниматься детскими играми. Бог творит, что хочет, а человек, что может; Дух же Святой наставляет всякого человека на путь истинный.

---

[1] Житие преподобного Геннадия и служба ему написаны иноком Алексием, учеником преподобного и игуменом основанного Геннадием монастыря. Житие сохранилось во многих рукописях; в некоторых из них находится просьба описателя отнести его труд на просмотр к царю Феодору и митрополиту Дионисию, следовательно, житие написано между 1584 и 1587 годами. Служба, акафист и житие вместе с предсмертным поучением не раз издавались в Петербургской и Московской Синодальных типографиях славянским шрифтом, например: Москва, 1888 г. Житие, описание чудес, поучение и повесть об обретении мощей изданы сполна по рукописям в Ярославских Епархиальных Ведомостях за 1873 год и отдельной брошюрой в Ярославле в 1873 же году.

[2] В повести об обретении мощей преподобного Геннадия в 1644 году сказано, что он был родом из города Могилева.

С тех пор Григорий стал помышлять о том, как бы ему уйти в русскую страну и там поселиться в какой-либо святой обители и подвизаться подвигом добрым.

И вот, улучив благоприятное время, он ушел от родителей, снял с себя светлое платье и отдал бедным, а от них взял рубище и оделся в него.

Проходя литовскую землю, пустыни, села и города в виде странника и пришельца, он много претерпел бед и напастей от злых людей. Однако, хранимый Богом, он дошел до русской земли, пришел в великий и славный царствующий град Москву и обходил его, притекая к ракам святых чудотворцев, проникая во святые обители и рассуждая, где бы ему постричься и предаться молитве.

В Москве он нашел себе друга, по имени Феодор, молодого, но богобоязненного и также искавшего пострижения. Из Москвы они вместе отправились в Великий Новгород и там ходили по святым местам и церквам и обителям.

Из Новгорода они отправились на реку Свирь в пустыню к подвижнику преподобному Александру[1] и стали усердно просить его:

— Мы желаем, святой отец, Господу Богу молиться: облеки нас Христа ради в монашеское одеяние.

Преподобный Александр обратился сначала к другу Григориеву Феодору и сказал:

— Ты, чадо Феодор, будешь водить зверя белоголового.

Григорию же сказал:

[1] Преподобный Александр Свирский скончался в 1533 году; память его празднуется 30 августа.

— А ты, чадо Григорий, сам будешь пастырь словесным овцам и наставник множеству иноков. Иди, чадо, на Комельский лес к преподобному Корнилию, и тот научит тебя, как Богу молиться и как тебе пасти словесное стадо иноков, а в нашей пустыне молодым отрокам невозможно жить. Однако отдохните здесь, чада мои, сколько дней пожелаете.

Они пробыли четырнадцать дней в пустыне у преподобного Александра и, взяв от него благословение, пошли в пределы города Вологды на Комельский лес.

Пришли они внутрь пустыни к преподобному Корнилию Комельскому[1] и постучались у ворот с молитвой Иисусовой.

Преподобный Корнилий, отворяя двери свои, сказал им:

— Чада, как прошли вы места непроходимые и зачем вошли в сию убогую пустыню? Чего ищете вы?

Они отвечали ему:

— Владыка наш, преподобный отец Корнилий, нами овладело великое желание облечься в иноческое одеяние. Христа ради — причти нас к своему богоизбранному стаду.

Преподобный Корнилий сказал Григорию:

— Ты, чадо Григорий, войди в убогую мою обитель, а ты, чадо Феодор, останешься в мирской жизни, возьмешь жену и родишь детей.

На Григория преподобный Корнилий наложил искус иноческий по преданию святых отцов. В этом искусе Григорий прожил значительное время, после чего преподобный Корнилий, войдя в церковь, постриг Григория в монашеский чин и сказал ему слово из святого Евангелия: *Всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Многие же будут первые последними, и последние первыми* (Мф. 19, 29–30). Затем старец говорил по отеческим вопросам и ответам новопостригаемому и нарек имя ему вместо Григория — Геннадий. Наконец сказал:

— Усвой, чадо, разум древних святых отцов: терпение, любовь и смирение, особенно же молитву общую, или соборную, и келейную и потрудись в подвигах нелицемерных.

Друг Геннадия Феодор, по пророчеству преподобных отцов Александра и Корнилия, провел жизнь свою в мире и в глубокой старости скончался в Москве.

---

[1] *Преподобный Корнилий Комельский* скончался в 1537 году; память его празднуется 19 мая.

Преподобный Геннадий, по благословению Корнилия, усердно подвизался в молитвах и трудах, особенно же в хозяйственных монастырских службах в поварне, пекарне и прочих. Многие из братии негодовали на Геннадия за такие его подвиги и роптали.

Слыша этот ропот, преподобный Корнилий укреплял святого, говоря:

— Чадо Геннадий, не скорби об этом на братию, ибо они так говорят по внушению бесовскому.

Потом ненавистник добра диавол возбудил возмущение среди братии и на самого Корнилия. Видя это, преподобный дал место гневу и, взяв с собою ученика своего Геннадия, оставил свой новосозданный монастырь и ушел в костромские пределы, в дикий лес, на Сурское озеро, за шестьдесят верст от своего первого монастыря. Немного далее версты отсюда жили царские крестьяне, оброчные бортники. Эти крестьяне очень обрадовались приходу Корнилия и Геннадия, построили им келью, приносили хлеб, мед и прочее необходимое, так как поблизости находилось бортное угодье, пчельник.

Преподобный Корнилий и Геннадий подвизались в молитве и посте, прилагая труды к трудам: рубили лес, пахали землю и выкопали четыре пруда.

Однажды православному великому князю Василию Иоанновичу[1] угодно было предпринять труд путешествия на Бело озеро, помолиться по обещанию своему о благочадии. Когда великий князь достиг пустыни преподобного Корнилия и увидел, что тот удалился оттуда в иное место, весьма огорчился на братию и говорил ей:

— Ради вашего ропота и непослушания не живет отец Корнилий в своей пустыни.

И тотчас же послал слуг своих просить преподобного возвратиться на первое свое начинание. Преподобный Корнилий пришел пред великого князя Василия, припал к ногам его и просил прощения за отход свой от пустыни. Благоверный князь поднял его и сказал:

— Любимиче мой, отец Корнилий, моли за нас милостивого Бога, дабы Господь Бог даровал нам плод благочадия в наследие роду нашему и в устроение честным обителям, в державу российскому царству и в утверждение веры христианской.

Затем великий князь говорил преподобному Корнилию:

---

[1] *Великий князь Василий IV Иоаннович* княжил с 1505-го по 1533 год.

— Пребывай, отче, здесь, в первом своем начинании и трудах, отходною же пустынею, по нашему повелению, благослови ученика, которого хочешь.

Когда великий князь удалился, преподобный Корнилий благословил новою пустынею ученика своего Геннадия и повелел ему там воздвигнуть церковь во имя боголепного Преображения Господня.

Преподобный Геннадий, по благословению отца Корнилия и по повелению великого князя, все устроил в пустыни: и церковь Божию воздвиг, и украсил ее иконами и книгами и всяким благолепием церковным.

Когда в пустыни стали умножаться братия, он построил и вторую церковь, теплую, во имя преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, и украсил ее, как и первую.

Сам же преподобный, трудясь постоянно, подавал братии образец смирения и терпения; он устроил для братии удобные жилища; днем рубил дрова и по ночам разносил их на своих плечах по братским кельям, трудился в поварне и пекарне, мыл на братию власяницы, делал свечи, варил кутью, пек просфоры, — особенно же преуспевал в церковных службах, в посте и молитве. Сверх этого, он на себе носил вериги и кресты железные и тяжкие цепи. Такое великое бремя преподобный носил для усмирения плоти.

Вследствие этого, на нем почила благодать Пресвятой Троицы; сподобившись ее, преподобный стремился к бо́льшим и бо́льшим подвигам, подавая образец своим ученикам во всех обычаях и нравах, ибо он учил их не столько словом, сколько делом, показывая то, что изложено выше.

«Кто в состоянии изобразить все подробности жизни его и всех подвигов и терпения или кто может перечислить болезни и труды его и попечение о братии!» Так восклицает составитель жития его, ученик его Алексий, который далее, в похвалу преподобному Геннадию, а более во славу Божию, повествует о чудесах его, совершенных, благодатью Божиею, при его жизни и по смерти.

Вот некоторые из этих чудес. Однажды случилось преподобному Геннадию прийти в царствующий город Москву с учениками своими Серапионом и Уаром. Он был с честью принят боярыней Иулианией Феодоровной, женой Романа Юрьевича. Иулиания просила Геннадия благословить сыновей ее Даниила, Никиту и дочь Анастасию. Когда святой благословлял Анастасию, то сказал:

— Ты лоза прекрасная и ветвь плодовитая, будешь нам государыней-царицей благоверной.

Слыша эти слова, боярыня Иулиания вместе со своими детьми и всеми бывшими при этом людьми удивилась, что за непонятные речи произносит Геннадий и откуда они возвещены ему.

Боярыня Иулиания щедро довольствовала Геннадия, и в продолжение не одного года.

Все сказанное пророчески старцем сбылось: Анастасия Романовна сделалась царицей, первой супругой Иоанна Васильевича Грозного[1]. Она питала глубокую веру и почтение к дому всемилостивого Спаса и к преподобному Геннадию, посылала ему честные иконы и ризы и другие нужные для церковной службы вещи.

Однажды боярин Борис Палецкий, постигнутый болезнью, пришел в обитель Преображения Господня помолиться. Преподобный Геннадий весьма обрадовался прибытию князя, созвал братию и встретил посетителя в святых воротах с подобающею молитвой и дал ему в руки свой посошок. С того часа князь стал здоров и прославил Бога, и все радовались выздоровлению князя. Дав довольную милостыню преподобному и братии, князь возвратился в свой дом со всеми людьми. Посошок, благословение старцево, князь поручил везти бывшему с ним священнику Василию. Этот священник почему-то рассердился на князя и, похуля благословение святого, бросил тот посошок в реку Кострому. Князь очень опечалился, лишившись благословения старцева. Когда же названный священник прибыл к себе в дом, то нашел там жену свою умершею, а спустя некоторое время и сам впал в тяжелый недуг. Тогда он начал каяться в грехе своем, что посмеялся над князем и преподобным старцем по поводу посошка, и дал обещание постричься в дому Спасовом у старца Геннадия.

Спустя немного времени священник этот пришел в обитель Спасову, припал к преподобному и, поведав о случившемся, просил прощения в своей дерзости и умолял святого, чтобы он причислил его к своему богоизбранному стаду. Преподобный же, благословив его, сказал: «Брат, Христос сказал: *Приходящего ко мне не изгоню вон*» (Ин. 6, 37).

---

[1] Первого царя русского; управлял государством с 1533-го по 1584 год (в 1547 году принял титул царский).

Потом повелел постричь его в монашеский чин и нарек имя ему Варлаам. Варлаам подвизался довольно продолжительное время в обители Преображения Господня, а потом, по благословению святого старца Геннадия, был игуменом в Богоявленском монастыре в городе Костроме.

Вышеупомянутый князь Борис Палецкий пожертвовал в дом Спасов, в обитель Геннадиеву, ценный колокол.

Случилось некогда вологодскому и велико-пермскому владыке Киприану впасть в сильную болезнь. Имея усердие к обители Преображения Господня, а также питая духовную любовь к преподобному старцу Геннадию, послал одного из слуг своих за старцем Геннадием, прося его посетить по случаю болезни. Преподобный пришел со своими учениками, иеромонахами Мисаилом и Алексием, в город Вологду и попросил благословения у епископа Киприана. Владыка обрадовался приходу святого старца и, не имея до того времени никакой возможности встать со своей постели, встал навстречу святого, благословив его с учениками крестным знамением, и, взяв преподобного за руку, ввел его во внутреннюю келью. Долгое время беседовал святитель с преподобным старцем. Люди же, видя облегчение епископа от болезни вследствие посещения преподобного, весьма удивились и прославили Бога, творящего чрез угодников Своих преславные чудеса. После беседы оба вкусили благословенного хлеба. На другой день епископ пред всеми людьми просил преподобного:

— Наставник пустынный, преподобный отец Геннадий, моли за нас милостивого Бога, чтобы Он облегчил мне телесную болезнь и исцелил недуг ноги моей.

Преподобный сказал святителю:

— Человеколюбец Бог помогает от скорби и целит недуги душевные и болезни телесные и облегчает немощь страждущим людям, — и не наше это дело великое. Господин мой, святитель, все возможно от Бога, а от человеков — ничто. Вот ты, господин мой, теперь уже здоров от общей скорби телесной, нога же твоя пусть напоминает тебе о последнем часе и не исцелится до последнего твоего издыхания. Мир тебе, господин мой, святой отче!

Владыка после этого прожил еще пять лет и отошел ко Господу.

Описатель жития преподобного Геннадия, ученик и преемник его по игуменству Алексий, рассказывает о себе самом следующее. Будучи

оскорблен братией Геннадиевой обители Всемилостивого Спаса, Алексий удалился отсюда в город Кострому и поселился в обители Богоявления Господня. Но вскоре сильно заболел и не мог стоять в церкви. По этой причине он переселился из Костромы в Адрианову пустыню близ Пошехонья. Но болезнь не прекращалась. По откровению Божию, он возвратился в Геннадиеву обитель Всемилостивого Спаса и, придя с мольбой ко гробу Геннадия, просил прощения в своем малодушии и получил исцеление.

Из многочисленных посмертных чудес преподобного Геннадия упомянем еще следующие.

Некто боярский сын Иван Лихарев пожертвовал Геннадиеву Спасову монастырю одно свое село, но потом передумал и передал это село в Троице-Сергиеву лавру. Вскоре после этого сын его Алексий умер неожиданно, а жена впала в тяжкую болезнь. Соседи и знакомые стали говорить, что муж ее поступил нехорошо, оставив Спасову обитель и отдав село в другой монастырь, и советовали ей написать письмо мужу, который находился в Переславле-Залесском. Жена написала и тотчас же почувствовала облегчение. Между тем в Переславле Иоанн тоже впал в болезнь: на него напал какой-то страх и исказилось его лицо. Окружавшие также упрекали его, зачем он оставил обитель Спасову. Тогда Иоанн внял посланию жены и советам ближних, возвратил село в обитель преподобного Геннадия и обещался от нее не отходить. Вскоре он получил исцеление от своей болезни. Молившиеся при гробе Геннадия с верою и усердием получали исцеление от различных болезней: от боли зубной, от болезни глаз, от расслабления, особенно же от исступления ума и беснования.

Было и такое чудо. Один иеродиакон Геннадиевой обители украл церковные книги и скатерти и, пройдя только несколько верст до реки Андомы, почувствовал расслабление и не мог двинуть ни руками, ни ногами. Дали знать игумену, и он послал за диаконом, которого и привезли в обитель с книгами. Диакон повинился в своем согрешении, припал ко гробу преподобного Геннадия, прося прощения и исцеления рук и ног. И по молитвам преподобного Геннадия, Бог помиловал его и возвратил ему здоровье.

Посадский человек города Костромы Лука Густышов не имел веры к чудесам преподобного Геннадия и решил не бывать в обители Спасовой и у гроба преподобного. Будучи выбран в целовальники в та-

можню (то есть в присяжные сборщики таможенных пошлин), он отправился со своими товарищами для сбора государевых денег. Но вдруг он был поражен тяжкою болезнью: опухли щеки, разболелась нестерпимо голова, и он пришел в исступление. Родственники привезли его домой, где он и лежал при смерти. Придя в сознание, он вспомнил грех свой, обещался идти в обитель Спасову и ко гробу преподобного Геннадия. Отслужив там молебен, он молитвами преподобного Геннадия получил исцеление.

Одна дворянка Галицкого уезда, Корежской волости, из рода Лаптевых, имела четверых сыновей, из коих один, по имени Кирилл, пожелал постричься в Геннадиевом монастыре и свою долю из отцовского имения хотел отдать вкладом в монастырь. Мать, узнав об этом, стала клясть сына и не позволяла ему отдать его долю в монастырь. Вдруг ее постигла тяжкая нестерпимая болезнь головная. Мучимая этой болезнью, она вспомнила свой грех, дала обещание идти в обитель Спасову помолиться у гроба преподобного Геннадия и внести долю сына. Тогда же она почувствовала облегчение от болезни и вскоре исполнила свое обещание. Сын ее постригся под именем Корнилия, она же прославила Бога за дарованное ей исцеление.

Преподобный Геннадий перед своей кончиной оставил поучение, в котором изложил свои мысли и заветы об иноческой жизни как своим ученикам, так и всем православным. Вот это простое и назидательное поучение.

«Великой лавры Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы обители Ипатской брату о Христе и присному пастырю словесных овец игумену Вассиану, а также Спасовой обители нашей паствы строителю Иосифу и всему братству нашему. Говорю вам, духовные мои братья и спостники: для меня день уже при вечере и секира при корени, ибо отхожу уже к судилищу Христову. Ради святой Господней заповеди, не забывайте меня, когда будете молиться, но, видя мой гроб, вспоминайте мою любовь и молитесь Христу, чтобы Он вселил дух мой с праведными. Вы же, дети мои, бойтесь Бога, повинуйтесь вашим наставникам во всем, по апостолу. Царя православного почитайте, святителей ублажайте, им повинуются все игумены духовною совестью. А вы, мои дети, живущие в обители Спасовой, повинуйтесь игумену, которому поручена будет паства наша, и покоряйтесь ему во всем с послушанием. Особенно же умоляю вас и завещаю, чтобы вы

не уходили из этого места без благословения настоятеля. Прекословия брат с братом не заводите, стремитесь к свету, а тьму оставляйте. Пусть жизнь ваша будет по преданию святых отцов и согласна с тем, как нам писал преподобный Корнилий[1] и как в обители нашей установлено иноческое житие. Тебя же, благочестивый игумен Вассиан, умоляю, не оставь обители этой своею верою. Вы же, братия и дети мои, не разоряйте общего нашего предания и не уклоняйтесь от церковного собора, ибо первая мерзость для монахов — это не ходить в церковь; а придя в церковь, стойте без глумления, не пересуживайте. Равным образом, и в келейной молитве не ослабевайте, чтобы не изнемогла ваша плоть вместе с душою и чтобы труд ваш не погиб, ибо возбуждением лености сатана лукавый хочет монаха живым свести в ад. Умоляю вас, братия мои и спостники, будьте неленивы во всяких монастырских службах, не скорбите и не унывайте в трудах ваших, ибо труды ваши — для того, чтобы иметь возможность есть и пить. На пастыря во всяком случае не ропщите, ибо ропщущий чернец приготовляет себе гибель. Равным образом, со вниманием слушайте учительное слово и творите благие и добрые дела, ленивых возбуждайте к службе и к молитве, святыни Божией не отлучайтесь: если монах шесть недель святых Тайн не причастится, то он не монах. Еще же умоляю вас, братья мои, не крадите монастырских орудий, ни хлеба, ни овощей, и не выносите за монастырь ради своих прихотей. Одежду имейте все равную, по кельям всякой пищи не имейте, из трапезы хлеба не выносите, исключая крайней нужды и болезни. Пусть питание ваше происходит в трапезе и будет для всех равное; пусть еда и питье будут в надлежащее время; на трапезе же не объедайтесь и не упивайтесь, ибо это мерзко пред Богом и отягчение и болезнь — для плоти. Непристойно также вам враждовать между собою, ибо заводящие вражду и сквернословцы Царствия небесного не наследуют; таковы же и те лукавые лицемеры, которые братию свою посылают туда и сюда, а сами и пальцем не касаются дела. О горе! Пучина горького ада наполняется нерадивыми монахами, праведники же, немного потерпев и сохранив Божии заповеди, будут радоваться вовеки. Христос вселяет в дом Свой единомысленных. Так-то и вы, дети мои, постарайтесь пройти сквозь тесные врата и прискорбным путем, чтобы

---

[1] Преподобный Корнилий Комельский написал общежительный устав для своего монастыря, из которого вышел преподобный Геннадий. Сей устав напечатан в Истории Российской иерархии и особо в 1812 году.

приобрести живот вечный. Слугам же и прочим рабочим повелеваю — не гневаться и не враждовать друг с другом; следует во всем повиноваться настоятелю и слушаться, а братию не оскорблять ни словом, ни делом, не причинять неподобающих дерзостей, а стараться быть угодными всем людям. Орудия монастырские и домашние вещи следует беречь, чтобы ничто из них не гибло. К чужому имуществу не прикасайтесь и отнюдь ничего не похищайте, ибо собирание собственного имения великий вред причиняет монаху, а душу предает огню негасимому и мукам вечным. И вы, дети мои, от такого зла и безумия берегитесь и прочим людям напоминайте эти наши слова. Монастырские дела следует исполнять без ропота, неленостно и без мятежа, чтобы не быть лицемерами и человекоугодниками, делая только на глазах, но старайтесь быть богоугодными, за глаза работая верою и правдою. Крестьян не обижайте насилием и среди гостей не превозноситесь, занимайте последние места, а главное — ни с кем не враждуйте и ложных слов о братии игумену не говорите. Будьте, братья мои, поспешливы на добро и поучайтесь слову Божию во святом Евангелии и в апостольских писаниях. Храните в дому Спасовом книги, нами приобретенные; следует вам, дети мои, вникать в них и прилагать ум свой к пониманию их: здесь находятся труды святых отцов. Если кто соблюдет заповеди Божии и веру Христову, таковой возрадуется вовеки».

Преподобный Геннадий скончался 23 января 1565 года; тихая и мирная кончина его последовала после непродолжительной болезни.

Ученик преподобного Геннадия и преемник его, игумен Алексий, в похвальном слове святому перечисляет его добродетели и отмечает, что за них почитали его и в царской семье: он был восприемником дочери царя Иоанна Васильевича Грозного от первой супруги его Анастасии Романовны, которой ранее предсказал брак с царем и чадородие. Со слов старца Антония, постриженника Иосифо-Волоколамского монастыря, Алексий рассказывает о преподобном Геннадии еще такое обстоятельство. Когда однажды Геннадий находился в Москве за богослужением в церкви, в которой стояли царские слуги и боярские жены, вошла бедная и убогая женщина с детьми, которые плакали одни у нее на руках, другие подле нее. Смотря на нее, знатные боярыни, воздыхая ко Господу и Пресвятой Богородице, про себя думали: «Господь даровал детей таким нищим, которым нечем кормить их, а нам, имеющим возможность от царского жалованья воспитывать де-

тей, Господь не дал чадородия, конечно, за наши грехи». Преподобный Геннадий уразумел их мысли и сказал им:

— Не скорбите, госпожи: если будете жить благочестиво в своем положении, то, по повелению Божию, с этого времени будете рождать детей.

По пророчеству преподобного сбылось это не с одной, но со многими благородными женами. И в других городах преподобный Геннадий предсказывал многим благочестивым женщинам чадородие.

Обретение мощей преподобного Геннадия совершено в 1644 году в дни благочестивого царя Михаила Феодоровича и при патриархе Иосифе, когда ветхий деревянный храм Преображения Господня разобрали и начали строить каменный храм; при копании рвов обрели гроб с нетленным телом и ризами преподобного.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
МАВСИМЫ СИРИНА

Преподобный Мавсима был сириец, из окрестностей города Кира[1]; получив простое воспитание в деревне, святой показал преуспеяние во всех добродетелях. Прославившись в частной своей жизни, он получил духовное начальствование в одном селении, близко от города. Священнодействуя и пася овец стада Божия, он и говорил и делал то, что повелевает закон Божественный. Он имел одну только одежду; когда она разрывалась от ветхости, преподобный нашивал на нее новые и новые заплаты и так покрывал свою наготу. Святой Мавсима столь усердно заботился о призрении странников и нищих, что дверь его жилища была всегда открыта для всех приходящих. У преподобного, говорят, было два сосуда: один с хлебными семенами, а другой — с маслом, из которых святой и уделял всем нуждающимся. Милосердый Господь, благословивший Сарептскую вдовицу, ниспослал такое же благословение и на сосуды преподобного Мавсимы: *Благ и милосерд и многомилостив ко всем, призывающим Его* (Пс. 85, 5); по-

[1] *Сирия* — страна к северу от Палестины; в северной ее части, примыкающей к Малой Азии, находилась провинция Кирестика, с главным городом Кир.

велев, чтобы не истощалась мука в кадке и масло в кувшине, из которых вдова напитала великого пророка[1], Господь и дивному Мавсиме подал изобилие, равное его попечению о бедных. Благочестно и богоугодно прожив до глубокой старости, святой мирно отошел ко Господу[2].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
САЛАМАНА МОЛЧАЛЬНИКА

Сей преподобный отец наш Саламан происходил из селения Каперсана, расположенного на западном берегу Евфрата[3]. Возлюбив уединение, он отыскал на другом берегу реки маленькую хижину и затворился в ней, заложив наглухо дверь и окно; раз в год он выходил наружу через подкоп под стеною и запасался пищей. Местный епископ, узнав о добродетельном житии преподобного, пожелал удостоить его священства. Прибыв с сею целью к жилищу святого, архипастырь приказал разобрать часть его стены, после чего и вошел в келью. По рукоположении преподобного Саламана во пресвитера, епископ преподал ему наставление о благодати священства; во все время пребывания своего в келии святитель не услышал от преподобного молчальника ни одного слова и удалился, приказав снова заложить разобранную часть стены. Жители того селения, из которого происходил преподобный Саламан, желая иметь человека Божия в

---

[1] Придя, по повелению Божию, к вратам Сарепты Сидонской, святой пророк Илия просил вдову, собиравшую дрова, принести ему кусок хлеба. Та ответила, что у нее осталось только горсть муки в кадке и немного масла в кувшине. «Пойду, — сказала она, — приготовлю это для себя и сына моего; съедим это и умрем». В то время, вследствие бездождья, был голод в земле Израильской. Святой пророк сказал вдове: «Так говорит Господь Бог Израилев: мука в кадке не истощится и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю». Женщина накормила человека Божия, и ее запасы муки и масла не истощились во все время голода (3 Цар. 17, 8–16).

[2] В конце IV века.

[3] *Евфрат* вытекает из гор Армении, в нижнем своем течении сливается с Тигром, после чего с именем Шат-ель-Араб впадает в Персидский залив. Каперсана (*Перса*, или *Персана*) находилась недалеко от Самосат (ныне Самсат), главного города сирийской провинции Коммагены.

своей среде, однажды ночью перешли реку вброд, взяли святого, который не спорил, не сопротивлялся, но не выражал и согласия, и отвели на свою сторону; здесь поселяне построили для преподобного хижину, подобную прежней, и затворили его там; святой Саламан продолжал хранить молчание, никто не слышал от него ни одного слова. Вскоре жители селения, расположенного на другом берегу, где ранее спасался преподобный, пришли ночью к новому его жилищу и услышали, что он творит такую молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня и всех служащих имени Твоему и поклоняющихся Тебе, истинному Богу нашему».

Поселяне разобрали келью и отвели святого к себе, блаженный молчальник и на этот раз нисколько не противился и не требовал, чтобы его оставили. Соделав, таким образом, себя мертвым для этой жизни, он в самом точном смысле мог повторить апостольское слово: *Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня* (Гал. 2, 20). В такой высокой степени, как никто другой, умертвив в себе плотское человека, блаженный Саламан до конца совершил свой подвиг и, ликуя, переселился в небесные обители[1].

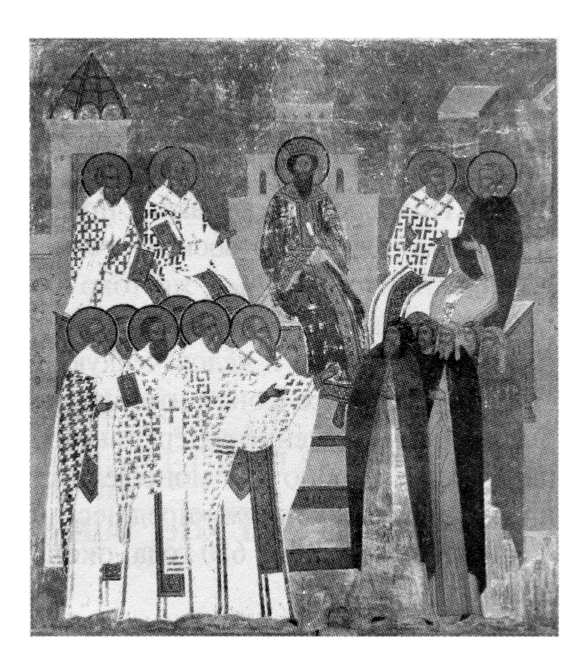
ВОСПОМИНАНИЕ
VI ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

VI Вселенский собор был в 680 году при императоре Константине Погонате[2] в Константинополе, против монофелитов, которые для примирения монофизитского учения с православным признавали в Иисусе Христе два естества подобно православным, но подобно монофизитам допускали в нем лишь одну волю — Божественную[3].

[1] Около 400 года.

[2] Император византийский Константин IV Погонат царствовал с 688 по 695 год.

[3] В Александрии, где особенно сильно было монофизитство, представителем этого неправославного учения явился Кир, патриарх Александрийский (патриаршествовал с 630 по 640 год). Константинопольский патриарх Сергий (610–638 гг.) и папа Римский Гонорий (625–638 гг.) также не нашли в учении монофелитов ничего неправославного и явились его последователями, хотя для предотвращения новых смущений в Церкви положили воздерживаться от всякого решительного выражения относительно этого предмета, еще не определенного Церковью.

Распространение этого учения вызвало большие смуты в Церкви и вызвало со стороны православных ревностных защитников Православия, которые открыто выступили против монофелитства, видя в нем лишь прикрытое монофизитство[1]. Эдикты государей, явно признававшие во Христе одну волю, но в то же время для прекращения смут, предписывавшие избегать выражений и об «единой» и о «двух волях» во Христе[2] и даже наистрожайше повелевавшие прекратить безусловно все прения о спорном вопросе, под опасением гражданского преследования ослушников[3], дали только повод к большему раздражению и произвели со стороны доблестных защитников православия даже мучеников[4]. При этом восточные и западные отцы и представители церквей разделились, так как среди первых было много монофелитов, а западная Церковь открыто заявила себя против ереси и выступила в защиту православного учения. Это и побудило, наконец, императора Константина Погоната к созванию Вселенского собора, который и был открыт в 680 году, по предварительном сношении с Римом. На соборе присутствовало 170 отцов, среди которых лично присутствовали два восточных патриарха: Георгий Константинопольский[5] и Макарий Ан-

---

[1] Во главе их стали святой Софроний, патриарх Иерусалимский (634–644 гг.), и преподобный Максим Исповедник, о которых см. подробнее в житии последнего 20 января.

[2] Таков *экфесис*, то есть изложение веры, императора Ираклия, где в то же время признавалось безусловной истиной, что во Христе — одна воля.

[3] Разумеется так называемый «Типос веры», изданный преемником Ираклия, императором Констансом.

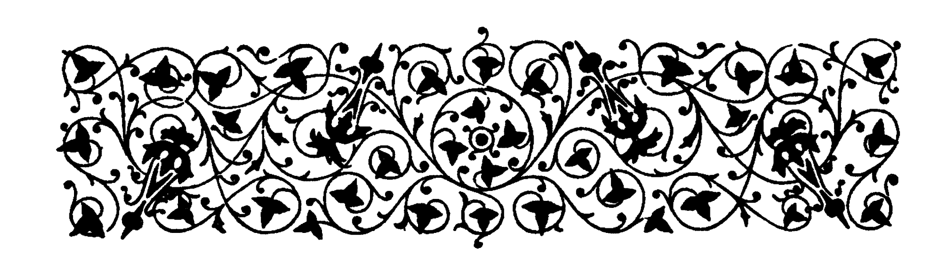
[4] Между ними особенно замечательны преподобный Максим Исповедник и папа Римский Мартин I (занимал кафедру с 649 по 653 год). См. об этом подробнее в житии преподобного Максима 20 января.

[5] *Георгий I, патриарх Константинопольский*, занимал кафедру с 678 по 683 год.

тиохийский[1], оба монофелита; папа же Римский Агафон прислал от себя легатов. Император сам присутствовал при заседаниях собора, который продолжался около года. Изуверство монофелитов дошло до такой степени исступления, что один из фракийских монахов, по имени Полихроний, вызвался пред собором в доказательство правомыслия монофелитов воскресить мертвеца, но при дозволенном ему всенародном опыте был жестоко посрамлен. После многих жарких прений собором определено было признавать две воли в Иисусе Христе, Божественную и человеческую, соответствующие двум естествам. Георгий, патриарх Константинопольский, сознался в заблуждении и был принят в общение с Церковью. Но Антиохийский патриарх Макарий остался упорно при монофелитской ереси, вследствие чего и был предан анафеме со всеми предшествовавшими монофелитами. Собор, начавшийся 7 ноября 680 года, окончился 16 сентября 681 года.

[1] *Макарий Антиохийский* патриаршествовал с 653 по 680 год.

День двадцать четвертый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
КСЕНИИ, в мире ЕВСЕВИИ

Жил в Риме один знатный и почтенный муж, принадлежавший к сословию старших сенаторов, по вере христианин, глубоко благочестивый, имевший единственное дитя, как зеницу ока, — дочь, по имени Евсевия. Когда она достигла девического возраста, один вельможа, также из сословия сенаторов, просил родителей Евсевии отдать дочь свою за сына его. Родители Евсевии, посоветовавшись между собою, обручили ее благородному юноше, равному им почестями и богатством, и уже назначен был день, когда должен был совершиться законный брак. Девица же, исполненная любви к Богу, пожелала остаться вечною невестою нетленного Жениха, прекраснейшего по своим совершенствам всех сынов человеческих, Самого Христа Господа, и сохранить свое девство навсегда. Однако она утаила свое желание от родителей, ибо знала, что если бы они угадали ее намерение, то не захотели бы и слышать об этом. Они всячески препятствовали бы ей, и то лестью и ласками, то приказаниями, принудили бы ее к браку, тем более что она была единственною наследницей всех их богатств; они пожелали бы утешаться ее супружеством и детьми ее.

Блаженная Евсевия имела двух верных ей рабынь, которые с детства выросли с нею и служили ей со всем усердием и преданностью. Уединившись с ними, она сказала:

— Я хочу открыть вам одну тайну, но предварительно заклинаю вас Господом Богом, чтобы вы никому не говорили о том, что услышите от меня: я хочу поведать вам сокровенную мысль и желание мо-

его сердца. Смотрите же, чтобы никто из смертных не узнал моей тайны; еще лучше, если и вы сами согласитесь со мною. Тогда и вы спасете свои души, и моему недостоинству поможете.

Рабыни ответили ей:

— Все, что повелишь нам, госпожа наша, мы исполним, тем более что и нашим душам будет польза от твоего замысла. Мы готовы скорее умереть за тебя, чем сказать кому-либо о том, что ты имеешь открыть нам.

Тогда девица сказала им:

— Вы знаете, что родители мои хотят выдать меня замуж; но мне и на ум никогда не приходило даже помыслить о браке. Слишком тяжело для меня это дело, которое родители советуют мне исполнить. Что для меня такая жизнь? Только призрак, туман и сон. Послушайте же меня: решимся сообща на чистое житие, и если воля Господня благословит мое намерение, а вы последуете моему совету и сохраните в тайне, что я сказала вам, — то обдумаем все, что нам следует делать. Поверьте мне, что если бы родители мои и узнали об этом и захотели бы насильно принудить меня к браку, то, при Божией помощи мне, они никогда не будут в состоянии изменить моего намерения, даже если бы предали меня огню, мечу или диким зверям.

Выслушав это, обе рабыни сказали:

— Да будет воля Господня! Мы согласны с твоим намерением и стремимся к тому же, к чему и ты, госпожа наша. Мы скорее желаем умереть с тобою, чем без тебя царствовать.

Услышав от своих рабынь такие речи, блаженная Евсевия прославила Бога. После этого все три девицы, имевшие одинаковую любовь ко Христу, постоянно размышляли о том, что бы им сделать, дабы желание их могло осуществиться. И молили они Бога подать им благой совет.

Начиная с того дня, когда они предали себя с любовью Господу, решившись на безбрачную жизнь, Евсевия тайно от родителей раздавала нуждающимся руками своих отроковиц все, что имела: золото, серебро и все драгоценные вещи. Отроковицы раздавали и свое имущество, какое имели, готовясь к нищете ради любви к Христу. Когда уже приближался день брака и все готовились к нему, блаженная Евсевия, посоветовавшись со своими отроковицами, переоделась вместе с ними в мужские одежды и, взяв немного необходимого из имущества, вышла с ними тайно из дому, так как двери оказались незапертыми. Осенив себя крестным знамением, они обратились к Христу Богу с молитвою:

— Пребудь с нами, Сын Божий, и укажи нам путь, которым мы должны идти, ибо ради любви к Тебе мы оставляем дом и все, что в нем, и решаемся лучше странствовать и жить в скорбях, к Тебе стремясь и Тебя желая обрести.

Так они помолились со слезами, выходя из дому, и затем пошли, плача и радуясь в одно время.

Во время пути святая Евсевия обратилась к рабыням своим:

— С этого времени будьте мне сестрами и госпожами; лучше я вам буду служить в течение всей моей жизни. Только, госпожи мои, оставим все ради Бога и ничего иного не станем искать на земле, как только спасения душ наших. Будем избегать всяких суетных житейских забот, вредных для души; будем веровать Господу, заповедавшему: *всякий, кто оставит домы, или отца, или мать, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Мф. 19, 29). Да, сестры мои, позаботимся о спасении душ наших.

Между тем как святая так беседовала с ними, они пришли к морю и, найдя корабль, готовый отплыть в пределы Александрии, дали плату и поместились на нем. Так как дул попутный ветер, то они через несколько дней достигли Александрии. Оставив корабль, они прибыли на один остров, по названию Коя, отстоявший от Карийского города Галикарнасса[1] в пятнадцати тысячах шагов. Они переходили с места на место, желая найти никому не известную местность, чтобы не быть отысканными родителями. Находясь на этом острове без опасений относительно поисков, они снова переменили мужской вид на женский и, сняв внаем небольшой уединенный домик, жили в нем,

---

[1] *Кария* — юго-западная часть Малоазийского полуострова. *Галикарнасс* — один из важнейших городов Карии.

благодаря Бога, Которому и молились постоянно, чтобы Он послал им имеющего духовный сан человека, могущего облечь их в иноческий чин и позаботиться о душах их. Святая Евсевия убеждала подруг своих, говоря:

— Молю вас, сестры мои, ради Господа: сохраним нашу тайну и никому не скажем об отечестве нашем и о том намерении, ради которого мы ушли из дома, а равно и о имени моем, чтобы по моему имени, которым я называюсь, и по отечеству, из которого мы ушли, родители мои не нашли меня. Заклинаю вас Богом, чтобы все это вы сохранили в тайне до конца моей жизни и никому не говорили ничего о бывшем с нами или имеющем случиться. Если же кто-либо спросит вас о моем имени, скажите, что я называюсь Ксенией, что значит — чужестранка[1]; ибо, как видите, я странствую, оставив дом и родителей ради Бога. Отселе и вы зовите меня не Евсевией, а Ксенией, так как я не имею здесь постоянного жительства, но, странствуя вместе с вами в этой жизни, ищу будущего.

В ответ на эту речь святой Евсевии к своим подругам они обещали сохранить в тайне все сказанное им, и с этого времени святая невеста Христова стала называться, вместо Евсевии, Ксенией.

Однажды она, преклонив колени свои вместе с подругами, начала плакать и говорить:

— Боже, сотвори с нами, странницами и убогими, великую Твою милость, как это Ты сотворил и со всеми Твоими святыми. Пошли нам, Владыка, человека благоугодного Тебе, чрез которого и мы, смиренные, могли бы спастись.

Помолившись так, святая Ксения вышла с сестрами из дома, в котором они жили, — и вот они увидели почтенного седовласого старца, идущего от пристани, одетого по-иночески, лицо которого было подобно лицу Ангела. Подойдя к нему, святая девица припала к ногам и, плача, стала говорить:

— Человек Божий, не презри странствующей по чужой стране, не отвергни убогой нищей, не погнушайся мольбою грешницы, но уподобись святому апостолу Павлу и будь нам наставником и учителем, каким он был для святой Феклы. Вспомни о воздаянии, уготованном праведным от Бога, и спаси меня вместе с этими двумя сестрами.

Услышав это, служитель Божий почувствовал жалость и, взирая на слезы их, спросил:

---

[1] От греческого слова ξένος — *чужой, чужестранный*.

— Чего ты хочешь и что я должен сделать вам?

Она ответила:

— Будь нам отцом по Боге и учителем. Веди нас туда, где мы могли бы спастись; мы — странницы и не знаем, куда нам идти; мы стыдимся показаться людям.

Он спросил тогда:

— Откуда вы и какова причина, что вы так одиноки?

Святая ответила:

— Мы из очень далекой страны, раб Христов. Мы согласились вместе уйти с родины и пришли в эту местность. Мы молили Бога день и ночь, чтобы Он послал нам человека, который помог бы нам спастись. И вот Бог указал нам тебя, духовного отца, могущего принять немощи наши.

Святой старец сказал на это:

— Поверьте мне, сестры, и я — странник здесь, как вы видите. Я иду от святых мест; поклонившись там, я возвращаюсь в свое отечество.

Раба Христова спросила:

— Из какой страны ты, духовный отец, — господин мой?

Он ответил:

— Я из страны Карийской, из города Миласса.

Тогда раба Христова опять обратилась к нему:

— Умоляю твою святость: скажи нам, каков твой сан, ибо я думаю, что ты — епископ.

Старец сказал ей на это:

— Прости меня, сестра! Я — человек грешный и недостойный иноческого сана. По щедротам Божиим, я — пресвитер и игумен небольшого собрания братии, в монастыре святого и преславного апостола Андрея; имя мое Павел.

Услышав это, раба Христова прославила Бога, говоря:

— Слава Тебе, Боже, что Ты услышал меня, убогую, и послал мне, как некогда святой Фекле[1], святого Павла, человека, который спасет меня с этими двумя сестрами.

Затем она обратилась к старцу:

— Умоляю тебя, раб Божий, не отвергни нас, странниц, но будь нам отцом по Боге.

---

[1] Здесь разумеется святая первомученица Фекла (память ее — 24 сентября), обращенная в веру Христову святым апостолом Павлом.

Блаженный Павел ответил им:

— Я сказал вам, что и я странник, и не знаю, что хорошего я могу сделать вам здесь? Если же вы хотите идти в мой город, то я надеюсь, что Господь сотворит милость Свою с вами, а я, по мере сил своих, буду заботиться о вас.

Девы, со слезами преклоняясь пред старцем, говорили:

— Да, раб Божий! Возьми нас с собою. Мы пойдем туда, куда повелишь нам, но только окажи милость странницам и будь нам руководителем к вечной жизни.

Человек Божий взял с собою святых дев и пошел с ними в город Миласс. Там он нашел им жилища на уединенном месте, находившиеся близ церкви. Святая девица купила их за деньги, взятые из дому, а затем построила небольшую церковь во имя святого первомученика Стефана и в скором времени устроила женский монастырь, собрав несколько девиц и посвятив их Христу. Игумен, святой Павел, заботился о них. Он и постриг святую Ксению с ее двумя рабынями в иноческий чин. Никто и никогда не узнал, до самой кончины ее, откуда была эта святая девица и по какой причине она оставила отечество и каково ее подлинное имя, в то время как она называла себя Ксенией, то есть странницей. Преподобный же Павел тем, кто спрашивал об этих девах, говорил:

— Я взял их с острова Кои и привел сюда.

Так все и думали, что они прибыли оттуда. Потому-то и монастырь тот называли по имени острова Кои.

Спустя немного времени Кирилл, епископ того города, почил о Господе, а на его место был избран преподобный Павел, игумен Андреевского монастыря. По принятии епископского сана он пришел в девичий монастырь и посвятил Ксению, помимо ее желания, в диаконисы, как вполне достойную этого сана. Ибо она, еще живя во плоти, проводила ангельскую жизнь. Хотя она, как дочь сенатора, была воспитана в роскоши и среди всяких удобств, однако устремилась к столь трудной и подвижнической жизни и заметно обнаруживала на себе совершенно новые, необычные и трудные, пути к постническому совершенству. Воздержания ее боялись даже бесы: побеждаемые ее постом и подвигами, они убегали, не смея и приступить к ней. Она вкушала пищу или на второй, или на третий день, а много раз и всю седмицу оставалась без пищи. Когда же наступало ей время

принимать пищу, она не вкушала ни зелени, ни бобов, ни вина, ни елея, ни огородных овощей, ни чего-либо другого из питательных яств, а только немного хлеба, орошенного собственными слезами. Она брала из кадильницы пепел и посыпала им хлеб. Делала она это во все годы своей жизни, исполняя пророческое изречение: *Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами* (Пс. 101, 10). При этом она всячески старалась скрыть такое свое воздержание от прочих сестер, и только две ее рабыни, жившие вместе с нею, наблюдали тайно, что она делает, и сами подражали ее добродетельной жизни. При этом она всегда сохраняла столь великую бодрость, что с вечера и до утрени простаивала всю ночь на молитве, простерши свои руки вверх. В таком виде сестры наблюдали ее тайно во все дни ее жизни. Иногда же она, преклонив колени с вечера, совершала молитву до утра, проливая обильные слезы. Так она всегда служила Господу и делала это с таким смирением, как будто считала себя хуже всех людей.

Но кто может перечислить все прочие ее добродетели? Какое слово будет достаточным для изображения всех ее подвигов! Что, прежде всего, сказать о ее кротости? Никто и никогда не видел ее гневающейся; никакое тщеславие, или горделивость, не омрачили ее жизни. Лицо ее было всегда смиренно, ум — без всякого превозношения, лицо — без прикрас, тело — изможденное постническими трудами, сердце ее — спокойное, не тревожимое никакими сомнениями. Какой только добродетели у нее не было! Ей были присущи: всегдашнее бдение, необычайное воздержание, несказанное смирение, безмерная любовь. Она помогала бедным, обнаруживала сострадание к страждущим, была милосердна к грешникам, а соблазнившихся наставляла на путь покаяния. Об одеждах ее нечего и говорить: она носила очень ветхие — платье и рубашку, но и тех считала себя недостойною. Вся жизнь ее проходила в сердечном умилении и постоянном пролитии слез. Скорее можно было видеть обильные водные источники пересохшими в знойное время, нежели глаза ее — переставшими лить слезы. Всегда взирая на возлюбленного Жениха — Христа, глаза ее источали целые потоки слез. Она желала видеть Его лицом к лицу и говорить с Давидом: *когда приду и явлюсь пред лицо Божие*, лицо сладчайшего Жениха моего? *Слезы мои были для меня хлебом день и ночь* (Пс. 41, 3–4).

Когда же приблизилось для этой приснопамятной девы, непорочной невесты Христовой, время отшествия из настоящей земной жиз-

ни, наступил праздник в память святого Ефрема, бывшего некогда в том городе епископом. Блаженный епископ Павел отправился со всем клиром своим в селение, называемое Левкином. Там была церковь святого епископа Ефрема, а в ней почивали его честные мощи. В этот день преподобная Ксения призвала всех сестер своих в монастырскую церковь и начала говорить им:

— Госпожи мои и сестры! Я знаю, какую любовь вы обнаруживали по отношению ко мне, — как вы терпели мои немощи и помогали мне, страннице. Ныне я умоляю вас: продлите до конца любовь вашу ко мне, рабе вашей; поминайте меня убогую, грешную и странную в молитвах ваших, умилостивляя ко мне Бога, чтобы меня не затруднили грехи мои, но чтобы, по молитвам вашим, я могла беспрепятственно перейти к Христу моему. Вот уже приблизилась кончина моя; душа моя сильно страдает и скорбит, так как я без надлежащего приготовления оставляю тело мое. Ныне здесь нет отца нашего и господина, епископа Павла. Поэтому вы, вместо меня, скажите ему, когда он придет: так говорила убогая Ксения: «Бога ради, честный отче, поминай меня странницу: ты наставил меня на путь и ввел в эту жизнь, — молись же за меня, чтобы не посрамил меня Господь в моей надежде».

Слыша это, все сестры начали плакать и говорить:

— Госпожа наша и наставница душ наших! Ты оставляешь нас в сиротстве и для бедствий. Кто же будет наставлять нас на истинный путь жизни? Кто будет поучать нас? Кто помолится за нас в унынии нашем? Нет, госпожа наша. В это время не оставляй нас. Вспомни, как ты сама собрала нас в эту ограду. Позаботься, госпожа, о душах наших и умоли Бога, да продлит Он для тебя еще некоторое время ради нас убогих, чтобы ты наставила нас на путь спасения.

Обе рабыни ее также начали преклоняться к ногам ее и горько плакать, говоря:

— Ты уже оставляешь нас, наша госпожа, и без нас уходишь отсюда. Чтó же мы сделаем без тебя, убогие? Что мы будем делать, странницы, в чужой стране? О горе нам, убогим, бедным и странницам! Мы не радели о себе, и поэтому одних нас хочешь ты оставить, госпожа наша. Вспомни наши скорби, которыми мы скорбели вместе с тобой. Вспомни наше общее странствование, в котором мы были тебе спутницами. Вспомни, как всегда мы усердно служили тебе. Вспомни о нас и помолись за нас Богу; возьми и нас с собою, чтобы мы не разлучались с тобою, госпожа наша.

Когда затем наступило громкое рыдание и произошло смятение, начала и сама Ксения говорить со слезами:

— Вы знаете, сестры мои, на сколько времени ранее этого провозгласил святой апостол Петр: *Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью* (2 Пет. 3, 9–10). Зная это, сестры мои, не будем лениться в продолжение этого малого времени, но будем бодрствовать. Зажжем наши светильники, наполним елеем наши сосуды, приготовимся к встрече Жениха, так как мы не знаем, в какой час призовет нас Господь: ибо вот наступает жатва и делатели готовы, но только ждут повеления Владыки.

Когда святая сказала это, а все плакали и припали к ногам ее, она воздела руки свои к небу и, проливая обильные слезы, так начала молиться:

— Боже, промышлявший о моем земном странствии до этого дня! Услышь меня, убогую и грешную рабу Твою: будь милостив к этим Твоим рабыням, моим сестрам. Сохрани их и спаси от всяких козней диавольских ради славы и величия Твоего святого имени. Молюсь Тебе, Боже мой: помяни и этих двух сестер моих, вместе со мною странствовавших ради любви Твоей. Как в этой временной жизни они не разлучались со мною, так не разлучи нас и в Царствии Твоем, но всех вместе сподоби чертога Твоего.

Помолившись так, она попросила всех сестер выйти на время и оставить ее одну для молитвенных размышлений. Когда все вышли из церкви, она затворилась там одна, а две рабыни ее, оставшись пред дверьми, наблюдали внутрь через скважину. Они видели, как она молилась, преклонив на землю колени свои, а затем среди молитвы она крестообразно простерлась на земле ниц. Когда она лежала так довольно долго, внезапно воссиял в церкви свет, по виду подобный молнии; при этом сильное благоухание начало исходить из церкви. Сестры поспешно вошли внутрь и хотели поднять ее с земли, но уже нашли ее почившей о Господе. Это было 24 января[1], в субботу, в шестом часу дня. Эти обе сестры с плачем вышли из церкви и призвали прочих, говоря:

— Матери наши и сестры! Пойдем и возрыдаем по поводу общего нашего сиротства. Пойдем и будем плакать о кончине той, которая

---

[1] Кончина преподобной Ксении последовала во второй половине V века.

была столпом нашим. Мы лишились честной нашей матери. Отошла от нас наставница наша, и мы остались одни. Святая Ксения, мать наша, почила.

Войдя в церковь, все увидели ее перешедшей от здешней жизни в иной мир. Тогда начался плач и великое рыдание. Человеколюбец же Бог, восхотев показать всем, какое сокровище было утаено от всех на земле, явил на небе великое и пресвятое знамение. В тот самый час, когда преподобная Ксения предала свою святую душу в руки Господа, после полудня, при совершенно ветреной и ясной погоде, явился на небе, над девичьим монастырем, очень светлый венец из звезд, имевший посредине крест, который сиял ярче солнца. Это знамение было видимо всеми. Миласские граждане, бывшие вместе со своим епископом, преподобным Павлом, в Левкийском селении, видя на небе знамение, удивлялись и в недоумении спрашивали друг друга: что это может значить? Блаженный епископ Павел, уразумев духом значение знамения, сказал всему собранию народа:

— Госпожа наша Ксения умерла, и по этому случаю явилось знамение венца.

Немедленно по окончании литургии он возвратился в город со всем народом, бывшим на празднике, и там граждане нашли, как и сказал им епископ, святую Ксению почившей.

Тотчас собралось к девичьему монастырю многое множество народа, много мужей и жен с детьми, привлеченных видимым на небе знамением. Они громко восклицали:

— Слава Тебе, Христе Боже, что Ты имеешь множество святых, втайне угождающих Тебе! Слава Тебе, воплотившийся Сын Божий и волею распявшийся за нас грешных, — за то, что Ты явил всем Твое великое сокровище, которое доныне таилось здесь! Слава Тебе, Владыка, что Ты сподобил убогий город Миласс быть обиталищем и хранилищем этому Твоему сокровищу. Ты хранил в нем доселе дорогую жемчужину, многоценный бисер, Свою святую невесту! Приняв ее в Свой небесный чертог, Ты ее чистое и святое тело оставил для хранения Твоему городу.

Так все, плача, восклицали и взирали на венец и на крест, видимый на небе. Тогда же весь христолюбивый народ, и особенно женщины, возбужденные ревностью, громким голосом взывали к святому епископу Павлу:

— Не скрой славы города нашего, преподобный епископ! Не умолчи о славе нашей, не утаи бисера, обнаруженного нам Богом. Покажи всем яркую свечу, доселе бывшую под спудом и светившую тайно. Покажи ее всем, чтобы и противники наши видели и узнали, какому Владыке мы служим. Пусть увидят язычники и устыдятся; пусть увидят и иудеи тайну креста и пусть узнают, что Тот, Которого они распяли, есть Бог. Пусть увидят это все враждующие против Креста Христова и возрыдают. Пусть увидят, как и по смерти прославляет рабов Своих Владыка Ангелов. Пусть увидят, какою славою от Христа Бога венчается невеста Его Ксения, которую люди считали совершенно безвестной странницей и пленницей. Пусть увидят все, какого дара и благодати сподобился наш убогий город!

Когда народ с усердием так взывал к епископу, он с пресвитерами подошел к честному телу святой Ксении. Положив его, как подобает, на одре носильном, — зажегши много свечей и воскурив фимиамы, епископ преклонил свою выю и вместе с пресвитерами поднял одр на рамена свои, после чего понесли его с пением до середины города. Все дивились происходившему славному чуду, ибо, когда шествовал несомый одр с телом святой, шествовал над одром и явившийся на небе венец с крестом. Когда же поставили среди города одр, остановился и венец вверху одра. Тогда собралось и из окрестных селений бесчисленное множество народа, видевшего на небе чудное знамение. Весь город наполнился от стечения множества людей, и была в нем великая теснота. Блаженный епископ Павел, вместе с народом, всю эту воскресную ночь оставался при святой, бодрствуя и совершая песнопения до утра. Было много и исцелений от мощей ее: всякий, страдавший каким-либо недугом, лишь только прикасался к одру святой, тотчас получал исцеление.

Когда наступил воскресный день, честное тело преподобной Ксении покрыли чистыми покровами и с пением надгробных песен понесли к месту, находившемуся у входа в город с южной стороны и называвшемуся сикинией (смоковничьим): там, прежде кончины своей, святая завещала похоронить свое тело. Весь народ опять видел, что во время несения ее тела с одром венец с крестом из звезд, видимый на небе, шел вслед за одром. И снова, когда был поставлен одр, остановился вверху и венец. Когда же совершалось погребение, то ближе стоявшие люди разделили покровы, находившиеся на честных мощах,

на мелкие части и хранили их с верою — для исцеления от различных болезней. Епископ, помазав, по обычаю, миром святое тело преподобной Ксении, положил его в новом гробе. Как только совершено было честное погребение, тотчас сияющий на небе звездный венец с крестом стал невидим. При этом много исцелений подавалось от святого гроба всем, приходившим к нему с верою.

Спустя немного времени умерла одна из рабынь преподобной Ксении; затем, довольно скоро, и другая отошла к вечной жизни. Обе они были погребены у ног своей святой госпожи. Когда преставлялась другая рабыня, пришли к ней все инокини и, заклиная ее, умоляли, чтобы она рассказала им о всех деяниях госпожи ее Ксении. Она, видя себя уже на смертном одре, рассказала им подробно все о святой: откуда она была, кто ее родители, по какой причине она бежала из дома и из отечества своего с двумя своими рабынями, — как она утаила свое имя; ибо подлинное ее имя было Евсевия, а назвалась она Ксенией, потому что странствовала ради любви к Богу. Таким образом все узнали о неизвестном раньше житии невесты Христовой Ксении.

Так преподобная благоугождала Богу: для мира она была странница, а для неба — гражданка; она была видима во плоти, а сравнилась с бесплотными Ангелами; она освободилась от тела, как от одежды, и попрала диавола, как змия; она считала все мирское как сор, но сохранила как бездонное сокровище свое непорочное девство; она любовью своею стала невестою Христу, увенчалась верою, и чего надеялась, то получила, и радуется ныне в чертоге своего бессмертного Жениха. Своими молитвами она много помогает верующим, ибо смерть не уничтожила ее силы и не ограничила какими-нибудь пределами места ее благодеяний. Так как она много добродетелей сделала ради Христа, то ради нее и Христос являет нам многие милости, принимая святые молитвы возлюбленной Своей невесты.

Спустя несколько лет после преставления святой Ксении преставился и преподобный епископ Павел, ее духовный отец. Он также до конца благоугодил Богу, ибо молитвами его были прогоняемы бесы и исцелялись всякие болезни. Он был погребен в церкви святого апостола Андрея, где раньше был игуменом, а святая душа его предстала пред Богом во славе святых. Его теплым за нас предстательством пред Богом, молитвами преподобной Евсевии, принявшей имя Ксении, и ходатайством обеих святых рабынь ее, да сподобит нас Господь Своей милости, ныне и присно и во веки веков, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ВАВИЛЫ СИЦИЛИЙСКОГО
и учеников его
ТИМОФЕЯ и АГАПИЯ

Святой Вавила происходил с Востока, из славного города Антиохии[1]; родители его были люди знатные и благочестивые. В родном городе он получил образование и наставление в заповедях Господних, скоро и тщательно изучив Священное Писание, которое всегда приводит к Богу. С юных лет святой возлюбил Христа и отрекся от мира; рано оставил он родительский дом, роздал свое имущество нищим, сиротам и вдовицам и, отказавшись от всякой житейской суеты, поселился на вершине горы, где и пребывал в молчании; с ним было два ученика — Агапий и Тимофей; блаженный молчальник удостоен был сана пресвитерского и благоговейно чтил почивавшую на нем благодать священства. Когда же упорные и кровожадные язычники вознамерились предать его начальнику области, святой вместе с учениками оставил Рим и удалился в Сицилию[2], где и прожил один год. Здесь он, по благодати Божией, многих просветил и привел к разумению Христовой истины.

Не может город укрыться, стоя поверх горы (Мф. 4, 14), и о блаженном Вавиле известно стало начальнику Сицилии; тот приказал схватить святого с обоими учениками. Услышав, с какой смелостью исповедовал Христа доблестный его служитель, начальник подвергнул его, вместе с учениками, бичеванию и другим истязаниям; обагренных кровью святых мучеников водили по городам Сицилии, всячески бесчеловечно издеваясь над ними; этим мучитель хотел и устрашить граждан, и утолить собственную ярость. Святые же страстотерпцы укреплялись в силах, созерцая вечные будущие блага. Наконец, палачи закололи блаженных мучеников мечами и тела их бросили в огонь; но пламя не коснулось священных останков, некоторые из верующих взяли их и предали честному погребению на том же острове Сицилии[3].

---

[1] *Антиохия* расположена на реке Оронте и была прежде главным городом Сирии.

[2] *Сицилия* — остров на Средиземном море, к югу от Апеннинского полуострова.

[3] В конце III столетия.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
МАКЕДОНИЯ ПУСТЫННИКА

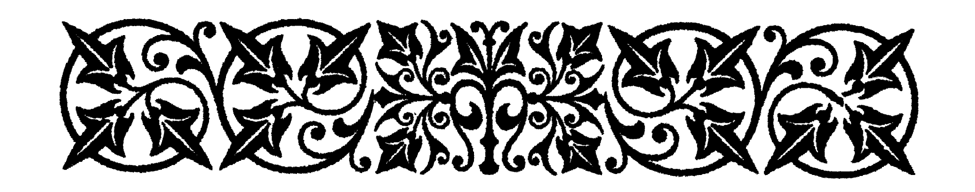
Преподобный Македоний местом и поприщем своих подвигов избрал вершины гор, не останавливаясь где-либо на долгое время, но постоянно переходя с одного места на другое в пределах Финикии, Сирии и Киликии[1], чтобы избегнуть тем разговоров с посетителями. Сорок пять лет блаженный прожил таким образом, не имея ни хижины, ни палатки, но проживая в глубокой пещере. Когда преподобный Македоний состарился, то попросил посетивших его богомольцев построить ему малую келью, в которой и жил двадцать пять лет, не выходя ни к братиям, поселившимся около него, ни к посторонним. Всего святой Македоний подвизался семьдесят лет; более сорока лет он питался одним семенем, столченным и смоченным водою; после, вследствие слабости, стал вкушать немного хлеба с водою. Господь прославил его даром чудотворений: преподобный изгонял бесов, исцелял разные болезни и совершал иные чудотворения. Однажды к преподобному Македонию привели женщину, которая страдала недугом, проявлявшимся в чрезмерном употреблении пищи: она съедала в день по тридцати кур. Родственники со слезами просили преподобного помочь больной. По молитвам святого женщина эта исцелилась и потом не могла съесть в день даже четверти курицы. Ангельски пожив на земле, удостоившись дара пророческого, сподобившись благодати священства, преподобный Македоний мирно почил о Господе[2].

---

[1] Эти страны расположены по северо-восточному берегу Средиземного моря; они прорезываются вдоль морского берега горными цепями Ливана — на юге и Амана (Альма-Даг) — на севере.

[2] Около 420 года.

День двадцать пятый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА,
патриарха Константинопольского

Отечеством святого Григория Богослова была вторая, или южная, Каппадокия, город Назианз[1], по имени которого он и называется Назианзином. Родители его были благородные и почтенные люди: отец по имени также Григорий и мать Нонна. Но отец его раньше был неверующим, так как происходил от неверующих родителей: от отца язычника и матери иудейки. В своей вере он и следовал обоим, придерживаясь как языческого заблуждения, так и иудейского неверия. В этом и состоит так называемое ипсистарийское лжеучение[2]. Матерь же святого Григория, блаженная Нонна, происходила от христианских родителей и сама была благочестивой христианкой. С раннего детства она была воспитана в благочестии и совершенней-

[1] *Вторая*, или *Великая, Каппадокия* — весьма обширная область в середине восточной части Малой Азии, к западу от верховьев реки Евфрата; некогда Каппадокия была одним из значительных государств Азии, но затем потеряла свою самостоятельность и вошла в состав Римской империи как ее провинция (в 17 или 18 году по Р. Х.). — *Назианз* — маленький городок в юго-западной части Каппадокии; ныне на месте Назианза — лишь развалины в бесплодной местности, наполненной каменоломнями.

[2] *Ипсистариане* получили свое наименование от того, что они поклонялись Богу, как (существу) «высочайшему» (от греческого слова: высший, высочайший). Они считали себя озаренными свыше, к христианским воззрениям они примешивали языческие (персидские) и иудейские лжеучения. Отвергая идолов и жертвы, ипсистариане поклонялись Богу под символами света и огня. Они посвящали и соблюдали седьмой день вместо первого и приняли иудейские правила касательно чистой и нечистой пищи. Вообще же об этой секте сохранилось весьма мало известий.

шим образом научена страху Божиему, который есть начало всякой премудрости. По Божиему же предназначению, она была соединена брачным союзом с неверующим мужем, чтобы и его привести к святой вере: *Ибо неверующий муж освящается*, по слову апостола, *женою верующею* (1 Кор. 7, 14). Так и случилось. Нонна, постоянно убеждая своего мужа богомудрыми речами и со всем усердием молясь о нем Богу, привела его, с помощью Божией, к христианской вере. Мужу ее было от Бога такое видение во сне: ему казалось, что он поет из псалма Давидова слова, которых он никогда не имел в своих устах, а разве только слышал когда-либо от своей супруги, часто молившейся. Сам он никогда не молился: он и не знал, как молиться, и не хотел этого. Слова же, которые он пел в сонном видении, были следующие: *Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Господень* (Пс. 121, 1). Во время этого пения он ощущал в сердце особенную сладость и, проснувшись, возрадовался, а затем рассказал об этом своей супруге. Она уразумела, что Сам Бог призывает мужа ее к Своей святой Церкви, — начала еще усерднее поучать его христианской вере и наставила его на путь спасения. В это время случилось святому Леонтию, епископу Кесарии Каппадокийской, отправлявшемуся на I Вселенский собор, созванный в Никее[1], остановиться в городе Назианзе. К нему привела блаженная Нонна своего мужа, и Григорий был крещен руками святителя. По принятии святого крещения он начал праведную и богоугод-

[1] В 325 году.

ную жизнь, подобающую истинному и совершенному христианину. При этом он настолько преуспел в благочестии и добрых делах, что избран был впоследствии на епископский престол в том же городе Назианзе (о чем будет речь ниже).

Живя с таким мужем в честном супружестве, блаженная Нонна желала стать матерью младенца мужского пола. Она воссылала усердные молитвы к Подателю всех благ, чтобы Он даровал ей сына, и еще ранее зачатия его обещала, как некогда Анна Самуила (см.: 1 Цар. 1), посвятить его на служение Богу. Господь, исполняющий волю боящихся его и внимающий их молитвам, исполнил прошение сердца благочестивой жены и в ночном сонном видении Своим откровением предсказал ей имеющего от нее родиться отрока. И видела блаженная Нонна, еще раньше рождения сына, каков он будет лицом, и предузнала его имя. Когда затем она родила младенца мужского пола[1], то нарекла его по имени отца Григорием, как это было ей предвозвещено в сонном видении. Она возносила великое благодарение Богу и Его промыслу вручала рожденного отрока; с полным усердием она приносила в дар Богу то, что получила от Него по молитве. Однако не тотчас крестили младенца. В те времена существовал у многих христиан добровольный обычай отлагать крещение до зрелого возраста и до того года, на котором Христос Господь наш крестился от Иоанна в Иордане, — чаще всего до тридцати трех с половиной лет[2]. Впоследствии этот обычай по уважительным причинам был устранен тем же святым Григорием Богословом, Василием Великим, Григорием Нисским и другими великими отцами. Таким образом, святой Григорий был крещен не тотчас по рождении, но, согласно древнему обычаю, принятому у христиан, крещение его было отложено до возраста лет Христовых.

Отрок был воспитываем согласно христианским обычаям. Когда он достиг школьного возраста, его тотчас начали учить книгам. Возрастая годами, Григорий возрастал и разумом. В соответствие своему имени[3], он был рассудителен, бодр духом, усерден в учении и пре-

---

[1] Святой Григорий Богослов родился около 329 года, в Арианзе, имении его родителей, лежавшем недалеко от Назианза к югу.

[2] В IV столетии был вообще обычай откладывать крещение до зрелого возраста, иногда даже, как это было с Константином Великим, до смертного одра, так как опасение умереть некрещеным казалось меньшим, чем страх впасть в смертный грех после крещения.

[3] *Григорий* — от греческого слова γρηγορέω: бодрствую — значит: бодрствующий, бодрый.

восходил по уму своих сверстников. Даже отроческие годы не служили ему препятствием понимать то, чему поучаются достигшие совершенного возраста и разума. Еще в детстве он обнаруживал такое поведение, какое свойственно старцам. Детские игры, пустые забавы и всякого рода зрелища он ненавидел, а упражнялся в гораздо лучшем и проводил время в учении, а не в праздности. Когда он достиг юношеского возраста, благочестивая мать многими своими материнскими наставлениями поучала его благочестию. Она поведала ему, что он есть плод ее молитвы, что усердными молитвами она испросила его у Бога, и еще прежде зачатия обрекла его на служение Богу. Добрый юноша слагал слова матери в сердце своем и просвещался душою в вере, надежде и любви ко Христу, Истинному Богу. Более всего он возлюбил целомудрие души и чистоту тела, а равно поставил себе законом тщательно хранить свое девство до самой кончины. К этому он был вразумлен частью многократными и сердечными материнскими наставлениями, а частью бывшим ему в юношеских годах сонным видением. О последнем он сам, много спустя, рассказывал так: однажды, во время сна, ему показалось, что вблизи него стояли две девицы, облеченные в белые одежды. Обе были красивы лицом; возрастом и годами одинаковы. На них не было никаких наружных украшений: ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни драгоценных камней, ни дорогих ожерелий; они не были украшены ни шелковыми мягкими одеждами, ни золотыми поясами; они не гордились ни красотою лица, ни роскошными бровями, ни распущенными волосами, ни какими-либо другими особенностями, которыми мирские девицы стараются нравиться и уловлять сердца юношей. Одетые просто в чистые белые одежды и скромно опоясанные, они имели не только головы, но и лица, покрытые тонкими покрывалами. Глаза их были опущены вниз; ланиты краснелись от девического смущения и свидетельствовали о целомудрии; уста напоминали цвет ярко-красной розы; молчанием своим они обнаруживали величайшую скромность. Святой Григорий, смотря на них, ощущал в своем сердце великую радость и думал, что это не земные существа, а высшие, превосходящие природу человеческую. Они, видя, что он очень доволен созерцанием их, возлюбили его и обнимали его, как дитя свое. Тогда он спросил их: кто они и откуда пришли? Первая сказала, что она есть Чистота, а другая назвалась Целомудрием. При этом они разъяснили, что предстоят пред престолом

Царя славы Христа и услаждаются красотою небесных девиц. Они говорили:

— Будь, чадо, единомысленным с нами; ум свой соедини с нашим умом и лицо свое сделай подобным нашему. Тогда мы тебя, блистающего величайшею светлостью, вознесем на небеса и поставим близ бессмертного Троичного света.

Сказав это, они стали подниматься на небо и, подобно птицам, вознеслись вверх. Отрок Григорий проводил их радостным взглядом, пока они не скрылись в небесах. Проснувшись, он ощущал несказанную радость, и сердце его исполнилось веселья. С этого времени он воспламенился ревностью к тщательному охранению своего девства. Он старался соблюсти его полным воздержанием, избегая всякой вкусной пищи, пьянства и пресыщения.

По рождении святого Григория блаженная Нонна родила и другого сына, по имени Кесарий[1], и дочь Горгонию. Она воспитывала их в благочестии и книжном учении. Между тем блаженный Григорий, желая усовершенствоваться в ораторском красноречии, в школьной мудрости и всякой мирской эллинской учености, отправился сначала в Кесарию Палестинскую[2], которая в то время славилась школами и ученостью. Там он имел учителем ритора Феспесия. Затем он перешел в Александрию[3], собирая сокровища мудрости у многих мужей и обо-

---

[1] *Кесарий*, брат святого Григория Богослова, за свою святую жизнь причислен к лику святых; память его — 9 марта.

[2] *Кесария* (на восточном берегу Средиземного моря) была тогда одним из значительнейших городов Палестины и местопребыванием епископа. Там находилась знаменитая христианская школа, основанная известным церковным писателем и ученым III века Оригеном и после него находившаяся под руководством таких выдающихся христианских богословов, как известный церковный историк Евсевий, епископ Кесарийский, и прославившийся своей ученостью и святой жизнью пресвитер Памфил, окончивший жизнь мученически (память его 16 февраля); кроме школы, трудами последнего была составлена обширная библиотека из тридцати тысяч томов, благодаря которой приобрели ученость многие отцы и учители Церкви. — Но прежде образования в Кесарии Палестинской, святой Григорий Назианзин изучал науки в Кесарии Каппадокийской.

[3] В Александрии, центре языческой образованности, издавна был знаменитый музей наук словесных, математических и философских. Но в то же время, в противовес язычеству, еще со времен апостольских, возникло и христианское, так называемое «Огласительное», или «Катехизическое», училище, влияние которого на будущность христианства было многосторонне и неизмеримо. Предание с благоговением приписывало основание этого училища самому апостолу и евангелисту Марку. В первое время в нем преподавались только первоначальные наставления для желавших получить крещение, на что указывает уже самое наименование Александ-

гащаясь умом. После этого он пожелал отправиться в Афины[1] и сел на эгинский[2] корабль вместе с язычниками. Когда плыли мимо острова Самоса[3], поднялась на море сильная буря. Все отчаивались в спасении своей жизни и плакали в виду телесной смерти. Григорий же плакал, боясь духовной смерти, так как еще не был крещен, а только оглашен. Он вспоминал прежде бывшие чудеса Божии в водах: переход израильтян чрез Чермное море и спасение Ионы из чрева кита. Он с воплями молился Богу, прося избавления от гибели в волнах. Эти его бедствия во время морского путешествия были открыты родителям его в сонном видении. Они тотчас стали на молитву и проливали пред Богом горячие слезы, прося у Него помощи бедствующему на море сыну. Бог, хранивший раба Своего Григория на пользу многим и приготовлявший его в столпы Церкви, укротил свирепую бурю и запретил ветрам; на море наступила полная тишина. Все, находившиеся на корабле, видя себя, сверх ожидания, спасенными от гибели и как бы вырванными из уз смерти, прославили Христа Бога. Они знали, что только призыванием Его всесильного имени в молитве Григория укрощено море. Сверх того, один юноша, товарищ святого по путешествию, видел ночью во сне, во время волнения и бури, что мать Григория, блаженная Нонна, поспешно пришла по морю, взяла погружавшийся корабль и привела его к берегу. Когда волнение улеглось, он рассказал всем о видении, и все исповедали Бога Григориева, как великого Помощника, — возблагодарили Его и уверовали в Него. Кроме того, отцу Григория, со слезами молившемуся в Назианзе о сыне своем и затем уснувшему после молитвы, было и другое видение. Он видел одного яростного беса, Эринна, который старался погубить

рийского училища «Огласительным», а вместе с тем приготовлялись и самые огласители. Но потом Огласительное Александрийское училище, по своему положению в центре всемирной образованности и учености, приняло характер богословско-ученого образовательного заведения, достигшего блестящего состояния, главным образом благодаря трудам знаменитого Пантена, не менее замечательного ученика и преемника его Климента Александрийского и еще более — Оригена.

[1] Хотя *Афины* — древняя знаменитая столица Греции — в то время были лишь тенью прежнего своего величия, однако там еще процветали школы языческих софистов и риторов, придававшие городу некоторое подобие его прежней славы.

[2] *Эгина* — остров в Сароническом заливе, на восток от Греции между Средней и Южной Грецией.

[3] *Самос* — один из главных островов Эгейского моря (Архипелага), вблизи западного берега Малой Азии, против мыса Микале, от которого отделен нешироким проливом.

Григория на море, Григорий же схватил его руками и победил. Из этого видения узнал отец Григория об избавлении сына от гибели и вознес с супругою благодарение Богу.

Последующее путешествие по морю святой Григорий совершил благополучно и прибыл в Афины. Там, изучая светские науки, он был для всех предметом удивления вследствие необычайной остроты своего ума и целомудренной жизни. Спустя немного времени прибыл в Афины и святой Василий[1] ради усовершенствования в светской мудрости. Оба они — Григорий и Василий — стали искренними друзьями и сожителями. Один у них был дом, одна пища, один дух, одна мудрость, один нрав, — точно у единоутробных братьев. Оба они стали знаменитыми и уважаемыми в Афинах, ибо в течение небольшого времени они превзошли своих учителей; сами будучи учениками, они стали учителями для своих учителей. В это же время, когда Констанций, сын Константина Великого, царствовал над греками и римлянами, Юлиан, ставший впоследствии царем и отступником от Бога, учился в Афинах философии. О нем часто говорил Григорий:

— Какое великое зло воспитывает греческая и римская земля!

Он уже провидел, что должно было случиться.

Григорий и Василий прожили в Афинах много лет, изучили все науки[2] и усовершенствовались в них настолько, что сами возвысились над всей афинской мудростью. Тогда Василий отправился в Египет к богодухновенным мужам учиться мудрости духовной, как об этом повествуется в его житии, а Григория афиняне убедили своими просьбами принять учительское звание. Прожив там недолго после Василия, Григорий услышал, что отец его поставлен в Назианзе в епископа. Немедленно он возвратился на родину к отцу своему, имея уже тридцать лет от рождения, и принял святое крещение от рук отца. Он хотел тотчас отречься от мира и идти в пустыню, но, будучи удерживаем отцом, оставался при нем дома. Он поставил для себя правилом — никогда не употреблять клятвы и не призывать имени Божиего всуе, и

---

[1] *Святой Василий Великий* — архиепископ Кесарии Каппадокийской; память его 1 января.

[2] Они изучали грамматику, историю, геометрию, астрономию, арифметику и математику, начатки медицины, философию и логику. Много времени занимало изучение классической (римской и греческой) литературы. Многие христиане пренебрежительно относились к чтению великих языческих писателей, но святой Григорий Назианзин и Василий Великий стояли выше столь узкого предрассудка.

сохранил это правило до конца своей жизни. Он постоянно занимался чтением Божественных книг и проводил в богомыслии дни и ночи; неоднократно он созерцал в видениях и Христа. Отец против воли поставил его пресвитером, а затем хотел посвятить его и в епископа, но святой Григорий, уклоняясь от такого сана и почестей, а также стремясь к иноческому безмолвию, тайно бежал из дома и пришел в Понт к своему другу, святому Василию. Последний также был уже пресвитером и устроил в Понте монастырь, куда собралось множество иноков. Он писал к Григорию из Понта, настойчиво приглашая его к себе. Таким образом, они снова, как и раньше в Афинах, начали жить вместе, имея каждый в другом образец добродетели и подражая один другому. Вместе же они писали для иноков уставы постнической жизни. Так прожил святой Григорий со святым Василием довольно долго.

Между тем умер брат Григория Кесарий. Родители много плакали о нем. При этом отец писал к Григорию, слезно убеждая его возвратиться домой и помочь ему в старости. Блаженный Григорий, частью боясь ослушаться отца, а частью видя нужды Церкви, сильно смущаемой в то время ересью Ария, в которую и отец Григория, как не получивший богословского образования, был отчасти совращен, возвратился из Понта в Назианз. Здесь он помогал состарившемуся отцу в церковном управлении и в хозяйственных заботах, разъяснил ему вред арианской ереси и утвердил его в православии.

По смерти царя Констанция, сына Константина[1], на престол вступил Юлиан, и тогда исполнилось о нем пророчество Григория: великое зло принес этот беззаконник; он открыто отрекся от Христа и воздвиг гонение на Церковь Христову. Святой Григорий боролся с ним многими своими богомудрыми сочинениями, изобличая его заблуждения, пагубные языческие увлечения и ложные эллинские басни. Этот законопреступник царствовал недолго и погиб с позором[2]. После него вступил на престол благочестивый царь Иовиан[3], и снова стала процветать вера Христова. После Иовиана вступил на царство арианин Валент[4], и снова арианская ересь стала распространяться; православные были притесняемы повсеместно. Тогда же и в Кесарии Каппадокийской арианство многих совратило к заблуждениям и внесло

[1] Это было в 361 году.
[2] В 363 году.
[3] Царствовал с 363 по 364 год.
[4] Валент царствовал с 364 по 378 год.

смуту в Церковь Христову. Даже епископ Евсевий[1], недостаточно сведущий в Божественном Писании, начал колебаться и допускать уклонения от истинной веры. Узнав об этом, святой Григорий написал к нему, советуя упросить авву Василия — возвратиться в Кесарию для борьбы с заблуждениями. Также он писал и к самому святому Василию, дружески советуя и прося, чтобы он, забыв прежний гнев на него Евсевия, отправился в Кесарию на помощь православным и снова утвердил Церковь, колеблемую арианами. Таким образом, святой Григорий, устроив своими письмами мир между епископом Евсевием и святым Василием, дал возможность святому Василию возвратиться в Кесарию Каппадокийскую. Тотчас по его возвращении ариане были посрамлены, и одни из них умолкли, а другие бежали. Епископ Евсевий обрадовался святому Василию. Прожив с ним в дружбе некоторое время, он скончался, а на его место на престол был возведен православными, против воли, святой Василий Великий. Еретики, негодуя по этому поводу и чувствуя озлобление, устроили отделение города Тианы от Кесарии. В Тианах[2] был в это время епископ Анфим, притворно казавшийся православным, а на самом деле еретик. Он с единомысленными ему епископами отделился от Василия и стал митрополитом Тианским. Таким образом, он устроил разделение Каппадокийской области на две части, благодаря чему возникли продолжительные споры о пределах епархии. Святой Василий, видя, что некоторые города и селения отторгаются от его епархии, задумал устроить дело так: был между Кесарией и Тианами один незначительный и мало известный город Сасима[3]. В нем святой Василий рассудил устроить новую епископскую кафедру и поставить там епископом мужа благочестивого; он надеялся этим и прекратить распрю, и многих людей сохранить для благочестия. Не имея в виду для этой цели опытного мужа, он писал к другу своему, святому Григорию, прося его принять посвящение в епископа на кафедру в Сасиме, ибо никто другой не был бы настолько способен утвердить там благочестие, как именно он. Святой

---

[1] *Евсевий Памфил*, епископ Кесарийский, славился своей ученостью, написал церковную историю, книгу о палестинских мучениках, описал жизнь Константина Великого; но, при своей учености, уклонился, к сожалению, от православия и был привержен к арианству, хотя прямо и не отступил от Православной Церкви.

[2] *Тианы* — древний город Каппадокии, у подножия Тавра, близ киликийских ущелий.

[3] *Сасима* находилась на границах двух новообразовавшихся, вследствие разделения областей, епархий, верстах в пятидесяти от Тиан и тридцати шести от Назианза.

Григорий настойчиво отказывался в письмах. Василий много раз писал к нему, но, не достигая желаемого, отправился сам в город Назианз и там, посоветовавшись со старым Григорием, епископом Назианзским, отцом Григория, начал вместе с ним убеждать своего друга Григория принять посвящение в святительский сан. Таким образом, Григорий был вынужден занять епископскую кафедру в городе Сасиме. Когда узнал об этом Тианский митрополит Анфим, причислявший Сасиму к пределам своей епархии, то привел туда войско с целью не допустить Григория к занятию кафедры; он подстерегал Григория по пути его следования. Святой Григорий, узнав во время пути о кознях Анфима и о приведенных им войсках, ушел в один монастырь и там ухаживал за больными, а затем поселился в пустыне, ища желательного ему безмолвия.

Спустя немного времени он снова, по просьбе родителей, возвратился в Назианз. Родители его уже сильно состарились и нуждались, по преклонности лет, в его помощи, тем более что у них уже не было других детей, кроме его одного. Кесарий, другой сын их, уже умер, как об этом уже сказано, — а равно и дочь Горгония уже отошла в вечность[1]. Погребение их обоих брат, этот святой Григорий, почтил надгробными словами. Затем он остался у родителей один, как зеница ока, и ему не представлялось возможности не исполнить просьбы своих родителей. Он должен был послужить их старости и после их кончины совершить над ними обычное погребение.

Когда святой Григорий возвратился из пустыни в Назианз, отец его Григорий, уже изнемогая от старости, хотел еще при жизни своей устроить сына на епископской кафедре в Назианзе. К этому он побуждал сына не только убеждениями и просьбами, а и клятвою. Он же не отказывался от попечений о благоустройстве Церкви, не хотел также и ослушаться приказания отца, но принять епископский престол отнюдь не желал.

— Невозможно мне, отец, — говорил он, — пока ты еще жив и не отошел в вечность, принять твой престол.

Отец, не настаивая более на принятии сыном престола и только возлагая на него попечение о Церкви, говорил:

— Пока я жив, будь мне, сын мой, опорою старости, а после моей смерти сделай так, как тебе будет угодно.

---

[1] Это было в 368 году.

Скоро отец святого Григория, престарелый епископ Назианзский, преставился[1], пробыв на епископском престоле сорок пять лет. Прожил он всего сто лет. Погребен он был с большим торжеством, при участии святого Василия Великого, прибывшего на погребение. Оставалась еще в живых Нонна, мать святого Григория, друга Василия, но и она в скором времени почила о Господе, также достигнув столетнего возраста[2]. Святой Григорий, похоронив своих благочестивых родителей, стал свободен от попечений о них; но он хотел еще освободиться и от славы, тем более что жители родного города понуждали его занять, после отца, епископский престол. Он отправился тайно в Селевкию[3] и там оставался при церкви святой первомученицы Феклы. Оттуда он был вызван дружескими просьбами Василия Великого и, возвратившись, принял попечение о богадельнях и больницах. Святой Василий, чтобы дать приют не имеющим, где главу приклонить, построил обширные здания и, собрав туда нищих и больных, вдовиц, сирот и странников, заботился об ежедневной пище для них, а попечение о них поручил своему возлюбленному другу. Таким образом, святой Григорий был питателем нищих, служителем больных, успокоителем странников.

В это время от арианской ереси, в течение уже многих лет смущавшей Церковь Божию, произошла, подобно новой голове от какой-то гидры[4], новая ересь и соблазняла многих. Это была ересь Македония, хулившего Духа Святого. Ариане исповедовали, что Отец есть Бог несозданный, предвечный, а Сын сотворен, притом не единосущен и не соприсносущен Отцу; македоняне же признавали Сына равным Отцу, но хулили Духа Святого, причем одни говорили, что Он есть тварь, а не Бог, а другие не признавали Его ни Богом, ни тварью. Святой Григорий называл их полуарианами, так как они почитали Сына, но унижали Духа Святого. Эта ересь особенно сильно распространялась в

---

[1] *Григорий*, епископ Назианзский, отец святого Григория Богослова, скончался в 374 году. Почтив память его надгробным словом, Григорий Богослов, по слову, данному отцу, в продолжение некоторого времени управлял назианской паствой.

[2] Праведная мать Григория Богослова скончалась, как и ее муж, в том же 374 году. Она причислена к лику святых; память ее празднуется 9 августа.

[3] *Селевкия* — название многих городов, по большей части основанных Селевком I. Здесь нужно разуметь Селевкию Исаврийскую, в горной стране, на юго-востоке Малой Азии.

[4] *Гидра*, по мифологии древних греков, — похожее на змею чудовище о 9 головах, которые вновь вырастали, когда их отсекали.

Византии. По убеждению святого Василия Великого и по общему совету многих других православных епископов, сошедшихся на собор, святой Григорий, как муж глубокого разума и сильный в красноречии, должен был отправиться в Византию для опровержения еретического мудрствования и для защиты правых догматов святой веры. Но прежде чем он отправился в Византию, святой Василий, проболев немного, скончался[1]. Так угас всемирный светильник веры. Святой Григорий много плакал о нем и, почтив его надгробным словом, отправился в предлежавший ему путь. Когда он достиг царственного города Византии, то был встречен благочестивыми христианами с радостью. Он нашел Церковь Христову до крайности умалившеюся. Количество верующих легко было сосчитать, так как бóльшая часть города пошла в след ересей. Все храмы Божии, величественные и богато украшенные, были в руках еретиков. Один только небольшой и ветхий храм святой Анастасии, отвергнутый еретиками, был оставлен православным. Святой Григорий тотчас, подобно Давиду, вооружившемуся некогда пращей против филистимлян, вооружился словом Божиим против еретиков, побеждал их в спорах и уничтожил их догматические заблуждения, как бы паутинную сеть. Ежедневно он обращал многих от заблуждения к православию своими богомудрыми и богодухновенными речами и в течение малого времени так увеличил состав верующих членов Церкви Христовой, что невозможно и исчислить; число же еретиков со дня на день уменьшалось, так что сбывалось то, что сказано в Священном Писании о доме Давидовом и доме Сауловом: дом Давида *все более и более усиливался, а дом Саулов более и более ослабевал* (2 Цар. 3, 1).

Еще не миновало зло, причиненное Церкви арианами и македонянами, как явился новый еретик из Сирии, Аполлинарий, который неправильно мудрствовал о воплощении Господнем. Он признавал воплощение неистинным: Христос будто бы не имел души, а вместо нее — Божество. Будучи красноречив и искусен в эллинской мудрости, он многих увлек в свою ересь, а ученики его разошлись повсеместно, улавливая несведущих в богословской науке и увлекая их, как бы удою, в погибель. Тогда снова добрый подвижник благочестия, святой Григорий, предпринял великий подвиг, вступил в борьбу с еретиками, отпавших от правой веры обличал, умолял, запрещал, причем

[1] Святой Василий скончался в 379 году.

одних утверждал в вере, а других восстановлял от падения. В это же время ученики Аполлинария, вращаясь среди народа, клеветали на святого Григория, будто он разделял Христа на два лица. Усердно рассевая такую ложь повсеместно, они возбудили гнев и злобу народа против святого: ведь и капля воды при частом падении пробивает камень. Люди, неспособные понимать хитросплетенные еретические речи и уразуметь глубину таинства вочеловечения Христа, почитали еретиков, как истинных пастырей и признавали их православными учителями; истинный же пастырь, поучавший благочестию, был признаваем еретиком. Возбудив толпу, они бросали в святого камни, как некогда иудеи — на святого первомученика Стефана; однако они не могли убить его, так как Бог хранил Своего угодника. Не будучи в состоянии удовлетворить своей злобы, они зверски напали на него и представили на суд начальнику города, как какого-либо бунтовщика, виновника смуты и волнений. Святой, будучи неповинным ни в каком преступлении, притом отличаясь кротостью и смирением, среди этого бедствия и беспричинного нападения на него народа, молился только Богу, Христу Своему: «О имени Твоем, Христе, *если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной* (Пс. 22, 4). Начальник, зная его невиновность и видя неправедную человеческую злобу, отпустил его на свободу. Так он оказался мучеником, но без ран и истязаний, венценосцем — но без язв, и имел одно лишь желание — пострадать за Христа.

Просияв такими подвигами и упорною борьбою с еретиками, святой Григорий стал известен всем; повсеместно прославлялась его мудрость, и за нее он получил новое имя от всей святой Православной Церкви, имя богослова, подобно первому богослову, святому Иоанну девственнику, возлюбленному ученику Христову. Это имя богослова, хотя свойственно и всем великим учителям и святителям, так как все они богословствовали, достойно прославляя Святую Троицу, однако святому Григорию оно усвоено особенным образом и стало его дополнительным именем. Оно дано было Григорию Церковью в знак его торжества и победы над многими и великими еретиками. С этого же времени и все стали называть его Богословом. Он был глубоко любим православными. Весь сонм благочестивых людей желал видеть его на патриаршем престоле. Притом и Александрийский патриарх Петр[1],

[1] Петр II, патриарх Александрийский, управлял Церковью с 373 по 380 год.

принявший престол после Афанасия Великого, писал к святому Григорию Богослову, поручая ему Константинопольский патриарший престол, как достойнейшему и понесшему много трудов на пользу Церкви Христовой. Но тотчас явилось препятствие этому со стороны злобных людей.

Был в Константинополе один греческий философ, из школы циников[1], по имени Максим, родом египтянин. Он отличался хитростью, лукавством, лицемерием и злобными намерениями. Явившись к святейшему пастырю, Григорию Богослову, он отрекся от эллинского безбожия и после крещения вступил в лоно святой Церкви. Однако он жил в суете мира и лицемерно прикрывался благоговением, точно овечьей одеждой, в душе оставаясь волком, что и не замедлило обнаружиться. Святитель Божий Григорий, не подозревая его лукавства, а обращение его из язычества в христианство считая великим делом, приютил его у себя, как сожителя и друга, сделал своим сотрапезником и затем — членом церковного клира. Он же последовал примеру Иуды — замыслил отступить от своего учителя и духовного отца и начал против него борьбу. Для исполнения своего замысла он нашел и помощника в лице одного пресвитера, не боявшегося Бога и искусного в коварных предприятиях. В союзе с ним Максим начал хитро и тайно действовать, с целью восхитить патриарший престол в Константинополе. Но так как для удачи такого дела необходимо было много денег, чтобы подкупом и подарками склонить к своему единомыслию большинство, то они и начали прежде всего заботиться о деньгах. При сатанинской помощи они скоро нашли желаемое следующим образом. Пришел в Византию с острова Фазоса[2] один пресвитер, с большой суммой денег, для покупки на церковное строение мраморных досок, привозимых с Проконниса[3]. Обольстив его различ-

---

[1] Этот неизвестный в Александрии человек принадлежал собственно к худшему разряду искателей приключений из духовенства. Он представлял собою худую смесь суетного мирянина, лицемерного христианина и показного философа. По наружности он выставлял себя аскетом и носил плащ циников (философы, которые высказывали полное презрение к земным благам и поставили целью возможное уменьшение телесных потребностей, почему, впадая в крайность, носили ветхую одежду и отказывались от всех житейских удобств, хотя часто лицемерно).

[2] *Фазос*, ныне *Тасо*, — остров Эгейского моря (Архипелага), недалеко от фракийского берега.

[3] *Проконнис* — немаловажный остров на Пропонтиде (Мраморном море); известен своими мраморными ломками.

ными несбыточными обещаниями, заговорщики отняли деньги, которых было достаточно для достижения лукавого замысла, и послали тайно в Александрию много богатых даров патриарху Петру, а равно его епископам и клирикам, и убедительно просили прислать в Византию епископов, которые возвели бы Максима на патриарший престол. Петр, прельстившись дарами и как будто забыв о прежнем своем письме к святому Григорию, тотчас склонился на их просьбы. Он послал в Константинополь египетских епископов, которые и прибыли туда без замедления. Никому ни показавшись, ни пастырю Григорию, ни клиру, ни кому-либо из начальников, они явились с Максимом в церковь во время совершения утрени и уже приступили к рукоположению, желая посвятить Максима в архиепископы. Святой Григорий Богослов был болен. Тотчас об этом стало известно всем. В церковь немедленно собрались пресвитеры, члены клира и множество народа, — как православные, так и еретики. Все, удивляясь такой тонкой хитрости и незаконному посвящению, воспламенились гневом и стали кричать на прибывших епископов, всячески стараясь помешать им в этом совершенно незаконном деле. С позором удаленные из церкви, они отправились в дом одного флейтиста и там окончили неправильное посвящение, а затем провозгласили Максима Константинопольским патриархом при содействии помощников, как из духовных, так и из мирских лиц. Одни из них за согрешения были отлучены от Церкви, другие наняты за плату, а иные обольщены обещаниями даров и почестей; все такие были приверженцами Максима и поддерживали его. Большинство же, притом почетнейшие граждане, воспламенились гневом и порицали Максима резкими укоризнами и упреками; они выражали неудовольствие и самому святому Григорию Богослову за то, что он принял такого человека в сожители себе и удостоил его своей дружбы.

Святой отвечал им:

— Не гневайтесь на меня, мужи, за то, что я благодетельствовал этому человеку, не предвидя его злобы. Разве мы повинны в том, что не можем предвидеть чьей-либо злобы? Только одному Богу свойственно знать тайну внутренней жизни человека. Притом не самым ли законом повелено нам — отечески и с любовью отверзать свое лоно всякому приходящему к нам: *приходящего ко Мне*, — говорит Спаситель, — *не изгоню вон* (Ин. 6, 37). Для меня было важно уже и то, что Максим от эллинского заблуждения пришел ко святому крещению и,

вместо служения Геркулесу[1], стал служить Святой Троице. Притом он казался добродетельным, хотя и лицемерно, — но лицемерие его и злоба только теперь явно обнаружились. Нам не дано исследовать такие дела; мы не проникаем в человеческие помышления, не знаем и будущего, разве только когда Бог откроет нам его. Мы смотрим только на лицо, а сердце видит Бог.

Этими словами народ был успокоен и затем стал относиться еще с большей любовью к святому Григорию Богослову. Максим же отправился вместе с собором египетских епископов, поставлявших его в архиереи, к благочестивому царю Феодосию Великому[2], находившемуся тогда с войсками в Фессалонике[3], и просил об утверждении его прав на Цареградский престол. Он, отверженный человек, не мог получить утверждения на основании церковных уставов, а потому и хотел получить власть управления в церкви по царскому повелению, имея в виду скорее мучительствовать, чем святительствовать. Благочестивый царь сильно разгневался и с угрозами прогнал от себя Максима и прибывших с ним епископов. Тогда все они отправились в Александрию, и там Максим начал строить подобные же козни. Подкупив значительною суммою денег клириков Александрийской церкви, Максим дерзко и бесстыдно обратился к патриарху Петру: «Или Цареградский престол мне исходатайствуй, или я от твоего не отступлю». Пользуясь коварными средствами, он копал ров для патриарха и непременно осуществил бы свое злобное намерение, если бы об этом не узнал скоро начальник города. Опасаясь, чтобы в народе не вспыхнуло волнение, он с позором изгнал Максима из Александрии.

Между тем святой Григорий Богослов настолько был удручен в Константинополе телесными болезнями, что вынужден был отказаться от забот по управлению Константинопольскою церковью и хотел возвратиться на родину свою, в Назианз. Он решил сказать народу последнее слово, в котором убеждал ревностно хранить веру и творить добрые дела. Народ понял, что он хочет оставить Константинополь.

---

[1] *Геркулес* — герой древнегреческих преданий, обладавший, по верованиям древних греков, сверхъестественной силой, олицетворявший собой физическую силу человека, и впоследствии почитаемый ими как один из наиболее излюбленных богов.

[2] Царствовал с 379 по 395 год.

[3] *Фессалоника*, иначе *Солунь*, — весьма значительный древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского, или Фракийского, залива при Эгейском море (Архипелаге).

Послышались в церкви восклицания и громкий плач. Все единогласно начали говорить:

— Отец! Уходя от нас, ты уводишь с собою и учение о Святой Троице. Без тебя не будет в этом городе и правого исповедания Святой Троицы. Вместе с тобою уйдет из города православие и благочестие.

Слыша эти восклицания и народный плач, святой Григорий отложил свое намерение и обещал оставаться с ними, пока не будет созван ближайший собор. В это время ожидали, что скоро соберутся епископы и изберут на патриаршество достойного мужа. Этого же ожидал и святой Григорий: только увидев на патриаршем престоле достойного пастыря, он намеревался возвратиться на родину. Между тем благочестивый царь Феодосий вел войну с варварами и, после победы над ними, возвратился в Константинополь с торжеством. Ариане по-прежнему владели соборною патриаршею церковью и имели своим патриархом арианина Демофила; у православных же оставался небольшой и ветхий храм святой Анастасии. Царь призвал Демофила и убеждал его — или принять православное исповедание, или же уступить свое место другому. Демофил, будучи ожесточен сердцем, предпочел лучше лишиться престола, чем оставить свои заблуждения. Тогда царь отдал святому Григорию Богослову и всему сонму православных соборную церковь, которой ариане владели сорок лет, а равно и все другие церкви. Когда же архиерей Божий Григорий с клиром и народом хотел войти в церковь, толпа ариан, вооружившись, как бы на войну, стала около церкви, заграждая для православных вход, а святому угрожали смертью. Ариане наняли одного юношу, отважного и дерзкого, чтобы он, незаметно подойдя к Григорию, вонзил ему меч в чрево; но Бог спас Своего верного служителя. Тогда поднялся крик, шум и говор среди ариан. Они непременно причинили бы насилие и зло православным, если бы не явился сам царь и не ввел святого архиерея в церковь. Православные же с великою радостью и веселием восклицали, прославляя Бога, проливая от восторга слезы и воздевая руки кверху. В самом деле, после стольких лет они снова получили свою святыню! При этом они единогласно взывали к царю, прося возвести на патриарший престол Григория Богослова. Святой Григорий, будучи слишком ослаблен своими постоянными телесными недугами и не имея сил обратиться к народу с речью, ввиду общего крика, объявил через одного из своих клириков:

— Дети! Теперь время благодарения и прославления Единого в Троице Бога, Который даровал нам опять принять Его святую Цер-

ковь. Поэтому прославим ныне Его великие милости, а о патриаршем престоле подумаем после, в другое время.

Народ, выслушав этот ответ святителя, перестал кричать. Затем, по совершении литургии, все разошлись, прославляя Бога; ариане же замолкли, посрамленные.

Благоверный царь Феодосий весьма уважал святого Григория Богослова, как отца своего, но он не часто приходил к царю, хорошо памятуя слова Соломона: *Не учащай входить в дом друга твоего, чтобы он не наскучил тобою и не возненавидел тебя* (Притч. 25, 17). Святой имел большое усердие всегда поучать народ, посещать больных и лечить их, помогать обиженным, защищать слабых и очищать свое стадо от еретических заблуждений. Он удалялся иногда и в деревни, любя безмолвие и стараясь уврачевать отдыхом свои частые болезни и, таким образом, сделать свое тело способным к дальнейшим трудам. Владея большим церковным имуществом, он не присвоил себе ни одной серебряной монеты, не допрашивал также он и церковных строителей, сколько ими собрано и сколько истрачено. Последнее он считал делом не епископа, а светского правителя. Он наставлял всех хранить чистую совесть. Изнемогши от непрестанных трудов и почтенного возраста, он однажды заболел и лежал в постели. Народ, узнав об этом, пришел посетить его. Он сел на постели и стал спрашивать:

— Чего вы хотите, дети? Зачем вы пришли ко мне?

Пришедшие кланялись ему и благодарили за все труды его, за то, что очистил город от ереси, — за то, что святые церкви, бывшие много лет в руках ариан, возвратил православным, — за то, что много благодетельствовал всем и своим учением, и пастырским попечением.

— Ныне же, отче, — говорили они, — если ты отходишь к Богу, то помолись о своем стаде, о благоверном царе и обо всей Церкви.

Святой объявил, что болезнь его не к смерти, а затем, поучив их по обычаю, отпустил. Когда они начали расходиться, остался один юноша, который, ухватившись за ноги святого, со слезами и рыданиями умолял его — простить ему его грех. Святой спрашивал, в чем состоит его грех, но юноша ничего не отвечал, а только рыдал и просил прощения. Один из находившихся тут сказал святителю:

— Это — твой убийца, отче! По подстрекательству еретиков он хотел вонзить меч тебе в чрево, но Христос защитил тебя. Вот он теперь кается и просит прощения.

Святой сказал юноше:

— Господь наш Иисус Христос да будет милостив к тебе, возлюбленный сын, и да простит тебе твои грехи. Только ты будь с этого времени нашим; оставь ересь и обратись ко Христу Богу и служи Ему верно.

Так он отпустил юношу, простив его. Весь город, узнав об этом, подивился его незлобию и воспламенился к нему еще большею любовью. Скоро после этого начали собираться в Византии епископы, частью для поставления патриарха в царственном городе, а частью для того, чтобы предать анафеме ереси на II Вселенском соборе[1]. Когда собрались православные епископы в количестве ста пятидесяти, председателем собора был избран святой Мелетий Антиохийский[2]. Тогда же святой Григорий Богослов вопреки своей воле и со скорбью, будучи больным, принял патриарший престол, согласившись на просьбы царя и всего народа. Спустя несколько дней святой Мелетий, патриарх Антиохийский, разболелся и отошел ко Господу. Вслед затем явились епископы из Египта и Македонии и стали выражать неудовольствие по поводу назначения Григория патриархом, тем более что он был избран в их отсутствие. Они утверждали, что это назначение было неправильное, так как Григорий поставлен не Александрийским, а Антиохийским патриархом; между тем, Александрийский патриарший престол — первый после римского и от него должно исходить назначение патриарха Константинопольского. Между епископами произошли большие несогласия, смуты и распри: одни говорили, что поставление Григория было правильным, а другие возражали; при этом епископы ссорились между собою. Святой Григорий Богослов, видя происшедшие из-за него между епископами распри и ссоры, обратился ко всем им в соборе со словом:

— Я, священные и уважаемые пастыри, — говорил он, — не стремился получить власть над Константинопольской Церковью, а если она возросла и прочно утвердилась моим потом и трудами, то для меня достаточно угодить этим Богу и от Него ожидать себе воздаяния. Только любовь моего словесного стада и общий суд святителей принудили меня принять престол; ныне же я вижу неприязнь многих ко мне. Знайте же, что я не ищу ни богатства, ни высокого положения и почестей; я не желаю носить звание Константинопольского патриарха и без огорчения оставляю епископство; вы же совещайтесь между со-

[1] II Вселенский собор начался в 381 году и продолжался три года.

[2] Мелетий патриаршествовал с 358 по 381 год.

бою и делайте, что вам угодно. Мне издавна приятна пустыня, и лишающие нас престола не могут лишить нас Бога.

Сказав это, он вышел и оставил патриарший дом. Он поселился в небольшом, отстоявшем далеко от церкви домике, избегая разговоров и споров приходивших к нему людей. Однако многие из народа, приходя к нему, просили его, чтобы он оказал милость своей пастве и не оставлял ее, после того как воспитал и увеличил ее столькими трудами и потом.

— Покажи, отец, — говорили они, — свое расположение к твоим детям, ради которых ты так много потрудился; посвяти им и остаток дней своих, чтобы мы, просвещенные твоим учительством, имели, после твоей кончины, твое тело.

Святой Григорий, как чадолюбивый отец, смягчился сердцем и, недоумевая, что ему делать, просил Бога указать ему путь жизни.

Когда увеличилось число собравшихся епископов, а раздоры и несогласия между ними все еще продолжались, блаженный Григорий, став посреди собора, обратился к ним с речью:

— Мужи и сопастыри мои по управлению святым Христовым стадом! Стыдно вам, поучающим других хранить мир, входить в раздоры между собою! Как вы можете других убедить к согласию и единомыслию, если не можете согласиться сами с собою? Но я умоляю вас пред Единосущною и Пресвятою Троицею установить мир и показать взаимную любовь друг к другу, чтобы вы в полном согласии могли устроить церковные дела. Если же я — виновник разногласия и разъединения между вами, то я нисколько не достойнее пророка Ионы. Выбросьте меня за борт корабля, — и тогда прекратится для вас волнение. Хотя я и неповинен в этой буре, но я предпочитаю пострадать, если вы этого хотите. Только примиритесь между собою и будьте единомысленны; свергните меня с престола, изгоните из города, только истину и мир, говорю с пророком Захарией (Зах. 8, 19), возлюбите. Желаю вам здравствовать, священные пастыри! Не забывайте и моих трудов!

Когда он произнес эту речь, все противники его устыдились и умилились его словами. Святой же, оставив собор, задумал возвратиться на родину и пошел просить царя — отпустить его на родину.

Он говорил царю:

— Царь! Да воздаст тебе Христос в день суда за все твои благодеяния, оказанные Церкви. Но не откажи мне, державный владыка, в той

милости, о которой я ныне попрошу тебя: я не прошу тебя ни о имениях, ни о сродниках; я не ищу многоценных покрывал для жертвенников, а хочу только облегчения трудов своих. Пусть этим прекратится зависть многих; пусть твоим старанием достигнут согласия епископы! Ты, устранивший дерзость варваров, устрани и раздоры святителей. Украсъ твою победоносную державу тем одним, чтобы епископы достигли мира и согласия между собою. Это будет достигнуто, если ты отпустишь меня на родину. Об этой милости я прошу тебя; окажи мне это последнее благодеяние.

Царь был поражен словами святого и прослезился. Прослезились и бывшие тут сановники. Все чувствовали сильную любовь к святому и не хотели отпускать его. Он же, то ссылаясь на свою старость и постоянные болезни, то указывая на происходящие из-за него раздоры между епископами, продолжал просить царя и, наконец, убедил его — не удерживать его, а отпустить, куда он хочет, дабы остаток дней своих провести в мире и отдохнуть от многих трудов своих. Отпущенный царем, он простился со всеми и дал благожелания мира своим словесным овцам. Когда он удалялся из города, весь народ провожал его и плакал горькими слезами. Тотчас же и некоторые епископы, любившие святого Григория и оплакивавшие его, ушли из города и, оставив собор, возвратились каждый к месту своего служения. Таковы были: Григорий Нисский, брат Василия Великого — Амфилохий Иконийский, Евлогий Эдесский, Элладий Кесарийский, Отрий Мелитинский и многие другие. Оставшиеся же на соборе епископы избрали патриархом сенатора Нектария[1].

Святой Григорий Богослов удалился в Каппадокийскую область и поселился на родине, в деревне Арианз. Там он отдыхал, будучи очень слаб. Однако он не оставлял трудов во славу Божию: он нашел свой отечественный город Назианз зараженным аполлинариевой ересью и старался очистить его и личными увещаниями, и посланиями своими. Когда граждане просили его принять отцовский престол, он отказался, а поставил им епископом одного пресвитера, по имени Евлалий, мужа, ревностного в вере и благочестивого. Сам он оставался в полном уединении в селении Арианзе. Там, прожив некоторое время и оставив после себя много назидательных сочинений[2], он в глубокой

---

[1] *Святой Нектарий* патриаршествовал с 381 по 397 год.

[2] Сочинения святого Григория Богослова пользовались самым высоким уважением в Церкви Христовой. Они были предметом самого внимательного изучения и

старости отошел к нестареющейся жизни 25 января[1]. Он был с почетом погребен в городе Назианзе. Спустя много лет благочестивый царь Константин Багрянородный перенес его честные мощи из Назианза в Константинополь и положил в церкви святых апостолов — в помощь и защищение городу и во славу Христа Бога, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

весьма многих толкований. Сочинения святого Григория состоят из слов, писем и стихов. Пять слов о Богословии всего лучше показывают, какой Богослов был Григорий. В слове на Пятидесятницу святой Григорий изображает действия Духа Святого и по действиям в Нем дает видеть истинного Бога. В других сочинениях Григорий объясняет догмат о Святой Троице, частью же говорит о других предметах веры. Вообще слова Григория беспримерны по многим отношениям. И по форме, и по тону слова Григория — не беседы, они — в полном смысле ораторские слова. Из 45 его слов 5 — похвальных, 9 — на праздники, иные — защитительные и обличительные. Между праздничными словами святого Григория ныне известны слова: на Рождество Христово, на Крещение или День светов, на Пасху, на Пятидесятницу, на Антипасху, на святого Маманта, о Маккавеях, о святых мучениках в Неделю Всех Святых. Некоторые слова из его проповедей вошли в состав пасхального канона святого Иоанна Дамаскина и из них составились одна из стихир пасхальных, оглашающих ныне Церковь, и несколько тропарей канона; некоторые слова из его проповедей вошли также в состав церковных служб на Рождество Христово, Пятидесятницу и Антипасху. Из защитительных и обличительных слов святого Григория Богослова известен его т. н. «Памятник» Юлиану — два слова, в которых неизгладимо изображено для потомства нечестие Юлиана. Письма Григория относятся к лучшим произведениям словесности. Они большей частью кратки, но в этом полагал достоинства письма Григорий. Песнопения святого Григория разделяются на три разряда: на догматические, нравственные и исторические; в числе последних в большей части он поет о самом себе, о своих немощах и скорбях. Замечательны также его молитвенные песнопения, например, утренние и вечерние, стихи о жизни, добродетели, суете жизни; все они должны занять первое место между лучшими произведениями творчества. — Церковь почтила святого Григория тем именем, которым она почтила одного высокого между апостолами и евангелистами — Иоанна. Это наименование усвоено ему потому, что после первого Богослова святой Григорий постигал столь высокими и вместе точными помыслами глубины Божества, сколько постигать их можно человеку, при свете Откровения; особенно же вся мысль его, как и первого Богослова, обращена была к Предвечному Слову. Возвышенность помыслов, восходящих во внутреннее (насколько оно доступно) святилище Божия естества, — такая особенность святого Григория, которою в одинаковой с ним мере никто не обладал.

[1] Святой Григорий Богослов скончался в 389 году. В Константинополе ему построен был храм неким Патрикием при Феодосии Младшем в первой половине V века. Мощи святого Григория, перенесенные в Константинополь в 950 году при императоре Константине VI Порфирородном, были разделены: одна часть их положена была в храме апостолов, другая — в храме святой Анастасии. Есть мощи его ныне и в Риме в соборе святого апостола Петра.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **ФЕЛИЦАТЫ** и семи сыновей ее

Святой Григорий, папа Римский[1], поучает нас о этой святой мученице Фелицате в своем толковании на Евангелие следующими словами[2]: «Когда евреи сказали Господу: *вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою* (Мф. 12, 47), Господь назвал братьями и сестрами и матерью Своими верующих во Имя Его и творящих волю Отца Его небесного, не по плотскому родству, но по единению духа. Эта святая Фелицата была римлянка, из богатой семьи; у нее было семь сыновей. Возлюбив Христа, она раздала все свое имущество нищим и исповедала пред языческим царем и судьями, что она христианка[3]. Претерпевая тяжесть гонения, она укрепляла сердца детей в любви к небесному отечеству. Она по вере была рабою Христовою, сыновья же ее наименовались братиями Христовыми по единению веры и мужественному терпению». «Мы видели, — продолжает святой отец, — в женской груди мужескую доблесть: бесстрашно предстала она на смерть, поучая тем истинному Богопознанию. Таким образом и я эту жену назвал не только мученицею, но и более нежели мученицею, потому что она взирала на мучения семи сынов своих и, сама, подвергаясь истязаниям, желала только, чтобы дети прежде нее вошли в Царство небесное и не уклонились бы от пути к нему; святая мать-мученица боялась за живых детей, радовалась за умирающих и возвеличилась тем, что семь сыновей прежде ее вошли в Царство небесное, куда за ними последовала и сама она восьмая, восприяв с детьми своими мученическую кончину ради имени Господа нашего Иисуса Христа»[4].

---

[1] Святой Григорий Двоеслов; память его — 12 марта.

[2] Здесь разумеется беседа III, произнесенная к народу в храме святой Фелицаты в день ее мученичества.

[3] Жрецы обвинили святую Фелицату перед императором в том, что, распространяя христианство, она оскорбляет богов. Император передал святую мать вместе с детьми префекту Публию.

[4] Сыновья святой Фелицаты носили имена: Яннуарий, Феликс, Филипп, Сильван, Александр, Виталий и Марциал. Страдания этих святых мучеников относятся ко времени императора Антонина, царствовавшего с 138 по 161 год. Первый из сыновей святой Фелицаты жестоко был сечен и брошен в темницу; второй засечен был свинцовыми прутьями; третий и четвертый — убиты палками; пятый — сброшен с высокого места; шестой и седьмой усечены мечом, после чего обезглавлена была и мать их.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПОПЛИЯ

Преподобный Поплий принадлежал к сословию сенаторов[1] и происходил из города Зевгма[2], на Евфрате. Избрав место на высокой горе, в тридцати верстах от города, святой Поплий построил небольшую хижину и затем роздал все, полученное от родителей, имущество нищим; сам же стал пребывать в добродетельном и постническом житии, слава о котором широко распространилась. К преподобному начали стекаться во множестве желавшие разделять его подвиги; им он приказывал устраивать тесные кельи, в которых посещал своих учеников очень часто, строго наблюдая, чтобы у них в кельях не было ничего, кроме самого необходимого; хлеб, который оказывался у монахов, преподобный Поплий взвешивал на весах, и если у кого находилось более определенного количества хлеба, того называл чревоугодником, чрезмерно заботящимся о своем теле; тех же, у которых находил приготовленное кушанье, называл вкушающими скверну. По ночам святой отец не искал себе покоя, а обходил кельи учеников, останавливаясь снаружи у дверей каждого. Молча отходил преподобный, если заставал обитателя кельи на молитве; если же тот спал, святой Поплий ударял рукою в дверь и сурово укорял леностного инока. Благодаря постоянному общению преподобного с учениками, многие из них уподобились святому в подвижничестве; двое из таковых, Феотекн и Авфоний, по преставлении преподобного Поплия, несли на себе попечение о братии и настоятельство в обители, основанной святым подвижником. Блаженный же Поплий мирно совершил великий свой подвиг и отошел ко Господу[3].

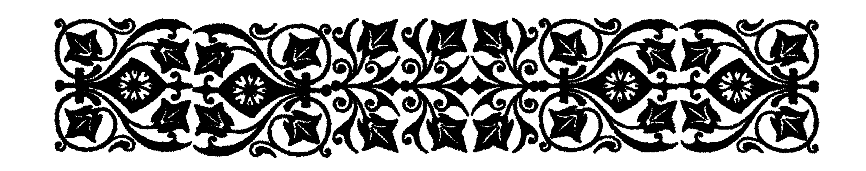
[1] *Сенаторы* — члены высшего государственного учреждения в Римской империи.
[2] В Сирии, в римской провинции Евфратезии.
[3] Около 380 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
МАРА ПЕВЦА

Преподобный Мар в юности отличался красивой наружностью и обладал хорошим голосом; во время праздников в честь святых мучеников он в совершенстве исполнял обязанности певца. Больше всего возлюбил он Бога и свято соблюдал Его заповеди. Окруженный многими искушениями, святой Мар сохранил тело свое в девственной невинности, а душу — в непорочности и чистоте. Отвратив свою душу от мирских соблазнов, юноша удалился в селение Омиру[1] и устроил себе там небольшую хижину, в которой провел тридцать семь лет; много страдал в этой хижине преподобный от сырости, которая вредно действовала на его здоровье, но не хотел оставить своей хижины и прожил в ней до конца своей жизни. Преподобный Мар отличался простотою и не терпел лукавства, а бедность считал за величайшее благополучие. Прожив девяносто лет, он довольствовался одеждами из козьей шерсти, а для подкрепления телесных сил употреблял немного хлеба с солью. Долго питал святой в своей душе горячее желание присутствовать при совершении Божественной литургии. Когда же священник совершил у него это великое и спасительное Тайнодействие, преподобный Мар говорил, что душа его была исполнена неизреченной сладости, и он долго предавался размышлению, в глубоком смущении не дерзая взирать на небо. Совершив долгий свой и спасительный подвиг, святой мирно предал дух свой Богу и ныне блаженствует в вечных обителях.

[1] Недалеко от города Кира, в сирийской провинции Кирестика.

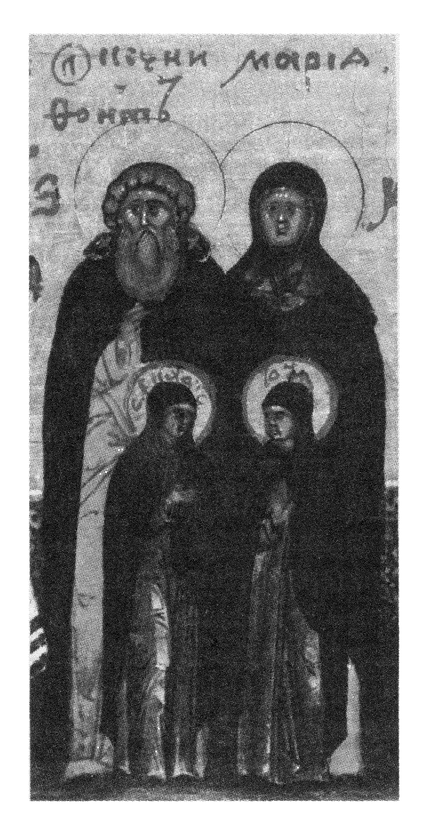
День двадцать шестой

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ **КСЕНОФОНТА и МАРИИ** и сыновей их **ИОАННА и АРКАДИЯ**

Святой Ксенофонт был одним из знатнейших сановников в Константинополе. Он был богат мирскими благами, но еще богаче внутренними сокровищами: верою, благочестием и усердным соблюдением всех заповедей Божиих. Будучи знатным по своему сану и благородному происхождению, он был еще знатнее по своему благочестию и добродетельной жизни. Насколько он был высок по своим почестям, настолько же он был смиренномудр умом; он не превозносился сердцем над людьми и не гордился своей временной мирской славой. Он собирал для себя сокровища на небесах, предпосылая туда свои богатства руками нищих. Была у него подруга жизни, по имени Мария, подражательница ему во всех добрых делах и во всем одинаковая с ним по характеру. Ксенофонт жил с нею добродетельно, угождал Богу, исполняя беспорочно все заповеди и соблюдая правду Божию. Когда у них родились два сына, Иоанн и Аркадий, они воспитывали их добрыми наставлениями и учили не только книжной мудрости, но и страху Божию, который есть начало всякой премудрости, а равно поучали их всякой добродетели. Они желали видеть в детях не только наследников своих богатых имений, но главным образом подражателей их богоугодной жизни. Они послали их учиться эллинской мудрости в финикийский город Берит[1], славившийся в то

---

[1] *Берит* — нынешний Бейрут — древний город Финикии на берегу Средиземного моря; в V веке процветал и славился своей высокой школой риторики, поэтики и права; ныне — главный административный город Азиатско-Турецкой Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья.

время своими школами. Когда они жили там некоторое время ради учения, Ксенофонт сильно заболел и уже ожидал смерти. Мария, не надеясь на выздоровление мужа, написала в Берит к сыновьям о тяжкой болезни отца и просила их поскорее возвратиться домой, — прежде чем отойдет в вечность отец. Она хотела, чтобы дети получили последнее благословение от отца и приняли участие в погребении его. Они поторопились возвратиться домой. Отец, увидев их, обрадовался, и от радости болезнь его ослабела. Он велел им сесть у своей постели и начал поучать их так:

— Как мне кажется, дети мои, я приближаюсь к кончине своей жизни; вы же, если любите меня, отца своего, сделайте, что я завещаю вам. Во-первых, бойтесь Бога и жизнь свою устрояйте по Его святым заповедям. Затем то, что я скажу вам далее, буду говорить не по тщеславию, но с целью наставить вас на путь добродетели: если вы мою жизнь будете иметь для себя образцом, то я думаю, не нужно вам будет другого учителя, ибо домашнее учение, выраженное словом и делом, гораздо полезнее всякого другого учения. Знайте же, что я дожил до этих пор, сохраняя постоянное благоговение и простоту сердца. Я был всеми уважаем и любим не за свой высокий сан, а за свою кротость и добрый нрав: никого и ничем я не обидел, никогда никого не укорял, не клеветал, не завидовал, не гневался напрасно, не враждовал ни с кем. Я всех любил и со всеми жил в мире; я не уклонялся от посещения церкви Божией ни вечером, ни утром; я не презирал ни нищего, ни странника, ни опечаленного, но каждого утешал словом и делом; часто посещал находившихся в темницах, многих пленников выкупил и отпустил на свободу. Как положил я устам своим преграду, чтобы не говорить ничего дурного и лукавого, точно так же я положил завет для очей своих, — чтобы не смотреть на чужую красоту и не иметь похотения к ней. Бог меня хранил, и я не знал иной жены, кроме вашей матери, но и с нею я жил в

плотском союзе, пока не родились вы, а затем мы условились оставаться чуждыми друг для друга по плоти и сохранили телесную чистоту о Господе доселе. Последуйте же, дети, жизни родителей, подражайте вере, терпению и кротости нашей, и живите так, чтобы угождать Богу; тогда Бог пошлет вам долгую жизнь. Подавайте милостыню убогим, защищайте вдовиц и сирот, посещайте больных и находящихся в темницах, избавляйте обиженных и неправильно осужденных от бедствий, храните мир со всеми. Будьте верны своим друзьям, благодетельствуйте врагам, не воздавая им злом за зло; по отношению ко всем будьте добры, кротки, любезны, смиренны. Сохраняйте в непорочности чистоту душевную и телесную, а если Бог благословит вас супружеством, то да будет не скверно ложе ваше. Благотворите церквам Божиим и монастырям; священников и иноков почитайте, ибо ради них Бог являет всему миру милосердие. Особенно не забывайте скитающихся ради Бога в пустынях, в горах, в вертепах и пропастях земных, но подавайте им необходимое для жизни. Достаточно питайте нищих, и вы не обеднеете. Вы знаете, что дом мой никогда не оскудевал, несмотря на частью трапезы, предлагаемые убогим. Часто молитесь и внимайте поучениям святых мужей. Матери вашей воздавайте должный почет и слушайте ее со страхом Господним, всегда исполняя ее волю и никогда не отступая от ее повелений. Будьте милостивы к рабам, любя их как членов семьи и детей своих; стариков отпускайте на свободу и подавайте им пищу и все потребное до самой кончины их. Короче сказать, повторяю вам: что вы видели меня творящим, то же делайте и сами, — и вы сподобитесь чести и славы святых. Помните всегда и то, что скоро прейдет мир этот и слава его исчезнет. Дети, сохраните заповеди Господни и мои наставления, и Бог мира да будет с вами!

Слушая эту речь, Иоанн и Аркадий плакали и говорили:

— Не оставляй нас, отец, но умоли Бога, да подаст тебе еще несколько времени прожить с нами. Мы веруем, что ты умолишь Бога, если захочешь: Бог послушает тебя. Для нас же, юных, весьма необходима твоя жизнь здесь, чтобы ты совершеннейшим образом наставил нас на добрые дела и сам устроил нашу жизнь, как до́лжно.

Отец тяжко вздохнул и, прослезившись, сказал:

— С тех пор как посетил меня Бог этою болезнью и я возлег на одре, я много молил и молю Бога о том, чтобы Он, ради вашей юности, ниспослал мне еще немного времени прожить на земле, пока я увидел бы вас совершенными во всем.

В следующую же ночь было святому Ксенофонту откровение в сонном видении, что Бог повелевает ему еще оставаться в этой жизни. Он возвестил об этом супруге и детям, и все они радовались и славили Бога. Больной начал мало-помалу выздоравливать от недуга. Он сказал сыновьям:

— Дети, отправляйтесь и оканчивайте ваше учение, а по окончании немедленно возвращайтесь: я устрою ваш законный брак.

Затем он посадил их на корабль и, снабдив всем необходимым, отпустил их снова в Берит.

Когда они отправились в путь морем, плавание вначале было благоприятным, так как дул попутный ветер. Но затем внезапно поднялся противный ветер, и на море наступили неожиданная буря и сильное волнение. Корабельщики скоро оставили руль, и корабль был понесен бурею неведомо куда, все более погружаясь в волнах. Все находившиеся на корабле отчаялись в спасении жизни и под влиянием бедствия и страха смерти горько плакали. Плакали и оба брата, Иоанн и Аркадий, вознося молитвы к Богу.

«Владыка Преблагий и промыслитель о всякой твари! — молились они. — Не презри создания Своего, помяни добрые дела наших родителей и ради них не оставь нас: не дай нам прежде времени умереть в молодых годах нашей цветущей юности. Пусть пощадит нас водная буря и не поглотит нас глубина морская. Помяни милости Твои и щедроты, призри с высоты святой славы Твоей и воззри на бедствие наше. Услышь стенание наше и вопли наши! Сердцем сокрушенным и духом смиренным мы молимся Тебе: простри к нам Твою всесильную десницу и избавь нас от смертной гибели; не предай нас смерти ради Твоего имени, но поступи с нами по милости Своей и по множеству милосердия Своего. Избавь нас от потопления ради славы Своей, ибо не мертвые восхвалят Тебя и не те, которые нисходят в ад (ср.: Пс. 113, 25), а мы, живые, прославим Твое величественное имя».

Корабельщики, видя, что сильное волнение не прекращается, а наступает еще большее, так что уже невозможно кораблю избавиться от потопления, — как бы желая помочь бедствующему кораблю, сошли в небольшое судно, особенным образом устроенное, покрытое сверху и безопасное от погружения, и затем поспешили удалиться от корабля, плывя туда, куда несли волны. Они надеялись, что волны выбросят где-либо их на берег. Юноши, Иоанн и Аркадий, оставшись на корабле со своими рабами, видели и бегство корабельщиков и неиз-

бежную гибель корабля, так как последний уже разбивался и, наполняясь водою, погружался в волнах. Они совершенно отчаялись в спасении жизни и совлекли с себя одежды ради большего удобства в плавании, чтобы не тотчас погрузиться и погибнуть в пучине. Ожидая окончательной разлуки и смерти, они с плачем и умиленными голосами взывали к своим родителям, остававшимся далеко в дому, представляя их как бы находящимися здесь.

— Желаем тебе, — говорили они, — здравствовать, любезнейший отец! Будь здрава и ты, любезнейшая мать! Не увидите вы нас более, равно как и мы вас; не будем уже более наслаждаться вместе с вами в дому земными благами.

Затем они стали говорить друг другу:

— Горе нам, возлюбленный брат! Горе, свет очей моих! О, как тяжко разлучаться! Где теперь родительские молитвы? Где их благодеяния нищим? Где их милостыни, подаваемые инокам и оказываемое им уважение? Неужели ни одна из их молитв о нас не дошла к Богу или, если и дошла, все же оказалась бессильною, так как ее превысило множество грехов наших, за которые мы уже недостойны жить? Горе нам, недавно плакавшим по поводу ожидаемой смерти отца, а ныне имеющим быть виновниками неутешного плача и бесконечного рыдания наших родителей! О отец! Ты, усердно пекущийся о нашем воспитании и благоустроении нашей жизни, не увидишь нас даже мертвых. О мать, надеявшаяся увидеть брак сынов твоих и готовившая прежде времени прекрасные палаты! Ты не увидишь даже гроба детей твоих. Подлинно, тяжко родителям видеть своих умирающих детей и погребать их, — а вам, милые родители наши, насколько тяжелее будет страдание при потере детей своих, когда вы не видели ни смерти их, ни даже вести о их неожиданной и горькой кончине не можете получить! Вы надеялись, что мы похороним вас в глубокой старости, а ныне и мы не удостаиваемся быть погребенными вашими руками.

Затем они обнялись и, прощаясь, говорили друг другу:

— Спасайся, брат, и прости меня!

При этом они еще раз воззвали к Богу:

— О Царю и Владыка всех! Какую смерть Ты попустил нам! Если по неизреченным судьбам Твоим нам невозможно избавиться от нее, то, по крайней мере, не разлучи нас умирающих. Пусть о́дна волна покроет нас и одна утроба морского зверя пусть будет нам гробом!

Обращались они и к рабам своим:

— Спасайтесь, добрые братья и друзья, и простите нас.

Когда корабль окончательно разбился, каждый из них ухватился за первую попавшуюся доску, и, таким образом, они были разнесены волнами в различные стороны друг от друга. Но, по благодати Божией, все были спасены от потопления и гибели, и только занесены в различные стороны: рабы были выброшены волнами на сушу в Тире[1], Иоанн выброшен на одно место, называемое Малмефетан[2], а Аркадий — в Тетрапиргию[3]. Каждый из них, ничего не зная об избавлении от смерти брата своего, не столько радовался о своей жизни, сколько скорбел о смерти брата.

Выйдя на сушу, Иоанн рассуждал сам с собою так: «Куда я пойду теперь? Я стыжусь явиться нагим на глаза людям. Пойду лучше в монастырь, где живут благоговейные иноки и там поработаю Богу, спасшему меня от смерти, в нищете и смирении лучше, чем в богатстве мира сего. Я думаю, что Бог потому не послушал нас, молившихся к Нему на корабле, что родители наши хотели сочетать нас браком и оставить нам богатства и большие приобретения. Мы погибли бы в суете мира этого скорее, чем на море. Всевидящий Бог, устрояя для нас лучшую жизнь, попустил для нас такое бедствие, и как Ему угодно было, так и случилось. Он, Благий, знает все, что на пользу нам, а мы ничего не знаем, что должно случиться с нами. Он знает все и творит, как хочет, уготовляя спасение душе каждого».

Затем, воздев руки к Богу, он так молился: «Господи мой, Господи, спасший меня от морских волн и гибели смертной! Спаси и раба Твоего, брата моего Аркадия. Избавь его от горькой смерти, как избавил и меня по милости Своей; и если Ты сохранил его живым и извел на сушу, то отверзи ему ум, чтобы он размыслил и восхотел иноческой жизни, и сподоби его благоугодить Тебе. Спаси и слуг, бывших с нами, чтобы ни один из них не погиб в море, но спасением всех их да прославится пресвятое имя Твое!»

Идя по берегу, он продолжал молиться: «Господи Иисусе Христе, единородный Сын Божий! Снизойди к молению раба Твоего и направь стопы мои к исполнению заповедей Твоих, наставь меня по

---

[1] *Тир* — древняя столица Финикии — был расположен на восточном берегу Средиземного моря, к северу от Палестины.

[2] *Малмефетан* — местность в Месопотамии.

[3] *Тетрапиргия* — город в Месопотамии, близ реки Евфрат.

Твоей святой воле, ибо Ты знаешь, Владыка, что иного помощника, кроме Тебя, я не имею в этот час».

Пройдя немалое расстояние, он нашел монастырь и постучался в ворота. Привратник отпер и увидел его нагого. Он снял с себя верхнюю одежду, дал ему одеться и, введя его в свою келью, предложил ему хлеб и сочиво. Когда встали от трапезы, привратник черноризец спросил:

— Откуда ты, брат?

Он ответил:

— Я — странник, господин мой, и убогий, спасшийся от гибели на море. Когда корабль разбился и погрузился в воду, я ухватился за доски и был носим волнами. Бог, по молитвам вашим, сохранил меня живым, и я был выброшен в вашу страну.

Привратник черноризец, услышав это, умилился и прославил Бога, спасающего надеющихся на Него. Затем спросил у Иоанна:

— Куда ты хочешь идти, брат?

Иоанн ответил ему:

— Куда укажет Бог. Я хотел бы стать иноком, если бы милосердый Владыка, презрев мои согрешения, сподобил меня принять Его благое иго.

Черноризец сказал ему:

— Воистину, чадо, ты желаешь доброго дела, и будешь блажен, если со всем усердием поработаешь Богу.

Тогда Иоанн обратился к нему со следующей просьбой:

— Умоляю тебя, отче, скажи мне: могу ли я здесь с вами оставаться?

Инок ответил:

— Подожди немного, я сообщу о тебе отцу нашему игумену. Не будет ли ему откровения от Бога о тебе? Затем то, что он повелит тебе, ты сделаешь и спасешься.

Привратник пошел к игумену и рассказал ему подробно все о юноше. Игумен повелел привести его к себе и, увидев его, уразумел в судьбе его Божие призвание. Провидя его добрую жизнь, он сказал:

— Благословен Бог отца твоего и матери, спасший тебя от гибели в море и приведший сюда!

Затем, преподав ему подробные наставления о спасительной иноческой жизни, осенил его крестным знамением и повелел ему оставаться в монастыре. В скором времени он постриг Иоанна в иноче-

ский ангельский чин. Таким образом, блаженный Иоанн подвизался в молитве и посте и во всех монастырских трудах, исполняя послушания. Но он постоянно скорбел о брате своем Аркадии, думая, что тот погиб в морских волнах.

Аркадий также, по Божию изволению, остался в живых и, выйдя из моря на сушу в Тетрапиргии, пал ниц и молился Богу так: «Господи Боже Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог отца моего! Благодарю Тебя за то, что Ты избавил меня от волнения и бури и от смерти извел меня к жизни, которой я уже не ожидал, и поставил мои ноги на суше. Но как Ты, премилостивый, спас меня от потопления, так спаси и раба Твоего, брата моего Иоанна. Я молюсь Тебе, Господи мой, Господи, — сохрани его по милосердию Твоему, чтобы не потопили его волны и буря, и не поглотила его бездна. Услышь меня, Господи, так как велики милости Твои, и сподоби меня увидеть брата моего. Помяни дела отца нашего и не сведи Иоанна в преисподние глубины моря. Не предай юного отрока преждевременной и нечаянной смерти. Дай мне прежде увидеть его и тогда умереть».

Так молясь, он сильно плакал и даже изнемог от плача; затем, встав, пошел в находившееся недалеко селение, где встретившийся ему один христолюбец дал ему ветхую одежду. Он оделся и, попросив немного хлеба, укрепил свое изнемогшее тело. После этого он пошел к находившейся там церкви и, еще раз помолившись со слезами о брате, прислонился к стоявшему у церкви столбу и заснул. Тотчас в сонном видении он увидел брата своего Иоанна, говорившего ему:

— Брат Аркадий! Зачем ты так горько плачешь обо мне и сокрушаешь свое сердце? Я, по благодати Христовой, остался жив; поэтому не печалься обо мне.

Аркадий, проснувшись, уверовал, что это сновидение истинно; он исполнился великой радости и благодарил Бога. При этом он размышлял сам с собою: что ему делать?

«Пойду ли я, — думал он, — к родителям, — они, не видя брата моего со мною, будут печалиться по поводу моего возвращения. Если я опять пойду в школу и, по окончании философских наук, возвращусь к родителям, то также не обрадую их. Увидев только одного меня, они начнут горько плакать. Что мне делать, я не знаю. Помню, как отец мой всегда восхвалял иноческую жизнь, связанную с безмолвием и приближающую к Богу. Итак, пойду в монастырь и стану иноком».

Так размыслив сам с собою, Аркадий сотворил молитву и пошел в Иерусалим. Поклонившись там святым местам, в которых Господь соделал спасение миру, он вышел из города и хотел пойти в какой-либо монастырь, который случится на пути. Продолжая идти, он встретил одного почтенного инока, украшенного сединами, человека святой жизни и прозорливца. Подойдя к нему, юноша припал к его ногам, лобызал их и говорил:

— Моли Господа о мне, святой отче, так как я нахожусь в большом унынии и страдаю.

Старец сказал ему:

— Не скорби, чадо! Брат твой, о котором ты скорбишь, так же жив, как и ты. Все другие, бывшие с вами на корабле, хранимые Богом, спаслись от гибели и пошли в монастыри ради иноческой жизни. Брат твой Иоанн уже принял первое иноческое посвящение. Будет время, когда ты увидишь брата собственными глазами, ибо услышана твоя молитва.

Аркадий, слыша эти слова великого старца, стоял изумленный и удивлялся прозорливости святого, а затем, опять припав к ногам его, стал говорить:

— Так как Бог не скрыл от тебя ничего, что случилось со мною, то и ты не отвергни меня, — умоляю тебя. Каким способом знаешь, спаси мою убогую душу и введи меня в иноческую жизнь.

Старец сказал ему:

— Да будет благословен Бог! Ступай за мною, дитя мое.

Старец повел его в лавру святого Харитона, которая на сирийском языке называлась Сукийскою[1]. Там он постриг юношу в иноки и дал ему келью, в которой раньше подвизался один из великих отцов в течение пятидесяти лет. С Аркадием провел один год и сам этот прозорливый старец, наставляя его в правилах иноческой жизни и научая его бороться и противодействовать невидимым врагам. По окончании года старец ушел в пустыню, оставив в келье одного Аркадия и обещая ему свидеться с ним по истечении трех лет. Аркадий, получив наставления от старца, ревностно исполнял их, работая Богу денно и нощно.

Спустя два года после гибели корабля Ксенофонт, не зная о том, что произошло с его детьми на море, послал одного из рабов своих в

[1] Память преподобного Харитона отмечается 28 сентября. Основанная им Сукийская лавра находилась в Палестине, на юг от Вифлеема.

Берит, поручив ему разыскать Иоанна и Аркадия и узнать подробно о них все: здоровы ли они и скоро ли окончат свое учение. Отец и мать сильно удивлялись, что в течение столь продолжительного времени дети ни разу не известили их о себе и не прислали ни одного письма своим родителям. Раб, прибыв в Берит и узнав, что дети господина его Ксенофонта не являлись в этот город, подумал: не изменили ли они своего намерения и не пошли ли они в Афины? А потому пошел в Афины искать их. Не найдя их и там и не будучи в состоянии собрать где-либо о них сведений, он пошел обратно в Византию смущенным. Когда он отдыхал на пути в одной гостинице, какой-то странствующий инок остановился там же отдохнуть. Во время разговоров он рассказывал, что идет в Иерусалим поклониться святым местам. Раб Ксенофонта, всмотревшись в инока внимательно, постепенно узнал в нем своего бывшего друга, одного из рабов, посланных господином с детьми в Берит. Раб спросил инока:

— Не так ли ты называешься? — и, назвав его имя, сказал: — Ты — раб господина нашего Ксенофонта, отправившийся с Иоанном и Аркадием в Берит.

Черноризец ответил:

— Действительно это я, а ты товарищ мне, так как мы одного господина рабы.

Тогда раб спросил:

— Что случилось с тобою, что ты принял образ инока? Где также господа наши Иоанн и Аркадий? Расскажи мне, прошу тебя, — ибо я много трудов понес, отыскивая их, и нигде не нашел.

Инок тяжко вздохнул и с глазами, полными слез, начал рассказывать ему подробно.

— Ты должен знать, друг, что господа наши погибли в море, а равно и все, бывшие с ними. Как я думаю, я один только спасся от гибели. Я решил лучше скрыться в иноческом звании, чем возвратиться домой и принести ужасную весть господину нашему и госпоже и всем домашним. Таким образом, я стал иноком и иду в Иерусалим на поклонение.

Раб, услышав это, начал громко восклицать и горько плакать. Он начал вопить от жалости, бил себя в грудь и говорил:

— О горе мне, господа мои! Что приключилось с вами? Что я слышу о вас! Как вы пострадали! Какая горькая кончина постигла вас! Кто возвестит отцу и матери об ужасной смерти вашей? Чьи глаза

смогут смотреть на отцовские слезы и материнское горе! Можно ли слушать без содрогания плач, рыдание и вопли их! Увы мне, мои добрые господа! Вы погибли, надежда наша! Мы надеялись, что вы, став наследниками после своих родителей, доставите счастье нам, рабам, осыплете своими благодеяниями нуждающихся, успокоите странных, облагодетельствуете нищих, украсите Божии храмы, будете подавать необходимое монастырям, — а ныне, о горе нам! Все наши надежды обмануты. Что мне делать, я не знаю. Если я возвращусь домой к господину моему, то я не посмею рассказать ему столь прискорбные известия. В самом деле, как возвестить отцу и матери о том, что сыновья их погибли в море? Услышав об этом, не упадут ли они тотчас мертвыми, изнемогая от тяжкой сердечной скорби? Поэтому я не пойду домой, чтобы вследствие столь дурного известия, которое я принесу, не умерли раньше времени господа мои, и я не стал виновником их смерти.

Когда раб этот так говорил и плакал, не желая возвращаться к господину своему Ксенофонту, случившиеся там странники и жители селения убеждали его перестать плакать и советовали ему идти домой и рассказать обо всем господам своим, чтобы они не проклинали его.

— Если ты не возвестишь господам о горе их, — говорили они, — и сам неожиданно исчезнешь, то не будет тебе спасения.

Раб послушался совета их и возвратился в Константинополь. Войдя в дом господина своего, он сел, поникнув головою, с осунувшимся лицом, и в смущении молчал.

Госпожа его Мария, услышав, что раб их, посланный к детям, возвратился, тотчас призвала его к себе и стала спрашивать:

— Как живут наши дети?

— Ничего, здоровы, — ответил раб.

Госпожа продолжала спрашивать:

— Где же их письма?

— Я потерял их на пути, — ответил раб.

Тогда начало смущаться сердце ее, и она обратилась к рабу:

— Заклинаю тебя Богом, расскажи мне истину. Душа моя сильно смутилась, и силы оставили меня.

Тогда он громко воскликнул, горько заплакал и начал рассказывать истину.

— Горе мне, госпожа моя! — говорил он. — Оба светила ваши угасли в море: разбился корабль, и все утонули.

О сколь мужественною оказалась, сверх ожидания, госпожа, услышавшая эту весть! Крепко веруя в Бога, она, вместо того чтобы упасть на землю от изнеможения и горя и рыдать в отчаянии, несколько помолчала от изумления, а потом сказала:

— Благословен Бог, устроивший все сие! Как было угодно Господу, так Он и сотворил. Да будет имя Господне благословенно отныне и до века!

Рабу же, принесшему ей весть, она сказала:

— Молчи и никому об этом не говори: Господь дал, Господь и взял; Он Сам знает, что нам служит на пользу.

Когда прошло часа три и день склонялся к вечеру, возвратился домой из царских палат Ксенофонт. Он возвращался торжественно, в предшествии и сопровождении многих. Войдя в дом и отпустив пришедших с ним людей, он сел трапезовать. Он один только раз в день принимал пищу, и то вечером. Когда он возлег за трапезою, супруга его Мария обратилась к нему:

— Знаешь ли ты, господин мой, что раб наш пришел из Берита?

Ксенофонт ответил на это:

— Да будет благословен Бог! Где же возвратившийся раб?

Госпожа сказала ему:

— Он болен и отдыхает.

Тогда Ксенофонт спросил:

— Принес ли он нам письма от детей?

Она сказала на это:

— Оставь на сегодня, господин! Сейчас мы вкусим пищи, а завтра ты увидишь письма. Раб имеет многое рассказать нам о них словесно.

Но Ксенофонт настаивал:

— Сегодня и немедленно пусть принесут письма. Я прочту их и узнаю: здоровы ли дети наши? А все, что имеет сказать он изустно, пусть скажет завтра.

Тогда Мария, будучи не в состоянии удержать сердечное горе, залилась слезами и не могла ничего отвечать по причине рыданий. Ксенофонт, видя, что она так сильно плачет, удивился и стал спрашивать:

— Что это, госпожа моя Мария? Почему ты так плачешь? Разве дети наши больны?

Она едва-едва могла вымолвить:

— Лучше бы было, если бы они были больны, но они погибли в море, наши любезные дети.

Ксенофонт громко застонал и, прослезившись, сказал:

— Да будет благословенно имя Отца и Сына и Святого Духа, вовеки, аминь! Не скорби, госпожа моя. Я верю, что Бог не попустит нашим детям совершенно погибнуть, и надеюсь, что Его милосердный промысл не причинит горя моим сединам, как и я никогда не осмеливался оскорбить Его благостыню. Помолимся же Его великой милости в продолжение всей этой ночи, и будем надеяться, что Бог откроет нам о детях наших: живы ли они или нет?

Затем они тотчас встали, затворились в молитвенной комнате и всю ту ночь провели в молитве, обращаясь к Богу с обильными слезами и твердою верою. Когда начало светать, они возлегли отдохнуть, каждый особо, на острых волосяных рубищах. И было им обоим одно и то же сонное видение. Им казалось, что они видят обоих сыновей своих предстоящими Христу Господу в великой славе: Иоанн имел уготованный для него престол, скипетр и царский венец, украшенный многоценным бисером и дорогими каменьями; у Аркадия же был венец из звезд, крест в правой руке и светлый одр, приготовленный для отдыха. Когда они встали от сна и рассказали друг другу о своем видении, они поняли, что сыновья их живы и сохраняются милостью Господней. Они сильно обрадовались, и Ксенофонт сказал своей супруге:

— Мария, я думаю, что наши дети в Иерусалиме. Пойдем туда и поклонимся святым местам. Может быть, там как-нибудь найдем и детей наших.

Посоветовавшись так между собою, Ксенофонт и Мария приготовились в путь и, сделав распоряжения управителям обо всем, касавшемся дома и имущества, раздав много милостыни и взяв с собою много золота, сколько было необходимо для подаяния милостыни и для пожертвований на святые места, отправились в Иерусалим. Прибыв туда, они обошли все святые места, молясь и раздавая милостыни. Затем они начали обходить все находившиеся в окрестностях Иерусалима монастыри, отыскивая детей своих, но нигде не находили их. Случилось им в одном месте на пути встретить одного из рабов своих, бывших с их детьми на корабле, уже ставшего иноком. Они обнимали его, целовали и земно кланялись. Инок, в свою очередь, земно кланялся им и говорил:

— Молю вас, ради Господа, не кланяйтесь мне: не приличествует вам, моим господам, так кланяться мне, рабу вашему.

Ксенофонт сказал ему:

— Мы почитаем святой иноческий образ, а потому и кланяемся. Ты же не печалься об этом, а лучше расскажи нам, умоляем тебя, — где наши сыновья? Скажи нам, ради Господа, скажи!

Инок прослезился и сказал:

— Когда разбился на море корабль, мы, схватив каждый доску, какую кто мог, плавали порознь, носимые бурею. Больше я ничего не знаю. Не знаю, спасся ли кто от гибели или нет. Только я был выброшен на сушу у берегов тирской страны.

Узнав это, Ксенофонт и Мария отпустили инока в путь, щедро одарив его милостынею, чтобы он молился о них и о детях их. Они направились в иорданские страны, чтобы и там помолиться и раздать оставшееся золото. Когда они шли преднамеченным путем, то, по Божию промышлению, встретили того святого старца — прозорливца, который облек сына их Аркадия в иноческий образ. Припав к ногам святого отца, они просили у него молитв за себя Богу. Святому старцу было открыто о них от Бога все. Сотворив молитву, он сказал им:

— Кто привел в Иерусалим Ксенофонта и Марию? Никто, — кроме любви к детям. Но вы не скорбите: ваши дети живы, и Бог открыл вам во сне славу, уготованную им на небе. Идите же, возделыватели винограда Господня, куда вы идете ныне, и когда вы окончите там свои молитвы, то по возвращении в святой город вы увидите детей своих.

Побеседовав так, они разошлись: Ксенофонт с Марией пошли к Иордану, а прозорливый старец пошел к святому городу и, побывав в церкви Воскресения Христова, сел близ святой Голгофы на земле и отдыхал. Когда святой старец сидел там, юный инок Иоанн, сын Ксенофонта, пришедший из Малмефетанского монастыря в Иерусалим на поклонение, увидел святого старца и поклонился ему до земли. Старец с любовью приветствовал его и, благословив, спросил:

— Где был ты доселе, господин мой Иоанн? Вот отец твой и мать твоя ищут тебя, а ты пришел, отыскивая своего брата.

Иоанн удивлялся тому, что этот великий старец знает все. Поняв, что это — прозорливец, он припал к ногам святого и сказал:

— Умоляю тебя, отче, скажи мне, Господа ради, где брат мой. Душа моя сильно изнемогает от желания видеть его. Я много подвизался,

молясь Богу, чтобы Он открыл мне: жив ли мой брат или нет? Но Господь не благоволил мне открыть доселе, — разве только ныне чрез тебя, святой отец!

Старец сказал ему:

— Сядь около меня; ты скоро увидишь брата своего.

Когда они посидели немного, подошел другой инок, юный Аркадий, с изможденным телом и высохшим лицом. Глаза его глубоко впали от чрезмерного поста и воздержания. Кланяясь святым местам, он скоро увидел сидящего старца и, подбежав к нему, упал к ногам его, говоря:

— Отче, ты оставил свою ниву и уже третий год не посещаешь ее; много терниев и сорной травы выросло без тебя, и тебе предстоит много потрудиться, пока ты очистишь ее.

Старец сказал ему:

— Знай, дитя мое, что я ежедневно посещал свою ниву, и верую Господу, что не терния выросли на ней и не сорная трава, а зрелая пшеница, достойная трапезы Царя царствующих. Сядь около меня.

Аркадий сел. Старец помолчал некоторое время и затем обратился к Иоанну:

— Откуда ты, брат Иоанн?

Иоанн ответил:

— Я, отец мой, убогий человек и странник. Об исполнении одного только желания сердца моего я прошу милости Господней и твоей святой молитвы.

Старец сказал ему:

— Да, это так. Но скажи мне, какого ты рода и какой город — отечество твое, а равно какова твоя жизнь, — чтобы прославилось имя Господне.

Иоанн начал рассказывать все по порядку, — что он родом из Константинополя, сын одного сановника, имел брата Аркадия, с которым был послан в Берит учиться, — что на море во время сильного волнения разбился корабль и все потонули, кроме него.

Аркадий, слушавший этот рассказ, внимательно всматривался в инока и, наконец, узнал в нем своего брата. По духу родственной любви, он не мог долее слушать излагаемый иноком рассказ и воскликнул:

— Воистину, отче, это брат мой Иоанн!

Старец сказал на это:

— Знаю и я, но молчал, чтобы вы сами друг друга узнали.

Они поспешно бросились друг другу на шею, обнимали и лобызали друг друга с радостью и слезами и затем, встав, прославили Бога, сподобившего их свидеться живыми, в святом иноческом образе и в такой добродетельной жизни, посвященной Богу.

Спустя два дня пришли от Иордана Ксенофонт и Мария. Помолившись на Голгофе и поклонившись живоносному Гробу Господа нашего, они роздали на этом святом месте много золота во славу Божию. Увидев там же и святого прозорливого старца, они узнали его и, припадая к ногам его, просили молитвы. После молитвы они сказали старцу:

— Ради Господа, отче, исполни свое обещание и покажи нам детей наших.

Оба же сына их, Иоанн и Аркадий, стояли около старца, но он повелел им не говорить ни слова и даже не поднимать глаз, а смотреть вниз, чтобы не быть узнанными. Дети узнали своих родителей и радовались сердцем, а родители не могли узнать детей своих, частью потому, что они были в иноческом одеянии, а частью потому, что от продолжительного воздержания поблекла красота лица их. Тогда святой старец сказал святым Ксенофонту и Марии:

— Идите в свою гостиницу и приготовьте нам трапезу. Я приду с учениками своими и, вкусив вместе с вами пищи, скажу вам, где ваши дети?

Родители сильно обрадовались, так как святой отец обещал им показать их детей, и, отправившись, быстро приготовили обильную трапезу. Святой старец сказал ученикам своим:

— Пойдем туда, где остановились ваши родители, но вы постарайтесь ничего не говорить, пока я не скажу вам.

Оба брата сказали ему:

— Как повелишь ты, отче, так и будет.

Тогда старец продолжал:

— Разделим с ними трапезу и беседу. Это не повредит спасению вашему. Верьте мне, что какой бы труд вы ни предприняли ради добродетели, вы не достигнете меры совершенства ваших отца и матери.

Затем они пришли в гостиницу, приютившую Ксенофонта, и сели за предложенную им трапезу. Они ели вместе и беседовали о назида-

тельных вещах. После этого блаженные Ксенофонт и Мария обратились к старцу:

— Отче святой, как живут наши дети?

Святой ответил:

— Они доблестно трудятся ради своего спасения.

Родители сказали на это:

— Бог, устрояющий спасение всех людей, да дарует им быть истинными делателями винограда Христова!

Затем снова Ксенофонт обратился к старцу:

— О, как хороши, отче, эти твои ученики! О, если бы и наши дети были таковы! Сильно возлюбила душа наша этих юных иноков. Лишь только мы увидели их, возвеселилось сердце наше, как будто мы увидели собственных детей.

Тогда старец сказал Аркадию:

— Расскажи нам, чадо, где ты родился, как воспитался, как пришел сюда?

Аркадий начал рассказывать так:

— Я, отче, и этот мой брат — родом из Византии, сыновья одного из первейших сановников в царских палатах. Воспитаны мы в благочестии. Родители послали нас в Берит учиться эллинской мудрости. Когда мы плыли, наш корабль разбился от волнения и бури, и каждый из нас, ухватившись за доску от разбившегося корабля, плыл туда, куда несли его волны. По Божию милосердию, мы остались в живых и выброшены морем на сушу.

Когда он еще говорил, родители узнали, что это их дети, и тотчас воскликнули:

— Вот они, наши дети! Вот плод утробы нашей! Вот светила очей наших!

Бросившись им на шеи, они лобызали их с любовью и плакали от радости. Старец также прослезился. Затем все встали, воздали славу и благодарение Богу и веселились, прославляя великое и дивное промышление Божие.

После этого Ксенофонт с подругою своею просили святого старца постричь и их в иноческий чин. Рукою прозорливого отца были пострижены Ксенофонт и Мария и им же научены иноческим правилам. Старец заповедал им, чтобы они жили не вместе, а каждый особо. Спустя немного времени они все разлучились. Мария ушла в монастырь иночествующих женщин, а Иоанн и Аркадий, простившись с

родителями, отошли со старцем в пустыню. Ксенофонт же, послав в Византию, велел продать дом свой и все имущество, роздал все нуждающимся, отпустил на свободу рабов, а сам, найдя келию в пустыне, предался безмолвию.

Все они послужили Богу до конца и сподобились от Него великих даров: Иоанн и Аркадий просияли среди пустынножителей, как светила, и, прожив много лет, предузнали о своей кончине и отошли ко Господу. Преподобная Мария соделала много чудес, исцеляла слепых, изгоняла бесов и после блаженной кончины перешла от земли к небу. Преподобный Ксенофонт также получил от Бога дар чудотворения и прозорливости: он предсказывал будущее и был созерцателем великих тайн, а затем отошел созерцать то, чего не видело человеческое око, и наслаждаться видением Лица Божия. Так преподобный Ксенофонт, блаженная Мария и святые дети их, Иоанн и Аркадий, усердно возлюбившие Бога, ревностно послужили Господу праведной и богоугодной жизнью[1], и причтены к лику святых Святейшим Владыкой, Христом Спасителем нашим, Которому со Отцом и Святым Духом слава, честь и поклонение, вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **СИМЕОНА ВЕТХОГО**

Преподобный Симеон, именуемый «Ветхим»[2], с юных лет проводил пустынное житие, поселившись в одной небольшой пещере, в Сирии, в совершенном уединении. Жизнь его протекала в строгом посте, непрерывной молитве и богомыслии. Пищею ему служили только травы, произраставшие вокруг пещеры. Так подвизался он в продолжение многих лет. Когда же к нему стали стекаться желающие видеть его и чрез это нарушали его безмолвие, он оставил пещеру и переселился на гору Аман[3]; но и здесь не нашел покоя от многих сте-

[1] Преподобные Ксенофонт и Мария и сыновья их, Иоанн и Аркадий, жили и подвизались в V веке.

[2] *Ветхим*, или *древним*, он называется по сравнению с преподобным Симеоном Столпником, после него подвизавшимся также в Сирии.

[3] *Аман* — вершина горы Антиливана, на севере Палестины, к востоку от Средиземного моря.

кавшихся к нему. Тогда он удалился на Синайскую гору[1]. Но Бог не благоизволил, чтобы преподобный остался на Синае, ибо надлежало ему послужить спасению других в прежнем месте своих подвигов. Поэтому Симеон возвратился на Аман. Под его руководством в непродолжительном времени здесь были устроены две иноческие обители: одна — на вершине горы, другая — внизу, у подошвы горы. Управляя обителями, преподобный Симеон наблюдал над вверенными его руководительству подвижниками, ободрял и укреплял их в подвигах благочестия, предупреждал их о нападениях и кознях врага нашего спасения и руководствовал в борьбе с ним, возбуждал к внутреннему вниманию, располагал их к кротости, снисходительности к ближним, великодушию к врагам. За свои неусыпные подвиги преподобный получил от Бога благодать повелевать даже лютыми зверями. Богоугодно пожив, преподобный в глубокой старости с миром почил о Господе[2].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АНАНИИ пресвитера, ПЕТРА темничного ключаря
И С НИМИ СЕМИ ВОИНОВ

Святой Анания от младенчества отличался благочестием. Отданный в книжное научение, он в отрочестве прилежал чтению божественных книг. Поэтому, когда он возрос, то был сделан народом, хотя и против воли, диаконом, а потом и пресвитером, несмотря на свои юные годы. В гонение Диоклетиана Анания, как христианин, был представлен суду. Несмотря на убеждения и угрозы, он оставался непреклонен и всенародно исповедовал Христа, осмеивал языческих богов в храме, одним дуновением ниспроверг идолов и самый храм раз-

[1] *Гора Синай* представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезанных и окруженных крутыми долинами; у арабов ныне называется горой Тур, или Джебель-Тур-Сина; лежит почти посередине известных рукавов Красного моря, образующих собою Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Собственно гора Синай, при которой израильтяне вступили в завет с Богом, представляет собой самую высшую вершину среднего хребта.

[2] Преподобный Симеон Ветхий преставился около 390 года.

рушил. После того Анания был заключен в темницу, где на седьмой день удостоился явления Христова, а на двенадцатый день — явления Святого Духа в виде голубя. После этих видений темничный страж, по имени Петр, уверовал во Христа, и оба они были представлены новому правителю, который приказал положить Ананию на раскаленную сковороду, после чего тело его строгать и посыпать солью, а Петра — на горячие уголья; затем они заключены были в сильно натопленную баню, но через три дня найдены невредимыми. При этом чуде семь воинов обратились ко Христу и за это были жестоко биты плетьми. Потом все девять человек были брошены в огонь, но, после того как явился им Дух Святой в виде голубя, остались невредимы. Анания был предан диким зверям, но остался цел. Наконец, все они были потоплены в море. На пути Анания крестил семь обратившихся воинов. Тела святых мучеников волнами были вынесены на берег, с честью погребены христианами, причем источали многоразличные исцеления[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ИОСИФА СОЛУНСКОГО

Святой Иосиф, архиепископ Солунский, брат преподобного Феодора Студита[2], вместе с ним с юных лет подвизался под руководством дяди своего, преподобного Платона, основавшего монастырь в Сакудионе[3]. Вместе с братом своим святой Иосиф изобличал незаконное бракосочетание императора Константина[4]. Приведенный в Константинополь, он был томлен голодом и, наконец, послан в заточение на бесплодный остров, где брошен был в темницу. Император Михаил Куропалат[5] позволил Иосифу возвратиться из заточения.

---

[1] Страдания святых мучеников Анании, Петра и с ними семи воинов происходили в Финикии. Кончина их последовала в начале IV века.

[2] Память его празднуется 11 ноября.

[3] *Сакудион* — впоследствии знаменитый монастырь в Вифинии, северо-западной области Малой Азии.

[4] *Император Константин VI Порфирородный* царствовал с 780 по 797 год. Предаваясь излишеству в страстях и любодейству, он силою постриг свою супругу Марию в иночество и, вместо нее, взял себе другую жену, Феодотию, которая приходилась родственницей его отцу.

[5] *Михаил I Куропалат*, или *Рангав*, царствовал с 811 по 813 год.

При Льве Армянине[1] святой Иосиф претерпел гонение за иконопочитание. Лев подверг его, вместе с его братом Феодором Студитом, пыткам и потом заключил его в темницу; через несколько времени царь потребовал, чтобы они подписались под иконоборным исповеданием веры. Иосиф отказался, и его бросили в другую смрадную темницу. Впоследствии Михаил Косноязычный[2] освободил вместе с прочими иноками, пострадавшими за иконопочитание, и Иосифа. Святой Иосиф с миром скончался в Студийской обители, где провел последние годы своей жизни[3].

---

[1] *Лев V Армянин*, иконоборец, царствовал с 813 по 820 год.

[2] *Михаил II Косноязычный* царствовал с 820 по 829 год.

[3] *Святой Иосиф, архиепископ Солунский*, скончался в 830 году. После него осталось несколько слов, из коих особенно замечательно слово на Воздвижение честного Креста Господня. Более же Иосиф известен как песнописец. По спискам Триоди XI века, имя Иосифа стоит над теми из двух дневных трипеснцев постной Триоди, которые занимают первое место, исключая трипеснцы Страстной седмицы; ему же принадлежат некоторые стихиры на эти дни. Трипеснцы и стихиры святого Иосифа частью заключают умилительную молитву к Ангелам, Предтечи, Богоматери, апостолам и святому Николаю, частью изображают дух поста и покаянную молитву к Сердцеведцу Судии. Песнопения Иосифа и особенно канон в Неделю блудного сына вполне приличествуют дням поста, дыша глубоким сокрушением о грехах.

День двадцать седьмой

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ЗЛАТОУСТА

После того как прошло тридцать и даже более лет со времени кончины[1] великого вселенского учителя, святого Иоанна Златоуста, в городе Команах[2], — святейший Прокл, бывший некогда учеником его, а затем заместителем его престола[3], совершая летом в память его богослужение в Великой Константинопольской церкви, произнес слово к народу, прославляя угодника Божиего многими похвалами.

«Никто не может, — говорил он, — восхвалить святого Иоанна по достоинству, — разве только другой бы такой же Иоанн ныне явился. Подобно переполненной водами реке, память его, слагающаяся из воспоминания его бесчисленных трудов, подвигов и наставлений, напаяет души верных. В нем сияют лучи благодати Божией, в которых одному с ясностью является солнце Божества, другому представляется очищение православия от ересей, иному показывается гибель идолов, для иного обнаруживается лживость заблуждений, иной видит утверждение веры и исправление нравов, для иного блистают небесные

---

[1] *Святой Иоанн Златоуст* скончался в 407 году, около шестидесяти лет от роду. Архиепископом Константинопольским он был шесть с половиной лет, в заточении провел три года и три месяца. Ради праздника Воздвижения Креста Господня, Церковь совершает память святого Иоанна Златоуста не 14 сентября, когда святитель преставился, но в 13 ноября. Кроме сего, память Златоуста чествуется еще 30 января вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом (см. об этом 30 января).

[2] *Команы* — город в провинции Понт, на северо-востоке Малой Азии, ныне на месте этого города — одни развалины.

[3] С 437 по 445 год. Память его празднуется Церковью 20 ноября.

венцы. О архиерей, память которого подобна исполненному благоуханий воздуху! О имя Иоанново, соответствующее делам! О прозвание Златоустом, явственно показывающее, каким он был в проповеди слова Божиего! О язык, высший небес! О учитель, распространяющий евангельские громы! Это — Иоанн, подобный Иоанну Предтече Господнему, проповедовавшему покаяние. Тот был проповедник, этот — богогласная труба. Тот был непоколебим, этот непобедим. Тот — девственник, этот — защитник чистоты. Тот крестил в пустыне, этот в городе расстилал мысленные сети. Тот обличал прелюбодея, этот грозно обличал хищников. Тот был брошен в темницу, этот заточен в изгнании. Тот был усечен мечом, этот желал принять такую же смерть за истину. Много у него было подвигов на земле; много венцов уготовано ему на небе. Иоанн ныне взывает вместе со святым апостолом Павлом: я — Христово благоухание (2 Кор. 2, 15), ибо я все места очистил от заблуждений, как бы от зловония: в Ефесе я устранил обманы Мида, во Фригии матерь ложных богов я сделал бесчадною, в Кесарии я разорил народные блудилища, в Сирии я упразднил богопротивные сонмища, в Персии я посеял семя благочестия. Повсюду я насадил корни православной веры; весь мир посредством своего учения я просветил познанием Бога. Составляя книги, я всюду распространил сети спасения. С Иоанном Богословом я богословствовал о Слове Отчем. Вместе с рыбарями я бросил в мир мрежи Православия. О Иоанн! Жизнь твоя поистине была исполнена скорби, но смерть твоя почетна, гроб твой славен, награда твоя велика!»

Когда беседовал так святой Прокл в церкви, народ, горевший любовью к святому Иоанну Златоусту, не мог дождаться конца беседы, но громким голосом все, точно одними устами, взывали к святейшему Проклу, прося его поторопиться с возвращением святых мощей Иоанна из Коман в Константинополь. Громкие клики раздавались в церкви так долго, что патриарх не мог окончить своей беседы. Тотчас после отпуска церковного, святейший Прокл отправился к царю Феодосию[1], сыну Аркадия, внуку Феодосия Великого, и просил его о перенесении честных мощей Иоанна Златоуста, говоря:

— Возврати, царь, евангельски родившего тебя святым крещением и святительскими руками внесшего тебя в церковь, как некогда старец Симеон Господа. Церковь взывает к тебе: красота моя поблекла, уста закрылись, великолепие омрачилось. Дикий вепрь рас-

[1] *Император Феодосий II Младший* царствовал с 408 по 450 год.

терзал пастырей Златоустовых овец, и кровожадные звери уничтожили плоды уст моих. Зависть осквернила святыню служителя моего; как в лесной дубраве секирами, отсекли его от меня и заключили его в гробе молчания. Друзья еретиков говорили между собою: заградим уста, говорившие многое против нас. Посрамим его речи, ибо никто уже не сможет так учить и никто уже не возразит нам. Доколе, царь, будет враг поносить меня ради Златоуста? Возврати мне того, который был подобием Жениха моего Христа. Даруй мне, своей матери, твоего духовного отца. Хотя и отстранила его от меня твоя плотская мать, но ты не следуй ее немилостивому сердцу и дурному намерению, а поревнуй святыне духа, без которой никто не увидит Господа. Прошла слава Евдоксии[1], а Церковь всегда пребывает. Я — твоя мать на вечные времена. Дай мне возможность повсеместно распространять радость возвращением Златоуста, и ты будешь иметь во мне ходатаицу о тебе пред Богом. Приобрети душу Златоуста в качестве молитвенницы о тебе. Будь сыном правды, утверждаемым отеческою молитвою!

Так, сказав многое от лица Церкви, он склонил царя к согласию. Были посланы в Команы почетнейшие мужи с серебряною ракою, чтобы перенести святые мощи Иоанна Златоуста с великим почетом. Когда они прибыли туда и показали царское послание команскому епископу и всему народу, наступила великая скорбь между людьми, печаль и рыдание по поводу лишения такого Великого сокровища. Народ не хотел отдавать святых мощей. Много рассуждали по этому поводу; однако не могли противиться царскому повелению. Когда же посланные царем люди хотели взять из гроба святые мощи, они тотчас стали тяжелее камня и всякой другой тяжести, так что при всех усилиях невозможно было сдвинуть их с места. Посланные много потрудились, но ничего не достигли. Поняв из этого, что святой не соизволяет, чтобы его мощи были взяты оттуда, они тотчас письменно известили об этом царя. Царь, посоветовавшись со святейшим патриархом и другими святыми мужами, понял свою ошибку, — именно, что он не с молением, а с повелением послал взять из Коман мощи святого Иоанна. Он задумал написать к нему послание, как бы к жи-

---

[1] *Евдоксия* — жена императора Аркадия; она особенно сильно враждовала против Иоанна Златоуста и ненавидела его за его обличительные речи. Ее старанием и происками святой Иоанн был лишен архиепископского престола и заточен в Команы.

вому, прося прощения за свое дерзновение и умоляя его, чтобы он соизволил возвратиться на свой престол и утешить свое стадо. Он написал своей рукой следующее:

«Вселенскому учителю и духовному моему отцу, святому Иоанну Златоусту, Феодосий царь: твое честное тело, честнейший отец, признав как бы бездушным, подобно телам прочих умерших, я повелел немедленно перенести к нам, но не получил желаемого по причине моего недостоинства. Ныне же к тебе, как к живому, посылаю сию мою собственноручную просьбу и с верою прошу прощения мне и людям твоим. Прости мне дерзновенно предпринятое начинание, покрыв его глубиною твоей мудрости. Ты, учивший всех покаянию, прости кающегося. Как детям, любящим отца, возврати нам отца и обрадуй пришествием твоим любящих тебя. Помимо великой нужды, усердно умоляю тебя прийти к нам, а не повелеваю. Не посрами меня вторично, честнейший отец! Даруй себя желающим тебя видеть: возвратись с миром к себе, и свои примут тебя с любовью».

Написав это послание, царь отдал его скороходам и повелел, открыв гроб святого, положить его на груди святого и затем совершить всенощное бдение. Когда присланное царем в Команы царское письмо было положено на груди святого Иоанна и когда затем по совершении всенощного бдения царские мужи коснулись честных мощей, святой тотчас отдался им: он стал так же естественно легок, как и был. Присланные обрадовались и, взяв из гроба честные мощи, положили их в царскую раку. Там находился один убогий человек, имевший от укушения змеи хромую ногу и живший при церквах, прося милостыни. Он взял небольшой покров от гроба святого и отер им свою ногу. Тотчас нога его стала крепка, как и другая, и он стал ходить, прославляя Бога. Весь народ собрался со свечами для поклонения честным мощам святого и проводил их при перенесении с обильными слезами и рыданиями. Царские люди отправились в путь и, пройдя беспрепятственно большое расстояние, достигли Халкидонской пристани[1]. Навстречу святым мощам вышли царь со всем синклитом, патриарх с клиром и бесчисленное множество народа, севшего на корабли. Был приготовлен особый царский корабль для принятия честных мощей Иоанна, в который и была поставлена рака с мощами. Когда возвращались в Константинополь, поднялась внезапно, по Божиему попу-

---

[1] *Халкидон* находился против Константинополя, на азиатском берегу Босфора.

щению, буря на море. Все корабли были разбросаны туда и сюда; корабль же, на котором была рака с мощами святого, лишившись руля, носился сам по себе, невидимо управляемый не человеческою рукою, а Божией силою. Он пристал к берегу в том месте, где находился виноградник вдовицы, за который святой Иоанн Златоуст претерпел столько бедствий и самое изгнание. Так он и по смерти явил ревность по правде и изобличил неправедно причиненную обиду. Тотчас море затихло, корабли сошлись в одно место неповрежденными, и никто не пострадал от морского волнения.

Когда рака с мощами была перенесена с корабля на берег, поднялся весь город и вышел со свечами, кадилами и песнопениями. Клирики, взяв раку, внесли ее первоначально в церковь святого апостола Фомы, а затем в церковь Ирины, иначе называемую церковью мира Христова. Здесь царь и патриарх открыли раку и нашли тело святого Иоанна подобным виноградной лозе, цветущим красотою и нетлением и издающим великое благоухание. Царь, сняв свою багряницу, простер ее над мощами, а затем, припав на перси святого, со слезами говорил:

— Прости, отче, прегрешение, причиненное тебе завистью. Не считай меня сообщником греха моей матери и не допусти, чтобы я страдал от оскомины за родительскую невоздержность. Хотя я и сын твоей гонительницы, однако я неповинен в причиненном тебе бедствии. Прости ей согрешение, чтобы и я был свободен от упрека, тяготеющего на ней. Преклоняю свой сан к ногам твоим и всю мою власть подчиняю твоему молению. Прости оскорбившую тебя безрассудным насилием, ибо она раскаялась в сделанном тебе и просит прощения, обращаясь к тебе со смирением моими устами так: помяни, отче, твое учительное слово о непамятозлобии и сам забудь мою злобу. Я хочу восстать от падения, но подай мне руку, ты, говоривший: если кто пал однажды, встань и спасешься. Я не могу перенести твоего недовольства мною; даже гроб мой сотрясается, сокрушая мои кости. Боюсь я и вечной казни и того, чтобы не быть устраненною от стояния одесную на страшном суде Христовом. Многих спас ты своими поучениями; да не буду я одна лишена того же спасения. Не оставь меня, зовущей тебе вслед, но отомсти за меня врагу моему — диаволу, ибо это он научил меня оскорбить тебя, как некогда научил Еву согрешить Богу. Не гневайся на меня, незлобивый; непамятозлобствовавший в жизни тленной, не памятозлобствуй и в нетленной. Если я,

живя временною жизнью, причинила тебе зло, то ты, живя вечною жизнью, будь полезен душе моей. Миновала моя слава, и ничто мне не помогло; помоги же мне ты, отче, во славе своей, которую ты принял от Бога, и прежде чем я буду осуждена на страшном суде Христовом, прости меня безответную.

Говоря эти слова от лица своей матери, царь не переставал плакать, но орошал слезами тело святого и лобызал его со страхом. Также и святейший Прокл, с любовью лобызая тело святого, взывал:

— Радуйся, христолюбивый отче, сладчайший учитель! Я твое чадо, воспитавшееся от твоего духовного млека. Как ты был прежде меня пастырем, так и ныне ты пастырь: мои овцы суть твои; на твоей пажити доселе питается твое стадо и, стремясь к тебе, не желает следовать другим пастырям. Яви же нам лице твое и снова заставь услышать голос твой.

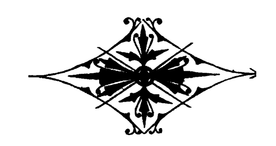
Весь народ стремился хотя бы прикоснуться только к честной раке святого и не отходил от нее день и ночь. Наутро мощи святого были возложены на царскую колесницу и отвезены с великою честью и славою в великую соборную церковь святых апостолов. Когда рака была внесена внутрь и поставлена на патриаршем престоле, весь народ восклицал как бы едиными устами:

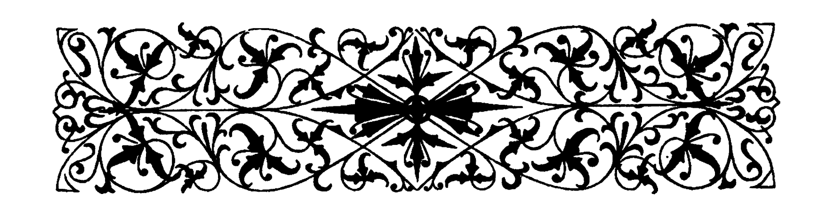
— Приими престол свой, отче!

Тогда патриарх Прокл, а с ним и многие достойнейшие мужи увидели, что святой Иоанн, раздвинув свои мертвые уста, как бы живой, произнес архиепископское благожелание:

— Мир всем!

Во время совершения святой литургии много чудесных исцелений было подаваемо от святых Златоустовых мощей болящим, а равно и гроб царицы Евдоксии остановился от своего долговременного сотрясения. Пресвитеры положили святое тело Иоанна в алтаре под жертвенником, с веселием и радостью прославляя Христа Бога, с Отцом и Святым Духом превозносимого вовеки. Аминь.

День двадцать восьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕФРЕМА СИРИНА[1]

Святой Ефрем был родом из Месопотамии из города Низибии[2]. Он родился в царствование Константина Великого[3] от христианских родителей[4] и дожил до царствования Феодосия Великого[5]. Еще в юных годах святой Ефрем отрекся от мира и ушел в пустыню, где стал иноком[6]. Он получил от Бога дар премудрости; из уст его истекала

---

[1] Преподобный Ефрем назван *Сириным*, то есть сирийцем, потому что Месопотамия, в которой он родился, в древности причислялась к Сирии.

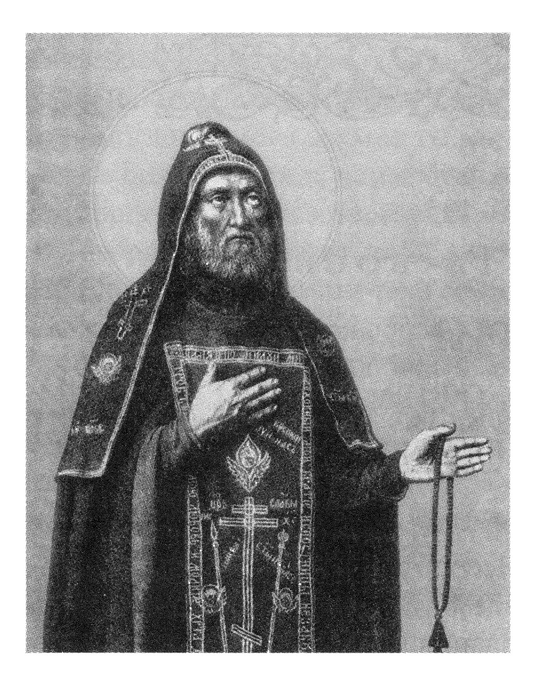
[2] *Низибия* (или *Низибида*) — большой и многолюдный город в провинции Магдонии в Месопотамии, — на границах Римской империи и Персидского царства.

[3] *Император Константин Великий* царствовал с 306 по 337 год.

[4] О родителях своих преподобный Ефрем пишет следующее: «Родившие меня по плоти внушили мне страх Господень. Предки мои исповедали Христа пред судьей, я родственник мученикам. Деды мои, благоденствовавшие в жизни, были земледельцами. Родители занимались тем же».

[5] *Император Феодосий Великий* царствовал с 379 по 395 год.

[6] Годы юности не прошли для Ефрема без некоторых преткновений. От природы пламенный, он был, как говорит сам, раздражителен: «за маловажные дела вступал в ссоры, поступал безрассудно, предавался худым замыслам и блудным мыслям... Юность моя едва не уверила меня, что совершающееся с нами в жизни происходит случайно. Но промысл Божий вразумил пылкую молодость». Ефрема ложно обвинили в краже овец и бросили в темницу, вслед за ним посажены были два других, и так же невинно, как Ефрем. «Проведя семь дней, в восьмой вижу я во сне, — рассказывал после святой Ефрем, — что кто-то говорит мне: будь благочестив и уразумеешь промысл, перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе дознаешь, что эти люди страждут не несправедливо, но не избегнут наказания и виновные». — Все это и увидел Ефрем, как рассказывает он подробно в одном из своих сочинений. — Эти события так поразили Ефрема, что он скоро оставил мир и удалился в горы к отшельникам, где стал учеником святого Иакова, впоследствии великого святителя Низибийского (память его — 12 января).

благодать, подобно сладкой реке напоявшая умилением души всех, слушавших его поучения. Это было предзнаменовано ему в самом раннем возрасте. Когда он был еще ребенком, родители его видели о нем следующий сон: виноградная лоза взошла на языке мальчика и, выросши, наполнила ветвями и гроздьями всю поднебесную. Птицы небесные собирались и ели ягоды винограда, и сколько они съедали, настолько же количество винограда увеличивалось. Когда затем святой Ефрем подвизался на одной пустынной горе, исполненный великого умиления и сердечного сокрушения, один из богоносных отцов видел во сне светлого, сиявшего, подобно Ангелам, мужа. Он держал в руке исписанный свиток и спрашивал:

— Кто может принять и сохранить этот свиток?

Голос свыше отвечал ему:

— Никто другой, кроме Ефрема, угодника Моего.

Перед явившимся мужем стоял Ефрем. Он открыл свои уста, а муж вложил ему в рот свиток. Преподобный Ефрем съел свиток, а затем вскоре после этого начал говорить и писать назидательные речи, приводившие в умиление каждого, читавшего их и слушавшего. Они могли в каждом возбудить страх Господень и наставить на путь покаяния, как это ясно из его богодухновенных книг. Равным образом и другой великий и святой старец имел подобное же видение во сне о святом Ефреме. Он видел сонмы Ангелов, сходивших с неба по повелению Божиему и имевших в руках свиток, исписанный внутри и извне. Они говорили друг другу:

— Кто может этот свиток принять?

В ответ одни называли одно имя, другие вспоминали другое, а некоторые говорили:

— Поистине святы и праведны упомянутые мужи, но ни один из

них не может принять этого свитка, а только Ефрем, кроткий и смиренный сердцем.

Затем старец видел, как Ефрему был отдан этот свиток. Встав наутро, он слышал, как блаженный Ефрем предлагал братии поучительные назидания. Как будто источник истекал из уст! Из них исходили речи, преисполненные великой пользы. Он уверовал, что все, исходящее из уст святого Ефрема, внушается Духом Святым, и прославил Бога, подающего такую благодать рабам Своим.

В 363 году Низибия подпала под власть персов, и многие из христиан оставили Низибию. Тогда и преподобный Ефрем вознамерился пойти отсюда в город Эдессу[1]. Он обратился к Богу с такой молитвой:

— Господи Иисусе Христе! Сподоби меня увидеть город Твой, и когда я буду входить в него, пошли мне навстречу такого человека, который побеседовал бы со мною от Священного Писания с пользою для меня.

Когда он, так помолившись, приближался к городу и входил в ворота, встретила его женщина. Увидев ее, раб Божий опечалился и обратился мысленно к Богу:

— Господи, Ты презрел моление раба Твоего. Ибо каким образом может она беседовать со мною о книжной мудрости?

Женщина же стояла и смотрела на него. Святой Ефрем обратился к ней с вопросом:

— Скажи мне, женщина, зачем ты стоишь и смотришь на меня?

Женщина ответила:

— Я смотрю на тебя, потому что женщина от мужа взята, а ты смотри не на меня, а в землю, из которой ты взят.

Услышав это, Ефрем подивился такому ее ответу и прославил Бога, давшего женщине такой ум. Он понял, что не презрел Господь молитвы его. Войдя в город, он жил в нем много времени[2].

---

[1] *Эдесса* — город в Месопотамии; лежит на границе между утесистой пустыней и плодоносной землей — Южной Месопотамией. Этот город, — как говорит святой Ефрем, — «благословен был живыми устами Спасителя чрез ученика Его Фаддея»; здесь находился нерукотворный лик Спасителя и святые мощи апостола Фаддея.

[2] Для пропитания своего в Эдессе преподобный Ефрем нанялся трудиться у содержателя бани и употреблял свободное время для проповеди слова Божиего язычникам; потом, по совету святого старца Иулиана, удалился в пустынную Эдесскую гору для подвигов. Вскоре видение открыло старцу в Ефреме мужа, которому одному из современных соотечественников вручена была книга для вразумления людей. Ефрем начал писать толкование на Пятикнижие. Этот первый опыт толкования на сирском языке привлек к Ефрему многих эдессян, и Ефрем хотел убежать от людей.

Случайно близ того дома, в котором обитал святой, жила другая женщина, блудница, бывшая его соседкою. Подстрекаемая бесовским лукавством, она хотела оскорбить старца. Открыв оконце, откуда был вид на жилище святого, она увидела, что Ефрем стоит и варит себе пищу. Женщина громко обратилась к нему:

— Благослови, господин!

Преподобный посмотрел на оконце и, заметив, что она наблюдает, сказал ей:

— Господь да благословит тебя.

Тогда женщина продолжала:

— Чего недостает для твоей пищи?

Святой ответил:

— Три камня и немного песку необходимо, чтобы заградить оконце, из которого ты смотришь сюда.

Женщина бесстыдно сказала ему на это:

— Я обратилась к тебе с речью первая, и ты ответил мне. Я хочу лечь с тобою, а ты отказываешься с первого слова.

Раб Божий отвечал ей:

— Если ты хочешь лечь со мною, то иди на то место, какое я тебе укажу.

Блудница сказала:

— Укажи мне это место, и я приду.

Тогда святой сказал:

— Если ты избрала меня, то не можешь возлечь со мною ни на каком другом месте, как только среди города.

Блудница изумилась:

— Разве не стыдно нам будет людей?

Святой ответил:

— Если нам стыдно людей, то насколько больше должно стыдиться, а вместе и бояться Бога, знающего все тайны человеческие! Ведь Он будет судить весь мир и воздаст каждому по делам его.

«Ефрем! Куда бежишь ты?» — спросил явившийся Ангел. «Хочу жить в безмолвии и бегу от молвы и обольщения света», — отвечал Ефрем. Ангел сказал: «Убойся, чтобы не исполнилось на тебе слово Писания: Ефрем подобен молодому волу, который хочет освободить шею от ярма» (Ос. 10, 11). После того Ефрем возвратился к тому служению, к которому был призван. С этого времени он начал устно и письменно поучать вере и благочестию. Для успеха в своем благочестивом деле он открыл училище в Эдессе, из которого впоследствии вышли знаменитые учители Сирийской церкви.

Услышав это, блудница умилилась речами святого Ефрема. Она пришла и припала к ногам его, плача и говоря:

— Раб Божий! Наставь меня на путь спасения, чтобы я могла избавиться от многих моих злых деяний.

Преподобный Ефрем, преподав ей много наставлений из Священного Писания, утвердил ее в покаянии и, отдав ее в женский монастырь, спас душу ее от беззаконий и греха.

Затем еще одна блудница, подойдя к преподобному Ефрему, когда он куда-то шел, соблазняла его на грех, чтобы по крайней мере рассердить его, так как никто и никогда не видел его гневающимся.

Преподобный сказал ей:

— Иди за мною.

Женщина пошла за ним. Когда они подошли к одному многолюдному месту, святой сказал ей:

— Здесь ляжем и совершим грех.

Она же, видя народ, сказала ему:

— Как можно здесь остановиться, когда кругом столько народу! Разве не стыдно?

Преподобный ответил ей:

— Если ты стыдишься людей, то насколько больше мы должны стыдиться Бога, знающего сокровенные тайны?

Так женщина отошла от него посрамленная, не будучи в состоянии ни прельстить святого ко греху, ни возбудить в нем гнев, ибо он был муж поистине незлобивый и кроткий и совершенно неспособный гневаться.

О его добросердечии рассказывают следующее. Когда он постился в пустыне, ученик его в обычное время приносил ему пищу. Однажды, когда он нес пищу, то случайно разбил на пути сосуд, в котором была пища. Он боялся гнева старца, но последний, увидев смущенного ученика, сказал:

— Не скорби, брат, — если пища не захотела к нам прийти, то мы пойдем к ней.

Затем, подойдя, он сел у разбитого сосуда и, собирая пищу, стал есть. Так он был незлобив! О нем рассказывали, что с тех пор, как он стал иноком, никогда ни на кого не гневался.

Преподобному Ефрему было однажды откровение о святом Василии Великом[1]. Он видел в сонном видении огненный столп, достигавший до неба, и слышал голос:

[1] Память его — 1 января.

— Ефрем, Ефрем! Каким ты видишь этот огненный столп, таков и есть Василий.

Тогда Ефрем пожелал видеть святого Василия. Взяв с собою переводчика, — ибо он не умел говорить по-гречески, — святой Ефрем пошел в Кесарию Каппадокийскую[1]. Он нашел святого Василия в церкви поучающим людей и начал славить его громким голосом, говоря:

— Воистину велик Василий! Воистину он есть столп огненный! Воистину Дух Святой говорит его устами!

Тогда некоторые из народа стали говорить:

— Кто этот странник, так восхваляющий архиепископа? Не льстит ли он ему, чтобы получить что-либо из рук его?

После отпуста церковного, когда преподобный Ефрем вступил в дружескую беседу со святым Василием, последний спросил его:

— Почему ты так прославлял меня?

Преподобный Ефрем ответил:

— Потому что я видел белого голубя, сидевшего на правом плече твоем и говорившего тебе на ухо то, что ты внушал людям. Кроме того, огненный язык вещал твоими устами.

На это святой Василий сказал ему:

— Поистине я вижу ныне то, что слышал о тебе, житель пустыни и любитель безмолвия! Так пишется и у пророка Давида: *Ефрем крепость главы Моей* (Пс. 59, 9). Поистине к тебе относятся эти пророческие слова, ибо ты многих наставил на путь добродетели и укрепил в ней. Кротость же твоя и незлобие сердца сияют для всех, как свет.

После того Василий Великий сказал:

— Почему, честный отче, ты не принимаешь посвящения в сан пресвитера, будучи достоин его?

— Потому что я грешен, владыка! — отвечал ему Ефрем через переводчика.

— О, если бы и я имел грехи твои! — сказал Василий и прибавил: — Сотворим земной поклон.

Когда же они поверглись на землю, святой Василий возложил руку свою на главу преподобного Ефрема и произнес молитву, положенную при посвящении в диакона. Преподобный Ефрем пробыл после того со святым Василием три дня, в духовной радости. Василий по-

[1] *Каппадокия* — провинция Римской империи, находилась на востоке Малой Азии. *Кесария* — главный город Каппадокии.

ставил его в диакона, а переводчика его — в пресвитера и потом с миром отпустил их.

Преподобный Ефрем имел великую любовь к преподобному Аврамию затворнику, память которого празднуется 29 октября. Они часто посещали друг друга и умилялись взаимно назидательными дружескими беседами. А когда блаженная Мария, племянница Аврамия, подверглась обольщению врага, преподобный Ефрем своими молитвами много содействовал спасению ее. Он много болел сердцем о согрешающих и много заботился об исправлении их.

Преподобный Ефрем то пребывал в пустыне[1], в безмолвии работая Богу, причем собрал там и множество учеников, — то, по повелению Божиему, жил в городе Эдессе, приводя многих людей к покаянию и приобретая для Бога погибшие души своими поучениями. Настолько он изобиловал душеполезными словами и был преисполнен благодати Божией, что много раз у него изнемогала гортань от напряжения голоса, а язык от произнесения слов; однако речи его не становились короче, тем более что ум его был преисполнен глубины премудрости и разума[2]. Кроме того, он был исполнен глубокого смирения, всяче-

---

[1] Преподобный был, между прочим, и в египетских пустынях; так он пробыл некоторое время в Нитрийской горе. Сирский жизнеописатель говорит, что Ефрем виделся здесь с богоизбранным иноком Паисием, а Иоанн Колов, повествуя о жизни Паисия, описывает и беседы Паисия с «великим между сирийскими подвижниками отцом». «Был у нас здесь человек Божий Сириянин, старец великий между отцами, просвещенный умом и сердцем», — так говорит Иоанн Колов.

[2] Святой Ефрем оставил после себя весьма много сочинений. В одних он — толкователь Священного Писания (святой Ефрем, по словам святого Григория, писал толкование, начиная с Сотворения мира до последней благодатной книги); в других — обличитель ересей и песнопевец Церкви, в иных — учитель христианской жизни и, в частности, проповедник сокрушения сердечного. Сочинения последнего рода составляют как бы печать души преподобного Ефрема и вместе его славу на все века. Святой Григорий Нисский говорит, что «плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом, — день и ночь лились у него слезы; но лицо Ефрема цвело и сияло радостью, тогда как ручьи слез лились из глаз его. Но и там, где Ефрем говорит о сокрушении, он возносится мыслью к благости Божией, изливает благодарение и хвалу Всевышнему». Все нравственные наставления его благоухают сердечным умилением. Не одно свое наставление так начинает Ефрем: «Сокрушайся, душа моя; сокрушайся о тех благах, которые ты приняла от Бога и погубила. Сокрушайся о делах злых, сделанных тобою. Сокрушайся о всем том, в чем показал Бог Свое долготерпение к тебе. Придите, братия мои, придите рабы Христовы, будем сокрушаться сердцем и рыдать перед Ним день и ночь. Придите, будем помышлять об оном страшном и грозном суде и следующем затем нашем осуждении». В этом чувстве сокрушения обыкновенные предметы бесед святого Ефрема: *покая-*

ски избегал человеческого почитания и временной славы. Один раз народ хотел схватить его и насильно поставить в епископы. Ефрем, узнав об этом, притворился юродивым и начал бегать по площади, влача за собою свою одежду, как безумный, — схватывал продаваемые хлебы и овощи и ел. Видя это, люди сочли его помешанным, а он бежал из города и скрывался, пока не был поставлен другой епископ на то место, на которое его хотели поставить. В молитве святой пребывал непрестанно — днем и ночью. Обладая даром умиления и слез, он плакал всегда, поминая день суда, о котором он много писал и гово-

---

ние, память о смерти и суде, *страх Божий, внимание к самому себе, смирение, против гордости* и прочее. — За свои высокие поучения святой Ефрем был назван соотечественниками пророком Сирским. Блаженный Иероним пишет: «Ефрем, диакон Эдесский, достиг такой славы, что в некоторых церквах сочинения его читаются публично после Священного Писания». «Прославлять мне надобно того, — говорит Григорий Нисский, — кто в устах всех христиан, Ефрема Сирина, того Ефрема, которого жизнь и наставления сияют в целом мире». — Святой Ефрем оставил после себя много и догматических сочинений. Все они писаны против заблуждений того времени. Таковы: а) восемьдесят слов *против дерзких испытателей*, то есть против аэтиан и евномиан; б) 56 поучений *против ересей* с обличениями и увещаниями вардесанитам (последователям еретика Вардесана), маркионитам и мессалианам; в) *о жемчужине*, или о том, что в одном лице Иисуса Христа соединены два естества, против Маркиона и Манеса; г) три слова *о вере* и против иудеев; д) о свободе против защитников слепой судьбы; *о покаянии,* где против новатиан говорит о власти церкви прощать грехи и опровергает тысячелетнее царство; *о священстве; о рае и суде.* — Строгий ревнитель веры и благочестия, святой Ефрем не мог оставаться равнодушным к смутам, какие произвели в Эдессе и Месопотамии секты Вардесана и Ария. Противодействуя еретикам, которые свои заблуждения излагали в поэтической форме песни и, привлекая неопытных изяществом стихотворного размера, легко и надолго укореняли еретическое содержание их, святой Ефрем и сам начал излагать, на основании Священного Писания, истинное учение о Боге и Его отношениях к нам, в такой же поэтической форме. Народ с жадностью внимал песнопениям святого отшельника и забывал песни еретические. Еретики так были раздражены успехами святого Ефрема, что раз напали на него с камнями и оружием и едва не убили его; но это нисколько не ослабило его ревности к вере. Все эти сочинения писаны святым Ефремом в виде благоговейных размышлений. Они назначались им для народного употребления, а частью и для пения в храме и написаны стихами. Святой Ефрем оставил также много умилительных молитв и молитвенных песнопений. Таковы его песнопения на Рождество Христово, отличающиеся особенною торжественностью; ему же принадлежат глубоко трогательные стихиры, поемые при погребении; из молитв, составленных им, особенно известна умилительно-трогательная молитва, читаемая в дни Великого поста: «Господи и Владыка жизни моей! Не дай духу праздности, любоначалия, празднословия овладеть мной. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне, рабу Твоему. О, Господи, Владыка, даруй мне возможность видеть прегрешения мои и не осуждать брата моего, благословен будь во веки веков. Аминь».

рил. Он мало спал, мало вкушал и пищи, — только бы не изнемочь и не умереть от голода и лишения сна. Он был совершенно нестяжателен и любил нищету больше богатства, как и сам говорит о себе в своем завещании:

— Ефрем никогда не имел ни золота, ни серебра, ни какого-либо хранилища, исполняя волю благого Учителя Христа, заповедовавшего: ничего на земле не приобретайте (ср.: Мф. 6, 25 и след.).

В те годы жил еретик Аполлинарий, ложно мудрствовавший о воплощении Господнем. Он находчив был в словах и искусен в эллинской премудрости, вследствие чего сильно смущал Церковь Божию и многих увлек в свою ересь. Этот еретик весь труд свой и все старание, от самой юности своей и до старости, прилагал к тому, чтобы развращать православных и увлекать их в свое заблуждение. Он написал много книг против православных, из коих особенно замечательны две, так как в них наиболее полно выражено все его душевредное учение. Их он и употреблял, как оружие, ведя борьбу с православными путем словесных состязаний. Эти его книги были положены на сохранение у одной женщины, сожительницы его. Преподобный Ефрем, узнав об этих книгах, изобрел против еретической хитрости свою, еще более изумительную: он пришел к той женщине тайно и весьма хвалил Аполлинария, называя себя при этом учеником последнего. Как бы желая научиться неизвестной ему мудрости, он просил женщину дать ему на малое время аполлинариевы книги, которые она хранила, чтобы из них списать вкратце наиболее замечательные места. Женщина, будучи уверена, что это действительно ученик ее друга, дала ему обе книги с условием, чтобы он поскорее возвратил их и никому о них не говорил. Святой Ефрем, взяв книги, отнес в свою обитель и, приготовив клей, все листы в них, отгибая по одному, склеивал, пока, наконец, не склеил все их так, что книги стали как бы одним куском дерева, или камнем, причем ни одного листа нельзя было отделить от другого. Затем он отнес книги женщине. Она же, взяв их и не посмотрев внутрь, положила на своем месте. Случился потом спор православных с еретиком Аполлинарием, состарившимся уже. Не обладая уже прежнею находчивостью в спорах и имея слабую память по причине старости, он хотел достигнуть победы над православными при помощи тех своих книг; но, взяв их, он не мог их раскрыть, так как листы были крепко склеены и окаменели. Он исполнился великого стыда и вышел с собора побежденным и посрамленным, а затем скоро

от скорби и великого стыда он лишился жизни, с позором извергнув свою окаянную душу.

Преподобный отец наш Ефрем, прожив богоугодно много лет и приведя многих к спасению, заблаговременно провидел свою кончину и написал для своих учеников поучительное завещание. Проболев немного, он в глубокой старости отошел ко Господу[1]. Честное тело его было погребено в его обители, находившейся в пустыне, в пределах Эдесских, в Сирии, а святая душа его предстоит ныне престолу Владыки, ходатайствуя о нас, чтобы мы получили прощение грехов наших, по его молитвам, благодатью и милосердием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО **ЕФРЕМА ПЕЧЕРСКОГО**, епископа Переяславского

После блаженного Варлаама[2], боярского сына, блаженный Ефрем евнух, человек знатного рода и благородного происхождения, весьма любимый князем Изяславом[3] и заведовавший у него всем его хозяйством, пришел из княжеского дома к преподобному отцу нашему Антонию и просил его, вместо служения князю, приобщить его к слугам Царя небесного и возложить на него святой ангельский образ иноческого чина. Преподобный Антоний, преподав ему наставление о спасении души, поручил блаженному Никону[4] постричь его. Согласно этому повелению, Никон постриг блаженного Ефрема и облек в иноческую одежду. Но ненавидящий добро враг, диавол, навлек великую скорбь на преподобных за пострижение этого блаженного Ефрема, равно как и за пострижение блаженного Варлаама, о

---

[1] Святой Ефрем мирно скончался в городе Эдессе в 373 году.

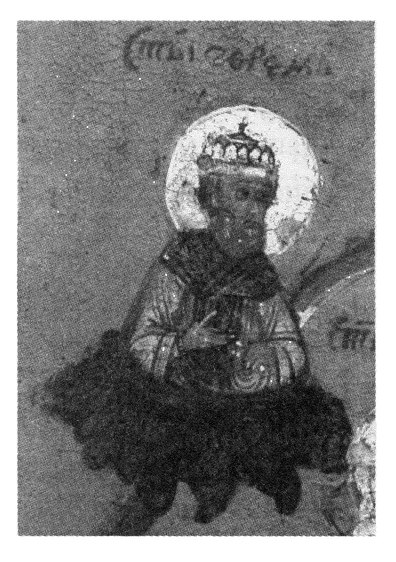
[2] *Варлаам* — первый игумен Печерский, непосредственный ученик преподобного Антония Печерского, первоначальника русского иночества; память его — 19 ноября.

[3] *Изяслав Ярославич* — великий князь Киевский; княжил с 1054-го по 1068 год.

[4] *Никон* — игумен Печерский, первый ученик и сотрудник преподобного Антония; память его — 23 марта.

чем записано в житиях преподобных Антония и Никона. В самом деле, князь тьмы, видя, что он побеждается тем священным сонмом, который собирался в темной пещере, и, поняв, что с этого времени место это будет прославляться, скорбел о своей гибели. Он начал своими враждебными кознями разжигать сердце князя Изяслава против преподобных, побуждая его разогнать священный сонм. Однако он не мог этого достигнуть и сам был прогнан молитвами преподобных; он впал в яму, которую готовил. Правда, и постригший блаженного Ефрема преподобный Никон был приведен к князю и резко обличен, и сам начальник братии, преподобный Антоний с братьей, вследствие гнева князя был изгнан из пещеры, но затем скоро, по ходатайству княгини перед князем Изяславом, а лучше сказать — по молитвам Царицы небесной, Пресвятой Богородицы, перед Царем славы, Христом Богом, иноки возвратились в пещеру свою, как храбрые воины с поля брани, победив своего супостата — диавола. После этого они всегда оставались в пещере, прославляя и благословляя Бога.

После всего бывшего преподобный отец наш Ефрем, видя, какую скорбь причинил враг всему священному сонму, сильно вооружился против него богоугодною жизнью в пещере, постоянною молитвою, постом и всенощным бдением. Повинуясь во всем советам отца и наставника своего, преподобного Антония, он обнаруживал большое усердие в подражании всем его добродетелям. Потому-то, по примеру преподобного Антония, который совершал путешествия из России на святую Афонскую гору, и этот преподобный отец наш Ефрем горел духом, стремясь к святым местам. Он желал быть самовидцем равноангельского жития святых афонских отцов, чтобы вдохновиться любовью к их добродетельным трудам. Поэтому он умолял преподобного Антония дать ему благословение на путешествие в Греческую страну. Преподобный, не желая лишить его награды за странничество, отпустил его с благословением и молитвою, подобно тому как некогда Ной отпустил голубку из ковчега, чтобы она принесла масличную ветвь. Тогда преподобный отец наш Ефрем, приняв, как два голубиные крыла, благословение и молитву, устремился в предлежавший ему путь и достиг Константинополя. Везде по пути он наблюдал жизнь святых людей, посещал жилища отшельников, земных Ангелов, насыщаясь в изобилии духовной пищей, душеспасительными беседами и наставле-

ниями святых отцов. Вследствие этого он несколько замедлил в своем путешествии. Когда же его повлекла назад любовь к родине, он, чтобы не возвращаться в свой мысленный ковчег без какой-либо масличной ветви, списал устав святого Студийского монастыря[1] и принес в Печерский монастырь, по поводу чего и посылал к нему, в бытность его в Греции, блаженный игумен Феодосий от имени преподобного Антония. По возвращении своем из святых мест он пожил в Печерском монастыре недолго, но зато послужил образцом многих добродетелей к душевной пользе иноков, так что все благодарили о нем Бога. В это время преставился блаженный епископ Переяславский Петр. По благоволению Божию, по совету всех и по желанию великого князя Всеволода Ярославича[2], преподобный отец наш Ефрем поставлен был Переяславским епископом Преосвященным митрополитом Киевским Иоанном.

Приняв великий сан святительства, он начал обнаруживать великую ревность об устроении церквей в своей епископии. Он считал это для себя самым почетным и самым дорогим делом, имея в виду умножить прославление пресвятого имени Божиего. Бог споспешествовал ему в этом деле: спустя всего несколько лет он построил большую и величественную каменную церковь святого архистратига Михаила, которую и сделал соборным храмом Переяславской епископии; затем на вратах этой устроил церковь святого Феодора, и, наконец, пред вратами каменной церкви построил церковь святого Андрея Первозванного. Он украсил также город Переяславль различными церков-

---

[1] *Студийский устав* был составлен преподобным Феодором Студитом, игуменом Студийского монастыря в Константинополе в начале IX века. В конце XI века он был введен в руководство Русскою Церковью и держался в ней до половины XIV века, когда начинает уступать Иерусалимскому, но по местам оставался в силе гораздо дольше и в некоторых монастырях русских действовал даже до последнего времени.

[2] *Всеволод-Андрей Ярославич* — князь Переяславский (Переяславля-Южного; Переяславское княжество граничило с Киевским), — впоследствии великий князь Киевский (1078–1093 гг.).

ными зданиями, притом каменными, чего прежде не было[1]. Все это, спустя немного времени, было уничтожено, когда, по Божию попущению в наказание за грехи наши, сделал нашествие на землю Российскую злочестивый татарский князь Батый[2]. Тогда пал жребий и на славный город Переяславль.

Преподобный Ефрем во время своего епископства присутствовал и на перенесении честных мощей преподобного отца нашего Феодосия Печерского[3]. Пожив добродетельно и богоугодно, он почил от временной жизни, а душою восшел к нерукотворному Владычному престолу[4]. Честное же тело его было положено с честью в созданной им церкви, в которой он учредил престол Переяславской епископии. Да удостоимся и мы предстать пред престолом Владыки, небесного Царя, подобно овцам, собранным гласом молитв преподобного отца нашего Ефрема, чтобы вместе с ним прославлять Пастыреначальника Иисуса, а в Нем и с Ним Бога Отца и Святого Духа, в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ЕФРЕМА НОВОТОРЖСКОГО

В дни благоверных великих князей, святых страстотерпцев Российских Бориса и Глеба, были в России три единоутробных брата: Ефрем, память которого празднуется 28 января, Георгий и Моисей. Все они происходили из Угорской земли[5] и все они, в звании бояр, служили великим князьям Борису и Глебу. Когда святой Борис был убит на реке Альте[6], боярину Ефрему не случилось быть там с князем Борисом. Поэтому он и спасся от убиения, а брат его Георгий был

---

[1] Кроме того, в отдаленном, но подведомом переяславскому князю Суздале святой Ефрем также построил две церкви.

[2] *Татарский хан Батый* — внук Чингисхана. Нашествие Батыя началось в 1237-м и закончилось в 1240 году взятием Киева и покорением русской земли.

[3] Перенесение мощей преподобного Феодосия Печерского было в 1091 году.

[4] Святой Ефрем Переяславский скончался в 1096 году. Мощи его почивают в пещерах преподобного Антония.

[5] Угорская земля, иначе Венгрия, обширная страна по Среднему Дунаю при Карпатских горах; ныне входит в состав Австро-Венгерской империи.

[6] Убиение святого благоверного князя Бориса было в 1015 году.

убит вместе со святым Борисом: он пал рядом с господином своим, причем убийцы отрезали у него голову, ради того украшения из золота, которое возложил на него святой Борис. Третий же брат Моисей[1], бывший при князе во время убиения, спасся бегством от смерти, а после этого пострадал за свое целомудрие от одной польки больше, чем некогда Иосиф от Пентефрии. Наконец, он стал святым иноком в Киевском Печерском монастыре, как об этом пишется в его житии. Сей же блаженный Ефрем после убиения благоверного князя Бориса прибыл на то место, где было совершено беззаконное убийство, и, плача и рыдая, искал тело своего брата, — но нашел только голову, которую и хранил до своей кончины. Оставив свой боярский сан и дом, он прибыл в город Торжок[2] и, найдя одно весьма красивое место близ города, на берегу реки Тверцы, построил там храм во имя государей своих, великих князей, святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и, собрав много иноков, устроил обитель, а сам стал архимандритом[3]. Доблестно потрудившись в посте и молитвах, он благоугодил Богу и преставился в 1053 году. После преставления его у гроба его[4] многие чудеса совершались и подавались исцеления болящим; подаются они и ныне приходящим с верою, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

---

[1] *Преподобный Моисей Угрин,* Печерский чудотворец; память его — 28 августа.

[2] *Торжок* — ныне уездный город Тверской губернии.

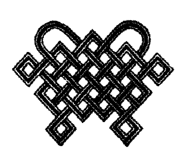
[3] Борисоглебский Новоторжский монастырь был основан преподобным в 1038 году.

[4] Мощи преподобного Ефрема ныне почивают в Новоторжском Борисоглебском монастыре в богатой серебряной раке — и при них глава брата его Георгия, положенная в его гроб, согласно его завещанию.

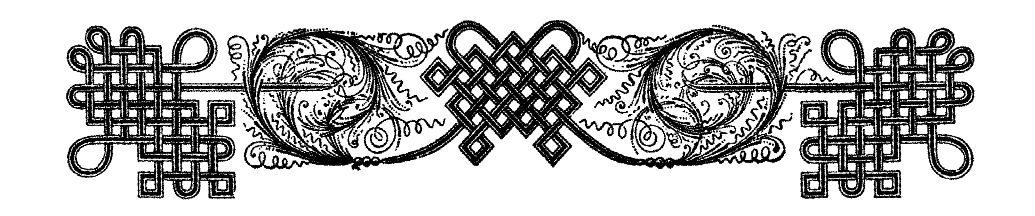
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ПАЛЛАДИЯ ПУСТЫННИКА

Преподобный Палладий благоугождал Богу затворничеством. Построив себе на одной горе небольшую хижину и заключившись в ней, он подвизался в непрестанном бдении, молитве и посте. За свои подвиги Бог прославил его даром чудотворений. Однажды некий купец, носивший при себе много золота, был убит, и тело его убийцы ночью бросили перед дверями хижины преподобного. Когда рассвело и преступление было обнаружено, все стали обвинять преподобного в убийстве купца. Теснимый народной толпой, святой помолился и молитвою воскресил мертвого. Восстав, он назвал своих убийц и доказал непричастность святого к убийству. И много других чудес совершил преподобный. Преуспевая в добродетелях, преподобный Палладий с миром отошел к Богу, оставив Церкви Божией душеполезные сочинения[1].

В тот же день **память преподобного Феодосия Тотемского**

[1] Преподобный Палладий пустынник подвизался в Антиохии Сирийской в конце IV века.

День двадцать девятый

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ИГНАТИЯ БОГОНОСЦА**

После того как святой Игнатий Богоносец, по повелению царя Траяна, был растерзан зверями в Риме за Христа[1], как об этом повествуется в его житии, остались после него некоторые, более крупные, кости. Бывшие в это время в Риме верующие собрали их и положили благоговейно в том же городе в почетном месте, а затем, в царствование того же Траяна, перенесли их в Антиохию — на защиту городу, в исцеление болящим, в утешение всему его словесному стаду и во славу Христа Бога, за имя Которого он ревностно пострадал[2]. Более подробные сведения об этом изложены в его житии 20 декабря.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ЛАВРЕНТИЯ**, затворника Печерского

После искушения, постигшего преподобных затворников Печерских Исаакия и Никиту[3], приобрел известность подвизавшийся

[1] В 107 году, 20 декабря.

[2] Первое перенесение мощей святого Игнатия Богоносца было в 108 году, второе из предградия в саму Антиохию — в 438 году. Впоследствии (в VII в.) мощи его перенесены были в Рим, где находятся ныне в церкви святого Климента.

[3] Память преподобного Исаакия, затворника Печерского, — 14 февраля; память Никиты затворника, скончавшегося епископом Новгородским, — 31 января. Оба они прельщены были видением искусителя в светлом образе.

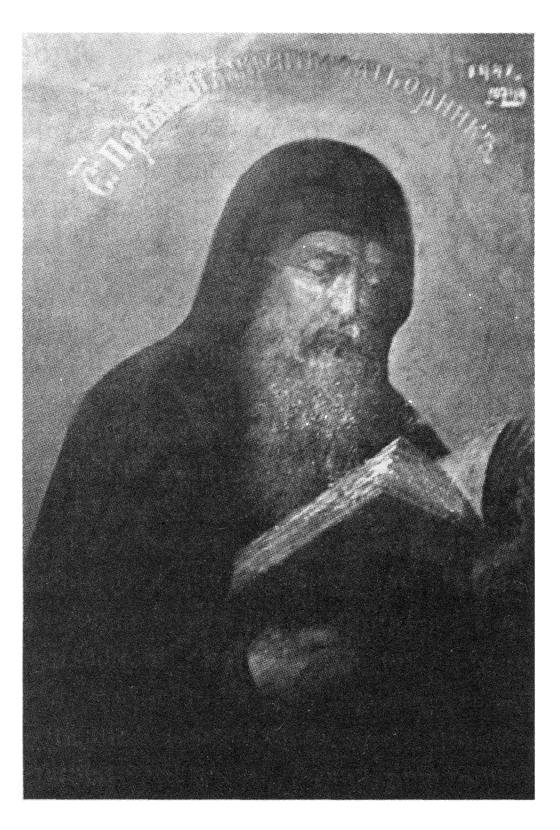
в том же святом Печерском монастыре блаженный Лаврентий, который также возымел дерзновение, как добрый воин Христов, одними собственными силами вести борьбу с противоборствующим душе губителем-диаволом, врагом подвижников. Он пожелал посвятить себя молитве в строгом затворе, утвердившись в той мысли, что именно о затворническом житии Господь говорит в словах: *Ты же когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 6). Но преподобные отцы решительно не советовали ему делать это в святом Печерском монастыре, где диавол наиболее строил козни спасающимся отцам. Они вспоминали, как здесь враг одолел Исаакия и Никиту, боровшихся с ним наедине, в затворе; их обоих, едва лишь после многих молитв, привели в чувство. Тогда Лаврентий, простившись с братией, отошел в монастырь святого великомученика Димитрия, построенный князем Изяславом[1], и там подвизался в затворе. Он начал вести самую строгую жизнь и проявлять величайшую ревность о своем спасении, предпринимая с каждым днем все большие труды, умерщвляя все страстные вожделения воздержанием и голодом, искореняя их мечом духовным, то есть — силой молитвы, и угашая разожженные стрелы врага водою своих слез. Так, по благодати Божией, он не только сам избежал бесовских стрел, но и получил от всещедрого Господа дар чудесно исцелять различные язвы и недуги людей, а равно изгонять бесов.

Раз к преподобному Лаврентию, среди многих других, был приведен из Киева для исцеления один человек, одержимый бесом, настолько свирепым и сильным, что то дерево, которое с трудом могли понести десять человек, он один брал легко и отбрасывал вдаль. Блаженный затворник, желая прославления благодатью своему духовному отечеству, святому Печерскому монастырю, повелел отвести этого человека туда. Тогда бесноватый начал вопить:

— К кому ты посылаешь меня? Я не смею даже приблизиться к пещере, так как в ней почивает много святых. В самом же монастыре есть тридцать святых черноризцев, которых я боюсь, — а с прочими я веду борьбу.

Когда бесноватый поведал это о благодати, почивающей на святом Печерском монастыре, блаженный снова повелел отвести его туда на-

[1] Монастырь святого великомученика Димитрия Солунского находился близ Печерского монастыря. В 1128 году он был приписан к Печерской обители.

сильно, чтобы лучше удостовериться во всем, сказанном им. Ведшие бесноватого, зная, что он никогда не бывал в Печерском монастыре и никого не знает там, спрашивали его:

— Кто эти подвижники, которых ты боишься?

В это время всех братий в Печерском монастыре было сто восемнадцать.

Бесноватый перечислил по именам тридцать из них и сказал:

— Все они одним словом могут изгнать меня.

Тогда ведшие его сказали ему снова:

— Мы хотим заключить тебя в пещере.

Он на это ответил им:

— Какая мне польза вести борьбу с мертвыми? Ибо они имеют гораздо большее дерзновение молиться Богу о своих черноризцах и о всех приходящих к ним. Если же вы хотите видеть мою способность вести борьбу, то ведите меня в монастырь: кроме указанных тридцати мужей, я могу бороться со всеми остальными.

Затем он начал показывать свои способности, произнося речи по-еврейски, по-римски, по-гречески, словом — на всех языках, которых он никогда и не слышал. Провожавшие его устрашились и много дивились изменению его речи и способности говорить на разных языках. После этого, прежде чем они вошли в монастырь, нечистый дух оставил бесноватого; исцелившийся начал со смыслом рассуждать, и бывшие с ним пришли в радость. Затем все вместе они вошли в святую чудотворную Печерскую церковь воздать хвалу Богу. Узнав об этом, игумен пришел со всею братией в церковь. Исцеленный не знал ни игумена, ни кого-либо из тех тридцати мужей, имена которых называл во время беснования. Тогда стали спрашивать его:

— Кто исцелил тебя?

Он, взирая на чудотворную икону Пресвятой Богородицы, ответил:

— С нею встретили нас святые мужи, числом тридцать, и я исцелился.

При этом имена всех их он помнил, а в лицо не знал ни одного. Тогда они все вместе воздали хвалу Богу, Его Пречистой Матери и святым угодникам Его.

Так прославилось святое место Печерской обители по благоустроению Божиему, возвещенному блаженным затворником Лаврентием, который по прошествии некоторого времени оставил Печерскую обитель и был возведен на Туровскую кафедру[1]. По блаженной кончине святого Лаврентия[2] тело его было перенесено в Киево-Печерский монастырь и с честью положено в пещерах, в которых и доселе его чудотворные мощи пребывают нетленными, в честь видящего втайне, но воздающего затворникам явно, прославляемого в Троице Бога, Которому слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

СИЛЬВАНА епископа, ЛУКИ диакона и МОКИЯ чтеца

В царствование римского императора Нумериана[3] было великое гонение на христиан; к правителю города Эмезы[4] поступил тогда донос на местного епископа, святого Сильвана; святитель вместе с диаконом Лукою и чтецом Мокием, связанные, предстали пред судьей. Убедившись, что они исповедают Христа Бога истинного, идолов же не почитают и поносят, правитель пришел в ярость, не в силах будучи склонить исповедников Христовых к идолопоклонству льстивыми речами, судья подверг бичеванию, после чего заключил в темницу; долго томились там святые, пока правитель не

1 *Туров* — город в нынешней Минской губернии. Святой Лаврентий был епископом Туровским с 1182 года.

2 Скончался в конце XII века.

3 *Нумериан* и *Карник* царствовали в 283 и 284 годах.

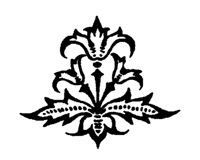
4 *Эмеза* — нынешний *Гемс*, или *Гомс*, находилась в Финикии, на берегу Оронта, в приморской части современной Сирии (Азиатская Турция).

потребовал их к себе вторично. Он приказал томить страстотерпцев голодом и жаждою, после чего приговорил отдать их на растерзание зверям. Когда святые мученики приведены были на место казни и на них выпущены были разные звери, воины Христовы помолились, чтобы здесь Господь послал им кончину. Молитва их была услышана, и Господь приял святые их души; к честным их останкам приблизились звери, но не коснулись их; христиане же ночью тайно взяли мощи святых мучеников и предали их погребению, вознося благодарение Богу.

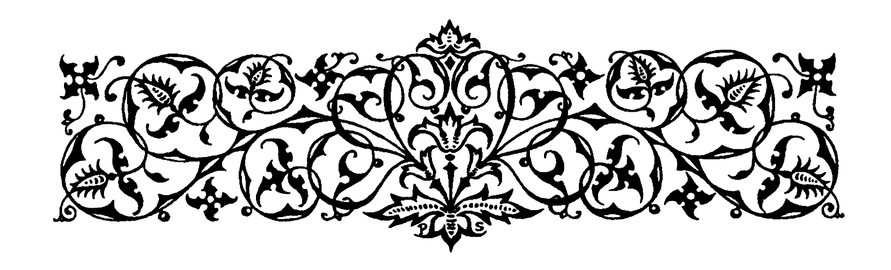
ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

РОМАНА, ИАКОВА, ФИЛОФЕЯ, ИПЕРИХИЯ, АВИВА, ИУЛИАНА и ПАРИГОРИЯ

Все сии святые мученики, воинствуя по Христе, изобличали всенародно языческие заблуждения, за что были подвергнуты жестоким мучениям: плечи и колена их были сокрушены; потом их беспощадно строгали, надели на шеи их тяжкие железные оковы и ввергли в темницу; потом снова вывели из темницы, опять строгали их тела, повесили и пригвоздили главы их ко кресту. В таких мучениях предали они души свои Богу[1].

[1] Пострадали в 297 году при императоре Диоклетиане в городе Самосатах (в Сирии, на реке Евфрате).

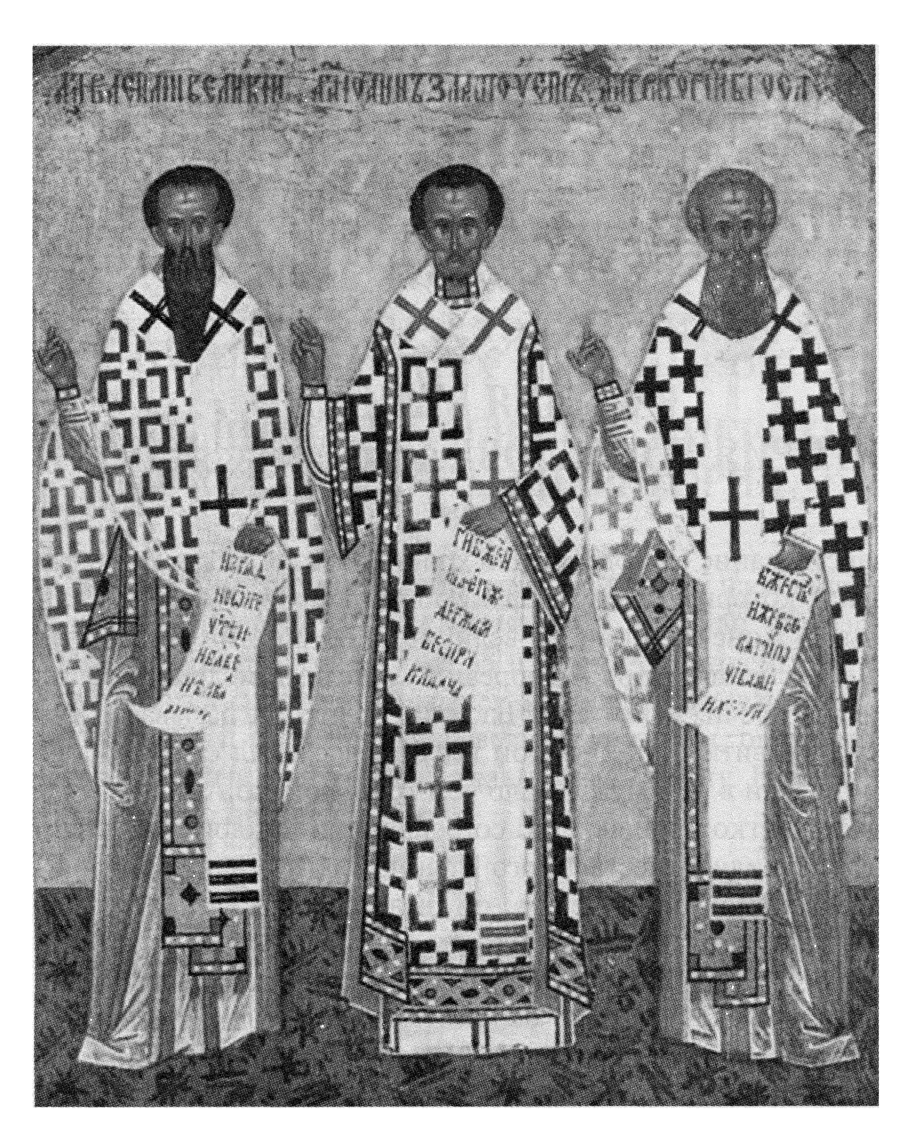
День тридцатый

СОБОР
ТРЕХ ВЕЛИКИХ ВСЕЛЕНСКИХ УЧИТЕЛЕЙ
ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО, ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА и ИОАННА ЗЛАТОУСТА

В царствование благоверного и христолюбивого царя Алексея Комнена[1], который принял царскую власть после Никифора Ботаниата[2], был в Константинополе великий спор об этих трех святителях между искуснейшими в красноречии учителями мудрости. Одни ставили выше прочих святителей Василия Великого, называя его возвышеннейшим витией, так как он всех превосходил словом и делами, причем видели в нем мужа, мало чем уступающего Ангелам, твердого нравом, не легко прощающего согрешения и чуждого всего земного; ниже его ставили божественного Иоанна Златоуста, как имевшего отличные от указанных качества: он был расположен к помилованию грешников и скоро допускал их к покаянию. Другие, наоборот, возвышали божественного Златоуста, как мужа человеколюбивейшего, понимающего слабость человеческого естества, и как красноречивого витию, наставлявшего всех на покаяние множеством своих медоточивых речей; поэтому и почитали они его выше Василия Великого и Григория Богослова. Иные, наконец, стояли за святого Григория Богослова, утверждая, что он убедительностью речи, искусным истолкованием Священного Писания и изяществом построения речи превзошел всех славнейших представителей эллинской мудрости, как

---

[1] *Византийский император Алексей I Комнен* царствовал с 1081-го по 1108 год.
[2] *Никифор III Ботаниат* царствовал с 1078-го по 1081 год.

Святители Василий Великий, Иоанн Златоуст и Григорий Богослов

ранее живших, так и современных ему. Так одни возвышали славу святого Григория, а другие унижали его значение. От этого происходил между многими раздор, причем одни назывались иоаннитами, другие василианами, а иные григорианами. Об этих именах спорили мужи искуснейшие в красноречии и мудрости.

Спустя некоторое время после того, как возникли эти споры, явились эти великие святые, сначала каждый отдельно, а затем все три вместе, — притом не во сне, а наяву, — Иоанну, епископу Евхаитскому, ученейшему мужу, весьма сведущему в эллинской мудрости (как об этом свидетельствуют и его сочинения), а также прославившемуся своею добродетельною жизнью[1]. Они сказали ему едиными устами:

— Мы равны у Бога, как ты видишь; нет у нас ни разделения, ни какого-либо противодействия друг другу. Каждый из нас отдельно, в свое время, возбуждаемый Божественным Духом, написал соответствующие поучения для спасения людей. Чему мы научились сокровенно, то передали явно людям. Нет между нами ни первого, ни второго. Если ты ссылаешься на одного, то в том же согласны и оба другие. Поэтому повели препирающимся по поводу нас прекратить споры, ибо, как при жизни, так и после кончины, мы имеем заботу о том, чтобы привести к миру и единомыслию концы вселенной. Ввиду этого, соедини в один день память о нас и, как подобает тебе, составь нам праздничную службу, а прочим передай, что мы имеем у Бога равное достоинство. Мы же совершающим память о нас будем споспешниками к спасению, так как мы надеемся, что имеем некоторую заслугу у Бога.

Сказав это епископу, они стали подниматься на небо, сияя неизреченным светом и называя друг друга по имени. Блаженный епископ

[1] *Иоанн, митрополит Евхаитский,* — один из замечательных церковных писателей и песнописцев Восточной Церкви XI века (скончался в конце XI века). Он написал весьма много сочинений. Из его сочинений известны: 1) похвальные слова, числом до 15, между которыми замечательны: два слова на день воспоминания победы над Святославом, князем русским, три слова на память святого великомученика Феодора Тирона, слова похвальные трем святителям; 2) стихи и церковные песнопения: из числа последних — полная служба трем святителям, канон Ангелу хранителю, два канона святому Феодору Тирону — доселе остаются в церковных службах. В службах же помещены: из числа двадцати семи его канонов Спасителю — один канон сладчайшему Иисусу; из числа шестидесяти семи канонов Богородице — шесть; из числа одиннадцати канонов Предтече — два. Особенно превосходны каноны Иисусу сладчайшему и Ангелу хранителю.

Иоанн тотчас своими стараниями восстановил мир между враждовавшими, так как он был муж великий в добродетели и знаменитый в любомудрии. Он установил праздник трех святителей, как и повелели ему святые, и завещал церквам праздновать его с подобающим торжеством[1]. В этом ясно обнаружилась мудрость этого великого мужа, так как он усмотрел, что в январе месяце совершается память всех трех святителей, а именно: в первый день — Василия Великого, в двадцать пятый — божественного Григория, а в двадцать седьмой — святого Златоуста, — то он соединил их в тридцатый день того же месяца, увенчав празднование их памяти канонами, тропарями и похвалами, как это и приличествовало.

Необходимо добавить о них и следующее. Святой Василий Великий превзошел в книжной мудрости не только учителей своего времени, но и древнейших: он прошел не только всю науку красноречия до последнего слова, но и хорошо изучил философию, а равно постиг и ту науку, которая учит истинной христианской деятельности. Затем, проводя добродетельную жизнь, исполненную нестяжательности и целомудрия, и восходя умом к боговидению, он был возведен на архиерейский престол, имея сорок лет от рождения, и в течение восьми с лишком лет был предстоятелем церкви.

Святой Григорий Богослов был столь велик, что если бы можно было создать человеческий образ и столп, составленный по частям из всех добродетелей, то он был бы подобен великому Григорию. Просияв своею святою жизнью, он достиг такой высоты в области богословия, что всех побеждал своею мудростью, как в словесных спорах, так и в истолковании догматов веры. Поэтому он и был назван богословом. Он был святителем в Константинополе двенадцать лет, утверждая православие. Пожив затем малое время на патриаршем престоле (как об этом пишется в его житии), он оставил престол по преклонности возраста и, имея шестьдесят лет, отошел в горние обители.

О божественном Златоусте по справедливости можно сказать, что он превзошел всех эллинских мудрецов разумом, убедительностью слова и изяществом речи; Божественное Писание он изъяснил и истолковал неподражаемо; равным образом в добродетельной жизни и боговидении он далеко превзошел всех. Он был источником милости и любви, был исполнен ревности учительства. Всего он прожил шесть-

---

[1] Праздник в честь трех вселенских учителей и святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста — установлен в 1084 году.

десят лет; пастырем Христовой Церкви был шесть лет. Молитвами этих трех святителей Христос Бог наш да низложит еретические распри, а нас да сохранит в мире и единомыслии и да сподобит нас небесного Своего Царствия, ибо благословен Он вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ФЕОФИЛА НОВОГО

Святой Феофил родился и воспитывался в Царьграде при императоре Константине Порфирородном и матери его святой Ирине[1]. Во время нашествия арабов[2] он был назначен главнокомандующим греческих войск; благодаря личной храбрости и военному искусству, он потопил много неприятельских судов и не раз наносил поражения арабам. Божиим попущением однажды его флот был окружен более многочисленными неприятельскими кораблями, и святой Феофил взят был в плен. Когда его представили арабскому государю, тот, пораженный красотою и мужеством святого Феофила, стал убеждать его отречься от христианской веры; но ни обещания всяческих почестей, ни угрозы победителей не подействовали на доблестного христианского военачальника. Когда он увидел, что воины его перебиты, то стал упрекать варваров за их жестокость и обличал нечестивую их веру. Отведенный в их страну, святой Феофил заключен был там в темницу; через четыре года, по случаю совершавшегося арабами какого-то их религиозного торжества, святого страстотерпца вывели из тюрьмы и стали принуждать к участию в торжестве; когда же святой Феофил отказался повиноваться, то ему отсекли голову, и так воин Христов восприял мученический венец[3].

---

[1] Они царствовали вместе с 780 по 797 год.

[2] Арабы в это время составляли сильное государство, в состав которого входили вся Аравия, Сирия, Египет и Северная Африка.

[3] На острове Кипре (близ Малой Азии) в 784 году.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

ИППОЛИТА, КЕНСОРИНА, САВИНА, ХРИСИИ девицы

и прочих двадцати мучеников

Священномученики Ипполит, Кенсорин, Савин и Хрисия жили в царствование Клавдия[1], в бытность игемоном, в звании наместника, Улпия Римлянина. Кенсорин был первым советником в сенате, в сане магистра[2]. Подвергнутый допросу на основании доноса, он исповедал Христа и за это был ввергнут в темницу. Там он совершил много чудес Христовою силою и даже вопрошал мертвого. Случившиеся при этом воины, видя чудеса, уверовали во Христа, и за это им, числом до двадцати, были отсечены головы. Подвергнута была допросу, как христианка, и блаженная девица Хрисия. Воины, повесив ее, били воловьими жилами и опаляли огнем ее ребра, а затем ввергли в темницу. Спустя несколько дней снова вывели ее из темницы, раздробили камнем ее челюсти и били оловянным молотом по плечам, а затем, привязав камень на шею, ввергли ее в глубину морскую. Так святая девица окончила свое страдание за Христа. Блаженный Савин также был бит по телу тяжелым молотом и, повешенный на дереве, опаляем свечами. Претерпевая такие муки и благодаря Бога, он предал Ему дух свой. Узнав обо всем этом, великий Ипполит, святитель Римской церкви, пришел к игемону и обличал его жестокость и бесчеловечие, называя его кровопийцей. При этом он дерзновенно исповедал Христа Бога, Творца мира. За это он был бит слугами игемона по глазам; нечестивые подвергли его и другим мукам и, наконец, связав ему руки и ноги, бросили в море. Претерпев эти мучения, святой Ипполит сделался наследником Царствия Божиего[3].

---

[1] *Клавдий II*, император римский, царствовал с 268 по 270 год.

[2] *Магистр* — собственно значит: учитель. Но название магистра при византийском императорском дворе означало одну из высших придворных должностей.

[3] Святые мученики Ипполит, Кенсорин, Савин и Хрисия пострадали в 269 году. Священномученик Ипполит был епископом Остийской пристани, близ Рима, в которой и был потоплен. Мощи его находятся ныне в Риме в церкви священномученика Лаврентия и папы Дамаса. — Ипполит был ученейшим из христианских богословов и плодовитым, разносторонним писателем. Бóльшая часть его сочинений посвящена полемике против древних еретиков — ноэтиан, феодотиан, алогов, монтанистов, маркионитов и др. Из сочинений его ныне известны: Канон

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ЗИНОНА

Сей блаженный отец наш Зинон происходил из Понта[1]; оставив здесь огромное богатство, он напоялся источниками учения святого Василия Великого[2], орошавшими Каппадокию, и принес плоды, достойные этого учения. Он служил при дворе императора Валента[3] в числе воинов, с которыми посылались царские грамоты; по смерти этого государя, святой Зинон отверг богатство и почетное звание и поселился в одну гробницу[4], находившуюся в горе, близ Антиохии, и здесь жил в уединении, очищая душу. У святого отшельника не было никакого имущества, кроме ветхого рубища, в которое он одевался; пищу получал святой Зинон от одного из знакомых, который доставлял ему один небольшой хлебец на два дня, а воду он носил себе сам издалека. Являясь примером глубочайшего смирения, преподобный Зинон в исполнении иноческих подвигов достиг высокого совершенства; сорок лет провел он в постничестве, приходя каждый воскресный день в святой храм, где слушал Божественное Слово, преклонял слух свой к поучениям проповедников и приобщался святых Христовых Тайн; после того преподобный возвращался в свое убежище, не имевшее ни замка, ни сторожа, потому что оно недоступно было для злодеев и совершенно безопасно. Спустя некоторое время по удалении своем из мира преподобный по-

---

пасхальный, против иудеев, против Платона, против ересей, против Верона и Гелика, сочинение о Христе и антихристе. Другую группу сочинений Ипполита составляют его многочисленные толкования на Священное Писание, из которых сохранились большей частью лишь отрывки. Так он писал толкования на книги Бытия, Исход, на Притчи, Екклесиаст, Песнь песней, на Евангелия Матфея, Луки и Иоанна, на пророков Исаию, Иезекииля, Даниила, Захарию, на Псалмы и Апокалипсис. Замечательны и его проповеди как образцы древнецерковного учительства; из них в целом виде сохранились лишь слово на Богоявление и о пророке Данииле.

[1] *Понт* — провинция на северо-востоке Малой Азии, граничившая на востоке с Арменией и на юге с Каппадокией.

[2] Память его — 1 января.

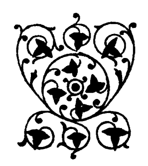
[3] *Валент* царствовал с 364 по 378 год.

[4] *Гробницы* на юге в древности высекались в горах и имели вид пещер; во время неприятельских нашествий они подвергались расхищению; могильный покой погребенных нарушали и разбойники, искавшие в гробницах сокровищ. Преподобный Зинон и поселился в одной из опустошенных гробниц.

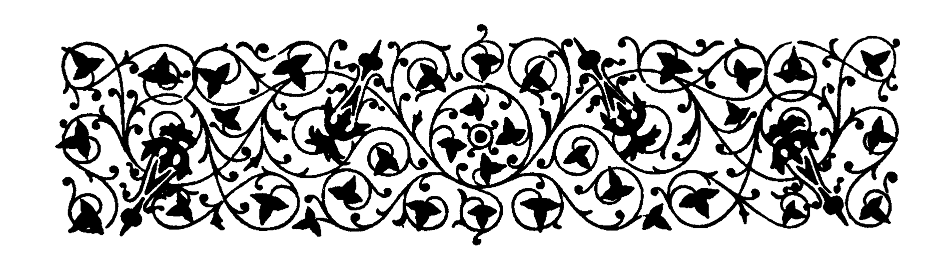
слал одного из знакомых к себе на родину продать имущество, оставшееся после родителей его, и выдать его брату принадлежавшую ему часть. Исполнив это, посланный доставил святому его долю; из нее преподобный Зинон стал благотворить неимущим; когда же почувствовал приближение кончины, то пригласил к себе Антиохийского епископа Александра[1] и сказал ему:

— Так как я призываюсь к отшествию из этой жизни, то завещаю тебе: что мог, я раздал сам, как казалось мне лучше; это же остальное не успел раздать и назначаю распорядителем этого тебя, призывая Бога в свидетели.

После того, облобызав святителя, блаженный предал душу свою Богу.

[1] Святительствовал в Антиохии с 413 по 420 год.

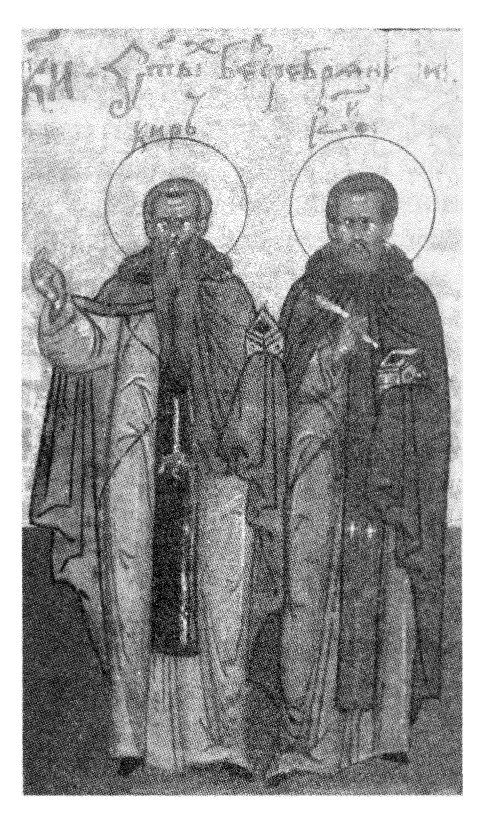

День тридцать первый

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ ЧУДОТВОРЦЕВ И БЕССРЕБРЕНИКОВ **КИРА и ИОАННА** И СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **АФАНАСИИ** и трех дочерей ее: **ФЕОКТИСТЫ, ФЕОДОТИИ и ЕВДОКСИИ**

Святой угодник Божий Кир родился и получил воспитание в Египетской стране, в городе Александрии, построенном Александром Македонским. По своим познаниям он был знаменитый врач и исцелял телесные болезни совершенно бесплатно, а своими боговдохновенными речами и примером своей добродетельной жизни врачевал душевные недуги людей. Приходя к больным, он излагал им не советы Галена или Гиппократа[1], но наставления святых апостолов и пророков о том, как сохранить себя от греховных недугов, которые бывают причинами телесных болезней: болезни душевные — суть более тяжкие недуги по сравнению со всеми болезнями тела; когда душа тяжко страдает грехами, то часто случается, что и тело подвергается тяжкой болезни, попускаемой Богом в наказание за грехи. Так поучая

[1] *Гален* — знаменитый ученый, греческий врач, родившийся в 131 году по Р. Х. и умерший в самом начале III века; он был придворным врачом при современных ему римских императорах. Гален имел громадное влияние на врачей всего мира, и авторитет его был непоколебим в глазах их вплоть до XVI века. — *Гиппократ* — другой знаменитый греческий врач, живший много ранее Галена (с 460 по 356 год до Р. Х.); от него осталось несколько сочинений, на которых воспитался и Гален.

больных, а равно проповедуя им и Божественное учение, святой Кир многих язычников привел к познанию Бога истинного и сделал их христианами, уврачевав своим замечательным искусством их души и тела.

В это время царствовал нечестивый царь Диоклетиан, воздвигший гонение на христиан. Святой Кир, славный александрийский врач, был обвинен пред начальником города в том, что он — христианин и многих наставляет в христианской вере; начальник повелел тотчас схватить его. Святой Кир, узнав об этом, бежал из города и из страны Египетской и пришел в Аравию. Это он сделал, не из страха мук или смерти за Христа, но частью — последуя словам Христовым: *когда вас гонят в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23), частью — из желания продолжать свою помощь ближним, а частью — желая лучше приготовить себя к страданиям за Господа своего в иноческом звании. Ввиду этого, он по прибытии в Аравию тотчас принял иноческий ангельский образ. Самое прибытие его в Аравию произошло по особому Божиему промышлению, чтобы он и там привел многих ко Христу, избавил от греховного служения идолам и наставил их на путь спасения. Он оставил там и врачебное свое искусство, ибо получил от Бога дар чудотворения, и уже не лечением и травами, а молитвами и словом исцелял всякие болезни. Чрез эти его чудотворения прославлялось имя Христово и многое множество идолопоклонников, оставляя свои заблуждения, обращались ко Христу, истинному Богу.

В это время жил в Едесе[1] святой Иоанн, благочестивый христианин, имевший почетное воинское звание. Когда началось Диоклетианово гонение на христиан, он оставил свое воинское звание и славу

[1] *Едес* — город в Киликии, юго-восточной области Малой Азии.

мира сего, свое отечество, дом и родных, свое богатство, — все это считая суетою, и пришел в Иерусалим, где, по прошествии некоторого времени, услышал о святом Кире и о совершаемых им чудесах, слава которых распространилась повсеместно. Он возымел сильное желание видеть святого Кира и жить вместе с таким великим угодником Божиим. Для этого Иоанн отправился прежде всего в Александрию, отыскивая Кира, но, не найдя его там, усердно расспрашивал, где он. Затем, узнав, что святой Кир живет в Аравии, Иоанн поспешно отправился туда и, найдя его, привязался к нему всей душой и был как самовидцем его чудес, так и усердным подражателем его добродетельной жизни.

В то же самое время была схвачена для истязания за имя Христа одна боголюбивая женщина, по имени Афанасия, со своими тремя дочерьми: Феоктистой, Феодотией и Евдоксией, и была отведена в город Каноп[1], в котором жил языческий жрец Кассиан, а градоправителем был Сириан. Услышав об этом, святые Кир и Иоанн стали опасаться, чтобы юные отроковицы не отпали от Христа, как вследствие страха пред угрозами мучений, так и вследствие соблазна льстивыми обещаниями, — тем более что они были очень юны: старшей из них — Феоктисте — было пятнадцать лет, второй — Феодотии — тринадцать, а младшей — Евдоксии — одиннадцать лет. Святой Кир сомневался и относительно твердости матери их Афанасии, опасаясь, как бы она, ради дочерей, — чтобы не подвергнуть их тяжким мучениям и не видеть беспощадно проливаемой их крови, — не склонилась к языческому нечестию; ибо известно, как матери, повинуясь естественному чувству, болеют сердцем о детях своих. Поэтому он отправился в тот город, чтобы утвердить в исповедании Христовой веры отроковиц и матерь их и подготовить их к безбоязненному и мужественному перенесению мучений. За святым Киром последовал и святой Иоанн, оба они отправились в город Каноп. Явившись к Афанасии с дочерьми, находившимися в заключении, они обширными вдохновенными речами утверждали их в любви к Господу Иисусу Христу и убеждали их ревностно предать за Него свои души. Об этом тотчас было донесено градоправителю Сириану. Один из язычников пришел к нему и сказал:

— В нашем городе явились какие-то новые и никому не известные люди: один — в иноческой одежде, а другой — в воинской. Они убеж-

---

[1] *Каноп* — город в Нижнем (Северном) Египте.

дают взятых ныне дев не поклоняться нашим богам, но оставаться в своей нечестивой вере, а равно не повиноваться царским повелениям. Они убеждают их почитать одного лишь некоего Иисуса и Ему воздавать Божественные почести, пренебрегая смертью.

Услышав об этом, Сириан исполнился ярости и повелел тотчас схватить обоих мужей и привести к себе. Святые Кир и Иоанн были немедленно схвачены и представлены нечестивому судье Сириану на допрос. Посмотрев на них, он спросил:

— Подлинно ли вы, окаянные враги наших богов, стараетесь обольстить девиц и всякими ухищрениями увеличить число христиан для уничижения царя нашего? Если вы доселе были безумны, то, по крайней мере, теперь оставьте вашу ложную веру, исполненную всякого волхвования, и постарайтесь умилостивить богов молитвами и жертвами, чтобы не только избавиться от мук, приготовленных для вас, но и удостоиться от нас почестей. Если же не сделаете этого, то узнаете ярость и неумолимый гнев не только Сириана или Диоклетиана, но и самих богов, которых вы хулите, — узнаете богов, хотя бы они были самыми милосердыми карателями своего бесчестия.

На это святые Кир и Иоанн отвечали:

— Мы не имеем обычая говорить много. Знай твердо, что мы ни пустых ваших почестей никогда не захотим, ни Христа не отвергаемся, хотя бы нам пришлось и пострадать за Него.

Тогда Сириан воспламенился еще большей яростью, заскрежетал зубами и сказал:

— Вам, нечестивым, следовало бы быть благодарными судье за человеколюбие. Если в вас есть сколько-нибудь разума, откажитесь от своего заблуждения, чтобы избавиться от грозного наказания. Но так как я не вижу у вас ничего другого, кроме гордости, непокорства и суетного высокоумия, то нечего тратить много слов; нужно скорее взяться за дело. Тогда вы получите и желательную вам награду, и царскому повелению, хотя бы и против воли, покоритесь.

Сказав это, он велел привести девиц с матерью и начал различными способами мучить пред ними святых мучеников Кира и Иоанна: бил их бичами, сокрушал кости толстыми палками, опалял свечами, а обожженные члены поливал уксусом и посыпал солью, после чего обтирал их острыми рубцами власяницы, — ноги же обливал кипящею смолою. Употребляя на них все изобретенные яростью сред-

ства мучительства, он не оставил ни одного из них: частью — чтобы отомстить им за смелость и сломить их мужество, частью же — чтобы устрашить юных девиц и мать их, смотревших на лютые мучения. Но ни в чем не имел успеха богомерзкий мучитель: ни мужества святых страстотерпцев он не поколебал, ни девиц и их матери устрашить не мог. Тогда он повелел развязать святых и начал мучить святую Афанасию и ее дочерей. После долгих мучений он исполнился великого стыда, так как немощный женский пол в мужественном перенесении страданий ничем не отличался от стойких и непреклонных духом святых мужей — Кира и Иоанна. Они имели ту же веру и любовь ко Христу, те же муки перенесли за Него, то же самое мужество, при Божией помощи, обнаружили. Они страдали как бы в чужом теле, нисколько не обращая внимания на муки. Они обращали свои взоры к возлюбленному Жениху своему, Христу Богу, Который взирал с высоты Своей славы на страдания невест Своих и подавал им Свою помощь. Мучитель, повелев отвязать святых мучениц от орудий страдания, осудил их на усечение мечом. Они шли на смерть с радостью, как бы на брак. Всем им — блаженной матери Афанасии и ее трем благословенным дочерям: Феоктисте, Феодотии и Евдоксии — были отсечены мечом их честные главы.

После казни святых мучениц святые Кир и Иоанн снова были подвергнуты допросу. Мучитель обратился к ним с пространной речью, как бы обнаруживая заботу о их здоровье, показывал дары, обещая новые мучения и, наконец, угрожая смертной казнью. Когда он увидел, что напрасно потерял труд, то произнес такое окончательное решение: «Киру, последователю Галилейского Учителя, и Иоанну, его единоверцу, презревшим царское повеление и отказавшимся принести жертвы великим богам, повелеваем отсечь головы по закону царскому».

Воины, взяв мучеников, отсекли им головы на том самом месте, где и святые девицы с матерью положили свои души за Господа своего, в 31-й день января[1]. Тайные христиане, взяв их святые тела, похоронили их с почетом в церкви святого апостола и евангелиста Марка в отдельных гробах: в одном — святых мучеников Кира и Иоанна, а в другом — святую Афанасию с дочерьми. Спустя много лет, в царствование благочестивого царя Феодосия Младшего[2], святой

---

[1] Мученическая кончина святых Кира и Иоанна последовала в 311 году.

[2] *Император Феодосий I, или Младший*, царствовал с 408 по 450 год.

Кирилл, патриарх Александрийский[1], по повелению Божиему чрез Ангела, перенес мощи святых мучеников Кира и Иоанна в селение, называемое Мануфином[2], для прогнания оттуда множества бесов, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки, аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО **НИКИТЫ**, епископа Новгородского

Более других заслуживают почтения те храбрые воины, которые имеют обычай вести борьбу с врагом не в общем строе, но поодиночке устремляются на врага. Им хотя и попускает Господь много раз пасть временно, чтобы они не превозносились, однако никогда не оставляет их до конца без благодатной помощи, но восстановляет их и делает непобедимыми. Один из таких храбрых воинов Христовых, именно блаженный Никита, приобрел себе особенную известность после преподобного Исаакия затворника. О нем сообщает достохвальный Поликарп со слов святого Симона следующее.

В бытность игуменом преподобного Никона оди́н брат святого Печерского монастыря, по имени Никита, начал просить игумена, чтобы он благословил ему подвизаться в одиночестве и уединиться в затворе.

— Сын мой! Не будет тебе пользы, при твоей юности, сидеть праздно. Будет гораздо лучше, если ты останешься с братией и, работая вместе, не потеряешь своей награды. Ты сам видел, как брат наш Исаакий пещерник был соблазнен в затворе бесами и погиб бы, если бы его не спасла великая благодать Божия по молитвам преподобных отцов наших Антония и Феодосия.

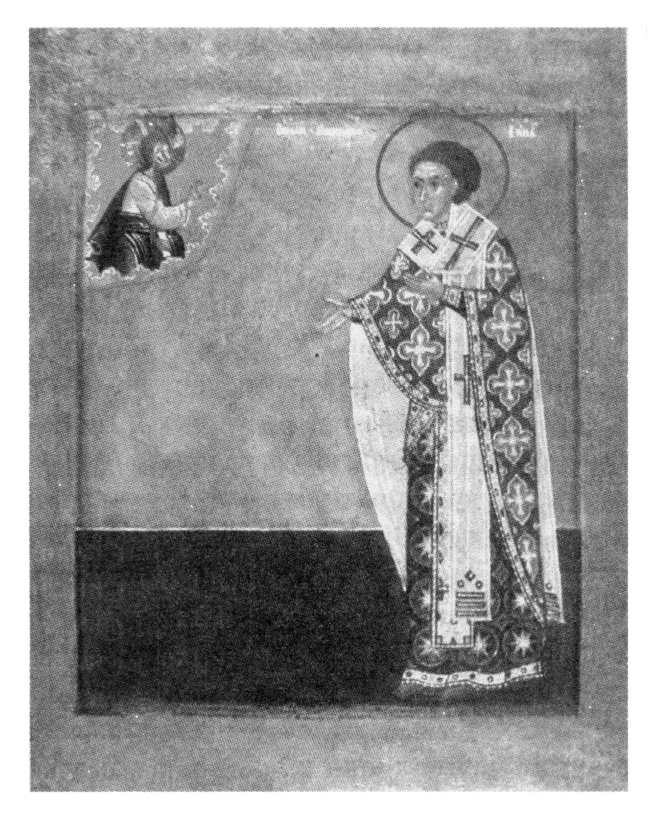
Никита ответил на это:

— Никогда, отец мой, я не соблазнюсь при каком-либо искушении. Я имею намерение твердо противостоять бесовским искушениям и буду молить человеколюбца Бога, чтобы Он и мне подал дар чудо-

---

[1] *Святой Кирилл I* был патриархом с 412 по 444 год.

[2] *Мануфин*, или *Мануф*, находился недалеко от Канона. — Впоследствии мощи святых Кира и Иоанна были перенесены в Рим, а оттуда в Мюнхен.

творения, как некогда Исаакию затворнику, который и доселе творит многие чудеса.

Тогда игумен сказал ему более настойчиво:

— Твое желание выше твоих сил. Берегись, сын мой, чтобы ты не пал за свое превозношение. Я повелеваю тебе служить лучше братии, и за послушание свое ты будешь увенчан от Бога.

Однако Никита не хотел послушаться наставлений игумена: он не мог победить в себе сильной ревности к затворнической жизни. Поэтому, к чему он стремился, то и выполнил: он заключился в пещеру, крепко загородил вход и пребывал в молитве один, никуда не выходя. Тем не менее, спустя всего лишь несколько дней, он не избежал козней диавола: во время молитвенного пения он услышал голос, молящийся вместе с ним, и ощутил несказанное благоухание. Соблазнившись этим, он так размышлял сам с собою: если бы это был не Ангел, то не молился бы со мною, и не было бы здесь благоухания Святого Духа.

Он начал еще прилежнее молиться, говоря:

— Господи! Явись мне Сам разумно, чтобы я видел Тебя.

На это последовал голос:

— Не явлюсь я тебе, потому что ты юн; иначе ты возгордишься и можешь пасть.

Затворник продолжал слезно просить:

— Никогда, Господи, я не соблазнюсь. Меня научил игумен не внимать бесовским искушениям, — но я исполню все, что Ты повелишь.

Тогда душепагубный змей, получив власть над ним, сказал:

— Человеку, облеченному плотью, невозможно видеть меня. Поэтому я посылаю Ангела моего, чтобы он пребывал с тобою, а ты твори его волю.

Затем тотчас предстал пред ним бес в образе Ангела. Никита пал на землю и поклонился ему, как Ангелу. Бес сказал ему:

— С этого времени ты уже не молись, но читай книги. Этим путем ты будешь беседовать с Богом и будешь подавать полезные наставления приходящим к тебе, а я всегда буду молить Творца всех о твоем спасении.

Затворник поверил этим словам и, обольщенный, уже более не молился, но стал ревностно читать книги. При сем он видел беса постоянно молящимся о нем и радовался, думая, что это Ангел творит за него молитву. С приходящими же к нему он много беседовал на основании Священного Писания о пользе души; он начал даже пророчествовать. О нем повсеместно распространилась слава, и все удивлялись исполнению его предсказаний. Однажды он послал к князю Изяславу[1] с извещением: «Сегодня убит князь Глеб Святославич[2]; пошли немедленно сына своего Святополка[3] на княжеский престол в Новгород». Как он сказал, так и исполнилось. Действительно, спустя несколько дней пришло известие об убиении князя Глеба. С этого времени еще больше стали говорить о затворнике, что он пророк, и вполне верили ему и князья и бояре. На самом деле бес, конечно, не знает будущего, но что он сам делал, — если, например, он научил злых людей убить, или украсть, — то он и возвещает. Точно так же, когда приходили к затворнику искавшие у него слова утешения, то бес, почитавшийся им Ангелом, сообщал ему все, случившееся с ними. Никита пророчествовал, и все предсказанное им сбывалось.

При этом никто не мог сравниться с Никитою в знании книг Ветхого Завета; все он знал наизусть: книгу Бытия, Исход, Левит, Числа, Судей, Царств, все пророчества по порядку. Вообще все книги ветхозаветные он знал очень хорошо, а святых евангельских и апостольских книг, данных нам по благодати Божией для нашего спасения и утверждения в добре, он никогда не хотел ни видеть, ни слышать, не

---

[1] *Изяслав Ярославич* — великий князь Киевский с 1054-го по 1068 год.

[2] *Глеб Святославич* — князь Новгородский, старший сын великого князя Киевского Святослава, был убит финнами в 1078 году.

[3] *Святополк II (Михаил) Изяславич*, сын великого князя Киевского Изяслава, с 1078 года князь Новгородский, с 1093-го по 1114 год — князь Киевский.

только — читать; ни с кем он не хотел и беседовать о Новом Завете. Отсюда и стало ясно для всех, что он соблазнен диаволом. Удрученные этим, пришли к искушенному преподобные отцы: игумен Никон, Иоанн, который был после него игуменом, Пимен постник, Исаия, бывший впоследствии епископом Ростовским, Матвей прозорливец, Исаакий затворник, Агапит врач, Григорий чудотворец, Николай, бывший епископом Тмутараканским, Нестор летописец, Григорий составитель канонов, Феоктист, бывший епископом Черниговским, Онисифор прозорливец[1]. Все они, прославленные добродетелями, придя, вознесли молитвы к Богу о Никите и отогнали от него беса, так что Никита уже не видел его. Затем, выведя его из пещеры, они просили, чтобы он сказал им что-либо из Ветхого Завета. Он же стал клясться, что никогда даже не читал тех книг, которые очень недавно знал наизусть; притом теперь он не знал из них ни одного слова. Теперь его едва-едва могли научить грамоте. Постепенно придя в себя по молитвам преподобных отцов, он исповедал свой грех и горько раскаивался в нем. После этого он наложил на себя особенное воздержание и подвиги, начал вести строгую и смиренную жизнь и превзошел других в добродетелях. Человеколюбивый Господь, видя такие подвиги блаженного Никиты, не отвергая и прежних его добродетелей, в которых он упражнялся со дня юности, принял его истинное покаяние, и подобно тому, как некогда принимая покаяние святого Петра, трижды отрекшегося от Него, сказал ему: *паси овец Моих* (Ин. 21, 16–17), так подобное же знамение принятия покаяния дал и сему блаженному Никите. За премногую любовь его, обнаруженную в соблюдении заповедей, Господь сотворил его пастырем Своего словесного стада, возведя его на Новгородский епископский престол[2]. Там Господь, для удостоверения пасомых и полного убеждения их в прощении святому случившегося с ним соблазна, прославил его добродетельную жизнь даром чудотворения. Так, однажды во время

---

[1] Память преподобного Никона Печерского — 23 марта; память преподобного Иоанна, так называемого Ветхопещерника, — 19 апреля; память преподобного Пимена постника — 27 августа; память святого Исаии, епископа Ростовского, — 15 мая; память преподобного Матфея прозорливца — 5 октября; память Исаакия затворника — 14 февраля; память преподобного Агапита — 1 июня; память Григория чудотворца — 8 января; память преподобного Нестора летописца — 27 октября; память преподобного Григория — 8 августа; память Феоктиста, епископа Черниговского, — 6 августа; память преподобного Онисифора прозорливца — 9 ноября.

[2] Святой Никита был посвящен в сан епископа Новгородского в 1096 году.

бездождья святой помолился Богу и низвел дождь с неба; в другой раз он своими молитвами угасил пожар города; много и других чудес он совершил. После доброго управления своей словесной паствой он перешел ко Господу в вечную жизнь в 1108 году, 30 января. Епископом он был тринадцать лет. Погребен он с почетом в приделе великой церкви святых богоотец Иоакима и Анны. Тело блаженного Никиты оставалось сокровенным во гробе в продолжение четырехсот пятидесяти лет, а затем в 1558 году, в царствование благочестивого государя Иоанна Васильевича, самодержца всей России, при митрополите Макарии и при архиепископе Новгородском Феодосии, мощи святителя Никиты были найдены целыми и совершенно невредимыми[1]. До этого дня они источают многие исцеления приходящим к ним с верою. Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веков, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

ВИКТОРИНА, ВИКТОРА, НИКИФОРА, КЛАВДИЯ, ДИОДОРА, СЕРАПИОНА и ПАПИЯ

Все сии святые мученики пострадали за веру Христову в царствование Декия. Викторин, Виктор и Никифор были вложены в каменную ступу и истолчены каменным пестом; Клавдий скончался по отсечении рук и ног; Диодор был сожжен огнем; Серапион усечен в главу; Папий вовержен в море[2].

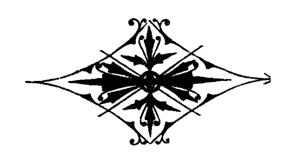

[1] Задолго до открытия мощей святого Никиты, епископа Новгородского, его чтили в лике святых; еще в первой половине XIII века праздновалась память его. В настоящее время нетленные мощи его открыто почивают в Софийском Новгородском соборе.

[2] Святые мученики Викторин, Виктор, Никифор, Клавдий, Диодор, Серапион и Папий пострадали в Коринфе в 251 году.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ ТРИФЕНЫ

Святая мученица Трифена происходила из города Кизика[1]; она была дочерью христиан: Анастасия синклитика[2] и матери Сократии. Святая добровольно предалась на страдание. Всенародно изобличив идольское заблуждение и безумно чтущих идолов, как богов, она убеждала отречься от суетного поклонения и обратиться к истинному Богу. За это правитель города Кесарий повелел ввергнуть их в разожженную печь, но святая мученица вышла оттуда невредимой; потом она повешена была на высоком дереве и низвержена с высоты на острые гвозди, после чего предана на съедение зверям, но они не коснулись ее; наконец, она была растерзана рогами рассвирепевшего вола. Сохранилось известие, что там, где истекала ее кровь, истек источник воды, от которого многие получали помощь и исцеления.

[1] *Кизик* — город Фригии, на западном берегу Малой Азии, на одном из полуостровов Мраморного моря.

[2] *Синклитик* — высший придворный сановник, чин Государственного совета.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

[1] Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.

